

Раусас Джон Рашдуни

**ИНСТИТУТЫ БИБЛЕЙСКИХ
ЗАКОНОВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главы этого исследования читались в течение трех лет перед множеством групп – студентов, гражданских служащих, бизнесменов, домашних хозяек, т.е. перед очень различными личностями. В целом исследование читалось тоже на одном единственном месте в течение трехлетнего курса с дискуссиями и комментариями: в Капелле палм, Вествуд, Лос-Анджелес. Джеймс и Кларенс Пиерс предоставили свои удобства постоянной Халцедонской исследовательской группе и я им очень благодарен за сотрудничество.

Разные люди щедрой рукой подкрепили Халцедонский издательский фонд, тем самым сделав это исследование возможным: Фредерик Врееланд, Кейт Харниш, миссис С. В. Норт Младшая, мой сотрудник Гари Норт и много других. Преданная работа Халцедонской гильдии подкрепила публикацию этого и других Халцедонских исследований.

Указатель – работа Бернарда Ладусера. Печатала на машинке и читала корректуры моя любимая жена Дороти, которая своими рассуждениями и вопросами продвинула далеко вперед это исследование.

Много из идей, разработанных в этом исследовании, дискутировались когда-то с Бэртоном С. Блумертом, который поощрял меня не одним способом. Дейвид Л. Тобурн доставил мне несколько книг, которые были очень полезные. Много других друзей, своим поощрением и своей помощью, сделали мою работу возможной и я очень благодарен каждому и всем .

Раусас Джон Рашдуни

ВВЕДЕНИЕ

Важность закона

Когда Виклифф написал в своей Английской библии, что “Эта Библия – для управления людьми через людей и для людей,” его заявление не привлекло никакого внимания, поскольку он ставил ударение на центральный библейский закон. Что этот закон должен быть Божьим законом, поддерживали все. Отправная точка Виклиффа, отгалкиваясь от общепринятого мнения, была что самые люди не только должны читать и знать этот закон, но они тоже должны в известном смысле управлять им, как и руководиться им. В этом отношении Хеер прав, говоря что “Виклифф и Хюз были первыми, которые показали Европе возможность о союзе между университетом и стремлением людей к спасению. Эта свобода Оксфорда поддерживала Виклиффа.”^[1] Вопрос относился меньше к церкви или государству, чем к управлению через закон–слово Бога.

Брин говорил насчет древнееврейского общественного порядка, что он отличался от всех других в том, что он был, как это верилось, основан на законе Бога и управлялся Божьим законом, который Бог дал специально для управления человеком.^[2] Не меньше чем древний Израиль, христианский мир считал себя царством Божьим, потому что управлялся Божьим законом, как это подчеркивалось в Святом писании. Были ссылки на этот закон, вариации вокруг него и пробелы в преданности к ним, но христианский мир видел себя как новый Израиль Бога и не менее подчиненный Его закону.

Когда Новая Англия стала существовать как закон-порядок и приняла библейский закон, это было как обращение к Святому писанию, так и обращение к европейскому прошлому. Это было новое начало в условиях старых оснований. Это было нелегкое начало, потому что многие служащие, прибывшие с пуританами позже, были в полной степени восставшими против всякой библейской веры и порядка.^[3] Тем не менее это было решительное возвращение к фундаментам христианства. Вот как документы колонии Нью Хейвн показывают, что закон Божий, без никакого намека о нововведений, стал законом колонии:

Второе марта, 1641 года/ 2: И согласно с фундаментальным споразумением, сделанном и опубликованном с полным и общим согласием, когда колония началась и управление установилось, юридический закон Бога, данный через Мойсея и изложенный в другие части Писания, поскольку он ограда и изгородь для морального закона, и ни церемоний, ни типичный, не имеет никакого отношения к Ханаану, содержит в себя вечную справедливость и будет правилом для ихнего судопроизводства.^[4]

3-ье апреля, 1664 года: Приказано было, что юридические законы Бога, данные через Мойсея... будут правилом для всех судов в этой юрисдикции в ихнем судопроизводстве против преступников...^[5]

Томас Шепард написал в 1649 году: “Потому что все законы, были бы они церемониальными или юридическими, можно отнести к Декалогу, как приложения к ним или как его применения и таким образом он содержит все другие законы как их конспект.”^[6]

Поддерживать, что такие мнения просто пуританские заблуждения, а не настоящая библейская практика и один из аспектов существующей жизни в христианском мире, это иллюзия. Современная ересь твердит, что закон Бога не имеет никакого значения, ни никакой обязывающей силы для сегодняшнего человека. Это один из аспектов влияния гуманисткой и эволюционисткой мысли на церковь, и он постулирует какой-то развертывающийся и развивающийся бог. Этот “распределяемый” бог выражал себя в законе в ранние годы, позже выражал себя только милосердием, а теперь может быть выражает себя еще каким-то другим способом. Но это не Бог из Святого писания, чьи милосердие и закон остаются те же самые во все времена, потому что Он как независимый и абсолютный владетель не изменяется, и не нужно Ему изменяться. Сила человека состоит в абсолютности его Бога.

Пытаться изучать Святое писание не изучая его закон – это все равно отрицать его. Пытаться понять западную цивилизацию, оставаясь в стороне от влияния библейского закона в ней и на нее, это все равно искать какую-ту фиктивную историю и отвергать двадцать веков и их прогресс.

Институты библейского закона ставит себе как цель перемену настоящей тенденции. Книга называется “Институты” в более старом значении этого слова, т.е. фундаментальные принципы, здесь закона, потому что она задумана как начало, как учреждающее рассмотрение этого закона, который должен управлять обществом и который будет управлять обществом под Богом.

1. Обоснованность библейского закона

Одна из центральных характеристик церквей и современного проповедования, это антиномия, позиция против закона. Антиномисты считают, что вера освобождает христианина от закона, не то что он вне закона, а скорее всего мертвый для закона. На самом деле в Святом писании нет подтверждений для антиномии. Выражение “умерли для закона” действительно встречается в Библии (Гал. 2:9; Рим. 7:4), но оно относится к верующему в связи с искупительным делом Христа как представитель и заместитель верующих; верующий умер для закона, так как по обвинительному акту и смертному приговору против него, Христос умер за него, но верующий живой для закона как для правды Божьей. Цель искупительного дела Христа была восстановить человека на позицию хранящего завета, вместо нарушающего завета, сделать человека способным соблюдать закон, освобождая его “от закона, греха и смерти” (Рим. 8:2), “чтобы оправдание закона исполнилось в нас” (Рим. 8:4). Человек восстановлен на позицию соблюдающего закона. Таким образом закон занял центральную позицию в обвинении против человека (как смертный приговор против грешного человека), в спасении человека (о чем Христос умер, который, хотя и совершенный соблюдающий закон как новый Адам, умер как заместитель человека), и в оправдании

человека (о чем человек привыкает к милости, как он привыкает к соблюдению закона, потому что закон – это путь к оправданию).

Человек как нарушитель завета состоит в “вражде против Бога” (Рим. 8:7) и подчиняется “закону греха и смерти” (Рим. 8:2), а верующий – под “законом духа жизни во Христе Иисусе” (Рим. 8:2). Закон это один закон – закон Бога. Для человека в камере смертников в тюрьме закон – смерть; для благочестивого человека тот самый закон, который поставил другого в камеру смертников, закон – жизнь, потому что он защищает его и его собственность от преступников. Без закона общество впало бы в анархию и оказалось бы в руках у гангстеров. Настоящее и полное выполнение закона – смерть для убийцы, но жизнь для благочестивого. Другими словами закон своим осуждением врагов Бога – смерть; закон своей постоянной заботой и благословением для подчиняющегося ему – это принцип жизни.

Бог, сотворив человека, приказал ему подчинить землю и владеть ее. Человек, пытаясь установить сепаратное владение и автономную юрисдикцию над землей (Быт. 3:5), впал в грех и смерть. Бог, с целью восстановить царство Божие призвал Авраама, а потом и всего Израиля, быть Его людьми, подчинить землю и владеть ее под Богом. Закон, каким он был дан через Моисея, устанавливал правовую систему благочестивого общества, для настоящего развития человека под Богом и пророки много раз призывали Израиля к этой цели.

Цель пришествия Христа была по смыслу тем же самым актом сотворения. Христос как новый Адам (I Кор. 15:45) соблюдал закон совершенно. Приняв на себя грехи избранных, Христос умер, чтобы искупить их грехи, чтобы восстановит их позицию в праведности под Богом. Спасенные призывались к первоначальной цели человека – владеть под Богом, сохранять завет и выполнить “оправдание закона” (Рим. 8:4). Закон остается центральным для намерения Бога, человек вернулся к первоначальной Божьей цели и призванию. *Оправдание* человека выполнилось по Божьей милости в Иисуса Христа, *очищение* человека от грехов исполниться посредством Божьего закона.

Как новый избранный народ Бога, христианам приказано совершить то, что Адам в рае и Израиль в Ханаане не успели совершить. Один и тот же завет, под разными применениями, все еще преобладает. От человека требуется создать такое общество, какое Бог приказал. Определение человека и истории, это от Бога, но отношение к Божьему закону – для этого мира. “Помышления духовные – жизнь и мир” (Рим. 8:6), но помышляют духовно не означает быть с другого, а применять распоряжения писанного слова, под руководством Святого духа, к этому миру.

Безбожное христианство – противоречие терминов: это антихристианское. Цель милосердия не устранить закон, а выполнять закон и дать возможность человеку соблюдать закон. Если Бог смотрит на закон так серьезно, что потребовал смерть Иисуса Христа, единственного сына своего, чтобы искупить грех человеческий, то выглядит странно, что после этого Бог откажется от закона! Цель закона не беззаконие, ни цель милосердия – беззаконное оскорбление к дающему милость.

Увеличение нарушений закона и порядка надо в первую очередь приписать церквям и их упрямо антиномии. Если церкви небрежные по отношению к закону, не будут ли люди следовать этому примеру? А гражданского закона нельзя отделить от библейского закона, так как библейская доктрина о праве включает все законы: гражданские, церковные, общественные, семейные и все другие формы закона. Общественный порядок, который презирает Божий закон, отправляет самого себя в камеру смертников: он отмечен к осуждению.

2. Закон как откровение и договор

Закон *по происхождению религиозный* во всех культурах. Так как закон управляет человеком и обществом, так как он устанавливает и объявляет смысл правосудия и правды, закон неизбежно религиозный, поэтому он устанавливает практическим способом крайние интересы данной культуры. В соответствии с этим, фундаментальной и необходимой предпосылкой в каждом и всяком исследовании закона должно быть, *первое*, признание этой религиозной природы закона.

Второе, надо признать, что в каждой культуре *источник закона, это бог этого общества*. Если источник закона – человеческий разум, то в таком случае бог этого общества – разум. Если источник какая-нибудь олигархия, или суд, сенат, или правитель, тогда этот источник и есть бог этой системы. Например в греческой культуре закон был главным образом религиозно гуманисткой концепцией.

В контраст с всяким законом, происходящим от откровения, *nomos* для греков происходило из разума (*nous*). Так что подлинное *nomos* не только обязательный закон, но и что-то, в котором определенная сущность, обоснованная сама в себе, раскрывается и присваивается... Это “порядок, который существует (с незапамятных времен), обоснованный и поставленный в действие.”^[7]

Так как для греков разум был что-то существующее вместе с крайним порядком вещей, человеческий разум мог следовательно раскрыть крайний закон (*nomos*) вне его собственных ресурсов, проникая через лабиринт из случайностей и вопросов к фундаментальным идеям существования. В результате греческая культура стала как гуманисткой, потому что человеческий разум был одно с основным принципом, так и неоплатонической, аскетичной, и враждебной материальному миру, потому что *разум*, чтобы быть действительно сам собой, должен отделить себя от не-разума.

Современный гуманизм, религия государства, располагает закон в государство и тем самым делает его, или людей, до того как они выражаются через государство, богом системы. Как Мао Цзе-дун сказал, “Наш Бог не другой, кроме массы китайских людей.”^[8] В западной культуре закон сместился далеко от Бога к людям (или к

государству) как его источник, хотя историческая мощь и жизненность Запада коренятся в библейской вере и законе.

Третье, в каждом обществе каждое изменение закона, это бесспорное и безоговорочное изменение религии. Действительно, ничего не раскрывает яснее религиозные изменения в данном обществе, чем правная революция. Когда основы права сдвигаются от библейского закона к гуманизму, это значит что общество сейчас теряет свою жизненность и мощь по причине гуманизма, а не христианского теизма.

Четвертое, никакое отделение религии как таковой невозможно ни в коем обществе. Церковь может быть отделенной от государства, и одна отдельная религия может быть вытеснена другой, но изменение просто к другой религии. Поскольку основы закона неизбежно религиозные, не существует общество без религиозной основы или без правовой системы, которая кодирует мораль его религии.

Пятое, в данной правовой системе не может быть терпимости к другой религии. Терпимость используется как средство, чтобы ввести новую правовую систему как прелюдия к новой нетерпимости. Правный позитивизм, а это гуманистская вера, дикий в своей ненависти к библейской правовой системе, имеет претензии быть “открытой системой.” Однако Кохан, без никаких сомнений христианин, умело описал логические позитивисты как “нихилисты” и их вера как “нихилистский абсолютизм.”^[9] Каждая правовая система должна поддерживать свое существование через ненависть к каждой другой правовой системе и к чужим религиозным основам, иначе она совершает самоубийство.

Анализируя теперь природу библейского закона важно отметить, *первое*, что для Библии закон – это откровение. Староеврейское слово для закона, это *torah*, которое означает инструкцию, указание власти.^[10] Библейская концепция для закона более широкая, чем правовые коды Моисеевой формулировки. Она применяется к божественному слову и инструкциям в своей полноте:

...более древние пророки тоже используют *torah* для божественного слова, провозглашенное через них (Ис. 8:16; то же 5:20; Ис. 30:9; может быть то же Ис. 1:10). Кроме того, некоторые отрывки более древних пророков используют слово *torah* также для заповедей Яхве, которые были написанные: например Ос. 8:12. Более того, есть ясные примеры не только по ритуальным вопросам, но тоже и по этике.

Отсюда следует что в какой-то степени в этот период *torah* имело значение божественной инструкции, все равно была ли она написана давным давно как закон, и сохранялась и произносилась жрецом, или жрец получал ее в то же время (Плач. 2:9; Иез. 7:26; Мал. 2:4), или Бог давал поручение пророку произнести ее в определенной ситуации (также может быть Ис. 30:9).

Так что же объективно существует в *torah*, это не форма, а божественная власть.^[11]

Закон – это откровение Бога и Его справедливости. В Святом писании нет никаких оснований, чтобы презирать закон. Ни можно отослать *закон* к Ветхому завету, а *милость* к Новому:

О сохраненной веками разнице между ВЗ как книга закона и НЗ как книга божественной милости, нет никаких оснований или подтверждений. Божественная милость и помилование предполагались законом в ВЗ; а милость и любовь Божья показываются в событиях НЗ как вопрос правовых обязанностей Нового соглашения. В добавку, ВЗ содержит доказательства о долгой истории развития права, которых надо оценить, прежде чем понять закон как надо. Полемики Павла против закона у галатов и римлян направлены прямо против такого понимания закона, которое никоим образом нельзя считать характеристиком ВЗ в целом.^[12]

Нет никакого противоречия между законом и милостью. Вопрос в послании Иакова между верой и работой, а не между верой и законом.^[13] Юдаизм сделал *закон посредником* между Богом и человеком, и между Богом и миром. Иисус атаковал этот взгляд на закон, а не самого закона. Так как он сам был посредником, Иисус отбросил эту роль закона с целью восстановить его в определенной ему Богом роли как закон, дорога к святости. Он установил закон, раздавая опрощение как законодатель, при полной поддержке закону как обвинительное слово, которое делает людей грешными.^[14] Закон был отброшен только как посредник и как источник оправдания.^[15] Иисус полностью признавал закон и подчинялся закону. Он отбросил только абсурдную интерпретацию закона. Более того,

Мы не имеем право выводить из учения Иисуса в Евангелиях, что Он делает какую-нибудь формальную разницу между законом Моисея и законом Бога. Так как Его миссия была “не нарушить, но исполнить закон и пророков” (Мат. 5:17), оставаясь так далеко от упоминания чего-то о несогласии с законом Моисея или от поощрения Его учеников принимать поведение независимости в отношении к нему, Он выразительно признавал авторитет Моисеева закона как таков и фарисеев как его официальные толкователи (Мат. 23:1-3).^[16]

После выполнения дела Христа роль фарисеев как интерпретаторы кончилась, но не и власть закона. В новозаветную эру основанием для какого-нибудь изменения закона могло служить только полученное папой откровение. Власть закона оставалась неизменной:

Святому Петру например было необходимо специальное откровение прежде чем войти в дом необрезанного Корнилия и принять обращение первого нееврея в Христе через крещение (Деян. 10:1-48) – шаг, который не пропустил поднять оппозицию со стороны тех, кто “был из обрезанных” (Деян. 11:1-18).^[17]

Вторая характеристика Библейского закона это что он есть договор или соглашение. Клайн указал, что форма, в которой дан закон, язык текста, исторический пролог, требование исключительной обязанности к созерену Богу, произношение проклятий и благословений и много еще, все это указывает факт, что закон это договор, заключенный Богом с Его людьми. Действительно, “откровение, записанное на две таблицы, было скорее всего владетельским договором или соглашением, нежели кодекс законов.”^[18] Полное резюме соглашения, Десять заповедей, было написано на каждую из двух таблицах из камня, по одной таблице или копии договора для каждой страны договора – Бог и Израиль.^[19]

Двух каменных таблиц нельзя следовательно уподоблять плите, содержащей одну из полдюжины или около того известных кодексов законов, более ранние или приблизительно современные Моисею, на которых как будто Бог выгравировал сборник законов. Откровение, которое они содержали, не было ничего меньше чем конспект соглашения, который Яхве, независимый владетель небес и земли, дал своему избранному и избавленному слуге Израилю.

Не закон, а соглашение. Это надо подтвердить, когда мы ищем категорию, достаточно содержательной, чтобы отдать справедливость этому откровению во всей его целостности. В то же самое время, выдающееся положение условия отражается в факте, что “десять слов” только элемент, использованный как *pars pro toto*, отмечает центральное положение закона в этом виде соглашения. Может быть нет более ясного указания, позволяющего библейским теологам дефинировать с библейским ударением вид соглашения, которое Бог принял, чтобы узаконить

свои отношения с Его народом, чем данное в соглашении, которое он дал Израилю выполнять, даже и “десять заповедей.” Такое соглашение является декларацией о Божьем владычестве, посвящающая народа себе в продиктованном владельцем порядке жизни.^[20]

Это последняя фраза нуждается в повторном подчеркивании: соглашение – “продиктованный владельцем порядок жизни.” Бог как независимый Господь и Создатель дает свой закон человеку как акт милосердия владельца. Это акт выбора, выборочной милости (Втор. 7:7; 8:17; 9:4-6 и т.д.).

Бог, кому принадлежит вся земля, будет иметь Израиль “своим уделом из всех народов” (Исх. 19:5). Это только в основе милостивого выбора и руководства Бога, что божественные заповеди к народу уже даны, а значит и Декалог тоже, Исх. XX. 2, поставляет в своей центр деятельности факт выбора.^[21]

В законе указан порядок *тотальной жизни человека*: “нет никакой первычной разницей между *внутренней и внешней жизни*; священное призвание людей должно быть реализованно в обоих.”^[22]

Третья характеристика библейского закона или соглашения, это то, что он продолжает план о владычестве под Богом. Бог призвал Адама владеть по условиям Божьего откровения, Божьего закона (Бытл 1:26; 2:15-17). Этот самый призыв после грехопадения был необходимым божественной линии и он был официально обновлен обращением к Ною (Бытл 9:1-17). Он снова был обновлен с Авраомом, с Яковом, с Израилем в лице Мойсея, с Йосифом, Давидом, Соломоном (чьи притчи вторят закон), с Иезекиилем и Осием, и в конце с Иисусом Христом. Символ Тайной вечери это обновление соглашения: “Ибо сие есть Кровь Моя нового завета” (или соглашения), так что *это таинство само собой восстанавливает закон*, на этот раз с новой избранной группой (Матл 26: 28; Мар. 14:24; Лук. 22:20; I Кор. 11:25). *Люди закона* теперь это люди Христа, верующие, спасенные Его искупительной кровью и призванные Его верховным выбором. Клайн, анализируя Евр. 9:16,17 в связи с применением соглашения, отмечает:

. . . предполагаемая картина представляла бы дети Христа (Евр. 2:13), наследившие Его вселенское владычество как свое вечное приданое (Евр. 9:15, тоже 1:14; 2:5; 6:17; 11:7). И что удивительно со стороны месианского Посредника – Завещателя, это что королевское наследие его сына, которое вступит в силу только через его смерть, все же совместное регентство с живым Завещателем! Потому что (чтобы следовать типологическое направление, данное в Евр. 9:16,17 в согласии с настоящей интерпретацией) Иисус одновременно и умирающий Мойсей, и его наследник Иисус Навин. Не только по представлению, но и действительно королевский Посредник *redivivus*, он обеспечивает божественную династию, наследуя самого себя в силе воскресения и в великолепии вознесения.^[23]

Цель Бога, взыскивая от Адама упражнять владычество над землей остается Его неизменным заветным словом: человек, созданный по подобию Божьему и определенный чтобы покорить землю и упражнять владычество над ней во имя Бога, *призывается к этому заданию и привилегии* через его спасение и новорождение.

Следовательно этот закон предназначен для христианина и для христианского общества. Нет ничего более смертельного и нет большего нарушения долга, чем мнение, что христианин свободен выбирать закон, который он может иметь. Калвин, чей классический гуманизм выиграл огромное влияние по этому вопросу, сказал о государственных законах и о гражданских правителей:

Я отмечу вкратце, между прочим, что его (государства) законы можно благочестиво использовать перед Богом и ими можно праведно управлять людьми. И даже я предпочел бы пройти мимо этого в молчании, если бы я не знал, что по этому вопросу много людей опасно ошибаются. Потому что некоторые отрицают, что государство хорошо устроено, что оно пренебрегает систему управления Мойсея и управляется обычными законами народов. Опасную и бунтарскую природу этого мнения я предоставляю исследовать другим. Для меня достаточно, что я выявил насколько оно ошибочное и глупое.^[24]

Такие идеи, обычные в кругах Калвинистов и лютеран, и виртуально во всех церквях, всего лишь еретическая бессмыслица.^[25] Калвин относился благосклонно к “обычному закону народов.” Однако обычный закон народов в его дни был библейской закон, хотя и сильно денатурированный римским правом. А этот “обычный закон народов все более свидетельствует о новой религии – гуманизм. Калвин хотел установление христианской религии; он не мог бы иметь ее, ни оставаться долго в Женеве, без библейского закона.

Двое реформированных ученых писавши о государстве, заявляют: “Надо быть рабами Божьими, для нашего благополучия. Должно существовать правосудие и оно имеет силу меча.”^[26] Ведь эти люди следуют Калвина, отвергая библейский закон из-за обычного закона народов.” Но может ли государство быть рабом Божьим и обходить закон Божий? И если государство “должно упражнять правосудие, кем дефинируется правосудие – народами или Богом? Существует так много идей о правосудии, сколько и религий.

В таком случае вопрос состоит в том – какой закон нужен государству. Надо ли ему быть *позитивным законом, законом народов, релятивистским законом?* Де Джонгст и ван Кримпен, после призыва о “правосудии” в государстве, заявляют: “Статическое законодательство, имеющее силу во все времена, невозможно.”^[27] В самом деле! Что вы скажете тогда о заповедях, библейском законодательстве, если вам угодно: “Не убивай!” и “Не кради!”? Не кажется ли вам, что они имеют силу во все времена и при любом гражданском порядке? Оставляя библейский закон, эти протестантские теологи впадают в моральный и правовой релятивизм.

Римские католические ученые предлагают *естественный закон*. Корень этой концепции лежит в римском праве и религии. Для Библии нет закона в природе, потому что природа упавшая и не может быть нормативом. Более того, источник закона не природа, а Бог. Нет закона *в природе*, а есть закон *над природой*, Божий закон.^[28]

Ни позитивный закон, ни естественный закон, могут отразить лучше грех и вероотступничество человека: *открытый закон* – это необходимость и привилегия христианского общества. Он – единственное средство, через которое человек может исполнить поручение своего сотворения: упражнять владычество под Богом. В сторону от открытого закона человек не может претендовать быть под Богом, а только в бунте против Бога.

3. Направление закона

Чтобы понять библейский закон, необходимо понять тоже известные основные характеристики закона. *Первое*, некоторые широкие предпосылки и принципы объявляются. Они – декларации основного закона. Десять заповедей дают нам такие декларации. Следовательно Десять заповедей – это не законы среди законов, а основные законы, для которых различные законы только специфические примеры. Такой пример основного закона это Исх. 20:15 (Втор. 5:19): “Не кради”.

Анализируя эту заповедь, “Не кради,” важно отметить: а) что это позитивное установление частной собственности, даже если негативно она наказывает преступления против собственности. Таким образом заповеди устанавливают и защищают основные области жизни. Однако в), и даже более важное, это установление собственности вытекает не от государства или человека, а от верховного и всемогущего Бога. Все заповеди происходят от Бога, который как верховный владетель выдает законы, чтобы управляет Своим царством. Дальше следует с), так как Бог издает закон, значит всякое нарушение закона это преступление против Бога. Неважно имеет ли закон какое-нибудь отношение к собственности, личности, семье, труду, капиталу, церкви, государство или к чему-то другому, его первый критерий это Бог. По существу нарушение закона всецело против Бога, так как всякая вещь и всякая личность – Его творение. Однако Давид заявил в связи со своими поступками, совершив супружескую измену и убийство: “Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое перед очами твоими сделал” (Пс. 50:6). Из этого следует d) что беззаконие тоже грех, т.е. что каждый гражданский, семейный, церковный или другой общественный акт неподчинения, тоже религиозное преступление, если только это не требуется более высшим подчинением Богу.

Зная, что закон, *первое*, устанавливает широкие и основные принципы, пусть исследуем *вторую* характеристику библейского закона, а именно что главной частью закона являются прецеденты, т.е. иллюстрация основных принципов в смысле специфических случаев. Эти специфические случаи часто иллюстрируют протяженность применения закона; это значит что цитируя минимальное число типичных случаев, выявляются необходимые компетенции закона. Чтобы предупредить нас против извинений, что мы будто не успели понять и использовать эту концепцию, Библия дает нам свою собственную интерпретацию такого закона, а иллюстрация, данная Святым Павлом, выясняет поддержку закона Новым заветом. Мы перечислили таким образом: первое, основной принцип; второе, практика прецедентов и третье, декларация Павла о приложении закона:

1. Не кради (Исх. 20:15). Основной закон, декларация принципа.
2. Не заграждай рта вола, когда он молотит (Втор. 25:4). Иллюстрация основного закона, практика прецедентов.

3. Ибо в Мойсеевом законе написано: “не заграждай рта у вола молотящего.” О волах ли нечется Бог? Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое . . . Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования (I Кор. 9:9, 10, 14; целый отрывок 9:1-14 – интерпретация закона).

Ибо Писание говорит: “не заграждай рта у вола молотящего; и “трудящийся достоин награды своей” (I Тимл 5:18, Ср. 5:17; иллюстрация должна подкрепить требование о “почести” или “двойной почести” к презвитерам или к старейшинам, т.е. к пастором церкви). Эти два отрывка иллюстрируют требование “Не кради” в смысле специфической практики прецедентов, раскрывая протяженность этого случая в его причастности. В своем послании к Тимофею Павел ссылается тоже на закон, который на самом деле заявляет, используя прецедент “трудящийся достоин награды своей.” Это перекликается с Лев. 19:13, “Не обижай ближнего своего, и не грабительствуй: плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра,” и Втор. 24:14, “Не обижай наемника, бедного и нищего, из братьев твоих или из пришельцев твоих, которые в земле твоей, в жилищах твоих” (cf. v. 15). Это цитировалось Иисусом, Лука 10:7, “трудящийся достоин награды за труды свои”.

Если грех выманивать у вола его средства к существованию, тогда тоже грех выманивать у человека его зарплату: это кража в обоих случаях. Если Бог классифицирует как кражу проступок против животного, то что остается насчет такого же проступка против Божьего апостола и слуги? Подразумевается, что куда смертельнее красть у Бога. Малахия выясняет это очень хорошо:

Можно ли человеку обкрадывать Бога? А вы обкрадываете Меня. Скажете: “чем обкрадываем мы Тебя?” десятиною и прошениями. Проклятием вы прокляты, потому что вы – вес народ – обкрадываете Меня. Принесите все десятины в дом хранилища, чтобы в доме Моем была пища, и хотя в этом испытайте Меня, говорит Господь Саваоф: не открою ли Я для вас отверстий небесных и не изолью ли на вас благословения до избытка? Я для вас запрещу пожирающим истреблять у вас плоды земные, и виноградная лоза на поле у вас не лишится плодов своих, говорит Господь Саваоф. И блаженными называть будут вас все народы, потому что вы будете землю воделенную, говорит Господь Саваоф (Мал. 3:8-12).

Этот пример из практики прецедентов иллюстрирует не только *значение* прецедентов в Святом писании, но также и их *необходимость*. Без судебной практики прецедентов Божий закон скоро был бы сведен до крайне ограниченную область значений. Что, конечно, точно так и вышло на самом деле! Те, которые отрицают настоящую силу закона, стоя в сторону от Десяти заповедей, получили как следствие этого очень ограниченную дефиницию кражи. Их дефиниция обычно следует гражданский закон их страны, она гуманистская и не отличается радикально от дефиниций, которые дают мусульмане, будисты и гуманисты. Но анализируя дальше иллюстрации судебной практики прецедентов заповеди “Не кради”, мы увидим как далеко достигает ее значение.

Закон, следовательно, *первое*, утверждает принципы, *второе*, он цитирует случаи, чтобы показать причастность этих принципов, и *третье*, цель и направление закона, это *восстановление Божьего порядка*.

Этот *третий* аспект – основной для библейского закона и еще раз иллюстрирует разницу между библейским законом и гуманистским законом. По мнению одного ученого “Правосудие в своем настоящем и собственном смысле – это *принцип координации между субъективными существами.*”^[29] Такая концепция о правосудии не только гуманистская, но также и субъективная. Наместо основной *объективной порядок* правосудия, есть только эмоциональное состояние, называемое правосудием.

В гуманистской правовой системе возмещение возможно и часто существует, однако опять это не восстановление Божьего фундаментального порядка, а восстановление человеческого условия. Возмещение таким образом будет полностью для человека.^[30] Библейский закон взыскивает возмещение пострадавшему, но еще более основном является требование о восстановлении Божьего порядка. В смысле такого восстановления действующие факторы не только суды по закону. Для библейского закона возмещение – это действительно а) чтобы суды взыскивали от всех нарушителей, но даже больше, в) это цель и направление закона в целом, восстановление Божьего порядка, славного и хорошего творения, которое обслуживает и прославляет своего Создателя. Более того, с) Божий верховный суд и закон действуют в направлении восстановления во все времена, чтобы проклинать неповиновение и тем самым воспрепятствовать его предизвикательству к Божьему порядку и попытке разрушить этот порядок, а благословлять и обеспечить преуспевание покорному восстановлению Божьего порядка. Декларация Малахия относительно десятин, вернемся к нашей иллюстрации, предполагает это и действительно высказывает его, не оставляя сомнений: “Проклятем вы прокляты,” потому что ограбили Бога Его десятинами. Следовательно их поля не плодородные, так как они работают против восстановительных намерений Бога. Послушание Божьему закону о десятинах, почитать вместо грабить Бога, затопит Его народ благословлениями. Слово “затопит” здесь к месту: выражение “... и окна небесные отворились” напоминает о Потопе, который был центральным примером проклятия. Однако цель проклятий тоже восстановление: проклятие препятствует безбожным опрокинуть Божий порядок. Злые помыслы людей из поколения Ноя, которые устраивали заговор против Божьего порядка (Быт. 7:11), были уничтожены с целью учредить процесс восстановления через Ноя.

Но вернемся к нашей первоначальной иллюстрации библейского закона “Не кради.” Новый завет иллюстрирует возмещение после вымогательства в форме несправедливой пошлины, в лице Закхея (Лук. 19:2-9), который был объявлен святым человеком, после того как он сказал, что намерен отдать полное возмещение. Возмещение ясно имелось ввиду в Нагорной проповеди (Мат. 5:23-26). Как говорит один ученый:

В Еф. 4:28 Святой Павел показывает как принцип возмещения надо расширить. Тот, кто был вором должен не только отказаться от кражи, но должен работать своими руками, чтобы мог возместить то, что он грешным образом стащил, однако если невозможно найти того, кому он причинил вред, возмещение надо дать бедному.^[31]

Этот факт возмещения или восстановления сказан, в зависимости от его отношения к Богу, тремя способами. *Первое*, есть возмещение или восстановление верховного Божьего закона–слова объявлением. Святой Иоанн Креститель своей проповедью восстановил закон-слово в жизнь Божьего народа. Иисус тоже объявляет это: “правда, Илия должен прийти прежде и устроит все. Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его” (Мат. 17:11,12). Потом есть, *второе*, восстановление, которое приходит через подчинение всех вещей Христу и установление благочестивого порядка в мире (Мат. 28:18-20; II Кор. 10:5; Отк. 11:15 и т.д.). *Третье*, с вторым пришествием есть тотальное, окончательное восстановление, которые приходит с вторым пришествием и к которому движется история; второе пришествие – это тотальное и кульминационное действие, а не исключительный акт “времен совершения” (Деян. 3:21).

Божие соглашение с Адамом взыскивало с него упражнять владычество над землей, и покорить ее (Быт. 1:26) под Богом и в согласии с Божьим законом-словом. Это взаимоотношение человека с Богом и было заветом (Ос. 6:7).

Но все в Святом писании исходит от истины, что человек всегда стоит в заветных отношениях с Богом. Все Божие дела с Адамом в рае предполагают это отношение: потому что Бог разговаривает с Адамом раскрывает Себя перед ним, и Адам знает Бога с начала дней. Кроме того, спасение всегда представлялось как установление и осуществление Божьего завета...этого заветного отношения нельзя представлять как что-то случайное, как способ для достижения цели, как отношение, установленное путем договаривания, а как фундаментальное взаимоотношение, в котором Адам стоял перед Богом по силе своего сотворения.^[32]

Восстановлением этой заветной взаимосвязи было дело Христа, Его благосклонность к Его избранному народу. Выполнение этого завета – это их великое поручение: подчинить все вещи и все народы Христу и Его законе-слове.

Полномочие сотворения было именно требование, чтобы человек покорил землю и упражнял владычества над ней. Нет ни одного слова в Святом писании, которое показывало бы или подразумевало бы, что это поручение когда-то отменялось. Многие слова Святого писания декларируют, что это полномочие надо выполнить и что оно выполнится, “и не может нарушиться Писание,” по словам Иисуса (Йоан. 10:35). Те, которые пытаются нарушить его, *самы будут разбитые.*

I ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ

1. Первая заповедь и *Shema* Израиля

Пролог к Десяти Заповедей вводит не только закон в целом, но и прямо ведет к первой заповеди.

И изрек Бог все слова сии, говоря: Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим (Исх. 20:1-3).

В этой декларации Бог идентифицирует Себя, *первое*, как Господь, самостоятельно существующий и абсолютный Единственный. *Второе*, Он напоминает Израилю, что Он их Спаситель, и что их взаимоотношения с Ним основываются следовательно на благосклонности. Бог выбрал Израиля, а не Израиль Бога. *Третье*, закон дается народу из милости. Все люди уже осужденными, упавшими и пропавшими; все люди под гневом закона, факт, который трясущаяся гора и наказание смертью за неосвященный подход к ней, подтверждают (Исх. 19:16-25). Закон дается народу, спасенному из милости, так как их путь из милости, чтобы подтвердить привилегию и благословение завета. *Четвертое*, из этого следует, что первый ответ за милость, как и первый принцип закона, это “Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.”

Анализируя эту заповедь, мы должны изучить то, что подразумевается о нем, цитированное Мойсеем:

Вот заповеди, постановления и законы, которым повелел Господь, Бог ваш, научит вас, чтобы вы поступали так в той земле, в которую вы идете, чтоб овладеть ею; Дабы ты боялся Господа, Бога твоего, и все постановления Его и заповеди Его, которые заповедую тебе, соблюдал ты, и сыны твои, и сыны сынов твоих во все дни жизни твоей, дабы продлились дни твои. Итак слушай, Израиль, и старайся исполнить это, чтобы тебе хорошо было, и чтобы вы весьма размножились, как Господь, Бог отцов твоих, говорил тебе, что Он дает тебе землю, где течет молоко и мед (Втор. 6:1-3).

Первое, причина, чтобы дать им эти заповеди, это внушить страх от Бога, а этот страх мог бы привести к послушанию. Так как Бог, это Бог, абсолютный владетель и законодатель, то страх от Бога, это сущность психического здоровья и здравого смысла. Отклоняться от страха от Бога значит, что нехватает никакого чувства о реальности. *Второе*, “Если поддерживать страх от Бога, это принесет процветание и увеличение нации, обещанные отцам. . . Увеличение нации было обещано патриархам с самого начала (Быт. 12:1; . . . ср. Лев. 26:9).”^[1] Следовательно, необходимо поддерживать страх от Бога от поколения в поколение.

В отрывке Втор. 6:4-9 мы приходим к центральной и основной декларации о первом принципе закона:

Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть. И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая. И навязи их в знак на руку твою и да будут они повязною над глазами твоими. И напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих.

Первые два стиха (6:4,5) – это *Shema* Израиля, которая читалась как утренняя и вечерняя молитва Израиля и “равины считают, что она содержит принципы Декалога.”^[2] Вторая часть этой *Shema*, стих 5, перекликается с Втор. 10:12, 13:

И так, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его, и служил Господу, Богу твоему, от всего сердца твоего и от всей души твоей, Чтобы соблюдал заповеди Господа и постановления Его, которые сегодня заповедую тебе, дабы тебе было хорошо.^[3]

Второзаконие 6:5 цитируется Христом как “первая и наибольшая заповедь” (Мат. 22:38; Мар. 12:30, Лук. 10:27), т.е. как существенный и основной принцип закона. Предпосылкой этой заповеди является однако Второзаконие 6:4: “Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь один есть.” Христианское подтверждение этого – декларация “Мы служим одному Богу в Троице и Троице в Единного.” Вера в единстве Божественной сущности противопоставляется верованию в “богов много и владетелей много.”^[4]

Из этого факта вытекают тотальные последствия: он означает *один Бог, один закон*. Предпосылка политеизма состоит в том, что мы живем в множественном мире, не в единной вселенной; что существуют различные правовые порядки и отсюда различные владетели, и что следовательно человек не может подчиниться единственному закону, *исключая* случай империализма. Современный правовой позитивизм отрицает существование всякого абсолюта; из-за своего релятивизма он враждебен концепции о единной вселенной и для единства закона. Вместо этого существуют человеческие общества, каждое со своим порядком позитивного закона и у каждого правового порядка нет абсолютного или универсального действия. Закон будистских государств принимается действительным для будистских народов, закон ислама для мусульманских государств, закон прагматизма для гуманистских государств, и законы Святого писания для христианских государств; однако поддерживается, что никто из них не имеет право претендовать, что его закон представляет истину в каком-нибудь абсолютном смысле. Это конечно воюет против библейской декларации, что Божий порядок абсолютный и абсолютно обязательный для людей и народов.

Даже больше, из-за того, что абсолютный закон отрицается, это значит что единственный возможный закон это империалистский закон, введенный силой и действительный только по силе этого принудительного наложения. Каждый единственный мировой порядок по необходимости империалистский, что непосредственно вытекает из этой предпосылки. Отрицая абсолютный закон, невозможно призывать людей вернуться к настоящему порядку, откуда человек выпал. Релятивистский, прагматический закон не создает предпосылки для миссионерской деятельности: “истину,” которую он объявляет, действительная не больше “истины,” поддерживаемой народом, который он пытается объединить в себе. Если кто-то твердит “Мы живем лучше, чем он,” этого нельзя доказать другим образом, а можно только сказать “Это так, потому что я говорю, что это так,” на которые спорящий может ответить “Мы живем лучше, чем многие.” При прагматичном законе поддерживается, что у каждого человека своя

правовая система, потому что нет всеохватывающего абсолютного закона-порядка. А это означает анархию. Таким образом, пока прагматизм или релятивизм (или экзистенциализм, позитивизм, или всякая другая форма этой веры) отстаивает абсолютный иммунитет индивида определенно и безотговорочно, на самом деле его единственный аргумент это насилие над индивидом, потому что нет другого моста от человека к человеку. Можно говорить о любви, но нет никакого основания называть любовь более действительной, чем ненависть. И право же, маркиз де Сад логически не видел в убийстве никакого преступления; на номиналистской, релятивистской основе, чего плохого могло бы быть в убийстве?^[5] Если нет абсолютного закона, тогда каждый человек сам себе закон. Как написано в Книге судей, “В те дни не было царя у Израиля (т.е. народ отверг Бога как царя); каждый делал то, что ему казалось справедливым” (Суд. 21:25; ср. 17:6; 18:1; 19:1). Закон запрещает человеку самоуправство: “Там вы не должны делать всего, как мы теперь здесь делаем, каждый, что ему кажется правильным (Втор. 12:8), и это относится как к богослужению, так и к моральным нормам. Первый принцип этой Shema Израиля, это *один Бог, один закон*. Это декларация одного абсолютного морального порядка, с которым человек должен считаться. Если Израиль не может принять другой бог и другой правовой порядок, он не может признать никакую другую религию и правовой порядок как действительные ни для себя, ни для кого-нибудь другого. *Так как Бог один, истина одна*. Другие люди погибли в своем пути, если только не свернут и не обратятся. Основное принуждение остается Богу.

Так как Бог один и истина одна, единственный закон имеет свою внутреннюю согласованность. Единство Божественного начала проявляется в единстве и согласованности закона. Вместо того, чтобы быть составленным из слоев различного происхождения и полезности, закон Бога по существу одно слово, унифицированное целое.

Современные политические порядки – политеистичные имперские государства, но и церкви ненамного лучше. Поддерживать, как это делают церкви, Римская католическая, Греческая православная, Лютеранская, Калвинистская, и виртуально все другие, что закон был хорош для Израиля, но что христиане и церковь состоят под благосклонностью и без закона, или под каким-то более высоким, более новым законом, это чистой воды политеизм. Йоахимистская ересь глубоко заразила церковь. По этой ереси первая эпоха человека, это эпоха Отца, эпоха справедливости и закона. Вторая эпоха была эпоха Сына, христианства, церкви и милости. Третья эпоха, это эпоха Духа, когда люди становятся богами и у них свой собственный закон.

Диспенсационализм тоже или эволюционный, или политеистский, или и то и другое вместе. Бог изменяет или переделывает свои способы действия с человеком, так что закон дается в одну эпоху, а не в другую. Одна эпоха видит спасение через дела; другая по благосклонности и т.д. Однако Святое писание дает нам обратное утверждение: “Я – Господь, Я не изменяюсь” (Мал. 3:6). Пытаться противопоставить закон против благосклонности, это политеистское или в крайнем случае манихейское: оно принимает два крайних способа и две силы в противоборстве друг с другом. Однако слово Бога, это одно слово, и закон Бога это один закон, потому что Бог один. Слово Бога, это закон-слово, и оно тоже милость-слово: разница в людях, посредством Божьего выбора, а не в Боге. Слово благословляет и оно проклинает в зависимости от нашего ответа ему. Молиться о милости, это все равно молиться о суждении, и это подтверждает действительность закона и справедливость закона. Вся доктрина искупления Христа придерживается единства закона, суждения и милости.

Всякая форма антиномии содержит в себя элементы политеизма. Об антиномистов Фейбейрн писал:

Некоторые так величают милость с целью успокоить свою совесть относительно претензиях о святости, и отстаивают перед собой свободу грешить, как будто милость может изобиловать – или даже хуже, отрицают что сделанное или может иметь характер греха, потому что они освобождены от взысканий закона через милость и таким образом не могут грешить. Это антиномисты явные, у которых нет даже отдельные тексты из библии, а весь ее общий смысл и дух против них. Однако другие, и это единственные представители идеи, у которой, можно сказать, в настоящее время выдающееся существование, они защищают святость по примеру и учению Христа. Они готовы сказать: “Соответствие с Божественной волей и подчинение заповедям, это как радость и долг для обновленного сознания. Некоторые боятся слова “подчинение,” будто оно ослабило бы любовь и идею о новом сотворении. Святое писание не боится. Подчинение и соблюдение заповедей того, кого мы любим, это доказательство об этой любви и восторг от нового создания. Если я сделал добро и не сделал его из послушания, значит я не совершил ничего доброго, потому что моя настоящая связь с Богом и сердечное отношение к Богу были бы пропущенные. Это любовь, которая соблюдает Его заповеди (Дарби, “О законе,” стр. 3,4). Как нельзя лучше; но в таком случае эти заповеди не обосновывают откровение закона, точно так сказано. Закон, говорят, имеет специфический характер и цель, от которых его невозможно отделить и которые делают его во все времена слугой зла. “Принцип работы с людьми по необходимости уничтожает и осуждает их. Этим способом (продолжает писатель) Дух Божий использует закон в контраст с Христом и никогда в христианском учении не ставит людей под ним. Ни Святое писание когда-то думало сказать ‘Вы не под законом одним способом, но вы под ним другим способом; вы не существуете для оправдания, но вы существуете для правила жизни.’ Оно объявляет: ‘Вы не под законом, а под милости; а если вы под законом, то вы осуждены и под проклятием. Что это за обязанность, которая не обязывает человека – от которой он освобожден?’ (опять там, стр. 4). Это описание антиномистское, поскольку находить разницу между учениям или заповедям Христа и заповедям закона, поддерживать, что кто-то должен быть обязанным с совестью христиан, а другой нет, это полный и пристрастный антиномизм; оно между прочим не отличается существенно и от неономизма, так как закон отвергается только из за его связи с более ранней религиозной системы, хотя и принимается как охватывающий принципы христианской морали и связывается с жизнью и с силой Духа Христа.^[6]

Одна “евангелистская” ассоциация, склонная к работе в университетских и школьных дворах и городках, учит что “закон дан сатаной.” (Это сообщила дочь того же писателя, попавшая на курс, который вел в университетском городке лидер этого движения.) Такую позицию можно описать только как богохульство.

Один пример этого антиномизма некоторых неофициальных лютеранских кругов взят из учебника для воскресной школы. Ветхий завет третируется, впрочем как и Новый, как книга, которую надо раскапывать и обыскивать в поисках “истин,” так что исследования в разных книгах должны иметь предисловия с короткими изложениями под таких заголовках как “Истины, которые вы найдете в книге Аввакума” или “Истины, которые вы найдете в книге Матфея,” и т.д. Надо ли считать, что все остальное в каждой книге ложь? В “Введении к Новому завету” мы говорили: “Новый завет это представление жизни под милостью, как она отличается от жизни под законом.”^[7] Однако Ветхий завет тоже представляет жизнь под милостью, и оба завета, Ветхий и Новый,

показывают жизнь под милостью и жизнь под законом, но *никогда* как беззаконие. *Альтернатива закона, это не милость, а беззаконие.* Милость и выбор идут вместе с законом и под законом; жизнь негодяев противозаконная и антимиловитая. Разве цель священников превратить церкви в школы по противозаконию?

Все это иллюстрирует *второй* принцип *Shema* Израиля: один абсолютный, неизменяющийся Бог значит *один абсолютный, неизменяющийся закон.* Человеческое применение закона в обществе и степень приближения к Божьей правды могут изменяться, варировать и колебаться, но абсолютный закон не может. Говорить, что закон “для Израиля,” но не для христиан, это значит оставить не только закон, но также оставить и Бога этого закона. Так как есть только один настоящий Бог, и Его закон выражает Его неизменную природу и праведность, тогда оставить библейский закон из-за другой правовой системы, это все равно поменяться богами. Моральное разрушение христианского мира продукт этого текущего процесса смены богов.

Бартианизм, отстаивая “свободу” Бога изменяться (подразумевая развитие несовершенного Бога), отстаивает политеизм. Политеизм отстаивает много богов и много путей к спасению. Не удивительно, что Карл Барт почти полностью универсалист. Для Барта все люди могут быть или будут спасенными, потому что нет одного абсолютного, неизменного закона, который судил бы всех людей. В этой точки зрения политеистского мира все люди могут найти один или несколько путей к спасению, правда если только нуждаются в спасении. Для Барта выглядеть более реалистичным рассматривать спасение как самоосознание; это знание о выборе, осознание что все люди избранные в Христе, т.е. свободные от одного абсолютного Бога и от абсолютного декрета и закона.

Третий принцип *Shema* Израиля, это что один Бог, один закон, требует *одно тотальное, неизменное и беспрекословное подчинение:* “И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими” (Втор. 6:5). Талмуд переводит “силы” как “деньги.”^[8] Это значит, что человек должен подчиняться Богу тотально, при всяких и любых условиях, всем своим существом. Так как человек всецело творение Бога и так как ни одной фибры его существа, которая не сделана руками Бога, и следовательно все подчиняется тотальному Божьему закону, нет ни одной области человеческой жизни и существования, о которых могли быть оговорки перед Богом и Его законом. Следовательно, как объявляет Второзаконие 6:6, “И да будут слова сии, которые Я заповедаю тебе сегодня, в сердце твоём.” Комментарий Лютера относительно этого стиха интересен тем, что содержит семена антиномизма, которые позже пустили так глубокие корни в лютеранстве:

Он (Моисей) хочет от тебя знать, что Первая заповедь мера и вежа для всех других, перед которой они должны уступить и подчиняться ей.. Следовательно, ради веры и из милосердия, ты можешь убивать, нарушая Пятую заповедь, точно так, как Аврам убил царей (Быт. 14:15) и как царь Ахав согрешил, потому что не убил царя Сирии (III Цар. 20:34). Такое же дело и с кражей, засады и обмана против врагов Бога; ты можешь взять добычу, имущество, жен, дочерей, сыновей и рабов врагов. И еще ты должен возненавидеть отца своего и матери, чтобы мог любить Господа (Лук. 14:26). Короче, когда что-то будет против веры и любви, тогда ты должен не знать, что нечто другое заповедано Богом или человеком. Потому что в постановлении сказано: “И да будут слова сии... в сердце твоём”; они должны управлять там. Дальше, кроме если они тоже в сердце, наверное никто не поймет или последует эту *epieikeia*, или даже не сможет применить законов успешно, безопасно или законно. Поэтому Павел говорит также в I Тим. 1:9, “что закон положен не для праведника,” из соображения что выполнение закона есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры (I Тим. 1:5), который использует закон законно, когда нет никаких законов и когда имеются все законы – никаких законов, потому что никакой из них не обвязывает, если не служит вере и любви; и все законы, потому что все обвязывают, если служат вере и любви.

Поэтому вот мысль Моисея здесь: Если ты хочешь понять Первую заповедь правильно и действительно не иметь других богов, поступай так, чтоб ты верил и любил одного Бога, отречись от себя, получай все из милости и делай все с благодарностью.^[9]

Путаница этого выступления может причинить только путаницу.

Четвертый принцип, который вытекает из *Shema* Израиля, высказан в Второзаконии 6:7-9, 20-25: обучение закону основное для богослужения, и неотделимое от них. Закон требует обучение по условиям закона. Таким образом все другое, кроме обучения, основанного на библии, будет вероотступничеством для верующего: это значит иметь другого бога и кланяться перед ним, чтобы научиться от него. Невозможно иметь настоящее богослужение без настоящего обучения, потому что закон предписывает это, а он абсолютный, и никакой человек не может подойти к Богу, презирая Его предписание.

Из Второзакония 6:7 Израиль извлек использование теофилина, части закона завязанные на голове или на руке молящегося. В 6:8,9 отмечено:

Так как эти слова фигуральные, и означают неуклонное соблюдение божественных заповедей, так тоже и заповедь, которая следует, а именно писать слова на дверных рамках дома и тоже на воротах, надо понимать духовно; а буквальное выполнение такой заповеди может быть только похвальным обычаем или старанием угодить Богу, обращаясь к такому средству содержания Божьих заповедей постоянно перед глазами. Указание само собой однако предполагает наличие такого обычая, который не только встречается в магометанских странах Востока в наши дни, но был тоже распространенным обычаем в древнем Египте.^[10]

То, что требуется, разумеется, это чтоб разум и действие, семья и дом, взгляды человека и работа человека, все рассматривалось с точки зрения Божьего закона-слова.

Но это не все. Буквальное исполнение заповеди, касающей повязках на голове и дверных рамках (Втор. 6:8,9) ясно взыскивалось, как видно из Числа 15:37-41 (ср. Втор. 11:18-20). Требуемую синюю нитку нельзя одухотворять. Бог взыскивает чтобы Ему служили согласно с Его собственным словом. Приведенный здесь комментарий Калвина относительно Чис. 15:39, попадает в точку:

И прежде всего, сопоставляя “сердца и очей” человеческих Своим законом, он показывает, что Его народ будет довольствоваться тем единственным правилом, которое Он предписал, без примеси никаких их собственных воображений; и опять, Он осуждает суетность всего, чего бы люди не придумали о себе, и как бы не нравилась Ему какая-нибудь человеческая затея, он все таки отвергает и проклинает ее. И это еще более ясно выражается в последнем слове, когда Он говорит, что люди идут к “блудодействию,” если они руководятся своими собственными советами. Эта декларация достойна нашего специального рассмотрения, потому что пока они очень довольные собой, те которые служат Богу согласно их собственной воли, и пока они считают, что их усердие очень хорошо и очень правильно, на самом деле они загрязняют себе духовной изменой. Потому что то, которое мир считает святой набожностью, Бог своими устами объявил как идолопоклонничество. Словом “очей” Он бесспорно имеет ввиду умение человека различать.^[11]

К сожалению Калвин портит все это, называя его “нуждой в этих сырых рудиментах.”^[12] Наш Господь выполнил этот закон и женщина прикоснулась к кайме или к рубцу Его одежды, чтобы исцелилась (Мат. 9:20). Иисус критиковал фарисеев за то, что “увеличивают воскрилия одежд своих” (Мат. 23:5), чтобы хвастаться своей показно большей лояльностью к закону. Заповедь повторяется во Втор. 22:12, чтобы стала ясной ее важность.

Люди напрягаются различными и странными способами, чтобы привести себя в соответствие с миром и его стилями. Что это такое трудное или “сырое” относительно некоторого соответствия с Божьим законом или с какой-то модой, которую Он определяет? Нет ничего трудного или странного относительно этого закона, ни что-нибудь абсурдного или невозможного.

Он не соблюдается христианами, потому что он был, как обрезание, суббота и другие аспекты Моисеевой формы соглашения, вытесненным новыми символами соглашения, обновленные Христом. Закон завета остается, ритуалы и символы завета изменились. Однако формы заветных символов не менее почетные, глубокие и красивые в Моисеевой форме, чем в христианской форме. Изменение не представляет эволюционное продвижение вперед или взаимосвязь на более высоком или более низком уровне. Соглашение было выполнено в Иисусе Христе, но Бог не обращается с Моисеем, Давидом, Исаией, Иезекиилем или с кем-нибудь из заветных людей Своего Ветхого завета как с нисшим в Его взгляде или с более ребяческим по способностям, и отсюда в “нужды в сырых рудиментов”. В каждую эпоху завет всесвятый и мудрый; в каждую эпоху люди завета остаются в условиях милости не из-за “более высокой” личной способности или зрелости.

Богослужение на незнакомом языке (I Кор. 14) нарушение этой заповеди, как и богослужение, в котором отсутствует верное прокламирование Божьего слова или такое без обучения людей в завете в смысле заветного закона-слова.

Пятый принцип, который тоже объявляется в том самом отрывке Втор. 6:20-25, это что в указанном необходимом обучении надо подчеркивать, что *ответ на милость это соблюдение закона*. Надо учить детей, что значение закона состоит в том, что Бог освободил Израиля из рабства, и что он “может сохранить нашу жизнь,” “заповедал нам исполнять все постановления сии, чтобы мы боялись Господа, Бога нашего, дабы хорошо было нам во все дни” (6:24). Нет никакого потверждения об оставлении этого ни в Ветхом, ни в Новом завете. Когда церкви Ветхого или Нового завета давали неправильное толкование закону, это ложное толкование атаковалось пророками и апостолами, но никогда не был атакованный сам закон Божий. Так как Бог один, Его милость и закон единные в своих целях и направлениях. Этот отрывок детально выясняет приоритет Божьей выборочной милости в призвании и спасении Его избранного народа. Отношение к Израилю было отношение милости, и закон был дан с целью обеспечить Божьего народа с необходимым и требуемым ответом на милость и на манифестации милости: соблюдение закона.

Во Второзаконии 6:10-15 выявляется другой центральный пункт в отношении к тому, что подразумевается в *Shema* Израиля:

Когда введет тебя Господь, Бог твой в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил, и с домами наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезьями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал, и будешь есть и насыщаться: Тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа, который вывел тебе из земли Египетской, из дома рабства. Господа, Бога твоего, бойся и Ему одному служи, и Его именем клянись. Не последуйте иным богам, богам тех народов, которые будут вокруг-вас; Ибо Господь, Бог твой, который среди тебя, есть Бог ревнитель; чтобы не воспламенился гнев Господа, Бога твоего, на тебя, и не истребил Он тебя с лица земли.^[13]

Таким образом, *шестой* принцип это *ревность Бога*. Это факт кардинального значения. Избранный народ предупреждается, когда они будут владеть и притяжать богатую землю, которую они не разработали, как бы не забыли Бога, который освободил их и помог им преуспеть. Глядя на богатство, которое идет от враждебной Богу культуры, заветный народ Бога может соблазниться искать другие средства к успеху и процветанию, чем Господь. Соблазн будет “последовать иным богам, богам тех народов, которые будут вокруг.” Это значит поверить, что есть другой правовой порядок, чем Божий порядок; забыть что успех и уничтожение Ханаанитов тоже работа Бога. Это провокация для Божьего гнева и ревности. Факт, что ревность связывается много раз с законом и Бог заклился ею давая закон, имеет кардинальную важность для понимания закона. Закон Бога не слепая, безличная и механически действующая сила. Он ни *Карма*, ни судьба. Закон Божий это закон абсолютного и тотально личного Создателя, чей закон действует в контексте Его любви и ненависти, Его благосклонности к Его народу и Его гнева против Его врагов. Электрический ток безличный: он течет в своей специфической энергии, когда условия для потока или разрядки энергии налицо; иначе он не течет. Но закон Божий не такой: он личный; Бог воздерживает Свой гнев терпением и милостью, или Он уничтожает Своих врагов “всепотопляющим наводнением” (Наум. 1:8) осуждения. С точки зрения гуманистов и безличности обе действия: как Божие помилование Ассирии (Иона 3:1-4:3), так и Божие осуждение Ассирии (Наум 1:1-3:19) кажутся непропорциональными, потому что безличный закон, это тоже внешний закон: он знает только действия, не сердце. Человек, применяя закон Бога, должен судить поступки человека, однако Бог, как абсолют, судить тотального человека тотальным суждением. Ревность Бога следовательно известная страховка для непогрешимости Божьего суда по закону. Зло, которое легко ускользает от судов государства, не может избежать Божьего осуждения, которое как во времени, так и вне времени, действует в условиях тотальных взысканий Его закона. Ревность Бога, это гарантия правосудия. Безличное правосудие в мире личностей означает, что зло, как личное, может избежать сеть закона и царствовать смеясь триумфально. Но ревность Бога предотвращает триумф как Ханаана, так и изменившего Израиля или церкви. Без ревности, без личного Бога, невозможно никакое правосудие. Доктрина *Кармы* только воссоздает несправедливость: она ведет к самому порочному и бездушному виду экстернализма и безличия. Люди *Кармы* щадят их обезьяны, но

уничтожают друг друга; *Карма* не знает милости, потому что *Карма* по существу не знает личности, а только поступки и последствия. Бегством от *Кармы* становится *Нирвана*, бегство от жизни.

Этот самый отрывок объявляет: “Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи, и Его именем клянись” (Втор. 6:13). Здесь приводится превосходный комментарий Лютера:

Следовательно вы клянётесь именем Бога, если относите это, в чем вы клянётесь к Богу и улавливаете его в имени Бога; иначе вы не клянётесь бы, если знаете что это негодно Ему. Подобным образом, вы служите самому Богу, когда вы служите людям в имени Бога; иначе вы не служили бы. Этой клятвой вы охраняете вашу службу самому Богу и не увлекаетесь безбожной работой или клятвой. Так Христос тоже говорит в Мат. 23:16-22, что тот, кто клянётся храмом, и алтарем, и небом, клянётся Богом; а в Мат. 5:35,36. Он запрещает клянётся Иерусалимом, чей-то головой, небом, или чем-нибудь другим, потому что во всех этих случаях кто-то клянётся Богом. Однако клянётся Богом легкомысленно и впустую, это все равно произносить имя Бога напрасно.

Следовательно, когда Он хочет, чтоб клятвы давались именем Бога и никого другого, причина не только в том, что для истины (которая это Бог) не должно приниматься подтверждение ни от кого, кроме от самого Бога, а также и в том, что человек должен оставаться на службе только Богу, научиться относить все к Нему, и делать, владеть, использовать и терпеть все в Его имени. Иначе, если они используют другое имя, они могут отклониться и привыкнуть клянётся как будто это не имеет ничего общего с Богом; и в конце концов через эту плохую привычку они начнут делать разницу между делами, которыми они служат Богу, и теми, которыми они Ему не служат, а Он хочет, чтоб Ему служили во всем и хочет, чтоб все делалось от страха, потому что Он присутствует, чтобы видеть и судить.

Поэтому клятву надо использовать тем же образом, как меч и сексуальное сношение используются. Брать меч запрещено, так как Христос говорит (Мат. 26:52): “все, взявшие меч, мечом погибнут,” потому что он берет его без приказа и по своему собственному вождению. Однако это заповедь и божественная служба носить меч, если это указано Богом или через человека; так как тогда он носится в имени Господа, на добро ближнего, как говорит Павел: “Он есть Божий слуга, тебе на добро” (Рим. 13:4). Таким образом и похотливое использование секса запрещено, потому что оно беспорядочно страстное. Когда однако секс связывается с вами через брак, тогда плоть должна быть использована, и вы возвращаетесь к Божественному Закону, т.е. к любви, что и требуется. Таким же образом надо использовать и клятву: вы должны клянётся не ради себя, а ради Бога, или ради вашего ближнего в имени Господа. Так вы останетесь всегда на службе самого Бога.”^[14]

В *Искушении Иисуса* два из трех ответов Сатане из Втор. 6: “Написано также: ‘не искушай Господа, Бога твоего’” (Мат. 4:7; Втор. 6:16), и “Отойди от Меня, сатана; ибо написано: ‘Господу, Богу твоему, поклоняйся и Ему одному служи’” (Мат. 4:10, Втор. 6:13; 10:20). Третий ответ взят из соответствующего отрывка Втор. 8:3: “Он же сказал ему в ответ: написано: ‘не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих’” (Мат. 4:4). Все три ответа были на искушение, чтобы испытать Бога, подразумевается, что не только задавали ему вопросы, а на самом деле бросили вызов Богу и Его закону-слову.

Седьмой принцип, который следует из Shema Израиля, объявляется во Второзаконии 6:16-19:

Не искушайте Господа, Бога вашего, как вы искушали Его в Массе. Твердо храните заповеди Господа, Бога вашего, и уставы Его и постановления, которые Он заповедал тебе. И делай справедливое и доброе пред очами Господа, дабы хорошо тебе было и дабы ты вошел и овладел доброю землею, которую Господ с клятвой обещал отцам твоим, И чтобы прогнал всех врагов твоих от лица твоего, как говорил Господь (МТV).

Это было то, что Сатана пытался искушить Иисуса сделать: испытать Бога, поставить Бога на проверку. Израиль искушал Бога в Массе, поднимая вопрос “Есть ли Господь среди нас, или нет?” (Исх. 17:7).

Богослужение Иехова не только устраняет всякое идолопоклонничество, которое Господь, как ревнивый Бог, не будет терпеть (см. Исх.20:5), а будет наказывать истреблением от земли (“с лица земли,” как в Исх. 32:12): но оно также исключает искушение Господа бормотанием неверующих против Бога, если он немедленно не пошлет некоего рода бедствие, так как народ уже согрешил в Массе, т.е. в Рефидиме (Исх. 17:1-7).^[15]

Этот *седьмой принцип следовательно запрещает проверку Бога неверующими: закон Божий испытание для человека, поэтому человек не может вообразить себя богом и подвергать испытанию Бога и Его закон-слово*. Такой шаг есть верховное высокомерие и богохульство; это противоположно подчинению, потому что в нем вся сущность неподчинения закону. Отсюда это находится в контрасте с прилежным соблюдением закона. Это подчинение есть условие о благословении: оно основа для завоевания и владения, по условиям которых заветный народ Бога, Его правовой народ, входит в свое наследство.

Искушение и испытание Бога имеют и другие аспекты. По мнению Лютера,

Нельзя сразу использовать необходимые вещи, которые под рукой, а надо искать другие, которые не под рукой... Так искушает Бога тот, который храпит и не желает работать, принимая данным что Бог должен подкреплять его без труда, хотя Бог обещал воздать ему через его труд, как говорится в Прит. 10:4: “Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает.” Этот вульгарный обет о безбрачии как будто чересчур...

На втором месте, Бог искушается, когда нет ничего необходимого под рукой, кроме голого и одинокого Слова Бога... Потому что здесь безбожные не удовлетворяются Словом; и если Бог не сделает то, что обещал, вовремя, на месте и манерой, предписанной ими, они отказываются и не верят. Однако предписывать Богу место, время, или манеру, это на самом деле значит искушат Его, и нащупывать при этом положении там ли Он. Но это ничего больше, чем хотеть поставить Богу ограничения и подчинить Его нашей воли; на самом деле отнять у Него Его божественность. Ему надо быть свободным, не подчиненным границам и ограничениям, и быть единственным, который предписывает места, средства, и время нам. Поэтому обе искушения нарушают Первую заповедь...^[16]

Пренебрежение *Shema* Израиля и Второзакония 6, это по частям и в целом пренебрежение закона.

2. Неделимое слово

Множество прологов или вступительных декларации появляются в законе, которые обычно не рассматриваются как части закона. Калвин называет эти отрывки “Предисловиями к закону” и в некотором аккуратном смысле они такие, но они в равной степени часть закона, в частности первая заповедь, потому что они утверждают исключительную природу единственного настоящего Бога и исключают от верности Израиля всех других богов. Вот эти пассажи: Исход 20:1, 2; 23:20-31; Левит 19:36,37; 20:8; 22:31-33; Второзаконие 1:1-4, 49; 5:1-6; 7:6-8; 8:1-18; 10:14-17; 11:1-7; 13:18; 26:16-19; 27:9, 10.

Первое, предпосылкой заповеди утверждается, что Бог это Господь (Иехова или Яхве, Тот Кто Есть, самосуществующий, абсолютный и вечный Единственный), и *второе*, что Израиль стоит перед Богом по причине Его избирающей милости:

И изрек Бог все слова сии, говоря: Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства (Исх. 20:1-2).

И созвал Моисей весь Израиль, и сказал им: слушай, Израиль, постановления и законы, которые я изреку сегодня в уши ваши, и выучите их, и старайтесь исполнять их. Господь, Бог наш, поставил с нами завет на Хориве. Не с отцами нашими поставил Господь завет сей, но с нами, которые здесь сегодня все живы. Лицом к лицу говорил Господь с вами на горе из среды огня; Я стоял между Господом и вами в то время, дабы пересказывать вам слово Господа, ибо вы боялись огня и не восходили на гору. Он тогда сказал: Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства (Втор. 5:1-6).

А вас взял Господь и вывел вас из печи железной, из Египта, дабы вы были народом Его удела, как это ныне видно (Втор. 4:20).

В этих и во многих других отрывках, цитированные выше, объявляются независимое владычество Бога и Его избирающая милость. Во Второзаконии 5:3 “отцы,” которые погибли в пустыне, хотя по виду из завета, исключаются из него Божьим объявлением: завет “с нами, которые здесь живы.” Те, которые погибли, отрезанные от Бога своим неверием. “Народ Его удела” (Втор. 4:20) – верующие израильтяне.

История милости, и факт Божьей спасающей милости к Израилю цитируется многократно, чтобы удерживать народ от самонадеянности и гордости (Втор. 1:1-4; 7:6-8; 8:1-6, 11-18; 9:1-6; 10:14-17, 21-22; 11:1-8; 26:16-19; 27:9, 10; 29:2-9). История милости это тоже обещание милости если ответ человеческий такой как благодарное подчинение закону и неизменная преданность единственному настоящему Богу.

Третье, Ангел Господен явится перед Его народом, чтобы охранять и освободить их.

Вот, Я посылаю пред тобою Ангела хранить тебя на пути и ввести тебя в то место, которое Я приготовил. Блюди себя пред лицом Его, и слушай гласа Его; не упорствуй против Него, потому что Он не простит греха вашего; ибо имя Мое в Нем. Если ты будешь слушать гласа Его и исполнять все, что скажу, то врагом буду врагов твоих и противником противников твоих. Когда пойдет пред тобою Ангел Мой, и поведет к Амореям, Хеттеям, Ферезеям, Хананеям, Евеем и Иевусеям, и истреблю их: То не поклоняйся богам их и не служи им, и не подражай делам их; но сокруши их, и разрушь столбы их. Служите Господу, Богу вашему, и Он благословит хлеб твой и воду твою; и отвращу от вас болезни. Не буди преждевременно рождающих и бесплодных в земле твоей; число дней твоих сделаю полным. Ужас Мой пошлю перед тобою, и в смущение приведу всякий народ, к которому ты придешь, и буду обращать к тебе тыл всех врагов твоих. Пошлю пред тобою шершней и они погонят от лица твоего Евеев, Хананею и Хеттею. Не выгоню их от лица твоего в один год, чтобы земля не сделалась пуста и не умножились против тебя звери полевые: Мало по малу буду прогонять их от тебя, доколе ты не размножишься и не возьмешь во владение земли сей. Проведу пределы твои от моря Черного до моря Филистимского и от пустыни до реки; ибо предам в руки ваши жителей сей земли, и прогонишь их от лица твоего. Не заключай союза ни с ними, ни с богами их. Не должны они жить в земле твоей, чтобы они не ввели тебя в грех против Меня; ибо, если ты будешь служить богам их, то это будет тебе сетью (Исх. 23:20-33).

Ангел Господен (Быт. 16:10, 13; 18:2-4, 13, 14, 33; 22:11, 12, 15, 16; 31:11, 13; 32:30; Исх. 3:2,4; 20:20; 32:34; 33:14; Исх.Н. 5:13-15; 6:2; Исх.63:9; Зах. 1:10-13; 3:1-2) идентифицирует Себя с Господом; те, которым Он раскрылся, признают Его как Бог; библейские писатели называют Его Господом. Святое писание здесь подразумевает множественность личностей в Божественной сущности.^[17] Более того, Бог ясно высказал, что “Мое имя в Нем,” которое все равно что “Я в Нем” (Исх. 23:20).^[18] Ангел Господен появляется в Новом завете многократно, например в Деян. 5:19; 12:7-11; 17, и т.д. Святой Павел идентифицирует Ангела как Иисус Христос (1 Кор. 10:9).

Четвертое, они будут защищенными от бедствий и эпидемий (Исх. 23:25-27), так что подчинение ведет к материальному благословию. Это материальное благословие включает изгнание их врагов перед ними и предоставление им большого наследства (Исх. 23:27-31). Что вес из этого связано с Первой заповедью, становится явным из Исх. 23:32,33; они должны отделить себя от других богов: “незаветные” могут связаться с неверующими (через брак, договор или общность) или с их богами.

Один важный стих идет в заключение закона и еще раз показывает подход человека к закону. Во Второзаконии 29:29 Моисей, после того как предупредил их о проклятии за неподчинение, объявил:

Сокрытое принадлежит Господу, Богу нашему, а открытое нам и сынам нашим до века, чтобы мы исполняли все слова закона сего.

Вот интерпретация, которая наилучше подходит к контексту этого выступления:

То, что открывается, включает закон с его обещаниями и договорами: из этого следует, что скрытое может относиться только к образу действия, которым Бог выполнит в будущем свой совет и волю, которые Он раскрыл в законе и закончит свою работу по спасению, несмотря на вероотступничество народа.^[19]

Это означает, *пятое*, что закон, Откровение Божие, имеет за собой тайную волю Бога, посредством которой Его совет должен устоять, а человеческий бунт быть поражен, для триумфа Его царства в Его собственное время и по Его способу. Вкратце, закон открытый, выполнение закона обеспечено, так как Бог есть Бог; способ действия и время экстенсивно прячутся. Суд созывается Господом, не человеком.

Шестое, закон – неделимое слово:

Не прибавляйте к тому, что я заповедаю вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые Я вам заповедаю (Втор. 4:2).

Это ясно означает, что все Святое писание: закон, пророчества и евангелие, это одно слово. Слова можно добавлять до тех пор, пока откровение не закончено; тогда всякое добавление (или убавление) слов запрещено (Отк. 22:18, 19). Не может быть произвольное отделение закона от евангелия: *один Бог значит одно слово*. Делить слова значить отрицать Бога.

3. Бог против Молоха

Калвин, в своей превосходной классификации закона в его *Комментариях по четырем последним книгам Моисея*, приведенные в гармоничную форму, цитирует Втор. 18:9-22; 13:1-4; Лев. 18:21; 19:26, 31; и Втор. 12:29-32, как основные для первой заповеди. Эти пассажи относятся к попытке человека узнать будущего и

контролировать им. Так как Бог есть Господь, Творец неба и земли, и определитель всех вещей, всякая попытка узнать будущего и контролировать им вне Бога, это все равно поставить другого Бога, презирая Господа.

Все формы незаконного зондирования будущего цитируются Мойсеем:

Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь, Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии. Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, Обаятель, вызывающей духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего. Будь непорочен пред Господом, Богом твоим. Ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей; а тебе не то дал Господь, Бог твой (Втор. 18:9-14).

Из детей твоих не отдавай на служение Молоху, и не бесчести имени Бога твоего, Я Господь (Лев. 18:21).

Не ешьте с кровью; не ворожите и не гадайте (Лев. 19:26).

Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них. Я Господь, Бог ваш (Лев. 19:31).

Когда Господь, Бог твой, истребит от лица твоего народы, к которым ты идешь, чтобы взять их во владение, и ты, взявши их, поселишься в земли их: Тогда берегись, чтобы ты не попал в сеть, последуя им, по истреблении их от лица твоего, и не искал богов их, говоря: “как служили народы сии богам своим, так буду и я делать.” Не делай так Господу, Богу твоему; ибо все, чего гнушается Господь, что ненавидит Он, они делают богам своим; они и сыновей своих и дочерей своих сожигают на огне богам своим. Все, что Я заповедаю вам, старайтесь исполнять; не прибавляй к тому и не убавляй от того (Втор. 12:29-32).

Комментарий Калвина к Второзаконию 18:9-14 попадает прямо в сердце вопроса:

В этом пассаже Мойсей ясно показывает что значит иметь других богов, а именно смешивать служение Богу с вещами скверными, поскольку его чистота поддерживается изгонением от него все неврожденные суеверия. В сущности следовательно получается, что народ Божий должен воздерживаться от всех выдумках человеческих, посредством которых чистая и простая религия становится фальшивой.[\[20\]](#)

Тоже к этому пункту относится замечание другого комментатора:

Мойсей группирует вместе все слова, которые язык содержал, для различных способах предвидеть будущее и узнавать волю Божью, с целью запретить всякое описание предсказания, и ставит во главе запрещение богослужения Молоху, чтобы показать внутреннюю связь между предсказыванием и идолопоклонничеством, возможно из-за того, что февральский ритуал или переводение детей через огонь при богослужении Молоху, более интимно связан с предсказыванием и чародейством, чем любое другое описание идолопоклонничества.[\[21\]](#)

Цитируется большое разнообразие практик. “Чародей” – это предсказыватель или заклинатель змей; ведьма – такая, которая использует чары или заклинания; Колдун претендует что знает секреты другого мира; некроманит спрашивает мертвых и т.д.[\[22\]](#) Однако ключевое зло – это богослужение Молоху. Слово Молох (или Мелех, Мелек, Малик), означающее *царь*, является трансформацией имени одного язычника, при которой сохранили согласные звуки слова *царь* и использовали гласные слова *стыд*. Этому Богу, который идентифицируется как Аммон в III Цар. 11:7, 33, приносились человеческие жертвы. Есть упоминания о Молохе в Иер. 49:1, 3; Ам. 1:15; Соф. 1:5; Лев. 18:21; 20:2-5; IV Цар. 23:10; Иер. 32:35 и т.д., а местом богослужения Молоху в Израиле была Долина Еннома (Иер. 32:35; IV Цар. 23:10). Богослужение Молоху не ограничивалось до Аммона.[\[23\]](#)

Молох это “царь” или “царство”. Имя Молоха дается тоже как Милком (III Цар. 6:5, 33) и Молком (Иер. 49:1, 3; Соф. 1:5). Молох был одним из представлений Ваала (Иер. 32:35). *Ваал* означает *владелец*. Под именем Мелкарта, царя Тира, Ваалу приносили в Тире человеческие жертвы.[\[24\]](#)

Хотя о Молохе известно относительно немного, гораздо больше известно о концепции божественного царства – царь как бог и бог как царь, как божественно-человеческая связь между небом и землей. Бог-царь представлял собой человека большого масштаба, человека выдающегося, и служение такому богу, т.е. такому Ваалу, было утверждением целостности неба и земли. Это было верование, что все существа – одно существо и следовательно бог это выдающийся человек того масштаба существования. Сила политического порядка была манифестацией божественной силой или понимание и захват божественной силы. Она представляла триумф человека и его народа. Богослужение Молоху было таким образом политической религией.

Так как Молох представлял царство и силу, жертвоприношения Молоху представляли покупку, по самой меньшей мере, иммунитета или страховки и защиты, и по самым высоким претензиям, силы. “Высшим” жертвоприношением в язычестве, и специально при богослужении Ваалу, была жертва человеческой природы, т.е. самоувечье, точнее кастрация, жертва детей или потомства и т.п. Жрец идентифицировался с богом до такой степени, что он “отступал” от человеческой природы своей кастрацией, своим отделением от нормальных человеческих взаимоотношений, и своими аномальностями. Царь идентифицировался с богом до такой степени, что манифестировал абсолютную власть. Жертвоприношение детей было высшим жертвоприношением Молоху. Богослужение Молоху появилось в Израиле, когда Соломон построил алтарь Молоху для своих чужестранных жен в частности для поклонниц Аммона. Видимо, Соломон ограничивал сферу жертвоприношений на этом алтаре, потому что прошли многие поколения до первой человеческой жертвы, однако поступок Соломона (III Цар. 11:7, 8) ввел этот культ в Израиль.

Богослужение Молоху было таким образом государственным богослужением. Государство определяло настоящий и высший порядок, а религия была частью государства. Государство претендовало о *тотальной юрисдикции* над людьми, поэтому оно присваивало себе право делать *тотальные жертвоприношения*. Т. Роберт Инграм в своем превосходном исследовании закона, виртуально единственная стоящая работа в течении уже несколько поколений, с правом связывает первую заповедь с отречением государственного планирования и контроля и тоталитаризма Говоря об “управлении, которое приписывало бы себе всю власть и не покорялось бы никому другому,” Инграм комментирует:

Современное слово о таком управлении, это тоталитарное: управление, которое приписывает себе тотальную власть. Коронная цель Сатаны это тоталитарное управление во всем мире. Мы, которые знаем что-нибудь о Боге Создателе, знаем, что тотальная власть может пребывать только в Нем. Ясно, что творец чего-то более велик чем то, что он может сотворить. Настоящая возможность о Франкенштейне, чудовищем творении рук человеческих, которое может уничтожить человеческие существа и не может быть уничтоженным ими, это ложное изображение искаженного разума. Оно предполагает существование сверхестественного гения зла, который обманывает людей, побуждая их

думать что они сделали что-то, хотя на самом деле они были только пассивными агентами незнакомой силы. Гончар может делать все что хочет со своей глиной.

Известно, что высшее верховенство, самая великая власть, которая существует, это власть давать существование всему, что есть на свете. Бог один не должен Своё собственное существование никому другому и имеет вечное существование в себе. Мы должны признать, что если существует наименьшая возможность о наличии где-нибудь тотальной власти, то она у Создателя. Тотальная власть не может существовать нигде на другом месте. Каждая личность, которая отказывается признать, что все на свете сотворенное (и отсюда что существует Творец) , просто исключает всякое обсуждение факта, что тотальная власть существует где-то. Таким образом мы можем сказать, и для христиан, и для нехристиан нет приемлемого способа установить наличия тотальной власти в другом месте, кроме у Создателя всего в мире. Кроме у Него всякая власть делимая и из-за того ограниченная.^[25]

Когда государство претендует о тотальной юрисдикции, как это делают современные государства, это все равно претендовать на роль Бога, тотального правителя человека и всего мира. Вместо об ограниченном законе и ограниченной юрисдикции, современные антихристские государства претендуют об юрисдикции от колыбели до могилы, от утробы до надгробного памятника, над благосостоянием, образованием, богослужением, семьей, бизнесом и земеделием, капиталом и трудом и над всем другим. Современное государство, это Молох, требующий богослужение как Молоху: оно претендует о тотальной юрисдикции над человеком и отсюда требует тотальное жертвоприношение.

Однако, как Инграм замечает по отношению к богослужению, “Только власть, которая имеет право на богослужение ей, может предписывать манеру, по которой надо совершать это богослужение.”^[26] Подобно этому, только верховная власть имеет право быть источником закона. Бог единственный настоящий источник закона; государство только *агентство* закона, одно агентство между многими (церковь, школа, семья и т.д.), и должно управлять одну специфическую и ограниченную область закона под Богом. Молохское государство отрицает всякие такие ограничения: оно настаивает определять налоги на завещаниях, экспроприировать в своем удовольствии через “суверенное право отчуждать частную собственность,” и претендует о праве посылать молодых на войну и смерть “за благо государства.”

Государство Молоха, это продукт вероотступничества. Когда люди отвергают Бога как их царя и ставят человека или государства своим царем (I Цар. 8:7-9), Бог объявляет последствия:

И сказал: вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; И поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его. И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. И от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евреям своим и слугам своим. И рабов ваших и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет, и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете его рабами. И восстанете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда (I Цар. 8:11-18).

Некоторые аспекты государства, которое отвергает Бога, цитируются здесь: *Первое*, будет установлена и проведена в жизнь антибиблейская военная повинность. *Второе*, будет принудительные трудовые батальоны, набираемые для государственной службы. *Третье*, будут набираться принудительно молодые мужчины и молодые женщины, как и животные. *Четвертое*, государство будет экспроприировать собственность, как земельную, так и живой инвентарь. *Пятое*, так как государство играет теперь роль бога-царя, оно будет требовать, подобно Богу, десятину, десятую долю заработанного человеком, как свой налог. *Шестое*, Бог не услышит народа, который будет жаловаться, что платит цену своих грехов.

Все эти условия встречаются и превышаются в современном государстве Молоха, которое отказывается удовлетвориться десятиной, а взыскивает налог равняющийся нескольким десятинам. В некоторых странах требуемый местный налог, это прямо невероятное ограбление. Например, “Покойный Луиджи Ейноди, передовой итальянский экономист и экс-президент республики подсчитал, что если каждый налог в регистрах собирался полностью, государство проглотило бы 110 % национального дохода.”^[27]

Государство Молоха представляет просто верховное усилие человека командовать будущим, предопределять мир и быть как Бог. Меньше усилия, гадание, заклинание духов, чародейство и колдовство, в равной степени анафема для Бога. Все это усилия иметь будущее при других чем Божьих условиях, иметь будущее вне Бога и в неповиновении Богу. Это утверждения, что мир не принадлежит Богу, а какой-то скотской действительности, и что человек может каким-то образом смастерить мир и будущее, начиная прямо с сырых материалов. Так царь Саул, внешне сообразился с Божьим законом, уничтожая все черные искусства, но когда столкнулся с кризисом, он обратился к волшебнице в Эндоре (I Цар. 28). Саул знал свое положение перед Богом: бунт и непокаяние. Саул знал более того приговор закона и пророка Самуила по отношению к нему (I Цар. 15:10-35). Самуел живой объявил Божие будущее Саулу. Идя к волшебнице в Эндор, Самуил пытался добиться смерти Самуела, веря и надеясь, что мертвый Самуел был бы в контакте с каким-то миром скотской действительности вне Бога и информировал бы его в том мире, которой мог бы предложить Саулу будущее без Бога, без закона. Однако слово из могилы только подтвердило Божий закон-слово (I Цар. 28:15-19): оно было слово осуждения.

Астрология тоже надо включить в число тех безбожных зондирований, которые не могут удалить или заколдовать осуждение (Ис. 47:10-14).

В Левите 19:26, гадание и предсказывание запрещены в том самом смысле, в ком запрещено есть кровь. Определение Дейвиса о значении крови в Библии заслуживает цитирования полностью как краткое изложение вопроса:

КРОВЬ. Жизненно важный флюид, циркулирующий в теле и проводимый системой глубоко расположенных артерий от сердца к конечностям и системой поверхностных вен обратно опять к сердцу... Душа тела в крови (Лев. 17:11,14): или кров есть душа (Втор. 12:23), хотя не исключительно (Пс. 103:30). Кровь это жизнь, и так священная жизнь перед Богом, что кровь убитого Авеля могла бы быть описанной как вопиющей из под земли к Господу о мести (Быт. 4:10); и непосредственно после потопа есть кровь низших животных было запрещено, хотя зарезание их для пищи разрешалось (Быт. 9:3,4; Деян. 15:20,29) и закон был сформулирован: “Кто пролет кровь человеческую, того кровь

пролетят рукою человека: ибо человек сделан по образу Божию (Быт. 9:6). Лишение жизни было наказанием за грех, а его типичное приношение жертвы было необходимым для прощения (Евр. 9:22), а также, под Моисеевым законом кровь животных использовалась при всех жертвоприношениях за грех, и кровь дичи, убитой на охоте или зарезанной для пищи проливалась и покрывалась землей, потому что удерживалась Богом от человеческого потребления и сохранялась для целей искупления (Лев. 17:10-14; Втор. 12:15,16). “Кровь Иисуса,” “кровь Христа,” “кровь Иисуса Христа” или “кровь Агнца,” это фигуральные выражения его искупительной смерти (1 Кор. 10:6; Еф. 2:13; Евр. 9:14; 10:19; 1 Пет. 1:2,19; 1 Иоан. 1:7; Отк. 7:14; 12:11).^[28]

Так как жизнь дается Богом и надо жить только по Его условиям, никакая жизнь человека или животного не может быть взятой, кроме как по Божьим условиям, а значит государством, человеком, чтобы пытаться или человеком при самозащите. Пытаться располагать жизнью или отнимать ее без Божьего разрешения и не в службе Ему, это как пытаться располагать миром и будущим вне Бога. По этой причине Лев. 19:26 ставит поедание крови, гадание и ворожбу, все на одном и том же уровне как один и тот же грех по существу.

Второзаконие 18:13 приказывает: “Будь непорочен пред Господом, Богом твоим.” Это часть часто повторяющейся заповеди “Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш” (Лев. 19:2; 11:44; Исх. 19:6; Лев. 20:7,26; 1 Фес. 4:7; 1 Пет. 1:15,16 и т.д.). Быть *святым* означает буквально быть отдельным, т.е. отделяться от обычного в пользу святого. Утварь и сосуды храмов, священники и некоторые дни отделяются своим специальным служением Богу и поэтому они святые (Исх. 20:8; 30:31; 31:10,11; Числ. 5:17; Зах. 14:21). Осквернение из-за отсутствия отделения могло быть церемониальным и физическим (Исх. 22:31; Лев. 20:26), или духовным и моральным (1 Кор. 7:1; 1 Фес. 4:7; Лев. 20:6,7; 21:6). Святость Бога состоит в Его отделении от всех сотворенных существ как несотворенное и сотворяющее Существо, бесконечное в мудрости, власти, справедливости, доброте, правде и славе. Настоящая святость человека состоит в отделении человека в Бога, в вере и подчинении Божьему закону. Таким образом закон является специфической дорогой святости.

Богослужение Молоху ищет не теистский, не библейский путь к святости. Оно ищет выделить себя как власть и слава средствами жертвоприношения, намеренными переступить пределы человечности. Святой Павел определяет некоторых из этих путей ложной святости как “запрещение вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением. Ибо всякое творение Божие хорошо и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением. Потому что освещается словом Божиим и молитвою” (1 Тим. 4:3-5).

Очень часто общества жертвовали людей с целью посвятить и освятить стройку, придать ей прочность. Писавши в 1909 году, Лоусон сообщал в своем исследовании затянутаго язычества в Греции: “...сообщено от Закинтоса только одно поколение раньше, что там еще существовало сильное чувство в пользу пожертвования магометанина или еврея в основании важных мостов и других зданий; и есть легенда о черном человеке, действительно замурованном в мосту одного акведука вблизи Ливадии в Беотии.”^[29] Страк, в ходе опровержения какого-то специального расисткого кровавого ритуала среди евреев, привлекал внимание к экстенсивным свидетельствам о суеверных человеческих жертв и жертвовании животных в современной Европе.^[30]

Попытка человека контролировать мир и быть источником предопределения, ведет тоже к ложным пророчествам. Закон, управляющий этим, объявляет:

Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: “пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им”: То не слушай слов пророка сего, или сновидца сего; ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей. Господу, Богу вашему, последуйте и Его бойтесь; заповеди Его соблюдайте, и гласа Его слушайте, и Ему служите, и к Нему прилепляйтесь (Втор. 13:1-4).

Пророка, из среди тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой – Его слушайте. Так как ты просил у Господа, Бога твоего, при Хориве в день собрания, говоря: “да не услышу впрод гласа Господа, Бога моего, и огня сего великого да не увижу более, дабы мне не умереть.” И сказал мне Господь: хорошо то, что они говорили. Я воздвигну им пророка из среди братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему; А кто не послушает слов Моих, которые Пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу. Но пророка, который дерзнет говорить Моим именем то, что Я не повелел ему говорить, и который будет говорить именем богов иных, такого пророка предайте смерти. И если скажешь в сердце твоём: “как мы узнаем слово, которое не Господь говорил?” Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, – не бойся его (Втор. 18:15-22).

Второзаконие 13 цитирует три случая о подстрекательстве к идолопоклонству: *первый*, стихи 1-5, ложным пророком; *второй*, стихи 6-11, частным лицом; и *третий*, городом, 12-18.^[31] Наказание во всех случаях – смерть без помилования. Для современного сознания это кажется драматическим. Почему смерть за идолопоклонство? Если идолопоклонство не имеет никакого значения для кого-то, тогда наказание смертью за такое покажется ему жестоким. Но современный человек никак не задумывается о смертной казни за преступление против государства, или против “народа,” или против “революции,” потому что они для него важные вещи. Смертная казнь здесь не взыскивается из-за частного верования: она из-за попытки ниспровергнуть других людей и разрушить общественный порядок, переманивая других к идолопоклонству. Так как для библейского закона основа есть единственный настоящий Бог, следовательно центральным преступлением является измена этому Богу идолопоклонничеством. У каждого правового порядка своя концепция об измене. Никакой правовой порядок не может позволить атаку против своих основ, не совершив при этом самоубийство. Те государства, которые претендуют об отмене смертной казни, все-таки оставляют ее всецело для преступлений против государства. Основы правового порядка должны быть защищенными.

Криминальные преступления *всегда* требуют смертной казни. Критичный вопрос в любом обществе такой: кто должен быть наказанным? Библейский закон объявляет, что должен преобладать возмещение: если человек украл 100 долларов, он должен восстановить эти 100 доллара плюс еще другие 100 долларов; преступник наказан. Для некоторых преступлений возмещение это его собственная смерть. В современном гуманистском обществе наказывается жертва. Нет никакого возмещения, а наказание преступника все более пренебрежимо малое. Без

возмещения преступления становится потенциально выгодным, а жертва наказывается государством. Жертва наказывается преступлением, судебными расходами, и стоимостью тюремного заключения преступника, так как оно отражается в налогах.

Но преступление всегда требует наказания выше и вне индивидов, замешанных как жертвы или как преступники. В правовом порядке пробита брешь, мир и благополучие общества нарушены. Общество, которое терпеливо принимает наказания против себя и против своих граждан, соблюдающих закон, опасное и умирающее общество.

Решительной для благополучия общества является целостность его оснований. Позволить вмешиваться в его основания, это все равно позволить своего тотального ниспровержения. Библейский закон не может больше позволять распространение идолопоклонства, чем марксизм может позволить контрреволюцию, или монархия – движение чтобы казнить царя, или республика – попытку разрушить республику и установить диктатуру.

Надо отметить, что Второзаконие 13:5-18 не призывает к смертной казни за неверие или за ересь. Оно осуждает ложных пророков (стихи 1-5), которые стремятся повести народ к идолопоклонству, знамениями и чудесами. Оно действительно осуждает индивидов, которые тайно пытаются начать обращение к идолопоклонству (6-11). Оно вправду осуждает города, которые устанавливают другую религию и разрушают правового порядка нации (13-18), и эти осуждения надо провести в жизнь человеку, чтобы отворотить осуждение Божие (стих 17).

Это осуждение не применяется в миссионерской ситуации, когда надо начинать разработку почвы с анти-Бога: это ситуация обращения. На самом деле необходимо, чтобы одна нация, основанная на системе законов Бога, защищала этот порядок, наказывая основную измену против него. Нет общества без испытаний, и Бог испытывает человека, проверяя таким образом будет ли он отстаивать Божий порядок или нет (стих 3).

Занимаясь ложными пророками, т.е. посредниками, закон обращается к одному настоящему Посреднику:

Ибо го избрал Господь, Бог твой, из всех колен твоих, чтобы он предстал пред Господом, Богом твоим, служил во имя Господа, сам и сыны его во все дни (Втор. 18:5).

Этот Пророк и его работа описываются в стихах 15-19. Люди должны либо подчиняться Ему, либо Бог будет взыскивать за это от людей (стих 19). Комментарий Валлера насчет Пророка особо хороший:

Связь между этими стихами и предидущим хорошо иллюстрируется вопросом Исая (Ис. 8:19): “И когда скажут вам: ‘обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и чрево вещателям,’ тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу? Спрашивают ли мертвых о живых?” Или как ангел прекрасно выразился в День Воскресения Христова утром: “что вы ищите живого между мертвыми?” (Лук. 24:5).^[32]

Согласно Калвину “название ‘Пророк’ использовалось по *enallage* для множество пророков... Мнение тех, кто применяют его только к Христу, никак не корректно.”^[33] Ясно, что отрывок относится на самом деле к пророками вообще, и в стихах 20-22 ложный пророк идентифицируется и называется самонадеянным: “не бойся его.” Термин однако в равной степени ясно и более очевидно применяется к одному великому Пророку и Посреднику, как противостоящий многим ложным посредникам. Все пророки говорят словами одного Пророка, который говорит слово Господа. Так как есть один настоящий Бог, есть одно слово и один выразитель его. Все пророки говорили словами одного Пророка, Иисуса Христа, второй личности в Троице.

Заповедь гласит: “Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.” В нашем политеистском мире много других богов, это много людей: каждый человек сам себе бог. Каждый человек при гуманизме сам себе закон и сам себе вселенная. Анархизм личное кредо, а тоталитарное государственное планирование и контроль – общественное кредо, так как в политеистическом мире только принуждение может собрать людей вместе.

Во время недавней оккупации Сорбонны один студент снял вывеску “Не курить” рядом с входом аудитории и написал “Вы имеете право курить.” Через некоторое время другой студент добавил: “Запрещать запрещено.” Этот лозунг добился популярности и теперь появляется в многих местах, которыми завладели студенты. В большой столовой Сорбонны кто-то написал буквами высотой в фут: “Я принимаю свои желания за истину, потому что я верю в истинность моих желаний.”^[34]

Эти незаконные студенты, хотя утверждающие, что никто не имеет право запрещать им что-нибудь, были склонными принуждать целую нацию. Тотальная анархия значит тотальное принуждение. Это богослужение Молоху вместе с мщением: все общество должно быть пожертвованным, чтобы удовлетворить этих модных жрецов разрушения. Студенческая революция, это подходящий кульминационный пункт для обучения в государственном регулировании. Пожертвовать дети государству, это значит обратить их против врага. Для пожертвованных детей, этих новых яничаров новой Турции, свернуть общество, которое породило их, и разрушить его, это приговор против богослужения Молоху их старших поколений. Иметь других богов и другие законы, другие школы, и другие надежды, чем одного настоящего Бога, это значит при суждении попасть под всей тяжести закона.

Наша культура сейчас подобна легенде о Емпедокле, греческом философе:

Даже при жизни Емпедокл был харизматической фигурой. Диодор описывает его как увенчанный лавровым венком, одетый как бог в пурпурном, с золотыми сандалиями. Он считал, что наивысшие формы человеческой жизни, самые близкие к божественности, это пророк и врач. Он был обоим. Как живой миф, он притягивал легенду. Самой эффектной из всех невыносимых выдумок, это рассказ об его смерти самоубийственным прыжком в кратер Этны: самопожертвование в ожиданием стать богом, или хотя бы по меньшей мере чтобы ему делали богослужения как такому. Вулкан, как говорили, позднее вернул одну золотую сандалию.^[35]

По подобию легендарному Емпедоклу из древности, наш мир сегодня ищет сделать из себя бога самопожертвованием

4. Законы заветного членства

Те, кто подчиняются первой заповеди “Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим” – члены соглашения. Двумя основными ритуалами соглашения в Ветхом завете были обрезание и пасха, а в Новом завете – крещение и духовное общение.

Бытие 17:9-14 дает нам установление обрезания как символ соглашения. Соглашение требует подчинение моральному закону (Быт. 17:1; 18:17-19). “Дальше, моральный характер ветхозаветной религии символизируется обрезанием.”^[36] Обрезание было широко преобладающим во всех культурах и всегда на религиозной основе. Это акт отрезания переднего конца кожи мужского полового органа.

Для доктринального понимания обрезания важны два факта: первый, оно установлено до рождения Исаака; второй, в сопутствующем откровении упоминается только второе обещание, относящееся к многочисленному поколению. Эти два факта показывают вместе, что обрезание имеет что-то общее с процессом размножения. Не в смысле, что акт сам собой греховный, так как нигде в Ветхом завете нет следы об этом. Не акт, а продукт, т.е. человеческая природа, которая нечиста, и нуждается в очищении и видоизменении. Следовательно, обрезание не применялось к взрослому мужчине, как у язычников, а к новорожденному на восьмом дне. Человеческая природа нечистая и непригодная в своем самом источнике. Грех, следовательно, проблема рода, а не только индивида. Необходимость видоизменения надо было специально подчеркнуть в Ветхом завете. В это время обещания Бога имели близкое отношение к современным, естественным вопросам. В результате этого возникла опасность, что естественное происхождение могло бы пониматься как дающее право на милость Бога. Обрезание учит, что физическое происхождение от Аврама недостаточно, чтобы быть настоящим израильтянином. Нечистоту и непригодность по природе надо было удалить. Догматически говоря, поэтому обрезание символизирует оправдание и новое рождение, плюс освящение (Рим. 4:9-12; Кол. 2:11-13).^[37]

Обрезание взыскивается законом в Лев. 12:3 на восьмом дне. Все, которые хотели принимать участие в пасхе, как евреи, так и иностранцы, должны были быть обрезанными (Исх. 12:48-49). Иисус и Иоанн Креститель, оба были обрезанными (Лук. 1:59; 2:21), как и святой Павел (Фил. 3:5), который настаивал на обрезании Тимофея, у которого мать еврейка, а отец грек (Деян. 16:3), однако Павел не требовал этого от Тита (Гал. 2:3).

В самого начала значение обрезания и его духовные последствия понимались хорошо:

И так, обрежьте крайнюю плоть сердца вашего, и не будьте впред жестоковыми (Втор. 10:16);

И обрежет Господь, Бог твой, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа, Бога твоего, от всего сердца твоего и от всей души твоей, дабы жить тебе (Втор. 30:6).

Подобные выражения можно найти в Лев. 26:41; Иер. 4:4; 6:10; Рим. 2:28-29; Кол. 2:11 и т.д.

Современные комментаторы не видят большой разницы между еврейским и языческим обрезанием.^[38] На самом деле различия очень большие. Для христиан первостепенная разница состоит в том, что библейский ритуал предписан Богом как часть Его откровения. Что касается значения ритуала, у язычников это ритуал введения в мужество, и в племя или в клан. Пока другие религии обычно признают недостатки человеческой природы, тем временем они поддерживают, что недостатки может устранить сам человек: отсюда связь обрезания с началом возмужалости. Молодой человек принимает свою ответственность в обществе и тоже свою религиозную ответственность соотносится с религиозными нормами через один акт желания, по своей воле. Язычество в своей сердцевине пелагийское. Обрезание на восьмом дне сдвигает силу ритуала от человека к Богу: грудной ребенок неспособен сам найти дорогу к оправданию, новому рождению и освящению: он всецело пассивный в этом ритуале. Таким образом объясняется факт божественной благосклонности. Как соглашение полностью представляет Божью инициативу к благосклонности, так и символ соглашения представляет то же самое. Поэтому заповедь была ясной: обрезание надо было совершить на восьмой день (или позднее), когда кровь ребенка могла бы свернуться как следует и позволить операции.

Одна церемония, связанная с обрезанием, это очищение женщины после родов (Лев. 12). Нечистота женщины имеет отношение к религиозной нечистоте и загрязненности тайнств. Миклем отмечает о Лев. 12:2:

Перевод *нечистая* особо неудачный здесь, потому что он неизбежно подразумевает неодобрение и отвращение и предвидит манихейский взгляд относительно зла, присутствующего плоти. Пассаж надо перефразировать: “Когда женщина родила сына, из чистого сочувствия необходимо чтобы она осталась в уединении на неделю; тогда ребенка надо обрезать; даже тогда она должна оставаться дома в течение месяца, и ее первая вылазка наружи должна быть в церковь.”^[39]

Насчет манихейства хорошо сказано, но с “чистым сочувствием” рискуется больше! Ни плоть, ни дух павшего человека не чистые перед Богом. Нет больше надежды в духовном, чем в материальном. Обрезание свидетельствует о факте, что человеческая надежда не в рождении, а в новом рождении, и церемония очищения женщины свидетельствует о том же.

Дни нечистоты для мужского ребенка семь: обрезание, своим свидетельством о заветной благосклонности, закончивает этот период. Для ребенка женского пола дни нечистоты были четырнадцать и в течении этого времени женщина не прикасалась ни к какой святой вещи и вход в храм был ей заказан. Эти периоды времени следовались днями очищения, тридцать три после рождения мальчика и шестьдесят шесть после рождения девочки; после этого мать ходила в храм с жертвой, годовалым агнецом, или в случае бедности, как с Марией (Лук. 2:21-24), двумя голубями. Обрезание способствовало о сокращении периода по отношению к рождению мужского отрока, а ритуал очищения был свидетельством о членстве в соглашении для дочерей. Это напоминало, что заветная праведность давалась на милости Бога матери и ребенку, и эта милость, а не раса или кровь, дает основание для спасения.

Служба продолжалась в церкви и описывается, например, в *Книге об обычной молитве* как “Благодарственная служба о женщине после родов” или “Церковная служба о женщине.” Она начиналась с декларацией пастора: “Так как было угодно всемогучему Богу, по Его доброте, дать тебе счастливого освобождения, и предостеречь тебя от великой опасности при рождении ребенка: ты должна сердечно благодарить Бога,” и заканчивалась представлением необходимого дара со стороны женщины.

Ритуал относится не к настоящему греху, а к первородному греху, и он признание о падении человека и о заветной милости. Через рождение старий бунт Адама вводится снова в заветном домохозяйстве в форме ребенка, чья природа унаследована от Адама. Эта наследственная испорченность признается, и в ритуале очищения женщины просится заветная милость. Нет никакой действительной причины о прекращении ритуала. Он был сведен к простой благодарственной службе в *Книге об обычной молитве*, которое само собой представляет атрофию его значения, но и это далеко обгоняет практики других церквей.

Крещение – символ обновленного соглашения, заменивший обрезание. Это символ религиозного очищения и посвящения в Ветхом завете (Исх. 29:4; 30:19,20; 40:12; Лев. 15; 16:26, 28; 17:15; 22:4,6; Чис. 19:8). В Иез. 36:25,26 нам показывается крещение “обрызгивание” как символ нового рождения заветного народа после плена и оно связывается с “новым сердцем.” Иеремия 31:31-34 связывает это “новое сердце” с новым соглашением во Христе. По условиям этих текстов новообращенные в Израиля крещались до обрезания, показывая этим что имелось ввиду новое соглашение. Иоанн Креститель, который призывал всего Израиля к крещению, указывая что век Мессии уже под рукой.

Исключая случаи новообращенных взрослых, крещение, как и обрезание, надо применять к детям, как символ членства в соглашении по милости. Не удивительно, что большинство опонентов крещению младенцев, логически тоже пелагийцы или хотя бы арминисты. Они настаивают на претензию, что прерогатива на спасение должна оставаться за человека.

Другой ритуал членства в соглашении, пасха, был установлен в Египте (Исх. 12; 13:3-10; Числ. 9:1-14; Втор. 16:3-4; Исх. 23:18), чтобы чествовать освобождение, кульминационный акт Бога в Его приговоре над Египтом. Все первенцы Египта были убиты Богом, который прошел мимо домов израильтян и других верующих, у которых столбы и перекладины ворот были обрызганными кровью ягненка или козленка, а члены домохозяйств стояли посохом в руках, ожидая тронуться в путь к обещанному Богом освобождению. Ягнята или козлята выпекались целыми и елись с незаквашенным хлебом (чтобы символизировать непорочность жертвы, Лев. 2:11; I Кор. 5:7,8) и горькими травами, чтобы символизировать горечь их рабства в Египте.

Центральной для пасхи является кровь. В соглашении с Аврамом (Быт. 15:7-21) от Аврама требовалось пройти между разделенными частями убитого животного, которое объясняет смерть участника в соглашении, т.е. смерть настоящей жертвы, которая придет – Иисуса Христа, и смертный приговор над теми, кто изменил Его завету. Мойсей на Синае взял кровь и обрызгал алтарь и людей (Исх. 24:4-8), чтобы показать, что соглашение покоится на искупление, полностью предусмотренное Богом, и что наказание за отступничество от завета смерть. Стикс умело обобщил главное значение “крови” в Святом писании:

Кровь – видимый знак о насильственном конце жизни. Таким образом дать или отнять жизнь в этом мире, это или крайний дар, или крайняя мера наказания, т.е. цена преступления. Человек не знает ничего более великого. Поэтому, первое, величайшая жертва или одолжение, которые кто-то может сделать, это дать свою кровь или жизнь. “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Иоан. 15:13). Второе, самое великое преступление или зло на земле, это взять кровь или жизнь, т.е. убийство, невольное или предумышленное. Третье, потерять кровь или жизнь, это тяжелое наказание или большой убыток. Поэтому сказано о том, кто проливает кровь: “кровь его будет пролитая человеком”; и поэтому Павел говорит о магистрате: “... он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему зло” (Рим. 13:4). “Возмездие за грех – смерть” (Рим. 6:23). Четвертое, единственное возможное или адекватное искушение или возмещение, это жизнь за жизнь и кровь за кровь. Такое возмещение человек дать не может (См. Пс. 48:7,8; Мар. 8:36,37). Не только потому что он уже проиграл свою жизнь из-за своих грехов. Но также потому что всякая жизнь принадлежит Богу (См. Пс. 49:9,10). Поэтому у человека нет “крови,” которую он мог бы отдать. Этот необходимый, но иначе недоступный дар дает Бог. Он дает кровь, чтобы осуществить искупление (Лев. 17:11). Искупление следовательно возможное только через дар Божий. Или как П. Т. Форсайт выразил это: “Жертва – плод, а не корень милости.” Тем более, когда наш Господь объявил, что пришел “отдать душу свою для искупления многих” (Мар. 10:45), он имел ввиду как Свою Божественную, так и Свою человеческую безгрешность, и показал выполнение того, о котором пролитая кровь жертвенных животных только намекала. Вот как в образе Иисуса, воплощенного Сына, Бог пришел лично, чтобы отдать как Человек ту кровь, которая может принести искупление. Следовательно церковь Божью Он приобрел Себе Своей собственной кровью (Деян. 20:28).

Все эти четыре значения “пролитой крови” встречаются в Кресте Христовом. Там Сын Человеческий в нашей плоти и крови, для нас, людей, и для нашего спасения принес величайшую жертву. Он отдал свою жизнь (см. Иоан. 10:17,18). Второе, Он стал жертвой величайшего преступления человечества. Он был подло и несправедливо предан смерти. Третье “и к злодеям причтен” (Лук. 22:37 от Ис. 53:12), и вытерпел крайнюю кару разбойника. Рука закона и римского судьи предали Его смерти. Его кровь пролилась человеком. Четвертое, Он, который как Бог создал плоть, отдал, как только Он один мог этого сделать, Свою человеческую кровь, чтобы добиться искупления. Поэтому теперь можно проповедовать раскаяние грехов в Его имени. Мы оправданные Его кровью. [\[40\]](#)

Пасха чествует избавление Израиля, так же как и причастие на Господней трапезе чествует избавление настоящей Божьей церкви через кровь Иисуса Христа. Чествование причастия означает принимать через веру избавление и очищение от грехов, и благословение для заветной жизни в Христе, через Его искупительную жертву.

Пасха была дважды свидетельницей требования крови. Кровь востребовалась, *первое*, от всех египтян за их неверие. Первенцы представляли в своем лице все домохозяйство и смертный приговор против них был смертным приговором для всех. *Второе*, Израиль не меньше чем Египет был под смертным приговором. Не было из-за чего спастись им и не могло бы быть. Однако смертный приговор против заветного народа принял на Себя Бог Сын в виде крови агнца.

То же самое двойное свидетельство о крови появляется и в кресте. *Первое*, Израиль был приговорен к смерти (Мат. 24) и намечалось его уничтожение из-за его измены к завету. *Второе*, народ Христа избавился от грехов через заветную кровь и был освобожден от приговора над Иерусалимом и Иудеями.

Таинство Господней трапезы – это христианская пасха, “ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины” (I Кор. 5:7,8). Первое чествование на Тайной вечере в горнице было в заключении пасхи.

То же самое двойное свидетельство основное также и для Господней трапезы и ее невозможно чувствовать как надо, если этот аспект отрицается или пренебрегается. *Первое*, пасха Израиля чествовалась в ожидании победы. Евреи были должны есть в спешке: Бог избавлял их в ту самую ночь от их угнетателя и врага через могущественный приговор против Египта и ограбление египтян (Исх. 12:11, 29-36). Христианская пасха утверждает избавление верующих от греха и смерти и их освобождение от врага. Это одновременно и духовное и материальное спасение. Чествовать смерть Божьего первенца для нашего спасения, значит чествовать смерть врагов Бога, их первенцев, их целостность, под Его осуждением. Это требует от нас стремиться к победе (Исх. 12:11), если хотим получить ее. Ограничивать причастие только к духовной победе скорее всего акт манихейский, нежеле христианский; это значит видит Бога как владетель только духовного, но не и материального царства. Следовательно, *второе*, как становится ясным, Господня трапеза это победа, потому что она осуждение. Святой Павел объявляет, что причастие – приговор против верующих “кто есть и пьет недостойно... не рассуждая о Теле Господнем” (I Кор. 11:27-30). Если это осуждение верующих, которые нарушают, то насколько сильнее Тайная вечеря произносит проклятие бунтующемуся против Бога миру?

Однако, *третье*, дети завета, т.е. обрезанные мальчики, и дочери завета едят и пьют от него. Действительно, служба замышлялась, чтобы объяснить значение причастия самым младшим мальчикам, способные говорить, которым предназначалась роль спрашивающих “что это за служение” (Исх. 12:26). Тогда отец объяснил это значение всем. В ранней церкви дети ели и пили от причастия, согласно всем свидетельствам в записях. Свидетельство святого Павла показывает, что присутствовала и участвовала вся семья: это была вечеря (I Кор. 11). *Древность христианской церкви* Джозефа Бингама цитирует доказательство о продолжительной практике участия детей и подростков. Ясно, что эта практика перенеслась от пасхи Израиля, и в Святом писании нет никаких свидетельств об отказе от нее. В то же самое время надо отметить, что ранняя церковь строго исключала посторонних от причастия. Аргументы против этого включения детей более рационалистские и пелагийские чем библейские.

Заповедь “Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим” взыскивает, *первое*, чтоб человек знал, что его единственная надежда на спасение состоит в крови жертвы Божьей, Божьего агнца, и чтобы жил в благодарственном подчинении. *Второе*, человек должен признать, что *вся* кровь управляется Богом и Его законом-словом, и кто делать что-то вне Бога и Его закона-слова грех., “потому что... все, что не по вере грех” (Рим. 14:23). Стибс писал:

Дальше, писания Ветхого завета подтверждают убеждения, что физическая жизнь это Божие творение. Значит она принадлежит Ему, а не людям. Также, особенно в случае человека, сотворенного по подобию Божию, эта жизнь драгоценна в глазах Господа. Поэтому не только никакой человек не имеет независимого права или свободы проливать кровь или отнимать жизнь, но также если он это сделает, он будет отвечать перед Богом за свое деяние. Бог будет взыскивать кровь от каждого человека, который проливает ее. Убийца носит кровь на себя не только в глазах людей, но прежде всего во взгляде Бога. И наказание, должное Богу, и которое другие люди, на которых падала ответственность за это, должны были наложить, было отнять жизнь у убийцы. Такой человек недостоем радоваться дальше распоряжению с Божественным даром жизни. Он должен расплатиться крайним земным наказанием и потерять свою собственную жизнь в плоти. Дальше, характер наказания тоже многозначительно описывается использованием слова “кровь.” “Кто пролет кровь человеческую, того кровь пролетя рукою человека” (Быт. 9:5,6).^[41]

Не иметь других богов, значит не иметь другого закона, чем закона Божьего, и никакого деяния или помысли вне Его закона-слова. То ли для пищи, чтобы поддерживать гражданское право, на войне или при самообороне, кровь можно пролить только по условиям Божьего слова. Когда Бог позволяет этого, человек не может противоречить Богу, или предлагать “лучший” или “высший” путь без греха. Таким образом рассматривать вегетарианство, пацифизм, или несопротивление во всех случаях, как “высший” путь, значит считать Божий путь нисшим, чем человеческий.

В очень близкой связи с доктриной о пасхе находится спасение первенцев и их освящение.

И сказал Господь Мойсею, говоря: Освяти мне каждого первенца, разверзающего всякие ложесна между сынами Израилевыми, от человека до скота: Мои они (Исх. 13:1,2).

И когда введет тебя Господь в землю Ханаанскую, как Он клялся тебе и отцам твоим, и даст ее тебе: Одевай Господу все, разверзающее ложесна; и все первородное из скота, какой у тебя будет, мужского пола, - Господу. А всякого из ослов, разверзающего, заменяй агнцем; а если не заменишь, выкупи его; и каждого первенца человеческого из сынов твоих выкупи. И когда после спросит тебя сын твой, говоря “что это?,” то скажи ему: “рукою крепкою вывел нас Господь из Египта, из дома рабства.” Ибо когда фараон упорствовал отступить нас, Господь умертвил всех первенцев в земле Египетской, от первенца человеческого до первенца из скота: посею я приношу в жертву Господу все, разверзающего ложесна, мужского пола, а всякого первенца из сынов моих выкупаю. И да будет это знаком на руке твоей и вместо повязки над глазами твоими, ибо рукою крепкою Господь вывел нас из Египта” (Исх. 13:11-16).

Не медли приносить мне начатки от гумна твоего и от точила твоего; отдавай Мне первенца из сынов твоих; То же делай с волом твоим и с овцою твоею. Семь дней пусть они будут при матери своей, а в восьмой день отдавай их Мне (Исх. 22:29,30).

Все разверзающее ложесна – Мне, как и весь скот твой мужского пола, разверзающей ложесна, из волов и овец. Первородное из ослов заменяй агнцем, а если не заменишь, то выкупи его. Всех первенцев из сыновей твоих выкупи. Пусть не являются пред лице Мое с пустыми руками (Исх. 34:19,20). Только первенцев из скота, которые по первенству принадлежат Господу, не должен никто посвящать: вол ли то, или мелкий скот, - Господни они (Лев. 27:26).

Все первородные мужского пола, что родится от крупного скота твоего и от мелкого скота твоего, посвящай Господу, Богу твоему: не работай на первородном воле твоим, и не стриги первородного из мелкого скота твоего. Пред Господом, Богом твоим, каждогодно съедай это ты, и семейство твое, на месте, которое избереет Господь (Втор. 15:19,20).

Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви (Рим. 11:16).

Спасение здесь весьма физическая материя, потому что спасения нельзя никогда отделять от мира физического или духовного. Израиль был физически поработан Египтом, точно так же как был и в рабстве у греха. Падение человека поставило его телом и духом в рабстве, и следовательно спасение тотальное, воздействующее на все существование, а не только на один его аспект.

Ограничить спасение до души человека, исключая его тело, его общество, и каждый его аспект и взаимоотношение, это значит отрицать библейское значение спасения. И вправду, все творение в конце концов включится в спасении (Рим. 8:20,21)

Первенец, о котором упоминает закон, первородный матери, а не отца: он “первенец, разверзающий всякие ложесна” (Исх. 13:2).^[42] Анализ Фейрбейрна о спасении первенца особо хорош:

Мы имеем трехкратный акт Бога – первое, причинение смерти первенца человека и животного в Египте; потом исключение от этого приговора по отношению Израиля, имея ввиду пасхальную жертву; и наконец, как празднование годовщины освобождения, посвящение Господу всего первородного в идущие времена. Основным элементом, на котором покоится целое, это очевидно представительный характер перворожденного; первый потомок продуктивного родителя олицетворяет целостный плод утробы, являясь тем, от которого целое берет свое начало; так что уничтожение первородного в Египте виртуально было убийством всего – подразумевается, что одна и та же гибель нависла над всем; и следовательно спасение всего первородного в Израиле и их последующее посвящение Господу, было, имея ввиду божественное намерение и эффективную силу, спасением и посвящением всего. Впрочем, Израиль был Божьим первенцем по предназначению: “И скажи фараону: так говорит Господь: Израиль есть сын Мой, первенец Мой. Я говорю тебе: отпусти сына Моего, чтобы он совершил Мне служение; а если не отпустишь его, Я убью сына твоего, первенца твоего” (Исх. 4:22,23).^[43]

Акт освобождения был таким образом ритуалом *утверждения* членства в соглашении. Весь Израиль, человек и скот, был признательным быть Божьим владением, Его “первенец” по милости и усыновлению. Израиль заслуживал смерть не меньше чем Египет: его освобождение было актом милости суверена. Бог указал этот факт Аврааму, призывая его принести в жертву Исаака. В принципе Библия не осуждает человеческое жертвоприношение. “Все библейское жертвоприношение покоится на идее, что дарение жизни Богу, при посвящении или при искуплении, необходимо для действия или восстановления религии.” С другой стороны “человек, в ненормальной связи с грехом, не в состоянии предложит этот дар своей жизни лично. Поэтому в игру вводится принцип перебрасывания на чужую голову: одна жизнь заменяет другую.”^[44] Но даже без греха, человек не может дать Богу ничего, которое он уже не получил от Бога. Факт, что спасение первородного нормально связывается с восьмым днем, время обрезания, присоединения к соглашению, превращает его в то же самое время в подтверждение соглашения родителями. Животные часто давались прямо священнику. Род Леви стал помогающим священникам родом, посвященный Богу, как первенец (Числ. 3:40,41). Закон заботиться о защите родителей от чрезмерного вноса за спасение (Лев. 27:1-8). Другие законы относительно первенцев, т.е. повторно заявляющие то же самое, это Числ. 8:16,17, который связывает право Бога над перворожденными Израиля, с уничтожением египетских перворожденных; Числ. 8:18, который устанавливает Левитов как заместители всех первенцев; и Числ. 3:11-13; 44-51, которые дают специфические подробности об этой замене. Перворожденные из стад и стаи определяются в Исх. 13:11-13 и Исх. 22-30, как и в Исх. 34:19,20; Лев. 27:26,27 и Числ. 18:15,17. В Числ. 18:15,17 уточняется, что первенцы коров, овец и коз нельзя выкупать, а надо, согласно Втор. 14:23; 15:19-22, вместе с десятиной зерна, вина и масла есть пред Господа для второй десятиной. Валлер комментирует Втор. 14:22,23,28:

(22) *Отделяй десятину* – Талмуд и еврейские толкователи в общем соглашаются в том, что десятина, упоминающаяся в этом пассаже, здесь и в стихе 28, а также и десятина, описанная в гл. 24:12-15, одно и то же – “вторая десятина”; и полностью отличают ее от обыкновенной десятины, предназначенная левитам на их содержание в Числ. 18:21, и через них заделываемая десятинная из десятины опять для священников (Числ. 18:26)...

(23) *И ешь пред Господом, Богом твоим* – т.е. ты должен есть вторую десятину. Это надо было делать два года; а на третий и шестой годы было другое распоряжение (см. стих 28). На седьмой год, который был субботным, вероятно не было десятины, потому что не было никакой жатвы. Доход от земли был для всех и каждый мог свободно есть в свое удовольствие.

(28) *По прошествии же трех лет отдели все десятины* – Это евреи называют Ма'асер'Ани, “десятина бедных.” Они рассматривают ее как идентичная с второй десятины, которая обычно елась собственниками в Иерусалиме; но каждый третий и шестой годы давалась бедным.^[45]

Надо отметить, что эта вторая десятинная не была строго одной десятой и не заделывалась из специального запаса, а “*первые плоды* занимали место второй десятины у животных”^[46]

В добавление к спасению первенцев требовался поголовный налог от каждого двадцатилетнего мужского и старше (Исх. 30:11,16), который использовался обычно для построения молельни (Исх. 38:25-28). Он платился левитами и всеми другими. Он напоминал, что все остались в живых только по милости Бога. После построения молельни (тронный зал и дворец Божьего управления) налог использовался для поддержания гражданского порядка. Формальное зачисление в зрелости означало платить пол сикла в знак признания Божьей предвидящей милости. Все платили одинаковую сумму. “Это было признание греха, одинаково обвязывающее всех, поэтому и налог был одинаков для всех; и он спас от Божьего мщения тех, которые *были бы наказаны некоторой-другой ‘чумой’*; если они были слишком надменными, чтобы признать греха своего.”^[47] Поголовный налог напоминал, что они живые по Божьей милости, и что их жизни и сущности были проигранные изменой против Бога. Следовательно это было скорее всего церемонией, связанной по смыслу с спасением первенцев, пасхой и Днем искупления, нежели десятиной.

Первые плоды стада, как и поля, надо было отдать с отмеченными исключениями, Господу на содержание левитов, согласно Закону соглашения.^[48] Закон о первых плодах появляется в Лев. 23:10,17 и Втор. 26:1-11, также в Числ. 15:17-21; Исх. 22:29; 23:19. Новый завет обращается к первым плодам в Рим. 9:8-13; 11:16; 16:5; I Кор. 15:20-23; 16:15; Иак. 1:18; Отк. 14:4. Когда Иисус Христос воскрес из мертвых, говорили что он “первый сноп, который колыхнулся перед Господом на второй день Пасхи, потому что Христос действительно разорвал оковы смерти в тот самый момент.”^[49] Святой Павел объявляет: “...и мы сами, имея начаток духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего” (Рим. 8:23).

Жертвование перворожденных и первых плодов было близко связано с *десятиной* и вместе с ней составляло символическую жертву целого. Десятинная, однако, была в добавлении к жертве первенцев и первых плодов.

Ранняя церковь видела жертвование первенцев выполненным в Иисусе Христе, жертву, которую Бог дал, выполняя требование к семье верующих. Жертвование первых плодов однако продолжалось, хотя и оно было тоже в равной степени выполнено через Христа. Собираение первых плодов принимало разные формы, например как оплачивание первой годовой продукции церковных приходов, которых папа требовал от приходов в Англии, даренные иностранцам. Генри VIII отменил эти сборы, однако королева Анна восстановила их в пользу Английской церкви, чтобы увеличить ее небольшие средства к существованию.[\[50\]](#)

Что касается десятины, согласно Бингаму “древние верили, что закон о десятине не только официальное и политическое распоряжение, но также моральная и пожизненная обязанность.”[\[51\]](#) Уже много веков десятина платилась натурально, т.е. буквально одна десятая часть полученного с поля, а не его денежный эквивалент. Амбары для десятин строились в десятинные дома.[\[52\]](#) Десятина взыскивалась церковным советом под угрозой отлучения от церкви, но это было отменено во Франции в 1789 году и постепенно впало в забвение. Некоторое время она взыскивалась в протестантских кругах, но здесь тоже начали пренебрегать ее, или она превратилась просто в десятину для церкви.[\[53\]](#)

Десятина или десятая часть появляется очень рано, далеко до Моисея; когда Аврам давал десятину (Быт. 14:20; Евр. 7:4,6), это было видимо установленной практикой, так что ее начало можно искать еще в первоначальных откровениях Адаму. Иаков тоже говорил и десятине (Быт. 28:20-22). Часть Господа, связанная с десятиной появляется в войне против мидийцев, когда Бог определяет Господнюю часть военной добычи на одну пятую до одной пятисотой в зависимости от трофеев (Числ. 31:25-54).

Закон о десятине появляется в Лев. 27:30-33; Числ. 18:21-26; Втор. 14:22-27; 26:12,15. Равины и многие православные ученые различают три десятины; некоторые православные ученые и виртуально все модернисты видят только одну десятину.[\[54\]](#) Наличие трех десятин в самые ранние годы, это вопрос записывания, т.е. от древнееврейских документов самого раннего периода, имеющих отношение к Святому писанию, т.е. от апокрифов. Тобит, датированный к 350 году до н.э. или от 250 до 200 года до н.э. Дейвисом[\[55\]](#) и “К концу третьего века до н.э.” Джеманом,[\[56\]](#) дает очень полное доказательство о трех десятинах (Тобит 1:5-8). Подобное доказательство можно найти и в *Древностях* Джозефуса, кн. IV, и в Джероме, к более поздней дате.[\[57\]](#) Историческое доказательство раскрывает практику; Святое писание склоняется к трем видам десятины. Тяжесть доказательств на стороне тех, которые настаивают на сведении видов к одной десятине.

Следовательно, анализируя десятину становится ясным, *первое*, что есть три вида десятины: первая, это Господняя десятина (Числ. 18:21-24), которая шла к левитам, а они давали десятую часть этого священникам (Числ. 18:26-28); вторая, праздничная десятина, чтобы веселиться перед Господом (Втор. 12:6-7,17,18); третья, бедная десятина, которую разделяли на месте между местными левитами, странниками, сиротами и вдовами (Втор. 14:27-29).[\[58\]](#)

Второе, Господь как Создатель всего, установил условия человеческой жизни и использование человеческой сущности. Некоторые определенные количества были святыми в Господа. Десятина имела существенное значение, чтобы увеличивались стада или стаи, или урожай с поля. Если выкупалась, т.е. платилась Богу деньгами, надо было выделить пятую часть суммы. При выделении десятины человеку нельзя было выбирать хорошее или плохое для Господа, а взять всякое десятое животное для его десятины. Если у человека было шестнадцать телят, он был должен выделить только одного, десятину из подсчитанных. Выделяя одну пятую в деньгах, он старался выравнять десятину, но в целом требования были в пользу человека (Лев. 27:30-33).

Третье, вторую десятину надо было использовать на веселье перед Господом на трех религиозных празднествах в течении года. Ее надо было принести в храм денежной форме и потратить там за себя на Пасхе, на храмовом празднике и на одном из недельных праздников, какие устраивались на две недели религиозного “отпуска” (Втор. 12:6-7; 14:22-27; 16:3,13,16). За исключением части, выделяемой для левитов, эта десятина оставалась у приносящего и использовалась в его удовольствие. Не было никакого второго выделения животных для второй десятины; это выделенные в первой первенцы стада занимали свое место во второй десятине (Втор. 12:17,18).

Четвертое, третья десятина была бедной десятиной, для использования на месте с бедными, вдовами, сиротами, беспомощными чужанами, людьми, неспособными помочь себе из-за возраста, болезни или из-за других специфических условий. Надо было тоже помнить о левитах (Втор. 14:27-29).

Пятое, согласно Томпсону десятина таким образом насчитывала одну десятую часть для Господа, одну десятую для бедных и небольшая часть из второй десятины для левитов. Томпсон назвал ее “одной шестой дохода человека,” так как третья или бедная десятина попадалась дважды на каждый шестилетний период.[\[59\]](#) В смысле этого Томпсон видит тотальную десятину как равную однодневному труду из шести.[\[60\]](#) Это может быть немножко и выше настоящей величины, но все же близко. Если не считать вторую десятину (т.е. часть левитов), в итоге получается 13.33 процентов годового дохода, в то время как расчет Томпсона тянет к немного высшему проценту.

Шестое, нет десятины от продукции хозяйства в седьмой или субботный год (Лев. 25:1-7). В такой год нельзя было сеять, подрезать ветви, жать и собирать плоды. Плоды деревьев и лоз оставлялись упасть на землю, исключая то, что бедные собирали за себя, или что домашние и дикие животные ели, или сам хозяин ел немедленно (Исх. 23:11). Роулинсон комментирует:

Под этой системой, так божественной навязанной израильтянам, достигались три выгодные цели. 1. *Это было выгодно собственнику.* Не только его хозяйство предостерегалось от истощения из-за свехурожайности, но и сам он заставлялся привыкать предвидеть и мыслить вперед. Он по необходимости заделывал кое-что на седьмой год, и поэтому учился рассчитывать свои нужды, запастись зерном и держать что-нибудь под рукой на будущее. Таким образом его разум и способность соображать развивались, и он выдвигался из просто рабочей

руки в мыслящий земледелец 2. *Это было выгодно бедным.* Так как все растущее в седьмой год расло спонтанно, без расходов и забот со стороны собственника, нельзя было по правде считать, что оно принадлежало исключительно ему. Мойсеев закон ставил это наравне с обыкновенными дикими плодами и дарил его первому пришедшему (Лев. 25:5,6). От этого распоряжения могли воспользоваться бедные, так как они обычно собирали запасы, которые предоставила щедрость природы. При сухом климате Палестины, где наверно много зерна выпадало при жатве, спонтанный рост был бы наверно значительным, и был бы вполне достаточным для содержания тех, у кого не было других ресурсов. 3. *Это было выгодно животным.* Бог “заботится о скоте”. Он назначил субботный год отчасти чтобы “полские животные” могли бы иметь изобилие от еды. Когда люди раздают им пищу по немножку, у них часто бывает скудное продовольствие. Бог сделал так, чтобы они ели досыта, хотя бы в один раз из семи.^[61]

Возразим Роулинсону по одному пункту: субботное использование поля и виноградников было бесспорно подобным собиранию колосьев, т.е. собственник управлял доступом бедных, заслуживающих этого. Еще о сельскохозяйственной субботе будет сказано дальше.

Седьмое, возложение десятины означает пропорциональное приношение. Десятина бедного человека одинаково дорога Богу, как и десятина богатого. Принцип десятины установлен ясно в законе: “Но каждый с даром в руке своей... какое Он дал тебе” (Втор. 16:17. Тот самый принцип объявляется снова святым Павлом в II Кор. 8:12 как сущность христианского приношения. Святой Павел писал с уважением о собирании помощи для бедных и цитировал принцип десятины при собирании бедной десятины от христиан. Посредством пропорционального приношения никакой лишней груз не попался никому: не ожидалось, чтоб богатые дали все, ни чтоб нагрузка пала на согласные давать.

Восьмое, посредством десятины существовали конкретные и реальные отношения с Богом. Согласно Мал. 3:7-12, Божие проклятие падало на тех, кто отрицал распоряжение Его о десятине, потому что это все равно “отступить от уставов Божьих” (Мал. 3:7). Подобно этому Божие благословение изольется потоком над теми, кто подчиняется закону о десятине. Как писал Самуел Рэдерфорд (1600-1661): “Я убежден, что Христос настолько ответственный и подчиняющийся закону, что он отплатится за все, что заложено или дано для него; убытки ради Христа, это только наши сбережения, отданные в банк Христовой руки.”^[62] Это не плата от Бога, который не должен ничего никому человеку, а благословение. По началу Малахия обещает благословение нации, как мы увидим позже, но и личный аспект не отсутствует. Дж. Х. Пембер писал в своем труде *Самые ранние века земли:*

Мы в общем знаем, что милость Божья следует каждый акт прямого подчинения с нашей стороны. *Если мы ищем даже самые наименьшие заповеди Его закона и выполняем их; если мы показываем, что не допустили бы ни одно слово, сказанное Им, упасть на землю, мы уверяем себя и других, что мы совершаем правильные дела, и не только на словах признаем Его как наш Бог и как наш король... Ни Он со Своей стороны не задержится с признанием нас как Его поданные, как те, которые взывают о Его помощи и защите.”^[63]*

И как преподобный Самуел Чадвик (1860-1912) писал: “Никакой человек не может ограбить Бога, не обрекая при этом свою душу на вечный голод.”^[64]

Девятое, Господняя десятина и бедная десятина заботятся об основных социальных функциях, которые при современном тоталитаризме стали сферой деятельности государства, а именно об образовании и благополучии. Образование было одной из функций левитов (не храма). Левиты полагали священникам в религиозных обязанностях относящиеся к храму (I Пар. 23:28-31; II Пар. 29:34; 35:11), и работали как служащие, судьи, музыканты (I Пар. 23:1-5). В благочестивом гражданском порядке группа, лучше всех обученная в законе Бога, очевидно должна исполнять далеко идущие общественные службы. Так как их издержки были обеспечены десятиной, основные расходы общества для гражданского управления сводились к мелочи. Десятина – признание царства Божьего; в I Цар. 8:4-19 цитируются последствия от отвержения Его царства: тоталитаризм, угнетение, потеря свободы, и увеличенные расходы для гражданского управления. Без десятины основные общественные функции пали бы в два вида ловушек: с одной стороны, государство принимает эти функции на себя, а с другой стороны богатые индивиды и фондации упражняют преобладающую власть над обществом. Приношение десятины освобождало общество от этой зависимости от государства и от богатых индивидов и фондаций. Десятина ставила основной контроль общества в руки людей Божьих, приносящих десятину. Им приказывали приносить “все десятины в дом хранилища” (Мал. 3:10). Хранилище, о котором говорил Малахия, было буквально этим: физический склад, который был Божий, т.е. принадлежал этой религиозной традиции левитов, которая вместо того, чтобы пойти в вероотступничество и синкретизм, оставалась верной Богу и Его закону-слово. Люди не отдавали бы десятину, если она шла в неверное хранилище; ее обязанность было судить между благочестивыми и неблагочестивыми левитами. Подобно этому, люди не отдавали бы десятину, если она не шла для настоящей благочестивой работы, для церкви, миссионерских дел, и школ, которые преподавали верно закон-слово. И опять, бедная десятина была в руках приносящих: никто не мог использовать ее, или их продукцию субботных годов, или собирание колосьев с их полей, чтобы субсидировать зло, лень или вероотступничество. Цель бедной десятины было оздоровление набожного общества, а не его разрушение.

Как мы видели, десятина шла к левитам, которые давали десятую часть десятины священникам. Таким образом только небольшая часть десятины шла к священникам и для содержания богослужения. В пустынный период левиты имели важные обязанности по поддержке и транспортировке святилища, однако позднее эти обязанности исчезли. Левиты усвоили более широкие общественные функции и никакой пророк никогда не критиковал и не оспаривал эти функции, а это значит, что они были ясны еще в объявленном призыве Бога. Левиты, как род “первенцев” по выбору Бога, были таким образом род с основными функциями перворожденных, которые были руководящими в широком смысле слова. Хотя “скипетр” был отдан Иуде (Быт. 49:10), с другой стороны Леви, как род перворожденных (Числ. 8:18), имел основные функции управления. Следовательно существовало *основное разделение властей* между государством (Иуда и трон) и широко руководящими функциями (Леви). Это разделение было нарушено с исчезновением десятины как фактор управления.

В средневековой и реформистской Европе широкие руководящие функции принадлежали миру десятины. Одна из причин для часто встречающегося отсутствия доверия к государству была в общем ограниченная роль государства. Школы, больницы, лепрозории, благотворительность для сирот, вдов, иностранцев и бедных, все это и еще больше было сферой деятельности десятины. Благодаря этому в средневековой церкви появилась коррупция, однако эта коррупция была далеко затенена дегенерацией и расточительностью современного государства.

Надо припомнить также, что десятина шла к местной церкви или епархии. Законы Едмунда, принятые на ассамблеи в Лондоне в 942-946 году, гласят: “Мы приказываем всякому христианину в его христианстве платить десятины, и церковные налоги, и Петровые пенсы, и пашную милостыню. И если кто-то не сделает это, пусть будет отлучен от церкви.” Законы Етелреда 1008 года объявляют:

А церковные налоги надо платить вовремя и каждый год, а именно, пашную милостыню две недели после Пасхи, десятину от увеличения стад к Пятидесятнице, а от плодов земли к мессе Всех святых, и Петровые пенсы к мессе Петрова дня, и платы за зажигание света три раза в год.^[65]

Библия показывает закон о десятине как основной закон благочестивого социального порядка. Чтобы понять полное значение десятины, важно знать, что библейский закон не предвидит *никакой* налог на собственность; право взимать налоги с недвижимости безотговорочно отказывается государству, потому что у государства нет земли, с которой взимать налоги. “Господня земля” (Исх. 9:29; Втор. 10:14; Пс. 23:1; I Кор. 10:26 и т.д.); поэтому только Бог может взимать налог с земли. Потому что если у государства претензии на право взимать налог с земли, это значит что государство выдает себя за бога и создателя земли, когда вместо этого государство только слуга Божьего правосудия (Рим. 13:1-8). Так как если государство вмешивается в царство Божие, оно само привлекает осуждение на себя.

Иммунитет земли от государственных налогов означает свободу. Следовательно человек не может быть лишенным от его земли; каждый человек имеет основную гарантию о своей собственности. Как указывает Ранд:

Невозможно лишить людей от их наследство по закону Господа и никаких налогов нельзя взимать с земли. Несмотря на личные поступки человека, он не может оставить без наследства свою семью, будучи лишенным от его земли навсегда.^[66]

Так как земля не собственность государства, ни часть государственной юрисдикции, государство не имеет никакого права взимать налоги с Божьей земли. Более того, если государство берет столько, сколько и Бог, т.е. одна десятая от дохода человека, это знак о вероотступничестве и тирании (I Цар. 8:4-19). Современные государства, конечно, берут в форме налогов несколько десятин.

Десятина *не* дар Богу; это Божий налог за пользование земли, которая по всем пунктам под Божьим законом и юрисдикцией. Только когда плата перевысит десять процентов можно говорить о даре и “добровольном приношении” (Втор. 16:10,11; Исх 36:3-7; Лев. 22:21 и т.д.).

Десятина веками собиралась законно, т.е. государство устанавливало правовые взыскания, чтоб десятины платились церкви. Когда штат Вирджиния отменил свой закон, по которому десятина платилась обязательно, Джордж Вашингтон выразил свое неодобрение в письме к Джорджу Мейсону от 3 октября, 1785 года. Он верил, говорил он, что “надо задолжать людей платить за содержание того, что они открыто признают.”^[67] Еще с четвертого века н.э. гражданские правительства начали взыскивать десятину, так как верилось, что если страна откажет Богу Его налог это приведет только к ее гибели. С конца 18-го века и более специально в последние годы, такие законы исчезли под ударами атеистких и революционных движений. Вместо освобождения человека от “угнетающих” налогов, отмена десятины открыла дорогу действительно угнетающему обложению налогами государством, с целью принять на себя социальные ответственности, когда-то поддерживаемые деньгами десятины. За основные социальные функции надо платить. Если за них не платит десятиной ответственный христианский народ, то будет платить тираническое государство, которое будет использовать благополучие и образование как ступеньки к тоталитарной власти.

Вопрос обобщил очень умело Лансдел:

Кажется ясным следовательно, в свете откровения, и из практики может быть всех древних народов, что человек, который отрицает претензии Бога на часть богатства, которое идет в его руки, очень родственный духовному анархизму; также как и тот, кто выделяет меньше одной десятой своего дохода или прибавления, заклеймен Святым писанием как грабитель. На самом деле, если в дни Малахии не платить десятину считалось ограблением, может ли христианин, который утаивает десятую – сейчас еще больше, чем тогда – считаться честным перед Богом? Давать правильно, это часть правильной жизни. Жизнь неправильна, когда приношение грешное. Приношение грешное, когда мы воруем у Бога Его часть за себя.^[68]

Показательно то, что в Советском союзе религиозным группам была запрещена всякая благотворительная деятельность.^[69] Если церковная группа могла бы собирать средства или товары, чтобы оказать подкрепление больным и нуждающимся членам общины или религиозного братства, это немедленно создало бы силу, независимую от государства, как лекарство для социальных проблем. Более того это создало бы силу, которая достигала бы людей более прямо, более эффективно и мощно. Последствие было бы прямой конфронтацией с превосходством государства. По этой причине при демократии постоянная цель репрессивного законодательства это элиминировать сиротства, а благотворительность изъята государством, как большой шаг к тоталитаризму.

Лансдел прав. Те, которые не дают десятину, анархисты: они уничтожают свободу и порядок общества и спускают с привязи демоны плановой экономики.

5. Закон как власть и дискриминация

Факт *власти* неотделим от закона. Закон не закон, если ему не хватит власти связывать, вынуждать и наказывать. Хотя и ошибочно дефинировать закон просто как угнетение и принуждение, тем не менее будет

серьезной ошибкой дефинировать его без признания, что его основа – принуждение. Упразднить Бога от абсолютной власти, это значит отрицать, что он Бог. Отделять власть от закона, это значит отказывать закону статус закона. Факт, что Бог многократно идентифицирует Себя в Святом писании как “Всемогущий” (Быт. 17:1,35; Исх. 6:3 и т.д.), это часть Его утверждения как тотальный владетель и отсюда Его призыва и подчинению.

Власть – религиозная концепция, и бог или боги каждой мыслимой системы – источник власти этой системы. Монарх или правитель имеют свое религиозное значение именно из-за своей власти. Когда демократическое государство берет власть, оно тоже присваивает себе религиозные претензии и прерогативы. Из-за того, что марксистское государство имеет больше власти, и претендует о больше власти, чем другие современные государства, оно отвергает христианство более всего радикально: оно не может терпеть приписывание абсолютной власти другому богу, чем себе. В антихристианском государстве власть охраняется ревностно и каждое разделение власти, целящее ограничить его власть и помешать ее концентрации, горько оспаривается.

Закон – примененная власть, иначе он перестает быть законом. Закон больше чем власть, однако без принуждения нет закона. Те, которые возражают принудительному элементу в законе, на самом деле возражают против закона, со знанием дела или бессознательно. Цель закона отчасти быть “ужасом” для “делающего злое” (Рим. 13:4); слово “ужас” дан более мягкий перевод в современной версии, но весь общий смысл Святого писания требует элемент страха, когда человек встанет перед Богом и когда грешный, незаконный человек встанет лицом в лице с законом. Святой Павел выясняет однако, что власть происходит от Бога: “...ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены” (Рим. 13:1). Так как Бог – абсолютная власть, всякие подчиненные и созданные власти извлекают свою службу, силу и моральный авторитет только от Бога, и должны упражнять их только по Его условиям и под Его юрисдикцией, иначе встретятся лицом к лицу с Его осуждением. Поговорка лорда Актона: “Всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно” – либеральная полуистина и отражает либеральные иллюзии. *Первое* из всего, всякая власть не развращает. Власть благочестивого супруга и отца управлять своей семьей не развращает его; он упражняет ее под Богом и по условиям Божьего закона-слова. Вместо того, чтобы быть развращенным своей властью, набожный человек благословен посредством этой власти, и он превращает ее в благословение для своей семьи и общества. Благочестивый правитель, который с готовностью использует свою власть для законных и моральных целей, обеспечивает процветание общества под его властью. Две беды с властью и с ее применением, это с одной стороны страх от использования власти, и с другой стороны неморальное использование власти.. Две эти беды сильно преобладают в каждом гуманистском обществе. Люди, которые боются использовать власть законно и морально, развращают свои семьи и общества. Неудача упражнять должимую власть ведет общество к беззаконию и анархии. Неморальное использование власти ведет к развращению общества и угнетению свободы, однако не использование власти причиняет это разложение, а неморальное использование ее. Власть не развращает, когда используется чисто под Богом: она благословляет, приносит процветание, (наводит) порядок и управляет обществом к его прогрессу и благополучию.

Второе, если “абсолютная власть развращает абсолютно,” тогда Бог надо назвать развращенным, потому что Он один имеет абсолютную власть. Однако Актон ошибается: человек не может иметь абсолютную власть. Он может добиваться ей, и это стремление к власти развратное и развращает общество, но человек остается, помимо всех своих претензий, тотально под абсолютной власти Бога.

Не только вся власть происходит от Бога и постановлена Его абсолютной властью, но она предписана и связана с Его абсолютной правдой. Закон следовательно, когда он настоящий закон, не только власть, а также и правда. Поэтому он “ужас” для злодеев, но безопасность и “похвала” для набожного гражданства (Рим. 13:2-5). Так как настоящий закон имеет свои корни в суверенном Боге, сама природа всего существующего работает, чтобы поддерживать его. Как пела Девора: “С неба сражались, звезды с путей своих сражались с Сисарою” (Суд. 5:20). Закон или праведен, или он антизакон, маскированный под законом. Современный правовой позитивизм, марксизм, и другие правовые философии являются таким образом представителями антизакона, тем что они отрицают закон как приближение крайнего порядка и истины, и признают только гуманистскую доктрину о законе. Если разъединить закон от праведности и истины, это ведет с одной стороны к анархию какого-то незаконного и бессмысленного мира, или с другой стороны к тоталитаризму одной элитной группы, которая навязывает свою относительную “истину” другим людям абсолютным и беспринципным принуждением.

Но от закона требуется быть слугой правосудия под Богом, а гражданский служащий “Божий служитель” (Рим. 13:5-6). Эта концепция о законе как слуга правосудия вовеку забыта сегодня, а когда вспомнят о ней, над нею насмеются. Но все таки она единственное возможное основание для справедливого и процветающего общественного порядка. У закона как слуга отсутствует высокомерие позитивистских правовых теоретиков, которые не видят никакого закона ни правды вне себя. Служащий закон – закон под Богом: от него требуется смирение, которое нельзя найти у позитивистских законов. Сторонники правового позитивизма склонные обвинять христиан в гордости, но мир никогда не видел более безжалостную надменность и гордость, чем показанную релятивистами, было то в древней Греции, в Ренессансе или в двадцатом веке.

Другой аспект закона подразумевается из выступления святого Павла в Рим. 13:1-6: закон всегда дискриминирующий. Невозможно избежать или уклониться от этого аспекта закона. Если закон выполняет свою функцию: установить правосудие и защищать благочестивых, подчиняющихся закону людей, тогда закон должен дискриминировать нарушителей и строго искать их осуждение. Закон не может поддерживать равенство, не переставая быть законом: во все времена, во всех обществах и во всяком обществе, закон определяет тех, которые являются законными и которые незаконными членами общества. Самый факт существования закона вводит

фундаментальное и решающее неравенство в обществе. Отмена закона не элиминирует неравенства, потому что тогда сам факт полного естественного отбора выделит элиту и установит фундаментальное неравенство.

Закон часто используется как мнимое орудие для достижения равенства, но это или самообман, или попытка власть имущих обмануть других.

Революционные группы борцов за “гражданские права” кстати такой случай. Их цель не равенство, а власть. Происход негритянской культуры африканский и колдовский, а цель колдовства контроль и власть над Богом, человеком, природой и обществом. Вуду, или колдовство, было религией и жизнь американских негров. Песни вуду лежат в основе джаза, а старая вуду с ее нацеленностью к власти, просто сменилась революционной вуду, модернизированное добывание власти.^[70]

Студенческая революция атакует неравенство между студентами и факультетами, между студентами и правящими властями, но они последовательно отвергли выходные уступки в пользу более широким претензиям о власти. Цель с самого начала была власть.

Перечисление можно продолжать до бесконечности. Цель борцов за равенство всегда была власть, а равенство только аргумент, чтобы щекотать большую совесть безверных и шатко управляющих элементов.

Закон всегда требовал неравенства. Вопрос просто такой: будет ли это неравенство по условиям фундаментального правосудия, т.е. вознаграждение добра и наказание зла, или будет неравенство триумфирующих несправедливости и зла.

Заповедь “Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим” значит тоже “Да не будет у тебя других властей пред лицом Моим,” независимых от меня и имеющих приоритет перед Мною. Заповедь может гласить тоже “Да не будет у тебя других законов пред лицом Моим.” Власти, которые сегодня, больше чем всегда, представляют себя как другие боги, являются антихристианскими государствами. Антихристианские государства делают из себя богов и поэтому видят себя как источник закона и власти. В сторону от библейской точки зрения государство становится другим богом, и вместо закона преобладает законность.

Это увлечение по законности имеет длительную историю в современном мире. Гойе, министр юстиции Франции в годы Царства террора, стал известным как “казуист гильотины” из-за своей преданности к законности. Позже, как член Директории, когда столкнулся с предательским захватом власти со стороны Наполеона, он заявил: “В худшем случае, как могла бы произойти революция в Сен Клод? Как Президент, я имею сюда в моем распоряжении печать Республики.”^[71] Сталин проводил свой нескончаемый террор под зонтиком законности.

Однако законность не закон. Государство может через стриктную законность вступить на путь к радикальному беззаконию. Законность относится к правилам игры, как они установленные государством и его судебной системой. Закон имеет отношение к фундаментальному, данному Богом порядку. Современное государство заступает за законность как средство для противопоставления закону. В итоге получается законное уничтожение закона и порядка.

Как результат государство, вместо того чтобы быть “ужасом” для злодеев, становится постепенно ужасом для уважающих закона граждан, для праведных и набожных людей. Хулиганы терроризируют страну беспорядками и насилием, и при этом без страха. Более того, также как Рим объявил войну христианству, так социализм и коммунизм, а постепенно и демократии, состоят в войне против православной и библейской веры. Последствие такого дезертирства со стороны государства от его призвания как слуга правосудия может привести в конце концов только к падению государства. Государство, которое перестает быть ужасом для злодеев и становится ужасом для благочестивых, совершает самоубийство.

I ВТОРАЯ ЗАПОВЕДЬ

1. Законный подход к Богу

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я, Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня. И творящий милость до тысячи родов любящих Меня и соблюдающих заповеди Мои (Исх. 20:4-6; ср. Втор. 5:8-10).

Первая заповедь запрещает идолопоклонство в широком смысле слова. Не может быть других богов, кроме Господа. Эти другие боги сделанные человеком заместители настоящего Бога. Как отмечает Инграм: “другие боги, которыми мы должны заниматься, поскольку их вообще есть, надо искать в креслах светских, т.е. человеческих правителей.”^[1] Библейская дефиниция идолопоклонства очевидно резкая такая; например святой Павел заявляет что: “никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога” (Еф. 5:5). И еще, в Кол. 3:5 говорится о “любостяжении, которое есть идолослужение.” Ленски отмечает: “Один католический священник рассказывает, что в течении долгих лет его службы ему исповедовали всякие греха и преступления, но никогда грех стяжательства.”^[2]

Таким образом, анализируя вторую заповедь, мы должны сказать, *первое*, что буквальное использование идолов и изображений при богослужении строго запрещено. Левит 26:1,2 хорошо выясняет это:

Не делайте себе кумиров и изваяний, и столбов не ставьте у себя, и камней с изображениями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться перед ними; ибо Я Господь, Бог ваш. Субботы Мои соблюдайте и святилище Мое чтите. Я Господь.

Левит 19:4 тоже приказывает:

Не обращайтесь к идолам, и богов литых не делайте себе. Я Господь, Бог ваш (ср. Исх. 34:17).

Другие законы гласят:

И сказал Господь Мойсею: так скажи сынам Израилевым: вы видели, как Я с неба говорил вам. Не делайте предо Мною богов серебряных или богов золотых, не делайте себе. Сделай Мне жертвенник из земли, и приноси на нем всесожжения твои, овец твоих и волов твоих; на всяком месте, где Я положу память имени Моего, Я прииду к тебе и благословлю тебя. Если же будешь делать Мне жертвенник из камней, то не сооружай его из тесанных. Ибо, как скоро наложить на них тесло твое, то осквернишь их. И не всходи по ступеням к жертвеннику Моему, дабы не открылась при нем нагота твоя (Исх. 20:22-26).

Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня. Дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину. Изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крилатой, которая летает под небесами, Изображения какого-либо гада, ползающего по земле, изображения како-либо рыбы, которая в водах ниже земли; И дабы ты, взглянув на небо, и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им, так как Господь, Бог твой, уделил их всем на родам под всем небом. А вас взял Господь и вывел вас из печи железной, из Египта, дабы вы были народом Его удела, как это ныне видно. И Господь прогневался на меня за вас, и клялся, что я не перейду за Йордан и не войду в ту добрую землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел. Я умру в сей земле, не перешедши за Йордан, а вы перейдете, и овладеете тою добрую землею. Берегитесь, чтобы не забыть вам завета Господа, Бога вашего, который Он поставил с вами, и чтобы не делать себе кумиров, изображающих что-либо, как повелел тебе Господь, Бог твой. Ибо Господь, Бог твой, есть огонь пожигающий, Бог ревнитель (Втор. 4:15-24).

Берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше и вы не уклонились, и не стали служить иным богам, и не поклонялись им. И тогда воспламенится гнев Господа на вас, и заключит Он небо, и не будет дождя, и земля не принесет произведений своих: и вы скоро погибнете с доброй земли, которую Господь дает вам (Втор. 11:16,17).

“Проклят, кто делает изваянный или литый кумир, мирзост перед Господом, произведение рук художника, и поставит его в тайном месте.” Вес народ возгласит и скажет: “аминь” (Втор. 27:15).

Этот закон не запрещает гравирования, рисования или произведений искусства вообще. Одежда священника например украшалась яблоками из нитей (Исх.. 28:33-34; 39:24); на крышке ковчега с откровением были вычеканены из золота два херувима (Исх. 25:18-22, 37:7), а святилище в целом было раскрашено богатыми орнаментами. Запрещалось не религиозное пользование таких вещей, потому что и яблоки и херувимы имели религиозную функцию, а строго запрещалось с одной стороны их непозволенное употребление, и с другой стороны их использование как посредничество или путь к Богу. Они не могли быть “в помощь” богослужению; человек не нуждается в другой помощи при богослужении, кроме как постановленную Богом.

В итоге, идолопоклонство в общем запрещается первой заповедью, когда как второй закон-слово запрещает его более специально по отношении с богослужением. Человек может подходить к Богу только по Божьим условиям; не может быть посредничества между Богом и человеком исключая того, что распоряжено Богом.

Обоснование идолопоклонничества совсем логичное. Как один писатель указывал в связи с индускими идолами, цель идолов сообщить абстрактную концепцию несложному разуму. Бог, изображенный многими руками символизирует этим всемогущество высшего существа, а многоглазый бог объясняет всезнание и т.д. Это интеллигентная и логическая теза, но она тоже полностью неверная. Идолопоклонство запрещается Богом и поэтому бесчестит Его. Оно ведет тоже к упадку общества и разращению личности. Всегда, когда человек начинает устанавливать свой собственный подход к Богу, это заканчивается установлением его собственной воли, его собственных вожделений, и в конце концов его самого как бог! Если условия человеческого подхода к Богу ставятся человеком, тогда условия человеческой жизни и процветания диктуются тоже человеком, а не Богом. Однако инициатива принадлежит всецело Богу, и поэтому единственный законный подход к Богу может быть только по Его условиям и полностью по Его милости. Это следовательно *второй* аспект второй заповеди: законный подход к Богу всецело по Его распоряжению. Отсюда алтарь должен быть естественным, не человеческой выработки; отсюда тоже священнику нельзя открывать свою наготу: при исполнении службы посредничества, указанного Богом посредника, он должен быть покрытым одеяниями. Так как порядок богослужения разясняет посредническую работу Христа, указанного Богом подхода к Богу, нельзя отклониться от этого порядка, не совершая вероотступничества.

Третий аспект этого закона-слова такой: точно как буквально запрещается идолопоклонство, так буквально связываются с законом благословение и проклятие. Это ясно указано в формулировке заповеди. Очень четко выявляется в Лев. 26; стихи 1-3 запрещают идолопоклонство, приказывают соблюдение субботы и почтение к святилищу; а также призывает идти по Божьим законам и заповедям вообще. В стихах 4-46 полностью и дословно описываются материальные последствия для нации. Дословный закон имеет и дословные материальные последствия. Подчинение и неподчинение имеют центральные исторические последствия и результаты.

Вкратце, религия, настоящая религия, это не вопрос добровольного выбора, без всякого отражения. Ее требует Бог и неуспех удовлетворить Его требований ведет к осуждению. Утверждать, что люди свободные служить Богу, или не служить, без всяких радикальных последствиях для общества, значит отрицать настоящее значение библейской веры. Жизнь общества в его религии, и если эта религия ложная, тогда общество направляется к смерти. Для подчинения обещаются замечательные и значительные материальные благословения, но “Если и после сего не исправитесь и пойдете против Меня, то и Я пойду против вас и поражу вас всемеро за грехи ваши” (Лев. 26:23,24). Следовательно подчинение не вопрос вкуса: оно вопрос жизни и смерти.

Четвертое, общественное здоровье требует запрещение идолопоклонничества, потому что терпимость к нему означает самоубийство общества. Вот поэтому идолопоклонство не только подлежит наказанию законом как вредное для общества, но оно на самом деле капитальное преступление. Оно составляет измену Царю или Суверену, Всемогущему Богу.

Если найдется среди тебя в каком-либо из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, дает тебе, мужчина или женщина, кто делает зло пред очами Господа, Бога твоего, преступив завет Его; И пойдет и станет служить иным богам, и поклонится им, или солнцу, или луне, или всему воинству небесному, чего Я не повелел; И тебе возвещено будет, и ты услышишь: то ты хорошо разыщи, и , если это точная правда, если сделана мерзость сия в Израиле, То выведи мужчину того, или женщину ту, которые сделали зло сие, к воротам твоим, и побей их камнями до

смерти. По словам двух свидетелей или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля. Рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтоб убить его, потом рука всего народа; и так истреби зло из среди себя (Втор. 17:2-7).

Для современного разума измена к государству логически карается смертью, но не и измена к Богу. Однако никакой правовой порядок не может уцелеть, если не защищает свою внутреннюю веру суровыми санкциями. Правовой порядок гуманизма ведет только к анархию. При отсутствии абсолютов гуманистский правовой порядок толерирует все, которое отрицает абсолютов и тем временем волюет против библейской веры. Единственный закон гуманизма в крайней степени этот, что нет никакого закона, кроме полного самоутверждения. Это “Делай все, что тебе нравится.” Результат – это аrogантное презрение к закону, манифестированное в 1968 году в округе Риверсайд, Калифорния, словесной атакой Комитета, выдвигающего кандидатуры в Президенты США Елдридж Клийвера. Елдридж Клийвер, “министр информации” организации “Черные пантеры” и кандидат в президенты от Партии Мира и Свободы, расписывался в этом изъявлении отчасти так:

Теперь представим Елдриджа Клийвера. Его “Американскую историю” можно рассказать быстро. Сначала он был незамечательным и не к делу – козленок из трущоб Литл Рока, лишнее гетто в Ватсе. Потом он был местной досадой – в 1954 году, когда его арестовали в первый раз для курения марихуаны, ему было 18. Потом он стал Дикой Угрозой – это когда его посадили в тюрьму второй раз, в 1958 году, для расстраивания первого сна белых богинь некоторых предместий Лос-Анджелеса. Позднее, когда своим собственным прекрасным путем и вопреки невероятного неравенства он достиг свое выдающееся мужество, чем был он тогда? – Политическим заключенным, в стране, которая претендует, что даже не знает значение этих слов.^[3]

Термины, которыми описывается приговор за изнасилование, показывают полное презрение к библейскому правовому порядку со стороны коммитета. Толерировать чужой правовой порядок, это настоящее подкрепление для него; это гарантия жизни для этого чужого правового порядка и смертельный приговор против установленного порядка.

Сэр Патрик Девлин указывает дилему сегодняшнего закона:

Я думаю, это ясно, что уголовный закон, как мы это знаем, основывается на моральных принципах. При множество преступлений его функция просто применить моральный принцип и ничего больше. Закон, уголовный и гражданский, претендует быть способным говорить о моральности и неморальности вообще. Откуда он берет свой авторитет делать этого и как он устанавливает моральные принципы, которых он проводит в жизнь? Бессомненно, как вопрос истории, он извлекает их обоих из христианского учения. Но я думаю, что строгий логик прав, когда говорит, что закон не может больше рассчитывать на доктринах, в которых гражданам дается право на безверие. Поэтому необходимо искать какой-нибудь другой источник.^[4]

Кризис правовой системы вызван фактом, что закон западной цивилизации был христианский закон, но его верой все больше становится гуманизм. Старый закон поэтому ни понимается, ни соблюдается, ни проводится в жизнь. Но новый “закон” просто превращает каждого человека в его собственный закон и с нарастающим темпом ведет к анархии и тоталитаризму. Закон, говорит Девлин, не может функционировать “в области морали, которой общность не так глубоко вдохновляется, особенно что касается греха; закон не конструирован носить такой тяжести и оседает под нее, что может привести к остаточному искривлению.” Более того,

Человек, который допускает, что мораль необходима обществу, должен поддерживать использование тех инструментов, без которых невозможно поддерживать эту мораль. Два таких инструмента это учение, которое есть доктрина, и принуждение, которое есть закон. Если можно учить морали только на базе, что она необходима обществу, не было бы общественной необходимости в религии; ее можно оставить как сугубо личное дело. Однако морали нельзя учить таким образом. Ни лояльности можно учить тем же образом. Никакое общество не может пока решить проблему как учить морали без религии. Так что закон должен основываться на христианской морали и проводить ее в жизнь на границе своих возможностей, не только потому что это мораль большинства из нас, ни просто из-за того, что это мораль, которой учит установленная церковь – по этим пунктам закон признает право мыслить иначе – но из-за принудительной причины, что без помощи христианского учения закон провалиться.^[5]

Вкратце, закон данного общества не может возвысить народ выше уровня веры и морали народа и общества. Народ не может издавать себе законы выше своего уровня. Если он поддерживает христианскую веру словом и делом, он может установить и поддерживать благочестивый закон и порядок. Если его вера гуманизм, люди будут изменять любому правовому порядку, который не прощает им самонадеянность и безответственность.

В таком случае основной вопрос такой: что составляет измену в данной культуре? Идолопоклонство, т.е. измена к Богу, или измена к государству? Какой фундаментальный принцип порядка, необходимая основа человеческого существования и спасения, Бог или государство? Измена государству, это концепция, которую можно использовать, чтобы уничтожить набожного человека, и это так и происходит в марксистских странах. Измену можно дефинировать в очень тесных рамках и очень осторожно, как в Конституции США, параграф III, раздел 3, но что получится если враги гражданства так повернут дело, что государство окажется изменником своей собственной Конституции? Для христиан идолопоклонство представляет больше всего измена общественному порядку.

Пятое, мы увидели, что хотя идолопоклонство дефинируется в тесных рамках, оно в тем временем дефинируется очень четко, т.е. как хищничество. Но идолопоклонство включает всякую и каждую попытку человека руководиться своим собственным словом, а не Божьим законом-словом. Оно часто совершается искренним и набожным образом. Многие родители до греха терпеливые и снисходительные к своим незаконным детям, или супруги к своим женам, и жены к своим супругам, глубоко надеясь, что Бог чудом изменит своеправного субъекта. “Я непрестанно молюсь,” будут твердить они, прибавляя, что для Бога все возможно. Но это трусливая надменность и грех. Действительно, все возможно для Бога, но мы не можем жить, соображаясь с тем, что он может сделать, а надо иметь ввиду только то, что требует Его закон-слово. Ждать превращения или ходить с надеждой, это греховное заместительство подчинения Богу и принятия реальности под Богом, хотя и маскированное очень набожно. Такое поведение означает превратить нашу надежду в закон-слово, а Божий закон-слово лишить действия. Самуил выяснил это Саулу, говоря: “Ибо непокорность есть такой же грех, что

волшебство, и противление то же, что идолопоклонство” (I Цар. 15:23). Нам не позволено называть наше противление и непокорность иначе, чем грехом.

Единственный законный подход к Богу, это путь, указанный Им, и этот путь проходит через личность Иисуса Христа. Любой другой путь – идолопоклонство, даже когда представляется в имени Господа.

2. Трон закона

В Исх. 25-31; 35:4–39:43 закон представляется в ходе построения скинии, т.е. палатки для собраний: “И устроят они Мне святилище и буду обитать посреди их. Все, как Я показываю тебе, и образец скинии и образец всех сосудов ее, так и сделайте” (Исх. 25:8,9). Этому образцу надо было следовать строго, без изменений. Когда идеальный или символический храм будущего, т.е. Царства Христова, разрисовывается Иезекиилем, опять требуется придерживание к модели (Иез. 43:10). Это ударение на абсолютность образца ставится еще и в Евр. 8:5; 9:23).

И так, *первое*, образец скинии дается Господом и это всецело Его работа. Дж. Едгар Парк видит его как “ответ человека Богу.” “Как Создатель сотворил землю для человека, чтобы жил на нее, так человек должен построить жилище для Создателя.” Парк не видит это как итог истории, ни как откровение.^[6] Это может быть и красивая мысль, но она неверная. Образец и материалы требуются Богом, и от Его поданных ожидается подчинение. Когда поданные строят дворец своему монарху, это не “ответ” ему, а подчинение ихнему царю.

Это конечно показывает *второй* аспект закона святилища: молельня есть что-то больше чем палатка для собраний: “Она дворец Царя, в котором народ выражает Ему свое почтение.”^[7] По этому пункту выявляется центральная ошибочность церковного подхода к предмету. Самые ранние библейские ученые верили, что религия – забота церкви и это их фундаментальное верование все еще разделяется в нашей современности. В их анализах типологии и символизма молельни, они ставят ударение на связь с церковным богослужением.^[8] Однако сведение религии к церкви просто модная ересь; область религии это все в жизни и заботой святилища была вся жизнь. Скиния была дворец Бога-Царя, заветного Господа Израиля, откуда он правил народом абсолютно. Израиль представлял себя в дворец не только к богослужениям, а и чтобы получить распоряжения во всех отношений и во всех областях.

Третье, в результате может существовать только одно святилище, потому что есть только один настоящий Бог: один Бог, один трон, одно царство, которым надо управлять. Поскольку был один закон, управляющим Божьим царством, был один источник закона – дворец. Потому что с церковной точки зрения для людей трудно видеть скинию как Божий дворец и жилище по началу и по существу; для ориентированного к церкви разума она была по началу и по существу место богослужения. Даже моментное рассуждение может выяснить этот вопрос. Закон взыскивает от всех людей мужского пола являться в дворец трижды в году.

Три раза в году празднуй Мне (Исх. 23:14).

Три раза в году должен являться весь мужеский пол твой пред лице Владыки, Господа (Исх. 23:17).

Три раза в году должен являться весь мужеский пол твой пред лице Владыки, Господа Бога Израилева (Исх. 34:23).

Кто-нибудь возразит, что эти три праздника описываются как “святые” собрания (Лев. 23:4) и таким образом являются ясно и по существу богослужением. Но связывать святость с богослужением, это серьезная ошибка; богослужение не святое само собой и может быть богохульством; святость не относится к богослужению, а к Богу во всех Его путях и во всем Его существовании. Это значит, что всякие благочестивые дела дома, в поле, на суде, в церкви или школе, они святые дела. “Средневековая” точка зрения, хотя и развращенная неоплатонизмом, все таки оставалась более библейская, чем модная концепция о государстве как светское и безбожное агентство, т.е. вне дворца Бога и отделенное от Него. Так как монарх является Божьим министром правосудия и потому что он управляет как заместитель Христа Царя, институт монархии считается святым институтом.

Царь был на самом деле портрет Христа. Ритуал коронации как таинство превращал его в *Christus Domini*, т.е. не только в лице епископского ранга, но и в образ самого Христа. Этим ритуалом, как пишет профессор Канторович, “новое управление связывается с божественным управлением и с управлением Христа, настоящего правителя мира; и образы Царя и Христа объединялись так близко, сколько это было возможно.” Такое драматическое представление о значении монархии не ограничивалось коронацией Царя. На больших религиозных праздниках года “день возвеличивания царя устраивался совпадающим с... днем возвеличивания Господа,” с целью чтобы “земное царство выглядело насколько можно более ясно как происшедшее от царства Христова.” Во Франции, как и в других странах, такие религиозные праздники часто использовались очень удобно для праздничной коронации короля; и так как политические собрания королевства созывались также на этих праздниках, перемешивание двух сфер подчеркивалось пышными литургическими зрелищами, которые ставили ударение на священническое достоинство королевского института. То, что показывается нам как что-то не больше чем пышное праздничное зрелище, на самом деле акт священного, как и конституционного значения. Именно показание короля как *Christus Domini* возвышает его над даже самыми могучими герцогами. В политических противоречиях раннего двенадцатого века этот факт подчеркивался снова и снова.^[9]

Однако под влиянием неоплатонизма выдвинулась концепция о непрерывности, т.е. о том, Что Бог и король одно существо, что привело к богослужению правящим и к антихристианскому порядку. В смысле библейского отсутствия связи между существами Бога и человека, типологию короля как уполномоченного Богом надо поддерживать. Однако типологию нельзя трансформировать в концепцию о непрерывности.^[10]

Святость относится следовательно по началу и по существу к Богу, и на втором месте к всему, сделанному в Его имени, согласно Его слову и для славы Его. Все сотворенное Богом в целом хорошо, и поэтому святое, отделенное и посвященное Ему. Люди, через свое грехопадение, стали богохульниками. Цель спасения это возвращение вселены к святости, ее новое сотворение, и отделение негодяев или Ханаанеев от “дома Господа Саваофа” (Зах. 14:20,21).

Скиния была Божьим Дворцом; она была святилищем, потому что была Божьим дворцом или жилищем. В пустыне и в ранние годы Бог делал свой дворец как люди делали свои жилища, т.е. в палатке. Позднее, при Давиде, люди начали осознавать контраст между их домами и Божьим дворцом, все еще в палатке (II Цар. 7:2). Построение этого храма, дома или дворца Бога откладывалось Богом до царствования Соломона (II Цар. 7:4-29).

Скиния, как и храм после нее, оставались прежде всего дворцом, не дом богослужения. Богослужение было местное и его место было в семье. Суббота соблюдалась дома, не в святилище. Рассматривать скинию и храм как церковные структуры значит неправильно понимать Библию. То что в святилище проводились богослужения не меняет дела. Человек служил Богу везде: когда убивал свою пищу — дичь или домашние животные, кровь проливалась как богослужение. Перед битвой приносились молитвы и жертвы, и грех Саула был, что он не дождался пока Самуил придет и исполнит обряд (I Цар. 13). Но обычное место для богослужения было дома, где соблюдались требования субботы.

Четвертое, скиния не являлась двойником церкви. Когда при смерти Христа завеса в храме раздралась на двое (Мат. 27:51), конец храма как Божий дворец стал явным. Новый храм — это Иисус Христос, который был распят, чтобы объявить Себя как настоящий храм, созданный Его воскресением (Мат. 26:61; 27:40; Иоан 2:19-21 и т.д.). Поселяя в себя Святого Духа, верующие теперь в известном смысле храмы Бога (I Кор. 3:16,17), как и церковь тоже, о которой говорится как о “доме Бога” (I Тим. 3:15; I Пет. 4:17), но и “церковь,” как показана таким образом, это не видимое жилище или структура, а целое видимое собрание или церковь Христа. Храм, или точнее скиния, воплотилась в Христе, и настоящая святая святых теперь открыта для людей веры, так что через “кровь Христа” Божий заветный народ имеет доступ к трону (Евр. 10:19-22).

Скиния имела три пространства. Первое, там был двор, открытый только для заветных людей, и хотя и огражденный, был открытый к небу. Второе помещение было открытое только для священников и занавешенное, хотя и все еще освещенное. Третье, святая святых, было занавешенное и мрачное и только главный священник входил в нем раз в году. В небесах Бог живет как Правитель вселенной; в скинии Бог жил “в своей снисходительной милости” как правитель Своего заветного народа.[\[11\]](#)

Своим воплощением существование скинии открыло дорогу воплощению Бога-человека, Иисуса Христа. Через вознесение Святой Дух продолжает работу управления; таким образом никак невозможно отделить Святого Духа от закона и управления ни в каком смысле. Впрочем, даже больше, с Христом начался новый этап в управлении Бога Царя. Небесное святилище, трон мира, стал трон Христа, который царствует теперь, чтобы покорить всех своих врагов (I Кор. 15:25), чтобы так исполнилось триумфальное пророчество: “Царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков” (Отк. 11:15). Имея ввиду эту цель, Иисус Христос говорил заветным людям: “дана Мне всякая власть на небе и на земле: Итак идите, научите все народы...” (Мат. 28:18,19). Церковь послана в свет как часть Христового империализма, чтобы покорить мир Его царствованию.

Пятое, в святая святых трон Бога это закон. Фейрбейрн ясно обращает внимание на это:

Указанная здесь связь между откровением закона в более строгом смысле, и структурой и использованием святого жилища, появляется совсем поразительно в данном описании скинии, которое после упоминания разного сорта необходимых материалов, начинается прежде всего с ковчегом завета — вместилище, как можно его в равной степени назвать, Декалога, так как он был просто сундуком для содержания таблиц с законом, и как такой считался за настоящее сиденье, или трон, с которого Иехова манифестировал свое присутствие и славу (Исх. 25:2, 9, 40 и т.д.). Поэтому он был самую ценную вещь из мебели, принадлежащей скинии — центр, из которого должно было исходить и извлекать свой существенный характер все, относящееся к приятельству между людьми и Богом.[\[12\]](#)

Ковчег содержал договор, заветный закон между Богом и человеком. Следовательно ковчег был вместилищем закона и символизировал закон. Бог дал закон своему заветному народу по милости и Его трон был тем же самым законом. Закон показывал правосудие и правду Божью и он был Его управление, объявленное в деталях и принципах. Центральное значение ковчега это чтоб его рассматривали как закон. “Не может быть никакого сомнения — что собственно содержанием ковчега были две таблицы завета, и что быть вместилищем для них, это было специальное предназначение, для которого он был сделан.”[\[13\]](#) Ковчег это не нормальное кресло: более очевидно, что он сундук, и ударение ставится на содержание сундука как на соглашение между Богом и человеком, как на базу Божьего управления и трон Его царства. Было бы поэтому невозможным населием над царством Христовом отделять его от закона или рассматривать Его дело как конец закона.

Бог не сделал алтарь Своим трон, потому что алтарь, хотя и важный, показывает искупление, начало новой жизни для Божьего народа. Цель искупления и спасения, это управление Бога над царством, всецело подчиненное закону завета, но также и полное радостью. Это подчинение закону с радостью было полностью манифестировано Иисусом Христом, который объявляет: “вот, иду исполнить волю твою, Боже” (Евр. 10:5-9), и который как Царь, царствует по условиям закона, которого Он дал и Он выполнил.

Следовательно, скиния имеет центральное значение для библейского закона: она объявляет, что Божий трон это Его закон и что трон закона управляет миром.

Вера, которая останавливается у алтаря, урезанная и несовершенная. Алтарь символизирует спасение. Он показывает новое рождение верующего. Но новое рождение для чего? Без измерения закона жизнь отвергает значение и цель нового рождения. Не удивительно, что вера, нацеленная на алтарь, нацелена на небеса и на восторг, а не на Бога. Такая вера ищет бегство от мира, а не выполнения Божьего призвания и закона-слова в самом мире. У нее нет знания о троне.

3. Алтарь и смертная кара

В законе указываются материалы для построения алтаря. Первое слово относящееся к алтарю, появляется в Исх. 20:22-26, алтарь из естественных материалов для периода до скинии, для интервала до ее построения. Человеку нельзя было проектировать и выработать этот алтарь, “потому что алтарь не представлял сотворения, а был местом, на которое Бог приходил, чтобы подтвердить свое приятельство с человеком. По этой причине алтарь должен был быть сделанным из тех же материалов, которые составляли земную почву Божьего царства, т.е. из земли или из камней”^[14]

Божья модель для алтаря дается последовательно как часть закона о скинии (Исх. 27:1-8; 38:1-7).^[15] Он был построен из акациевого дерева, полностью покрытый бронзой, а его размеры были пять на пять на три локтя.^[16]

Алтарь был конечно религиозным по своему центральному значению. Жертвоприношение объясняло факт искупления, то что Бог указал грешному человеку путь к спасению. Это совсем ясно *первое* и центральное значение алтаря. Животные, жертвованные на алтаре, символически представляли Иисуса Христа, “Божьего агнца, который берет на Себя грех мира” (Иоан. 1:29). В откровение 1:5 Иисус Христос описывается как такой, который возлюбил нас и омыл нас от грехов наших кровию Своею.” Без принятия искупительной жертвы Иисуса Христа, невозможны ни спасение, ни христианская вера. Жертвоприношение составляет основу библейской веры. Очень широкий и фундаментальный аспект всего Святого писания, это декларация о заместительной жертве и об искуплении, данном Богом. Глава за главой даются законы, относящиеся к жертвоприношению. Иисус Христос объявил, что Он Сын человеческий, который пришел “чтобы отдать душу свою для искупления многих” (Мат. 20:28; Мар. 10:45). Апостольская декларация такая: “Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, Предавший Себя для искупления всех: таково было в свое время свидетельство” (I Тим. 2:5-6). Алтарь символизирует Иисуса Христа и Его искупительную жертву.

К несчастью, церковная интерпретация библии начинается с и кончается у этого пункта. Значение алтаря обсуждается умело и очень широко, однако почти всегда с уклоном в основном к жизни церкви, когда как оно в действительности основное для жизни человека в церкви, государстве и всего существования.

Фейрбейрн привлекает внимание к этому *второму* аспекту алтаря:

И не может быть никакого сомнения, что только что отмеченное представление, как и другие с подобным описанием, касающиеся смерти Христа, действительно по своему естественному смыслу имеют правовой аспект; они несут с собой уважение к взысканиям закона или правосудия, которого этот закон выражает. Они объявляют что, чтобы удовлетворить эти взыскания в пользу грешников, Христос принял юридическую смерть – смерть, которую, хотя и вовсе незаслуженную со стороны Его, который выстрадал ее, надо рассматривать как заслуженный приговор небес над человеческой виной. Представлять проклятием то, что Он мог освободить людей от проклятия закона, это не может иметь другого значения, чем то что Он вытерпел наказание, которое они навлекли на себя как нарушители закона, чтобы они могли избежать этого наказания; ни возможно размен, указанный словами “Он стал грешником из-за нас, чтобы мы могли бы стать праведниками в Него перед Богом” понимать что как раз значит меньше, чем то, что Он, Праведник, занял место грешников в страдании, чтобы они могли занять Его место в благосклонности и благословении. А неумолима необходимость в компромисе – необходимость, которую даже ресурсы бесконечной мудрости, при самой певой молитве Иисуса, нашли невозможной избежать (Мат. 26:39) – во что может покоиться она, если не в лоно закона, чьи нарушенные взыскания взымают об удовлетворении? Не что Бог наслаждается кровью, а что верховные интересы правды и праведности требуют поддержки, даже хотя кровь, невыразимо драгоценную кровь, надо проливать для их защиты.^[17]

Таким образом алтарь выясняет, не меньше чем ковчег, *закон и правосудие закона*. Закон имеет такое центральное значение для Бога, что его требования надо выполнять как необходимое условие для милости, и Бог применяет эти требования к Иисусу Христу, как новый Адам, голова нового человечества, соблюдал закон перфектно, *чтобы показать подчинение новой расе или человечеству*, и умер на кресте как невинный Агнец Божий, *чтобы выполнить требования закона против грешников*. Милость нельзя ставить в сторону от закона: она обеспечивает необходимое выполнение закона. Следовательно, милость Божья свидетельствует о действительности закона и о полной и абсолютной справедливости его требований.

Здесь опять Фейрбейрн излагает дело красноречиво и ясно:

Мы должны иметь солидное основание под ногами, на которое ступить, надежную и жизненную почву, чтобы заслужить доверие Бога. И это мы можем найти только в старой церковной взгляд на страдание и смерть Христа как на удовлетворение Божьей справедливости за преступление, совершенное через наш грех к Его нарушенному закону. *Удовлетворение*, я подчеркиваю, *Божьей справедливости*, которая является камнем преткновения для некоторых, даже евангелистских, писателей; они сказали бы удовлетворение Божьей чести, действительно, но ни в коем случае Божьей справедливости. Что тогда, спрошу я, будет Божья честь, в стороне от Божьей справедливости? Его честь не может быть ничем, кроме рефлексивное действие или показывание Его моральных атрибутов; а в проявлении этих атрибутов фундаментальный и контрольный элемент, это справедливость. Каждый из них обусловлен; сама любовь обуславливается требованиями справедливости; и обеспечить сферу для действия любви при оправдании безбожника в соответствии с этими требованиями, это настоящая почва и причина для искупления – его почва и причина прежде всего в сознании Бога, и так как там, тогда тоже и в его живом образе, человеческой совести, которая инстинктивно рассматривает наказание как “отдача вечного правого закона против нарушителя,” и не может достигнуть настоящего покоя, кроме посредством действительного искупления. То ли, однако, что действительное искупление не везде знакомо, то ли из-за частичного непонимания, она всегда начинает искать искупление для себя самой. И так закон утверждается (Рим. 3:31) – наиболее замечательно утверждается через эту характерную особенность Евангелия, которая специально отличает его от закона – его изложение спасающей любви Бога в Христе.^[18]

Отрицать этот второй аспект алтаря, это впадать в антиномию. Такая точка зрения видит алтарь как свидетель безусловной Божьей любви, а не любви, “обусловленной требованиями справедливости,” если используем фразу Фейрбейрна.

Надо признать в таком случае, что или свидетельство и значение алтаря, как закон и справедливость, поддерживаются и утверждаются, или другая религия, которая антихристианская до самого сердца, наденет одежду христианской веры. Кровь алтаря была неумолимой и стойкой декларацией о неизменном и твердом требовании закона, что Божье правосудие должно выполняться.

Третье, алтарь ясно свидетельствует о *смертной казни*, как основной для закона. Доктрина о смертном наказании нормально не связывается с алтарем или с второй заповедью, а скорее всего с шестой, “Не убивай.” Это заблуждение не только ограничивает значение шестой заповеди, но и лишает смертную кару ее глубокого теологического основания. Если смертная казнь не основная в Божьем законе, тогда Христос умер напрасно, потому что было бы возможно найти способ полегче, чтобы удовлетворить Божью справедливость. Если смертная казнь не основная для второй заповеди, то тогда алтарь кровавая ошибка и Богу служили без никакой необходимости безнравственным проливанием крови. Однако вообразить, что искупление возможно без смерти, или что алтарь можно обойти, когда человек подходит к Богу, это значит разукрасить образ человека и человеческую способность спасти себя самого, заменяя триединного Бога.

Смертная казнь не только взыскивается законом, но еще уточняется, что не может быть никакого смягчения наказания: “И не берите выкупа за душу убийцы, который повинен смерти, но его должно предать смерти” (Числ. 35:31). Следовательно, когда разные протестантские и римокатолические церковные лидеры, включая папу Павла VI, и гражданские авторитеты вроде королевы Елизавет II, пытались убедить родезийские власти отменить смертную казнь нескольких убийцев под предлогом, что они были “борцами о свободе,” они игнорировали и презирали закон Бога. Они выражали тоже свое презрение к кресту Христову, который показывает необходимость в смертной казни во взгляде Бога и ставили *свое* слово выше Божьего слова.

Законы, относящиеся к смертной казни, можно в кратце обобщить:

Числа 35:31: Нельзя смягчать наказание.

Бытие 9:5,6; Числа 35:16-21; 30-33; Второзаконие 17:6; Левит 24:17: осужден за убийство.

Левит 20:10; Второзаконие 22:21-24: За супружескую измену.

Левит 20:11,12,14: За кровосмешение.

Исход 22:19; Левит 20:15,16: За скотство.

Второзаконие 22:25: За изнасилование обрученной девицы.

Второзаконие 19:16-20: За ложное свидетельство по делу, включающее капитальное преступление.

Исход 20:16; Второзаконие 24:7: За похищение.

Левит 21:9: Дочери священника за блудодеяние.

Исход 22:18: За ворожейство.

Левит 20:2-5: За приношение человеческой жертвы.

Исход 21:15,17; Левит 20:9: За побой или проклинание отца или матери.

Второзаконие 21:18-21: О неподдающихся несовершеннолетних преступников.

Левит 24:11-14,16,23: За богохульство.

Исход 35:2; Числа 15:32-36: За осквернение субботы.

Второзаконие 13:1-10: За ложное пророчество или распространении ложных доктрин.

Исход 22:20: За жертвоприношение ложным богам.

Второзаконие 17:12: За незаконный отказ подчиняться благочестивому закону и порядку, за поведение и действия против закона и суда.

Второзаконие 13:9; 17:7: Экзекуция свидетелями.

Числа 15:35,36; Второзаконие 13:9: Экзекуция собранием.

Числа 35:30; Второзаконие 17:6; 19:15: Не осуждать по показаниям меньше чем двух свидетелей.

В Новом завете наказания изменились по нескольким пунктам, но основной принцип смертной казни был подкреплён и выяснен искупительной смертью Христа, которая показала, что за измены человека к Богу и за отклонение от Божьего закона наказание одно – смерть без помилования.

Кровь алтаря и существование алтаря объявляют таким образом необходимость в смертной казни. Противопоставляться смертному наказанию, как оно указано Божьим законом, значит противопоставляться кресту Христову и отрицать действительности алтаря.

Алтарь, следовательно, показывает принцип смертной кары. Однако, *четвертое*, алтарь – *декларация жизни*, потому что он свидетельствует о смерти. Он объявляет, что наша жизнь остается в смерти Агнца Божьего. Он объявляет тоже, что безопасность нашей жизни заслоняется и ограждается стеной через существование смертной кары. Если Божий закон отрицается в этом отношении, тогда “осквернилась земля, и Я воззрел на беззаконие ее, и свергнула с себя земля живущих на ней” (Лев. 18:25). Но набожное применение смертной кары очищает землю от зла и защищает праведного. Призывая к смерти неподдающихся юношей преступников, которое в смысле уголовного кодекса значит смерть неподдающихся взрослых преступников, закон объявляет: “и так истреби зло из среди себя, и все Израильтяне услышат, и убоятся” (Втор. 21:21).

Отрицать смертную казнь значит настаивать на жизни для зла; значит, что злым людям дается право убивать, похищать, изнасиловать, и нарушать закон и порядок, а их жизнь в это время гарантируется. Убий дается право убивать, не теряя при этом свою жизнь, а жертва и потенциальные жертвы лишаются их права жить. Люди могут говорить о безусловной любви и безусловной милости, но на самом деле каждый акт любви и милости условный, потому что отдавая ему одному человеку, я утверждаю условия его жизни и тем временем отрицаю других. Если я люблю убийцу и милостив к нему, я не люблю его настоящую и будущие жертвы и беспощадный к ним. Более того, в таком случае я открыто презираю Бога и Его закон, которые не позволяют никакой милости к человеку, виновному за смерть: “И не берите выкупа за душу убийцы, который повинен смерти, но его должно предать смерти” (Числ. 35:31). Более того:

Не оскверняйте земли, на которой вы будете жить; ибо кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровию пролившего ее. Не должно осквернять землю, на которой вы живете, среди которой обитаю Я; ибо Я, Господь, обитаю среди сынов Израилевых (Числ. 35:33,34).

Левит 26 выясняет проклятие, которое остается на земле, презревшей Божий закон: если народ не очистит землю от зла, Бог очистит землю от ее народа. В смысле этого не удивительно, что история так продолжительно идет гибельным курсом в сторону от Божьего закона-слова.

Такое, следовательно, значение алтаря: он жизнь для праведного в Христе, который спасен через Его искупительную кровь, потому что алтарь представляет непреклонную и неизменную смерть зла. Алтарь высший свидетель смертной казни и факта, что она никогда не отменялась. Для нас, по милости Бога, она исполнилась на личности Иисуса Христа. Мы не можем шутить с законом Бога, не презирая Христа и Его жертву, и не раскрывая этим нашу собственную беспутную природу, “Ибо, если мы, получивши познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников” (Евр. 10:26,27).

Но для нас, которые стоим за смысл алтаря, он наша жизнь и гарантия об осуждении врагов Бога и Его царства.

4. Жертвоприношение и ответственность

Жертвоприношение обычно рассматривается как реликвия первобытного прошлого человека; попытки перевести внимание к божественному началу в смысле Святого писания не принимаются в расчет, и нам говорят, что “все моногенетические теории о происходе жертвоприношения можно безопасно отбросить в сторону с самого начала.”^[19] Это бесцеремонное отбрасывание покоится на вере в автономного человека и на его мировоззрение, направленное против Бога.

Жертвоприношение основное для библейской веры, и оно основное для библейского закона. Всякое исследование библейского закона должно по необходимости признать центральную роль жертвоприношения.

Анализируя значение жертвоприношения для закона (потому что наш интерес здесь правовой, а не сотериологический), необходимо, *первое*, признать что *библейское жертвоприношение нуждается в доктрине о человеческой жертве, хотя и отбрасывает грешного человека как жертву*. Как отмечает Вос, комментируя жертвоприношение Исаака (Быт. 22), “жертвоприношение человеческого существа не может быть осуждено в принципе.”^[20] Более того,

Каждое библейское жертвоприношение покоится на идее, что дарить жизнь Богу, как посвящение или как искупление, необходимо для действия или для восстановления религии. То, что переходит от человека к Богу не рассматривается как собственность, а даже хотя и будучи собственностью для символических целей, означает всегда в последних анализах дарить жизнь. И это в оригинальной концепции не дарить чужую жизнь, ни как искупление, ни как посвящение; это приносящий жертву дарит свою собственную жизнь. Второй принцип, подчеркивающий идею, это что человек в ненормальной связи с грехом неспособен предложить этот дар своей жизни собственной персоной. Отсюда принцип заместительства входит в игру: одна жизнь занимает место другой жизни... Не жертвоприношение человеческой жизни как таковой, а жертвоприношение усредненной грешной человеческой жизни, возражается Ветхим заветом. Моисеев закон учит этому через символизм, разработанный в деталях.^[21]

Отметки, что жертвоприношение служит как для *искупления*, так и для *посвящения*. Это как указывает Вос, “дар жизни самого приносящего,” и еще, по причине *непригодности из-за греха*, вводится “принцип заместительства,” т.е. указанной Богом замены. Олер, занимаясь всеми формами приношений и жертв, объявляет “Существенная природа жертвоприношения в общем состоит в посвящении человека Богу, выраженное вещественным актом.”^[22] Вот это и есть сущность жертвоприношения, *полное посвящение человека Богу*.

Второе, это действительное и полное посвящение Богу требует *подчинение Божьему закону* в любви и вере. После Десяти заповедей следует призыв подчиняться в полном посвящении: “И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими” (Втор. 6:5). Раньше жертвоприношения описывались законом, Моисей на Синае в первый день приказал подчинение (Исх. 19:5,6), а в третий день был дан закон и принесены жертвы (Исх. 19:10-24:8). Как будто к этой первичности подчинения обращается Иеремия (Иер. 7:21-24). Жертвоприношение надо связывать с подчинением, согласно Иеремии 33:10, 11, и оно должно состояться в день возращения. Пророки осуждали чисто формальное жертвоприношение: было необходимо еще подчинение, чтобы придать жертвоприношению смысл полного посвящения человека Богу.^[23]

Третье, физическая жертва грешного человека как приношение Богу, это ужасное преступление против Него, и влечет за собой осуждение (Иер. 7:30-34). Так как сущность жертвоприношения – посвящение человека Богу, человеческое жертвоприношение попытка обойти Божий закон и найти человеческий путь к Богу. Таким образом человеческая жертва является в своей сердцевине гуманисткой: это искупление человеком по его условиям.

Четвертое, очевидно что жертвы, в отличии от приношений, показывают Христа, безгрешного и совершенного человека, который при полном посвящении Богу, соблюдал закон полностью. Христос, как безгрешный человек, был приемлемой жертвой для искупления грехов Его избранных, которые спаслись через Его искупительную кровь. Отсюда, чтобы представлять Христа, жертвенное животное должно было быть без недостатков.

Пятое, жертвоприношения взыскивались от всех верующих как их обязательство к миру и единстве с Богом. Те, которых неохватывает жертва Христа, находятся под смертельным приговором. В системе жертвоприношения верующий “возложит руку свою на голову жертвы всесожжения” (Лев. 1:4), или более буквально *опирается* своей рукой.^[24] Некоторые части жертвы и от всего мяса были резервированными, запрещенными для человека: кровь, жир, почки с жиром на них, и если это была овца, хвост (тоже с жиром); это были постоянно резервированные части, в отличии от частей, резервированных для священников (Исх. 29:22; Лев. 3:9; 7:3, 4; 8:25; 9:19, 20). Животные, которые принимались как жертвы, были рогатый скот, овцы и козы, и их маленькие; из домашних птиц принимались горлицы и голубята; все они были из класса “чистых” животных (Лев. 9:3; 14:10; 5:7; 12:8; Числ. 28:3, 9, 11; 7:16, 17, 22 и т.д.).

Проливание крови основное для единства верующего и Бога. Олер отмечает:

Посредник завета первый приносит Богу в крови *чистую жизнь*, которая входит между Богом и народам, охватывая и искупляя последнего. В связи с этим обрызгивание алтаря не только означает, что Бог принимает кровь, но в то же самое время служит для освящения места, на котором Иехова осуществляет взаимоотношение со своим народом. Однако когда часть крови, принятой Богом, применяется потом к людям через акт обрызгивания, это должно бы означать, что та же самая жизнь, которая принесена для искупления народа, предназначается тоже чтобы посвятить самого народа в заветном přátельстве с Богом. Акт посвящения таким образом становится актом обновления жизни – перевод Израиля в царство Божие, при котором народ наполняется божественной жизненной энергией, и освящается быть царством священников, святым народом.^[25]

Все должны быть под кровью, иначе они под приговором.

Шестое, система жертвоприношений вводит в закон один основной принцип: *чем больше ответственность, тем больше вина и тем больше грех*. Это ясно показывается в Левит 4, согласно чему есть четыре уровня или степени греха: 1) высшего священника, 4:3-12, чье приношение за грех должно быть теленок, самая большая и самая дорогая жертва. “Это точно такое же приношение, как за грехи целого собрания.”^[26] Религиозные лидеры несут центральную ответственность в отношении к Божьему закону и поэтому их вина больше, и осуждаются они Богом более строго. 2) Грех целого собрания следующий в класации, 4:13-21; “собрание” здесь относится к древнееврейской нации. Грех народа коллективно действительный; он может быть грехом по неведению, или краткое отклонение в подчинении закону, но все таки грех. Необходимая жертва опять теленок. 3) Грех “начальника,” гражданского магистрата или служащего, следующий по порядку в последовательности. Приношение за грех здесь было “козел без порока” (4:22-26). “Начальник” ясно “включает все гражданские магистраты. Его высокая ответственность показана здесь на примере в Прит. 29:12, ‘Если правитель слушает ложные речи то и все служащие у него нечестивы.’” Более того, текст говорит “Господь, его Бог,” потому что “Правитель специально обязан быть Божьим человеком.”^[27] 4) Грехи индивидов, каждого “из народа земли,” последние в порядке грехов (4:27-35). От богатых, успевающих требовалась коза; если люди не могли принести козу, принималась и овца. За неумышленные грехи бедный мог принести двух горлиц или двух молодых голубей (Лев. 5:7); эти приношения бедных допускались и для других жертвоприношений. Следовательно, у некоторых индивидов ответственность была почти такой, как у правящих, так как они управляли имуществом или каким-то сегментом общества. Психологически коза меньше чем козел; по продуктивности однако ее потенциал выше. Некоторые частные индивиды часто могут имет власть больше чем гражданские чиновники, и их грех соразмерный с их ответственностью. Самое впечатляющее в этом списке то, что религиозным лидерам отводится более выдающееся положение, а гражданским властям дается место значительно пониже. Согласно Прит. 29:18, “Без откровения свыше народ необуздан, а соблюдающий закон блажен.” Версия Бэркли отмечает, что “откровение” относится к “пророческому духовенству,” без которого народ становится диким.” Закон и порядок зависят от полного веры прокламирования Божьего пророческого закона-слова, а без этого следует социальная анархия.

Седьмое, неведение о законе не извинение, ни грехи неумышленные не меньшие грехи. Это ясно из Левит 4 и 5, которые уточняют жертвоприношения за такие грехи. Бонар обращает внимание на значение этого аспекта закона:

Здесь тоже мы узнаем, что “грех есть *беззаконие*” (I Иоан. 3:4). Мы грешим не только когда поступаем обратно тому, что нам диктует совесть; мы часто можем грешить, когда совесть ничем не упрекает нас.^[28]

Современный независимый человек считает за грех, если он вообще считается с чем-то, только то, что оскорбляет его совесть. Однако библейский закон поддерживает, что грех и беззаконие могут иметь место без знания и без совести. Человек на самом деле может грешить с чистой совестью, но это не меняет факт, что он грешит: критерий о нарушении не человеческая совесть, а закон Божий. Канибализм и человеческие жертвоприношения практиковались как вопрос совести, и многие другие тоже. Совесть павшего человека не критерий законности.

Главные приношения по закону Моисея были жертвы всесожжения, хлебные приношения, мирные жертвы, жертвы за грех и жертвы повинности. Жертвы всесожжения, состоящие из тельцов, коз, баранов, ягнят, горлиц или молодых голубьев, всецело сжигались на алтаре, исключая кожу животных, часть священников (Лев. 1; 6:8-13; 7:8). Жертвы за грех и жертвы повинности, как мы уже видели, были мужские или женские из стада, стаи, или горлицы и молодые голуби, и одна десятая ефы муки. Все жертвы за грех, кроме резервированные Богу части, или к священникам (Лев. 6:24-30); то же самое происходило с некоторыми жертвами повинности (Лев. 7:1-7). Хлебные приношения состоялись из хорошей муки, растолченных зерен высушенных на огне колосьев, ливан, елей и соль; опять часть шла к священникам (Лев. 2; 6:14-23). Мирные жертвы были мужские и женские из стада и стаи, тельцы, ягнята и козы; были тоже неквашенные пряности и вафли, политые елеем. Но квасный хлеб тоже можно было использовать (Лев. 3; 7:11-13). Часть священника было правое плечо и грудь. Факт, что приношение, которое было заместительным представителем человеческого греха, становилось приемлемой пищей для священников, имел символический аспект; “Вспоминание о грехе в массах сгорало в огне гнева; но священник брал свою часть с целью показать, что массы очищенные от греха.”^[29]

Однако, *восьмое*, до этого очищения могло иметь место требуемое законом *возмещение*. Цель жертвоприношения, как и закона, восстановление Божьего правового порядка. Требование о возмещении как человеческая забота, так и Божья забота. Бонар комментировал в связи с Лев. 16:

Виновный нельзя оставаться в выигрише, обманывая Божьего дома. Он должен страдать, хотя и переходно, как наказание за его грех. Он должен принести, в добавление к вещам, которыми он обманул Бога, деньги в размере одной пятой стоимости того. Это давалось священнику как голове народа по Божьим делам и представителю Бога в святых обязаностях. Это должно было быть *двойная десятина* из-за попытки обмануть Бога. (Регулярно оплачиваемая десятина была признанием, что Бог имел право на то, от чего она заделалась; а эта двойная десятина была признанием, что как следствие от этой попытки обмануть Бога, Его право должно признаваться *вдвойне*).^[30]

Наконец, *девятое*, квашенное приношение было частью мирной жертвы, это важный факт (Лев. 7:13). Закваска считалась некоторыми как символ или тип греха; скорее всего она символ испорченности. Как мирная жертва это было приемлемо. Другие приношения утверждали искупление человека через кровь непорочного и невинного. Человек был тогда в общении с Богом и человеческие дела, хотя и погрешные, становились приемлемыми для Бога. Все человеческое служение Богу имеет элемент испорченности; его дела, стройки, дары и усилия располагаются и уходят прочь. Они представляют собой не меньшее выполнение Божьего закона и какую-то приемлемую жертву. Приемлемость человеческих работ покоится не на их совершенстве, а на совершенстве Бога и на обеспеченном Богом искуплении Его избранных. Подчинение человека закону, это заквашенное приношение, ясно склонное к порчи, и все таки когда оно полно верой и подчинением Божьей власти и порядку, эта “жертва” направится Его взгляду и заслуживает Его вознаграждение.

5. Святость и закон

Отношение святости к закону очень действительное и важное, хотя и очень пренебрегается. Внимание отклонилось в последние годы к погрешным концепциям под влиянием труда Рудолфа Отто: *Идея святого* (1923). Святость нельзя дефинировать в себя или сама собой. Она “трансцендентальный атрибут” Бога и ее надо дефинировать прежде всего в отношении к Нему.

Следовательно, *первое*, святость должна быть дефинирована в смысле Святого писания как *разделение, ненарушимое*, с включением *посвящения*. Она имеет связь с “недоступностью” Бога. Как указывает Вос, она имеет известное этическое значение: она относится к величию и всемогуществу Бога.^[31] По отношению к человеку “значение никогда не просто вопрос моральной доброты, рассматриваемой самой по себе, а всегда этической доброты, рассматриваемой в отношении к Богу.”^[32] Израиль стал святым, потому что Бог в Своей избирательной милости сделал Своего заветного народа Своим приемным сыном (Втор. 14:1-2).^[33]

Теперь факт, что *святость* подразумевает *разделение*, или совсем буквально *отсечение*, выявляет непосредственно ее основное и существенное отношение к *закону*. Закон просто постановляет *принцип отсечения или разделения*. Там где есть закон, там неизбежно есть линия разделения. И наоборот, там где нет закона, нет линии разделения. Секты антиномов могут ревностно говорить о святости, однако так как они отрицают закон, они отрицают принцип святости.

Следует поэтому, что мы можем сказать, *второе*, что *каждый библейский закон связан со святостью*. Каждый закон, постановляя линию отделения между людьми закона и объявленными вне закона, людьми по ту сторону закона, связан с утверждением принципа разделения по условиям Бога. Некоторые закона показывают также принцип разделения в символической, как и в буквальной форме. Например в Числах 19:11-22 требуется отделение от смерти, отсюда ритуал очищения после прикасания к мертвому (см. также Лев. 5:2, 3; 11:8; Числ. 31:19, 20; 9:10; Лев. 21:1-4; 22:4, 6). Израиль был призван быть святым народом (Исх. 19:6; 22:31; 23:24; Лев. 19: 2; Втор. 7:6; 14:2, 21; 26:18, 19). Так как “Бог не есть Бог мертвых, но живых” (Мат. 22:32), быть Божьим заветным человеком значит отделение от самой смерти в конце концов. Это отделение указывается в этих законах. Судьба заветного народа Бога - жизнь, поэтому Его люди должны глядеть на смерть как на что-то, от чего они отделяются через Бога. Ясно, что закон Мойсея утверждал принцип карантина против передающихся болезней с полным пониманием их заразную природу, но даже более основное, в этом законодательстве действовал закон разделения, чтобы утвердить святость Божьего народа (Втор. 24:8; Лев. 13). Божий народ предназначался для здоровья, как и для жизни, и отсюда они “отсечены” от болезней символически как и защитой от заразы.

Не только смерть и болезнь надо было отделить от народа жизни, но также евнухов и внебрачных детей (Втор. 23:1,2). Разные формы самоуничтожения (Втор. 14:1,2; Лев. 19:27) запрещались, а также и татуирование (Лев. 19:28). Нездоровье и возраст могут портить тело; Божьему народу запрещалось портить его. Некоторые из знаков татуировки представляли соглашение с другими богами, дополнительный фактор для отделения от них.

Что касается запрещения для евнухов и внебрачных, т.е. что доступ до собрания им был заказан, это было до десятого поколения. Согласно одному редакционному примечанию в Талмуде, войти в собрание Господа значило “быть подходящим для брака с израильянами,”^[34] а согласно другому примечанию выражение “до их десятого поколения” значило “пятно вечное.”^[35] Запрещение смешанных браков было вероятно действительным фактором; наверное применялись наказания, чтобы сделать осуществление таких браков трудным. Но это не касалось корня проблемы. Запрещение было не на вере; т.е. не постановлялось, что евнухи и внебрачные дети (Втор. 23:3), ни что амониты и моавиты, не могут быть верующими. Действительно, есть особо твердое обещание для благословения верующих евнухов в Ис. 56:4, 5, и их место как новообращенные существовало даже в эре ожесточенного фарисейства (Деян. 8:27, 28). Моавитка Руфь выходила замуж дважды в смешанный брак, первый раз за сына Ноемини, а потом за Вооза, чтобы стать одной из предков Иисуса Христа (Руф. 1:4; 4:13,18-21; Мат. 1:5). Нет причины сомневаться что евнухи, внебрачные дети, амониты и моавиты регулярно становились верующими и преданно служили Богу. *Собрание* относилось до всей нации в ее руководящих функциях как Божий заветный народ. Дж. Эрнест Райт определяет его как “целое организованное общество, собирающееся официально для разных целей, в частности богослужения.”^[36] Мужчины из законных линий крови были головами домов и родов. Эти *мужчины* составляли собрание Израиля, без женщин и детей и без исключенных лиц. К “пришелцам” надо было относиться со всей честности и целостности закона (Лев. 1:33,34), которые наверно не отказывались ни внебрачным детям, ни евнухам, ни амонитам или моавитам. Цель заповеди здесь защита власти. Власть среди

Божьего народа *святая*; она на самом деле требует разделение. Она не принадлежит каждому человеку просто на основании того, что он человек.

Согласно версии Бэркли прочтение Второзаконие 23:1-3 позволяет разобраться относительно приема исключенных лиц в общество Господне после десятого поколения. Известное основание для такой интерпретации дает Втор. 23:7, 8, где идумеянинам дается право доступа после третьего поколения.

Основания для исключения многозначительные. Едом встретил Израиля открытой честной враждой (Числ. 20:18, 20), а Египет старался уничтожить их (Исх. 1:22), однако Амон и Моав вместо этого старались совратить Израиля (Числ. 22:25; 31:16), после того как Израиль показал им терпение (Втор. 2:9, 19, 29). Слабое эхо этого принципа проявляется в отношении Наполеона к главному хирургу Мутону, который унижил принцессу Лихтенштейн и людей ее дома. Наполеон, вызвав Метона перед своим штабом, заявил: “Поймите это, благородные господа, можно убивать людей, но нельзя никогда унижать их. Пусть его (Мутона) расстреляют!” После жизнь Мутона пощадили и он понял урок.^[37] Едом и Египет хотели убить Израиля; Амон и Моав пытались совратить и унижить его; поэтому приговор над ними был соответственно более строгим.

Указываются и другие причины церемониальной и физической нечистоты: истечение крови (Лев. 15:2-16, 19-26); роды (Лев. 12:1, 2, 4, 5); менструация (Лев. 15:19-31; 18:19); сексуальное общение, при этом случае оплоднения культ верил, что это предполагает общение с богами (Лев. 15:16-18; 18:20); нечистые люди (Числ. 19-22); военная добыча (Числ. 31:21-24); а также и непозволенное прикосновение к святым вещам (Лев. 22:3, 14). Гуманистский подход видит истонченность в постановлениях этих законов, или иначе пуританское отвращение от них. Ничего не может быть дальше истины. Исходный пункт не реакция человека этим вещам, а его святость в смысле отделения от живого Бога. Много из цитированных вещей в язычестве составляют отдельные пути к святости; здесь основания для святости является разделение в Боге.

Вопрос об обетах близко связан со святостью. Давать обет, это значит посвятить что-то или кого-то самому Богу, придать ему его святости. Законы об обетах, как и законы о спасении обетованных вещей, видны из Лев. 22:21; 27:1-29; Числ. 6:3-21; 30:1-15; Втор. 12:6,26; 23:21-33. Обеты были добровольными, однако один важный аспект обета приводит нас к *третьему* аспекту законов о святости. Человек всегда обязан своим обетом. Человек, созданный по образу Божию, призван идти по Божьему закону и в подчинении распоряжениям сотворения. Джон Марш привлекал внимание к многозначительному аспекту образа ответственности человека:

Человек всегда безусловно обязан каким-либо видом обета (т.е. обеты всех видов и... обет о воздержании). Интересно отметить, что для сознания древних евреев даже по слову человека надо исполнить то, что обетовано: Божье слово, конечно, всегда выполняется; его нельзя вернуть назад. Человек может лелеять намерение совершить некоторые дела и не быть обязанным этим. Однако раз как его намерение выразилось словами, тогда обязанность уже возложилась на него безусловно.^[38]

Такой обет может дать только свободный человек. Рез сделан, обет должен быть выполнен. Обет незамужней женщины может быть отменен ее отцом; находясь под властью, она не свободна делать то, что ей нравится. То же самое с замужней женщиной (Числ. 30:1-16). Разведенная женщина или вдова свободна давать обет, так как она независима. Подразумевается все ясно. Святость и посвящение женщины подчиняется прежде всего власти ее супруга. Закон Божий не позволяет женщине давать присяги по службе без согласия ее супруга или отца. Святость женщины невозможна, если она уклоняется от своего места.

Специальным видом обета был, обет назареев (Числ. 6:2-21). Назареем был мужчина или женщина, которые давали обет на некоторое время соблюдать строго законы разделения в ходе выполнения своего обета. Воздержание от сильных напитков всякого вида и от винограда и изюма, неподстригивание волос и неприкосновение к мертвецам были замечательными аспектами его обета. Обычный период обета был коротким. Не было никакого отрыва от рутинной семейной жизни и работ. Сущностью назарейского отделения было не воздержание, а отделение “в Господа” при выполнении отдельного служения или обета.

Четвертый аспект святости проявляется по вопросам еды. Никакого мяса, растерзанного зверями в поле нельзя было есть (Исх. 22:31), т.е. не убитого человеком (Лев. 7:22-27). Первые плоды давались Богу (Исх. 23:19; 34:26), показывая этим святость цельности. Есть жира и крови запрещалось (Лев. 7:22-27; 19:26). Приводился список чистых и нечистых животных (Лев. 11); хотя мертвые животные и другие нечистые животные запрещались заветному народу, если чужаки считали их съедобными, не составляло труда продавать им такие (Лев. 17:10-16). Надо было позволять плодовым деревьям расти пять лет, прежде чем считать их “обрезанными и годными для пищи” (Лев. 19:23-26). Обрезание деревьев считалось церемониальное собирание их плодов на четвертом году, и посвящение этих плодов Господу. Все запрещенное Богом для еды должно было быть “отвратительным” для Его народа (Лев. 20:25; Втор. 14:13-21). Вообще не ставится вопрос, что эти законы основные для хорошего здоровья; тоже не под вопросом факт, что это законы о святости. Эти законы о святости “благословенные” (Втор. 12:15) для физической жизни Божьего народа, т.е. для его здоровья. В этом отношении они являются еще законами *для отделения от смерти*. Таким образом *здоровье* – один из аспектов святости и полнота здоровья в воскресении.

Пятый аспект святости относится к одежде. Использование одежды, характерной для другого пола, противно Господу (Втор. 22:5), это бесплодная и извращенная враждебность Божьему порядку сотворения. Подобно этому запрещалось носить одежды из смешанных материалов, например шерсть и лен (Втор. 22:11; Лев. 19:19). Носить разные вещи в неестественном сочетании – презрение к порядку Божьего сотворения.

Наконец, *седьмое*, надо отметить что пока евангелистские христиане очень много занимают *личной* святости, то Библия занимается национальной святостью. Призывы быть святым народом повторяются многократно и относятся к нации, призванной быть “Святой нацией” (Исх. 19:6). Святость нации покоится на ее правовой структуре. Когда Божие законы проводятся в жизнь и правая вера защищается, тогда и существует святая нация. Принцип национальной святости это режущее острие закона. Никакой святости не

существует, если не основывается на законе. Посредством Божиим законом нация посвящает себя жизни; без Божьего закона она обрекается на смерть, “отрезанная” от единственного верного принципа жизни.

Следовательно, по всем пунктам святость приводит нас лицом к лицу к совсем материальным законам. Каждый библейский закон касается святости. Все законы создают линию отделения, разделения между соблюдающими и нарушающими закона людьми. Без закона не может существовать разделение. Современная антипатия и ненависть к закону, это тоже ненависть к святости. Это попытка разрушить линию разделения между добром и злом, отвергая закон. Однако, так как Бог свят, закон вписывается в структуре всякого существа закон нельзя отвергнуть: его можно только провести в жизнь, если не человеком, то обязательно Богом.

6. Закон как война

Библейские законы широко занимают деталями богослужения, как оно было указано для Израиля. Эти детали нас не касаются, исключая случаи когда они вводят или выясняют концепции и принципы закона.

Обращаясь к таким примерами, *первое*, ефод и наперсник высшего священника имеют важное значение. В Исх. 28:6-14 описывается ефод, священническая одежда, а в Исх. 28:15-30 – наперсник. Обе вещи имеют общую характеристику: у ефода два ониксовых камня на нарамниках, на которых гравировались имена родов Израиля, чтобы высший священник носил их перед Господом (Исх. 28:12), а у наперсника были двенадцать камней, по одному для каждого рода (Исх. 28:21, 29). Эти камни важные и в религиозном, и в юридическом отношении. Когда главный священник подходит к алтарю и к трону, он представляет заветного народа перед Богом. Его молитвы таким образом основные для Божьего народа. Юридическое значение камней, представляющих заветного народа, такое что они показывали как Божье управление, которое само собой осуществляло Божье намерения, полностью включало Божье заветного народа. Первичная функция высшего священника, Божьего сторожа была подчиняться заповедям Бога, вступаться за заветный народ. Он не молился беспорядочно: его главное занятие было молить Бога о признании. Функция трона защищать народ трона. Приоритет Божьего народа, как показывали ефод и наперсник, состоялся в Божьем распорядке.

Таким образом в Божьем законе есть и пристрастность и беспристрастие. В общем смысле Божий закон функционирует беспристрастно: солнце светит одинаково над добром и над злом, и дождь идет для праведных и неправедных (Мат. 5:45). Более того, в отношении к нациям, одинаковая защита и управление применяются для всех, и для “природного” жителя, и для “пришельца” или чужого (Исх. 12:49; Лев. 24:22; Числ. 9:14; 15:15, 16, 29). Принцип “одного закона” для всех – основной для библейского права.

С другой стороны в библейском праве есть определенная *пристрастность*. Примеры слишком многобройные чтобы цитировать их; в этих примерах Бог “вмешивается” в истории, чтобы поразить народ Своего заветного народа; используется погода, используется чума и множество разных средств после бедствия против Египта. Более того, закон данный Израилю пристрастный тем, что защищает определенный порядок, Божий правовой порядок, и народ этого порядка. Идолопоклонство запрещенное, нарушение правового порядка наказывается, и по всем пунктам Божий закон защищает Божий порядок и народ Божьего правового порядка. Современная концепция о всеобщей терпимости не действительный правовой принцип, а защита анархии. Надо ли толерировать все религии? Но, как мы увидели, каждая религия, это концепция о правовом порядке. Всеобщее толерирование значит всеобщее разрешение всем видам практики: идолопоклонству, прелюбодеянию, канибализму, человеческим жертвам, извращенности и другим подобным. Такое всеобщее толерирование ни возможно, ни желательно. Камни на ефод и наперснике показывают принцип пристрастности. Чтоб люди шли по условиям этой пристрастности молитвой и законом, это ни зло, ни эгоистично, а просто благочестиво. Молиться для других конечно набожно, но быть небрежным во всем что касается нашего хозяйства и наших собственных потребностей, это не набожно; оно делает человека хуже неверующего или ренегата (I Тим. 5:8). А для определенного правового порядка отказаться от самозащиты, это одновременно безнравственное и самоубийственное. *Толерировать ниспровержение, это само собой совершить ниспровержение.*

Второй принцип проявляется в другом прецеденте, Втор. 23:18, “Не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа, Бога твоего, ни по какому обету; ибо то и другое есть мерзость пред Господом, Богом твоим”; предидущий стих 23:17 наставляет: “Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых, и не должно быть блудника из сынов Израилевых” (ср. Лев. 19:29). Слово “блудница” в Втор. 23:17 наверное выражает разные формы блудства, поскольку проституция уже запрещалась в Лев. 19:29. Вероятно здесь речь идет о лесбийстве. Закон против гомосексуализма появляется в Лев. 18:22 и 20:13. Во Втор. 23:17, 18 имеется ввиду священная проституция как часть богослужения культа плодородия. Эта практика появляется в нации позже (III Цар. 14:24; 15:12; IV Цар. 23:7; Ам. 2:7); она используется, чтобы описать вероотступничество Израиля в Иер. 3:2,6.; 8:9,13). Замечательно, что библия использует презрительный термин “пес” для гомосексуалистов. Изюминка закона однако такая: сам религиозный импульс проститутки и гомосексуалиста особо презрительный во взгляде Бога; их платы никогда не могут быть приемлемым даром Богу. Это не запрещение грешникам давать, а скорее всего невозможно принимать выигрыш от греха. Это многозначительный момент. Мы привыкли думать о таких дарах по церковному. Но “обет” это прецедент, прецедент из религиозной практики. Условия обета имеют особую святость. Однако когда обет и его обязательства представляют какой-то *чужой* правовой порядок, тогда этот залог неприемлемый и составляет “мерзость.” Лицо, дающее такой обет, нет места перед законом и не может стоять перед тронем. Проститутка и содомит, которые приносят свои залогов, не просто грешники перед законом, а что-то больше этого – они вне закона, по ту сторону закона. Есть замечательная разница между *грешником перед законом*

и врагом закона. Поэтому от врага закона нельзя принимать никакого налога или приношения. Грешникам *приказывается* приносить жертву, тому кто вне закона *запрещается* приносить такую. Так как для всех “один закон,” те кто вне закона имели право на правосудие по этому закону, как свидетельствует дело двух блудниц перед судом Соломона (3 Цар. 3:16-28). Объявленные вне закона получали правосудие, но не и гражданские права. Брать налоги с преступления значит давать ему законность и правовой статус перед законом, так как оно поддерживает закон финансово: следующий шаг естественно это равные права на защиту законом, а это значит иммунитет против судебного преследования. Под влиянием библии множество стран ввели в законодательство, что преступники теряют свое гражданство, а осужденные люди не имеют юридическое существование. Сегодня против такового законодательства упражняется нажим, и налоги берутся с всех, и увеличивается представительство во власти для всех. Второзаконие 23:17, 18, это правовое основание для исключительного гражданства в смысле правового порядка. Многозначительно, что обычный термин для проститутки в Святом писании это “чужая женщина,” т.е. иностранка. Проституция была по существу чужой практикой для заветного народа и поэтому израильская девушка объявлялась “скверной,” т.е. вне храма, вне принципа гражданства, иностранкой, если она становилась блудницей. Гомосексуалист тоже был вне закона, при это если проститутку, которую называли “чуркой женщиной” (Прит. 2:16; 5:3,20; 6:24; 7:5; 23:27, 33; 27:13), хотя бы по термину все еще причисляли к человечеству, то гомосексуалиста, как “пса” рассматривали не принадлежащий к человеческой расе; он был, как показывает греческий текст Рим. 1:27, *согревший* конечный продукт бунта.

Широко говоря, есть три возможных способа, которыми закон может рассматривать объявленного вне закона и раскольника, а разница между этими двумя большая, хотя оба они против закона. Первый, есть такое отношение, которое можно обобщить как такое “средневековой” церкви, которая считала, что еретики лишились своих прав перед законом. Например Ян Хус получил разрешение на свободное поведение в Постоянном совете, а потом это разрешение отняли на основании того, что он был еретиком. Сигизмунда прижали нарушить свое обязательство о свободном поведении, чтобы обеспечить собственную безопасность, “потому что тот, кто защищает еретиков, сам еретик”^[39] Такое отношение затрудняет любую защиту от установленного порядка законными средствами. Закон по предположению охватывает общество против ереси, но на самом деле институция, сама свободна практиковать ересь, могла уничтожит любую критику просто обвинением. Подозрение уничтожало права; человек был виновным по предположению до доказывания его виновности.

Второй возможной способ отношения к людям вне закона и раскольникам можно найти в современном либеральном государстве, например в США. Предпринимались прямые попытки бороться против законов, лишаящих виновных преступников их гражданских прав. Косвенно их права более чем восстановленные. Верховный суд США виртуально уничтожил законы против сплетни и клеветы; таким образом “преступник” благодетельствуется за счет своих жертв. Самопризнавшиеся насильники и убийцы освобождаются при помощи придуманных технических тонкостей, с явным пристрастием к преступнику и против жертвы. Гарднэр отмечает о судах и “законе” сегодня : “Права индивида надо защищать, *даже если этот индивид совершил преступление*”^[40] Хотя законы некоторых штатов допускают, а иногда и *требуют* смертное наказание для известных преступлений, Высший суд США декларирует, что “Смертный приговор не может быть выдан жури, из которого автоматически исключаются лица, объявляющиеся по моральным или религиозным соображениям против смертной казни.”^[41] Другими словами, суд требует, чтоб люди, которые *отрицают* действительность закона, приглашались приводить этот закон в жизнь! Это конечно открытая атака против смертной казни и на самом деле ее отменение. Никакой вопрос не ставится о возможной невинности осужденного, его виновность безотговорочно принимается. Однако суд опять действует в пользу высших прав преступника и раскольника, и против закона и уважающих его.

Третий возможной способ закона относиться к людям вне закона и раскольников, это библейский способ: “Один закон да будет и для природного жителя и для пришельца поселившегося между вами” (Исх.12:49). Закон должен обеспечивать одинаковое правосудие для всех. Человек не виновен, пока не докажется его виновность, для чего необходимы два свидетеля (Числ. 35:30; Втор. 17:6). Две блудницы времен Соломона могли обратиться в суд свободно и в любое время (3 Цар. 3:16-28). Однако их право завести процес не делало их гражданами: израильской крови эти две женщины или пришедшие из странство, по закону они иностранки, без прав гражданства. Их дары исключались из храма. Так как Святая святых было тонное пространство Господа, запрещение всякого обета трону было лишением гражданства; это было и освобождение от налогов, поскольку это лицо не существовало юридически как член государства.

Анализируя Левит 4, мы увидели, что уровень или степень жертвы утверждает принцип, что *чем больше ответственность, тем больше вина и тем больше грех*. Сейчас становится явным, что *преступная безответственность значит потеря прав*. Человек, который не в законе, он вне закона; права предвиденные правовым порядком принадлежат тем, которые живут в правовом порядке. Право имеет права. Вот поэтому между должными процедурами закона и гражданскими привилегиями разница замечательная.

Мы видели до этого, *первое*, при помощи ефода и наперсника, что закон пристрастный, как и беспристрастный; *второе*, мы видели более того, что преступная безответственность значит потеря прав. Теперь, *третье*, мы подходим к сердцу проблемы, а именно что *закон, это форма войны, и действительно главная и постоянная форма войны*. Вторая заповедь запрещает гравированные образы при богослужении; она требует уничтожение всех таких форм богослужения: “То не поклоняйся богам их, и не служи им, и не подражай делам их; но сокруши их, и разрушь столбы их” (Исх. 23:24). Во Втор. 12: 1-14 контрасть выявляется яснее: подчинение

означает с одной стороны разрушение всех мест языческого богослужения, а с другой стороны приношение жертв Богу предписанной манерой и на предписанном месте. Заповедь разрушить языческих мест и образов дается снова во Втор. 7:5; 16:21, 22; Числ. 33:52 и Исх. 34:13, 14. Н в некоторые моменты разрушение гравированных образов связано с уничтожением народа этих образов (Втор. 7:1-5); не только соглашение с хананеями запрещается, но также и смешанные браки. Хананеи “посвящались” или изолировались, “жертвовались” смерти по Божьему распоряжению. Это важный момент и он нуждается в особом внимании. Закон специально запрещал репрессалии против египтян или всяких других иностранцев; вместо мщения они должны были помнить их угнетение в Египте, как средство еще большего посвящения справедливости для всех под Божьим законом (Лев. 19:33-37). Чувствовавши несправедливость в чужих руках, они самые должны были быть внимательными и избежать быть подобными египтяном, самыми становиться инструментами несправедливости. Египет стремились прикончить всех евреев (Исх. 1:15-22), но Израиль был обязан оказать правосудие всем египтянам в зависимости от их личного подчинения или неподчинения закону. Но хананеи были обреченными смерти. Критерием была не их враждебность к Израилю, а закон Бога. Египет был таким же врагом Бога, как и Ханаан, но беззаконие хананеев было “полным” или тотальным во взгляде Господа (Быт. 15:16; Лев. 18:24-28 и т.д.). Проституция и гомосексуализм стали религиозной практикой до такой степени, что люди тонули в разврате и гордились этим. Их беззаконие было “полным” или тотальным. В соответствии с этим и Бог приговорил их к смерти и поставил Израиль палачом. Теперь этот факт цитируется многократно как “доказательство,” что Библия показывает какого-то неморального Бога и какую-то безобразную мораль; такое обвинение показывает ненависть, а не здоровое рассуждение. Поскольку индивиды и нации многократно исчезают из истории внезапно, это ясно показывает, что над ним есть какой-нибудь “приговор” истории, или исторического материализма, или эволюции, или каких-ни было других богов, которые кому-то нравятся. Такие осуждения цитируются многократно историками и они соглашаются с ними. Разногласие в отношении к приговору над хананеями происходит от *критерия* осуждения, использованного Богом. Если бы Бог заявил, что хананеи жестокие капиталистические эксплуататоры, и поэтому Он осуждает их, Его решение вызвало бы сердечную похвалу многих интеллектуалов. Однако Бог это Бог, а не интеллектуал, и в конце концов преобладает Его критерий, а не человеческий. Хананеи в целом заслуживали смерть; Божье терпение отпустило их несколько веков от Аврама до Йосифа и тогда последовал приказ об исполнении приговора. Неудача Израиля исполнить его полностью превратилась в конечном счете в его собственный приговор.

Смертный приговор против хананеев просто реальный факт войны. Война иногда ведется с ограниченными целями; в другой раз война насмерть, потому что природа борьбы требует этого. Когда в ранние века война не предполагала глубоко коренящиеся принципы, она была ограниченной по объему и смертности. Когда революция стала фактом на Западной сцене как например Французская революция, тотальная война стала реальностью, война насмерть во имя взаимно исключающихся принципов. Когда ведется война против небес, последствия смерть, не смерть Бога, а смерть воюющих людей.

Вкратце, каждый правовой порядок, это состояние войны против врагов этого порядка, и *каждый закон, это форма войны*. Каждый закон объявляет, что известные преступники враги правового порядка и их надо арестовать. Для ограниченные преступления есть ограниченные наказания; для капитальных преступления, смертное наказание. *Закон это состояние войны*. Организация властей гражданского управления должна привести врагов правового порядка к правосудию. Служащие закона соответственно вооруженные; в благочестивом государстве они должны быть вооруженными справедливостью закона наравне с оружием войны, с целью защищать общество от его врагов.

Друзья закона все время будут стремиться улучшить, усилить и утвердить благочестивый правовой порядок. Враги закона соответственно будут в непрестанной войне против закона. Враждебность к закону будет прямой и косвенной; она будет прибегать к внутреннему свержению через законодательную власть, и к внешнему штурму через неподчинение, презрение и интеллектуальную атаку. Каждый правовой порядок будет подвергнут атакам, потому что, далеко от небес, каждый правовой порядок будет иметь своих внутренних врагов. Поэтому критичный вопрос не “Будет ли атакован закон?” а скорее всего “Устоит ли закон атакам?” Будет ли политическое тело достаточно здоровым, чтобы успешно сопротивляться болезни? Когда Израиль получил приказ уничтожить хананеев (Втор. 7:1-11), ему было сказано тоже, что подчинение приведет к здоровью: плодовитость для людей и животных, и иммунитет против злых болезней Египта (7:12-26). Сопоставим обещание и приказ:

И если вы будете слушать законы сии, и хранить и исполнять их, то Господь, Бог твой, будет хранить завет и милость к тебе, как Он клялся отцам твоим, и возлюбит тебя, и благословит тебя, и размножит тебя, и благословит плод чрева твоего и плод земли твоей, и хлеб твой, и вино твое, и елей твой, рождаемое от крупного скота твоего и от стада овец твоих, на той земле, которую Он клялся отцам твоим дать тебе. Благословен ты будешь больше всех народов; не будет ни бесплодного, ни бесплодной, ни у тебя, ни в скоте твоём. И отдалит от тебя Господь всякую немощь, и никаких лютых болезней Египетских, которые ты знаешь, не наведет на тебя, но наведет их на всех, ненавидящих тебя. И истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе; да не пошадит их глаз твой, и не служи богам их: ибо это сеть для тебя (Втор. 7:12-16).

Ясно, что предпосылка и условие для социального здоровья, это уничтожение социального зла.

Так как закон форма войны, из этого следует, что необходимо недопускать мира со злом. Человек не может искать совместное существование со злом, не объявляя при этом войну Богу. Закон заявляет, говоря о аммонитянах и моавитянах, видно из этого случая, что касается их продолжительной жизни в условиях их правовой культуры: “Не желай им мира и благополучия во все дни твои, во веки” (Втор. 23:6). *Правовой порядок не может избежать войны*: если он заключит мир в одной области, этим он объявляет войну другой. Правовая система – форма войны. *Факт* войны остается постоянным: *объект* войны может меняться. Марксистские

государства провозглашали “Миру – мир,” но только в смысле покорения и тотальной войны против Бога и всех людей. *Чем больше желаем мир, тем больше необходима война.* Новое сотворение Иисуса Христа, это конечный результат Его тотальной войны против павшего Мира; оно требует непрерывного подавления зла в преизподне. Новое сотворение, к которому стремятся разные формы социализма, требует непрерывного подавления Бога, Святого писания и Его заветных людей. Может существовать мир *в небесах*, но *никакой* мир невозможен *между* небесами и преизподней. Правовой порядок может иметь мир только отвергая всякую возможность о мире со злом. Ирландский протестантский юрист Джон Филпот Куран (1750-1817), сказал в 1790 году в речь на тему “Избирательное право”: “Общая судьба ленивых, это видит как их права становятся добычей энергичных. Условие, по которому Бог дал свободу человеку, это вечная бдительность; если человек нарушит это условие, немедленным последствием его преступления и наказанием за вину будет рабство.”

Те, которые ищут мир со злом, на самом деле проповедуют не мир, а рабство; а самый надежный мир из всех, это смерть и могила.

7. Закон и равенство

Смерть ставит конец конфликту, и общество, которое ищет ложный мир, ищет смерть. Один антрополог написал:

Конфликт полезный. Действительно общество невозможно без конфликта. Однако общество еще хуже, чем невозможно, без контроля над конфликтом. Аналогия с сексом пригодится опять: общество невозможно без *регулируемой* сексуальности: степен регулирования различается между обществами. Однако полное подавление ведет к вымиранию; полное отсутствия подавления тоже ведет к вымиранию. Тотальное подавление конфликта ведет к анархии, точно так же, как это делает и никак неподдавленный конфликт.

Мы, западные люди, боимся сегодня конфликта потому что уже не понимаем его. Мы видим конфликт в смысле развода, бунта, войны. И отвергаем их воем. А когда они произойдут, у нас не “заместительные институты,” чтобы сделать то, что были должны сделать провалившиеся институты. На ходу – и за наш счет – мы не позволяем себе увидеть, что брак, гражданские права и национальные государства такие институты, которые построенные на конфликте и на благообразном и целеустремленном контроле над ним.

... В основном есть две формы разрешения конфликта: контрольные правила и борьба. Закон и война. Если одно из них слишком много, оно разрушает то, что надо было защищать и увеличивать.[\[42\]](#)

Позиция Боханана гуманисткая и релятивисткая. Конфликт в обществе по своему характеру стремится в результате к анархии. Когда каждый человек сам себе закон, когда нет другого абсолюта, чем воля человека, тотальный конфликт и тотальная анархия будут единственной альтернативой тоталитарного режима.

Проблема с конфликтом в релятивистском обществе не может быть решенной никаким справедливым и порядочным способом. Так как всякие точки зрения религии и философии законные и все люди граждане, в действительности всякий возможный вид закона, всякая возможная культура допускается к законности. Тогда или угнетающее и тоталитарное государство подавляет все, или каждое стремится взять верх и воссоздается анархия.

Оба индивидуализм и коллективизм продукты либерализма. Еллуол отмечал:

Считается, что индивидуалистское общество, в котором индивид по предположению имеет большую стоимость, чем группа, стремится разрушит групп, которые ограничивают размах действия индивида, а наоборот, массовое общество отрицает индивида и сводит его к нулю. Но это противопоставление чисто теоретическое и просто заблуждение. В действительной жизни общество индивидов *должно* быть массовым обществом, потому что первый шаг к освобождению индивида, это разрушить небольшие группы, которые составляют органическое существование целого общества. В этом процессе индивид освобождает себя полностью от всех связей семьи, деревни, церковного прихода и собрания – только чтобы оказаться прямо лицом к лицу с целым обществом. Когда индивиды не держатся вместе местными структурами, единственная форма, в которой они могут жить вместе, это бесструктурное массовое общество. Подобно этому, массовое общество может основываться только на индивидов – т.е. на людей в их изоляции, чья идентичность определяется их отношениями одного с другими. Точнее, так как индивид претендует быть одинаковым со всеми другими индивидами, он становится абстракцией и на самом деле сводится к нулю.

Сразу как местные органические группы образуются снова, общество прекращает свое индивидуалистское существование, и этим начинает также терять свой массовый характер. То что происходит тогда, это формирование органических групп *элиты*, в чем остается что-то от массового общества, но которое покоится на рамке из крепко структурированных и централизованных партий, союзов, и т.д. Эти организации охватывают только известное активное меньшинство, а члены этого меньшинства перестают быть индивидуалистами, будучи интегрированными в таких органических организациях. С этой точки зрения индивидуалистское общество и массовое общество, это два аспекта одной и той же реальности. Это соответствует уже сказанному нами о средствах массовой информации: чтобы выполнять свою пропагандистскую функцию они должны одновременно владеть и индивидами, и массой.[\[43\]](#)

Либерализм растворяет религиозные и семейные связи общества и оставляет за собой только индивидов без корней и гуманистское государство. Таким образом общество колеблется между коллективизмом и индивидуализмом.

Социальный порядок, который отрицает, что Бог источник закона, должен по необходимости искать свои правовые принципы в истории или в человеке. Правовой конфликт уже не между Божьим законом и человеческим грехом, а теперь закон состоит из распоряжений нескольких людей, которые превращают в грешников всех других людей, расходящихся в мнениях с ними. Закон показывает тоже раздвоение между аристократией, угнетающей народ, и демократией, стремящейся подавить аристократию. Комментарий Грея о целях гражданского управления показывает проблему ясно:

Что порядок обычно считается главной целью управления, нельзя отрицать. Средства проведения порядка в жизнь различаются в разных общностях; и конечно ясно, *при равных других условиях*, что лучшее управление для *наведения* порядка, это управление, которое способно без никаких задержек навязать свои ограничения индивиду – т.е. деспотическое управление.

Почему в таком случае, если порядок первая цель, а деспотическое управление лучшее средство для наведения порядка, не все управления деспотические?

Потому что “все люди родились равными,” потому что каждый человек, родившийся на земле, имеет такое же право использовать землю, как любой другой человек. Вот поэтому понятно, что тот порядок, который является объектом управления, не крайняя цель управления, а только средство, для достижения равенства, которому все рожденные на земле люди могли бы радоваться. Если действительно крайний принцип, от которого зависит управление, это равенство, то и закон о согласии, которой руководит действиями и организацией управления, действительно закон о равенстве.[\[44\]](#)

Грей допускает, что “равенство, это математический термин,”^[45] и поэтому вероятно он видел невозможность применения математической абстракции к человеку. С другой стороны, он поддерживал его применения к налогам, объект его исследования. Он допускал, что принцип равенства был американским изобретением последних пятидесяти лет, т.е. после Гражданской войны, так как Грей опубликовал свой труд в 1906 году.^[46] Концепция Грея о равенстве близка к марксистскому принципу равенства, так как он чувствовал, что

Ясно что равенство не непременно состоит только в равенстве налогов. Если каждый человек, богатый или бедный, платит одинаково, это было бы самое большее неравенство. Состоится ли оно в пропорциональном налоге сообразно собственности, этот вопрос много дискутировался. При обычных формах налогов на собственность, в судах находят, что в этом методе равенство присутствует в достаточной степени.

Один великий экономист сказал, что равенство при налогах состоит в *равенстве жертвы*.

Суды обычно оценивают равенство в отношении количества полученной пользы, а не рассматривая жертву налогоплательщика.

Экономисты настоящих дней как будто предпочитают идею в равенстве жертвы. Беглый взгляд к двум главным экономическим теориям показывает разницу между равенством, основанном на пропорциональном вносе, и равенством жертвы.^[47]

Грей отрицает теорию “пользы” при определении налогов; если тот, у которого самая большая польза, платил бы самые большие налоги, тогда бедный и слабый платили бы больше всех, а богатый и сильный меньше всех.^[48] От исследования Грея становится ясным, почему поправка о подоходном налоге вышла в свет; она была “необходимой” в смысле существующих предпосылок.

Но последствие теории Грея такое, что люди уравненные, лишённые власти, создают государство, которое не “ровня” людям, а на много выше и способное мять их:

Власть государства, действующая через свои правительственные агентства чтобы облагать своих граждан налогами, абсолютная и неограниченная как к лицам, так и к собственности. Каждое лицо в юрисдикции государства, гражданин или нет, поданный этой власти, каждая форма собственности, реальная и неосезаемая, недвижимая или движимая, каждая привилегия, право или доход, которые существуют в этой юрисдикции, могут быть достигнуты и взяты для издержки государства.

Эта доктрина вписывается в общей теории государства. Государство существует для целей закона, порядка и справедливости; институция собственности, охранение и безопасность жизни, свободы и собственности, зависят от существовании государства. Имея ввиду, что вся частная собственность на имущество постулируется на существовании государства, оно может просто истощать все ресурсы частной собственности для издержки и охранения того существования; ввиду того, что все привилегии и свободы извлекают свою стоимость от защиты со стороны государства, оно может взять любую долю от стоимости этих привилегий и лицензий для своей издержки, даже до полной стоимости.^[49]

Таким образом государство становится тотальной институцией, охватывающей жизнь и имущество человека. Государство может конфисковать все вещи, чтобы обеспечить свое собственное существование, потому что государство безотговорочно превратилось в основную ценность.

В Соединенных штатах налог на имущество, ввели в Новой Англии в 17-ом веке, но в начале он был с ограниченным размером. Юг сопротивлялся ему на некоторое время. Переход к гуманисткой концепции государства был постепенным и устойчивым. В 20-ом веке облагание налогами превратилось в инструмент социальных и экономических перемен. Например налоги уже не использовались просто для издержки гражданского управления, а также и для реорганизации общества в смысле концепций уравнивания и равенства.

В следствии этого более новая концепция о налогах, новоустановленная религия Соединенных штатов, гуманизм, вошла в фокус. Отрицая Бога как источник закона, закон устойчиво сместился к введению принципов тоталитаризма и равенства.

В библейском законе ни равенство, ни олигархия не имеют место! Бог как источник закона установил в соглашении принцип гражданства. Только члены соглашения граждане. В смысле Божьего закона заведующий ограничивающий; он ограничивающий тоже в отношении к членству, специально указывая некоторые виды и группы людей. На этот аспект закона обычно смотрят сквозь пальцы, поскольку он смущает современного человека. Поэтому он нуждается в специальном внимании. Во Втор. 23:1-8 евнухам отказывается гражданство; внебрачные дети не допускаются до десятого поколения. Аммонитяне и моавитяне тоже не допускаются до десятого поколения, или вообще исключаются, в зависимости от чтения текста. Едомиты и Египтяне принимались в гражданство “в их третьем поколении”; подразумевается после трех поколений в вере, после того как три поколения показали, что верят в заветом Боге и согласные с Его законом. Так как трон это ковчег в скинии, а скиния центральное место искупления, членство в гражданской нации и в церковной нации было одно и тоже. Гражданство покоилось на вере. Вероотступничество было изменой. Верующий чужестранец имел определенный доступ в святилище (II Пар. 6:32-33), хотя бы для молитвы, но это не делало из него гражданина. Чужие – египтяне, вавилоняне, эфиопиане, филистимляне, фенисиане и другие – могли стать гражданами настоящего или небесного Сиона, города Бога (Пс. 86), но местный Сион, Израиль, должен допускать запрещенных групп только по Божьим условиям. Возможен был доступ через брак с израильским мужчиной (Руф. 4:6), однако не напрямую, а женщина принимала статут своего супруга. Из всего этого теперь ясно одно: здесь нет *никакого* равенства. Есть очевидная дискриминация и различие, которых никакие усилия не смогут устранить. В то же самое время требование об одном законе в Исх. 12:49 выясняет абсолютную необходимость в справедливости для всех, не взирая на личности.

Следовательно, по свидетельствам закона должно выясниться, *первое*, что ограничение членства и гражданства было частью израильской правовой практики. Есть доказательства о подобном стандарте в церкви Нового завета: вместо того, чтобы принуждать неевреев и евреев к строгому единообразию, они были свободными устанавливать свои отдельные собрания и поддерживать свои различные особенности.^[50] Более того, Деян. 15, Совет Иерусалима объяснил, что различия в культурном наследии и степен морального и духовного роста делают возможными многие конфликты в случае единообразного членства. В результате того разрешались

отдельные собрания. С другой стороны евреям разрешалось вступать в собрания неевреев, так что пока чистые группы разрешались, то сборные группы не запрещались.

Второе, преобладающей действительностью в Израиле было один закон для всех, независимо от веры и национального происхождения, т.е. абсолютное требование о справедливости для всех, несмотря на личности. Подобно этому в церкви Нового завета было “один Господь, одна вера, одно крещение” (Еф. 4:5), в настоящей церкви и в настоящем царстве Божьем. Ограниченное местное членство было действительностью, но универсальная власть в царстве и общее гражданство для всех верующих были основными и руководящими фактами. Наличие местных различий однако невозможно уничтожить конечным и существенным единством, которое кстати нельзя путать с единообразием. Равенство – современная политико-религиозная концепция: она не существует в библейском мире и будет совсем неправдоподобным относить его к библейскому закону. Рвенство продукт гуманизма, богослужения новому идолу, человеку, и новому образу, высеченному по человеческому представлению. Как стандарт в религии, политике и экономики оно продукт современной эры; читать о нем в библейской вере, это все равно насиловать Святое писание и провиниться в нечестности.

Исключенные лица во Втор. 23:1-8 представляют интерес: внебрачные дети исключались за десятого поколения, евнухи тоже исключались, без значения того каким способом они стали евнухами – случайно или с вмешательством человека. Так как евнухи были без потомства, у них не было интересов или необходимости ставить на чем-то в будущее, поэтому и не нуждались в гражданстве. Представители более низких моральных культур как Аммонитяне и Моавитяне тоже исключались. Целью исключения было сохранить завет в руках ответственного руководства. Ограничение для едомитов и египтян исполняло ту же функцию.

Евнухи обычно использовались в древности для гражданской службы, такие службы были и в Византии; точнее, так как евнухами нечего было рисковать в будущем, им доверяли позиции, требующие исключительную лояльность в данном периоде. Евнух, как вид экзистенциалистского склада ума, был оторван от прошлого и будущего и обвязан с настоящим; поэтому его предпочитали семейным мужчинам.

В колониальной Новой Англии применялась заветная концепция о церкви и государстве. Каждый ходил в церковь, но только ограниченное число людей имели право голоса в церкви и следовательно в государстве, потому что церковное членство и гражданство совпадали. Другие были верующими не в меньшей степени, однако считалось, что *ответственность надо возлагать только ответственному*. Одна вера, один закон и один стандарт о справедливости, это не значит демократия. Ересь демократии с тех пор делает опустошения в церкви и государстве и ведет общество к анархии.

III ТРЕТЬЯ ЗАПОВЕДЬ

1. Негативизм закона

Третья заповедь гласит: Не произноси имя Господа, Бога твоего напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит его имя напрасно (Исх. 20:7; Втор. 5:11).

Прежде чем начать анализ этой заповеди, очень важно обратить внимание одному аспекту закона, который делает его особенно оскорбительным для современного сознания: его *негативизм*. Из десяти заповедей восемь поставлены в негативном виде. Два другие: “Помни день субботный, чтобы святить его” и “Почитай отца твоего и мать твою” подкреплены известным числом вторичными законами, которые по своему характеру тоже негативные. Заповедь о субботном дне негативная: “не делай в оный никакого дела” (Исх. 20:10; Втор. 5:14), так что, в их полной форме, девять из десяти заповедей негативные.

Для современного разума законы с отрицанием выглядят угнетающими и тираническими, и существует стремление, чтобы позитивные служащие закона заменили полицию. Так лидер Черных пантер и кандидат в президенты от имени организации “Мир и свобода” Елдридж Кливер заявил в 1968 году что “если будет выбран, он бы уничтожил программу бедности и заменил бы полицию служащими общественной безопасности.”^[1] Органы общественной безопасности создали царство террора во время Французской революции и это не удивительно, потому что позитивный закон может привести только к тирании и тоталитаризму.

Лучшее выражение позитивной концепции закона был Римский юридический принцип: здоровье народа - высший закон. Этот принцип так полностью перешел в мировые юридические системы, что ставить его под вопрос – это бросить вызов фундаментальному зданию государства. Римский принцип – основной для Американского развития, так как суд интерпретирует клаузу “всеобщего благополучия” Конституции США в смысле, радикально отдаленным от оригинального значения 1787 года.

Негативная концепция закона сулит двойную выгоду: во первых, это практично, так как негативная концепция закона имеет дело с определенным злом. Она постановляет “Не кради” или “Не произноси ложного свидетельства.” Негативное высказывание таким образом имеет дело с определенным злом прямо и полностью: оно запрещает зло, ставит его вне закона. Ввиду того закон имеет скромную функцию; закон ограничен и вследствие того государство ограничено. Государство, как вынуждающий агент, ограничено заниматься злом, а не контролировать всех людей.

Второе, которое прямо связано с этим первым пунктом, это то, что *негативная концепция закона обеспечивает свободу*: исключая запрещенных областей, вся человеческая жизнь не имеет отношения к закону и

сам закон по необходимости не имеет отношения к ней. Если закон говорит “Не кради,” это означает что закон может ограничивать только воры, он не может руководит и контролировать честно приобретенную собственность. Когда закон запрещает клевету и лжесвидетельство, он гарантирует, что все другие формы речи свободны от контроля. *Негативность закона – это защита позитивной жизни и свободу человека.*

Наоборот, если закон позитивен по своей функции и если здоровье народа – высший закон, тогда государство имеет тотальную юрисдикцию насильственно обеспечивать тотальное здоровье народа. Непосредственное последствие этого – это двойное наказание народа. *Первое*, государство воспринимается как всекомпетентное и в результате превращается в тоталитарное. Каждый становится частью государственной юрисдикции, потому что все может содействовать за благо или за разорение народа. *Поскольку закон неограниченный, государство тоже неограниченно. Дело государства* становится не контроль над злом, а контроль над всеми людьми. Позитивная концепция о функции закона является основной для каждого тоталитарного режима.

Это значит, *на втором месте*, что для людей не может существовать никакая область свободы; нет ничего индифферентное, нет никакое дело, отношение или мысль, которые государство не может оценивать с точки зрения общественного здоровья. Дать право государству управлять всеобщим благосостоянием, заботиться о всеобщем и полном счастьем народа, это значит принимать государство как всекомпетентное, а принимать государство как всекомпетентное значит принимать народ некомпетентным. Таким образом государство становится няней для граждан, основные характеристики которым считаются ребячество и незрелость. Теория, что закон должен иметь позитивную функцию означает, что народ по существу инфантилен.

По этому пункту некоторые могут прокомментировать, что Библейская вера, со своими доктринами о падении и греховности, поддерживает подобный взгляд о человеке. Ничего не может быть дальше от истины. Эволюционизм, принимая долгие века развития человека, поддерживает с одной стороны что человеческое существо все еще руководится древними, примитивными инстинктами и импульсами, и с другой стороны, что сегодняшний человек все еще ребенок по отношению с будущим эволюционным ростом.

Библейская вера, наоборот, поддерживает первоначальное сотворение зрелого и доброго человека. Человеческая проблема – это не примитивная природа, не ребячество, а безответственность, бунт против зрелости и ответственности. Человек бунтарь и его образ действия – это не ребячество, а грех, не незнание, а предумышленная безрассудность.

По существу, глупый не может быть покровительствован, потому что проблема глупого не другие люди, а он сам. Книга Притчей обращает значительное внимание глупому. Киднер, обобщая поучительность притчей, заявляет относительно глупого, что

Корень его затруднений духовный, а не умственный. Ему *нравится* его глупость, он возвращается к ней “как пес возвращается на блевотину свою” (26:11); он не имеет никакого почтения к истине, предпочитая удобные ему иллюзии (см. 14:8 и заметку). В основе то, что он отвергает в своей душе, это страх от Бога (1:29): вот это делает его глупым и это делает его самодовольство трагичным; “потому что беспечность глупцов погубит их” (1:32).

Одним словом глупый угроза для общества. Самое лучшее он вам истратит время: “Отойди от человека глупого, у которого ты не замечаешь разумных уст” (14:7, Moffatt); а он может причинить и еще большую неприятность. Если в его голове есть какая-нибудь идея, ничего не сможет его остановить: “Лучше встретить человеку медведицу, лишенную детей, нежели глупца с его глупостью” (17:12) – была бы эта глупость каким-то розыгрышем, переходившим за грани шутки, или какой-нибудь ссорой, он должен ковырять (18:6) и довести дело до смерти (29:11). Избавитесь от него быстрее, ибо “кто дружится с глупыми, развратится” (13:20), а если хотите послать его подальше, не посылайте его со словесным поручением (26:6).^[2]

Можно цитировать множество инцидентов, чтобы показать до какой степени глупый склонен к глупости: избави его от одной беды, он сразу попадет в другую. Большой, убежденный наконец покинуть шарлатана, который лечит его, идет только к еще худшему. И это не удивит никого: глупый по природе предразположен к этому.

Чтобы, исследовать одну область, в которой закон функционирует позитивно и чтобы большинство людей поверили бы с заметным успехом, рассмотрим ситуацию в медицине. Государственный контроль над медицинской профессией был широко прокламирован и пользовался поддержкой фондами Рокфелера. Медицинские школы тоже были поставлены под государственным контролем, как и сама медицинская профессия. Неутвержденные медицинские практики были поставлены вне закона и нам говорили, что в результате получился замечательный прогресс?^[3]

Однако был ли этот прогресс результатом государственного контроля или результатом работы самой медицинской профессии? Не сама ли профессия ответственна за свой прогресс? Ведь очевидно, что сейчас так много шарлатанов, как и тогда, а может быть и больше. Федеральное правительство подсчитало, что в 1966 году были израсходованы больше чем двух миллиардов долларов за то, что некоторые органы назвали бы медицинским шарлатанством, хотя название это по значению включает все от обмана до неофициальных или неутвержденных практик. Более того опасность сейчас состоит в том, что каждый медицинский исследователь, чья работа не успевает получить утверждение, не только будет класифицирован как шарлатан, но и может иметь серьезные неприятности с законом. Даже больше, стандарт, принятий медицинской профессией вместе с лекарственными компаниями, был объектом очень серьезной атаки со стороны Конгресса из за неправильных практик. Множество “чудодейных лекарств,” использованные экспериментально и выпущенные после недостаточно соответствующих испытаний, имели серьезные последствия.^[4] Медицинские журналы тоже говорили о сверхдозировании в больницах.^[5]

Принимая, что врачи относятся с ответственностью к неразумным предписаниям, тем не менее остается фактом, что много пациентов, которым хорошо известен риск от новых лекарств (впрочем и от старых тоже), все

таки требуют получить их. И не смотря на все легальные меры безопасности, можно ли ожидать безупречность как от врачей, так и от пациентов? Некоторые доктора и некоторые пациенты всегда будут глупыми.

Однако действительная проблема лежит глубже. По мере того как государственный контроль над медициной увеличивался, в то же самое время нарастали и штрафы за неправильные медицинские практики, и сегодня врачи находятся в постоянной опасности от преследования законом. Американские медицинские умения и хирургия никогда не были лучшими, ни официальные жалобы больше, чем сейчас. Это обращает внимание на один курьезный факт: государство отняло от медицинской профессии основную власть делать свою политику, но вместо того, чтобы принять и ответственность, оно увеличило виновность врачей. Федеральные агентства утверждают лекарства, однако врачи платят штрафы, если получаются плохие реакции.

Когда государственный закон воспринимает позитивную функцию, защищая здоровье и общее благополучие народа, он все равно не воспринимает ответственность. Народ вроде бы освобожден от ответственности, однако медицинская профессия (или бизнес фирмы, или владельцы собственностью и тому подобные) несут *полную ответственность*. Шаги к всеобщей ответственности постепенные, но для экономики благополучия они неизбежны.

Историки часто восхваляют медицинскую практику языческой древности и обычно воздают ей больше, чем она заслуживает. В то же самое время они упрекают Христианство в опорочении и остановлении медицинского прогресса. Но упадок античной медицины, по их собственному признанию начался в третьем веке до нашей эры.^[6] Энтралго показал, что фактически Христианство избавило медицину от стерильных предположений.^[7]

И еще, в древнем Египте, Вавилоне и в других местах, врач носил полную ответственность. Если пациент терял свою жизнь, врач тоже терял свою. Даже если он не имел вину, все равно он отвечал полностью. Но почему он должен был нести полную ответственность, даже если допускал ошибки? В конце концов, пациент пришел к нему по своей воле, а доктор не бог. Или он должен был им быть? Действительно, европейская языческая среда, как и другие языческие порядки, связывали медицину с богами. Аскетические обычаи требовали, чтобы врач постепенно превращался в монаха. Это языческое влияние, комбинированное с неоплатонизмом ранних веков Христианской эры, превратили доктора в аскета. Пинмен отметил для Галии:

Очевидно, популярная привлекательность аскетизма тех времен принесла меньше пользы своим психологическим воздействием на самом аскете, чем своим физическим воздействием на тех, которым он служил. Он был излюбленным оружием гуманитариев. Вот почему издавна врач, кто не становился монахом, терял свою практику.^[8]

Только постепенно, по мере христианизации Запада, эта языческая концепция о медицине была покинута, а вместе с ней и концепция об ответственности, которая требовала чтобы доктор был богом, иначе страдал бы.

Государственный контроль над медицинской профессией устойчиво восстановил старую концепцию об ответственности и врачи оказались под угрозой от преследования законом. Для врача стало опасно даже оказывать первую помощь в дорожном происшествии из-за этой самой ответственности. Если сегодняшняя тенденция сохранится, может и недалеко время, когда докторов можно судить за убийство, если их пациент умрет. Были такие намеки в бывшем Советском союзе в последние дни Сталина.

Если закон воспринимает позитивную функцию, это потому что люди считаются негативным фактором, т.е. некомпетентными и подобными ребенку. Стало быть, в такой ситуации, *ответственные люди наказываются тотальной ответственностью*. Если преступник, который из-за своей преступной деятельности является некомпетентным, войдет в дом человека, его права защищаются законом, но ответственный и соблюдающий закон гражданин может получить смертный приговор, если он убил нашествия, в том случае, когда жизнь хозяина не была совсем ясно под угрозой и все способы уклониться от опасности не были использованы. Гангстер может нарушить границы собственности человека, перелезая через забор или взламывая ворота, однако если он сломает ногу, попав в незакрытую яму или ров, хозяин дома будет отвечать за его повреждения.

Когда закон теряет свою негативность, когда он воспринимает позитивную функцию, он защищает преступников и глупцов, а наказывает ответственных людей.

Ответственность и долг – неизбежные факты: если отказаться от них в одной области, они не исчезают, а скорее всего просто переносятся в другую область. Если алкоголики и преступники – не безответственные люди, а просто больные, тогда кто-то виноват, что разболел их. Так например, доктор Ричард Р. Корн, профессор в университете Калифорнийской школы по Криминологии в Беркли, сказал что проститутки нельзя арестовать и заключать, потому что они отчужденные бедные дети, ищущие лучший способ жизни.^[9]

Если эти проститутки просто “отчужденные бедные дети, ищущие лучший способ жизни,” то кто-то виноват за их беду, кто-то кроме них самих, потому что их намерения были хорошими. Очень жалею людей готовы назвать ответственную сторону: *общество*. Ведь проститутки, их сводники, и преступные подонки – все они часть нашего общества в обобщенном смысле и очевидно их не надо винить. Ясно тоже, что под виновным обществом имеются в виду ответственные и успевающие люди. При коммунизме это означает полная ответственность христиан и капиталистов как виновные за все болезни общества. Как тотально ответственные, они должны быть уничтожены.

Ответственность и долг невозможно избежать: если отказаться от Библейской доктрины об ответственности, языческая доктрина возмет верх. А если заменить Библейский негативизм закона с законом, имеющим позитивную функцию, то вспыхнет революция против Христианства и свободы. Негативная концепция закона не только страж свободы, но и жизни тоже.

2. Ругань и революция

Третья заповедь когда-то пользовалась центральным вниманием в церкви и в обществе; сегодня ее значение для современного человека сильно поблекло. Даже в такой работе как “*Дайджест Божественного закона*,” написанной Рандом, эта заповедь не упоминается, кроме в списке десяти и в коротком цитате тоже. [10] С другой стороны, защитники ругани все более заметны, как свидетельствует работа антрополога Ашли Монтегю, в защиту ругани.

Информативное исследование Монтегю дает нам откровенное заявление о значении ругани:

Ругань служит для ясно определенных социальных, тоже как и личных, целей. Какая может быть социальная цель? А не была ли ругань всегда осуждена и запрещена? Была. Вот в этом и загвоздка. Потому что ранние формы ругани часто естественно были рассматриваны как подрывные для социальных и религиозных институций, например когда имена богов нечестиво заклинались, их использование таким образом было строго запрещено. [11]

Здесь надо сделать важное замечание: грешная ругань, каким-то образом связана с ниспровержением. Мы вернемся к этому позже.

Ругань – не универсальное явление. Ее не найдете среди американских индейцев, японцев, малайцев и большинства полинезийцев. Примеры, которые Монтегю дает для его существования среди других народов, такие как аборигены Австралии, представляют собой не теистичные клятвы, а ругань как грязная речь и между этими двумя есть замечательная разница. [12]

Монтегю предлагает интересную классификацию разных форм “ругани.”

Ругань – это акт словесного выражения чувства агрессивности, которые следуют из состояния какого-нибудь аффекта, словами с сильной эмоциональной ассоциацией.

Проклятие – часто используется как синоним ругани; это форма ругани, которая отличается фактом, что она закликает или призывает какое-нибудь зло над объектом проклятия.

Осквернение – часто используется как синоним ругани и проклятия; это форма ругани, при которой произносятся скверным образом имена или атрибуты религиозных изображений или объектов.

Богохульство – часто идентифицируется с проклятием и осквернением; это акт клеветы или насмешки над образами или объектами религиозного благоговения.

Непристойность – форма ругани, при которой используются неприличные слова и фразы.

Вульгарность – форма ругани, при которой используются грубые слова, такие как “проклятый.”

Евфемистичная ругань – форма ругани, при которой мягкие, неясные и искаженные выражения заменяют оригинальные, которые обычно более сильные и соленые. [13]

Эта классификация, конечно, по ориентацию не библейская. *Прежде всего*, запрещаются только грешные ругательства и грешные проклятия. Произносится *напрасно* или “богохульно” (версия Беркли), имя Господа, что запрещено. Ясно, что запрещаются не все ругательства и проклятия. *Второе*, с библейской точки зрения, все грешные ругательства и проклятия *богохульны*, следовательно богохульство не отдельная категория. Английское слово *profane* (богохульно) происходит от латынские *pro* (перед) *fanum* (храм), т.е. перед или вне храма; таким образом богохульством является все речи, действия и образ жизни вне Бога. Следовательно богохульство включает грязную речь, грешные ругательства и проклятия, но также и утвивые, и вежливые речи и действия, которые стоят вне Бога и которые не признают Его верховную власть. *Третье*, только один вид заслуженных проклятий не может быть разрешенным. Проклиная, человек призывает суд Господний над совершившим зла. Однако, как бы ни были злыми родители кого-то и как бы ни заслуживали осуждение, никто не имеет право проклинать своего отца или свою мать. Действительно, “той кто злословит своего отца или свою мать, того должно предать смерти” (Исх. 21:17). *Почтение* к родителям так фундаментально для Божьего общества, что даже в экстремных случаях сын или дочь не могут проклинать никакого своего родителя. Дети должны *подчиняться* своим родителям. Взрослым просто необходимо *почитать* их; они могут, и иногда должны, не соглашаться с ними, но проклинать их, значит нарушать фундаментальный принцип порядка и власти.

Четвертое, богохульство – что-то больше, чем произносить имя Господа скверным образом. Это клеветнический, безнравственный и мятежный язык, направлен против Бога (Пс. 74:10-18 ; Ис. 52:5; Отк. 16:9, 11, 21). Это наказывалось смертью (Лев. 24:16). Навуфей был ложно обвинен в богохульстве (3 Цар. 21:10-13), как был и Стефан (Деян. 6:11) и Иисус Христос (Мат. 9:3, 26:65,66; Иоан 10:36). “Богохульство против Святого Духа состоит в приписывании сатанинской силе чудеса Иисуса, сотворенные Духом Божьим (Мат. XII. 22-32; Мар. III. 22-30)” [14]

Монтегю указывает, что согласно с законом “В Англии и в каждом из Соединенных штатов все еще ругань считается правонарушением.” [15] Такие законы понастоящему очень редко проводятся в жизнь. В последние годы женщины, которые иногда нормально не связывались со скверностью, начали все больше быть склонными к ней. Во время Второй мировой войны в одном авиационном заводе, где работали много женщин, была поставлена вывеска “Не ругать! В близи могут находиться джентльмены!” [16] С другой стороны, указывает Монтегю, пока в трущобах английских городов среди женщин можно было услышать крайнюю скверность и непристойность, это редко, если не сказать никогда, встречалось в цивилизованном английском поселке, в котором табу над “плохим языком” всех видов по своей суровости все еще остается Викторианским.” [17] Интересно отметить, что в последнее время перед распадом СССР там замечалась определенная неприязнь к скверности. [18] Богохульство действительно ассоциируется с социальной дезориентацией и с порчей.

Чтобы анализировать несколько основных фактов в связи с руганью, надо отметить, *первое*, что запрещенная ругань по существу и по необходимости связана с *религией*. *Богохульство* – вне Бога и против Бога.

Оно представляет, когда вмешивается имя Бога, запрещенное и враждебное использование Господнего имени и вследствие того является бесчестьем. Большинство давних и современных ругательств, приводимые Монтегю, более всего непристойность, чем богохульство. Давняя ругань, как и современная, использует сексуальные и скверные слова и зависимости.^[19] Это замечательный факт. Чтобы оценить его значимость, рассмотрим несколько центральных фактов. Клятва верующих – это торжественный и очень важный религиозный акт. Люди выстраиваются под Богом и в согласии с Его праведностью, готовы сдерживать свое слово, как Бог сдерживает Его слово. Клятва набожных – это форма принимать присягу. Но безбожная ругань – это обдуманное осквернение цели клятвы и присяги; это их легкомысленное использование, презрительное использование, чтобы выразит презрение к Богу. Однако безбожная ругань не может остаться только негативной или враждебной: она отрицает Бога как верх, но она должна поставить другой верх на месте Бога. Клятвы набожных ищут свое утверждение и свою силу свыше; безбожная ругань смотрит вниз в поиске силы. Ее концепция для “низа” по своей сущности Манихейская: она материальная. Отсюда следует, что безбожная ругань находит свою силу, свой “низ” в сексе и в экскрементах. Эта ассоциация показательная. Даже протестуя против “пуританизма” Библейской Морали, безбожники выявляют, что для них секс и экскремент связаны между собой в качестве силой для “подножек общества,” состоящих из неразумных, примитивных и подобных животным.

Таким образом направление богохульства всегда прогрессивно вниз. После середины двадцатого века получило популярност новое скверное слово, как будто “изобретенное американскими негро,” чья мерзкая сущность состоит в кровосмешении с матерью. В настоящее время термин этот получил несколько “почтительных” смыслов.^[20] С тех пор все более популярно используются и другие скверные слова, относящиеся к гомосексуализму. Упоминание других перверзий тоже увеличилось. Короче, направление скверности прогрессивно вниз. Когда религия триединного Бога отвергается, религия революции, культ хаоса, берут верх. Жизненность, могущество и сила рассматриваются как идущие снизу; скверны й язык стремится быть сильным, а сильно то, что находится внизу.

Второе, как уже стало явным, в скверности есть религиозный прогресс: она сдвигается от открытого неповиновения Богу к упоминанию экскрементов и секса, а потом извращенных форм секса. Этот религиозный прогресс социальный, как и словесный. Богохульное общество призывает не бога, а мира запрещенных вещей, бесстыдства и извращенности. То що призывается словами, это применяется в действиях. Тенденция вниз общества —это поиск новой энергии, шок новой силы и жизненности, а это непрерывный поиск нового осквернения. Белые мужчины пойдут к цветной проститутки, чтобы “переменить удачу,” т.е. добиться новой жизненности и силы, и успеть на некоторое время. “Идя вниз,” они разгружаются, чтобы “пойти вверх.” Словесная скверность свидетельствует о социальной скверности. Пока словесная скверность растет вниз, то же самое будет делать общество в своих действиях

Это означает, в конце концов, что на *третьем* месте, богохульство есть барометр. Оно свидетельствует о революции в развитии. Это индекс социальной порчи и дегенерации. Психологическая значимость богохульства не проходит после революционной возрасти; скверность защищается с евангелисткой страстью. Никто не будет удивлен фактом, что словарь жаргона и скверности широко рекламировался как бесценная справочная работа для библиотек высших школ в начале шестидесятых годов.^[21] Для богохульного мира настоящее образование включает объединение внизу, в пустоте, если использовать подходящую к случаю фразу Корнелиуса Ван Тилиа. Знание о Боге не допускается в школы, однако знание скверности поощряется. В обществе, которое ищет объединение внизу, революция просто приглашается и поощряется, а богохульство – это индекс, барометр об этом революционном объединении внизу.

Четвертое, мы можем сейчас понять слова Монтегю: “ранние формы ругани часто рассматривались как разрушительные для социальных и религиозных институций.^[22] Они все еще остаются такими. Всякая ругань религиозная, а грешная ругань представляет собой разрушительный стимул для общества. Мы увидели раньше, что у некоторых обществ, как у аборигенов Австралии, нет религиозной ругани, а их ругань только грязный язык, содержащий слова из области секса и экскрементов. В таком обществе такая ругань не разрушительна, поскольку общество по своему общему характеру уже регрессивное и находится на низком уровне. Однако когда такая ругань принимает большие размеры и составляет литературный и артистичный реализм в каком-то западном обществе, это уже разрушительно и это уже религиозно. Интересное исследование Монтегю тоже религиозная работа; он находит здоровье в подобной скверности и мы должны помнить, что *здоровье* и *спасение* (по латински *salus, salve* – здоровье) – одно и то же слово. Остроумие и эрудиция его исследования служат только для возвишения его религиозной цели: ругань – это здоровое социальное выражение. Однако, когда дело доходит до познания его мотивов зачем желать такое здоровье или почему ругань представляет здоровье, он молчит.

Интересную точку зрения выявляет сэр Джон Харингтон в своем стихотворении “Против ругательства,” помещенное в Епиграмах, опубликованные в Лондоне “какие-то три года после его смерти.” Монтегю цитирует это стихотворение как документ относительно развитию клятвы:

В старые времена обычай древний был
Ругать во имя Масса тяжелыми словами.
Когда Масс силу потерял (молвили старые люди)
Они ругали Крестом в той самой пещере.
А когда Крест тоже стал объектом насмешки
Тогда их верой вульгарной клятвой клялись.

Наконец, выругавши свою веру и правду,
Сам Бог их проклял – это их вульгарная клятва.

Так обычай сохранил приличие по градации –
Потеряв Массу, Креста, Веру, они нашли проклятие. [23]

Харингтон отмечает религиозный прогресс. С тех пор наступила большая перемена.

Третья заповедь объявляет: “Не произноси имя Господа напрасно!” Позитивным образом это означает: ты *должен* носить имя Господа, Бога твоего, справедливо и праведно. Негативным образом это означает тоже: *Не принимай* имена других богов или сил! В каждом случае подразумевается что-то далеко идущее.

3. Клятва и общество

Третья и девятая заповеди близко связаны. Третья гласит: “Не произноси имя Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Бог не оставит без наказания того, кто произносит его имя напрасно” (Исх. 20:7). Девятая постановляет: “Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего” (Исх.20:16). Обе заповеди имеют дело с речью: одна относится к Богу, другая к человеку. Более того, Инграм прав, увидев законную связь между обоим. Как Инграм говорит, третья заповедь в частности выглядит “как своего рода хорошим манером сделанное возражение против грубого и вульгарного языка,” тогда как это “запрещение клятвоступления, ереси и лжи.” [24] Мы уже рассмотрели связь между ругательством и непристойностью. Закон охватывает это и еще больше. Однако суть третьей заповеди состоит в ее природе как основание правовой системы. Цитируя Инграма снова: “основание для всех правовых процедур, включая так называемые гражданские споры, ясно из третьей заповеди и она наверно перенесет свою значимость в сферу уголовного права.” [25] Присяга по службе, правдивость свидетелей в суде, стабильность общества в смысле всеобщего взгляда на истину, верность духовников присяги, принятую ими при их возведении в сан, верность супругов их свадебной присяги и много еще, все стоит на святости клятвы или присяги. Когда нет уважения к истине, когда люди могут подписать клятву или присягу без намерения сдерживать ее условия, из этого вытекает социальная анархия и дегенерация. Когда нет страха от Бога, тогда святость клятвы и присяги исчезает и люди меняют основу общества от правды к лжи. Показательно, что сейчас почти не услышишь о преследовании за клятвоступность, хотя лжесвидетельство – это ежедневная рутина в суде. Однако, как показывает Инграм, Божий закон выясняет в третьей заповеди “что человек может делать всякое в этом отношении, но Бог не оставит без наказания того, кто произносит Его имя напрасно.” [26]

Клятва президента и каждая другая присяга по службе в США в ранние годы признавалась происходящей точно из третьей заповеди и фактически заклинала ее. Принимая присягу, человек обещал держать свое слово и свои обязанности также, как и Бог верен своему слову. Если он провалится, своей присягой по службе общественный служащий призывает Божественный суд и проклятие закона над собой.

Хотя, даже перед лицом этого, корумпированных служителей хватает, все таки ясно, что в большой степени политическая ответственность налицо. Набожные люди принимают присягу серьезно. Джордж Вашингтон, чья вера в обязательной церковной десятине мы уже отметили раньше, относился с сильным чувством к значению присяги. В своем прощальном послании он выразил свою тревогу по поводу скептицизма, агностицизма, деизма и атеизма, приползавшие из Франции после Французской революции. Он видел, что безверие причиняет большие убытки. Между прочим, разрушая веру в присяге, безверие подрывает безопасность общества. Он заявил:

Из всех распоряжений и обычаев, ведущих к политической успеваемости, религия и мораль оказывает совершенно необходимую поддержку. Напрасно человек призывает бы к патриотизму, если его труд разрушал бы эти солидные опоры человеческого счастья, эти твердые предпосылки для выполнения обязанностей людьми и гражданами. Обыкновенный политик, наравне с набожным человеком, должен уважать и лелеять их. Цельный том не хватить, чтобы проследить все их связи с личным и общественным счастьем. Пусть просто зададимся вопросом: Где безопасность для собственности, для репутации, для жизни, если смысл религиозной обязанности покинет присяги, которые являются инструментами расследования в судах юстиции? И пусть осторожно допустим предположение, что мораль может быть поддержана без религий. Что бы ни могли допустить относительно влияния изысканного образования на умы специальной структуры, разум и опыт вместе запрещает нам надеяться, что национальная мораль может уцелеть при отсутствии религиозных принципов.

Презирать, оскорблять или осквернять присягу – это следовательно проступок, который отрицает валидность всего закона и порядка, всех судов и учреждений и таким образом является актом анархии и революции. В смысле этого мы можем лучше понять Левит 24:10-16, где встречается инцидент богохульства и смертельного приговора. Провинившийся в этом деле был наполовину данит и наполовину египтянин. Древнееврейский текст содержит знание, которое с тех пор в большой степени забыто. Древняя халдейская версия перефразируется как следует:

И когда израильтяне пребывали в пустыне, он захотел поставить свою палатку среди племени детей Дана, но они не разрешили бы ему, потому что согласно с порядком Израиля, каждый человек, согласно с этим порядком, жил вместе со своей фамилией под эмблемой своего отцовского дома. И они боролись в лагере. После этого сын израильской женщины и мужчина из Израиля, который был из племени Дана, вошли в дом правосудия. [27]

Приговор был против полуданита, полугиптянина и его религия была, что он “осквернил имя Бога и проклял” (Лев. 24:11). Он отвергнул целостную структуру израильского общества и права, сам принцип порядка. В результате был выдан смертельный приговор за богохульство. Его проступок был фактически в том, что он утверждал тотальную революцию, абсолютное отделение от всякого общества, которое отказывает ему удовлетворить его желания. Никакое общество не может просуществовать долго, если позволит такую подрывную деятельность. Божий закон в этом деле имеет особую важность: “Кто будет злословит Бога своего, тот понесет грех свой. А тот, кто станет хулить имя Господне, будет предан смерти” (Лев. 24:15, 16). Каждый и все нееврей,

которые презирают или нарушают присягу ихней религии, будут отвечать по законам их религии, какие ни бы кары не налагал их закон за богохульство, ибо презирать присягу какой-то веры это все равно проклинать ее Бога. Гинсберг обобщает закон здесь очень умело:

Если такой нееврей проклинает своего собственного Бога, в котором он все еще верит, как сам открыто признает, он будет носить свой грех; он должен понести наказание за свой грех от руки своих товарищей по религии, чьи чувства он поранил. Израильтянам нельзя вмешиваться, чтобы спасти его от последствий его вины; потому что язычнику, который ругает Бога, в котором он верит, невозможно довериться в другом отношении и он подает плохой пример другим, которые могут подвешены имитировать его поведение. [28]

В этом законодательстве есть один пункт, заслуживающий особо пристального внимания. *Первое*, мы должны отметить, что современная мысль видит “добро” во всех религиях, предполагается одновременно отвергая их в пользу независимого сознания человека. Чтобы отвергнуть христианство и его истину, современное сознание признает, что находит истину во всех религиях. Библия однако не так толерантна ко лжи. Псаломист обобщил вопрос: “ибо все боги народов – идолы; а Господь небеса сотворил” (Пс. 96:5). Без всякой квалификации все остальные религии осуждаются Библией. Современное сознание, даже и вполне религиозное, не религиозно официально и поэтому может предложить презрительную толерантность ко всем религиям. Но современное сознание – политически религиозное; т.е. оно рассматривает политический порядок как крайний и религиозный порядок, а это приводит нас к *второму* замечанию, именно что политическая нетолерантность основывается на современном сознании, а оно отрицает валидность любого другого порядка, чем их мечтанное государство, и каждого закона и порядка, отдаленные от ихних капризов и желаний, потому что они рассматривают все эти порядки как трусливую ложь. С другой стороны Библия расширяет ограниченный толеранс для других социальных порядков. Единственный верный порядок основывается на Библейском законе. Все законы по природе религиозные и каждый небиблейский закон-порядок представляет антихристианскую религию. Однако ключ к исправлению ситуации не революция, ни какой ни бы вид сопротивления, которое работает для разрушения закона и порядка. Новый завет изобилует предупреждениями против неподчинения и призывами к помирению. Ключ к этому – возрождение, распространение евангелия и обращение людей и народов к Божьему слову-закон. Между прочим, надо уважать существующий порядок законность, а также порядок и законность соседей, поскольку это возможно, не нарушая собственной веры. Языческие порядок и законность представляют веру и религию народа; это лучше, чем анархия и это представляет данную Богом рамку существования, в которой можно продолжить Божию работу. Современная перспектива ведет к революционной нетерпимости: либо мировой порядок в виде сновидения, либо “беспрестанная война за вечный мир”.

Оскорбление по отношению к клятве настолько серьезно, что человеку, бывшим свидетелем такой клятвы или клятвы причинить зло, произнесенную где-то, и несделавший ничего, необходимо принести жертву для искупления греха своего (Лев. 5:1-7).

Притча 29:24 в версии Бэркли, звучит так: “Товарищ ворасам себя ненавидит; он слышит проклятие (т.е. произнесенное над втором), но не говорит ничего”. Делич комментирует:

Клятва есть, согласно Лев. 5:1, то что суд закликает товарища вора во имя Бога говорить правду; но он скрывает ее и нагружает свою душу преступлением, заслуживающее смерть, ибо из скрывателя он превращается в добавку в клятвоступника. [29]

Грешная клятва – более серьезное преступление, чем кража и даже чем убийство! Вор грабит одного человека, а убийца отнимает жизнь одного человека или может быть группы людей, но *грешная клятва – это покушение на жизнь целого общества*. Факт, что ее серьезность легко заметна – это барометр социальной дегенерации. Благочестивая ненависть к грешным клятвам ясно отражается в псалме 109:17-19. Пустяковое использование клятвы было запрещено Христом в Мат. 5:33-37, чьи слова имеют специальное отношение к Числам 30:7. Грешная клятва была уже запрещена законом; Христос выясняет, что клятву или присягу нельзя использовать для частных целей, за исключением таких серьезных случаев, какие позволяют использование с праведными намерениями. Дешевое обращение к клятве, чтобы подтвердить нечье слово, хотя и правдивое, запрещается!

Общение набожных людей – это “да, да” и “нет, нет”; это честно и прямо (Мат. 5:37). Благочестивый человек клянется или свидетельствует честно в свой ущерб и не изменяет свои показания, чтобы преследовать своих интересов (Пс. 15:7). Находясь под Богом, слово благочестивого человека в некотором смысле всегда под присягой. Как заметил Инграм: Показательно, что у некоторых европейских христианских систем преднамеренное нарушение клятву об обязательстве считается клятвоступлением. [30]

Инграм очень правильно поставил ударение на отношении ереси к этой заповеди. Люди и священники, которые отвергают свои присяги при крещении или при возведении в сан, нарушают свои клятвы. Более того, еретик, “во всем ужасе бушующей гордости... заявляет “Для меня правильно быть неправым””. [31]

Сегодня в многих странах и в некоторых американских штатах имя Бога устранено из присяг по службе и из заклинания свидетелей. Это означает, что когда человек принимает присягу по службе, он не обязан Богом выполнять конституционные требования к должности или закон. Человек торжественно клянется собой; если ему приятно изменить закон, если он считает свои собственные идеи лучшими, тогда он может попытаться перехитрить закон. Главные изменения в американском устройстве произошли как раз в период времени когда не было никаких фундаментальных изменений в Конституции США. Причина тому - что буква и дух Закона теперь значат очень немного против политической воли людей и партий.

Если попросить свидетеля поклясться, что будет говорить всю правду и ничего кроме правды без никакого упоминания Бога, тогда он может переделывать правду по своему усмотрению. Клятва во имя Бога – это “легальное признание Бога” [32] как источник всего и единственную настоящую основу всего существования. Устранение Бога из присяги, как и легкомысленное и нечестное использование присяги – это декларация

независимости от Него и это война вероотступного человека и его тоталитарного государства против Бога во имя новых богов.

Современная американская присяга, в которой нет никаких упоминаний о Боге, поставлена в контексте прагматичной философии, вероучения в школах и поддержку штатскими органами и федеральным правительством. Истина подчиняется прагматизму и только это *имеет значения*. В результате может быть только революционная анархия. Это значит война не только против Бога, но и война каждого человека против своего ближнего.

4. Клятва и поклонение

В одном легко воспринимаемом анализе третьей заповеди Калвин обращает внимание взаимосвязи между клятвой и поклонением. Он отмечает, что

Скоро мы увидим, что клясться во имя Бога – это вид и часть религиозного поклонения и это явно тоже из слов Исайя (XIV. 23), ибо когда он предсказывает, что все народы посветятся настоящей религии, он говорит так: “Так как я существую, говорит Господь, предо Мною преклонится, Мною будет клясться всякий язык”.^[33]

Полный текст цитированного стиха, Исайя 45:23, такой: “Мною клянись: из уст моих исходит правда, слово неизменное, что предо Мною преклонится всякое колено, Мною будет клясться всякий язык”. Бог заявляет, что история достигнет своей кульминации всемирным преклонением перед Ним и благочестивые станут основой всякого общества. Комментарий Александра выясняет лучше значение этого:

Коленопреклонность и клятва в последнем пункте – акты почтения, преданности или верности, которые обычно идут вместе (1 Kings xix.18) и включает в себя торжественное признание господства того, кому они предлагаются... Этот текст дважды употреблял Павел, говоря о Христа (Rom. Xiv. 11; Phil. ii. 10), как доказательство его царства и законном верховенстве. Не нужно предсказывать, что все будут обращены к ним, поскольку условия такие, что включают одновременно и добровольное, и насильственное подчинение, но одним или другим путем, все в конце концов будут признавать его своим настоящим владетелем.^[34]

Интерпретация Александра восстанавливает основные направления закона: Бог – это абсолют, король и владетель над всем, единственный создатель, поддерживатель и спаситель человека. Чтобы поклониться Ему действительно необходимо полное подчинение не только из уважения к спасению, но и из уважения ко всем Его другим делам. Бог – единственный владетель церкви, государства, школы, дома и каждой сферы и области всего творения. Таким образом, как отмечал Калвин, клясться имени Бога – это действительно “вид и часть религиозного поклонения”.

Комментируя дальше значение напрасного упоминания Господнего имени, Калвин отмечает:

Глупо и по ребячьи запрещать это для имени Йехова, будто величие Бога состоит в буквах или словах; но поскольку Его сущность невидима, Его имя поставлено перед нами как изображение до такой степени, до которой Бог показывает Себя нам и четко дает нам знать своими знаками, как и люди имеют каждый свое имя. На этом основании Христос учит, что имя Бога понятно в небесах, на земле, в храме и в алтаре (Mat. v. 34), потому что Его слова видно в них. Следовательно имя Бога оскверняется, когда каким-либо образом уменьшаются Его высшая мудрость, бесконечная власть, справедливость, правда, милосердие и прямота. Если нам нравится более короткая дефиниция, скажем что Его имя то, что Павел называет... “то, которое можно узнать” о Нем (Rom. I. 19).^[35]

Таким образом имя Господне произносится напрасно тогда и там, когда и где человек трактует легкомысленно и светским образом факт, что владения Бога охватывают всю реальность. Человек не осмелится брать налегке ни величие Бога, ни человеческую обязанность говорить правду в каждый момент и в каждой нормальной сфере жизни.

Близкая взаимосвязь этой заповеди с девятой выявляется легко. Калвин отмечает:

Бог опять осудит клятвopреступность в Пятой заповеди Второй скрижали, а именно пока это оскорбляет и нарушает милосердие, причиняя ущерб нашим ближним. Цель и намерение этой заповеди отличаются, т.е. что почесть, должная Богу, может быть оскорблена; что мы должны говорить о Нем только религиозно; что мы должны поддерживать между нами подходящее благоговение перед Ним.^[36]

Если клятва и поклонение так близко связаны и если пустяковое и грешное использование Господнего имени, Его мудрости, власти, справедливости, правды, милости и правоты, составляет богохульство, тогда мы должны считать большинство из проповедей наших дней богохульством. Забавно отметить, что некоторые священники рассматривают выражение, происходящее из Англии “Мне не до матки”, в Америке обычно говорят “Не стоит матки”, как богохульство, а не видят насколько богохульны большинство их проповедей. Это выражение, по английски “I don't care a dam”, принес из Индии герцог Веллингтон. Английское слово *dam* (матка животных) в Индии означает монету наименьшей стоимости; так что выражение означает тоже самое, как и “не стоит ни одного су”. т.е. наименьшей из французских монет, теперь давно вышедшая из употребления.^[37] Таким образом это выражение означает только “Не стоит и копейки” или “Я не могу беспокоиться меньше”.

Теперь должно быть полностью заявлено, что большинство сегодняшних проповедей не стоят ни *dam*, ни *су*, ни ничего. Больше этого, они богохульные, потому что или с одной стороны отвергает веру, или уменьшают ее до незначительных размеров с другой. Много из проповедей может быть и благочестивые по намерению, но они богохульные по исполнению.

Когда человек упадет, когда отправляется проклятие против человечества, это потому что человек поддался сатанинскому соблазну быть своим собственным богом (Быт. 3:5). Человек отделяет себя от Бога и от имени Бога, чтобы определить реальность, по человеческим мерам и во имя человека. Когда люди начнут снова призывать имя Господа (Быт. 4:26), люди принимают Бога как владетель и создатель, а также и как спаситель. Они упоминают имя Господа не напрасно, а праведно; они признают Бога как их единственный спаситель, законодатель и надежда. В какой степени они действительно призывают имя Господа, в какой степени они приносят все в жизни под владычеством Бога, в такой степени они будут далеко от проклятия, а будут благословлены.

Произносить имя Господа *праведно* означает основывать наши жизни и действия, наши мысли и имущество и каждую законную сферу жизни, твердо и полностью на Боге и Его слове-законе.

Упомянуть имя Господа *напрасно* значит на самом деле отрицать единственного правого Бога; когда наши жизни и действия, и часто каждая мысль, имущество и каждая законная сфера жизни, отдаленные от Бога или богохульно приписываются нам самым, это будет пустое заявление о Нем.

Таким образом, как замечает Олер, “Клятвопреступность не касается только нарушителя, но и всего его рода”^[38] Она переводит человека и его общества из благословленного мира в проклятый мир.

Следовательно, праведная клятва, это праведное поклонение: оно преписывает Богу славу, должимую Его имени.

Только когда мы начнем понимать отношение клятвы к основе общества, к революции и к религии, может и начнем понимать древний ужас от богохульства. Ужас, выраженный главным жрецом от слов Иисуса, когда он обвиняет Иисуса в богохульстве (Мат. 26:65), может и был притворенным, однако он отражает тоже самое – шок, который люди нормально испытывают. Перед Второй мировой войны этот ужас был еще совсем реальный в Японии; когда бы ни упоминали какое-нибудь богохульство по отношению к Шинтоизму, оно составляло очень серьезное гражданское преступление. Совсем правильно японцы признавали его как измена, революция и анархия.

Так как смысл богохульства и ужас от него прошли, теперь есть измененная концепция об *измене*. Интересно исследовать концепцию об измене. Ребека Вест дает умелое обобщение исторической концепции:

Согласно традиции и логики государство предоставляет защиту всех людей в своих пределах и в замену требует от них повиновения своим законам; а процесс реципрочный. Когда люди в пределах государства подчиняются его законам, они имеют право требовать его защиты. “Защита ведет к верности, а верность ведет к защите” (*protectio trahit subjectionem, et subjectio protectionem*) – эту правовую максиму цитировал Кок в шестнадцатом веке. Это было опубликовано в 1608 году по поводу дела Шерли, француз, который приехал в Англию и включился в конспирации против короля и королевы. Такой человек был обязан королю подчинением, поскольку он находился под королевской защитой”.^[39]

Но во времена, когда люди отвергает Бога и Его владычества, мир разрывается между двумя претендентами за авторитет Бога, которые находятся в конфликте друг с другом: тоталитарное государство с одной стороны и тоталитарный анархистичный индивид с другой. Тоталитарное государство не позволяет никаких разногласий, а анархистичный индивид не признает никакой другой возможной лояльности, чем к самому себе. Когда весь мир черный, никакое понятие о черном не возможно, потому что никакой разницы не существует. Когда все черное, нет никаких принципов, чтобы определить и описать обратное. Когда весь мир богохульствует, никакое определение о богохульстве невозможно: все то же самое. Когда мир идет к тотальному богохульству, его способность дефинировать и узнать что-то уменьшается. Следовательно необходим здравый смысл, который как катарзис восстанавливает перспективу и дефиницию мира.

Основная предпосылка правовой системы и общества сегодня – это релятивизм. Релятивизм сводит все общему цвету, к общему серому. В результате нет больше никакой дефиниции измены или преступления. Преступник защищается законом, потому что закон не знает никаких преступников, так как современный закон отвергает ту абсолютность юстиции, которая определяет добро и зло. То что невозможно определить, его невозможно огородить или защищать. Дефиниция – это изгородь и защита вокруг объекта: она отделяет его от всего другого и защищает его идентичность. Абсолютный закон, установленный абсолютным Богом, разделяет добро и зло и защищает добро. Когда такой закон отвергается и устанавливается релятивизм, больше не существует никакой валидный принцип дифференциации и идентификации. Что нуждается в защите и от кого, когда весь мир одинаков и один и тот же? Когда весь мир – вода, нет береговой линии, которую охранять. Когда вся реальность мертвая, нет жизни, которую защищать. В мире, в котором нельзя ясно определить преступление, становиться все более невозможно защитить праведного и подчиняющегося закону, потому что суд все более неспособен определить что-нибудь по причине релятивизма. Емил Дуркхайм считает, что преступник может быть и часто есть пионером эволюции, чертивший следующее направление общества.^[40] Согласно релятивистичной социологии Дуркхайма преступник может быть более ценным человеком, чем соблюдающий закона гражданин, чьи интересы возможно будут консервативными и реакционными.

В таком случае релятивистичное общество – это действительно “открытое общество,” открытое для всего зла и для ничего доброго. Так как релятивистичное общество по определению находится вне добра и зла, оно не может предложить своим гражданам никакой защиты от зла. Вместо того релятивистичное общество будет искать способ защитить своего народа от тех, которые стремятся восстановить определение добра и зла в смысле Священного писания.

Когда Верховный судья США Фредерик Мур Винсон после Второй мировой войны утверждал, что “Ни в чем нельзя быть более уверенным в современном обществе, чем в принципе, что нет абсолютов,” он выяснял что всякое ясно выраженное зло должно предстать перед судом в смысле Божьего закона. “Принцип, что нет абсолютов, возмущенный как закон, означает война против Библейских абсолютов. Это значит, что стяг закона – это знамя Просвещения. Надо стереть “срам и позор Христианства.” В этом смысле Волтер радушно принял нежное приветствие Дидро, описывая его как своего “возвышенного, почетного и дорогого Анти-Христа.” Не сделал ли Волтер своим принципом, что “Каждый разумный человек, каждый честный человек, должен относиться к Христианской секте с отвращением.”^[41] Волтер только говорит; современный суд действует по такому принципу. Последствием такого курса может быть только царство усиленного террора. Мы можем только сказать словами старого древнееврейского наблюдателя: “Те, которые боятся Господа, подготовят свои сердца и смиряют свои души перед Его взглядом, говоря “Мы передадимся в руки Господа, а не в руки людей; ибо какое Его величие, такая и Его милость” (Еклес. 2:17, 18).

5. Клятва и власть

Один правный случай, уже цитированный, заслуживает особое внимание. Это Исх. 21:17: “Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти.” Это заявление одно из трех в Исх. 21:15-17, которые следуют за высказанным в Исх. 21:12-14 требованием смертной казни за убийство. Таким образом они связаны по смыслу с убийством. *Первое*: “Кто ударит отца своего или свою мать, того должно предать смерти (Исх. 21:15). *Второе*: “Кто украдет человека и продает его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти.” (Исх. 21:16). Похищение и насильственное рабство наказываются смертью. Библейский закон признает добровольное рабство, потому что есть люди, которые предпочитают безопасность перед свободой, но он строго запрещает недобровольную зависимость, за исключением если она является наказанием. *Третье*, закон против проклинания родителей, уже цитированный, тоже приравнивает это преступление с убийством. По этому пункту Роулинсон комментирует:

К убийству добавляются несколько других преступлений, чей характер считается отвратительным и которые наказываются смертью, а именно (1) ударить родителя; (2) похищение; и (3) проклинание родителя. Непосредственное следование этих преступлений после убийства и их наказание той же карой, отмечает сильное отвращение Бога от них. На родителя смотрят как на представителя Бога и ударить его, это все равно нанести личное оскорбление Богу. Проклинать его предполагает отсутствие почтения в еще высшей степени (если это возможно); и еще проклятия могут достигнуть цели только как воззвания к Богу, а следовательно это попытка вербовать Бога на нашей стороне против его представителя. Похищение – это преступление против личности, которое стоит очень близко к убийству, поскольку это значит лишить человека того, что дает жизни ее высшую ценность – свободу.^[42]

Подобные законы появляются и в других древних культурах. Например, древний вавилонский закон гласит: “Если сын ударил своего отца, отрубить ему руку.”^[43] Власть всего общества находится под угрозой при каждом нападении на родительскую власть или на какую-нибудь другую власть. Стихи Исх. 21:15-17 были введены в законодательство очень давно, в закон штата Массачусетс; нет никакой записи о смертной казни, но некоторые записи раньше 1650 года описывают строго наказание кнутом, наложенные судом на бунтующихся сыновей и на сыновей, которые ударили родителя.^[44]

Клятва или проклятие с одной стороны и физическое сопротивление с другой, оба эти вопроса очень важные. Клятва или проклятие – это призыв к Богу встать рядом с нами за правду и против зла. Подобно этому, физическое сопротивление, было бы оно в форме войны, или личного сопротивления смертоносной атаке, как и злым людям пытавшимся сокрушить нас – все это благочестивое поведение и никаким образом не дурное дело. В мире зла такое сопротивление очень часто просто необходимо; это неприятная и безобразная необходимость, но она не зло. Давид мог бы благодарить Бога за то, что научил его как воевать с успехом (II Цар. 22:35; Пс. 18:34; 144:1). В злом мире Бог требует, чтобы люди стояли на стороне Его слова и закона.

По этому поводу многие процитируют Матфея 5:39, “не противься злому.” Позиция, высказанная Христом в этом пассаже (Мат. 5:38-42) относится к сопротивлению чужой силе, которая правит страну, может “вынуждать” людей принудительным набором служить римским имперским силам на расстояние мили или больше, конфисковать собственность, принудительно брать взаймы и вообще мобилизовать имущество, деньги и рабочую силу для своих нужд. В таком случае сопротивление тщетное и ошибочное, а сотрудничество, пройти вторую милю, принесет больше добра. По этому поводу Елликот комментирует Матфея 5:41 таким образом:

Греческое слово предполагает специальное принуждение к насильственной службе как курьер или посыльный при правительстве и было привнесено из персидской почтовой системы, организованной на идее об использовании насильственно вербованные люди перевозить правительственные депеши этап за этапом (Herod. VIII. 98). Использование этой иллюстрации здесь наверно предполагает применение той же системы римским правительством во времена империи. Римские солдаты и их лошади расквартировывались у еврейских домовладельцев. Другие были насильственно вербованы служить на более или менее длинный срок.^[45]

Слова Христа были следовательно предупреждением против революционного сопротивления. Его предупреждение повторил Святой Павел в Рим 13:1,2, указывая, что сопротивление против установленной надлежащим образом власти – это сопротивление установленному Богом порядку. В то же самое время мы должны отметить, что “Петр и другие апостолы,” когда власти запретили им проповедовать, заявили “должно повиноваться больше Богу, нежели человекам” (Деян 5:29).

Между этими позициями нет противоречия. Уважение и установленной надлежащим образом власти необходимо и как религиозная обязанность, и как практическая политика. Мир не улучшится неподчинением и анархией; злые люди не могут создать доброе общество. Ключ к социальному обновлению – это возрождение индивида. Всем властям надо подчиняться: родительской, супружеской, учительской, правительской, пасторской, всегда под более важным подчинением Богу. Все подчинение Богу, потому что так требует Его слово. Следовательно *первое*, добросовестные люди не могут пойти против законной власти, не произнося имя Господа напрасно. Неподчинение на всех уровнях представляет неподчинение Богу. *Второе*, ударить родителя или напасть на полицейского, или на какую-нибудь другую законную власть, это все равно ударить власть Бога, а также и использовать право самозащиты для агрессии против власти. *Третье*, проклинать свои родители, это попытка поставить на стороне бунта против центральной власти Бога, родительской и против центральной институции Бога – семьи. При убийстве один человек нападает и отнимает жизнь одного индивида или нескольких индивидов. При каждом анархическом нападении на власть, нападающий атакует жизнь всего общества и настоящую власть Бога.

Оправдание за такое нападение – это совесть. Автономность и абсолютная власть совести прогрессивно утверждались еще со времен Просвещения, а точнее после восхода Романтизма. В США первое, которое приходит на ум как пример романтического анархизма, это имя Торо. *Совесть* означает ответственность по отношению добра и зла; совесть предполагает созидание и подчинение. Совесть должна быть под властью или она перестает

быть совестью и становится Богом. Человеческое желание жить вне добра и зла на самом деле желание жить вне ответственности и вне совести. Под фасадом совести прикрывается нападение над совестью и властью.

Призыв анархических революционеров к совести – ложь и обман. Совесть в современной философии, как и настроение, это только термин, чтобы выразить наши собственные желания, воздвигнутые в ранг закона. Так например Джеймс Джойс в *Портрет Артиста как молодой человек* приводит слова Стефана Дедалуса: “Добро пожаловать, о жизнь! Я иду встретить в миллионный раз реальность испытаний и выковать в кузнице моей души несотворенную совесть моего рода.” Для тех, кто под влиянием Фрейда, совесть, или супер-его, это просто внешние власти, родители, религия, государство и школа, которым они придают субъективный характер. Супер-его – это преемник и представитель родителей и других властей; для Фрейда супер-его – враг инстинктивному импульсу, принципу удовольствия и желанию жить, и следовательно поэтому его надо сломать. Инстинктивный импульс и эго невозможно избежать, однако супер-его, как непосредственный продукт общества, можно сломать, т.е. сломать его власть над человеком. Вопреки вариациям, взгляд Фрейда на совесть, это взгляд современного человека. Совесть не имеет вес в современном мышлении, на самом деле у нее дурная слава за исключением тех случаев, когда она полезна как призыв против закона. Совесть автономного человека – это преднамеренный бунт против совести и власти как символы угнетения и тирании.

Настоящая совесть находится под властью, под благочестивой властью. Настоящая совесть руководится Святым писанием, она не становится судьей над Богом и Его словом, и не выдает себя за глас Божий и специальным откровением. Настоящая совесть подчиняется власти Бога: она всегда находится *под* Богом, никогда не считает себя Богом или владетелем. В 1788 году пресвитерианский синод Нью Йорка и Филадельфии в заметках “Предварительные принципы” к работе “Форма управления” заявляет, что “Бог – единственный владетель совести; и освобождает ее от доктрин и заповедей людей, которые в чем-то противостоят Его слову или стоят в сторону от веры и богослужения.” Следовательно, эта декларация защищает право частного суждения. Цель была освободить человека от произвольных требований государства, с точки зрения абсолютной власти Бога над совестью. Концепция гуманистов о совести, отрицая владычество Бога, делает неизбежной тиранию людей. Гуманизм превращает каждую человеческую совесть в абсолютный владетель; студенческие бунтары шестидесятых и семидесятых годов, анархистские революционеры, защитники “гражданских прав,” все они претендуют за право через “совесть” разрушить закон и порядок и опрокинуть общество.

Смертная казнь в Исх. 21:15,17 делая ясным, что никакое зло не может быть извинением для большего зла. Семья, как центральный закон – порядок Бога, не может быть атакована детьми, даже если родители самые злые. От детей не требуется подчиняться своим родителям, делая зло; ребенка не заставляют называть зло добром. Однако надо отдавать почтение тому, кому почтение должны (Рим. 13:7), а должны почтение родителям.

Это значит, что человек должен работать за справедливость бесконечно, однако *его права воевать против зла имеют границы*. Святое писание ставит ударение на то, мщение принадлежит Богу (Втор. 32:35; Пс. 94:1; Евр. 10:30; Рим. 12:19). Святой Павел высказывает полностью: “Не мстите за себя, дорогие друзья, но освободите место божественному возмездию, потому что написано “Это мое дело, карать; Я заплачу им, говорит Господ” (Рим. 12:19, версия Бэркли).

Существуют две законные формы мщения: *Первое*, абсолютное и совершенное правосудие Бога в конце концов и полностью управляет совершенным правосудием. История достигнет свою кульминацию триумфом Христа и вечность сведет все счеты. *Второе*, власти, predeterminedенные Богом: родители, пасторы, гражданские власти и другие, должны упражнять Божье правосудие и мщение. Так как сами они грешные, они никогда не смогут сделать это совершенным образом, но и несовершенное правосудие все таки правосудие. Облачного дня нельзя назвать полночь; несовершенное правосудие еще не несправедливость.

Благочестивый человек не рассчитывает на совершенное правосудие и защиту и иногда признает, что не возможно ждать их от людей. Библия дает нам примеры мщения, исправления древних неправд, однако не такое произошло между Йосифом и Потифаром. Йосифа заключили в тюрьму по ложному обвинению в попытке изнасилования. Его вызволили из тюрьмы и наделили большой властью. Его прошлое было несущественно для фараона. Нет сомнения, что до конца дней Йосифа злобные критики шептали за его спиной, что Йосиф был бывшим каторжником, осужденным для попытки изнасилования, однако Йосиф упражнял свою власть благочестиво. Когда это было нужно, как в случае с его братьями по религии, он взыскивал мщение с целью испытать их характер. Чтобы наказать Потифара или его жены вроде бы ничего и не было сделано, но никакое наказание не могло бы быть более страшным для этой пары, чем знать, что их бывший раб постиг самую высшую власть в Египте после фараона. Бог принял на себя защиту Йосифа.

Если человек мечтает об эффективном, совершенном правосудии, дающее защиту во всех случаях и исправляющее неправды по всем пунктам, это все равно взять на себя роль мстителя, которая по существу принадлежит только Богу. Это значит приминут к настоящим силам зла. Когда такая презумпция покрывает себя как мантией именем Бога, это ведет к богохульству. “И кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти” (Исх. 21:17).

6. Имя Бога

В июле 1968-ого года один человек был осужден в Вестминстере, Мериленд, по обвинению, что он “действительно совершил богохульство и нарушил закон, произнося имя Господа напрасно на общественном месте.” Вопросный человек был арестован за драку на главной улице города и за сопротивление при аресте.

Однако причина осуждения была указанная выше. Неизменная эрозия закона в интерпретации Верховного суда делали осуждение по обычайным обвинениям более трудным. Поэтому магистрат Чарлз Дж. Симпсон использовал старый закон 1723-го года, так как “иногда один туманный закон, как этот – единственный способ, которым мы располагаем, чтобы решить некоторые из этих проблем.”[46]

Не удивительно, что судья оказался перед дилеммой. Под влиянием новой доктрины о равенстве, преступление постоянно приравнивали с добром и даже давали ему фору. Волт Витман, которого некоторые считают величайшим поэтом Америки, отстаивал этот принцип прямо: “То, что называется добро – совершенно и то, что называется зло – точно так же совершенно.”[47] Когда добро и зло выравнивают, тогда эрозию закона не миновать и не избежать.

Однако это не основание, чтобы отрицать равенство. Закон, основанный на равенстве, будет только утверждать тираничное верховенство одной элитной группы людей. Настоящий закон должен основываться на абсолютном и единственном верном Боге. Бог как абсолютный владетель и судья – окончательный арбитр всего, и как определитель судеб человеческих, Его слово и страх неминуемые в жизни верующих. Отсюда клятвенное утверждение настоящего верующего всегда основывается на правилах доказательства. Принципиальный канонический закон, который имел влияния в гражданских судах, такой:

Присяга, принятая в смысле средства судебного доказательства, хотя и сохраняя свой собственный индивидуальный характер как призывание Божественного имени, чтобы засвидетельствовать или гарантировать правду данного утверждения, остается самым мощным и эффективным средством получения доказательства и чтобы постигнуть правды по всем фактам того дела, и она необходима прежде, чем судья мог произнести решение.”[48]

Тот же самый авторитет дефинирует богохульство как следует:

Это преступление может взять форму еретического богохульства, т.е. такого, через которое существование Бога или Его атрибуты оспариваются или отвергаются; или форму простого богохульства, или проклинания, т.е. ругая и оскверняя имя Бога или святых.”[49]

Оба аспекта этой дефиниции мы уже рассмотрели раньше. Теперь важно заняться более специфическим образом *именем* Бога: “Не произноси *имени* Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.”

В Святом писании имена раскрывают характер и природу названных лиц. Имя человека изменяется, пока изменяется его характер. Как писал Мередит:

Третья заповедь имеет дело с *именем* Бога, Его *обрядом*, Его *положением* как великий суверенный ПРАВИТЕЛЬ вселенной...

В Библии личные имена имеют *значения*.

Каждое имя или титул Бога раскрывает некий атрибут Божественного *характера*. Изучая Божье слово, мы узнаем новые факты о *природе* и *характере* Бога с всяким новым именем, через которое Он раскрывает Себя. Иными словами, Бог называет Себя что Он есть!

Если люди используют *имя* Бога таким образом, который отвергает настоящее *значение* и характер Бога, они НАРУШАЮТ третью заповедь.[50]

Значения *имен* не только в Старом, но и в Новом завете подтверждают точку зрения Мередита. Так например в Греческом Новом завете,

Используя главно древнееврейский, имя используется за все, что оно охватывает, за все, о чем в уме возникает мысль или чувство когда произносят, услышат или вспоминают это имя, т.е. за такие данные о ком-то как *его ранг, авторитет, интересы, удовольствия, распоряжения, превосходства, дела и т. д.*[51]

Более того, как Мередит отмечает,

Данное здесь староеврейское слово “невинный” можно перевести лучше как “чистый” – “Господь не будет считать его *чистым*, если он произносит Его имя напрасно.” *Тест о духовной чистоте – отношение человека к ИМЕНИ Бога!* Человек чист или нечист, смотря как он использует имя Бога; праведно – или впустую.[52]

Эта дефиниция третьей заповеди представлена более ясно пуританским богословом Томас Батсон в *Десять заповедей*, продолжение его исследования *Корпус богословия*. Более подробны катехизис Вестминстерской Ассамблеи тоже представляет это полностью:

Вопр. 112. Что требуется третьей заповедью?

Отв. Третья заповедь требует, чтобы имя Бога, Его титулы, атрибуты, распоряжения, слово, таинства, молитва, присяги, клятвы, судьбы, Его труды или что ли еще не было там, где Он дает знать о Себе, было бы использовано святым и почтительным образом в мысли, размышлении, слове и Письме; через одну святую профессию и подходящий разговор, за славу Бога и за добро нам и другим.

Вопр. 113. Какие грехи запрещаются третьей заповедью?

Отв. Третьей заповедью запрещаются: использование имя Бога не как надо и оскорбление Его, произнося имя Бога невежественным, напрасным, непочтительным, скверным, суевренным или безнравственным образом, или иначе говоря использовать Его звания, атрибуты, распоряжения или труды через богохульство и клятвопреступление; все грешные проклятия, присяги, клятвы и жребии; нарушение наших присяг и клятв, если они законные; и выполнение их, если они касаются незаконных вещей; роптание и ссоры, любопытно совать нос в чужие дела; злоупотребление Божьим провидением и указами; неправильное толкование, злоупотребление или извращение каким-то образом слова или части слова, чтобы скверно шутить; любопытные и бесполезные вопросы, лишние споры, или поддержку грешных доктрин; подводить живые существа или всякие вещи, содержащиеся под именем Бога, отдаваться чарам или грешным вожделениям и действиям; клевету, насмешки, ругань или противопоставление каким-то образом Божьей правде, милости и способам действия; выполнять религиозную профессию лицемерно или с зловещими намерениями; стыдиться Его, или срамить Его неподходящим, неразумным, бесполезным и преступным поведением, или отречься от Него.

Таким образом видно, что сегодня богохульство более обычайно, чем праведное использование имени Бога. Доктор Вилис Елиот из Объединенной Христовой церкви сказал “Я считаю уверенность в непогрешимости Святого писания демоничной.”[53] Б.Д. Олсен, который утверждает, что остается уверенным в непогрешимости Святого писания, предъявляет претензии, что у него “видения”. [54] Обе утверждения подобны богохульству. Прочитируем Мередита опять:

Бог заявляет через Исаия: “Слушайте это, дом Иакова, называющиеся именем Израиля и происшедшие от источника Иудина, клянущиеся именем Господа исповедующие Бога Израилева, хотя не по истине и не по правде” (Ис. 48:1). Люди, к которым относится это пророчество, используют имя Бога, но не подчиняются Его откровению, содержавшимся в Его имени.[55]

Много титулов Бога появляются в Святом писании; они раскрывают различные аспекты Его природы. Его имя однако дается как Йехова или Яхве (настоящая конструкция гласных букв неизвестна), и оно означает Тот кто есть, Существующий в Себя; Я – то, что Я. Это откровение Бога, содержащееся в Его имени.

Следовательно Бог – это принцип дефиниции, закона и всех вещей. Он - предпосылка всего мышления и необходимое предположение для каждой области мысли. Таким образом пытаться “доказать” Бога – это богохульство; Бог – необходимое предположение для всех доказательств. Основывать какую-нибудь сферу мысли, жизненных или действия, или какую-нибудь сферу существования, на чем-то другом, кроме Троиственного Бога – тоже богохульство. Образование без Бога как свою предпосылку, закон, который не предполагает Бога и не опирается на Его закон, гражданский порядок, который не извлекает всю власть из Бога, или семья, чье основание не слово Божье – все они богохульные.

IV ЧЕТВЕРТАЯ ЗАПОВЕДЬ

1. Символ свободы

Четвертая заповедь, закон о шаббате (субботе) – важная как по своему пророческому значению, так и по своему легальному статусу. Дискутируя формулировка правовых норм во Второзаконием, Клайн твердит:

Самая значительная из всех вариаций форм Декалога, как он представлен в Исх. 20:2-17 – это новая формулировка четвертого слова. Субботный цикл обетованной жизни символизирует принцип законченности, характерный для божественного действия. Бог работает, выполняет свои намерения и обрадовавшись, отдыхает. Исход 20:11 относится к выставлению признака законченности при созидании как оригинальная модель субботы; Второзаконие 5:15 относится к ее проявлению при искуплении, когда божественный триумф такой, что тоже приводит избранные Богом к ихнему покою. Более подходит, следовательно, определить субботу как символ Божьего соглашения с народом, который он избавил из рабства в Египте, наследить покой Ханаана (Исх. 31:13-17). В согласии с интерпретацией субботы Второзаконием в смысле прогресса Божьих намерений о спасении, состоит ориентировка Нового завета к субботе как день триумфа воскресения Спасителя, в котором спасенный Им народ постигнет вместе с Ним вечный покой.^[1]

Модель шаббата – это отдых Бога после созидания, цель шаббата – это покой человека после искупления.

Нет ни записей, ни доказательств в Исаеде о субботной молитве. Слово “помнить” в заповеди обращается назад к созиданию и не напоминает прошлый ритуал, а приказывает народу помнить субботу впоследствии. Выходной день недели незнаком другим культурам. Только после того как Библейская вера и культура привнесли его, он и на самом деле существует до сих пор. В некоторых культурах древнего мира был случайный день отдыха, отмечающий чествования дня рождения короля – божественного человека. Однако Библейская концепция о спасительном покое как цель истории, т.е. совершенный порядок, в котором труд полностью установлен Богом – неизвестна вне Библейской веры. Бог, говоря через Исаия, заявляет: “А нечестивые – как море взволнованное, которое не может успокоится, и которого воды выбрасывают ил и грязь. Нет мира нечестивым, говорит Бог мой” (Ис. 57:20, 21). Мир грешных находится в вечном поиске субботы, славного отдыха созидания, однако его расстроенный поиск ведет только к большому смятению: он выбрасывает “ил и грязь.”

Шаббат – это не нарушение человеческой свободы, а скорее всего – освобождение человека.^[2]

Суббота утверждает принцип свободы под Богом, свободы под законом, Божьим законом. Она призывает людей к подчинению распоряжению об отдыхе с целью освободить человека от самого себя и от его работы. Сущность гуманизма – это его вера в неограниченные способности человека. Поддерживается, что человек способен спасти себя, вести свою собственную эволюцию и эволюцию общества, контролировать себя, свой мир, погоду и все остальное. Когда человек контролирует и упорядочит все, тогда он перестроит мир в рай. Каким бы он не был, марксистский, фабианский, демократический – это исконная мечта гуманизма.

Это тоже уверенность в *пролетаризации человека*. Как отмечает Пийпер “пролетарий – человек, который прикован к процессе труда.”^[3] Лидеры пролетарской революции мечтают об освобождении человека от труда. Для них это означает также освобождение человека от Бога. Сталин говорил:

Если Бог существует, надо полагать, что это Он создал рабство, феодализм и капитализм. Должно быть это Он хотел, чтоб человечество страдало, как монахи всегда говорили мне. Тогда не было бы никакой надежды для трудящихся масс освободиться от своих угнетателей. Но когда я узнал, что Бога нет, я понял, что человечество могло бы бороться, чтобы найти свой путь к свободе.^[4]

Если не было Бога, твердит Сталин, тогда не было бы божественного провидения и человек должен работать, чтобы стать своим собственным провидением. Тотальное управление Бога надо заменить тотальным управлением человека. Это означает огромную работу и жертвы. В результате получится освобожденный и идеальный человек.

Каждый человек, предсказывал Сталин, при социализме развился бы до степени, в которой он и его товарищи обгонят гигантов досоциалистического прошлого, таких как Микеланджело или Гете. Однако ничего не звучит ниже Микеланджело и Гете, чем эти намеки Сталина об идеальных будущих условиях для человека. На самом деле люди будущего были намечены Сталиным подходить новым советским людям его дней – тяжело трудящиеся, чрезвычайно преданные, чрезвычайно безличные, чрезвычайно покорные рабочие – стахановцы и другие герои. Мир должен был быть переделанным в то, что коммунистическая идеология Сталинских дней скажет, как надо ему быть. И что самое существенное, написано недвусмысленным образом, Сталинская Россия, распростертая над всем миром, наконец успевающая и освобожденная от всего, спасает тех, кто подчиняется добровольно и совершенно совершенным законам коммунизма.^[5]

В курсе этого поиска настоящего шаббата, настоящего покоя человека, Сталин совершил две важные дела: *Первое*, он сделал рабами больше людей, чем любой другой тиран во всей истории и *второе*, он убил больше людей, чем любой другой человек во всей истории. Попытка человека войти в рай своим собственным путем, послала его наместо этого в ад.

Теперь, если исследовать субботные законы более специфичным образом, сразу видно, что пока принцип шаббата остается основным для Библейского закона, специфичные формы субботного ритуала меняются радикально в условиях Нового завета Христа.

Первое, в законе Старого завета суббота не день богослужения, а день отдыха. Образцы еженедельного богослужения отсутствуют в законе Старого завета. Синагоги ввели его в периоде между двумя заветами и Новый завет ясно практиковал его и настаивал на нем (Евр. 10:25). В Старом завете центр богослужения была семья и оно вписывалось в распорядке ежедневной жизни. Оно было бы все еще так внедрено в обычной жизни человека, но появилась необходимость выполнять коллективное богослужение. Нельзя, однако, это коллективное богослужение перепутывать или уравнивать с отдыхом, хотя они тесно связаны между собой. *Отдых* относится здесь к сотериологической реальности, к факту искупления, освобождения и к полноте жизни. Отдых здесь означает доверие в работе Бога, так что мы отрываемся от наших собственных работ, символизируя этим нашу полную уверенность в совершенном Богом. Манна в пустыне объяснила отдых Божий, а приказ соблюдать субботу с уверенностью, что манна будет достаточно, подчеркнул этот факт Божьего снабжения. Когда Бог так работает, человек может и должен отдыхать (Исх. 16:14-36).

Второе, строгие законы принуждают к соблюдению субботного *отдыха*. Закон не требует *богослужения*, а *отдыха*. Общий закон был, что никакой работы нельзя делать по субботам (Исх. 34:21; Втор. 5:12-15; Исх. 20:8-1; Лев. 23:3; Иер. 17:22). “Я велел запирать двери . . .” (Неем. 13:19). “Оставайтесь каждый у себя, никто не выходит от места своего в седьмой день” (Исх. 16:29). “Чтобы никакая ноша не проходила в день субботний” (Нем. 13:19), “и не вносите их воротами” (Иер. 17:22), ни огня зажигать (Исх. 35:3), ни снопы вносить (Неем. 13:15), ни дрова собирать (Числ. 15:32-35), ни провизии и одежду покупать (Неем. 10:31) или продавать (Неем. 13:15), ни вина грузить (Неем. 13:15). Можно однако спасти жизнь по субботам (Мар. 3:4, Лук. 6:9), так как спасение – это сущность субботы. Это может значить вылечивать больных (Мат. 12:10-13; Мар. 3:1-5; Лук. 14:3,4; 6:8-10; 13:14-16; Иоанн 7:23), или избавить животное, упавшее в яму (Мат. 12:11; Лук. 14:5). Поскольку утоленный голод – часть спасения, голодному позволено “собирать и есть зерно” по субботам (Мат. 12:1-8; Мар. 2:23-28; Лук. 6:1-5), а то же самое относится к жадному, так что жадное животное можно отвести к воде, не нарушая субботу (Лук. 13:15). Так как спасение означает побеждать врагов Бога, в конце концов Макавеи пришли к логическому заключению, что будет в согласии с субботой сопротивляться атакам неприятеля (I Мак. 2:41).^[6] Эти законы выясняют, что сущность субботы – это победа спасительного отдыха. Хвалебственный псалом Марин, которым она восхваляет спасение через Месию, по существу субботная песня и на самом деле составляет часть субботного богослужения;

... величит душа моя Господа, И возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моем, Что призрел он на смирение рабы Своей; ибо отныне будут ублажать меня все роды; Что сотворил мне величие Сильный, и свято имя Его; Явил силу мышцы Своей; рассеял надменных помышлениями сердца их; Низложил сильных с престолов и вознес смиренных; Алчущих исполнил благ, а богатящихся отпустил ни с чем; Воспринял Израиля, отрока Своего, вспомянув милость, Как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века (Лук. 1:46-55).

Третье, нет следы об упоминании субботных наказаний в церкви после Воскресения. Потому что ранние последователи и члены церкви были евреями, они продолжили на некоторое время соблюдать Старозаветную субботу (Деян. 13:14-26; 16:11-13; 17:2-3; 18:1,11). Однако христианский день богослужения был первый день недели, день Воскресения, как и Пятидесятницы (Мат. 28:1; Мар. 16:1,2,9; Лук. 24:1; Иоан. 20:1-19; Деян. 20:6-8; I Кор. 16:1,2). Много реформаторских священников кажется принимают, что единственный закон в Святом писании – это соблюдение субботы. Ясно, что это не исходит от Кальвина, который поддерживает в своем труде “Катехизис церквей Женевы”, что

В. Приказывает ли он нам работать шесть дней, чтобы могли отдыхать на седьмом?

О. Не абсолютно; но отредив человеку шесть дней для работы, он исключает седьмого, которого можно посвятить отдыху.

В. Запрещает ли он нам все виды работы?

О. У этой заповеди отдельные и особые основания. Поскольку соблюдение отдыха – часть древних церемоний, его отменили с приходом Христа.

В. Считаете ли Вы, что эта заповедь собственно относится к евреям и следовательно она просто временная?

О. Да, до степени, до которой это церемониал.

В. Тогда что? Есть ли что-нибудь у нее кроме церемонии?

О. Она дана нам по трем причинам.

В. Изложите их мне.

О. Чтобы представить духовный отдых, для сохранения духовной формы управления; и для облегчения рабов.

В. Что имеете в виду как духовный отдых?

О. Когда мы соблюдаем праздники, освобождая их от наших собственных работ, тогда Бог может выполнять свою работу внутри нас.

В. Каким при этом должен быть этот способ соблюдения праздников?

О. Распиная свое тело – т.е. отвергая наши собственные наклонности, так что Святой дух мог бы управлять нас.

В. Достаточно ли поступать так на седьмом дне?

О. Даже больше, непрерывно. После того, как раз начали, надо продолжать в течении всей жизни.

В. Почему тогда указан определенный день, чтобы показать это?

О. Нет необходимости, чтоб реальность согласовывалась с показанным во всех отношениях, при условии, что это подходит так, как необходимо для цели представления.

В. Но почему указан седьмой день, а не какой-то другой?

О. В Святом писании число семь предполагает совершенство. Следовательно оно подходит для означения вечности. В то же самое время оно показывает, что этот духовный покой только начинается в этой жизни и не будет совершенным, пока мы не покинем этот свет.

В. Но что это значит, когда Господь убеждает нас отдыхать по его собственному примеру?

О. Закончив сотворение мира за шесть дней, он посвятил седьмого созерцания своей работы. Чтобы сильнее подтолкнуть нас к этому, Он ставит перед нами свой собственный пример. Потому что нет ничего более желательно, чем быть устроенным по Его образу.

В. Однако необходимо ли, чтобы размышления о работе Бога были непрерывными, или достаточно посвятить этому один из семи дней?

О. Бывает, что мы занимаемся этим ежедневно, однако по причине нашей слабости, один день специально указан. И это есть форма управления, которую я упомянул.

В. В таком случае, какое распоряжение надо соблюдать в этом дне?

О. Что люди встречались, чтобы услышать доктрину Христа, участвовать в общей молитве и открыто исповедать свою веру.

В. Теперь объясните что Вы имеете ввиду, говоря что Господь намерен этой заповедью обеспечить тоже облегчение рабов.

О. Что можно дать некоторую передышку тем, которые находятся под властью других. Даже больше, это тоже приносит для поддержания обычной формы управления. Потому что один день посвящен отдыху, каждый приучивает себя к работе в течении остальных дней.

В. Пусть увидим теперь до какой степени эта заповедь касается нас.

О. Что касается церемонии, я сказал, что она отвергнута, так как реальность существует в Христе (Кол. 2:17).

В. Каким образом?

О. Потому что вследствие его смерти, “наш ветхий человек распят с ним”, а мы вызваны для обновления жизни (Рим. 6:6).

В. В таком случае что из этой заповеди остается для нас?

О. Нельзя пренебрегать святыне распоряжения, которые приносят для духовной формы управления Церкви; специально посещать святыне собрания, слышать слово Бога, праздновать таинства и участвовать в регулярные молитвы, как положено.

В. Но не дает ли нам это представление ничего больше?

О. Да, на самом деле. Мы должны обратить внимание на то, что оно означает; а именно, что сливаясь с телом Христа и становясь его членами, мы перестаем заниматься нашими собственными делами и таким образом покоряемся управлению Бога.^[7]

Святой Павел ставит ударение на то, что правила шавбата больше не имеют свою старую обязательную силу: “И так никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесечие, или субботу: Это есть тень будущего, а тело – во Христе (Кол. 2:16,17). Никто не будет твердить, что старое наказание смертью для нарушения шавбата все еще обязательно, или что вообще его есть после Христа. Весь Новый завет запрещает такую интерпретацию. Однако в той же степени ясно, что любой закон, нарушение которого когда-то вело к смертной казни, предполагает настолько основной принцип для человека и природы, что некоторая твердая сердцевина его очевидно остается обвязывающей во всех веках. (Мы еще рассмотрим это в другой главе).

Четвертое, не только легальный статус шавбата изменился, но и день отдыха изменен из староеврейской субботы в христианский день воскресения. Из Второзакония (5:12-15) становится ясным, что староеврейская суббота чествовала освобождение из Египта: “И помни, что ты был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботный” (Втор. 5:15). Спасение староевреев было таким образом чествовано в субботу; Христианский шавбат припоминает триумф Христа над грехом и смерти, и следовательно он чествуется в день воскресения, первый день недели. Отвергнуть этот день – это все равно отвергнуть искупление Христа и искать спасение другим и неприемливым путем.

Пятое, староеврейскую субботу и современную субботу нельзя приравнять. Как ясно показал Куртис Клер Евинг, календарь Израиля не позволяет такую идентификацию. Календарь Израиля на Синае был солнечным и его нельзя перепутывать с современным еврейским солнечно-лунным календарем от 359 года до н.е. Евинг привлекал внимание к иногда несчастному переводу слова “луна” как “месяц”, создавая таким образом некоторое недоразумение. В Святом писании говорится о трех субботах: суббота сотворения, древнееврейская суббота, которая припоминает освобождение из Египта; и христианская суббота, которую “соблюдают в память о законченном воскресении Христа и эта единственная суббота, которая остается.”^[8] Как указывает Евинг, четвертая заповедь приказывает помнить, потому что она вспоминает субботу сотворения, отдых Бога, как модель обетованного покоя:

Помни день субботный, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; А день седьмой – суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них; а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботный и освятил его (Исх. 20:8-11).

Во Второзаконием не приказывается *помнить*, потому что не имеется ввиду модель субботы сотворения, а приказывается *соблюдать* субботу в память освобождения Израиля от Египта:

Наблюдай день субботный, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой. Шесть дней работай и делай всякие дела твои; А день седьмой – суббота Господу Богу твоему. Не делай в оный никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец твой, который у тебя, чтобы отдохнул раб твой и раба твоя, как и ты. И помни, что ты был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботный (Втор. 5:12-15).

Из-за освобождения от Египта, Израиль должен “поэтому” соблюдать субботу. Область изыскуемого отдыха дается более специфично во Второзаконии.

Древнееврейский календарь начинает свое летоброение с освобождения от Египта. Как указывает Евинг, древние евреи сохраняют египетский календарь из 12 месяцев по 30 дням в каждом, но вместо того, чтобы прибавить пять дополнительных дней в конце года, они добавляют три в конце шестого месяца и два в конце двенадцатого. Пятнадцатый день первого месяца Абиб должен был быть в субботу каждый год, а это значит, что первое и восьмое Абиба тоже фиксированные субботы, как и те семь, которые следуют за пятнадцатым числом (Лев. 23:6,7,11,15-16). Пятидесятый день в таком случае будет Пятидесятница:

Так как суббота 15-ого Абиба фиксирована по числу месяца, теперь следует, что эти семь последующих суббот тоже должны быть фиксированными по числам и приходятся как видно: Абиб 22,29; Ийяр 6,13,20,27; и Сиван 4. Никаким другим образом нельзя имеет семь суббот, размещенных между 15-ом Абиба и 4-ом Сивана, если бы эти субботы не проходились на фиксированные числа месяца каждый год.^[9]

Пока *числа месяца* постоянные, *дни недели* меняются. “Это значит, что раз в семь лет каждое из них будет приходится во все отдельные дни недели, точно так же, как ваш день рождения приходится в разные дни недели каждый год.”^[10] Цитируем Евинга дальше:

Но то не все. Согласно Исх. 12:3, 5, 6, 24 и Лев. 23:15, 10-ое, 14-ое и 16-ое Абиба никогда не будут в субботу, потому что они рабочие дни специального предназначения: реальные работы как уборка дома, заготовка мяса или жатва полей. Мы знаем, что эти числа будут приходится в субботу раз семь лет и если суббота совпадала с шавбатом, был бы конфликт заповедей. Будут три даты, по которым Израилью

приказано работать, которые приходились бы каждые семь лет в дни, по которым приказано Израилю не работать. Мы знаем, что такому случиться нельзя, потому что Бог не автор путаниц.

Теперь нам показано Святым писанием, и календарь раскрывает то же, что Израильский шаббат фиксирован приходится на одни и те же даты месяца каждый год. С этими пятнадцатью регулярных шаббатов, приходившихся на одни и те же даты каждый год и с тремя приказанными рабочими днями, приходившиеся на одни и те же даты каждый год, *невозможно чтобы суббота приходилась на шаббат*.

Если год содержит 365 дней и мы разделим 365 на 7, то получим 52 недели и сверх того останется один день. В таком случае возникает такой вопрос: куда пропал лишний день? Он был поглощен 48 часовым шаббатом 4-ого и 5-ого Сивана, как показано в Лев. 23:15, 16 и 21. Это меняет дни недели, по которым шаббат чувствуется каждый год, но также поддерживает фиксированные шаббаты на один и тот же день месяца, как и семидневный цикл...

В Библии нет ничего, чтобы определить продолжительность шаббата. Святое писание использует одни и те же слова, чтобы описать: (1) отдых длиной в один день (Исх. 20:8-11; Втор. 5:12-15), (2) отдых длиной в два дня (Лев. 23:15,16,21), (3) отдых длиной в один год (Лев. 25:4,8), (4) отдых длиной в два года (Лев. 25:8-12), (5) отдых длиной в семьдесят лет (II Пар.36:21).

Значение слова “шаббат” – *остановление* или *отдых*. Никто не может отдыхать дважды, если не работал между этими отдыхами. Этот 48 часовой шаббат не два отдыха или шаббата, а удлиненный один отдых или шаббат в течении двух дней. Для иллюстрации отметим, что отдых земли в течении 49-ого и 50-ого года в целом не два отдыха земли, а один в течении двух целых лет, иначе говоря – один шаббат длиной в два года из каждых 50 лет. Точно так же, когда Бог требует чтобы “седьмой шаббат” и “завтра после седьмого шаббата” были один шаббат – это один шаббат длиной в 48 часов, потому что никакой работы не делалось между ними.

Таким же образом через закон о необходимости мы знаем, что 3 дня из дополнительных 5 дней в конце года прибавлялись в конце месяца Елюл, потому что нам показали, что 1-ое месяца Тисри должно быть шаббатом каждый год. Последний шаббат в Елюле был 27-ого, так что остаются еще только три дня этого месяца. Однако, чтобы иметь 6 дней работы перед другим шаббатом, надо прибавить три дня. Таким же образом мы знаем, что 2 остающихся дня из 5 дополнительных прибавлялись в конце месяцев Адар. Нам показали, что 1-ое Абиба каждый год было шаббат, но последний шаббат в Адаре был 26-ого, оставляя 4 дня из тридцати. И так, чтобы иметь 6 дней работы перед следующим шаббатом, мы должны вставить здесь 2 дополнительных дня работы.^[11]

Старательно документированное исследование Евинга, цитированное здесь в виде самых скудных набросок, ясно показывает, что попытка третировать субботы как настоящий шаббат, кроме того, что не христианская, но также еще и небиблейская, находясь в радикальном разногласии с шаббатом Израиля.

Шестое, шаббат, как мы увидели – это день отдыха, искупления и освобождения. Великое возвание юбилейного шаббата – это “...и объявите свободу на земле всем жителям ее;” (Лев. 25:10). Но безопасность и “отдых” рабов могут составлять псевдо-отдых.

Рабство могло быть недобровольным, в виде наказания. Вора, который не возмещал убытки, продавали в рабство (Исх. 22:3). Человек мог быть продан тоже из-за долгов (Втор. 15:12). Как отмечает Кларк, “Рабство прекращалось, когда работа была выполнена в размере соответствующим необходимого, чтобы возместить убытки, и считается, что было ограничено до 6 лет.”^[12]

Человек мог бы отказаться от свободы и сам стать рабом. Он был следовательно свободен в год шаббата. Если он выбирал безопасность рабства, его ухо пробивали, чтобы показывать что он теперь как женщина, вечно в подчинении и остается рабом (Исх. 21:5-7). Поскольку неверующие были по природе рабы, их можно было держать как пожизненные рабы без этой формальности (Лев. 25:44-45). Хозяин мог пороть раба (Исх. 21:20; Втор. 23:15), однако если его искалечили из-за плохого обхождения с ним, раб, местный или чужестранец, уходил свободным (Исх. 21:26-27; Лев. 24:17). Они должны были быть обрезанными (Исх. 12:44; Быт. 17:12), и могли бы есть святую пищу (Лев. 22:10; Исх. 12:44). Раб имел некоторые права и положение в доме (Быт. 24:2): он мог получить долю наследства (Прит. 17:2). Он имел право отдыхать по субботам, как становится ясным из четвертой заповеди.

Поскольку раб был рабом по природе или по собственному выбору, за исключением должников и воров, беглый раб уходил свободным и возвращение такого беглеца было запрещено (Втор. 23:15,16).

Христианы не могут становиться рабами добровольно; они не могут стать рабами людей (I, Кор. 7:23), ни “попасть снова в ярмо рабства” (Гал. 5:1). Дорога псевдо-безопасности, псевдо-освобождения из рабства, социализма и государственной заботы, для христиан заказана. Шаббат христиан – не рабство социализма.

2. Суббота и жизнь

Смертные казни за нарушение шаббата в старозаветной ере дают основание для двух очень очевидных предположений. *Первое*, что закон о шаббате вводит принцип, настолько важный и основной, что его нарушение считается капитальным преступлением. *Второе*, закон выражает тоже факт, что нарушение законов о шаббате содержит смерть в себе и само по себе, т.е. нарушение приносит смерть. Пророки ясно выразили это предположение. Послушание, по предположению, значить жизнь.

Наше близкое знакомство с каким-то вопросом иногда ведет к незнанию, потому что мы не исследуем его как надо. Мы привыкли также подводить факты в знакомой нам рамке. Так например поколения учителей указывали как пример скромности заявление римского полководца во време триумфального марша “Помни, что ты человек.” Но реальность была совсем другой:

Триумфатор отличался чем-то даже от высших служителей государства. В триумфе римский полководец был наделен самыми высокими знаками отличия, какие были в древнем Риме – атрибуты главного бога государства, Юпитера. То, что раб, державший над головой триумфирующего полководца золотой венок, когда он проезжал на карете, запряженной четырьмя белыми лошадьми, повторял ему “Помни, что ты человек”, верно, однако оно означает только, что в момент его триумфа полководца считали равным главному богу государства.^[13]

Для нас эти слова означают “Помни, что ты человеческое существо, смертный”; для римлян они означают “Помни, что ты бог.” Следовательно, чтобы понять чего-то, важно знать контекст.

Иисус сказал: “Суббота для человека, а не человек для субботы; Посему Сын Человеческий есть господин и субботы” (Мар. 2:27,28). Шаббат устроен для настоящего и совершенного Человека, Иисуса Христа, который

следовательно господин и субботы; он следовательно введен тоже для спасенных во Христе, для заветного человека, и как принцип жизни и возрождения к Нему.

Чтобы понять значение этого, может быть необходимо сделать две вещи: *первое*, помнить, что принципиальная цель субботы – это не богослужение, а отдых. Только если квалифицировать богослужение как отдых и подкрепление для человека, каким и есть настоящее богослужение, оно является необходимым аспектом субботного отдыха. Но сущность субботы – это отдых. *Второе*, мы рассматриваем субботу по отношению к человеку *исключительно*, а не как к человеку *центрально* и в результате нам убегает ее значение. Подходя к субботе с земной точки зрения мы можем лучше понять это значение.

Заповедь выясняет, что субботны день отдыха – это для человека, как и для животных. Но детали закона показывают факт, что *год* шавбата необходим для самой земли. Комментарии об этом годе шавбата представляют интерес. Например по Галеру, “Обычай оставлять землю незасеянной привычный для Востока, без сомнения это было необходимо из-за отсутствия удобрений и знаний о правильных методах чередования посевов.”^[14] Нет доказательств, что в древние времена не хватало знаний как об удобрениях, так и о чередовании посевов; эти знания древние, хотя люди пренебрегали своими знаниями об этом долгие века. Рилаарсдам поддерживает, что “Оригинальная функция обычая была наверно религиозной, чтобы успокоить духовные силы, контролирующие землей или дать им возможность восстановить ее плодородие.”^[15] Эти “интерпретации” вовсе ничего и не объясняют, а показывают только баринское чувство превосходства над нашими предками, которые находились ниже нас на эволюционной лестнице истории.

Закон говорит:

Шесть дней засевай землю твою и собирай произведения ее; А в седьмый оставляй ее в покое, чтобы питались убогие из твоего народа, а остатками после них питались звери полевые. Так же поступай с виноградником твоим и с маслиною твоею (Исх. 23:10,11).

И сказал Господь Моисею на горе Синае, говоря; Объяви синам Израилевым и скажи им: когда придете в землю, которую Я даю вам, тогда земля должна покоиться в субботу Господню. Шесть лет засевай поле твое и шесть лет обрезывай виноградник твой, и собирай произведения их; А в седьмый год да будет суббота покоя земли, суббота Господня; поля твоего не засевай, и виноградника твоего не обрезывай. Что само вырастет на жатве твоей, не сжинай, и гроздов с необрезанных лоз твоих не снимай; да будет это год покоя земли. И будет это в продолжение субботы земли всем вам в пищу, тебе и рабу твоему, и рабе твоей, и наемнику твоему, и поселенцу твоему, поселившемуся у тебя; И скоту твоему и зверям, которые на земле твоей, да будут все произведения ее в пищу (Лев. 25:1-7).

Если скажете: “что же нам есть в седьмый год, когда мы не будем ни сеять, ни собирать произведений наших?” Я пошлю благословение Мое на вас в шестый год, и он принесет произведений на три года. И будете сеять в восьмый год, но есть будете произведения старые до девятого года; доколе не поспеют произведения его, будете есть старое (Лев. 25:20-22).

Надо отметить, что эти законы соблюдались не так строго в большей части истории Израиля. Между Исходом и Вавилонским пленом они были пренебрегнуты 70 раз, и следовательно 70 лет плена были наложены, чтобы дать земле отдых (II Пар. 36:21). Это значит, что больше половины времени, этот закон не соблюдали. После плена его соблюдали (но другие нарушали), и Тацит (Ист. т.4) комментировал это. Юлий Цезар опрощал еврейские налоги в седьмом году в знак признания ихнего обычая (Josephus, Ant. Jud. XIV. 10,6). Однако по Олеру юбилей не соблюдали, а только субботные годы.^[16]

Нельзя было ни резать ветви, ни сажать деревья, ни пытаться убивать насекомых или другим образом вмешиваться в естественные процессы в поле. Плоды должны были остаться в поле, за исключением то, что проходившие мимо, рабы или собственники собирали, чтобы съесть; не разрешалась никакая реальная сборка урожая, только чтобы съесть немедленно. Это запрещение всякой реальной сборки или хранения запасов из продукции в субботный год, ясно указано в Левит 25:20.^[17]

Но у закона было еще что сказать насчет шавбата земли: юбилейный год. Через каждые 50 лет был юбилейный год, который торжественно открывался под звуками трубы в День искупления. Так как 49-ый год тоже был субботным, юбилей отмечал два субботных года подряд:

И насчитай себе семь субботных лет, семь раз по семи лет, чтоб было у тебя в семи субботных годах сорок девять лет. И воструби трубою в седьмый месяц, в десятый день месяца, в день очищения вострубите трубою по всей земле нашей. И освятите пятидесятый год, и объявите свободу на земле всем жителям ее; да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя. Пятидесятый год да будет у вас юбилей: не сейте и не жните, что само вырастет на земле и не снимайте ягод с необрезанных лоз ее. Ибо это юбилей; священным да будет он для вас; с поля ешьте произведения ее (Лев. 25:8-12).

Миклем находит “очень” курьезным то, что юбилей, в чем существовании он сомневается, начинался в День искупления.^[18] Ответ дается законами, которые следуют непосредственно:

В юбилейный год возвратитесь каждый во владение свое. Если будет продавать что ближнему твоему, или будет покупать что у ближнего твоего, не обижайте друг друга. По расчислению лет после юбилея ты должен покупать у ближнего твоего, и по расчислению лет дохода он должен продавать тебе. Если много остается лет, умножь цену; а если мало лет остается, уменьши цену: ибо известное число лет жатв он продает тебе. Не обижайте один другого; бойся Бога твоего; ибо я Господь, Бог ваш (Лев. 25: 13-17).

Если анализировать это законодательство, видно, *первое*, что цель не “гуманитарная”, как многие твердят. Конечно, “убогие из твоего народа” ели с поля в субботный год, но они могли собирать колосья в поле каждый год, так что не было нужды обеспечить специальный субботный год для убогих. Попытка оправдать субботного дня или года причинами, различными чем сама суббота – это все равно отрицать, что это отдельная заповедь воплощающая в себе и сама по себе особый аспект Божией правды и закона. Цель субботы – это суббота, т.е. отдых, чтобы найти время для искупления и возрождения.

Второе, в высшем выражении принципа субботы в законодательстве Моисея – юбилейный год, юбилей начинался под звуками трубы или баранего рога, в День искупления. Миклем находит это странным, но комментарий Гинсбурга Левита 25:9 устанавливает его значение совсем ясно.

В конце великого Дня искупления, когда древние евреи понимали, что они получили душевное спокойствие, что ихний небесный Отец отпустил их грехи и что они снова объединились в Нем через его опрошающую милость, каждый израильтянин был призван провозгласить по своей земле девятью протрублениями корнетом, что он тоже дал земле отдых, что освободил каждое запрещенное семейное

имущество, и что дал свободу каждому рабу, который мог бы теперь пойти к своим родственникам. Так как Бог простил его долги, так и он тоже должен простить своих должников.^[19]

Суббота, припоминает субботу сотворения. Институт субботы израильтян припоминает освобождение и возрождение Израиля. Цель субботы, как становится ясным из третьей главы Послания к евреям – это обетованная земля, новое сотворение в Иисусе Христе. Следовательно суббота объясняет восстановление и возвращение всех вещей в Христа. В юбилейный год, как и в каждый субботный год, долги прощаются. Современный статут для ограничения накопления долгов является адаптацией этого библейского закона. В юбилейный год деревенские земельные владения тоже возвращались своим настоящим собственникам; рабы освобождались, как в каждый субботный год. Юбилей отмечал двухлетний праздник, в котором заветный человек радовался предвкушению великой субботы нового сотворения. Так как юбилей начинался вечером Дня искупления, это ясно показывало, что закладывались основы нового сотворения, искупления через кровь заветного Агнца. Сотворение и возрождение таким образом основывались на субботу; человек *отдыхает* благодаря законченной работе Бога по освобождению, провозглашенной давно. Через веру человек, предчувствуя окончательную победу и радуясь настоящему избавлению, живет во имя веры, как Богу угодно.

Третье, великая работа по восстановлению, противоположная работе Грехопадения; включает также и землю. Этим отдыхом почва тоже восстанавливается и снова оживляется. Позволяя полю обрасти сорными травами, сорняки дают возможность перенести в верхний слой почвы минералы из нижних слоев и тем самым оживить почву. Лозам и деревьям дается возможность свободно расти неподрезанными и снова обновить свою жизнеспособность. Плоды, которые падают и гниют снова обогащают почву. Значение шаббата для восстановления почвы очень великое. Однако человек без веры предпочитает свою собственную работу перед Божьей работой и свой предполагаемый отдых перед Божьей субботой. Метод Бога называют грубым, а используются модные гербициды, искусственные удобрения и другие средства, и таким образом почва загрязняется, и с ней всячески злоупотребляется. Почва третируется как что-нибудь, которое наука может делать и переделять, и даже обойтись без нее. Очень мало ученых относятся к почве с уважением. Замечательные исключения – это сэр Альберт Ховард: *Агрономический завет*; Френд Сайкс: *Современное перегонное земледелие*; Вильям А. Албрехт: *Плодородие почвы и здоровье животных*; Джозеф А. Коканнуер: *Сорняки – хранители почвы и Вода и цикл жизни*. Эти и другие авторы выясняют чрезвычайное злоупотребление почвой, функцию микроорганизмов в почве, значение компоста и деревьев для восстановления почвы и многие еще. Значение диких животных и птиц в жизненном цикле земли едва затронуто. Ясно, что земля обновляется отдыхом, иначе она эксплуатируется безжалостно и в конце концов превращается в пустыню. Много когда-то населенные области сегодня пустыни, свидетельство тому – Вавилон и Сахара. Когда Бог приказал, чтоб Израиль и Юдея ушли в плен, это было не только чтобы наказать людей, но и чтобы восстановить землю. “Доколе, во исполнение слова Господня, сказанного устами Иеремии, земля не отпраздновала суббот своих. Во все дни запустения она субботствовала до исполнения семидесяти лет” (II, Пар. 36:21). Пророчество Иеремии дано в Иер. 25:9-12 и оно припоминается в Дан. 9:2. Плен был в исполнении пророчества закона, касающегося нарушения субботы:

Тогда удовлетворит себя земля за субботы свои во все дни запустения своего; когда вы будете в земле врагов ваших, тогда будет покоится земля и удовлетворит себя за субботы свои (Лев. 26:34).

Тогда как земля оставлена будет ими, и будет удовлетворять себя за субботы свои, опустев от них, и они будут терпеть за свое беззаконие, за то, что презирали законы Мои и душа их гнушалась постановлениями Моими; (Лев. 26:43).

Эта суббота продолжительностью в 70 лет была милость Божья для земли и для Израиля. После распятия Христа никакая такая милость не распростиралась над землей, и ее история стала историей сильной эрозии почвы и людей. Земля и люди показывают эффект проклятия. Хотя Израиль между пленами и распятием соблюдал субботы земли, по другим пунктам израильтяне презирали Бога и распяли Его Сына, так что проклятие упало над ними, и над землей ради них.

Ясно, что обновление почвы – основной аспект субботы. Обновление всего – основное для субботы и земля находится в центре этого обновления. Люди могут игнорировать требования субботы земли только подвергаясь опасности быть осужденными и наказанными смертью. Видно, что смертная казнь играла большую роль в истории и народы, которые загрязняют землю и злоупотребляют ее ресурсами, обреченные умереть. Логическое допущение в таком случае такое: если неуважение субботы так серьезно по отношению к земле, не так ли серьезно оно и по отношению к людям и животным?

Нам очень хорошо известно, что современные методы птицеводства, с круглосуточным освещением клеток, химическим “усилением” кормов чтобы увеличить прирост и различные методы для получения больше яиц, отражаются на курицах, которых не выгодно сохранять дальше, после того как они начнут линять. Молочные коровы подобным образом теперь имеют ограниченную продолжительность жизни. Не удивительно, что продукты от таких животных не имеют уже ту питательную стоимость, которая была у них в прошлом.

Что касается людей, непрерывное напряжение ведет к смерти, говорят нам. Неспособность человека отдыхать, нехватка ему настоящей субботы, отсутствие веры, ведет к полной напряжением жизни, которая кончается смертью. Исследование напряжения с нехристианской точки зрения разрабатывалось пространно доктором Селие.^[20]

Человеку нужен *отдых*; он действительно нуждается субботой, чтобы жить; однако без веры у него не может быть настоящего отдыха, ни он сможет предоставить отдых другим людям, почве или живым тварям. Очень часто общества язычников проводили в ограниченных масштабах превосходную политику по отношению к почве с прагматической точки зрения. Но эта практика, бывшая чисто прагматической, не была последована

подобной мудрой политикой по отношению к животным. Очень часто культуры язычников избежали крупномасштабные катастрофы только благодаря их мелкомасштабным умениям.

Когда человек разрушает почву, загрязняет пищевые продукты и отравляет воздух и воду, он на самом деле выдает смертельный приговор самому себе. Распространение загрязнения очень велико и оно усугубляется по причине чрезмерной уверенности человека, что “наука” сумеет справиться с ним каким-то новым искусственным средством.^[21]

Сущность субботы – это работа по восстановлению, новое сотворение Божье; цель субботы – это второй творческий отдых Бога. Человек обязан отдыхать и позволять земле и животным отдыхать, чтобы Божье восстановление смогло сработать и сотворение возродилось. Каждый субботный отдых наводит на новое сотворение, на возрождение и восстановление всех вещей. Работа Божья по восстановлению происходит из земли и Его суббота должна следовательно применяться также и к почве.

Однако, *четвертое*, субботу нельзя сводить к сохранению почвы больше, чем ее можно свести к гуманитаризму. Это “суббота в Господа.” Это *заветное знамение* и согласно собственной декларации Бога:

И Я вывел их из земли Египетской и привел их в пустыню. И дал им заповеди Мои и объявил им Мои постановления, исполняя которые, человек жил был чрез них; Дал им также субботы Мои, чтоб они были знаменем между Мною и ими, чтобы знали, что Я – Господь, освещающий их. Но дом Израилев возмутился против Меня в пустыне; по заповедям Моим не поступали и отвергли постановления Мои, исполняя которые человек жив был чрез них, и субботы Мои нарушали, - и Я сказал: изолью на них ярость Мою в пустыне, чтоб истребить их (Иез. 20:10-13).

Существенное значение субботы происходит следовательно из факта, что она свидетельствует о существенном и дарующем жизнь соглашении между Богом и человеком. *Источник* этой жизни – Бог, *не* закон или суббота сама по себе. После плена Израиль соблюдал субботу твердо, применяя ее к человеку, земли и животных, однако *форма* не дает жизни. Они отреклись от субботы доверяясь своим работам, и от крови своей (от своего происхождения от Авраама), и они умерли в своей слепоте. Соблюдение субботы не спасло тех, кто отрек и распал Господа субботы.

Богословы, которые ограничивают значение субботы или которые считают, что она подчиняется богослужению и безделью, не имеют понятия об ее значении. Некоторые фарисеи вели дебаты о том допустимо ли есть яйца, потому что курицы возможно работали над ними по субботам, однако они не верили в Бога о своем спасении. Они ставили ударение на “не работать”, что само по себе человеческая работа, надменное хвастовство их умением выполнять закон, и это самое фарисейство явствует в некоторых церквях сегодня. Суббота – это жизнь для человека, который ждет жизнь от Господа и оставляет Бога работать через все созданное как великий пересоздатель. Это больше чем соблюдение на словах и не может связываться с никаким гуманистским доверием в человеческие или в государственные работы как источник отдыха и спасения человека.

Пятое, прощение – основной аспект субботы. Милость Бога при отпущении грехов – это завет человеческой субботы. Это значит отдых, разгрузка от бремени греха и вины. Молитва Божья, которая ждет с нетерпением великую субботу (“Да придет царствие твое”), имеет как центральную просьбу юбилейное отпущение: “И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим” (Мат. 6:12). Ленски переводит это: “И отпусти нам долги наши, как мы тоже воистине отпускаем должникам нашим”^[22] Перевод “согрешения” хорош тем, что лучше указывает на наши грехи; но слово “долги” часто имеет более широкое дополнительное значение, как это определенно имеет место здесь. Как отметил Ленски “Наши долги к Богу такие великие, что мы не можем надеяться никогда уплатить их и наша единственная надежда это, что Бог простит их бесплатно, как подарок Христа ради.”^[23]

Суббота означает отдых, прощение, вычеркивание долгов и усталости. Она означает свежую жизнь. Так как неверующий по природе раб, он не освобождается от долгов:

В седьмой год делай прощение. Прощение же состоит в том, что всякий заимодавец, который дал займы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего и с брата своего; ибо провозгласено опрощение ради Господа. С иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости. Разве только не будет у тебя нищего: ибо благословит тебя Господь на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел, чтобы ты взял ее в наследство. Если только будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и стараться исполнять все заповеди сии, которые я сегодня заповедую тебе: Ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать (Втор. 15:1-6).

Цель Бога – это общество без долгов, которое тоже и без бедности, а это возможно только в условиях его закона.

Эффект субботного закона в настоящей жизни заметен в христианском мире. Как отмечает Кларк:

Современные законы об ограничении и о банкротстве выполняют цель древнего закона о субботном освобождении – первый через запрещение предпринимать действия против какого-то долга после определенного числа лет, а последний – разрешая должнику вернуть себе свое имущество после погашения своего долга.^[24]

Все таки современные законы – с начала до конца светские и богохульные, и хотя и происходят из библейского субботного закона об отпущении, они очень далеко от него по духу. Субботное отпущение дарует жизнь, однако за тех, которые чужие Богу, ни суббота, ни ее отпущение могут иметь свое действительное значение.

3. Суббота и труд

В своем анализе “Идея о субботе” Густав Олер отмечает, что, *первое*, “Человек, как Бог, должен работать и отдыхать; таким образом человеческая жизнь будет копией Божественной жизни.” Труд Божьих людей должен быть средством для восстановления божественного порядка на земле. *Второе*,

Божественный труд заканчивается счастливым отдыхом; Создатель отдыхает, удовлетворенный созерцанием своей работы, но не пока само Его творение полностью не закончено. Так и труду человеческому тоже нельзя бегать по безрезультатному кругу, а кончаться в счастливой гармонии с существованием.

В какой-то степени юбилей показывает этот аспект субботы. Более того, потому что “целому ходу человеческой истории нельзя уйти в мрачную бесконечность,” потому что ее цель – славная победа, мы тоже должны найти завершение в гармоничном и данном Богом порядке”, который “гарантирован субботой сотворения и заранее представлен субботными сезонами.” Суббота сотворения, в отличие от предшествующих ее шесть дней, не заканчивается одним вечером. “Божественный отдых не седьмой день творения, у которого нет вечера, нависает над мировым прогрессом, так что может в конце концов поглотить его в себе.”

Работа и цель, усилие и результат, это две концепции, которые являются основными для идеи субботы, твердит Олер. Суббота дает цели человеческой жизни, тем самым предавая труду значимость и целеустремленность: она связывает его с радостным совершенством. Суббота, отмечает Олер, обращается назад к отдыху сотворения, чтобы найти свою модель и веру; она глядит вверх к Богу с уверенностью в Его благосклонности и победе; она глядит вперед к великому субботнему совершенству.

Полные намерения субботы, однако, не выполняются, пока это владычество *греха* и *смерти*, которые вошли в развитие человечества, берутся в счет. После того как Бог наложил проклятие над землей и приговорил человека трудиться в поте лица в услугу своему гибельному существованию, желание об отдыхе в Боге приняло форму страстного стремления к *искуплению* (Быт. V. 29). Израиль тоже научился, страдая под египетским гнетом, тосковать об отдыхе. Когда их Бог подарил им их регулярно повторяющийся период отдыха, выводя их из рабства, это постановление стало в то же самое время *выражением благодарной торжественностью*, которой они испытывали *в память об освобождении*. Поэтому во второй версии Декалога (Втор. V, 15) говорится: “И помни, что ты был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботный.” Этот пассаж не подчеркивает, как его часто понимают, только мотив о специальной обязанности не препятствовать слуге отдыхать в седьмой день: ни он содержит с другой стороны, как тоже принимается, собственную объективную причину, чтобы святить субботу, которая наоборот выражена, как уже сказано, в первой версии Декалога, Исх. XX. 11; но он относится к соблюдению субботы, в частности к этому рассмотрению, которое является глубочайшим субъективным побуждением к исполнению закона в его целостности. Как близко припоминание об освобождении из Египетского рабства связано с этим настоящим установлением субботы, видно с того, по свидетельству римских авторов, указанные выше (Tacitus, Hist. V, 4; Justin, Hist. 36:2), чего было знакомо язычникам касательно причины для чествования субботы.^[25]

Внимание привлекается к факту, что *восстановление* – основная концепция субботы. Однако восстановление ясно предполагает *труд*. Как указывает Олер “остается отметить один пункт, важный в этическом аспекте. Суббота имеет свое значение только как седьмой день, предшествующий шести днями труда... Таким образом вопрос о субботном отдыхе надо поднимать только на *основании* предшествующего труда в нашем занятии.^[26]

Суббота – знак Божьей договоренности с человеком, объявляющая Божью благосклонность и эффективную работу Бога для спасения, так что человек мог бы отдыхать зная, что труд ваш не тщетен пред Господом” (I Кор. 15:58).

Надо помнить, что один важный аспект четвертого закона – слова такой: “Шесть дней работай”, т.е. шесть дней определяются для работы. Следовательно налицо позитивное приказание работать. Приказание сотворения указывает человеку “плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными и над всяким животным, пресмыкающимся по земле” (Быт. 1:28). Это приказание было отдано до грехопадения. Таким образом обязательства для плодородия, работы и владычества были установлены тоже до грехопадения; они продолжают и после грехопадения, но с одним серьезным затруднением. Не вернув себе милость Божью, человек не сможет соблюдать Божий закон и выполнять свои обязательства. Искупительный труд человека не попытка *сотворить* рай на земле, а *выполнить* требования Бога в Его царстве. Спасенный человек – гражданин царства Божьего, и поэтому он твердо придерживается к закону: это его работа, его обязанность и его дорога к владычеству. Существование субботы предполагает существование труда.

Взаимосвязь между субботы и трудом такая, что ведет все вещи к взаимосвязи с Богом и к преданности Ему. Ничего не может существовать, ни можно считать его существующим, вне Бога. Не только заветный человек, но и вся его работа должны быть очищенными в известном смысле, или благословенными в царстве. Обычай первого плода был одним аспектом этого. Но другой закон выясняет этот вопрос даже более полно:

Когда придете в землю, которую Господь Бог дает вам и посадите какое-либо плодovitое дерево, то плоды его почитайте за необрезанные; три года должно почитать их за необрезанные, не должно есть их; А в четвертый год все плоды его должны быть посвящены для празднеств Господних. В пятый же год вы можете есть плоды его и собирать себе все произведения его. Я Господь, Бог ваш (Лев. 19:23-25).

Этот закон ясно связан с уже дискутированным законом, который выясняет сохранение почвы, плодородие деревьев и относится к жизни всему творению.

Комментарий Гинсбурга выясняет этот аспект превосходно:

Дерева, которые дают плоды, неподходящие для потребления человеком, которые растут сами по себе или которые сажаются для изгороди или для материала, не идут под этим законом. То плоды его почитайте за необрезанные.- Буквально, *следовательно должны обрезать необрезанное, его плод*, т.е. отрезать или отщипнуть его необрезанное, которое сам текст объясняет как “его плод.” Метафорическое использование обрезания таким образом объясняется самым текстом: он обозначает плод как непригодный или неподходящий. В XXVI. 41 та же самая метафора используется насчет сердца, которое упрямое и не зрелое, чтобы услышать Божественное предостережение. И в другие пассажи Святого писания она используется касательно губ (Исхл VI. 12,30) и ушей (Иер. VI. 10), которые не выполняют свои присущие функции.^[27]

В первые три года плод должен быть сорванным и оставленным сгнить на землю. В четвертый год его можно есть, если выкупить его у хозяина, уплативая его стоимость плюс одну пятую часть: она принадлежит Богу. В пятый год плод можно собирать, и в следующие пять лет тоже, вплоть до следующего субботного года.

Этот закон связан с сохранением жизни, отдавая должное жизненным условиям, но он предполагает больше, потому что слово *необрезанный* используется намеренно и эмфатически. Это значит что земля воистине проклятая ради человека, из-за его греха и что весь труд человека тщетный и необрезанный вне Бога.

В связи с необрезанным плодом, комментарий Пийка- иллюстрация абсурдности неверия:

Может быть загвоздка в том, что в первые три года он табу и должен быть оставлен сам по себе; может в начале его оставляли для полских духов. Надо отметить, что первые приплоды животных тоже не использовались пока они не достигли трехлетнего возраста. Арабы умилостивляли джина кровью, когда кусок земли вспахивали в первый раз.^[28]

Этот шедевр неуместности так ценится модернисткой мыслью, что Натаниел Миклем увековечил его одним поколением позже, цитируя Пийка в своем собственном комментарии Левита 19:23-25.^[29] Бонар, которого ни Пийк, ни Миклем признали бы как комментатор, так как он относится к Божьему закону серьезно, отмечает:

Не является ли это предписание памятником запрещенному дереву рая? Каждое плодное дерево должно было стоять неиспользуемым три года, как испытание их подчинения. Каждый странник видел в огородах и виноградниках Израиля доказательства их подчинения ихнему верховному Владетелю – свидетельству о Нем.^[30]

Сохранение почвы и предохранение плодородия дерева – очень важные: они лежат в основе того факта об обрезании. Земля принадлежит Господу, и ее надо использовать по Его условиям и по Его закону. Суббота не соблюдалась просто через безделие, ни человек мог поручать себе Богу, воздерживаясь от яиц, над которыми курица работала в субботу. Суббота предполагает труд, выполняющий предписание Божьего творения и выполненный по Божьему закону, и еще суббота – радостный отдых после упражнения этого благочестивого владычества. В субботу человек радуется, что земля принадлежит Господу, и все, что наполняет ее (Псл 23:1). В этой доверенности человек отдыхает, и в этой радости он наблюдает дело своих рук, зная что его “труд не тщетен пред Господом” (I Кор. 15:58). В этот день и в субботный сезон он воздерживается от плода и от дерева, которое сейчас для него подобно запрещенному дереву, потому что Господь, который управляет работой, чтобы человек мог упражнять владычество, также и ставит границы этому владычеству.

Человек знает, что его “труд не тщетен пред Господом (I Кор. 15:58), потому что наивысший Бог велит всем вещам работать вместе за благо тем, кто любит Его, кто призваны по Его изволению (Рим. 8:28). Заветный человек сознает, или призывается осознать, что нарушить закон по одному пункту, это все равно нарушить закон в целом (Иак. 2:10), потому что пренебречь закон по какому-нибудь пункту значит поставить нас самих в позиции богов по этому пункту. Факт что Адам и Ева подчинились всем другим пунктам, однако не подчинились в отношении *одного* дерева, не дало им выгодный баланс с Богом. По этому пункту они выявили новый действующий принцип: быть как боги, зная и определяя добро и зло для себя (Быт. 3:5). Труд и отдых, оба должны быть в Господе, и их предположением должно быть верховенство триединного Бога.

4. Суббота и власть

Есть описание свадьбы в Святом писании, которое часто вызывает фырканье со стороны женщин, выражающее расхождение в мнениях. Ноеминь, планируя свадьбу Руфи, спросила “дочь моя, не поискать ли тебе пристанища (по староеврейский отдых, зам. пер.), чтобы тебе хорошо было?” (Руф. 3:1). Слово *отдых*, использованное в староеврейском текете, это *manaach* – место отдыха или отдых, пока как слово *отдых*, связывается с прекращением работы или субботой, по староеврейски Shabbaton. Вопреки этому, хотя и есть различие в значении между двумя словами, а субботный отдых полностью отсутствует в другом, все таки имеется некоторая связь.

Действительно нельзя сказать, что этот брак был отдыхом для Руфи, так как до него она работала собирательницей колосьев. *Отдыхом* для Руфи было то, что в браке она была бы под заботой и власти мужчины, даже если отдых мужчины должен был быть под Христом, потому “что всякому мужу глава Христос; жене – глава муж,”(I Кор. 11:3). Настоящий отдых существует в том браке, где вопреки тяжелому труду, который мог бы быть уделом супруга и супруги, каждый находится под властью и доверяется этой власти. Длинные волосы женщины и ее покрытая голова символизируют подчинение власти и эта власть – “сила над ее головой.” Это означает как ее подчинение власти, так и силу и защиту, которые эта власть дает ей. Исторически и психологически, незащищенная женщина – открытая дверь.

Ссылки на *отдых*, *shabbaton* (Исх. 16:23; 31:15; 35:2; Лев. 16:31; 23:3; 32; 25:4,5) называют его “святым” покоем, или “покоем Господним”, или “святым для Господа”, или тому подобное. Потому что это заветное знамение, суббота – символ подчинения Богу, признания власти Божьей по Божьим условиям. “Дал им также субботы Мои, чтоб они были знамением между Мною и ими, чтобы знали, что Я – Господь, освящающий их” (Иез. 20:12).

Субботы были как следует:

1. Еженедельные субботы.
2. Новомесячные субботы, Числа 28:11-15; когда работать не запрещалось, однако взыскивались жертвы. Позже, согласно с Ам 8:5, прекращение работы стало обычным, но первоначальный закон не требовал этого. Раньше это был день соблюдения субботы в семье (I Цар. 20:5). Праздник труб или Новый год, тоже был субботой.
3. Субботный год или Год юбилея (Исх. 23:10; Лев. 25:1-7; 25:8-10; Втор. 15:1-11; 31:10-13, и т.д.). Долги можно было договорить только на шестилетний период; седьмой год был субботой и годом отпущения (Втор. 15:1-11).
4. Пасха (Исх. 12:1-28, 43-49; 13:3-9; 23:15; Лев. 23:5; Числ. 28:16-25; Втор. 16:1).

5. Праздник Незаквашенного хлеба (семь дней) (Исх. 23-17).
6. Праздник Недель (Пятидесятница) – чествовался семь недель после Пасхи (Лев. 23:15). На этой день, 16-ое Нисана, отдавали благодарность жатве.
7. Праздник кущей – соблюдался семь дней, живя в шалашах (кущах) из ветвей, припоминающие ежедневие Исхода (Лев. 23:36-42). Им заканчивался сельскохозяйственный год, с весельем и пирами.

Очевидно налицо большое различие между субботами. В недельных субботах нельзя было даже огонь зажигать, пищу приходилось готовить с предидущего дня. С другой стороны новолуночные субботы сначала не требовали прекращения работы, так что отдых не был сущностью каждой субботы; сущностью были веселье и вера. Другие субботы охватывали целые сезоны празднований и чествований. *Все* субботы должны были создавать удовольствие заветному народу.

Обращаясь к взаимосвязи между субботами и властью, Иезекииль цитирует ее как близко связанную с благочестивым образом жизни, говоря жрецам: “При спорных делах они должны присутствовать в суде и по уставам Моим судить их, и наблюдать законы Мои, и постановления Мои о всех праздниках Моих, и свято хранить субботы Мои “ (Иез. 44:24). По субботам важным был только внешний отдых, однако даже более глубоким и более основным отдыхом являлся отдых во власти и труде Бога и человек испытывал удовольствие в нем. Заповедь не только взыскивает прекращение работы, но и “Помни... чтобы святить его” (Исх. 20:8). Труд и отдых оба были под властью и посвящались Господу или освещались в Господе. Святость сама собой предполагает власть: Это отделение и посвящение по условиям Бога.

Из предидущего выделяются три вещи. *Первое*, отдых субботы происходит из факта, что заветный человек находится *под властью*. *Второе*, суббота соблюдается как “суббота Господу, Богу твоему” (Исх. 20:10), или как Буш представляет это [31], как *символ завета*. *Третье*, суббота – *святая* в Господе. Все три вещи ясно показывают основной факт владычества и власти Бога, так что суббота должна быть посвящена Божьей власти и Его владычеству, иначе она не была бы настоящей субботой.

Между прочим, развитие богослужения в синагогах и церквях является логическим развитием субботы. Хотя оно и не имело никакой роли в оригинальной субботе, оно все таки необходимое и логическое развитие. Чтобы быть под властью и чтобы признавать владычество, необходимо *знание*. Левиты очень рано стали представителями закона, а школы пророков были центрами обучения по служению. В результате появилась синагога, так что Совет Иерусалима мог отметить: “Ибо закон Мойсеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу.” (Деянл 15:21).

Таким образом *рост знания о Боге и об Его законе-слове* становится важным для чествования субботы и в Новом завете есть красноречивые доказательства по этому поводу. Поэтому и христианская суббота зацепляется с *знанием* как важный аспект субботного отдыха. Следовательно *первый* и центральный аспект христианской субботы состоит в том, что это день объявления слова Бога, день, в котором его смысл изучается и знание об его применении улучшается. Радость и песня, присущие субботы, связываются с этим знанием. Знание о спасении и доверие к божественному закону-слову, дает заветному народу удовольствие и уверенность, выраженные в песне и молитве.

Второе, хотя христианская суббота неизбежно и близко связана с субботой Израиля, все таки еще есть очень важное различие. Слова Святого Павла в Кол. 2:16,17 выясняют, что старое постановление претерпело радикальное изменение. Калвин комментировал отрывок послания к колоссянам:

Судить значит здесь считать кого-то виновным в преступлении или налагать сознанию сомнения, так что мы уже не свободны. Следовательно он говорит, что не во власти человека подчинять нас ритуалам, которых Христос уничтожил своей смертью и освободил нас от ихнего ярма, так что мы не можем сами позволить связать нам по рукам и ногам законами, которые они наложили. Он однако мысленно сравнивает Христа со всем человечеством, чтобы кто-нибудь не превозносил себя так дерзко, что попытался бы отнять то, что он ему дал.

...Причина чтобы освободить христиан от соблюдения их, это потому что они были *тенью* в то время когда Христа, в известном смысле еще не было. Поэтому он сравнивает тени с откровением и отсутствие с проявлением. Следовательно те, кто еще принадлежат к этим *теньям*, действуют как тот, кто осудил бы человека за то, что он появился из своей тени, тогда как в то же время он был у него на глазах. Поэтому Христос теперь явился нам и с этих пор мы радуемся ему как присутствующему. *Тело*, говорит он, *Христово*, т.е. во Христе. [32]

Лютер цитирует старую субботу “между церемониями, необходимыми для народа Мойсея, однако необязательными для нас.” [33] Комментарий Калвина по закону наводит на фокус значение старого закона, как и изменении к новому:

Прежде всего Павел ясным образом учит нас, что это было церемониальным предписанием, называя его тенью этих вещей, тело которых только Христос (Кол. II. 17). Но если внешний отдых был только церемонией, сущность которой надо искать в Христе, теперь остается разобраться как это Христос действительно выставил напоказ то, о чем намекалось раньше; и это тот же самый апостол заявляет, когда утверждает что “наш старый человек распнат вместе с Христом” и что мы рождены с Ним, что Его воскресение может быть для нас обновление жизни (Рим. VI. 4). Надо без сомнения собрать из множества отрывков, что соблюдение субботы было серьезным вопросом, так как Бог не внушает нам более часто никакой другой заповеди, ни более стриктно взыскивает подчинение к другой; и опять, когда выражает недовольство, что Его презирают, и что евреи впали в крайнее безбожье, Он просто говорит, что Его “субботы оскверняются,” как будто религия принципино состоит в их соблюдение (Иер. XVII. 24; Иез. XX. 21; XXII. 8; XIII. 38). Более того, если бы не было некоторого особого превосходство в субботе, могло бы показаться актом жестокой несправедливости приказать, чтоб человек был наказан смертью за то, что ломал дрова в тот день (Числ. XV. 32). Отсюда можно заключить, что сущность субботы, которая по заявлению Павла должна быть во Христе, наверное была чем-то незаурядно хорошим. [34]

Эти слова Калвина находятся в замечательным контрасте с диким преследованием, которые приписывают Калвину. “Дикая суровость” Калвина – это миф. [35] Законы про воскресенье и другие моральные законодательства были средновековыми законами, которые применялись в Женеве когда Калвина там не было и проводились в жизнь людьми, которые очень часто противопоставлялись Калвину. [36]

С точки зрения Калвина закон, который когда-то вел к смерти, предполагает что-то очень важное и необычайно хорошее. Христос есть это великое благо, и наш покой в Нем. Как отмечает Калвин, “суббота нарушается даже хорошими делами, если мы будем смотреть на них, как на свои.”^[37] Сущность субботы – это наш покой во Христе и рост нашего знания о спасении через Его милость.

Различие между субботой Израиля и христианской субботой не только в дне, но и в конце всех ограничений. Первый день недели был рабочим днем в Палестине и тоже во всей Римской империи. Церковь обычно встречалась по вечерам первого дня, потому что ее члены днем работали. В одном случае заснувший член упал через окно и убится (Деян. 20:7-12). Очевидно, если работа в день Господа была еще незаконной, Новый завет имел бы что сказать больше на этот счет. Старый закон ясно изменен здесь. Теперь обязанность, как утверждает Святой Павел, была “не оставлять собрание своего, как есть у некоторых обычай” (Еврл 10:25).

Некоторые, между прочим, обратятся к работам ранних христианов, “труды необходимости.” В чужой им культуре, их работы можно сравнить в известном смысле насильственным трудом, трудом рабов. Есть хороший пример об этом. Когда христианские государства устанавливались, некоторые формы обязательного соблюдения субботы еще встречались. Когда начали отменять законы субботы, реакция была очень болезненной, как свидетельствует Роберт Мури Мак Чейни в своей знаменитой проповеди 18-ого декабря 1841 года:

Дорогие друзья соотечественники, как служитель Бога, в этот мрачный и облачный день я чувствую себя обязанным возвысить мой голос в защиту Божьего Дня. Дерзкая атака, которую сейчас предпринимают некоторые из Директоров железной дороги Единбурга и Глазгоу, против закона Бога и покоя нашей шотландской субботы, богоухльное предложение, которое они намерены сделать акционерам в следующем феврале и безнравственные памфлеты, которые циркулируют теперь тысячами, полными всяким образом ложью и неблагочестиями, призывают громким голосом к спокойному, неторопливому свидетельству всех верующих служителей и рядовых христиан в пользу святого Божьего дня. От имени всех Божьих людей в этом городе и в этой стране, я прошу вас рассмотреть следующие основания любить День Господа.^[38]

После этого МакЧейни перечисляет основания, чтобы, отметим это, “любить” День Господа. Хотя он противопоставил движению поездов по воскресеньям и называл его нарушением субботы, он не мог бы поставить все это на уровне Старого завета. Мир с его нарастающим круглосуточным действием заводов, транспортом пищевых товаров и т.п., делает концепцию Ман Чейни о субботе несостоятельной. Однако современная концепция о не-субботе в равной степени несостоятельная и разрушительная для покоя человека. Суббота Израиля ушла, и ее законы тоже, однако христианская суббота действительно требует христианский порядок и один аспект этого порядка это христианская суббота.

Но суббота – это символ завета; она не закон для гуманистического государства и не имеет значения для него, ни оно может востребовать ее. В христианском государстве не может быть что-то подобное субботы Израиля. Должен быть день отдыха, и покоя и спокойствия, но основное ударение ставится на власть Бога, на знание о Нем и на отдых под Его управлением и спасением. Сдвигание ударения с значения субботы к игре словами относительно ее правилах – это конечно не делает честь субботы. Слова Святого Павла в Кол. 2:16,17 остаются верными: если никому не положено судить нас в связи с субботаами, то тогда и нам подобным образом не положено судить никого.

Однако, *третье*, для тех, которые члены соглашения, для них счастье соблюдать дня, вместо того чтобы судить и делать законы о субботе для других. Для них это действительно день отдыха, потому что только они действительно способны отдыхать. Для них это день, когда Бог работает в них Своим словом и Своим духом, так что они прибавляют в милости и мудрости, и радуются благорасположению Бога к людскому множеству.

Псалом 1 показывает взаимосвязь человека с законом очень полно:

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей: Но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он не делает, успеет. Не так – нечестивые; но они – как прах, возметаемый ветром. Потому не устоят нечестивые на суде, и грешники – в собрании праведных. Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет.

Это жизненность веры, которая раздует в субботу и которая процветает благодаря субботному отдыху. Отдыхать в Господа – это принять Его власть и верить в Нем.

5. Суббота и закон

Святой Августин говорил о цели истории как “великая суббота, у которой нет вечера.”^[39] Он заключает свои *Исповеди* определением значения субботы как цель истории:

(XXXV.) 50. О Господь Бог, дай мир нам: (потому что Ты даешь нам все вещи;) покой отдыха, мир субботы у которой нет вечера. Потому что все это красивейшим образом облачает вещи *очень хорошо*, а когда они закончат свой путь, оно уходит, так у них есть *утро и вечер*.

(XXXVI.) 51. Но у седьмого дня нет вечера, ни он кончается; потому что Ты освятил его для вечного существования; и так как Ты поступил после Твоих работ, что было очень хорошо, отдыхая на седьмой день, хотя Ты сделал их в непрерывном отдыхе, которое голос Твоей книги оповестил нам, так и мы тоже после наших работ (следовательно *очень хорошо*, потому что Ты дал их нам) будем отдыхать в Тебя также в субботу вечной жизни.

(XXXVII.) 52. Потому что тогда Ты будешь отдыхать в нас так, как сейчас Ты работаешь в нас; и Твой отдых будет так через нас, как Твои дела идут через нас. Но Ты Господи, всегда работаешь и всегда отдыхаешь. Ни видеть Тебя во времени, ни двигаться во времени, ни отдыхаешь во времени; ибо Ты сделал вещи видимые во времени, как и само время, и отдых, который следует из времени.

(XXXVIII.) 53. Поэтому мы видим эти вещи, которые Ты сделал, потому что они существуют: но они существуют, потому что Ты видишь их. И мы видим вон, что их есть, и внутри, что они хорошие, но Ты видел их там, когда были сделаны, где Ты видел их, чтобы сделать их. И мы были позже наставленные делать добро, после того как в наши сердца представился Твой Дух; однако в прежние времена мы были побуждены делать зло, оставляя Тебя; но Ты, Единственный, Добрый Бог, никогда не перестал делать добро. И мы тоже имеем *хорошие дела*, как дар от Тебя, но не вечно; мы верим, что после них отдохнем в Твоей великой *святости*. Но Ты, Бог, которому не нужны никакие блага, работаешь без отдыха, потому что Твой отдых – это Ты сам. И какой человек может научить человека понимать это? Или какой ангел ангела?

Или какой Ангел человека? Разреши *попросить* у Тебя, *поискать* в Тебя, *постучать* к Тебе; чтобы *получить*, чтобы *найти*, чтобы *открыться*. Амин.[40]

Весткот говорил о субботном отдыхе в Евр. 4:9 как “отдых, который заканчивает разные формы земных приготовлений и работ (удел тяжелого человеческого труда): не одна изолированная суббота, а суббота – жизнь... Субботный отдых соответствует Сотворению как его собственную законченность.” Позднее, критикуя святого Августина, Весткот обращает внимание на комментарии равинов:

Учителя евреев подробно останавливались на символическое значение субботы как предварительно представленны “мир, который придет”. Можно привести отрывок, цитированный Шотгеном и другими: “Люди Израиля сказали: Господи всего мира, покажи нам мир, который придет. Бог, да будет благословен Он, ответил: Образец этому – суббота” (Jalk. Rub. p. 95,4). В связи с этим двойное основание для соблюдения субботы: отдых Бога (Исх. 20:11) и освобождение из Египта (Втор. 5:15), находит свое духовное подтверждение. Окончательный отдых человека отвечает идее Сотворения, реализованной после Грехопадения Искушением.[41]

Этот взгляд на субботу – учение не только отцов церкви, вроде Августина, и равинов, но также и современных протестантских комментаторов. Ленски, который указывает, что “Бог отдыхал от своих работ (не от своих трудов),” отмечает, что это был предопределенный вечный покой, существовавший еще до Сотворения.”[42] Дальше Шнейдер отмечает, что “этот отдых” не жалкое блаженство, сводившее на нет нашу деятельность. Скорее всего это “активный отдых” (Лютер), в котором совершенная церковь поклоняется и восхваляет Бога.”[43]

Эта интерпретация субботы находит основания в Евр. 3 и 4. Ханаан, Обетованная земля, был намеком о настоящей субботе, но настоящую субботу нельзя идентифицировать с ним. Еще один пример: “Посему для народа Божия еще остается субботство” (Евр. 4:9), или это можно понимать так, что для Божьего народа остается суббота, или субботный отдых. Моултон отмечает насчет Евр. 4:10, “Субботный отдых человека начинается, когда он войдет в отдых Божий (Быт. 2:2); так, как это было целью работы сотворения, так и этот отдых – цель ‘трудовой’ жизни для Божьих людей.”[44]

Сейчас можно сделать некоторые общие заключения относительно субботы. *Первое*, вышесказанное выясняет, что суббота всегда имела отношение к *будущему*. Модель субботы в прошлом, это суббота сотворения. *Вход* в субботу тоже в прошлом; для Израиля это было освобождение из Египта; для церкви – это воскресение. *Выполнение* субботы будет в новом сотворении. Суббота – *настоящий* отдых, основанный на прошлых событиях, связанный с будущим и исполнится в будущем.

Второе, которое близко относится к связи субботой с будущим, это что закон о субботе требует *предусмотрительность*, т.е. бережливые люди. Из-за краткосрочной природы долгов, могли договариваться только спешные займы. В каждом веке шестьдесят лет были суббота, включая два юбилейные года. Хотя и Бог обещал обильную жатву для веры в Его закон, все таки надо было использовать эту обильную жатву бережно, иначе они не могли бы выжить. Предусмотрительность в управлении хозяйства означает очевидная ориентация на будущие перспективы. Экономии, ориентированной к прошлому и ставящей в центр потребление, суббота создает общество, ставящее в центр производство, ориентированное к будущему и сознательно отдыхающее. Предусмотрительное общество может отдыхать в мире и безопасности, и оно может лучше всех наслаждаться отдыхом.

Третье, ориентированное к субботе общество лучше всех дает *отдых*. Одно поколение тому назад железнодорожники США работали семь дней в неделю, десять часов в день, в каждый день года. Ясно, что такие условия труда антибиблейские и, в смысле библейского закона, преступные. Это не удивительно, поскольку железнодорожные магнаты были в целом группой законченных негодяев. Если четвертая заповедь считала незаконным отказывать их субботу даже земли и домашним животным, то что говорить об отказе отдыха человеку? И еще, укороченный рабочий день, оплачиваемый отпуск, пятидневная рабочая неделя и т.п., не успели дать человеку настоящий отдых. Увеличение числа сердечных атак, язв, и других причиняемых напряжением недугов и болезней ясно показывает, что изменение трудовых условий не помогло человеку. Потому что старый порядок, хотя и безбожный, все таки был ближе к христианской вере и христианскому порядку; в этих незаконных рабочих условиях человек имел больше возможностей отдыхать, чем человек в конце двадцатого века. В обществе, ориентированном на субботу, предусмотрительный человек, живущий без долгов, нашедший отдых в Христе, и способный и работать, и расслабляться, имеет мир и радость жизни, которые не хватают современному яростному поколению.

И *четвертое*, поскольку каждый закон имеет отношение к будущему, и по существу это план на будущее, то субботный закон – это план на завтра всего мира. Библейский закон работает на устранение зла и на ликвидацию бедности и долгов. Работа субботного закона – восстановление человека, животных и земли, всего творения. Таким образом суббота раскрывает вид и направление закона в целом: это декларация на будущее, установленное законом.

Следовательно, хотя Кол. 2:16,17 и выясняет, что с формальным старозаветным соблюдением покончено, сущность закона применяется в жизни и служит основой всего библейского закона.

Когда нехристианская мысль ориентируется на будущее, она сталкивается с двумя затруднениями. *Первое*, она обвязана с прошлым. Революция “гражданских прав” например имеет самое смутное представление об ответственности, которую должна иметь каждая личность, мыслящая о реальности и о будущем. Вместо этого революционеры “гражданских прав” бесконечно говорят про прошлое зло, не только про реальное или про воображаемое зло, которое они испытали, а и про все зло, от которого страдали их предки. Подобно этому, некоторые союзы рабочих и американские индейцы бесконечно считаются с прошлой историей, вместо с

настоящей реальностью. Это неумение жить в настоящем означает радикальную неспособность справиться с будущим.

Второе, нехристианин, столкнувшись с будущим, в лучшем случае утопист и нереалист. Как отмечает Мумфорд, “Каждая утопия была закрытое общество, которое препятствовало развитию человека.”[45] Человек сводится к экономическому существу и на него смотрят крайне формальным образом, что уничтожает его.[46] Утопия не только представляет иллюзорную или опасную картину будущего, но также искривляет и разрушает настоящего. Таким образом утопия никак не помогает человеку, когда он работает на будущее: она дает человеку иллюзии, которые ведут только к ненужным жертвам и к ничему другому, чем к социальному хаосу.

V ПЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

1. Авторитет семьи

Прежде чем анализировать библейский закон в отношении уважения к родителям и их авторитет, надо отметить усиленное подрывание библейской доктрины о семье. Из Десяти заповедей четыре закона занимают семьей, три из них прямо: “Почитай отца твоего и мать твою,” “Не прелюбодействуй” и “Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего” (Исх. 20:12,14,15). Факт, что собственность (а отсюда и кража), ориентированные к семье, появляется не только во всем законе, но и в десятой заповеди: желать собственность, жену или раба другого было грехом против семьи ближнего. Семья определенно центральная для библейского стиля жизни, и именно семья *под Богом* занимает такое центральное положение.

Однако надо добавить, что это библейская точка зрения чужая для дарвинистского мировоззрения. Эволюционная мысль допускает центральную роль семьи, однако только как исторический факт. Семья рассматривается как великая первичная институция, которая сейчас вытесняется быстро, но которая имеет важное значение для исследования эволюционного прошлого человека. Она еще рассматривается как старую коллективность или коллективизм, которая должна уступить дорогу “новой коллективности.”[1] Как старый коллективизм, который сопротивляется переменам, семья упорно атакуется эволюционистскими социальными учеными, педагогами и даже священниками.

Эволюционная антропология, которая поддерживает эту атаку, обязана во многом, кроме Дарвину, еще и Вильяму Робертсону Смиту (1846-1894) и его труду *Религия семитов*. Дарвин и Смит в свою очередь дали Зигмунду Фрейду (1856-1939) его основные предпосылки. С этой точки зрения, представленной Фрейдом (но также получившей популярность благодаря работе сэра Джеймса Дж. Фрейзера *Золотая ветвь*), происхождение семьи находится в примитивном прошлом человека, а не в творческом намерении Бога. “Первобытная орда” или примитивное общество доминировало “первобытным отцом насильником,” который прогонял сыновей и объявлял исключительное сексуальное владение матерью и дочерьми. “Происхождение моральности в каждом из нас” идет от Эдипова комплекса.[2] Бунтовные сыны, которые завидовали отцу и боялись его, объединялись, убивали и съедали отца и потом обладали матери и сестер сексуально. Их раскаяние и чувство вины за свои действия создали три основные табу для человека: отцеубийство, канибализм, и кровосмешение. По Фрейду, в христианстве сын совершает искупление на кресте за то, что убил своего отца, а канибализм трансформировался в причастие, в духовное общение.[3]

Имея в виду этого, мы можем понять почему антропологи говорят: “Семья самая фундаментальная из всех социальных групп, и универсальная по своему распространению.” Следующая фраза информирует нас однако, что семья “определенная культурой” социальная форма,[4] т.е. она полностью продукт эволюции человеческой культуры. Согласно этому предмет книги “Религия и ритуал” вводится в курс анализа, который делает “Расширение родства.”[5] *Власть* родителя и *безопасность* семьи противопоставляются в религии враждебной окружающей среде, чтобы сделать ее родственной и благоприятной для человека.

В связи с этим, говорят нам, есть два вида религии: религия матери и религия отца.

Например Ван дер Лийю написал:

Нет ничего более святого на земле, чем религия матери, потому что она возвращает нас к самой глубокой личной тайне в нашей душе, к взаимосвязи между ребенком и его матери; в этом смысле Отто Керн кристаллизирует суть нашей темы. Веря, что во Власть он не видит очертания какой-то Формы, человек на самом деле признает при этом черты своей собственной матери; его одиночество сопоставляется с Властью и этим превращается в сокровенное отношение к матери.[6]

Происхождение культа к плодородию видится в богослужении матери, какое-то заклинание плодородия, как и возвращение к безопасности утробы. Культ к матери ведет eventualmente к культу отца. Согласно Ван дер Лийю “Для каждого человека его мать богиня, также как и его отец бог.”[7] Более того, “Мать создает жизнь: отец создает историю”:[8] т.е. религии культа плодородия характерны для предистории и для примитивной культуры, пока отец как бог, это этап человеческого развития в истории. Ван дер Лийю допускает, комментируя Исаия 63:16 и 64:8, что библейский Бог “не олицетворение создателя, а творца, чьи отношения с человеком точно обратные родству, и перед кем человек будет преклоняться в глубокой, но доверчивой зависимости,”[9] но отмечая этого, он возвратился к своему эволюционному тезису.

Религия следовательно рассматривается как отражение семьи и поэтому надо уничтожить семью, чтобы стало возможным уничтожить религию. Но это не все. Подобным образом частная собственность

рассматривается как продукт семьи, и для уничтожения частной собственности необходимо разрушить семью как обязательное условие. Ван дер Лийю говорит о связи между семьей и собственностью:

Среди многих народов *собственность* все еще играет роль общего элемента семьи. Потому что собственность не только предмет, которым владеет собственник. Это власть, и поистине общая власть... Таким образом мы находим общий элемент семьи, связанной кровью и собственностью; но вопрос не ограничивается ими, потому что она священная, и поэтому ее нельзя вычестить из данного без никакого остатка.^[10]

По Хебелю,

Существенная природа собственности находится в социальных отношениях, а не в каком-то присущем атрибуте вещи или предмета, которых мы называем *собственностью*. Иными словами, собственность не вещь, а сеть социальных отношений, которые руководят поведением людей, что касается использования вещей и распоряжения вещами.^[11]

Вот это типичный трюк современного гуманистского интеллектуала: отделяться от проблемы, дефинируя его в другую сторону! Для Хебеля собственность не “вещь, а сеть социальных отношений.” И чем управляют эти социальные отношения? Последнее слово Хебеля выясняет это: они управляют *вещами*! Что в таком случае эти *вещи*, если *несобственность*?

Однако Фридрих Энгельс был тот, кто выразил самым полным образом гуманистский случай (и “марксистский” тезис) относительно связи между собственностью и семьей. Моногамная семья, твердит он, “основывается на верховенстве мужчины, и ее точно выраженная цель, это создавать детей при неоспариваемом отцовстве; такое отцовство требуется, потому что эти дети в последствии примут собственность своего отца как его естественные наследники.”^[12] Моногамия уменьшает значение женщин и ведет к “брутальности к женщинам, которая распространилась после введения моногамии.”^[13] Моногамия и современные индивидуальные семьи покоятся или “основываются на открытом или прикрытом домашнем рабстве супруги.”^[14] Первоначальный групповой брак уступил дорогу парному браку и в конце концов моногамии, которая супутствуется “супружеской изменой и проституцией.”^[15] Коммунизм уничтожит и традиционную моногамию, и частную собственность:

Мы приближаемся сейчас к социальной революции, в ходе которой экономические основания моногамии, какие существовали до сих пор, исчезнут точно так, как и основания ее дополнения – проституции. Моногамия возникла из-за концентрации значительного богатства в руках отдельного индивида – мужчины – и из-за необходимости завещать это богатство детям этого мужчины и никому другому... Возникнувшая по экономическим причинам, исчезнет ли моногамия, когда эти причины исчезнут? Кто-нибудь может ответить не без основания: далеко от исчезновения, наоборот, она реализуется полностью. Потому что с превращением средств производства в общественную собственность, исчезнет тоже наемный труд, пролетариат и вместе с тем необходимость в известном – статистически вычислимом – количестве женщин, отдающих за деньги. Проституция исчезнет; моногамия, вместо разрушения, наконец станет действительностью – тоже для мужчин.

С превращением средств производства в общую собственность, отдельная семья перестает быть экономической единицей общества. Частное хозяйство превращается в общественную индустрию. Забота о детях и образование становятся общественным делом; общество заботится одинаково обо всех детях, законные они или нет. Это устраняет все беспокойства относительно “последствий”, которые сегодня самый существенный общественный – моральный и экономический – фактор, препятствующий девушке отдаться полностью любимому мужчине. Не будет ли это достаточно, чтобы привести к постепенному росту неограниченных сексуальных отношений и к более толерантному общественному мнению касательно девичей чести и женского стыда? И в конце концов, не увидим ли мы, что в современном мире моногамия и проституция вправду противоречия, но противоречия нераздельные, полюсы одного и того же состояния общества? Может ли проституция исчезнуть, не вовлекая моногамию вместе с собой в пропасть?^[16]

Энгельс смотрел на брак, как на легко расторгимую связь, основанную только на любви, свободной для всяких сближений без наказания.^[17] Совершенно ясно, что библейский брак должен исчезнуть с исчезновением частной собственности.

Поэтому становится явным, почему современное гуманистское образование, и специально марксистское образование, так враждебно к семье, и так ясно посвящается замене “старой коллективности” семьи с “новой коллективностью,” государством. Разрушить моногамную библейскую семью значит, с их точки зрения, разрушить, *первое*, религию, *второе*, частную собственность. Марксисты хотят “эмансипировать” женщину, превращая ее в индустриального рабочего.^[18] Это “эмансипация” по определению, потому что она освобождает женщину от библейского комплекса религии – брака – собственности.

С целью противодействовать этим гуманистским концепциям о семье и об отцовской роли, надо понять библейскую доктрину о семье, которая ставит в центр Бога, и сделать ударение на нее. Гуманистская доктрина о семье ставит в центр человека и общество. Семья рассматривается как социальная институция, которая в ходе эволюции создала первоначальную или “старую коллективность” и теперь должна уступить дорогу “новой коллективности,” так как настоящей семьей человека становится все человечество. Как уже отмечалось, *первая* характеристика библейской доктрины это что семья видится в смысле *происхождения* и *функционирования* с Богом в центре. Семья часть намерения Бога о человеке, и она в своей настоящей форме функционирует на славу Бога, заодно давая человеку его собственную реализацию под Богом.

Второе, Бытие 1:27,30 выясняет, что Бог сотворил человека, чтобы покорить землю и упражнять владение над ней под Богом. Хотя в начале был сотворен один Адам (Быт. 2:7), мандат сотворения был полностью отдан человеку уже в рамке женатого и имея ввиду сотворение женщины. Следовательно, существенное для функции семьи под Богом и для роли мужчины как глава домохозяйства, это *призвание покорить землю и упражнять владение над ней*. Это дает семье функцию *владения*: покорить землю и упражнять владение над ней ясно определяет с библейской точки зрения частную собственность. Человек должен ввести во всем творении Божий правовой порядок, упражняя власть над творением в имени Бога. Земля создана “очень хорошо”, но она была еще неразработанной в смысле покорения и владения человеком, Божьим уполномоченным управляющим. Это *управление* собственно и есть призвание мужчины как супруг и отец, и семьи как институции. Падение

человека не изменило этого призвания, хотя и сделало его исполнение невозможным без Христова Дела нового рождения.

Третье, это упражнение владычества и владения ясно предполагает *ответственность* и *авторитет*. Человек отвечает перед Богом за свое использование земли и должен, как настоящий управляющий выполнять это призвание только по условиям царственного декрета и слово своего Властелина. Его призвание дарит ему тоже авторитет по делегации. Человеку дается Богом власть над своим хозяйством и над землей. В марксистской схеме перенесение авторитета из семьи к государству делает смехотворными всякие разговоры о семье как институции. Семья практически удаляется от всех намерений, когда государство определяет образование, профессию, религию и дисциплину ребенка. Тогда родителям остается единственно функция порождения, а посредством контроля над рождаемостью эта роль тоже сейчас все более уменьшается. Семья в таком обществе просто реликвия старого порядка, поддерживающаяся только украдкой и нелегально, и подчиненная все время вмешательству власти государства. В современных обществах перенесение авторитета из семьи к государству осуществляется в различной степени.

С библейской точки зрения авторитет семьи основной для общества, и это авторитет, в центре которого стоит Бог. Отсюда обычайное деление заповеди на двух таблицах или на двух сторонах, по пяти в каждой, а пятая заповедь располагается рядом с этими, которые относятся об обязанностях человека к Богу.

Следовательно значение семьи нельзя искать в порождении, а в авторитете с Богом на центральном месте, и в ответственности в смысле призвания человека покорить землю и упражнять владычество над ней.

Четвертое, функция женщины в этом аспекте Божьего правового порядка это быть помощником мужчины в упражнении его владычества и власти. Она составляет компанию ему в его призвании (Быт. 2:18), так что существует общность авторитета, с ясным превосходством мужчины. Грех мужчины состоит в его попытке узурпировать авторитет Бога, а грех женщины состоит в ее попытке узурпировать авторитет мужчины, обе попытки смертельное легкомыслие. Ева упражнила лидерство, поддавшись искушению, она вела Адама, вместо быть водимой; Адам поддался желанию быть как Бог (Быт. 3:5), когда действовал далеко не как мужчина, подчиняясь лидерство Евы.

Но авторитет женщины как помощник совсем не менее этого премьер-министра короля; от того, что премьер-министр не король, не следует, что он раб, ни от того, что женщина не мужчина, не следует, что она раба. Описание добродетельной женщины, или жены, боящейся Господа в Прит. 31:10-31, не описание беспомощной рабы, ни хорошенького паразита, а скорее всего очень компетентной супруги, менеджера, бизнес-дамы и матери – личности с действительным авторитетом.

Поэтому ключ к библейской доктрине о семье, а также и значение семьи, можно найти в существовании ее центрального авторитета.

2. Обещание жизни

Пятая заповедь дает замечательное обещание подчиняющимся – обещание жизни:

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе (Исх. 20:12).

Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе (Втор. 5:16).

Исход постановляет, а Второзаконие повторяет в расширенной форме это обещание жизни. Прежде чем анализировать это обещание, необходимо понять условие – почитание родителей.

Забавный пример модернистской интерпретации предлагает комментарий Рилаарсадама. Его интерпретация Исх. 20:12 гласит:

Пятая (четвертая) заповедь стоит в точке перехода от общественного к гражданскому праву. Почитание родителей представляет собой форму набожности, хотя оно и не культовый ритуал. Во Втор. 5:16 к обещанию о продлении дней *на земле*, предлагаемой здесь, прибавляется еще процветание. Младшие дети были обязаны к строгому подчинению (Исх. 21:15,17; Лев. 20:9; Прит. 30:17). Эта заповедь самым специальным образом относится к обхождению с беспомощными зависимыми пожилыми людьми. Их нельзя выбрасывать на растерзание зверям или чтобы помирать в одиночку, как это бывает в некоторых обществах. Владение *земли*, которую *твой* Бог *дает* тебе (“дает”, “даст” – во Второзаконии это место Синай) зависит от поддержания семейных стандартов.^[19]

Другими словами, родители “почитаются” если не выбрасываются умирать! Известно, что обычай эскимосов не был обычаем в древнем Ближнем Востоке, и эта интерпретация во всех отношениях преднамеренно ошибочная. Требование здесь, *первое*, религиозное почтение к родителям, и *второе*, оно предполагает общее уважение к старшему. Это полностью требуется в Лев 19:32: “Пред лицом седого вставай и почитай лица старца и бойся Бога твоего, Я Господь.” Уважение к пожилым отмечается; согласно Прит. 16:31 “Венец славы – седина, которая находится на пути правды.” Однако, как выясняется в Лев. 19:32, независимо от морального характера старшего поколения, основное уважение и почтение обязательные. Правда прибавляет “венец славы” к старшему поколению.

Возраст внушает уважение. Павел мог таким образом сослаться на свой возраст, пытаясь повлиять на Филимона: “По любви лучше прошу, не иной кто, как я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа” (Фил. 1:9). Любовь, возраст, и его заключение для Христа, все это дает Павлу моральный авторитет. Это необходимое уважение к возрасту еще более обязательно, потому что с возрастом мы становимся мудрее. Поэтому Павел советовал: “Чтобы старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здравы в вере, в любви, в терпении; Чтобы старицы также одевались прилично святым, не были клеветницы, не порабощались пьянству, учили добру” (Тит. 2:2,3).

Это приводит нас к *первому* генеральному принципу, присущему этому закону: почтение к родителям, и к всем старше нас самым, необходимый аспект основного закона *о наследстве*. То, что мы наследуем от наших родителей, это сама жизнь, а также мудрость их веры и опыта, которые они передают нам. Непрерывность истории покоится на этом почтении и наследии. Революционное время порвало с прошлым и обращается с родителями с враждебностью и злобой: оно само лишает себя наследства. Уважать наших пожилых людей, кроме наших родителей, значит уважать все, что хорошо в нашем культурном наследии. Мир, конечно, несовершен, ни даже подчиняющийся закону, однако, хотя мы и приходим на этот свет голыми, мы не входим в пустой мир. Дома, сады, поля и стада, все это изделия прошлого, и мы богатые этим прошлым, и должны чтить его. Специально наших родителей, которые растили и воспитывали нас, надо чтить больше всех других, потому что если мы не поступаем так, мы грешим против Бога и сами лишаемся наследства. Как мы увидим позже, есть близкая связь между лишением наследства в виде семейного имущества и непочтением к родителям, отверганием их чести и их культурного наследия. Основное и центральное культурное наследство и все, что оно включает в себя: вера, обучение, мудрость, богатство, любовь, общие связи и традиции, все рвется и отрицается, когда не уважаются родители и старшие. То, что многие родители отказывают признать, что их дети сами лишили себя наследство, это трагический факт.

Второй генеральный принцип, присущий этому закону, это что *прогресс коренится в прошлом*, что наследство есть основание для прогресса. Заповедь, говоря взрослым, призывает к *почтению*, не к *подчинению*. От детей требуется подчинение: “Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость” (Еф. 6:1). “Дети, будьте послушны родителям (вашим) во всем, ибо это благоугодно Господу” (Кол. 3:20). Интерпретация Ходжа Еф. 6:1 прекрасна:

Природа или характер этого подчинения выражается словами: *в Господа*. Это должно быть религиозным; возникающим из убеждения, что такое подчинение это воля Господа. Таким образом оно превращается в более высшее служение, чем служение от страха или просто по естественной склонности. Оно обеспечивает свое существование быстро, сердечно и универсально. Что *Господь* здесь относится к Христу ясно из целого контекста. В предыдущей главе, стих 21, мы имеем генеральный призыв, в котором это обращение к детям включается, и подчинение там требуется *под страхом Христа*. В следующих стихах тоже *Господь* имеет то же значение, а поэтому так должно быть и здесь. Основание для обязанности к сыновнему подчинению выражается словами *ибо сего требует справедливость*. Не из-за личного характера родителя, ни из-за его доброты, ни на основании родства, а потому что это *справедливо*; обязанность, возникающая из природы отношения между родителями и детьми, и которая должна существовать пока существует это отношение.^[20]

У многих культур есть религиозное почтение к родителям, но это обычно связывается с богослужениями предков и является сдерживающим и притупляющим фактором в обществе. Причина продолжительного неуспеха Китая продвигаться вперед, с одной стороны их релятивизм, а с другой стороны социальный паралич, вызванный их семейной системой.

В библейской вере семья наследует от прошлого с целью развиваться прочно в будущем. Муж и жена становятся *одной плотью*; в их браке имеется общая физическая, сексуальная связь, которая превращает их в *одну плоть*. Поэтому Святое писание объявляет: “Потому оставить человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть” (Быт. 2:24). Брак призывает к движению вперед мужа и его жены; они отрываются от своих старых семей, чтобы создать новую семью. Они остаются связанными со старыми семьями тем, что оба представляют культурное наследие двух отдельных семей. Они остаются связанными дальше религиозной обязанностью почитать своих родителей. Развитие действительное и зависимость действительная: новое ясно и полностью развивается и осуществляет потенциал старого.

По этой причине в Святом писании о церкви охотно говорится как о семье. Святой Павел говорит о себе как об отце коринфянам верующим: “Ибо, хотя я вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов: я родил вас во Христе Иисусе благовествованием” (1 Кор. 4:15). И опять, он пишет в Фил. 1:10; “Прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в уста моих.” Церковь семья для верующего, а связи веры очень сильные. Связи в семье еще более сильные, если основываются и на крови и на вере.

Другой аспект *почтения* будет еще дискутирован отдельно под заглавием “Экономика семьи”.

Сейчас мы занимаемся с последней частью этого закона-слова, обещанием долгой жизни и процветания. Соломон повторяет это обещание закона, обобщая его так: “Слушай, сын мой, и прими слова мои – и умножатся тебе лета жизни” (Прит. 4:10). И вправду, Притчи 1-5 в своей целостности имеют дело с этим обещанием жизни.

Ходж, анализируя это обещание, отмечает:

Само обещание в Ветхом завете имеет теоретическую форму. То есть, оно имеет специфическое отношение к процветанию и к продолжительности дней в земле, которую Бог дал своему народу как их наследство. Апостол обобщает его, выделяя заключительные слова, и делает это обещание не ограниченным к одной земле или народу, а действительным для всех подчиняющихся детей повсюду. Что, если спросят действительно ли послушные дети отличаются долгой жизнью и процветанием? Ответ будет, что как и все подобные обещания, это откровение генеральных намерений Бога, и ставит в известность каким будет обычный курс провидения. То, что некоторые послушные дети несчастные и не живут долго, не противоречит этому обещанию больше, чем то, что некоторые прилежные люди бедные, противоречит декларации: “Рука прилежного обогащает.” Прилежание, как общее правило и вправду обеспечивает богатство; а послушные дети, как общее правило, процветающие и счастливые. Общее обещание выполняется для индивидов, точно так же “как оно будет служить для славы Бога и для их собственного добра.”^[21]

Возникает вопрос о применении обещания: относится ли оно для нации в целом или это обещание только для индивидов? Роулинсон отмечает:

Можно понимать обещание в двух совсем различных смыслах. (1) Можно взять его как гарантирующее национальную долговечность народа, среди которого сыновнее почитание и подчинение в общем практикуются; или (2) можно понимать его в более простом и буквальном смысле как обязанность, что послушные дети получают в награду благословение о долгой жизни, и это общее правило. В пользу первого взгляда настаивают на факты долговечности Рима и Китая, вместе с вероятностью что Израиль поплатился владением Ханаана вследствие того, что упорствовал в нарушении этой заповеди. В пользу последнего взгляда можно добавить применение текста святым Павлом (Еф. 6:3), который чисто личный, а не этнический; а также и толкование Сына Сираха, (Мудр. 3:6), которое очень подобное этому тексту. Стоит отметить, что

один египетский мудрец, писавший долго до Мойсея, объявляет на основе собственного опыта, что послушные сыны в Египте достигали глубокую старость, и излагает принцип шире, что “сын, который слушает слова своего отца, достигнет старости вследствие этого.”^[22]

Ссылка на Сына Сираха имеет ввиду его декларацию “Тот, кто почитает своего отца будет иметь долгую жизнь; и тот кто подчиняется Господу будет утешением своей матери” (Муд. 3:6). Это не только повторение закона, но и практическое наблюдение. Житейская действительность такая, что тот кто любит жизнь и почитает Бога, создавшего жизнь, почтением к Его закону и к своим родителям под Богом, живет более праведно, счастливо и как правило более долго. Презирать своих родителей, или ненавидеть их и бесчестить их, значит презирать непосредственный источник своей жизни; это форма ненависти к самому себе и это преднамеренное презрение к основному наследию жизни. На основе пасторального опыта можно добавить, “что те, которые отвечают надменно “Я не просил, чтобы меня рожали,” когда их упрекают за ненависть к родителям и за их бесчестные поступки к ним, имеют ограниченный промежуток жизни, или в лучшем случае жалкую жизнь. Курс их действий самоубийственный. На самом деле они говорят: “Я не прошу жить.”

Это самое обещание жизни за почитание непосредственных источников жизни появляется тоже во Втор. 22:6,7 и Лев 22:28:

Но ни коровы, ни овцы не закалите в один день с порождением ее (Лев. 22:28).

Если попадет тебе на дороге птичье гнездо на каком-либо дереве или на земле, с птенцами или яйцами, и мать сидит на птенцах или яйцах, то не бери матери вместе с детьми;

Мать пусти, а детей возьми себе, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои (Втор. 22:6,7).

Подобный закон появляется в Исх. 23:19: “Не вари козленка в молоке матери его.” Язык обещания полностью связывает эти цитаты с пятой заповедью. О Втор. 22:6,7 отмечается: “Заповедь ставится наравне с заповедью относящейся к родителям, тем фактом, что подчинение настаивается к людям одной и той же предпосылкой и в двух примерах”.^[23] Но это больше, чем просто “ставить наравне”; на самом деле ясно указано, что речь идет об одном и том же основном законе. И опять, нельзя сказать, как это сделал В. Л. Александр, что “Эти предписания предназначенные воспитывать человеческие чувства к низшим животным.”^[24] Основная предпосылка утверждается в пятой заповеди; в этих законах, имеющих дело с птицами, коровами, овцами и козленками, этот принцип утверждается и иллюстрируется минимальным числом случаев чтобы иллюстрировать максимальный охват закона. Земля принадлежит Господу и вся жизнь дело Господа. Человек не может на каком уровне обходиться с жизнью иначе, чем по закону, по Божьему закону! Крик некоторых угнетенных персов другого поколения: “Мы люди, и хотим иметь законы”^[25] замечательный. Люди нуждаются в *Божьем* законе, а закон Господа требует от нас почитать наше наследство на всех уровнях. Проматывать впустую наше наследство, все равно в мире животных или на уровне нашей семьи, значит отрицать жизнь. Это играть в Бога; это утверждать, что мы сотворили себя и можем переделывать наш мир. То что Павел мог взыскивать подчинение детей им родителям, говоря “Это справедливо,” это по природе обязательно и точно.

Почтение к родителям ставится на том же уровне, как соблюдение субботы в Лев. 19:1-3:

И сказал Господь Мойсею, говоря: Объяви всему обществу сынов Израилевых и скажи им: святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш. Бойтесь каждый матери своей и отца своего, и субботы Мои храните. Я Господь, Бог ваш.

Как указывает Гинсбург, только дважды в целом законе используется выражение “Объяви всему обществу сынов Израилевых”: в Исх. 12:3 при установлении Пасхи, и здесь. О стихе 3: “Бойтесь каждый матери своей и отца своего,” Гинсбург написал:

Первое средство достигнуть святости, т.е. чтобы израильтяне отражали святость Бога, это одинаково почитать своих родителей. Поэтому группа предписаний, содержащихся в этой главе, начинается с пятой заповеди Декалога (Исх. 20:12), или как апостол называет ее, первая заповедь с обещанием (Еф. 6:2). Во время Второго храма духовные власти уже обращают внимание особенному факту, что это один из трех примеров в Святом писании, где мать упоминается прежде отца; два другие Быт. 44:20 и Лев. 21:2. Так как дети обычно боялись отца и любили мать, поэтому здесь первенство дается матери, с целью внушить обязанность бояться их обоим одинаково. Выражение “бояться” однако берется, чтобы включить следующее: - (1) Не стоять или сидеть на месте, определенном для родителей; (2) не критиковать и не противопоставлять их выступлениям; и (3) не называть их ихними собственными именами, а или называть их отцом и матерью, или мой господин и моя госпожа. Что касается выражения “почитать,” которое используется в параллельном пассаже в Исх. 20:12, оно понимается включающим (1) обеспечивать их пищей и одеждой, и (2) охранять их. Настаивается, что родители, это представители Бога на земле; отсюда как Бога надо и “почитать” нашей сущностью (Прит. 3:9), и “бояться” Его (Втор. 6:13), так и наших родителей надо и “почитать” (Исх. 20:12) и “бояться” их (Исх. 19:3); и как того, кто хулит имя Бога надо побить камнями (29:16), так и того, кто злословит своего отца или матери, надо побить камнями (20:9).^[26]

Как показал Гинсбург, осквернение Бога и злословие родителей полностью равные в законе. Чтобы отражать святость Бога, человек должен начать с почитанием своих родителей.

Далее Гинсбург отмечает о втором пункте Лев 19:3 “и субботы мои храните”:

С этой пятой командой связана и четвертая Декалога. Образование детей, которые на ранних этапах древнееврейской общности возлагалось на родителей, проводилось ими более специально по субботам.^[27]

По этому вопросу Гинсбург теряет теологический смысл текста и прибегает к историческому событию. Понятно, что Бог и родители связываются текстом; их всех надо чтить – Бога абсолютно, а родители под Богом. Скверность против Бога и злословие своих родителей одинаково заслуживают смерть. Оба являются преступлениями против фундаментальной власти и порядка. Более того, суббота как отдых и безопасность относится к пятой заповеди тем, что родители обеспечивают, хотя и недостаточно, некоторый вид отдыха и безопасности для детей. Детям даются жизнь и выращивание. Дом представляет отдых, а благочестивый дом действительно отдых от мира, безопасность и обязательство о победе перед его лицом. Суббота и родители представляют наследство от Бога, включающее отдых, мир и победа. Следовательно они тесно связываются в этом законе.

В свете этого пусть вернемся к Втор. 22:6,7, мать птица и ее яйца или птенцы. Совсем ясно, что тот же основной принцип применяется даже к жизни животных. Человеку нельзя эксплуатировать ресурсы земли

радикально или тотально. Самую жизнь, которая дается ему для пищи, надо использовать только по закону. Но даже если вопросная птица не годится на пищу, применяется тот же принцип. Проблема, которая ставится, не сохранение снабжения человека пищей, а почтительное использование нашего наследства в Боге. Не может существовать *никакой прогресс* без уважения к прошлому и к нашему наследству в нем.

Третий генеральный принцип появляется в *обещании жизни за подчинение*. Некоторые интерпретации этого обещания уже отмечены. Интерпретация Талмуда тоже представляет интерес:

МИШНА: Человеку нельзя брать мать с птенцами даже ради очищения от проказы. (Для ритуала этого очищения нужны две птицы, одна чтобы зарезать ее и другая, чтобы пустить ее свободной в открытое поле, ср. Лев. 14:4). Если для уважения такого легкого предписания, которое имеет дело с тем, что не стоит и одного исара, Торах говорит: “Это может быть добро для тебя и может продолжит дни твои,” то насколько больше (должна быть награда) за соблюдение более трудных предписаний Тораха!

Гемара. Поучали: рави Яков говорит: “Нет такого предписания в Тора, где рядом с ним была установлена награда, из которого вы не могли бы вывести доктрину о воскресении из смерти. Так например в связи с почитанием родителей написано: *Чтобы продлятся дни твои и чтобы было хорошо тебе*. Опять в связи с законом об отпускании (матери) уйти из гнезда, написано: *Это может быть добро для тебя и может продлит дни твои*. Теперь, в случае когда отец некоего человека сказал ему: “Поднимись на вершине здания и принеси несколько молодых птиц,” и он поднялся на вершине здания, отпустил мать уйти и взял птенцов, а в ходе своего возвращения упал и убился – где у этого человека продление дней и где счастье этого человека? Но “*что твои дни могли бы продлиться*,” относится к миру, который в целом длинный, а “*чтобы было хорошо тебе*” относится к миру, который в целом хорош. [28]

Примечание редактора к этому гласит: “Обещание блаженства надо выполняться в грядущем мире, и нельзя ожидать получить награду за хорошее дело на этот свет.” [29] Это дает радикальную интерпретацию о потустороннем мире, что несправедливо к закону.

Изучение других обещаний жизни в законе выясняет до какой степени это обещание полностью земное:

И сказал: если ты будешь слушаться гласа Господа, Бога твоего, и делать угодное пред очами Его, и внимать заповедям Его, и соблюдать все уставы Его: то не наведу на тебя ни одной из болезней, которые навел Я на Египет; ибо Я Господь, целитель твой (Исх. 15:26).

То не поклоняйся богам их, и не служи им, и не подражай делам их; но сокруши их, и разрушь столбы их. Служите Господу, Богу вашему, и Он благословит хлеб твой и воду твою; и отвращу от вас болезни. Не будет преждевременно рождающих и бесплодных в земле твоей; число дней твоих сделаю полным (Исх. 23:24-26).

И храни постановления Его и заповеди Его, которые Я заповедаю тебе ныне, чтобы хорошо было тебе и сынам твоим после тебя, и чтобы ты много времени пробывал на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе навсегда (Втор. 4:40).

О, если бы сердце их было у них такого, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои во все дни, дабы хорошо было им и сынам их вовек (Втор. 5:29).

Ходите по тому пути, по которому повелел вам Господь, Бог ваш, дабы вы были живы, и хорошо было вам, и прожили много времени на той земле, которую получите во владение (Втор. 5:33).

И если вы будете слушать законы сии, и хранить и исполнять их, то Господь, Бог твой, будет хранить завет и милость к тебе, как Он клялся отцам твоим. И возлюбит тебя, и благословит тебя, и размножит тебя, и благословит плод чрева твоего и плод земли твоей, и хлеб твой, и вино твое, и елей твой, рождаемое от крупного скота твоего и от стада овец твоих, на той земле, которую Он клялся отцам твоим дать тебе. Благословен ты будешь больше всех народов; не будет ни бесплодного, ни бесплодной, ни у тебя, ни в скоте твоём (Втор. 7:12-14).

Если не будешь стараться исполнять все слова закона сего, написанные в книге сей, и не будешь бояться сего славного и страшного имени Господа, Бога твоего: То Господь поразит тебя и потомство твое необычайными язвами, язвами великими и постоянными, и болезнями злыми и постоянными. И наведет на тебя все язвы египетские, которых ты боялся, и они прилипнут к тебе. И всякую болезнь и всякую язву, ненаписанную в книге закона сего, Господь наведет на тебя, доколе не будешь истреблен. И останется вас немного, тогда как множеством вы подобны были звездам небесным, ибо ты не слушал слова Господа, Бога твоего. И как радовался Господь, делая вам добро и умножая вас, так будет радоваться Господь, погубляя вас и истребляя вас, и извержены будете из земли, в которую ты идешь, чтобы владеть ею (Втор. 28:58-63).

Тогда сказал им: положите на сердце ваше все слова, которые я объявил вам, и завещайте их детям своим, чтобы они старались исполнять все слова закона сего. Ибо это не пустое для вас: но это жизнь ваша, и чрез это вы долгое время пробудете на той земле, в которую вы идете через Йордан, чтоб овладеть ею (Втор. 32:46,47).

Даже беглое чтение этих отрывков (а можно цитировать и еще) выясняет множество моментов. *Первое*, обещание жизни дается для целого закона. Пятая заповедь на первое место в этом обещании, но и весь закон предлагает жизнь. *Второе*, обещание жизни полностью материальное и относится к этому миру. Обещание вечной жизни подчеркивается в многих других местах Святого писания, но его нет в этих отрывках. *Третье*, обещание не только к заветному человеку, если он подчиняется, но оно относится также к его скоту, полям и деревьям. Оно означает свободу от бедствий и болезней. Оно означает плодородие и безопасное рождение маленьких. Оно означает долгую жизнь для заветного человека и его хозяйства. Таким образом закон, это ясное *обещание жизни* к заветному человеку, если он живет в вере и подчинении. *Четвертое*, закон *тоже обещание смерти*, болезней, стерильности и бедствий для неподчиняющихся. Сводить закон, как это делают некоторые антиномисты, только к обещанию смерти, значит отрицать его значение, и в конце концов его способность судить. Закон не простое отрицание: его намерение выбросить грех, и защитить и утвердить праведность. Только в этом направлении закон является обещанием жизни. Закон против убийство – обещание смерти для убийцы, и обещание жизни и защиты жизни для благочестивого. Отнять обещание о жизни и защите у благочестивого, значит в то же самое время освободить убийцы от обещания смерти. Когда воры и убийцы будут выгнаны из общества, этим жизнь и собственность будут защищены и обеспечены. Когда антиномисты сводят закон только к негативным функциям, смерть за грех, они тем самым полностью устраняют это смертное наказание и подготавливают дорогу чтобы *любовь* стала освободителем и дарителем жизни вместо Бога. Они устраняют его, создавая в принципе новый даритель жизни, *любовь*, Божья любовь к человеку и любовь человека к Богу; смерть в таком случае становится лишением любви, а любовь универсальным средством против лишения. Но библейская доктрина об искуплении декларирует, что спасение человека состоит в делах Христа по закону, в Его совершенном подчинении как наш представитель и союзный голова, и в Его послушном принятии нашего приговора к смерти. Мы были приговоренными к смерти законом. и мы были оправданными перед Богом законом, но мы получили это через веру. Вера покоится на основании закона. *Пятое*, обещание жизни, которое предлагает закон, не только устранение условий о смерти, т.е. элиминирование убийц, хотя это и очень важное. Оно показывает тоже, что Бог,

как дающий жизнь, делает нашу жизнь успевающей и процветающей. Как объявляет Иисус Христос: “Я пришел для того, чтоб имели жизнь, и имели с избытком” (Иоан. 10:10).

Обещание жизни для подчинения основная предпосылка закона, потому что закон неотделимый от жизни. Закон – основное условие жизни.

Четвертый генеральный принцип, содержащийся в пятой заповеди, это то, что бесчестящий своих родителей бесчестит самого себя и приглашает смерть; подобно этому бесчестящий себя бесчестит своих родителей. Согласно Лев. 21:9 “Если дочь священника осквернит себя блудодеянием, то она бесчестит отца своего; огнем должно сжечь ее.” Гинсбург комментирует:

Пока замужняя дочь мирянина, которая сбилась с пути, наказывалась смертью удушением (Лев. 20:10, Втор. 22:23,24), дочь священника, которая опозорила себя, должна была получить как наказание более жестокою смертью сгоранием. Хотя участь виновного партнера по преступлению здесь не упоминается, его приговор был смертью удушением.^[30]

Ее грех таким образом составляет тройное преступление: грех против Бога, против ее отца и против себя самой. Следовательно, закон в определенном смысле обещание жизни для живущих; “мертвецы” откажутся от него, потому что их движущая сила не жизнь, а богохульство.

3. Экономика семьи

Слово *property* (собственность), когда-то одно из самых значительных слов английского языка, в последние годы как будто получило плохое второе значение из за произвольных нападок на концепцию о собственности со стороны социалистов. Тем не менее слово было достаточно важное, чтобы быть основным аспектом свободы людей во время Войны о независимости, когда боевой клич был “Свобода и собственность.” Теперь однако даже те, которые больше всех защищают собственность, содрогаются при его использовании в более широком смысле, включая людей. Например множество женщин насторожатся, если заговорить о них как о *собственности*. Но вместо этого словасобственность надо рассматривать как очень близкий и нежный термин, нежели как холодный такой. Оно происходит из латинского прилагательного *propius*, означающее “не общий с другими, свой, специальный, особый, личный, странный, частный, собственный.” Оно тоже имеет смысл “продолжительный, постоянный, стойкий, неизменный.” Святой Павел выясняет, что муж и жена в отношении сексуальности имеют права собственности един на другого (I Кор. 7:4,5). Даже больше, можно сказать, что муж имеет свою жену как свою собственность, а также и своих детей. Но так как его жена и его дети имеют известные личные, особые, специальные и постоянные претензии над ним, они имеют права собственности над ним. В разные времена законы подчеркивали эти личные права собственности; например некоторые государства не разрешают отцу лишать от наследства никого от детей; детям даются в известной степени постоянные права собственности над отцом. Подобно этому множество государств не разрешают лишать от наследство жену; ее права собственности над ее супругом сохраняются. Государство теперь объявляет права собственности над каждым человеком через законы о наследстве. В свое время римское право разрешало отцу продавать своих детей по условиям его прав собственности, весьма обычайное право в древней истории. Рациональном в этом праве было сохранение семьи: чтобы поддерживать постоянную жизнь семьи во время экономических кризисов, продавали одного из младших членов, часто девочку, по принципу, что для семьи лучше пережить кризис, теряя один член, чем всем голодать. В Японии продажа дочери в дом проституции, чтобы пережить экономический кризис как будто еще встречается в практике.

Такие практики были рутинными и нормальными в библейские времена. Библейский закон запрещал их древним евреям:

Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых и не должно быть блудника из сынов Израилевых (Втор. 23:17)..

Не оскверняй дочери твоей, допуская ее до блуда, чтобы не блудодействовала земля и не наполнялась земля развратом.

Субботы Мои храните и святилище Мое чтите. Я Господь (Лев 19:29,30).

Таким образом этот выход от экономического кризиса строго запрещается законом. Даже более значительным фактом является то, что в Лев. 19:29,30 этот барьер перед проституцией ясно связывается с соблюдением субботы и с почтением к святилищу; эти два стиха на самом деле один закон, и они определяются от других стихов декларацией “Я Господь.” Отдых человека в Господа требует набожную заботу и надзор над детьми, а уважение к святилищу несовместимо с продажей детей в проституцию. По библейскому закону отец мог “продать” дочку только в одном смысле – замуж. Это появляется в Исх. 21:7-11:

Если кто продаст дочь свою в рабыню, то она не может выйти, как выходят рабы. Если она неугодна господину своему, и он не обручит ее, пусть позволит выкупить ее; а чужому народу продать ее не властен, когда сам пренебрег ее. Если он обручит ее сыну своему, пусть поступит с нею по праву дочерей. Если же другую возьмет за него, то она не должна лишаться пищи, одежды и супружеского сожития. А если он сих трех вещей не сделает для нее, пусть она отойдет даром без выкупа.

Женитьба нормально была с приданом: жених давал приданое невесте, и оно составляло ее защиту и наследство детям. Если не было приданого, не было брака, а только сожительство. Однако здесь речь идет явно о браке и используются слова, связанные с браком. Девушку берут в жены для мужчины или для одного из его сыновей. Она законно защищенная от простого сожительства или рабства. Она ясно имеет привилегии законной супруги, потому что было приданое. В этом случае приданое поступало в семью девушки, а не шло к ней или к ее детям. Если будущий муж решал не жениться на не, тогда приданое восстанавливалось ему; девушка “освобождалась.” Если он или его сын женился на нее, а потом отказывал ей некоторые права супруги, она имела в таком случае законное основание для развода и уходила без восстановления приданого. Ссылка на “обязанность к браку” была для нее правом на сожительство.

Если вопросная девушка не нравилась новой семье после помолвки, но до консумации брака, она оставалась с этой семьей до восстановления приданого ее семьей или другим будущим женихом. Это появляется в Лев. 19:20, где “несвободная”, точнее надо толковать как “не полностью и всецело свободная.”^[31] Если в течении этого времени девушку соблазнят или она провинится в прелюбодеянии, “ее надо было наказать”, или точнее “должно было осуществиться божье наказание или расследование” для установления настоящего состояния вещей. “Это наказание (бичевание),... она получала только если доказывалось, что она была согласной стороной в грехе” (Лев. 19:20-22).^[32]

Приданое было важной частью брака. Мы впервые встречали его в случае с Яковом, который работал семь лет Лавану, чтобы заработать приданое для Рахиль (Быт. 29:18). Плата за эту службу принадлежала невесте как ее приданое, и Рахиль и Лия могли с негодованием говорить, что отец “продал” их, потому что он удержал их приданое (Быт. 31:14,15). Оно было семейным капиталом; оно представляло безопасность супруги в случае развода, когда виновным был муж. Если виновной была она, она теряла приданое. Она не могла отчуждать его от своих детей. Есть указания, что нормальное приданое равнялось приблизительно трем годовым заработкам. Следовательно приданое представляло фонд, обеспеченный отцом жениха, или самым женихом в виде работы, и использовалось для будущей экономической жизни новой семьи. Если отец невесты прибавлял к этому, это было его привилегией и обычно делалось, но основное приданое было со стороны жениха или его семьи. Таким образом приданое было отцовским благословением брака его сына, или испытанием характера молодого мужчины, если он работал за него. Необычная форма приданого появляется в желании Саула, который потребовал от Давида сто краеобрезаний филистимских (I Цар. 18:25-27). Саул предложил это испытание, надеясь что Давиду будет трудно выполнить его, но Давид справился.

Европейское приданое обратное библейскому принципу: отец девушки дает его как подарок жениху. Это ведет к небогатой ситуации по отношении брака и семьи. При такой системе девушка становится задолженностью. В 14-ом и 15-ом веке в Италии “Отцы приходили в ужас при рождении девочки, имея ввиду большое приданое, которое они должны были приготовить для нее, а с каждым годом цены на брачном рынке росли.” Это вело к возможному разрушению семьи, пока библейское приданое укрепляло ее. Жених требовал самую высокую цену, прежде чем принять девушку, а отец торговался, пока не находил такого, который не разорил бы его своими требованиями. Протесты духовенства не могли помочь.^[33]

В своей библейской форме приданое намеревалось создать экономическую основу новой семьи. Этот аспект очень медленно проникал в Америку. “Согласно старому американскому обычаю отец невесты давал ей корову, которая намеревалась быть матерью нового стада, чтобы снабжать новую семью молоком и мясом.”^[34]

В случае соблазнения или изнасилования, виновная сторона была должна возместить девушке стоимость ее девичьего приданого. Если последовал брак, муж терял навсегда право развестись (Исх. 22:16,17; Втор. 22:28,29). Если нет, в этом случае девушка уходила замуж за другого с двойным приданом: одно из 50 сиклей серебра от ее соблазнителя, и другое от ее супруга.

Приданое невесты состоялось не только в том, что давал ей ее отец, и в том, что обеспечивал ей ее супруг, но также и в мудрости, умения и характера, которых она приносила в брак. Как писал Сын Сираха “Мудрая дочь принесет наследство своему супругу: но та, которая живет бесчестно, тяжесть для своего отца” (Мудр. 22:4).

Во всех культурах важно иметь в семье добрую жену и благочестивую невестку, но в обществе, где семья стоит в центре, ее ценность куда более велика. Сын Сираха комментирует это очень полно:

Злая жена это протирающее ядро; Удерживать ее, это как сжимать скорпиона. Пьяная женщина становится очень сердитой, И даже не прикрывает свой срам. Неморальность женщины раскрывается ее бродящим взглядом и ее веками. Строго наблюдай упрямую дочь, Потому что если дашь ей свободы, она может воспользоваться ею. Строго наблюдай бродящий глаз, И не удивляйся, если он преступит против тебя. Как жадный путешественник, который открывает свой рот, И пьет всякую воду, которая под рукой. Она сядет перед всяким колышком палатки, И откроет свой колчан для стрелы. Красота жены радует ее супруга, А ее умение покрывает жиром его кости. Молчаливая жена дар от Господа, А хорошо воспитанному духу нет цены. Скромная жена благословение за благословением. А самоконтролирующийся дух никакие весы не могут взвесить. Подобно солнцу, восходящему к самой возвышенной Господней вышине, Есть красота доброй жены, содержащей свой дом в порядке. Подобно лампе, светящей на святом светильнике, Есть красивое лицо на хорошей фигуре. Подобно золотым столбам на серебрянной основе, Стоят красивые ноги с хорошо сложенными пятками (Мудр. 26:7-18).

Видно, что это отражает популярный еврейский стандарт; библейская позиция выражается лучше в Прит. 31:10-31. Заметная разница состоит в том, что Сын Сираха отражает обычный вкус о *молчаливой* жене; это не библейское требование, которое гласит: “Уста свои открывает с мудростию, и кроткое наставление на языке ее” (Прит. 31:16). Сын Сираха призывает о молчаливой супруге; Бог говорит вместо этого о *разговорчивой* супруге, но такой, которая говорит с мудростью и добротой. Мужчины как грешники предпочитают стандарт Сына Сираха, а женщины как грешницы хотят привилегию и право говорить без требования о мудрости и доброте.

Надо добавить, прежде чем оставить вопрос о приданом, что так как это часто касается семьи, семья упражняет значительный авторитет и часто выбирает жену. В случае с Исааком его жену Ревекку выбрали его родители, которые дали приданое; Исааку понравилась его выбранная невеста. В случае с Иаковом, Иаков выбрал Рахиль и обеспечил сам приданое. Элемент родительского выбора не отсутствует в случае Иакова, так как оба, Ревекка и Исаак послали Иакова в Месопотамию жениться (Быт. 27:46-28:9). Ни участие жениха в родительском выборе отсутствует в устроенном браке. Целый параграф закона в Исх. 21:7-11, “продажа” дочери, относится к этому: в хозяйстве новой семьи девушка может встретить или не встретить одобрение со стороны будущего жениха; а если нет, в таком случае ее надо “освободить.”

Другой основной аспект экономики семьи, это факт *поддержки*. Это двойной аспект. *Первое*, родители обязаны заботиться о детях, поддерживать их материально и духовно. Христианское образование основной аспект этой поддержки. Родители обязаны кормить и одевать ребенка, как тело, так и душа, и они отвечают перед Богом

за невыполнение этой обязанности. *Второе*, когда дети взрослеют, они тоже обязаны в этом отношении: обеспечивать своих родителей материально и духовно по необходимости. Сын Сираха упоминает об этой обязанности в Мудр. 3:12,16. Эта обязанность эмоционально подчеркивается Иисусом Христом, который с креста поверил свою мать Марию святому Иоанну для заботы и поддержки: “Жено, се сын твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя!” (Иоан. 19:26,27). Устное заявление умирающего преступника было законным завещанием, как указывает Буклер:

Далман показал, что между правами и ответственностями умирающего преступника были завещательные распоряжения своим имуществом и привилегиями. Например:

Еврейское брачное законодательство настаивает, что надо устроить определенно все, прежде чем стало слишком поздно. Бывало например, что распятый давал своей жене, немножко перед смертью, свободу выти замуж опять, и поэтому можно было написать документ о разводе, который давал ей право выйти за другого еще до действительной смерти ее настоящего супруга.

Случай с нашим Господом подобен этому с женатым мужчиной тем, что ставка была на принципе *dominium*. Как перворожденный Марии, Он имел одновременно власть и ответственность, которые должен был передать ее второму сыну Якову. Автоматическая передача наверно была нежелательна, поэтому наш Господь использовал свою власть умирающего преступника, чтобы поверить ее заботам тому, кому Он мог верить – любимому ученику.^[35]

Этим подразумевается, что до этого момента Иисус был ответственным за содержание своей вдовствующей матери. Другие дети могли бы помогать, но управление делами было в руках Иисуса.

Иисус осуждал тоже тех, которые давали дары Богу, а не выполняли свою ответственность о поддержке своих родителей.

Хорошо пророчествовал о вас лицемерам Исаия, как написано: “людии сии чтут меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня; Но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим”: Ибо вы, оставивши заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш и делаете многое другое, сему подобное. И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: “почитай отца своего и мать свою” и “злословящий отца или мать смертью да умрет.” А вы говорите: кто скажет отцу или матери: корван, т.е. дар Богу то, чтобы ты от меня пользовался; Тому вы уже пропускаете ничего не делать для отца своего или матери своей, Устраняя слово Божие преданием вашим, которые вы установили: и делаете многое сему подобное (Марк. 7:6-13).

Иисус как старший сын и главный наследник сделал Иоанна старшим сыном и главным наследником на своем месте, и передал ему ответственность о поддержке Марии, хотя Иоанн был только кузеном, а не братом.

Это иллюстрирует ясно центральный аспект библейского семейного права и библейского наследования: главный наследник поддерживал и заботился о родителях согласно их нуждам. Авраам жил с Исааком и Иаковом, а не с Измаилом или со своими сыновьями от Хеттуры. Исаак жил с Иаковом, не с Исавом, а Иаков жил под заботой и надзором Йосифа, и поэтому дал Йосифу двойную часть, принимая двух сыновей Йосифа в своих наследниках на равных условиях со всеми другими своими сыновьями (Быт. 48:5,6).

Обратное утверждение в одинаковой степени верно: *дитя, которое поддерживает и заботится о пожилых родителях, главный и настоящий наследник*. Если родители или гражданское право определяют иначе, это против божественного порядка. Наследование не вопрос сожаления или чувства, а божий порядок, и уклоняться от этого принципа грешно.

Вопрос о наследстве и завещаниях можно лучше понять, если изучить библейское слово о последней воли или завещании: *благословение*. Наследство на самом деле это: благословение, и если родители даруют благословение неверующим, мятежным и презрительным детям, они *благословляют зло*. Хотя некоторые части библейских завещаний содержат элемент божественного пророчества рядом с завещательным распоряжением, важно отметить, что они комбинируют благословение и проклятие, как свидетельствуют слова Иакова к Рувиму, Симеону и Левию (Быт. 48:2-7). Лишать детей наследства это сущее проклятие.

Общим правилом о наследстве было ограниченное первородство, т.е. самый старший сын, который имел обязанность обеспечивать всю семью в случае нужды, или управлять кланом, получал двойную часть. Если было два сына, имущество разделялось на трех частях, и младший сын получал одну треть. Родители были обязаны обеспечить наследство по мере своих возможностей (II Кор. 12:14). Отец не мог лишить благочестивого перворожденного сына из-за личных чувств, такие как ненависть к его матери и предпочтение к второй жене (Втор. 21:15-17). Он не мог тоже облагодетельствовать неблагочестивого сына, неподдающегося исправлению преступника, заслуживающего смерти (Втор. 21:18-21). Когда не было никаких сыновей, наследство шло к дочери или к дочерям (Числ. 27:1-11). Если по причине неподчинения или неверия, у человеке на практике не было сына, тогда дочь становилась наследником, как если была сыном. Если не было ни сыновей, ни дочерей, наследником становился следующий по родству (Числ. 27:9-11). Сын от сожительства мог наследить, если не был выгнан или не получил подарок (Быт. 21:10, 25:1-6). Служанка могла быть наследницей своей госпожи (Прит. 30:23), и раб мог тоже наследить (Быт. 15:1-4), так как в действительном смысле он являлся членом семьи. Чужой крепостной мог тоже передаваться как наследство (Лев. 25:46). Наследство одного рода нельзя было передавать другому, т.е. землю одной площади нельзя было отчуждать (Числ. 36:1-12). Князь мог давать имущество своим сынам как их наследство, но не и слуге, если только это не было средством вознаградить его за преданность к его семье (Иез. 46:16,17). Когда какая-нибудь земля давалась князем слуге, в год освобождения его она возвращалась сыновьям князя. Князь не мог конфисковать наследство людей или землю, т.е. государство не могло брать собственность или конфисковать ее (Иез. 46:18).

Последнее это важная точка зрения в отношении современной ситуации. Библейский закон о наследстве Божий закон; современные законы о наследстве государственные. Более того, государство превращает себя в главного, а иногда в некоторых странах единственного наследника. На самом деле государство заявляет, что оно получит благословение прежде всех других. Однако в позиции государства есть извращенная справедливость и логика, тем что оно принимает на себя двойственную роль родителя и детей. Оно предлагает обучать всех детей и поддерживать всех нуждающихся семей как великий отец всех. Оно предлагает поддержку пожилым как

настоящий сын и наследник, которому дано право собирать все наследство как свое. В обеих ролях однако, оно является великим развратителем, и состоит в войне с установленным Богом порядком: семьей.

Последний аспект экономики семьи: через всю историю основным агентством благополучия была семья. Семья, обеспечивая своих больных и нуждающихся членов, обучая детей, заботясь о родителях, и справляясь с чрезвычайными ситуациями и бедствиями, сделала и делает больше, чем государство делало когда-то или может сделать. Вторжение государства в царстве благополучия и образования ведет к разорению народа и государства, и прогрессивной испорченности характера. Семья “укрепляется” разгрузкой от этих обязанностей, что всегда ведет к упадку благоденствовавших государств. Семья основная экономическая единица общества, и при этом самая сильная. Никакое общество не может процветать, если ослабляет семью, было то через устранение ответственности семьи об образовании и благополучии, или через ограничение контроля семьи над ее собственностью и наследством, узурпируя их.

Последний пункт, библейский закон о первородстве руководился прежде всего соображениями морали и религиозных требований. Пока в западноевропейской истории первородство властвовало почти без исключений, в библейской истории исключения были почти правилом. В библейских записях наследство по праву перворожденного без моральной квалификации встречается редко. Снова и снова перворожденный выгонялся из-за моральных провалов. Таким образом совсем очевидно, что духовные и моральные соображения руководили наследственными делами с времен патриархов до Христова завещательного распоряжения с креста относительно Марии.

4. Образование и семья

Фундаментальный аспект поддержки детей как часть обязанностей их родителей, это образование в самом широком смысле слова. Оно включает, *первое* из всех, *телесное наказание*. Согласно Прит. 13:24, “Кто жалеет розги своей, той ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его.” И опять, “Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его” (Прит. 19:18); тогда родители были не менее мягкосердечные чем теперь, но необходимость в наказаниях нельзя было отбросить только из глупого сожаления. Телесное наказание могло бы стать жизнеспасующим для юноши: “Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгою, он не умрет: Ты накажешь его розгою и спасешь душу его от преисподней” (Прит. 23:13,14). Телесное наказание необходимо, как указывает Киднер, потому что Притчи утверждают, что

Первое, “глупость привязалась к сердцу юноши”; нужно что-то более чем слова, чтобы выгнать ее (22:15). Второе, характер (в котором включается и сама мудрость) растение, которое растет более крепко с немножким подрезанием (ср. 15:32,33; 5:11,12; Евр. 12:11) – и это с ранних дней (13:24; “с детства”; ср. 22:6: “Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состареет”). При “отроке, оставленный в небрежении” единственный предвидимый результат это стыд. (29:15).[\[36\]](#)

Но телесное наказание не заместитель словесных наставлений, чистого обучения. Следовательно, *второе*, родители должны обеспечить детям благочестивое образование. “Начало мудрости – страх Господень (Прит. 1:7; 9:10). Мудрость покоится на вере, а предпосылка настоящего знания это суверенный Бог. Когда дело касается образования, нейтралитет невозможен. Образование, которое дает государство, будет направленно к государственному контролю и планированию. Образование, которое дает церковь, будет направленно к укреплению церкви. Школу нельзя подчинять ни церкви, ни государству.[\[37\]](#) Церковь времен Христа учила людей давать церкви, а не заботится о своих родителях (Мар. 7:7-13). Таким образом грех выдавался за добродетель.

Дети должны подчиняться своим родителям. Соответственно этому родители обязаны учить своих детей основам подчинения, Божьему закону. Сам закон взыскивает это:

Ибо есть ли какой великий народ, к которому боги его были бы так близки, как близок к нам Господь, Бог наш, когда ни призовем Его? И есть ли какой великий народ, у которого были бы такие справедливые постановления и законы, как весь закон сей, который я предлагаю вам сегодня? Только берегись, и тщательно храни душу твою, чтобы тебе не забыть тех дел, которые видели глаза твои, и чтобы они не выходили из сердца твоего во все дни жизни твоей; и поведай о них сынам твоим и сынам сынов твоих (Втор. 4:7-9).

И да будут слова сии, которые Я заповедаю тебе сегодня, в сердце твоём. И внушай их детям твоим и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая (Втор. 6:6,7).

Раз во семь лет, в субботный год, дети и взрослые должны были выслушать чтение всего закона (Втор. 31:10-13).

Религиозные лидеры Израиля очень рано приняли на себя задачу образования. Пророк Нафан стал учителем молодому Иеидию (Возлюбленный Богом) или Соломону (II Цар. 12:25).[\[38\]](#)

Третье, из-за того, что закон крайне практичный, древнееврейское образование тоже было крайне практичным. Обычайное мнение утверждало, что человек, который не учит своего сына закону и ремеслу, умению работать, воспитывает его быть дураком и вором. Говорят что Симеон, сын известного Гамалиеля, отметил: “Самое главное не учить, а делать.”[\[39\]](#) В своем труде *Против Апиона* Джозефус сравнивает образование древних евреев с греческим. Греческое образование отклонялось от строго практического к абстрактному и теоретическому, отмечает он, пока у библейского закона есть здоровые взаимные связи между принципом и практикой.

Четвертое, библейское образование, которое ставило в центр семью и настаивало на ответственности родителей и детей, производило *ответственные* люди. Человек, воспитанный и обученный в доктрине, что он отвечает за заботу о своих родителях, когда возникнет необходимость, за обеспечения своих детей и который как лучшее из своих умений, оставляет в наследство мораль, дисциплину и пример наравне с материальным богатством, личность сильно настроенная к ответственности. При такой образовательной системе ответственная сторона не государство, а семья, и муж обязан быть компетентным и предусмотрительным главой своему

домохозяйству, а жена умелым помощником своему супругу. Отказ от ориентированного к семье образования ведет к уничтожению мужественности, и он превращает женщин или в пушистую роскошь для мужчин, или в их агрессивных конкурентов. Мужчины и женщины теряют свои функции, вращаются по кругу нестабильно и без законного смысла своих действий. Современное образование дает абстрактные знания; специалисты гордятся тем, что не знают ничего вне своей области и несут свой отказ расширить свои познания в других областях как почетный значок. Если ученый ищет социальную относительность, то это опять делается без трансцендентальных принципов и в результате получается погружение в социальный процесс без стоящей структуры; все остальное выбрасывается как бессмысленное, за исключением процесса, который в данный момент становится воплощением структуры

При современном образовании наставником является государство и поддерживается, что ответственным агентством должно быть оно, а не человек. Такая точка зрения работает на развращения учащегося, основным уроком для которого становится зависимость от государства. Государство, а не индивид или семья, следит за моральными решениями и действиями, а моральная роль индивида, это соглашаться с государством и низко кланяться ему. Государственное образование по наименьшей мере просто антибиблейское, даже в случаях, когда изучении Библии включается в школьную программу.

Пятое, основное призвание каждого подростка быть членом семьи. Почти все дети в будущем станут мужьями и женами, отцами и матерями. Государственная школа портит это призвание. Его попытки удовлетворить нужды по существу внешние и механические: курсы по домашней экономике, сексуальное образование т.п. Однако существенную подготовку к семейной жизни дает сама семейная жизнь, а также ориентированные на семью школа и общество. Это значит библейское образование. Это значит дисциплина и обучение в набожной ответственности.

Более того, государственная школа обучает женщин быть мужчинами; неудивительно, что многие чувствуют себя несчастными, из-за того, что они женщины.^[40] Многие из мужчин тоже не более счастливые от того, что в современном образовании ведущая роль переносится от человека к государству, а мужчина постепенно кастрируется. Главные пострадавшие от современного образования это учащиеся мужского пола. Так как владычество – основной аспект мужчины согласно Божьему творческому намерению, то всякое образование, которое уменьшает призвание мужчины упражнять такое владычество, в той же степени уменьшает самого мужчину.

Шестое, библейское образование утверждает учение, набожное учение. Еврейские пословицы утверждают это. Мы уже указывали одну: “Как человек обязан учить своего сына Тораху, точно так же он обязан учить его ремеслу.” Более того: “Тот, кто учит сына своего ближнего Тораху, все равно что его родной отец.” Но самое высшее: “Незнающий человек не может быть святым.”^[41] Так как святость не самопорождающийся акт, а требует соответствие с Божьим законом и праведностью, невежественный человек не может быть святым. Более того, так как знание не самопорождающееся, а значение действительности происходит не от фактов, а от Создателя, знание требует как свою предпосылку в каждой области знание о Боге, страх от кого – начало мудрости и знания.

Больше, чем всегда, надо подчеркнуть, что лучшие и самые правдивые учителя, это родители под Богом. Самая высшая школа это семья. При учении никакой акт преподавания в никакой школы или университета нельзя сравнить с рутинной задачей матери, обучающей своего грудного ребенка, не говорящего никакого языка, матерному языку в такой короткий срок. Никакую другую задачу в образовании нельзя сравнить с этой. Моральное обучение подростка, дисциплина хороших привычек, это для него такое наследство от родителей, которое превосходит все остальное. Семья – первая и основная школа человека.

5. Семья и преступность

Проблеме о детской преступности придается в законе центральное значение, но к несчастью она из тех, которые пренебрегаются комментаторами, когда возникает вопрос об ее уместности к нашему обществу. Закон гласит:

Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их: То отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания, и скажут старейшинам города своего: “сей сын наш буй и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница”; Тогда все жители города пусть побьют его камнями до смерти; и так истреби зло среди себя, и все Израильяне услышат, и убоятся (Втор. 21:18-21).

Закон достаточно ясен; если только и интерпретаторы были так ясными!

По этому пункту мы видим самую худшую интерпретацию Талмуда. Там долгая игра слов о том, что такое сын; его определяют по условия наличия бороды и волосатости интимных областей тела. Например: “Р. Хидза говорит: Если несовершеннолетний породит сына, последний не входит в категорию упрямого и бунтовного сына, потому что написано, *Если мужчина имеет сына*, а не если сын (т.е. тот кто не достиг мужества) имеет сына. “ Дискуссия переносится тоже на возраст, когда сексуальная активность мальчика перестает быть “невинной” и становится грешной. Порнографская дискуссия, которая следует, не бросает свет на текст, а отражает правные попытки повернуть значение слов к какому-нибудь чужому смыслу.^[42] Подобно правистам наших дней, и подобно Верховному суду США, каждая попытка делается чтобы обессилить закон и избежать его, ограничивая область его применения, т.е. сын не виноват, если он пьет дорогие вина, потому что в таком случае он не мог бы выпить слишком много, как если бы ему пришлось обратиться к дешевому итальянскому вину! И опять, если преступник случайно по рождению сексуально неспособный, тогда он очевидно не сын, говорят нам.^[43]

Анализируя этот закон, надо признать несколько вещей. *Первое*, он показывает ограничение во власти семьи. Римлянин отец имел власть на жизнь и смерть над своими детьми. Он мог забросить их как младенцы или убить их как юноши; и такая власть существовала в многих культурах. Родитель как бог давал жизнь, и как бог отнимал ее. Однако, как отмечал Клайн, “Телесное наказание было границей насильственного наложения родительского авторитета.”^[44] Действительно,

Цель законов по этому пункту не только защита, а также и ограничение родительской власти. Если сын кого-то неисправимый и непокорный, неслушающий голос своих родителей, даже после того, как они наказывали его, его отец и мать должны были привести его к старейшинам города и предоставить его им у ворот. Старейшины здесь являются не судьями в строгом смысле слова, а магистратами, которые должны поддерживать родительский авторитет, и выполнять роль местной полиции.^[45]

В библейской правовой системе вся жизнь под Богом и по Его закону. Согласно римскому праву родитель был источником и хозяином жизни. Отец мог приказать аборт ребенка или убить его после рождения. Власть причинить аборт и власть убить идут рука в руке, все равно родительские это или государственные руки. Когда провозглашается одно из них, очень скоро провозглашается и другое. Восстановить аборт как законное право, это восстановить юридическое или родительское убийство. Показательно это, что когда убита невинная жертва и ее убийца осужден смертной казни, те самые люди, которые заступаются за жизнь убийцы, требуют “право” на аборт. Гари Норт заметил как на большом университетском сборе один и тот же демонстрант носил один день плакат “Отменить смертную казнь,” а на другой день “Узаконить аборт.” Когда обратили внимание одному либеральному профессору об этом, его ответ был “Нет никакого противоречия.” Он прав, тезис такой: осудить невинного и дать свободу виновному.

Второе, закон требует, чтоб семья была на стороне закона и порядка, а не на стороне своих преступных членов. Райт твердил, что “Крайне невероятно, чтобы родители часто обращались к такому закону.”^[46] Родители не жалующиеся свидетели в нормальном смысле, и в результате этого они не должны были выполнять экзекуцию, как это нормально было со свидетелями (Втор. 17:7). Это “люди города” совершали экзекуцию, и поэтому это жалоба в самом реальном смысле со стороны общности против ее преступного члена. Здесь нет места защиты гуманизма. В те времена в соседних культурах отец имел власть убивать своих детей и это часто бывало. Хотя у древних евреев был различный стандарт, ни их закон, ни их жизнь, не приближаются по смыслу к современному гуманизму.

Если родители отказывали жаловаться против своего сына, они тем самым были виновными в опрощении и/или соучастничестве в его преступлениях. Таким образом их роль была формальной, но необходимой: выстраивалась ли семья в рядах справедливости или стояла на условиях кровной связи? Имея ввиду сильную природу семейной лояльности, участие родителей было необходимо, с целью освободиться от кровной вражды, и тоже чтобы поставить семью твердо против ее преступных членов. Родитель, отказывающийся подать жалобу в таком случае, становился нарушающей стороной и защитником преступления. Требуемый принцип ясно определен: надо руководиться не кровью, а законам.

Третье, библейский закон это практика прецедентов, и он не занимается только сыновьями. Это значит, что если сын, любимец и наследник родителей, надо быть разоблаченный за его преступления, то чего больше говорить о других родственниках? Семья, которая обратилась к закону своего сына, обратится против каждого преступника. Например дочери ясно включаются. Закон говорит: “Не должно быть блудницы из дочери Израилевых, и не должно быть блудника из сынов Израилевых” (Втор. 23:17). “Не оскверняй дочери своей, допуская ее до блуда” (Лев. 19:29). Доказательства показали, что никакая еврейская девушка не могла бы стать неисправимой преступницей, и в период закона и порядка, остаться в живых. Показательно, что в Притчах для проститутки используется термин странница или чужая женщина, чужестранка. Возможные две интерпретации этого. Возможно, что дочь, которая стала проституткой, уже считалась вне семьи и нации, и больше не была членом заветного народа, а чужестранкой. Более вероятно, как ясно показывает буквальное чтение текста, проститутками были иностранные девушки.

Выясняется следовательно намерение этого закона, что всех неисправимых преступников и рецидивистов надо экзекутировать. Если надо экзекутировать преступного сына, что остается ближнем или приятелем евреем, который стал неисправимым преступником? Если семья должна встать на стороне экзекуции одного неисправимого преступного сына, не потребует ли она смерть одного преступника рецидивиста из общности?

Что такое намерение закона становится ясным из его поставленных целей: “и так истреби зло из среды себя, и все Израильтяне услышат, и убоятся.” Цель закона устранить полностью преступный элемент из нации, весь профессиональный преступный класс. Семье не дается пагубная привилегия сказать: “Мы будем стоять за нашего мальчика, будь что будет”; семья сама должна присоединиться к войне с преступностью. Так как закон, это план на будущее, этот план ясно намечает уничтожение преступности как некоторый значительный фактор в благочестивом обществе.

Этот закон имел влияние на американское право, до того что рецидивисты все еще формально подлежат пожизненному заключению после так много осуждений, но эти законы ослабленные и представляют собой далекое отражение библейского закона. По началу в США рецидивисты могли бы быть экзекутированными, и в некоторых штатах все еще такое законодательство существует на бумаге.

Так как в библейском законе нет приговор к заключению, а только о возмещении вреда, его взгляд на преступление такой, что акт преступления совершил не профессиональный преступник, а слабый гражданин, который должен возместить украденные вещи, плюс по меньшей мере одинаковое количество, чтобы восстановить свое гражданство в общности. Библейский закон не признает профессиональный преступный

элемент: потенциальный рецидивист должен был экзекутирован возможно скорее после того, как получатся полные доказательства, что он такой.

Четвертое, по этому пункту бросается в глаза фактор сожаления. Обычная точка зрения гуманистов это что такой закон безжалостный. Библейская точка зрения что это не так, что на самом деле современная точка зрения отражает не сожаление, а неуместную жалость. Кого надо жалеть – преступника или общество? Библейский закон разыскивает сожаление к пострадавшему, а не к преступнику.

В некоторых случаях сожаление действительно специально запрещается как зло. В законе, касающемся преступного сына, сожаление к сыну очевидно запрещается. Но и в другие случаи сожаление специально цитируется как запрещенное:

И истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе; да не пощадит их глаз твой; и не служи богам их: ибо это сеть для тебя (Втор. 7:16).

Если будет уговаривать тебя тайно брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена на ложе твоем, или друг твой, который для тебя как душа твоя, говоря: “пойдем и будем служить богам иным, которых не знал ты и отцы твои,” богам тех народов, которые вокруг тебя, близких к тебе или отдаленных от тебя, от одного края земли до другого: То не соглашайся с ним и не слушай его; и да не пощадит его глаз твой, не жалея его и не покрывая его; но убей его; твоя рука прежде всех должна быть на нем, чтоб убишь его, а потом руки всего народа (Втор. 13:6-9).

Но если кто будет врагом ближнему своему и будет подстергать его, и восстанет на него и убит его до смерти, и убежит в один из городов тех: то старейшины города его должны послать, чтобы взять его оттуда и предать его в руки мстителя за кровь, чтоб он умер. Да не пощадит его глаз твой; смой с Израиля кровь невинного, и будет тебе хорошо (Втор. 19:11-13).

Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу (Втор. 19:21).

Когда дерутся между собою мужчины, и жена одного подойдет, чтобы отнять мужа своего из рук бьющего его, и, протянув руку свою, схватит его за срамный уд: то отсеки руку ее; да не пощадит ее глаз твой (Втор. 25:11,12).

Во Втор. 7:16 сожаление к злым обитателям Ханаана запрещается; Божье сожаление к ним и Его терпение длились веками. Теперь время сожаления ушло: было время осуждения и смерти.

Во Втор. 13:6-9 сожаление к отступнику веры запрещается, даже когда это лицо близкий и дорогой родственник. На карте поставленные основания веры и сожаление здесь просто зло.

Во Втор. 19:11-13 сожаление к убийце в случае предумышленного убийства запрещается. Нельзя приводить никакие смягчающие обстоятельства против факта предумышленного убийства.

Во Втор. 19:21 постановляется генеральный закон правосудия: наказание должно соответствовать преступлению; должно быть сравнимое возмещение или смерть. Сожаление нельзя использовать, чтобы заменить правосудие.

Во Втор. 25:11-12 никакая женщина, защищающая своего супруга, который дерется с другим мужчиной, не может пытаться помочь своему супругу, увечивая другого мужчину сексуально. Такой проступок особо ужасный. Это единственный пример в библейском законе, когда изкалечивание используется как наказание и его значение имеет исключительную важность. Жена под Богом должна помогать своему супругу, но только и всегда по Божьему закону. В ссоре между двумя мужчинами она не имеет право приобрести нечестное преимущество против напавшего на нее мужа. *Вера требует оставаться в рамках Божьего закона и женщина никогда не имеет право помогать своему мужу не по закону*. Если бы это разрешалось, тогда муж мог стоять в сторону и оставить свою жену нарушать закон безнаказано вместо него. Любовь не по закону – под приговором закона. Иов любил Давида как никто другой, кроме Ионафана, и Иов часто был прав, а Давид неправ, но любовь Иова часто бывала не по закону и он просто заработал ненависть своего родственника Давида, и крайнее осуждение. В случае с поступающей не по закону женой, факт увечья был жестоким общественным предупреждением: незаконная рука и помощник, вовсе не рука и не помощник. Ее отрубленная рука была жестоким напоминанием для всех о запрещенной незаконной любви. Ее нельзя было жалеть, потому что сожаление тоже должно было существовать по условиям закона, или оно становилось опровержением зла. Независимо кого касается: жену, мужа, или сына, сожаление никогда нельзя превращать в незаконное.

Пятое, преступление неупутевого сына предполагает атаку или войну против основного авторитета. Насчет Втор. 21:18 Шрьодер писал: “Он оспаривает родительскую, т.е. божественную власть о распоряжении жизнью, и хотя действительно это делали и до него, на этот раз оно делается с полным знанием и целенаправленно.””О стихе 19 он добавляет: “Вместе с родительской, угрожается тоже и гражданская власть, и поэтому случай переходит от того к этому.”[47] Более того, как отмечает Манлей “Ввиду того, что родители, как представители Бога, стоят против своих детей, упрямый бунт рассматривается как сродни богохульству, и приговаривается к тому же наказанию.”[48]

Шестое, принцип смертной казни (о котором больше поговорим позже) тоже вводится здесь. Жизнь творение Божье, управляется его законом, и ее надо жить только по условиям Его закону-слову. Каждое нарушение встречает крайнее осуждение; капитальные нарушения требуют смертную казнь здесь и сейчас, применяемой гражданскими властями. *Ни родители, ни государство не создатели жизни, и поэтому не имеют право определять условия жизни*. В этом факте кроется самая надежная защита свободы человека. Набожное государство действительно относится с преступниками строго, но есть точное ограничение власти государства по каждому и по всем пунктам в смысле Божьего слова. Власть родителей тоже ограничивается под набожным порядком: у библейской семьи никогда не было деспотичной власти римской или китайской семьи. Родители все время ограничиваются законом-словом Бога. Библейский закон всегда на пользу набожных и относится строго с незаконными. Как писал Валлер о законе, касающемся преступного сына: “Определенно такой указ, если его провести, был бы высшей защитой страны против незаконных и распутных личностей, и избавил бы ее от очень большого элемента опасных классов.”[49]

Седьмое, формальные обвинения против сына представляют особый интерес. Мы отметили фундаментальную атаку против власти, охваченную словами “упрямый и бунтовный.” Согласно Валлеру, “Древнееврейские слова вошли в поговорку как худшую форму упрека.”^[50] “Мот и пьяница” (ср. Прит. 23:20-22, где сохраняется тот же смысл) прибавляются к изображению бунтовного, антисоциального и несправимого преступника. Талмуд, через свою повторную интерпретацию каждого термина, сделал закон виртуально неприменимым ни для кого. Закон в своем обобщении рисует несправимого преступника, чье общее поведение подтверждает его незаконную природу. Непоправимый характер сына устанавливает между прочим это: преступный и бунтовный сын отверг свое наследство веры и закона; в своем крайнем значении этот бунт против его духовного наследства на самом деле бунт против жизни. Отсюда и приговор к смерти. У него не слабый характер, он у него сильный, но это характер, посвященный злу. Семья – земная колыбель жизни, а набожная семья дает в наследство жизнь. Отказаться от этого наследства значит в конечном счете отказаться от жизни. Не каждый бунтовный сын доходит так далеко в своем бунте, но принцип его бунта еще остается в отказе от его наследства в полном смысле этого слова.

Восьмое, как мы уже увидели, закон это форма войны. Через закон некоторые действия отменяются, а лица, совершившие эти действия или экзекуируются, или приводятся в соответствии с законом. Таким образом закон *защищает* известный класс подчиняющихся закону, и каждый правовой порядок на самом деле помогает людям закона. Если закон не успевает провести в жизнь эту защиту, он с временем разрушает самого себя.

Неуспех закона экзекуировать несправимых и профессиональных преступников создает множество социальных кризисов и нарастающим темпом ведет к анархии. В Лос-Анжелесе, Калифорния, в 1968 году например использование каток-горок в городских парках маленькими детьми стало трудным. Молодые хулиганы спрятали разбитые бутылки в песке под катками острым краем вверх. Юные хулиганы замешались в так много других деятельности, что создавшееся положение вышло изпод эффективного контроля полиции. И опять:

Марихуана употребляется так обширно в области Залива, что остановить это просто вне возможности агенств, применяющих закон. В Бэркли по субботам ночью проводятся может быть 2000 сборов курящих марихуану – можете ли вы иметь осведомителя или полицейского на каждом из них?^[51]

Виртуально в каждой области преступной деятельности несправимые преступники и профессиональные гангстеры быстро приобретают все большую ударную мощ. Они превосходят численно полицию и представляют огромную армию из самоотверженных правонарушителей. Суды, делая их осуждение трудным, на самом деле помогают преступлению и ведут войну с уважающими закон.

6. Принцип авторитета

Государственное образование и государственное вмешательство в жизни семьи ведет последовательно к разрушению семьи. Это не удивительно, поскольку принцип авторитета в семье ставится на карте.

Семья не только первая окружающая среда ребенка, она тоже его первая школа, где он получает свое основное образование; его первая церковь, где он осваивает свои первые уроки, касающие Бога и жизни; его первое государство, где он учит элементы закона и порядка и подчиняется им; и его первое занятие, где ребенку дается работа, и ответственности, связанные с ней. Существенна часть мира для маленького ребенка это семья, в частности его отец и мать. Мередит умело обобщает вопрос: “В глаза маленького ребенка родитель стоит на месте *Самого Бога!* Потому что для ребенка родитель исполняет роли снабжающего, защитника, любящего, учителя и законодателя.”^[52]

Вот поэтому теологи уже веками учат подчинению гражданским магистратам и всем должным образом созданным властям, под заглавием пятой заповеди. Легко можно увидеть как глубоко отражается каждый авторитет в авторитете родителей. Разрушение положения и авторитета семьи, это разрушение целого общества и введение анархии.

Но введение анархии точно то, что преследует систематическая атака против семьи. Студенческая революция 1960-го года основывалась на анархизме. Например Йорг Имендорф, 23 года, из Германии, призывал к революции, а не к реформации, потому что “вы не можете улучшить тряпье – значит революция есть единственный ответ.” Необходимо “Стартовать с нуля,” с одним только стандартом: “сама жизнь.” Энтони Дукворт, 21, из Англи, заявляет что “В Оксфорде и Кембридже молодые преподаватели хотят вести политику администрации, решать насчет учебников и лекций, распределении зал и кормлении. Они хотят принять этот груз.” Более того, согласно Джону Д. Рокфеллеру III, 62: “Вместо того, чтобы заботиться как подавить революцию молодых, мы из старой генерации должны беспокоиться как поддержать ее.” Этот юношеский “идеализм” заслуживает поддержку и содействие, согласно Рокфеллеру.^[53] Но что это такое, которое Рокфеллер призывает нас поддержать и принять? *Первое*, студенческая и юношеская революция имеет неморальную предпосылку, т.е. утверждение, что молодежь имеет “право” контролировать и управлять собственностью других людей. Если университет принадлежит государству, церкви или частной корпорации, студент может получить там образование по условия учебы. Он свободен создавать свои собственные институты, однако, как студент или преподаватель, он в этой школе на условиях, поставленных теми, чьи права на собственность управляют школой. Студенты жалуются от “насилия,” однако их движения между самыми насильственными в ихнем веке. Ребенок не имеет право руководить своими родителями, студенты – их школы, ни рабочие своего работодателя. *Второе*, цель студенческой революции просто неморальная власть, а не “идеалистские” надежды. Сделать “самую жизнь” нормой, значит сказать, что нет никакой нормы, кроме анархии. Требовать “старт с нуля” значит призывать к

разрушению всего закона и порядка, чтобы анархист смог заграбить то, что принадлежит настоящему собственнику. *Третье*, этот анархизм неизбежный среди генерации студентов, которых не учили ни подчинению родителям и всяким регулярным властям, ни почтению к тем, кто заслуживает почтение. Пусть процитируем Мередита снова:

Первоначальная заповедь “почитать” отца и матери применяется к всем нам в течении нашей жизни. Но на этом месте *детям* (Еф. 6:1,2) говорится специально, что они должны *подчиняться* своим родителям “в Господе.”

Потому что, из-за его полного отсутствия опыта, ребенка надо *учить* ПОДЧИНЯТЬСЯ своим родителям *моментально и без вопросов*. Объяснения и обоснования причин о поручении можно и надо давать ребенку время от времени. Однако в момент отдавания родительской заповеди *может и не будет времени или возможности излагать причины почему!*

Следовательно, ребенка надо обязательно учить ПРИВЫЧКЕ беспрекословного подчинения своим родителям. Потому что пока юноша растет, родители стоят для него *на месте Бога*. И Бог держит их ОТВЕТСТВЕННЫМИ за правильное обучение и наставление ребенка.

Прямо сказано, родитель обязан пятой заповедью сделать себя *почтенным*. Чтобы кого-то уважали, он должен быть *уважаемым*.

Каждый родитель должен понять то, что для своего ребенка он *представляет Бога!*^[54]

Родитель представляет Бога, потому что он представляет Божий порядок. Судьи в законе указываются как “боги,” подобно пророкам (Исх. 21:6; 22:8; I Цар. 28:13; Пс. 81:1,6; Иоан. 10:35). Из-за того, что родители представляют Божий правовой порядок, они должны с одной стороны подчиняться этому правовому порядку, а с другой стороны надо подчиняться им как представителям того царства.

В Исх. 21:6 версия короля Джеймса гласит: *судьи*, там где древнееврейский текст гласит *Elohim*, боги; то же самое и с Исх. 22:8: American Revised Version (ARV) и Masoretic Text Version (MTV) гласят “Бог” с замечанием “судьи.” В I Цар. 28:13 волшебница из Аэндора увидев Самуила, восклицает: “Я увидела богов, выходящих из земли,” или в ARV “Я вижу бога, поднимающегося с земли.” Ясно имеется ввиду пророк. В Пс. 81:1,6 гражданские власти относятся к “богам,” использование этого слова подтверждается Иисусом Христом (Иоан. 10:35). По этой причине, потому что все надлежащие власти представляют Божьего правового порядка, пятая заповедь часто связывается с первой таблицей закона, т.е. с этими, относящимися к нашим обязанностям к Богу, в отличии от второй таблицы с заповедями, относящимися к нашим обязанностям к нашему ближнему. Есть основание для такого деления на две таблицы, хотя нельзя так сильно настаивать на нем, поскольку оно немножко искусственно, потому что все заповеди относятся к нашим обязанностям к Богу.

Калвин рассматривает причисление этой заповеди к первой таблице как глупое.^[55] Любопытно, что он пытается использовать Рим. 13:9 в пользу этой позиции, ровно как и Мат. 19:19, но эти отрывки не убедительные по этому вопросу. Более подходят различные законы, рассмотренные заранее, которые связывают подчинение родителям с соблюдением субботы и с избеганием идолопоклонства (ср. Лев. 19:1-4).

Но вернемся к более важному пункту, вопрос о подчинении: обычно гуманистская мысль поддерживает, что беспрекословное и точное подчинение, требуемое законом от детей, разрушительное для сознания. Свободная личность, утверждают они, продукт бунта, непрерывного противопоставления авторитетам, и настоящее образование должно стимулировать детей и юношей ломать авторитеты и отрицать их претензии. “Культура” современных юношей это требование моментальной реализации, комбинированной с открытым неповиновением власти. Росс Шнайдер в книге *Молодые люди и их культура* пишет, что “молодые люди нашего времени убежденные, что они предопределены *быть правыми сейчас*. И во всей возможной полноте для них в периоде их развития.”^[56] Это требование моментальной реализации характерное для инфантилизма. Грудной ребенок плачет, когда голоден и освобождает свой пузырь и свои кишки на волю. Он плачет с бессилия и гнева, когда удовлетворение не моментальное. Неудивительно, что поколение, воспитанное снисходительно, имеет большую склонность к разрушительному и революционному гневу, часто сопровождаемый ликующим уринированием и дефекацией на общественных местах, а меньшую склонность к дисциплинированному труду и учебу. Сущность революционного сознания это требование моментальной утопии, моментального удовлетворения, и разрушительный, ребяческий гнев против всякого порядка, который не успевает принести его. Фрейд выковал термины оральные и анальные личности; эти термины не относятся к всякому зрелому возрасту или к зрелым людям; они умелое описание противоречивой личности ребяческого и снисходительного возраста и его людей.

Однако корень идет еще глубже. Джон Локк сформулировал безосновательную психологию гуманистской веры с ее ясной табличной концепцией. Настоящее образование, твердил он, требует чисто вымести сознания от всех предвзятых понятий, присущих обучению родителями, религией и обществом. В смысле концепции и психологии Локка образование должно быть революционным. Прибавьте к этому естественного человека Руссо, и все предвзятые понятия, все формы наследства прошлого, становятся целью, которую надо разорвать. Маркс и Фрейд извлекают логические заключения из философии Локка, Руссо и Дарвина. Дарвин своей эволюционной верой сводит все в прошлом к более низкому и более примитивному уровню и таким образом оправдывает требование о чистом выметании, о революции. Эта ненависть к дисциплине и подчинению вторгается в почти все области старания в двадцатом веке. В искусстве способность овладеть умениями и использовать их в рисовании и черчении пренебрегается за счет “спонтанного” и “безсознательного” выражения, которому нехватает разума и формы. В религии опыт берет верх над доктринами или заменяет их. В политике власть идет снизу, с самых низких уровней и “харизматический” лидер на самом деле демагог, который умеет лучше всех угодить массам. В музыке ценится выше всего необученный эмоционализм и т.д. Враждебность к подчинению и дисциплине всеобщая и глубокая.

Однако лучше функционирует подчиняющийся и дисциплинированный разум. Ребенок, который приучен к подчинению, не раболепный юноша, а свободный человек. Благодаря обучению в подчинении он лучше может командовать собой и лучше может руководить на своем поле деятельности.

Более старый гуманизм, из-за того что он развивался в контексте христианской дисциплины, мог производить дисциплинированный разум. Монтен (р. 1533), давая советы о воспитании ребенка, говорил без никакого намека о новшестве, когда описывал хорошее обучение его дней:

Немного лет жизни заделаются образованию, не больше чем первых пятнадцать или шестнадцать; используй хорошо эти годы, взрослый человек, если хочешь образовать ребенка к настоящей зрелости. Оставь излишние материи. Если хочешь сделать что-нибудь конструктивное, столкни ребенка с философскими рассуждениями, не очень сложными конечно, но такими, которые стоят объяснить их. Разработай эти рассуждения с подробностями; ребенок способен переварить эту материю с того момента, когда он смог более или менее справляться с собой. (На самом деле Монтен писал “от момента когда его отняли от груди,” но вероятно не имел это в виду так буквально); ребенок во всяком случае успеет справиться с философскими рассуждениями намного лучше, чем с попыткой научить его писать и читать; этому лучше подождать немножко.”^[57]

Так как в дни Монтена ребенка не отнимали от груди так быстро, как в наше время, нет причины сомневаться в постановке Монтена. В пуританской Америке детей учили читать их матери в возрасте между двух и четырех лет.

Ван ден Берг цитирует два примера о зрелых детях эры Монтена и позднее. Они заслуживают цитирования некоторыми деталями:

Мы вправду имеем некоторые данные о детской природе времени Монтена – жизнь Теодора Агрипа Д’Обина, гугенота, друга Анри IV, родившегося в 1550 году. Монтен родился в 1533 году, так что он достиг возраст благоразумия, когда Д’Обин был еще ребенком. Наблюдая молодых современников этого Д’Обина, Монтен не отметил ничего относительно созревания. О Д’Обине говорилось, что он читал греческий, латинский и древнееврейский, когда ему было шесть лет, и что он переводил Платона на французский, когда ему еще не исполнилось восемь.

Платон. Монтен рекомендовал чтение и объяснение философских рассуждений детям – ну, хорошо, если восьмилетний мальчик мог перевести Платона, какие могут быть возражения против того читать ему переведенную версию, когда ему было четыре?

Когда Д’Обин был еще восьмилетним, он проходил через город Амбоа, сопровождаемый своим отцом, как раз после того как казнили группу из гугенотов. Он видел обезглавленные тела; и по просьбе своего отца он поклялся отомстить за них. Через два года он был задержан *инквизиторами*; реакцией десятилетнего мальчика на угрозу смертельного риска был танец радости перед огнем. Ужас от Масса выгнал его страх от огня, был его собственный комментарий позднее – если десятилетний юноша мог знать что он имел в виду этим. А еще юноша, кто переводил Платона и кого использовали, чтобы читать классиков уже четыре года, почему такой юноша не мог бы знать чего он хочет и чего он делает? Но его трудно можно назвать ребенком. Человек, который наблюдает интеллигентно результат экзекуции, который положил клятву и остался верным ей всю жизнь, который понял для себя интерпретацию Святого причастия и который понял ужас смертельного риска – он не ребенок, он мужчина.

Во время смерти Монтена другой юноша встал на пороге великих открытий: Блез Паскаль, рожденный 1623 году, написал, когда ему было двенадцать лет, без помощи, трактат о звуке, который был принят серьезно экспертами того времени. Почти в это время он случайно услышал слово *математика*; он спросил у своего отца что оно означает, и получил следующий неполный ответ (неполный, потому что его отец боялся, что интерес к математике мог бы уменьшить его интерес к другим наукам): “Математика, о которой я расскажу тебе больше позднее, наука, которая занимается построением совершенных фигур и раскрытием присущих им свойств.” Молодой Паскаль размышлял над этим ответом в течении своих часов на досуге, и без никакой помощи построил круги и треугольники, которые привели его к открытию некоторых свойств, которых наверно его отец имел в виду – например, что сумма углов треугольника равняется двум прямым углам.^[58]

Мы должны допустить, что Д’Обин и Паскаль были замечательными людьми и дети-чудо. Но надо добавить, что в музыке, науке и в многих других областей, дети-чудо были далеко более обычные, чем тепер. Мы должны тоже признать, что тогда интеллектуальный уровень был довольно высоким даже среди обыкновенных людей. Уровень проповедования достаточное свидетельство этому. Способность членов церкви слушать растянутые поучения иногда два часа, воспроизводить верно все тридцать или сорок пунктов позднее через неделю, и обсуждать и разбирать их, все это хорошо документированное. Не было нехватки беззакония в этой эре, но был тоже и высокий порядок дисциплины, и эта дисциплина способствовала использованию ума. Люди, которые в ранних веках христианской эры, и во время Реформации и позднее установили основания Западной цивилизации и свободы, были люди веры и дисциплины, люди обученные в академии повиновения.

Набожное отношение к власти и авторитету как надлежащим образом установленные и распоряденные Богом, одно из требований Святого писания. Например Исх. 22:28 объявляет: “Судей не злослов, и начальника в народе твоём не поноси.” И снова ARV переводит “судьи” как “Бог” и указывает в заметке “судьи.” Калвин отмечает о том же отрывке, как и о Лев. 19:32; Втор. 16:18 и 20:9: “в Пятой заповеди заключаются по *синедрохе* все превосходства авторитета.”^[59]

Прежде всего Он приказывает, чтоб мы думали и говорили почтительно о судьей и о других, выполняющих службу магистрата: и чтобы не оспаривать это, по обыкновенному идиоматичному выражению древнееврейского языка, Он повторяет то же самое дважды; как следствие одни и те же личности называются “богами” и “правителями народа.” Имя Бога, вправду фигуративно, однако совсем основательно применяется к магистратам, на которых, как на служителях Его власти, Он наложил знак Своей славы. Потому что, как мы видели, отцов надо чтить, так как Бог связал их с Собой общим именем, точно так же здесь Его собственная божественность приписывается судьям, с целью чтоб народ чтил их, потому что они представители Бога, Его лейтенанты и священники. И как Христос, самый надежный разъяснитель, объясняет это, когда Он цитирует отрывок из Пс. 81:6: “Я сказал: вы – боги, и сыны Всевишнего – все вы” в Иоан. 10:34,35, а именно “если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие,” что надо понимать не как общую инструкцию, адресованную всем Божьим чадам, а как специальную заповедь для выполнения.

Замечательное возвеличивание судьей состоит в том, что Бог не только ставит их на место родителей, но и представляет их нам обожественными Его собственным именем; откуда тоже ясно выявляется, что им надо повиноваться не только под страхом наказания, “но и по совести” (Рим. 13:5), и надо их чтить, иначе все равно презирать Бога в их лице. Если кто-нибудь возразит, что неправильно восхвалять пороки тех, о которых нам известно, что они злоупотребляют своей властью, ответ не трудный: что хотя судьей надо вытерпеть даже если они не из лучших, все-таки честь, которой они облеченные, не покрывало их пороков. И Бог не приказывает нам аплодировать их ошибки, а чтобы люди жаловались им тихим горем, вместо того чтобы поднимать беспокойство в безнравственном и мятежном духе, и таким образом ниспровергать политическое управление.^[60]

Что такое повиновение не представляет одобрение зла или подчинение ему, отлично явствует из истории Новозаветных пророков и из истории церкви. Скорее всего набожное повиновение лучшая основа для сопротивления злу, тем что оно осуществляется главным образом в смысле высшего повиновения Богу, и поэтому человек в повиновении независим, а сопротивляясь тиранам остается подчиненным высшему авторитету Бога.

Однако в одном пункте первая фраза второго параграфа свыше комментариев Калвина отражает не библейскую, а римскую мысль, когда он сравнивает правителей с родителями и приписывает

им *родительский* авторитет. То, что общее между родителями, правителями, учителями и хозяевами, не *родительство*, а *власть*. Приписывать правителям и государству родительскую власть, это серьезная ошибка. Родители представляют авторитет Бога перед ребенком; гражданские магистраты или правители представляют авторитет Бога в смысле гражданского правового порядка перед гражданами; общее у них, у родителей и у правителей, это *власть*, а не *родительство*, и даже что касается власти, она разных видов. Римское право обожествляло государство и на самом деле превращало государство и его правителя в бога для народа, а людей в детей этого бога. Император был отцом в своей стране и это было серьезным аспектом гражданской теологии.

Скучные классические познания ученых Средневековья и Реформации часто сбивали их с пути. Стих, который время от времени цитируется как доказательство о родительской роли государства это Ис. 49:23. Однако этот стих относится к остаткам Израиля, которых надо было восстановить в Иерусалиме, и снова основать государство под защитой других государств, которые и будут как “питатели-отцы.” Касается о восстановлении еврейской общности под руководством Неемии и под защитой Медо-Персидской империи. Эти обороты речи не имеют ничего общего с родительской роли государства, а всецело относятся к высшей защитной роли большой империи для небольшого гражданского порядка, который устанавливается снова.

Первичный и основной авторитет Божьего правового порядка это семья. Все другие надлежащие авторитеты также представляют Божий правовой порядок, но в различных областях. Если дети не подчиняются родителям, они не будут чтить никакого другого авторитета и не будут повиноваться ему. Поэтому закон говорит о ключевом авторитете, от которого зависит сохранится ли социальный порядок или провалится. Основным для авторитета в каждой области является представление Божьего правового порядка.

Следовательно, государство устанавливается с целью осуществлять Божье правосудие. Согласно Втор. 16:18-20:

Во всех жилищах твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе, поставь себе судей и надзирателей по коленам твоим, чтоб они судили народ судом праведным. Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров; ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых. Правды, правды ищи, дабы ты был жив и овладел землею, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

Было бы смешно ставить отцовство как цель этого закона: его цель это гражданское правосудие. Основным для установления этого правосудия является авторитет.

И пятая заповедь, которая говорит о родителях, и все распоряженные Богом власти, все это установление прежде всего *Божий авторитет*. Бог знает в конце концов, что родители и правители, священники, учителя и хозяева, грешные. Бог не интересуется в установлении грешников; изгнание из рая и постоянное осуждение в истории красноречивое доказательство этому. Но путь Божий, чтобы снять грешников и установить Его правовой порядок, это взыскивать повиновение властям. Это повиновение прежде всего Богу и часть установления Божьего порядка. Грех ведет к революционной анархии; набожное повиновение ведет к набожному порядку.

7. Семья и авторитет

Римляне покорили Юдею, однако позднее, когда христианство покорило Рим, они сказали об этой библейской вере еврейского происхождения “*Victi victoribus leges dederunt*” (Покоренные дали свои законы покорителям).^[61] Право поздней Римской империи и христианского Запада сильно изменились под влиянием библейского права, и основным для этого изменения является семейное право.

Основная христианская правовая реформа произведена Юстинианом и его императрицей Теодорой в шестом веке. Цимерман обобщил основные христианские реформы, касающиеся сексуальности и семьи. *Первое*, “только heterosexualные отношения в браке стали общественно приемлемыми.” Все сексуальные отношения, различные от нормальных брачных отношений, теперь были незаконными и грешными. *Второе*, эта классификация всех других форм сексуальности как “вызывающими возражений” была “применима ко всем социальным классам” без различия. Семья стала нормальным и законным образом жизни для всех. Предисловие к этой части *Novellae code* гласит:

Прежнее законодательство занималось проблемами этой материи поштучно. Теперь мы хотим собрать их и дать народу некоторые ясные правила поведения, например как создать семью (*de nuptiis*), стандартную форму жизни всех человеческих существ во все времена и везде. Цель этого гарантировать искусственное бессмертие человеческого рода. Это христианский образ жизни.

Третье, запрещенные виды сексуальности сделались наказуемыми законом, особенно формы коммерциализированного секса. *Четвертое*, а Цимерман говорит “основное,” это что “договоры, предвещающие несемейные сексуальные деятельности как вознаграждение за поддержку или как подарки объявляются незаконными.” Между прочим сожителство потеряло свой правовой статус. *Пятое*, эти правовые шаги были “часть более обширного движения сделать семью определенным общественным образом жизни и статусом.” Результатом этого законодательства было изменение направления цивилизации. Это было сотворение “семейной системы, которая подходила бы лучше планиранному величию.” Авторы никогда не имели ввиду совершенного человека. Они искали способ вовлечь среднего человека в общественную систему, которая могла бы стать определенной очень цивилизованной мировой единицей.^[62]

Эффект этого законодательства был огромным. Две важные области изменений были *наследство* и *собственность*. Наследственные законы теперь руководились семейными соображениями, при этом законной супруге и ее детям давался статус, каким не имели сожительца или любовница и их дети. Ограничение наследства в рамках законной семьи сделало семью значущим агентом и силой в отношении собственности. Семья теперь была что-то далеко больше, чем основная единица общества: она была по

существовавшей общественной системой. Однако это была общественная система без выставляющих в смешном виде и неморальных энергий семейных систем богослужения предков. У богослужения предков семья обвязывалась с прошлым и была враждебной будущему. У христианской семейной системы, Моисеев закон, интерпретированный в смысле новозаветных правил, касающихся семьи, перспективой является христианское будущее, царство Божие и его требования на сегодня и завтра.

Без авторитета семьи общество идет быстро к социальной анархии. Источник семейного авторитета Бог, непосредственный носитель авторитета отец или супруг (I Кор. 11:1-15). Отказ отца своего авторитета или отрицание его власти ведет к социальной анархии, описанной в Ис. 3:12. Женщины управляют мужчинами; тогда дети получают чрезмерную свободу и мощь и становятся угнетателями своих родителей; кастрированные правители в таком социальном порядке сбивают народ с пути и разрушают здание общества. Крайний результат это социальное крушение и плен (Ис. 3:16-26), и ситуация опасности и гибели для женщин, время “упреков” или “немилости,” в котором когда-то независимые и феминистские женщины становятся покорными в своей гордости и ищут защиту и безопасности у мужчины. Правда, семь женщин, говорит Исаия, ищут среди развалин одного мужчину, каждая просящая брак и готовые сами содержать себя, только бы он снял с них немилость и стыд, которые заливают одинокую и незащищенную женщину (Ис. 4:1).^[63]

Исаия ясно видел, что отсутствие мужского авторитета причиняет социальный хаос. Мужчина, как голова семьи, необходимый принцип порядка, а также и патрон порядка. Владычество Божий принцип для человека над природой (Быт. 1:28), и для мужского в лице супруга и отца в семье (I Кор. 11:1-15). Владычество как мужская природа и прерогатив надо искать в мире животных как часть Божьего творческого распоряжения. У животных, как указывает Ардрей, есть первенство владычества перед сексуальными и другими стимулами. “Придет время, когда самец потеряет весь интерес к сексу, но он еще будет бороться для своего статуса.” На самом деле, “владычество у социальных животных универсальный инстинкт, независимый от сексуальности.”^[64] Этот мужской инстинкт о владычестве раскрывается у животных тремя способами: *первый*, по территории, т.е. инстинкт собственности и преследования; *второй*, в статусе, стимул установить владычество в смысле ранга; и *третий*, выживание, и порядок как средство к выживанию. Это верно для животных среди природы; животные в зоопарках, будучи в благополучном обществе, более поглощенные сексуальностью.^[65] У самца владычество ведет к повышенной сексуальной потентности и долговечности.^[66] Более того, “Любопытно, что большинство из инстинктов порядка мужского рода.”^[67] Женские инстинкты, социальный и матерный, они личные и поэтому в известном смысле анархистские.

Эти характеристики верные тоже и о человеческой жизни. Женщина становится поглощенной проблемами закона и порядка личным путем, т.е. когда ее семья и безопасность ее семьи угрожаются разложением. Муж будет заниматься проблемами общества независимо от кризисных условий; женщина начнет беспокоиться, когда общественное разложение получит личное значение, и тогда ее беспокойство великое.

Мужской и женская нуждаются друг друга, и набожный порядок означает брак, союз мужчины и женщины под Богом и за Его славу и служение Ему. Один без другого или в презрении и разногласии одного с другим, особое значение мужчины и женщины становится односторонним. Может быть примером этого, при этом крайний, почти на грани карикатуры, могут служить Генри VIII Английский и королева Катерина.

Катерина более чем сэр Томас Мор заслужила стать католической святой тех дней. Мор был с начала до конца гуманистом; Катерина была набожной женщиной с сильной верой и смелостью. Дочь великой королевы Изабеллы Испанской, она властвовала вместе со своей сестрой, ошибочно прозванной Хуаной Безумной из-за ее почти невероятной погруженности в мысли чисто личного аспекта проблем. В результате ее развращений отец Фердинанд, кого Катерина любила слепо, был способным использовать Катерину как залог для испанской мощи, почти до уничтожения Англии. (Фердинанд убил супруга Хуаны и узурпировал ее трон; он не имел никаких задержек чтобы извлекать выгоду из любого родственника). Катерина была в одинаковой степени слепой в делах со своим супругом Генри, где решались более чем личные проблемы.^[68]

На Генри VIII с другой стороны, нельзя смотреть в чисто личном (и только о женщинах) смысле, как о таком, охваченным только своими вождениями. Конечно Генри был грешником здесь, но его основным мотивом было желание сохранить королевство от анархии, приобретая мужского наследника. До восхождения его отца на трон Англия долго раздиралась и опустошалась кровавой и непрестанно подновляемой войной за наследие.^[69] Основная забота Генри была сохранить порядок средствами обеспеченного и сильного династического наследия, что для него лично означало мужской наследник. Это было главное моральное соображение для Генри, пока для Катерины главное моральное соображение были личные отношения.

Генри показывал все события в свете своего принципа и оправдывал этим каждый свой шаг. Талантливый и интеллигентный человек, он был тоже незрелым и самодовольным.^[70] Но не он один рассматривал ситуации в Англии и свою собственную в смысле неличной проблемы порядка и наследия. Оба Лютер и Меланктон были готовы позаботиться об ответе на помолвке Генри в законном двуженстве, и папа Климент VII внул что-то подобное. Делались попытки извинить обоих тем, что их заслуги к попыткам Генри были небольшими; какими бы не были их основания, эти религиозные лидеры сделали подсказку. Все как люди были затронуты политической сценой и проблемами английского порядка, как противостоящие чисто личному проблему закона и порядка между Катериной и Генри.

Этот эпизод в острой и крайней форме раскрывает различные природы мужчины и женщины. Но мужчины, замешанные в этой грустной истории по меньшей мере заботились о некотором порядке, даже неморальном в те времена. Сегодня мужчины, массово отказываясь от своей мужественности, меньше заботятся о

порядке, а больше о удовлетворении. В результате женщины, из-за того, что ихняя и их детей безопасность поставлена на карте, становятся вовлеченными в проблему социального упадка, выраженного законом и порядком. Таким образом социальные и политические действия становятся угнетающей женщин заботой. Их забота почеркивает упадок общества и провал мужчин. Когда женщины заботятся о своей защите, это обычно означает, что или ужасный внешний захватчик угрожает обществу, или иначе в самом общественном порядке мужчины перестали действовать как мужчины. В таком случае развивается матриархальная власть как заместитель нормального правового порядка.

Следовательно матриархальное общество это упадочное и разрушенное общество. Сильно матриархальный характер жизни американских негров результат морального провала негритянских мужчин, их неуспех быть ответственными, содержать семью, или иметь авторитет. То же самое верно об американских индейских племенах, которые сегодня тоже матриархальные. В таких обществах женщины приносят значительную часть семейного дохода, потому что моральное упущение мужчин делает это необходимым. Элемент сильного снисхождения преобладает при обучении детей и моральный провал мужского рода передается следующему поколению.

Та же самая тенденция к матриархальному обществу наяву в Западной культуре сегодня. Надо подчеркнуть, что обратно популярному мнению, матриархальное общество не такое общество, в котором управляют женщины, а скорее всего общество, в котором мужчины не успевают упражнять свое владычество, так что женщины сталкиваются с двойной ответственностью. Они должны делать свою собственную работу, а кроме того работают, чтобы отсрочить анархию, создаваемую моральным провалом мужчин. В матриархальном обществе женщины перегруженные, а не повышенные в ранге, они наказанные, а не вознагражденные.

Мэтью Сорин подчеркнул принципы христианского семейного порядка в 1840 году:

Обязанности, проистекающие из (брачных) отношений. . . .

1. *Взаимная привязанность.* Согласно порядку и устройству божественного управления, мужчина назначен управлять делами этой жизни. Его прерогатива держать узды домашнего управления и направлять семейный интерес, так что приводить их к счастливому и почетному завершению. Это назначение Богом введено в порядок сотворения; и его правильность манифестируется в порядке грехопадения. Но еще, как это право супруга управлять, так это и его обязанность управлять сдержанно и с любовью – любить свою жену “как и Христос возлюбил церковь” (Еф. 5:25). А так тоже повиновение женщины нельзя быть неохотным предложением неприветливого духа, а веселым служением восхищенного ума; “чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были” (1 Пет. 3:1).

2. *Взаимное доверие.* Ничего не более важное и не может быть, чем то, при поддержке, и активного и энергичного упражнения брачной привязанности. Разрушить доверие, значит потерять все это, что превосходно или ценно в семейном круге. . . .

3. *Взаимное внимание и уважение.* Не пустой круг церемониального внимания, что показано множится в семейном круге, по определенным поводам, вероятно больше чтобы понравиться зрителям, чем выразить искренние чувства от души. Мы говорим об этом простым, бесхитростным и непредумышленным вниманием и уважением, какое внушает искренняя любовь.

4. *Взаимная помощь.* Первая женщина дана мужчине не чтобы жить на его труде, ни чтобы работать на его жизнь; она предназначалась быть одно с ним, по ровну разделяя его печали и радости, должна была быть помощником его. . . . Есть троекратная помощь, которой женатые люди обязаны друг другу, создавая интерес и радость в семейном круге.

(1) Есть помощь при стимулировании временных интересов в семье.

(2) Опять, *есть взаимная помощь при поддержании порядка* – при образовании и напущении детей. . . .

Права родителей над их детьми равные. Если эти дети почтенные и успевающие в мире, это счастье для обоих. Если они расточительные и порочные, нет большего несчастья для одного, чем для другого.

Следовательно, это напрашивающаяся сама собой обязанность, самая торжественная связь родителей – отдавать свои объединенные умения, влияние и авторитет, чтобы “вести своих детей по пути, которым они должны идти.”

(3) *Есть тоже взаимная помощь при повышении духовного благополучия друг другу.* . . .

В добавлении к этим генеральным взглядам, мы можем здесь совсем уместно отметить некоторые другие специальные обязанности, которые взаимно надлежат между мужем и женой. Например от женщины требуется показывать дух подчинения и повиноваться своему супругу (Еф. 5:22). Однако также требуется от супруга чтобы он любил и защищал свою жену – чтоб хранил к ней самую нежную привязанность – чтоб он защищал ее по мере своих возможностей, а именно – здоровье – собственность – и репутацию. Все, относящееся к ее удобствам должно быть предоставлено, насколько позволяют его возможности, при этом с готовностью и веселым духом. “Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь” (Еф. 5:25). “Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью. А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева” (1 Тим. 2:11-13). Еще муж обязан также не показываться смешным и презренным в глазах своей жены ни через неприличные речи, ни гнусными и пустяковыми намеками. Он должен поддерживать свое место, не столько физической мощи или грубой силой, сколько превосходством своего примера, и этими развитиями умственного и морального превосходства, и большим тактом в управлении делами, которых разумно ожидать с его стороны, а воля которого в большинстве случаев обеспечивает подчинение его руководству с готовностью и веселием (1 Пет. 3:3-7). И опять, как женщина обязана поддерживать дом и не рассеиваться на своем месте, подобно несчастному духу, ищущий покой и не находящий ничего (Тит. 2:5), так и совсем бесспорно муж обязан сделать этот дом интересным и веселым насколько это возможно. [71]

Утверждения Сорина цитируются не потому что они замечательные или необычайно хорошо интерпретируют Святое писание, а потому что они отражают веру и практику христианской Америки того времени. Как отмечает Боуд:

Книга ценная не потому что она дает характерный совет, но тоже потому что описывает жизнь американского дома на уровне среднего класса. Сорин родился на чужбине и поэтому наблюдает нас более старательно и в меньшей мере принимает нас как данные, чем рожденные в нашей стране авторы. Он извиняется за неадекватность книги, говоря, что она была бы написана лучше “ кем-то специально привыкшим к принципам и обычаям общества этой страны,” однако он слышком скромный. Его объективность подкрепляется замечательной проницательностью. [72]

Именно против семейного порядка, описанного Сориним, направлена революционная деятельность. *Снисходительность* сталкивается прямо с родительским авторитетом, и как в доме, так и в школе, это революционная концепция. Преобладание снисходительности мешает росту самодисциплины. Отсутствие самодисциплины рассматривается многими как причина настоящей молодежной преступности. Эта преступность проистекает из “отсутствия самодисциплины, а степень эгоизма невероятная для взрослых, которые сами уважают права других и думают о них прежде чем действовать.” Блейн добавляет:

Самодисциплина не растет как Топси, а она результат двухэтапного созидательного процесса, в котором родители первые стимуляторы. Церковь, школа, ровесники, и герой играют роль тоже, но краеугольный камень полагается дома.”[73]

Отсутствие самодисциплины ведет к *самоуверенности*. Не имея других авторитетных критериев для суждения, чем своих собственных, снисходительно воспитанный юноша не имеет действительных критериев и для самооценки. В другие времена молодежи до двадцати лет считались уже взрослыми, а двадцати и тридцатилетние были уже деловыми людьми. Молодость мужчин в Конституциональной конвенции США доказательство о ранней зрелости и ранней способности к дисциплинированному действию и прогресса людей того времени. Но эта зрелость шла рука в руке с ответственностью и независимостью, самоиздержкой и самодисциплиной: Это было естественное и единое целое. Снисходительно воспитанный юноша требует: “Слушайте нас,” и претендует о зрелости на основании физического роста, без никакой сопровождающей зрелости ума и действия.[74] Результат это самоуверенность на основе гуманистского стандарта быть человеческим существом, личностью. Эта радикальная внутренняя незрелость ведет к молодежной преступности, преступности взрослых, высокому уровню разводов и незаконнорожденных.[75]

Как мы уже показали, это самоуверенность человека как человек, *разрушает все стандарты, кроме этого о человечности*. Поэтому, когда молодые студенты посетили Советский союз, они не успели увидеть существенную природу этого порядка, потому что не имели никакого критерия для суждения, кроме гуманизма. Они заключили:

Люди как люди, не имеет значения какую сторону Железного занавеса они зовут своим домом. Этим по крайней мере кажется было открытие, сделанное группой из 16 студентов университета в Вaley и их преподавателей-лидеров после возвращения из шестинедельной исследовательской экскурсии по Советскому союзу.[76]

Это “открытие” могло быть сделано и без поездки в Советский союз! Однако, когда единственный стандарт человек, тогда если другие оказываются тоже люди, друзья – члены человечества, тогда совместное существование моральная необходимость. Нет никакой мысли о моральном характере людей, потому что никакой закон вне человека не признается. Например, один важный выпуск журнала *Liberation* наносит удары направо и налево против всех “незаконных властей,” т.е. всякой концепции о трансцендентальном законе. Совсем правильно, авторы видят как враг каждую концепцию о законе, за которой скрывается в засаде Бог. Неморальной для них является “дегуманизация,” вся и все, которое ограничивает человека. Так как согласно этой гуманистской концепции каждый человек сам себе суверен и закон, Пол Гудман задает вопрос “Может быть ‘суверенность’ и ‘закон’ в каком-то американском смысле уже демодированные концепции?”[77] Этот анархизм зашел так далеко, что “один американский военный суд постановил, что добросовестное возражение является действительной защитой по обвинению в отсутствии без разрешения.” В случае реч шла о том, который заряжал топливом реактивных самолетов и который “отсутствовал от своего поста без разрешения 41 день.”[78] Этот анархизм черта и старых и молодых: молодые только продвигают анархизм своих дней на шаг дальше. Примером об абсурдном анархизме родителей может служить случай с женщиной, определенной от своего супруга в течении шести лет, которая все еще хотела праздновать серебряную свадьбу большой вечеринкой.[79]

Этот анархизм разъедает семью и ее авторитет во всех возрастах. Он разжалует отца до чего-то несущественного, и дает матери невыносимую нагрузку, быть семьей для детей. Охват этого исчезновения отца и личного сложения его полномочий легко иллюстрировать. Пока когда-то при разводе отец обычно принимал на себя опеку детей, как источник авторитета в семье, сегодня только шесть штатов: Аляска, Джорджия, Луизиана, Северная Каролина, Оклахома и Техас, “продолжают объявлять отца предпочитанным естественным защитником.”[80] Даже дальше идет Израильский закон, который отказывает еврейскую национальность каждому, чья мать не еврейка, потому что по этому закону дети определяются по матери, а не по отцу.[81]

Все это *эрозия*, и она совсем реальная. Но существует также и правовой *шторм*. Из внутри церкви происходит требование о “подлинном плюрализме сексуального поведения,” который, говорят нам, “будет осуществляться в двух главных областях.” *Первая*, произойдет “растание концепции, что сексуальность и брак ненарушимо и исключительно связанные один с другим.”[82] *Вторая*, произойдет

постепенное общественное принятие, если не узаконение бигамии (или полигамии) и полиандрии. В следующие одно или две десятилетия такая бигамия будет похожа самое вероятно старой модели одиноких тет, живущих вместе с семьей. Общественное принятие “бигамии обычного права” может чудесно стать единственным путем, чтобы начать необходимые перемены. Психологи, занимающиеся психическим здоровьем более старых людей рекомендовали узаконение бигамии для лиц выше шестидесяти лет. Церковь, конечно, пока что молчит. У нее нет реальных планов для пожилых, ни для недобровольно одиноких. Будем надеяться, что не будем ждать слишком долго, пока она хотя бы рассмотрит достоинства полигамии (и полиандрии) для удовлетворения нужд миллионов людей, которым нельзя предложить другую надежду.[83]

Однако это очень слабое, в сравнении с мнением шведского доктора, который хочет не только равные законные права, но и специальных правовых субсидий для тех, кто практикует кровосмешение, эксгибиционизм, педофилию, салироманию, алголагнию, гомосексуализм, екопофилию и других сексуальных отклонений.[84] Система Улерстама враждебная христианскому правовому порядку и жестоко поранила бы христианского брачного закона.

Вне этих теоретических предложений, правовые поступки уже достаточно серьезные. В стране за страной есть сдвиги к узаконению гомосексуальных связей; законы против гомосексуализма широко отменяются, так что существует молчаливое законное признание. Другим перверзиям тоже позволено существовать без преследования судебным порядком. Законные защиты семьи все более отпадают, так что снова общество находится под угрозой анархии антисемейного государства и его узаконенного беззакония. Во имя равных прав женщины раздеты от защиты семьи и им не дается никакого другого места, кроме перверзной конкуренции на сексуальном рынке, на котором все более скандалы, перверзии, отклонения и агрессивность заказывают музыку.

Женщины, выигрывают от равных прав, это только эти, которые категорически враждебные христианскому закону.

Закон надо припомнить, это война против того, которое определяется как зло, и защита того, которое считается добрым. В развивающейся правовой структуре гуманизма война безоговорочно ведется против родителей и семьи как зло, а защита простирается над извращенными и правонарушителями, так как принимается что их “права” нуждаются в защите.[\[85\]](#)

8. Святая семья

Не случайно, что Иисус Христос, второе лицо Троицы, тоже был членом человеческой семьи. Воплощение было реальностью, и основным для этой реальности было рождение Иисуса в еврейской семье и как наследник царственной линии. Христос родился в выполнении пророчества и по условиям законов, основных для семьи.

Некоторые аспекты этого факта явствуют непосредственно. *Первое*, Иисус Христос родился как наследник трона Давида и в выполнении обещания, касающего будущего значения этого трона. В II Цар. 7:12 Бог объявляет Давиду, “Когда же исполнятся дни твои и ты почишь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твоё, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его.” Это обещание чувствуется в Псалме 88 и Псалме 131. Это царство Мессии или Христа “Его царство” (II Цар. 7:12) и определяется по Его условиям.

Второе, царство Христово это восстановление авторитета, закона и порядка. Как обещано в Исаие верующему, “И опять буду поставлять тебе судей, как прежде, и советников, как в начале; тогда будут говорить о тебе и город правды, столица верная” (Ис. 1:26). Так как судьи или власти установились на Синае, или как результат Синае, так и закон Божий установится снова как результат нового Синае, Голготы, более великим Моисеем, Иисусом Христом. Согласно этому, о Мессии говорится как о том, в ком и под кем закон и порядок приведутся в исполнении. Он “Чудный Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве Его, чтобы Ему утвердит его и укрепит его судом и правдою отныне и до века” (Ис. 9:6,7). Нам рассказывают тоже об этой отрасли рода Иисеева, которая “будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине, и жезлом усы Своих поразит землю” (Ис. 11:4). Он приходит, чтобы принести правду и “чтобы убить нечестивого” (Ис. 11:4), восстановить рай, так что, фигуративно говоря, “волк будет жить вместе с ягнёнком” (Ис. 11:6,9), а земля восстановится для большего плодородия и благословения: “Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, и расцветет как нарцисс” (Ис. 35:1).[\[86\]](#)

Третье, царство Христа не ограничивается, как Давидово Ханааном: оно охватывает землю. Христос говорит Своим ученикам: “Блаженные кроткие, ибо они наследуют землю” (Матл 5:5). Святой Павел говорил: “Ибо не законом даровано Аврааму, или семени его, обетование – быть наследником мира, по праведности веры” (Рим. 4:13). Эта важная декларация означает, согласно Ходжу:

Наследник мира в Святом писании часто означает *верный владлец* (Евр. 1:2; 6:17; 11:7 и т.д.). Это использование терминов вероятно возникает из факта, что среди евреев владение по наследству было куда более надежное и неизменное, чем полученное покупкой. Обещание было не к Аврааму, ни к его семени,... т.е. ни одному, ни другому. Оба были включены в обещание. И *своим семенем*, не здесь, как в Гал. 3:16, означает Христос, но и его духовные чада.[\[87\]](#)

Вторая половина стиха, как указывает Мурей, дискутируя Рим. 4:13 в связи с 4:16,17, выясняет значение закона и веры в отношении наследников. Настоящие наследники, которые через веру:

И эти стихи тоже устанавливают значение, как будучи не естественные потомки Авраама, а все, обрезанные и необрезанные, которые “от веры Авраама.” “Обещание” следовательно дано всем, которые верят, а все которые верят, Авраамово семя.[\[88\]](#)

Настоящие наследники Авраама определяются не кровью или по закону, это те, которые разделяют веру Авраама. Они получают свое наследство от Царя, Иисуса Христа. “Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники” (Гал. 3:29).[\[89\]](#)

Некоторые пытаются отречь царство Христово на земле, цитируя Иоан. 18:36: “Царство Мое не от мира сего...” Немного стихов интерпретировались более неправильно. Как отмечал Весткот, “ведь он прокламировал суверенитет, суверенитет, чьей ключ и источник были не на земле, а на небесах.”[\[90\]](#) Царство Мое не от мира сего” – означает, что “оно не извлекает свой происход или свою поддержку от земных источников.”[\[91\]](#) Другими словами, царство Христово не происходит от этого мира, потому что оно от Бога *инад* миром.

Четвертое, Христос своим девственным рождением был новым сотворением, новым Адамом: подобно Адаму он был чудом, сотворенным прямо Богом, но в отличии от Адама, который не имел никакой связи с более ранним человечеством, Христос был связанным со старым человечеством через свое рождение от Марии. Святой Лука цитирует обоих, Адама и Иисуса, как “Сын Божий” (Лук. 1:34,35; 3:38). Христос следовательно “второй человек” или “последний Адам” (I Кор. 15:45-47), первоисточник нового человечества. Своим рождением от Бога и от Девы Марии, Иисус Христос голова новой расы, как новый Адам, чтобы дать земли новое семя, которую вытеснить старую Адамову расу.[\[92\]](#) Первый Адам был соблазнен в рае и пропал. Новый Адам искушали в Адамовой пустыне, и он начал восстановление рая: Он “... был со зверями и Ангелы служили Ему (Мар. 1:13). Общность была восстановлена “вторым человеком” с ангелами небесными и земными животными. Как настоящий Адам он упражнял владычество (Быт. 1:28), а как Владетель земли он объявил Свой закон на горе, подтверждая закон, который он дал заранее через Моисея (Мат. 5:1-7; 29). В древнем мире цар был законодателем, а законодатель был таким образом или царем, или агентом царя, как в случае Моисея. Иисус, декларируя в Проповеди на Горе “Я говорю вам,” объявил себя Царем, и Своим Великим Предписанием, ясно показал, что Его царство над всей земле (Мат. 28:18-19).[\[93\]](#)

Пятое, Иисус Христос, как Царь земли, имеет *право владычества*. Это значит, что он атакует и свергает всех этих, которые отрицают Его владычество. Как объявил Бог, “Низложу, низложу, низложу, - и его не будет, доколе не придет Тот, кому принадлежит он, и Я дам Ему” (Иез. 21:27). Это низложение Его врагов продолжается и сегодня (Евр. 12:25-29).

Шестое, Иисус Христос *родился под законом и в законе, чтобы выполнить закон*. Это выполнение он начал со своего рождения, своим членством в Святой семье, где как послушный сын он соблюдал пятую заповедь во все Свои дни. Как законный наследник царского трона Он выразил претензию к данному Богом обещанию, а как законный царь земли Он осуществляет процесс лишения от владения всех ложных наследников и всех врагов, узурпировавших Его владение.

Седьмое, Иисус Христос повиновался семейному закону. Как послушный сын он позаботился о своей матери с креста. Он дал Иоанна Марии как ее нового сына, чтобы он заботился о ней. Однако новый “сын”, которого Христос дал Марии, был в смысле семьи по вере (Иоан. 19:25-27), так что Христос показал, что настоящее наследование (потому что наследник наследует ответственность) происходит *через веру* больше, чем через кровь. Этот принцип он объявил раньше в отношении к своей матери и к своим братьям. Когда их сомнения привели их в боязнь относительно Его призвания, Он объявил, что Его настоящая семья “те, кто исполнит волю Моего Отца” (Мат. 12:50). Таким образом Он не отделял себя от Своей ответственности к Своей матери, и забота о ней занимала Его в смертный час. В Святой семье, следовательно, библейский закон о семье ясно иллюстрирован примерами. Специально Своим *наследием* Иисус Христос демонстрировал ответственность наследника. Как наследник семьи Он исполнил Свои семейные ответственности; как наследник трона Он исполнил Свои царские обязанности; как наследник расового покрова как второй Адам, Он исполнил Свои обязанности к расе. Таким образом Он показал, что *наследство это ответственность*.

9. Ограничение человеческой власти

Проблема о власти основная для каждого и для любого общества. Если его доктрине о власти разрушительная, общество крушится, или поддерживается только тотальным террором. Стало банальным со стороны ученых избегать факт, что власть это религиозная материя; бог или крайняя власть каждой системы это и власть и законодатель этой системы.

Айверах, рядом с гуманистским уклонением от природы власти, начинал свой анализ заявляя что “Слово ‘власть,’ как оно используется в обычном языке, всегда подразумевает известную дозу насилия. Самое обычное значение это что власть должна приводить к повиновению силой.”^[94] Это определенно верно, насколько так и происходит, но оно ложное из-за неправильного направления удара. Это все равно определять человека как существо, которое в большой степени без волос, имеет большой палец и ходит в вертикальном положении; технически это определение правильно; практически оно не говорит нам ничего, и избегает центральных факты относительно человека. Айверах признает это ограничение, и поэтому он шаг за шагом приводит аргументы, что “Всякая власть таким образом является крайней Божественной властью. Это верно, независимо с какой точки зрения мы смотрим на мир: с теистической или с пантеистической.”^[95] Если отправной пункт для всякой власти религиозный, тогда и отправной пункт для всякой дискуссии о власти тоже должен быть религиозным. Бог не крайнее звено власти, а альфа и омега всякой власти.

Вся власть по существу религиозная власть; природа власти зависит от природы религии. Если религия библейская, тогда власть по всем пунктам непосредственная или посредственная власть триединого Бога. Если религия гуманистская, тогда власть везде несомненно и безоговорочно это независимое сознание человека. Люди или повинуются власти на религиозной основе, или они не повинуются ей на религиозной основе. Адам и Ева были не менее религиозные в своем неповиновении, чем в своем повиновении. Когда они приняли, что человек независим и имеет свободу определять чем должен быть закон, они приняли моральное и религиозное решение, и они действовали в повиновении своим новым религиозным предпосылкам. Неповиновение существующей власти означает, что имеется ввиду новая власть! Неуважение или неповиновение это открытое религиозное неподчинение данной власти; это отрицание этой власти во имя другой. Когда ребенок открыто не подчиняется своему родителю, говоря “Я не желаю, и не буду делать это,” он замещает родительскую и религиозную власть своим собственным желанием; он противопоставляет свое собственное требование о самостоятельности и моральной независимости против претензии Бога в его слове и своих родителей в их лице. Если ребенок повинует только от страха, это все еще религиозное повиновение, для которого власть, или наказание есть религиозная движущая сила в его жизни. Религии меняются, но факт, что власть религиозная, остается неизменным.

Власть это законная сила; она владычество и юрисдикция. Люди отзываются на признанную власть; они негодуют, подчиняясь властям, которые они не признают как такие. Главные священники и старейшины народа задали правильный вопрос Иисусу, хотя и по грешным причинам, будучи несклонными допустить, что это была их собственная доктрина о власти. Но вопрос остается: “Какою властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть?” (Мат. 21:23). Они уже видели чем была Его объявленная власть и заметили: “ты, будучи человек, делаешь Себя Богом” (Иоан. 10:33). Иисус основывал Свою власть на Своего Отца, и на Себя, как воплощенный Бог.

Без действительной доктрины о власти не устоять никакому порядку. Обращаться к чувствам или благодарности тщетно: или религиозная доктрина о власти обвязывает человека, или он не обвязан, кроме к своему удовольствию или удобству, которые вовсе к ничему не обвязывают. Обернемся опять к египетской моральной инструкции, дать пример об этом, как свидетельствуют “Инструкции” отца к сыну:

Удвой пищу, которую ты даешь своей матери, заботясь о ней как она заботилась о тебе. Она носила тяжелый груз в твоём лице, но она не оставляла его мне. После того как ты родился, она еще долго была загружена с тобой; ее грудь была в твои уста три года, и хотя твоя нечистота была отвратительной, сердце ее не отвратилось. Когда ты возьмешь себе жену, помни как твоя мать родила тебя и вырастила тебя тоже; не оставляй чтоб твоя жена порицала тебя, ни причиняй, чтоб она протягивала свои руки к богу.

Рассмотрим тоже слова Птахотепа из Четвертой династии:

Если ты мужчина на месте, ты должен найти домохозяйство и любить твою жену дома как положено. Наполняй ее живот и облачай ее спину; мазь предписывается для ее тела. Делай ее сердце довольным, чтобы она была плодоносным полем для своего хозяина.^[96]

Эти слова красивые и трогательные, а моральное чувство похвальное, но тщетное. Это призыв к чувству, а не к моральному закону. Здесь нет никакой абсолютной религиозной и моральной власти, поддерживающей семью и защищающей мать и жену, ни есть гражданская власть, чтобы проводить в жизнь этот религиозный закон: благополучие матери и жены оставленные на удовольствие индивида, и поэтому призыв тщетная попытка сыграть на сердечных струнах: это призыв без авторитета.

Если доктрина о власти включает в себе противоречия, тогда она наверно пропадет, так как различные усилия воюют одно против другого. Это постоянная роль различных кризисов Западной цивилизации. Из-за того, что библейская доктрина о власти была компрометирована греческо-римским гуманизмом, натяжения власти были острыми и горькими. Как писал Кларк о власти в Соединенных штатах:

Это доктрина обоих законов, Мойсеев и христианский, что правители божественно определяются и извлекают свою власть от Бога. В Ветхом завете утверждается, что сила у Бога” (Пс. 61:12), что Бог “низлагает царей и поставляет царей” (Дан. 2:21) и что “Всевишний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет” (Дан. 4:22). Подобно этому в Новом завете постановляется, что “...нет власти не от Бога, существующие же власти Богом установлены” (Рим. 13:1).

В римском праве первоначально принималось, что власть императора давалась ему народом, но когда Рим стал христианским государством, его власть уже рассматривалась как происходящую от Бога. В Америке тоже Бог признавался как источник управления, хотя обычно считается, что в республиканских или демократических государствах “вся власть принадлежит народу.”^[97]

В ранней Америке, какой бы ни была *форма* гражданского управления, не было никаких сомнений, что вся законная власть происходит от Бога. Влияние классической традиции соживило власть народа, которая исторически одинаково совместима с монархией, олигархией, диктатурой или демократией, но не совместима с доктриной о Божьей власти. В результате в Америке власть Бога постепенно вытеснялась властью нового бога, народа. Когда Бог заклиняется, Он видится как кто-нибудь, который кланяется народу, как Бог, который страстно желает демократию.

Это в не меньшей степени верно и в других странах. Например в Англии королева Елизабет II в своем рождественском послании в 1968 году объявила: “Существенное послание Христа это еще что мы все принадлежим к великому братству человека. . . . Если мы и вправду верим, что братство человека ценное для будущего, тогда мы должны искать поддержку тех международных организаций, которые поощряют взаимопонимание между народами и нациями.”^[98] Христос, который пришел, чтобы разделить людей по Своим условиям, видится королевой как такой, который пришел объединить людей по условиям гуманности. Марксисты, у которых отсутствует это шизофреническая и гипокритическая позиция, способные действовать более энергично и систематически. Марксистская власть сильно гуманистская и проводится в жизнь через несмущаемый тотальный терор.

Согласно библейской доктрине о власти, потому что “существующие же власти Богом установлены” (Рим. 13:1), все власти: в доме, школе, государстве, церкви или в каждой другой сфере, подчиняются власти Бога, находятся под Богом и подчиняются Его слову. Это значит, *первое*, что каждое повиновение подчиняется первичному повиновению Богу и Его слову, потому что “должно повиноваться больше Богу, нежели человеку” (Деян. 5:29; ср. 4:19). Хотя гражданское повиновение специально заповедано (Мат. 23:2,3; Рим. 13:1-5; Тит. 3:1; Евр. 13:7,17; I Пет. 2:13-16; Мат. 22:21; Мар. 12:17; Лук. 20:25 и т.д.), одинаково видно, что первичное повиновение Богу должно преобладать. Так например апостолам было заповедано их Царем прокламировать евангелие и они конечно отказали обвязаться молчанием перед законными властями (Деян. 4:18; 5:29; ср. I Ман. 2:22).

Второе, всякая власть на земле, будучи под Богом, а не сам Бог, по природе и по необходимости ограниченная власть. Эта ограниченная природа каждой подчиненной власти остро подчеркивается во множество законов, среди которых интересней такой это Втор. 25:1-3:

Если будет тяжба между людьми, то пусть приведут их в суд и рассудят их: правого пусть оправдают, а виновного осудят. И если виновный достоин будет побоев, то судья пусть прикажет положить его и бить при себе, смотря по вине его, по счету. Сорок ударов можно дать ему, а не более, чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен пред глазами твоими.

Райт отмечает о последней фразе:

Выглядел гнусный (KJV) не коректно; см. RSV. На древнееврейском буквально “не был сделан ничтожным.” Дать человеку наказание, должное ему за его преступление, не значило унижить его как собрата израильянина, а бить его беспорядочно перед публикой значило относиться к нему как к животному, а не с уважением, должном собрату и человеческому существу.^[99]

Этот пункт важный. Так как во времена повиновения библейский закон не позволял классу профессиональных и неисправимых преступников развиваться, “плохой человек” был не испорченным преступником, а грешный гражданин и ближний. Он подчинялся осуждению и возвращался в общность; он не гнусный, или униженный, сделанный ничтожным через наказание, в глазах общности или властей. Действительно впоследствии, Согласно Валлеру, наказание “выполнялось в синагоге, а тем временем читался закон из Втор. 28:58,59; с одним или двумя другими пассажирами.”^[100] Чтение Втор. 28:58,59 важное: цель осуждения человека объявлялась таким образом, чтобы исполнить Божие требование и избежать Божие осуждение, потому что “Если не будешь стараться исполнять все слова закона сего... то Господь поразит тебя... необычными язвами” (или злыми).

Это наводит над фокус значительный аспект о *намерении закона*. Требуя смертную казнь для неисправимых преступников, закон *устранял* врагов набожного общества, *оночищал* их из общества. Это *убивающая* сторона закона. С другой стороны, взыскивая *возмещение* от других значительных нарушителей, и *телесное наказание* (бичевание) незначительных нарушителей, закон работал на восстановление человека для общества, *чистить и исцелять*. Человек, который отдал возмещение или вытерпел бичевание, заплатил свой долг к пострадавшему лицу и к обществу, и восстанавливался в гражданстве. Чтение Втор. 28:58,59 имело ввиду избежать Божьего уничтожающего осуждения применением Божьего исцеляющего осуждения.

Хотя закон и стремится исцелять не убивая, он убивает. Хирург должен удалить безнадежно больной орган, чтобы спасти тело, излечить его от инфекции. Но легко инфицированный палец не удаляется; он очищается от инфекции с целью поддерживать его как функционирующую часть тела. Убивая или вылечивая, власть гражданского управления строго руководится и ограничивается словом Бога.

Таким образом власть судей ограниченная: максимум сорок ударов кнутом, как бы не было расстояния между судьей и народом, как бы согрешивший гражданин приводился к судью, а не чтоб оба приводились к суду Бога Царя. Наказание всегда подчиняется закону Бога; нормальный приговор это возмещение; в *незначительных* случаях личных противоречий было телесное наказание, бичевание. Одно из нарушений, которые подлежали телесному наказанию, было это из Лев. 19:14: “Не злословь глухого и пред слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему; бойся Бога твоего, Я Господь.” Согласно Гинсбургу, “Термин глухой включает тоже и рассеянного, который поэтому не слышит.” Более того:

Согласно применению закона во время Второго храма, это запрещение было направлено против всего какого бы не было злословия. Потому что, говорили они, если запрещается злословить такого, который не может услышать, и которого следовательно это не может огорчить, насколько сильнее надо запретить злословить того, кто слышит это, и который гневится и огорчается. *И пред слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему*. Во Втор. 27:18 проклинаются те, которые сбывают с пути слепых. Помочь тем, которые пострадали таким образом, всегда считалось похвальным действием. Поэтому среди добрых услуг, которых Йов оказывал своим ближним, он ставит “Я был глазами слепого и ногами хромого” (Йов. 29:15). Согласно интерпретаций со времени Христа, это надо понимать фигуративно. Оно запрещает обман незнающего, и заблуждение тех, которые ищут совет, что привело бы их к провалу. Подобная чуткость к слабому предписывается апостолом: “не подавать брату случая к преткновению и соблазну (Рим. 14:13).^[101]

Третье, закон утверждает *превосходство письменного закона-слова Бога*. Человеческая власть под Богом и ограниченная. Люди не имеют права интерпретировать волю Божью в смысле их потребностей и желаний; для человека воля Божья объявленная в Его законе-слове. Форма гражданского порядка может изменяться: это может быть общность, управляемая судьями или правителями (Втор. 17:8-13), или монархия (Втор. 17:14-20), но превосходство Божьего закона и власти остается. Единственная власть во все сферы управления, дома, церкви, государства, школы и других, это письменное слово Бога (Втор. 17:9-11). Этот закон-слово должен применяться к различным условиям человека и к разнообразным социальным контекстам. “*Письменное слово оковы, которые обязывают*. Ни различные отношения между исполнительной и законодательной властями меняют принцип.”^[102] Человека, который отказывал признать власть Божьего закона-слова обязывающими для себя, когда произносился приговор, убивали, “чтобы истребить зло от Израиля” или *очистить* его от земли (Втор. 17:12,13).

Если правит царь, то он должен быть (а) кто-нибудь заветного народа, т.е. человек веры, так как соглашение взыскивает веру; (b) он должен не “умножать себе коней,” т.е. инструментов агрессивной, а не оборонительной войны, ни “умножать себе жен” (полигамия), и ни “серебра и золота не умножал себе чрезмерно,” потому что его целью должно быть процветание народа под Богом, а не его собственное богатство; богатое государство означает бедный народ; (c) царь должен иметь, читать и изучать закон-слово Бога “во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии”; и (d) цель его учения не только укреплять Божье правовое порядка, но также “Чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его,” так как он поданный Богу как все, и чтоб он мог управлять в повиновении Богу все свои дни (Втор. 17:14-20). Иисус Христос, как настоящий Царь, пришел исполнить Божий закон-слово и установить Владычество Божие: “Вот, иду; в свитке книжном написано о мне: Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце” (Пс. 39:8,9; Евр. 10:7,9). Согласно Райту, писавши о Втор. 17:14-20., “Невозможно вообразить такое писание в другой нации древнего Ближнего Востока. Царствование было подчиненное божественному закону, как были и все другие службы нации.”^[103] Но в библейском законе царь, судья, священник, отец, и народ, все под письменным законом-словом Бога, и *чем выше положение, тем более важное повиновение*.

Следовательно, *четвертое*, как уже выяснили, личные капризы не могут взять верх над Божьим законом, даже когда речь идет о нашей собственности. Законный и праведный наследник не может быть отвергнут в пользу другого сына просто из-за того, что отец любит второго сына. Это специально к случаю с полигамным браком, где перворожденный мог бы быть сыном ненавистной жены (Втор. 21:15-17). Во *всяком* случае, отец несвободен использовать личные и нерелигиозные причины как критерий наследия. Божий закон должен преобладать. Единственные законные основания о наследии религиозные.

Поэтому мы должны заключить, что *власть не только религиозная концепция, но также и всеобщая такая*. Она подразумевает признание Божьего абсолютного правового порядка во всех мгновениях нашей жизни. Исходный пункт этого признания это семья: “Почитай отца твоего и мать твою.” Из этой заповеди, с ее взысканиями о подчинении и повиновении детей власти их родителей под Богом, идет основное и главное обучение в религиозной власти. Если отрицается власть дома, это значит что человек в революции против здания и структуры жизни, и против самой жизни. Поэтому повиновение содержит обещание жизни.

VI ШЕСТАЯ ЗАПОВЕДЬ

1. “Не убивай”

Шестая заповедь, вместе с восьмой, является самой короткой из всех десяти (Исх. 20:13; Втор. 5:17). Она появляется как в Исходе, так и во Второзаконии, без изменений.

Ее самый элементарный смысл ясно выражен Калвином:

Суть этой заповеди, что нельзя несправедливо совершать насилие над никем. В этом порядке, однако, так как Бог может наилучшим образом воздержат нас от всякого причинения вреда другим, Он подчеркивает ту особую его форму, от который естественный человеческий разум отвращается; поскольку мы ненавидим убийство, мы должны отвернуться от тех, чьи руки запачканы кровью, будто они несут заразу с собой.^[1]

Надо отметить, что Калвин цитирует *несправедливое* насилие как запрещенное законом; смертное наказание, справедливая война, самозащита и другие подобные действия не запрещаются. Калвин добавляет, начиная свое исследование деталей вторичного законодательства: “Однако дальше выяснится лучше, что под словом убивать включается *посинекдохе* всякое насилие, мучение и агрессия.”^[2]

Калвин указывает дальше, в одном отрывке, имеющем силу сегодня больше чем когда бы не было:

Между прочим, надо помнить и другой принцип, этот негативного предписания, потому что, как говорят, надо понимать и противоположное утверждение; ведь никоим образом нельзя согласиться, что кто-то удовлетворит закон Божий простым воздержанием причинять вред другим. Предположим например, что кто-нибудь с трусливым характером и неосмеляющийся напасть даже на ребенка, который и пальцем не тронет своего ближнего, причиняя ему вред, будем ли считать такого человека освобожденным от обязанностей человечности в смысле шестой заповеди? Нет, даже больше, естественный здравый смысл требует больше, чем воздержания делать зла. И нечего говорить об этом дальше; полностью видно из обобщения второй скрижали, что Бог не только запрещает нам быть убийцами, но также предписывает, чтоб каждый учился набожно защищать жизнь своего ближнего, и практически показывать, что она дорога ему; потому что в этом обобщении не используются чисто негативные фразы, а слова выразительно показывают, что надо любить наших ближних. Бесспорно тогда, что Бог поверяет нашим заботам жизни тех, которых Он приказал нам любить. Следовательно, есть две части Заповеди – *первая*, что мы должны не раздражать, или угнетать никого, или быть в вражде ни с кем; и *вторая*, что мы должны не только жить в мире с людьми, не начиная ссоры, но должны также помогать, насколько мы можем, несчастным, которые несправедливо угнетены, и должны стараться противостоят плохим, чтобы они не вредили людям как им нравится.^[3]

Иисус в своем обобщении закона, объявляет, что “две таблицы” закона суммируются в любовь к Богу и любовь к ближнему (Мат. 22:36-40). “На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки” (Мат. 22:40). Собственное значение закона включает как негативное пресписание, так и позитивное утверждение. Ограничивать повиновение или проверять характер только негативным фактором опасно. Это слишком часто ведет к уверенности, что добрый человек тот, который Калвин выбирает для своего некрасивого примера: трус, который не осмелится “напасть даже на ребенка, но который неспособен ни к какому исполнению своих обязанностей. Очень часто церковь приравнивает этих трусов с праведными людьми и поощряет трусливых хныкающих, чьи оружия это злословие и клевета против позиции власти.

Однако все люди имеют, как отмечает Калвин, “обязанности к человечеству, что касается Шестой заповеди.” Если они не стремятся предотвратить оскорбление, нападение или убийство, они сами частично виновные в совершенном преступлении. В многих моментов нежелание свидетелей вмешиваться в случаи нападения или убийства может означать незапутывание на земле, но страшное запутывание и виновность перед Богом.

И так, здесь появляется фундаментальный принцип, который действовал в Израиле, в позднем христианском правовом порядке, и который стал частью американской правовой традиции, а именно *полицейская способность каждого гражданина*. Закон требует две вещи от каждого человека: *повиновение и проведение закона в жизнь*. Повиноваться закону означает на самом деле проводить его в своей собственной жизни и в своей общности. Божий закон не частная проблема; это не чтобы мы повиновались лично, потому что нам нравится это, между прочим оставляя других людей следовать каким бы ни законом они выбирают. Закон действительный для нас, потому что он действительный для всех. Повиноваться ему значит принимать универсальный порядок как обязывающий для нас и для всех людей. Поэтому повиновение требует, чтобы мы стремились к тотальному проведению закона. Это следовательно *первый* важный принцип, который появляется в этом законе.

Однако, *второе*, как видно из выступления Калвина, и из обобщения закона нашим Господом, эта заповедь “Не убивай” более чем чисто политическая по своему значению. Она относится к чему-то гораздо большему, чем случаи нападения и убийства, которые уголовные преступления и подлежат суду гражданских властей. Полицейская способность и обязанность личности предполагает общую защиту праведного порядка. Закон и порядок, это ответственность всех добрых людей без исключения. Оскорбление наших близких людей, или наших врагов, которые не подлежат гражданскому или уголовному преследованию, тоже наша ответственность. Наша полицейская способность включает действия против злословия и клеветы. Она тоже требует, чтобы мы, от любви к нашему ближнему, следили за его собственностью, как и за его репутацию, чтобы избежать увреждения их. Это конечно не менее верно о его семье, браке и его жене. Но наша полицейская способность и запрещение убийства требует, чтобы мы использовали землю и ее естественные ресурсы всецело подчиняясь слову Божью и под Его законом. Таким образом только часть упражнения человеческой полицейской способности политическая.

Третье, закон делает совершенно ясным, что смертная казнь, смертное наказание, часть этого закона, так что он не считает убийством отнять жизнь по Божьим условиям и под Его законом. Жизнь создается Богом и может быть атакованной или отнятой только по Божьим условиям. Условия жизни установленные Богом. Бог,

дающий всю жизнь, устанавливает законы для всей жизни, и для всего другого тоже. Отсюда каждый аспект этого закона это религиозная обязанность. Это значит, что человек должен не только избежать совершить убийство, и искать спасение для убийцы, а он должен тоже требовать за убийство смертная казнь.

Четвертое, так как защита и выращивание человеческой жизни под Богом позитивное утверждение шестой заповеди, становится ясным почему в библейской традиции, как в Израиле, так и в Западной цивилизации, медицина тесно связывается с религией. Турнир утверждал что “В самой сущности своего призвания доктор защитник слабого.”[4] Это странная и извращенная интерпретация, модная в своем понимании больного и слабого, и в своей ориентации к слабому. Доктор не заботится о слабом в противопоставлении сильному, а лечить обоих как надо или как это требуется. Функция доктора поддерживать лечение, и защищать и подкреплять человеческую жизнь под Богом. Это защитная функция дала медицине консервативную ориентацию, и поэтому одна из функций социализирования медицины была атака против нее из-за ее консервативного наследия, которое сейчас быстро теряется. Попытки механистичного и материалистского медицинского подхода работают на разъединении связи между медициной и библейской верой. С другой стороны психосоматическая медицина, вопреки своим многим материалистским направлениям, работает чтобы снова дать пространство для возвращения к библейскому значению, так как у нее обновленный интерес к набожному использованию почвы и чистом выращивании пищевых продуктов.

Пятое, хотя этой заповедью взыскивается уважение к жизни, ее нельзя перепутывать с антибиблейским принципом Альберта Швайцера, благоговение перед жизнью. Не благоговение перед жизнью, а благоговение перед Богом и Его законом-словом основное для этой и для всех других заповедей. Как отмечает Инграм: “Вся праведность по отношению к Богу основывается на строгое, бескомпромиссное соблюдение Первой заповеди ‘Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим’. Поэтому ставить кого-то или что-то перед Богом, это против закона.”[5] Жизнь нельзя ставить перед Богом, ни нашу жизнь, ни жизнь других людей. Видеть смерть как крайнее зло следовательно морально неправильно. Скорее всего смерть последствие реального зла, греха. Это грех, который привел смерть в этом мир, и с грехом, а не со смертью, должен считаться человек.

Шестое, мы видели, что эта заповедь имеет политическое, социальное и религиозное значение; на самом деле каждое ее значение религиозное. Но надо добавить, что чисто личный аспект тоже не маловажный. Адам Кларк указывает это. Опираясь на генеральный принцип, Кларк писал:

Бог источник и автор *жизни* – никакая тварь не может дать жизнь другой: архангел не может дать жизнь ангелу – ангел не может дать жизнь человеку – человек не может дать жизнь даже самой маленькой животной твари. Так как сам Бог дает жизнь, Он один имеет право отнимать ее: и тот, кто без позволения Бога отнимает жизнь, он на самом деле и *убийца*. Эта заповедь, которая генеральная, запрещает убийство любого вида.[6]

Потом Кларк цитирует десять форм убийства, из которых нас здесь интересуют четыре:

6. Все, которые неумеренным и суеврным постом, терзанием тела, и сознательным пренебрежением к здоровью, разрушают или сокращают жизнь, они *убийцы*; - что бы ни говорили о них ложные религии и несведущие суевренные священники. Бог не принимает *убийство за жертвоприношение*.

8. Все, которые ставят конец их собственных жизней при помощи пеньковой веревки, меча, пистолета, яда, утопления и т.д., они *убийцы* - что бы ни говорили о них следователи, ведущие дознание; за исключением случаев, когда доказано твердо, что покойный был *радикально сумасшедшим*.

9. Все, которые отдаются *пирам и излишествам, пьянству и обжорству, экстравагантным удовольствиям, безделью и ленности*, вкратце и в *общем* все, которые охваченные *бесполезными, неумеренными и беспорядочными страстями*, через которые жизнь истощается и сокращается, они *убийцы*; потому что наш благословенный Господь, который дал нам новую редакцию этой заповеди (Мат. 19:18), говорит об этом так: *Не убивай*, - никакого вида или формы убийства, а все указанные выше *прямые или косвенные убийства*; и Его любимый ученик уверяет нас, что *никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей* (I Иоан. 3:15).

10. Человек, который *полны свирепостью и бешеными страстями*; который не может владеть своим собственным характером, может в данный момент разрушить жизнь даже своему *приятелю*, или своей *жене*, или своего *ребенка*. Все такие пропавшие и жестокие люди *убийцы*; они всегда несут с собой склонность к убийству и не молятся Богу подавить и уничтожить ее.[7]

Чисто личное нарушение этого закона подразумевает каждое и любое нарушение нашего тела, которые разрушительно для здоровья и нарушают Божью волю для нас. Это тоже значит, что душевные нравы, которые разрушительные и самоубийственные, противоречат этому закону.

Личное применение включает маркировки, нарезы и татуировки тела, потому что тело надо использовать по Божьему закону, а все такие действия запрещаются законом, независимо о чем идет речь: о траурных или религиозных нарезов, декоративных или других (Лев. 19:28; 21:5). Татуировка практиковалась религиозно, чтобы показать, что кто-то поклонник или принадлежит какому-нибудь богу, она тоже показывала, что человек был рабом, что принадлежал данному хозяину или собственнику.[8] Верующий, как свободный человек во Христе, показывает Христово владычество повиновением, а не раболепной маркировкой: тело сохраняется святым и чистым в Господе. Сохранение знаков рабства среди людей показательное об извращении человека.

Седьмое, шестая заповедь, как и первая, связанная со всеми десятью заповедями. Когда закон объявляет “Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим” (Исх. 20:3), это в какой-то степени значит, что каждое нарушение любого закона предполагает, что мы ставим себя самых и нашу волю над Божьим словом, и поэтому это нарушение первой заповеди. Подобно этому, когда закон объявляет “Не убивай,” это значит, что каждое нарушение первой или второй “таблицы” закона предполагает разрушение нашей жизни по отношению к Богу. Мы проходим под смертной казнью и в процессе смерти через неповиновение. Однако, когда мы нарушаем пятую заповедь, мы несем тоже смерть семьи, как и если нарушаем седьмую – “Не прелюбодействуй” (Исх. 20:14). Не только семья, но и общество, атакуется и убивается нарушением этих и других заповедей. Восьмая заповедь, “Не кради” (Исх. 20:15), защищает собственность и таким образом защищает жизнь семьи, а также и социальный

порядок. Это не менее верно о запрещениях девятой и десятой заповедей против ложного свидетельства и алчности: люди и нации увреждаются и уничтожаются этими вещами.

Следовательно, служение одному Богу есть сущность закона; жить это служение Богу использованием жизни только по Божьим условиям. Закон тотальный, потому что Бог тотальный, абсолютный и всемогущий. Здоровье для человека целостность в смысле Божьего закона.

Более того, стремление и направление каждого человека – к целостности и тотальности в смысле фундаментальной предпосылки. Логика людей и наций такая, что они живут и действуют по своей вере. Как бы велика ни была социальная инерция, направление общества руководится и определено движется к выполнению фундаментальной предпосылки.

Человек родился в мире с тотальным значением; настолько тотальным, что все волосы на его голове подсчитанные; ни один воробей не пропадает без Божьего верховного намерения, и дикие цветы, чья продолжительность жизни короткая, и улетающая, они все еще остаются частью Божьего тотального управления, и имеют значение в смысле его (Мат. 6:26,30; 10:29-31; Лук. 12:6-7). Вся жизнь таким образом имеет направление в смысле Божьего творческого намерения. Даже когда человек грешит, он не может избежать это значение; в его грехе он подставляет другое направление и намерение на месте Божьего намерения, имитируя Божий творческий мандат.

Человек реагирует на веру, и человек хочет действовать по своей вере; “По плодам их узнаете их” (Мат. 7:16,20). Всякая фибра человеческой жизни зацепляется с этим значением и он желает поэтому действовать последовательно с большим и большим постоянством по условиям его веры. Современный человек, будучи гуманистом, последовательно выбрасывает свои остатки христианского закона и порядка в пользу своего гуманистического сердца и веры. Человек желает действовать по своей вере, не по своим бледнеющим чувствам о прошлом порядке, и сегодня даже “консерваторы” раскрывают свой основной гуманизм.

Так например некоторые либеральные экономисты, чей классический экономикс основывается на мире закона закона и порядка, который предполагает Бога теперь все более воспринимают каузу тотального релятивизма. Они требуют свободный рынок для всех вер и практик, потому что ничего не истинно, когда нет истины. Один великий враг “новым” либералам это библейская вера, так как она поддерживает одну абсолютную истину, и многие, которые имели опыт с этими релятивистскими либералами, могут свидетельствовать, что они объединят силы с каждым, включительно с марксистами, чтобы воевать против христианства. Люди будут действовать по своей вере, и существует неизбежное упрямство в человеке, потому что он был сотворенным в единном и тотальном мире значения и он не может жить, даже в грехе, ни в каком другом виде мира. “По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые” (Мат. 7:16-18). Есть процесс созревания, и есть болезни, которые время от времени заражают добрых деревьев, однако дерево остается верным своей природе, а человек поступает по условиям своей основной веры.

Так если ориентация человека к Богу и по Его верховной милости, тогда этот человек будет ориентирован к жизни и к повиновению закону-слову жизни. Но если предпосылки человека не библейские, если его основная вера гуманистская, тогда его ориентация будет к греху и смерти. Ужасаясь смерти, он будет интенсивно говорить о благоговении перед жизнью, но его природа поражает смерть. Заповедь “Не убивай” запрещает самоубийство, потому что мы не свои собственные, ни можем использовать или отнимать наши жизни по условиям нашего слова, а условия вне Бога и Его царство правды самоубийственные. Словами, сами собой возвышенно верные и приложимые только к негодьям, Оскар Уайлд в “Баладе о Реддингской темнице” писал, что “все люди убивают то, что любят.” Конечно все негодья делают так, и наверно точно так же все люди, поступая по своей вере, или убивают себя постепенно и убивают также свое общество, или, по Божьей милости и закону-слову, они и их общества идут к жизни, и это все более обильно приносит плоды.

2. Смертное наказание

Человек будет поступать согласно своей вере, и если его вера гуманистская, неизбежно его основной стандарт будет человек, а не закон Божий. Он будет глядеть на мир не как на Божие творение, а как на его собственное. Один теолог из школы Смерть Бога, Вильям Гамилтон, обратил внимание на факт, что человек не редко смотрит на звездное небо с чувством благоговения перед Богом. Взамен он цитирует свой опыт со своим сыном как показательный о новом отношении:

Прошлой ночью я был на заднем дворе с одним из моих детей, которому надо было определить несколько созвездий для своего научного домашнего задания. . . . Мой сын вполне гражданин современного мира, и сказал мне, после того как нашел место необходимых созвездий: “Которые из них мы поставили там, папа? Он стал технологическим человеком, а это значит что-то религиозное.”^[9]

Реакция мальчика ясная и логическая. Если Бог из Святого писания не существует, тогда человек сам себе Бог, и владетель и творец мира.

Более того, если человек сам себе бог, тогда человек и человеческая жизнь представляют наивысшую ценность. Самый большой грех тогда становится отнятие жизни. Соответственно, Артур Миллер, драматург, объявляет что “жизнь самый ценный дар Бога; никакой принцип, хотя и великолепный, не может оправдать отнятие ее.”^[10] Из такой веры следует, что худший вид греха это смертная казнь, намеренное отнятие жизни

государством. Это было именно то утверждение, которое высказал редактор НьюЙоркского *Хералд Трибюн*, 3 мая, 1960 года, в статье “Варварская форма наказания,” протестуя против экзекуции Карила Чесмана:

Чесман преуспел сделать из себя мировой символ борьбы против смертного наказания. . . .

Он может быть был или не был виновным, двенадцать лет тому назад, за грабеж и сексуальное нападение (названное похищением странным чудачеством калифорнийского закона). Суд нашел его виновным; до конца он настаивал на своей невиновности, и микроб сомнения, оставленный таким образом, будет продолжать покрывать туманами случай. Однако вероятно человек, Убитый вчера суверенным штатом Калифорния, не тот самый человек, которого штатский суд приговорил в начале.

. . . Калифорния приговорила молодого гангстера; она убила человека, который научил закон, и вероятно гражданство, трудный путь.

Закон должен внушать уважение к жизни, сам уважая святость жизни. Государство нельзя, как вчера сделала Калифорния, ставить себя в позиции блудного отца, поучающий своего своенравного сына: “Делай как тебе говорю, а не как я делаю.”

Смерть конец. Она не оставляет пространства для второго размышления, или для исправления ошибок, которые математическая вероятность в данной системе правосудия, основанной на допускающем погрешностей человеческом суждении. А типичная предумышленность, какую представляет судебное убийство, делает его более холодно порочное, чем преступление от страсти.

Сама концепция о смертной камере противоположная идеалам Западной цивилизации. [11]

В смысле такой веры самые порочные люди эти, которые за смертную казнь. Своим преступлением против человека, они совершают непростимый грех против гуманизма. С целью дать человеку превысокое положение, гуманист логически должен разрушить всякую концепцию о правосудии как реальный и объективный стандарт. Человек должен быть над законом, и значит над правосудием. Следовательно правосудие сводится к рационализации и организованной ненависти. Один социолог из Университета в Лайсестере писал о правосудии:

Но могло ли взамен это быть некоторым возможным видом трюка исторической тайны? Уже было подсказано, что наша идея о правосудии может быть рационализацией тому, что на душе наказательного поведения. Это не будет утверждение, что идея о правосудии фальшивая, а скорее что вместо того чтобы принимать ее за чистую монету, мы можем попробовать разобраться какие нужды она намерена удовлетворять. Она может выжить тогда как вид коллективной психологической защиты. Как доказательство о действительности наших идеалов, мы часто склонные относиться к чувству убежденности, которое мы и другие люди имеем о них. Большинство из нас наверно имеют сильные убеждения о правоте идеала правосудия. Но все это чувство убежденности действительно должно доказать свою уместность для нас: что при настоящем состоянии нашей эмоциональной экономики такое мнение должно исполнять для нас очень специальную и сильно необходимую роль. Но правосудие, рассматриванное в таком свете, не только рассеивание беспокойства в нас; оно положительный результат, через который эти напряжения могут быть разгружены конструктивным (как нам кажется) образом. Через идею о правосудии плохие вещи в нас преобразуются в что-то новое и стоящее. Все это, пока мы не посмотрим на этот результат более внимательно. Потому что над ее головой надо поставить известную фразу, и таким образом придать ей может быть больше действительности: правосудие более часто может “показно выглядеть, что оно совершилось,” чем совершится на самом деле. [12]

Судья Вильям О. Дуглас указал очевидный факт, что закон когда-то имел божественную санкцию и покоился на “Божьей воле.” Теперь однако суверенитет Бога заменяется “суверенитетом индивида.” В смысле этого для Дугласа борьба за гражданские свободы по необходимости враждебна старому порядку. Действительно, “Закон и порядок путеводная звезда тоталитарных, а не свободных людей.” [13] Для Дугласа “Революция следовательно основная для прав человека” [14] и это естественно так, если человек стоит над законом, а подчинение закону тирания. В “порядочном обществе” есть уважение к “суверенитету и чести” и усилия предостеречь их, как и “достоинство каждого и всякого индивида.” [15] В анархистском мире Дугласа какой закон мог бы обязать человека, стоявшего над законом? И какое государство может выжить, если свободные люди эти которые враждебные закону и порядку?

Ясно, что ведется религиозная война между гуманизмом и христианством, и в этой войне церковь, государство и школа почти полностью на стороне гуманизма и против христианства. Но история никогда не определялась численным превосходством, а всегда и только Богом.

Борьба ведется между Божьим абсолютным правосудием и Его правовым порядком, и человеческим незаконным самоутверждением и автономией. Божий правовой порядок взыскивает смертную казнь за капитальные преступления против этой сферы. Человеческий закон претендует, что ценит жизнь слишком высоко, чтобы отнимать ее, но гуманистские общества причиняют точно смерть этим, которых они считают своими врагами.

Смертное наказание появляется в начале Божьего соглашения с Ноем: “Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его. Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по подобию Божию” (Быт. 9:5,6). Не только каждый убийца, но и каждое животное, которое убьет человека, должно заплатить своей жизнью: Бог требует это от страны и в конечном счете вынесет приговор за несогласие. Ранд отмечает: “Обратно популярному мнению Библия не считает жизнь дешевой! Отнять жизнь дело серьезное и убийца должен поплатиться своей жизнью.” [16] По этой причине нельзя дать никакого выкупа или принести извинения за умышленное убийство (в отличие от случайного убийства), ни можно брать выкуп, потому что если сделать это, значит осквернить землю, где Бог обитает среди Своего народа (Числ. 35: 29-34).

По условиям библейского закона, требуемые способы наказания, как обобщил их Ранд, были как следует:

- 1) Смертное наказание за капитальные преступления.
- 2) Бичевание от одного до сорока ударов за незначительные преступления.
- 3) В случае кражи и повреждения собственности другого человека, возмещение, к которому надо было добавить от ста до четырехста процентов как наказание.
- 4) Те, которые были финансово неспособны дать возмещение или платить штраф, вынуждались вносить свою работу и трудиться пока долг не выплачивается полностью.
- 5) Изгнание в город-убежище за случайное убийство. [17]

Замена этой системы тюремным заключением сравнительно недавняя; “едва в 1771 году один французский криминолог написал, что тюремное заключение разрешается только в случае людей, ждавших

трибунала.”^[18] Однако сегодня тюрьма вся и все: смертное наказание не в моде (только один человек экзекутирован за преступление в Соединенных штатах после судебного процесса в 1966 году.”^[19]

Тюремная система гуманистское средство, сегодня под атакой гуманистов, которые хотят заменить ее умственными учреждениями и психиатрическим переобучением. Однако так как их теория поддерживает, что общество, которое порождает больных и преступников, это больное общество, то главная попытка это осуществить психологическое исправление (или промывание мозгов) всех людей посредством школы, проповедников, прессы и телевидения. Гуманистский энвайронментализм требует такой подход. Марксисты, как более строгая форма энвайронментализма, посвящаются тотальной перестройки социальной окружающей среды.

Этот гуманистский энвайронментализм форма той же самой эволюционной веры, которая была формулирована Ламарком. Человек может быть оформленным и на самом деле оформляется своей окружающей средой и приобретенными характеристиками, нежели своим собственным внутренним существованием. Не человеческий грех, а окружающий его мир оформляет волю человека. Например марксист Линколн Стеффенс, по отношению к человеческому грехопадению, не обвиняет ни Адама, ни Еву, ни змею: “это было, и есть, яблоко,” т.е. окружающая среда, мир в котором живет человек.^[20] Это мир, который должен быть перестроен человеком, чтобы подходил человеку. Наказывать человека видится таким образом как зло: это Бог, который создал мир, а человек, который под Богом установил Божий правовой порядок, должен быть наказан. Вот так между библейским законом и гуманистским законом есть непроходимая пропасть и непрестанная война.

Главный принцип библейского закона о наказании указывается в Исх. 21:23-25: “Отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб.” Некоторые предпочитают интерпретировать это буквально, но сам контекст (Исх. 21:1-36), описание преступлений и наказаний, выясняет, что это означает соответствие наказания и преступления; наказание должно быть пропорциональным преступлению, ни более, ни менее. Этот принцип повторно объявляется в Лев. 24:17-21 и во Втор 19:21. Комментарий Олера интересный:

Мойсеевый принцип наказания это *jus talionis*, как это несколькократно подчеркивается в фразе “душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб” и т.д. (Исх. 21:23-25; Лев. 24:18; Втор. 19:21): каждому, который совершил преступление, будет сделано то, что он сделал; другими словами, наказание это возмездие, соответствующее по количеству и качеству плохому делу. Но что *talio* нельзя понимать в самом крайнем смысле, показывается не только различными разновидностями наказаний, но и фактом, что не просто само дело, а вина, лежащая в корне дела, часто берется в счет при определении наказания. *Наказание смертью* связывается видимо с большим числом преступлений. Оно предписывается не только за преступления как убийство, плохое отношение к родителям, похищение (Исх. 21:12), прелюбодеяние, кровосмешение и другие противоестественные преступления, идолопоклонство, и практику языческого гадания и волшебства (Лев. 20; Втор. 13:6), но и за нарушение некоторых фундаментальных распоряжений теократии – закон об обрезании (Быт. 17:14), закон о Пасхе (Исх. 12:15,19), закон о Субботе (Исх. 31:14), загрязнение жертвоприношений (Лев. 7:20), приношение жертв на другом месте, а не в святилище (Лев. 17:8), некоторые законы об очищении (Лев. 22:2; Числ. 19:13,20). А еще специальное выражение “... то истребится человек тот из среды народа...” выбрано для наказания за нарушения последнего класса в отличии от прежнего – выражение, которое, правда, не может касаться простого изгнания (как некоторые интерпретируют его), но еще в некоторых случаях кажется показывает, что наказание должно выполняться не человеческим правосудием, а божественной силой, что и говорится в Лев. 17:10, который относится к лицу, поедаящему кровь: “Я истреблю эту душу...” Когда наказание реально должно быть исполненным человеческим правосудием, используется термин “...тот да будет предан смерти” – как за нарушение субботного закона (Исх. 31:14) и в отрывках прежнего вида (Исх. 21:12; Лев. 20 и т.д.). В общем, во всех случаях, когда люди не исполняют приговор над нарушителем, Сам Иехова резервирует упражнение правосудия для Себя; см. как главный отрывок Лев. 20:4-6.^[21]

Следовательно, есть два вида смертной казни. *Первый*, Бог прямо исполняет приговор и смерть над человеком и нациями за некоторые преступления. Это он делает в Свое время и по Своей воле и никто не может сказать Ему что-то больше. *Второй*, Бог делегирует человеку обязанность причинить смерть за некоторые преступления и это без неуместной отсрочки и без колебаний.

Исследовав обязанность человека исполнить смертное наказание, мы видим, *первое*, что нормально никакой выкуп или штраф нельзя платить за убийство, чтобы освободить виновного. Как Числ. 35:31 объявляет: “И не берите выкупа за душу убийцы, который повинен смерти, но его должно предать смерти.” Одно исключение из этого это случай, когда вол, известный как бодливый, убьет человека; тогда “хозяина его предать смерти,” но “Если на него наложен будет выкуп, пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него” (Исх. 21:29,30). В таких случаях, потому что вол первичный убийца, есть возможность для хозяина избежать смерти.

Второе, как видно из случая с бодливым волком, библейский закон держит животных, как и людей, ответственными по обвинению в убийстве. Это ясно видится из Быт. 9:5, как и в законе. Если у человека животное, и оно убьет другого человека, животное умирает. Хозяин невиновен, если для животного не было предыдущих данных о непровокированном насилии (Исх. 21:28). Но если для животного есть сведения о насилии в прошлом, тогда хозяин ответствен по обвинению в убийстве и заслуживает смертную казнь. Для свободного человека возможен выкуп; для рабов выкуп определен законом – тридцать сиклей серебра, чтобы предотвратить чрезмерный выкуп, каким могли бы потребовать для раба как альтернативу смерти (Исх. 21:29-32). Вол, совершивший преступление против вола другого человека, тоже виновен и ответствен перед законом. Если о преступном животном нет предыдущих данных, тогда его надо продать и выручку разделить между двумя хозяевами, а убитый вол тоже надо продать и разделить доход. Но если у преступного вола есть данные о плохом поведении, тогда его продавали, а выручку давали целиком хозяину убитого вола, который задерживал и выручку от продажи последнего (Исх. 21:35,36). Этот принцип об ответственности животных, и об ответственности их хозяинов, все еще часть нашего закона. Если виновный вол был бы убит камнями, его мясо нельзя было есть, потому что не истекла кровь (Исх. 21:28). Странное современное применение или неприменение этого закона явствует из комментария одного модерниста: “Животные, которые убивают людей сегодня не волы, а крошечные

организмы – микробы болезни. Если их хозяи беззаботно распространяют их вокруг, хозяев тоже должно предать смерти, или наложить им очень большой выкуп.”[22]

Третье, мы видели, что принцип есть жизнь за жизнь, т.е. наказание пропорциональное преступлению. Это преступление не связывается с преступником или с его душевностью, а только с природой поступка. Если смерть наказание для животного на принципе жизнь за жизнь, тогда это конечно верно для людей. Именно по этому принципу в библейском праве нет оправдания о невиновности по причине психического нездоровья. Ни есть какой-нибудь привилегированный статус перед законом о несовершеннолетних. Убийство взыскивает смертное наказание независимо от того кто преступник: животное, “психически больной” человек, юноша или слабоумный индивид. Современный довод о невиновности по причине психического нездоровья возник в 1843 году на процессе против Даниеля М’Нотона за убийство Эдварда Друмонда, секретаря сэра Роберта Пийла. В результате суда над М’Нотоном разработались Правила М’Нотона. Было (а) предположено, что каждый человек психически здоров, пока не докажется обратное, но (b) человек, который был психически нездоровым, или действовал под дефектом разума, когда совершал деяние, так что он не понимал природу своего действия, или его ошибочность, был невиновным по причине психического нездоровья. М’Нотона заключили в психиатрическую больницу, вместо экзекутировать его. Правила М’Нотона в 1954 году привели к решению Дейвида Т. Базелона из Апелляционного суда округа Колумбия, что никто не может быть считанным “уголовно ответственным, если его незаконный акт был продуктом психической болезни или психического дефекта.”[23] Это было дело Дурхама, суд над Монти Дурхамом, взломщик и занимающийся подделкой чеков, который был внутри и вне тюрьмы и психических больницах уже семь из своих двадцать четыре года.

Такие оправдания как Правила М’Нотона и Дурхама позволяют судам уступить от принципа жизнь за жизнь, принципа правосудия и самого правосудия, в пользу гуманистской заботы о жизни преступника. Предположительно, что тюрьмы “наказательные” и бессердечные в сравнении с психическим лечением. Но, как Майер отметил:

Самый беглый взгляд на наши институции раскрывает, что некоторые тюрьмы, в Висконсине, в Калифорнии и в федеральной системе, на самом деле куда *меньше* наказательные, чем обыкновенная государственная психиатрическая больница. И вероятно человеку не будет намного лучше через время вон на трудовом рынке, если его характеристика показывает гражданское заключение в институции для уголовных психически больных, а не осуждение за преступление.[24]

Тюремная система изобретение гуманистов, мнимо более гуманный способ третирования, чем требовал старый библейский закон. Сейчас подход психического здоровья предположительно даже более гуманный, когда на самом деле, как Соломон отметил давным давно, здесь и повсюду “сердце нечестивых жестоко” (Прит. 12:10).

Однако нам говорят психиатры как Менингер, что можно оздоровить общество только через замену “наказательного поведения с терапевтическим поведением.” Требовать наказание для преступников значит раскрывать наши собственные психические болезни; он действительно говорит об этом как о “преступлении наказания,” так что в его глаза добрые люди общества все как один преступники, если они требуют наказание.[25] Менингер твердит, что преступление общества против преступников больше чем преступление преступников против общества: “Я подозреваю, что все преступления, совершенные всеми заключенными преступниками не равняются в общем социальном вреду, который от преступлений, совершенных против них.”[26] О преступниках Менингер говорит:

Мы нуждаемся в преступниках, чтобы идентифицировать себя с ними, чтобы тайно завидовать им и чтобы наказывать их решительно. Они делают для нас запрещенные, незаконные вещи, которые мы *хотим* делать и как старый козел отпущения они несут бремя нашей смещенной вины, а наказание – “несправедливость для нас всех.”[27]

Как гуманист, Менингер считает человеческую жизнь самым высшим добром и каждое увреждение жизни самым великим злом: “большой грех, коим мы все соблазняемся, это желание повредить другим, и этот грех должен быть избегнутым, если нам надо жить, и дать другим жить.”[28]

Подобные мнения можно найти и в правовую профессию и на самом деле преобладает в ней. Это было показано на съезде Ассоциации Американской адвокатуры в 1968 году. Вид мышления, который понравился многим, был определен влево и был весь гуманистским. Например:

Негритянский адвокат Вильям Колман из Филадельфии, твердил, что общество должно приготовиться одобрить известное количество беспокойств и неудобств как цена прогресса. Он утверждал, что людям, участвующим в гражданском неподчинении, надо платить за их труды в борьбе против несправедливого закона.

Когда причина стоящая, соглашается Луис Х. Поллак, декан Йелской юридической школы, прокуроры должны отказывать возводить обвинения против лиц, участвующих в гражданском неподчинении. Он не указывает специальный справочник, чтобы определять причина стоящая или нет.[29]

Естественно бунтовники всегда были обширно поддержанные в их гражданском неподчинении и бунтовании, как показывают множество исследований и докладов, и им любезно предоставляются федеральные субсидии.[30] Был и голос разногласия на этом съезде адвокатуры, гость, верховный судья Вайджери из Апелляционного суда Англии:

После того как слушал пять дней на конференции о преступлениях и гражданских беспорядках, британский юрист сказал: “Меня очень сильно поразило то, что я не услышал ни одного слова похвалы или критики в сторону полиции... ударных отрядов в борьбе против преступлений.” Как адвокаты и судьи надеются поддерживать спокойствие, сказал он, “если у них нет эффективной полицейской силы?”

Верховный судья оспорил тоже авторитетное мнение, высказанное мгновения раньше министром правосудия Кларком, что “бедность мать преступлений.” Верховный судья Вайджери холодно посоветовал своих слушателей “не придавать большого значения” этой теории. “Каждый, который думает, что облегчение бедности принесет уменьшение преступлений, будет в какой-то степени разочарованным,” сказал он.

Большая часть английских трущоб, сказал он, была разрушена до основ бомбежками во время Второй мировой войны, так что бедное жилье не извинение для преступлений. А Британия постигла “очень большие успехи... своей фискальной политикой в стиле Робина Гуда, отнимая от богатых и давая бедным, и вы может быть подумали, что была хотя бы капля уменьшения в цифрах о преступлениях. Но ничего подобного не произошло. Было увеличение по всем показателям”: среди бедных, в среднем классе, и среди состоятельных. Преступления и

гражданское неподчинение продолжают увеличиваться, развивал он свою мысль, потому что общества во всем Западном мире “потеряли дисциплину;” их члены уже не принимают кодекса дисциплины.[31]

В 1968 году министр правосудия США, Рамзей Кларк, цитируя фабианского социалиста Джорджа Барнарда Шоу, что “убийство и смертная казнь не противоположности, которые анулируют друг друга, а подобные вещи, которые размножают свои виды,” прижимал Конгресс отменить смертную казнь за федеральные преступления. Согласно свидетельству Кларка перед сенатской подкомиссии:

Среди беспокойства и страха, комплексов и сомнений, может быть наша самая великая нужда это благоговение перед жизнью, самой жизнью: Наши жизни, жизни других, вся жизнь...

Человеколюбивая и великодушная забота о каждом индивиде, об его безопасности, его здоровья и его реализации, сделает больше, чтобы исправить дикое сердце, чем страх от причиняемой государством смерти, которая служит главным образом чтобы напоминать нам насколько близко остаемся мы к джунгле.[32]

Суды сегодня, движимые смыслом гуманистских законов, уже враждебные закону и порядку. Как указывает Гарднер, “Права индивида должны быть защищенными, даже если этот индивид совершил преступление.”[33] Забота о преступнике достигла до такой степени, что тюремные капеланы в Германии основали профсоюз осужденных, и Западная Германия зарегистрировала его.[34]

Вернемся к оправданию психическим нездоровьем: некоторые города уже имеют отдельный психиатрический суд, как свидетельствует Лос- Анжелес, который отсудил уже немало случаев. “Суд занимается всеми случаями, включающими психических заболеваний, в том числе судебное заключение лиц в психиатрические больницы; гражданские и уголовные дела о наркотиках; и определение для муниципальных судов по вопросам уголовного психического нездоровья.”[35] Движение об отмене смертной казни заменяет “медицину за мораль” и отрицает “правовую доктрину об индивидуальной ответственности,” одну из фундаментальных для набожного закона.[36] Этим психиатрическим подходом открывается дверь языческому варварству. Вместо *индивидуальной* ответственности, вины, и наказания –

утверждаются *групповая* ответственность, вина и наказание. Общество в целом и семья несут обвинение, а не преступник. Приближается время когда будет опасно быть невиновным, потому что невиновность будет составлять самую большую вину. Это уже мнение революционеров, борющихся за гражданские права.

Защита в одном судебном процессе уже показывает направление закона. Обвиняемый насильник, который внес запоздалые доводы о невиновности по причине психического нездоровья, защищался на суде на двух основаниях: (а) у него ненормальный избыток хромосом, и (б) он чувствует себя отвергнутым женщинами.[37] Действительно Менингер объявляет: “Подсознательный страх от женщин побуждает некоторых мужчин с навязчивыми импульсами покорять, унижать, ранить или делать беспомощными некоторые доступные экземпляры женского пола.”[38] Насильник невиновен; его страхи, а может еще его хромосомы подталкивают его изнасиловать; Менингер ясно выражает свою уверенность в виновности невиновного. Преступник невиновен, общество подталкивает его к преступлению. Так как миссис Джон Коноли из Сейнт Пола, Миннесота, говорит о Сирхане Бихару Сирхане, когда начался его процесс за убийство сенатора Роберта Ф. Кеннеди: “Я думаю, что этот бедняжка Сирхан очень грустное существо. Трудно представить себе кого-нибудь, которого можно подтолкнуть к чему-то подобному.”[39] Если Сирхан и другие преступники “подталкиваемые” люди, значит кто-то подталкивал их и следовательно виноват он. А если преступник предопределен к преступлению своей окружающей средой, гуманисты, утверждая это, заменили Божие предначертание судьбы предопределенностью от окружающей среды.

Четвертое, смертное наказание требуется Святым писанием за множество преступлений. Они следующие:

1. убийство, но не случайное (Исх. 21:12-14);
2. побои над родителем или злословие его (Исх. 21:15; Лев. 20:9; Прит. 20:20; Мат. 15:4; Мар. 7:10). Надо отметить, что Христос осудил книжников и фарисеев за отступление от этого закона;
3. похищение (Исх. 21:16; Втор. 24:7);
4. прелюбодеяние (Лев. 20:10-21), рассмотрим его позже;
5. кровосмешение (Лев. 20:11-12,14);
6. скотство (Исх. 22:19; Лев. 20:15-16);
7. содомия или гомосексуализм (Лев. 20:13);
8. нецеломудренность (Втор. 22:20-21), рассмотрим ее позже;
9. изнасилование помолвленной девицы (Втор. 22:23-27);
10. ворожба (Исх. 22:18);
11. принесение человеческих жертв (Лев. 20:2);
12. неисправимые преступники или рецидивисты (Втор. 21:18-21);
13. богохульство (Лев. 24:11-14, 16, 23), уже рассмотренное раньше;
14. осквернение субботы (Исх. 35:2; Числ. 15:32-26), уже рассмотренное раньше, сейчас отмененное;
15. пропагандирование ложных доктрин (Втор. 13:1-10), тоже рассмотренное раньше;
16. жертвоприношение ложным богам (Исх. 22:20);
17. отказ подчиниться решению суда и таким образом отрицая закон (Втор. 17:8-13);
18. неуспех восстановить залог или поручительство (Иез. 18:12,13), потому что такой поступок уничтожает возможность для доверия и сдружения в общности.

Методы смертной казни были сожжение (Лев. 20:14; 21:9); избивание камнями (Лев. 20:2,27; 24:14; Втор. 21:21); повешивание (Втор. 21:22-23; Ис. Н. 8:29); и меч (Исх. 32:27-28). Меч использовался при исключительных условиях; а основное требование в каждом случае было само смертное наказание, а не форма его исполнения.

Более того, как указывает Карей:

Смертная казнь никогда не следовала по свидетельству меньше чем двух свидетелей (Числ. 35:30; Втор. 17:6; 19:15). В специальных случаях смертную казнь должны были исполнить самые свидетели, как во Втор. 13:6-10; 17:7. В некоторых случаях экзекутором было все собрание (Числ. 15:32-36; Втор. 13:6-10), или самый близкий родственник – отомститель за кровь (Втор. 19:11-12).[\[40\]](#)

Для гуманистского разума эти наказания выглядят жестокими и не необходимыми. В свое время однако наказания, вместе с библейской верой, которая мотивировала их, работала для уменьшения преступлений. Так когда Новая Англия приняла закон, требующий смертное наказание для неисправимых преступников и для детей, которые били своих родителей, не понадобились никакие экзекуции; закон сдерживал детей на правильном пути. Некоторые законы обеспечивают желаемый эффект без никакой необходимости в судебном преследовании. Протицируем один пример из 1920-ых годов, как его описал Льюелин:

Очень часто пропадали книги из Нью Йоркской общественной библиотеки. Это было поле деятельности прежде всего юнных нарушителей; возможность имели все, но выручка вора была такой ничтожной, что делало из юнцов вероятные подозреваемые. Было принято постановление, которое запрещало продажи книг, несущих печат библиотеки, считая такое действие преступлением. Очень скоро кражи уменьшились почти до нуля. Рынок стал неприбыльным. Никогда не было судебного преследования по этому закону. Не было необходимости.[\[41\]](#)

Не всегда случай такой, потому что когда религиозный и моральный характер личности разлагается, закононарушители начинают превосходить численно полицию и охранителей закона. Библейский закон элиминирует неисправимых преступников и рецидивистов; библейская вера дает людям набожный характер и предрасположение подчиняться закону. Развал гуманистских правовых порядков причиняется радикальным преступным предрасположением его беззаконных людей. Вопреки всему обширному сожалению к преступникам, остается фактом, что 80 процентов из всех обвиненных личностей признаются виновными. Некоторые из остальных 20 процентов виновные, но жалующаяся сторона снимает обвинение (Мейэр отмечает о них, что многие из них “подобные нашему молодому мужчине, чья девушка решает, что она желает его, даже хотя он избивал ее до превращения в мякоть.”) Чтобы ускорить правовые задержки, многим виновным сторонам позволяется признавать себя виновными по меньшему обвинению и таким образом избежать откладывания и трату денег. Другие исследования показывают, что из каждых 100 пойманных полицией (в отличие от формально обвиненных), пятьдесят осуждаются после признания вины, пять осуждаются после трибунала; 30 освобождаются без обвинения, 13 освобождаются “административным процессом до трибунала,” и 2 освобождаются после трибунала. И так, хотя во всякой надеждной человеческой системе допускаются ошибки, они очевидно не очень обычные. У правосудия грубые лезвия, но нет альтернативы правосудия.[\[42\]](#) Более того, как Мейэр отмечает о Нью Йоркских уголовных судах, адвокаты никогда не носят шляпы, “потому что если вы оставите шляпу где-нибудь в здании уголовного суда, кто-то стащит ее.”[\[43\]](#) Более того, “уголовная практика единственная отрасль права, где адвокаты собирают свои гонорары заранее.”[\[44\]](#) Причина тому конечно, радикальная нечестность их клиентов.

Однако более важная ситуация, касающаяся молодежи:

Согласно единым уголовным докладам ФБР, 48 процентов из всех арестов за серьезные преступления в 1964 году были аресты детей в возрасте ниже восемнадцати лет, а 43,3 процентов из всех формально обвиненных в серьезных преступлениях были отнесенные к суду для несовершеннолетних на расположении. Пик приходится на возраст пятнадцати лет. (Вообще говоря, примерно чем больше город, тем меньше пропорция тех, которым ниже восемнадцати в общем числе арестов). Считается, что одна девятая детей нации – одна шестая мальчиков, имеет свои первые контакты с молодежным судом (обычно за довольно незначительные преступления) в возрасте между десяти и семнадцати лет.[\[45\]](#)

После 1964 года цифры растут замечательно хуже. Слишком много детей, непривлеченные молодежным судом, проходят свою школу по незаконности через гуманистское образование и религию. В результате задача полиции становится невозможной: “В Бэркли по субботам вечером есть может быть 2000 сборищ курящих марихуану – можете ли вы иметь по одного информатора или полицейского на каждом?”[\[46\]](#)

Закон проваливается, когда вера над законом исчезла. Враждебность к смертной казни это враждебность гуманизма к Божьему закону. Однако Божие управление преобладает и его альтернативы ясно выделяются: или люди и нации повинуются Его законам, или Бог призывает смертное наказание над ними.

Мы цитировали выше высокое соотношение виновных среди всех обвиненных лиц. Это не значит, что иногда не осуждаются невиновные. Дело Дудли Бойла является точно таким же. Дудли Бойл, инженер горнопромышленник и жизнерадостный молодой человек, был арестован во время Депрессии за ограбление банка "Спаркс". Он защищался адвокатом МакКараном, позднее сенатор США от Невады, который был убежден в невиновности Бойла. На трибунале выявились удивительные нарушения правил, как дочь МакКарана обобщила некоторые из их аспектов:

Одно из самых уникальных средств, использованных судебным преследованием, было то, что Штат призвал к скамейке свидетелей единственного человека, который мог бы доказать алиби Дудли Бойла – что он покинул Рено рано утром в день ограбления и ездил на автомобиле до Гольдфильда. Самерфильд выявил имя и адрес человека и потом его со скамейки отпустил. Вследствие этого МакКаран, чьи возражения постоянно отвергались судьей Джорджем Барлетом, не смог провести перекрестный допрос человека, или извлечь от него подтверждение алиби Бойла. Это было бы невероятно, если было только репортаж новостей. Запис на расположении. Даже при апелляции судья Эдвард А. Дукер, который занял место МакКарана в Верховном суде, произнес ужасно легко решение против Бойла, который был осужден к тюремному заключению от пяти до двадцати лет. Его освободили через шесть лет, а впоследствии он самоубился. Когда он работал за освобождение под честным словом, Бойл написал МакКарану: “Вы знаете, и я знаю, что я невиновен.” Это случилось к несчастью в глубине Депрессии, когда каждый был безнадежно отвлеченным. Многие подсказывает, что когда собственник банка “Спаркс” желает осуждение, его нетрудно получить.[\[47\]](#)

Это не изолированный случай.[\[48\]](#) Но это не и обычный случай. Все еще действительно, что виртуально все привлеченные к ответственности люди виновные, и в большинстве случаев они признаются виновными.

Избежать проведения закона в жизнь, или провалить его из-за таких случаев несправедливости, значит удвоить несправедливость. Проведение в жизнь гражданских и уголовных законов в руках грешных и склонных к ошибкам людей; их нельзя сделать безошибочными. Чтобы улучшить качество проведения законов и постигнуть лучшее повиновение необходимо иметь более набожных людей. Нет ответа, а только продолжающее разрушение при каждом ослаблении закона. Использовать случаи несправедливости чтобы уничтожить закон, само по себе большой и смертельный акт несправедливости.

3. Происхождение государства: его пророческое служение

Исторически теологи совсем регулярно находят происхождение государства, или гражданского управления, в шестой заповеди, или точнее, в грехопадении человека. Считается, что до грехопадения не было необходимости в государстве, так как человек был безгрешным. После грехопадения смерть вошла в мир по причине греха, как Божий приговор над грехом и государство создано с целью держать человеческий грех под наблюдением и вызывать наказания вплоть до смерти при осуждении греха. Таким образом государство стало Божьим палачом, институцией, которая существует между грехопадением и вторым пришествием, чтобы придерживать человека к порядку.

Этот взгляд обширно отражается Кулманом, который видит государство как что-то “временное.”^[49] Согласно Кулману, Христос и христианство отвергают “еврейский теократический идеал... как сатанинский.”^[50] Более того, “Иисус не рассматривает государство как конечная институция, чтобы каким-то образом сравнить его с царством Божьим. Государство принадлежит векам, которые еще существуют даже сейчас, но оно определенно исчезнет сразу, как придет царство Божие.”^[51] Нет необходимости, чтобы государство было христианским, однако необходимо, чтобы оно “знало свои *ограничения*.”^[52] Схоластический и лютеранский взгляд близко связанные с этим, который основывает государство на естественных причинах, и таким образом освобождает его от всякой прямой связи с Богом и от ответственности перед Ним.

В известном смысле эта позиция точная, если мы считаем, что временный характер государства имеет отношение к его *форме*. Но то же самое можно сказать и о церкви: она тоже временная по своей форме. На небесах или при окончательном Новом сотворении не будет служб епископов, пасторов, старейшин, или дьяконов. Это не значит, что церковь только временная, так как и не значит что государство только временное.

Более того, Кулман порочно неправ, считая что теократический идеал Израиля был сатанинским в глазах Христа, потому что Христос пришел, чтобы восстановить это настоящее царство. Сатанинским было извращение этого идеала, извращение и имитация. По этому пункту Кулман прав, отмечая что “сокровенной дьявольской природе присуще имитировать Бога.”^[53] То что имитируется это божественное управление, царство Божие. Это царство существовало в Эдеме, его законы управляли Адама и Еву, и в конце концов были нарушены Адамом и Евой. Гражданские власти, тоже как и церковь, школа и семья, были распоряжением Бога как разнообразные аспекты пребывания Божьего царства; каждое из них носит приметы грехопадения, но все они установленные Богом. Прямое управление Богом с тех пор заменяется использованием посредников, различные институции, одна из которых государство. Точно поэтому эти очищенные от греха институции только отражают Божие управление над миром: что приказано повиноваться и что сопротивление объявляется сопротивлением Богу (Рим. 13:1-7). Более того, Калвин ясно указывает, что:

... презирать предусмотрительность того, кто основал гражданскую власть, значит вести войну против него. Понимать дальше, что власти от Бога, не как говорится, что бубонная чума, и голод, и войны, и другие Божие наказания от Него, а потому что Он назначил их для законного и праведного управления миром.^[54]

Чума, голод и война результаты осуждения человека за его грех, но государство не такое Божие наказание (хотя злые правители могут быть им), а скорее один аспект Божьего праведного управления. Будет управление и в новом сотворении, как есть его на небесах и должно быть и на земле. Необходимость быть праведным и справедливым не исчезает в Новом сотворении; скорее совершенное повиновение станет ответом на совершенном управлении.

Теперь управление намного более широкий термин, чем государство. Управление означает прежде всего самоуправление, потом семья, церковь, государство, школа, профессия и частные ассоциации, как и многие другие. Однако государство как “более высокая”, но “не самая высокая,” власть представляет Божие служение справедливости, полнота которого видна в небесах и в преисподней. Для государства достигнуть верхнюю точку при новом сотворении в царстве Божьим, вместе с церковью, семьей, школой и профессией, это его конец не более, чем время рождения смерть для зародыша. Скорее это самая настоящая жизнь.

Первая и основная обязанность государства это утверждать царство Божие, признавая верховенство Бога и Его слова и подчиняя себе Божьему правовому порядку. Следовательно государство должно быть христианским. Оно должно быть христианским так же, как и человек, семья, церковь, школа и все другие вещи должны быть христианскими. Мыслить иначе, значит утверждать смерть Бога в сфере государства. Из-за своего неуспеха взыскивать чтоб государство было христианским, церковь сдала государство вероотступническому разуму и дьяволу. Церковь сделала это, потому что отекла закон Бога. На самом деле она приняла, что Бог умер вне стен церкви, и следовательно должна логически объявить Его смерть внутри церкви.

Причина, из-за которой концепция о государстве, как основанное при грехопадении и в грехе, провалилась, это потому что государство отделилось от Бога, исключая некоторую-другую пощечину от Бога в виде чумы или голода. Тогда, когда ищется позитивная доктрина о государстве, ее надо найти не в царством

Божьем, а в естественном разуме, автономном разуме естественного человека. Если государство отделенное от царства Божьего, как долго останется существовать идея о грехе? В конце концов грех это преступление против Бога и Его царствования, против законов Его царства. Результат такой, что если государство не часть царства, тогда нет *никакого греха* в мире справедливости и гуманных отношений.

Это конечно сущность гуманизма. Гуманист легко может разочароваться от Бога, человека, и общества, когда все не совсем хорошо, но он не может разочароваться от себя. Например, ливанский поэт Калил Джибран в своей молодости “считал вселенную совершенной и освобожденной от зла.”^[55] Как реакция своему разочарованию от мира и от Бога, он стал последователем Ницше, чья философия управляла произведениями Джибрана.^[56] В смысле этого он видел восходить век супермена: “Мы живем в эре, чьи самые скромные люди становятся более великими, чем самые великие люди предидущих веков.”^[57] Его собственное поведение, как полагаются пришедшему супермену, было такое полного самодовольства. Как свой собственный супермен и бог, он был вне всякой критики и вне закона.

Ясное, что если государство не аспект Божьего царства, оно неизбежно отказывается от концепции о грехе, потому что у него нет настоящего Бога. И так как при гуманизме человек становится своим собственным богом, никакой закон следовательно не может управлять богами, у которых свой собственный закон. Как отмечал Калвин, без законов государство или гражданская магистратура “не могут существовать, как с другой стороны, без магистратов законы не имеют никакую силу. Поэтому никое высказывание не может быть более точным чем это, что закон молчаливый магистрат, а магистрат это говорящий закон.”^[58]

Следовательно государство свидетельствует против себя, когда оно поддерживает в какой-либо степени Божий правовой порядок, и если государство не поддерживает этот правовой порядок до известной степени, оно впадает в анархию. Государство признается как порядок, которому люди под Богом должны повиноваться и Святое писание многократно требует это повиновение, и повиновение обязательно, даже когда у власти Нерон. Мы не можем презирать золото и серебро просто потому что они в руках безбожных людей. Наоборот, мы сами должны стремиться завладеть ими набожными средствами. Мы должны согласиться, что золото есть золото, кто бы ни владел им и как бы его не использовал. Подобно этому государство есть государство, созданное и предназначенное быть частью Божьего царства, призванное величать Бога, проводя в жизнь Его правовой порядок, и его следовательно нельзя презирать, как бы не безбожными были его правители. Если мы презираем и оставляем золото, мы не можем жаловаться, что его новые владельцы не по нашему вкусу; если мы отрицаем государство как Божие распоряжение и как важный аспект Его царства, можем ли мы жаловаться, если злые люди используют его?

Шестая заповедь, “Не убивай,” имеет и негативный аспект – наказание этих, которые несправедливо совершают действия насилия, и позитивную сторону – защита жизни по условиям Божьего закона. Государство обычно основывается на негативном аспекте и в лучшем случае становится Божьим палачом. Государство действительно должно быть “ужасом для... зла,” защитником добра и дающим “похвалу за добро” (Рим. 13:3). Через защиту жизни и утверждение безопасности семьи и религии, государство явно позитивное в своем служении. Защита не простое отрицание: она настоящий и постоянный климат мира и безопасности. Поручение царя Иосафата к судьям Юдеи показательное: “Смотрите, что вы делаете; вы творите не суд человеческий, но суд Господа: и Он с вами в деле суда. Итак да будет страх Господен на вас: действуйте осмотрительно; ибо нет у Господа, Бога нашего, неправды, ни лицепрятия, ни мздоимства” (II Пар. 19:6,7).

Закон дается как принципы (десять заповедей) и случаи (подобные заповеди), и его значение должно выясниться в опыте и на трибунале. Это не значит, что закон изменчивая вещь, а что сознание человека об его постановлениях развивается, когда новые ситуации бросают новый свет на возможное применение закона. Псаломист ясно видит закон в Пс. 118 как позитивная сила в его развитии и в его способности устоять превратностям истории.

Святылище, как мы уже видели, было Божьим тронным залом. Когда гражданское управление Израиля устанавливалось, это делалось перед скинией. Там Бог говорил с семьюдесятью старейшинами народа и изливал Свой Дух над ними, так что первая Пятидесятница была гражданской Пятидесятницей по распоряжению гражданских властей (Числ. 11:16-17, 24-30). Значение этого события обычно пренебрегается, потому что пренебрегается закон в целом. Здесь Моисей, как представитель царя Христа, посредничил возложению Духа. Что это не было исключительное событие, выясняется из помазания Саула, который тоже пророчествовал (I Цар. 10:1-7). Факт пророчества не был их службой или профессией, ни при семидесяти старейшинах, ни при Сауле: они были гражданскими правителями. Полное Духом свидетельство их пророчества удостоверяет, что их службы являются Божьим распоряжением. Эти две гражданские Пятидесятницы пришлось на стартах двух форм гражданского управления Израиля, собрание и монархия. Назначение других делалось через помазание. Продолжение ранней церкви видно в церковной Пятидесятнице, через ее ритуалы коронации. Форма ритуала остается еще, хотя вера исчезла. То что требовалось в виде присяги от королевы Елизабет II, гласит:

Будешь ли ты до предела своих сил поддерживать законы Бога и настоящее пророчество Евангелия? Будешь ли ты до предела твоих сил поддерживать в соединенном королевстве Протестантскую реформистскую религию, установленную законом? Будешь ли ты поддерживать и сохранять нерушимым здание Английской церкви и тем самым доктрину, богослужение, дисциплину и управление, как установленные законом в Англии? И будешь ли ты сохранять для епископов, для священничества Англии и для церкви, где они исполняют свои обязанности, все такие права и привилегии, какие по закону должны и будут принадлежать им и каждому из них?^[59]

После этой присяги, председатель церковного суда Генеральной Ассамблеи Шотландской церкви вручил королеве Библию, говоря:

Наша милостивая королева: чтобы Ваше Величество всегда помнили закон и Евангелие Бога, как правило для всей жизни и управления, подобающей христианской принцессе, мы вручаем Вам эту Книгу, самую ценную вещь, которая есть на свете. Здесь Мудрость; Это королевский Закон; Эти живые Оракулы Божии.[60]

После помазания, которые напоминало помазание Соломона, последовало представление Государственного меча, при этом архиепископ Йорка получил его от главного лорда камергера и представил его королеве этими словами:

Получите этот королевский меч, принесенный от алтаря Бога, и врученный Вам руками нашими, епископов и служителей Бога, хотя и недостойных. Этим мечом правосудия остановите рост несправедливости, защитите святую церковь Божью, помогите вдовам и сиротам и защитите их, восстановите то, что идет к упадку, поддержите восстановленного, накажите и реформируйте то, что неладно, и утвердите то, что в хорошем порядке: чтобы делая все это Вы могли бы быть славной во всем достоинстве; и так верно служите Господу нашему Иисусу Христу в этой жизни, чтобы Вы могли царствовать навсегда с Ним в жизни, которая придет. Аминь.[61]

Когда королеве вручили сферу с крестом, архиепископ заявил:

Получите эту сферу, находящуюся под крестом, и помните, что весь мир поданный Власти и Империи Христа, нашего Спасителя.[62]

Эта служба отдает должное вековым службам коронации и библейской вере, хотя ею часто злоупотребляли в этих ритуалах, и показывает что гражданский порядок прямо под Богом и установлен по Его приказу как часть Его царства. Когда народ заменяет Бога как владетель и суверен, тогда гражданская Пятьдесятница жертвуется Вавилону и смешиванию языков.

Ученые делали попытки обратить эти семьдесят мужчин из Числ. 11:16,17 в церковные лица, но нет никаких доказательств об этом, а параллельная гражданская Пятьдесятница при помазании Саула, которая отражение Числ. 11:24-30, выясняет что имеется ввиду гражданский порядок. Дар пророчества вмешивается в обоих случаях, не потому что они становились пророками как проповедники, а потому что служба гражданских магистратов, службы государства, они *пророческие* службы, тем что гражданский служащий должен говорить от имени Бога, а первичное значение слова пророк, это такой, который говорит от имени Бога. Следовательно государство может говорить от имени Бога, и служащие государства пророки, поскольку они соблюдают, повинуются, изучают и проводят в жизнь закон Божий. Поэтому если государство ищет независимую пророческую службу, значит оно отрекается от своей службы и становится ложным пророком.

То ли посвящением в духовный сан, то ли помазанием, или через присягу по службе и молитву, служащие церкви и государства вводятся в службу пророка, и они люди, которые говорят от имени Бога в своих соответственных сферах. Это пренебрегаемый факт, однако факт из Святого писания все-таки. Церковная точка зрения выразил очень грубо англиканский священник преподобный Р. Винтерботом в своем комментарии Числ. 11:17,24-30: “возложения Святого Духа не независимые от церковного порядка.” Хотя он добавляет, что “Они намерение Бога, которое оперативное, а не церемониальное, и все-таки авторитарное. Дух Божий свободный Дух, даже когда он выбирает действовать через некоторые каналы (ср. Деян. 1:26; 13:2; I Кор.12:11; II Кор. 3:17),”[63] он все равно ограничивает Святого духа к церкви, что полностью ложная точка зрения. Скорее всего возложения Святого духа не независимые от Божьего порядка, и оба, церковь и государство могут быть частью этого порядка. Они могут тоже быть враждебными и чужими Божьему порядку.

4. “Оживлять”

Как мы уже видели, государство больше чем Божий палач; оно Божий инструмент для защиты набожной жизни через утверждение справедливости. Хотя в трудах Лютера есть немало замечок, которые как будто дают сущность лютеранского сведения государства к палачу, действительный вклад Лютера в совсем другом направлении. Розенсток-Хюси отмечает:

Гражданский служащий, это результат взаимного проникновения пророчества Лютера об универсальной Реформации и осуществления принципом их специальной реформации.

Гражданский служащий это человек, который сначала слушает пророческий голос универсальной истины, и который позже входит в службу светской власти, чтобы провести свою часть Реформы.”[64]

Две главные институции Германской Реформации были *университет* и *государство*, оба действующие в смысле принципов, глубоко коренящиеся в христианском мире. “Принц Лютера, следовательно не защищал Лютера как личный друг; он стоял за право Высшего магистрата давать убежище университету на своей территории.”[65] Однако Лютер, во имя Бога, взамен предложил Фридриху свою защиту как Божий слуга: “тот кто лучше верит, будет лучше защищать; и потому что я чувствую что Ваша милость еще слабый в вере, я не могу никоим образом думать о Вашей милости как о человеке, который мог бы защитить или спасти меня.”[66] В Германии “университеты стали наследниками епископского стула, т.е. кафедры. Профессорский стул назывался ‘Kathedr’.”[67] Согласно Розенстоку-Хюси:

Однако принцу было не до университетов, не больше чем сапожнику. Университеты представляли жизнь Святого Духа в Германской нации, пока принц и его государство были слепыми и глухими по вопросам религии без помощи проповедников и учителей веры. Государство и правительство вовсе не прославлялись Лютером. “Принцы Божие палачи и тюремщики.” говорил он.[68]

Этот элемент ясно присутствующий у Лютера, но это не вся картина. Христианский принц и христианский ученый, христианское государство и христианский служащий слову, в более широком смысле надо подчеркнуть служащего слову, были две центральные институции в Германской Реформации и для Лютера.

Однако, далеко более, чем Лютер, мы должны подчеркнуть работу государства как служащий под Богом (не под церковью), и с негативной задачей наказывать зло и несправедливость, которое означает позитивно устанавливать правовой порядок, в котором набожный мог бы процветать и преуспевать.

Не без основания, как мы уже видели, гражданские и другие власти называются “богами,” из-за того, что они разделяют Божие призвание и милость в Его суверенной работе по управлению. Бог заявил через Моисея:

“Видите ныне, что это Я, Я – и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю; и никто не избавит от руки Моей” (Втор. 32:39). Та самая декларация появляется отчасти в I Цар. 2:6 и в Ис. 43:13. В Песне Мойсея она ясно связывается с законом: Господь великий законодатель и судья и оттуда Его сила убивать и оживлять, ранить и исцелять. Эта сила передается человеческим властям, чтобы использовать ее по условиям Божьего закона-слова и таким образом все власти имеют в различной степени силу ограничивать, убивать или повреждать жизнь с одной стороны, и излечивать или оживлять через утверждение Божьего правового порядка и слова с другой.

Эта функция ясно принадлежит государству и церкви. Церкви дана ключевая сила прощать грехов и связывать их с условиями Божьего слова, и это один из аспектов этой делегированной власти убивать и оживлять (Мат. 18:18; 16:19; Иоан. 20:23). Церковь может прощать грехи, где Божие слово объявляет прощение и знать, что это прощение стоящее перед небесами; она может отказать прощение, где Божие правовые условия не удовлетворяются, и соответственно этому прощение отвергается в небесах. Церковь “оживляет” служение слову и святостям, не потому что у церкви есть какая-нибудь сила передавать жизнь, а потому что Бог верен своему слову, когда Ему служат как надо.

Школа тоже обязанная, как и дом, убивать и оживлять, ранить жизнь при осуждений, когда Божие слово требует это, и утверждать жизнь своим поучением и дисциплиной.

Важный аспект обязанности “оживлять,” как он проявляется в Святом писании, это искусство, в частности музыка. Целая книга гимнов, Псалтирь, часть вдохновенного слова, и многократно приказывается, чтоб восхваление Бога осуществлялось песнями и игрой на музыкальных инструментах. [\[69\]](#)

Другая важная область законодательства “оживлять” касается обязанностей к личностям:

1. К вдовам и сиротам

Ни вдовы, ни сироты не притесняйте. Если же ты притеснишь их, то тогда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, И воспламенится гнев Мой, и убью вас мечем, и будут жены ваши вдовами, и дети ваши сиротами (Исх. 22:22-24).

Не суди превратно пришельца и сироту; и у вдовы не бери одежды в залог. Помни, что и ты был рабом в Египте, и Господь освободил тебя оттуда: посею я и повелеваю тебе делать сие (Втор. 24:17-18).

“Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову.” И весь народ скажет: “аминь” (Втор. 27:19).

Угнетение многократно цитируется как особо ненавистный грех во взгляде Бога, а правители и судьи предупреждаются об этом, и им приказывается быть осторожными, чтобы не допустить его. Однако, кроме законных наказаний за отдельные примеры угнетения, цитируется другое наказание: Божие осуждение. Когда беспомощные возопиют к Господу, тогда Он будет их защитником. Фразу “возопиют ко Мне” можно передать “возопиют ревностно ко Мне.” Принцип “*lex talionis*,” жизнь за жизнь, зуб за зуб, здесь цитируется Богом: если мужчины притесняют вдов и сирот, их собственные жены и дети станут вдовами и сиротами через Божие осуждение.

2. К ближним, т.е. к друзьям членам соглашения:

Когда увидишь осла брата твоего или вола его упавших на пути, не оставляй их; но подними их с ним вместе (Втор. 22:4).

Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй (Лев. 19:13).

Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь, (Лев. 19:18).

Хотя часть этого закона животные, основное значение имеет любовь к ближнему. Это ясно выявляется в Исх. 23:4,5: “Если найдешь вола врага твоего, или осла его, заблудившегося – приведи его к нему. Если увидишь осла врага твоего, упавшим под ношею своею, то не оставляй его: развючь вместе с ним.” Ни вражда, ни безразличие не должны позволять нам отказывать ту праведную заботу о проблемах нашего ближнего (или врага), которую Бог взыскивает от нас. Единственная основа наших взаимоотношений с другими людьми это закон Божий, а не наши чувства.

3. К бедному:

Не суди превратно тяжбы бедного твоего. Удаляйся от неправды и не умерщвляй невинного и правого; ибо Я не оправдаю беззаконника (Исх. 23:6-7).

Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай, И виноградника твоего не убирай до чиста, и попадавших ягод в винограднике не подбирай; оставь это бедному и пришельцу. Я Господь, Бог ваш (Лев. 19:9-10).

Если брат твой обеднеет и придет в упадок у тебя, то поддержи его, пришелец ли он, или поселенец, чтоб он жил с тобою. Не бери от него роста и прибыли, и бойся Бога твоего; чтоб жил брат твой с тобою. Серебра твоего не отдавай ему в рост, и хлеба твоего не отдавай ему для прибыли. Я Господь, Бог ваш, который вывел вас из земли Египетской, чтобы дать вам землю Ханаанскую, чтоб быть вашим Богом. Когда обеднеет у тебя брат твой и предан будет тебе, то не налагай на него работы рабской. Он должен быть у тебя как наемник, как поселенец; до юбилейного года пусть работает у тебя. А тогда пусть отойдет он от тебя, сам и дети его с ним, и возвратится в племя свое, и вступит опять во владение отцов своих. Потому что они – Мои рабы, которых Я вывел из земли Египетской; не должно продавать их, как продают рабов. Не господствуй над ним с жестокостию, и бойся Бога твоего (Лев. 25:35-43).

На судах к бедному нельзя относиться ни благосклонно (“И бедному не потворствуй в тяжбе его,” Исх. 23:3), ни неблагосклонно (Исх. 23:6,7); ложные доказательства и обвинения надо избежать, как бы это ни довело до увреждения или смерти невинных людей; Бог никаким образом не оправдает грешного. В повседневной жизни достойный бедный, оба поселенец и пришелец, имеет законное право собирать колосья. Никакой хозяин не может пожинать свои поля полностью; плоды, которые трудно достигаются, зерна вдоль заборов и настей, и одинокие грозды тут и там на ветвях надо оставлять для собирателей. Тогда хозяин давал права собирать некоторому бедному и иногда был благосклонен к специально заслуживающей личности, как был Вооз к Руфь. В американском собирании колосьев до Второй мировой войны, некоторые фермеры держали определенные семьи как их постоянные собиратели и таким образом давали этим беднякам реальную степень уверенности. Собранное можно было использовать, чтобы есть его, или чтобы продать его и получить дополнительный доход. Собираание по мелочам было тяжелой работой, так как требовало больших усилий, чем регулярная жатва, где плоды или зерна

были избыточными. В некоторых случаях однако, иногда непредусмотрительные израильтяне, обремененные долгами, иногда люди, окруженные враждебностью, предавали себя как *крепостные*. Как члены соглашения они еще оставались братьями. Прежде чем стать крепостным, когда он “пришел в упадок” (или “не найдет рука его”), “помоги ему” или “поддержи его”, и отдавай ему то же внимание и заботу, которые должен получить и пришелец и поселенец. “Пришелец он или поселенец, чтоб он жил с тобою” (Лев. 25:35). Если он нуждается в средствах, его долг должен быть без роста и прибыли.

Во время Второго храма власти определяли слова, которые переводятся “ростовщичество” (*neshech*) и “подорожание” (*tarbith* или *marbith*) как следует: Если кто-нибудь дадит взаймы другому одна сикля, стоящая четыре денария, а получит взамен пять денариев, или если он дадит взаймы ему два мешка пшеницы, а получит обратно три, это есть ростовщичество. Если кто-нибудь покупает пшеницу по рыночной цене 25 денариев за меру, а когда цена возрастет на 30 денариев, он говорит продавцу “Доставь мне пшеницу, потому что я хочу продать ее и купить вина,” и продавец отвечает “Я возьму пшеницу по 30 денариев и дам тебе вина за это,” хотя у него нет вина; это есть подорожание. “Подорожание” состоит в факте, что у продавца нет вина в это время, и что он может быть потерян снова из-за увеличения цены вина. Соответственно прежнее есть добавление к деньгам, пока последнее есть добавление к товарам.^[70]

Если долг не успеют вернуть, тогда бедный человек становится крепостным, исключая то, что хотя и только в специальном смысле, он крепостной, у которого в перспективе юбилей; он брат, предназначенный к освобождению. Междувременно с ним нельзя относиться как с рабом, как с неверующим, а скорее как с наемным слугой, который в известном смысле еще свободный человек. Причина этом ясно высказана Богом: “Потому что они – Мои рабы” (Лев. 25:42). Оба, хозяин и слуга, рабы Бога, который владеет абсолютно жизнями и взаимоотношениями обоих. Ввиду того святой Павел объявляет: “Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии” (I Кор. 6:20). Надо отметить, что закон здесь имеет ввиду соблазн относиться к более слабым членам соглашения с неуважением; отсюда считается что, хотя и поддерживая его как брата, ему надо отдавать уважение и учтивость, нормально полагающиеся пришельцу и поселенцу. Настоящий верующий свободный человек в Господе; следовательно, даже в долге и в рабстве, он имеет право на свободу, которое не предоставляется другим, которые рабы по существу.

Важный пункт в отношении к собиранию мелочей то, что в более старой форме оно было сельскохозяйственным; современная же жизнь больше городская. Значительная попытка организовать городское собирание мелочей началась несколько лет тому назад, это Goodwill Industries. Собирая отбрасанных за ненадобностью товаров и разных вещей, а потом поправляя и продавая их при помощи безработных или лиц в невыгодном положении, был обеспечен известный доход для многих. Возникновение системы государственных социальных помощей ограничило рост городского собирания мелочей, однако его возможности очень реальные и заслуживают дальнейшего разрабатывания.

4. К поселенцам, пришельцам или странникам:

Пришельца не притесняй, и не угнетай его; ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской (Исх. 22:21).

Пришельца не обижай: вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами в земле Египетской (Исх. 23:9).

Когда поселится пришелец в земле вашей, не притесняйте его. Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской. Я Господь, Бог ваш (Лев. 19:33-34).

Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, который не смотрит на лица и не берет даров. Который дает суд сироте и вдове, и любит пришельца, и дает ему хлеб и одежду. Любите и вы пришельца; ибо сами были пришельцами в земле Египетской (Втор. 10:17-19).

Не обижай наемника, бедного и нищего, из братьев твоих или из пришельцев твоих, которые в земле твоей, в жилищах твоих. В тот же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо он беден, и ждет душа его: чтоб он не возопил на тебя к Господу, и не было на тебе греха (Втор. 24:14,15).

Не суди превратно пришельца и сироту; и у вдовы не бери одежды в залог (Втор. 24:17).

“Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову!” И весь народ скажет: “аминь” (Втор. 27:19).

Из этих стихов, как и из предыдущих, ясно видится один важный факт. Так, как библейский закон строгий в своем осуждении преступления, и лености (как свидетельствуют многие из Притчей), он в одинаковой степени строгий в своем осуждении всех, которые угнетают слабого и странника. Если использовать модные термины, общество, как библейское право видит его, конкурентное и свободное, однако не раздробленное. Сущность обоих современных капитализм и коммунизм это что они раздробленные; потому что необходимая предпосылка о настоящем обществе – библейская вера – растаяла, общество состоит из отдельных несвязанных частей и неспособно установить настоящую общность. Чтобы имет настоящую общность, *первое*, необходима вера, общая связь религиозной доктрины и практики. *Второе*, необходимо религиозное смирение: “вы были пришельцами в земле Египетской,” сознание о нашем собственном происхождении и о Божьей милости. *Третье*, странников и наших ближних надо любить так, как мы любим самих себя, т.е. отдавать то же самое внимание об их жизни, семье, собственности и репутации, одним словом думать и действовать как нам самым хотелось бы поступать с нами. *Четвертое*, не только нельзя притеснять чужаков и слабых, но в своей нужде им надо получить нашу помощь и внимание. *Пятое*, чужой и слабый, вдовы и сироты, должны получать то же самое совестливое правосудие на судах по закону, какое мы отдаем великим нашего времени, т.е. без благосклонности, но и с необходимым уважением к закону, и к их правам перед законом. *Шестое*, надо соблюдать меру благосклонности, давая взаймы нуждающимся друзьям верующим; долг должен быть без лихвы, а их необходимости (“одежду вдовы”) нельзя брать в залог. Более того, рабочим на день надо платить тем же вечером за их труд, “ибо он беден и ждет душа его.”

5. К нуждающемуся и беззащитному: Эти появляются в предыдущих классификациях, но они специально отбираются законом, и поэтому Галер с правом дает это как отдельная категория законодательства.^[71] Втор. 24:14 и 27:19 уже цитировались. Левит 19:14, “Не злословь глухого, и пред слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему; бойся Бога твоего. Я Господь,” тоже упоминался раньше в другом контексте.

6. К рабам и слугам:

Если купишь раба Еврея, пусть он работает шесть лет; а в седьмой пусть выйдет на волю даром. Если он пришел один, пусть один и выйдет. А если он женатый, пусть выйдет с ним и жена его. Если же господин дал ему жену, и она родила ему сынов и дочерей, то жена и дети ее пусть останутся у господина его, а он выйдет один. Но если раб скажет: “люблю господина моего, жену мою и детей моих; не пойду на волю,” То пусть господин его приведет его пред богов, и поставит его к двери или к косяку, и проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно (Исх. 21:2-6).

Второзаконие 24:14,15 (цитированное выше).

Если продается брат твой, Еврей, или Еврейка, то шесть лет должен он быть рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками; Но снабди его от стада твоих, от гумна твоего и от точила твоего; дай ему, чем благословил тебя Господь, Бог твой. Помни, что и ты был рабом в земле Египетской, и избавил тебя Господь, Бог твой; потому Я сегодня и заповедаю тебе сие (Втор. 15:12-15).

Бедным надо было помогать в их нуждах, однако помощь не должна была быть субсидией. Некоторые становились, из-за своей неспособности выплатить своих долгов, крепостными за определенный период, продолжительностью не более чем в шесть лет, до следующего субботнего года или малого юбилея. К крепостному не только надо было относиться хорошо, но и его надо было вознаградить щедрой платой за его служение. (Эта система крепостничества была частью английского права, и многие американцы происходят от предков, которые добрались до Америки как крепостные на один субботний период). Крепостник, однако, не мог иметь лучшего из обоих миров: мира свободы и мира рабства. Иметь жену, значит иметь ответственность: чтобы жениться, мужчина должен был иметь приданое, как доказательство о своей способности возглавить домохозяйство. Мужчина не мог воспользоваться преимуществом свободы – женой, к тем временем воспользоваться преимуществом безопасности под своим господином. Если он во время крепостничества женился на другую крепостную или на рабиню, он знал, что когда его срок кончится, он должен оставить или свободу, или свою семью. Он или оставался вечно рабом вместе со своей семьей, и ему прокалывали ухо в знак подчиненности (подобно женщине), или он оставлял свою семью, он мог, если заработал достаточно, выкупить свою семью из рабства. Закон здесь гуманный, но тоже и несентиментальный. Он признает, что некоторые люди по природе рабы и навсегда будут такими. Он одновременно требует, чтобы с ними относились по набожному, но также чтобы раб признавал свое положение и принимал его благосклонно. Социализм, наоборот, пытается дать рабу все преимущества его безопасности вместе с выгодами свободы, и делая это, разрушает жизнь и свободного и порабощенного. Старый правовой принцип, извлеченный из этого закона, что получивший благосостояние не может упражнять право голоса и соответствующие права свободного гражданина, все еще остается в силе.

7. Почтение к пожилому: “Пред лицом седого вставай и почитай лице старца, и бойся Бога твоего. Я Господь” (Лев. 19:32). Опять слабый защищается законом: таким образом защита простирается от юноши (сироты) до пожилого.

8. Построение перил:

Если будешь строить новый дом, то сделай перила около кровли твоей, чтобы не навести тебе крови на дом твой, когда кто-нибудь упадет от него (Втор. 19:32).

Ученые, которые любят находить параллели библейского закона в других древних правовых кодексах, здесь (как и везде) не способны найти никакой параллели. Принцип безопасности при построении здания, как и генеральный принцип надежности, остается. Плоские крыши тех дней обычно использовались жить на них летом; крыша должна была иметь стены или перила, чтобы предотвратить падений. Собственник имущества носил в этом случае общую ответственность устранить возможность о повреждении законно пребывающих на его земле и в его доме. Обязанность “оживлять” это долг устранить потенциальные источники повреждений.

9. Собираение колосьев и разделение жертвоприношений: Это уже цитировалось. Тексты, требующие собираение колосьев, это Исход 23:10; Левит 17:2-9; 19:9,10; 23:22; Второзаконие 16:10-14; 24:19-21; Руфь 2. Два из этих отрывков не имеют прямой связи с собираением колосьев (Лев. 17:2-9; Втор. 16:10-14), но относятся к разделению жертвоприношений, одна из форм благотворительности для бедных, иностранцев и левитов. С собираением колосьев связывается притча Гедеона, “Не счастливее ли Ефрем добирал виноград, нежели Авиезер обирал?” (Суд. 8:2). Гальдейская интерпретация этого, или перефразы, гласит: “Не лучше ли слабому из дома Ефрема, чем сильному из дома Авиезера?”^[72] Собираение колосьев требует работы со стороны получателя. Разделение жертвоприношения ставит бедного, пришельца и левитов в семью приносящего, так как они наслаждаются вместе перед Господом. Это ни всецело, ни по существу, не благотворительность, потому что пришелец мог бы быть преуспевающим, а левит богатый, хотя дети без отцов и вдовы (Втор. 16:10-14) часто были нуждающимися. По сути дела разделение жертвоприношений подчеркивало их общую жизнь под милостивым управлением Бога. Разделение жертвоприношений, и собиране по мелочам тоже, служили также чтобы объединить людей и утвердить общность. Как заявлял святой Павел: “Носите бремена друг друга и таким образом исполните закон Христов” (Гал. 6:2). Но что касается ответственности и работы, святой Павел добавляет: “ибо каждый понесет свое бремя” (Гал. 6:5). Люди “оживлялись” через набожную помощь; они не “оживлялись”, освобождая их от ихних набожных ответственностей. Герман Н. Ридербос интересно комментирует Гал. 6:5:

Каждый человек отвечает за свое поведение перед Богом. Поэтому он должен вести себя как рекомендует стих 4. *Бремя* на этот раз не относится столько к угнетающему грузу (как в стихе 2), сколько к нормальному долгу, которых падает на каждом человеке. Слово *понесет* показывает уверенность в этом утверждении, как и в идущем суждении, когда оно проявится.^[73]

Люди и общества разрушаются ложной благотворительностью, потому что “сердце же нечестивых жестоко” (Прит.12:10), однако преданное придерживание к закону Господа оживляет.

Так как человек живет в павшем мире, у него задание *восстановить* его. Ему делегировал Бог, в каждой области власти, право убивать и оживлять, с целью снова установить намереванное владычество, которое Бог распорядил для человека при сотворении всех вещей. Человек никогда не может установить владычество без проведения в жизнь оба аспекта этого долга под Богом, и согласно Его закону. Только убивать не приносит ничего;

тираны из истории только разрушители. Всем своим незаконным убиванием Сталин не постиг ничего; он оставил Россию и весь мир более бедными и жалкими из-за всех его усилий установить рай посредством смерти. Но подобно этому, те которые стремятся избежать всякое повреждение, всякое убивание, как средство сотворения нового мира, успевают только уступить победу злу. Их нежные милости на самом деле жестокость, и давая жизнь злу они несут смерть для общества. Только преданным соблюдением Божьего мандата убивать и оживлять согласно его закону-слову, может человек установить владычество над землей и выполнить требуемое от него задание восстановления.

5. Гибридизация и закон

Студенческая газета одного фундаменталистского колледжа проводила студенческую атаку на некоторые обычные поведения. Одна из осуждаемых позиций обобщалась так: “Я никогда не могу представить себе иметь приятельство с гомосексуалистом.” Ответ этому был: “Можете ли вы честно представить себе кого-нибудь из ваших приятелей некоторыми ужасно серьезными свихнутыми?” Статья продолжалась:

“Студенты Вестмонта должны знать христианский ответ марихуане.” (Именно какой христианский ответ? Или возможна больше чем одна позиция? Присущее зло ли употребление марихуаны? Или это плохо, потому что незаконно? Что случилось бы если изменить закон?) “Меня отталкивает даже мысль о гомосексуализме, склонности к наркотикам, к проституции. (Некоторых людей отталкивает игнорирование социальных условий, лицемерие, ложное благочестие и добровольное бегство от действительности). Я не могу выделить время, чтобы стать социально вовлеченным в общественные проблемы Санты Барбары. В конце концов, моя первая ответственность это быть студентом.” (Как могу я позволить себе стать вовлеченным? Что означает быть студентом? Может ли оно когда-то исключить быть личностью, и все такое, что означает?)^[74]

Некоторые поведения снисходительности и антиномии вызывают шок у многих, особенно когда они происходят из мнимо евангелистских кругов. Но действительность показывает, что в фундаменталистских кругах, и в лютеранских, калвинистских, англиканских, баптистских, римско-католических и других кругах такие мнения становятся правилом, а не исключением. Те, которые противопоставляются им меньшинство, и им обычно нехватает теологические основы, чтобы противопоставиться эффективно, потому что там, где закон отвергается, верх берет *этика любви*. Где преобладает антиномия, любовь становится новым “законом” и новым спасителем: тогда она ответ каждой проблеме, извращениям, преступности, ереси и всем другим. Там где любовь ответ, всякое право и порядок должны уступить дорогу перед распоряжениями любви. Насколько широко люди верят в любовь как лекарство от всего, показалось на суде в Бель-Ер, Калифорния; врач, который был замешанным в конспирацию с фальшивыми членскими билетами Монашеского клуба, хотя его не вызвали на суд после обвинения, но который признался виновным тоже за ложные декларации о подоходном налоге в 1964 году.

Доктор Лендс обратился к судьи Грее с просьбой “оставьте меня моей семьей и моей собаке – я хотя бы знаю, что они любят меня.”

Врач заявил: “Я чувствую себя как ребенок без матери – нелюбимый и нежеланный.”^[75]

Любовь без закона полная снисходительность: она крайне отрицательна к добру и злу в пользу предполагаемого высшего пути. Этика любви ведет к этике ситуации, тем что вместо по Божьему абсолютному закону, моральность ситуации определяется самой ситуацией и она призывает действовать с любовью. Там где закон отрицается, логика этой позиции ведет неизбежно к этике ситуации, если правила закона не восстановятся в жизни и в мысли. Те евангелистские круги, которые, отрицая закон, еще не под этикой ситуации, представляют просто случаи остановленного развития: один административный указ, как папская энциклика, блокирует логический прогресс в этике ситуации.

Поэтому закон необходим и основной для христианской веры. Любовь в библейской мысли не антиномная: она выполнение закона (Рим. 13:8-10). Таким образом старомодные отцы звучат по Святому писанию, заявляя что они проводят свою дисциплину как акт любви.

Антиномия разрушительная для дискриминации и для разумного использования вещей, и поэтому она запрещается. Некоторые из законодательств в этой области крайне интересные:

Уставы Мои соблюдайте: скота твоего не своди с иному породею; поля твоего не засевай двумя родами семян; в одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна, не одевайся (Лев. 19:19).

Не засевай виноградника своего двумя родами семян, чтобы не сделать тебе заклктым сбора семян, которые ты посеешь, вместе с плодами виноградника твоего. Не паши на воле и осле вместе. Не надевай одежды, сделанной из разных веществ, из шерсти и льна вместе (Втор. 22:9-11).

Комментарий Гинсбурга о Лев. 19:19, несмотря на некоторые детали, попадает в точку:

Святой Бог сотворил все “по роду его” (Быт. 1:11, 12, 21, 24, 25 и т.д.), и таким образом установил физическое различие в порядке Своего творения. Для человека вносить объединение у неподобных вещей это все равно вносить разложение в Божественные законы, и действовать противно распоряжениям Того, кто святой, и чью святость мы должны постичь. . . .

Поля твоего не засевай двумя родами семян. – Согласно применяющим закона во время Второго храма, запрещение относится только к разным семенам для человеческой пищи, смешанные с намерением засеять их на одном и том же поле, как например пшеницу и ячмень, фасоль и чечевицу. Израильянину нельзя сеять их никогда, ни самому, ни позволять израильянину делать это для него. Семена зерна и семена деревьев, как и семена разных видов деревьев, можно засеять вместе. Вводные слова притчи: “Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу” (Лук. 13:6), на самом деле не противоречит этому закону. Семена, которые не предназначались для человеческой пищи, такие как разные травы, или овощи, предназначенные для лекарств, исключались из этого закона, и подобно гибридам из смешанных родителей, семена, засеянные с различными видами разрешалось использовать... Хотя деревья здесь не упоминаются, закон применялся к прививке. Поэтому было запрещено прививать яблоко на лимон, или травы на деревья... Согласно применяющим закона во время Второго храма, израильянину нельзя было одеваться в одежду из шерсти с льняными нитками, и наоборот.^[76]

Из этих законов ясно выявляются некоторые правовые заключения: *Первое*, заповедь “Не убивай” это закон, который ясно на пользу плодородности. Повредить или уничтожить плодородность людей, растений или животных, значит нарушит этот закон. Гибриды ясное нарушение этого закона, как эти прецеденты из Лев. 19:19 и Втор. 22:9-11 показывают. Гибридные растения и животные стерильные, и срывают намерение сотворения, потому

что Бог сотворил все растения так, что в каждом растении “семя его по роду его” (Быт. 1:12). Гибридизация стремится улучшить работу Божью, пытаясь добиться самых лучших качеств из двух различных вещей; бесспорно, что некоторые гибриды действительно показывают известные преимущественные качества, но тоже бесспорно, что у этого высокая цена, из-за наличия немало серьезных недостатков. Выше всего, это ведет к стерильности и поэтому нарушает Божие творческое распоряжение.

Второе, заповеди ясно требуют уважение к Божьему творению. Если Бог создатель всех вещей, тогда все вещи имеют определенную цель, и по своей определенной сотворением функции они хороши. Если все вещи развивались, тогда все, включая человека, имеет в лучшем случае показанную способность к выживанию, но в худшем случае все ошибка эволюции и поэтому предопределенное исчезнуть. В эволюционном мире нет ничего твердого хорошего. Закон однако требует от нас уважать целостность каждого живого существа, воздерживаясь от гибридизации. Человек может убивать и есть растения и животных под законом: это по Божьему закону. Но пытаться через гибридизацию изменить или превзойти одного из сотворенных Богом “родов”, это против Его закона.

Третье, генеральный моральный принцип тотального воздержания и отвращения от каждого и всех нарушений “родов” тоже утверждается законом. Например, закон объявляет:

Не ложись с мужчиною как с женщиною, это мерзость. И ни с каким скотом не ложись, чтоб излить семя и оскверниться от него; и женщина не должна становиться пред скотом для совокупления с ним. Это гнусно (Лев. 18:22,23).

Гомосексуальность и скотоложство были религиозными практиками культов хаоса, и их существование и распространение в современном мире близко связанное с антихристианскими и революционными импульсами. Наказание за такие преступления было смерть для всех замешанных, включая животных (Лев. 20:13,15,16; Исх. 22:19). То, что Мерил Ф. Унджер пропустил цитировать смертное наказание за гомосексуализм в своем словаре, раскрывает антиномную природу фундаментализма.^[77] Новый завет выясняет, что гомосексуальность это *полное сгорание* человека, кульминация вероотступничества (Рим. 1:27; ср. Гал. 5:19; I Тим. 1:10), и что те, которые практикуют его, остаются вне царства Божьего (I Кор. 6:9,10; Отк. 22:15).

Законы пуританской Новой Англии требовали смертное наказание в смысле Святого писания. Так Джон Винтроп записал: “Некоего Хакета, слуга из Салема... нашли в скотоложстве с коровой, в день святого воскресения”; в согласии с библейским законом обоих, человека и корову, экзекутировали.^[78]

Четвертое, святой Павел останавливается на более широком значении этих законов против гибридизации, и против запрегаания вола и осла чтобы пахать (Втор. 22:10), в II Кор. 6:14: “Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?” Неравносильная упряжка полностью означает смешанные браки между верующими и неверующими, и ясно запрещается. Однако Втор. 22:10 не только запрещает неравную религиозную упряжку, как вывод и как прецедент, но также неравную упряжку вообще. Это значит, что неравный брак все равно между верующими или между неверующими грешный. Мужчина сотворенный по подобию Божью (Быт. 1:26), а женщина – по отраженному образу Бога в мужчине и из мужчиной (I Кор. 11:1-12; Быт. 2:18, 21-23). “Помощника, соответственного ему” означает отражение или зеркальный образ мужчины, показывающий что у женщины должно быть что-то религиозное и культурное, общее с ее супругом. Следовательно бремя закона против междурелигиозных, междурасовых и межкультурных браков, из-за того что нормально такие браки против интересов самой общности, которую брак предназначен укреплять.

Неравная упряжка означает больше чем брак. В обществе вообще она означает насильственную интеграцию различных элементов, которые никак не сродные между собой. Неравная упряжка не производит гармонию; скорее она углубляет различия и задерживает развитие различных элементов к христианской гармонии и к объединению.

Вернемся теперь к нашему второму пункту, уважение к Божьему творению, требуемому законом: Святое писание показывает, что Бог, создавая все вещи, говорил “хорошо” (Быт. 1:4,10,12,18,21,25,31). Поэтому человек не может относиться к своим братьям – людям, ни к никакой другой части сотворения, с презрением.

В этом законе обращается специальное внимание животным. Следующие отрывки призывают относиться к животным с добротой :

1. Исход 20:8-11; 23:10-12; и Левит 25:5-7 относятся к необходимости в отдыхе или в субботу для животных. Дикие животные едят плодов от жатвы субботного года, а домашние животные включаются в недельном субботном отдыхе. Субботный год отдых тоже и для земли.

2. Молотящий вол включается в вознаграждения за жатву (Втор. 25:4). Этот закон устанавливает принцип, что рабочий достоин своей зарплаты как вознаграждении (I Кор. 9:9; I Тим. 5:18).

3. Закон против одновременного убивания матери и молодых направлен против исчезании видов (Лев. 22:28; Исх. 34:26; Втор. 22:6,7).

4. Необходимо возвращать отклонившихся животных (Исх. 23:4-5; Втор. 22:1-4); это значит доброту к ближнему, но также и к животным, которых надо освободить от слишком тяжелого груза.

Однако уважение к творению означает далеко больше, чем доброту к животным. Оно означает признать что все вещи имеют свое предопределение, так как Бог сотворил все на свете. В последние годы в многих науках основным является фундаментальное неуважение к миру. Некоторые из нас могут вспомнить как нас учили в школах и колледжах, что один день, благодаря науке, человек будет жить в мире без микробов и полностью стерильном. Эта дегенератская точка зрения уже натворила многих опустошений, как раскрывает исследование Карсона.^[79] Люис Мумфорд привлекает внимание к новой науке и ее презрению к жизни:

“Что останется от мире растений,” говорит доктор Мумфорд, “если мы позволим исчезнуть основной сельскохозяйственной культуре, полученной вследствие близкого симбиотического партнерства между человеком и растениями... Есть масса людей, работающих в

научных лабораториях сегодня, которые хотя и может быть называют себя еще биологами, не имеют никакого познания об этой культуре, исключая беглые услышанные там и тут слова, и никакого уважения к ее достижениям.

Они бредят о мире, составленном из синтетиков и пластика, в котором никакие существа выше ранга водорослей или дрожжей не осмелилось бы развиваться.”

Биологический фактор безопасности существовал, когда от 70 до 90 процентов населения мира занималось выращиванием растений. “В прошлом веке этот биологический фактор сильно сжался. Если наши лидеры достаточно сознавали эту опасность, они не строили бы планы для урбанизации, а для расширения сельского хозяйства.”

... Когда уничтожаются насекомые, указывает доктор Мумфорд, растения, чье плодородие зависит от них, обреченные.[\[80\]](#)

Безрассудное вмешательство человека в природный баланс создает серьезные проблемы. Франсоа Мержан, декан Школы по лесоводству Йеилского университета, написал:

Полное понимание естественных процессов абсолютно необходимо, если мы должны избежать большие экологические катастрофы. Некоторые из прошлых экологических бедствий надо приписать нашему злоупотреблению природными системами. . . .

Мировая организация здравоохранения проводила обширные программы борьбы с сельскохозяйственными вредителями для народа Борнео. С целью искоренить комаров, которые считались вредителями крупного масштаба, Организация обычно опрыскивала деревней препаратом ДДТ. Скоро после его применения крытые пальмовыми листьями крыши деревянных домов начали проваливаться. Выяснилось, что некоторые гусеницы, которые питались пальмовыми листьями, умножились. Благодаря своим особенностям гусеницы не поддавались воздействию ДДТ, а хищные осы, которые обычно сдерживали численность гусениц на неразрушительном низком уровне, были уязвимыми ядом и следовательно уничтоженными.

Гарисон продолжает связывать дальнейшие экологические реакции с опрыскиванием. Чтобы искоренить мух внутри деревянных домов, рабочие Мирового здравоохранения опрыскивали ДДТ вне домов. До этого времени численность мух контролировалась небольшими ящерицами, обитающими множество домов в Борнео. Ящерицы продолжали есть мух, которые уже были тяжело отравленными ДДТ, и ящерицы начали вымирать. В свою очередь домашние кошки поедали ящериц, и тоже умирали от отравления. В результате уничтожения кошек, крысы начали захватывать жилища. Как все мы знаем, крысы не только поедают человеческую пищу, но и представляют серьезную угрозу в связи с распространением болезней, такие как чума.

Крысы достигли такой большой численности, что Мировая организация здравоохранения была вынужденной сбросить с парашютами в Борнео свежую партию кошек, пытаясь восстановить равновесие, действовавшее успешно, однако не признанное техниками, приехавшими помогать. Я рассказываю эту действительную и недавнюю историю, потому что она показывает взаимоотношения между живыми существами и их окружающей средой. Чтобы жить в гармонии со своей окружающей средой, человек должен изменить многие из своих действий, и познавать природу. На самом деле мы можем считать себя счастливыми, что никакое из “научных открытий” пока явно не прервало цепной процесс пищи до такой степени, чтобы причинить большие катастрофы.

Так долго я рассказывал об очень элементарных фактах, хорошо известных экологами. Если однако это известно администраторам и инженерам, которые планируют все эти манипуляции с окружающей средой, они редко показывают его. Миф, что технология является решением всего наших проблем, однако оспаривается все больше и больше со стороны планирующих, а также и широкой общественностью. Мы не чувствуем дальше, что источники науки и технологии бездонные, и начинаем осознавать, что есть биологические границы, навязанные нашим культурам. Есть более высокое оценивание факта, что человек интегральная часть этих очень сложных систем, и что отсутствие понимания может привести к серьезным потерям.[\[81\]](#)

Мержан во многом слишком оптимистичный. Пока человек чувствует себя как бог в развивающемся мире, он будет стремиться к технологическим манипуляциям с этим миром. Во многих областях сегодня проблемы создаются посредством планированного вмешательства: белки умножаются чрезвычайно, когда избиваются койоты; комары умножаются, когда птицы, жабы и другие естественные задержки против них разрушаются и т.д.

Во восточной Пенсильвании опрыскивание причинило значительный вред, избивая пчел и уничтожая бизнес пчеловодов. Потеря пчел имеет свои наказательные последствия: она может привести к проблемам с опыливанием растений.[\[82\]](#)

С другой стороны уважение к Божьему творению может привести к очень счастливым ответам. В Григсвиле, Иллинойс, в 1962 году началось движение восстановить естественное решение проблемы с вредителями:

Григсвилская кампания началась скромно в 1962 году. Семья Джейсии из Григсвила поставила 28 домиков для городских ласточек по протяжению главной улицы города. Ласточки поселились в них, и у города получились удивительные результаты. Граждане обнаружили, что их проблема с комарами решена! Наконец население города могло порадоваться лужайкам, садам и внутренним дворам, без беспокойства. Это было только начало. К ежегодной ярмарке города было обычным опрыскивать химическими пестицидами, чтобы резко снизить число насекомых. Но в этом году из-за случайных обстоятельств, обычная партия отклонилась к другому городу и не успела прибыть в Григсвиле вовремя. Однако ласточки *прибыли* и были голодными. Так как эти птицы живут только от живых насекомых, они преуспели к ярмарке. Когда посредник химической фирмы приехал в город и начал извиняться за задержку доставки, комитет по проведению ярмарки сказал ему, что они больше не нуждаются в пестицидах. По их словам: “Мы сказали ему, что если он найдет одну муху или комара в помещениях, мы закажем в десять раз больше препарата. Он не успел и взял заказ обратно.”

Опыт Григсвила распространился к соседним фермерам, которые признали экономическую стоимость привлечения городских ласточек. Скотоводы например научились, что домики для гнездования этих птиц, поставленные в скотные дворы были чудесным вложением, так как значительно меньше насекомых беспокоили скот. Это приносило больше доходов от скота.

Начальный ласточкин проект в Григсвиле был так успешным, что скоро вовлек местных бой-скаутов, школьных ребят, руководства общественных парков, Борд ярмарок Западного Иллинойса, бизнесменов, фермеров, садоводов, государственных и муниципальных служащих, консервных промышленников, гражданских рабочих в целой нации, и лавина продолжается. Стимулирование городских ласточек распространилось в многие другие общности. Например в Ла Верне, Айова уже было закуплено инсектицида на 200 долларов, но после привлечения городских ласточек не пришлось израсходовать препарата даже на 25 центов! И опять, в Дановиле, Кентукки, ласточкин проект начался как прямой результат понимания со стороны муниципалитета риска от химического контроля вредителей. Их действие заставило одного газетчика написать в передовой статье: “Использование естественных задержек численности вредителей поразило нас как далеко превосходящее практику уничтожения комаров в районе путем беспорядочного опрыскивания инсектицидом над большими жилыми областями.... Мы считаем, что большинство людей предпочли бы вид ныряющих в небо ласточек и песню птиц, перед шипением опрыскивателей. Такая программа экономит тоже деньги налогоплательщиков, которые сейчас тратятся на дорогих химиков, и она вероятно обеспечивает лучший контроль. По меньшей мере ее стоит испробовать.”

В описаниях этих птиц часто цитируется факт, что одна городская ласточка может проглотить около 2 000 летающих насекомых в день. Мистер Вейд склонен считать, что это огромное недооценивание. Основанное на исследованиях, действительное среднее число выглядит между 10 000 и 12000 комаров в день, когда эти насекомые в изобилии! Городская ласточка будет есть тоже мух, жуков, мотыльков, саранчей, зерноядных и других насекомых, которых мы считаем опасными или досадными. Обратное популярному мнению среди некоторых, городская ласточка *не ест пчел*. Королевская птица, которую иногда путают с городской ласточкой, настоящий обвиняемый в поедании пчел, а городская ласточка не есть тоже ни ягоды, ни семена. Ее диета на 100 процентов из живых насекомых.[\[83\]](#)

Все насекомые и животные имеют свое данное Богом место в жизненном цикле; разрушение этого цикла делает вредителями иначе полезных животных и насекомых. Работа дождевых червей, белок, кротов и американских белок на предотвращении эрозии почвы и на улучшении поглощения воды в землю, очень большая. А змеи и койоты между прочим держат их под контролем и сами контролируются другими существами.

Подобно этому сорняки тоже имеют место в Божьем плане, тем что они проникают глубоко в подпочве и извлекают необходимые минералы в верхний почвенный слой. Относиться к сорнякам только как с врагом, а не с данным Богом союзником, значит презирать сотворение. Сорняки с правом названные "охранителями почвы" из-за их восстановительной работы.[\[84\]](#)

Пастырь отметил однажды, что при заражении болезнями почва есть все, т.е. физическое здоровье приемателя есть определяющий фактор. Сэр Алберт Ховард в своих экспериментах в Индии показал сопротивление, которое скот кормленный фуражами, растущими на здоровой и хорошо сбалансированной почве, оказывал болезням:

Мои работные животные избирались очень внимательно и было сделано все, чтобы обеспечить их подходящими жилищами и свежим зеленым фуражом, силосом, и зерном, все это произведенное на плодородной земле. Я естественно был очень заинтересованным, наблюдая реакции этих хорошо подобранных и хорошо кормленных волов на болезни как чуму по рогатому скоту, сепсис, и ящур, которые часто опустошали страну. Никакое из моих животных не изолировалось, у никакого не было прививки; они часто входили в контакт с большим скотом. Так как мой небольшой двор в Пусе был отделен только низкой оградой от одного из больших скотоводных сараев поместья Пусы, в котором встывки ящура случались часто, я несколько раз видел моих волов тереться носами с большими ящуром. Ничего не происходило. Здоровые хорошо кормленные животные реагировали на эту болезнь точно так же, как подходящие разновидности технических культур, когда выращивались как надо, реагируют насекомобразным и губчатым вредителям – никакая инфекция не имела место.[\[85\]](#)

Сама земля должна быть третируемой с уважением. Глупое разрушение микроорганизмов, которые основные для плодородности почвы, причинило большой вред во многих областях. То же самое верно о беззаботном вмешательстве в естественно осушаемых районах.[\[86\]](#) Введение новых животных в данной области причиняет значительный вред, как свидетельствует зайцы в Австралии, где их естественные враги отсутствуют, и может быть сейчас Азиатская шагающая морская кошка (*Clarias batrachus*) во Флориде.[\[87\]](#)

Христианин, когда сталкивается с миром вокруг него должен осознать три вещи: *Первое*, мир не враг, ни враждебный элемент, а Божие творение и предназначенная человеку область для владычества под Богом. Следовательно человек должен работать в гармонии с творением, не атаковать его как чужая и враждебная сила. *Второе*, хотя мир по природе существенно хорош, он всетаки павший мир. Приписывать совершенство ему, и принимать что "естественный" путь это совершенный путь, это не христианское, а гуманистское. Потому что мир павший, и сама земля под проклятием (Быт. 3:17,18), не следует что естественное по необходимости и хорошо. Человек должен выполнить восстановительную и исцеляющую работу. Он должен не искать гибридизацию, но он может работать, чтобы улучшить существующее. Он должен уважать основной образец творения и работать в его рамках, но то, что существует, не норматив или стандарт для него. Ему нельзя никогда сказать вместе с гуманистами, "То что есть, правильно." Даже в рае до грехопадения работа Адама была подчинять, использовать и развивать землю под Богом.

"Оживлять" таким образом не возвращение к эдему, не возвращение к прошлым стандартам, а движение вперед по условиям Божьего царства и человеческого владычества над землей.

Логика перфекционистского взгляда это не только сырая пища и вегетарианство, но также нудизм и избежание всех изобретений и конструкции, включительно домов. Если природа совершенная, тогда возвращение к природному образу жизни требует оставление всех человеческих искусственных проделок и построений. Стряпня, одежда и жилье, все становится неестественной утонченностью и поэтому логично табу. Немногие из тех, которые поддерживают возвращение к природе, однако настолько логичные, насколько есть это.

Во всяком случае, мнение что природа есть норматив антихристианское и явно антибиблейское. Это Бог норматив, и Его закон, который управляет природой и человеком одинаково, так что окружающий мир полностью Божие творение, и хотя павший, настолько совершенно готов быть управляемым Божьим законом, насколько есть человек.

Третье, гибридизация и неравная упряжка подразумевают фундаментальное неуважение к Божьему творению, которое ведет к тщетным экспериментам, таким как трансплантация органов, которая предоставляет стерильную и ограниченную выгоду в некоторых областях, и основную потерю с моральной точки зрения в каждой области. Для эволюциониста мир богатый возможностями, потому что он не фиксированный, не втиснутый в какой-то образец. Для сторонника сотворения плодотворность и возможности мира покоятся именно на его жизненных образцах, на его устойчивости, чтобы человек мог работать пользотворно и с полной уверенностью в успехе. Знание и наука требуют основу из закона, устойчивость, и образец. Без этого не может существовать ни наука, ни прогресс. Гибридизация это попытка отречь действительности закона. Ее наказание - вынужденная стерильность. Во всякой области, где человек ищет возможности, отрицая закон Божий, наказание остается тем же – ограниченные выгоды и обширная стерильность.

6. Аборт

Аборт, разрушение человеческого эмбриона или зародыша, издавна рассматривается библейскими стандартами как убийство. Основания такому суждению шестая заповедь и Исх. 21:22-25. "Объяснительное представление" этого последнего отрывка, которое сделал Касуто, выявляет его значение:

Когда мужчины борются между собой и нечаянно поранят женщину с ребенком, и ее дети появятся, но никакое зло не случится – т.е. женщина и дети не умрут – тот, кто поранил ее должен обязательно быть наказанным штрафом. Но если зло случится, т.е. если женщина умрет, или дети умрут, тогда вы должны дать жизнь за жизнь.^[88]

Важный комментарий сделали Кейл и Делич:

Если мужчины дерутся и толкнут женщину с ребенком, которая подошла близко или между ними с намерением помирить их, так что ребенок выдет (появится на свете), и никакой вред не причиненный ни женщине, ни новорожденному ребенку, то должна быть денежная компенсация, такая, какой определить муж женщины и он должен дать ее... через арбитров (через жалобу к арбитрам). Штраф налагается, потому что даже если никакой вред не причинен женщине и плоду ее утробы, такой удар может угрожать жизни... Множественное число употребляется с намерением говорить неопределенно, потому что возможно в утробе были больше чем один ребенок. “*А если будет вред (матери или ребенку), то отдай душу за душу, глаз за глаз... рану за рану*”: следовательно надо осуществить совершенное возмездие.^[89]

Интересно отметить, что антиномный диспенсационализм не видит закона ни здесь, ни нигде в другом месте. Валтке из Духовной семинарии в Далласе, не видит никакого закона против аборта здесь, и на самом деле склонен считать, что “аборт разрешается по закону Ветхого завета.”^[90]

Важность Исх. 21:22-25 становится совсем более явной, если мы поймем что это судебная практика прецедентов, т.е. что минимальным числом случаев подчеркивается известное более широкое подразумевание. Пусть исследуем некоторые из значений этого отрывка: *Первое*, совсем очевидно, что текст цитирует не случай намеренного аборта, а случайного аборта. Если наказание за даже случайный аборт такое строгое, очевидно что намеренно вызванный аборт запрещается еще более строго. Не нужно специально запрещать намеренный аборт, так как он уже элиминируется этим законом. *Второе*, наказание за даже случайный аборт смерть. Если мужчина, который в ходе борьбы намеренно ударил беременную женщину и причинил ей аборт, должен получить смертное наказание, что остается для человека, причинившего аборт намеренно? *Третье*, даже если нет никакого вреда ни для матери, ни для зародыша, мужчина в случае подлежит штрафу, и действительно должен быть оштрафованным. Ясное, что закон сильно защищает беременную женщину и ее зародыш, так что каждая беременная мать имеет прочную изгородь закона вокруг себя. *Четвертое*, если даже мать птица с яйцами или маленькими охватывается законом (Втор. 22:6,7), ясное, что всякое вмешательство в факт рождения серьезный вопрос: разрушать жизнь запрещено, исключая случаев, когда это требуется или разрешается Божьим законом.

Христианство очень рано столкнулось с фактом аборта, тем что греко-римский мир считал этот вопрос действительным, только если государство полагало, что это желательное. *Республика* Платона очень полно излагает сущность вопроса:

Я бы сделал правилом для женщины рожать детей для государства от ее двадцати до сорока летнего возраста: а мужчина, после достижения самой резкой вспышки в состязании жизни, с этого времени должен порождать дети государству до своей пятидесяти пятой годовщины. . . .

Следовательно если мужчина, которому или над или под этого возраста, вмешается в дело с порождением детей для общности, мы должны объявить его действие преступлением против религии и правосудия, ввиду того, что он выращивает ребенка для государства, который, чтобы избежать раскрытия, вместо того, чтобы быть порожденным под санкцией этих жертвоприношений и молитв, которых надо приносить на каждой свадебной церемонии жрецами и жрицами, и целым городом, чтобы ребенок, которому предстоит родиться, был бы еще более добродетельным и полезным, чем своих добродетельных и полезных родителей, то он будет задуманным под прикрытием тьмы при помощи ужасной неводержанности. . . .

Тот же самый закон должен соблюдаться, если мужчина, который еще в возрасте чтобы быть отцом, замешается с женщиной, которая тоже в подходящем возрасте, без введения магистрата: потому что мы обвиним его в выращивание для государства незаконного беспомощного и неосвященного ребенка. . . .

Однако если женщины и мужчины находятся в предписанном возрасте, мы должны позволить последним, я думаю, связываться свободно с кем им нравится, только чтобы не была дочь, или мать, или внучка или бабушка: и таким же образом мы позволим женщинам связываться с любым мужчиной, исключая сына и отца, или одного из их родственников по прямой линии, нисходящих или восходящих; но только после того, как им дали строгие распоряжения сделать все, что в их силах, чтобы предотвратить появление в свет ребенка, так случайно задуманного, но если это иногда не поможет, то располагать новорожденным с пониманием, что плод такой связи нельзя вырастить.

Все это разумный план; но как различить отцов, и дочерей, и родственников, которых вы только что описали?

Никак не трудно, ответил я; только все дети, рожденные между седьмом и девятым месяцами от дня, на котором один из них женился, должны называться им, если мужские, его сыны, если женские, его дочери; а они будут звать его своим отцом, и их дети он будет называть внуками; последние опять должны называть его и его друзей женихов и невест дедушками и бабушками; это потому что все должны считать братьями и сестрами тех, которые родились в тот же самый период, когда их родители принесли их на свет; и как мы только что сказали, все они должны воздерживаться от прикасания друг к другу. Но закон позволит сексуальную связь между братьями и сестрами, если судьба решила так на этот раз, и если Дельфийская жрица тоже дает этому свое разрешение.^[91]

С этой точки зрения государство крайний порядок и рабочий бог системы, так что государство может распоряжаться об аборте, детубийстве и кровосмешении. Позиция Аристотеля была подобной, тем что он требует аборт, когда разрешенные государством рождения превышаются.^[92] В Риме, когда аборт сделали незаконным для женщин, это было не на основе крайнего морального закона, а потому что он лишал супруга от законного потомка.

Очень рано церковь осудила аборт (Didache ii:2). Конституция апостолов (VII, iii) гласит: “Не убивай ребенка, причиняя аборт, ни убивай того, который породился; потому что все, которое оформилось и получило душу от Бога, если будет убито, должно быть отомщено как несправедливо уничтоженное (Исх. 21:23).” Тертиллиан (Apol. 9) ясно излагает христианскую позицию: “Препятствовать рождение просто более быстрый способ человекоубийства; не имеет значения отнимаете ли вы жизнь, которая родилась, или уничтожаете ту, которая собирается родиться. Это человек, который в процессе становления личностью; вы уже имеете плод в семени.”^[93]

Современное отношение к аборту все более снисходительное. Например А. Е. Кроули видит его главная причина в бедности, вправду, заявляя что “настолько часто, насколько... бедность не единственная причина.”^[94]

Хавелюк Елис видит цивилизацию как ведущей к уменьшению аборт, потому что жизнь становится более рациональной и научной. Другими словами аборт не грех, а первичное лекарство от экономического горя и от безрассудного сексуального поведения.

Однако аборт не уменьшился; упадок авторитета библейского закона привело к увеличению абортов. В 1946 году дело об аборте Инес Бэрнс в Сан Франциско привело к пониманию, что пока число рождений в год было 16000, аборт в год в этом городе насчитывали 18000. В 1958 году оценка американских абортов включалась от 200000 до 1200000.^[95] Свидетельства показывают, что большинство абортов делается замужними женщинами.

Обширная программа 1960-ых годов утверждала “право” женщин делать аборт, и эта позиция поддерживалась американской Ассоциацией Общественного здоровья.^[96] В Советском союзе аборт был законным и свободным.^[97] Легализация терапевтических абортов в Калифорнии, с обширной дефиницией, которая позволяла аборт, если психическое или физическое здоровье матери могло бы повредиться, не остановила незаконных абортов; ответ автора этой меры был обещание даже расширить закон дальше.^[98] Под влиянием гуманизма правовая ситуация сильно затуманилась. В Бостоне нерожденный ребенок, абортированный в результате инцидента, получил компенсацию за виновное повреждение от собственного грузовика, который ударил автомобиль, водимый миссис Завен Торигиан, так что ее ребенок родился преждевременно.^[99] Такое развитие дело было в согласии с библейским законом. Однако в Нью Йорке миссис Роберт Стюарт, которая родила запоздалого ребенка, после того как прихватила корь и ей отказали аборт, выиграла дело против госпиталя за отказ сделать ей аборт.^[100]

Одно важное исследование об аборте в “примитивных” обществах раскрыло, что его главные функции были месть против отца, ненависть к ответственности (папуасы из залива Гийлвинк заявили: “Дети груз, и мы устали от них. Они уничтожают нас.”), желание избежать стыд, аналогия самоубийства, ненависть к жизни, ненависть к мужчинам, и кастрация отца. Как бегство от родительства, мотивация об аборте такая: (1) сохранение красоты, (2) продолжение наслаждения от свободы и безответственности, и (3) избежание сексуального воздержания, обычное для многих культурах во время беременности и лактации. Сущность этих мотивов, согласно Деверо, “невротическое бегство от зрелости.”^[101] Что даже эти “примитивные” общества сознают, что аборт убийство, выявляется из работы Деверо “Обезнаследование эмбриона.”^[102]

Выразительный аргумент против аборта появился в журнале Ассоциации американской адвокатуры, написанный доктором А. К. Миетус, профессор по акушерству и гинекологии в UCLA, и его братом, Норберт Дж. Миетус, председатель отделения по бизнес администрации Штатского колледжа в Сакраменто. Согласно им:

Они сказали, что те, которые оплакивали потери 5000 до 10000 матерей в год из-за незаконных абортов, пренебрегают один миллион или более нерожденных детей. “пожертвованных в процессе этой массивной атаки против человеческой жизни.”

Братья Миетус сказали, что некоторые оправдали бы аборт в случае нерожденного ребенка, который мог бы родиться калекой или ненормальным.

“Предложил ли бы некоторый уважаемый доктор, попробовать *оживить* калек, или психических или физических ненормальных, при подобном пристрастном судопроизводстве? Начинать элиминированием родителей со старческим слабоумием; потом миллионов слепых индивидов? Продолжать со всеми, которые не могут стать с кровати, потом прикованными в креслах на колесах, и наконец теми, которые пользуются костылями? Постепенно продолжить распоряжением с миллионными, которые носят очки, используют слуховые аппараты, имеют искусственные зубы, чрезвычайно сильные или чрезвычайно тощие?”

“Где провести линию между приемлемым и неприемлемым уровнями годности?” спрашивают братья Миетус. “Никакое человеческое существо не совершенное. Будет ли мир однако действительно лучшим местом после уничтожения миллионов ненормальных индивидов? Выиграл или потерял мир от услуг эпилептика Микеланджело, глухого Эдисона, горбатого Стейнмеца, обоих Рузвельтов – астматического Теодора и парализованного полиомелитом Франклина?”

“Надо признать, что либерализация законов об аборте будет логически последованной нажимом для легализации эвтаназии. Атака против жизни по существу та же самая,” сказали они.^[103]

Сущность требования об аборте это возвращение к языческой государственной политике, поставить жизнь снова под государством, а не под Богом. Применения аборта касаются больше чем эмбриона; они затрагивают каждого живого человека.

Требование об аборте антиномное в своей сердцевине. Замечательно то, что когда группа молодых женщин вторглась в штатском юридическом слушании в Нью Йорке, чтобы прервать его своим требованием о полной отмены антиабортного закона, они заявили что “они устали слушать, как мужчины обсуждают то, что в первую очередь касается женщин. ‘Какое имеете право вы, мужчины, говорить нам можем ли мы или не можем иметь детей?’ кричала одна из женщин.”^[104] Логика этой позиции показательная: женщины твердят, что мужчинам нельзя законодательствовать по отношению к рождению детей, потому что у них нет опыта об этом. Таким образом испытанием о действительности и самого закона, и законодателей, является наличие опыта. По этой логике можно твердить, что хорошие граждане не могут законодательствовать по отношению к убийству, так как акт убийства вне их опыта. Гуманизм (и познавательная религиозная философия) сводят все вещи к испытанию человеческим опытом и таким образом отрезают весь закон и порядок. Мужчины которые не могут подобно женщинам рожать детей, *могут* законодательствовать по отношению к абортам, потому что принцип закона не опыт, а закон-слово Бога.

Одно последнее замечание: обычный риторический проверочный случай спрашивает должен ли доктор попробовать спасти жизнь матери или ребенка в критической ситуации. Чья жизнь должен он пожертвовать? Зародыша или матери? Согласно компетентным докторам, вопрос искусственный. В случае кризиса доктор работает, чтобы спасти жизнь, и делает все что может для матери и для ребенка. У никакого доктора, которого спросили об этом, не было такого “выбора”, только ответственность всегда делать все, мгновение за мгновением, чтобы спасти жизнь обоим. Моральность не поддерживается искусственными вопросами, чья цел это поставить личности на место Бога.

В Калифорнии либеральный закон об аборте быстро привел к очень серьезному кризису, такой который большинство людей предпочитают пренебречь. Губернатор Рейган отметил 22-го апреля 1970 года, что закон создал безобразную ситуацию:

Рейган сказал: "Это стоило массу душевных испытаний о нем, чтобы подписать либерализационный законопроект Беленсона в 1967 году.

Под этим актом аборт разрешался, когда физическое или психическое здоровье будущей матери было в опасности, или когда беременность была причиненная изнасилованием или кровосмешением. До этого аборт разрешался только когда жизнь женщины была в опасности.

"Разрешите мне рассказать вам что случилось даже при либерализации, которая у нас," говорил Рейган женщинам. Указывая на раздел психического здоровья, губернатор сказал:

"Наше Министерство Общественного здоровья рассказало нам о своих прогнозов, что если настоящий темп увеличения в Калифорнии задержится, через год будут больше абортотворцев чем будут рожденные живыми в этом штате. И большая часть из них будет финансируемая через Medi-Cal."

Он сказал: "С точки зрения формальностей, молодая незамужняя девушка" может забеременеть, пойти в социальную службу, "и она автоматически подходящая для аборта, если хочет это, под Medi-Cal. И все, что она должна сделать это найти психиатра – а их очень легко найти – который пройдет через ее кровать и скажет что у нее склонность к самоубийству."

Рейган сказал, что в Сакраменто пятнадцатилетняя девушка только что сделала свой третий аборт, с одним и тот же психиатром, который каждый раз заявлял, что у нее склонность к самоубийству. Я не думаю, что государство должно участвовать в этом бизнесе."^[105]

Пока губернатор говорил, сенатор Энтони К. Беленсон представил законопроект об отмене всех ограничений относительно абортов, исключая требование, что его должен сделать врач. Кандидат в губернаторы от Демократической партии Джес Ундрух поддержал предложение Беленсона.

7. Ответственность и закон

Центральный аспект библейского закона обобщается единственной сентенцией: "Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление" (Втор. 24:16). Этот закон цитируется в IV Цар. 14:6 и II Пар. 24:4 как основания для поступка царя Амасии, который пощадил детей убийц своего отца. Иеремия подчеркивает ту самую доктрину (Иер. 31:29,30), как и Иезекииль (18:20). Райт комментирует этот закон интересным образом:

Такой закон как этот кажется излишним в современном обществе, когда индивид первичная единица и смысл общности солидарности слабый или всецело отсутствует. В патриархальной и полукочевой жизни однако смысл общности ответственности был очень сильным, специально ответственность семьи. Кровная вражда кочевников могла ликвидировать целую семью за преступление одного из ее членов (для исключительных случаев этого в Израиле см. Ис.Н. 7:24,25; II Цар. 21:1-9).^[106]

Райт прав, утверждая что кровная вражда кочевников отрицает принцип, присущий этому закону, но та же угроза этому закону существует сегодня в другой форме. Он однако не прав в отношении Ахана (Ис.Н. 7:24,25); в случае Ахана золото и серебро, скрытое в землю среди шатер дает основание считать всех членов семьи соучастниками; его интерпретация II Цар. 21:1-9 тоже погрешная. Обычайной практикой древности было наказывать, избивать или экзекутировать всю семью некоторых преступников.

Чтобы анализировать закон, надо осознать некоторые центральные аспекты его. *Первое*, ответственность аспект каждой правовой системы. Кто-нибудь должен отвечать за преступления; если где-то нет ответственности, там не возможно никакое применение закона. *Кто* ответственный – это важный вопрос, а ответ – это ответ религиозный. Ответственность может падать на семью, на общность, на окружающую среду, на богов, или на личность. *Где* падает ответственность, составляет фундаментальную разницу в социальном порядке.

Второе, библейская доктрина, как выясняет Втор. 24:16, это доктрина индивидуальной ответственности. Существенное для греха, согласно Быт. 3:9-13, пытаться избежать индивидуальную ответственность. Адам и Ева отказали признать свою вину: они перебрасывали ответственность другому, Адам обвинял Еву и Бога, Ева обвиняла змею. Набожный человек поступает ответственно и принимает ответственность за свои действия.

Третье, ввиду того, что вопрос об ответственности основной, ответственность перед кем? Если человек ответственный, то кому он должен отвечать? Семье, обществу или государству? Библейская доктрина об ответственности утверждает, что первичная ответственность человека перед Богом, вторичная перед своими ближними. Это Бог стоит перед Адамом, и куда не повернешься стоит перед человеком, со Своим объявленным суверенитетом и Своим тотальным законом.

Четвертое, в смысле этого закона, вину нельзя перебрасывать другим или переносить к людям вокруг человека. Вина не переносимая; предрасположение или природные качества можно наследить, но не и вину. Человек наследил от Адама полную испорченность своей природы, но его вина перед Богом полностью его собственная, точно как и Адам должен нести свою собственную вину. Это различие между виной и природой фундаментальное для библейской доктрины и закона. Оно отсутствует в такие правовые системы как Ислам. Из-за того, что закон имеет дело с виной и наказывает виновного, непереносимое естество вины в библейском законе имеет центральное значение. Когда вина переносимая, наказание тоже переносимое. Это есть сущность принципа кровной вражды: если один Хатфийльд совершил преступление, тогда все Хатфийльды разделяют вину, и все наказываются. Подобно этому, если все американцы виновные за убийство президента Кенеди, тогда согласно этой языческой теории все американцы должны быть наказаны. *Ответственность, вина и наказание* неразделимые в законе: когда есть ответственность за преступление, тогда есть вина, и надо применить наказание или возмещение.

Сегодня эта доктрина об индивидуальной ответственности подрезается теорией эволюции. Основное для эволюционной теории это окружающая среда; человек продукт своей окружающей среды и развился в взаимодействии с изменяющейся средой и под ее воздействием на него. В результате не только человек продукт своей окружающей среды, но он тоже ее творение, а не Бога. Человек то, что развивающийся мир сделал из него, и действия человека тоже продукт его окружающей среды и ее моделирования человека. Это означает, что вина за действия человека остается за его среду, его социальный и личный мир, и что этот мир надо наказывать, когда человек грешит. Таким образом общество обвиняется за поведение подонков и преступников, а родители за грехи

их детей. Наказание следовательно падает на общество и на родителей. В такой схеме вещей незаконные освобождаются от ответственности, а виновными становятся невинные.

А ничего ли не учит нас библия об ответственности общности? На самом деле библейский закон действительно утверждает ответственность общности, ответственность видит, что правосудие совершилось. Если правосудие не совершится, тому вина общества.

Первое, рассмотрим ответственность общества за правосудие. Непосредственно за законом, касающим индивидуальной ответственности, идет один из многих законов, касающих правосудие: “Не суди превратно пришельца и сироту; и у вдовы не бери одежды в залог (Втор. 24:17). Там где есть семья, семью нельзя считать виновной за уголовное преступление. Там где нет семьи, общности нельзя воспользоваться беспомощностью личности. Если на суде иностранец (“пришелец”), один и без друзей, его право на правосудие остается неизменным. Его беспомощностью нельзя воспользоваться больше, чем можно конфисковать имущество родственников преступника или атаковать их личности. Правосудие не общественное – оно индивидуальное. Доктрина об общественном правосудии идет рука в руке с доктриной об общественной вине. Общественное правосудие не только атака против личной ответственности, но также и против иммунитета невинных.

Второе, так как ответственность общества означает, что правосудие должно совершиться, следует что там где правосудие не совершается, из этого вытекает вина общности. Этим занимается Второзаконие 21:1-9. Если убийство не раскрыто, вся общность несет ответственность как и неизвестный убийца. Убийца несет ответственность перед Богом за убийство, а общность за то, что не успела отомстить убийце, за неуспех привлечь убийцу к правосудию. Так как преступление против Бога, лидеры общности делают искупление перед Богом за преступление, чтобы не навлечь на себя никакую вину. Вкратце, общности нельзя оставаться безразличной к любому преступлению в ее среде, а ненаказанные преступления должны иметь свое ритуальное искупление.

Форма этого закона такая, как у жертвенной системы Ветхого завета: она для нас больше не обязательная. Сущность закона однако все еще действительная. Общность ответственная перед Богом чтобы увериться, что правосудие совершилось, но также ответственная и перед жертвами преступления.

Валлер интересно комментирует здесь: “Замечательно, что до сих пор самое эффективное средство против оскорблений, виновника которому невозможно найти, это штраф области, в которой оно произошло.”^[107] Это сохраняет намерение этого закона; подобно этому возмещение жертвам преступления существенная часть искупления общности, как молитвенная петиция о Божьей милости со стороны государственных служащих. Последнее существенное и основное, потому что первичное преступление всегда против Бога при любом нарушении закона. Как отметил Ерлих, библия не использует слова “преступление.” Каждый проступок называется “нарушением закона.” “Отсутствие термина ‘преступление’ показывает, что воля Божья единственный источник всего закона и поэтому все наказуемые действия составляют грехи, которые в нарушение Божьего закона.”^[108] Концепция о нарушении закона заменяется доктриной о социальной обусловленности и вынужденном поведении; продолжительность жизни такой концепции о среде сравнительно короткая, потому что ее влияние самоубийственное для каждого общества. Более того, основным для этой языческой концепции является полное обезличение; так как человек продукт эволюции безличной вселенной, он в основном руководится безличным миром и безличными силами. В библейском законе человек, как творение личного и триединого Бога, нарушает закон лично против Бога при каждом своем грехе. Каждый проступок таким образом ответственный, потому что личный и представляет *нарушение закона*. Закон, который связан с личной ответственности уважается людьми: они чувствуют себя центральными и существенными фигурами общества. Вещи не в счет, ответственные – люди. Гуманистский и эволюционный закон не уважается людьми: люди не в счет, вещи правят миром. Поэтому социальные ученые, которые стремятся играть роль богов, управляя вещами и манипулируя людьми, относятся к народу бездушно. В конце концов почему народ, который всегда управлялся вещами, должен подчиняться правилам элитных людей? Дехристианизация общества это тоже обезличение человека.

8. Возмещение или восстановление

Намерение Бога при искуплении это “возмещение” или “восстановление” всех вещей в Иисусе Христе и под Ним как Царем (Деян. 3:21). Цель истории это великое “новое рождение” или новое сотворение всех вещей в Христе (Мат. 19:28). “Времена о которых говорили пророки, описанные здесь как времена восстановления, когда Христос будет владеть над царством, в котором никакое из последствий греха больше не появится.”^[109]

О слове “восстановление” Райт отмечает что “Вокруг этого слова скопляются некоторые из самых запутанных проблем нашей мысли в отношении возможностей о судьбе человечества.” Он подразумевает декларацию, что человечество должно восстановиться для благословения, а земля чтобы быть благословенной вместе с человеком.^[110] Это восстановление или возмещение не означает универсиализм.^[111]

Принцип возмещения основной для библейской правовой системе; он появляется с специальным подчеркиванием в законах под шестой и восьмой заповедями, однако он основной для намерения всего права. Концепция “глаз за глаз, зуб за зуб” не возмездие, а возмещение. Не только либеральные, но и евангелистские ученые часто заблуждаются по этому пункту, как свидетельствует более чем тысячелетний диспенсационалистский ученый Унгер, который читает Исход 21:24,25, как буквальное и как отомстительное возмездие.^[112] Однако настоящий контекст цитированного отрывка противопоставляется этому: беременная женщина, толкнутая мужчиной, хотя и нечаянно, получает в компенсации его штраф; если последует вред матери или ребенку, мужчина платит своей жизнью. Это что, возмездие или возмещение? (Исх. 21:22-25). Отрывок,

который следует непосредственно за ним (Исх. 21:26-35) снова подчеркивает принцип возмещения, обычно через компенсацию, если не полагается смерть. Читать принцип глаз за глаз как буквальное ослепление человека, который повредил зрение другого человека это нарушение настоящего постановления Святого писания. То же самое применимо к Лев. 24:17-21; возмещение за некоторые проступки смертная казнь, за другие компенсация.

Некоторые из законов о возмещении относятся к вредам. Обобщение Кларка библейского закона о вредах чудесное:

Закон о вредах гласит, что когда повредит другого или причинит зло ему, должен отдать репарацию или возмещение. Правила касающиеся обязанности о возмещении, и количество или оценка вреда, оказываются в Святом писании. Так например возмещение требуется от вора (Исх. 22:3); от того, который "потравил" поля или виноградника другого (Исх. 22:5); от того, кто "произвел пожар" и сжег "копны или жатву, или поле" другого (Исх. 22:6); от поверенника, кому вручили на сохранение животное, а он допустил чтоб его украли (Исх. 22:10,12); и от того кто убил животное, принадлежащее другому (Исх. 22:21). Тот кто совершает нападение против другого камнем или кулаком, обязан заплатить потерю времени его жертвы и сделать так, что другой полностью вылечился (Исх. 21:19). Собственник вола, который "забодает раба или рабу," обязан заплатить их хозяину тридцать сиклей серебра (Исх. 21:32). И соблазнитель девушки должен заплатить пятьдесят сиклей серебра ее отцу (Втор. 22:29). Также супруг, который клеветит свою новобрачную жену, должен заплатить сто сиклей серебра отцу жены (Втор. 22:19).^[113]

Некоторые из категорий вреда показанные как следует:

1. за искалечивание людей Лев. 24:19; Исх. 21:18-20;
2. за убивание животных или когда одно животное убивает другое животное, Лев. 24:18,21; Исх. 21:35-36;
3. за различные причинения зла, возмещение Богу, Числ. 5:6-8.

Много других законов о возмещении имеют дело с имуществом. Мы занимаемся здесь прежде всего с увреждением личности. Появляются известные принципы ответственности: *первый*, виновная сторона возмещает медицинские расходы уврежденного: "и даст на лечение его" (Исх. 21:19). *Второй*, виновная сторона отвечает за остановку в его работе" (Исх. 21:19). Если виновная сторона хозяин, а потерпевшая сторона его раб, тогда была ответственность за смерть или за увреждение, но не и за потерю времени, потому что это была потеря хозяина; по этой части он повредил самому себе (Исх. 21:20,21; Лев. 24:17-20). *Третий*, наказание, которое применялось, когда животное, принадлежащее данному человеку, причиняло вред; если у животного не было предыдущих данных о нападении над человеком, тогда животного убивали (и конечно пострадавшему оплачивали лечение и компенсацию). Однако если у животного были предыдущие данные о насилии, тогда собственник его ставал ответственным за убийство и подлежал смертной казни (Исх. 21:28,29). *Четвертое*, виновная сторона оплачивала компенсацию за вред, которую определял суд, в добавлении к компенсации за потерянное время и за медицинские расходы.

Принцип возмещения не исчез полностью из закона сегодня, однако есть существенные различия. Одно из исследований по этому вопросу, сделанное Стефеном Шафером, важное в этом контексте. По Шаферу:

"Виновного человека обеспечивают жильем, пищей, одеждой, отоплением, освещением, медицинским обслуживанием, за счет государства, в образцово камере; он выходит из нее с заработанной законным образом суммой денег, уплативший свой долг к обществу; он может снова набрасываться на свои жертвы на волю; но у жертвы есть свое утешение: она может думать, что налогами, которыми она платит казне, она принесла за отцовскую заботу, которая окружала преступника во время его пребывания в тюрьме." Это были горькие и саркастические слова бельгийца Принца на тюремном конгрессе в Париже в 1895 году, когда в ходе дискуссии по проблемам возмещения жертвам преступлений он не смог дальше сдерживать свое возмущение от различных практических и теоретических трудностей, воздвигнутых против его предложений в пользу жертвы.^[114]

Возмещение долгое время было фоном виртуально всех правовых систем и иногда выступало ярко на передний план. Например, согласно раннему американскому праву, "Вор, в добавлении, к своему наказанию, должен был вернуть уврежденной стороне трикратную стоимость ее украденных вещей, или в случае несостоятельности, его отдавали в распоряжение жертвы на некоторое время."^[115]

В современном праве термин возмещение обычно заменяется "компенсацией" или "платой за убытки".^[116] Однако существенная разница такая: в библейском законе преступник виновен и перед Богом (отсюда и возмещение Богу, Числ. 5:6-8), и перед уврежденным человеком, кому он дает прямое возмещение, тогда как в современном праве преступление первично и по существу к государству. Бог и человек остаются в стороне от главной картины. Согласно Шаферу:

Причина этому главным образом сильная алчность феодальных баронов и средневековых церковных властей, которые постепенно присвоили себе права уврежденной стороны. Они, действительно, осуществляли двойную месть к преступнику, конфискуя для себя его имущество (вместо в пользу жертвы), а потом наказывая его темницей, пыткой, позорным столбом или виселицей. Но первоначальная жертва зла практически пренебрегалась. После средних веков возмещение оставалось в сторону от наказания и как будто деградировало. Жертва стала Золушкой уголовного закона.^[117]

Идея о возмещении была оторванной от концепции о наказании. "Теория, разработанная в конце Средневековья, что преступление это нарушение исключительно против государства, разорвало эту связь. Концепция о наказании оставалась нетронутой гражданской концепцией о возмещении."^[118] Действительно Шафер отмечает:

Если кто-нибудь рассмотрит правовые системы разных стран, он напрасно будет искать страну, где жертва преступления может иметь некоторые надежды о полном возмещении ее убыток. В редких случаях, где есть государственная компенсация, система или не полностью эффективная, или вовсе не работает; где нет системы государственной компенсации, жертва в общем сталкивается с недостаточными возможностями гражданского судопроизводства и гражданского судебного исполнения. Пока наказание за преступление рассматривается как заботу государства, увреждающий результат преступления, т.е. вред для жертвы, рассматривается почти как частное дело. Это напоминает человека в первых дней социального развития, когда оставленный один в своей борьбе за существование, он был должен сам отбивать атаки и бороться один против своих себеподобных, которые причиняли ему ущерб. Жертва сегодня не может даже сама искать удовлетворения, так как право государства запрещает ей брать закон в своих руках. Во времена ее праотцов возмещение было житейской практикой, и "может быть ничего не стоит то, что наши варварские предки были мудрее и справедливее, чем мы сегодня, потому что они принимали теорию о возмещении уврежденному, тогда как мы оставили эту практику, в ущерб всех затронутых." "И это было мудрее в

принципе, более реформаторское по своему влиянию, более удерживающее опасных тенденций, и более экономичное для общности, чем современная практика.”^[119]

Из предыдущего видно несколько вещей: *Первое*, смещение от возмещения к тюремному заключению имеет свои корни в захвате власти церковью и государством, и в начале замышлялось чтобы встряхнуть виновного с целью выкупа и конфискации. *Второе*, государство сделало своей доктриной о наказании уголовное право, а отослала возмещение гражданскому праву. Таким образом если пострадавшая сторона ищет возмещение сегодня, это предполагает траты на гражданское дело через посредничество неблагосклонного суда, так что если даже пострадавшая сторона выиграет, собиранье должимого очень трудно. В результате, по причине этого разделения, преступник встречается с тюрьмой, с психиатрическими институтами или с исправительными учреждениями, и о нем заботится все более прощающее государство, вместо того, чтобы взыскивать от него возмещение. *Третье*, так как одна из форм библейского возмещения было право самозащиты, право при определенных обстоятельствах убить агрессора или вора, увеличившееся ограничение права пострадавшего защитить себя означает, что мы возвращаемся к варварству без защиты, присущей варварству, т.е. свободы защитить себя. *Четвертое*, система тюремного заключения или “реабилитации преступников” ведет в действительности, как отметил Принц, к субсидированию преступников и к налогу на невиновного и пострадавшего. Это дальнейшее увреждение благочестивого, которое требует возмещение от руках Бога и человека. Общество, которое субсидирует преступника и наказывает набожного, кончает поощрением нарастающего насилия и беззакония и таким образом обрекается анархии. *Пятое*, Вайнс отмечает, хотя и выдает нам ложного источника как предпочитаемый такой, “что есть только два возможных источника гражданской власти, а именно Бог и народ.”^[120] Если власть от Бога, тогда должен преобладать закон Божий; если власть от народа, тогда должна преобладать воля народа, и нет принципа закона над и выше народа. Возмещение как принцип в таком случае чужое демократическому обществу, потому что оно теократический принцип, который требует чтоб человек подчинился одному абсолютному и неизменному правосудию.

Возмещение как теократический принцип предполагает три вещи: *первое*, оно предполагает возмещение пострадавшей личности. *Второе*, так как нарушился правовой порядок, это Божий правовой порядок, когда не существует личность, в случае смерти, который отдать возмещение, оно дается Богу (Числ. 5:6-8). В случаях греха, когда Бог вовлечен прямо, к возмещению прибавляется одна пятая часть; эта пятая часть представляет одну четвертую первоначального количества, иными словами другая четверть (Лев. 5:14-16). Во всяком случае, надо отдать возмещение Богу через жертвоприношение для искупления (Лев. 5:17-19). *Третье*, из этих прецедентов видно, что возмещение *всегда* обязательное для общества, чтобы оно было здоровым перед Богом. Это содержит предположение, что государство должно давать возмещение пострадавшей личности, когда и где государство не успевает, как служащий правосудия, открыть виновную сторону. Цель набожного общества *восстановление*; по всем пунктам оно должно быть эффективным, наказывая зло, и защищая набожного через возмещение.

Цель центральная для веры и для молитвы. Молитва Господня объявляет: “Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как и на небе” (Мат. 6:10). Это полностью просьба о восстановлении, и все настоящие молитвы должны включать ее.

Неуспех общества основывать себя на возмещение, или выходить из этого принципа, означает нарастающую необходимость в дорогой защите средствами *страхования*. Слишком часто, и большей частью, страхование является формой самовозмещения, тем что покупатель платит за защиту против безответственных людей, которые не дают возмещение. Большие страховые премии, которые платят ответственные люди и корпорации, это их самозащита против неуспеха закона добиться возмещения.

Такое общество не может с чистой совестью молиться “Да придет Царствие Твое,” потому что оно отрицает эту просьбу, пренебрегая закон Божий. Ожидающие золотого века диспенсационалисты, которые отрицают закон и поэтому отказывают произносить Молитву Господню, все-таки более совестливые, чем миллионы, которые используют ее регулярно, не делая при этом никакое усилие, чтобы восстановить Божий правовой порядок.

9. Военные законы и производство

Военные законы Святого писания имеют специальное значение для человека, тем что они включают не только законы о ведении войны, но и важный генеральный принцип.

Изучая военные законы мы находим, что, *первое*, когда война ведется в смысле защиты справедливости и чтобы подавить зло, и в защиту родины от врага, она часть необходимой работы по возмещению и восстановлению, и поэтому о ней говорится в Святом писании как о войне Господа (Числ. 21:14). Подготовка солдат включала религиозное посвящение к их задаче (Ис. 3:5).

Второе, закон определяет возраст солдат. Все годные телом мужчины двадцатилетнего возраста и выше были подходящими для военной службы (Числ. 1:2,3,18,20,45; 26:2,3). Этот стандарт преобладал долгое время и был например основой для действия в американской Войне о независимости. Это было однако, еще избирательная служба (Числ. 31:3,6), так что например 46 500 подходящих от Рувима, 74 600 от Иуды, и 35 400 от Вениамина (Числ. 1), в войне против Маданитян были взяты только по тысячу из каждого колена (Числ. 31:4). Выбор каждого годного физически человека был таким образом принципом утверждения их способностям в крайних кризисных ситуациях.

Третье, так как война против зла набожная и служит Божьей задачи о восстановлении, Бог обещал защитить своих людей, если они соблюдают условия веры и повиновения. Согласно Исх. 30:11,16, “При переписи населения, которое военный акт, *каждый должен дать выкуп*, (т.е. обеспечить ‘покрытие’) для себя.”^[121] Как

отмечает Юинг, “Его цель была сделать искупление для жизни тех, которые идут на битву.” Слово “язва” в Исх. 30:12, это древнееврейское *nedeph*, которое “происходит из начального корня, означающего толкать, забодать, разбивать, убивать, ударять, причинять зло. Этот выкуп был за жизнь солдата, чтобы он не был бы убитым в битве.” В битве против мадианитян, цитированной выше, 12 000 израильских солдат опожарили все города мадианитян и убили их людей, взяли 675 500 овец, 72 000 голов рогатого скота, 61 000 ослов, и 32 000 незамужних женщин, не потеряв ни одной жизни. Из этого одну десятую часть или десятину отдали Богу. [\[122\]](#) Таким образом, когда война ведется по условиям Божьего закона, и в вере и повиновении Его закону-слову, тогда люди могут рассчитывать на Его защиту и успешную заботу, как показал опыт Израиля.

Четвертое, закон предвидел освобождение от военной службы. Намерение данной армии должно было быть сражаться в Божьих битвах без страха (Втор. 20:1-4). Освобождались от службы несколько классов мужчин: (а) те которые построили нов дом, и еще не осветили его, ни порадовались ему; (b) те которые посадили виноградник и пока не насладились его плодам; (с) и те, которые были помолвленными, но еще не взяли жену; такие мужчины имели бы раздвоенный ум в битве; наконец (d) все, которые были “боязливыми и малодушными” исключались как опасными для морали армии, “дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердца” (Втор. 20:5-9). Освобождение новобрачных мужчин было обязательно согласно Втор. 24:5, “Если кто взял жену недавно, то пусть не идет на войну, и ничего не должно возлагать на него; пусть он остается свободен в доме своем в продолжение одного года, и увеселяет жену свою, которую взял.” Тоже освобождались от военной службы (е) Левиты (Числ. 1:48,49). Левиты очень часто воевали, но их исключали из списков.

Из этих освобождений выявляется один генеральный принцип: *семья имеет приоритет над войною*. Молодому жениху нельзя было служить; новый дом шел на первом месте. Новый фермер также получал освобождение. *Сколько ни была важной защита, все-таки продолжение жизни и набожная перестройка были более важными*.

Пятый аспект военного закона требует чистоту в лагере (Втор. 23:9-14). Вне лагеря была необходима уборная, и лопатка “чтобы зарить ею испражнение твое” (Втор. 23:13). “Ибо Господь, Бог твой, ходит среди стана твоего, чтоб избавить тебя и предавать врагов твоих в руки твои; а посему стан твой должен быть свят, чтобы Он не увидел у тебя ничего срамного и не отступил от тебя” (Втор. 23:14).

Другой генеральный принцип выявляется из этого закона, как и из первого и третьего законов (выше), а именно что недостаточно, чтобы кауза была святой: *не только кауза, но и люди этой каузы должны быть святыми, и духовно, и физически*.

Шестой военный закон требует, чтобы перед атакой, или скорее до объявления войны, врагу надо сделать предложение о мире. Мирное предложение нельзя было быть компромисом. Если кауза была справедливой, ее надо было поддерживать; враг должен был уступить, чтобы получить мир (Втор. 20:10-12). “Атака украдкой” по манере Гедеона была законной: боевые действия развивались. Однако до объявления войны надо было сделать попытку о переговорах в честь каузы. Трубить официально трубами до начала битвы означало представлять каузу перед Богом в надежде на победу, а после сражения, наслаждаясь победы, это было благодарность Богу за нее (Числ. 10:9,10).

Седьмое, война не детская игра. Когда понадобится, она жестокая и безобразная. Ханааняне, против которых воевал Израиль, были под юридическим приговором к смерти, выданным Богом. Они были духовные и моральные дегенераты. Виртуально каждый вид извращения был религиозным актом: и большие группы священных мужских и женских проституток были рутинной частью святых мест. Поэтому Бог приказал избить всех ханаанеев (Втор. 2:34; 3:6; 20:16-18; Ис. Н. 11:14); потому что они были под смертным приговором Бога и чтобы не заразить Израиля. Среди соседних и связанных с ханаанеями народов, чья развращенность была подобной, но не так полной, мужчин, и иногда замужних женщин тоже убивали, а молодых девиц разделяли между собой (Числ. 31:7,17,18; Втор. 1:1,2,16; 20:16,17). Из других чужих стран лучшего калибра каждая взятая в плен женщина должна была выти замуж, но с ней нельзя было относиться как с рабиней или пленницей (Втор. 21:10,14); это ясно показывает различия национального характера между ханаанеями и другими народами. Эти положения совсем в общем осуждались в настоящем времени, которое лицемерно обращалось к самой дикой и тотальной войне в истории. Однако эти законы не применялись к всем народам, а только к самым испорченным. Они утверждают генеральный принцип, который еще действительный: *если война ведется, чтобы наказать и/или уничтожить зло, работа по восстановлению требует делать это так что один плохой порядок был бы отвергнутым, и в некоторых случаях мало или много народу избитым*. Суды по военным преступлениям после Второй мировой войны представляют *ex post facto* закон (и поэтому сенатор Роберт Тафт справедливо возражал против них); они основывались тоже на слабых правовых и гуманистских принципах, как и на чрезмерных требованиях Советского союза. Таким образом они не являются чистым примером того принципа. Однако генеральный принцип *вины* действительный; если никто не виновен в данной войне, значит она вовсе несправедливая. Так и было при большинстве войн: не было справедливости и отсюда не было реальной концепции о вине.

Восьмое, нормальное намерение войны оборонительное; отсюда Израилю было запрещено использовать больше чем ограниченное число лошадей (Втор. 17:16), так как они были агрессивным оружием в древней войне. [\[123\]](#)

Следовательно, выявляется еще один генеральный принцип: *так как войну надо вести только за справедливую каузу, и нормально в защиту родины и справедливости, право на возражение по совести означает, что кто-нибудь имеет моральное право отказать поддержку грешной войне*.

Девятое, очень важный военный закон появляется во Втор. 20:19, 20, который тоже охватывает основной принцип с далеко идущими подраумеваниями. Согласно этому закону:

Если долгое время будешь держать в осаде какой-нибудь город, чтобы завоевать его и взять его, то не порти дерев его, от которых можно питаться, и не опустошай окрестностей; ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление.

Только те деревья, о которых ты знаешь, что они ничего не приносят в пищу, можешь портить и рубить, и строить укрепления против города, который ведет с тобою войну, доколе не покоритшь его.

По мнению многих переводчиков последнюю часть Втор. 20:19 надо читать “ибо дерево в поле есть человеческая жизнь.” Другими словами, война не ведется против земли, а против людей. Однако, и даже более центрально, жизнь должна продолжаться, а плодное дерево и виноградник представляют во все времена наследство от прошлого и для будущего: их нельзя уничтожать. Другие деревья можно сечь, но только чтобы “строить укрепления против города.” Беспричинное разрушение не разрешается.

Связанное с этим есть слово Соломона: “Превосходство же страны в целом есть царь, заботящийся о стране” (Еккл. 5:8). Это еврейский перевод (MJV), а некоторые переводят его так “Более того, плодами земли ползуются все; самому царю подают с поля.” Это слово, и закон касающийся плодных деревьев и остальных деревьев, добавляются к одному важному генеральному принципу: *производство выше политики*. Война это аспект жизни в политическом порядке, и ее роль важная, но производство более основное. Без производства, без плодных деревьев, без фермера, рабочего и ремесленника, нет никакой страны, чтобы защищать ее. *Приоритет политики* это модная ересь, которая здорово разрушает мир; только великая жизненность свободного предпринимательства поддерживает уровень производства перед лицом великих политических помех и вмешательств. При каждом правовом порядке, следовательно, производство и свобода предпринимательства должны быть всегда выше политики, и в военное время и в мире.

Десятое и последнее, законы о добычи выясняют вознаграждения солдат (Числ. 31:21-31,42; Втор. 20:14), чтобы было правовое основание не только об оплачивании солдат, но также и о пенсиях, и о наградах за их службу. Военные контрибуции были один из аспектов наказания, которое налагалось на врага (IV Цар. 3:4), и как наказание за его преступления, и чтобы оплатить военные затраты.

В смысле Святого писания, в грешном мире война безобразная, но она необходимость, если надо одолеть зло. Комментарий Кларка попадает в точку:

Согласно Святому писанию, “Нечестивым же нет мира” (Ис. 48:22; 57:21), и тщетно кричат “мир, мир, а мира нет” (Иер. 6:14). Если люди хотели бы иметь мир, они должны “искать же прежде Царства Божия и правды Его” (Мат. 6:33), потому что мир это “дело правды” (Ис. 32:17), и не может быть никакого прочного и универсального мира до тех пор, пока “правда и мир не облобизаются” (Пс. 84:11). Будет мир, когда обитатели мира научатся правды. Это “в последние дни” (Ис. 2:2), и когда “один Господь будет висок в тот день” (Ис. 2:11), что – “. . . народы . . . перекуют мечи свои на орала, и копыя свои на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать” (Ис. 2:4).[\[124\]](#)

9. Налоги

Комментарии и библейские словари в целом не цитируют ни одного закона, управляющий налогами. Можно принять, читая их, что не существовало никакой системы обложения налогами в древнем Израиле, и что Моисеев закон ничего не говорит по этому вопросу. Галер например не смог цитировать никакой отрывок закона касательно налогов, хотя он перечисляет различные отрывки из исторических и пророческих писаний, которые относятся к конфискациям и к тираническому обложению налогами. Правда, он все-таки отмечает, что перепись населения предвиделась законом “в целях обложения налогами.”[\[125\]](#)

Этот неуспех распознать никакой закон о налогах связан с неуспехом осознать природу израильского гражданского порядка. Бог как Царь Израиля управлял из Своего тронного зала в скинии, и Ему приносились налоги. Из-за общей ошибки видеть скинию как исключительно или существенно “религиозным,” т.е. *духовным* центром, происходит неуспех понять, что она была на самом деле *религиозным гражданским* центром. В смысле библейского закона государство, дом, школа и каждое другое агентство, должны быть не менее религиозными, чем церковь. Святилище было таким образом гражданским центром Израиля, но не менее религиозным по этой причине. Раз осознать этот факт, и большинство библейских законов попадают в фокус. Следовательно, в Моисеевом законе были ясно определенные налоги, и эти налоги были распоряженными Богом, всемогущим Царем Израиля.

По существу было два вида налогов. *Первое*, был поголовный налог (Исх. 30:11-16). Факт, что искупление душ цитируется как один из аспектов этого налога, подводит многих. Значение искупления здесь это покровительство или защита; через этот налог народ Израиля ставил себя под Богом, как их Царь, оплачивая дань Ему, и получая в замену Божью защищающую заботу. Гражданское значение этого налога отчасти признавал Рилаарсдам, который цитирует его отношение к переписи населения, “которое военный акт.”[\[126\]](#) Размер этого налога был одинаковым для всех людей: пол сикля серебра, и его должен был платить каждый мужчина в возрасте двадцати лет и выше. В те времена сикля не была монетой, а вес серебра. Позднее отчеканили монеты весом в 220 гранов трой (подобно американскому торговому доллару), и таким образом полсикля была около 110 гранов.[\[127\]](#) Этот налог был основным и годовым налогом в Израиле. Как отмечает Фейрбрейн:

... есть самое ясное доказательство об его собирании как до, так и после плена; намеки о нем есть в IV Цар. 12:4; II Пар. 24:9; и оба, Йосиф и Фило, свидетельствуют, что он регулярно оплачивался всеми евреями, где бы они не пребывали, и что существовала регулярная организация из лиц и мест для его полного собирания и переноса в Иерусалим (Йос. Ант. 18:9, разд. 1; Фило, Де Монарх, Пр т. 2, стр. 234). Следовательно, он был то, что собиратели пришли требовать у Петра, и который, имея отношение к общему и бесспорному обычаю, сразу заявил о готовности своего господина дать его.[\[128\]](#)

Факт, что его называли храмовым налогом в эре Нового завета, подводит многих; храм был гражданским, как и духовным центром. В храме служили священники, что не имеет ничего общего с гражданским законом. Однако в храме собирался Синедрион как гражданская власть в Израиле под владычеством Рима.

Этот поголовный налог определяется как одинаковый для всех. “Богатый не больше и бедный не меньше полсикля должны давать” (Исх. 30:15). Через это условие об одинаковом обложении закон не допускал быть несправедливым. Налог должен был быть небольшим, так как большая сума притеснила бы бедного, и он должен был быть одинаковым, чтобы избежать притеснение богатых. Таким образом дискриминационное обложение специально запрещалось. Этот налог собирался гражданскими властями и был обязательным для всех мужчин в возрасте двадцати лет и выше, исключая священников и левитов, которые не значились в военных списках. Справедливый и основной налог, поголовный налог, платился гражданским властям как необходимый налог для поддержания покровительства или искупления со стороны гражданского порядка.

Вторым налогом была десятина, которая не платилась в центральном месте, а была “великая святиня Господня” (Лев. 27:28). Она шла к священникам и левитам, так как они исполняли необходимые церковные и социальные функции общества. Иногда левиты исполняли также и гражданские службы, когда социальные условия требовали это (I Пар. 23:3-5). Их работа в музыке хорошо знакомая нам из псалмов, как и из всего Святого писания, а их обязанности учителей цитировались часто, как свидетельствует II Пар. 17:7-9 и 19:8-11. Левиты и священники находились повсюду во всем Израиле, чтобы удовлетворить нужды каждой общины, и они получали эти десятины, когда люди давали их.

Обе формы обложения налогами, поголовный налог и десятина, обязательные, но между ними существует большая разница. Государство имело право собирать минимальный поголовный налог от своих граждан, но хотя и государство *может быть* могло требовать десятину от всех людей, как и часто случалось, оно *не могло* определять условия куда должна пойти эта десятина. Следовательно государство контролировало использование поголовного налога; получатели десятины контролировали ее использование. Этот пункт имеет неограниченную важность. Так как по условиям библейского закона главные социальные функции надо было поддерживать десятиной, контроль этих социальных функций был у собирателей десятины, а не у государства. Поголовный налог поддерживал государство и его военные силы плюс его суды. Образование, благотворительность, церковь и все другие набожные социальные функции поддерживались двумя десятинами, первая десятина и десятина бедных. Общество с такими порядками по необходимости будет иметь небольшую бюрократию и сильный народ.

Таким образом поголовный налог уходил на поддержку *гражданского* порядка, а десятина – на поддержку *социального* порядка. В библейском праве нет поземленного или имущественного налога. Такой налог нарушает независимость каждой сферы жизни и управления – семьи, школы, церкви, профессии, и всех других – и делает каждую сферу зависимой от государства и подчиненной ему или гражданскому управлению.

Поскольку Святое писание многократно объявляет, что “Господня земля, и все что на ней” (Исх. 9:29; Втор. 10:14; Пс. 23:1; I Кор. 10:26 и т.д.), налог на землю незаконный. *Налог на землю это налог против Бога и против Его правового порядка.* Сам Бог не обложил налогом землю, которую Он дал людям за их служение под Ним; Он облагает прибыль или производство, так что единственный законный налог это подоходный налог, и то же самое десятина – подоходный налог. Но это налог, который определяется на десять процентов, и не больше. То что человек дает выше этого, это добровольное приношение; десятина налог, а не приношение.

Вопрос об обложении налогами принадлежит собственно обеим, шестой и восьмой заповедям. Безбожное облагание налогами это кража. Но современная власть облагать налогами; это власть причинять вред и разрушение, и поэтому в основном связывается с шестой заповедью. Налоговая структура, основанная на библейском праве, будет защищать и помогать процветанию гражданского порядка и его гражданства, а незаконная налоговая структура закликает смерть для людей и общества.

Все более и более целью и функцией обложения налогами становится изменение порядка общества. Посредством налогов на собственность, наследство, доход и других налогов, богатства конфискуются и перераспределяются. Так например Организация экономического сотрудничества и развития декларировала через своего генерального секретаря, что число людей, работающих на фермах должно снизиться, и в то же самое время “Средний размер фермерских предприятий должен увеличиться.”^[129] Как осуществить это?

В разных странах открываются два метода, чтобы маскировать средства о конфискации земли и о переоформлении фермеров и фермерства. *Первый*, ценовая поддержка благоприятствует, как указывает Кристенсен, крупных фермеров, а не мелких. *Второй*, можно использовать налоговую систему чтобы сотреть мелких фермеров с лица земли, и открыть пространство только для больших фермерских операций. Оба метода используются интенсивно, и оба представляют собой формы кражи и средства убийства, средства уничтожения людей и обществ.

Власть облагать налогами в современном обществе это власть уничтожать. Она больше не поддержка закона и порядка. Чем больше увеличиваются налоги в двадцатом веке, тем меньше у людей закон и порядок, потому что налоговая система служит целям стимулирования социальной революции. Как такой, современная налоговая система блестяще успешная.

10. Любовь и закон

Одним из самых значительных из всех гуманистов был Жан Жак Руссо, отец демократии. Руссо был бродягой, “содержанным” мужчиной мадам де Варен, и полностью безответственным человеком. Он жил долгие годы без брака с Терезой Левассюр, служанкой в гостинице. Им родились пять детей и каждого из них Руссо немедленно отдавал в дом для подкидышей. Этого великого эксперта по обучению детей нельзя было беспокоить детьми. Руссо был сторонником добродетели, и он рассказывает нам, как он плакал, когда думал о ней, но на самом деле он был полностью безответственным и грешным человеком. Он верил что его сердце, и сердца всех людей добрые; организованное общество, т.е. окружающая среда, делает людей плохими. Очень типичный для этого великого гуманистского реформатора поступок имел место в Венеции. Руссо ввел в свою комнату проститутку. Когда она разделась и оба они легли в кровать, Руссо начал умолять ее пойти дорогой добродетели. Он конечно находился в невыгодной позиции для такого выступления, но это не имело для него ни малейшего значения. Для Руссо сердце, чувства человека, были всем.

Под влиянием таких гуманистских верований закон интенсивно разъедался. Уже судился не *поступок* убийцы, а его *чувства* или психическое состояние при совершении этого поступка. Подобно Руссо, убийца может быть и не был виновным из-за его психического состояния. Следовательно любовь, как великая гуманистская добродетель, стала всезначущей. Те которые принадлежали к партии любви, в гуманистском мире были святыми, даже и если совершили преступление, пока верные христиане, как объекты ненависти по определению, виновные, даже в том, что не совершили преступление.

Любовь действительно выявляется в законе, однако в контексте закона, а не в гуманистских чувствах. Любовь к ближнему требуется Моисеевым законом в Лев. 19:17,18:

Не враждуй на брата твоего в сердце твоём; обличи ближнего твоего, и не понесешь за него греха. Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего как самого себя. Я Господь.

Версия Бэркли дает вторую половину стиха 17 как “чтобы не понес грех за его счет,” а версия Тораха гласит “и не понесешь вины из-за него.” Религиозные авторитеты во время эры второго храма читают ее как “но ты не понесешь греха по причине его”, т.е. “исполняя твою обязанность о порицании таким образом, чтобы не понести грех за это.”^[130]Объяснение святого Павла обобщает вопрос: “Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона” (Рим. 13:10). Любить своего ближнего означает соблюдать закон в отношении к нему, не причиняя ему зла, словом, мыслью или делом. Если способ действия ближнего ведет к злу, или создает проблемы, надо сказать ему слово как средство предупредить его от совершения зла. Значение слова ближний в этом пассаже (Лев. 19:17,18) это верующий друг. В Лев. 19:33,34 оно включает странников и неверующих. Закон о любви здесь не дает основания пытаться руководить нашего ближнего, ни сводить любовь к рамке ума: это есть принцип, который проявляется как целое в слове, мысли и деле. Библия не двойственная в своем взгляде на человека: она не признает доброе сердце при злых делах. Человек одинный. Как грешник, но явно злой. Как спасенный человек, он в процессе освящения, и поэтому проявляет и добро, и зло, однако злая мысль порождает злое дело, точно так, как набожная мысль порождает набожный поступок. Руссо неправильно принимает свои фантазии и иллюзии, относящиеся к его сердцу и разуму, за действительность, касающая его самого, тогда как он был злым в сердце и в разуме, и следовательно в своих фантазиях. “Все мысли и помышления” сердца человеческих только “зло во всякое время” (Быт. 6:5), и часть этого помышления зла для человека, это думать хорошее о своего плохом поведении.

Так как человек грешник, ему нельзя брать закон в своих руках: “Не мсти” (Лев. 19:18). Так как человек не Бог, он поэтому не может занять судейское место Бога и судить людей по своим условиям. Мы не можем осуждать людей за их любовь или ненависть по нашим условиям. Мы можем судить их только в взаимосвязи с Богом, чьей закон единственный управляет всеми людьми и судит их. Личное осуждение запрещается: “Не судите...” (Мат. 7:1), однако от нас требуется “Судите судом праведным” (Иоан. 7:24).

Принцип Павла ясно ставит вопрос в отношении любви: *первое*, не причиняй зло своему ближнему; *второе*, любовь это исполнение закона.

Причинять зло своему ближнему ясно запрещается. Причинить зло, это форма разрушения жизни и свободы нашего ближнего. Факт, что именно жизнь и свобода имеются ввиду в этом законе, видится из прецедентов Святого писания. Например, разрешается только один вид рабства – добровольное, как это становится совершенно ясным из Втор. 23:15,16. Библейское право разрешает добровольное рабство, потому что признает неспособность некоторых людей поддерживать позицию независимости. Привязать себя к способному человеку и служить ему, защищенным законом, это такой законосообразный образ жизни, хотя и более низший. При этом хозяин принимает роль благодетеля, дающего благотворительность вместо государство, а раб защищается государственным законом. Поэтому беглого раба нельзя возвращать его хозяину: он свободен уйти. Исключения из этого правила это вор или преступник, который вырабатывает свое возмещение. Закон Хамурапи предвидел смерть для людей, которые давали убежище беглому рабу: библейское право заступает за свободу раба. В доме хозяина раб может жить “на месте, которые он изберет в одном из жилищ твоих, где ему понравится; не притесняй его” (Втор. 23:16).

Похищение одноверца, чтобы продать его рабом (т.е. иностранцу или в чужую страну, так как дома его нельзя продать законно), это капитальное преступление, которое наказывается смертью без исключений (Втор. 24:7). Смертная казнь применялась не только к похитителю, но и к его соучастникам, которые принимали или продавали похищенного (Исх. 21:16). Сила этого закона становится совсем ясной, когда мы вспомним, что в библейской правде нет приговора к тюремному заключению. Люди или умирали как преступники, или давали возмещение. Библейское право требует общество из свободных людей, чья свобода лежит на ответственности.

Библейский закон защищает человека, который случайно убил другого, как в случае двух дровосеков, у одного из которых головка топора отрывается и убивает другого. Города убежища защищали человека от кровной мести (Втор. 19:1-10; ср. Исх.21:13; Числ. 35:9-22, 29-34).

Убийца однако подлежал наказанию смертью (Втор. 19:11-13; Числ. 35:23-28; 30-33; Лев. 24:17-22; Исх. 21:12-14, 18-32), и никакое исключение из этого приговора не разрешалось законом.

Следовательно испытанием любви был поступок из любви. Любовь не причиняет зла ближнему, и любовь означает соблюдать или выполнять закон в отношении к другим людям. Любовь следовательно это законосообразные мысль, слово и действие. Там где нет закона, нет тоже и никакой любви. Неверные люди не любят своих супруг или супругов, хотя они могут и твердить это; они может быть наслаждаются своим женам или мужьям не меньше чем своим любовницам или любовникам, но любовь это соблюдение закона.

Гуманисты, отрицающие закон, по логике должны отрицать тоже и любовь. Уже есть доказательства об этом. Лайонел Рубиноф, сам гуманист, описал современную проблему зла в книге *Порнография власти*. Вот как рецензент обобщает тезу автора:

Получается так однако, что в его анализе романа Роберта Луиса Стивенсона *Доктор Джекил и мистер Хайд*, предположение, подчеркивающее *Порнографию власти*, очень легко улавливается. Об описанной Стивенсоном двойственности человеческой природы, Рубиноф пишет: "Доктор Джекил, гуманист, в начале создает мистера Хайда (сам по себе всецело злой поступок), чтобы мог научно изучить силы зла, воплощенные в Хайде и эвентуально устранить их из человеческой психики. Джекил так уверен в стальной прочности своей собственной добродетели, и он искренно верит, что может позволить злу родиться и не быть затронутым им. Увы, добродетельный Джекил не ровня сатанинскому Хайду: раз демон освобожден, ангел ищет всякие извинения за то, что сам спустился в глубину порочности."

Немного людей могут спокойно созерцать концепцию об естественном превосходстве зла над добром в человеческой природе. Юдейско-христианская традиция облегчает сильную боль, поддерживая надежду о спасении через упражнение подобия свободной воли в борьбе мира с дьявольскими силами. А что делать в такое все более светское время со знанием, что зло это безнадежно запутанная часть человеческой природы? Встречайте его, говорит Рубиноф. Покажите его наяву.^[131]

Итак, как некоторые гуманистские мыслители начали осознавать, человек встречается с миром, не с любовью и добротой, а со *злом*. Чем большим гуманистом становится человек, тем больше правосудие, власть и законность стираются с лица мира. Беззаконие все более управляет национальными и интернациональными делами. Мысли и помышления человеческого сердца только зло во всякое время. Рубиноф принимает, что злой человеческий импульс ведет к демоническому использованию власти, что он называет понографией власти. Ответ Рубинофа не любовь, а зло:

Самое большое зло, когда становимся склонными к такой порнографии, говорит Рубиноф, это что она задерживает развитие воображения, единственного инструмента, через который человек может действительно понять – и таким образом жить с этим – безнадежную правду о своей двойственной природе. Как примеры о том как использовать творческое воображение при встречи со злом, Рубиноф отбирает Джейн Дженет и Норман Майлер. Большинство их работ, говорит он, по существу усилие создать позитивную стоимость, противопоставляясь негативному и иррациональному в их самых, жить с ним и превратить его в искусство.

Как большинство программ о самоусовершенствовании, идеи Рубинофа легче излагать, чем применять. На одном уровне его книга могла бы стимулировать низкопробную порнографию, как форму спасения. На другом, *Порнография власти* предлагает эстетическую замену религии, через которую люди, менее творческие, чем Дженет и Майлер, должны попробовать нащупать свой путь к самопознанию, при помощи артистического представления о зле.^[132]

Ответ Рубинофа это что мы становимся не научные, а артистичные Джекилы, создавая легион Хайдов. Он предлагает нам войти в мир любви и закона, обнимая зло, выражая это смело и свободно, как артистическую и творческую авантюру. Это программа грешить, чтобы сделать милость изобильной. То что Рубиноф выражает, его гуманистское поколение внедряет в практику. Студенты, обитатели трущоб, дипломаты, политики, священники, учителя, и другие, все сейчас практикуют незаконную доктрину о зле как высший закон и высшая любовь. Так как гуманистская доктрина и любви антиномная с начала до конца, *любовь к злу* неизбежная. Это такое логическое развитие гуманистской любви, которое должно стать воплощенным злом. Любовь без закона по существу утверждение зла и его проявление.

11. Принуждение

Гуманистские революционеры часто мечтают об обществе без принуждения. Конечно, анархизм такая философия, которая поддерживает, что человек может найти свою реализацию только в негосударственном, волонтаристическом и непринуждающем обществе. Либертарианство становится все более открыто анархистской и релятивистской философией. Поскольку либертарианская дефиниция анархии самая лучшая, исследуем эту позицию как ее определил Карл Хес, который во время президентской кампании 1964 года был в шабе сенатора Голдуотэра:

Либертарианство такая точка зрения, что каждый человек абсолютный владетель своей жизни, может ее использовать и располагать ею как ему кажется подходящим, что все социальные действия людей должны быть добровольными, и что уважение к жизни другого человека, который подобным и одинаковым образом владеет ею, и еще шире к собственности и плодам этой жизни, является этической основой гуманного и открытого общества.^[133]

Более того, Хес постановляет: "каждый человек это суверенная территория свободы, со своей первичной верностью к себе."^[134] Для Хеса человек не грешник, а скорее всего свой собственный бог. Грешник, великое зло, это государство. Когда он анализирует либералов и консерваторов по проблемам государства, Хес заявляет:

Так точно, как власть это бог современных либералов, так и Бог остается властью для современных консерваторов. Либерализм практикует организованность через, просто сказано, организованность. Консерватизм практикует организованность через, и это не так просто, откровение. Но организованность или откровение, все-таки название игры остается политика.

Великий недостаток консерватизма это глубокая трещина, в которой пропадают разговоры о свободе, чтобы швырнуть их на смерть на скалы авторитаризма. Консерваторы беспокоятся, что государство имеет чрезвычайно большую власть над народом. Но ведь консерваторы дали государству такую власть... Мурей Ротбард, писавши в *Ramparts*, обобщает этот испорченный консерватизм, описывая "новое, более молодое поколение правых из 'консерваторов'... которые думают, что реальная проблема современного мира не настолько идеологическая, как

государство против свободы индивида, или государственное вмешательство против свободного рынка; реальная проблема, заявляют они, это сохранение традиции, порядка, христианства, и хорошие манеры, против модных грехов разума, распушенности, атеизма и грубиянства...”

Для многих консерваторов плохой кошмар, который часто смущает их жизни и их политическую позицию (которую многие обобщают как “закон и порядок” наших дней), это кошмар бунта. Насколько мне известно, нет границы, которую консерваторы поставили бы перед властью государства, когда речь идет о подавлении бунтов.[\[135\]](#)

Хес прав, заявляя что консерваторы опираются на “откровение,” т.е. “на сохранение... христианства,” и неуспех консерватизма состоит в том, что он пытается защитить христианский продукт гуманистическими предпосылками, и не успевает увидеть это. Но на чем основывается позиция Хеса? Вера в доброту человека, в способность человека жить без принуждения или насилия и в суверенитет человека, не основывается ни на опыте, ни на истории, ни на разуме. Хес здесь извлекает свое собственное откровение из себя. Он призывает за “общества волонтаризма” и советует человеку “идти один метафизически в мире, в котором больше разума, чем религии.”[\[136\]](#) Хотя и называя свою позицию “не совсем анархистской,” Хес не различает ее от анархизма.[\[137\]](#)

Современное либертарианство основывается на радикальном релятивизме: не существует никакой закон ни стандарт, кроме самого человека. Некоторые либертарианские профессора заявляют на лекциях и в разговорах, что любая позиция действительная, пока не начнет претендовать, что она единственная правильная, и поэтому для них библейская религия есть сущность зла. Согласно этим либертарианцам должен существовать *тотальный свободный рынок идей и практик*.

Если все люди ангелы, тогда тотальный свободный рынок идей и практик произведет только ангельское общество. Однако если все люди грешники, нуждающиеся в Христовом спасении, тогда свободный рынок идей и практик произведет только хаос из зла и анархии. Как либертарианство, так и библейская позиция покоятся на вере, первое на вере в естественную доброту человека, а вторая на Божьем откровении, касающем грешное человеческое состояние, и на божественном потенциале во Христе. Ясное, что так называемая рациональная вера в такой иррационализм, которую показывают Хес и Ротбард, не находит поддержку ни в истории человека, ни в какой-нибудь формулировке разума. То что они показывают, это вера, при этом специально слепая вера в человека.

Кардинальная причина об увеличении незаконности в двадцатом веке это точно релятивизм и моральная анархия. Один анкетирующий репортер в Фримонте, Калифорния, задавая вопрос “Надо ли узаконить неограниченные аборты в Калифорнии?” получил между другими и этот ответ от А. В. С., пенсионированный продавец:

Да. Женщина должна иметь возможность сделать такой, если это то, что она хочет. Это личное дело. Между прочим это значит отнять человеческую жизнь. Однако если это медицинская необходимость, независимо от желаний личности, его надо сделать.[\[138\]](#)

Давайте исследуем это выступление. *Первое*, принимается, что аборт значит “отнять человеческую жизнь,” т.е. *убийство*. Но, *второе*, дальше поддерживается, что женщина имеет эту власть над ее зародышем: “Это личное дело.” То что принадлежит ей, она располагает им, или может убить его. По логике эта позиция, которая поддерживает анархистскую свободу индивида, означает тоже что у зародыша, как подчиненная жизнь, нет такой свободы. Значит ли это что мать, как высшая личность, может располагать с нежеланным ребенком через убийство, или что семейная пара может отделаться от пожилых родителей убийством? Это безоговорочная позиция, потому что, *третье*, желание женщины задержать зародыша можно преодолеть: “Однако если это медицинская необходимость, *независимо от желаний личности*, его надо сделать.” Другими словами, более могучие и знающие личности в анархистском обществе С. могут присудить смерть по условиям высшей научной мудрости. В анархистском мире, где человек сам себе единственный закон, последствия анархии это насилие сильного над слабым, и уничтожение разума грубой силой.

Когда гуманист имеет дело со злом, он прибегает к обходу закона, чтобы стереть вины человека. Так, Стив Аллен отмечает: “Я не совсем убежден в этом, но я думаю, что почти нет злые *намерения* в мире.”[\[139\]](#) Это различие между *намерением* и *действием*, сегодня так основное для гуманистского закона, происходит из древнегреческой философии, из Аристотеля. Это ирония, что модные гуманисты, которые относятся перилами против дуализма, должны сами обращаться к ним с такой тяжестью. В смысле этого различия убийца может избежать смертного наказание. Суды сегодня готовы рассматривать смертное наказание как возможно жестокая и необычайная кара и следовательно незаконная. Один из судебных процессов в Калифорнии было о человеке виновном в три убийства в течении много меньше чем в десять дней. Когда так смотрится на убийцу, права жертвы теряются и отрицаются.[\[140\]](#)

В библейском праве действие есть намерение. Убийство включает намерение об убийстве. Если ручка топора сломается очевидно случайно, и топор внезапно вылетит и убьет человека, действие случайное, и ни намерение, ни действие, не убийство, поэтому и наказание не за убийство.

История так ясно показывает зло, что только это обращение к двойственному различию между намерением (духом) и действием (материей), позволяет гуманизму объявлять естественную доброту (или хотя бы нейтральную природу) человека.

Что в таком случае может сказать гуманизм об очевидном злом намерении людей, которые скандально нарушали закон во время Бостонской забастовки полицейских? Или как смогут они объяснить насилия в Восточном Пакистане в 1969 году, которые описывает этот репортаж:

Дакка, Восточный Пакистан (ЮПИ) – Политическая суматоха в Восточном Пакистане наплодила многочисленных “народных судов,” которые по короткой процедуре издают приговоры к смерти через избивание дубиной или зарезание ножом, сообщили во вторник правительственные источники и путешественники.

“Сумасшествие уничтожает сельских областей,” сказал один путешественник, прибывая сюда. Он сказал, что провел последнюю неделю в деревнях и городах севернее Дакка.

“Никто не в безопасность,” сказал он, “слуги могут обратиться против хозяев.” Он сказал, что у народных судов нет присяжных, и что они всегда издают смертный приговор, который исполняется немедленно крестьянами, владеющими дубиной или ножом.[141]

Надо отметить, что здесь опускаются вопиющее зло нацизма, и самое скандальное зло советских коммунистов. Как можно объяснить все это? Заглавие пакистанского репортажа раскрывает ответ: “Сумасшествие уничтожает Пакистан.” Подобное заглавие у книги обзора Сталинского царства террора “Сумасшедшая производительность истребления.”[142] Это и есть ответ: что не человек грешник, а что социальные условия подбуждают человека к этим рефлексивным действиям, и что это в худшем случае сумасшествие, а в лучшем случае революционный героизм. Такое рассуждение основывается на слепой вере в человека, которая невосприимчивая для фактов.

Более того, так как гуманистское мышление не может объяснить зло, кроме как временное сумасшествие (и ответ ему, по Рубинофу, это дать выразиться этому сумасшествию, чтобы выгнать злой дух), гуманизм не может иметь дело со злом или с принуждением по честному. Он отрицает зло в человеке как основной факт, касающийся павшую природу человека, и поэтому он отрицает законность принуждения. Эти два факта связанные. Если человек сам себе бог, как это при гуманизме, тогда как можно принуждать бога? Поэтому для логического гуманизма принуждение становится великим злом.

Всегда ли принуждение законное? В Библии есть ясные законы против принуждения в некоторых формах, таких как убийство, похищение и т.п. Например в Лев. 24:17-22 объявляется:

Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти. Кто убьет скотину, должен заплатить за нее, скотину за скотину. Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал. Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать. Кто убьет скотину, должен заплатить за нее; а кто убьет человека, того должно предать смерти. Один суд должен быть у вас, как для пришельца, так и для туземца; ибо Я Господь, Бог ваш.

Указанные здесь законы появляются также в Исх. 21:12, 24, 25, 33, 34. Это принцип возмещения и смертной казни. *Незаконное принуждение* встречает строгое наказание в библейском праве. Убийца, как человек виновный в самую крайнюю форму физического принуждения, должен *без исключения* быть наказанным смертью. Однако надо отметить, что *принуждение против совершителей зла, необходимая и неизбежная обязанность гражданской власти*. Бог требует принуждения при подавлении беззакония. Без набожного принуждения мир предается в руках безбожного принуждения. Никакой человек не желает чтобы шланг с водой направлял свою струю в его спальную комнату, однако в случае пожара эта вода необходимая и желанная помощь. Так и принуждение распорядившая Богом необходимость, чтобы дать возможность человеку справиться с прекращением беззаконности.

Гуманистская точка зрения шизофреническая. Из-за своего основного дуализма он отрицает ответственность: намерение и действие разделенные. Поэтому дела зла становятся не выражением грешного человеческого сердца, а форма странного сумасшествия. Сам человек в основном добрый или самое худшее, по Рубинофу, нейтральный, частично ангел и частично дьявол. Вместо ограничения, гуманизм требует самовыражение. Это конечно смерть закона и порядка, и восход массивированной анархии и принуждения. Во имя уничтожения принуждения, гуманизм обеспечивает его триумф в форме беззаконного насилия.

12. Карантинные законы

Заповедь “Не убивай” имеет как свое позитивное требование обязанность охранять и продолжать жизнь в рамках Божьего закона. Основные в этой рамке это законы карантина.

В Лев. 13-15 даются подробные законы о карантине или об отделении. *Детали* этих законов не подходящие для нашего времени, потому что они имеют ввиду давнюю эру, однако *принципы* этих законов еще действительные. Надо отметить что эти законы, в частности те, занимающиеся проказой, применялись в “средневековой” эре и были инструментом при элиминировании этой болезни в Европе как серьезную проблему. Законы в указанных выше главах имеют две разновидности: *первые*, которые занимаются с болезнями (Лев. 13:1-15:15); и *второе*, которые имеют дело с сексуальностью (15:16-33); из-за того, что у язычников сексуальные ритуалы обычно использовались как средство для общения с богами, здесь секс нарочито отделяется от богослужения (Исх. 19:15). Среди язычников в эре Моисея ритуальная проституция в храмах была общепринятой частью богослужения. И еще раз сексуальные акты восстановились в ритуальной роле новыми язычниками внутри и вне церкви. Так, Бонтиус писал: “акт сексуального сношения должен сам служить как внешний и видимый символ общения, не только между мужем и женой, но и с Богом.”[143]

Вернемся к карантинным законам, касающимся болезней. Болезни, цитированные в Лев. 13 и 14 в общем описываются как *проказа* и *чума*. Термин *проказа* сильно изменил свое значение в сравнении с библейским и “средневековым” значением.[144] Тогда оно охватывало множество инфекционных болезней. В смысле этого, значение карантинного законодательства состоит в том, что заразные болезни должны третироваться с всеми необходимыми предохранительными мерами, чтобы предотвратить заражение. Такое законодательство необходимое, когда общество нуждается в защите против серьезных и заразных болезней. Поэтому у государства была законодательная власть заниматься чумами, эпидемиями, венерическими болезнями, и другими заразными и опасными заболеваниями. Такое законодательство явно требуется Моисеевым законом (Числ. 5:1-4). Не только, как заявляется, быть предметом гражданского законодательства, но и быть существенным аспектом религиозного образования (Втор. 24:8).

Ясное, однако, что это законодательство, которое требует какой-нибудь карантин и отделение от больных, или от тех, которые занимаются мертвыми (Числ. 5:2), на самом деле применяется далеко за царством физическим

болезней. Точно так, как надо избежать риск от физического заражения, надо избежать и риск от морального заражения. Это ясно постановленное:

И сказал Господь Мойсею, говоря: Объяви синам Израилевым и скажи им: Я Господь, Бог ваш. По делам земли Египетской, в которой вы жили, не поступайте, и по делам земли Ханаанской, в которую я веду вас, не поступайте, и по установлениям их не ходите. Мои законы исполняйте и Мои постановления соблюдайте, поступая по ним. Я Господь, Бог ваш. Соблюдайте постановления Мои и законы Мои, которые исполняя, человек будет жив (Лев. 18:1-5).

Не оскверняйте себя ничем этим; ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас (Лев. 18:24).

И так соблюдайте повеления Мои, чтобы не поступать по гнусным обычаям, по которым поступали прежде вас и чтобы не оскверняться ими. Я Господь, Бог ваш (Лев. 18:30).

Соблюдайте все уставы Мои и все законы Мои, и исполняйте их, - и не свергнет вас с себя земля, в которую Я веду вас жить. Не поступайте по обычаям народа, который Я прогоняю от вас; ибо они все это делали, и Я вознегодовал на них. И сказал Я вам: вы владеете землею их, и вам отдаю в наследие землю, в которой течет масло и мед. Я Господь, Бог ваш, который отделил вас от всех народов (Лев. 20:22-24).

Как видно из последней декларации, Бог определяет себя как такой, который отделяет своего народа от других народов: это основная часть спасения. Религиозное и моральное отделение верующих становится таким образом основным аспектом библейского закона. Точно так же, как отделение от больных необходимо, чтобы избежать заразу, так и отделение от религиозного и морального зла необходимо для сохранения настоящего порядка.

Изоляция или отделение следовательно является основным принципом библейского права в отношении религии и морали. Каждая попытка разрушить этот принцип, это усилие привести общество к его наименьшему общему знаменателю. *Терпимость*, это извинение, под которым предпринимается такая уравниловка, но концепция о терпимости скрывает в себя радикальную нетерпимость. Во имя терпимости от верующего требуют, чтоб он присоединился к общему уровню тотального принятия вместе с атеистами, извращенными, уголовниками, и принадлежащими к другим религиям, как будто не существовало никаких различий. Верующий обязан к законосообразному поведению к всему, обязанность показывать милость и благотворительность где это должно, но не и отрицать наличия различий, которые разделяют верующих и неверующих. Во имя терпимости от верующего требуют, чтобы он терпел все, потому что неверующий не будет терпеть ничего; это значит жизнь по условиям неверующих. Это значит, что отрицается существование библейского порядка, потому что все должно быть на одинаковом низком уровне.

Один пример, при этом слишком мягкий, об этой нетерпимости появился в газетной колонке Ан Лендерс:

Дорогая Ан Лендерс: Почему Вы прикалываете орхидеи девушкам, не зная фактов? Если бы Вы могли видеть некоторых из этих девушек как белые цветы, Вы поняли бы, что они не могли бы отказывать. Почему Вы не используете Ваше ценное газетное место, чтобы восхвалить преследуемую, сексапильную девушку, на которую постоянно охотятся мужчины, и иногда улавливают ее?

Я женщина в середине моих сороковых лет, которая работала двадцать лет с молодыми девушками в стенографистском бюро. Я вижу лицемерно набожных "святых" типов в их белых блузках и в ботинках, так щеголеватые и гордые своим целомудрием, как будто у них есть выбор. Они причиняют мне тошноту. Как раз в последней пятнице одна милая малая рыжеволосая, ей только 21 год, всхлипывая рассказала свою историю в дамском туалете. Люси была соблазненной и брошенной каким-нибудь шефом после шести месяцев настойчивого ухода. Они стали интимными и она рассчитывала на женитьбу. Такое ужасное дело ей случилось в четвертый раз. Такие девушки как Люси нуждаются чтобы Ан Лендерс сказала им, что они вовсе не плохие. Поддержите их, а не заставляйте замолчать. Я читаю Вашу глупую колону уже 12 лет, и мне кажется, что Вы совершенная дура. Мама Леоне.

Дорогая Мама: Спасибо за комплимент, но никто не совершенный.

Мне не приходилось получать какие-нибудь медали о хорошем поведении, распространяя ложь о девушках, которые считают, что кровать самая короткая дорога к алтарю. Более того, такую девушку, которая совершает одну и ту же ошибку четыре раза, я называю (учтивым языком) отстающей ученицей.^[145]

Это письмо "Мамы Леоне" раскрывает горькую ненависть к добродетели, вместе с большой симпатией к неподбирающей девушке, на которую смотрится как на утонченную персону. Здесь нет никакой терпимости, а только дикая нетерпимость.

Основной предпосылкой модной доктрине о терпимости является то, что все религиозные и моральные позиции одинаково верные и одинаково ложные. В кратце, эта терпимость основывается на радикальном релятивизме и гуманизме. Нет особенной истины или моральной ценности ни в какую религию; настоящая ценность сам человек, и человек как такой должен восприниматься полностью, независимо от его морали или религиозной позиции. Так например Уолт Уитмэн, в своем стихотворении "Обыкновенной проститутке," заявляет: "Ничего, что солнце исключает тебя, важно исключают ли тебя я." Этот релятивистский гуманизм требует *тотальное принятие и тотальную интеграцию*. Вот как эта позиция, сводя все негуманистские позиции к одинаковости, а потом поставляя человека над ними как господь, по существу оказывается радикально антихристианской. Она ставит человека на место Бога, и во имя терпимости и равенства, выбрасывает христианство на мусор.

Однако интеграция и равенство только мифы; они маскируют новую изоляцию и нового неравенства. Письмо "Мамы Леоне" выясняет что, на ее взгляд, беспорядочные сексуальные связи важнее девственности. Это значит новая изоляция: добродетель подвергается враждебности, насмешкам и отделяется к уничтожению.

Каждый социальный порядок устанавливает свою собственную программу об отделении и изоляции. Определенной вере и моральности дается привилегированный статус, а все другие отделяются для постепенного элиминирования. Провозглашение равенства и интеграции только претекст, чтобы свергнуть более старую или существующую форму социального порядка.

Государственный контроль над образованием главное средство для разрушения христианского порядка. Он исключает из учебной программы все, которые указывает на истинность библейской веры, и устанавливает новую доктрину об истине. Во имя объективного разума он настаивает, чтоб его сильно разделительную враждебность к библейской вере рассматривали как закон существования.

Образование это форма изоляции, и на самом деле основной инструмент об ее осуществлении. Посредством образования некоторым аспектам жизни и опыта дается приоритет истины, а другие отсылаются к незначительным или классифицируются как ложные. Образование неизбежно изолирует и классифицирует всю действительность согласно известным предпосылкам и предположениям. Эти предпосылки религиозные, всегда идущие перед теорией, и определяющие всего мышления.

Не только образование, но и закон тоже изолирует. Каждый правовой порядок, своим законодательством против определенных типов поведения, требует изоляцию в смысле своих предпосылок. Изоляция, какую взыскивают демократические и марксистские государства, такая радикальная и полная, какую история не видела, если и не больше этого.

Все религии тоже изолируют, и гуманизм конечно не исключение. Каждая религия утверждает данный порядок истины, и любой другой порядок рассматривается как ложь. Гуманизм релятивистский относительно всех других религий, однако он абсолютистский относительно человека. Человек абсолюта гуманизма и все другое принимается за ошибку.

Изоляция, отделение, или карантин, какое ни бы название не использовалось, неизбежные во всех обществах. Радикальный либертарианец прокламирует, что он позволяет тотальную свободу для всех позиций, т.е. свободный рынок для всех идей и религий. Но он объявляет вне закона все позиции, которые отрицают его собственную. В академическом мире эти либертарианцы доказывают, что они безжалостные враги библейской вере, отрицая ее право быть выслушанной. В таком либертарианском порядке не может существовать государство, ни церковь может возражать против вражеских условий. Новые либертарианцы более близкие по духу к марксистам, чем к христианству. Хотя и показно против принуждения, они не больше чем общий фронт с марксистами, как показывает либертарианский журнал *Левое и правое*. У них нет терпимости к истине Святого писания, ни никакой “общий фронт,” исключая подчинение их условиям. Каждая вера это исключительный образ жизни; ничего не более опасное, чем то, которое поддерживает иллюзию о терпимости. Открыто бессердечная вера конечно опасная, однако бессердечная вера, которая считает себя проводником любви, наводит больше опасений.

Так как невозможно никакое согласие между истиной и ложью, между небом и адом, святой Павел объявляет: “И потому выдете из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, и Я приму вас” (II Кор. 6:17).

13. Диетические правила

В библейском законе ясна указывается что можно есть и пить. Законы диеты, или *кашер*, в общем хорошо известные, но к несчастью, человек в своей извращенности здесь и везде видит законы, которые распорядленные как принципы жизни, а не как ее ограничения. Более того, библейский принцип кормления и питья не аскетический: предназначение пищи и напитков не только поддерживать жизнь, сколько это ни было важным, но также и быть частью *наслаждения* жизнью. Обычная картина здорового, подпившего средневекового монаха как какого-то негодяя, против истощенного аскетика как святого, вероятно нуждается в ревизии. Согласно Святому писанию: “И если какой человек ест и пьет, и видит доброе во всяком труде своем, то это – дар Божий (Еккл. 3:13). Надо отметить, что оно гласит “какой человек.” И опять: “Вот еще что я нашел доброго и приятного: есть и пить и наслаждаться добром во всех трудах своих, какими кто трудится под солнцем во все дни жизни своей, которые дал ему Бог; потому что это его доля” (Еккл. 5:17). Однако надо отметить тоже, что: “Все подвижники воздерживаются от всего” (I Кор. 9:25).

В Быт. 1:29,30 как будто выявляется, что до потопа разрешалось есть только немясную пищу, когда как в Быт. 9:3 очевидно дается разрешение есть мясо.^[146] Нет причины принимать что возможно какое-либо возвращение к этой первоначальной диете. Опять, есть основания верить, что после грехопадения, разрешение есть мясо было получено. Бог одел Адама и Еву в одежды из кожи (Быт. 3:21), и использование скота появляется очень рано. Очень рано, с Иудовалом из линии Каина, появляется специализация в скотоводстве, показывающая спрос на мясо. Инструкции Бога Ною перед потопом относились к различию между чистыми и нечистыми зверями, как установление, показывающее законность различия хотя бы для жертвоприношения, а может быть и для пищи. Более того, подтверждение что можно есть мясо божественное и остается неизменным. На самом деле, один из знаков “внимания духам обольстителям и учениям бесовским,” “в последние времена” это “запрещение вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы и познавшие истины вкушали с благодарением” (I Тим. 4:1-3). Этим очень остро осуждается религиозное вегетарианство.

Диетические законы появляются в множестве пассажей, главное в Лев. 11. Реакция большинства людей к этому законодательству такая, что оно странное, трудное и притесняющее, чтобы соблюдать его. В действительности Моисеевские диетические законы основные образцы для фактически всех христианских стран. На лицо некоторые значительные нарушения этих законов, однако в главном им повинуются. При исследовании этих законов одна из проблем это перевод некоторых названий животных. Например “тушканчик” из Лев. 11:5; говорят что это “*hугах sугiасus*, вид скального зайца,”^[147] называемый тоже “скальный барсук,”^[148] но в этом нет полной уверенности.

Мы не намерены исследовать каждое отдельное животное, а понять генеральную классификацию. Согласно Лев. 11:3: “Всякий скот, у которого раздвоенны копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку, ешьте.” Исключения из этого правила тоже цитируется. Что касается пищи морского происхождения, то плавник и чешуя обязательные, или иначе она запрещается (Лев. 11:9-10). Дается также перечень запрещенных

птиц (Лев. 11:12-19). Ползающие насекомые запрещаются, и с небольшими исключениями, крылатые насекомые тоже (Лев. 11:20-23). Разные животные цитируются в Лев. 11:29,30 как запрещенные. Есть кровь запрещается (Лев. 17:10-14, 19:26), как и жир животных (Лев. 7:23-25). Мертвые животные тоже не разрешаются (Втор. 14:21). Те же правила появляются во Втор. 14:3-20, что и в Левите. В обоих случаях они даются как закон о святости (Втор. 14:1-3; Лев. 11:44-47).

В этом списке выявляются несколько генеральных правил: *Первое*, есть кровь запрещается в принципе; животного нельзя удушать, оно должно истечь кровью. Это правило повторяется в Деян. 15:20. *Второе*, мертвечина, т.е. неубитое человеком животное, тоже не разрешается. В обоих этих случаях большинство христианских стран находятся в согласии. Языческие культуры обыкновенно не возражают ни против мертвых животных, ни против крови. Для некоторых найти мертвое животное было все равно найти лакомство.

Третье, жир животных запрещается. Это правило не соблюдается, однако показательно, что современная медицина все больше советует избежать животный жир. Библейское запрещение не распространяется на растительные жиры, ни явно и на птичьи жиры.

Четвертое, что касается животных и птиц, а в большинстве случаев тоже и рыб, пожирающие падали запрещаются как пища. Здесь опять вкусы Западного мира радикально изменились под влиянием библейского закона. Многие из древних деликатесов включали пожирателей падали. Среди морских продуктов животные, имеющие панцирь, запрещались по этой причине. Среди рыб особое исключение представляет карп, который разрешается и не поставлен в запрещенный класс, так как у него и плавники и чешуя. Морская кошка однако запрещается. Потребляя мясо по *кашеру*, отделительные органы запрещаются, т.е. те органы, которые очищают тело от нечистоты. Некоторые недавние медицинские свидетельства как будто подкрепляют этот запрет.

Почки ясно запрещаются (Исх. 29:13, 22; Лев. 3:4, 10, 15; 4:9; 8:16, 25); те же самые стихи касаются тоже и печени. Эти органы посвященные, т.е. их надо сжечь на алтаре, а не есть. В наши дни печень рассматривается евреями как *кашер* пища. Версия короля Джеймса ограничивает запрет только на “сальник с печени” (Исх. 29:13); другие версии дают это как “мембрану.” Версия Бэркли дает это как “доля” печени. Буш выясняет, что правильно читать “доля,” т.е. “большую долю печени,” вероятно из-за желчного пузыря, который “прикреплен к этой части печени” и тоже запрещается есть его.[\[149\]](#)

Пятое, хищные животные запрещенная пища, как свидетельствуют лев, собака, и т.п. И без исключений эти животные избегаются в странах, испытавших влияние христианского закона. В языческих обществах как между некоторыми американскими индианскими племенами, собаку считают избранной пищей.

Дальше этого современные различия очень слабые. Замечательные исключения это лошадь во Франции, и свинина и панцирные водные животные в большинстве стран. Свины запрещаются как пожиратели падали, и факт, что некоторые авторитеты цитируют их как переносящих бактерий свыше 200 болезней, заслуживает внимание, как и факт, что почти невозможно элиминировать всех их при приготовлении пищи из свинины.

Шестое, как явствует, травоядные животные ясно разрешаются, исключая тех, которые не жуют жвачку и не имеют разделенные копыта. Поэтому запрещается лошадь. Зерноядные птицы тоже между разрешенных для пищи, но не и хищные птицы.

Седьмое, почти все насекомые, исключая фамилию саранчи запрещаются. Саранча и другие разрешаются не как хваленную пищу, а обыкновенно в целях выживания (Лев. 11:22). Когда Иоан Креститель жил в пустыне, чтобы представить предстоящее разрушение и отступление народа, он питался акридами и диким медом (Мат. 3:4), т. е. Он питался местной пищей, чтобы показать пищу выживания, которая стала бы национальной пищей для уцелевших после предстоящего разрушения.

Восьмое, не дается никакого законодательства, касающее плодов, зерна, яиц и овощей. Все они явно законные и не нуждаются ни в какой линии разделения как у мяса. Руководящие правила здесь вкус, ценность и практичность.

Девятое, хотя из правовых запрет совсем очевидно выявляются правила об охране здоровья, первичный принцип разделения религиозный, а медицинский и гигиенический аспекты подчиненные ему. И использованные термины это *чистое* и *нечистое*, а запрещенные пищи *отвратительные*; явно имеется ввиду религиозная и моральная чистота, а гигиеническая чистота часть ее.

Десятое, не только плоть животных, павших мертвыми запрещалась, но также и животные, разорванные дикими зверями (Исх. 22:31); такое животное, если оно умерло, оставалось для кормления собак. Так как иностранцы не имели задержек чтобы есть мясо умерших животных, и часто были пристрастными к нему, таких животных можно было честно продавать иностранцам, не утаивая их состояние (Втор. 14:31). Не было попыток регулировать диету неверующих.

Одиннадцатое, также запрещенными были все продукты и жидности, стоявшие в открытых сосудах в палатке или в комнате умирающего или мертвого человека (Числ. 19:14,15). Намерение здесь было сохранить *чистоту* в ее полном смысле.

Двенадцатое, как отмечалось в связи с другими законами, запрещалось варить козленка в молоке его матери (Исх. 23:19; 34:26; Втор. 14:21). Таблицы Рас Шамра показывают, что такое варение было священным ритуалом у ханаанцев. Как будто культы к плодородию верили, что они могут стимулировать или нарушать плодородие по своей воле, раз оно было под их контролем.

Тринадцатое, в честь борьбы Иакова с Ангелом Господнем, израильтяне отказываются от сухожилия бедра (Быт. 32:32). Это однако не закон.

Четырнадцатое, вместе с правилами об умеренности, вина были приемлемой частью диеты. Дистиллированные напитки это современное изобретение. Вина были частью законного жертвоприношения Богу (Числ. 15:5,7,10). Использование вин, как руководимое Богом, и руководимое Его законом об умеренности, было вполне умеренным. В эти дни алкоголизм был редким среди евреев. Новый завет предупреждает многократно против неумеренности (Еф. 5:18; I Тим. 3:3,8; Тим. 1:7; 2:3; I Пет. 4:3 и т.д.). С другой стороны святой Павел советует Тимофею пить немного вина ради своего здоровья (I Тим. 5:23). Вино обычно употреблялось разбавленным водой (II Мак. 15:39).

В патриархальной эре диета включала не только мясо, но и овощную пищу (фасоль, горох, чечевицу), при этом как предпочтительную (Быт. 25:34). Мед, специи и орехи тоже упоминаются (Быт. 43:11). Молоко было важным пунктом в диете Израиля, и употреблялось не только коровье молоко. Козье молоко и молоко от овец тоже упоминаются (Втор. 32:14; Прит. 27:27). Часто упоминаются сливки (Втор. 32:14; Прит. 30:33), как и сыр (I Цар. 17:18, II Цар. 17:29). Изюм и сушеные фиги были обычными (I Цар. 25:18), финиковые торты и т.п. Дичь предпочиталась (III Цар. 4:23; Неем. 5:18), в добавлении к домашним мясам.

В какой степени диетические законы Мойсея действительные для нас? Обычно Деян. 10 цитируется как отмена старых диетических ограничений. Нет основания для такого заключения. Видение Петра не указывало ему есть свинину, собак, кошек и подобное: оно подготовило его к приезду слуг Корнилия. Надо было принять язычников в Царстве: “что Бог очистил, того не почитай нечистым” (Деян. 10:15). Петр не видел значение видения как разрешение есть запрещенную пищу. Скорее всего, как он сказал: “вы знаете, что Иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплемянником; но мне Бог открыл, чтоб я не почитал ни одного человека скверным или нечистым” (Деян. 10:28). В этой главе нет доказательство, что у видения есть что-нибудь общее с диетой; на самом деле она занимается Великим поручением и доступом неевреев в Царство.

Однако в Кол. 2:16, 17 есть прямая связь с диетическими законами:

Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу; Это есть тень будущего, а тело - во Христе.

Значение этого уже отмечалось в связи с субботным законом. Субботный закон уже не действителен для нас, тем что уже не преступление, ни гражданское, ни религиозное, если не соблюдать его, однако он принцип жизни и моральное правило. Подобно этому диетические законы уже не имеют обвязывающую силу для нас, но они дают нам принцип поведения. Когда апостолы вошли в мир неевреев, они не позволили чтоб диета была преградой между ними и язычниками. Если последние сервировали свинину или креветки, они ели их. У себя дома они поддерживали правила *кашер*, и Божие правила о здоровья и жизни. Святой Павел упрекнул святого Петра при всех, когда тот начал отходить от язычников, с которыми он ел, потому что боялся критики со стороны некоторых иудаистов (Гал. 2:9-15). В связи с нашим спасением законы диеты не имеют значение, хотя и фарисеи придавали им такое (Гал. 2:16). В связи с нашим здоровьем однако правила диеты еще действительные. Мы не соблюдаем субботу Израиля, но мы соблюдаем Господний день. Мы сегодня не считаем законодательство *кашер* законом, но на самом деле соблюдаем его как основательное правило для здоровья.

Одна ирония, что эти священники, которые отрицают связь Кол. 2:16 с субботой, еще пытаются использовать его, чтобы отрицать тотальность и действительность законов о диете. Если диетические законы тотально отмененные, суббота тоже отмененная. Однако они остаются, не как законы, а как принципы для здоровья человека, суббота для человеческого духа, а диетические правила для тела. Наше соблюдение этих диетических правил не должно ставить преграды между нами и другими людьми, а помогать нашему здоровью и процветанию в Христе.

14. Христос и закон

Крест Христа часто цитируется как смерть закона, и обычно заявляется, что в Христе верующий умер для закона. Как доказательство для такого мнения цитируется Рим. 7:4-6, однако ничего не говорится о Рим. 8:4. Точка зрения святого Павла это что мы свободные от закона, или мертвые для закона как смертный приговор против нас, но что мы живые для него как правду Божью. Христос, как наш заместитель, умер для нас и мы мертвые в Него для закона, но тоже и живые в Него для закона. Сама смерть Христа *отверждает* закон: она раскрывает, что Христос считал смертную казнь обязательной за нарушения Его закона, так что только искупительная смерть Христа могла бы снять проклятие закона против грешников.

В Еф. 2:1-10 святой Павел еще раз выясняет значение закона в связи с крестом. Комментируя описание святым Павлом грешников как “мертвых по преступлениям и грехам” (ст.1), Калвин заявляет:

Он не имеет ввиду, что им грозит смерть; но он заявляет, что это была действительная и настоящая смерть, на которую они работали. Если духовная смерть не ничего другое, чем отчуждение души от Бога, мы все родились как мертвые люди, и мы живем как мертвые люди, пока не примем участие в жизни Христа – согласно словам нашего Господа: “наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и услышавши оживут (Иоан. 5:25).”[\[150\]](#)

В этих условиях духовной смерти люди управляются демоническими силами и импульсами, при реализации их собственной грешной природы (стихи 2,3) как “сыны противления”; последнюю фразу Калвин комментирует, говоря: “Неверие всегда сопровождается неповиновением; так что это источник – мать всех упорств.”[\[151\]](#) Очень резко Калвин утверждает, вслед за святым Павлом, “что мы родились в грехе, как змеи вынимают свой яд из утробы.”[\[152\]](#)

В таком случае, какое средство остается человеку? Ясное, что закон не такое средство. Человек нарушил закон, мертвый в грехе и *не может* соблюдать закон. Калвин показывает, в связи с Еф. 2:4, что “нет другой жизни,

чем ту, которую вдохнул в нас Христос: так что мы начинаем жить только когда мы приведем к Ним, и начнем наслаждаться той самой жизни с Ним.”^[153] Наше спасение *всецело* по Божьей милости, *тотально* Его дело (ст. 8). По словам Калвина “Бог объявляет, что он нам ничего не должен; так что спасение не вознаграждение или компенсация, а неподправленная милость... Если со стороны Бога это только милость, и если мы не приносим ничего другого, кроме веры, что освобождает нас от всякого командования, то следует, что спасение не происходит из нас.” Сама вера тоже дар Божий (ст. 8). *Все* Святое писание утверждает: Бог единственный спаситель человека; закон не дается как человеческий путь к спасению, а как Божий путь к праведности, Его закон для Его избранного народа, для Его царства. Вот поэтому закон приходит “через Моисея” (Иоан. 1:17) – от Бога через Моисея – потому что это закон для Божьего царства. Когда перевернется в путь к спасению, закон извращается. Когда закон представляет управление и повиновение веры, тогда закон выполняет свое данное Богом намерение. Опять словами Калвина, “человек ничего без божественной милости.”^[154]

В Еф. 2:10 святой Павел объявляет: “Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять.” Калвин отмечает:

Он говорит, что до нашего рождения добрые дела совершались Богом; значит что нашими собственными силами мы не в состоянии вести святую жизнь, а только до такой степени, до которой мы оформленные и приспособленные рукою Бога. Сейчас, если Божья милость придет до исполнения нашего дела, все основание для хвастовства улетучивается.^[155]

Вполне ясно, следовательно, что мы снова родились “на добрые дела,” т.е. на повиновение Божьему закону-слову, и что цель нашего спасения, распоряженное заранее Богом, именно это повиновение.

Однако, возражают некоторые, закон называется “плотским” во Святом писании, как свидетельствует Евр. 7:16. Калвин заявил: “Его называют *плотским*, потому что он относится к материальным вещам, т.е. к внешним ритуалам.”^[156] Когда святой Павел призывает верующих к “умеренности,” он требует повиновения в “плотских,” т.е. материальных вопросах, как и в отношении “плодах духа” (Гал. 5:23).

Призвание верующих в свободе, что как Святой Павел говорит, означает любить друг друга, т.е. выполнять закон в взаимоотношениях друг с другом (Гал. 5:13-14). В отношении к нашим близким и к Богу, дела нашей павшей человеческой природы такие:

Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, Идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, Ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное; предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, Кротость, воздержание. На таковых нет закона (Гал. 5:19-23).

Святой Павел атакует закон как спасающее распоряжение, как путь человека к спасению; он поддерживает закон как путь человека к святости, а не к оправданию. После того как перечисляет незаконные поведения, начиная с прелюбодеянием, он цитирует набожные поведения и говорит о них, “На таковых нет закона.” Очевидно против другого каталога действий, начинающийся прелюбодеянием, *есть закон*, закон данный Богом через Моисея.

Так что, ясное дело, закон еще действительный. Толкование слов святого Павла, это что есть закон против списка грехов из Гал. 5:19-21; более того в смысле Еф. 2:10, мы новое творение Бога с целью соблюдать его закон и исполнять добрые дела.

В таком случае, в каком смысле закон мертв, и даже плохой, и в каком смысле он еще действительный?

Первое, как мы уже видели, закон как приговор к смерти, сам скончался, когда виновная сторона умерла, или была экзекутированной. Для верующих смерть Христа означает, что они умерли в Ним по смертному приговора закона, потому что Христос их заместитель (Рим. 7:1-6). Это не позволяет нам называть закон “грехом,” потому что сам закон указывает нам нашу грешность перед Богом, и нашу нужду в Его Спасителя (Рим. 7:7-12).

Второе, наше спасение в Иисусе Христе подчеркивает спасение через акт Божьей милости – *единственная* доктрина о спасении, которую утверждает все Святое писание. Жертвенные и церемониальные законы подчеркивают факт спасения через искупительный акт посланного Богом заместителя, животное, чья невинность представляет невинность того, кто придет. Когда Месия, Агнец Божий, пришел, старые типичные законы о жертвоприношении, их священство и церемонии, были последовательными искупительным делом Христа, великим Первосвященником (Евр. 7:26). Говорить, что *гражданский* закон тоже отменен, но *моральный* закон остается, это серьезная ошибка. В чем разница между ними? По большинстве пунктов их нельзя различить. Убийство, кража и ложное свидетельство ясные как гражданские, так и моральные преступления. При почти каждом гражданском порядке прелюбодеяние и неуважение родителей тоже гражданские преступления. Считают ли на самом деле эти люди, объявляя конец гражданского закона, что теократия Ветхого завета уже не существует? Однако царство Божие и Его Христа настоятельно утверждается Новым заветом, и специально книгой Откровения. Государство призванное существовать под Христом не меньше, чем церковь. Ясное, что *только* жертвенные и церемониальные законы закончили свое действие, потому что их заменил Христос и Его дело.

Третье, закон осуждается Новым заветом как средство для оправдания, каким он никогда не замышлялся быть. Закон наше средство не для оправдания или спасения, а для достижения святости. Фарисейство извратило значение закона, и “они устранили заповедь Божию,” согласно заявлению Христа (Мат. 15:1-9). То что фарисеи называли законом, было “заповеди человеческие” (Мат. 15:9), и против этого Христос и святой Павел нацеливали свои атаки. Закон в таком смысле *никогда* не был правовым статусом и в каждое время должен быть осужденным. Альтернатива антиномии не фарисейство и не легализм. Нельзя говорить тем, которые хотят спасти человека через закон, что человек не нуждается в законе; не это ответ им.

Фарисейство или легализм ведут к господству государства. Если закон может спасти человека, тогда ответ такой, что общество должно работать, чтобы установить тотальный правовой порядок, управлять человеком всецело через законы и таким образом переделать человека и общества. Этот ответ дается сторонниками государственного регулирования, которые неизменно извлекают свои основания из фарисейской религии. Социализм и коммунизм спасают правовые порядки, а призыв проповедников социалистического евангелия о “спасении общества” просто выражение веры в *человеческом законе*, который и есть спаситель. Последний пункт очень важный: закон Божий не приписывает себе спасательную роль, он не может позволить себе этого, вот почему человек изобрел гуманистский правовой порядок для тотального возрождения человека и общества средствами тоталитарного управления. У библейского закона ограниченная роль; спасающий закон должен иметь неограниченную власть, и поэтому библейский закон заменяется фарисеями тотальным законом. Скромность Божьего закона была преступлением для фарисеев. Например пока закон требует только один пост в год, в День искупления, и тогда только до заката солнца, фарисеи постят дважды в неделю (Лук. 18:12). Годовой пост, который заканчивается банкетом, не подразумевает никакого управления над человеком; пост дважды в неделю и управляет человеком, и становится средством самокомандования перед Богом и человеком.

Следовательно, надо осуждать закон, когда он становится что-то более, чем закон, когда он превращается в спасителя, и в услугу Богу, а не в необходимое человеческое повиновение и в ответ Божьему мандату и призванию. Закон есть закон, не спасение, и закон как спаситель ведет к господству государства и к тоталитаризму.

Антиномия с другой стороны ведет к анархии. Религиозные антиномисты обыкновенно практические, а не теоретические анархисты. Их незаинтересованность в законе ведет их к предательству гражданского порядка врагу и к ускоренному упадку закона и порядка. Хотя антиномисты и обиделись бы, назови их анархистами, их надо обозначить как таких. Логическое толкование их позиции показывает анархию. Если Христос отменил закон, почему общество должно поддерживать его?. Если христианин умер для закона, почему христианская церковь, государство, школа, семья и профессия не должны тоже быть мертвыми для закона? Последовательная вера известной части антиномистов обязывала бы их быть анархистами, но может быть постоянство само собой достаточно сильная добродетель, довольно много оно закон, и представляет слишком интеллигентную позицию, каких нельзя требовать от такой глупости.

Закон во все времена подчеркивает *святость* Бога. Святость Бога это Его абсолютное отличие от каждого Его существа и творения, и Его превосходящее возвеличивание над ними в Его суверенном и бесконечном величии. Это отделение Бога тоже и Его моральное отделение от греха и зла, и Его абсолютное моральное совершенство. Как отмечает Берхоф:

Святость Бога раскрывается в моральном законе, насажденном в сердце человека, и говорящем через совесть, а более точно в Божьем специальном откровении. Она выступает явно в законе, данном Израилю. [157]

Не может существовать никакая святость, никакое отделение Бога, без Божьего закона. Закон обязательный для святости.

Закон основной тоже и для праведности Бога. Опять выражение Берхофа попадает в точку:

Фундаментальная идея праведности это строгое придерживание к закону. Предполагается, что среди людей есть закон, которому они должны подчиняться. Иногда говорится, что мы не можем говорить о праведности Бога, потому что нет закона, которому Он подчиняется. Но хотя и нет закона над Богом, определено есть закон в самой природе Бога, и это самый высокий возможный стандарт, с которым сравниваются все другие законы. Обычно делается различие между абсолютной и относительной справедливости Бога. Первая есть *та честность божественной природе, благодаря которой Бог бесконечно праведен в Себя*, пока последняя есть *то совершенство Бога, через которое Он поддерживает Себя над всяким насилием над Его святостью, и показывает во всяком отношении что Он святой*. Вот к этой праведности термин “справедливость” подходит более точно. [158]

Праведность Бога раскрывается в Божьем законе, а норма, согласно которой люди объявляются грешниками, это их нарушения Божьего закона. Грех Адама и Евы было их нарушение закона, а критерий веры человека это плоды, которые он приносит, его дела, вкратце его соответствие к закону Бога, так что закон стал его новой жизнью и природой (Мат. 7:16-20; Иак. 2:17-26; Иер. 31:33). В пренебрежении или презрении к Божьему закону не может быть ни праведности, ни справедливости. Отказаться от Божьего закона значит отказаться от Бога.

Закон основной тоже и для достижения святости. Как указывает Берхоф, святость нельзя путать с простой моральной честности или с моральным совершенством.

Человек может хвастаться большим моральным совершенством и все-таки быть абсолютно чужим святости. Библия не настаивает на моральном совершенстве в отношении к Богу, ради Бога, и имея ввиду служение Богу. Она настаивает на достижении святости. В наши дни многие этические проповеди по этому самому пункту абсолютно подводящие: и корректив этому лежит в представлении настоящей доктрины о достижении святости. Достижение святости можно дефинировать как это милостивое и непрерывное действие Святого духа, через которые Он освобождает и оправдывает грешника от нечистоты греха, обновляет всю его природу по подобию Божью и делает его способным совершать добрые дела. [159]

Согласно святому Павлу, “вера от слышания, а слышание от слова Божия” (Рим. 10:17); закон записанный в каждой частице этого слова. Если этот закон-слово основной для веры и слушания, ясное что он основной и для развития верующего в пути к святости. Достижение святости зависит от нашего соблюдения закона через мысль, слово и дело. Совершенство воплощенного Слова показывается в Его соблюдении закона; может ли народ Его царства следовать своего призвания другим путем, чем через Его закон-слово?

Если закон отрицается как средство достижения святости, тогда логично единственная альтернатива это пятидесятничество, с его антиномией и небиблейской доктриной о Духе. Правда, пятидесятничество действительно представляет очень логичное отделяние от антиномной теологии. Если закон отрицается, как человеку достигнуть святости? Ответ пятидесятнического движения был попыткой заполнить этот пробел. Протестантская

теология оставляет человека оправданным, но без способа достигнуть святости. Движение о святости, со своей верой в моментном совершенстве всех верующих, идет совершенно ясно против здравого смысла: каждый наблюдатель может увидеть, что люди святости были и остаются крайне далеко от совершенства! Ответом протестантских пятидесятнических и римокатолических аскетов и восторгателей была эта доктрина о Духе. Показно супер нормальная и антиномная манифестация Духа ставши верующего на высшем плане. Многие параллельные движения, такие как Кесвик, развивают этот высший путь к святости как альтернативу закона. Эти движения по крайней мере представляют логический интерес для достижения святости, хотя и незаконный. Отреките закон, и ваши альтернативы остаются или безразличие к достижении святости, или пятидесятничество и другие подобные доктрины.

Отсутствие интереса или презрение к каноническому закону часть этой антиномии.

Отделить закон от евангелия это все равно отделить кого-то от закона и евангелия, и от Христа. Когда Бог считал закон настолько обвязывающем для человека, что для спасения человека была необходима смерть воплощенного Божьего сына, Он не мог бы сейчас рассматривать этот закон как что-то незначительное, или ничтожное и пустое для человека. Человек спасился “чтобы оправдание закона исполнилось в нас” (Рим. 8:4). Говорить что человек дальше не под законом, а все-таки должен избежать убийства, прелюбодеяния, кражи, ложного свидетельства и других грехов, значит играть словами. Или закон есть закон, и он обвязывающий, или нет закона и человек не обвязан, а свободен совершать такие действия.

Заповедь “Не убивай” означает, что нельзя отнимать человеческую жизнь. Извращение слова жизнь не средство ли для отнятия или увреждения жизни? Не следует ли назвать ложных пороков убийцами? Во время, когда основания закона находятся под атакой, верный слуга Бога должен самым ревностным и ясным образом прокламировать этот закон. По словам Мартина Лютера,

Если я признаю открыто громким голосом и самым ясным излаганием каждой части Божьей истины, исключая именно эту небольшую точку, которую мир и дьявол атакуют в этот момент, я не признаю Христа, хотя может быть и смело исповедаю веру Христа. Лояльность солдата доказывается в бушующей битве, и стоять в сторону от всех полей боя, это по меньшей мере бегство и позор, если он уваливает по этому пункту.

С грехопадением Адама человек пропал, и Божий правовой порядок был нарушен. С победой Христа, человек триумфировал в Христе, и Божий правовой порядок восстанавливается, с его мандатом упражнять владычество под Богом и пидчинить землю. Может ли некий Божий человек провозглашать меньше?

15. Труд

Нормально *труд* рассматривается как собственно аспект четвертой заповеди: “Шесть дней работай...” (Исх. 20:9), и это самое очевидное, что действительная классификация. Поэтому необходимы некоторые вынужденные рассуждения, чтобы поставить *труд* в другое место. Такое намерение можно найти в первоначальном мандате подчинить или обработать землю и упражнять владычество над ней (Быт. 1:28). Труд очевидно продолжается после грехопадения, теперь с проклятием на нем, и с неудовлетворенностью (Быт. 3:17,18), однако очевидно восстановительной функцией. Через труд человек был призванным покорить землю; после грехопадения человек познал неудовлетворенность от греха в этом призвании. С грехопадением пришло и проклятие на труд человеческий, но труд не проклятие. Со спасением эффекты греха неуклонно преодолелись, поскольку человек работал чтобы восстановить землю и установить свое владычество под Богом. Человек, жизнь и земля были уврежденными и убитыми последствиями греха. Отменить грехопадение, защитить и сделать успешной жизнь под Богом, означает что, согласно шестой заповеди, человек имеет мандат восстановить землю трудом, и сдерживать и ограничивать увреждающее и убийственное воздействие греха. Значение восстановления для закона есть основание, на котором *труд*, один из аспектов четвертой заповеди, считается тоже как следует и одним из аспектов шестой. Он тоже один из аспектов восьмой, потому что “Не кради” означает “Работай,” чтобы получить необходимое и желанное. Цель восстановления это вернуть царство Божие, как описанное в Ис. 11:9: “Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей: ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море.”

Следовательно труд занимает важное положение в библейской мысли. Притчи многократно подчеркивают его необходимость, достоинство и важность; “собирающий трудами увеличивает богатство” (Прит. 13:11). “Рука прилежных будет господствовать, а ленивая будет под данью” (Прит. 12:24). “Душа ленивого желает, но тщетно; а душа прилежных насытится” (Прит. 13:4). “Видел ли ты человека проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями” (Прит. 22:29).

Таким образом труд ставит себе цель царство Божие; поэтому труд религиозная и моральная необходимость.

Воздействие труда как фактор при лечении отстающих в умственном развитии большое. Когда слабоумных взяли из лечебниц и послали работать на фабриках, результаты были очень хорошими в целом. Слабоумные радовались работе, исполняли ее успешно, иногда работодатели смотрели на них как на лучшие рабочие. Работодатели часто заявляли, что эти рабочие оказываются настолько интеллигентными, как и все другие.^[160]

Среди хутеритов к ненормальным и невротичным людям относились с христианским терпением, но без релятивизма. Права и разницы признавались.^[161] У хутеритов религиозное недоверие к психологам и психиатрам.^[162] Принимая ненормальных и невротиков, и давая им порядочное и приемлемое место в обществе, они делают из них полезных и счастливых членов своей культуры. Хутериты в целом, со своей сильной верой в

труде с христианской точки зрения, психически здоровые и показывают отсутствие психоматических и порожденных напряжением болезней. Список значительно меньших проблем включает хроническую бессоницу, пристрастие к лекарствам, астму, аллергии к пище, сенную лихорадку, самоубийства, инфекции отделительного тракта, мужская импотенция, страх смерти, коронарные сердечные болезни, чрезмерную полноту, рак, запор, спастичные колиты, менструальные смущения, женскую холодность, и т.п.[163]

“Психиатрия” хутеритов настаивает на прилаживание “пациента” в “усмирительной рубашке” культурного соответствия; это требует чтобы вера и жизнь группы пользовались уважением и поддержкой. “Психиатрия” хутеритов ориентированная на будущее. Она смотрит вперед в Христе и взыскивает чтоб индивид думал меньше о себе и больше о требованиях Бога.[164] Так как общество хутеритов *трудоовое* общество, оно взыскивает целенаправленную работу от всех своих членов.

Более того, на индивида не свалется никакой непосильный груз: “Извлекая свое настроение из догмы, что человек родился чтобы грешить, они не ожидают совершенство ни от кого.”[165] Этот реализм относительно человека очень полезный для психического здоровья. Таким способом хутериты исцеляют своих невротичных членов, и делают полезными и счастливыми своих умственно отстающих членов через труд.

Восстановительная функция труда хорошо известная. Ее полезность в занятиях с невротичными и умственно отстающими личностями ясно признается. Но эта функция труда просто отражает часть основной природы труда для всего общества, для всех людей. Она данное Богом средство, через которое человек устанавливает владычество над землей и осуществляет свое призвание под Богом.

Поэтому человек должен радоваться труду и находить удовольствие в нем. Обратное, однако, обычное желание среди людей это избежать от труда. Приманка марксизма и других подобных вер, это их декларация, что человек окован кандалами труда и ему надо освободиться от них. В более новое время прокламируется, что автоматизация может заменить труд, и что свободное общество это такое, которое *освобожденное от труда*. Две явно противоречивые вещи как будто вопреки всему слишком преобладают среди людей, *первое*, признание исцелительной природы труда, и *второе*, бегство от труда как рабство.

Почему такое противоречие? Противоречие существует прежде всего в самом человеке, а потом и в человеческом обществе. Человек сознает в глубине своего существа, что труд его судьба под Богом, что это его самореализация, как и его призвание, что мужество человека существенно связанное с его способностью работать и с его развитием в условиях труда. Однако в то же самое время человек сталкивается лицом к лицу с фактом грехопадения, с Божьим проклятием над его работой (Быт. 3:17-19), и человек убегает от этой действительности. Проклятие там, и он сознает это, но вместо того, чтобы признаться, что он грешник, что находится в бунте против Бога, человек раздражается и бунтуется против труда, потому что труд раскрывает ему факт грехопадения и проклятия. Труд его призвание, но его призвание раскрывает разрушительную работу греха в истории. Слабоумный может находить удовлетворение в труде, однако большинство людей, которые в бунте против Бога, все более находят в труде неудовлетворение, и они не признают причину этому. Тогда они или пытаются утопить эту неудовлетворенность еще большим трудом, или обращаются к игре как к заместителю труда.

Социалистические мечтатели делают капитал на человеческом неудовлетворении. Используя это неудовлетворение как свой капитал, они предлагают человеку известную утопию, в которой проклятие предполагается снятым через уничтожение определенного класса людей, которые называются эксплуататорами. Тогда каким-то образом рай будет восстановлен. Согласно Марксу, человек освободится от проклятия над человеком и трудом через социалистический рай, в котором разделение труда исчезнет:

Потому что сразу как труд распределится, у каждого человека появилась особенная,исключительная сфера деятельности, которая налагается ему и от которой ему не уйти. Он охотник, рыбак, чабан или литературный критик, и должен остаться таким, если он не хочет потерять свои средства на существование; тем временем в коммунистическом обществе, где у никого нет исключительной сферы деятельности, а каждый может стать исполнителем в любом отрасли, в каком ему хочется, общество регулирует генеральное производство, и таким образом делает возможным для меня работать одно сегодня, а другое завтра, охотиться утром, рыбачить после обеда, ухаживать за скотом вечером, писать критику после ужина, как мне придет в голову, никогда не превращаясь в охотника, рыбака, чабана или критика.[166]

Как указывает Гари Норт: “*Концепция Маркса о человеческом отчуждении использовалась им как заместитель христианской доктрины о грехопадении человека.*”[167] При всяком таком мышлении человек находится в бегстве от действительности и следовательно от труда. Сегодняшний рабочий, независимо член он профсоюза или нет, служащий в канцелярии, или ответственный руководитель, все часто живут чтобы избегнуть труд. Однако сбежать от работы, чтобы играть, не значит сбежать от основной проблемы, и в результате бегство человека продолжается: обратно к работе, к игре, к спиртному, везде кроме к ответственности. Результат такой, что человек показывает хроническую неудовлетворенность, комбинированную с самодовольством. Но как заметил Бренан, “Гнев, нетерпение, самодовольство, все это симптомы человеческого существа, которое оторвалось от действительности. А отрыв от действительности, это только широкая дефиниция безумия.”[168] Когда человек находится в бегстве от действительности, он меньше интересуется тем, чтобы *быть* кем-то, чем тем, чтобы *выглядеть* кем-то, интересуется видимостью, а не действительностью.[169] Тогда культура становится радикально сдвинутой, и эта радикальная духовная бедность делает лицемерие и видимость более важными, чем сама жизнь. “Бедный может страдать от действительности, но это лучше, чем страдать от выдумки.”[170] Так как мир поддерживается в своем социальном и культурном порядке и прогрессе через труд, не через выдумку, мир в котором выдумка приобретает могущественное влияние, это мир идущий к катастрофе.

Время, в котором актеры и актрисы публичные идола и герои, это мир выдумки. Между двумя мировыми войнами голливудские актеры и актрисы очень сильно доминировали сознания и молодых, и взрослых. Таким образом они открыли дорогу выдающимся социалистам и парвеню, но с этими новыми вожаками идеал остается

тем же - видимость и выдумка. Так как их новая религия видимость, язык религии применяется к технике видимости. Как один выдающийся граф и член этих “интернациональных кочевников” (парвеню кафетерийного общества) сказал в репортаже:

“Между парикмахером и женщиной,” заявил мне Александр самой ясной манерой, поглаживая так нежно свою бороду, “полное общение необходимо как в церкви (так!). С целью достичь такого взаимоотношения, должно существовать полное доверие клиентки к человеку, которому она доверяет свое самое ценное владение: свои локоны.”^[171]

Доминированное актерами общество (а актеры могут и не быть профессионалами; они могут быть простыми людьми, влюбленные в видимость), это консумативное общество: оно последовательно теряет свою способность производить. В своей безумной самопоглощенности и в очаровании видимостью, оно совершает нарцисстическое самоубийство.

Социалист находит легким противопоставиться актеру: это мнимая действительность против мечты. Однако социалист тоже находится в бегстве от действительности, он одинаково влюбленный в видимость. Актер часто одновременно актер и социалист, потому что оба мира в основном один. Мечта Маркса, чтобы “освобожденный” от труда человек был рыбаком, охотником, пастухом или критиком по своей воле, это социальная мечта, как и личная такая. Вместо того, чтобы иметь дело с павшей природой человека, Маркс мечтает о новом мире, чтобы снять проклятие от труда. Актер и социалист находятся в отличный мир друг с другом.; они единные в своей враждебности к заветному человеку.

Спад производительности и восход выдумки показывают, что общество в упадке. Продолжаясь очень долго, они показывают смерть общества. “Не убивай” имеет как свою утверждающую формулировку защита и поддержание жизни под Богом и по условиям Его закону-слову. Труд важный аспект этой свободной и восстановленной жизни.

16. Амалик

Веками Ассирия была едва знакомой многим историкам, которые не принимали в расчет библейское повествование и оспаривали существование такой великой империи. То же самое пренебрежение, и даже большее, преобладало в отношении к Амалику, в самые древние времена “первый из народов” (Числ. 24:20). Его происход принимает неправильно даже библейскими учеными, которые извлекают его от Амалика, внука Исава (Быт. 36:12,16). Однако еще далеко до рождения этого Амалика нация Амалик существовала (Быт. 14:7).

Великовский идентифицирует Амалика с Хиксосом при помощи некоторых интересных доказательств.^[172] Эта интерпретация согласуется наверняка с повествованием Исх. 17:8-16.

Значение Амалика для библейского закона связывается с осуждением, произнесенным Богом против него, и с возложением его экзекуции Божьему заветному народу. Так как декрет осуждения один из аспектов закона, с ним надо считаться при каждой дискуссии о законе, особенно когда он включается в правовой кодекс.

После того как Израиль ушел из Египта, Амалик встретил и атаковал его (Исх(17:8-16). Два отрывка описывают это столкновение в смысле Божьего приговора:

И сказал Господь Мойсею: напиши се для памяти в книгу, и внуши Иисусу, что Я совершенно изглажу память Амаликитян из поднебесной. И устроил Мойсей жертвенник, и нарек ему имя Иегова Нисси (Господь знамя мое). Ибо, сказал он, рука на престоле Господа: брань у Господа против Амалика из рода в род (Исх. 17:14-16).

Помни, как поступил с тобою Амалик на пути, когда вы шли из Египта; Как он встретил тебя на пути, и побил сзади тебя всех ослабевших, когда ты устал и утомился, и не побоялся он Бога. Итак, когда Господь, Бог твой, успокоит тебя от всех врагов твоих со всех сторон, на земле, которую Господь, Бог твой дает тебе в удел, чтоб овладеть ею, изгладь память Амалика из поднебесной; не забудь (Втор. 25:17-19).

Этот отрывок постановляет несколько вещей. *Первое*, в известном смысле Амалик был в войне против Бога. Позднее псалмист цитировал Амалика как одну из конспиративных наций: “Сговорились единодушно, заключили против тебя союз” (Пс. 82:6-8). Самуил заявил Саулу: “Так говорит Господь Саваоф: вспомнил Я о том, что сделал Амалик Израилю, как он противостал ему на пути, когда он шел из Египта. Теперь иди и порази Амалика, и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла (I Цар. 15:2,3). В I Цар. 28:18 идет реч о Божьем “ярости гнева на Амалика.” Как выясняют вышеупомянутые стихи, *второе*, Бог был тоже в войне против Амалика. *Третье*, Амалик напал на Израиль, и дико относился с ним. *Четвертое*, Израилю пришлось воевать на смерть против Амалика. Эта война, *пятое*, должна была продолжаться из рода в род, а память Амалика должна была изгладиться из поднебесной.

Чтобы изучить эти точки более старательно, *первое*, какое преступление совершил Амалик против Бога? Староеврейский текст Исх. 17:16 можно читать так: “Потому что рука Амалика была на престоле (или против престола) небес, поэтому Господь будет воевать...”^[173] Несомненно враждебность Бога к Амалику показывает, что в известном смысле рука Амалика поднялась *против Бога*; отсюда Мойсей был должен поднимать руки *к Богу*, чтобы показать зависимость Израиля от Бога.

Серьезность оскорбления со стороны Амалика отраженная в Талмуде. Например Р. Джоус поучает: “Три заповеди были данными Израилю, когда он вошел в землю: (1) выбрать себе царя; (2) отсечь семя Амалика; (3) и построить себе избранный дом (т.е. храм), и я не знаю которая из них имела приоритет.”^[174] Талмуд показывает осознание человеческого ужаса относительно Божьего приговора над Амаликом и приписывает такой ужас Саулу в одной из его легенд:

Когда Святой Единственный, да будет Он благословен, сказал Саулу: *Теперь иди и порази Амалика*, он сказал: Если из-за одного человека Торах говорил: Исполни церемонию красной телки, чью шею надо сломать, то что остается (не обращать никакого внимания) для всех

этих людей! И если человеческие существа грешили, что совершил скот; и если взрослые грешили, что сделали дети? Божественный голос возвысился и сказал: *Не будь чрезмерно праведным.*”^[175]

Роулинсон указал, ссылаясь на Исх. 17:16, “Амалик, своей атакой против Израиля, поднял руки против престола Бога, поэтому Бог будет воевать с ним от рода в род.”^[176]

Старая традиция определяет природу войны Амалика против Бога и Израиля:

Предание Мидраша раскрывает как Амаликитяне сами сделались особо ненавистными, отрезая обрезанные органы израильтян (и у пленников и у трупов), бросая их в воздух, и выкрикивая с непристойными проклятиями к Яхве: “Это то, что тебе нравится, так бери то, что ты выбрал!” Эта традиция выведена из Втор. 25:18, “и побил сзади тебя всех ослабевших...”, делая намек о том, как Амалик не давал покоя евреям в Рефидиме во время Исхода.”^[177]

“Побил сзади” переводится еще “отрезал хвост”, что может означать “кастрировал”; или используя военное выражение, как в Исх. Н. 10:19, где подобно Втор. 25:18, оно может означать “порази самых последних,” ослабевших, как это в версии короля Джеймса. Может быть военное значение верно и в обоих случаях, но древняя традиция, которая цитирует кастрацию как акт Амалика наверно имеет за собой истину. Она берет в счет и божественный гнев против и пророческий ужас за Амалика: богохульство и извращенность встречаются в жестоком поступке Амалика. Амалик ненавидел Израиля, потому что Амалик выше всего ненавидел Бога: отсюда его радикальная извращенность в отношении к Израилю. Эта извращенность продолжалась в дни Есфирь, в попытке Амана уничтожить всех евреев (Есф. 3).

Второе, Бог воевал с Амаликом, и эта война должна была продолжаться “из рода в род” (Исх. 17:16). Отметим различие: Война Израиля против Амалика должна продолжаться, пока Амалик и “память о нем” не изгладятся; и действительно сегодня Амалик как империя забыт, а война Бога “от рода в род.” Это не злоупотребление текстом, а находится в согласии с библейским представлением, чтобы осознать здесь декларацию о продолжающейся войне Бога из рода в род с амаликитянами из всякого возраста, расы и нации.

Извращенное насилие, презрение к Богу и к человеку, все они обычно показывают павшего человека. Рассмотрим например репортаж Мориса Р. Дейвиса:

“В Африке военнопленных часто истязают, убивают или оставляют голодать до смерти. Среди говорящими языка тши народами ‘узники войны’ третируются с ужасающим варварством.’ Мужчины, женщины и дети – матери с ребенками на их спинах и маленькие дети, едва способные ходить – раздеваются и связываются вместе веревкой на шеях связками из десяти или пятнадцати; каждый узник связывается дополнительно, при этом его руки фиксируются к тяжкому бревну из дерева, которое надо носить на голову. Так затрудненными и так недостаточно кормленными, что они остаются одни скелеты, их ведут за победоносной армией месяц за месяцем, их brutальные стражи относятся к ним с наибольшей жестокостью; и если поработители почуют преследования, пленников сразу убивают, чтобы предотвратить освобождения. Рамсейер и Кун упоминают случай с пленником, уроженцем Акры, которого ‘держали под бревном,’ т.е. связанным к отсеченному стволу дерева через стальному скобу на запястье, с недостаточной пищей, в течении четырех месяцев, и который умер от этого мучения. В другой раз они увидели среди нескольких узников несчастного слабого ребенка, который, когда ему гневно приказали встать, ‘с большим трудом успел подняться, показывая покрытую кожей рамку, на которой виделась каждая косточка.’ Один мальчик так похудел с голода, что его шея не могла поддерживать вес его головы, которая если он садился, выпадала между его коленами. Другой, одинаково истощенный, кашлял как при последнем вздохе; тем временем другой юноша был настолько слабым от недостаточного кормления, что был неспособен встать. Ашантис был очень удивлен, что миссионеры должны были показывать какую-нибудь эмоцию при этом спектакле; и в случае когда они пришли дать пищу некоторым голодным детям, стражи с гневом оттолкнули их назад.” Как регулярная армия, так и рекруты в Дахомее (теперь Бенин) показывали одинаковое бездушие к человеческому страданию. “Раненым узникам отказывалась любая помощь, и все узники, которые не назначались в рабство, держались в условиях полуголода, что скоро сводило их к одним скелетам... Нижняя челюстная кость высоко ценилась как трофей... и очень часто вырывалась у раненных и живых врагов...” Сцены, которые последовали ограбления крепости в Фиджи “чрезмерно ужасные, чтобы описать их в деталях.” То, что ни возраст, ни пол не различались, это малейшая из всех жестоких подробностей. Именно искалечивание, причиняемое иногда на живых жертвах, совершаемое со смешанными жестокостью и похотью, делало самоубийство предпочитаемое перед пленом. С фатализмом, который лежит в основе меланезийского характера, многие не попробовали бы сбежать, а свели бы пассивно свои головы под ударом дубины. Если некоторые были достаточно несчастными, чтобы их взяли живыми, их судьба была действительно ужасной. Их тащили связанными по главной улице села, давали их молодым мальчикам, чтобы упражнять на них свою изобретательность в мучениях, или оглушенными одним ударом их поставляли в горячие очаги; и когда жара приводила их в сознание от боли, их бешенная борьба приводила зрителей в конвульсии от смеха.^[178]

Обычно такие материалы принимаются как доказательства о примитивизме, как пережитки эволюции в человеке, а не как доказательство об его павшей природой. Цивилизованный человек, не меньше чем племена Африки и Меланезии, отдается извращенному насилию, жестокости, и наслаждению от жестокости. Коммунистический террор далеко обошел племенный террор в извращенности, насилии и размахе. Доказательства на лицо, при этом слишком обильные.^[179]

Использование террора рутинный политический факт в современном мире гуманизма. Люди убиваются вроде бы чтобы спасти человека или общество, и универсальная любовь к человечеству прокламируется с тотальной ненавистью. Человек упражняет извращенное насилие как средство достижения всемогущества. “Быть как Бог,” это грех человека (Быт. 3:5), а все-таки человек не может упражнять всемогущество или власть создавать новый мир или новый человек. Поэтому человек обращается к разрушению, как средство утвердить свою претензию на всемогущество. Как заявил в 1984 году О’Брайен: “Мы придавим вас пустыми, а потом мы наполним вас нами.”^[180] Оруэл использует слова О’Брайена в знаменитом отрывке:

Власть состоит в причинении боли и унижения. Власть состоит в разрывании человеческого сознания на части, и собирании их снова вместе в новой форме по вашему собственному выбору. Начинаете ли вы видеть наконец, какой мир мы создаем? Он точно противоположный тупой гедонистской Утопии, которую воображали себе старые реформисты. Мир страха, и предательства, и мучения, мир топтания (и быть затоптанным), мир который становится не менее, а *более* безмилостным, поскольку он истончается. Прогресс в нашем мире будет прогресс к большему страданию. Старые цивилизации претендовали, что они основывались на любви и справедливости. Наша основывается на ненависти. В нашем мире нельзя существовать никаким эмоциям кроме страха, гнева, триумфа и самоунижения. Все другое мы уничтожим – все. Уже мы ломаем привычки мышления, которые уцелели от времена до Революции. Мы отрезали связи между ребенком и родителями, и между мужчиной и женщиной, и между мужчиной и женщиной. Никто не посмеет больше верить ни жене, ни ребенку, ни другу. Детей будут забирать у их матерей при рождении, как берут яйца из-под курицы. Сексуальные инстинкты искоренятся. Размножение будет ежегодной формальностью, как обновления карты рациона. Мы уничтожим оргазм. Наши неврологи работают над этим и сейчас. Не будет никакой лояльности, кроме лояльности к Партии. Не будет никакой любви, кроме любви к Большому брату. Не будет никакого смеха, кроме смеха триумфа над

поверженным врагом. Не будет никакого искусства, никакой литературы, никакой науки. Когда мы будем всемогущими, мы не будем нуждаться ни в какой науке. Не будет различия между красивым и безобразным. Не будет ни лобопитства, ни заинтересованность в процессе жизни. Все конкурентные удовольствия будут уничтожены. Но всегда – не забывайте этого Винстон – всегда будет опьянение властью, постоянно увеличивающееся и постоянно развивающееся коварство. Всегда, в каждом мгновении, будет нервная дрожь от победы, чувство затоптания врага, который беспомощен. Если вы хотите картину будущего, вообразите сапог, наступивший на лицо человека – навсегда.^[181]

Здесь, ясно сформулированный, грех человека достигает свою самореализацию. Если цель сыграть роль бога, испытать ощущение всемогущества, тогда тотальный террор и тотальное разрушение, это дороги человека к уподоблению бога.

Однако это извращенное насилие, это *псевдовсемогущество*, вызывает гнев Божий, так что “из рода в род” враждебность Бога к всяким амаликитянам остается. И так верно, как первый Амалик был уничтожен, и как Аман, последний из известных амаликитян, так и Амалики и амаликитяне наших дней стоят под приговором и будут уничтоженными. Обратите внимание на участь Амана:

И сказал Харбона, один из евнухов при царе: вот и дерево, которое приготовил Аман для Мардохея, говорившего доброе для царя, стоит у дома Амана, вышиною в пятьдесят локтей. И сказал царь: повесьте его на нем. И повесили Амана на дереве, которое он приготовил для Мардохея. И гнев царя утих (Есф. 7:9,10).

Третье, Израиль был атакованным Амаликом. Согласно Втор. 25:17, Амалик “не боялся Бога.” Амалик атаковал Израиля; согласно “преданию Мидраша” эта атака была непристойным неповиновением Богу и презрением к Нему. Когда люди атакуют Божьего народа, тогда это часто открытая или прикрытая атака против Бога. Неспособные ударить прямо Бога, они нападают на Божьего народа. Поэтому есть непрестанная война между Амаликом и Израилем, между Божьим народом и Божьими врагами.

Следовательно, *четвертое*, заветный народ должен вести войну против врагов Бога, потому что это война насмерть. Преднамеренное, истонченное и бесстыдное насилие противных Богу сил не позволяет никакой пощады.

Пятое, эта война должна продолжаться, пока амаликитяне не исчезнуть с земли, пока Божий правовой порядок не установится твердо, и пока не возцарится Его справедливость.

Так как Божие всемогущество тотальное, псевдовсемогущество человека, якобы бога, тоже тотальное в его пустом воображении. Это псевдомогущество становится все более и более извращенным. Оно не зрелое. Его цель это манифестация явной власти, и потому что оно не может показать власть, которая возражает, оно показывает власть, которая разрушает.

Представление поднятых вверх рук Мойсея (Исх. 17:11,12), подсказывает нам средство, которым надо уничтожить Амалика: полномасштабным наступлением на всех фронтах, но всегда с полным упованием на Господа, который единственное основание на победу.

17. Амалик и насилие

Неудивительно, что один законодатель, Соломон, говорил о лихорадочном желании насилия со стороны злых людей. Они не могут спать, отмечает он, если не совершать зло: их жизнь и радость это делать вред, “потому что они не заснут, если не сделают зла; пропадет сон у них, если они не доведут кого до падения” (Прит. 4:16). Их корм, пища, т.е. жизнь их существования, Соломон описывает как “хлеб беззакония и... вино хищения” (Прит. 4:17). Соломон, как законодатель и учитель, чувствовал, что осознание этих фактов важно.

Для некоторых “зло” это неуместная праведность. В основном здоровые импульсы здорового человечества могут быть направленными по ошибке к разрушению, или по социально бесплодным каналам; с этой точки зрения человек нуждается не в осуждении, а в перенаправлении. Предпосылка Соломона это порочность человека: злые радуются своей пакости; она их жизнь и их способ жизни. Как заявил Вертам, который сам начал с грешных предпосылок, “Если мы не исходим из здоровых предпосылок, мы оставляем дверь открытой для ложных таков.”^[182] Его основной догмат это энвайронментализм, хотя он и пытается подсознательно сохранить ответственность.^[183]

Вертам сообщает о нескольких интересных примерах насилия, как например следующий:

Недавно в Бруклине две женщины среднего возраста, летним вечером шли по переулку к одному из больших авеню, после того как погостили у приятельницы рядом. Они намеревались взять такси и поехать домой. В каких-то 250 метров от проспекта им встретила группа юношей, занимавшая весь тротуар. Женщины попытались, пропуская их пройти. Последний мальчик схватил правую руку одной из женщин, чтобы взять ее кошелек, потом повалил ее на тротуар и прыгнул на нее опять и опять. Когда ее увезли в больницу, нашли что у нее сломанное плечо, сломанной локоть, сломанная рука, и пара фрактур левой берцовой кости, для которых потребовалась тщательная операция. Она нуждалась в трех сиделках круглосуточно. А когда она поправится, ей надо будет носить скобу от бедра до пятки, она останется калекой, с одной ногой короче другой. При моем профессиональном контакте с этим случаем, я узнал какую ужасную боль и шок причинил он ей – и что расходы на лечение проглотили все семейные сбережения. Не было никакой сексуальной умысли в этой атаке. После того как парень взял бумажник, не было причины, которой объяснить такое бессмысленное и безжалостное нападение на женщину.

Двадцать пять лет тому назад это было бы исключительный случай и причинило бы сенсацию. Сейчас это не вызвало даже и журчание и даже не сообщалось как новость. Такое случается слишком часто. Парня никогда не поймали; если бы его поймали, то власти не знали бы что с ним делать. Это нынешнее насилие чистой культуры. Я узнал множество подобных случаев. Они как правило не сообщаются полностью, далеко меньше решаются или разрешаются. Те которые используют фешенебельное объяснение насилия, что оно результат доминирования матери, или неадекватности некоторых сдерживать своих агрессивных инстинктов, или бунта против раннего обучения одеванию, они не знают текущих фактов жизни в больших американских городах. Они пробуют свести безобразные социальные факты к уровню интригирующих личных психологических явлений. Этим путем они становятся частью самого упадка в котором процветает нынешнее насилие.^[184]

Прочитируем еще одного примера Вертама:

Мальчик тринадцати лет шел домой из школы в пригородном районе. Недалеко от дома рядом взревела машина и из нее выскочили несколько мальчиков. Они атаковали и избили его безжалостно. Потом они прыгнули обратно в машину и прогрохотали прочь. Их жертва поступила в госпиталь с тяжелыми повреждениями лица и с сотрясением мозга. Он не знал своих обидчиков и никогда не видел их до этого.^[185]

Это не крайние случаи, они только подходящие к печати. Некоторые из наиболее извращенных примеров развратного насилия включают сексуальных нападений. В случаях, известных этому автору, нельзя предложить никакое извинение с репрессивной окружающей средой: виновные личности происходили из любящих, близких по духу и снисходительных окружений, где не преобладали никакие религиозные запрещения относительно сексуальности. Вместо свободных, любящих личностей, из них вышли люди показывающие поразительное воображение в своей испорченности и извращенности.

У нас на самом деле не только это неорганизованное, спонтанное насилие, но и планированное насилие в виде бунтов, ограблений, демонстраций, и войны против полиции; и оно очевидно усиливается.^[186]

Как мы уже видели, сущность этого бесстыдного насилия это псевдоуниверсальность. Так как человек не может стать Богом Творцом, он стремится дьяволом-богом. Сатана Милтона заявляет:

Царствовать стоящая амбиция хотя и в аду. Лучше царствовать в аду, чем служить в небесах. (Потерянный рай, I, 262-263).

Чтобы царствовать как дьявол-бог, человек должен тоже отвергнуть библейского Бога и вести войну против Него. В 1923 году Советский союз объявил: "Мы объявляем войну натурализовавшимся иностранцам в небесах," и опять в 1924 году, "Партия не может толерировать вмешательство Бога в критических моментах."^[187] Чтобы отменить Бога и доказать эволюцию, советские ученые действительно послали экспедицию в Африку в середине двадцатых годов, с намерением создать новую расу, пытаясь искусственным способом оплодотворить человекоподобную обезьяну человеческой спермой.^[188] Правда и неправда как объективные ценности уничтожились. Крыленко, государственный обвинитель, "внушал судьям помнить, что в Советском союзе их решения должны основываться не на том, виновен или невиновен подсудимый, а на преобладающей политике Правительства, и на соображениях о безопасности государства." Эта точка зрения излагалась тоже в книге Крыленко *Суд и правосудие*.^[189] Когда люди стремятся заменить Бога, они заменяют Божие правосудие их извращенностью и насилием.

Когда люди начинают освобождать себя от Божьего правового порядка, и манифестировать свое насилие, выявляются некоторые вещи. *Первое*, насилующие люди, из-за того что их насилие религиозный акт, манифестация псевдоуниверсальности, пытаются провоцировать религиозный страх средствами *шока*. Новые реакции шоку провоцируются новыми и свежими актами насилия. Насилие подкармливает этот свежий страх. Дегенерат хулиган, который предается непровоцированным действиям насилия, наслаждается шоковой реакцией своей жертвы и реакции тех, кто слышит или читает об его поступках. Готовность таких людей иногда признаться законным властям, священнику, друзьям, или даже посторонним, результат этого религиозного удовольствия от шока насилия. Оно подкармливает их вождество о власти.

Второе, эта нужда в свежем шоке означает непрерывное увеличение *интенсивности* и *извращенности* насилия. Насилие ведет к большему насилию. Ничего не более абсурдного, чем идея некоторых, что акт насилия очищает дегенерата от его вождества о насилии: не существует никакой "катарсис", а скорее только большее пристрастие. Насилие не лечится само собой. Ждать чтобы насилие прошло или рассеялось само собой, значит ждать чтоб солнце стало холодным. Насилие не уступает: или его уничтожают, или оно уничтожает.

Третье, либералы и социалисты верят, что ответ насилию это изменение окружающей среды через законодательство, государственные действия, или социальное планирование. Некоторые твердят, что любовь есть лекарство против насилия. Христиане пиеисты верят, что ответ это *обращение в веру*: насильника надо достигнуть ценностями евангелия и переродит его. Некоторые люди может и нуждаются в любви; однако как ни спорная могла бы быть эта идея, давайте поверим ей на минутку. Все люди нуждаются действительно в новом рождении, это ясно, но снова евангелизм не ответ всем проблемам, хотя он должен быть всегда действенным. Ограничение закона и его наказание должны действовать во всех случаях, чтобы существовало общество, в котором могли бы функционировать любовь и евангелизм. Люди насильники нуждаются в обращении в веру, или в экзекуции, если продолжают с насилием до точки, когда навлекут на себя смертную казнь. С другой стороны, если в обществе нет достаточно рожденных заново людей, невозможно поддерживать успешно никакого правового порядка. Следовательно, здоровое общество нуждается в действенном правовом порядке и в действенном евангелизме, с целью поддерживать свое здоровье. Правовой порядок может держать остатки людей насильников под контролем, если все время он подкармливается строгим проведением в жизни и постоянным развитием людей по условиям служения милости. Вкратце любовь, обращение в веру, и правовой порядок никогда не могут быть заместителями друг друга: каждый имеет свое место и свою функцию в социальном порядке.

Четвертое, не удивительно, что у нас есть поколение насильников, потому что сделано все, чтобы осеять Божий правовой порядок: образование стало государственным; дисциплина уступила дорогу снисходительности; церковь заменила доктрину в новом рождении доктриной о социальной революции, и вместо того, чтобы экзекутировать неисправимых преступников по условиям Божьего закона, общество сегодня широко субсидирует этих рецидивистов. Поколение насильников поощряется и оно в восходе. Не удивительно, что в 1969 году происшествия с наркотиками и беззакония были больше в средней школе, чем в колледжах. Чем младше юноша, тем более незаконный его потенциал и его психическая точка зрения. Сам факт, что насилие поощряется более интенсивно в молодых, послужит чтобы *увеличить преобладание насилия, как и его интенсивность и извращенность*.

Пятое, хотя 1960-тые годы видели больше разговоров о любви чем любая предыдущая эра, никакое другое время не видело меньше любви и больше ненависти. Романтичная любовь, долгое время главная тема популярной музыки, уступила дорогу другим темам. Винник писал о "фактическом исчезновении идеализированной

романтической любви как ведущий принцип” в популярной песне. Там где слово “любовь” появляется, как в песне “Неосторожная любовь,” оно относится к другим вещам – в “Неосторожная любовь” к беременности до женитьбы.

Один из самых успешных фонографных записей, выпущенных до тех пор, был “Мерзавец”, хвалебственный гимн враждебности и представитель раннего рок-н-ролла с традиционным усилением аккордов. Маркиз де Сад был бы разволнован “сапожками,” самым новым любимчиком. Нанси Синатра всегда уверенная, что вызовет дикую волну аплодисментов, когда она молотит каблуками на сцене, как будто она триумфально ликует, что ее сапожки будут “топтать вас.”^[190]

Поколение, которое дрожит от волнения, слушая эту песню, будет дрожать и читая Маркиза де Сада. В результате его писания, долгое время запрещенные во всех странах, теперь публикуются и рекламируются с высшими восхвалениями. Маркиз де Сад человек нашего времени. Это поколение, уже разочарованное разговорами о братстве, воспитывается верить, что насилие приносит удовлетворение человеку, и что чем больше насилие, тем больше удовлетворения оно приносит. Гуманистские лекарства от насилия настолько эффективные, насколько есть бензин при гашении пожара.

Шестое, общество, которое воспитывает насилие и поощряет его, характеризуется тоже феноменом, известным как амок (тропическое безумие). Оно происходит от малайцев, среди которых это обычное явление. Встречается тоже на Фиджи, в Меланезии, в Сибири и в Индии. Описывается как “маниакальное состояние с стремлением убивать людей, наступившее после депрессии.” Когда люди из этих культурах встречаются с новой окружающей средой, или с проблемами вне их самых, у них появляется реакция тотального насилия. Горе, смущение, психическая депрессия, размышление над обстоятельствами, все это может способствовать наступлению такого состояния. Человек выпадает в транс и потом впускается совершать насилие. Часто случается, что впавший в амок человек нападает своих высшестоящих, потому что он не мог справиться с ними, и воображает себе, что они оскорбляют его.^[191]

Поколение, воспитанное снисходительно, отдавшееся раздражению и насилию, и посвященное тоже вере в своей собственной правоте, это поколение виртуально пропавшее по своей природе и готовое впасть в амок. Оно дойдет до этого, если заранее не погибнет, в полном убеждении в своей собственной правоте, в моральной необходимости в его насилии. Такому поколению необходимо совершать насилие.

Амалик следовательно сильно присутствует среди нас. С ним надо справиться.

Образование, которое воспитывает амаликитян, должно замениться христианским образованием. Церквей, у которых есть собрания Амалика, надо заменить христианскими церквями, которые верят, поучают, и применяют полностью слово Божие. Государство должно стать христианским государством и применять библейское право в каждой области жизни, и должно проводить в жизнь все меры Божьего закона. Снисходительная семья должна уступить дорогу христианской семье. Только так можно уничтожить Амалика.

В 1948 году Джордж Оруэл видел будущее как царство ужаса, “сапог, ступивший на человеческое лицо – навсегда.” Через двадцать лет Нанси Синатра молотела каблуками сапожек по сцене, когда пела, что ее сапожки “затопают вас,” а молодежь в не одной стране смотрело эту картину с наслаждением. Ужас Оруэла стал популярным хитом. Амалик возродился.

18. Насилие как самонадеянность

Сущность преступления Амалика была в его открытом неповиновении Богу, в религиозном беззаконии, через которое Бог вызывался и отрицался. Это описывается в законе как дерзкое действие (KJV), или как действие с поднятой рукой (ARV), т.е. поднимая руку в открытом неповиновении Господу, предпринимая агрессивное действие против Бога и Его правового порядка. Два отрывка из закона определяют этот проступок как капитальное преступление:

Если же кто из туземцев или из пришельцев сделает это дерзкою рукою, то он хулит Господа: истребится душа та из народа своего. Ибо слово Господне он презрел и заповедь его нарушил: истребится душа та; грех ее на ней (Числ. 15:30,31).

А кто поступит так дерзко, что не послушает священника, стоящего там на служении пред Господом, Богом твоим, или судьи, тот должен умереть, - и так истреби зло от Израиля. И весь народ услышит, и убоится, и не будет впред поступать дерзко (Втор. 17:12,13).

Упоминание священника во Втор. 17:12 вызвано тем, что суд в Израиле часто состоялся перед святилищем или внутри него (Божий дворец и тронный зал), а священник (или главный священник) включался в верховном суде.

Валлер отмечает об этом отрывке (Втор. 17:12,13), что “дерзко” означает “гордое самоутверждение против закона. Смертное наказание возникает по необходимости из теократии. Если Бог царь нации, бунт против Его закона есть измена, и если это гордый и преднамеренный бунт, мы не можем ожидать видеть ничего другого, кроме смертного наказания.”^[192]

Толковое чтение Исх. 17:16 выясняет, что это было основным для позиции Амалика: “Ибо, сказал он, рука на престоле Господа: брань у Господа против Амалика из рода в род.”

Сущность амаликитянина, как мы видели, состоит в желании упражнять всемогущество в разрушении. Однако человек могущественный, но не всемогущественный, и поэтому его мощь выражается в псевдомогуществе. Вместо того чтобы создавать культуру, амаликитянин разрушает любую культуру, к которой прикоснется, и как паразит, и как систематический разрушитель.

Примером о странной крайности, до которой могут дойти извращение и самонадеянность, может служить “церковное” и “университетское” движение, раскрытое в апреле, 1969 года. Международное движение, которое допустило ошибку расположить один из своих филиалов вблизи небольшого города и таким образом обнаружило себя. Крайне левое по ориентации, употребляющее наркотики религиозно, его “университетский” каталог

предлагал между прочим курс по канибализму, перечисляя членов и преподавателей курса и называя курс “ко-оп”. Серьезно ли замыслили его или нет, но его рамка предлагала тотальную возможность, конечно без никакого закона:

Участники этого ко-оп должны охотно помогать получить свежеебитуую человеческую плоть и/или приготовить и/или есть ее.

Мы будем встречаться еженедельно на недельный ужин общности, который будем готовить все мы, при этом каждый будет готовить свое блюдо, пока не успеем сдобиться с какой-нибудь человеческой плоти

Мы сначала рассмотрим исторический и правовой статус канибализма, а потом продолжим оттуда.

Первое собрание будет 16-го февраля 1969 года в 5:30 после обеда. Звонить Красной книги в Свободном университете города Мидпеннисула, 328-4941, для информации.^[193]

Это не новое интеллектуальное отклонение. Цинические философы древней Греции воспринимали канибализм как логическое употребление человеческой плоти.^[194]

За этими идеями стоит религиозный принцип. Слово *либертин* происходит из *liber*, “свободный” по латыни, а концепция о свободе, предполагаемая в либертинизме, это свобода от Бога. “Одна из амбиций де Сада была быть невинным посредством виновности; разбить все нормальное раз и навсегда, и уничтожить законы, которыми его можно было судить.”^[195] Бланшот комментирует это так:

Садист отрицает человека, и это отрицание постигается через посредничество понятия о Боге. Он временно делает из себя Бога, так что перед ним люди превращаются в ничто, и раскрывают ничтожество существования перед Богом. “Ведь это правда, принц, что Вы не любите людей?” спросила Джульета. “Я отвращаюсь ими. Ни минуты не проходит, чтобы мой ум не был занятым замышлением насилия, которым сделать им вред. В самом деле нет более ужасной расы, более безобразной... Какая низкая и подлая, какая гнусная раса это!” “Однако”, прервала его Джульета, “Вы действительно ли не верите, что и Вас надо включить среди людей? ... О, нет, нет, когда кто-то владеет ими с такой энергией. Это невозможно, чтобы он принадлежал к той же расе.” К этому Сен-Форд добавил: “Да, она права, мы боги.”

И еще, диалектика развивается на следующих уровнях: садист, который взял на себя власть поставить себя над людьми – власть которую люди безумно уступают Богу – никогда ни на мгновение не забывает, что эта власть полностью негативная. Быть Богом, это может иметь только одно значение: Сокрушать человека, сводить творения *ни* к чему. “Я хотел бы быть ящиком Пандоры,” сказал Сен-Форд в один момент, “так чтобы все зла, которые выскочат из моей груди, могли бы уничтожить все человечество индивидуально.” А Верней сказал: “И если это правда, что Бог существует, почему нам не быть Его соперниками, ведь мы разрушаем то, что Он сотворил?”^[196]

Следовательно цель насильников это тотальное разрушение; они могут говорить о наведении нового социального порядка, но их первое и существенное дело это разрушать всех существующих порядков. Они могут говорить, как гуманисты, о любви к человеку, но человек никогда раньше не знал такой радикальной ненависти как этой направленной против него со стороны этих насильников.

Насильники любят извращенность, потому что она извращенная; они любят ложь, потому что она ложь; их удовольствие и сила состоят в обмане и разрушении. Как кто-нибудь, которого уличат во лжи, восклицает с наслаждением и триумфом: “Ведь я подвел Вас поверить мне, да?”

Следовательно крайняя победа насильника это мучить человека и объявить смерть Бога. Как сказал Варньей: “И если это правда, что существует Бог, почему нам не быть Его соперниками, ведь мы разрушаем то, что Он сотворил.” Людей надо свести ни к чему, чтобы доказать, что амаликитянин, насильник, это новый бог, замещающий предполагаемого мертвого.

Этих самонадеянных людей, своевольных людей, по закону надо экзекутировать. Отрицать закон и выстраиваться против Бога, значит стремиться убить все общество, и заслуживает смертную казнь. Гражданское неподчинение, которое твердо обоснованное в библейском законе, это одно дело, а гражданское неподчинение, которое ставит человека над законом, это другое дело: это анархия. Это отрицание принципа трансцендентального права.

Отсюда это, что Бог в войне против Амалика во всех поколениях, потому что в каждом поколении Божий абсолютный правовой порядок это единственное настоящее основание общества, пока Амалик, определяясь как свой собственный бог, стремится уничтожить всякий след Божьего правового порядка.

Так как Амалик ненавидит Бога, он тоже *ненавидит и жизнь*. Словами Христа, говорящий от имени Мудрости: “А согрешивший против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть” (Прит. 8:36). Эта ненависть к жизни приукрашает всю жизнь и проявляет себя в каждой области. Прочитируем показательный пример: в 1969 году телевизионный рекламный фильм выдающейся компании, производящей масла и производные из них для грудных ребенков, использовала такую сентенцию: “Нелегко быть грудным ребенком.” Это повторяющееся заявление в сердцевине рекламного материала использовалось, потому что оно очевидно было заявлением, выражающее и время, и возраст. Теперь, логично, трудно быть грудным ребенком, следовательно быть живым тоже проблема. Поколение, которое принимает тезу, что “нелегко быть грудным ребенком, когда достигнет юношеский возраст наверно будет бунтоваться, встречая наступающие ответственности, и будет бунтоваться еще больше в зрелом возрасте с ответственностями. Если нелегко быть грудным ребенком,” тогда мы можем ожидать настоящую вспышку насилия, когда этот ребенок станет взрослым.

И опять, насилие порождается ложными учениями, которые во имя Бога, отрицают Бога. Например в 1968 году, в одной женской группе по изучении библии, мимо “фундаментальной” и строго арминианской, было сделано и принято без никаких разногласий такое выступление: “Человеческие нужды идут перед Божьим законом.” Это и есть подстрекательство нарушать закон, потому что нет такого Божьего закона, которому не могли бы противоречить человеческие нужды. Когда люди церкви делают такие утверждения, мир не нуждается ни в Маркизе де Саде, ни в марксистах, чтобы иметь насилие. То что человеческие нужды будут насильственно нападать Божий правовой порядок, это историческая неизбежность.

Вернемся к закону, как он поставлен в Числ. 15:30, 31:

Если же кто из туземцев или из пришельцев сделает что дерзкою рукою, то он хулит Господа; истребится душа та из народа своего. Ибо слово Господне он презрел и заповедь Его нарушил: истребится душа та; грех ее на ней.

Что это значит больше, чем отлучение от церкви, становится ясным из Втор. 17:12,13, где высшее наказание, смерть, требуется за это “гордое самоутверждение против закона.” Игнорировать закон и относиться к ним с презрением, ставить самого себя над законами Бога и человека, значит быть в тотальной войне с Богом и с человеком, и наказание – смерть.

Когда общество отказывается требовать смертную казнь, тогда Бог требует смертную казнь для этого общества. Основной факт Божьего правового порядка, это что после грехопадения Адама смертная казнь всегда была эффективной. Общества пропадали большим числом из-за их открытого неповиновения Богу, и они продолжают пропадать пока продолжается их насилие против Божьего порядка. Таким образом каждое государство и каждое общество сталкиваются с выбором: осудить на смерть тех, которые заслужили умереть, или умереть самым. Однако все, которые ненавидят Бога, выбирают смерть. Конечно, грех самонадеянности это тотальная революция против Бога и человека; каждый, который позволить это себе, выбирает смерть, независимо сознает он это или нет.

Все, которые виновные в самонадеянности, *ненавидят* Богу. Как заявил Соломон, “Страх Господен – ненавидеть зло; гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу” (Прит. 8:13). Это ясно относится к *людям* (не только к характеристикам) определенного типа. Бог ненавидит их и ждет от нас чтобы мы ненавидели их тоже, если мы боимся Его. Бояться Бога значит ненавидеть зло в каждой его форме, а любить злых людей значит ненавидеть Бога и презирать Его закон-слово.

Гуманистский ум пытается быть более мудрым и более святым, чем Бог; он заявляет, что он способный любить злых людей в спасении. Он смотрит с ужасом тех, которые радуются пропаданию злых людей. Бог однако не скрывает свое удовольствие и смех от падения глупых, беспечных, добровольно невеждых, всех злых людей любого вида:

Я звала, и вы не послушались; простирала руку мою, и не было внимающего; И вы отвергли все мои советы, и обличений моих не приняли; За то и я посмеюсь вашей гибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас; Когда придет на вас ужас, как буря, и беда, как вихрь, принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать меня, и я не услышу; с утра будут искать меня, и не найдут меня. За то, что они возненавидели знание и не избрали за себя страха Господня, Не приняли совета Моего, презрели все обличения мои; За то и будут они вкушать от плодов путей своих и насыщаться от помыслов их. Потому что упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их. А слушающий меня будет жить безопасно и спокойно, не страшась зла (Прит. 1:24-33).

В этом отрывке ясно выявляется не только *ненависть* Бога к злым людям, но также и его отказ быть использованным ими как страхового полиса. Человек склонен дать Богу место во вселенной, при условии, что этот человек мог бы использовать Бога и принудить Бога служить человеку. Отстаиваются не суверенные претензии всемогущего Бога, а суверенные претензии морально свободного человека. Этот гуманистский человек примет Бога в лучшем случае как союзника и партнера, хотя более часто как страхового полиса, как запасную шину, которую использовать в случае затруднения, если вообще использовать ее. Однако Бога нельзя использовать. Самонадеянность тех, которые набожно используют Бога есть такое зло, как самонадеянность тех, которые подобно Амалику, открыто вызывают Его. Есть степени выражения их зла и их самонадеянности, однако самонадеянность, несомненная или подразумеваемая, управляет ими одинаково. Сатана пробовал ее нервным, и после многих веков усилия, не находится ближе к своей цели.

19. Социальное наследство: ориентиры

Один важный закон, цитированный во Втор. 19:14, относится в основном к восьмой заповеди, “Не кради”. Он выявляется в тексте, как и в более поздних ссылках на закон:

Не нарушай межи ближнего твоего, которые положили предки в уделе твоём, доставшемся тебе в земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе во владение (Втор. 19:14);

“Проклят, нарушающий межи ближнего своего!” И весь народ скажет: “аминь” (Втор. 27:17).

Межи передвигают, угоняют стада, и пасут у себя (Иов. 24:2).

Не передвигай межи давней, которую провели отцы твои (Прит. 22:28).

Не передвигай межи давней, и на поля сирот не заходи. Потому что Защитник их силен; Он вступится в дело их с тобою (Прит. 23:10,11).

Связь с собственностью очевидная, однако здесь есть тоже связь с сохранением наследства.

Очень важное наследство надо сохранить, наследство земли. Но совсем правильно, эти ссылки на Второзаконие и Притчи рассматриваются как относящиеся к более обширному факту, к уважению к ориентирам – моральным, духовным и социальным – нашего наследства в Божьем завете. Так В. Ф. Аденай видел в Прит. 22:28 связь с ориентирами собственности, истории, доктрины и морали.^[197] Есть библейское основание для такого чтения, тем что Осия 5:10, цитируя религиозное и моральное отступление от веры всей нации, и коррупцию ее лидеров, гласит: “Вожди Иудины стали подобны передвигающим межи: изолью на них гнев Мой, как воду.” Об этом стихе Рейнольдс и Уайтхаус отмечают: “Они (принцы Иудеи) сняли барьер между правдой и неправдой, между настоящим и фальшивым, между Иеховой и Ваалом.”^[198] В этом состоит значение этого закона в связи с шестым законом-словом “Не убивай.” Разрушить барьер между правдой и неправдой, между настоящим и фальшивым, и между Богом и ложными богами, значит умертвить общество и убить его самое основное наследство.

Смещение ориентиров было главной задачей образования и политики в последние годы. Об образовании Блек, исследуя образование 19-ого века в Америке, писал:

Когда мы оглянемся назад на эти годы, мы можем увидеть, что учебники и сами школы поддерживали пуританскую этику как свой основной моральный принцип. Это была та этика, которая оформила и объединила нацию. “Ценностное суждение,” пишет Руфь Миллер Елсон, “это их торговый запас: любовь к стране, любовь к Богу, долг к родителям, и необходимость развивать навыки к бережливости, честности, и

упорному труду, с целью накопить имущество, обеспечить прогресс и усовершенствование Соединенных штатов. Этого нельзя оспаривать. Ни в этом целом веке больших внешних перемен не было никакого отклонения от этих основных ценностей. В педагогическом устройстве учебников 1790-ых годов есть огромная разница от этих 1890-ых годов, но содержание ценностей не нарушилось... Юноша был должен изучать этику, как он изучал информацию о своем мире, безусловно, наизусть. Его поведение нельзя было направлять ни внутри к нему, ни к другим, а надо было бесспорно принимать и исполнять то, что диктовали авторитеты."

Так мы вошли в двадцатый век. [199]

Это описание учебников 19-ого века несколько пристрастное в своей терминологии, но оно точное в описании различия между учебниками и школами тогда и в 20-ом веке. Вместо христианскую мораль преподается релятивистская этика; вместо уважения к ориентирам христианского общества (которое никогда не рассматривалось как "совершенное", а только как попытка реализовать набожный порядок), преподается презрение к прошлому. Это делается во имя демократии, хотя и с презрением мнения и желания народа.

Старые ориентиры отрицаются за счет новых ориентиров. Вместо утверждения суверенитета Бога, преподаватели и интеллектуалы сегодня утверждают *суверенитет случайности*. Например Шарлота Виллард заявляет: "Случайность это единственная уверенность во вселенной." [200] Каждая новая вера означает новую область возможностей, даже закрывая дверь к другим областям. Для Виллард суверенитет Бога, абсолютная моральность, движение истории по условиям Божьего декрета к неизбежной победе, и человеческая судьба под Богом, все это невозможно. Однако новые области возможностей открываются в мире случайности, в котором человек принимает роль бога и создателя. Виллард, делая обзор книги Джека Барнама *Вне модной скульптуры: Эффект науки и технологии на скульптуру этого века*, пишет:

Мистер Барнам достигает кульминацию своего тезиса, цитируя из *Разум во вселенной*, которую написали Роджер МакГован и Фредерик Ордвей; первый из них начальник научного вычислительного филиала Центра компьютерного командования над армейскими ракетами в Хунтсвиле, Алабама, а последний – президент Корпорации для общих астронавтических исследований в Лондоне. Они предсказывают, что интеллигентная жизнь, которую мы можем встретить в звездном пространстве, вероятно будет продуктом биологической эволюции, однако будет неорганичной искусственно построенной интеллигентной жизнью. Политические лидеры здесь на земле скоро узнают, что можно построить интеллигентные искусственные автоматы, имеющие сверхчеловеческие интеллектуальные способности. Они действительно верят, что такие автоматы завладеют землей. Человек, вкратце, допринесет для своего превращения из биологического существа в неорганическую концентрацию энергии, обрабатывающей информацию. Мистер Барнам заключает триумфально, что "физические ограничения, которые разделяют скульптора от результата его творчества, могли бы исчезнуть." Финальная иллюстрация книги это скопление наклонных и вертикальных труб, которое носит этикетку Бог. [201]

Реакция Шарлоты Виллард на этом не очень счастливая, но у нее нет реальной основой для противопоставления. Отрицать Бога значит в конце концов отрицать человека; это последствие от смещения древних ориентиров. Смерть Божьей философии на самом деле закликает смерть человека. Человек как Божие творение смещается в пользу автоматов, которые творение человека. Следовательно человек играет бога, совершая самоубийство, пункт, до которого достиг Достоевский в романе *Идиот*.

Старые ориентиры в праве заменяются новыми релятивистскими ориентирами. Верховный суд США интенсивно заменяет историческое американское право, имевшее библейскую ориентацию, новым гуманистским правом. Новые правовые ориентиры используются чтобы изменить старые законы и низвергнуть социального порядка.

Однако релятивистский, гуманистский ориентир, вовсе не ориентир. Релятивизм дает только резиновый критерий, который мерит различно для отдельного человека, согласно его личной мере и намерению. В результате люди могут жить в кризисе и не осознавать это. Например, хотя преступность остро возрасла между 1967-ом и 1969-ом годами, за эти годы американское общество более привыкло жить в мире преступлений и насилия. Не имея объективного стандарта, оценка американцев отражала их собственную реакцию, а не объективный факт. Исследование Хариса показывает, что "Существенное большинство американского народа, 59 процентов, не ощущает, что преступность растет в их собственных общностях, хотя даже один больше из трех все-таки считает, что преступность в восходе. Эти результаты отмечают крутой срыв в восприятии преступности обществом, в сравнении с подобным исследованием в 1967 году." [202] Не удивительно, что 27-го мая 1969-ого года большое число избирателей в Лос Анджелосе проголосовало для Томаса Брайда, цветного кандидата, потому что было "в ряде вещей" сделать так.

Воевать против критериев значит воевать против прогресса. Когда древний Китай стал релятивистским по философии, последствием была стагнация. Какой бы ни прогресс показывал Китай в веках, это всегда было результатом сил, внешних для его основной философии. Сегодня философы образования и учителя все более высказывают в своих лекциях мнение, что невозможно ставить целей в образовании. В мире изменений как может человек знать будущего и преподавать в смысле неизвестного? Так как мы живем в мире изменений, единственное, которые мы могли бы действительно преподавать, это уверенность в изменения. Таким образом преподаватели соглашаются с Виллард, что "Случайность это единственная уверенность во вселенной." Так вместо морали, надо учить неморальности; вместо известных основных фактов о человеке и обществе, преподается уверенность в изменениях. В результате учащиеся логично требуют непрерывное изменение или революции, как единственную моральную необходимость в одной аморальной вселенной. С такой образовательной философии революционное образование неизбежное, и только строгое христианское образование может противодействовать ему. Другие философы образования, т.е. кроме гуманистских и христианских, по существу ностальгические: они стремятся сохранить желанный порядок, но без действительного основания.

В мире без ориентиров, всякий закон или ориентир это уголовное преступление. Так моральная предпосылка маркиза де Сада была, что "В преступном обществе человек должен быть преступником." [203] Это означает тотальную войну против каждого и всякого учреждения, против всякого социального порядка. Оно означает тоже изоляцию, чтобы каждый человек был островом в самом себе. Как говорил де Сад: "Мой ближний

ничего для меня; нет ни слабейшей связи между ним и мной.”[204] В результате де Сад был в войне с идеей о законе и о судах; единственное “правосудие,” которое он мог признать была вендетта, личный акт убийства. В мире анархии, без ориентиров, обвязывающих всех, каждое человеческое действие имеет тотальную действительность, потому что тотальная распушенность это единственный возможный закон. Симон де Бовоар обобщил:

Симпатизировать де Саду значит слишком легко перейти на его стороне. Потому что он желает наше страдание, подчинение и смерть; и каждый раз когда мы узнаем о ребенке, чье горло перерезанное каким-нибудь сексуальным маниаком, мы встаем против него. Но он не запрещает нам защищаться. Он согласен, чтобы отец отомстил, или предотвратил, даже через убийство, изнасилование своего дитя. То, что он хочет, это чтобы в борьбе противоречивых существований, каждый занимался самым собой конкретно во имя своего собственного существования. Он утверждает вендетту, но не на судах. Мы можем убивать, но не судить. Претензии судьи более надменные чем эти тирана; потому что тиран ограничивается быть самым собой, а судья пытается воздвигнуть свое мнение в универсальный закон. Его усилие основывается на лжи. Потому что каждая личность заключена в своей собственной коже и не может стать посредником между отдельными личностями, от которых он сам отделенный. А факт, что большое число из этих индивидов обвязывают себя вместе и отчуждаются в институциях, которым они больше не хозяева, не дает им никаких дополнительных прав. Их число не имеет ничего общего с проблемой.[205]

Если желания человека его единственные ориентиры, тогда в мире без смысла человек сам становится бессмысленным. Для де Сада единственный возможный контакт с другими была агрессия, и единственный возможный смысл было преступление. По собственным словам де Сада: “А, как много раз тосковал я, что не могу напасть на солнца, оторвать его от вселенной, сделать всеобщую темноту, или использовать это солнце чтобы сжечь мир! О, это было бы преступление...”[206] Тогда единственная действительность это агрессия. Но что из того, если человек и его агрессия только “части” универсального небытия? Заключение китайского релятивизма, и все более тоже западных форм той же веры, это вправду что случайность это единственная уверенность, а небытие универсальная судьба и действительность. Ванг Вей (701-761), заходя далеко за “иллюзии” добра и зла, писал: “Не рассчитывай на добро или на зло – ты будешь только терять свое время... Кто знает не живем ли все мы вне наших жизнях в лабиринте сна?”[207] Средство, согласно Ванг Вей, от одиночества и изоляции человека в мире релятивизма, это “Доктрина о Небытии – единственное лекарство.”[208] Отрицать всего смысла как средство от бессмысленности. В мире где ориентиры разрушены, отрицать возможности существования ориентиров. Вкратце, говорить голодающему человеку что голод это миф. Это заключение релятивизма.

Если изменять меж собственности, чтобы лишить ближнего от его земли, это преступление, то насколько большее преступление будет изменение социальных ориентиров, библейских оснований права и общества и доведения этого социального порядка до смерти? Если ограбить банк преступление, тогда наверно тоже преступление ограбить и убить социальный порядок.

VII СЕДЬМАЯ ЗАПОВЕДЬ

1. Брак

Цель седьмой заповеди, “Не прелюбодействуй,” это защищать брак. Поэтому важно анализировать библейское значение брака, с целью понять значение законов, управляющих его нарушениями. Институт брака (Быт. 2:18-25) в Эдеме описывает смысл брака в связи с человеком; это мы рассмотрим впоследствии. Пока надо сначала понять и анализировать смысл брака в связи с Богом.

Хотя брак существует на земле, поскольку на небесах ни женятся, ни выходят замуж (Мат. 22:29,30), он все-таки имеет отношение к триединому Богу и управляется Им, как и все другое. Главное изложение этого факта это Еф. 5:21-23, которое начинается с общей заповеди, “Повинуйся друг другу в страхе Божиим,” которое в версии Бэркли дается как “Будьте снисходительными друг к другу ради Христа.” Калвин комментирует это так:

Бог обвязывает нас так сильно друг к другу, что никакой человек не осмелится попробовать избежать подчинения; а где царствует любовь, будут и взаимные услуги. Я не исключая королей и правителей, чья сама власть существует чтобы *служит* общности. Очень правильно будет если все убедились подчиняться друг другу в свою очередь.[1]

Таким образом утверждается генеральный принцип подчинения и служения, а брак потом цитируется как иллюстрация этого принципа. Ходже отметил, что “Апостол предписывает взаимное повиновение как христианский долг, ст. 21. Под этой главе он рассматривает взаимные обязанности мужей и жен, родителей и детей, хозяев и слуг.”[2] В течении времени человек бунтовался против этой необходимости в подчинении в служении, и мечтал вместо этого об автономной власти. Молодой Людовик XIV выразил свое удовольствие от этой концепции перед дуком де Грамон в 1661 году.

Людовик: Я как раз читаю книгу, которая доставляет мне удовольствие.

Грамон: Какая эта книга, сир?

Людовик: *Калкандиль*. Мне нравится то, что я нахожу в ней неограниченную власть в руках одного человека, что за все, совершенное им или согласно его заповедям, он не дает отчет никому, и что все его подчиненные повинуются ему вслепую без исключений. Что Вы об этом думаете, Грамон?

Грамон: Я рад, что Ваше Величество захвачен прочтенным, но я хотел бы спросит, прочитал ли он весь *Калкандиль*?

Людовик: Нет, только предисловие.

Грамон: Ладно, в таком случае пусть Ваше Величество прочтет книгу до конца, и тогда он увидит сколько турецких императоров умерли в своих кроватях и скольких постиг насильственный конец. В *Калкандиле* можно найти полное доказательство, что принцу, который мог делать все что ему нравится, нельзя быть никогда настолько глупым, чтобы поступать так.[3]

При анархии эта мечта об автономной власти становится надеждой большому числу людей.

Этот генеральный принцип о подчинении и служении коренится далеко глубже, чем в человеческой взаимозависимости; скорее он основывается на теократической вере. Люди должны находиться в подчинении друг другу, и в взаимном служении (Еф. 5:22-29), не потому что нужды человечества требуют это, а из-за страха от Бога и в повиновении Его закону-слову. Человеческая взаимозависимость существует, потому что первичная зависимость от Бога требует единство Его творения под Его законом.

Более того, так как человек не Бог, то он подчинен, подчинен прежде всего и по существу Богу, а потом другим, но только в Господа. Когда человек отвергает свое подчинение Богу и утверждает свою автономию, этим он не приобретает независимость. Подчинение человека человеку продолжается у язычников, марксистов, фабианских социалистов, анархистов и в других атеистических группах, но у этого подчинения сейчас не хватает ограничения Божьего закона. Библейское подчинение человека человеку, и жене ее супругу, в каждый момент управляется и ограничивается первичным и абсолютным подчинением Богу, а все другие подчинения только аспекты абсолютного подчинения. Таким образом первичное и абсолютное владычество Бога ограничивает и обуславливает каждое положение человека, и не позволяет перешагнуть эти границы, не совершая при этом нарушение. Отрицать библейский принцип подчинения означает открыть ворота для тоталитаризма и тирании, потому что тогда не остается никакой контроль над человеческим желанием доминировать и использовать своего собрата человека. Библейский принцип подчинения обуславливает всякое взаимоотношение первичным требованием и тотальной управляющей юрисдикцией Божьего закона, так что все взаимоотношения на земле определяются и ограничиваются Божьим законом-словом. Так что библейская заповедь о подчинении (Еф. 5:22) не ставит жен в рабство, а скорее всего распорядженное Богом взаимоотношение обеспечивает им свободу и безопасность.

Без библейской веры единственный поддерживающий фактор в браке остается хрупкая связь чувств. Мери Каролин Дейвис в своем стихотворении “Женитьба” писала:

Возьми мое имя, возьми мою гордость,

Не оставь мне ничего другого,

Кроме чувств. . .это обеспечит

Какую-то радость – быть твоей

Собственностью! Это что-то значит.

Собственность! И вот довольны мы!

Теперь ты влюблен. Но могу ли я

Быть что-нибудь, кроме собственности?^[4]

Когда не религиозный принцип, а *чувства* составляют основу брака, тогда в конце концов брак становится ограблением, каждый из партнеров использует другого, и когда уже нет ничего нового, чтобы приобрести его, он уходит. Снова Мери Каролин Дейвис уловила безличность сексуальных отношений, когда они отделяются от библейской моральности:

>“Это есть женщина,”

Скажут они всем

Мужчинам, “Немножко

Испачканная жизнью,

Немножко испорченная,

Немножко запятнанная,

Немножко загрязненная”-

О, они тебе простят,

Что сделала плохого,

Однако обо мне уже,

Как про капусту на базаре

Критично скажут “Не так

Свежая, как должна бы быть.”^[5]

Романтичные чувства, взаимная эксплуатация, и самосожаление, становятся участ тех, которые сводят отношения между мужчиной и женщиной к одной только анархистской свободе от Божьего закона.

Библейский принцип подчинения иерархический, тем что есть классы или уровни власти, но это не означает, что все эти уровни не связанные прямо с Богом по условиям Его закона- слова. Согласно святому Павлу, “муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела” (Еф. 5:23). К этому основному принципу святой Павел добавляет: “Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем” (Еф. 5:24). Интересный комментарий этих стихов дает здесь преподобный Алфред Бари:

(23,24). . . Слова “и” и “есть” погрешно вставленные, а “так” абсолютная ошибка, уклоняясь таким образом от трудности отрывка. Должно быть *Он сам Спаситель тела. Но...* Эта статья, в которой ударение падает на слова “Он сам,” отмечает (как будто в сравнении) что “Христос” (и Он один) не только Глава, а “Спаситель тела,” т.е. “Своего тела – Церкви”; что Он не только учит и направляет ее, но Своей единственностью вливает в нее новую жизнь оправдания и освящения. Здесь никакой супруг не может быть подобен Ему, и поэтому никто не может прокламировать абсолютную зависимость от веры, которая принадлежит Ему по праву. В соответствии с этим святой Павел добавляет слово “Но.” Через “как и,” потом “так и жены” и т.д.

Подчинение Церкви Христу свободное подчинение, происходящее от веры в его абсолютную мудрость и доброту; оно любовь за Его невыразимую любовь. Отсюда мы извлекаем (1) что подчинение жены не такое как рабы, по принуждению и от страха, а такое, которое происходит от свободы и сохраняет ее; потом (2), что оно может существовать, или в какой-то степени выдерживаться, только при условии превосходящей мудрости и любви со стороны супруга; на третьем месте (3), что хотя оно подобное более высшему подчинению по виду, оно не

может быть одинаково совершенным по степени – хотя оно действительно “во всем,” оно не может быть абсолютным ни в чем. Антитип как всегда выше, чем тип.[6]

Это мудрое выступление упускает тот пункт отрывка, который основывает повиновение на любви, вместо на законе. Повиновение жены не обуславливается “превосходящей мудростью и любовью со стороны супруга”; в законе ничего не подсказывает об этом. Интерпретация Бари в самом деле отрицает, что высказанное святым Павлом это Божий закон-слово: оно представлено как описанные интерпретатором семейные отношения. Ленски допускает ту же ошибку. Он комментирует: “Это тоже добровольное самоподчинение, а не покорение.”[7] Конечно подчинение жены своему мужу не рабство, ни принудительное покорение. Святой Павел не занимается ни чувствами, ни волонтаризмом жены: он излагает закон Божий и подчеркивает его значение. Дискутировать закон, не цитируя факт, что это закон, такое толкование конечно странное. Для него необходима странная слепота.

То, что святой Павел имел ввиду, это что вся вселенная подчиненная власти, и что выполнение одного или другого аспекта означает соблюдать свои обязанности в смысле этого подчинения. Место и реализация жены это быть в подчинении своему супругу во всем должном ему авторитете. Точно как Христос глава церкви и спаситель Своего тела – церкви, так и власть супруга должна быть направленной к здоровью и преуспеванию его жены и семьи. И точно как церковь должна подчиняться Христу, так и жена должна подчиняться своему мужу “во всем” (Еф. 5:24). Ходж комментирует эту фразу так:

Если стих 22 указывает природу подчинения жены ее мужу, а стих 23 показывает его основания, то этот стих (24) показывает его протяжность. Жена должна подчиняться... *во всем*. Это значит, что подчинение не ограничивается какой-нибудь сферой или подразделением социальной жизни, а охватывает все. Жена не подчиненная в некоторых областях, а независимая в других, она подчиненная во всем. Это конечно не означает, что власть супруга неограниченная. Стих указывает ее протяжность, а не ее степень. Она охватывает все подразделения, однако она ограниченная во всем; первое, природой взаимоотношений, и второе, более высшей властью Бога. Никакой высшестоящий: хозяин, родитель, супруг или магистрат, не может принудить нас делать то, что Бог запрещает, или не делать то, что Бог приказывает. Если наша верность Богу сохраняется, и повиновение человеку является частью нашего повиновения Ему, то мы сохраняем нашу свободу и нашу целостность.[8]

В мире без подчинения закону и властям под закону, очень быстро начали бы преобладать незаконные силы, и ничего не может быть более разрушительным для благополучия ни женщины, ни мужчины. Настоящая свобода человека может существовать только в мире Божьего закона и распорядков Богом властей. *Только* когда мы сначала установим верховенство этого закона и властей, мы сможем вместе с Бари и Ленским говорить о том добровольном подчинении закону и властям, как о счастье и реализации человека. Здесь Инграм излагает самым лучшим образом сущность этой материи. Он начинает с закона и видит восхождение человека как восхождение к закону:

Публичное засвидетельствование взаимного согласия и обещания верности: эти вещи делают женитьбу.

Целостность всего морального аргумента Десяти заповедей начинается все более и более выясняться в этом. Таинство принятия и соблюдения обязательства о лояльности; обещание Богу и партнеру; призывание имени Господа в торжественной присяге: на всем этом построена мораль закона. Это основания общества. Это надо поддерживать живым и в силе, через наложение наказаний за нарушения их. Обещания, клятвы, обязанности, лояльность – все это напрасно, если можно нарушать их без наказания. Общество держится на соблюдении обязанностей и на наказании нарушений. Кредит это продолжение этого принципа в мире бизнеса. Договор устанавливается сказанным словом и нет ничего лучшего, чем это слово. Связь лояльности и эффект обязанности лежат в том, что мы можем назвать духовным миром: у него нет ни формы, ни веса, ни размеров; к нему нельзя прикоснуться, ни услышать или увидеть его. Но он контролирует человеческой жизнью.

То что на самом деле делает прелюбодеец, это нарушение особо торжественной присяги. Своим поступком он затаптывает сам брак, высмеивает Бога и общества, и фигуративно бросает это особое обещание в мусорный контейнер, не придавая ему никакой стоимости.[9]

Бог дает некоторые обещания или угрожает человека и общества в зависимости от исполнения или нарушения Его закона-слова. Преднамеренное несоблюдение этого закона-слова человеком, это несомненная и безоговорочная декларация, что человек заменяет Божью власть своей собственной, что моральное подчинение отрицается в пользу автономии.

Альтернатива подчинения не свобода, а эксплуатация, потому что при анархии нет настоящей свободы. Цель подчинения не деградировать женщин в браке, ни деградировать людей в обществе, а принести им самое лучшее процветание и покой под Божьим порядком. В мире власти подчинение жены не в изоляции, и не в вакууме.

Оно устанавливается в контексте подчинения людей власти; в таком мире люди обучают своих сыновей и дочерей принципам власти, и стараются внушить им ответственность власти и подчинения. В таком мире преобладают взаимная зависимость и услужение.

В мире моральной анархии нет никакого подчинения властям ни служения, которое форма подчинения. Муж и отец, который использует свою власть и свой доход разумно, чтобы утвердить благополучие всей семьи, этим приносит для благополучия всех. Но в мире, который отрицает подчинение и власть, каждый человек служит только себе и стремится эксплуатировать всех других. Мужчины эксплуатируют женщин, а женщины эксплуатируют мужчин. Когда женщина постареет, ее бросают. Когда доход мужчины убавится, его оставляют, если представится лучшая возможность. Мир “парвеню” и арена театра предоставляют нам обильные примеры того факта, что мир анархии и беззакония, т.е. мир вне Божьего закона, поскольку речь идет о подчинении, это мир эксплуатации, в частности сексуальной эксплуатации.

В ефесянской декларации святого Павла выявляется другой значительный факт: хотя Святое писание многократно утверждает и цитирует любовь как один из аспектов взаимоотношения женщины с ее супругом, здесь святой Павел не цитирует любовь в связи с женой и с ее реакцией к ее супругу. *Первичность* дается *подчинению* жены, *любви* со стороны супруга. Любовь супруга однако дефинируется как *служение*, и оно сравнивается со спасительным делом Христа для Его Церкви (Еф. 5:22-29). Так доказательство о любви супруга это его мудрое и любящее управление своим домохозяйством, когда как жена показывает свою

любовь подчинением. В обоих случаях подчинение и власть управляются не желаниями участвующих стран, а законом-словом Бога. Где подчинение и власть обуславливаются Божьим законом, там они взаимно проникаются. Муж подчиняется Христу и всем должным властям, а жена подчиняется своему супругу и этим утверждает упражнение его власти в каждой области, и становится помощником своего супруга в его власти и владычестве. Нормально жена извлекает свой статус от своего супруга, и унижать его значит унижать себя. Подобно этому, “Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь” (Еф. 5:28,29). Основа такого взаимоотношения вера, и повиновение через веру Божьему закону-слову. Власть и закон по существу не физические вещи, а прежде всего духовные; когда люди признают религию и веру, которые устанавливают власть, тогда физическое проявление власти уважается. Если разрушаются религиозные основания власти, тогда эта власть быстро рассыпается и улетучивается. Например в Индии необходим очень слабый контроль, чтобы держать индусов на вегетарианской диете, потому что эта диета поддерживается строгой религиозной верой, однако было бы практически невозможно наложить сегодня такую диету американцам.

Когда библейская вера, которая поддерживает жизнь западной семьи, отрицается, тогда природа брачных отношений тоже изменяется. Гуманистский релятивизм современного человека растворяет связи между мужчиной и женщиной, что касается объективных законов и ценностей, и сводит их к чисто родственным и личным связям. Теперь чисто *личная* связь становится *безличной* в своем взгляде на другие люди. Человек, чье суждение руководится только его личными соображениями, не считается с личными соображениями других людей, исключая случаев когда их можно использовать для достижения его собственных целей. В результате преобладает экстернализм. Например ранний гуманист Томас Мор в своей *Утопии* заступился, чтобы молодые люди видели друг друга нагими, до того как решиться на женитьбу. Когда сэр Вильям Ропер похвалил этот аспект *Утопии* и попросил применить его к двум дочерям Мора, которых он ухаживал, Мор ввел Ропера в спальню, где две девушки спали вместе “на своих спинах, с поднятыми до подмышек сорочками.” Мор сдернул покрывало и девушки стыдливо перевернулись на животах. Ропер шлепнул одна из них сзади, заявляя: “Я увидел обе стороны; ты моя.”^[10] Факт, что у Ропера был счастливый брак, не меняет факт основной вульгарности обоим, и отца и будущего супруга. Если бы у Ропера и у его жены не было основ строгой католической веры, результат не был бы таким счастливым.

Экстернализм анархиста чужой иерархии власти, которая основная для Божьего правового порядка. Эта власть лежит на доктрине Бога, а в отношении к браку, центральный аспект значения брака состоит в том, что он образ Христа и Его церкви (Еф. 5:25-32). В Еф. 3:14,15, святой Павел говорит о Боге как Отец всех семей на небесах и на земли, или более буквально по Симпсону, “Отец всех отцовств”:

Сам Бог прообраз родительства, слабо представленный человеческим отцовством. От Его творческой руки произошли все рациональные существа во всем их многообразии аспектами, манерами и использованиями, расходящимися или взаимосвязанными. “Духовному Отцу” они должны своим существованием и условиями, которые запечатались как индивидуальным так и коллективным внушением с действительным или возможным охватом и размахом.”^[11]

Джеймс Мофат переводит этот отрывок так: “По этой причине я становлюсь на колени перед Отцом, от которого каждая семья на небесах и на земле извлекает свое имя и природу. *Имя и природа* всех земных взаимоотношений извлекаются от триединого Бога, так что вне Бога нет ни закона, ни общества, ни взаимоотношений, ни справедливости, ни структуры, ни образца, ни значения; и все эти аспекты и взаимоотношения образы того, что существует в божественной природе. В аду нет ни одной из этих вещей, а пустое существование, которое само собой тоже Божие творение. Для человека отрицать Бога означает отрицать в крайней степени все, потому что все вещи от Бога и свидетельствуют о Нем.

По Симпсону о типологии брака и в ее отношении к Христу и к церкви, есть четыре аспекта. *Первый*, она утверждает факт *владычества*, который является основным для Божьего намерения и для Его царства. *Второй*, она имеет связь с *посвящением*, или самопожертвованием. *Третий*, она имеет смысл *образца*, суверенного намерения и судьбы. *Четвертый*, она объявляет свое происхождение.^[12]

Ходж указал, что “одна плоть”, как говорит святой Павел, не означает “тождественность субстанции, а общность жизни.”^[13] Пока ад представляет финал и тотальную потерю всякой общности, то настоящий брак, как и каждый аспект набожной жизни, представляет реализацию одной фазы жизни в общности под Богом. Святой Павел, цитируя Быт. 2:24 в Еф. 5:31 показывает, что он только выяснил Церкви в Ефесе то, что он объявил еще в начале. “Великая таина” о которой говорит святой Павел в Еф. 5:32, это по Калвину “что Христос вдохнул в церковь свою собственную жизнь и власть.”^[14] Когда эта жизнь и власть воспринимается правильно, и каждая власть, получившая Божью милость прямо или через посредничество всех должных властей, выполняет свои обязанности о подчинении и властвовании правильно, тогда Божие царство процветает и преуспевает. Что касается спасения и Божьего провидения, Христос *единственный посредник между Богом и человеком*. Но Божья милость переносится не только прямо от Бога к человеку через Христа, а также и *через человека к человеку*, когда они выполняют свои обязанности под Богом. Кто из членов соглашения, у кого набожные родители, может отречь, что его родители, своими молитвами и своей дисциплиной, своей любовью и своим обучением, не открыли ему Божью милость и Божий правовой порядок? Факт, что наше спасение всецело дело Бога, не меняет действительность заветных инструментов. Надо ясно осознать, что заветные инструменты, это *инструменты* в Божьих руках, а отрицать им точно такой статус, значит отрицать Божий порядок. Священники, родители, учителя, гражданские власти, и все другие, которые исполняют свои обязанности под Богом правильно, переносят от человека к человеку Божий порядок, справедливость, закон, милость, слово и намерение. Ясное и без никакого сомнения, “Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос и Иисус” (I Тим. 2:5). Протестантство с правом

поддерживает исключительность этого посредничества, однако надо добавить, что оно наносит ущерб, отрицая часто что есть посредничество между людьми. Набожное государство, которое применяет Божий правовой порядок верно и внимательно, ясно переносит Божие правосудие к совершителям зла, и Его заботу к Его людям. По этой причине Святое писание называет “богами” власти, которым дано слово Божие, т.е. которые установлены как власти Божьим словом, так как они утверждают или переносят некоторый аспект Божьего порядка (Иоан. 10:34,35). Альтернатива посредничеству это анархия, сколько бы ни уклонялись от значения слова “посредничество” пока не изменятся словари.

Каждая законная область администрации это область посредничества, поскольку Христовый правовой порядок переносится через церковь, государство, школа, семья, профессия и общество. Управлять значит посредничать, потому что администратор не применяет свое собственное правило к данной ситуации, а некоторое высшее правило. Это ясно показывает иерархию властей, и самое высшее правило или стандарт для всех иерархий и всех людей это Библия, письменное слово Бога.

Библейская доктрина о браке выясняет, что в самых интимных взаимоотношениях жизни правовой порядок Бога не только управляет каждым отношением, но и служит этим основой счастья и преуспевания.

Новый завет обильно свидетельствует о том, что сам Христос в своем превоплощении подтверждает необходимость в подчинении и действительность власти Своим собственным примером. Краткая молитва на литургии в честь Праздника Святой семьи дает красивое доказательство этого факта:

О, Господь наш, Иисус Христос, Ты Который подчиняясь Марии и Йосифу освятил домашнюю жизнь неописуемыми добродетелями: дай нам, чтобы при помощи обоих, нас могли бы считать примером Твоей Святой семьи, и достигнуть вечное взаимопонимание в этом: Ты, Который живешь и царствуешь с Богом Отцом в единстве со Святым Духом, Боже, Мир без конца. Аминь.

2. Брак и мужчина

Можно понять мужчину только по условиям Бога и Его верховном намерении. Согласно Быт. 1:26-28 мужчина был созданным чтобы упражнять владычество над землей и подчинить ее, а заповедь “плодитесь и размножайтесь” была один из аспектов призвания упражнять владычество над землей. Поэтому мужчину надо понимать в условиях Божьего царства, и призвания человека в нем навести Божий правовой порядок на обработанной и покоренной земле.

Следовательно мужчина по началу и по существу *религиозное создание*, которого действительно можно понять только в связи с его Создателем и с предназначенной ему судьбой под Богом. Судьба мужчины, привести все на свете под владычеством Божьего закона-слова, встретила мужчину еще с начала его сотворения. Подчинение земли и упражнение владычества над ней, какую задачу получил Адам в Эдеме, имели два аспекта. *Первый, практический аспект*: мужчина был должен заботиться об Эдемском саде (Быт. 2:15). Городской человек склонен забыть, что плодные деревья, овощи, и другие насаждения требуют труд и заботу, даже в совершенном мире Эдема. Адаму возложилась ответственность обрабатывать или возделывать сад, и охранять его. *Второй, познавательный аспект*: мужчина был должен назвать творения. Имена в Ветхом завете представляют собой описания и классификации, так что назвать что-нибудь означало понять и классифицировать его. Мужчина призывался через труд и знание подчинить землю, разработать ее возможности, возрастая и умножиться, чтобы расширить свое владычество географически и в знании.

Таким образом *труд и знание*, это священное призвание мужчины как средство для покорения земли и упражнения владычества над ней. Следовательно *каждое занятие*, через которое человек расширяет свое владычество под Богом, по Божью намерению, без злоупотребления и без презрения к земле, которую Бог определил чтобы быть владением человека под Ним, это *священное призвание*. Общее мнение в каждом разветвлении христианства, что призвание христианина войти в ряды священничества, не могло бы быть более погрешным. Такое стремление ведет к замене Божьего царства церковью, как будто намерением Бога в сотворении был клерикализм.

Итак, мужчина создан не ребенком, так что его нельзя понять в связи с его примитивным прошлым или с его детством, а в смысле *зрелой ответственности к труда*. Мужчина реализуется в условиях труда под Богом, и поэтому для человека радикально разрушительными являются как бессмысленный или неудовлетворяющий труд, так и социальный порядок, который наказывает трудящегося человека при реализации плодов его работы. Подобно этому, мужчина реализуется расширяя границы своего знания, и узнавая больше о природе вещей, как и об их полезности. Мужчины находят возвеличивание в хорошо выполненной работе и в приобретенном знании, потому что через труд и знание расширяется их владычество под Богом.

Следовательно, земля создана чтобы быть Божьим царством, а мужчина создан по подобию Божьему, чтобы быть Божьим заместителем над этом царстве под Богом. Образ Бога предполагает знание (Кол. 3:10), праведность и святость (Еф. 4:24), и владычество над землей и над ее созданиям (Быт. 1:28). Поэтому, хотя Адам оформлен из праха, или из верхнего слоя почвы, из красной глины, тем не менее мужчине предназначена славная природа и судьба под Богом.

Мужчина был должен опознать прежде всего себя в смысле своего призвания, до того как ему дали помощника, Еву. Следовательно, ему не дали жену до того, как Адам не поработал по своему призванию в течение какого-то неизвестного, но видимо продолжительного периода, заботясь о саде и узнавая таким образом других существ. Нам специально рассказывается, что Адам назвал или классифицировал всех животных, значительная работа, до сотворения Евы. Хотя эта классификация была общей и ограниченной, все-таки это было точное и

целостное понимание жизни животных. Адам из Эдема был таким образом очень загруженным человеком в мире, где проклятие греха еще не пало на человека и на его работу.

Итак, надо отметить, что Адаму дали Еву, *первое*, не для удовлетворения *естественной* или просто *сексуальной* нужды, хотя это и признается (Быт. 2:20), но, с известной отсрочкой, для удовлетворения его нужды в “помощника,” как называется Ева. Поэтому она очень ясно определяется как *помощник* Адама в его жизни и труде как Божий заветный человек, призванный упражнять владычества и покорить землю.

Это значит, *второе*, что роль женщины это быть помощником в *управленческой функции*. Призвание мужчины осуществляется по условиям Божьего царства, а сотворение и призвание женщины не менее соответствуют этим условиям. Она помощник мужчины в покорении земли и упражнении владычества над ней, в смысле которого необходимо чтобы она сделала жизнь и труд своего супруга более успешными. Осуществление этого мы будем обсуждать позже в связи с женщиной в браке.

Третье, Бог создал Еву едва после того, как Адам доказал свою *ответственность*, выполняя свои обязанности правильно и хорошо. Это значит, что ответственность мужчины явно необходимая предпосылка для вступления в брак. Поэтому, позднее, система приданого требовала, чтобы жених показывал свою ответственность, предоставляя приданое невесте как гарантия на ее будущее и на будущее детей.

Четвертое, так как мужчина призван упражнять владычества, а брак и его управление семейный центральный аспект этого владычества, упражнение владычества в труде и знании предшествует упражнению владычества как супруг и отец. *Заветная семья* центральная для Божьего царства и поэтому брак с его самого начала был огражденным предосторожностями, с целью установить прецедент ответственности.

Пятое, ясно что брак как божественное распоряжение, основанный вместе с призыванием *трудиться* и *знать*, в рае.

Шестое, брак это нормальное состояние мужчины, потому что согласно Богу “не хорошо быть человеку одному” (Быт. 2:18) кроме случаев, когда мужчины физически неспособные, или призванные Богом к одиночному существованию по другим причинам, брак их нормальное состояние жизни. Только во времена преднамеренной незрелости мужчины посмеиваются над браком, говоря будто он рабство. То, что на самом деле они говорят, это что ответственность, или проще сказано мужественность, это рабство, а не вечная свобода детства. Таким личностям не стоит отвечать.

Седьмое, хотя семья и владычество в ней это часть призвания мужчины, нельзя даже подумать, что это может быть его целое призвание. Пока призвание женщины выражается в ее замужестве и в семье, призвание мужчины выражается в занятии, которое он принимает под Богом.

Восьмое, мужчина призван показать до брака, как мы уже видели, две вещи: образец повиновения и образец ответственности; и тогда он готов создавать новый дом. Бытие 2:24 выясняет, что мужчина должен *оставить* свой родительский дом и прилепиться к своей жене. Основными для установления владычества человека над землей являются *перемена и развитие*. Семейная система, которая не позволяет независимость молодой пары стремится увековечить какой-нибудь неизменный порядок, пока библейский образец, который требует порвать с родителями в браке, обеспечивает перемену и развитие. Отрыв от родителей не означает конец ответственности к ним, однако он дает возможность для независимого развития.

Девятое, древнееврейское слово для жених означает “обрезанный,” древнееврейское слово для теща означает *тот кто выполняет операцию обрезания*, а древнееврейское слово для теща подобное. Это очевидно не относится к действительному физическому ритуалу, поскольку древнееврейские мальчики обрезывались на восьмом дне после рождения. Оно означает что теще гарантирует факт *духовного обрезания*, то же и теща, уверяясь в заветном статусе жениха. Их обязанность была предотвратить смешанный брак. Мужчина мог жениться на их дочь и стать молодоженом, только когда выяснится, что он человек под Богом.

Следовательно родители жениха обязывались подготовить своего сына для трудовой жизни и развивать его знание и мудрость, а родители невесты имели в свой долг, по библейским стандартам, испытать веру и характер будущего молодожена.

Таким образом зрелость обязательная не только для мужества, но также и для брака. Зрелость вообще требует больше, чем физическая зрелость. В другие времена браки часто заключались в первые годы после десятилетнего возраста, как в некоторые граничные ситуации, но в большинстве случаев мужчина должен был быть опытным и трудящимся человеком, а девушка обученной и способной женщиной. Были однако времена, когда незрелость была хроничным и предпочитанным состоянием и мужчин, и женщин. Конечно физическая зрелость, это самое мудрое, однако без зрелости веры и характера брачные отношения скоро надоедают из-за конфликтов и напряжения.

Поскольку брак так близко связан с сотворением через Божие соглашение с человеком, специально очень к месту кажется то, что римско-католическая служба, при благословении, которое заканчивает свадебную мессу, вводит фразу из Ветхого завета. Словами нового библейского требника святого Андрея:

Пусть Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова будет с вами, и пусть он исполнит вас своим благословением, чтобы вы могли бы увидеть дети ваших детей до третьего и четвертого поколения, а впоследствии постигнуть вечную и безграничную жизнь. При помощи Господа нашего Иисуса Христа, который живет и царствует вместе с Отцом и Святым Духом, Боже навсегда и вовек. Аминь.

Наконец надо отметить, что хотя брак распоряженное сексуальное взаимоотношение между мужчиной и женщиной, его нельзя понимать просто в смысле сексуальности. Когда брак сводится только к сексу, он разрушается как институция и его заменяет аморальный секс. Брак относится прежде всего к Божьему распоряжению, а потом к мужчине и женщине в их соответственных призваниях. Всю жизнь человека тоже надо

интерпретировать в смысле этого призвания, потому что мужчину можно понимать только в смысле его призвания под Богом. Расстройство призвания мужчины это расстройство всей его жизни. Когда труд напрасный, люди не могут отдохнуть от своих работ, потому что их удовлетворение от труда отсутствует. Тогда люди очень часто стремятся сделать труд успешным, работая больше. Разочарование в смысле его призвания означает для мужчины плохое здоровье, что касается его физического и психического здоровья, его сексуальной энергии, и его способности отдыхать, пока успешный труд означает силу и жизненность для мужчины. Каждая попытка понимать брак только в смысле секса отягчит его основную проблему.

Если брак нельзя сводить только к сексу, его тоже нельзя сводит только к *любви*. Святое писание не дает никакого основание для идеи, что брак можно закончить, когда кончится любовь. Хотя любовь важна для брака, она не может заменить Божий закон как существенная связь в браке. Более того, женщина не может допустить более большой ошибки, чем та, чтобы принять что она может взять приоритет в жизни своего супруга над его работой. Он будет любить ее с личной теплотой и нежностью как никого другого, но жизнь мужчины это его работа, не его жена, и если женщина не успеет понять это, ее непонимание может нанести большой вред браку. Трагедия вероотступнического времени состоит в том, что женщины ясно видят тщетность и пустоту работы мужчин, но они не успевают увидеть, что набожные мужчины стараются ответить этому больному миру большей работой. Из-за того, что труд призвание мужчин, они часто делают серьезную ошибку пытаться разрешить все проблемы работая больше, когда как в той же ситуации женщина больше всего убежденная в тщетности работы. Но сказать мужчине что его труд тщетный, это все равно сказать ему, что он ничтожный. Основная и неосознанная причина для напряжения в браке это нарастающая тщетность труда во время когда вероотступничество и вмешательство государства отнимают у труда его конструктивные цели. Область владычества человека становится областью его обманутых надежд. Есть такие люди, которые могут вспомнить время не так много лет тому назад, когда мужчины работали десять и больше часов в день, шесть или семь дней в неделю, часто при безобразных и небезопасных условиях. В замен этого они могли отдыхать, а также и радоваться жизни со здоровым аппетитом. Основным оптимизмом этого времени, уверенность в прогрессе, стабильность экономики с твердой валютой, и чувство мастерства в их начинаниях, давали мужчинам удовлетворение от их работ, которое делало отдых возможным. Время, которое отрицает значение удовлетворения от работы, в то же самое время отрицает и человека. Желательные условия и часы работы вовсе не могут заменить *целеустремленность* работы. Достоевский показывает, что в Сибири человека можно сломать не тяжелым трудом, а бессмысленной работой, такой как перемещать кучу валунов вперед и назад до бесконечности. Такая работа, даже если выполнять ее медленно и лениво, разрушает человека, пока смысловый труд придает силы человеку и даже возвеличивает его.

Из-за центрального значения работы для мужчины, одна из хронических проблем мужчин это их склонность превращать работу в *заместитель религии*. Вместо того, чтобы извлекать смысл жизни от Бога и Его правового порядка, мужчины часто извлекают смысл своего личного мира из своей работы. Последствие этого потеря ориентации в жизни, в семье и в порядке.

Пенсионер или активно трудящийся, мужчина все-таки мыслит по условиям мира труда, и он продолжает воспринимать действительность по этим же условиям. Мужчина, будучи призванным упражнять владычество через труд, одинаково связан с работой мыслями и действием. Однако для мужчины нет настоящего владычества в труде и через труд, вне Бога и Его правового порядка.

Последнее замечание: мужчины веками чувствовались так близко связанными со своей работой, что для них особое удовлетворение находится рядом со своими инструментами. В настоящее время в некоторые части мира мужчины испытывают удовольствие иметь свои инструменты под рукой. Некоторое сопротивление индустриальной революции оказали мужчины, которым нравилось иметь свои мастерские дома, и чувствовали потерю, когда переселялись в другие здания. Никак не удивительно, что доктора носят свои небольшие черные сумки с собой во время отпуска, и высшее удовольствие от туристической поездки по Европе для одного доктора было, когда имел возможность применить свою медицину. Многие мужчины отдыхают лучше, когда их инструменты находятся под рукой.

3. Брак и женщина

Определение женщины, данное Богом при сотворении Евы и установлении первого брака, это “помощник” (Быт. 2:18). Это буквально “соответственному ему” или “его дополнение.”^[15] *Буквальный перевод Святой Библии* Роберта Юнга дает это “помощник – как его дополнение.” Преподобный Пейн Смит указывает, что с древнееврейского это буквально “помощник как его лицо, его отраженный образ.”^[16] Подразумевается зеркальный образ, на что указывает святой Павел в I Кор. 11:1-16; мужчина создан по подобию Божьему, а женщина – по отраженному образу Бога в мужчине. В этом отрывке, как отмечает Ходж, утверждается принцип, что “порядок и подчинение распространяются по всей вселенной, и они основные для ее существования.”^[17] Покрытая голова знак о нахождении под власти другой личности; отсюда мужчина, который прямо под Христом, молится с открытой головой, а женщина с покрытой головой. Поэтому мужчина, который молится с покрытой головой, бесчестит себя (I Кор. 11:1-4). Непокрытая женщина может быть еще остриженной или с выбритой головой, потому что одинаково срамно для нее быть непокрытой и быть выбритой (I Кор. 11:5-7). Как отмечает Леон Морис в связи со стихами 8 и 9: “Ни в своем происхождении, ни в намерении, с которым она была сотворенной, женщина не может искать приоритет, ни даже равенство.”^[18]

В соответствии с этим святой Павел продолжает: “Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов” (I Кор. 11:10). Джеймс Мофат дает “власть над нею” как “символ подчинения,” следуя этим популярное мнение, а не греческий текст. “Власть над нею” означает скорее, как указывают Морис и другие, “знак ее власти.”^[19] Так как свидетели ангелы, надо представить и набожное свидетельство. Многим кажется, что здесь обнаруживается серьезное противоречие: *первое*, святой Павел настаивает на подчинении, а потом, *второе*, говорит о том, которое представляется нам символом подчинения, как о знаке власти. Это кажущееся противоречие возникает из-за анархистской концепции о власти, которая так глубоко вделана в грешную человеческую природу. Каждая настоящая власть находится под другой властью, так как Бог единственный превосходит все вещи и является источником всей мощи и власти. У полковника власть, потому что он под генералом, и его собственная власть растет, когда власть, престиж и авторитет этих над ним растет, и его единство с ними в мысли и в намерении обеспечено. То же самое с женщиной: ее подчинение, это также ее символ власти. Очень часто в различных обществах проституткам запрещают одеваться той же манерой как жены и дочери, потому что делать этого значит претендовать на власть, защиту и авторитет, которыми они лишены. Например в Ассирии незамужняя проститутка, которая покрывала свою голову, наказывалась строго за ее самонадеянность.^[20] Подобные законы существовали в Риме. На американской границе женщина, которая была женой или дочерью, имела очевидный авторитет и пользовалась уважением и защитой со стороны всех мужчин.

Святой Павел объявляет, (I Кор. 11:11), что “ни муж без жены, ни жена без мужа,” т.е. “они взаимно зависимые и не могут существовать один без другого.”^[21] “Один без другого ничто, потому что как в начале женщина оформилась от мужчины, так и потом мужчина рожден женщиной.”^[22] Церковные советы очень рано осуждали длинные косы у мужчин как знак женственности, как это делали еще раньше римляне. Нет никаких доказательств, чтобы поддержать обычное рисование Христа и апостолов как люди с длинными косами; доказательства из этой эпохи показывают очень короткие косы.

Для женщины однако, во все времена и страны, длинные косы считались украшением. Их дали женщине, говорит Павел, как *покрывало*, или как естественный вуаль; и он великолепия для нее, *потому что* это вуаль. Сам вуаль поэтому должен быть подходящим и пристойным для женщины.^[23]

Именно на основании библии косу женщины называют “ее великолепной короной” и наслаждение женщины носить ее как привлекательную корону *данное Богом*, когда не выходит за определенные границы, хотя время, которое женщины уделяют ей как будто не подчиняется этому правилу.

Библейская доктрина о женщине таким образом раскрывает ее как коронованной с властью в своем “покорении” или подчинении, и ясно как помощник самого близкого возможного ранга указанному Богом Его заместителю над творением. Это не малая ответственность, ни портрет терпеливой Грительды. Теологи слишком часто показывают Еву как такую, которая увлекла Адама в грех, забывая отметить, что согласно данному ей Богом положение давать советы было ее нормальной обязанностью, хотя в этом случае очевидно это был плохой совет. Мужчины как грешники часто мечтают о терпеливой Грительде, которая никогда не говорит, если не говорят ей, но никакая другая жена не понравится им меньше или не надоеет им больше. Мартин Лютер, который нежно любил свою Кати, в одном случае выругался: “Если мне придется жениться опять, я вытешу смиренную жену из камня; ибо я сомневаюсь есть ли другого вида смиренность.” Его биограф Едит Симон правильно спрашивает “А как справился бы он со смиренной женой?”^[24] Ясно, что ответ – не совсем хорошо.

Обычайная иллюзия это, что в примитивном, эволюционном прошлом человека, женщины были самыми настоящими рабынями, которых примитивные грубияны использовали по своему желанию. У этого эволюционного мифа не только нет никакого основания, но и в каждом известном обществе положение женщин, как его оценивали мужчины и общество, было замечательным. Идея, что женщины всегда подвергались быть просто рабынями, сама по себе абсурдная. Женщины были женщинами во все времена. В одном исследовании чрезвычайно отстающего общества аборигенов Австралии, Филлис Кабери показал, что у них статус женщины был значительно важным.^[25]

Мало вещей угнетали женщин больше, чем Просвещение, которое превратило женщину в украшение и в беспомощное создание. Исключая более низких классов, где труд был обязательным, “привилегированная” женщина была бесполезной украшающей личностью, без почти никаких прав. Раньше это не было так. В Англии 17-ого века женщины часто принимали участие в бизнесе, были высоко компетентными управляющими, занимались корабельной торговлей, работали как страховые агенты, производители и т.п.

До восемнадцатого века женщины обычно фигурировали в бизнесе как партнеры со своими супругами, и при этом не в низшем положении. Они часто принимали полную нагрузку при продолжительном отсутствии их супругов. В некоторых случаях, когда они были более сообразительными в паре, они крутили представление.^[26]

Правовая “революция” принесла заниженный статус женщин; “слишком знакомое мнение, что в девятнадцатом веке женщины внезапно всплыли из долгой исторической ночи на освещенной солнцем равнине, полностью погрешное.”^[27] Знание о ранней американской истории показывает высокую ответственность женщины; моряки Новой Англии могли плавать два или три года, зная что весь бизнес дома будет выполняться умело их женами.

Эпоха рационализма видела мужчину как воплощение разума, а женщину как воплощение эмоций и желания, и поэтому как низшую. Тезис эпохи рационализма был, что управление всеми вещами надо поверять разуму. Эпоха рационализма противопоставлялась эпохе веры преднамеренно. Религия считалась бабьим делом, и чем больше распространялось Просвещение, тем больше церковная жизнь становилась областью женщин и детей. Поэтому чем больше провозглашался триумф эпохи рационализма в каждой культуре, тем ниже становилась роль

женщин. Как религию начали считать бесполезным, но иногда очаровательным украшением, так и на женщин смотрели подобным образом.

Эти идеи проникли в Соединенные штаты через влияние, которое оказал на правовую систему сэр Вильям Блекстон, который в свою очередь испытывал влияние Верховного судьи Англии Эдварда Кока, расчетливого оппортуниста. Как результат правовые книги 19-ого века показывали женщину в приниженной роли. Три следующих примера хорошо раскрывают это:

Введение к американскому праву Уолкера: Правовая теория гласит, что брак превращает мужа и жену в одну личность, и эта личность муж. Есть скудный правовой акт, с некоторым описанием, что она компетентная выполнять... В Охайо, однако вряд ли в другом месте, она может делать завещание, если ей посчастливилось располагать чем-то.

Закон о муже и жене Ропера: В общем неизвестно, что когда женщина принимает предложение на женитьбу, все что у нее есть, или она надеется иметь, становится фактически собственностью мужчины, которого она приняла как супруг; и никакой подарок или продажа, совершенные ей между моментом согласия и свадьбы не считаются действительными; потому что если разрешить ей отдавать или другим способом распоряжаться своим имуществом, он может остаться обманутым богатством, которое ему пригляделось, когда делал предложение.

Законы Вартона: Жена только служанка своему мужу. [28]

Есть очень многозначительная фраза в выступлении Ропера: “В общем неизвестно...” Полное значение правовой революции оказывается “в общем неизвестным!” К несчастью, оно “в общем” поддерживалось... *мужчинами!* Даже к большому несчастью, церкви совсем нормально поддерживали эту правовую революцию своим односторонним и искаженным чтением Святого писания. Мнение мужчин в общем было, что женщинам будет лучше, если поставить их на пьедестале бесполезности. На конференции по правам женщины одна из выступающих ответила этим постановлением; это была Сожурнер Трут, высокая цветная женщина, известная в кругах противников рабства и сама бывшая рабыня из штата Нью Йорк. Ей было 82 года, ее спина была в шрамах от хлестания кнутом, никогда не знала ни читать, ни писать, но у нее были “интеллигентность и здравый смысл.” Она ответила приверженцам пьедестала мощно и прямо, обращаясь к мужчинам в аудитории, которые часто прерывали ораторов:

Ладно, дети, когда есть так много шума, должно бы что-то не в порядке. Я думаю, что и негров с Юга, и женщин с Севера, сколько ни говорили о правах, белые мужчины приведут их в порядок очень скоро. Но почему говорить здесь об этом?

Этот мужчина там, сказал что женщинам надо помогать, когда они носят что-нибудь, переносить их через канавы, и отступать им лучшие места везде. Мне никогда никто не помогал носить, ни над грязными лужами, ни отступал мне лучшее место! А не женщина ли я? Посмотрите на меня! Посмотрите на мои руки! Я пахала и садила, и собирала в амбары, и никакой мужчина не направлял меня! А не женщина ли я? Я могла работать столько, и есть столько, сколько и мужчина - когда я могла найти что есть - и получать хлысты тоже! А не женщина ли я? Я родила тринадцать детей, и видела почти всех проданные в рабство, а когда я плакала от своего материнского горя, никто кроме Христа не услышал меня! А не женщина ли я?

А вот этот небольшой мужчина там, в черном, он сказал, что у женщин не могут быть такие права, как у мужчин, потому что Христос не хотел женщину! А откуда взялся этот ваш Христос?

А откуда взялся этот ваш Христос? От Бога и от женщины! У мужчины не было ничего общего с Ним.

Будьте благословенными, что выслушали меня, а теперь у старой Сожурнер больше нечего сказать. [29]

Трагедия движения за права женщин была в том, что хотя ему хватало исправлять ряд серьезных погрешностей, оно прибавило и еще немало проблем, отсюда и реакция мужчин была в большей степени ответной мерой. Вместо восстановления женщин на положенном им месте во власти рядом с мужчиной, движение за права женщин превратилось в феминистское: оно бросило женщин в конкуренции с мужчинами. Это довело до маскулинизации женщин и до феминизации мужчин, до несчастья для обоих. Не удивительно, что в марте 1969 года парижский модельер Пиер Карден предпринял логический шаг на представлении своей коллекции мужской одежды: “первая представленная одежда была безрукавный джемпер, предназначенный чтобы носить его над высокими виниловыми сапогами. Иными словами, платье.” [30]

Таким образом эпоха рационализма принесла иррациональное превосходство мужчин и довело до войны между полами. В результате сегодняшние законы работают не на утверждение набожного порядка, а на пользу одного или другого пола. Законы Техаса отражают более старую дискриминацию против женщин; законы некоторых штатов (например Калифорния) показывают дискриминацию в пользу женщин.

Вернемся к библейской доктрине, жена *помощник* своему супругу. Так как Ева созданная из Адама и представляет отраженный в Адаме образ Бога, она была Адамова и тем временем тоже образ Адама, его “дополнение.” Это значит, что настоящий помощник это дополнение мужчины, что культурное, расовое и особенно религиозное соответствие необходимые, чтобы женщина могла действительно отражать мужчину и быть его образом. Мужчина, который христианин и бизнесмен не может найти помощника в будистской женщине, которая верит, что крайняя цель это небытие, и что путь ее супруга это низший путь. Поэтому браки между представителями различных культур обычно проваливаются. Когда мы все-таки находим такие браки, при проверке часто оказывается, что это союз двух гуманистов, чей происход различный, но общая вера связывает их. Даже в таких случаях у этих браков высокая моральность. Мужчина может опознать характер женщины *из своей культуры*, но он не может сделать больше, чем опознать общий характер другой культуры. Например немец, воспитанный в лютеранской атмосфере, может отличить тонкие различия среди женщин в своем обществе, однако если он женится на мусульманской девушке, он видит в нее общие формы мусульманского женского поведения, а не тонкие нюансы характера, пока не станет слишком поздно для легкого возвращения назад.

Библейская доктрина показывает нам жену как компетентный управляющий, который способен крутить весь бизнес, если это необходимо, так что ее муж мог бы занимать общественную службу как гражданский магистрат; словами Прит. 31:23, он мог бы сидеть “у ворот”, т.е. действовать как правитель или судья. Давайте исследуем женщину из Прит. 31:10-31, чья “цена выше жемчугов.” Несколько вещей становятся очевидными:

1. Ее супруг может верить ее моральной, коммерческой и религиозной честности и компетентности.

2. Она не только руководит компетентно своим хозяйством, но она может тоже умело управлять и бизнесом (стихи 13-19, 24-25). Она может покупать и продавать как заправский торговец и обрабатывать виноградник как опытный фермер.

3. Она добрая к своей семье, и добрая к бедному и нуждающемуся (стихи 20-22).

4. Очень важно: “Уста свои открывает с мудростью и кроткое наставление на языке ее” (ст. 26). Бесплезная женщина эпохи рационализма, и бесплезная женщина из высшего общества или парвеню наших дней, которая только экспонат и люкс, может и на самом деле говорит легкомысленно и как бездельница, потому что сама она пустая. Набожная женщина однако имеет “кроткое наставление на языке ее.” Люди, мужчины и женщины, которые не бездельники, избегают пустых и дешевых, злобных разговоров. Пустой разговор это люкс безответственности.

5. Она “не есть хлеба праздности” (ст. 27); т.е. набожная женщина не только люкс и хорошенькое украшение. Она более чем зарабатывает свой хлеб.

6. “Встают дети и облажают ее, - муж, и хвалит ее” (ст. 28).

Очевидно такая женщина различная от смазливой куклы эпохи рационализма и от высоко компетентной мужеподобной женщины 20-ого века, которая лезет из кожи вон, чтобы доказать, что она ровня каждому мужчине, если не лучше.

Библейская вера не рассматривает женщину как что-нибудь менее рациональное или менее интеллигентное, чем мужчина; ее разум нормально более практичный и ориентированный к личности, что связанное с ее призванием как женщина, но она не становится менее интеллигентной из-за этого.

Еще одно замечание добавляет царь Лемуил к своему описанию добродетельной женщины:

7. “Милость обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы” (ст. 30).

Здесь не имеется ввиду ничего унижительного для физической красоты, и на другие места в Святом писании, специально в Песне Соломона, она ценится высоко. Вопрос здесь в том, что в связи с основными качествами настоящего и способного помощника, для некоторых красота это восторгающая добродетель, а способности и другие очаровательные качества считаются обманчивыми и не имеют никакой стоимости в рабочих взаимоотношениях брака.

Как ни важна роль женщины как *мать*, Святое писание представляет ее в основном как *жена*, т.е. *помощник*. Поэтому на первом месте не дети, а царство Божие, и призвание человека в нем. Мужчина и женщина вместе призванные в завете покорить землю и упражнять владычество над ней.

Есть такие, которые поддерживают, что *размножение* является основной целью брака. Конечно, заповедь “плодитесь и размножайтесь” очень важная, но брак не перестает существовать даже если он бездетный. Святой Августин неправильно поддерживает, что I Тим. 5:14 требует размножение и определяет детей как основное намерение брака, а многие соглашаются с этим мнением.^[31] Однако святой Павел действительно говорил, что он требовал чтобы более молодые женщины и вдовы женились и имели детей, вместо того чтобы стремились к религиозному призванию (I Тим. 5:11-15); это совсем различное от дефиниции брака как размножение. Некоторое время Лютер поддерживал мнение, что брак служит чтобы обеспечить размножение и чтобы удовлетворить вождление. (Августин ограничивал сексуальные отношения до “необходимости в порождении.”)^[32] Едит Симон обращает внимание на перемену в мышлении Лютера по этому вопросу:

До того как Лютер бросил безбрачие, он осуждал его только как источник постоянной соблазна и рассеивания тех, которые не могли справиться с вечным целомудрием – другими словами, его мнение тогда было еще в основном ортодоксальным, принимая целомудрие как высшее состояние. На основе его собственного опыта в браке, это мнение все-таки коренно изменилось к более положительному. Вечное целомудрие стало *плохим*. Только в браке человеческие существа могли постигнуть то духовное здоровье, которое они привыкли искать в монастыре. Тоже забавное это, что прежде чем испытал сам сексуальное освобождение, Лютер видел брак как в основном физический вопрос, а после этого видел его выгоды как в основном духовные – видимо не из-за потребности в физическом общении.^[33]

Сам Бог определил основную функцию Евы как *помощник*; как ни важно материнство, оно не может взять приоритет над собственной декларацией Бога.

4. Нагота

В Святом писании нет законодательства касательно наготы, однако рассматривание этого вопроса важное для исследования библейского права, как мы скоро увидим.

Когда слово “нагота” или “нагой” используется в Святом писании фигуративно, как в Иер. 49:10 и Быт. 42:9, оно означает “лишенный ресурсов, обезоруженный.” Иногда оно тоже означает “открытый, сделанный видимым” (Иов. 26:6, Евр. 4:13). Первое упоминание наготы однако, это Быт. 2:25 и касается Адама и Еву в Эдеме: “И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.”

Важное понять смысл этого отрывка и потом его значение для истории. Абсурдные интерпретации изобилуют. Например по Симпсону это значит “они не имели никакого понятия о сексуальности.”^[34] Это та самая популярная иллюзия, что секс каким-то образом связан с грехопадением. Святое писание не дает никаких доказательств об этом. Более того, поскольку нам известно, что Адам наблюдал секс у животных (Быт. 2:20), абсурдно принимать, что он получил Еву как свою жену, а оставался безбрачным. Невинность не означает отсутствие сексуальности.

Комментарий Смита интересный тем, что связывает этот стих со следующим разделом, но с погрешным толкованием значения наготы:

Это описание совершенной ребяческой невинности, и присущее естественно существам, которые еще не знают ни добра, ни зла. Это однако не конец раздела о браке, где оно могло бы быть неделикатным, а введение к рассказу об искушении, где оно подготавливает дорогу к более легкому падению человека. Более того, в этих двух стихах на древнееврейском языке есть игра слов. Человек *arom*, голый; змей *arum*, хитрый. Так в простодушной наивности наши первые родители пали в грех с искушающим змеем, который в очевидном контрасте с их неопытной невинности описывается как специально коварное существо. [35]

Это абсурдное и небиблейское. Адам еще не согрешил, однако он знал, что нарушить Божий закон значит совершить зло. Каждый день, когда он работал, чтобы покорить землю и упражнять владычества над ней, Адам имел удовлетворение что знал и делал добро. И опять Смит абсурдно и совсем небиблейски говорит об Адаме и Еве как о согрешивших “в простодушной наивности.” Однако вся загвоздка Святого писания в том, что они согрешили со знанием и преднамеренно, пытаясь сами стать богами. Допускать наивность в Адаме, который уже сделал общую классификацию животного мира и работал со знанием в мире растений, это смешно; он был созданным зрелым мужчиной, и теперь он был опытным рабочим и мыслителем, знающий человек. Ева, как его жена, пришла разделить это знание. Допускать невинность и наивность в грехопадении, или отсутствие коварства, это значит грешить против Бога и его слова.

Комментарий Леопольда ближе к точкам:

В этом коротком изложении к картине первобытного состояния совершенства прибавилась еще одна характерная особенность: ничего не обнаружено, чтобы вызвать у человека чувство вины. Потому что чтобы не чувствовать никакой стыд в совершенном состоянии, значит не было повода чтобы чувствовать стыд. Все было в гармонии, и человек был в полной гармонии с собой и со своим Богом. [36]

Стыд Адама и Евы, который они почувствовали при своем грехопадении, был прежде всего от Бога, от кого они прятались (Быт. 3:8), а вторично друг от друга. И опять комментарий Леопольда библейский:

Быт 3:7... То что чувство стыда должно концентрироваться вокруг этой части тела, которое отмечается органами размножения, несомненно обуславливается более глубокой причиной, что человек инстинктивно почувствовал, как будто сам источник и ключ жизни заражен грехом. Сам акт воспроизводства жизни испорчен грехом. Если это библейское описание происхождения чувства стыда принять верным, тогда все споры антропологов что стыд скорее всего результат запрещения и обычая, оказываются вторичными и случайными. Рассказ Святого писания достигает корень вопроса. Единственный отблеск света в этом стихе это факт, что когда чувствуется стыд, дело совершителя зла не безнадежное. Он по крайней мере не бесчувственный, совершая зло. Предохранительная милость Бога позволяет этому чувству возникать. [37]

Имея дело со значением Быт. 2:25, теперь необходимо обратиться к его значению для истории. Мечта об Эдеме долгое время доминировала сознание людей, надежда вернуться в Рае. Очень часто частью этой мечты было возвращение в состояние наготы и невинности, и некоторые группы, от адамитов в средневековой истории до нудистов сегодня, верят что путь к невинности проходит через наготу. Другими словами, считается что одевание это провокативный фактор, и что люди вернутся к наготу или к раздетости. Таким образом грехопадение человека приписывается одеванию. Отделайтесь от одежды, и вы отделаетесь от греха, и от всех человеческих проблем. Здоровье, душевный покой, братство и равенство вернутся вместе с нудизмом, твердят они.

Этот тезис нашел поддержку у психологов и социологов. По существу это религиозная вера. Издатель книги *Психология сегодня* назвал его “благородный гуманизм”; что это гуманизм, во всяком случае ясно. [38] Литература по этому вопросу совсем ясно поддерживает тему о возвращении в рай, приводя как доказательство обычайное утверждение нудистов, что нудизм не провоцирует никаких сексуальных реакций в них.

Психолог Леонард Бланк из Рютгерса отметил, что “у нудистов больше отклонений личности, сексуальных конфликтов и запрещений, и искривлений телесных образов, чем у ненудистов.” Его исследование показывает тоже, что членство или участие в нудистском лагере было всегда решением мужа: “никогда жена не хотела пойти больше, чем муж.” [39] Поставленный Бланком заголовок раскрывает больше о нудизме, чем сама статья: “Нудизм как поиски жизни, состояние, каким оно было до яблока.” Привлекательность нудизма состоит в желании вернуться в Эдем. Нельзя пренебрегать склонность к воайаризму замешанных мужчин, но возвращение в рай категорично важный и основной фактор. Воайаризм слишком полно удовлетворяется и другими способами в совершенном обществе! Обобщенное высказывание Бланка и поучительное и забавное:

Одежда помогает определить наше положение в обществе, а нагота устраняет важную часть из комплекта признаков. Нудисты объявляют, что они могут связываться с другими без этой категоризации через одежду. Хотя может быть нудисты до какой-нибудь степени идеализируют это положение, нудистские лагеря действительно разрушают те образцы, которых можно найти вне лагерей. Пол, класс и власть имеют меньшее значение в обществе нагих и устранение этих искусственных барьеров увеличивает чувство сплоченности. Но даже и в нудистских лагерях есть личные конфликты, несогласие между кликами и группами. Не каждый находит здесь свою Утопию: 30 процентов из интервьюированных будут очень мало или никак не тронутыми, если лагерь закроют, 26 процентов будут тронутыми до известной степени, а только 43 процента будут тронутыми серьезно. Когда их попросили перечислить трех своих лучших приятелей, 49 процентов не указали ни одного нудиста.

Некоторые синемлубые рабочие говорили, что нудизм позволяет их семьям связываться с лучшим классом людей, избегая классификацию по форменной или обычной одежде. Мы уменьшаем конфликт статусов, когда устраняем одну из главных опор управления впечатлениями. В нудистском лагере статус принимает другие формы: на бледную кожу спорадических посетителей смотрит свысока. Белохвостый заяц, или личность с загорелым телом и с белыми ягодицами, внушает меньший престиж, но собирает заинтересованные взгляды. [40]

Не удивительно, что психологи и социологи, которые разделяют миф, что дорога к здоровью и невинности проходит через наготу, пробуют наготу как терапию. Холливудский психолог Пол Биндрим и доктор Вильям Е. Хартман, профессор по социологии в Штатском колледже, Лонг Бийч, Калифорния, применяли “нагой марафон” как терапию для беспокойных людей. Заглавие статьи Биндрима попадает прямо в десятку: “Нагота как быстрый захват для близости при групповой терапии.” Он верит, что “хотя бы временно” исцеляет женскую холодность, мужское бессилие, эксгибиционизм, артрит, склонность к самоубийству, психозу, а также “оживляет” браки. [41] Это весьма вероятно: люди сообщали о даже более забавных лекарствах из небольших черных коробочек и о диком разнообразии шарлатанства. [42] Обычайный психический пациент, который консультируется

у психологов и психиатров, часто такая личность, которой регулярно “помагают,” или “исцеляют” ее различные практиканты и разнообразные вещи.

Однако вернемся к нудизму и рае: *первое*, и прежде всего, возвращение в Эдем не библейская надежда. Эдем был свободным от греха, но все-таки это было *примитивное* общество, человеческое начало, а не конец. Настоящая цель это установить царство Божие, Новый Иерусалим, мировой порядок под Божьим законом.

Второе, нет никакого основания чтобы допустить, что нагота была основным состоянием в рае, т.е. существенным для него. Ударение в тексте падает на *стыд*, не на наготу. Мы можем надеждно допустить, ввиду того, что Адам совершил в Эдеме, что некоторое время он провел там. Имея ответственность об обработке и поддержании сада, Адаму были нужны инструменты, и мы можем допустить, что он начал изготавливать некоторые. Во всяком случае ранние свидетельства о ремеслах и искусствах у его потомков показывают раннее начало. Более того, почти сразу Адам почувствовал некоторую необходимость в убежище; в конце концов тяжелые ночные туманы и роса, которые наводняли землю (Быт. 2:6) делали убежище непосредственно необходимым. Босые ноги по мокрой траве вероятно привели Адама к решению, после его первого утра, найти какой-нибудь ответ этой проблеме, так что наверное некоторое подобие сандалий вошло в употребление довольно рано. Если это не произошло до сотворения Евы, мы можем смело допустить, что было сделано скоро после этого по ее настоянию. Короче говоря, можно принять, что и без грехопадения одежда была бы изобретенной очень скоро.

Третье, в некоторых формах умение изготавливать одежду или покрывала хотя бы для покрывания во время сна, уже было достигнуто. Когда стыд за грехопадение стукнул их, они немедленно “сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания” (Быт. 3:7), или юбки. Умение было уже налицо. Одежда могла бы быть сделанной и до Евы экспериментально, как украшение или как покрывало против утренней росы. Новым элементом было желание быть покрытым из-за срама за грех.

Четвертое, Адам и Ева были одни в Эдеме, никакие другие люди не существовали.

Итак, вера нудизма и гуманизма, что всему лекарство нудизм, очевидно абсурдная. Возвращение к примитивизму не решение человеческих проблем. Желание устранить неравенство и различия, лишая людей от одежды, не соответствует факту, что не одежда создает различия в обществе: даже в нудистских лагерях появляются лидеры и последователи, популярные и непопулярные люди, как и классовые линии проявляются ясно как назло надеждам об обратном.

Закон не ориентирован к прошлому и к наготу, а к будущему и к прогрессу, далеко от примитивизма. Не без основания различия между цивилизованными и нецивилизованными народами проявляются в области одежды тоже как и в других областях. Нудизм это примитивизм, и как философия он патетический, но самоубийственный.

5. Семейный закон

Один странный пассаж из Святого писания показывает интересный факт закона, который обычно пренебрегается. Каин, выслушавши свой приговор от Бога за убийство, пожаловался, говоря:

... наказание мое больше, нежели снести можно. Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанныком и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин от лица Господня; и поселился в земле Нод, на восток от Эдема (Быт. 4:13-16).

Так как Бог не изменяется, и Его крайнее намерение всегда присущее Его предыдущих действий, то и отправный пункт рамки Его декларации о Каине очевидно Его правовой порядок. Поэтому сразу возникают несколько вопросов: кого боялся Каин? Кто мог бы убить его? Что страх был более чем психологический видно из факта, что “сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его.” Каин очевидно нуждался в эту защиту. И опять, почему Бог, который довольно рано объявил Свое требование о смертной казни за убийство (Быт. 9:6), здесь защищает убийцу?

Прежде чем заняться этими вопросами, короткое исследование текста было бы интересным. Леополд дает Быт. 4:14 так: “Вот, Ты изгоняешь меня из земли, и я должен прятаться от Тебя, и я должен скитаться по земле, и случится так, что кто-бы меня не встретил, убьет меня.” Слова Каина ясно предполагают смертную казнь за убийство: закон Божий объявлен заранее, и Каин видит необходимость избежать и от Бога, и от человека, и поэтому он жалуется против своих шансов. Факт, что он совершил грешное убийство ему безразличен; он чувствует наказание как безнадежно несправедливое к ним.

Дальше Леополд переводит стих 16: “И Яхве дал Каину знак, что кто бы его не встретил, не убьет его.” Леополд отмечает:

... что текст не говорит, что Бог поставил знак *в* или *на* Каине (по старееврейски *be*), а *за* Каина (старееврейское *le*), отмечая дательным падежом интерес или преимущество. Вследствие этого мы должны думать скорее всего о каком-то символе, который Бог показал для успокоения Каина, “знак гарантии” или “обещание или залог.” Можно цитировать параллели со знаменами, которыми удостаивались некоторые люди, когда Бог обещал им необыкновенные вещи: Гедон (Суд. 6:36-40), Елисей (IV Цар. 2:9-12). Бог позволил этому знамени явиться для Каина и поэтому он почувствовал себя спокойным. Следовательно нет основания предполагать, что Каин прожил остаток своей жизни как меченый человек. Во всяком случае ‘*oth* не значит “метка.”[43]

Вернемся к первым вопросам: кого боялся Каин, кого подозревал он, что тот может убить его? Ответ этим вопросам уже виден. Каин очевидно боялся, что Бог, еще с самого начала объявивший устно свой закон человечеству, может быть сам исполнит смертный приговор против него. Более того он боялся, что другие люди тоже убьют его, потому что Божий закон обязывал их сделать это. Слова Каина ясно показывают, что правовой порядок был уже установлен. Каин был зрелым и женатым мужчиной (Быт. 4:17). Адам имел множество сыновей и дочерей, чьи имена никогда не стали известными нам, все-таки он жил 930 лет (Быт. 5:3-5). В результате этого к

моменту убийства Авеля уже существовало порядочное число личностей, готовых и способных применить закон. Адам как глава своего домохозяйства и молодого человечества, был в положении чтобы требовать проведения закона в жизнь от членов своей семьи.

Следовательно семья была тем правовым порядком, связанным с дисциплиной, и готовым наложить свой закон на своих членов. Реакция Каина очевидное доказательство об этом. Бог ясно установил семью как правовой порядок.

Это приводит нас к нашему главному вопросу: почему в таком случае в противоречии всему остальному в Святом писании, Бог дает свою защиту Каину, чтобы его не убили? Защита за преступление явно не намерение Бога. В каждый момент Святое писание показывает нам Бога как противник греха, и Его требование об осуждении настолько строгое и непоколебимое, что только смерть Иисуса Христа могла искупить грех, через исполнение закона до конца. Очевидно, что в таком случае Божие намерение здесь не защитить Каина, а защита Каина является страничным продуктом Его центрального намерения. Бог Сам показывается как обвинитель Каина, и сама земля, из-за того что Бог создал ее, свидетельствует по Божьему закону против Каина (Быт. 4:9-12). Вопрос, который мы должны поставить, следовательно такой: что за правовой порядок поддерживал Бог, который привел случайно к защите Каина? Это ключевой вопрос, но к сожалению комментаторы не задают его.

Ясное, что роль семьи при проведении закона в жизнь серьезная. Семья это правовой порядок и она дисциплинирует своих членов. Природа и охват наказывающей мощи семьи можно увидеть, вернувшись к уже рассмотренному тексту Втор. 21:18-21, к смертной казни для юнных правонарушителей. Есть несколько очень важных аспектов этого закона. *Первый*, родители должны были быть жалующимися свидетелями против своего преступного сына. Родители были должны быть лояльными к Божьему правовому порядку, а не к связям крови. Если родители не помогают преследованию своего преступного сына, значит они соучастники в его преступлении. *Второй*, обратно нормальному обычаю, когда свидетели вели экзекуцию, в этом случае это делали "все жители города." Следовательно, когда речь шла о смертной казни,, родители исключались из исполнения закона.

Теперь вернемся к Каину: Каин очевидно связан с семьей, которая была дисциплинированным правовым порядком. И он и Авел, как и другие дети, были дисциплинированными и производительными рабочими. Каин знал о смертной казни за убийство и боялся ее. Причиной этой чрезвычайной защите Каине от смертной казни был факт, что семья не допускалась к одной области применения закона – смертную казнь, которая всецело принадлежала государству. Во время Каина человечество насчитывало Адама и Еву, и их сыновей и дочерей. Каин получил "знак о гарантии," что его не экзекутируют ни его родители, ни его братья и сестры. Совсем очевидно, что семья знала об этом, потому что эта часть Бытия (1:1-5:1), это рассказ Адама. Позднее Каин построил первый город, т.е. *огражденное* общество, чтобы защитить себя. Каин не требовал защиты от домохозяйства Адама, он требовал ее от собственного потомства. Мы имеем декларацию Ламеха о его готовности убить, если затронуты бы его честь (Быт. 4:23-24); замечательно, что Ламех просто углубил беззаконие, совершенное Каином: "Если за Каина отомстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро" (Быт. 4:24).

Таким образом семья была созданной как центральный правовой порядок, однако в то же самое время была строго ограниченной в том, что у нее отняли право совершать смертную казнь. Семья может дисциплинировать, наказывать и выгонять своего члена, но она не может убить его; по этому вопросу она должна обратиться к государству просто как свидетель преступления. Ей нельзя быть экзекутором.

У семьи была реальная власть; она могла лишиться наследства безбожного наследника; могла наказать его различными способами. Однако основной факт библейского закона, это что власть убивать не принадлежит семье, потому что принуждение не самый строгий аспект семейного права. Семья объединяется связями любви; муж *прилипает* к жене, а дети повинуются своим родителям от любви и по долгу.

Следовательно основной для семейного права является внутренняя связь кровью и верой. Библия говорит о благодарности (это слово не используется в Библии); ее термин признательность, и это принимается, а не требуется. Мы уже видели как тесно связанные родительская власть и власть Бога (Лев. 19:3). Дальше это показывается в Ис. 45:9,10:

Горе тому, кто препирается с Созидателем своим, черепок из черепков земных! Скажет ли глина горшечнику: "что ты делаешь"? и твое дело скажет ли о тебе "у него нет рук"? Горе тому, кто говорит отцу: "зачем ты произвел меня на свет?" а матери "зачем ты родила меня?"

Та же самая мысль появляется в Ис. 10:15. Идея о том, кто неблагодарен Господу или своим родителям, представлена как конспект того, что возмутительно и отвратительно. Родителей можно любить или не любить, но во всяком случае обязанность о благодарности остается. В настоящее время особенно отталкивает отсутствие благодарности у детей, которые получают не только жизнь, но и очень щедрое и даже богатое обеспечение от своих родителей, а все-таки проявляют неблагодарность к одному или к двум своим родителям. У таких детей может и не быть других моральных недостатков, но если пассаж Ис. 45:9,10 имеет какой-нибудь смысл, они моральные чудовища.

Этот пассаж от Исаии бросает свет на освобождение Каина от смертной казни. Семейная дисциплина может означать лишение от наследства; она может означать передачу сына гражданским властям. Но смертная казнь резервированное право Бога и государства. Предоставить эту власть семье это значит разрушить внутреннюю связь, которая объединяет семью. Защита Каина не касается его как личность, а относится к жизни семьи и ее правовой сфере.

Одно исключение из этого принципа о неучастии семьи в экзекуции своих членов появляется во Втор. 13:6-9. Если член семьи пытается увлечь других ее членов в идолопоклонство, его экзекуция *требует* участия

семьи. Такая личность больше не родственник: он чужой и враг. Более поздний обычай показал значение смертного приговора над вероотступниками в семейном кругу: вероотступник уже не член семьи, а враждебный чужак.

Дойверд описывает физическую структуру семьи как “чувство власти со стороны родителей, с другой стороны чувство уважения со стороны детей.”^[44] Отсутствие или власти, или уважения, ведет к серьезному нарушению семьи как правовой порядок. Семья не только биологическая целость, а и религиозная тоже. Как такой у нее внутренние связи, которые установленные Богом и управляются религией; любовь может отсутствовать, но религиозный авторитет и религиозное уважение должны существовать. Их отсутствие показывает радикальное зло. Никакие дети не имеют права заявлять, что их родители не достойные уважения; любовь это их личная реакция, однако уважение и почтение это их обязанность, распоряженная Богом, и таким образом отсутствие уважения грех против Бога, а не против родителей.

Как результат, хотя родители и дети могут и должны расстаться со своим неисправимым членом, и привести его к властям, они не имеют право экзекутировать его. Бог запрещает такое действие каждому, кроме государства. Подобно этому сын или дочь может ненавидеть родителя, и достигая зрелости отделиться от него до степени, чтобы только выполнять свои определенные богом обязанности, но они не могут отказать родителю уважения и почтения, не навлекая при этом на себя Божие осуждение. Следовательно есть не только рубеж, за которым родители не могут перейти, осуждая своих детей, т.е. им запрещается выполнять смертную казнь, но также есть рубеж, за которым и дети не имеют права перейти: они должны отдавать почтение и уважение, потому что такая распоряженная Богом природа взаимоотношения, а не обязательно по причине личности родителя. Когда это уважение отсутствует, такого потомка надо списать, хотя бы временно, как недостойны внимания. Какими бы ни были их качества, такие дети находятся в войне против Бога по этому пункту, так как почтение, уважение и почитание, это Божие требования, существовавшие далеко до того, как их родители даже еще не думали иметь детей.

Если бы Бог не запретил семье убивать своих виновных членов, даже ценою того, чтобы отпустить Каина свободным, цена этому была бы ужасной. С другой стороны, установление государства как Божий министр правосудия, было бы невозможным. Права государства в таком случае были бы изъяты семьей. С другой стороны, сама семья была бы уничтоженной этим новым грузом. В мире установился бы анархистский порядок, семья против семьи, и семья против себя самой. Так что Бог защищал не Каина, в самом деле он защищал Свой собственный правовой порядок.

6. Брак и моногамия

Один из фактов, которые беспокоят многих людей в связи с библейскими законами, касающих брака, это кажущаяся терпимость к полигамии, наличию больше чем одной жены у одного мужа и тотальная нетерпимость к прелюбодеянию, которое в Ветхом завете ведет к смертному наказанию. Сегодняшний моралист будет терпеть прелюбодеяние, но не и полигамию. Ответ этому конфликту разных точек зрения лежит в анализе библейского права.

Первое, прежде всего совсем ясное намерение Бога при сотворении было, чтобы моногамия являлась стандартом для человека. Первоначальный, совершенный стандарт, показывает сотворение Евы, одной женщиной, для Адама, одного мужчины (Быт. 2:18-24). Ясное, что нормативный брак моногамный.

Второе, полигамия ясно появляется как продукт грехопадения, в мире греха. Первый отмеченный бигамный брак, это брак потомка Каина, Ламеха, у которого были две жены, Ада и Цилла (Быт. 4:23).

Третье, запрещение полигамии подразумевается в Быт. 2:23,24 и постанавливается в одном из чтении Лев. 18:18: “Не бери жены вместе с сестрою ее, чтобы сделать ее соперницею, чтоб открыть наготу ее при ней, при жизни ее.” Версия Бэркли, хотя и читает это в смысле версии короля Джеймса, все-таки отделяет его от законов о кровосмешении Лев. 18:6-17, и читает первую статью как “пока жена твоя еще живет,” которое показывает запрещение бигамии.

Четвертое, I Тим. 3:2 выясняет, что полигамия запрещалась служителям церкви: “Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж...” Монтанисты читают это как запрет *всех* повторных браков, которые они определяют как бигамные; вдовец и вдова таким образом считаются обвязанными первоначальным браком. Нет никаких библейских доказательств для подобной интерпретации.

Пятое, есть хотя бы одно подразумевающееся осуждение полигамии во Втор. 17:17, которое запрещало царю “чтобы не умножал себе жен.” Подобно этому главный священник мог жениться только на одну жену, при этом девицу (Лев. 21:13, 14).

Шестое, ясно указывается Иисусом Христом, что брак это союз одного мужчины и одной женщины, и что это есть значение Быт. 2:24; т.е. *два* или *двое*, которые “одна плоть,” это настоящий брак (Мат. 19:5,6).

Седьмое, Святой Павел говорит о браке моногамными терминами: “каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа” (I Кор. 7:2).

В отрывке за отрывком моногамия *принимается* как распоряженный Богом стандарт. С другой стороны в многих отрывках полигамия признается как приемлемый факт, не только среди негодяев как Ламех (Быт. 4:19) и Исав (Быт. 26:34; 28:9, 36:2), но тоже и среди патриархов и святых. У Иакова были две жены и две содержанки (Быт. 29:15 и т.д.); у Елкана две жены; Гедеон, Давид и Соломон имели многих жен, как и содержанок. Адам, Ной,

Лот, Исаак, Мойсей и многие другие были моногамными. Примеров полигамии в Библии не так уж много, но они бросятся нам в глаза из-за их отличий от наших стандартов и практик.

Закон действительно признавал и регулировал сожителство и полигамию. *Первое*, мужчина не мог просто так использовать содержанку. Она имела право на кормление, одежду и сексуальных отношений без уменьшения; неуспех удовлетворить этих трех условий было основанием для разлуки, без никаких восстановлений приданого или свадебных денег (Исх. 21:10,11). Даже женщину из военной добычи нельзя было лишить от ее прав (Втор. 21:10-14).

Второе, “раба, обрученная мужу” (Лев. 19:20), т.е. девушку, которую предназначали в содержанки, нельзя наказывать смертью за прелюбодеяние; ее и виновного мужчину можно было наказывать только бичеванием. Причина указывается: “то должно наказывать их, но не смертию, потому что она не свободная” (Лев. 19:20). Принцип ясно виден и здесь: кому дано много, от него и ожидать можно много. Но так как содержанка получала ограниченный статус и меньше достоинства, чем в браке, от нее надо было ожидать и меньше лояльности. От нее ожидалось быть верной, но в случае прелюбодеяния ее наказание было меньше, потому что и ее статус был ниже, чем у законной жены. У жены было обеспечение приданым и статус власти; в случае прелюбодеяния ее наказание, как и наказание ее супруга за прелюбодеяние, было смерть.

Третье, становится ясным, что закон терпел полигамию, хотя и устанавливал моногамию как стандарт. Причиной этому терпению был факт, что полигамная семья была все-таки семьей, низшая форма семейной жизни, но терпимой (однако не и полиандрия, потому что она нарушала центральную роль мужчины и его призвание). Следовательно библейский закон защищал семью, и не терпел прелюбодеяние, которое угрожало и уничтожало семью. Гуманистский закон защищает *анархистский индивид*, отрицая прелюбодеяние как преступление, и постепенно жертвует семьей ради индивида.

Таким образом библейский закон терпит полигамию, но стандарт, установленный распоряжением сотворения, и указанный святым Павлом для членов (I Кор. 7:2) и для служителей (I Тим. 3:2) Христова царства, это моногамия.

Говоря это, необходимо добавить, что у древней полигамии часто были другие, чем сексуальные аспекты. Одним из важных аспектов древней полигамии была ее управленческая функция. Богатый мужчина нуждался в доверенных союзниках, чтобы управлять своим имуществом, или правитель нуждался в личностях, которые действовали бы как его агенты в провинции или в городе. Жена обычно была самым надежным союзником при всяких обстоятельствах. Обыкновенно женщина была женой опытного служителя или правителя, часто пожилого, так что сексуальных отношений часто и не было. Время от времени ее посещал ее супруг, чья власть подсиливала ее власть этими визитами. Если она жила в его доме, такой жене доверяли надзор над некоторыми аспектами его бизнеса.

В случае Соломона, большинство из его жен и содержанок представляли чужестранных союзников и были средством установления мира с Израилем и выгодных торговых отношений с ним. Если они были сексуально привлекательными, это усиливало их полезность. Принцессы, посылаемые в двор Соломона, придружались некоторыми благородными придворными дамами, и некоторыми содержанками или рабынями; все посылались на пользу родины-матушки в уме. Их женитьба с Соломоном и их гордость его властью и славой, делали их лояльными к Соломону; их национальный происход очевидно подталкивал их искать дипломатические и торговые преимущества для своих родных стран. Полигамные жены были таким образом обычным ответом нужд гражданской службы.

Формы этой управленческой полигамии все еще существует в различных частях мира, хотя и в упадок.

Другая форма полигамии *экономическая*; она специально преобладает в “примитивных” культурах. У африканских племен например, из-за того, что большинство работы на ферме зависит от жены, вторая жена значит еще одну рабочую руку. И совсем не удивительно, что при экономической полигамии перегруженная жена приветствовала помощь в форме дополнительных жен.

Более редкая форма полигамии существует как средство против бедствий. Такие моменты очень редкие, но как претекст используются часто. Полигамия у мормонов была *религиозной* и *социологической*; женщины были в недостатке, однако твердилось, что полигамия религиозное требование или распоряжение. После Тридцатилетней войны были такие ужасные опустошения, столько многих мужчин убитых, и так много женщин остались без защиты, что Диета на короткое время легализовала полигамию с целью быстрее восстановить семейную жизнь.

В большинстве случаев полигамия, особенно в настоящие времена, по существу сексуальная в своем намерении, и именно этот вид полигамии большинство людей связывает с этим словом. Мечтанная концепция глупых мужчин это о божественной мужской способности использовать множество женщин по своему желанию. Эта идея совсем иллюзорная. Несколько обстоятельств противопоставляются этой мечте. *Первое*, полигамные браки все-таки браки; они предполагают союз двух семей. Жену или содержанку нельзя третировать как угодно, не обижая при этом сватов. При полигамном браке жена стремится быть ближе к своей семье, нежели к своему супругу. Плохое отношение к жене может означать серьезные неприятности со сватами, которые теперь становятся врагами. Совсем немногие мужчины достаточно могучие, чтобы пренебрегать этот фактор. Кроме нескольких монархов, мужчин, способных во всяком поколении пренебрегать семьей женщины, очень мало. У полигамной семьи связи с родной семьей обычно сильные и ревнивые.

Второе, если султану нельзя бояться своих сватов, поскольку он слишком могучий, он все-таки должен бояться своих жен и содержанок, которые могут причинить ему немалый ущерб. Турецкие султаны убили большое

число жен и содержанок. Нам известно, что около 300 женщин были утопленными в нескольких случаях, иногда из-за интриг, однажды для удовольствия во время царствования Ибрагима, который после одной из своих развратных оргий решил отделаться от своего старого гарема и позабавиться, заменяя его.^[45] Однако надо добавить, что даже турецкие султаны, когда не убивали своих жен, действовали с известной опаской от них. Фаворитку султана на ночь проводили тайком, чтобы избежать ревнивых глаз других членов гарема, и особенно официальной фаворитки или султанши. Более того, обычай и соответствующее удовлетворение требовали от султана платить ей деньгами, драгоценностями и одежаниями в зависимости от степени полученного удовольствия.^[46] Когда взаимоотношения между господином и членами гарема были несколько слабенькими, такие подарки были необходимые, чтобы прибавить стимулы к ним. Итак, даже с властью *убивать* своих жен по своей воле, султан все-таки был должен прокрадываться к определенной комнате как прелюбодеец, с целью *жить* со своими женами.

Третье, в каждом обществе, полигамном или моногамном, существуют некоторые обязанности между мужем и женой. Эти обязанности не так строгие при моногамном браке, потому что тогда муж и жена нормально работают вместе для достижения общей цели. При полигамных браках обязанности супруга определяются более точно, чтобы предотвратить оскорбление некоторой из жен. Следующий пример очень показательный:

Среди некоторых племен в Сирийско-арабской пустыне муж должен разделять свое брачное внимание поровну между своими двумя женами. Он должен альтернативно проводить одну ночь с одной и одну с другой. Каждая из них готовит ему через день по порядку и в этот день она имеет право, чтобы супруг провел ночь с ней, без значения сожительствует ли он с ней или нет. Если муж проводит ночь с одной из жен не по порядку, он должен возместить другой за это овцой или козой как цена ее ночи. Иногда женщины заключают сделку и одна из жен покупает у другой ее очередь на ночь.^[47]

Некоторые вещи подразумеваются из этого, которое публикуется редко, однако общеизвестное в полигамных странах. Сексуальные права супруга в полигамном браке официально обширные, но в действительности строго ограниченные; он оплачивает всякую вольность, которую позволит себе. Более того, он сталкивается с ссорящимися женами, которые соперничают за его услуги, однако как женщины объединяются против него. Если у него две жены или больше, он должен наслаждаться стряпанию всех; если ему меньше нравится то, что готовит одна из женщин, она становится бешеной и ревнивой. В то же самое время она будет хвастаться другим женам как он жадно глотал десерт, которым она угостила его в кровати. Подобным образом каждая жена будет хвастаться его сексуальными подвигами с ней. Итак бешенная жена будет укорять усталого мужчину, что он был довольно страстным прошлой ночью с другой; пусть он покажет то же самое с ней этой ночью, вместо того чтобы отдыхать. Следующим утром она объявит другим женщинам, что вовсе не успела выспаться, так бешеной и продолжительной была страсть супруга к ней. В результате у бедного мужчины будут неприятности со следующей женой и наверное будет еще одна тревожная ночь. В полигамном обществе глубоко проникают недоверие и ненависть среди женщин, а полигамные мужчины не славятся как домоседы. Жизнь полигамного мужа привидное могущество, а на самом деле рабство. Можно еще добавить, что так как женщины гарема пользуются свои кроватные права по очереди, часто они мало заботятся о том, чтобы нравились лично своими манерами или внешностью. Супружеские права, угроза иметь неприятности со сватами, престиж из-за рождения сыновей, все это дает женщине позицию могущества. Власть мужа может быть жестокой, как власть турецких султанов уничтожать доказательства в крайней форме. Однако власть женщины в полигамных странах происходит от использовании ее стратегических оружий. Не удивительно, что в полигамных обществах женщин боятся как воплощения зла. Буда сказал что “Женщина – олицетворение зла.” Современное мнение у арабов подобное.^[48]

Таким образом мы можем заключить, *четвертое*, что только при моногамии действительно у мужа есть права, потому что только в моногамном браке есть настоящий союз мужа и жены. Вместо в конкуренции за благосклонность мужа, христианский моногамный брак видит женщину связанной с ее мужем набожной верой и любовью. Есть доверие, наместо соперничества. В таком браке человек получает любовь, служение и лояльность, какие необычайные для полигамных союзов. У него права, незнакомые в других культурах. Не случайное в истории, что женщины в христианских странах более ответственные, более способные к результативному труду, и далеко более привлекательные, чем в других культурах. Христианский моногамный брак это брак в самой настоящей форме, потому что он верный законам сотворения.

Социальное значение библейского стандарта видно из исследования, которое провел Дж. Д. Унвин. Библейский закон ограничивает сексуальные отношения только в браке и утверждает моногамный брак как норму. Следовательно добрачное целомудрие необходимое, и брачная верность тоже. Унвин начал свое исследование, предназначенное опровергнуть идею, что существует некоторая обязательная связь между уровнем цивилизации и сексуальной моральностью. Вместо этого он установил, что если нам известные сексуальные правила и поведение в обществе, мы можем точно “напророчить” (и это его слово) “модель его культурного поведения.” Духовное развитие и культурный прогресс идут рука в руке с развитием строгой моногамии и целомудрия до и после женитьбы. Общество с распушенностью до и после женитьбы находится на мертвом уровне культурно и духовно. Оно прогрессирует по мере того как его сексуальные правила приближаются к строгой моногамии. Достаточно трех поколений, чтобы влияние новой моральности почувствовалось полностью. В результате Унвин убедился, что строгие правила о целомудрии и воздержании не могут быть неестественными, если они ведут к лучшему в природе.^[49] Замечательно, что попытка Унвина установить искусственный или рациональный стандарт для нового общества закончилась интеллектуальным провалом; ничего не может заменить религиозную мотивацию моральных стандартов.^[50]

Замечательно тоже, что те которые идеализируют беспорядочность и распущенность как идеал для человека, могут найти своих стандартов только у совсем “примитивных” или деградировавших культур. Две произведения, которые оказали сильное влияние на модную антихристианскую сексуальную распущенность, это труд Бранислава Малиновского *Сексуальная жизнь дикарей* (1929), и книга, которую написал Борис де Рачевилц *Черный Эрос, Сексуальные обычаи в Африке от праисторических времен до настоящих дней* (1956, на английском 1964). Исследование Малиновского об островитянах Тробиана назвали “фактической библией всех тех, которые поддерживают жизнь в группах свободной любви.”^[51] Комментарий Блека о предполагаемом идеальном обществе тробианев Малиновского очень уместный:

. . . видный антрополог установил недвусмысленно, что “тробиане в третьей декаде нашего века (1920-1930) не знали никаких сексуальных извращений, никаких функциональных психоз, никаких сексуальных убийств: у них нет слова кража; гомосексуальность и мастурбация означали для них только неестественные и несовершенные средства для сексуального удовлетворения, знак о нарушенной способности достигнуть его нормальным путем. Социально принятая форма сексуальной жизни это спонтанная моногамия без принуждения, взаимоотношения, которых можно прервать без затруднений; так что нет никакой беспорядочности.”

Конечно, нет никакой беспорядочности, формально говоря, так как нет никаких законов или социальных табу. Если нет законов против убийства, не будет никаких убийств. Где нет обязанности, и нет никакой ответственности ни с какой стороны, достаточно просто сказать, что нет никаких проблем с изнасилованием, прелюбодеянием, педофилией, нетерпимостью е т.д.^[52]

Подобные оправдания преобладают сегодня. Нас уверяют, что в Дании наблюдается спад сексуальных преступлений после отмены законов против порнографии, но не говорят нам, что большинство извращений уже не рассматриваются как уголовные преступления, так что уменьшение преступности на самом деле упадок применения законов. В таком контексте статистика более чем бесполезная: она нечестная.

7. Кровосмешение

Библейское право запрещает кровосмешение (Лев. 18:7-17; 20:11,12,14,17,20,21; Втор. 22:30; 27:20,22,23) и требует смертную казнь за такое преступление в большинстве случаев.

Законы о кровосмешении можно обобщить вкратце. Сексуальные отношения и/или брак запрещается с матерью, отцом, мачехой, сестрой или братом, полусестрой или полубратом, внучкой, невесткой (или зятем), тетей (или дядей), женой брата, или с матерью и дочерью. Наказание за это смерть, исключая брака с женой дяде, с кровной тетей, или с женой брата, где наказание было нести свое беззаконие и умереть бездетными (Лев. 20:19-21).

Здесь важно понять значение слова “бездетные.” Ясное, что оно не означает, что у них не родятся никаких детей, потому что и тогда, как и теперь, кровосмесительные отношения приводят к рождению детей. Талмуд раскрывает, что рожденному от кровосмешения или прелюбодеяния запрещается нормально жениться в общности.^[53] Такая пара была бездетной тем, что у них не было законного наследника среди их потомков.

Вопрос, который возникает в современном сознании, читая эту точку библейского закона, просто такой: почему было необходимо запрещать таких непривлекательных союзов? Один университетский профессор регулярно осмеивал закон, который по его утверждению он увидел написанным на некотором английском кафедральном соборе: “Не женись на свою бабушку.” Кто, спрашивал он, захочет жениться на свою бабушку? Его незнание истории замечательное. В истории вероятно заключилось больше браков, имея в уме имущество, а не секс. Захват имени вынужденными браками, и предотвращение отчуждений или рассеивания семейных средств и собственности внутренними браками в семье, это старая история. Упадок европейских королевских и благородных семей, как и ослабление мощи американской еврейской аристократии, это процессы, которые шли параллельно с интенсивными браками между близкими родственниками.

Цель полиандрии на Тибете была поддерживать нетронутым наследство земли. Вместо раздробленных наследственных участков земли, все братья разделяли общую жену и задерживали землю нетронутой, подчиняя брак идеалу о стабилизации общества и о ненарушении передачи земли.

Законы о кровосмешении давались через Моисея. До этого времени кровосмешение явно не считалось грешным. Собственный отец Моисея, Амрам, женился на свою юнную тетку, сестру своего отца, Иохаведу (Исх. 6:20). Практика кровосмешения продолжилась в многих областях до более позднего времени. Например в Ассирии существовала проблема из-за продолжающейся практики. Сын, “после смерти отца, оставался на руках у своей матери или мачехи,” а тем временем “отец имел дело с дочерьми и падчерицами.”^[54] Ассирийская практика представляла извращенную сексуальность; Амрам и другие были невинными, так как у них все произошло да законодательства.

В Египте браки между полными братом и сестрой были правилом среди фараонов, и даже во втором веке до нашей эры, такими браками были большинство союзов в некоторых районах Египта. Преобладание и принятие таких браков в Египте делали Моисеев закон совсем радикальным, тем что он рвал с Египетским прошлом.

Очевидно, что дети Адама женились друг на друга; ясное тоже, что браки с родственниками случались в последующей истории. Библия говорит о женитьбе Аврама на Сару, вероятно его полусестру (Быт. 20:12); оба наверное имели общий отец. Другой пример с Амрамом мы уже цитировали.

Писания указывают, что в прошлом браки между близкими родственниками не приводили к серьезным генетическим повреждениям, или таких вообще не было, а сегодня в таких случаях генетические повреждения велики. Генетическое наследство было в то время достаточно обширным, чтобы сделать возможность о слишком большом генетическом напряжении среди близких родственников маловероятной. Генетический потенциал Адама и Евы в Эдеме был всецело хорошим. После грехопадения, которое затронуло тотального человека, дефекты без

сомнения существовали, но были постепенно убывающими, и проявлялись только при продолжающихся кровосмешениях. Артур К. Кустанс обратил внимания на настоящую ситуацию в этом отношении:

С математической точки зрения ситуацию можно изложить таким образом: спаривание среди двоюродных братьев и сестрой (как случай Дарвина например или случай его сестры Каролины) приводит к поколению, имеющему идентичные гены в соотношении 1 к 7. Многие из этих генов будут убывающими мутантами, и поэтому станут вредными для своего носителя, если наследуются идентично. Спаривание дяди с племянницей, или племянника с тетей, повышает это соотношение на 1 к 3. При спаривании между братьями и сестрами соотношение возрастает до 1 к 1, и это часто катастрофическое.^[55]

Эта опасность не существовала в ранние времена. Книга *Бытие* написана с сознанием, что убийство грех, и прелюбодеяние, кража и ложное свидетельство тоже, но ничто не указывает, что брак до определенной степени родства запрещается, или что в нем видится какая-нибудь опасность. В это время такой опасности не было. Позднее кровосмешение уже биологическое преступление, но не менее и религиозное, и смертное наказание за него это Божие распоряжение. Одно из исследований по теме: “Риск для потомков кровосмешения,” опубликованное в *The Lancet* (Лондон), 25 февраля 1967 года (стр. 436), рассказывает о генетической опасности:

Занимающихся медициной часто спрашивают разумно ли усыновить ребенка, рожденного в результате кровосмешения. У таких детей будет повышенный риск быть затронутыми определенными будущими обстоятельствами. С целью установить протяженность этого риска, в 1958 году я попросил организацию Children’s Officers предоставить мне вероятностные данные для беременностей и новорожденных, о которых известно, что они были результатом кровосмешения между родственниками первой степени. Эти дети наблюдались статистически и анонимно через Children’s Officers. Я знал детей только по числам и вся корреспонденция велась только по номерам ребят. В 1958 и 1959 годах мне сообщили 13 случаев кровосмешения (6 отец-дочь и 7 брат-сестра), а последнюю информацию о них я получил в середине 1965 года, когда детям было от 4 года до 6 лет. Я обобщил информацию об этих 13 детей.

Три из них умерли: одно в возрасте 15 месяцев от циклической фиброзы поджелудочной железы, что подтвердилось вскрытием; одно в возрасте двух с половиной месяцев от прогрессивного вырождения мозга со слепотой; и одно в возрасте 7 лет, 11 месяцев от тетралогии Фалота (у этого ребенка был коэффициент интеллигентности IQ 70). Одна девочка сильно ненормальная, с отсутствующей ориентацией и ее сочли безнадежной в возрасте 4 года и 9 месяцев, когда у нее было всего несколько слов в словаре. Четыре считаются ненормальными как неподдающиеся обучению: известные IQ трех из них соответственно 59,65 и 76. Остальные пять детей нормальные.

Риск передать вырожденные гены будет в четыре раза больше у родителей при кровосмешении между родственниками первой степени, чем между двоюродными братьями и сестрами.^[56]

Кустанс извлекает некоторые очень важные заключения из этих и других данных. Сегодня кровосмешение очевидно является генетически вредным в очень большой части случаев. В каждом поколении число поврежденных генов увеличивается, а не убывает. Это значит, что долгая история человечества, предполагаемая эволюционистами, невозможная, из-за того что в таком случае генетические повреждения были бы гораздо большими.

Библейские писания показывают в действительность 77 поколений от Адама до Христа, и если прибавить к этому еще 2000 лет, получится что-то около 100 до 120 поколений за всю историю человечества. Так как накопление дефектных генов имеет значение только в смысле их эффекта на следующие поколения, то никак не кажется невероятным, что первые человеческие существа (именно Адам и Ева), были действительно совершенными, и что повреждения, начавшие появляться после грехопадения, накопились пока мы не достигли настоящую ситуацию, при которой все еще есть *некоторые* возможности об успешном спаривании между братом и сестрой, хотя шансы против этого. В степени, в которой эти мутации происходят в каждом поколении, согласно настоящей генетической теории, нельзя ожидать найти незатронутые сегменты запаса генов, наследованного отдельным индивидом если человеческая раса размножалась в течении тысячу за тысячелетиями поколений. Мы были бы так сильно поврежденными сегодня, что никакой брак между братом и сестрой не имел бы никакой вероятности быть успешным.

С другой стороны, принимая библейскую историю, какой она есть, у сынов и дочерей Адама (Быт. 5:4), из которых Каин был один, а его жена другой, не было бы ни малейшего намека о повреждении генетического запаса и такой брак ничем не угрожал потомкам.

Есть достаточно удивительное прямое доказательство в Святом писании, что эта интерпретация событий совсем правдивая, потому что нам прежде всего представлен список непосредственных потомков около 10 поколений от Адама до Ноя, которые радовались тому, что надо описать как великолепную жизнеспособность. Рассмотрим на минутку что случилось в этом периоде времени. До Потопа человек наверно был защищенным против хотя бы одного источника опасности для генов – космической радиации, через существование какого-то вида барьера в более верхних слоях атмосферы. Многие верят, что этот барьер исчез во время Потопа и действительно можно связывать его с этим событием. Поэтому население до Потопа (и люди, и животные, отметим это) может и потерпело незначительные повреждения своих генов в каждом последующем поколении, пока существовали такие условия окружающей среды.^[57]

Ясное, что история свидетельствует о генетическом вырождении. Все-таки избирательное бракосочетание в христианских странах привело в известной степени к постепенному элиминированию множество дефектов. Среди армян упорядоченные браки преобладали вплоть до Первой мировой войны, и рутинной обязанностью родителей, прежде чем проводить какие бы ни было переговоры, было выяснить генетически семейные данные до седьмого поколения назад. В результате многие генетические дефекты были элиминированными и уже не встречаются среди армян. В каждой христианской стране преобладает некоторая форма стандарта.

Мы можем допустить однако, что даже если Бог ввел генетические проблемы после грехопадения человека, то с постепенным спасением человечества установятся новые условия жизни. Эволюционисты однако могут ожидать только постепенного вырождения, и боясь этого, они стремятся наложить строгий тоталитарный контроль над человеком.

Этот контроль необходим, хотя и невозможен, для гуманистского человека. Он желает улучшение человека, но он по природе закононарушитель. Следовательно он преднамеренно стремится нарушать те самые законы, от которых зависит его выживание.

Обращается внимание на извращенной чувственности ассирийцев. Кровосмешение существовало среди извращенных во всех поколениях, но иногда оно становилось принципным вопросом, чтобы нарушать закон. Во время Ренессанса с его оживленным гуманизмом обычная цель была быть неморальным каким-то элегантным образом. Сеньор Пиер де Бурдель Брантом (1530-1614) умело и ярко рассказывает нам о Франции этой эры. Как отметил Георг Харсдорфер, “Придворный Брантом видит все в истории с точки зрения будучего умения.”^[58] Небрежное отношение Брантона к кровосмешению и его легкое оправдание заслуживают внимание:

Я слушал также говорить о великом господине из чужой земли, у которого была дочь, и она была одной из самых прекрасных женщин мира; на нее хотел жениться другой великий господин, который был совсем

достойным ее, и ее отец отдал ее ему. Но прежде чем разрешить ей выйти из дома, ему захотелось попробовать ее сам, заявляя что он не оставит так легко уйти такую красивую кобылку, которую он так заботливо вырастил, не поездив ее первым, чтобы знать как она будет вести себя в будущем. Я не знаю правда ли это, но я слушал говориться, что это так, и что не только он сделал попытку, но и другой милостивый и галантный джентльмен в придачу. И что потом супруг не нашел ничего горького, а все так сладко как сахар. Трудно поверить, что было бы иначе, потому что она была одной из прекраснейших дам во всем мире.

Я слушал рассказывать подобные истории о многих других отцов, и специально об одном очень большом благороднике, в связи с его дочерями. Для него говорили, что он показывал не больше совести, чем петух из басни Эзопа...

Я оставляю вам самим вообразить, что некоторые девицы могли делать со своими любовниками – потому что никогда еще не было девицы, у которой не было или ей не хотелось завести себе любовника – а что это могли быть братья, кузины или другие родственники, им было все равно.

В наше собственное время Фердинанд, король Неаполя познал в браке свою собственную тетю, дочь короля Кастилии, в возрасте 13 или 14 лет, но это было с разрешением Папы. В один момент возникли затруднения с тем надо ли и можно ли отдавать ее. Здесь он просто следовал примеру Калигулы, римского императора, который развратил и имел сексуальные отношения с каждой из своих сестер, одна за другой. А сверх и вне всего остального, он любил чрезвычайно самую младшую, по имени Друзила, которую он дефлорировал еще будучи пацаном. А позже, когда она была женой некоего Луциуса Касиуса Лонгинуса, мужчины консульского ранга, он взял ее от ее супруга и жил с ней открыто, как будто она была его женой – до такой степени, что когда он случайно заболел, он сделал ее наследницей всего его имущества, включая самую империю. Но случилось так, что она умерла, и это причинило ему такую чрезвычайную боль, что он издал прокламацию закрыть судов и остановить всякую другую деятельность, чтобы принудить народ провести общественный траур вместе с ним. И на некоторое время он носил длинные волосы и небритую бороду ради нее; а когда он ругал сенат, народ или своих солдат, он никогда не клялся иначе, чем именем Друзилы.

Что касается других его сестер, когда он насыщался ими, он принуждал их проституировать и давал их своим главным пажам, которых он воспитал и знал их самые отвратительные страсти. И даже еще он этим не делал никакого оскорбительного зло, поскольку они привыкли к этому и оно было приятное повреждение, как я слышал называть его некоторые девицы, которые были дефлорированными, и некоторые женщины, которые были изнасилованными. Однако сверх и над этим, он причинял им тысячи унижений; он ссылал их, забирал все их перстней и драгоценности, чтобы превратить их в деньги, после того как растратил ту огромную сумму, которую оставил ему Тиберий. Вопреки всему бедные девушки, вернувшись после его смерти из ссылки и увидев тело своего брата похороненным плохо под несколькими комами земли, откопали, сожгли и похоронили его так почетно, как смогли. Очевидно доброе и благородное дело со стороны сестер к такому безмилостному и чудовищному брату!

Один италианец, чтобы извинить незаконную любовь своего сонародника, говорит что... “Когда мессер Барнардо, молодой бык, придет в гнев и в страсть, он не признает никаких законов и не пропускает ни одну женщину.”^[59]

С возникновением романтизма снова оживился и интерес к кровосмешению. Поэт Шелли обратился к ренессансовой истории, чтобы написать рассказ об одной вырожденной семье – очень богатой римской семье Франческо Ченчи. Ченчи совершил кровосмешение со своей дочерью Беатриче, которая вместе со своим братом и мачехой организовала его убийство наемными убийцами 9 сентября 1598 года. Убийцы забили гвоздь в мозг Ченчи. Беатриче совсем не была красивой, и никоим образом моральной – до суда над ней она родила незаконного сына. Шелли однако представил ее чистой и красивой, и перевернул историю частично в атаку против папистов. Свою цель, преследуемую написанием *Ченчи* он изложил в предисловии к произведению: “Самая высшая моральная цель, преследуемая в самом высшем виде драмы, это изучить человеческое сердце, с его симпатиями и антипатиями, с познанием себя; по мере владения этого познания, каждое человеческое существо настолько мудрое, справедливое, искреннее, снисходительное и доброе.”^[60]

Марко Прац обращает внимание на романтический интерес к извращению. То, что для романтиков было только предметом литературного интереса, для экзистенциалистов и релятивистских гуманистов 20-ого века стало вопросом исследования и практики, одним из аспектов сексуальной свободы.^[61] Такую позицию защищают теперь британские социологи.^[62] Известный доктор по медицине писал о “нормальности кровосмешения” и о предполагаемых проблемах, вытекающих из-за “подавления кровосмесительных желаний.” Такие произведения приносят издателям порнографии целые состояния.

Вернемся к замечаниям Блейка; его комментарии касательно аборта показательные:

Много уважаемых врачей серьезно требовали законы о легализации аборта из-за чисто правовых проблем, с которыми сталкиваются их пациенты. Но и сторонники свободной любви тоже защищают новое законодательство просто из-за того, что нежелательная беременность неизбежный результат их безответственного поведения. Девушки иногда становятся беременными от своих собственных братьев или отцов. В такой среде дети от 9 до 15 лет часто оказываются с ребенками, и “интеллектуальные” адвокаты этого способа жизни не предлагают никакого практического решения, кроме немедленного аборта, выполненного дешево и компетентно.^[63]

Сторонники свободной любви начинают предлаганием “жизни” своим последователям, и заканчивают требованием смерти, узаконенного убийства, в форме аборта, как отделявание и бегство от последствий их действий. Это никакой не сюрприз. Смерть в каждой жизни и правовой системе неизбежный факт. Вопрос состоит в том, чья смерть? Гуманисты требуют смерть Божьего правового порядка, смерть нерожденных ребят, и смерть добродетели и набожности, пока закон Божий требует смерть в крайнем случае для зла и для бунтарей против

Божьего правового порядка. В библейской правовой системе умирает виновный, а не невинный. Поэтому и наказание за кровосмешение смерть.

Последнее замечание: в последние годы вопрос о кровосмешении привлекает все меньшее внимание. Есть много доказательств об его опасности. Причиной упадка европейских монархий частично является упадок самых королевских семей из-за чрезмерных браков между близкими родственниками. Хорошо известны серьезные физические и психические дефекты, появившиеся среди королевских семей, которые по началу славилась физической энергией и умственными способностями. Различные монархии заключали браки не интересуясь наследованием качествами, а только “королевской кровью” и выгодными политическими союзами, поэтому и генетические соображения жертвовались за счет политических целей.

Осознание необходимости в улучшении человеческого генного запаса привело некоторых к тому, чтобы защищать массовых внешних браков как средство для генетического прогресса. В результате предлагаются междурасовые браки, чаще устно, чем письменно. Однако новые наследственные черты не могут добавить ничего к кровной линии, кроме того, что у нее уже есть. Внешние браки с низшим генетическим запасом могут прибавить только еще больше проблем к уже существующим.

8. Левират

Мейс отметил касательно “настоящей причины древнееврейской полигамии,” что “Не может быть никакого сомнения, что это было желание иметь наследника.”^[64] Это верно, если мы поймем, что желание иметь наследника было чем-то намного больше, чем простая любовь к сыну. Семья была основной для библейского общества и культуры; набожную семью надо было увековечить, а порочную вырезать. Внебрачный исключался из церкви и из государства, поскольку это касалось некоторого правового статуса, до десятого поколения (Втор. 23:2). Он мог бы быть набожным человеком, но не мог быть гражданином. В каноническом праве церковь запрещала внебрачным доступ в церковные ордена, хотя исключения допускались с разрешением папы. Цель древнееврейской полигамии, чтобы быть точными это обычно была бигамия, была следовательно увековечение семьи. Более того, учитывая фактическое положение, Мейс указывает, что “мы обязанные рассматривать общество как бывшее в общем почти всецело моногамным.”^[65]

Семья была основной общественной и религиозной единицей и поэтому законом о кровосмешении ей запрещалось замыкаться в себе и изолироваться от своего общества; для этой цели закон не только запрещал кровное родство между супругами, но родство по закону, т.е. жениться на жене отца, жену сына, жену брата и т. п. Такие браки классифицировались как кровосмешение религиозно, хотя генетического кровосмешения и не было, если не считаться с некоторыми научными свидетельствами, что у женщин в браке могут наступить известные физические изменения. Библия ясно утверждает, что сексуальные отношения действительно устанавливают глубокую физическую связь между двумя личностями, так что согласно святому Павлу даже случайный сексуальный контакт с проституткой устанавливает союз (I Кор. 6:16). В результате связь с родственниками по закону и есть кровосмешение. Сексуальная связь делает из двух “одну плоть” (Быт. 1:24). Они могут и не быть “одним духом,” но они “одна плоть.” (Более старая версия Обычайного молитвенника содержала список запрещенных брачных связей под названием “Таблица кровного и некровного родства”; эту таблицу составил Ушер).

Признание, что сексуальный союз действительно в каком-то глубоком и пока еще непонятном смысле устанавливает связь, или передает что-то физически между двумя сторонами, обычное для множество культур. Суеверные применения этого верования изобилуют, как свидетельствует Тантра Йога и взаимоотношения *donnoi* у трубадуров, катаров и других подобных групп в Средние века. Самое обыкновенное, старые мужчины спали с девицами, без сексуальной консумации, веря что это принесет им омоложение. Эта практика широко использовалась в Париже 18-ого века, а ее регулярно применял и Махатма Ганди.^[66] Доктора, которые обслуживали царя Давида может быть вдохновлялись подобными идеями, используя Ависагу (III Цар. 1:1-4); однако в этом случае наверное целью докторов была консумация.

В более близкое время замечательным примером о таком мышлении был художник Пабло Пикасо, которому не только давали молодых женщин, но еще и воровал различные части одежды у своего молодого сына, с надеждой “что часть из юности Клода войдет в его тело.”^[67]

Все это явные абсурды, но они в самом деле свидетельствуют о признании факта, что физическая связь действительно передает что-нибудь. Библейский запрет на брак и/или сексуальные отношения между некровными родственниками основывается на этом факте.

Способность кожи абсорбировать или влияться касанием и контактом недостаточно оценивается, за исключением случаев, когда речь идет об ядах. В частности вагина это самый лучший абсорбент, как показывают некоторые случаи грубых сексуальных актов. Когда проникновение в вагину резкое и насильственное, воздух переходит в кровеносные сосуды и может причинить смерть женщины от эмболии. Сообщалось о подобных ректальных случаях среди гомосексуалистов, обычно тоже доводившие до смерти.^[68]

Согласно Святому писанию сексуальный союз делает из двух “одна плоть” и поэтому брак с вдовой брата запрещался как кровосмешение, с единственным исключением.

Единственное позволенное исключение это закон о левирате (Втор. 25:5-10). Согласно этому закону если мужчина умрет бездетным, следующий из его родственников должен взять вдову в жены и создать семью, принимая имя умершего. Этот закон старше, чем Моисей и применялся в доме Иуды (Быт. 38:8). В книге Руфь мы

имеем более поздний пример закона о левирате. Левират был обычным тоже и для других народов древности. Одна из книг Талмуда, *Иебамот*, посвящается этому вопросу.

Иосиф Флавий дает нам свой отзыв о значении закона о левирате:

... потому что эта процедура послужит на благо общества, так как таким образом семья не пропадет, а имущество останется среди родственников; и это будет утешение для вдов в их несчастье, что они будут должны выйти за следующего родственника своих покойных супругов.^[69]

Таким образом защита и увековечивание семьи является основным намерением левирата для Иосифа Флавия. Это между прочим ясно выражается в самом законе: “чтобы имя его не изгладилось в Израиле” (Втор. 25:6). Согласно Лютеру:

Закон, что мужчина должен жениться на жену своего покойного брата и восстановить семья его, установлен из-за очень хороших соображений. Первое, как утверждает текст, дома не должны умирать, а должны умножаться; это касается поощрения и расширения общности. Второе, этим способом Бог обеспечивает вдовам и страдающему полу опоры и поддержку им; потому что женщина, сама собой слабый и жалкий сосуд, становится еще более таким, когда она вдова, так как она одновременно покинутая и презренная. Однако Он проводит это милосердие средствами чрезвычайной немилости. Если мужчина откажет, его надо назвать “разутым” и люди должны плевать на нем: “Тьфу, какой стыд!” Он заслуживает презрения всех. Они должны плевать на землю, и говорить “Вот какой стыд идет!”, потому что он не помогает развитию и увеличению общности, в который он пребывает, и законами которой он пользуется. Его разутая нога должна быть знаком стыда и основанием для бесконечных обвинений. Он заслуживает ходить без сапога, т.е. без дома и зависящих от него, которое обозначается через обувь на ноге; потому что через этот единственный поступок он делает себя “разутым” от своей обязанности поддерживать дом своего брата. Такой знак полагается за поступок, которым он согрешает.^[70]

Комментарии Калвина тоже интересные, особенно из-за того, что он видит отказ от левирата как ограбление покойного мужчину:

У этого закона есть что-то общее с другим, который позволяет помолвленному мужчине вернуть жену, который он уже не взял; потому что цель обоих это сохранить для каждого мужчины то что он владеет, так что он не должен был отдавать его внешним, а мог бы иметь наследников, порожденных от его собственного тела: ибо когда сын наследит отца, которого он представляет, тогда кажется что едва ли что-нибудь изменилось. Отсюда явствует тоже как очень угодно Богу то, чтоб никто не лишился своего имущества, потому что он дает возможность даже покойникам сохранить для своего потомства то, что они не отступили бы другим без сожаления и досады. Если следовательно его родственник не устранил бездетность покойного мужчины, этот нечеловеческий поступок надо считать ограблением. Потому что, так как бездетность есть проклятие Божие, в таких условиях было бы утешением надеяться на приемного потомка, на то что имя всецело не потухнет.^[71]

Калвин сомневался, что слово “брат” здесь означает буквально это, так как появляется противоречие закону о кровосмешении. Однако закон очевидно имеет ввиду “брата” или следующего родственника, если нет брата; случай с сыновьями Иуди подтверждает это, а также и текст цитированного садукееми случая с семьей бездетными братьями (Мат. 22:23-33), при котором законность их браков по левирате с одной и той же женщиной принимается всеми.

В известной степени Лютер и Калвин не считали левират устарелой правовой реликвией. Он существовал в веках. В Шотландии левират практиковался совсем обычно до одиннадцатого века.^[72] Он еще существует среди христианских эфиопов, с дополнительным условием, что если мужчина потеряет свою мужественность на войне и поэтому не может породить детей, то левират применяется.^[73] Это свидетельствует об его практиковании в Европе и в Африке, а богатые еврейские семьи в Нью Йорке поддерживали эту практику хотя бы до недавнего времени. Бирмингэм сообщает, что “Клан Селигман тоже следует еврейскую практику давать вдов в семье следующему неженатому сыну.”^[74]

Чтобы понять значение левирата, надо рассмотреть заново библейскую доктрину о браке, и при этом с такой точки зрения, которая бросит свет на левират.

Первое, прежде всего брак является основным для Божьего царства, для Божьего творческого намерения касательно человека и земли. Человек должен привести землю под владычеством Бога, он должен покорить землю и властвовать над ней под Богом. Еврейская брачная служба датированная хотя бы к первому веку до нашей эры, включает семь благословений, которые охватывают историю Израиля, припоминают Божие сотворение и Его мандат, мессианскую надежду Израиля и цель божественного порядка. Четвертое и седьмое из этих благословений гласят:

Благословен Ты, о Господи, Боже наш, Царь вселенной, который сотворил человека по Твоему образу, по Твоему подобию, и вселил в нем, вне его самого, вечную душу. Благословен Ты, о Господи, Создатель человека.

Благословен Ты, о Господи, Боже наш, Царь вселенной, который создал радость и веселье, жениха и невесту, ликование и восторг, удовольствие и наслаждение, любовь, братство, мир и дружбу. Скоро может быть услышат в городах Иуды и на улицах Иерусалима глас радости и веселья, глас жениха и глас невесты, ликующий глас молодоженов из их балдахина, и праздничную песню молодых. Благословен Ты, о Господи, который сделал так, чтоб жених радовался с невестой.^[75]

До и после грехопадения, брак остается основным для Божьего царства.

Второе, из-за того, что семья это основная Божья институция, собственность тесно связывается с семьей. *Кетуба*, датированный к первому веку до нашей эры, относится совсем специально к улаживанию брачных условий до принятия брачной присяги, которая гласила: “Будь моей женой по Закону Мойсея и Израиля. Я буду работать для тебя, буду чтить тебя; я буду подкреплять и поддерживать тебя, в согласии с обычаям еврейских супругов, которые работают для своих жен, и чтят, подкрепляют и поддерживают их.” После уточнения размера приданого как ее главную претензию на его состоянии, жених клялся: “Все мое имущество, вплоть до мантии на моих плечах, я закладываю чтобы гарантировать этот договор и эту сумму.”^[76] Такой документ необходимо было составить до консумации брака:

Мудрые соответственно запрещали брачные отношения, пока не составили *кетуба*. Далее, они заявляли, что запрещается мужу и жене жить вместе ни на минутку без *кетуба*; и если *кетуба* потеряли, они были должны отказаться от брачных отношений, пока не составят другой *кетуба*.^[77]

Эти правила полностью соответствовали библейскому праву. Человек грешный, и по всем пунктам его надо ограничивать законом. Если мужчина готов быть под законом в своих отношениях с другими людьми, он

должен был быть специально готов поставить отношения со своей женой под законом. Такое правовое взаимоотношение уже существует в брачном договоре. Любовь недостаточна, чтобы вступить в брак: необходим договор, со стороны всех заинтересованных, как доказательство о любви. Если человек, как грешник, часто способен воспользоваться теми, которые доверяют ему больше всех, то поставить эти взаимоотношения под законом, есть доказательство о любви и хорошей доверенности, а не о недоверии. Это признание действительности.

Современные законы о банкротстве, не смотря на все злоупотребления, отражают не только субботные освобождение от долгов, но и предохраняет жену и всю семью дома от претензий кредиторов. В библейском праве жена первый кредитор.

Третье, как мы уже видели, неисправимых молодых преступников надо было экзекутировать (Втор. 21:18-21), а также и всех рецидивистов. Такие личности таким образом стирались из общности. Когда и если этот закон соблюдался, порочным семьям, которых объявляли вне закона, отказывалось место в нации. Следовательно закон элиминировал всех, кроме набожных семей.

Четвертое, как мы отметили, внебрачных нельзя было признать законными, ни потомок брака с определенной степени родства можно было признать наследником. Закон ни в какие времена не вознаграждает грех, поэтому еврейский закон о разводе применял это последовательно и логично:

Может быть самая характерная черта еврейского закона о разводе, это его абсолютное запрещение прелюбодеею женится на свою любовницу. Даже в случаях, когда такой брак, под давлением настоящих обстоятельств, уже состоялся, его надо расторгнуть.^[78]

Гражданские права имели только благочестивые семьи, поэтому и общество управлялось только мужчинами из таких семей.

Библия показывает нам одно исключение из еврейского закона, запрещающего брак между согрешившими партнерами в прелюбодеей, но в этом исключении Сам Бог наказал пару, даже хотя Он разрешил и благословил союз. Это случай Давида с Вирсавией (II Цар. 11,12), от которых родился Соломон (Мат. 1:6), как и Нафан (Лук. 3:31), оба предки Иисуса Христа.

Пятое, это следовательно бросает свет и на левират. Намерение закона это подавлять, контролировать и/или элиминировать порочных, и тем временем укреплять, поддерживать и поощрять набожных семей. Он имеет ввиду общество, в которой наследство дается набожному, и каждое набожное поколение передает следующему достойное наследство имущества. Поэтому основным для закона является создание и увековечивание благочестивых семей. Иосиф Флавий цитирует три цели левирата: 1) продолжение набожной семьи, 2) сохранение имущества, и 3) благополучие вдов. Все три видятся ясно. Вдове дается дополнительная уверенность в виде возможного ребенка как ее наследник и опора на старости. Левират является тоже лучшим ответом проблемам, которых никакой человек не может разрешить иначе. Его общее неиспользование сегодня результат того, что законы гуманизма по существу враждебные семье и ее благополучия. Когда семья восстановится опять на ее библейское место, левират полностью займет свое место в рамке закона.

Шестое, усыновление связанных с этим факт, и его место в законе есть в смысле левирата, как альтернативу. Библейское использование слова *усыновление* теологическое, имеющее ввиду наше принятие во Христе как сыны Бога. Библейское использование отражает факт из семейной жизни. Усыновление в древности нормально различалось от современной практики тем что обыкновенно зрелые мужчины усыновлялись как наследники, мужчины, чья вера и чей характер хвалили их. Аврам принял зрелого и заслуживающего доверия Елиезера из Дамаска как свой наследник и распорядитель в доме (Быт. 15:2,3). Итак, из-за того что вера и характер были основными для наследования, нужна была зрелость с целью доказать этих фактов.

9. Секс и преступление

Совсем обычное мнение не только связывает секс с первоначальным грехом, но и очень логично связывает секс с преступлением. Если секс источник грехопадения, то логично секс является причиной преступления. Это мнение атеисты достают из библии, хотя и без всяких законных оснований. На самом деле происхождение этого верования языческое, а не библейское. Много языческих мифов показывают веру в сексуальном происхождении греха. Миф Плафона о первоначальном мужерождающем человеке знакомый пример.

Сексуальное происхождение преступности широко принимается у неотрейдистов, как и многими другими. Бывший начальник тюрьмы Сан Куентин, Клинтон Дэфи написал изложение этой идеи, озаглавленное *Секс и преступление*, в котором он поддерживает, что:

Секс есть причина почти всех преступлений, доминирующая сила, которая направляет почти всех преступников. После тридцати пяти лет исправительного опыта как начальник Сан Куентинской тюрьмы, член Калифорнийского Adult Authority, и исполнительный директор Совета по алкоголизму города Сан Франциско, я убежден, что редко можно найти преступление, которое нельзя связать каким-то образом с сексуальной неадекватности...

Преступникам досаждают, приводят их в замешательстве и расстраивают их сексуальные напряжения, сомнения, фантазии, беспокойства и голод. По моему мнению 90 процентов из людей в наших национальных тюрьмах находятся там из-за того, что не могли справиться со своей проблемой.^[79]

Секс будет существовать, пока существует жизнь, а преступление – пока есть цивилизация. Мы не можем уничтожить секс, так что мы не можем уничтожить и преступление. Пока мы принимаем взаимоотношения между двумя, мы не можем иметь никакой действительный прогресс в нашей вечной битве против сил зла. Мы должны понять, что большинство преступлений результат секса и их надо третируют как сексуальные проблемы.^[80]

Если это правда, логика требует радикальное изменение сексуальных стандартов и поведения с целью устранить причины преступности. В соответствии с этим адвокаты свободной любви требуют отменения

сексуальных ограничений как необходимый шаг к свободному и гуманистическому обществу. Сексуальные анархисты на самом деле сексуальные утописты. Следы этого мнения появляются у Дэфи, который предлагает обеспечить сексуальных партнеров для заключенных. В штате Миссисипи разрешают заключенным “брачные визиты” со стороны их жен; Мексика не ограничивает посещения к женам.^[81]

Собственный доклад Дэфи дает доказательства о несексуальной природе преступности. У этнических групп наблюдаются совсем различные модели: например ориентальцы, с их строгой семейной культурой, “редко впадают в неприятности,” меньше всего японцы. Скандинавов мало в тюрьме. Евреи нормально уважают закон; их неприятности с законом обыкновенно связанные с деньгами; согласно Дэфи: “Большинство еврейских обитателей тюрьмы это плуты, мошенники, фальшификаторы чеков или фальшивомонетчики.” Раньше ирландцы иногда попадали в затруднения из-за пьянства и побоев. Немцы редко создают неприятности и это обычно из-за агрессивности. Неприятности случаются италианцам когда усиливается гангстерская деятельность. Когда французы попадают в тюрьму, это “главно из-за сексуальных преступлений.” Мексиканцы часто замешиваются в преступления с насилием и с наркотиками, однако “Как будто мало мексиканцев свыше 40 лет имеют затруднения.” У населения тюрем процент негров очень высокий. На Юге “больше половины обитателей штатских тюрем негры, и это верно тоже для некоторых тюрем Севера.”^[82] Дэфи верит, что предрасудки против негров оказали влияние для некоторых из них, хотя он и признает, что эти заключенные негры виновные люди. Вполне вероятно, что некоторые виновные негры сталкиваются с повышенной строгости из-за своей расы, однако верно тоже, что к многим относятся снисходительно и извиняют их опять из-за их расы. Южная модель уже несколько десятилетий была строгой за некоторые преступления (например изнасилование) и снисходительной за многие другие (такие как мелкие кражи, насилие среди негров, пьянство и т.п.).

Расовая связь с преступлением совсем действительная, но и она далеко от ответа. Нельзя сказать, что раса ведет к преступлению, как нельзя сказать что секс причина преступлений. С того времени, когда Дэфи был начальником тюрьмы, до сих пор, размер преступной деятельности среди белой молодежи увеличился очень быстро. Их раса очевидно не дала им никакой иммунитет против преступности. Причину надо искать в другом месте.

Святой Павел устанавливает причину полностью. Человек, который не рожденный заново, человек который в войне против Бога, он враждебный Богу и ненавидит Его; такие люди “закону Божию не подчиняются, да и не могут” (Рим. 8:7). Таких людей преследует проклятие за религиозное беззаконие (Рим. 1:18-32). Они подавляют правду по причине своей неправды и кланяются тварям, а не Творцу.

Это тот аспект человека, который гуманисты отказывают признать. Они полагают, что человеческая преступность исцелится через элиминирование государства, собственности, религии и законов. Однако безбожники по природе нарушители закона, и вы можете снижать стандарты сколько они не пожелали, они все равно будут нарушать закон. Они живут, чтобы нарушать закон. В результате, чем больше революционное поколение нарушает закон, тем более насильственным оно становится, потому что насилие над постепенно слабеющими стандартами требует более скандальные действия.

Ницше правильно считал, что неверие в Бога и отсутствие моральности создадут мир насильственных людей. Некоторые гуманисты утверждают, что если у людей только эта жизнь и этот мир, они будут ценить жизнь и жить в мире. Однако то, что Бог и бессмертие придают этой жизни смысл и цель, вера обуздывает людей, пока неверие снижает цену жизни и ведет к большему насилию и убийству. Когда человек становится своим собственным богом, то появляется предмет веры и спешка жить, чтобы утвердить свою претензию через нарушение всех законов, которые ему не нравятся. Сущность жизни тогда становится быть необязанным, освобожденным от оков закона и ответственности. Это ведет к радикальной извращенности, за которую однажды друг графа дю Грамона бранил его: “Не правда ли, что сразу как женщина понравится Вам, Ваша первая забота установить есть ли у нее другой любовник, а вторая - как испортить ее жизнь, потому что заслужить ее любовь, это последнее в Ваших мыслях. Вы редко впускаетесь в интриги, кроме чтобы разрушить счастье других; дама, у которой нет никаких любовников, для Вас никак не очаровательная.”^[83] В 18-ом веке основную цель любовных афер можно описать как “желание соблазнить и оставить, просто как злонамеренный спорт.” “Короной его победы” было для соблазнителя совершить свое дело “без малейшего эмоционального участия, так что когда женщина, покоренная и подчиненная, просила наконец ‘Скажи мне хотя бы, что ты меня любишь!’ он мог бы изобразить пренебрежительную улыбку и отказать.” В результате этого Ларошфуко комментировал, что “Если о любви надо судить через большинство ее воздействий, она похожа больше на ненависть, чем на приятельство.”^[84] Такая “любовь” действительно была ненавистью, и она начиналась с ненависти к Богу. Так как цель человека, когда он претендует быть Богом, это самоутверждение, зависимость от любви отвергается. Эпоха рационализма тоже свела правовой статус женщины к статусу рабыни как часть этой “любви.” Сводя женщину к беспомощной роли, эти мужчины могли тогда быть романтичными к этим марионеткам, которых они могли так легко уничтожить. Кийтс ворчал относительно этой “Новой женщины”:

Боже! она подобна молочному-белому ягненку

Который блеет о мужской защите.^[85]

Не удивительно, что эта “враждебность” является основным аспектом не только для соблазнительных детей, но и для этих “Лолит,” малолетних девушек, которые приветствуют такой прогресс.^[86]

Но у каждой враждебности есть как ее двойник новая область симпатии. Те, кто враждебные к Богу и Его закону, будут симпатизировать преступникам и приятельски относиться к ним. Они чувствуют общую связь,

объединяющей их в ненависти к закону. Один из европейских адвокатов, чья точка зрения определенно не христианская отметил:

Детерминизм в уголовном праве представляет в высшей степени апологию. Мы должны поставить следующий вопрос: апология для чего? Тот кто извиняет преступника, защищает себя. “Мадам Бовари, это я,” говорил Флобер. В то время, когда сильные влияния ломают новое основание, извинять преступника может привести к сильному чувству вины. Общество делает усилия уменьшить это чувство вины, извиняя и себя, и преступника, с которым оно идентифицируется. Ницше ссылался на волну сожаления, которая во второй половине 19-ого века залила всю Европу от Парижа до Санкт Петербурга.^[87]

Симпатия к преступнику означает враждебность к Богу и Его народу. Как Райвальд отметил дальше в другом контексте, “Там где есть некоторая форма социальной жизни, должно быть и наказание.”^[88] В гуманистском обществе наказание все более направляется против невинного и соблюдающего закон. То ли в отношении налогов, дискриминационного законодательства, или открытого насилия, Божий народ становится объектом нарастающего угнетения. Словами Ювенала: “Глубины бесправия не достигаются одним шагом.” Бронковский отмечает в связи с языческими праздниками: “Этот бунт против власти находится в сердцевине сатурналий повсюду.”^[89]

Ренесанс развязал большой поток насилия своей враждебностью к набожным законам. Ло Дука писал:

Свобода в искусстве (понятие о красоте само собой беспокоящее, искусства всегда были ударными отрядами настоящей революции), свобода в науке (это уже более опасно, потому что дает силу тоже и тем, кто обожают прошлого), свобода в языке и в нравах, все это часть одного капитального динамичного фактора: индивидуализма. Через индивидуализм свобода стремится достигнуть до абсолюта, что выводит ее вне концепции о добром и злом, к подлинной анархии. Гениальность Ренесанса часто маскирует глубокую и функциональную анархию, которая не была разрушительной, потому что гордость доминировала над ней и держала ее под контролем. Сама гордость позволяла эту расточительную анархию, которая находила свою моральность в искусстве. Совершенный пример о ренесансовом человеке это кондотьер. Такой кондотьер как Сигизмундо Малестеста это весь Ренесанс, суммированный в одном человеке. Его индивидуализм равняется индивидуализму Бартоломея Колония или тому Галеацо Мария-Сфорца. “Анархия” этих солдат фортуны основывается на отвергании всех законов – человеческих или божественных.

Другой известный кондотьер, Вернер фон Юслинген носил гравированную на его нагруднике надпись: *Враг Бога, сострадания и милости*. Люди такого калибра, способные на такую жестоку ненависть, ясно обозначают мир, возникший из пепла Средневековья.

У насилия Средневековья никогда не отсутствовали маниакальность и жестокость, и все-таки оно искало оправдание в религиозных претекстах. Насилие Ренесанса ни на мгновение не стремилось оправдать себя. Чувство вины исчезло, поглощенное этой безнадежной “жаждой власти,” которая получит свое название спустя четыре века.

Тем не менее эти кондотьеры ввели в свое общество внешний элемент, который опустошил континент: солдаты фортуны – наемник или *ландскнехт* – рыцари грабежа и изнасилования. Их пример, как и безнаказанность их преступлений (война всегда была обычным претекстом для развязывания самых низких инстинктов под прикритии естественной “слабости” героев), оказали сильное влияние на их современников.^[90]

Автор, который дает нам это обобщение, находит тоже привлекательными для себя древние и греческие пороки, и говорит о “факте,” что “древние очаровывают нас с хорошо известным познанием о первых сериях анального проникновения, как у мужчин, так и у женщин.”^[91] Люди и общества, бунтующиеся против Божьей власти, находят общее основание для своей враждебности к закону и к моральному порядку. Поэтому современный человек чувствует себя приемником древних греков и героев Ренесанса, но он определенно не чувствует себя приемником Средневековья и Реформации.

Ло Дука сравнивает кондотьер Ренесанса с современным человеком, каким его представил де Сад:

То что кондотьер привнес в дух Ренесанса, де Сад привнес в современную эру... Сад не только положил аксому, что жизнь это ничто, кроме поиски удовольствий, и даже *одного удовольствия*, но он еще ввел принцип, что удовольствие связанное со страданием, иначе говоря попытка разрушить жизнь: “... тело... ничего больше, чем инструмент для причинения боли.”^[92]

Там где нет никакого подчинения Божьему закону, это приводит к увеличиванию сопротивления, неповиновения и насилия. Причина преступности не секс: это грех, открытое неповиновение человека Божьей суверенной власти, и попытка человека быть своим собственным Богом. Попытка людей найти причину преступности в сексе, это часть их попытки свергнуть Божьего правового порядка через новое распоряжение сексуальных отношений. Пророческое не только для Сада, но и для всех тех, которые отрицают закон Божий, заключение одно и то же: “А согрешающий против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть” (Прит. 8:36).

10. Секс и религия

Связывание секса с религией обычное явление и больше чем несколько авторов пытались свести все религии к фаллическому богослужению. Частую и близкую связь секса и религии можно допустить; культы плодородия находятся в каждой части мира, прошлой и настоящей. Эта взаимосвязь действительно объявляется в Святом писании как атрибут ложных религий. Святой Павел говорит о неродившихся заново людях:

Называя себя мудрыми, обезумели И славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, - То и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела; Они заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари, вместо Творца, Который благословен во веки, аминь (Рим. 1:22-25).

Об этом тексте Мурей отмечает: “религиозное вырождение наказывается выпаданием в неморальность; грех в религиозной сфере наказывается грехом в моральной сфере.” Это не только “естественный закон о последствиях, действующий при согрешении,” это скорее действие Божие:

Есть положительное значение отступления тому, которое всецело чужое и враждебное откровенному доброму желанию Бога. Божие недовольство выражается тем, что Он оставляет таких личностей под воздействием еще более интенсивного и утежненного порождения похоти в их сердцах, в результате чего они пожинают себе соответственно большую оплату возмездительной мести.^[93]

Взаимосвязь секса и религии следовательно реальная: это один из аспектов бунта человека против Бога. Когда человек обращается к боготворению себя, он кончает с боготворением своего сексуального порока.

Отказывая признать власть Бога как Господь и Создатель, он боготворит свои собственные генитальные способности.

Интересный пример об этом цитирует Герберт Осбэри в своем повествовании *Варварское побережье*. После землетрясения на полуострове Сан Франциско 18-ого апреля 1906-ого года, реакция бесчисленных мужчин была искать утешение в сексе. В находящемся рядом Оукленде, тоже плохо сотрясенный, шеф полиции Уолтэр Дж. Петерсон рассказывал о публичных домах: “В течении всего деноношия мужчины выстраивались в очереди перед домам, как у кассы театра к популярному представлению.”^[94] Когда возраст приближается к смерти, сексуальная деятельность человека становится все более извращенной, потому что его религиозный голод увеличивается, а секс заменяет ему бога.

Но это не все: человек в то же самое время начинает оправдывать свою религиозную и моральную испорченность:

Современный взгляд на оргию должен быть отвергнутым любой ценой. Он принимает, что у участвующих вовсе нет чувства скромности, или оно очень небольшое. Этот поверхностный взгляд считает, что у людей древних цивилизаций было что-то от животных в их природе. В некоторых отношениях это верно, что эти люди действительно часто выглядели ближе к животным, чем мы, и твердится, что некоторые из них разделяли эти чувства родственности. Однако наши суждения связываются с идеей, что наши особые образы жизни лучше всего показывают различие между человеком и животными. Ранние люди не отличали себя от животных тем же путем, но даже если они видели животных как братья, реакции, на которых основывалась их человечность, были не менее суровыми, чем у медведей. ...Вот почему когда мы дискутируем об оргии самым общим образом, у нас нет оснований видеть ее как оставленную практику, а наоборот, мы должны рассматривать ее как момент повышенного напряжения, беспорядочное без сомнения, однако тем временем момент религиозной лихорадки. В перевернутом вверх тормашками мире праздничных дней, оргия случается в момент, когда правда об этом мире раскрывает свою сокрушающую силу. Вакхическое насилие является мерой зарождающегося эротизма, чья область поначалу это область религии.

Однако правда об оргии пришла к нам через христианский мир, в котором стандарты были низвергнуты еще раз. Примитивное религиозное чувство извлекло из табу дух нарушения запрет. Христианское религиозное чувство повсюду противопоставлялось духу нарушения запрет. Тенденция, которая дает возможность религиозному развитию продолжаться в христианстве, связанная с этими взаимно противоречивыми точками зрения.

Очень существенно решить какие воздействия имеет это противоречие. Если христианство покажет свою спину фундаментальному движению, которое обеспечило восход духа нарушения запрет, по моему мнению оно потеряет свой религиозный характер всецело.^[95]

Под *оргией* Батай конечно имеет ввиду религиозные праздники древности, которые напоминают о религиозной практике хаотичных действий: прелюбодеяние, гомосексуализм, кровосмешение, скотоложство, грабеж, пожары, убийства и общее опустошение. Батай описывает такой религиозный дух нарушения запрет как следует:

Однако самая постоянная характеристика импульса, которого я назвал наущением запрет, это создавать порядок из того, которое по существу хаос. Через введение трансцендентности в организованном мире, нарушение запрет становится принципом организованного беспорядка.^[96]

Для этих культов хаоса каждое действие человека было святым и священным, так как человек был в единстве с божественности существования. Однако христианство, считает Батай, уничтожило священность человека и мира: “Оно свело священное и божественное к отдельному и личному Богу, Создателю.”^[97]

В результате этого существует движение чтобы восстановить “любовь” на ее “собственное” место в человеческой жизни, т.е. место “свободного” выражения. Твердится что “Любовь раскрывает неограниченные возможности.”^[98] Доктор Чарлз Френсис Потер говорит, что “жизнь настоящее чудо: сама жизнь божественная.”^[99] Это значит что жизнь, и сексуальность жизни, стоит вне закона, потому что сама божественная. Поэтому секс боготворится: Голдберг называет его “священным огнем.” О боготворении секса он пишет:

И еще, боготворение секса принесло человеку даже больше, чем этого. Оно было освободителем его заключенной души. Оно обеспечило выход этим сексуальным страстям, которые раса знала в своей молодости, но который позже привидно удалили из сердца и сознания. Память о них может и затаилась, потому что ее не полностью стерли с земли. Во всяком случае, желание было налицо, тлеющее под кучей угнетения.

Когда-то мужчина был сексуально свободным агентом. Он мог спариваться с каждой самкой на его пути. Теперь он в кандалах. Боготворение секса пришло, чтобы разорвать оковы и в очень короткие сроки вернуть человеку его свободу. То что вообще запрещалось, уже не только было разрешенным, но и стало обязанностью в храме богов.

Когда в храме человек был свободным делать то, что ему нравилось сексуально, он наслаждался делать его со всей возможной свободой.^[100]

В результате мы видим преднамеренную религиозную атаку против библейского морального права. *Первое*, требуется моральный релятивизм; нам говорят, что каждого надо судить по условиям его собственных стандартов. Согласно Даниелсону:

Обвинять полинезийцев, что они неморальные согласно нашему христианскому западному стандарту, это конечно неразумно, как было бы для них осуждать нас, потому что мы не соблюдаем полинезийских правил табу. Элементарная справедливость требует, чтобы мы применяли к каждому народу *его собственный* моральный кодекс как стандарт, пытаясь судить его поведение; и если мы возьмем это как нашу отправную точку, и сравним полинезийскую манеру соблюдения существующих канонов поведения с нашими моральными стандартами, это мы должны бы стыдиться.^[101]

Даниелсон призывает к “элементарной справедливости, но это не справедливость, которую каждый христианин может признать, потому что он предопределяет справедливость и мораль в гуманистском, релятивистском смысле. Даниелсон не только предлагает моральную анархию, но он отрицает тем, которые отличаются от него, всякое право несогласия. Его призыв к терпимости таким образом основывается на радикальной нетерпимости.

Второе, эти релятивисты потом требуют, цитируем жену бывшего бельгийского министра правосудия, мадам Лилар, радикальный гуманизм, “восстановить святость человеческой любви.”^[102] Это не сюрприз; мадам Лилар основывает свое мышление на древних культах хаоса и на мифе о мужеродстве.^[103] Она не адвокат распушенности, но ее даже меньше можно назвать адвокатом закона и долга, потому что “Долг так верно лишен

святости, как и распушенность.” Ее надежда на “свободную,” спонтанную, “священную” любовь, которая не будет нуждаться в законе:

Надо ли заключить, что свобода и верность противоречивы? Нет. Наоборот, хотя принужденная и условная верность может иметь свои моральные и социальные преимущества, только спонтанная и любящая верность, постоянно обновляемая по выбору при полной свободе, может упрочнить пару в ее сверхъестественном призвании. Пара должна хотя бы размыслить об этом, поставить на нем свою способность сохраниться. Она должна верить в свою любовь, верить в ее устойчивость во времени. Если по злему року любовь потухнет, никакой долг или принужденная верность не могут вернуть ее священное качество. То что может в таком случае произойти, это серия взаимных приспособлений в атмосфере сотрудничества и товарищества, но нечего обманывать себя - эти приспособления только утвердят переход пары из священной любви к профанской любви, и надо полагать, что это пропавшее дело.[\[104\]](#)

Абсурдность этой позиции в том, что она требует беззаконие гуманиста, сохраняя при этом верность христианина, а это невозможная комбинация.

Но вернемся в точку, указанной Голдбергом, а именно что секс “освободител”: это становится все более один из аспектов модной сцены. Рассматривать такую эру, как настоящую, или эру поздней римской империи, как время “сверхсексуальных” людей, это серьезная ошибка. На самом деле, времена интенсивной сексуальности это тоже времена низкой сексуальной жизненности. Когда мадам де Ментенон было за семьдесят, она жаловалась от того, что ее супруг Людовик XIV, “настаивал на свои брачные права каждый день, а иногда дважды.”[\[105\]](#) Мало вероятно жаловаться от этого во время упадка. Конец данной эры видится в упадке каждого вида энергии, включительно сексуальной энергии, и как результат нормальная сексуальная энергия заменяется френетической такой. Прибегается к крайним провокациям, потому что нужно больше, чтобы стимулировать низкий и изнуренный аппетит. Нужно гораздо больше, чтобы возбудить мужчину в эре упадка. Вот поэтому скандальная сексуальность является признаком низкой жизненности. Извращение и насилие тоже необходимы, чтобы пошевелить слабый аппетит. Становится особенно важным отвергнуть все моральное, законное, и то, что часть распоряженного набожного “прошлого.” Влияться чем-то другим, чем “моментом,” считается грешным. Например когда советского писателя Андрея Вознесенского спросили: “Какие русские поэты из последних сорока лет оказали на вас самое сильное влияние?”, он возразил: “Что за вопрос! Испытывать влияние старых поэтов это все равно быть в любовных отношениях со своей бабушкой.”[\[106\]](#) С такой точки зрения человек без корня освобожденный человек, и поэтому Холо говорит о Генри Миллере как о “вершине” всего мира, “у подножия лестницы к человеческому раю.”[\[107\]](#)

У праведности есть корни; она основывается на Божьем законе и движется по пути спасительной истории: прошлое, настоящее и будущее. В результате праведность оказывается рабом религиозной сексуальности, пока зло, будучи без корней и без головы, чистое и святое. Один из героев О’Донохю заявляет: “Не будь таким наивным чтобы верить, что у жестокости и насилия, обязательно должны быть мотивы! Злобный поступок, отделенный от банального, серого вкалывания для преследования целей, находит некоторую чистоту в своем собственном существовании.”[\[108\]](#)

Итак, с этой точки зрения зло, и специально *зло и извращенная сексуальность* становится спасательным. Нам говорили, что вышедший в 1968 году фильм *Теорема* был “странное загадочное иносказание о коррумпированном современном обществе, разоблачающее его через опустошительное воздействие таинственного чувственного незнакомца на семью одного индустриальца.” Итальянское правительство определило фильм (он итальянская продукция) как непристойный, однако “католическая церковь удостоила его наградой (которую позже взяли обратно).” Таинственный незнакомец посещает дом и “дает каждому члену того дома такое сексуальное утешение, о котором он тосковал. Странник читает их сокровенные мысли и утешает их.” В этом доме были отец, мать, сын, дочь и служанка. Когда странник покидает их, “остается огромная пустота – интеллектуальная и духовная пропасть, которой нельзя ничем помочь.” Отец становится нагим гомосексуалистом, бродящим по улицам; мать – моральной бродягой; сын стремится уйти в импрессионистское искусство; дочь помешивается, а служанка становится религиозной отшельницей, которая совершает чудеса.

Какой смысл можно найти во всем этом? Предполагается, что странник, это Бог, или дьявол, или никто из них. Настолько ли испорченные эти люди, что когда их искусственное буржуазное существование лишается своей оболочкой, у них не остается ничего, кроме сумасшествия?[\[109\]](#)

Факт, что таинственный странник может быть “Бог, или дьявол, или никто из них,” особенно показательный. Загвоздка в том, что нет замечательной разницы между Богом и дьяволом, так что такого таинственного незнакомца можно определит или-или. Крайняя цель и моральность считаются несовместимыми, и поэтому “Бог или дьявол” должен лишить людей их “искусственного буржуазного существования” в мире добра и зла. Таким образом секс в *Теореме* двухострый религиозный инструмент: он может принести спасение, или он может принести проклятие тем, которые отвергнут его послание.

Подобно этому фильм “Я странный (желтый),” шведский фильм, характеризуется радикальным неповиновением власти, выраженный сексуально; так свидетельствовал в пользу фильма на его американской апробации социолог-психолог доктор Чарлз Виник.[\[110\]](#) Это показывает ясно: цель этой религиозной сексуальности это неповиновение власти, Божьей власти, со стороны нового бога – человека. Этому неповиновению нужен религиозный указ зла как вопрос принципа.[\[111\]](#) Испытание о превосходстве и лидерство в некоторых группах сегодня состоит в испорченности, в совершении различных извращенных поступков.[\[112\]](#) Их тезис это “праведность Люцифера,” т.е. зла.[\[113\]](#) Любовь и низости,[\[114\]](#) вера в их божественности,[\[115\]](#) и тотальная война против любого Божьего закона, это их принцип.

Все это не должно быть сюрпризом для нас. Что религиозное вероотступничество ведет к моральным последствиям, это закон существования. Как выясняет святой Павел в Рим.1, идолопоклонство человека неизбежно приводит к неморальности, а неморальность к извращению и к извращениям. Из-за того что такие люди оставляют

Бога, Бог покидает их. Такие люди заменяют “истину Божию ложью” (Рим. 1:25). “Через ‘ложь’ здесь обозначаются ‘ложные боги,’ которые высшее воплощение лжи.”^[116] Комментарий Нокса Рим. 1:24-27 со своей стороны полагает, что:

Основная цель апостола в этот момент, это указать не на грех, а на осуждение. Он видит в моральном разложении, специально в неестественных сексуальных пороках, знак что “гнев” уже начинает действовать. *То и предал их Бог... их нечистоте.* Мы уже видели, что Павел представлял себе грех и его последствия в самой тесной возможной связи; упадок и смерть следовали за грехом так неизбежно, как жизнь и мир за праведностью веры, и действительно участвовали в одном и том же характере. Итак здесь он видит преобладание гомосексуализма, чем *они сквернили сами свои тела*, как манифестация не только греха, но также и его результата и наказания, т.е. как разложение и смерть.^[117]

Гуманист восстает против Бога с целью возвысить себя. Зловещая ирония осуждения состоит в том, что этот его поступок ведет к бесчестию, и он сам бесчестит себя. Гуманист стремится прославить и уважать своего тела, но вместо этого он бесчестит его и делает свой позор общественным достоянием.^[118]

Следовательно секс и религия тесно и неизбежно связанные у каждой небиблейской веры. Это религиозный результат вероотступничества; люди боготворят свое собственное сексуальное зло и превозносят свой позор как образ жизни. Гуманистский человек боготворит “момент” и превращает “дух нарушения запрет” в религиозный принцип. Такая вера не может сотворить и увековечить культуру: она может только уничтожить ее. Люди должны или перестроиться по условиям триединого Бога, или будут похороненными под Его осуждением.

11. Супружеская измена

Подход гуманиста к Святому писанию в принципе извращенный. Библия систематически читается неправильно. Например Хейс пишет о грехопадении человека:

Вернемся к змее; когда Ева, которой заранее змея сказала правду, обманывает Адама, глаза первичной пары открываются и они становятся “как боги, знающие добро и зло.” Они тоже узнают, что они нагие и впервые становятся виновными сексуально – другими словами, начинается сексуальное взаимоотношение.^[119]

Утверждают, что у библии плохой взгляд на секс, пока у современного человека здоровый взгляд. Однако даже один известный психоаналитик находит современный взгляд совсем нездоровым.

Выражение “забавляться” в Америке становится все более и более синонимом выражению “иметь сексуальное сношение.” Это новое дополнительное значение слова показательное для эмоционального вырождения сексуального процесса. Сексуальное переживание на самом деле очень серьезное, и иногда даже трагическое. Если оно только забава, это даже совсем не забавно.^[120]

Надо кроме того отметить, что атакуется не только библейский взгляд на секс и на брак, но и христианство за его исповедание этого взгляда. Очень рано “Моральное учение христианских миссионеров звучало как критику частной жизни императорской семьи, как атаку против римского права и против морали римского общества.”^[121] Мы узнаем много о разложении и неморальности средневекового духовенства, но совсем немного о множестве верных священников и монахов, ни говорят нам часто о попытках неморальных личностей этой эры развратить духовников. Например Бертолд отмечает: “Молодые дочери и молодые служанки не думают ни о чем, кроме как соблазнить монахов и священников.”^[122]

Причиной этой враждебности является библейский закон, с его настаиванием что только брачные сексуальные отношения законные и моральные. Библейский стандарт о браке считается угнетающим и неестественным:

Слияние личностей, даже когда оно избегает опасность взаимного пожирания, входит все-таки в другой конфликт с основной сексуальной моделью млекопитающих. Повсюду верная моногамия не считается естественной моделью, а социально придуманной такой; и даже если это так, необычайно чтоб она казалась почти ненормальной. Из ста восьмидесяти пяти исследованных обществ в картотеке раздела о человеческих отношениях Йейлского университета, только около пяти процентов были моногамиями, в которых все внебрачные сексуальные действия мужчин запрещались или осуждались. Поэтому некоторым ученым верность кажется трудной, неестественной и сильно переоцененной, и они считают ее причиной лицемерия, вины, несчастья и проваливания брака. Все это результат самоопределения, потому что измена это поделение очень интенсивного переживания с кем-то другим, а не с основным любовным партнером, и таким образом она прерывает слияние. Даже если измена утаится совершенно, она устанавливает в личности враждебные барьеры и мрачные места, в которых другой не может проникнуть. Доктор Абрахам Стоун сообщает, что в течении почти трех десятилетий брачного советования, он почти никогда не находил измену безвредной, а почти всегда она была причиной потайности, вины и повреждения взаимодействия личностей, и любви в целом.

Вопреки всему, неудобство верности может оказаться ценой, которой оплачивается значительное счастье и стабильность брака.^[123]

При таком взгляде на вещи, в лучшем случае есть несчастное прагматическое принятие моногамии и такая точка зрения не может внушить верность. Здесь речь не идет о смысле брака, а только о том, что может индивид приобрести на самой дешевой цене. Таким образом даже привидное согласие с библейским правом подчеркивает радикально различные принципы библейской веры и гуманизма. Итак пишет Коул, “Христианство и психоанализ могут согласиться, что стандартная совокупительная модель Радо: вставление пениса в вагину, предшествующее оргазм, представляет меру о “нормальной сексуальности.”^[124] Вот и “мера о нормальной сексуальности,” без никакого намека о божественном декрете и слове, только о сношении пениса с вагиной. Нормальная сексуальность для христианина это брачная сексуальность; супружеская измена это нарушение этой связи и ненормальное, преступное действие, *атака против фундаментального порядка.*

Имея дело с браком, седьмая заповедь выделяет как критический закон слово “Не прелюбодействуй” (Исх. 20:14; Втор. 5:18). Этот самый закон появляется в множестве форм: оно запрещается в Лев. 18:20 и описывается как осквернение. Наказание за прелюбодеяние определяется как смерть (Лев. 20:10; Втор. 22:22).

Чтобы рассмотреть вопрос в перспективе, пусть исследуем добрые отношения. В множестве культур прелюбодеяние запрещается женскому полу, однако распушенность до и после женитьбы допускается для мужского пола. Древнегреческая и римская практика здесь хорошо известные. В китайской культуре супружеская измена рассматривалась хотя бы до коммунизма, как только женское преступление. Мужчине разрешалось делать

то, что ему нравилось. Дети мужчины от внебрачных связей брались в доме мужчины, и жена была должна принять их.^[125] Иногда говорят, что библейский стандарт подобный; нет никаких доказательств об этом. Хотя никакой закон не занимается прямо с этим, общий смысл закона, свидетельства притч, и Новый завет выясняют библейскую позицию.

Первое, как мы раньше отметили, закон требует истребление хананеев, их культа плодородия, и их религиозную проституцию. Намерение закона – очистить землю от всех этих зол. Таким образом закон направляется к ситуации, где специально этих зол нет; т.е. у них нет законного существования.

Второе, надо не только истребить хананейских проституток, но и нельзя допустить существование таких еврейского происхождения. Наказание предоставлялось властям, но закон ясно запрещал существование еврейских проституток или содомитов (гомосексуальные мужские проститутки):

Не оскверняй дочери твоей, допуская ее до блуда, чтобы не блудодействовала земля и не наполнилась земля развратом (Лев. 19:29).

Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых и не должно быть блудника из сынов Израилевых (Втор. 23:17).

Если дочь священника осквернит себя блудодействием, то она бесчестит отца своего; огнем должно сжечь ее (Лев. 21:9).

Третье, в Притчах осуждается всякая внебрачная сексуальность и все советы насчет зол от проституции, прелюбодеяния и добрачной сексуальности даются как древняя мудрость и как присущие Божьему закону. Брачная добродетельность объявляется стандартом (Прит. 5:1-23). Она представляется не как изнурительная жизнь, а как источник радости и здоровья для человеческого существа (Прит. 5:15-23). Супружеская измена осуждается специально; проститутка – моральный дегенерат, но прелюбодейка добавляет извращенность к своему злу: “Потому что из-за жены блудной обнищают до куска хлеба; а замужняя жена уловляет дорогую душу (Прит. 6:26). Прелюбодеяние – всепожирающий огонь (Прит. 6:20-35). Оно ведет к смерти и разрухи (Прит. 7:1-27). Сексуальное сношение с проституткой плохое, но прелюбодеяние есть кульминация зла и безрассудства. Все это Соломон представил как мудрость закона.

Четвертое, Новый завет запретил всякие внебрачные сексуальные сношения, и следовательно добрачные тоже, но имея в виду другое, кроме установления библейского закона среди обратившихся к вере греков и римлян (Деян. 15:20,29; 21:25; Рим. 1:29; I Кор. 5:1; 6:13,18; 7:2 и т.д.). Христос запрещал даже мысли, ведущих к этому (Мат. 5:28).

Ясное в таком случае, что библейский закон предназначен создать семейное общество, и центральное преступление против общества это посягнуть на семейную жизнь. Таким образом супружеская измена ставится на одном и том же уровне с убийством, тем что она акт убийства против центральной социальной институции каждой здоровой культуры. Ненаказанная супружеская измена является разрушительной для семейной жизни и для социального порядка. Со стороны жены она измена семье и вносит в дом чужая верность как и чужое семя. Со стороны мужа это тоже измена и неверность, и в добавку подрывает его собственный моральный авторитет. Власти морально чистого супруга доверяют и он упражняет ее в данном Богом доверии. Виновный муж меньше способен упражнять власть и колеблется между произвольностью и сдачей власти. Правовой порядок семьи это мир, и тот, кто нарушает его по одному пункту, изменяет ему по всем другим пунктам. Аресты за разврат и прелюбодеяние были законом в 1948 году,^[126] в 1969-ом они фактически исчезли, как и много из внутренней семейной дисциплины. Комментарий Цимермана об эрах строгой семейственности в истории, т.е. об эрах доверия в семье, представляет интерес:

Итак, в период доверия, супружеская измена, вместе с одним или двумя другими преступлениями, была самым низким проступком против всего общества (родственной группы, которая связывает личность с жизнью). Супруг не наказывался обязательно своей собственной семьей, однако они были должны разобраться с другой семьей насчет его грехов; так что вместо того чтобы терпеть его, они выгоняли его, и если другая семья его не убивала, он был должен уйти жить в вечную ссылку или хотя бы пока его преступление не забудется. В случае что супруг совершал прелюбодеяние с женщиной, у которой нет непосредственной семьи, некому было наказать его, кроме родственников его жены, но в многих случаях как раз они были люди, делавшие это. Грегори из Тура сообщает о таких случаях в период доверия среди французов после упадка римской империи.^[127]

Семья центральный страж *собственности и детей*, двух основных аспектов каждого общества. Здоровое общество это такое общество, которое защищает семью, потому что оно сознает как его выживание зависит от этого.

Одна из областей защиты, это против насилия, или изнасилования. Тексты, цитирующие законы против изнасилования и соблазнения следующие: Втор. 22:23-29 против изнасилования и Исх. 22:16,17 против соблазнения.

Наказание за изнасилование замужней женщины или помолвленной женщины было смерть. Закон определяет, что если это случилось “в городе” и “она не кричала,” то налицо было согласие женщины, и тогда это будет прелюбодеяние, а не акт изнасилования. Как отмечает Лютер, “Город упоминается здесь в виде примера, потому что там были бы люди, и они могли бы помочь ей. Поэтому то, что она не кричала, раскрывает, что ее изнасиловали по ее собственному желанию.”^[128] Другими словами, “город” означает возможность помочь ей: если был зов о помощи?

Случаи, которые классифицировались как соблазнение, формально и в действительности тоже были случаи изнасилования; разница состоит в том, что вопросная девушка ни замужняя, ни помолвленная. Почему в такие случаи не предвиделось смертное наказание? В прежних случаях брак уже был договоренным; преступление было одновременно против мужчины и женщины, и поэтому заслуживало смерть. В случае одинокой девушки, непомолвленной, решение оставалось в руках ее отца, и частично в ее самых руках. Если нарушитель, цитированный просто как соблазнитель в Исх. 22:16,17, и как насильник во Втор. 22:28,29, годился в супруга, тогда он должен был заплатить 50 сиклей серебра как приданое и жениться на нее, без право на развод, “потому что он опорочил ее” (Втор. 22:29); но “если отец не согласится отдать ее за него, пусть заплатит столько серебра,

сколько полагается на вено девицам” (Исх. 22:17). Если мужчина отвергался как супруг, девушка получала компенсацию за оскорбление, чтобы сделать ее привлекательной женой для другого мужчины, за которого она вышла бы с двойным приданом: ее собственное и деньги от компенсации.

Чтобы понять основания этого закона, пусть припомним, *первое*, что библейский правовой порядок требует смерть для неисправимых нарушителей и преступников. Соблазнитель и/или насильник непомолвленной девушки следовательно по презумпции не считался неисправимым, хотя и явно был виновным в таком преступлении. От своего преступления однако он не получал никакой выгоды. Если ему разрешалось жениться на девушку, то это было на цене полного приданого и без права на развод. Если он отказывался, он опять был должен заплатить полное приданое девушке, что составляло значительный ущерб для его собственного будущего.

В браке женщина защищалась от оскорбления и клеветы со стороны ее супруга. Если он оспаривал ее сексуальную моральность, то ритуаль, который ясно требовал сверхестественную проверку, раскрывал ее невинность или виновность. Если она была виновной в супружеской измене, она умирала бавной смертью. Если была невинной, тогда Бог благословлял ее сверхестественно (Числ. 5:11-21). Она “будет оплодотворяема семенем” (Числ. 5:28), означает кроме того, что ее муж был должен выполнять весь свой долг к ней.

Если муж клеветил характер своей жены, претендуя что она не была девицей, когда он женился на нее, его приводили в суд вместе с его женой. Если его обвинение было правдой, она умирала; если обвинение было ложным, его оштрафовали 100 сиклей серебра, которые он платил своему тестю, а сам терял право на развод (Втор. 22:13-21). Таким образом жена защищалась в браке. У нее были правовые гарантии на пищу, одежду и “брачный долг,” т.е. сексуальное сношение, в доме ее супруга (Исх. 21:10). Ей тоже гарантировалось, что ее супруга не заберут в армию и не будут “ничего возлагать на него,” которое могло бы увести его далеко от дома, в течении первого года брака (Втор. 24:5).

Вернемся теперь к вопросу о прелюбодеянии. Интерпретация Нового завета, которую дает Коул, особенно интересная:

Прелюбодеяние не только нарушение против дома другого мужчины, нарушение прав ближнего, угроза для безопасности его кровной линии, а также и нарушение его единства с его женой, разрушение его состояния “одной плоти” (henosis). И измена не только телом, но и сердцем, “ибо из сердца исходят злые помысли, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидательства, хуления” (Ма.” 15:19). Так как это верно, прелюбодеяние совершается уже похотливым взглядом или вожделением (Мат. 5:27-28).[\[129\]](#)

Банальная правда, но прелюбодеяние, как каждый грех, с начала до конца преступление против Бога и его правового порядка. Как признался Давид, “Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал...” (Пс. 50:6). Каждый грех по существу против Бога, и поэтому нельзя пренебрегать ударение на этом при сексуальных преступлениях.

Наказание за супружескую измену в Ветхом завете было категорично смерть. Какое наказание согласно Новому завету? Случай с женщиной, уличенной в прелюбодеянии (Иоан. 8:1-11), часто дискутируется в этом контексте, однако не к делу. *Первое*, Иисус отказал быть судьей в правовом процессе, и в этом случае, и по вопросу о спорном наследстве (Лук. 12:13,14). Как славный Господь, Он отказывает, чтоб сводили Его к мировому судье. *Второе*, Иисус ясно показывает, что у судьи должны быть чистые руки, или иначе он не годится в судье: “кто из вас без греха первый брос на нее камень” (Иоан. 8:7). Явно, говоря *грех*, Он здесь имеет ввиду прелюбодеяние; Его предизвикательство было: смеешь ли ты обвинять, не обвиняя самого себя? Убоявшись Его знания и суждения, они удалились. *Третье*, когда виновная женщина признала в Нем “Господа” он простил ей и отпустил ее (Иоан. 8:10,11). Это было *религиозное* прощение, а не *гражданское* присуждение. Он не вмешивался никоим образом в действиях супруга, который мог бы разстрогнуть брак. Убийца может и получить религиозное прощение, и все-таки его экзекутируют; путать религиозное прощение с гражданским прощением это серьезная ошибка. Ахан признал свою вину по религиозному призыву Иисуса Навина, но все-таки его экзекутировали (Иис. Н. 7:19-26). Итак случай с женщиной, взятой в прелюбодеянии, хотя и важный в связи с милости, неуместный к правовой проблеме. Можно добавить, что к этому времени уже перестали применять смертную казнь за супружескую измену, и попытка получить приговор Иисуса над женщиной, взятой в прелюбодеянии, была попыткой поставить Его в затруднение. Если Он отрек смертное наказание, они оспорили бы Его декларацию, что Он пришел выполнить закон (Мат. 5:17,18); если Он подтвердил смертную казнь, Он попал бы в крайне непопулярное положение. В ответ Иисус осудил их; незаконный не может применять закон, а они были незаконными. Отсутствие гражданского порядка в этом отношении видно из Евр. 13:4: “Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог.” Бог должен был судить их, потому что общество тогда их не судило. Приговор Бога неизбежный, вопреки отсутствию приговора человека. Но каким был приговор Бога в связи с супружеской изменой?

Критический текст здесь I Кор. 5, очень трудный в некоторых деталях. *Первое*, вопросный случай это член общности, который “имеет жену отца своего” (I Кор. 5:1). По смыслу Лев. 18:8 это было кровосмешением и влекло за собой смертную казнь. Павел выясняет, что этот грех есть преступление даже у язычников. *Второе*, хотя это явное кровосмешение в смысле библейского закона, святой Павел не рассматривает его в правовом порядке как кровосмешение. Он однако ясно показывает в стихе 1, что это так. Вместо этого мужчина получает общее название “блудник,” которое охватывает множество преступлений (I Кор. 5:9,11). Отец явно еще жив, потому что о женщине говорится как о “жене его отца,” не о вдове, поэтому преступление мужчины с его мачехой прелюбодеяние, как и кровосмешение. Термин “блудник” охватывает оба фактора, однако он менее определяющий. *Третье*, святой Павел приказывает им “Предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа” (I Кор. 5:5). Крейг прав, интерпретируя это как смертную казнь.[\[130\]](#) Итак, смертная казнь это явно закон Божий для кровосмешения и/или прелюбодеяния. Церковь однако

не может экзекутировать человека; смертная казнь не принадлежит церкви. Но церковь может произнести действительно смертный приговор, предавая человека сатане; т.е. бережливая Божья защита снимается так что человек может быть унижен для искупления греха его. *Четвертое*, у церкви между прочим все-таки есть обязанность действовать. Они должны “очистить старую закваску”; они должны не сообщаться с блудниками в церкви, “с таким даже и не есть вместе... Итак извергните развращенного из среды вас” (I Кор. 5:6-13). Так как женщина не включается в приговоре, можно положить, что она не была христианкой и поэтому не подлежит церковной дисциплине. Раскаяние преступника может быть через время восстановит его в церковном обществе, но всегда как такой с признанным смертным приговором над ним.

Таким образом церковь получила действительную правовую помощь, чтобы справиться с проблемой капитальных преступлений в обществе, которое не признает их как таких, потому что надо реалистично осознать, что это главная проблема для церкви. Набожный правовой порядок восстановит смертное наказание, однако церковь должна жить реалистично в его отсутствии и защищать себя. Сам приговор церкви одновременно признает смертную казнь, и действует по условиям настоящей действительности.

Ранняя церковь действовала в смысле этого. Супружеская измена осуждалась строго и прелюбодеи принимались обратно в церковную общность только по строжайшим условиям. В некоторых областях преобладало тотальное исключение, но это не было общим.

Мир, в котором церковь существовала, имел различное отношение к супружеской измене, от терпимости до дикого увечивания. В дохристианской Польше “преступника приводили на базаре, и там приковывали его тестикулы гвоздем; рядом оставляли бритву, которую он мог достигнуть, и у него была возможность осуществить правосудие сам над собой или остаться на месте и умереть.” В Риме “Теодосий ввел потресающую практику публичной кастрации, которую однако скоро отменил.”^[131]

В настоящее время многие считают, что прелюбодеяние лекарство от множества психологических проблем. Профессор психиатрии из университета в Тампл рекомендовал любовные дела как способ решения некоторых проблем.^[132] Еще в 1929 году один исследователь открыл, что обычная причина для прелюбодеяния среди женщин это убеждение, что в их жизни будет не хватать что-нибудь, если они не занимались прелюбодеянием. Доктор Дж. В. Гамилтон, который совершил это исследование, установил, как это цитирует Шерил:

что большая часть из этих женщин, которые имели приключения вне брака, не делали это по причине каких-нибудь темпераментных факторов. Для них не было труднее быть добродетельными чем для других, ни они получали некоторое необычайное физическое удовлетворение от своих авантюрах. Скорее всего выявляется, что они следовали такое поведение, потому что чувствовали, что они должны поддерживать идею, которую они составили себе о “супружеской свободе.”^[133]

Из-за того, что государство сильно покушается на две основные социальные ответственности семьи: сохранение собственности и дети, оно перебрало прелюбодеяние в область периферных и относительно маловажных вещей. Пока авторитет семьи в этом отношении не восстановится, прелюбодеяние всегда будет угрозой для общества, а не форма развлечения. В настоящее время супружеская измена считается личным делом и как один из аспектов личного переживания и удовольствия, ничего больше.^[134]

У всех культур, где власть семьи над имуществом и детям существует, или восстановилась, супружеская измена неизбежно становится одним из самых ужасных преступлений, и существует продолжительная история грубых пыток и репрессалий против нарушителей. Связь неизбежная: когда преступление предательство против общества, тогда налагаются особо строгие наказания.

Следовательно библейский ответ – это восстановить семью в ее функциях, защищать ее целостность, и поэтому наказывать ее оскорбителей. В здоровом обществе измена редкое преступление. При настоящем библейском правовом порядке прелюбодеяние тоже будет встречаться редко. Настоящее мнение наоборот, которое выражает Грей, что оно было частым явлением в прошлом, но что оно необычайное в сегодняшней Ирландии.^[135]

Заключительное замечание: у ранней церкви была серьезная проблема – ее долг поддерживать закон в незаконные времена. Люди, чьи преступления требовали смерть, оставались в живых, и их возвращение в церковь после покаяния, ставило проблемы. Когда библейский закон требовал возмещение, вопрос был относительно простым, но что делать с этими преступлениями, которых надо было наказывать смертью? Принимать простую декларацию о раскаянии очевидно означало сделать последствия этих преступлений более легкими, чем последствия многих незначительных нарушений. В результате развилась система самонаказания. Протестанты, которые привыкли видеть только ее поздние скандальные злоупотребления, почти никогда не могли оценить ее более раннее здоровье, и ее силу как инструмент закона. Действия самонаказания требовались от прелюбодеев например *не* как дело искупления, а как практические действия санкционирования. У самонаказания было двойное намерение. Первое, оно показывало искренность признания кающегося. Второе, оно представляло форму возмещения. Таким образом самонаказание было твердым шагом к восстановлению правового порядка, которого государство отвергнуло.

12. Развод

В Святом писании брак это добровольный союз двух личностей, мужчины и женщины, в супружестве; хотя браки обычно были договоренными, согласие тоже соблюдалось. Без согласия союз на самом деле изнасилование. Калвин и Лютер оба настаивали на факте взаимного согласия как необходимый для действительности брака, в их дискуссии касательно эпизода Иаков – Лия.^[136] Может возникнуть вопрос почему в таком случае Иаков принял Лию. Ответ ясный – он был в принудительной ситуации. Ему было стыдно перед

Лаханом, у которого было то преимущество, что у Иакова, как пришельца, не было никакой правовой опоры. В известном смысле это было изнасилование Иакова, который не мог сделать ничего, кроме выразить протест или уйти, но не мог упражнить успешно никакие законные права.

Союз предполагает взаимное согласие; для *расторжения* брака оно не необходимо. Самая обычная форма развода это через *смерть*. Это может быть не только естественная смерть, которая в строгом смысле не развод, а законная экзекуция, которая отделяет преступника от жизни, общества и брачного партнера. Те, которые проповедовали языческие культы, подвергались смертью и следовательно отделения (Втор. 13:1-11). До Моисея закон требовал смерть за прелюбодеяние, как показывает случай с Фамарью (Быт. 38:24), и как Давид ожидал ее за свой собственный грех (II Цар. 12:5), поэтому было необходимо слово Господа, сообщенное Нафаном: “ты не умрешь” (II Цар. 12:13), чтобы избежать этот приговор.

У некоторых культур нет развода через смерть, как свидетельствует мормонство, при “скрепленных печатью” браках. В других обществах жену убивали (как в индуизме до недавнего времени), чтобы предотвратить повторный брак или продолжение жизни без ее супруга. Закон Моисея и наш Господь (Мат. 22:23-33) отказали признать такие обычаи, давая разрешение на повторный брак и ограничивая брак до этого послесмертного состояния.

Вернемся к разводу через смерть; библейский закон отделял виновную сторону от невиновной посредством смерть за многие преступления. Некоторые из законов, которые давали право женщине развестись через смерть и жениться заново, это следующие, и они все требуют смертное наказание для мужа:

1. Прелюбодеяние: Втор. 22:20-25; Лев. 20:10.
2. Изнасилование: Втор. 22:25,26.
3. Кровосмешение: Лев. 20:11,12,14,17.
4. Гомосексуализм или содомия: Лев. 20:13 (18:22).
5. Скотоложство: Исх. 22:19; Лев. 18:23; 20:15; Числ. 35:16-21.
6. Предумышленное убийство: Исх. 21:12,14; Числ. 35:16-21.
7. Побой над отцом или матерью: Исх. 21:15.
8. Смерть женщины от вынужденного аборта, причиненного нападением или побоем: Исх. 21: 22,23.
9. Посвящение детей Молоху: Лев. 20:2-5.
10. Злословие отца и матери: Исх. 21: 17; Лев. 20:9.
11. Похищение: Исх. 21:16.
12. Чародейство: Лев. 20:27 (ср. Втор. 13:1-10).
13. Ложное пророчество и толкование снов: Втор. 13:1-5; 18:20.
14. Вероотступничество: Втор. 13:6-16; 17:2-5.
15. Жертвоприношение другим богам: Исх. 22:20.
16. Отказ исполнить решение судьей: Втор. 17:12.
17. Богохульство: Лев. 24:16.
18. Осквернение субботы: Числ. 15:32-36 (Это не является частью законодательства, а происходит из отдельного случая в пустыне).
19. Нарушение завета: Втор. 17:2-5.

Мужчина мог получить развод через смерть из-за следующих смертных наказаний, перечисленных для женщин, чье разоблачение было обязательным для верующего (Втор. 13:1-11; Лук. 14:26):

1. Нецеломудрие до брака: Втор. 22:21.
2. Супружеская измена после брака: Втор. 22:22-23; Лев. 20:10.
3. Проституирование дочери священника: Лев. 21:9.
4. Скотоложство: Лев. 20:16; 18:23; Исх. 22:19; Втор. 27:21.
5. Ворожейство или колдовство (ведьма): Исх. 22:18; Лев. 20:27.
6. Нарушение завета: Втор. 17:2-5.
7. Кровосмешение: Лев. 20:11,12,14,17.

Легко заметить, что список для мужчин намного длиннее. Ясное, что некоторые из точек этого списка для мужчин включают тоже и женщин. Например женщина, виновная в убийстве, очевидно подлежала смертной казни. Разные другие преступления тоже относились к женщинам. Однако тоже ясно, что многие из этих преступлений очевидно мужские, потому что они предполагают большую силу и крепкость, мужское могущество. Например изнасилование и похищение почти всецело мужские преступления. У мужчин следовательно большая ответственность к смертному наказанию, и причина этому их положение у власти. Согласно библейскому принципу чем больше привилегия и власть, тем больше ответственность и виновность, как в Лев. 4, где приношение за грех пропорциональное статусу и ответственности грешника. Иисус ссылается тоже на этот принцип: “А который не знал и сделал достойное наказания, бит будет меньше. И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут” (Лук. 12:48). Надо отметить, что незнание не извиняет грех или не элиминирует наказание, а только уменьшает его; а ответственность подобным образом увеличивает виновность. Грех одного члена семьи не осуждает других ее членов. “Отцы не должны быть наказываемы смертию за детей, и дети не должны быть наказываемы смертию за отцов: каждый должен быть наказываем смертию за свое преступление” (Втор. 24:16).

Развод через смерть делал возможной повторную женитьбу и освобождал невинного партнера от рабства у виновного и нечистого человека.

Вторая форма развода появляется в Моисеевом законодательстве, это развод за нарушение брачного закона, т.е. неуспех обеспечить пищу, одежду и должные сексуальные отношения:

1. Пленные женщины: Втор. 21:10-14.
2. Еврейки “рабы,” или лучше сказать крепостные девушки: Исх. 21:1-10.

3. Подразумевается что если нарушение договора об обеспечении применимое для крепостных девушек, оно применимо как основание для развода для жен с приданым. Святой Павел ссылается на этот закон в I Кор. 7:3-5, где уточняются требования о сексуальных отношениях и всего “должного благорасположения” (или “обязанности,” версия Бэркли). Святой Павел говорил о неуспехе удовлетворить сексуальные ответственности брака как обманывание брачного партнера. (Это можно тоже описать, как и было, как форму оставления партнера). Ссылка на Исх. 21:1-10 ясная; святой Павел говорил в контексте библейского права.

Третий тип развода подразумевается и проводится властями, как с Неемией, в случаях кровного родства и смешанных браков:

1. Смешанные браки запрещались: Втор. 7:1-3, ср. Исх. 34:12-16; Числ. 25:6-8. Развод обязательный: Неем. 9:2; 13:23-27; ср. Мал. 2:14.
2. Кровное родство запрещалось: Втор. 22:30; 27:22-23; Лев 18:6, 18; 20:11,12,14,17,20,21.

Четвертый тип развода тоже определяется – это посредством письменным документом или разводное письмо, которое муж давал жене:

1. Разводное письмо: Втор. 24:1-4.
2. Разводные письма цитируются в Иер. 3:8 и Ис. 50:1, а про разведенные женщины упоминается в Лев. 21:14; 22:13; Числ. 30:9 в Ветхом завете.

В Иер. 3:8 и Ис. 50:1 мы имеем проникновение в значении разводного письма в объявленном самым Богом Его разводом с Его избранным народом, и развод здесь наверное *не рассматривается* как едва терпимое зло, как некоторые видели бы его. Разводное письмо, или документ об удалении, или отречении, *не было злом, а справлялось со злом.* В Ис. 50:1 (где мать и дети одно, как указал Дж. А. Александр), причиной является беззаконие и нарушение запрет. “Генеральная идея об отвержении дважды одевается фигуративной одеждой, в первый раз эмблемами, занятыми у закона и обычая о заключении за долги.”^[137] В Иер. 3:8 предательство Иуды называется Богом прелюбодеем и основанием для развода, как это было для Израиля. Однако более определенно Иуда, жена, развратила, осквернила, опоганила брачный дом, землю Божью (Иер. 3:9), хотя и лицемерно притворялась время от времени (ст. 10). Причиной отделения Израиля было открытое вероотступничество, открытая неверность (стих 6-8), а причиной отделения Иуды было не открытое вероотступничество, а тайная измена под маской искреннего и верного повиновения (ст. 9,10). Прелюбодейная нация стремилась к своей собственной воле и только лицемерно на словах служила своему заветному Супругу, Иегова.

Во Втор. 24:1-4 основание для развода тесно связывается с этим. Когда закон говорит, он говорит в соответствии с ситуацией, но в святости Бога; он говорит кроме того людям, которые любят закон и стремятся повиноваться ему, а не лицемерно и порочно приносить извинения. Если женщина не найдет благоволения в глазах своего супруга, это не по причине супружеского каприза, а из-за его стандартов как хранителя завета и носителя образа. Закон часть завета: супруг или хранитель завета и носитель образа, помнящий Господа того завета, или он не интересуется законом. (Фарисейское неправильное использование закона конечно придет позже.) Следовательно основание для развода здесь “что-нибудь противное,” которое муж находит в жене. Мимоходом можно отметить, что здесь более важно этим законом не утвердить развод, а предотвратить повторную женитьбу на ту самую разведенную женщину, после того как она стала вдовой или развелась с другим мужем. Однако в известном смысле верно и то, что развод принимается легко, и узаконяется морально через его включение в закон. Более того он принимается Богом как Его святой прерогатив при отделении Израиля и Иуды. Конечно, развод часть грешного порядка, но тем не менее он право поступать так в таком грешном порядке. Война тоже часть грешного порядка, но тем не менее она право при набожных обстоятельствах, и право меча никоим образом не останавливается только из-за того, что война принадлежит к состояниям греха. Трудно выделить какой-нибудь аспект нашей жизни от этого грешного порядка в полном смысле, однако закон говорит хранителям завета в грешном мире, а не людям на небесах.

Попытки связать нечистоту или “противное” из Втор. 24:1 с прелюбодеем или с недобродетельностью естественно проваливались. В таких случаях следовал развод смертью. Слово “нечистота” чего-то определенно подразумевает серьезное нарушение; оно используется в другие места о срамном изложении тела (Быт. 9:22; Исх. 20:26; Плач. 1:8; Иез. 16:36,37), в Лев. 18 о запрещенных и неморальных сексуальных практиках, а во Втор. 23:14 о человеческих экскрементах. Очевидно оно относится не к незначительным вопросам, а к чему-то порочному, ненормальному и отталкивающему для хранящего завета супруга, которой руководится законом.

Ответ об его значении дает повторное исследование развода из списков смерти. Женский список короче. Значит ли это что некоторые грехи женщин оставались ненаказанными? Определение гомосексуализма определенно мужское (Лев.20:13), а гомосексуальные блудники назывались “псами” (Втор. 23:18, ср. Фил. 3:2; Отк. 22:15). Должны ли мы заключить, что этот грех, цитированный Павлом как кульминационное доказательство о вероотступничестве и неверии (Рим. 1:26,27), прощался женщине? Ее наказание меньше, чем наказание мужа в множестве случаев, потому что ее ответственность тоже меньше. И опять за неповиновение высшим властям и отказ следовать их решения муж осуждался умереть. Как насчет женщины, которая не повинуется ее высшей

власти, своему супругу? Не ее нечистота ли это? Когда Агарь стала неподчиняться Саре, Бог поддержал решение Сары, чтобы выгнать ее. Итак, мы уже видим, что появляются две очень важные категории. В мужчине гомосексуализм давал женщине развод смертью; в женщине это было нечистотой. Свидетельство Иер. 3:8 и Ис. 50:1 касательно разводных писем привносит эту связь с неподчинением и бунтом, в частности Иер. 3:8-10. Внимательный анализ всех подходящих текстов показывает, что противное и нечистое у женщины нельзя было определить в смысле мужского каприза, а в связи с его ролей заветного человека и носителя образа.

Широко распространенная протестантская интерпретация новозаветной доктрины о разводе ограничивает признанное основание к прелюбодеянию на основе Мат. 19:9, и к оставлению, I Кор. 7:8-24. Многие ограничили бы его только к прелюбодеянию. Любопытный факт насчет этой интерпретации это что *она заключается в одном единственном слове*, и это слово *не* есть прелюбодеяние! Давайте исследуем касающихся случая текстов:

1. Но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует (Мат. 19:9).

2. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует (Мат. 5:32).

Мофат дает слово, означающее блуд, как “недобродетельность,” а Хью Дж. Шонфилд как “прелюбодеяние.” Большинство комментаторов *действительно* представляют его как *прелюбодеяние*. Однако эти два слова различные: *porneia* (блуд) и *moicheia* (прелюбодеяние, Мат. 15:19, совершать прелюбодеяние, *moichaomai*, Мат. 19:9). Если у Иисуса было намерение *приравнять* блуд с прелюбодеянием, не было бы необходимости использовать слово, которое могло бы привести к грешному пониманию. *Не* сказано, что *блуд это прелюбодеяние, а что жениться на женщине, разведенной на другом основании, чем блуд, это прелюбодеяние*. Эти два слова различные, отдельные и отличающиеся. Поэтому не стоит настаивать, что нельзя “запутывать” вопрос этим, а что Иисус имел ввиду то, что блуд “со стороны замужней женщины не только блуд, но тоже и прелюбодеяние в специфичном смысле, по простой причине, что оно составляет сексуальную неверность к ее супругу.”^[138] Каждый акт сексуального взаимоотношения женщины с другим мужчиной, кроме ее супруга, при этом оно могло быть например и кровосмешением, всегда прелюбодеяние: если только такие действия имелись ввиду, и они составляют границы значения этого выступления, тогда *единственное* слово, которое можно было законно использовать, это *прелюбодеяние*, а не *блуд*. Если однако имелось ввиду что-то больше, чем прелюбодеяние, например гомосексуализм, тогда надо было использовать другое слово с более широким значением, чем прелюбодеяние, и оно использовалось. *Святое писание никогда не дает неосновательное использование слов, ни их небрежное использование*. Павел ставит тяжесть доктрины на форму единственного числа “семени” (Гал. 3:16). Иисус Сам устанавливает доктрину о воскресении на правильное время глагола в Своем ответе садукеям (Мат. 22:22-33). Конечно никто так пунктуальный в Своем чтении Святого писания не стал бы использовать слова небрежно, и если он имел ввиду только прелюбодеяние, Он использовал бы слово прелюбодеяние и *ничего другого*. *Так как для женатой личности каждый акт внебрачного сношения с личностью противоположного пола можно описать как прелюбодеяние, то использование слова, другое чем прелюбодеяние, означает что кроме прелюбодеяния некоторые действия, описываемые как блуд, и включающиеся в этом термине, составляют действительные основания для развода*. *Сводить значение блуда только к прелюбодеянию, значит совершать насилие над текстом, и делать различие с немалым значением ничтожным и пустым*. Какое в таком случае значение блуда?

Давайте исследуем использование этого слова в Новом завете как средство утверждения его значения:

1. Мы можем увидеть немедленно, что оно различное от прелюбодеяния и что оно более широкий термин, в Мат. 15:19, где мы имеем оба слова, перечисленные как происходящие из сердца: “прелюбодеяния, любодеяния (т.е. блуд).” То же самое в Мар. 7:21.

2. Оно появляется часто в смысле, значущем незаконное сексуальное сношение вообще, и развратность, а иногда дается некоторыми как блудливость. Рим. 1:29 относится к сексуальным грехам вообще.

I Кор. 6:13-18 относится частично к связям с проститутками (ст. 15,16), но имеет более широкое отношение к сексуальным грехам.

В I Кор. 7:2 оно означает прелюбодеяние и сексуальную беспорядочность, психическую и физическую, через принужденное воздержание, и плохие отношения между мужем и женой по причине принужденного воздержания.

II Кор. 12:21 связывает его с нечистотой и похотливостью, однако как различное. Гал. 5:19 связывает его, тоже как различное, с длинным списком плотских дел, в том числе с прелюбодеянием, нечистотой, и распущенностью.

Еф. 5:3 перечисляет его вместе с нечистотой и жадностью, как вещи, которых нельзя даже называть, нежели найти существовавших среди святых.

Кол. 3:5 перечисляет его как одну из вещей, которых надо умертвить в себе, тоже отличая его от нечистоты.

I Фес. 4:3; воздерживаться от блуда имеет свою положительную сторону в том, что помогает умению соблюдать свой сосуд в святости и чести.

Отк. 9:21 здесь перечисляет блудодеяние среди грехов, о которых не раскаялись нерожденные заново, как собирательное для всех сексуальных грехов.

В Иоан. 8:41 слово любоддеяние (т.е. блуд) можно связать или с прелюбоддеянием, или с незаконным сношением неженатых личностей, которые могли бы привести к незаконному рождению.

Таким образом слово блуд, хотя и включающее прелюбоддеяние, нечистоту, похотливость и проституцию, в этих примерах более широкое по значению и различное от этих слов, и может использоваться вместе с ними, как это часто и делается, без повторения значения.

3. Оно используется специфично чтобы обозначить кровосмешение, как цитируется в Лев. 18:8 и 20:11, и в I Кор. 5:1. Подразумевается следовательно, что термин включает браки, запрещенные в Моисеевом законе, и все подобные сношения, указанные этим законом, Лев. 18; 20:10 и т.д. Таким образом поддерживается запрещение кровного родства между супругами.

4. В Деян. 15:20,29 и 21:25 оно относится к незаконному сексуальному сношению, хотя некоторые видят и более широкую связь. Сексуальная распушенность, на которой позже ссылается I Кор. была такой тип поведения, который имел ввиду Совет Иерусалима.

5. Как “неверность” в Ветхом завете описывает отказ от истинного Бога с целью боготворить идолы, так и блуд (и его синонимы) используются в Отк. 2:21; 14:8; 17:2,4; 18:3 и 19:2 чтобы описать бунт против Бога и неподчинение Ему, как и религию и жизнь таких бунтарей. В 2:21 речь идет о действительных запрещенных сексуальных практиках. Но Ленски ссылается на 2:21, говоря о любоддеянии Иезавели в Фтиатире, так: “Мы берем фразу ‘в любоддеянии ее’ во всестороннем смысле, как включающей все ее учение и все соответствующие дела.” В 14:8 Ленски видит блуд как означающий “поклонение зверю и образу его,” так же как это используется в Ис. 57:3-12. [139]

6. Эти разнообразные использования отражаются в Септуагинте в таких отрывках, как следующие: Быт. 38:24; Ос. 1:2; 2:2,4,12; I Пар. 5:25; Иез. 23:19. В Суд. 19:2 мы имеем очень интересное чтение; пока нам все равно аккуратное ли оно к оригиналу или нет. Оно однако действительно отражает греческое использование и понимание блудоддеяния. Септуагинт упускает всякую связь с неверностью, а галдейский язык смягчает “совершала блудоддеяние против него” на “она посорилась с ним.” Ланг предлагает “*И наложница гуляла с другими, кроме него.* Поведение наложницы было недобродетельным. Это только более сильное выражение того, которое наши современники имеют ввиду, когда с палиативным уменьшением вины они говорят: ‘она не любит своего мужа.’ Ее чувственность не удовлетворялась с левитом. Таким образом рассказчик объясняет основание для ее ухода от него.” [140] Во всяком случае левит поступил в нарушении Лев. 21:7. Этот отрывок представляет особый интерес, из-за того как его использовал Гротуис, а за ним и Джон Мильтон, который писал:

Гротуис . . . показывает . . . что блуд означает в Святом писании тенденцию к полному презрению к супругу, и доказывает это через Суд. XIX. 2, где жена левита совершала блудоддеяние против него; которое Иосиф Флавий и Септуагинт, вместе с галдеями интерпретируют только как упрямство и бунт против ее мужа: а я добавлю, что Кимчи и два других равина, которые комментируют текст, стоят на том же мнении. Герсон рассуждает, что если это было блудоддеяние, еврей и кроме того левит не стал бы приводить ее снова: А я добавлю еще, что если это было блудоддеяние, она выбрала бы другое место, чтобы уйти, а не дом своего отца, потому что так унижительно для древнееврейской женщины совершать блудоддеяние, что родители не простили бы ее. Поэтому блудоддеяние на этом месте в Книге судей понимается как упрямое неповиновение супругу, а не как прелюбоддеяние. [141]

Описание этого случая у Иосифа Флавия ставит его в контекст изнеженности нации, излишества и забавления. Корректность этой версии не наше дело, но отражение преобладающего использования слова блуд конечно интересное. Можно добавить, что версия Бэркли переводит Суд. 19:2 так: “Наложница обманывала его, и ушла в дом отца своего в Вифлеем Иудейский, и была там четыре месяца,” и дает заметку к этому стиху так: “Дезертировать от своей кровати и трапезы было иногда основанием для названия ‘блудница,’ как здесь сообщает древнееврейский текст.”

Можно возразить, что слово прелюбоддеяние используется в подобном смысле в Новом завете. Есть три таких подобных использования: первое, в Мат. 12:39; 16:4 и Мар. 8:38, мы находим использование выражения “род прелюбодейный.” Второе, в Иак. 4:4 мы читаем “прелюбодейи и прелюбодейцы,” может быть в буквальной связи, но вероятно нет. Третье, в Отк. 2:20-22 есть ссылка на любоддеяние Иезавели, опять с сомнительным значением. Прелюбоддеяние в целом более специфично ограниченное к сексуальному нарушению брачного договора, пока у слова блуд обычно более широкое значение. Если Иисус имел ввиду исключительно физический, сексуальный грех женатых личностей, слово *прелюбоддеяние* описало бы это. Блуд в физическом смысле имел бы в таком случае неподходящее использование для женатых личностей, но в своем более широком смысле он тесно связывается с Моисеевым законом.

Пусть исследуем Мат. 19:2-9 в смысле его полного и всестороннего значения:

1. Фарисеи подошли к Нему с испытывающим вопросом о браке и разводе, предназначенный запутать Его в опасную дискуссию о противоречивом решении. Раньше Он обвинил их в самооправдании, в том что их сердца полные отвращением и что они пытаются обойти закон своей концепцией о разводе, и заявил: “Но скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет” (Лук. 16:14-18). Иисус тоже раньше выяснил, что Он твердо стоит за целостность закона (Мат. 5:17-20). Он пришел не как разрушитель или новатор, “но исполнить.”

2. Их испытывающий вопрос раскрыл их предпосылку: “по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею?” (Мат. 19:3). Для всякой практической цели, их

основная концепция о браке и разводе извлекалась не от распоряжения сотворения, а от Втор. 24:1. Этот отрывок, гласящий “если она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное,” относится к заветному человеку, чья доктрина о браке поддерживается верностью к распоряжению сотворения. Этот факт равины сознавали, но злоупотребляли им, объявляя в простом смысле, что развод это привилегия, предоставленная только Израилю, а не и неверникам. Школы Шамаи и Хилел, обе согласились по этому пункту и таким образом полностью в разногласии с учением Христа. Хотя потеря приданого со стороны жены сохранялась за некоторые преступления, развод был правом и привилегией для мужчин Израиля из обеих школ. Как отметил Едершайм, “А еврейский закон бесспорно позволял развод на почти всяком основании; различие было не в том, что законное, а в том на каком основании муж должен был привести закон в действие, и воспользоваться абсолютной свободой, которая предоставлялась ему. Отсюда, это серьезная ошибка со стороны комментаторов, ставить учение Христа по этому вопросу на стороне Шамаи.”[\[142\]](#)

Школа Хилел давала право на развод за пересоление пищи или за подавание ее слишком горячей, или если встречалась более привлекательная женщина. В двух примерах, цитированных Едершаймом, равины объявляли свое желание жениться на один день и развестись в упражнении своего права, и он видит как основу этому “сравнительно более низкое положение женщины и ... недуховный взгляд на их брачные отношения.”[\[143\]](#)

3. Иисус в Своем ответе выяснил, что Моисеево распоряжение не было основным текстом, и его нельзя интерпретировать без основывания на распоряжении сотворения из Быт. 2:18-24. Моисеевское правило, хотя и подчиненное этому распоряжению и направленное на заветного человека, не ограниченное в своем приложении только к нему. Ограничение в направлении не ограничение в применении. Распоряжение сотворения восстанавливалось в первичном виде, который до этого был отвергнутым.

4. Кроме того, Иисус выясняет, что *распоряжение сотворения не предвидит никакой развод вообще*. Фарисеи немедленно ухватились за этот пункт. Иисус, по условиям распоряжения сотворения, не видел *никакого основания* для развода. В таком случае почему, спрашивали они, Моисей “заповедал” давать ей разводное письмо и отпускать ее? Иногда слишком многое можно прочесть в слове “заповедал.” Что наверняка это значило: если развод запрещен распоряжением сотворения, тогда почему он появляется в заповедях или в законе как приемлемый и улаженный факт?

5. Тогда Иисус взялся *перепотвердить* Втор. 24:1-4. Моисеевский закон появился на свете “по жестокосердию вашему.” Грехопадение человека произошло после Быт. 2 и оно является большой разделяющей линией между ним и последующей историей. Факт первородного греха и павшего сердца сделали Моисеевское законодательство необходимым. *Мы можем элиминировать это Моисеевское законодательство только если сможем элиминировать грехопадение в его целостности, только если мы сможем устроить подобное Эдему общество. Основа всему пренебрежению к этому факту о существовании мира грехопадения человека и жестокого сердца, это еретический перфекционализм.* Он создает грубый легализм, который раздирает церковь и не допускает грешников к Евангелию. Законодательство о разводе необходимое в государстве греха и христианам, которые пока еще ни в коем случае не достигли совершенной святости в этой жизни, и часто состоят в порочных браках, потому что живут в грешном мире. Таким образом Мат. 19:9 является новое установление Втор. 24:1 со стороны Иисуса, с блудом или с чем-нибудь противным как основание для развода, и с этой значительной коррекцией. Из-за того, что статья “если она не найдет благоволения в глаза его,” интерпретировалась не в смысле желания заветного человека исполнить волю Бога в своем доме, а в смысле личной и *законной привилегией*, Иисус оставил ее, чтобы фокусировать внимание на божественное законодательство как таковое. Это показалось странным даже Его ученикам (ст. 10), которые привыкли к тому что человек упражнял *законодательную*, а *неисполнительную* власть по условиям закона.

6. Иисус, сделав исключительный термин *блуд* действительным основанием для развода, тем самым сделал прелюбодеяние, кровосмешение, и другие преступления, которые когда-то вели к разводу через смерть, основаниями теперь для развода через разводное письмо. То что церковь осознала сущность этого, видно из Кор. 5:1-5, где в случае кровосмешения смертная казнь была обязательной (Лев. 20:11), но Павел вместо этого потребовал отлучение – духовное передавание смерти и сатане. Во II Кор. 7:7-12 видно, что после набожного опечаления, следует новое принятие в церковь. Если смертное наказание было все еще обязательным, Павел сослался бы на него, но рассматривая грех как духовная смерть, он не видит никакого правовое основание для чего-нибудь другого, чем отделение и отлучение от церкви. Павел говорил с властью с Иисусе Христе, и очевидно это принималось.

7. Наконец, Иисус выяснил, что каждый развод на другом основании, чем блуд в его утвержденном Моисеевском смысле, составлял прелюбодеяние, независимо муж ли добивался развода или жена (Мар. 10:11,12), а брак с таким разведенным лицом был актом прелюбодеяния.

Мы еще увидим, что настаивание Нового завета на его единстве с Ветхим заветом, принимается очень серьезно. Моисеевский закон нигде не рассматривается как более низкое или нижекачественное законодательство. По одному пункту однако видны некоторые различия, и вот тоже подход Павла к проблеме:

1. В Исх. 34:12-16 мы имеем запрещение религиозных соглашений с ханаанеями. В древности союзы были не только политическими или военными, а тоже религиозными и семейными.

Царские семьи женились между собой. Боги высшего партнера признавались низшим. Поэтому политические союзы были объектом пророческого разоблачения: они неизбежно были языческими. Все это ясно высказанное в этом отрывке.

2. В Числ. 25:1-8 становится ясным, что даже сексуальные отношения с иностранной женщиной, моавитянкой, предполагает, что израильтянин прилепился к Ваал-Фегору, и поэтому заслуживает смерть.

3. Втор. 7:1-3 это повторение постановления того самого принципа, а тоже и предупреждение.

4. Когда некоторое лицо дает явные доказательства о принятии Иегова и Его завета, принятие в соглашение может быть последовано женитьбой с заветным лицом, как было в случаях Раав (Иис. Н. 6:24,25; Мат. 1:5; Евр. 11:31; Иак. 2:25) и Руфь (Руф. 1:16; 4:5-18).

5. Когда, как в случаях с вернувшимися изгнанниками, браки были явно политические и религиозные (и не свободные от чувственного презрения завета, Мал. 2:14), Неемия требовал развод как условие о продолжении участия в собрании Израиля, т.е. как условие об участии в завете (Неем. 9:2; 13:23-27). Браки заключались с целью поддерживать заветные союзы с ненабожными народами с различной верой.

Следовательно это было основанием для законодательства, которое Павел был должен следовать. В смысле закона Ветхого завета такие браки явно были *блудом* и оскорблением Иегова, нарушение Его завета, и поэтому ясно запрещенные. Павел ясно и неоспоримо перепотвердил этот закон, говоря верующим, намеревающихся вступить в брак, а не тем, рожденным заново после брака:

Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо такое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или такое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живого, как сказал Бог: “вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом.

И потому выдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистоте, и Я приму вас; и буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель” (II Кор. 6:14-18).

В I Кор. 7:11-24 Павел столкнулся с различной ситуацией, не совсем ясно охваченная законом. В ст. 12 Павел, который старался никогда не говорить *законодательно*, выясняет, что он говорит *исполнительно*: “Прочим же я говорю, а не Господь.” Этим все-таки он никак не уменьшает авторитетность своего постановления: “так я повелеваю по всем церквам” (ст. 17). Он действительно однако выясняет исполнительную власть, через которую его постановление становится авторитетным. Что за ситуация было это и каким было исполнительное решение Павла?

1. В Коринфе существовали смешанные браки и Павлу писали по этому вопросу; коринфяне спрашивали совсем явно должен ли последовать развод, если только один из членов брака обращенный в веру? Вопрос был многозначительным. Возник случай кровосмешения среди некоторых, которые хвастались противозаконной свободой в Христе (I Кор. 5:2; что несколько партий существовало в Коринфе, рассказывает нам Павел (I Кор. 3:3-6). Вопрос относительно смешанных браков действительно интересовал тех, кто поставил его. Его значение было таким: Иисус поддерживал целостность Моисеевского закона, а Моисеевский закон запрещал смешанные браки. Так что нам новообращенным, у которых неверующие брачные партнеры, делать в таком случае?

2. В Коринфе Павел столкнулся с обществом, различным от того, существовавшего в Ветхом завете, и к которому в частности направлялся закон. Вопреки попыткам империи создать единую культуру через культ к императору, это общество было в основном плюралистичное и раздробленное. Разные религии процветали, которые хотя и на словах были готовы служить официальному культу, шли своим раскольным путем, за ужас многих. Коринф был производственным и торговым центром. Его жизнь не была *семейной*, а *раздробленной* и индивидуалистичной. Брак в нееврейских секторах общества основывался прежде всего на личных соображениях, желаниях и выгодах. В смысле этого *брак уже не был соглашением одновременно личности, народа и веры, каким он был в Ветхом завете. Он стал почти полностью личным делом*, намного такой, какой он есть сегодня. Закон был еще действительным, и II Кор. 6:14-18 подтверждает это, но его нельзя было применять в частности к смешанным бракам, как это выявится дальше.

3. Для христианина жениться на неверника (II Кор. 6:14-18), означало покинуть братство Христово, и вступить теперь вне завета в чисто индивидуалистское и отдельное отношение, которое было “тьмою.”

4. Для женатого неверника стать верующим означало, что заветное взаимоотношение вводилось в некоторую атомистическую ситуацию, где никакое другое соглашение не существовало. Завет, согласно закону, простирался над всеми членами дома, но не и над гостями и наемными слугами (Исх. 12:43-45; Втор. 12:17,18; Лев. 22:10; суббота земли, Лев. 25:6 и праздник недель, Втор. 16:10,11, включали пришельца и наемника из-за предсавительных и пророческих целей). Так как никакой другой завет не существовал, Бог чтит Своего завета включением неверующего партнера и детей, так что Божий завет благословлял неверующего мужчину ради его жены. Для греков брак был личным делом; в своей прежней силе он был *семейным* и *общественным*; для Святого писания, с начала до конца он *заветный* и по условиям *представленных указов*.

5. Был введен другой фундаментальный принцип: “Каждый оставайся в том звании, в котором призван” (I Кор. 7:20). Свобода действительно была желательна для раба, и более набожная;

купленные дорогою ценою, они не должны быть рабами человека, потому что они рабы Христовы (ст. 21:23). Но евангелие не пришло, чтобы изменить *формы* человека и его общества, а *сердце* человека, и этим сотворить культуру Божьего царства. Рим видел радикальное значение евангелия, как его видели и многие верующие. Отсюда и необходимость в предупреждении из Рим. 13:1-7 повиноваться властям и “отдавать всякому должное” как взыскивалось Богом, который не призывал людей к евангелию для революции, а для нового рождения. Отсюда тоже частые советы к рабам, мужчинам, женщинам и детям быть верными и повиноваться условиям своего призвания, не как угодно людям, а Богу. Важное замечание это: “в том каждый и оставайся пред Богом (I Кор. 7:24). Поэтому Бог не призвал Израиля разрушить существующие формы их культуры, когда он давал Свой закон, а скорее сделать ее подвластной Ему по условиям Его заповедей и “ в том... и оставаться пред Богом.”

6. Если неверующий муж или жена уходил, тогда верующий больше не был обязан и имел свободу жениться заново; в таком случае они были под Моисеевым законом. Устанавливая это, Павел не действовал как законодатель, а как исполнитель. Если он ввел бы какой-нибудь новый закон, его бы сразу атаковали. *Никакой человек не может разлучать*, и даже если Павел посоветовал *только разделение*, если Христос ограничил развод на основании прелюбодеяния, он был бы виновным в разлучении того, чего Бог сочел. Однако Павел отвечал коринфянам верующим, которые явно признавали закон Ветхого завета как еще действительный в смысле декларации Христа. И Павел, по вдохновенному сопоставлению, видел что здесь применимые более чем один принципы, и что преобладает различный тип культурной и религиозной ситуации и что только *одно соглашение*, одно с Господом, вводилось в эту ситуацию. В соответствии с этим его ответ был строго исполнительным, и в результате не вызвал никакой огонь со стороны Иудаистских критиков, которые чувствовали, что он представил разрыв со старым законом.

7. Наконец, из-за атомистичной, а не заветной природы происхождения этих смешанных браков, и из-за того, что какой ни была вера, которую неверующий брачный партнер продолжал исповедать после нового рождения другого, она была по природе *частной религией*, а не заветной, то семья не вовлекалась в его неверии и ее спасение было возможным (ст. 16). Религиозные культы того времени по существу были частными религиями, которые пытались привлечь в основном мужчин или женщин, но им не хватало правоверности или завета.

Следовательно, закон о браке и разводе остается один и тот же во всем Святом писании. Культурные особенности, как они отражены в законе, могут изменяться и действительно менялись, но не и сам закон. Здесь, как и повсюду, в очень глубоком смысле, “не может нарушиться Писание” (Иоан. 10:35).

Согласно Втор. 4:2 Святое писание состоит из одного откровения, одного фундаментального “слова.” Хотя и приходилось добавлять “слова” к этому “слову,” прежде чем закончить каноны Ветхого и Нового завета, другое “слово” нельзя было добавить. “Не прибавляйте к тому, что Я заповедаю вам, и не убавляйте от того.” Откровение есть одно слово, и нарушить его невозможно.”

Поэтому в Святом писании, и в Ветхом и в Новом заветах, есть один закон, касающийся брака. Намерение брака не гуманистское; оно заветное, и следовательно основания для развода не могут быть гуманистскими, а должны быть заветными.

К несчастью, законы о разводе были радикально изменены гуманизмом. Ответ однако это не возвращение к монотанизму.^[144] Практика Калвина в Женеве иллюстрирует, что строгий заветный взгляд на брак и развод библейский, а не только принятие прелюбодеяния как основание для развода.^[145]

В американских штатах библейские стандарты были категорично в силе долгие годы. Интересно отметить, что многие штаты расширили аспект о разводе через смерть, включая в нем преступников, осужденных к пожизненному заключению.^[146]

Финальное слово: Втор. 24:1-4 запрещает повторную женитьбу мужа на его бывшую жену, после того как она женилась опять и развелась второй раз. “Сие есть мерзость пред Господом.” Если основания для развода действительные, и женщина разводилась дважды, муж удваивает зло, взяв ее обратно; если его основания были нечестными и недействительными, это все-таки зло и презрение закона. То же самое относится и для жены, которая выходит за своего прежнего супруга. Или зло, которое привело к разводу действительное зло, или иначе злое презрение к закону, которое привело к недействительному разводу, представляет одинаковое зло, но во всяком случае взаимоотношение, возобновленное после промежуточного брака, представляет мерзость, потому что промежуточный брак тоже был таким осквернением: он был узаконенное прелюбодеяние, которое повторная женитьба прощает.

13. Семья как попечитель

Два интересных пункта, касающихся развода, показывают один из аспектов брака, которому слишком редко обращается внимание. Первое, подавляющий процент разводов добываются женщинами, а не мужчинами. Непосредственно после Второй мировой войны, когда считалось что многие мужчины разводились бы с неверными женами, процент все-таки остался более высоким на стороне женской инициативы. Раньше на 85 процентов из разводов подавали жены; в 1945 году этот процент упал до 75.^[147] Можно допустить, что в многих из этих случаев инициатива на самом деле была у мужчин, а муж позволял жене подать на развод только для отвода глаз, но вопреки этому женская инициатива удивительно высокая.

Второе, чем больше доход, тем меньше вероятность развода. Часто считалось, что развод более обычный среди богатых; на самом деле он более обычный среди бедных. Исследование, которое провел Вильям Дж. Гуд в 1956 году показывает это ясно:

Хотя часто думают, что уровень разводов самый высокий среди невротичного, гонящегося за успехом среднего класса, в действительности он самый высокий среди более низких экономических классов: данные из национальной переписи показывают, что вероятность развестись два до четыре раза больше у мужчин, зарабатывающих меньше 3000 долларов в год, чем у мужчин, зарабатывающих более 4000 долларов в год.^[148]

Ясное, что главное ограничение для развода это владение собственности. С одной стороны, мужчины очень легко воздерживаются от прекращения брака, по причине суровых взысканий о делении общего имущества, как и из-за вероятности платить алиментов. С другой стороны женщины менее склонные уйти из брака, если стимул собственности и дохода достаточно сильный. Надо добавить, что большое число дезертировавших отцов надо искать на уровнях более низкого дохода. Таким образом собственность является важным ограничением поведения и мужчин, и женщин. Частная собственность это стабилизирующая сила для семьи и для общества.

Когда государство лишает семью от собственности и заменяет семью как страж собственности, этим увреждает и брачная связь. Коммунистический тезис, что брак и моногамия продукты частной собственности, явно погрешный, однако семья действительно главный опекун собственности во всей истории. Ограбить собственность у семьи значит ослабить ее власть над детьми. Дети и собственность, это две самые важные области социальной функции семьи, кроме первичных образовательных и религиозных функций. Социализм атакует родительский контроль над детьми и над собственностью, с целью обеспечить приоритет государства в обществе.

Следовательно, функции семьи важные и трудные. Ее образовательные и религиозные задачи центральные для жизни в их соответствующих областях. Они аспекты тоже семейной опеки над детьми. Забота о собственности как наследство, как социальная сила, и религиозная ответственность, очень важное для общества. Не удивительно, что в Святом писании на брак смотрят с нежностью, но без романтики. Он очень ясно описывается как "ярмо" (II Кор. 6:14). Ярмо это связь, объединяющая вместе двух существ, чтобы таскать груз. В Писании брак описывается тоже и как "скорби по плоти" (I Кор. 7:28), которое Мофат дает как "внешние хлопоты." Брак категорично *работчее* содружие мужа и жены в службе Богу, упражняя владычество в предназначенных им сферах.

Книга Притчей откровенная в своем показывании брачной жизни и стандартов. В Притчах не упоминается другое, кроме моногамии. Вместе муж и жена обязаны обучить своих детей Божьему закону и семейной дисциплине (Прит. 1:8,9; 6:20, и т.д.). Рабочее взаимоотношение мужа и жены может быть великой радостью, или огромным бедствием. "Мудрая жена устроит дом свой, а глупая, разрушит его своими руками" (Прит. 14:1); вкратце "От ее конструктивной женской мудрости зависит стабильность семьи."^[149] "Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа" (Прит. 18:22); в самом деле "Дом и имение – наследство от родителей, а разумная жена – от Господа" (Прит. 19:14). В лице разумной жены Бог дает более великое наследство, чем материальное богатство. "Добродетельная жена – венец для мужа своего; а позорная – как гниль в костях его" (Прит. 12:4). Именно из-за того, что брак так важный как институция, личная и общественная, плохой брак это бедствие, сравнимое только с "гнилью в костях его," и мужу трудно или невозможно вытерпеть его.

Это содружие мужа и жены делали их опекунами над собственностью, опекунами, потому что "земля Господа" и "Землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня" (Лев. 25:23). Семья это данный Богом, распоряденный Богом опекун собственности. Приданое (Быт. 34:12; 30:20; Исх. 22:17) не было платой за покупку невесты, а свадебный подарок жениха невесте, чтобы подпечатать брак в смысле набожной ответственности.

Брак был действительно и законно браком только когда существовал договор, определяющий устройство имущественных вопросов. Такое требование было обычным в древности и появляется например в Кодексе Хамурапи, 128: "Если мужчина возмет жену, и не напишет договор с ней, эта женщина ему не жена."^[150] Кларк комментирует приданое в американском законе интересно:

Приданое также было одно из институций английского закона с ранних англо-саксонских времен, и в американском тоже. Действительно, об этом праве говорилось, что оно "распространенное как христианская религия и входит в брачный договор среди всех христиан." Но в последние годы это право изменилось или отменилось многими юрисдикциями, из-за статуты, определяющих большие выгоды для вдов, чем те, которые давало приданое.^[151]

В современном законе приданое обыкновенно понимается как право вдовы в отношении к имуществу ее покойного супруга.^[152]

В этом и состоит различие однако между современным приданом вдовы и этим из библейского закона. При современной системе приданого, вдова обеспечивается только если есть имущество достаточного размера, чтобы она могла бы жить, пользуясь им. В библейском законе приданое предшествовало брак, а дети обязывались поддерживать своих родителей при необходимости.

Библейскую семью можно сравнить с корпорацией. Корпорация отличается тем, что она искусственное юридическое лицо и создается государством. Корпорация не умирает, когда ее основатели умирают, или когда умирают ее служащие; она продолжает существовать законно вне своих акционеров, которые пока живые, получают дивиденды от нее. Подобно этому семья представляется корпорацией, состоящей из родителей и детей. Она платит дивиденды детям в виде заботы, поддержки и наследства, и возвращает дивиденды родителям в виде заботы и поддержки, когда это необходимо. Как корпорация она управляет своим имуществом и доходом в смысле ее распоряденном и данным Богом предназначении. По этой причине никакие произвольные или чисто личные решения не могут управлять решениями членов корпорации; они одновременно индивидуальные лица и корпоративная целость, а их самая настоящая функция полное осуществление обоих этих существей под Богом.

Для государства принять на себя контроль над детьми и над собственностью, значит нарушить границы семейной сферой и претендовать, что оно и есть эта корпорация, чья жизнь состоит в заботе о семье. Такая

претензия является главным нарушением Божьего правового порядка. Если к этому нарушению прибавить и *потеря веры*, тогда семья становится институцией, чья главная функция остается чтобы обеспечивать убежище и сексуальную отдушину для двух атомистических, и иногда и анархистических индивидов. Пример об этом появился в колонне Ан Лендерс 16 августа 1969 года: какой-то мужчина писал ей, чтобы заявить, что “всех жен надо истреблять, когда они достигнут 40,” потому что кому хочется “старый помидор?” С этой точки зрения брак это физическое удобство для удовлетворения мужчины, или наоборот, для удовлетворения женщины. По существу это незаконный союз, даже если он заключен согласно закону. Не удивительно, что он производит незаконные детей, у которых нет никакого уважения ни к властям, ни к собственности. Вместо того чтобы рассчитывать на Божий закон, атомистская антиномная личность, подобно декадентским римлянам в старину, рассчитывает на силу секса как лекарство для личности и общества. Женщина тогда должна превзойти Венеру, чтобы сохранить свою позицию. [\[153\]](#)

Атомистичная семья может создать только анархистичный мир. Как отметил Цимерман:

. . . семейная система играет ключевую роль в проблеме о социальной перемене. Она переносит прошлое в настоящее. События настоящего воздействуют на нее и пытаются изменить ее. Из этого прошлого с его изменениями мы получаем генератор образцов культуры будущего.

Следовательно мы не можем понять семью, если не комбинируем три комплекта идей: прошлую и настоящую природу семейной системы, тенденции текущих *событий*, и *философии* для изменения ее природу. Ни изучение развития семейной системы, ни воздействие настоящих событий на нее, достаточны сами по себе. Семья живая развивающаяся институция, способная как взлетающая пчела, полететь во всякое направление. [\[154\]](#)

Чтобы семья могла бы повернуть обратно свое направление, она должна иметь библейскую веру, а не гуманистскую и атомистическую. Семья должна стать опять опекуном над Божьими заветными требованиями, и опекуном детей и собственности под Богом. Не доверенная семья язычества, сильная, но по ориентации гуманистская, а доверенная семья Бога, вот это необходимо.

Позже мы будем дискутировать о библейском взгляде на собственность, но пока надо цитировать хотя бы случай Навуфея (III Цар. 21:1-14). Для Навуфея земля не была его, чтобы ее продавать. Все что он имел, земля и виноградник, было наследство из прошлого и доверенность на будущее. Навуфей, как хороший управляющий несомненно увеличил стоимость этого наследства, но это не сделало ничего из наследства его собственным. Как глава семьи, он имел наследство как доверенность, не как средство в угоду себе, и его основной обязанностью была забота о будущем. В Китае посредством боготворения предков, доверенная семья обвязывалась с прошлым. В библейской вере, из-за мандата сотворения, семья вцеплялась в будущее. Современная семья, из-за своего атомистического гуманизма, вцепляется в настоящее и поэтому разрушает и прошлое, и будущее. Мужчина, который предложил в колонне Ан Лендерс истреблять всех жен, когда им исполнится 40 лет, логический гуманист: прошлое не имеет никакого значения. В счет идет только настоящий момент. [\[155\]](#)

14. Гомосексуализм

Уже несколько десятилетий ведется обширная кампания чтобы отменить существующие законы против гомосексуализма и разрешить гомосексуальные отношения между согласными с этим взрослыми людьми. [\[156\]](#) Частью этой кампании было настаивание рассматривать существование гомосексуализма в условиях эволюционной рамки. Поэтому его широко описывали как форму незрелости и как один из аспектов человеческого развития, а также как продукт некоторых видов семейных переживаний. [\[157\]](#) Нам говорят, что гомосексуализм, “это этап в развитии каждого человеческого существа.” [\[158\]](#) Он “обуславливается окружающей средой.” [\[159\]](#) Нам говорят, что он бегство от мужественности в таком трудном мире. [\[160\]](#) Хотя теории меняются от одного ученого к другому, у всех них общий эволюционный и энвиронменталистский подход. [\[161\]](#) Даже и доктор Берглер, который относится радикально критически к гомосексуальному характеру, все же не оставляет этот основной энвиронменталистский подход за счет морального или теологического подхода. [\[162\]](#) Антибиблейские предпосылки этих авторов совсем явные. Один из антропологов идет так далеко, утверждая что под маской добродетельности таится “пассивный гомосексуальный потенциал.” [\[163\]](#) Другой ученый настаивает, что:

Теперь, точно так же, как любовь мальчика к его отцу в строгом смысле гомосексуальная, так и его любовь к его матери в строгом смысле кровосмесительная. [\[164\]](#)

Как-нибудь надо доказать, что все враги извращенности сами извращенные!

Шведский доктор Улерстам более откровенный в своей враждебности к христианской морали. Все извращенности ревностно защищаются. Он объявляет что “Слово извращенность надо отбросить,” потому что “его изобрели в своих целях реакционеры и демагоги. Оно напичканное суеверием, и само оно одно оскорбление в придачу.” [\[165\]](#) Извращения хорошие, твердит он, потому что они дают счастья некоторым людям. [\[166\]](#) Он счастлив сообщить, что кровосмешение в подеме среди его друзей. [\[167\]](#) Он защищает кровосмешение, эксгибиционизм, педофилию, салироманию, алголагнию, гомосексуализм, скапофилию, некрофилию, и другие сексуальные отклонения, как хорошие, однако действительно он цитирует одну особо опасную форму, сексуального сношения:

Из всех форм сексуального сношения самая опасная это гетеросексуальная, потому что у нее самый большой риск от нежелательных социальных последствий. Ведь этот акт загораживается меньшими ограничениями, чем некоторые другие сексуальные переживания далеко более обузданных видов. Вопреки этому мы считаем счастливым и здоровым состоянием вещей то, что люди удовлетворяют свои сексуальные потребности этим рискованным способом. Не было ли бы лучше, если мы поощряем людей вместо этого к “извращениям,” и учим их обуславливать свои сексуальные секреты другими ритуалами и стимулами, чем гетеросексуальное

сношение? Не было ли бы в интересе всего мира обеспечить такое обучение, которое могло бы в долгосрочном плане оказаться решением проблемы сверхнаселенности?[\[168\]](#)

Введение к книге Улерстама, которое написал Ив де Сент-Агнес акуратно устанавливает, что:

Швеция сегодняшнего дня переживает сексуальную революцию. Первая жертва преследования это мораль. В религиозных войнах дается опрощение грехов за насильственные дела, совершенные “для каузы.” Подобно этому, кампания против классической морали предоставляет своим участникам своего рода иммунитет.[\[169\]](#)

Это честное заявление и при том верное. Мы находимся среди сексуальной революции, нацеленной против библейской веры и морали. Гомосексуалиста представляют нам как чувствительную душу, которую не понимают и к ней плохо относятся.[\[170\]](#)

Долгое время, на самом деле много веков, гомосексуалисты, даже если и принимали их, были тайным, враждебным братством внутри общества, очень часто близко связанном с всяким видом тайного сдружения. Людовик XIV был должен справиться с орденом содомитов в его собственном дворе, а о подобных организациях упоминается часто.[\[171\]](#)

Обращаясь к ученым церкви, можно было надеяться на некоторое сопротивление против этой революции, но вместо этого церковь становится самой важной части революции.[\[172\]](#) Например, одна церковная публикация требует, чтобы мы относились к лесбиякам как к “индивидуальным человеческим существам,” а не как к гомосексуальным. С нас взыскивают обойти Божий взгляд на этот вопрос за счет автономного, вероотступнического, человеческого взгляда. Вкратце, требуется радикальная симпатия к гомосексуалистам.[\[173\]](#) Библейское осуждение гомосексуализма объясняется фантастическими причинами.[\[174\]](#) “Проблема” рассматривается в психологическом и эволюционном смысле и по таким же стандартами, вместо в библейском смысле и по библейскими стандартами.[\[175\]](#) Говорят, что причина гомосексуализму это окружающая среда, а не грех.[\[176\]](#) Один из авторов, Тилике, сознает что по Святому писанию надо понимать гомосексуализм только теологически, но тем не менее он призывает к гуманистскому решению.[\[177\]](#)

Прежде чем анализировать теологическую точку зрения неплохо отметить некоторые из центральных характеристик гомосексуалистов, представленные людьми, которые ни в коем случае не враждебные к ним. *Первое*, у гомосексуалиста ненормальный страх от действия и от смерти. В результате гомосексуалисты настаивают на одежду и действия, предполагающие вечную молодость, в частности незрелую молодость. Фасад молодости надо поддерживать во все времена. “Боготворение молодости и незрелости ведет к стилям, которые подчеркивают этих аспектов и напоминают о невинном ребенке. Заклинается неморальный мир вечного детства. Так как зрелость означает ответственность, закон и стандарты, то *второй* аспект гомосексуальной культуры это возторг от преднамеренной вульгарности в высшем стиле. Мартин Бендер цитирует анализ вкусов “кампов,” который сделала Сюзан Зонтаг:

В действительности, слово “камп” синоним слова “гомосексуалист” уже 40 лет в Англии и около одного десятилетия в Нью Йорке.

Мис Зонтаг предложила более чем 50 дефиниций о кампе. Любовь к преувеличенному, дух преувеличивания, “стиль ценою удовольствия,” и заявление, что есть хороший вкус в плохом вкусе. Камп несерьезный, ценящий вульгарное и банальное. Примеры, которые она дает о вкусе кампов – рисунки Обри Бэрдсли, лампы Тифани, одежды Двадцати женщин, включающие оперенье, меха на шее, и украшенные бусинками платья, музыкальные комедии Базби Бэркли как *Золотоискатели 1933 года* – стали канонами веры для артистов модных представлений, содержателей модных ателье и торговцев универмагов.[\[178\]](#)

Это один из аспектов *гомосексуальной антиномии*: заменяя здоровых стандартов произвольными и вульгарными стилями, гомосексуалист извлекает глубокое удовлетворение: он извращает, он утверждает автономно человека, он воображает себя крайним законом.

Третье, гомосексуальная культура злобно враждебная к семье, и своими интеллектуальными фасонами работает чтобы урезать культуру семьи и мелких поселений. По причине интенсивного контроля гомосексуалистов над модой и публикациями, сознание и внешний облик западных стран уже радикально зараженные паразитной гомосексуальной культурой. Каноны гомосексуальной культуры являются теперь стандартами для боготворящих незрелость выскочек,[\[179\]](#) для мира искусства и моды, и для модных интеллектуалов. Современная гуманистическая культура в большой степени окрашенная и насыщенная гомосексуальной культурой. Многие из культов свободной любви и обмена жен сильно подкрашенные гомосексуальными оттенками и энергией.[\[180\]](#)

Четвертое, гомосексуалист живет против действительности и в мире привидности, поэтому он находит что театр является счастливым элементом для его самоосуществления. Генрикс отмечает “связь римской сцены с гомосексуализмом – традиция, которая упорствует сохраняться в европейском театре вплоть до сегодняшнего времени.”[\[181\]](#) Он цитирует тоже факт, что “Связь сцены и блуда, которая процветала еще с Средневековья, продолжалась и усилилась в восемнадцатом веке.”[\[182\]](#)

Вернемся теперь к закону: у библии нет никаких резервов в связи с осуждением гомосексуализма:

Не ложись с мужчиною как с женщиною, это мерзость (Лев. 18:20).

Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость; да будут преданы смерти, кровь их на них (Лев. 20:13).

Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых, и не должно быть блудника из сыновей Израилевых (Втор... 23:17).

Это конечно достаточно ясное, и нет ни одного текста во всем Новом завете, который показал бы, что это наказание было измененное или отмененное (в Рим. 1:32 святой Павел фактически подтверждает его), и все-таки виртуально все теологи обходят этот закон и пренебрегают его требование. На самом деле святой Павел цитирует гомосексуализм как кульминация вероотступничества человека (Рим. 1:18-32). Описание этого акта святым Павлом показательное:

Подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение (Рим. 1:27).

Слово “разжигались” по древнееврейски *ekkaio*, “сгорать.”^[183] Следовательно гомосексуализм это сгорание для мужчины; отсюда Вуст переводит вторую половину этого стиха так: “в самих себе это возмездие, которое необходимо соответственно с природы того случая, по причине их отклонения от нормы.”^[184]

Таким образом гомосексуализм это кульминационная сексуальная практика кульминационного вероотступничества и враждебности к Богу. Гомосексуалист находится в войне с Богом, и каждой своей практикой отрицает естественный Божий порядок и закон. Поэтому в Святом писании подчеркивается теологический аспект гомосексуализма. В истории гомосексуализм проявляется в каждой области вероотступничества и во все времена упадка. Он крайнее проявление одного старого явления.

Раньше мы обратили внимание на мнение Тилике. Если вернемся к его анализу, мы увидим, что Тилике цитирует закон, но находит, что он сейчас не относится к делу:

... не может быть никакого сомнения, что Ветхий завет рассматривает гомосексуализм и педерастию как преступления, наказуемые смертью (Лев. 18:22; 20:13). Надо ли извлекать из этого прямые предписания для христиан, это должно остаться спорным вопросом, хотя пока за этим запрещением лежит концепция о культовом развращении, и поэтому возникает вопрос может ли, и в какой степени, культовой закон Ветхого завета обвязывать тех, которые под законом евангелия. Здесь проблемы теологического принципа, которые относятся к технологической терминологии по теме “Закон и Евангелие,” становятся острыми.^[185]

Если нет Закона, значит нет Евангелия, потому что в Святом писании они неотделимые. Если пренебрегается закон, тогда гуманистская и неморальная этика может взять верх, и при этом единственное и действительное значение имеют не Бог и Его закон, а *человеческое существо*, крайняя моральная норма для этики любви. Не сюрприз, что Тилике объявляет:

Правда, что гомосексуальная связь *не христианская* форма стыкования с нашим братом мужчиной; тем не менее это поиск целостности другого *человеческого существа*. Тот, кто говорит иначе, пока еще не заметил возможную человеческую глубину прикрашенного гомозрительного поведения, оставляя его, как и было, в автономии существования, в которую он вошел сам. Как следствие этой автономии суждения, *религиозная* путаница в конце тоже привела к *этическому хаосу*. Он состоит в смешивании вечного с временным. Так сказать, ограниченные сущности облакаются суверенитетом Бога и люди боготворят идолов (Рим. 1:23). Из-за того что низшее и высшее, создание и Создатель, разменились (“извратились”), в результате есть извращенное верховенство низшим желаниям над духом. И в этом контексте, *сексуальные* извращения упоминаются как дальнейшие символы этого фундаментального извращения (Рим. 1:26).

С библейской точки зрения, каждый и всякий “поиск целостности другого человеческого существа” вне Бога порочный, развратный, и находится под осуждением. Этот поиск уважается только тогда, когда не уважается Бог в Его законе-слове.

Тилике сознает теологическое значение этого, и он комментирует Рим. 1:26 как следует:

Гнев Бога против этой надменности выражается отказом Бога от человека, предоставляя его (“предал их”) последствиям этого его фундаментального поведения, оставляя его, как и было, в автономии существования, в которую он вошел сам. Как следствие этой автономии суждения, *религиозная* путаница в конце тоже привела к *этическому хаосу*. Он состоит в смешивании вечного с временным. Так сказать, ограниченные сущности облакаются суверенитетом Бога и люди боготворят идолов (Рим. 1:23). Из-за того что низшее и высшее, создание и Создатель, разменились (“извратились”), в результате есть извращенное верховенство низшим желаниям над духом. И в этом контексте, *сексуальные* извращения упоминаются как дальнейшие символы этого фундаментального извращения (Рим. 1:26).

То, что теологически заслуживает внимание и харизматически “обвязывает” в этом изложении Павла, это постановление, что беспорядок в вертикальном измерении (в отношении Бог-человек) соответствует извращенности на горизонтальном уровне, не только в самом человеке (отношение дух-плоть), но также и в его междуличностных контактах.^[187]

Не теряя время разобрав в деталях это изложение, можно принять, что оно показывает осознание *теологической* проблемы. Однако Тилике дает приоритет *человеческой* проблеме, пренебрегая закон за счет понимания. Неудача Реформации прийти к пониманию проблемы закона, , привел в конечном счете к этому триумфу гуманизма; человека больше не судят по Божьему закону, а как “человеческое существо,” и в смысле чисто человеческих последствий его поступков.^[188] Это не теология, а чисто гуманистская антропология.

Вот именно из-за теологического аспекта гомосексуализма, из-за его войны против Бога, следует, как осознает Тилике, тоже и война против человека, и против самого себя.

Теперь среди гуманистов обычное явление рассматривать гомосексуализм как естественный акт, который является фразой в естественном развитии человека. Библейский взгляд это, что он акт против Бога и следовательно против природы. Это неестественный акт, т.е. акт против природного порядка, и продукт грехопадения в его крайнем проявлении. Враждебное основание гомосексуализма (мужского и женского) обширно документировал доктор Берглер. Маркиз де Сад – классический пример этой ненависти к Богу и к закону. Согласно Саду “Правило закона низшее в сравнении с правилам анархии.”^[189] Враждебность Сада ко всем людям и к самому себе манифестируется в садистических и мазохистических действиях. Его ненависть к набожному порядку вероятно ведет его к избеганию всех нормальных сексуальных отношений, и есть сомнения действительно ли дети его жены это его дети.^[190] Не остановленное развитие или незрелость, а преднамеренная и зрелая война против Бога, отличает гомосексуалиста.

Божие наказание это смерть, и Божий порядок проведет его в жизнь. Не удивительно, что культуры, глубоко заряженные гомосексуализмом, отменяют наказания против него.

Финальный пункт: женский гомосексуализм, или лесбийство, проявление такого же зла, как и мужская форма, но смертная казнь резервированная для мужчин.

У женщин это “нечистота” и основание для развода (Втор. 24:1). Почему нет смертной казни для женщин? Этому две причины. *Первая*, если смотреть в связи с разводом, большая власть мужчины означает большую моральную ответственность и большую вину в прегрешении. *Вторая*, из-за того, что гомосексуализм одно из выражений вероотступничества, мужчины не могут с чистой совестью наказывать за то, что было вызвано их собственным отказом от моральной власти. В связи с блудом и прелюбодеянием Осия заявляет:

Я оставлю наказывать дочерей ваших, когда они блудодействуют, и невесток ваших, когда они прелюбодействуют, потому что вы сами – на стороне блудниц и с любодейцами приносите жертвы, а невежественный народ гибнет (Ос. 4:14).

Когда народ достигает определенный уровень моральной развращенности, наказание перестает быть личным и становится национальным. Гражданский порядок теряет свою способность действовать от имени Бога, и

тогда Бог действует против этого порядка. Другими словами есть наказание, но это наказание от Бога, и народ или нация пропадают. Гомосексуальные культуры находятся в войне против Бога; в этой войне никакие переговоры невозможны. То, что модернисты и открытые неверники должны быть в вражеском лагере, не кажется сюрпризом, но что мы скажем о привидных евангелистов, которые твердят, что: “индивидуальный гомосексуалист более достоин сочувствия, нежели обвинения,” потому что его состояние или генетическое, или от окружающей среды, и поэтому оно не его вина! Согласиться с докладом Волфендена или с Тилике, значит войти в разногласие со Святым писанием. Это однако выбор, который сделала одна статья в большом “евангелистском” списании.^[191] Хорошо вспомнить слова святого Петра, что “время начаться суду с дома Божия” (I Пет. 4:17).

Когда у церкви такая порочная позиция, для нас не должна быть сюрпризом позиция других институций. Одну из организаций за “равные права” для гомосексуалистов “признали как студенческую группу в Колумбийском университете, Нью Йорк сити, и объявились планы создать такие группы в Станфордском и в Калифорнийском университетах.”^[192] И опять, в колонне советов Ан Лендерс сообщает:

Эксперты по гомосексуализму, у которых я консультировалась, сказали мне, что хотя и шансы для полного исцеления крайне незначительные, мучимые совестью гомосексуалисты, которые ненавидят себя, часто имеют пользу от терапии. Хотя она и не превращает их в нормальные мужчины, она помогает им принимать себя без вины и стыда, и без всех этих саморазрушительных эмоций, которые сопровождают ужасы раздвоения.^[193]

Вот какая цель у психотерапии: грешить без вины и стыда. У порочных людей хотя бы открытое поведение против Бога оправдывает их позицию. Это конечно не может быть защитой для священников, чьи присяги требуют чтобы они пропагандировали слово Божие.

То, с чем сталкивается человек сегодня в этом извращении, Шафер называет удачным термином “философский гомосексуализм”:

Некоторые формы гомосексуализма сегодня... не точно гомосексуализм, а философское выражение. Надо понимать реальную проблему мужелюбов. Но большая часть современного гомосексуализма, это выражение текущего отрицания антитезиса. В этом случае оно ведет к изглаживанию разницы между мужчиной и женщиной. Так что мужское и женское как дополняющиеся партнеры уже конченные. Это форма гомосексуализма, которая часть движения ниже черты отчаяния. Однако это не изолированная проблема; она часть духовного мира поколения, которое окружает нас. Крайне необходимо, чтобы христиане поняли заключения, которые извлекаются как результат смерти абсолютов.^[194]

Весь гомосексуализм, добавили бы мы, это психологическое выражение; это действительная природа “проблемы мужелюбов.”

Когда мы сталкиваемся с гомосексуальной личностью, которая объявляет себя христианином и требует признать ее таким, у нас такой выбор: или мы принимаем слово гомосексуальной личности, или мы принимаем слово Бога, как оно объявленное в Рим. 1.

15. Открывание источников

Нечестивая ложная скромность препятствует сегодняшней церкви учить людей считаться с многими законами. Важный пример тому это закон о сексуальных сношениях с менструирующей женщиной или с женщиной, которая еще не полностью восстановилась после родов.

Если сексуальные сношения с менструирующей женщиной совершились по незнанию, это просто ритуальная нечистота, требующая очищение, но не и какого-нибудь морального наказания (Лев. 15:24). С другой стороны, преднамеренный такой акт представляет серьезное преступление:

И к жене во время очищения нечистот ее не приближайся, чтобы открыт наготу ее (Лев. 18:19).

Если кто ляжет с женою во время болезни кровоочистения, и откроет наготу ее, то он обнажил истечение ее, и она открыла течение кровей своих: оба они да будут истреблены из народа своего (Лев. 20:18).

Некоторые читают “да будут истреблены из народа своего” как смертную казнь, но большинство склоняется к отлучению. Ясное, что мы имели дело с серьезным и значительным преступлением. Оно одно из тех преступлений, от которых “осквернилась земля” и “взбунтовалась природа.”^[195] Это не только преступление против Бога, а такое преступление, которое ведет к тому, что сама земля “свергнула с себя живущих на ней” (Лев. 18:25). Нарушение “обнажил истечение ее” означает, что мужчина “обнажил ее источник жизни.”^[196] Оба, мужчина и женщина, одинаково виновные.

Иезекиль ссылается на тот самый грех, бросая при этом дополнительный свет на этот вопрос:

Если кто праведен и творит суд и правду, на горах жертвенного не есть и к идолам дома Израилева не обращает глаз своих, жены ближнего своего не оскверняет, и к своей жене во время очищения нечистот ее не приближается, Никого не притесняет, должнику возвращает залог его, хищения не производит, хлеб свой дает голодному и нагого покрывает одеждою, В рост не отдает и лихвы не берет, от неправды удерживает руку свою, суд человеку с человеком производит правильный, Поступает по заповедям Моим и соблюдает постановления Мои искренно: то он – праведник, он непременно будет жив, говорит Господь Бог (Иез. 18:5-9).

Из этих отрывков видны две вещи. *Первое*, сексуальное сношение с менструирующей женщиной (или с женщиной, еще не восстановленной после родов, классифицируются и в Левите, и Иезекилем как серьезные, *агрессивные* проступки. *Второе*, такое действие категорически причисляется к тем, которые *оскверняют землю*. Еллисон комментирует здесь очень точно:

Действительно, что популярная современная концепция об индивиде извлекается из древнегреческой мысли, а не из библии, и можно даже рассматривать ее как антибиблейской. Мы стремимся думать о наших телах как о дающих нам нашу индивидуальность и разделяющих нас друг от друга. В Ветхом завете это наша плоть – слово тело редко встречается в древнееврейском языке – которая связывает нас с нашими ближними, а наша личная ответственность дает нам нашу индивидуальность. Так как человек (‘adam) связан с землей (‘adamah), из которой он взят, и через нее с всеми, которые живут на той же земле, он не может не оказывать влияние на них своими поступками. Отвратительное поведение заставляет “землю грешить” (Втор. 24:4, ср. Иер. 3:1,9). Вот почему засуха, бубонная чума, землетрясение и т.д., для Ветхого завета это естественные наказания за безнравственность (ср. Пс. 106:33). Если человек обитает оскверненную землю, он не может не участвовать в ее

осквернении. Главный ужас изгнания был не в том, что земля изгнания была вне контроля Иегова – взгляд, который вероятно поддерживался совсем немногими – а в том, что это была нечистая земля (Ам. 7:17).^[197]

Вернемся к деталям закона; *первое*, семь дней воздержания от сексуальных сношений необходимо во время менструации (Лев. 15:19), или если с менструацией связанная другая болезнь, воздержание соответствует продолжительности недомогания (Лев. 15:25). *Второе*, период воздержания после рождения мальчика сорок дней (Лев. 12:2-4), а восемьдесят дней после рождения девочки (Лев. 12:5).

Мы цитировали две характеристики этого греха: что он *агрессивное* действие, и что он *оскверняет землю*. Иезекииль 22:10 цитирует *третий* аспект – его *извращенность*. Иезекииль считает его подобным сексуального сношения с мачехой, и он говорит о нем как об *оскорблении* для женщины. Именно пасторальный опыт автора обычно подтверждает элемент извращенности в этом поступке. Извращенным мужчинам делает удовольствие, если акт морально и/или эстетически оскорбительный для их жен, и подобно этому некоторые женщины интересуются им, если он морально и/или эстетически оскорбительный для их мужей. Это привлекательный акт только для тех, которые хотят грешить против другой личности, и против Бога.

Вернемся к Лев. 20:18; здесь грех мужчины описывается так: “он обнажил истечение ее.” Грех женщины описывается подобно: “она открыла течение кровей своих.” Здесь термин *истечение* важный. В естественном, буквальном смысле, это природный источник живой воды, и в древнееврейском языке это то же самое слово для “глаз.” То же слово используется символично в Святом писании для Бога (Пс. 35:9; Иер. 17:13) как источник милости (Пс. 86:7). Есть множество таких упоминаний о Боге и Христе. Но оно тоже око Иакова во Втор. 33:28; оно используется для доброй жены (Прит. 5:18) и для духовной мудрости (Прит. 16:22, 18:4). Его использование в Лев. 20:19 очевидно комбинирует в себе буквальный и символический смысл. Чтобы понять этот смысл мы должны вспомнить, что течение – это источник, место на земле, где выходит на ее поверхность живая вода. Есть очевидная аналогия с овуляцией у женщины. В равной степени очевиден факт, что здесь у этого термина символический смысл, который является основным для строгости наказания.

В это значение можно вникнуть, рассматривая вопрос юридически: мужчине запрещается открывать течение женщины, а женщине запрещается открывать свое течение. Таким образом этот закон ставит женщину вне использования мужчиной через регулярные интервалы времени; подобно этому, и женщины нет права сношаться с мужчиной неограниченно или без резервов.

Человек – Божие творение и Бог высший источник жизни. Человеку нельзя нарушать закон ни в какой области, потому что каждая область связывается и охватывается Божьим законом, и ее надо открывать и закрывать в Нем. Владычество человека находится под Богом, и поэтому он не может упражнять безрезервное владычество над никем или над ничем. Следовательно во всех вещах есть частные области, которых человек не может нарушать; общественная область вещей и народ таким образом покрыты Божьим законом.

Никакой мужчина поэтому не может сделать женщину своим творением, ни никакая женщина не может сделать себя творением мужчины. Каждый мужчина и каждая женщина обязаны любовью служить мужу или жене, родителям и детям, работодателям, наемникам, и соседям, как Божий закон требует, но без нарушения частной области другого. Наши источники в Боге; поэтому только Он один имеет тотальное право и власть знать о нас все и упражнять неограниченную юрисдикцию над нами. Никакой человек не может претендовать на это право, не сталкиваясь с Богом. Даже если мы глубоко любим жену, мужа, ребенка, родителя или друга, мы не можем иметь тотальную связь с ними, или нарушать их частную область, или раскрывать себя без резервов.

Подобно этому, государство не имеет никакого права знать все о своих гражданах, или пытаться нарушить их частные области. Оно может взыскивать их повиновение закону, но не больше. Никакой человек и никакое государство не может претендовать на власть делать с народом то, что ему захочется.

Однако одна из характеристик порочного человека именно это использование другого человека по своему собственному желанию, а не по Божьему закону. Тридцатилетняя война видела беспочвенные и тотальные разрушения городов, сел и хозяйств с обеих сторон. Более тяжелые страны этого периода показывают нам ужасы войны: солдаты кастрировали фермеров, вешали их головой вниз над огнем, и по очереди изнасиловали их жены. Не было ограничений для злого воображения и действия людей. Великая несправедливость царствования Людовика XIV было его отношение к гугенотам. Убивать их за их веру хотя бы делало им честь, но вместо этого политика была расквартировывать групп солдат самого низкого сорта в домах гугенотов, чтобы изнасиловать их женское население.

Наполеон показывал лучший разум и рассказ одного современника, маркиза де Бонвал, сообщает о нем:

Военврач – майор Мутон из гвардии был расквартирован у принцессы Лихтеншейн.

Мутон, чей солдатский язык часто оставлял желать лучшего, написал принцессе письмо, в котором жаловался на условия ночлега, и это в выражениях, которые были действительно наглými, почти неприличными.

Это письмо попало в руки принца Ньошатель, который отнес его Императору. Гнев Наполеона был без границ! Он приказал принцу Ньошатель привести виновного на осмотр войск следующего дня, между четырьмя жандармами.

Во дворе Шонбрун, куда больший, чем этот в Фонтенбло, было также двойное крыльцо стужнек перед дворцом. Гвардия построилась на этом дворе и виновный был введен его четырьмя жандармами.

Тогда Наполеон вышел на перон, с бумагой в руке. Но вместо того, чтобы сойти вниз через четыре ступеньки, как он делал обычно, он спускался намеренно медленно, следуемый целым своим блистательным штабом, и все еще с этой ужасной бумагой в его руке.

Все еще этим отмеренным шагом он приблизился к виновному и бросил ему:

“Это Вы писали эту нечисть?”

Несчастный человек свел свою голову в знак согласия.

Тогда Наполеон сказал звонким тоном:

“Поймите это, господа, людей убивают, но никогда не подвергают их стыду. Расстрелят его!”

Представление состоялось, и генерал Дорсен не расстрелял несчастного доктора.^[198]

Если Святое писание не дает власть использовать личность вне закона ни мужу, ни жене, которые связанные любовью, куда меньше оно может позволить всякое другое нарушение того, которое частная область Бога в жизни человека. Если муж не может “использовать” свою жену вне закона, или жена отдаваться вне закона, никакой другой человек или агентство не может нарушать источники жизни, не оскверняя при этом самую землю, и не навлекая на себя осуждение.

16. Посредническое дело закона

Говорить о посредническом деле закона, значит немедленно вызвать враждебность со стороны протестантских евангелистов, из-за их глубоко коренящейся антиномии. Чтобы выяснить вопрос как можно скорее, надо сказать, что Иисус Христос единственный посредник между Богом и человеком. Нет спасения, кроме через Иисуса Христа, данного Богом посредника и спасителя. Посредничество Иисуса Христа – *между Богом и человеком*; закон – данный Богом посредник *между человеком и человеком*. Святое писание говорит о Христе как о посреднике в Новом и лучшем завете “который утверждён на лучших обетованиях” (Евр. 8:6). Это обетования закона, как он обобщен во Втор. 28, благословения повинующихся вере. По Ленскому:

Обещания не лучше в своей сущности, в сравнении с обещаниями, данные Аврааму, но в действительности нам не надо больше ждать Посредника, как это приходилось Аврааму. Они конечно лучше, чем обещания, которые связанные с законом-заветом, объявленном 430 лет после Авраама.^[199]

Первое предложение Ленского корректное; в его втором предложении, вовлекая в дело Мойсеев завет, Ленский отклоняется в этот диспенсионализм, который логическое последствие всей антиномии. Через Святое писание Бог делает один завет для успевающих людей. То, что *новое* в Христовом завете, было Его пришествие и Его искупление как настоящая жертва и кровь завета; Христос утверждает тождество Божьего завета, заменяя двенадцати сыновей Иакова и двенадцати родов Израиля двенадцатью апостолами. Этим действием Он выясняет приемственность своего завета от этого Авраама и Адама. Чествуя Своего завета во время чествования старого, т.е. на пасхе, Христос на последней вечере опять подчеркнул, что продолжение завета остается с Его народом. Так как завет обновлен Христом, закон завета тоже был обновлен.

Из-за того, что люди Божии призванные к праведности – “оправдание закона” (Рим. 8:4) – следует что закон основное условие их жизни. *Никакая прямая связь между личностями невозможна, кроме через закон Божий*. Попытки обойти закон для противопоставления человека человеку без Бога, означает осуждение Божие, потому что закон действует против своих нарушителей, и против разрушения настоящей связи человека с человеком под Божьим законом.

Закон Господа относительно сексуальных взаимоотношений в периода менструации наглядная иллюстрация того принципа. Невозможно для человека утверждать, что в браке возможно нетеологическое противопоставление одного другому. Связь такая, какая она полностью ограниченная законом. Она распорядленная Богом, и поэтому управляется Его законом. Нам ясно сказано: “Брак у всех да будет честен, и ложе непорочно”; блудников же и прелюбодеев судит Бог (Евр. 13:4). Закон распространяется над этим ложем, запрещая сношение с менструирующей женщиной или с такой, невосстановившейся полностью после родов.

В каждой области жизни, независимо в отношении к нашим врагам, ближним, одноверцам, мужам, женам или детям, “любовь есть исполнение закона” (Рим. 13:10). Любовь без закона – это противоречие; хотя любовь и закон неидентичны, они не могут существовать один без другого.

Если мужчина заявляет, что любит женщину, а потом требует, во имя более личного и существенного обстоятельности, чтобы они жили вместе без брака, женщина в праве сомневаться в его любовь. Любви нельзя отделять от закона, не отрицая любви, ни можно закона отделять от любви, не отрицая закона.

Это значит например, что брак действительный, и его невозможно разрушить, когда муж и жена с верой исполняют свои обязанности как требует закон Божий, в доброй вере к Богу, и к своему брачному партнеру, и с благосклонностью.

С другой стороны, романтическое настроение современного мира ищет междуличностные отношения преднамеренно вне закона, и в результате следует курс, самоубийственный для человека. Если междуличностные отношения вне Бога запрещенные между мужчиной и женщиной, они запрещенные тоже между мужчиной и женщиной, и между женщиной и женщиной, в каждой другой области.

Это значит, что детей не любят, если их любят вне закона; пренебрегать закон и пытаться исключить дети от него в семье или вне семьи, значит показывать к ним все, но не и любовь.

Подобно этому, отношение работодатель-наемный рабочий не точно междуличностное. Нехристианский экономик свободного рынка настаивает, что такое взаимоотношение хозяин-рабочий нельзя управлять по другому, кроме через действие рынка. Современный государственный экономик настаивает на его право вмешиваться своим собственным государственным экономическим законом. Трагедия обоих позиций состоит в их существенном беззаконии. Одна превозносит личную волю в закон, а другая – политическую волю; одна – рыночный принцип, другая – социалистический принцип. В безбожном обществе ни индивид, ни государство, может действовать под законом, и этого нельзя и ожидать; они будут действовать в грехе. В результате их концепция о законе будет упражнение власти с целью увеличить свою власть. Однако по условиям Святого писания ни государство, ни работодатель, может иметь прямое взаимоотношение с кем-нибудь вне Бога.

Поэтому закон Божий – посредник между человеком и человеком. Вместо междуличностного противопоставления, всегда есть посредничество Божьего закона между личностями. Если личности встречаются

по условиям закона, их отношение благословенное и успешное; если они встречаются вне закона, проклятие закона работает против них. Предполагаемое намерение междуличностного противопоставления подлинно экзистенциалистское, и действительно *личное* взаимоотношение; на самом деле оно ведет к *радикальной безличности*. Настоящее личное отношение это только то, которое при посредничестве закона.

Вопрос можно иллюстрировать лучше, обращаясь к медицине. Как указал доктор Ганс Селай, “Жизнь не точная сумма своих частей... чем больше вы разбираете этих живых вещей, тем дальше вы уходите от биологии...”^[200] Работа доктора Селай – это работа и простого наблюдателя и сопоставителя из старой школы биологии,^[201] наблюдающий личность и работающий невооруженным глазом. Уважение доктора Селай к молекулярной биологии действительное, как и его критика к ней. Его книга посвященная молекулярному биологу, профессору Умберто Фернандес-Моран, специалисту по электронным микроскопам в Университете в Чикаго. Согласно доктору Селай:

Он одновременно врач и физик, который не только использует, но и действительно строит высоко мощные электронные микроскопы. Я читал многие из него замечательных публикаций, но до этого я никогда не встречался с ним, и поэтому не мог устоять искушению телефонировать ему в конце времени, которое я проводил в Чикаго, и он любезно пригласил меня обедать у себя дома, с последующим визитом к его знаменитым лабораториям.

Мой интерес к его исследованиям и к его колоритной личности возростал во время нашего разговора за обедом, и достиг кульминационную точку где-то около полуночи в его лаборатории, когда я начал понимать величия его научного вклада. Там была последняя модель его знаменитого алмазного ножа, которым он мог физически разрезать молекулы гликогена на меньшие сахарные. Там я мог действительно видеть отдельные молекулы гемо-цианина под его самым мощным электронным микроскопом. Он объяснил мне, что это было только начало, потому что теперь он работал над еще более мощным электронным микроскопом, который покажет объектов ясно при увеличении в двух миллионов раз. Я был глубоко затронут тем, что я видел, и безмолвным от восхищения. Однако когда мое иконоборское подосознание внезапно сплыло на поверхность и вспыхнула ужасающая мысль в моем устарелом разуме: “Представь себе этот великий гений, использующий весь свой огромный интеллект и знание, чтобы построить инструмент, который ограничит его зрительное поле два миллиона раз!”^[202]

Работа доктора Селай и его большой вклад в медицину вовсе зависел от его наблюдений над живыми существами и над законами жизни, все это невооруженным глазом. Молекулярная биология сделала большой вклад в абстрактное знание, но у трудов Селай большая практическая стоимость из-за его рассматривания целого, и его веры, что жизнь больше, чем сумма ее частей.

Жизнь человека больше чем сумма ее частей, и основная часть целого – это закон Божий. Человек создан Богом, и создан через закон Божий и в нем. Рассматривать человека вне этого факта, значит обезличивать его.

Нельзя никогда рассматривать человека абстрактно от того, что он есть. Твердить, что мы можем не принимать в расчет расу человека, его наследство, интеллигентность, религию и моральный характер, а потом каким-то образом иметь дело с реальным человеком, это обычайное либеральное заблуждение; результат этого только абстрактная идея о человеке, а не живой человек. Подобно этому никакой человек не может абстрагироваться от правового контекста своего существования. Пробовать такой подход к мужчине, женщине или ребенку, вне контекста Божьего закона значит пытаться подходит к существу, сотворенное нами, т.е. несуществующей личности. Отсюда и радикальное обезличение всех междуличностных противопоставлений. Романтичная любовь например, обходит Божий правовой контекст иметь дело с “реальной личностью.” В такой связи обе стороны видят только несуществующую личность их воображения. Как не раз признавали обе стороны такой связи, после того как их великая страсть остывала, и их воображение приземлялось на скалу реальности, они находили себя неспособными ни говорить интеллигентно друг с другом, ни жить вместе.

Вот поэтому междуличностные противопоставления характеризуются основным обезличиванием. Их попытка подойти к личности вне закона, или иметь дело с рабочим вне закона, это попытка использовать других личностей, не реально существующих в контексте закона, а таких, которых человеческое воображение обратило в вещи для использования.

Человек не может жить в физическом мире, не признавая его законы, Отрицать эти законы, или допускать, что их можно обойти, значит навлекать на себя бедствия. Человек научился летать, не прыгая с утеса в пренебрежении закона, а используя закон чтобы сделать возможными летательные аппараты. Подобно этому человек не может пренебрегать реальности Божьего закона ни в какой другой сфере творения. Законы действуют так полно в мире людей, как и в каждой другой сфере. Причиной продолжающегося кризиса истории и ее хронического бедственного состояния является грешный неуспех человека твердо придерживаться к закону и в законе.

Итак, закон не разделяет людей, ни обезличает их. Беззаконие разделяет людей; настоящий закон способствует их объединению. Точно как Христос, как посредник, единственный, который может привести человека к Богу, так и закон, Божий закон, может привести человека к его собрату человеку. Посредничество Иисуса Христа восстанавливает человека в праведности, т.е. в законе, и поэтому открывается общение не только с Богом, а тоже и с человеком.

17. Трансвестит

Замечательный закон появляется во Втор. 22:5, который долгое время влиял на правовые кодексы христианских наций:

На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье; ибо мерзок пред Господом, Богом твоим, всякий делающий сие.

Слово *мерзок* здесь представляет особый интерес. Одно греческое и четыре древнееврейские слова переводятся как отвращение; в этом случае древнееврейское слово *этотоebah*, которое означает “что-то

отвратительное, особенно на религиозной основе.”[203] “Слово используется, чтобы обозначить то, которое особо оскорбительное в моральном смысле, для религиозного чувства и для естественной склонности души.”[204]

Закон здесь однако указывает на личность как “мерзкой” пред Господом; следовательно не действие или вещь, а индивид выделяется как такое отвращение.

Никакое наказание не определяется за это преступление; это проступок, а наказание предоставляется в расположении законодателей.

Комментарии библейских ученых интересные. Райт видел это как часть требования о физическом совершенстве, обязанность уважать и поддерживать тело, каким его дал нам Бог, без искажения или путаницы.[205] О считает что:

Закон появляется только здесь и обычно интерпретируется как направленный против привидных изменений пола в религии хананеев. Доказательство для последнего однако извлекается из источников, которые намного поздние, чем времена Израиля. Может быть мотивация происходит от отвращения израильтян к всему неестественному (ср. Стихи 9-11 и 14:1-2), хотя на самом деле у нас нет уверенности что скрывается за этим.[206]

Кейл и Делич специально эффективные:

Как собственность ближнего должна была быть священной в ценностной системе израильтянина, так и божественное различие полов, которые поддерживалось священным в гражданской жизни через одежду, специфичной для каждого пола, должно было священо соблюдаться не менее, а даже больше. “На женщине не должно быть мужской одежды, а мужчина не должен одеваться в женское платье.” (Одежда) в случае не должна означать только одевание, ни только оружие, а включает всякого вида домашние и другие принадлежности. Непосредственное предназначение этого запрещения было не предотвратить распущенность, или противопоставится языческим практикам...; а поддерживать святость того различия полов, которое установленное сотворением мужчины и женщины, и в отношении которого Израиль не должен был грешить. Всякое нарушение или стирание этого различия – такое даже например как эманципация женщины – было неестественным, и поэтому мерзость в глазах Бога.[207]

Следовательно закон запрещает возлагать мужские обязанности и инструменты на женщину, и женские на мужчину. Таким образом его цель это поддерживать фундаментальный Божий порядок. Мужчина, который позволяет своей жене содержать его, когда он трудоспособный, нарушает этот закон.

Комментарий Александра поддерживает то же значение:

Божественно установленное различие между полами должно свято соблюдаться, и в порядке этого одежда и другие вещи, специфичные для одного, не должны использоваться другим. То, которое принадлежит мужчине, буквально это аппараты мужчины (включая не только одежду, но и машины, инструменты, оружия и принадлежности). Это этическая регуляция в интересах моральности. Это не относится, как некоторые полагают, к ношению маск с целью дезидентификации, или к практике жрецов на языческих праздниках носить маски их богов. Все, что стремится стереть различие между полами, ведет к распущенности; а то, что один из полов должен принять одежду другого, всегда считалось неестественным и неприличным.[208]

Согласно Баумгартену, этот закон

запрещает манифестацию примитивной неестественности и нечестивости, что муж (супруг) и оригинальный мужчина (человеческое существо) должен повиноваться голосу своей жены, производного человека... В мере, в которой человек упорствует в своем отчуждении от Бога, эта фундаментальная ошибка всегда будет давать знать о себе (Рим. 1:26,27)... Но еще и гнев Божий открывается из небес, против каждого извращения полов, выражающееся в запутанных и обеспокоительных результатах этого широко распространенного и еще распространяющегося женского владычества, и мужской зависимости.[209]

Сегодня мы имеем то, что Виник назвал прогрессивной десексуализацией людей. Цель все более “мягкий мужчина,” и среди старших, и среди младших поколений. Мужчина все более превращается в нейтральное создание; различие между мужским и женским затемняется. В результате, и это никак не сюрприз, в 1964 году Американский союз для гражданских свобод защитил мужчину против обвинения, что он трансвестит, бросая вызов закону впервые в 119 лет.[210] Более того, “Трансвестизм со стороны мужчин появляется все более в пьесах и в кинофильмах.”[211] Общеполовые одежды стали популярными в Лондоне, и среди некоторых скандинавских подростков.[212] Все более мир Америки становится “страною мягких.”[213] Одновременно с этим, сцена “создает множество мужчин, которые программированные к поражению,” пока в то же самое время разрисовывает агрессивных женщин. На самом деле, “Актрисы крупнее мужчин не только на афишах; некоторые действительно более высокие.” Кроме того, “Хотя когда-то женские образы представляли цель романтических преследований героя, сегодня нам показывают женщину как Скотину.”[214]

За этим хаосом лежат некоторые идеи. *Первая*, бунт против распоряденного Богом порядка, совсем очевидная. Сам принцип порядка отвергается. Человек стремится преднамеренно заново подрядить творение в смысле своего собственного творческого мандата.

Вторая, равенство как философская и религиозная вера привлекается к делу. Все люди равные; женщина равная мужчине, а человек равен Богу. В результате, надо воевать против различий во имя принципа. Цель не только одинаковый пол, но одинаковый человек, мягкая, нейтральная личность. Генри Миллер видит возвращение в Рай только через разрушение истории, смысла, закона и моральности. Должно быть время тотального разрушения, “время убийц,” а новый мир может прийти только когда старый забудется. Это значит период анархии, в котором достигнуть слияние рас и универсальный человеческий гермафродитизм (“рождение мужского и женского в каждом индивиде”) и тогда новый мир может появиться.[215]

Вернемся теперь к закону, чтобы найти свежее развитие его смысла; он ясно относится к одежде, но его смысл значительно шире. Закон борется против генеральной нейтрализации полов и запутывания их ролей. Закон настаивает на строгую линию деления между мужским и женским как лучшее и распоряденное Богом средство для общения и любви между ними. Сила и характер мужского и женского поддерживаются лучшим образом через повиновение этому закону.

Когда-то было строгим принципом воинственного поведения применять этот закон в каждой области. Например людям в униформе не разрешалось возить коляску с ребенком; выполнять материнское дело было неподходящим для авторитета и силы униформы. Если это сегодня кажется пустячной и забавной иллюстрацией,

на самом деле это все-таки здравый принцип. Его цель была сохранить божественность и мужественность боевой силы. В то же самое время, по стандартам до Первой мировой войны, от офицера, как и от его людей ожидалось проявление многостранных способностей. Их квартиры должны были быть чистыми и убранными, а искусство готовить не ограничивалось к повару. Цель была рассчитывать на себя и быть способным уцелеть. В доме муж не выполнял женское дело; в бараках и на поле мужчина должен был быть находчивым, способным и порядочным в своей жизни.

Цель закона увеличить силу и власть мужчин и женщин в их соответствующих областях. Сила мужчин это быть мужчинами под Богом, а сила женщин это быть женщинами под Богом.

Определение трансвестита в таком случае должно быть шире, чем простая связь с одеждой.

Можно добавить, что у современной культуры сильно трансвеститский характер. Здесь как и везде она предпочитает характер извращенности перед Божьим законом.

18. Скотоложство

Закон против скотоложства появляется в четырех различных отрывках, трижды в теле закона и однажды в проклятиях закона:

Всякий скотоложник да будет предан смерти (Исх. 22:19).

И ни с каким скотом не ложись, чтобы излить семя и оскверниться от него; и женщина не должна становиться пред скотом для совокупления с ним. Это гнушно. Не оскверняйте себя ничем этим; ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас. И осквернилась земля, и Я воззрел на беззаконие ее, и свергнула с себя земля живущих на ней. А вы соблюдайте постановления Мои и законы Мои, и не делайте всех этих мерзостей, ни туземец, ни пришлец, живущий между вами; Ибо все эти мерзости делали люди сей земли, что пред вами, и осквернилась земля; Чтоб и вас не свергнула с себя земля, когда вы станете осквернять ее, как она свергнула народы, бывшие прежде вас. Ибо если кто будет делать все эти мерзости, то души делающих это истреблены будут из народа своего. Итак соблюдайте повеления Мои, чтобы не поступать по гнусным обычаям, по которым поступали прежде вас, и чтобы не оскверняться ими. Я Господь, Бог ваш (Лев. 18:23-30).

Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте. Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину; да будут они преданы смерти, кровь их на них (Лев. 20:15,16).

“Проклят, кто ляжет с каким-либо скотом!” И весь народ скажет: “аминь” (Втор. 27:21).

Итак, это преступление навлекает смертную казнь и человеку, и животному; если смертная казнь не исполнится, земля оскверняется и она свергает с себя вырожденный народ. Гинсбург комментирует Лев. 18:25, “и свергнула с себя земля живущих на ней,” умело разъясняя этот фундаментальный аспект библейского права:

С времени сотворения земля разделяет в наказании вину человеческую (Быт. 3:17), и при возмещении всех вещей она должна участвовать в его восстановлении (Рим. 8:19-22). Физическое состояние земли следовательно зависит от морального поведения человека. Когда он не повируется Божьим заповедям, она пересыхает и не приносит свой плод (Втор. 11:17). “Земля оскверняется,” когда он оскверняет себя. Когда он идет по пути Божественных распоряжений, она благословенная (Лев. 25:19, 26:4); Бог милостив к своей земле и к своему народу (Втор. 32:43). Следовательно, “земля поникла,” когда ее обитатели грешат (Ис. 24:4,5), и “земля торжествует,” когда Бог “судит по правде” Свой народ (Пс. 95:11-13). Эта близкая связь между ними причина тому, что земля, которая здесь персонифицируется, представляется как отвращенная от безнравственного поведения своих детей, и как неспособная ограничить их. Они причиняют ей тошноту. Та же самая фигура используется в ст. 28, в 20:22, и в Отк. 3:16.^[216]

Скотоложство было обычной практикой в древности; оно было, более того, *религиозной* практикой. Языческие религии, с их верой в эволюции из хаоса, искали внизу из хаоса религиозную крепкость, силу и жизненность, а не свыше. Воровалось, что сила лежит внизу, в контакте с “землей,” в примитивном прошлом человека. В результате, их религиозное обновление требовало акты скотоложства, и в Египте, Ханаане, и в многих других странах, такие акты были национальными требованиями для социального благополучия народа, и личные акты людей, надеющихся увеличить свои жизненные силы. Если Бог действительно Бог, тогда человек смотрит вверх к Богу для нового рождения, напутствия и силы; он согласует свою жизнь с законом-словом Бога. Если хаос верховный, и он источник всех вещей, а не Бог, тогда человек должен искать вниз акты хаоса для своего возрождения. Вот именно это и делал человек. Скотоложство было одним из важных аспектов *развитого* язычества. Поэтому оно появляется более часто в высоко развитых языческих культурах, чем в простых, оставших таких; оно выдающийся аспект сексуальной жизни в “передовых” языческих культурах.^[217]

Скотоложство имеет историю связи с революционными движениями и личностями. Тезис революции – это рай через хаос, точно как и тезис скотоложства. Два члена Американского Национального агентства по безопасности, которые в 1960 году сбежали в Советский союз, оказались при расследовании гомосексуалистами, а еще “имели склонность предаваться в частности сексуальным актам с животными.”^[218]

Настоящая сексуальная революция интенсивно экспериментирует со скотоложством.^[219] Доктор Улерстам заступает за отмену “этого морального рабства,” запрещению скотоложства, и защищает этот акт.^[220]

Библия называет этот акт “мерзостью” или “извращением.” Этот элемент извращения всегда был основным для этого акта, и для религиозного аспекта этого акта. Радикальная извращенность маркиза де Сада хорошо знакомая; его сумасшедший каталог актов скотоложства, связанные с садизмом, с широким разнообразием животных, дается в его самой важной работе.^[221] Оправдывая поедание экскрементов как эротическое удовольствие, Сад заявляет, что оно “самое нечистое” из всех актов, которые нравились ему.^[222]

Кенет Бурк несколько десятилетий тому назад анализировал “светское обращение.” Хотя специфично он дискутировал Фрейда, он занимался с всеми подобными мышлениями, которых он описывал как “обращение наоборот.”^[223] Не принимая рамку термина Бурка, мы можем использовать это подходящее описание, чтобы умело описать модную концепцию о возрождении. Повсюду в литературе, искусстве, политике или в религии, жизненность ищется в примитивизме, в нижнем поиске, и принимается, что жизненность изобилует в такой степени, в которой нарушается закон. Самое популярное лекарство против мужского бессилия – это точно тот самый низкий поиск, начиная с гомосексуализма, как средство оживления умершей сексуальной способности.

“Обращение наоборот” объясняет тоже удовольствие Сада от “самой нечистоты” каждого акта; всякое извращение мерзость, и чем более сильное отклонение от норм, и чем более преднамеренная его атака против Божьего правового порядка, тем более “мерзость” и наслаждение в нем. Из-за того что Сад, как классический пример обращения наоборот, был в такой горькой враждебности к Богу, то чем более выявлялось нарушение закона в каждом акте, тем больше удовольствия доставлял он ему. Торнтон установил, что:

Есть еще другие известные случаи мазохизма – случаи например, в которых участвующие индивиды могли бы быть водимыми желанием о крайнем деградировании себя в таких практиках *какуролагния* и *копролагния*. Под этими терминами мы понимаем соответственно пить урину и пробовать или есть экскременты. Чем больше он мог унижить себя, чем ниже уровень, до которого он мог снизить свою человечность, тем счастливее чувствует себя настоящий мазохист.[\[224\]](#)

Цель таковой деятельности это разрушить образ Бога в человеке, доказать что человек не больше, чем животное.

Желание свести человека к животному – часть эволюционной веры. С этой целью написанные популярные книги, одна из самых популярных была работа бестселлер Дезмонда Мориса *Голая обезьяна*, выбор клуба “Книга месяца” за февраль 1968 года. Скоро после создания Советского союза большевистской революцией, в Африку отправилась научная экспедиция, субсидированная миллионами рублей, чтобы попробовать скрещивание людей и человекообразных обезьян. Профессор Илья Иванович Иванов и его экспедиция надеялись сосватать новую расу из обезьяно-людей, с целью подтвердить веру в анти Божьем обществе Советской России. Эта экспедиция провалилась, конечно, в 1925 году, и советская пресса год спустя сообщила о предполагаемой потере в Черном море парохода, возвращающего Иванова и его женских человекообразных обезьян; итак, что бы ни случилось, не осталось никаких уцелевших, чтобы сообщить об этом фиаско.[\[225\]](#) Теперь ищутся более утонченные средства, чтобы свести человека к уровню животных.

Теперь производятся и интенсивно продаются порнографические кинофильмы; они включают многие акты скотоложства. Рекламируются книги, которые дают инструкции как совершать акты с животными. Есть систематическая пропаганда этого извращения и обучение животных для исполнения актов с различными группами.

Одним или другим путем, философски или через акты извращенности, гуманистский человек смотрит вниз к хаосу для своем обновлении.

Финальное замечание: в 1969 году была произведена кинокартина на теме скотоложства, рассказ о “любовной афере” одного фермера с его свиньей. Зрители получили стоимость каждого обыкновенного сексуального фильма. Сообщалось, что во время съемок Общество о защите животных от насилия находилось рядом, чтобы защищать свинью.

19. Архитектура жизни

Раз мы признаем, что у всего Божьего творения есть правовая структура, мы можем начать понимать присутствие закона за многими декларациями Святого писания, которые прямо не касаются закона. Примером этому являются заповеди святого Петра относительно взаимоотношений мужей и жен одни с другими (I Пет. 3:1-7). Эти слова в каждой точке имеют ввиду библейские законы о браке; они объявляют также природу власти в доме; они говорят тоже о жизни как о “благодати” от Бога, которую мужчины и женщины наследуют, если они живут в вере и в повиновении Богу, “как сонаследники благодатной жизни.” Святой Петр дает тоже точку зрения о значении брака: обратно популярному мнению, нет осуждения за прелестное сплетение волос, ни за золотые украшения, ни за красивую одежду. То, что становится ясным, это что все они вторичные, что лучшее “украшение” это “кроткий и молчаливый дух, что драгоценно пред Богом.” Даже больше, верность мужа и жены к Божьим заповедям необходимая “дабы не было вам препятствия в молитвах” (I Пет. 3:7). Вкратце, брак как и все другое, должен быть направлен к Богу. Это не значит, что муж и жена должны проводить свое время на молитвенных собраниях или в церковных деятельности; это значит, что они должны выполнять свой долг один к другому, как это Бог определил им в своем слове.

Каждая область жизни должна быть подобным образом направленной к Богу, потому что распорядить жизни по каким-нибудь условиям, различные от Божьего закона-слова, значит отрицать Его.

Большое преступление современной эры – это гуманистская реорганизация жизни. Конечно, гуманизм преобладал и в более ранних эрах, но никогда так радикально и в то же самое время интенсивно. Описание Людовика XIV и его строения в Версале, которое сделал Вольф, точно фокусирует вопрос:

Мы не можем покинуть Версаль, не повторив что у него и другая цель, кроме быть резиденцией короля и его правительства. Этот величественный дворец был краеугольным камнем нового культа к королю. В прежние времена большие строения были на славу Бога; даже Филип II, когда построил свой большой дворец, поставил в центр интереса монастырь с часовней. В Версале цент это спальня короля, идентифицируя короля с самой высшей власти на земле, пока часовня остается в сторону. Впечатляющая величественность замка свидетельствовала о богатстве королевства, и его построение без крепостных стен и рвов было доказательством о мощи королевского управления. Версаль был вызов, презрение, брошенное всей Европе; такое впечатляющее изложение богатства, мощи и власти французского короля, какими были его армии и его боготворение. Европа не простила это. Век после построения Версаля, замки в Вене, Потсдаме, Дрездене, Мюнхене, Санкт Петербурге, и сами проекты о городе Вашингтоне, округ Колумбия, отразили влияние величия Версаля.[\[226\]](#)

Людовик XIV был набожным человеком, и его вера, что Бог осуждал его за гордость и грехи затемняла его последние годы.[\[227\]](#) Тем не менее, существенный гуманизм его режима присутствовал повсюду. Спальня, а не часовня, романтическая любовь, а не Бог, постепенно овладевали сознание и сердца людей. Жизнь уже имела новую архитектуру, архитектура гуманизма. Намного раньше Бокачио высказал основную предпосылку новой структуры: “У нас нет ничего в этом мире, кроме наших наслаждений.”[\[228\]](#)

С Гегелем и Дарвиным архитектура гуманизма получила более твердое измерение. У нее теперь было привидное основание в науке, в эволюции. Это означало новую доктрину о человеке, обществе и государстве, обращение головой вниз каждого аспекта жизни. Один из профессоров Принстона, далеко более консервативный, чем большинство других, вывел некоторые логические заключения из доктрины об эволюции, касающиеся политических наук:

УТВЕРЖДЕНИЕ: человек продукт социальной эволюции.

Естественные следствия из этого утверждения касаются целой группы наук, связанные с антропологией в широком смысле слова. Их можно изложить в нескольких аспектах как следует:

БИОЛОГИЧЕСКИЕ

Государство есть постоянная и универсальная рамка человеческого существования. Человек не может выйти из Государства, как птица не может лететь без воздуха. . . .

Неделимая общность – это исконная форма Государства и она предшествует отделению человека от породившего его животного рода.

. . .

И индивид есть отдельная единица в единой жизни Государства. Индивид не первоначальный, а производный.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ

Человек не делает Государства; Государство делает Человека. Человек родился политическим существом. Его природа формировалась управлением, нуждается в управлении, и ищет управления. . . .

Государство абсолютное и неоспоримое в своей связи с его единой жизни. Управление обусловленное зависимостью его функций от структуры, и поэтому оно подлечит присущим ограничениям. Нет никакой абсолютной нормы Управления, а каждый вид Государства стремится создать тип, свойственный его характеристик в его конкретной окружающей среде. Глубокие изменения окружающей среды производят глубокие изменения в Управлении. Виды Государства, которые неспособные к эффективным перестройкам структуры, чтобы соответствовать новым условиям, склонные к исчезанию, так что время от времени есть последовательность в видах Государства, аналогичная этой, которая имеет место у биологических видов. . . .

Суверенитет есть верховенство Государства над всеми его частями. . . .

ЭТИЧЕСКИЕ

Права не врожденные, а производные. Они существуют в Государстве, но не и вне Государства. Поэтому права находятся в соответствии с обязанностями. . . .

Цель Государства есть усовершенствование Человека, но достижение этой цели зависит от совершенства Государства. Испытание о ценности каждой институции ставить на первое место не выгоду для индивида, а выгоду для Общества. Жизнь индивида расширяется участием в более широкой жизни; а ее восход – включением в более высокую жизнь.[\[229\]](#)

Тезис Форда здравый; если эволюция действительность, его выводы логичные. Революционеры, как и студенты бунтовщики извлекают логические заключения из этой доктрины, точно как это сделал Форд. Эволюция логически требует постоянную революцию по причине непрерывно изменяющейся окружающей среды. Если эволюция действительная, тогда постоянная революция неизбежная. Архитектура жизни радикально меняется; в таком случае человек должен приспосабливаться к силе, возникающей снизу, к обновленной мощи хаоса. Если мы принимаем Святое писание, тогда архитектура жизни строится из нержавеющей стали Божьего закона, и должна развиваться по условиям этого закона-слова.

Не удивительно, что философия, которая начинается с эволюцией, продолжается прокламированием смерти Божьей теологии, и теперь наконец смерти человеческой философии. Такую веру прокламируют Мишель Фуко.[\[230\]](#)

Вернемся к выступлению святого Петра; если архитектура жизни становится гуманистской, если мужчина и женщина действуют в смысле гуманистских по существу размышлений, их молитвы встретят *препятствие*. Они могут быть так набожными, как Людовик XIV, и они могут молиться усердно и ревностно, однако сущность их жизненной структуры не находится в равновесии. Вопрос не в том, что забота о ежедневных материальных вещей грешная, потому что это категорично не так. Это вопрос структуры: находится ли основная архитектура, модель или образец нашей жизни в соответствии с Божьим законом-словом? Если мы ищем “прежде Царства Божия и правды Его,” тогда “это все приложится” нам (Мат. 6:33).

Но если мы отвергаем Бога и Его закон-слово, тогда *наше* слово становится законом для нас, и мы дрейфуем к сумасшествию и смерти. Не удивительно, что Фуко, который прокламирует смерть человеку, начал одну из своих более ранних работ этими словами: “мы должны отказаться от удобства крайних истин.”[\[231\]](#) Тогда нет ничего, которое *связывало бы* человека с человеком, ни ничего, которое *связывало бы* человека с жизнью. Фуко рассуждает логично: без структуры Божьей истины, человек не может жить, и единственный вывод, который остается человеку, это самоубийство.

Святой Петр представляет картину жизни: повиновение Богу, и повиновение всем должным властям под Богом, означает что жизнь процветает и изобилует; наши молитвы не встречают препятствия, и мы наслаждаемся жизнью, как настоящей Божьей благодатью для нас. Обратное гуманизму, это направленная к Богу ориентация. Быть направленным к Богу означает искать *прежде всего* Божие царство и Его правды (Мат. 6:33). Сегодня однако гуманизм, маскированный под христианство вовсе слишком преобладает. Он имеет место, когда некоторая институция или область жизни становится самоцелью. Идентифицируя церковь с Царством Божьим, слишком много теологов к сожалению сводят измерения жизни и царства к единственному аспекту. Протестантские премилениалисты и амилениалисты, своим отчаянием от этого мира и отдаванием его дьяволу, не только проявляются полностью как манихеи, но они тоже фактически сводят царство к церкви, и таким образом единственной законной областью деятельности становится церковь. Архитектура жизни в таком случае перестает быть целой: она сводится к формату церкви. Ни церковь, государство, школу, профессию, ни никакую другую сферу жизни невозможно идентифицировать с царством, или отрицать ее место в царстве. Гуманизм, маскированный под христианством, все-таки есть гуманизм.

Святой Петр, как мы отметили, не осуждает золотые и серебряные украшения, сплетение волос, или прекрасную одежду. Он просто требует, чтобы все эти вещи были поставлены на их соответствующее место, не

как цель жизни, а как ее прекрасные, но маловажные аспекты. Подобно этому, ни повиновение жены, ни власть мужа, не представляют цель брака. Эти вещи только средства к настоящей и главной цели – служить Богу, и величать и славить Его навсегда. Человек не может определять структуру жизни; закон Божий один хватит как структура и архитектура жизни.

20. Верность

Верность – это добродетель, которая выявляется повсюду в законе и во всем Святом писании как религиозную и моральную необходимость. Требование о верности к Богу, к закону, к браку, к каждой набожной обязанности, настойчиво подчеркивается. Моисей призывал Израиля соблюдать Божий закон-слово не уклоняясь “ни направо ни налево,” и если действительно ходят в повиновении, им было бы хорошо, и дни их продолжились бы (Втор. 5:32,33). Верующие называются “верными” в церковной терминологии, а термин “верный” в Святом писании – высшая похвала (Отк. 17:14; Мат. 25:21 и т.д.). *Направление* верного “на стези правды” (Пс. 22:3); *стези* означает *привычки*, колеи, и связь здесь в том, чтобы установить привычки к набожности. Бог устанавливает у верных Ему вкоренившиеся стези или привычки правды.

Здравомыслие, характер и стабильность покоятся на верности, на надежности. Безответственность есть следствие неверности, и в конце концов так называемое безумие, которое состоит в отвергании ответственности, это нежелание быть верным, установить привычки правды. Не сюрприз, что модная философия, которая прокламирует так настойчиво свободу человека от закона и от Бога, часто отличается присутствием сумасшедших или в лучшем случае нестабильных людей в ее рядах.

Нехристианский склад ума обычно характеризуется этой войной против верности. В одном исследовании индийской скульптуры говорится о “культе желания” как о “дороге к освобождению” от бремени жизни.^[232] В этом культе “другой мир и этот сделались одним,” и “Жизнь и Освобождение перестали быть отдельными сущностями.”^[233] Спасение означало принимать все в жизни как святое: “святость желания... освящает каждое средство: а если разум чист, все остальное, женщина, или мужчина, или животное только средство.”^[234] Это значит, что индивид должен “предаваться желанию независимо от партнера – божественный, человеческий или скотский.”^[235]

Принимать каждый акт как святой, значит подчеркнуто отвергать принцип о разграничении понятий добра и зла. *Верность* есть придерживание к абсолютному закону, и к личностям и каузам по условиям этого абсолютного закона, и к суверенному Богу этого закона. Как назло верности, *дорога* или ходьба систематически превращает в неверность жизнь, радость и удовольствие человека. Например в Африке, у племени Нанди, есть поговорка “Новая вагина утешает.”^[236]

Личности не в счет, потому что нет никакого принципа о разграничении между добром и злом, между людьми и животными. Рассказ Даниелсона о полинезийской любви, твердит, что из-за отсутствия стандартов и разграничений, “Нет причины предпочитать отдельную женщину или мужчину.”^[237] Это описание, конечно, относится к вырожденной культуре, а подобное описание безличной и вырожденной сексуальности полинезийцев дает еще Сагс.^[238]

Необходимость в неверности как принцип стоит в фокусе одного организованного движения – романтизма. Скот описывает “романтическое заблуждение” чудесно: “он идентифицирует красоту со странностью.”^[239] По словам Ньютона: “Романтик... никогда не может наслаждаться нормальному. То, что интересует его должно быть исключительным.”^[240] Это значит интерес к “тайнственности, ненормальности и конфликту,”^[241] неприязнь к “законосообразному, к тому что соответствует модели.” Романтик “отказывает признать существование закона что касается самовыражения... ‘Ты должен быть исключительным и следовать то, что исключительное’ – это его единственная заповедь. . . . Ненормальность есть отрицание закона. Само его существование зависит от его отказа соблюдать законосообразное поведение.”^[242] Это значит, что *свобода идентифицируется со злом*, сексуальное выражение – с неверностью и извращением, артистическая способность – с нарушениями стандартов и порочностью, а характер – с непостоянством. Рост извращенности и порочности в каждой области жизни пропорциональный упадку веры и верности.

Налицо не только большее преобладание извращенности и порочности, но также и развитие гордости и хвастовства ими, как будто эти действия представляют волну будущего.^[243] Здоровье, жизненность и характер связываются этими “новыми” людьми с сексуальной распущенностью, а верность – с пуританством и преступностью.^[244] В действительности характер тех, которые отдаются этой так называемой сексуальной свободы, это характер мучительных конфликтов и ребяческих капризов.^[245]

Вернемся к самой *верности*; Святое писание многократно объявляет, что это атрибут Бога (Пс. 35:6; 89:2; Ис. 11:15 и т. д.). Бог верен, потому что он абсолютный суверен, полностью сознающий Свои действия, и без никаких темных уголков в Своем существе, без неразвитых и неосознанных возможностей. Человек созданный по Божьему образу, и как спасенный во Христе, он восстановлен в этом образе. Когда он развивается по условиям Божьего образа, человек развивается в верности и в сознании своего призвания под Богом и проистекающих из него ответственностей. Верность есть постоянство, сила и характер. Она тесно связанная с владчеством. Термин “верный,” который использовался как предпочитанное название крещенных в ранней церкви, означал их благонадежность и стойкость.

Верность в браке в своем самом настоящем смысле означает следовательно сексуальную верность и намного больше. Она означает верное исполнение обязанностей со стороны мужа и жены. Она означает

надежность, уверенность в характере, стойкость в несчастьях, и лояльность. Она означает инициативу и умение, как это видно из слов нашего Господа: “хорошо, добрый и верный раб!” (Мат. 25:21). Верность – это заразительный атрибут Бога. Она знак о силе и характере человека, пока неверность в каждой области знак о слабости и грехе.

VIII ВОСЬМАЯ ЗАПОВЕДЬ

1. Владычество

Человек создан по подобию Божью и ему приказано покорить землю и владычествовать над ней (Быт. 1:26-27). Упражнять владычество – это не только *призвание* человека, но и его *природа*. Бо – абсолютный и суверенный Господь и Творец, чье владычество тотальное, и чья власть неограниченная, поэтому человек, созданный по Его подобию, разделяет этот передающийся атрибут Бога. Человек создан, чтобы упражнять владычество над землей под Богом и как назначенный Богом уполномоченный. Вот поэтому *владычество* есть основное стремление человеческой природы.

Как результат грехопадения однако стремление человека к владычеству теперь извращенное, оно уже не упражнение власти под Богом и для Его славы, а желание быть Богом. Таким точно было искушение Сатаны – чтобы каждый человек должен быть своим собственным богом, решающий сам что такое добро и зло (Быт. 3:5). Утвердилось верховенство человека в законе и власти.

Поэтому история видела длительные и горькие последствия извращенного стремления человека к владычеству. Человек начал грешно и извращенно использовать другого человека индивидуально, в бандитской деятельности, и как армию и нацию. История есть долгий рассказ об ужасе, в котором человек стремился к власти и владычеству как самоцель. Джордж Оруэл в романе *1984* видел значение этого пропавшего стремления к владычеству так: “Если вы хотите картину себя сапог, топчущий человеческое лицо – навсегда.” Это грешное, низкое стремление к владычеству проявляется в каждой сфере современной жизни, как и во всей истории. Оно конечно управляет политическим миром, где государство ежедневно приобретает власть ради власти.

В результате всего этого многие начали бояться всякой власти и стали враждебными к концепции о владычестве. Либералы, неортодоксы, экзистенциалисты и другие, отвергнули идею о власти как иллюзию или соблазн, а распоряжение властью как зло. Из всего этого последовало усиление дрейфа к тоталитарной власти.

Владычество не исчезает, когда человек отвергает его; оно просто переходит к другому, может быть к его жене, детям, работодателю, или к государству. Когда индивид сдает должное ему владычество, когда семья отказывается от него, а рабочий или работодатель уменьшает его, тогда другая сторона, обыкновенно это государство, концентрирует владычество. Когда организованное общество сдает власть, толпа приобретает ее пропорционально сдачи.

Этот факт ставит вопрос, которому невозможно ответить самому Оруэлу, хотя он видел проблему ясно. Упражнение владычества павшим человеком демоническое; оно власть ради власти, и его цель это “сапог, топчущий человеческое лицо – навсегда.” Его альтернатива есть владычество анархии, кровавое и беспорядочное царствование сильного в данном моменте.

Ясное, что нет другой надежды для человека, кроме нового рождения. Краткий катехизис Вестминстерских богословов заявляет в связи с образом Божиим:

В. 10. Как сотворил Бог человека?

О. Бог сотворил человека мужским и женским, по своему подобию, в знании, праведности и святости, с владычеством над творениями (Быт. 1:26-28; Кол. 3:10; Еф. 4:24).

Спасение человека включает его восстановление в образе Бога и в призвании, присущем этому образу – покорить землю и упражнять владычество. Поэтому прокламирование евангелия было тоже прокламированием Царства Божьего, согласно всему Новому завету.

Радикальное искажение евангелия и призвания спасенного человека проползло в церковь как результат неоплатонизма. Владычество отрекалось, земля рассматривалась как владение дьявола, тело презиралось, а культивировались ложное смирение и кротость. Владычество рассматривалось как плотское бремя, а не как набожная ответственность. Особенно в пиетизме образ Христа рисовался как кроткий и беспомощный, миролюбивый и мягкий.

Слово кроткий есть библейский термин. Он используется в Числ. 12:3 чтобы описать Моисея, который назван “кротчайшим”; Моисей едва ли соответствует современной идее о кротости. На самом деле Моисей описывается как “кротчайший из всех людей на земле.” Марш указывает значение слова кроткий: “Моисей не борится о своем собственном статусе среди людей, а заботится чтобы быть служителем Иахве. Поэтому Иахве заботится об его позиции среди людей.”^[1] Следовательно слово кроткий относится в основном к духовному состоянию в связи с Богом. Елиот отмечает: “Можно отметить дальше, что слово *anav*, кроткий, часто взаимозаменяется со сходным словом *ani*, и что значение может быть *преклоненный* или *покорный*.”^[2] Значение выясняется дальше Блаженствами: “Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю” (Мат. 5:5). Владычество над землей дается кротким, а кротость явно связанная с Богом. Кроткие – это спасенные, которых Бог нагрузил, покорил и запряг, чтобы они были прирученными и годящимися для работы. Бог подчинил Моисея более жесткой дисциплине чем всякого другого верующего его дней, и Моисей принял это покорение, развивался по его условиям

и стал дисциплинированным и сильным. Поэтому Моисей был кротчайшим человеком своего времени. Следовательно кротость не боязнь, а дисциплинированная сила под Богом и в Нем.

Иисус Христос описывает Себя как “кроток и смирен сердцем” (Мат. 11:29; Мофат и версия Бэркли дают это как “тихий и покорный”). Он описывает Себя таким в отношении тех, которые ищут Его. В Его отношении к фарисеям и садукеем поведение Христа было твердым и решительным. Когда Христос использует термин кротость, он имеет ввиду не сдача владычества, а мудрое, благосклонное и милостивое использование владычества. Мы не можем понять значение кротости в Святом писании, если мы не поймем, что оно означает не сдача владычества, а его набожное использование. Блаженны кроткие, прирученные Богом, запряженные в Его законе-слове и в Его призвании, которые наследуют землю (Мат. 5:5). Блаженны кроткие, те, которые подчиняются Божьему владычеству, имеющие владычество над собой, и поэтому способные упражнять владычество над землей. Следовательно они наследуют землю.

Этот пункт имеет очень важное значение. Без него евангелие извращенное. У человека данное Богом стремление к владычеству, к власти. Цель нового рождения – восстановить человека в его мандате сотворения, чтобы упражнять владычество и покорить землю. Цель закона – дать человеку указанный Богом путь к владычеству. Цель призыва к повиновению – упражнять владычество.

Что случается, когда представляется карикатура Христа, когда постоянно взыскивается повиновение без упоминания распорядившую Богом цель повиновения, и когда человек постоянно призывается быть готовым для Господа, но не указывая цель? Служение церкви тогда становится напрасным, а жизнь верующего – разочарованием.

Но стремление к владычеству не исчезает просто потому что церковь не говорит о нем. Наоборот, оно появляется снова как безобразная и грешная борьба за власть в церкви; когда пренебрегается и отвергается праведное владычество, тогда начинает возникать грешное владычество. Жизнь церкви тогда становится борьбой из-за бессмысленных пустяков, в которой единственная цель – грешная власть и владычество. И слишком часто это грешное стремление к владычеству маскируется под лицемерную кротостью.

Поэтому очень необходимо признать, что стремление к владычеству данное Богом как основное в природе человека. Один из аспектов этого владычества это собственность.

Обычайное среди церковных социалистов отрицать, что есть библейская гарантия о частной собственности. Их основание для этого – это часто повторяющаяся декларация, что “Господня земля” (Исх. 9:29 и т.д.). Они выбирают пренебречь тотальное свидетельство Святого писания о частной собственности. Так называемый коммунизм в Деян. 2:41-47, также цитированный церковными социалистами, был просто добровольное сдружение со стороны некоторых (Деян.5). Оно ограничилось в Иерусалиме. Верующие приняли буквально слова Христа о падении Иерусалима (Мат. 24:1-28), и поэтому они ликвидировали свои имущества в нем. Более богатые члены предоставили часть или всех своих средств в распоряжении церкви, чтобы иметь свидетельство для своих друзей и родственников прежде чем Иерусалим пал. Очень скоро гонение рассеяло всех, кроме ядра, вне Иерусалима (Деян. 8:1).

Земля действительно Господня, как и все остальное владение, но Бог выбрал отдать владычество над землей человеку, подчиненному Его законе-слову, а собственность есть центральный аспект того владычества. Абсолютное и трансцендентное право на собственность принадлежит Господу; настоящее и историческое право на собственность принадлежит человеку. Владение собственностью не исчезает из этого мира, когда его отказывают человеку; оно просто переходит к государству. Если оспаривание либералами, что земля Господня, а не человеческая, надо применить как они хотят это, тогда надо применить его в равной степени и к государству; тогда надо отречь всякое право государства владеть или контролировать собственностью.

Святое писание однако, предоставляет собственность в руках семьи, а не государства. Оно дает собственность человеку как один из аспектов его владычества, как часть его набожного покорения земли.

Если доктрина о владычестве в Боге и под Богом принижается, тогда и весь закон принижается тоже.

Бог дает *владычество* человеку под Его законом, но он не отдает Свой *суверенитет*. Бог один есть абсолютный Бог и Суверен. Отрицать суверенитет Бога значит передать суверенитет от Бога к человеку, или к человеческому государству. Так, Томас Пейн в *Права человека* утверждает как фундаментальный принцип суверенитет нации-государства, заявляя: “*Нация по существу есть источник всякого суверенитета; никакой ИНДИВИД, или НИКАКОЙ ОРГАН ИЗ ЛЮДЕЙ, не может получить право на некоторую власть, которая не происходит ясно из этого.*”^[3] Пейн и Французская революция ясно утвердили свой тоталитаризм этим постановлением. Государство как бог стало источником власти, морали и владычества. Совсем логично Революция стала сапогом, топчущим лицо человека, но по Божьей милости не навсегда.

Божие намерение не владычество греха, а владычество спасенного человека над землей под Богом. Согласно святому Павлу, вся тварь вокруг нас стонет и мучится, ожидая набожного владычества сынов Божьих (Рим. 8:19-23). По причине грехопадения творение теперь под владычеством грешного человека, и ведется к опустошению его извращенным использованием власти. Как растения тянутся к свету, так и творение обращается со страстным желанием к восстановленному владычеству набожного человека. Как пыл и камни подчиняются гравитации, так они подчиняются и предназначенному Богом владычеству человека над ними. Люди Бога должны поэтому учиться природе и требованиям набожного владычества. Все различное от этого есть презрение к высшей власти Бога, который заявляет в Своем слове, что он заключит союз с самими полскими зверями, чтобы обеспечить процветание человека в день его повиновения:

И заключу в то время для них союз с полевыми зверями и с птицами небесными и с пресмыкающимися по земле; и лук и меч, и войну истреблю от земли той, и дам им жить в безопасности (Ос. 2:18).

2. Кража

Восьмая заповедь, одна из двух самых кратких, объявляет просто “Не кради” (Исх. 20:15; Втор. 5:19). Кража или воровство означает отнятие собственности другого человека через принуждение, мошенничество или без его непринужденного согласия. Обман, увреждение собственности или уничтожение ее стоимости – тоже кража. Не обязательно, чтоб ограбленный знал о краже, чтобы это было грехом. Например, ездить в поезде или на автобусе не оплачивая билет – это кража, даже если транспортная компания остается в неведении об этом.

Кражу можно осуществить многими способами. *Первое*, при простой кражи вор грабит жертву прямо. *Второе*, при сложной, но все еще прямой краже, вор грабит жертву как часть группы воров. В таком случае человек может не участвовать прямо в акте кражи, но он страна в ней все-таки, как знающая страна в организованной группе воров. *Третье*, кража может осуществиться косвенными и законными средствами, т.е. проводя закон, который ворует у богатого, у бедного, или у среднего класса в пользу определенной группы. В таком случае государство становится агентством, через которое осуществляется кража, а правовым указом дается моральное прикрытие.

Кража не только экспроприация, законная или незаконная, собственности другого человека против его воли или через мошенничество, но тоже и уничтожение собственности, или стоимости собственности, через преднамеренный акт или случайно. Например, уничтожить дом человека поджогом – это кража, но если дом сгорит из-за небрежности, это тоже кража. Повредить автомашину человека значить ограбит у него ее стоимость. В этой области возмещение сделали более или менее обязательным через страховые законы в разных странах. Инфляция тоже определено есть форма кражи, потому что она уменьшает или уничтожает стоимость денег в обращении.

Мошенничество тоже совсем ясное – кража. Человек может с желанием купить товар, под впечатлением что это то, чем его представляют быть, однако мошенничество со стороны продавца ясно превращает покупку в кражу. Продать человеку разбавленное водой молоко – это кража; законы о чистоте пищевых продуктов и лекарств, хотя и часто нарушаемые сегодня, все-таки действительные законы в смысле Святого писания. Однако *коррумпированные люди создают коррумпированное государство, которое потом не может провести в жизнь даже лучшие из законов без коррупцией.*

Необходимость не оправдывает кражу; необходимость не может дать человеку приоритет над Божьим законом. Однако некоторые римско-католические мыслители, следуя традицию греческих естественных законов, дают моральную поддержку кражи в случаях необходимости:

Итак кто-нибудь в случае смертельной опасности из-за потребности в пищи, или испытывая некоторую форму крайней необходимости, может законно взять у другого сколько ему нужно чтобы удовлетворить свою настоящую нужду, даже хотя бы сопротивление владельца совсем ясное. Ни поэтому он был бы обязан к возмещению, если его состояние впоследствии заметно улучшится, предполагая что то, которое он обратил на свою собственную пользу, было непрочным. Основание этому то, что индивидуальное владение благами этого мира, хотя и соответствующее естественному закону, уступает более сильному и более священному праву, даренное естественным законом каждому человеку воспользоваться такими вещами, которые необходимые для его собственного сохранения.^[4]

Такая точка зрения дает приоритет человеческой жизни над Божьим законом.

Говорят что, под влиянием фарисейства и интерпретаций юристов, “не считалось преступление воровать у самарянина, или у другого вора.”^[5] В этой концепции о законе “права заветного человека” считались большими, чем эти более низких людей. В таком случае, даже с уважением к Делани или к фарисеям, ошибка состоит в том, что человеку дается приоритет над Божьим законом. Такая позиция на самом деле сводит закон к нулю.

Досюда наша дефиниция о краже неполная. Надо добавить, что кража есть одна из форм нарушения Божьего фундаментального порядка. Следовательно кража больше чем преступление против другой личности; она преступление против Бога. Бог требует от нас уважать жизнь, брак и собственность нашего ближнего и врага, не потому что наш ближний или враг возможно не злой, и не потому что наши нужды не великие, а потому что Его правовой порядок имеет приоритет над условиями человека. Ни природа характера нашего ближнего, который может быть злой, ни наша собственная нужда, которая может быть великой, могут оправдать кражу. Суверенитет Бога требует приоритет Его закона-слова.

Парк признает, что эта заповедь есть “защита, которую прилежный и благоразумный имеет против ленивого и беззаботного.” Все-таки он добавляет: “Мыслящие люди стремятся к применению этой заповеди, которое обеспечить, чтобы индустриальная продукция распределялась справедливо, чтобы правила могли бы обеспечить каждому человеку его справедливую долю благ этой жизни.”^[6] Парк, как один из этих “Мыслящих людей” не дефинирует “справедливую долю” каждого человека. То ли это, что каждый человек зарабатывает? Или это “справедливая доля” в смысле небиблейского принципа о равенстве? Новый принцип справедливости заменяет Бога: это “мыслящие люди”!

Гуманизм позиции Делани иногда оправдывается через Святое писание, цитируя Прит. 6:30,31. Поэтому важно анализировать этот пассаж. В своем комментарии Делич выясняет как текст, так и его значение, поставляя их в ихний контекст – осуждение прелюбодеяния:

Вор и прелюбодей сейчас сопоставляются один с другим, таким образом что супружеская измена принимается как большее преступление.

30. Не спускают вору, если он крадет, чтобы наситить душу свою, когда он голоден;

31. Но будучи пойман, он заплатит всемерно, отдает все имущество дома своего

... Семикратная компенсация за украденные вещи неслышанная в израильском праве; известные только двукратное, четырехкратное и пятикратное возмещение, Исх. 21:37; 22:1-3,8... Этот избыток над тем, которые закон указывает как необходимое, ведет в области свободной воли: Он (вор, о котором мы должны теперь думать, что только горькая необходимость сделала его таким) может компенсировать семикратно, т.е. сверхобильно; он может дать все владения своего дома, так что не только удовлетворить закон, но и успокоить того, кому он сделал зло, и снова вернуть себе честное имя. То, что говорится в стихах 30 и 31 совершенно справедливое. Не осуждают человека, который украл из-за бедности, его жалеют; тем временем прелюбодей пропадает под всеми обстоятельствами презрения и насмешки. И еще: вора можно сделать добрым, и это обильно встречается; но прелюбодейные и его последствия несправимые.^[7]

Итак, Святое писание не дает никакого основания для нарушения Божьего правового порядка: люди должны работать в нем для их собственного благополучия и процветания. Отрицать или презирать Божий порядок значит навлекать на себя Божье осуждение; это приносит тоже обращение к человеку горького эффекта его действия. Старая испанская пословица гласит: “Если кто-нибудь плюнет в небо, плевков упадет на его лицо.”^[8]

Божий порядок ясно включает частную собственность. Он тоже ясно утверждает набожное богатство. Древнееврейские слова, которые переводятся как *богатство* имеют тоже другие значения: *сила, ресурсы, блага и процветание*. Согласно Прит. 13:11, “Богатство от суетности истощается, а собирающий трудами умножает его.” Предупреждения Святого писания против гордых, которые забывают Бога в своем богатстве, а не против самого факта богатства (Втор. 8:17,18). Бог благословляет Своих блаженных процветанием и богатством, как свидетельствуют Иов, Авраам, Давид, Соломон и другие. Одно из возможных блаженств за повиновение закону это богатство (Пс. 111:3). Осуждается высокомерное и нечестивое богатство (Иак. 5:1-6). Заявление о богатом и игольных ушах обычно используется неправильно: его суть в том, что никакой человек не может спасти себя самого; спасение невозможное для людей, потому что оно всецело работа Бога (Мар. 10:23-27). Богатство один из аспектов Божьего благословения для верных Ему: “Благословение Господне – оно обогащает, и печали с собою не приносит” (Прит. 10:22). Набожное стремление к собственности и к богатству поэтому вполне законное.

Как мы видим в Прит. 13:11, средство чтобы приобрести богатство есть *труд*. Это подчеркивается снова в Новом завете. Святой Павел заявляет: “Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтоб было из чего уделять нуждающемуся” (Еф. 4:28). Версия Бэркли дает это как следует: “Вор должен дальше не красть, а трудиться, чтобы зарабатывать на жизнь своими руками, так что он мог бы выделить что-нибудь дать нуждающемуся.” Совсем ясно, что *труд* и *кража* противоположные один другому как различные подходы к собственности. Одинаково ясно, что обязанность всех, кто работает, не только *содержать себя*, но тоже и *благотворительность* для нуждающихся.

Кража как нарушение владения собственностью ищет не только способ обойти *труд* как средство к обогащению, но тоже и отречь действительность Божьего правового порядка. В смысле Святого писания богатство можно приобрести трудом, наследством и дарованием. Воровский порядок противопоставится всем трем средствам приобретения. Воровский порядок будет заниматься благотворительности за счет Божьего закона.

Тем, кто защищают перемены, увреждающие частную собственность, легко документировать зло и грехи больших корпораций, богатых людей, и социальных порядков, в которых они преобладают, однако хотя бы в равной степени легко документировать грехи бедных, как и богатых, цитировать зло рабочего, как и капиталиста, и обратить внимание на развращенности реформаторов. Из-за того, что человек злой, богатый или бедный не различаются Божьим законом: он все-таки должен попасть под законом. Когда наш ближний вор, мы не имеем право ограбить его, что он бы не имел. Корректив кражи не кража. Ведь нам говорят, что “Направление правосудия в таком случае возникает, когда имеют места приспособления и изменения в пользу относительно бессильных, через изменение в распределении или рассеивании социальной мощи собственности, т.е. изменение в распределении контроля над собственностью.”^[9] Это опять гуманизм: это превозношение человеческой нужды над Божьим законом. А человеку как грешнику, едва ли можно доверять, когда он приходит к определению своих “нужд”: слишком часто человек дефинирует свою алчность как свою нужду. Как часто грешный человек позволяет осуждать его нужду? Нет закон там, где человек сам себе законодатель и суд.

Связь труда с благотворительностью мы уже цитировали. Настоящее милосердие и любовь к ближнему проявляются только в исполнении закона (Рим. 13:8-10). В смысле этого о восьмой заповеди Калвин писал:

Поскольку милосердие есть конечная цель Закона, мы должны искать дефиницию кражи отсюда. Следовательно правило милосердия это что права каждого должны бы надежно сохраняться, и что никто не должен делать другому то, что он не хотел бы, чтобы сделали ему. Отсюда следует, что воры не только те, которые тайно воруют имущество других, но тоже и те, которые стремятся выиграть в ущерб других, накапливать богатство незаконными практиками, и посвящаются больше их частной выгоде, чем справедливости. Например грабеж обхватывается под заглавием кражи, так как нет никакой разницы между ограблением человеком его ближнего обманом или силой.^[10]

Таким образом основное милосердие состоит в том, чтобы жить в верности к закону, с уважением к нашим ближним и врагам, уважая их данный Богом иммунитет под законом. Служить их нуждам подарками – тоже важный аспект закона, однако ни в коем случае человек не может разделять или противопоставлять благотворительность и закон.

Дальше Калвин дефинирует благотворительность как обратную кражи этими словами:

Кроме того, пусть мы обратимся к необходимым, и по мере наших возможностей облегчить бедность тех, о которых мы понимаем, что они притесненные какими-нибудь затруднениями в их обстоятельствах. Наконец, пусть каждый человек исследует какие обязанности возлагает на нем его долг к другим и пусть он верно исполнит обязанности, которыми он должен им. По этой причине люди должны чтить своих правителей, терпеливо подчиняться их власти, повиноваться их законам и мандатам, и не сопротивляться ничему, чему они могут подчиниться в соответствии с Божественной волей. С другой стороны, пусть правители заботятся о своем народе, сохраняют общественный мир, защищают добрых, наказывают злых, и управляют все таким образом, как положено тем, которые должны давать отчет о своей службе Богу, верховному Судье. Пусть служители церкви верно посвящают себя служению слову, и пусть они никогда не изменяют доктрине о спасении, а излагают ее чистой и незапятнанной Божьим людям. Пусть они учат не только своей доктриной, но и примерами своей жизни; одним словом, пусть они будут хорошими пастухами своих овец. Пусть люди со своей стороны встречают их посланники и апостолы Бога, отдавать им почтение, к которому верховный Господин возвысил их, и снабжать их с необходимым для жизни. Пусть родители займутся

поддержкой наставлением и обучением своих детей, как поверенных Богом их заботам; ни допускать чтобы у них отчаивался дух или отделяли их от себя жестокостью, а лелеять и окружать их терпением, и чтобы прощение стало их характером. И чтобы повиновение должное им со стороны их детей, соблюдалось прежде всего. Пусть молодые уважают старость, так как Господь указал, что это возраст надо чтить. Пусть пожилые люди своей предостороженностью и большим опытом направляют слабоумие молодежи; не надоедать им язвительной и крикливой бранью, а смягчать строгость нежностью и приветливостью.^[11]

Далее Калвин перечисляет обязанности рабочих и хозяев, и всех классов людей. Для людей уклоняться от труда, долга, почета, или должного служения значит воровать. “Таким образом, говорю я, пусть каждый человек разберется какой его долг к его ближним, согласно отношениям, которые он поддерживает; и пусть он выполняет этой долг.” Закон говорит, обращаясь к всем людям:

Более того, наше внимание всегда должно быть направленным к Законодателю; напоминать нам, что этот закон предназначен для наших сердец, как и для наших рук, с целью чтобы люди могли бы научиться защищать собственность и поддерживать интересы других.^[12]

Таким образом законы против кражи защищают не только Божий порядок, но и всех людей, которые честные и уважают закон, и они защищают даже нечестные от незаконного наказания.

Почему тогда люди атакуют этот закон и доктрину о собственности, которую он утверждает? Полтора века тому назад в своем генеральном обзоре права, Вайнс отметил: “Есть два принципиальных источника политического, как и личного могущества – знание и собственность.”^[13] В этом сердцевина вопроса: собственность есть форма могущества, и там где могущество в государстве, частная собственность будет под атакой.

Атака против частной собственности может принимать две основные формы. *Первая*, отвергая Божий закон, могущественные индивиды могут презреть имущественные права более слабых индивидов. Социальный дарвинизм, который преобладает в Соединенных штатах и в других странах после 1860 года, привел к “баронам грабителям,” которые использовали свое могущество, чтобы топтать закон. Эти люди оправдывали свои беззакония, ссылаясь на эволюцию и на “борьбу за выживание.” Социальные дарвинисты твердили, что “культурный и биологический прогресс передовых народов обеспечился по мере того насколько ‘закону о конкуренции’ позволили действовать свободно, и в отношении человеческих существах принять форму “борьбы за существование,” в которой только ‘самый сильный выживает.’”^[14] У социальных дарвинистов не было интереса в частной собственности; их интересовало использовать теория эволюции как путеводитель для общества. Она становилась средством для оправдания массовой кражи.

Вторая, другие эволюционисты начали утверждать “пластичность и творческие способности человека, динамический характер окружающей среды, и взаимные отношения между ней и человеком.”^[15] Для них государство стало этой “динамической” окружающей средой, в которой человек мог бы преобразовать себя. Для этих эволюционистов собственность есть просто средство, через которое государство оформляет человека и мира. В результате собственность опять попадает под незаконной атакой, в первом случае со стороны индивидов и корпораций, а во втором со стороны государства. Так как собственность – форма могущества, тоталитарное государство стремится контролировать или завладеть частной собственностью, с целью предотвратить наличие у людей какой-либо мощи, независимой от государства.

Однако частная собственность есть могущество, которое Бог вверил человеку, чтобы управлять им, потому что Божие намерение это чтобы человек имел и упражнял власть с целью покорить землю и установить владычество над ней под Богом. Бог дает государство его должное могущество в его области. Частная собственность есть могущество, данное человеку, чтобы использовать его под Богом и на Его славу.

3. Возмещение и прощение

Серьезная и очень большая ошибка, которая заразила одинаково христианскую и нехристианскую мысль, это что *грех* можно прощать. Под *грехом* здесь имеется ввиду принцип греха (Быт. 3:5), отречение человека от Бога, и его настаивание быть своим собственным богом. Грех, как этот принцип независимости и автономии, *нельзя* прощать. Кустанс указал это ясно:

По причине того, что он наследственный, заражающий как болезнь всего человека, у греха ничего общего с прощением. Его надо каким-то образом искоренять, или хотя бы обойтись без него при построении нового человека. Плоды, которые выражают его, надо прощать, но к основному корню надо подходить по другому. Корень есть местонахождение инфекции.^[16]

Отдельный грех или грехи можно прощать; грех как принцип, первородный грех, *нельзя* прощать: его надо искоренять. Спасительное дело Иисуса Христа подразумевает новое сотворение (“кто во Христе, тот новая тварь, Кор. 5:17), возмещение, совершенное соблюдение закона как нашу общую мысль, и прощение отдельных грехов Его людей.

Прощение и возмещение – неразделимые. Мы должны прощать нашему брату, т.е. верующему другу, семь раз в день (Лук. 17:4), но это прощение всегда требует раскаяние и возмещение. Есть два аспекта прощения: религиозный, или аспект Божьего слова, и потом социальный или уголовный аспект. Грех всегда есть преступление против Бога, и поэтому всегда должен существовать теологический аспект каждого греха, т.е. некоторый вид урегулирование и осуждение человека за то, что нарушил Божий порядок. Но грех замешивает тоже других людей, или землю, и у отдельных грехов отдельные требования о возмещении.

Вернемся к факту, что когда грех прощается, это не касается греха в принципе, а конкретного поступка. Ссылки на прощения в законе (Лев. главы 4,5; Числ. 15:28 и т. д.) касаются отдельных грешных поступков. Иисус Христос произносил *прощение грехов* тем, которые были в завете веры, т.е. отдельных грехов спасенных (Мат. 9:2,5; Мар. 2:5,9; 3:28; 4:12; Лук. 5:20,23; 7:47,48; Рим. 4:7; Кол. 2:13; Иак. 5:15; I Иоан. 2:12 и т. д.). За грех в себе человек должен умереть, а не быть прощенным; мы умираем в Христе как грешники, которые живут в условиях

принципа о грехе, и мы возникаем в Нем как новое творение. Против *греха* как принцип, наказание – смерть; за грех как конкретный проступок, прощение возможное с раскаянием и возмещением.

С этим в уме, мы можем понять почему в уголовном праве смертная казнь обязательная для неисправимых преступников. Своими многократными преступлениями такие индивиды показывают, что преступление - их образ жизни, так сказать их принцип. Подобно этому, в некоторых случаях возмещение требует смерть виновной стороны как необходимое дублирование смерти жертвы, т.е. невинного человека.

В Исх. 22:1-17 мы видим серию законов, касающихся возмещения. *Первое*, устанавливается соотношение возмещения:

Если кто украдет вола или овцу, и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола, и четыре овцы за овцу (Исх. 22:1).

Многократное возмещение покоится на принципе справедливости. Овца способная в большой степени к воспроизводству, и используется не только как мясо, но тоже через ее шерсть как одежду, как и для других употреблений. Украсть овцу, значит украсть настоящую и будущую стоимость имущества человека. Вол требует более высокой степени возмещения, пятикратной, потому что вол обученный тянуть повозки, пахать, и использовался для различных хозяйственных работ. Поэтому у вола не только стоимость его мяса и его полезность, но тоже и стоимость его обучения, тем что обучить вола для работы было задачей, требующей время и умение. Поэтому и взыскивалась более высокая степень возмещения. Ясное, что принцип возмещения здесь наяву. Возмещение должно держать счет не только о настоящей и будущей стоимости украденной вещи, но тоже и специализированных умениях, необходимых на ее замену.

Второе, кража может создать проблемы в связи с защитой против вора:

Если кто застанет вора подкапывающего и ударит его, так что он умрет, то кровь не вменится ему. Но если взошло над ним солнце, то вменится ему кровь. Укравший должен заплатить, а если не чем, то пусть продадут его для уплаты за украденное им (Исх. 22:2,3).

Ночью хозяин может законно убить проникнувшего в хозяйство вора, чтобы защитить свою собственность; это часть законного права хозяев на защиту – себе и своей собственности. Нет оснований не принимать, что это нарушение границ имущества не охватывает амбары, или сегодня гараж. В дневном свете однако убить вора, кроме как при самозащите, значит совершить человекоубийство. В этом случае вора можно идентифицировать и арестовать, что само собой представляет защиту. Если вор не может дать возмещение, его надо продать в рабство с целью удовлетворить требование о возмещении. Сегодня это значит некоторый вид заключения или опеки, так чтобы весь доход осужденного вора уходил бы на возмещение до его полного размера по приговору.

Третье, закон определяет возмещение, требуемого с вора, взятого на месте или пока еще не успел воспользоваться украденным добром:

Если украденное найдется у него в руках живым, вол ли то, или осел, или овца, пусть заплатит вдвое (Исх. 22:4).

В таких случаях вор должен вернуть украденное плюс его эквивалент, т.е. точны размер, которым он надеялся воспользоваться через кражу. Это минимальное возмещение. Человек, который украл 100 долларов, должен вернуть не только 100 долларов, а и еще 100 тоже.

Четвертое, некоторые действия, все равно преднамеренные или случайные, влекут за собой ответственность, которая взыскивает возмещение, потому что увредить имущество другого человека означает ограбить у него его стоимость:

Если кто потравит поле или виноградник, пустив скот свой травить чужое поле, пусть вознаградит лучшим из поля своего и лучшим из виноградника своего. Если появится огонь и охватит терн, и выжжет копны, или жатву, или поле, то должен заплатить, кто произвел сей пожар (Исх. 22:5,6).

Возмещение во всех таких случаях зависит от природы действия; если плодные деревья или лозы поврежденные, тогда будущая продукция поврежденная, и ответственность пропорциональная этому. В уголовном праве уже нет больше чем остатки принципа о возмещении; теперь пострадавшая сторона должна предъявить гражданский иск, чтобы восстановить свои утраты, и то без никакого соображения с библейскими принципами

Пятое, в Исх. 22:7-13 определяется ответственность для имущества, содержавшегося под опекой. Роулинсон умело обобщает этот закон:

Имущество, поверенное в руках другого для надежного сохранения, могло бы так легко быть присвоенным опекуном, или потерянным из-за его небрежности, что понадобились некоторые специальные законы для его защиты. Обратное, опекун нуждался в защиты против повреждений, которых вверенное ему имущество могло бы претерпеть, или если оно потеряется без его вины. Моисеевское законодательство позаботилось об обоих случаях. С одной стороны оно требовало от опекуна упражнять надлежащую заботу и делало его ответственным за потерю, если поверенное ему имущество украли и вор не нашлся. Присваивание наказывалось тем, что виновный опекун должен был “заплатить вдвое.” С другой стороны, в сомнительных случаях позволялось опекуну очистить себя клятвой (стихи 8 и 10), а в ясных случаях представить доказательство, что потеря произошла в результате неизбежного происшествия (ст.13).^[17]

Шестое, в случае ренты или займа действовали определенные принципы задолженности:

Если кто займет у ближнего своего скот, и он будет поврежден или умрет, а хозяина его не было при нем, то должен заплатить; Если же хозяин его был при нем, то не должен платить. Если он взят был в наймы за деньги, то пусть и пойдет за ту цену (Исх. 22:14,15).

Если человек займет и повредит имущество другого, он отвечает за повреждения; он уничтожил или повредил собственность другого человека и поэтому он виновный в кражу; возмещение обязательное. Если владелец пришел помогать ему как хороший сосед, ущерб за счет владельца, потому что его собственность повредилась, находясь под его надзором. Это еще более верное, если он работал как наемный, потому что наемное вознаграждение за его услуги с воллом, ослом, трактором, или каким-нибудь другим оборудованием включало амортизацию, поддержку и повреждений его рабочего оборудования.

Седьмое, соблазн не только преступление против седьмой заповеди, но и против восьмой тоже, тем что она включает ограбление девственности у девушки (Исх. 22:16,17). Компенсация или возмещение означало, что он должен “заплатить столько серебра, сколько полагается на вено девицы.” Многозначительно, что слово,

переводенное *заплатит* по древнееврейски *вес*; тогда деньги измерялись весом; весом одной сикли серебра или золота.

Возмещение цитируется в Святом писании как один из аспектов искупления. Закон о Пасхе, великое искупление в эре Ветхого завета, включает тоже требование о возмещении. Грешные египтяне, из-за того что обманули Израиля и стремились уничтожить его, были обязаны дать возмещение. “И сделали сыны Израилевы по слову Моисея, и просили у Египтян вещей серебрянных и вещей золотых и одежд (Исх. 12:35). Для Бога не было достаточно восстановить порядок, разрушая Египет десятью бедствиями; надо было обогатить Израиля средствами возмещения (Исх. 12:36). Подобный инцидент случился раньше в Египте с Аврамом. Порядок фараонов был таким, что у человека не было другой защиты против отнятия его жены вместе с его собственным убийством, кроме обмана (Быт. 12:11-13). Не было осуждения для Аврама за то, что он пытался остаться в живых: вместо этого Бог осудил строго фараона (Быт. 12:17) и вывел Аврама сильно обогащенным путем возмещения (Быт. 12:16; 13:2). Подобным образом Бог вмешался, чтобы осудить Авимелеха (Быт. 20:3-6), даже хотя Авимелех мог оправдаться своей почтенностью; тем не менее, из-за того что он возглавлял незаконный порядок, Бог держал Авимелеха ответственным, и последовало возмещение (Быт. 20:14-18). В обоих случаях нет ни малейшего намека о каком-нибудь осуждении Аврама, все показывает Божие осуждение монархов за поддержание незаконных порядков, в которых Аврам не смел действовать честно и открыто.

Во всех этих случаях есть не только осуждение Богом против нарушителей, но и возмещение для потерпевших. Поэтому возмещение тесно связанное с искуплением, со справедливостью, и со спасением. Только ереси, которые ограничивают спасение только к новому отношению с вечностью, не могут увидеть практические последствия Божьего спасения. Калвин привлекал внимание к социальным последствиям спасения. Комментируя Ис. 2:4, он отмечает:

Из-за того, следовательно, что люди естественно следуют свои злые страсти, чтобы разрушить общество, Исаия здесь обещает коррекцию этого зла; потому что если евангелие есть доктрина о примирении (II Кор. 5:18), которая устраняет вражду между нами и Богом, то оно приводит людей к миру и гармонии один с другим. Смысл восходит к тому, что Божий народ будет кротким, и оставляя в сторону жестокость, посвятится следованию мира.

Это неправильно ограничивалось некоторыми комментаторами к времени, когда Христос родился; потому что в это время, после битвы у Акциума, храм Януса закрылся, как видно из истории. Я охотно допускаю, что универсальный мир, который существовал в Римской империи во время рождения Христа, был символом вечного мира, которому мы радуемся во Христе. Однако смысл Пророка был различным. Он имел в виду, что Христос делает такое примирение между Богом и людьми, чтобы среди них существовало комфортабельное мирное государство, полагая конец разрушительных войн. Потому что если устранить Христа, мы не только отчуждаемся от Бога, но и непрерывно ведем открытую войну с Ним, которая справедливо свалилась на наши головы; а последствие это что все в мире будет в беспорядке.^[18]

Таким образом это будет царство мира на земле, по мере того как слово Божие царствует среди людей, хотя совершенное исполнение этого пророчества, утверждал Калвин, “в его полном охвате, нельзя искать на земле.”^[19]

Спасение неотделимое от возмещения, потому что Божие спасение человека и мира – это его восстановление в его первоначальном положении под Богом и за Его славу. Работа человека о возмещении за грех Адама, за его собственного изначального греха, что он работал, чтобы замарать землю – это признать, что как новое творение во Христе, он должен сделать землю новое творение под Христом. Работа Христа в человеке – это работа о возмещении.

Прощенный человек есть человек, который делает возмещение. *Прощение* в Святом писании – юридический термин. Оно относится к правовому суду. Если возмещение во все времена было в библейском праве основным для прощения, для восстановления в гражданстве, то слово прощение в Святом писании всегда подразумевает возмещение. Когда прощение отделяется от закона и делается вопросом чувства, конец приводит к сентиментальности. Многие современные теологи и христиане настаивают на безусловное прощение для всех людей, независимо от раскаяния и возмещения. Такая позиция есть просто субсидирование зла, и принятие зла как зло. Это антиномия.

4. Ответственность свидетеля

Не оказать помощи раньше было серьезным преступлением, и в ограниченной степени все еще человек, который не окажет помощи, подлежит серьезным наказаниям. Направление гуманистского права постепенно освобождает людей от всякой правовой обязанности быть Добрым самарянином. Например, согласно одному решению:

Человек может наблюдать слепого человека или ребенка, шагающих к пропасти, и все-таки он не обязан предупредить их. Он может стоять на берегу потока и видеть, как человек падает в нем, и хотя он держит в своих руках трос, который может использовать чтобы спасти человека, он все-таки не обязан оказать помощь. У него может быть моральный долг предупредить слепого человека, или помочь утопающему человеку, но будучи только свидетелем, и никоим образом не ответственным за опасную ситуацию, у него нет никакой правовой обязанности оказать помощь.^[20]

В некоторых случаях однако свидетель должен оказать помощь, или против него будут правовые действия. Человек может наблюдать дом фермера или амбар гореть, и не делать ничего, но в случае лесного пожара (федеральная “собственность”), свидетель должен предпринять надлежащие действия или получит наказание от суда.

Раньше все свидетели имели правовой долг оказывать помощь при призыве о преследовании *hue and cry*. В английском языке *hue and cry* есть правовой термин; раньше, когда бежал преступник, или раскрывали преступника, или совершался преступный акт, призыв о помощи был законно обязывающим для всех. Позднее *hue and cry* было имя писменной прокламации об аресте преступника или о поиске украденных вещей. В

Англии *Hue and Cry* было тоже название официальной газете, публикующей информацию о преступлениях и преступниках.

Библейское право, однако, утверждает ответственность свидетеля. Например Втор. 22:1-4 объявляет:

Когда увидишь вола брата твоего или овцу его заблудившихся, не оставляй их, но возврати их брату твоему. Если же не близко будет к тебе брат твой, или ты не знаешь его, то приberi их в дом свой, и пусть они будут у тебя, доколе брат твой не будет искать их, и тогда возврати ему их. Так поступай с ослом его, так поступай с одеждою его, так поступай со всякую потерянную вещь брата твоего, которая будет им потеряна и которою ты найдешь; нельзя тебе уклоняться от сего. Когда увидишь осла брата твоего или вола его упавших на пути, не оставляй их; но подними их с ним вместе.

Здесь мы опять имеем дело с практикой прецедентов, которая дает минимальный случай, чтобы иллюстрировать генеральный принцип. Мы не можем ограбить у человека его имущество нашим пренебрежением; мы должны действовать как добрые соседи, даже к нашим врагам и к пришельцам. Потерянные или заблудившиеся животные, имущество или одежду, надо сохранять и охранять с всяким явным усилием для немедленного возвращения.

Если свидетель обязан оказывать помощь “со всякими потерянными вещами” другого человека, у него даже более сильная обязанность помогать для спасения человека. Например, этот принцип ответственности появляется во Втор. 22:24. Женщина, на которой напали в городе, предполагается давшей согласие, если она не кричала; отсюда происхождение обычного закона *hue and cry*. На ее крик, каждый человек, услышавши ее голос, должен оказать немедленную помощь; не сделать этого рассматривалось как ужасное отвращение, которое загрязняло землю и фигурально затмевало солнце. Отвращение, которое чувствовалось при таком преступлении, отразилось в равинской традиции:

Наш Учитель учит, что солнце затмевается из-за четырех вещей: Из-за Аб Бет дин (вице-президент Синедриона), который умер и его не похоронили как положено; из-за помолвленной девушки, которая высоко кричала в городе и не было никого, чтобы спасти ее; из-за содомии, и из-за двух братьев, чья кровь пролилась одновременно. И из-за четырех вещей светила (луна и звезды) затмеваются: Из-за тех которые совершают подделки, из-за тех которые произносят ложные свидетельства; из-за тех, которые пасут мелкий скот на земли Израиля (животные, которых невозможно удержать чтобы не наносили вред полям других); и из-за тех, которые высекают хорошие деревья.^[21]

Многозначительное, что это преступление классифицировано как худшее, чем ложное свидетельство; ложное свидетельство представляет истину неправильно; невмешательство свидетеля делает его соучастником в преступлении через его отказ оказать помощь. Асаф говорил о тех, которые были безразличными к нужде оказать помощь:

Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелободями общаешься (Пс. 49:18).

Совсем как следует, предельные ссылки цитируют Рим. 1:32 и I Тим. 5:22. В последнем отрывке те, которые соглашаются с поспешным возложением рук на новичков в вере, или своим молчанием дают согласие, “участники в чужих грехах.” Не обосновательно принять, что наказание неактивного свидетеля было подобно этому за ложное свидетельство. Наказание за то же самое преступление применялось к ложному свидетелю (Втор. 19:18,19); неактивный свидетель тоже своего рода свидетель, и такой, который соглашается с преступлением через свое бездействие. Таким образом неактивный свидетель является соучастником, помощником в преступлении, и ответственным к наказанию за это преступление.

Соломон тоже привлекал внимание к тому же преступлению, заявляя острыми и точными словами:

Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение? Скажешь ли: “вот, мы не знали этого”? А Испытующий сердца разве не знает? Наблюдающий над душою твоею знает это, и воздаст человеку по делам его (Прит. 24:11,12).

Комментарий Киднера относительно Прит. 24:10-12 безценный в связи с этим:

Исключительное усилие (10) и возможность уклониться от ответственности (11,12) – справедливые, беспристрастные испытания для характера человека. Это наемник, а не настоящий пастух, который будет оправдываться плохими условиями (10), безнадежностью задачи (11) и извиняющим незнанием (12); любовь не так легко успокаивается – ни Бог любви.^[22]

Комментарий Делича относительно Прит. 28:17 тоже очень подходит здесь:

Милость не может прийти на место справедливости, пока справедливость не будет признанной полностью. Человеческая симпатия, человеческая терпеливость, под ложным названием милости, не идут в сравнении с этой справедливостью.^[23]

Итак, библейский закон выясняет ответственность свидетеля; на самом деле он постановляет, что свидетель не может быть посторонним наблюдателем. Более старое решение одного американского суда постановило вопрос вкратце: Закон “требует делать добро во все времена.”^[24] *Полицейская власть* гражданства покоится на Втор. 22:1-4,24. Когда имущество ближнего заблудилось или потерялось, или когда мужчина или женщина кричали о бедствии, каждый человек должен откликнуться на этом крик и применить закон. Все граждане в США имеют право арестовать до сего дня, как результат от этого библейского наследия.

Согласно обычайному праву шериф все еще имеет право заирать всех мужских граждан в возрасте 15 лет и старше, чтобы помогать ему при применении закона.^[25]

Что касается гражданского ареста:

Вильям Б. Саксби, главный прокурор штата Огайо, сообщил некоторые из основных правил из гражданского ареста. С некоторыми различиями из штата в штат, закон Соединенных штатов утверждает, что частное лицо может арестовать кого-то за совершение или за попытку совершить уголовное преступление или проступок в его присутствии. Он может тоже арестовать кого-то, о котором он имеет разумное основание верить, что тот совершил до этого уголовное преступление в прошлом, но не и за проступок. Некоторые штаты позволяют гражданам арестовать только за уголовные преступления, пока другие дают гражданам широкие права арестовать за все преступления.

Саксби отмечает, что уголовные преступления почти всегда в основном несправедливые или злые, пока проступки – более мелкие преступления.^[26]

Обычно однако полицейская власть граждан упражняется самым лучшим образом оказыванием помощь полиции и жертвам преступления. Полицейские предпочитают, чтоб свидетели призывали их, отмечали точно события, и помогали как это взыскивалось полицией. В Германии люди, не упражнявшие свою полицейскую власть чтобы защитить других, подлежат штрафу от одной до несколько тысяч марок или получают год в тюрьме. Франция и Италия имеют подобные законы.^[27]

Американское право становится противоречивым, потому что старое обычайное право заменяется писаными законами. Машину человека можно командировать на арест преступника, однако у него нет законного основания на претензии против государства, если его машина разрушится в процессе преследования.[\[28\]](#) Варник комментирует точно:

Это не преступление ни в коем штате – как это по обычайному праву почти повсюду в Европе – для гражданина, если он не сообщит в полицию по собственной инициативе о совершении уголовного преступления. Однако актом Конгресса такое “укрывательство уголовного преступления” – преступление в Соединенных штатах, если преступление, о котором не сообщили, *федеральное* преступление. С точки зрения мирянина это значит, что если вы увидели ограбление универмага и спокойно продолжили своим путем, вы будете на верной стороне закона, если вас не будет мучить совесть. Но если вы увидели ограбление почты и не позвали полисменов, вы совершили бы федеральное уголовное преступление.

То, что принесло все это на будущее, конечно опять возрождение преступности и насилия толпы в Америке; унижение полиции до точки, когда все меньше людей хотят быть полицейскими; и шокирующая апатия многих людей, не желающих “замешивать их” в преступлениях...

Если закон не требует от вас вызвать полисменов, когда грабят универмаг или жестоко избивают кого-нибудь; если вы ответственный за обвинения, приводившие к неправильному аресту даже когда на ваш взгляд вы действовали совсем основательно, если вас не могут защитить против обвинения или ответственности, когда вы подчинились офицеру полиции, тогда вы в праве занять позицию – даже против ваших собственных чувств – что само общество не действительно серьезное, чтобы контролировать преступность. В этом случае общество – законодатель и суды.

Почему “укрывательство уголовного преступления” не штатское преступление, когда оно федеральное преступление? Законодатели могут восстановить принцип обычного права, чтобы оно стало таким.[\[29\]](#)

Гражданская правовая ситуация может быть двусмысленной; требование библейского права нет. Укрывательство, т.е. утаивание преступления – серьезное нарушение. Неактивный свидетель стоит на стороне преступления. Притча о Добром самарянине (Лук. 10:29-37) твердо основывалась на библейском законе.

В притче о Добром самарянине священник и левит оставили жертву и “прошли мимо.” Религиозные лидеры призывают повиноваться закону; они “дают десятину с мяты, руты и всяких овощей, и не радят о суде и любви Божией” (Лук. 11:49). Легкое дело – давать десятину с мяты; но иногда необходима моральная смелость, чтобы помочь жертве; в случае с жертвой, описанный Иисусом, даже не была необходима смелость – только помощь оставленной преступниками жертве в смысле закона. Религиозные лидеры соблюдали закон только когда это им стоило немного или ничего. Иисус отделил их от закона.

Поэтому серьезная ошибка – сводить притчу о Добром самарянине только к уровню чувств, или к вопросу милосердия; в этом случае они подчиненные закону. Те, которые презирают закон, тоже и без милосердия. Они заявляют, что любят закон, но они выбирают только вопросы о повиновении, а отвергают то, что трудное. Слишком много священников сегодня сводят закон к простым правилам о Субботе и прелюбодеянии, и обходят или нарушают остальное в законе безнаказанно. Это фарисейство.

5. Деньги и меры

Очень неправильно понимаемый закон в Лев. 19:35-37 тот, который касается честности при измерении:

Не делайте неправды в суде, в мере, в весе и в измерении. Да будут у вас весы верные, гири верные, ефа верная и гин верный. Я Господь, Бог ваш, который вывел вас из земли Египетской. Соблюдайте все уставы Мои и все законы Мои, и исполняйте их. Я Господь.

Слово суд здесь относится к всему, что следует; *мера* здесь означает измерение длины или площади, т.е. ярд, локоть, фут и т. п.; *вес* означает талант, сикля и другие денежные единицы; *измерение* относится к мерам для вместимости, т.е. хомер, ефа, гин и т.д.; *весы и гири* – средства взвешивания.[\[30\]](#)

Что *вес* означает деньги, известно давно. *Библейская энциклопедия* Фейрбейрна, как и другие, рассматривает сиклю как “вес.” Библия говорит о деньгах как о *весе*. Например нам рассказывают, что “дал Давид Орне за то место шестьсот сиклей золота” (I Пар. 21:25). Насчет точной природы слов *talent*, *menah*, *shekel*, *benah*, *zuza* (Reba), и *gegal*, мнения расходятся, но таблица Бонара наверно не хуже любой другой.[\[31\]](#) Сикля вероятно была половина унции.

Бонар относился к этому осмотрительно, потому что он автор тоже комментария к Левите. Комментируя Лев. 19:35-37, он посвящает три страницы основной евангелистской проповеди. В двух предложениях он обращается к специфичному пункту текста, чтобы сказать:

На рынках, в торговле, на их базарах – измеряя землю ярдами и локтями, или взвешивая товары на весах, или измеряя объем зерна – весы и их гири, *ефа* и ее подразделение *гин*, должны были быть строго точными.[\[32\]](#)

Можно говорить о *преднамеренном несоответствии* Святому писанию многих проповедей и комментариев. Закон центральной важности для монетной и экономической моральности нации рассматривается небрежно, или никак вообще. Библейский материализм евреев уберег их от такого несоответствия. Талмуд например отмечает:

Раба говорил: Почему Божественный закон упоминает исход из Египта в связи с лихвой, мелочью и весами? Святой Единственный, будь он благословен, заявил: “Это Я, кто разграничил в Египте перворожденных от неперворожденных; и еще это Я, кто будет взыскивать место от того, который приписывает свои деньги нееврею и через него дает их израильтянину в рост, или от того, который погружает свои весы в соль, или который (привязывает к своей одежде нитки, покрашенные) растительной синей краской и утверждает, что это (настоящее) синее.”[\[33\]](#)

Загвоздка здесь в том, что перворожденные или избранные Богом это те, которые повинуются Его закону. Те, которые только внешне радуются привилегиям завета и заветной культуры, но которые отвергают его законы, подлежат специальной мести заветного Бога.

Гинсбург тоже ссылается на этом аспекте закона и цитирует его применение во время Второго храма:

Видно будет, что Законодатель использует здесь точно ту же фразу в отношении употребления верных мер, которую он использует в связи с применением правосудия в стихе 15. Следовательно тот, который заявляет, что ложная мера есть законная мера, он согласно этому

закону как коррумпированный судья, и обманывает людей ложными суждениями, как тот, кто на суде преднамеренно выдает грешный приговор. В связи с фактом, что люди, которые иначе отвергли бы идею об обмане, часто отбрасывают свою совесть по вопросу о мерах и весах, Библия часто клеймит эти поступки как безнравственные, и как отвратительные Богу, и в то же время она показывает верные меры как идущие от самого Бога (Втор. 25:13,15; Иез. 45:10-12; Ос. 12:7; Ам. 8:5; Мих. 6:10,11; Прит. 11:1; 16:11; 20:10,23). Согласно властям во время Второго храма, тот кто дает ложный вес или мера, подобно коррумпированному судье, виновен за следующие пять вещей: Он (1) загрязняет землю; (2) злословит имя Бога; (3) становится причиной, чтобы Shekinah, Слава Божья, ушла; (4) становится причиной, чтобы Израиль погиб от меча и (5) чтобы пойти в плен. Поэтому они объявляют, что “грех незаконных весов и мер больше, чем этот кровосмешения, и равняется греху отрицания, что Бог ввел Израиль из Египта.” Они назначили общественных надзирателей чтобы инспектировать весов и мер по всей стране; они запретили делать гири из железа, свинца и других металлов, которые могли бы уменьшиться в весе из-за износа или ржавчины, и приказали делать их из полированного булыжника, из стекла и т.д., и ввели строгие наказания за обман. [34]

Следовательно, у этого закона несколько очень важных следствий. *Первое*, старый латинский и современной свободной торговли (лессе-фер) принцип *caveat emptor* (пусть покупатель остерегается), не библейский. Нечестная торговля – серьезный вопрос, как нечестные судьи и суды. По этому пункту современные либералы ближе к библейским требованиям, чем консерваторы. Предполагаемый эволюционный закон джунглей – это не библейская моральность. С другой стороны, либеральный принцип, “пусть продавец остерегается,” тоже не библейский. Закон не может поощрять безответственность со стороны ни покупателя, ни продавца. Лессе-фер поддерживает безответственность продавца; либерализм и социализм поощряют безответственность покупателя. Честные товары необходимые, но тоже и честное оплачивание. Государство, как служитель правосудия, действительно имеет обязанность поддерживать справедливость на рынке, но нельзя путать справедливость с благотворительностью. Действительно, государство как полицейский может быть коррумпировано, на самом деле если общество в целом коррумпировано, государство тоже будет таким. В здоровом и набожном обществе государство будет действовать успешно, чтобы ограничить меньшинство злодеев. Ключ к ситуации не государство, а религиозное здоровье общества. Закон специально постановляет, что ложные весы и меры – “не праведность суждения,” или несправедливость в этих вопросах требует правосудия. Поскольку правосудие – служба государства, эти вопросы надо судить государству.

Второе, меры длины и площади, как мы уже отметили – это ярды, футы, пальцы, локты, метры и т.п., включая акры. Правосудие требует поддержание строгих стандартов в этой материи, и наказание тех, которые обманывают посредством ложных мер. Обман в этой области приводит к обману в сделках с землей, с товарами и материалами, и в разных других основных способах торговли.

Третье, обман в весе – по существу это фальшивые деньги. Совсем очевидно, библейские деньги измерялись весом, весом серебра и золота, и всякая форма чекани монет в более поздние времена была тоже в весе. Раньше деньги не чеканились, а были кусками серебра или золота с определенным весом. Чеканка золота в Соединенных штатах продолжила библейскую модель, устанавливаясь в связи с весом – одна унция, или части одной унции.

Банковое дело с мелкими резервами, необратимые или частично обратимые бумажные деньги, и инфляция денег через долг и кредит, все это нарушение этого закона. Исаия, перечисляя обвинения в обвинительном акте Бога против Иерусалима, заявляет что “Серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водой” (Ис. 1:22). Имеется ввиду ложный вес, серебро заменялось низшими металлами или сплавлялось с ними, а также и ложная мера – кварта вина превращалась в галон через смешивания с водой.

Итак, закон ясно требует осуждение всяких фальшивых денег. Так и закон о виновном свидетеле ясно осуждает *всех* служителей, священников и учителей, которые не объявляют осуждение закона против фальшивых денег. Их молчание означает вину, сравнимую с этой коррумпированной судьей или фальшивомонетчиков, тем что они подделывают Божие слово своим молчанием или ложными интерпретациями.

Конечно, как ложное мерило или ложная объемная мера обманывают человека, так наверно и фальшивые деньги обманывают его. Даже хуже, нечестные деньги вводят ложный вес во всех денежных сделках в обществе, из-за чего преобладают радикальная коррупция и несправедливость. Если в каждой сделки бизнеса в каждом обществе преобладает в основном обман в форме нечестных и фальшивых денег, тогда все общество загрязненное, честные люди ограбляются, а воры преобладают. Вот это точно то, что совершают денежный обман и инфляция – триумф воров над набожными людьми. Молчание перед лицом такой радикальной коррупции – неизвинимое пренебрежение и зло. Гинсбург выше цитировал тексты, осуждающие ложных весов. Их называют “мерзостью” пред Господом, как свидетельствует декларация Соломона:

Неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое – мерзость пред Господом (Прит. 20:10).

Мерзость пред Господом – неодинаковые гири, и неверные весы – не добро (Прит. 20:23)

В Иез. 45:9-12 Бог уточняет точные соотношения сикли с ее меньшими и большими весами, а даются также и меры вместимости. Отсутствие правосудия здесь Бог определяет через Иезекииля как “обиды и угнетения,” а тоже и как “вытеснение из владений.”

Четвертое, меры здесь относятся и к мерам вместимости, и закон взыскивает строгую честность здесь, как и везде. Жидкие и сухие меры одинаково охватываются этим законом. Мы отметили осуждение Исаии за разбавление вина; галон вина, разбавленный водой, может быть точным как галон, но он все-таки нечестный, потому что его содержание смешанное с водой. Фрукты, политые водой скоро до продажи имеют нечестный вес и худший привкус. Давать коровам соленную пищу, чтобы они пили больше воды и увеличили свой вес – обман, как и формы перевоза коров к рынку, который обезводняют их и уменьшают их вес. Таким образом обман распространяется и вне весов и бушельной корзины.

Пятое, точные весы относятся к тому, что сегодня называется безменами или рыночными весами. Честные шкалы основные для справедливой торговли, и поэтому контроль над ними основной в правосудии. В

основном жертвами неверных весов становятся бедные (Ам. 8:4-8). Они меньше всех способны защищать себя и больше всех страдают от последствий.

Шестое, последствия от нарушений этого закона проявляются в самой земле, которая свергнет с себя людей. Точно как Нил затопляет Египет, так и осуждение прострется над народом (Ам 8:8). В законе подчеркивается его связь с жизнью:

В кесе твой не должны быть двоякие гири, большие и меньшие. В доме твоём не должна быть двоякая ефа, большая и меньшая. Гиря у тебя должна быть точная и правильная, и ефа у тебя должна быть точная и правильная, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе (Втор. 25:13-15).

Это постановление заметил хорошо Лютер, который отметил, что:

точный вес и точная мера должны сохраняться в общности, чтобы не обманывать бедного и ближнего. Это тоже вообще действительно для всех обменов и всех договоров, чтобы продавец давал верные и соответствующие товары за деньги покупателя. Здесь альчность знает невероятные несправедливости и трюки: замена, обман, имитация и неравноценная торговля; поэтому немалая часть забот государства должна быть держать это под контролем для общего блага.^[35]

Лютер совершенно прав. Заповедь “Не кради” полностью запрещает “замену, обман, имитацию и неравноценную торговлю,” а такой обман или кража должны быть “немалой части заботы государства.” Однако кульминационный пункт слишком часто пренебрегается: это обещание жизни за повинение этому закону, как и пятой заповеди. Обратно, жизнь отказывается тем, кто нарушает этот закон; земля, данная вору встречает осуждение и смерть. Другими словами Бог сокращает жизнь нации, которая прощает мошенничество и обман через фальшивые деньги, шкалы и другие меры.

Калвин говорил о Лев. 19:35:

Теперь, если законы о покупке и продаже коррумпированные, человеческое общество как будто растворяется; так что тот, кто обманывает неверными весами и мерами, мало отличается от того, кто использует фальшивые деньги; и следовательно того, будь он продавец или покупатель, фальсифицирует стандартные меры вина, или зерна, или чего-нибудь другого, надо считать преступником.^[36]

Реформаторы, как и более ранние отцы церкви, не были молчаливыми в отношении к этому закону.

Оценивая этот закон, надо поставить его в контексте правовой традиции современной эры, с целью понять основной конфликт принципов. Правовую традицию можно разделить на три основные позиции. *Первая*, принцип более старого либерализма и более нового консерватизма связывает концепции лессе-фер с эгоизмом. Требуется невмешательство государства в экономические дела, и поддерживается, что эгоизм всех индивидов, способствует общественному благу. *Caveat emptor* царствует, и не делаются никакие попытки, чтобы провести этот закон из Левита. Эта позиция ясно постулирует *правило индивида* и его верховенство в социальном порядке. Эгоизм индивида ведет к самому большому благополучию для самого большого числа людей.

Вторая, новый либерализм, как и социализм, утверждают *правило государства*. Эгоизм государства ведет к самому большому благополучию, потому что государство берет к сердцу благополучие всех. Поэтому необходимо законодательство, чтобы наложить честные меры и веса.

В первой позиции нет защиты для людей и общества от греха и жадности человека; во втором социальном порядке нет защиты для людей против власти и испорченности государства.

Третья, библейский закон декларирует правило Бога и Его закона. Божий эгоизм – единственное верное основание для закона и порядка. Бог как всесвятая, праведный и справедливый, действительно самым мудрым образом заповедует и управляет всеми вещами. Только когда люди спасутся и повинуются, по благосклонности и/или по принуждению, Божьему правовому порядку, возможно иметь правосудие. Если закон Божий не соблюдается, тогда ни эгоизм людей, ни эгоизм государства, не смогут сохранить социального порядка. “Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его” (Пс. 126:1).

6. Ростовщичество

Немного законов в Библии понимаются хуже, чем законы о ростовщичестве. Само слово *ростовщичество* запутывает проблему. Речь идет не об огромных процентах в библейском употреблении, а обо всех процентах вообще. Чтобы избежать непонимания по этому пункту, обратимся к самому тексту. Закон гласит как следует:

Если дашь деньги займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста. Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего – до захождения солнца возврати ее. Ибо она есть единственный покров у него; она одеяние тела его: в чем будет он спать? Итак, когда он возопиет ко мне, Я услышу; ибо Я милосерд (Исх. 22:25-27).

Если брат твой обеднеет и придет в упадок у тебя, то поддержи его, пришлец ли он, или поселенец, чтоб он жил с тобою. Не бери от него роста и прибыли, и бойся Бога твоего; чтоб жил брат твой с тобою. Серебра твоего не отдавай ему в рост, и хлеба твоего не отдавай ему для прибыли. Я Господь, Бог ваш, который вывел вас из земли Египетской, чтобы дать вам землю Ханаанскую, чтоб быть вашим Богом (Лев. 25:35-38).

Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост. Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь, Бог твой, благословил тебя во всем, что делается руками твоими на земле, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею (Втор. 23:19,20).

Первое, прежде всего в двух из трех изложений этого закона, определенно постановляется, что закон касается бедного, и более того, бедного одноверца из членов завета. Второзаконие частично есть обобщение закона и видимо принимает тот же факт. Этот пункт очень важный, тем что большее непонимание этого закона проистекает из неправильного понимания слова “брат.” Уже много веков церковь принимает, что “брат” относится к каждому верующему, и соответственно запрещает всякую лихву среди христиан. Талмуд следует подобную интерпретацию: всякие расплачивания с процентом между израильянами запрещались. Однако находились различные обходные пути, и стало практикой, чтоб израильянин приписывал “свои деньги нееврею, а он давал их

другому израильтянину в рост.”[37] Разработались тоже множество технических способов, через которые можно было взysкивать процент, не рассматривая его как рост. То же самое верно и о средневековой теории и практике.

Калвин изменил этот тезис братства. В любопытной терминологии Нелсона, “он начертил дорогу к миру Всеобщего Чужачества (Otherhood) где все стали ‘братьями’, оставаясь в ровной степени ‘другими’.”[38] Заключение Нелсона очень спорное. Калвин явно признает, что закон не уничтожил лихву, но все-таки он призывает помогать нуждающемуся бедному брату. Комментируя Исх. 22:25 Калвин заявляет:

Вопрос здесь не столько в ростовщичество, как некоторые неправильно думают, сколько в том заповедал ли Он нам давать займы без роста, и без всякой надежды на прибыль; но поскольку давая займы, в самом общем случае ищется личная выгода, и поэтому мы пренебрегаем бедного, а даем займы наши деньги богатому, от которого ожидаем некоторую компенсацию, Христос напоминает нам, что если мы ищем получить выгоду от богатого, мы не в состоянии таким путем доказать нашу благотворительность или милосердие; и поэтому Он предлагает другой вид щедрости, которая полностью даровая, помогая бедному, не только потому что наш заем рискованный, но потому что он не может вернуть с лихвой.[39]

Этот пункт Калвин указывает отчетливо, порвав с целой традицией, проистекающей от Аристотеля, который утверждает, что каждый процент – зло; согласно Калвину процент сам по себе не зло. У Калвину не было любви к проценту или к отдачу денег займы. Он сознавал тяжесть предрассудка против него, и заявлял, что предпочел бы мир без него, “но я не смею произносить по этому важному пункту больше, чем выразили слова Божии.”[40]

Поэтому я предостерегал людей, что рассматривать этот факт сам по себе – это просто; что все несправедливые прибыли никогда не нравились Богу, какую бы окраску мы ни пытались придать этому. Но если мы желаем формировать беспристрастное суждение, у нас не хватит оснований, чтобы принять, что надо осудить всякое ростовщичество без исключения. Если должник тратит время под ложными претекстами, чем причиняет потери и неудобство своему кредитору, будет ли справедливо, чтобы он получал выгоду от своей плохой веры и нарушенных обещаний? Конечно никто, я думаю, не отречет, что надо платить кредитору рост в добавку к основной сумме, чтобы компенсировать его потерю. Если кто-нибудь богатый и состоятельный человек, желающий купить кусок земли, должен занять некоторую часть требуемой суммы, не может ли тот, кто дает деньги займы, получать некоторую часть доходов от фермы, пока главная сумма не выплатится? Много таких случаев происходят ежедневно, при которых что касается справедливости, ростовщичество не хуже, чем покупка. Не поможет и тот коварный аргумент Аристотеля, что ростовщичество неестественное, потому что деньги бесплодные и не порождают деньги; ведь такой обман, о котором я говорил, может принести большую выгоду через торговлю деньгами другого человека, а покупатель фермы может междуременно пожинать и убирать свой урожай. Но те, которые думают иначе, могут возразить, что мы должны повиноваться Божьему суждению, когда Он вообще запретил Своему народу всякое ростовщичество. Я отвечаю, что вопрос только в отношении к бедному, и следовательно, когда мы имеем дело с богатым, такое ростовщичество свободно дозволенное; потому что Законодатель, говоря об одном, не осуждает другое, о котором он молчит.[41]

Всеобщее осуждение лихвы привело к очень безобразным последствиям. На кредиторов и банкиров как класс смотрелось с недоверием, по причине продолжительного осуждения ростовщичества. Начиная со средних веков, такие личности, рассматривались как особый вид злой конспирации против человечества, и это мнение нарастало, вместо того чтобы утихать. Нам постоянно говорили и консерваторы, и социалисты, что международные банкиры и “денежный трест” делают конспирацию против человечества. Хотя и никогда не представлялись никакие доказательства, эта небылица повторялась очень часто, что ее принимали как верной, из-за того что много людей верило в ней. В 16-ом веке декан Дурхема, преподобный доктор Томас Вилсон, энергичный противник всякой лихвы, ясно раскрыл моральное смятение, к которому приводит такая позиция. Описывая безнравственность заемодателей, Вилсон цитирует один пример:

Я знаю одного джентльмена, который наследил землю стоимости в 500 фунтов, и начал брать деньги в рост, закладывая свою землю, никогда не получив более тысячу фунтов чистых денег; и через несколько лет непрерывных расплачиваний, он все еще платил рост и двойной процент, который торговцы называют более благовидным именем процент и двойной процент, и в конце концов был должен своему кредитору 5000 фунтов, взяв в займы в начале только тысячу; так что его земля начисто пропала – пятисот фунтовое наследство против одной тысяч фунтов в деньгах, вместе с лихвой за эти деньги за так мало лет, и теперь он нищий. Я не скажу, что этот джентльмен тратил деньги на добрые дела, скорее я назвал бы его поведение очень плохим, поскольку он носил блестящую и дорогую одежду, щеголяя большей прислугой, чем была нужна ему, и с течением времени чудовищно пристрастился к азартным играм в карты и в кости. Но все-таки я скажу, что он потерял больше денег на расплачивании с ростовщиком, чем на все свои растраты, потому что все его суетные расходы не превышали тысячу фунтов, поскольку у него не было больше; тем временем ростовщик не только вернул себе свою тысячу фунтов, но и несколько раз больше, что в общем около 5 тысяч фунтов, а вместе с тем и залог в виде земли на 500 фунтов остался полностью у него. И все это он выиграл в очень короткое время.[42]

Вопросный наследник промотал весь доход от своего имения, плюс свою тысячу фунтов заема, в буйной жизни, и окончил как нищий. Он следовательно, потратил больше, чем сумма займа, а поэтому и Вилсон здесь неправ. Процент кажется высоким, но нам нельзя здесь судить об этом, потому что мы не знаем в какие годы жил этот своенравный наследник. В шестнадцатом веке была большая инфляция в Англии; во время инфляции лихвенные проценты растут прогрессивно, и поэтому цифры процентов относительные. Заем был может быть законным; совсем ясно, что мораль наследника была плохая. Зло в этом случае совсем ясно было главным образом со стороны наследника, а может быть и полностью. Вилсон не дает нам никакого доказательство о совершении злодеяния со стороны кредитора; и все-таки его позиция такая, что давать деньги займы – само по себе зло. В результате он легкой рукой спускает очевидное моральное нарушение долга со стороны молодого джентльмена, который заслужил стать нищим.

Эта привычка осуждать других за наши собственные грехи глубоко укоренилась в западном человеке в результате этой враждебности к денежным займам. Она была тоже плодородная почва для антисемитизма.

Второе, природа заема для бедного заслуживает особое внимание. Согласно комментарию Рилаарсдама об Исх. 22:25-27:

Настоящая загвоздка в том, что в своем отношении к бедному человеку, возможно к своему собственному наемнику, израильтянин должен был быть великодушным. Если он дает ему в аванс его заработную плату, он не должен настаивать на возвращение долга до конца дня, из-за риска что человек останется без *одежды*, которую он дал в залог о заеме (ст. 26). Оригинальное предостережение не столько запрещение процента, сколько требование, чтобы кто-нибудь был готов рисковать “один аванс” без материальной гарантией. В Ам. 2:6 израильтяне осуждаются за то, что относились к таким авансам строго юридически, даже ценою оставить бедного в беде. Когда экономика меновой торговли

развилась в денежную экономику, проблема процента становилась все более острой (Втор. 23:19-20; Лев. 25:26); между израильтянами ростовщичество запрещалось. (В древнееврейском языке слово “лихва” означало “кусочек” или “укус”!) Брать одежду ближнего в залог на время, больше чем рабочие часы дня, когда он не носил ее, было равносильно тому, чтобы заставить его заложить свою жизнь (ср. Втор. 24:6,17). Этот запрет в конечном счете делает порабощение за долг невозможным.^[43]

Эволюционная вера Рилаарсдама подводит его принимать более позднюю дату для законов в Левите и во Второзаконии, а отсюда и различное значение. Об этом нет никаких доказательств. Он прав, однако, цитируя этот закон как доказательство об авансовой плате заработка. Принимаемый залог был между прочим одежда или покрывало, под которым бедный рабочий спал. Речь идет об отношении кредитора к бедным людям, к “бедному из народа Моего,” к людям, работающим на его земле с ним. То же самое значение появляется в Лев. 25:35-38, и оно более широкое. Если бедный единовец, который работает у богатого верующего, испытывает финансовое затруднение из-за какого-нибудь кризиса, он должен получить то же самое гостеприимство, которое получили бы чужестранец или путешественник, гостеприимство, должное постороннему. В таком случае благотворительность должна быть снисходительной, а заем без процента. Комментарий Райта о Втор. 23:19,20 указывает это:

Никакой процент нельзя требовать с заемов брату израильтянину, хотя он позволенный в случае с иноземцем. Поскольку большинство заемов в Израиле было с целью преодоления какого-нибудь бедствия, принцип зад законом был, что нельзя извлекать выгоду из нужды другого. Использование заемов в международной торговле, было с другой целью. Поэтому иностранец исключался из этого требования.^[44]

Достойное похвалы, когда богатый человек дает займы бедному единовецу, но это акт добровольного милосердия, пока закон, как это показывает повествование Левита, требует такое милосердие как обязательное к существенным наемникам. Никакой богатый верующий не имеет возможность давать займы каждому нуждающемуся единовецу. Он однако действительно имеет возможность помогать тем, которых он нанимает. Его ответственность здесь состоит в том, чтобы давать им займы аванс без лихвы, за счет их заработка, и давать спешные кредиты во времена кризиса. Запрет против лихвы в таком случае ограничивается к специальному типу случаев, и он предполагает больше чем простое запрещение, потому что требуется активный долг к тем, которые под нашей власти.

Третье, хотя милосердие очевидно цель этого закона, оно здесь не путается с подарком, с потерей, или с глупостью. Залог или гарантию можно, хотя и не обязательно, требовать. Как указывает Гари Норт, это запрещает банковое дело с частичным резервом, тем что гарантию нельзя использовать чтобы договорить второй заем, т.е. тем что кредитор держит ее в течении дня. Требуемый залог был защитой против безответственности со стороны бедного рабочего. Если бедный рабочий заслуживал доверия, работодатель не требовал залога с него. Следовательно залог или гарантия были страховкой против неоплачивания долга, или надо было работать за долг. Милосердие в этом случае было подарить лихву, а не основную сумму заема.

Обвинение против ростовщичества у пророков есть обвинение против того давать рабочим в рост, чтобы захватить их небольшие владения землей. В Пс. 14:5 такое ростовщичество связывается с приемом “даров против невинного,” т.е. с взяточничеством. В Прит. 28:8 нам говорят, что “Умножающий имение свое ростом и лихвою соберет его для благотворителя бедных,” т.е. человек, который берет процент со своих бедных наемников, которые верующие, будет осужден в конце концов Богом, и его богатство достанется тем, которые жалеют своих бедных братьев. Иеремия встретился с враждебностью людей, которые поработили своих единовецев, вместо помочь им (Иер. 15:10). Иезекииль упоминает тот же вид угнетения (Иез. 18:3, 22:12). Неемия требовал возврат к библейскому закону (Неем. 5:1-13).

Иисус говорил о том же виде заема без лихвы в Лук. 6:34,35. Его утверждение лихвы для коммерческих кредитов ясно видно из Лук. 19:23 и Мат. 25:27.

Обобщающее заявление Унгера следовательно корректное в главном:

Израильтяне не были коммерческим народом, деньги не часто давались займы в целях бизнеса, а скорее чтобы помочь изнемогающим бедным. Это последнее было единственным видом лихвы, запрещенной в законе, и избежание ее дается иногда среди характеристик набожного человека (Пс. 15:5; Иер. 15:10, ср. Прит. 28:8).

Практика закладывать землю, иногда под огромным процентом, развилась среди евреев во время плена, в прямом нарушении закона (Лев. 25:36; Иез 18:8,13,17), а Неемия требовал клятву, чтобы гарантировать ее прекращение (Неем. 5:3-13). Иисус отвергал всякое вымогательство, и объявил новый закон любви и бескорыстности (Лук. 6:30-35). Давать в рост в смысле разумного лихвенного процента для использования денег в торговле – это другое дело, и никогда не запрещалось; и упоминается в Новом завете как совершенно понятную и позволенную практику (Мат. 25:27; Лук. 19:23).^[45]

Нет никакого основания называть заявление нашего Господа “новым законом любви и бескорыстности,” когда оно не больше чем обобщение закона нового завета.

Четвертое, хотя лихва разрешается для коммерческих кредитов, все такие кредиты находятся под ограничением субботного закона, т.е. их жизнь ограничивается на шесть лет. Согласно Втор. 15:1-6:

В седьмой год делай прощение. Прощение же состоит в том, чтобы всякий заимодавец, который дал займы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего; ибо провозглашено прощение ради Господа. С иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости. Разве только не будет у тебя ничего: ибо благословит тебя Господь на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел, чтобы ты взял ее в наследство. Если только будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и стараться исполнять все заповеди сии, которые я сегодня заповедаю тебе: Ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь давать займы многим народам,, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать.

Разрешаются только краткосрочные кредиты. Никакой набожный человек не имеет права закладывать свое будущее неопределенно; его жизнь принадлежит Богу и людям нельзя поплачиваться ею. Следовательно, всякий вид долга у верующих, независимо из милосердия или по деловым соображениям, должен быть краткосрочным долгом. Суббота в основном и по существу – *отдых*, а не *богослужение*, а основной для субботного отдыха является свободная от долгов жизнь. Долгосрочные долги – очевидное нарушение субботы, и много церквей, которые провозглашают себя преданными соблюдению субботы, на самом деле здесь нарушители субботы.

Нормальная жизнь заветного человека должна быть свободной от долгов; чтобы никакой человек не должен ничего, кроме обязанности отдавать дань, почет, боязнь и пошлину, когда это необходимо, и отдавать эту любовь, которая выполнение закона (Рим. 13:7,8). Если этот и все другие законы Бога соблюдаются, "не будет бедных" среди людей Бога. Это твердое и безоговорочное постановление; оно предполагает, что набожный человек может соблюдать закон до степени, необходимой чтобы получить это благословение.

Пятое, неверующие исключаются из милосердия, требуемого этим законом, как насчет безлихвенных кредитов, так и насчет прекращения долга в субботный год. Порочные уже рабы греха по природе; настоящего раба невозможно отучить от рабства, и будет глупо относиться к нему как к свободному человеку. Набожные люди свободные по природе; во времена бедствий они нуждаются в поддержке, чтобы вернуть себе свободу. Свободу нельзя давать человеку, который любить рабство, и глупо пытаться сделать это при помощи денег. Единственное решение есть новое рождение.

Шестое, цитируя их освобождение из Египта, Бог напоминает Своему народу, что намерение Его закона – дать человеку свободу, точно как Он вывел их из рабства к свободе. Намерение законов, управляющих лихвой, и намерение целостного закона – это свобода человека под Богом. Говорить об избавлении от закона значит говорить об избавлении от свободы. Закон не может быть свободой для грешника, а скорее приговор к смерти за то, что грешник не соблюдал его. Закононарушитель – человек в рабстве у своего греха, человек неспособный жить в условиях свободы. Поэтому закон есть непрестанный обвинительный акт и смертный приговор для него, тем что он подчеркивает бессилие человека и его неспособность справиться с собой: "что ненавижу, то делаю" (Рим. 7:15). Для спасенного однако закон есть дорога свободы.

Седьмое, залог был, как мы уже видели, заклад или депозит как гарантия за долг. Некоторые виды залога запрещались:

Никто не должен брать в залог верхнего и нижнего жернова; ибо таковой берет в залог душу (Втор. 24:6).

Не суди превратно пришельца и сироту; и у вдовы не бери одежды в залог. Помни, что и ты был рабом в Египте, и Господь освободил тебя оттуда: посему Я и повелеваю тебе делать сие (Втор. 24:17,18).

Если ты ближнему твоему дашь что-нибудь взаймы, то не ходи к нему в дом, чтобы взять у него залог. Пстой на улице, а тот, которому ты дал взаймы, вынесет тебе залог свой на улицу. Если же он будет человек бедный, то ты не ложишься спать, имея залог его; Возврати ему залог при захождении солнца, чтоб он лег спать в одежде своей и благословил тебя: и тебе поставится сие в праведность пред Господом, Богом твоим (Втор. 24:10-13).

То, что во Втор. 24:10-13 речь идет по существу о рабочих, служащих богатому единоверцу, явствует из отрывка, непосредственно идущего за этим – Втор. 24:14-16. Заклад или залог не может включать ничего необходимого для работы или жизни человека, потому что поступать так, значит создать угрозу для "жизни" человека, т.е. для его свободы. Кроме того, нельзя унижать или ранить достоинство должника; "одежды вдовы" нельзя брать у нее, ни может кредитор войти в дом человека, чтобы выбрать заклад или залог. Даже у дома бедного человека есть святость, которую кредитор должен уважать. "Дом человека – его крепость." Источник этого принципа – это Втор. 24:10-13. Достоинство должника не может нарушаться человеком, дающим взаймы, независимо с лихвой или без лихвы. Отвращение от унижительных залогов выражается в Иов. 24:9,10.

Есть, однако, одна аналогичная обязанность со стороны должника. Никакой человек не имеет права рисковать те вещи, которые основные для его жизни и свободы, ни брать взаймы, закладывая эти вещи, даже если кто-нибудь готов дать заем. Плащ бедного рабочего, его спальную одежду, это самое большое, что человек может дать в залог, при этом только на дневные часы. Одежду вдовы нельзя ни давать, ни брать в залог.

Восьмое, невозвращение залога или заклада когда долг уже оплачен – это ограбление, и оно связывается с языческим богослужением, прелюбодеянием, кражей, и убийством, как и с изнурительным ростовщичеством в отношении к бедному единоверцу. Это явно показывается в Иез. 18:10-13:

Но если у него родился сын разбойник, проливающий кровь, и делает что-нибудь из всего того, Чего он сам не делал совсем, и на горах ест жертвенное и жену ближнего своего оскверняет, Бедного и нищего притесняет, насильно отнимает, залога не возвращает и к идолам обращает глаза свои, делает мерзость, В рост дает и берет лихву: то будет ли он жив? Нет, он не будет жив. Кто делает все такие мерзости, тот непременно умрет; кровь его будет на нем.

Иезекииль имел ввиду здесь предстоящее падение Иерусалима, но он еще цитирует основное Божие осуждение всех, кто не возвращает залог. Закон здесь подвергается интенсивным атакам со стороны социализма и всяких форм тоталитаризма. Государственная экономика принимает, что ее закон, а не возродительная власть Бога, является принципом свободы. В результате государство принимает законы против библейского закона. Современное законодательство о "гражданской свободе" и о "гражданских правах" требует уравниловку всех людей, так что работодатель не может нанимать или покровительствовать своих единоверцев различно от неверующих. В конечном счете все люди становятся рабами государства; необходимость в милосердии остается, но теперь государство делает из себя источником благотворительности и судьей о том, кто должен получить ее. Безличное и политическое испытание заменяет испытание веры.

7. Ответственность

Один из важных аспектов библейского права это доктрина об ответственности. В рассмотренном раньше законе, Исх. 21:28-32, устанавливалось, что животное есть ответственное за свои действия, и что вол, забодавший человека, осуждался на смерть. Ясное, что животное держалось ответственным. Но ответственность ложилась тоже и на хозяина вола: если поведение вола до этого показывало, что он был опасное животное, а хозяин "не стерек его," тогда хозяин тоже ответственный. Следовательно ответственность не односторонняя улица. Оба, хозяин и животное, несут ответственность. Это всего лишь прецедент, речь идет о воле, но и о большем, чем о

воле, как выясняет святой Павел в связи с законом, касающим “заграждения рта у вола молотящего” (Втор. 25:4; I Кор. 9:9; I Тим. 5:18).

В смысле этого можно сделать несколько замечаний. *Первое*, родитель ответственный за своего ребенка, если он не сделал ничего, чтобы обуздать, наказать или привести его к судьям в случае безответственного или преступного поведения. Если человек ответственный за действия вола, он естественно ответственный за действия преступного сына, если он “не стерег его,” если не делал попытки предостерегать сына от проявления преступности.

Второе, ответственность родителей не освобождает детей от их ответственности. Забодавший вол всегда виновный; хозяин виновен только если докажется его небрежность. Главная ответственность всегда падает на действующую сторону. Хозяин или родитель может быть пособником преступления, только если он виновен в рамках своей ответственности.

Третье, нарушение за некоторым пределом ставит конец ответственности. Например, в законе о преступном сыне (Втор. 21:18-21), ответственность родителей заботиться о своем сыне и защищать его кончается с преступлением сына; их долг и их моральная ответственность тогда становится разоблачение своего сына и отказ от него.

Как мы уже отметили, ответственность не односторонняя улица. Ответственность родителей за детей кончается, когда дети отказывают подчиняться набожному авторитету и дисциплине родителей.

То же самое верно и об ответственности детей за их родителей. Опять, это не односторонняя улица. Рассмотрим иллюстрацию, которая бросит немного света на эту проблему: Дочь приняла ответственность за своего больного отца, когда ее братья отвергли свою ответственность. Как преданная христианка, она чувствовала себя обязанной заботиться о своем отце, который остался в ее доме до своей смерти как инвалид. Больше чем десять лет в ее доме, отец большую часть времени провел в кровати. Однако он интересовался своими сыновьями и своими внуками, которые продолжили бы его имя, и поэтому относился к дочери и к ее семье как к неполноценным, или в лучшем случае как к слугам, без никакого слова благодарности. Он сделал завещание в пользу своих сыновей и их сыновей, хотя оба его сына были состоятельными. Он давал щедрые дары по праздникам своим сынам и их сынам, но никакой подарок, ни благодарности дочери и ее семье. Ясное, что дочь неправильно толковала закон. Как верно, что безбожного сына надо выгнать и передать судьям, так и для безбожного отца (а его *поведение* раскрывает его как таким) нет места в ее доме, отвергая всякую ответственность за это.

Другая иллюстрация: мать, с воинствующим либеральным или модернистским уклоном в религии, жила со своей дочерью и зятем, оба преданные ортодоксальные верующие. Мать смотрела на семейную веру, церковь и семейное богослужение с презрением, унижала их перед своими внуками, и ежедневно насмеивалась над своей дочерью за ее “слепую реакционную” веру. Отрицая открыто авторитет своего зятя, и отрицая веру семьи, она лишилась всякого права на заботу и защиту. Терпеливое страдание семьи не было набожным. Поскольку ответственность есть двухсторонняя улица, мать была обязанной уважать семейную веру, авторитет своего зятя и преданность своей дочери.

Можно добавить и другую иллюстрацию: родители надеялись, что их дочь не выдет замуж и будет заботиться о них. Из-за их дурного характера у них не было друзей, и они требовали, чтоб она включала их в своих отношениях в обществе. В результате девушка потеряла всех своих друзей из-за своих родителей. С начала до конца их отношения были незаконными, и чувство об ответственности у дочери подвело ее.

Другой пример: мать чувствовалась обязанной использовать свои мизерные средства, чтобы помогать своему единственному сыну, неблагодарному человеку, чей доход был хорошим, но его чувство об ответственности было плохим. Мать сильно ограничивала себя, чтобы обеспечить ему люкс, который он требовал как необходимый для поддержки его привидного общественного положения. Опять, связь была незаконной с обеих сторон и ее надо было прервать.

В одну из колон Ан Лендерс она поместила письмо девушки, которая сообщала о своей семейной проблеме. Двадцатилетний парализованный брат в инвалидном кресле-коляске, сердитый жизни за свое состояние, относился к своим родителям и сестрам с ненавистным презрением и гневом. Грустная семья танцевала по его капризам.^[46] Никто, больной или здоровый, не имеет права вести себя так без осуждения. Много парализованных людей научились делать полезную работу. Этот молодой человек не имел право есть хлеб, который не заслуживал и за который не был благодарный.

Итак, мы можем сказать, что перейти за определенной чертой не только ставит конец ответственности, но *четвертое*, если ответственность поддерживается за этой чертой, она становится *ограблением*. Когда молодому преступнику прощают и защищают его, или незаконный родитель позволяет себе противопоставляться вере и авторитета семьи, у других членов семьи ограбляется их полагаемое. Безусловное почтение и служение должимые одному Богу, но не и человеку. Предостережение святого Павла есть: “Итак, отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь” (Рим. 13:7). *Никакое отношение между человеком и человеком нельзя абсолютизировать. У нас нет абсолютной связи, которая обязывала бы нас безусловно к данному человеку, чтобы повиноваться ему или любить его.* Брак расстраивается некоторыми нарушениями. Родительский долг к детям уничтожается их неисправимым поведением. Долг детей к родителям ограничивается их первичным повинованием Богу и поддержанием Божьего правового порядка. В каждом человеческом взаимоотношении единственный абсолют есть закон Божий, а не связи человека.

Пятое, абсолютизирование человеческих взаимоотношений не только включает кражу, тем что прощение преступного члена семьи или общества есть ограбление других, но включает тоже и кражу Божьей защиты, как и

человеческой защиты. *Прощать зло есть нарушение Божьего порядка.* Оно означает отнять у человека должимое ему с целью вознаградить или потворствовать другому, а это значит тоже нарушение Божьего порядка, чтобы продолжить человеческий беспорядок.

Повторим еще раз, ответственность не односторонняя улица. Если вол, животное с ограниченной интеллигентностью, ответственным за свои действия, тогда каждый человек в своем общественном положении тоже ответственный. В каждом взаимоотношении есть ответственность с каждой стороны и у каждой личности.

Современный человек враждебный ответственности; он заменяет ее чувствительностью, а чувствительность определяется как осознание человечности. Например, одна бунтовная монахиня из ордена Сестер Непорочного сердца Марии, вызывает авторитет и заявляет: “Эти люди (служители церкви) не имеют никакого права судить, когда они не знают нас.”^[47] Эта монахиня поступила в орден в поисках авторитета, но отказала подчиняться ему. Ее свобода покинуть его и найти свой собственный способ жизни не оспаривалась. Она отрицала принцип всякой ответственности вне того, что она была должна себе. Подобно этому один актер, Стийв МакКуин, жаловался на взгляды фермеров Среднего Запада, добавляя: “Когда они поймут, что черные люди делают любовь, и делают ее хорошо, тогда они пойдут нашей дорогой. Мы должны научиться жить вместе.”^[48] Для МакКуина факт быть человеком, принадлежать к этому виду, есть единственный критерий суждения; ответственность, мораль, не имеют ничего общего с человеком. МакКуин осуждает моральную точку зрения фермеров Среднего Запада и их настаивание на ответственность. Для такого человека нет смысла жизни; отсюда, никакой моральный критерий нельзя применять к ней. На вопрос об его будущем МакКуин ответил, “пожатием плечами,” что “Я буду делать ошибки – Главное (Тогда он остановился резко и покачал головой). Нет, нет ничего главного.”^[49] В мире грубой реальности все факты одинаково важные и одинаково бессмысленные, и не может быть “главного.” Следовательно, это мир без ответственности. Но мир без ответственности – это мир смерти.

8. Похищение свободы

До сюда наш анализ восьмого закона-слова занимался по существу вопросами собственности и возмещения. Некоторые современные немецкие ученые, без сомнения ортодоксальные, указали что восьмая заповедь в основном относится к чему-то другому, кроме собственности. Например Нот, комментируя Исх. 20:15, писал:

В заповеди против кражи неназванный объект не так ясный, как в двух предыдущих заповедях. Положение этой заповеди среди группы заповедей, которые занимают личность “ближнего,” и различие в содержании, которое надо принять между этой заповедью и последней в Декалоге, подсказывают что везде где этот глагол встречается, имеется ввиду человеческий объект (ср. напр. Быт. 40:15). Следовательно, вероятно имеется ввиду потеря свободы, в частности свободных израильтян; запрещается поработать свободных израильтян силой, независимо чтобы использовать самому или продать другому.^[50]

Фон Рад заметил в отношении Втор. 5:19 более определенно:

Сегодня считается известным, что запрещение воровать относилось первоначально к похищению свободной личности (Исх. 21:16; Втор. 24:7).^[51]

В этом заключении есть больше чем небольшая заслуга. Шесть из десяти заповедей занимают с отношением человека с человеком; они личные. Восьмую заповедь следовательно можно расширить так: “Не кради свободу другого человека, насильственно поработая его личность или его собственность.” Цель существования человека это чтобы человек должен упражнять владычество над землей в смысле Божьего призвания. Этот долг включает восстановление нарушенного порядка посредством возмещения. Похитить человека и поработать его значит ограбить у него его свободу. Верующему нельзя быть рабом (I Кор. 7:23; Гал. 5:1). Некоторые люди – рабы по природе; рабство было добровольным, а недовольный раб мог уйти, и его нельзя было принудить вернуться; другим людям запрещалось приводить его к его хозяину (Втор. 23:15,16). Это подразумевало некоторую свободу со стороны рабов, и обязанность о справедливом отношении со стороны их хозяев. Сын Сираха подтверждает это, говоря об обязанности хозяина как поправлять и дисциплинировать своих рабов, так и быть справедливым к ним, и избежать выманивать у них их свободы (Ecclus. 42:1,5; 7:21; 33:24-28). Это подтверждается тоже святым Павлом: “Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах” (Кол. 4:1).

Цель свободы это чтобы человек упражнял владычество и покорил землю под Богом. Человека, который злоупотребляет своей свободой, чтобы воровать, можно продать в рабство, чтобы он заработал свое возмещение (Исх. 22:3); если он не может использовать свою свободу по ее настоящему предназначению – набожное владычество, перестройка и восстановление – тогда он должен работать на возмещение в своем рабстве.

Похищение наказывалось смертью. Его цель обычно была продать человека в рабство в другую страну, где принудительное рабство было правилом. Во всяком случае, какой бы ни была цель похищения, эта кража свободы человека наказывалась смертью. Закон определенно называл похитителя *вором*:

Кто украдет человека и продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти (Исх 21:16).

Если найдут кого, что он украл кого-нибудь из братьев своих, из сынов Израилевых, и поработил его, и продал его: то такого вора должно предать смерти; так истреби зло среди себя (Втор. 24:7).

Некоторые вещи ясно выявляются в этих двух законах. *Первое*, Исх. 21:16 запрещает похищение любого человека, был бы он израильтянин или иностранец, пока Втор. 24:7 запрещает похищение израильтян. Похищений израильтянин почти наверняка продавался в чужую страну, и это второе преступление раскрывалось труднее, потому что принимались меры оставить некоторое расстояние между новым домом принужденного раба и его родиной, чтобы в случае побега раб не указал бы похитителей.

Второе, продажа рабов запрещалась. Поскольку израильтяне были добровольные рабы, и поскольку даже раба чужестранца нельзя было принудить вернуться к своему хозяину (Втор. 23:15,16), рабство было на различной основе под этим законом, чем в небиблейских культурах. Раб был членом домохозяйства, с соответствующими правами. Базар рабов не мог существовать в Израиле. Раб, который вырабатывал возмещение за кражу не имел никаких побуждения к бегству, потому что бегство делало из него неисправимого преступника, подлежащему смерти.

Третье, смертная казнь обязательная за похищение. Никакая свобода действия суда не позволялась. Ограбление свободы человека требовало смерть. Закон конечно не касался военнопленных.

Четвертое, Втор. 24:7 запрещает похищение человека кем-нибудь, кто “поработил и продал его.” *Буквальный перевод Юнга* гласит “упражнял тиранию над ним.” По смыслу это жестокость, или жестокое отношение; оно означает обезличение, грубость к человеку. Человека надо считать всегда человеком; наказание, которое он должен вытерпеть, должно было быть заслуженным наказанием человека, а не наказание, предназначенное деградировать или уничтожить его как человека. Военнопленные женщины имели совсем специальные права под законом (Втор. 21:10-14); это взаимоотношение строго подчеркивалось законом, как и все другие взаимоотношения.

Рилаарсдам считает, что в Кодексе Хамурапи есть подобная защита против похищения.^[52] Это не совсем корректное. Точный текст закона в Кодексе Хамурапи 14 гласит: “Если человек украл малолетнего ребенка другого человека, его надо убить.” Это радикально различное от библейского закона тем, что защищается только ребенок. Более того, принудительное рабство законное в Кодексе Хамурапи, и “Помочь рабу другому сбежать, или подслонить беглого раба, наказывалось смертью (15-16).”^[53] Кроме того, как указывает Гордон, в законе Хамурапи “все население теоретически находилось в рабстве у царя.”^[54]

Вернемся к интерпретаций кражи, как по существу ограбление свободы человека: неверные весы и меры, фальшивые деньги, и разрушение, обесценивание или кража имущества, все это уменьшает или уничтожает свободу человека. Собственность есть основа человеческой свободы. Тираническое государство всегда ограничивает воспользование человека его имуществом, облагает его налогами, или конфискует эту собственность как эффективное средство для порабощения человека, без необходимости прикасаться к его личности. Интерпретация Нота и фон Рада, вместо того чтобы изменить традиционные интерпретации восьмой заповеди, скорее подсиливает их, тем что кража рассматривается как больше чем незаконный захват или разрушение имущества: в то же самое время это посягательство на свободу человека.

Ни государство, ни никакой индивид не имеют право нарушать этот закон.

Государство на самом деле нарушает этот закон не только актами конфискации, денежными манипуляциями и налогами, но также и через всякое и каждое ограничение библейской веры и образования. Государственная поддержка и контроль над образованием – это кража не только в налоговом плане, но также по причине разрушения характера общества, так что набожное общество превращается в грабительский рынок. В 1860-их годах в Соединенных штатах наблюдался упадок христианской веры, восход государственного образования и рождение социального дарвинизма. Дрю, Фиск, Гоулд и другие люди Уол стрийта манипулировали рынок и корпорации с радикальным презрением к морали. Все-таки тогда было еще достаточно библейской моральности в народных массах, чтобы сделать возможными некоторые удивительные доказательства о характере общества. Надо вспомнить тоже, что в то же самое время Нью Йорк сити показывал радикально более низкий моральный стандарт, чем другие поселения в Соединенных штатах, и широко рассматривался как второй Содом. И все-таки об общественной моральности в 1860-их годах, время Уол стрийта, Собел сообщает:

Этот тип честности можно иллюстрировать, отмечая что ограбление золота, которое привело к основанию Валютного банка, кончилось, и уважение к Стрийту вернулось. В конце 1860-их годов золото транспортировалось в открытую; оно перевозилось посыльными в тяжелых брезентовых мешках. Время от времени один из мешков бывало развязывался, и его содержание – обычно 5,000 долларов в монетах – рассыпалось на улице. Обычайным в таких случаях было, что толпа формировала кольцо вокруг того места, не двигаясь пока посыльный не собирал все монеты. Каждый, который нагибался, чтобы взять кусок золота, получил бы пинок сапогом в зад.^[55]

Проблемы закона и порядка в Нью Йорке 19-ого века были серьезными, необычайными и критичными. Но благодаря национальной основе характера, могла установиться мера общественной честности, как свидетельствует этот инцидент. Это не было бы правдой сегодня. Было бы невозможно перевозить мешки с золотом в открытую и регулярно, на Уол стрийт или в другом месте, а лопнувшего мешка наверное невозможно будет восстановить.

Эта утрата общественного характера в значительной степени ограбляет у каждого набожного человека его покой и безопасность. За эту кражу надо винить государство и его антихристианские школы.

В течении времени повиновения закону в истории Израиля, у домов не было дверей. Наместо двери опускался занавес. У языческих жилищ в соседних областях были тяжелые двери, иногда из камня, внимательно пригоненные к каменным стенам, как необходимая защита против других людей. Это различие, раскрытое при археологических работах, поразительное. Когда моральность преобладала, люди жили в мире со своими соседями, а закону подчинялись и он применялся, тогда презначенные двери было только чтобы обеспечить уединение, и в умеренном климате занавес был достаточным. В безбожных соседних странах были необходимые каменные двери, а люди жили как заключенные в их собственных домах, в самом деле осажденные незаконным миром.

То же самое незаконное условие осадной жизни преобладает снова. Уничтожая набожное образование и библейский закон, нации ограбляют свободу своих людей, а люди, своим вероотступничеством, сами отвергают свою свободу. Давным давно псаломщик отметил о тех, кто пытается построить город и защищать его без Бога, что:

Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж (Пс. 126:1).

Вернемся опять к дефиниции кражи как похищение свободы; ясно подразумевается, что собственность есть свобода. Человек свободен, если его личность, и его имущество, находятся под его контролем. В какой степени его личность свободная, и в какой степени его собственность свободная от помех, в такой степени свободен сам человек. Старое слово *freeman* (независимый гражданин, более старое значение владетель собственности), как и современное *freeholder* (земельный собственник), обе на основе *free* (свободный).

9. Межи и земля

Закон о межах уже рассматривался в связи с его значением по вопросам социального наследства. Это значение долгое время было хорошо известным обычайным среди отцов церкви и учеными. Лютер отметил, “То, что межи нельзя сдвинуть с места, где их поставили прежние обитатели, означает что мы не можем добавить ничего к доктрине, преданной нам апостолами, хотя кто-нибудь мог бы дать лучший совет по вопросам совести.”^[56] Первичное значение закона однако относится к земле:

Не нарушай межи ближнего твоего, которую положили предки в уделе твоём, доставшемся тебе в земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе во владение (Втор. 19:14).

Закон цитируется тоже во Втор. 27:17, Прит. 22:28; 23:10; Иов. 24:2.

Этот закон появляется тоже в других древних правовых кодексах. В Риме тот, кто перемещал межу, наказывался смертью. Согласно Калвину:

. . . чтобы можно было охранять каждое владение, было необходимо чтобы поставленные межи для разделения полей оставались нетронутыми, как если они были священными. Тот, кто через обман перемещает межу, уже обвиняется самым этим поступком, потому что он смущает спокойное владение землей законным собственником; при этом тот, кто передвигает вперед границы своей земли в ущерб своего соседа, удваивает преступление через обманное утаивание своей кражи. Отсюда мы получаем тоже, что воры не только те, кто действительно уносит имущество своего ближнего, кто берет деньги из его сундука, или кто грабит его подвалы и амбары, но также и те, которые незаконно завладевают себе его землю.^[57]

Точка зрения Калвина правильная: обманчивость акта делает его *двойным преступлением*. Это одновременно кража и ложное свидетельство. Закон единый, и поэтому нарушение одного закона есть нарушение всего закона. Как обобщил его святой Иаков, “Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем” (Иак. 2:10). Следовательно это преступление включает нарушение восьмой и девятой заповедей, а тоже и десятой – желать землю нашего ближнего. Преступления против земли могут включать тоже четвертую заповедь – субботный закон, и шестую – “Не убивай.”

Законы о земле – важный аспект библейского законодательства. Талмуд широко комментирует этих законов. Земля, отмечают равнины, оставалась священной в Боге (“Ибо Моя земля,” Лев. 25:23) даже в руках язычника; поэтому язычник отвечает перед Богом за заботу о земле, и за десятину.^[58] Причина о введении субботнего года, согласно рави Абаху, это что “Святой Единственный да будет благословен Он, сказал Израилю: сей твоё семя шесть лет, но пропусти седьмого, чтобы ты мог знать, что земля Моя.”^[59] Особый интерес представляет комментарий рави Елиазара:

Рави Елиазар сказал: Никакой мужчина, у которого нет жены, не настоящий мужчина; потому что сказано: *Мужской и женская создал Он их, и назвал их именем Адам*.

Рави Елиазар дальше постановил: Никакой мужчина, у которого нет земли, не настоящий мужчина, потому что сказано: *Небеса – небеса Господа, а землю Он дал детям человеческим*.^[60]

Призвание человека – упражнять владычество, и поэтому равнины сознавали, что две основные области для упражнения владычества это в семье и в связи с землей; обязанность мужчины здесь обвязывающая для всех людей.

Законы о земле требуют субботний отдых для земли (Исх. 23:10-11; Лев. 25:1-11). Настоящее значение субботы есть отдых, а не богослужение, и отдых необходим самой земле для восстановления почвы. Отрицать субботу для земли значит обманывать землю и грабить то, что ей положено. Бонар комментировал об этом законе, что “Хорошо сказано, как через еженедельную субботу они признавали, что сами они принадлежали Иегова, а через этой семилетней Субботой они провозглашали, что земля Его, а они Его арендаторы.”^[61]

В сердцеvine закона о земли стоит декларация: “Землю не должно продавать навсегда; ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня” (Лев. 25:23). Этот закон звучит совсем странно для современных ушей, потому что фермерская земля стала, особенно в Северной Америке, областью спекулятивной покупки и продажи, и смены собственности в некоторых областях очень многочисленны. В большей части мира земля была, и еще рассматривается как неотчуждимое семейное владение. Наверно самое важное сопротивление коммунизму и коммунистической империи выходило не из чужих странах, а от многострадальных и упорно сопротивляющихся крестьян. Продажа земли, и конфискация земли – это крестьяне отказывали принимать: земля есть наследство, которое нельзя отчуждать. Крестьянские партии во многих европейских странах были ответственными группами; а их лидеры - высшими политиками и государственными деятелями. Многозначительно то, что у Крестьянского интернационала, с его упорным сопротивлением Советской империи, был зеленый флаг, цвет распускающихся растений и надежды.^[62]

Поэтому важно анализировать внимательно смысл Лев. 25: 23-28, а потом и его значение для нашего времени. *Первое*, общее правило это что “землю не должно продавать навсегда,” или буквально “уничтожить, т.е. так чтоб она исчезла, или была бы навсегда потеряна, для продавца.”^[63] Продажи на самом деле были сменами арендаторов, потому что никакой человек не имеет права отчуждать Господню землю.

Второе, если человек стал бедным, и “продал” свою ферму, его родственники могли освободить землю и вернуть ему сразу (Лев. 25:25, 48, 49).

Третье, если у собственника не было родственников, способных освободить землю для него, а он заработал достаточно, чтобы сделать это сам, он мог вычислить годы, остающиеся до юбилейного года, и платить покупателю за годы его аренды, которые еще остаются (Лев. 25: 26,27).

Четвертое, если у собственника нет денег, чтобы откупить землю обратно, он мог бы вернуть ее себе после семи субботних годов, на юбилее (Лев. 25:28).

Пятое, Бог сказал ясно, что израильтяне были “пришельцы и поселенцы” на своей земле; из-за того, что Бог был собственником, их статут был подобным тому, каким он был в Египте; они были там по велению Господа и по Его условиям.

Шестое, городские дома можно было постоянно отчуждать или продавать, раз покупка осуществлялась. Построенные человеком, эти имущества можно было свободно передавать (Лев. 25:29-34).

Седьмое, видно возможно было продавать землю всегда, если продавалась члену семьи, если Иер. 32:7,8 можно служить как указание об этом.

Гинсбург дает важное толкование смысла этого закона в своем комментарии о Лев. 25:23:

Бог не только помог израильтянам покорить землю Ханаана, но и выбрал Ее как свое собственное местожительство, и воздвиг Свое святилище среди ее (Исх. 15:13; Числ. 35:34). Он следовательно воцаряется в ней как Господь земли, а израильтяне просто его жильцы по наследству (Лев. 14:34; 20:24; 23:10; Числ. 13:2, 15:2), и как такие будут должны покинуть ее, если не повинуются Его заповедям (Лев. 18:28; 20:22; 26:33; Втор. 28:63). По этой причине они считаются пришельцами и поселенцами, и поэтому не имеют абсолютно никакого права продавать то, что не принадлежит им.^[64]

Скиния, а потом храм содержали Святая святых, престол Бога, местонахождение Его видимого управления Израилем, и поэтому у земли Израиля была особая устойчивость, требуемая законом. Бог, как ее владетель, распределил ее различным родам, и потребовал, чтобы земле дали устойчивый характер в виде неизменного семейного владения сельскохозяйственной земли. Этот единственный акт дал Израиллю сельскохозяйственный консерватизм, сравнимый с этим сельской Европы.

Важным вопросом для нас является настоящий статут этого закона. Имеет ли он еще ту же самую обязывающую силу? Если так, как надо применять его, а если нет, остается ли что-нибудь существенное от него в праве?

Как будто, обязывающая сила этого закона относилась к первоначальному распределению земли двенадцати коленам. Колоно Дана впоследствии завладело северную территорию завоеванием (Суд. 18), и у нас нет никакого указания, что тот же самый закон о земле применялся к новой территории, которая возникла как территория почти вне закона. Нет доказательства тоже, что позже евреи, расселенные по свету, чувствовали этот закон обязательным вне Израиля, хотя та же самая лояльность к земле оставалась. Неотчуждаемость земли была таким образом характеристикой Тронной области. Подобную концепцию в меньшем масштабе представляет современное Ватиканское государство, которое Ватикан владеет всецело, и поэтому его земля не продается на рынке. Святая земля была Божьей Тронной областью, и поэтому не для продажи.

С другой стороны, Божие владение всей землей основное для библейского права, так что Тронные права распространяются совсем ясно для каждой части земли. Престол однако теперь на небесах, у которых полностью *неизменный статус*, когда-то требуемый для Ханаана. Поэтому очевидно, что землю нельзя продавать и теперь.

Точно так очевидно намерение Бога дать, через законы о земле, устойчивость общества. Отсутствие всяких поземельных и имущественных налогов в библейском праве совсем определенно защищает прочную собственность, пока современные налоговые законы разрушают ее. Например, в одном городе, чудесный район из превосходных домов, имеющие с десяти до двенадцати помещений, некоторые из них построенные из камня, в течение 25 лет облагались такими тяжелыми налогами, что дома или разрушались, чтобы уступить дорогу апартаментам, или продавались под общежития. Владение этими домами воспрепятствовалось до невозможного посредством налогов.

В другом районе налоги привели к уничтожению района, потому что люди уходили, и дома переделали в множество жилищ. Тогда налоги снизились, и пришли другие, так что в течении десяти лет произошла смена 90 процентов населения. Люди, которые строили здесь, надеясь остаться на всю жизнь, сильно потеряли. Налоги на собственность – это средство уничтожения собственности и форма ограбления.

Налоги ставятся для спекулятивного использования земли, и они разрушают стабильность общностей. Сегодня есть явная враждебность к образованию и сохранению общностей из религиозных и этнических групп, и эта враждебность приводит к разрушению собственности. Разрушение италийской общности в Западном Бостоне через перепланирование города и “расчищение трущоб” умело описал Г. Дж. Ганс. Семейно ориентированное общество, сильно самодисциплинированное и поддерживающее порядок, было разрушено проектом о “расчищение трущоб,” потому что планировщики позавидовали району. Налоговые власти, как и высочайшее владение, оба антибиблейские.^[65]

Высочайшее владение есть божественное право. Оно принадлежит одному Богу. “Право” государства на высочайшее владение не имеет места в библейском праве.^[66] Государство обязанное защищать человека и его собственность, но не и облагать налогами или конфисковывать ее.

Чтобы обобщить библейские налоговые законы в связи с владением земли, основным налогом был поголовный или “за душу” налог (Исх. 30:11-16), который был одинаковым для всех. Его платили только мужчины, все мужчины в возрасте двадцати лет и старше. Этот налог собирался гражданскими властями для поддержания гражданского порядка, чтобы обеспечить всех людей охватом или возмещением гражданского правосудия.

Десятина удовлетворяла общие религиозные и социальные нужды общности: образование, социальные заботы и т. п.

Следовательно не было поземельного налога или налога на собственность. Поземельный налог узурпирует права Бога; он незаконный, потому что “Господня земля” (Исх. 9:29 и т.д.). Цель библейского закона в связи с землей – обеспечить безопасность человека и его имущества; налог на собственность в любом виде – отрицание этой распоряженной Богом безопасности.

10. Рождение Христа и собственность

Сильная манихейская тенденция в церкви привела ее к пренебрежению материального мира за счет духовного, или в случае модернистов, к выбору материального порядка как обратный духовному. Те, кто пренебрегает материального мира, становятся антиномистами; для них в евангелии нет законов о материальном мире, потому что мир должен погибнуть и его надо отвергнуть. Мандат покорить землю, обещание касающее восстановленного творения и в конечном счете воскресения тела, не принимаются серьезно. Мир и плоть связываются с дьяволом как нечестивую троицу.

Модернисты утверждают материальный мир и отвергают закон по подобному соображению. Два чужие мира духа и материи, согласно манихейской теологии, не могут объединиться. Материальный мир, следовательно, сам себе источник закона, и последствие этого есть социальное евангелие, евангелие происходящее от общества, а не от Бога, и еще этика ситуации, моральность, руководимая существующим, материальным моментом.

Модернисты обращают повествования о рождении Иисуса Христа в миф; евангелисты превращают историю в хорошенькую сказку из другого мира. Действительность этой истории тотально антиманихейская и тотально соответствующая времени и вечности. Манихейская мысль так сильно заразила Западный мир, что писать или говорить о “Рождении Христа и собственности” приходит как шок: такая пара никогда не встретится.

Благовещение (Лук. 1:26-38) объявило, что Бог дает Иисусу “престол Давида, отца Его: И будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царство Его не будет конца” (Лук. 1:32,33). По этому пункту священники спешат сказать нам, что этот престол и царство духовные и не касаются этого мира, исключая поскольку люди спасутся и войдут в лоно церкви. То, что смысл сказанного включает духовный и вечный критерий, можно полностью принять, и должно бы. Но нет никакого основания для исключения связи с временем и с историей. Ясное, что Иисус Христос будет владетелем и сувереном народов в смысле мессианского пророчества. Он приходит, чтобы провозгласить Свое царство, Свою собственность, как суверенный владетель.

Мария тоже ясно поняла это, как выясняет хвалебственный псалом (Лук. 1:45-56). Хвалебственный псалом – просто радостная декламация пророчеств Ветхого завета по этому вопросу. Он на самом деле “почти полностью составлен цитатами из Ветхого завета.”^[67]

Дева Мария прославляла “могущественную перемену вещей, которая в принципе уже совершилась вхождением Бога в курс истории и в жизни человечества, через прихождение Мессии, ее обещанного Сына.”^[68] Эта “могущественная перемена вещей” есть свержение владычества греха над человеком и историей. Это могущественный новый порядок всех вещей под владычеством Царя, Иисуса Мессии, потому что Божья “милость Его в роды родов к боящимся Его” (Лук. 1:50):

Явил силу мышцы Своей; Рассеял надменных помышлениями сердца их; Низложил сильных с престолов и вознес смиренных; Алчущих исполнил благ, а богатящихся отпустил ни с чем; Воспринял Израиля, отрока Своего, вспомняв милость, Как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века (Лук. 1:51-55).

Совсем очевидно, Мария имела ввиду, что история увидит могущественную перемену вещей по причине рождения ее Сына. Его силою надменные помышления людей перепутаются. Сильные будут свергнутыми с престолов, а блаженные кроткие Господа возвысятся. Голодные люди Бога насытятся, а богатые грешники будут выгнаны в нищенство. Все это будет в выполнении пророчеств патриархов и пророков, что через семя Авраама и Давида, Божий Израиль будет владеть всю материальную землю.

Говорить, что Мария верила это, но что вместо этого Бог имел ввиду “духовное” исполнение, значит шутить со Святым писанием. Полный смысл Марии беспогрешный. Если ее слова можно одухотворить в нематериальном исполнении, тогда повествование о сотворении и сообщении о рождении Христа девицей могут тоже быть одухотворенными в нематериальном исполнении. Или Святое писание имеет в виду то, что оно говорит, или оно не имеет в виду ничего.

Очевидно следовательно, что совсем реальное и материальное исполнение – единственное действительное значение здесь. Совсем общее, тогда это значение гласит как следует: *Первое*, земля есть собственность Иисуса Христа, потому что Он мессианский Царь, настоящий сын Бога, как и царский Сын Давида.

Второе, этот Царь имеет право на высочайшее владение, и может делать все, что Ему нравится со Своей собственностью. Он может свергнуть нечестивых и дать царство тем, кто повинуется Ему. Как Иисус заявил: “Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его” (Мат. 21:43). Цель Его прихода есть лишить владения настоящих лидеров мира и дать Свое владение Своему народу.

Третье, это значит что Божий народ должен ожидать Его царство, приводить Его законы, и быть верным мандату сотворения покорить землю и упражнять владычество над ней (Быт. 1:26-28).

Четвертое, “Через Мессию, Бог свергнет с престола всех врагов.”^[69] Это ясно означает полную победу. Хвалебственный псалом ясно пророчествует полную победу Иисуса Христа и искоренение царства человека. Нечестивые будут полностью пораженными и выгнаными, а Божий народ в равной степени полностью будет

приведен к власти и к победе. Израиль, заветный народ Бога, будет устанавлен в полной власти. Нельзя говорит, как сказал Ленски:

“И сказала Мария” не намекает о божественном вдохновении; ни это, ни откровение, не были необходимыми для содержания этого гимна. В отличие этого Елисаветы, он не содержит никакого пророчества и никакого доказательства о знании того, что сверхестественно сообщалось. Гимн Елисаветы направлен к Марии, и так надо; Мариин к Богу, и опять совсем правильно. Елисаветин есть продолжение обращения Гавраила к Марии, Мариин – продолжение и выражение ее краткого ответа Гавраилу. Хотя Мариин более красивый по фразе и форме, он на более низком уровне, чем Елисаветин.^[70]

Как на зло Ленского, хвалебственный псалом совсем ясно содержит пророчество и сам есть пророчество. Более того, он повторяет пророчество Ветхого завета. Если только это, которому наклеили ярлык “вдохновенное” в библии, действительно вдохновенное, тогда множество из пророчества надо обесценить. Мария пророчествовала; или она не была вдохновенной, а была только экстравагантной и эмоциональной, или иначе она ясно пророчествовала в Духе Бога. Благовещение (Лук. 1:26-35) ясно показывает, что больше чем утроба Марии была предназначена Богом для Его святой цели, и это действительно насилие над Святым писанием – ограничивать действия Бога до утробы Марии. Факт, что Ленски добавляет, после вышеизложенного заявления, что “Сама Мария не дает никакого основания для культа к Богоматери,” выясняет его намерение недооценить Марию. Отдать справедливости Святому писанию, это не культ к Богоматери.

Пятое, закон “Не кради” означает тоже, что человек не может ограблять у Бога, не Его прерогативы, ни Его собственность. Бог выгоняет воров из Своего виноградника, (Мат. 21:33-34) и молотит в прах Своих врагов.

Рождение Христа девицей следовательно есть подтверждение Божьего закона и ударное утверждение Божьих прав собственности *над человеком* и над землей. Это чудо издает звуки победы и восстановления.

11. Обман

Левит 19:13 гласит: “Не обижай ближнего твоего, и не грабительствуй. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра.” Гинсбург отметил:

Здесь запрещается притеснение обманом и притеснение насилием. Вероятно на этом отрывке ссылался Иоан Креститель, когда наставлял пришедших к нему солдат: “И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованием” (Лук. 3:14).

Из декларации в следующей клаузуле, которая запрещает задержание заработка на всю ночь, видно что здесь речь идет о рабочем на день, который зависит от своей платы, чтобы содержать себя и свою семью; Закон защищает его, добавляя что заработок наемника надо платить немедленно. Эта великодушная забота о рабочем и осуждение любой попытки обмануть его повторяются снова и снова в Святом писании (Втор- 24:14,15; Иер. 22:13; Мал. 3:5; Иак. 5:4). Отсюда гуманная интерпретация, которая произошла из этого закона во время Второго храма: “Тот, кто обращается с наемником с грубостью, грешит так тяжело, как если бы он отнял жизнь, и нарушает пять правил.”^[71]

Согласно Кларксону, закон требует “честность в ежедневных сделках” и правдивость:

“Не крадите, не лгите, и не обманывайте друг друга” (ст. 11). “Не обижай ближнего своего и не грабительствуй” (ст. 13, см. стихи 35,36). Ничего не может быть более ясным, чем это, ничего более исчерпывающим своим внушением. Никто из членов древнееврейской общины не мог (1) преднамеренно присваивать то, о чем он знал, что оно не его, или (2) грабить своего ближнего в акте торговли, или (3) поступать ложно или несправедливо в любой сделке или в любой связи, не нарушая сознательно Закон и не попадая под недовольством Иегова. Слова закона ясные и строгие, прямо касающиеся понимания и совести. Каждый человек среди них должен был знать, как каждый среди нас знает хорошо, что нечестность есть грех в взгляде Бога.^[72]

Калвин считал, что сила этого закона состоит в запрещении “всякого несправедливого притеснения,” каждый захват чужого добра.^[73] Фредерик Гардинер считал, что Лев. 19:13 “имеет дело с недостатками власти, ‘превращением могущества в право.’ Специально упоминаются притеснение (ср. 25:17-43), ограбление, и чрезмерное задержание жалований. О последнем говорится более подробно (Втор. 24:14,15; ср. Иак. 5:4).”^[74]

Гардинер приводит нас к сердцевине этого закона. Мы имеем здесь вариация закона против кражи, которая специально направленная против злоупотреблений властью, против притеснения. Заработки надо платить немедленно, в определенное и договоренное время. В древности платилось ежедневно; это значит, что полагалось платить в конце рабочего дня, а не на следующее утро. Таким образом неоплачивание в надлежащее время было уголовным проступком: оно было кражей.

Этот пункт очень важный. Многие из целей, которых преследуют современные либералы – часть Моисеевского права, но с существенным различием. Библейский закон требовал справедливо обращаться с рабочим; он запрещал обман пищей, мерами, деньгами и лекарственными стимуляторами. Он требовал сохранение почвы, и многое другое, но *не* через административные агентства. Уголовное право запрещало убийство и кражу, и все вредные лекарства и пищи запрещались как разрушающие жизнь; подделанные пищевые продукты и товары были кражей, и т.д. В современном обществе эти проступки слишком часто остаются под юрисдикцией произвольных административных агентств, как и проблемы рабочих, и в результате уголовное право извращается, а настоящее намерение этого закона предотвратить притеснение сводится к нулю. Более того, поскольку гражданский писанный закон заменяет библейский закон, людям можно вредить и их жизни сокращать опасными наркотиками и опрыскиваниями, и нет никакого преступления, если закон не охватывает конкретное нарушение. Комбинация писаного закона и административного права создает притеснение, пока обычайное право Святого писания дает человеку принцип справедливости и основу для общественного понимания закона.

Возможно обманывать нашего ближнего различными способами. Его имущество можно отчуждать экспроприацией, повреждением, ограничивающим законодательством и различными другими средствами. *Собственность* человека, кроме того, включает больше, чем его земля, дом, материальные владения и деньги. Человек есть собственник тоже своих идей и изобретений. Поэтому у *патентного дела* есть продолжительная история в Западной культуре, как развитие закона против кражи. Факт, что у патентных законов иногда очень бедное существование, что удлинит историю, не уничтожает необходимость в них. Одна из причин

для прогресса Западной цивилизации была патентное право, которым люди могли разработать данное изобретение и предотвратить кражу их изобретательности. Патентный закон о растениях 1930 года принес большой прогресс скрещиванию растений и садоводам – экспериментаторам, тем что защитил их капиталовложения в виде времени и деньгах.^[75] Настоящая эрозия патентного права через юридические и административные интерпретации ставит под большую угрозу будущий прогресс.

Законы об авторские права имеют сложную историю, которая нас здесь не касается, но они тоже покоятся на предположении, что у человека есть право собственности на его письменные работы.

Версия Бэркли переводит первую клаузулу этого закона так: “Не используй вымогательство против твоего ближнего,” а перевод Тораха гласит: “Не принуждай твоего ближнего.” Речь идет о любом виде притеснения, законном или незаконном, через которое другой человек лишается его собственности и владений. Законное и незаконное вымогательство стремятся идти рука в руку. Когда люди отдаются беззакониям, их общество тоже будет незаконным, какими будут их законы и суды. В законном вымогательстве или обмане люди используют посредничество государства или его судов, чтобы проводить свои ограбления. Законы, которые дискриминируют бедных, потому что они бедные, или богатых, потому что они богатые – это законы вымогательства. Законы, которые стремятся выравнять доходы людей – законы вымогательства.

Основное намерение этого закона, поскольку он занимается “недостатками власти” – это создавать законы против различных форм законного ограбления, которое так часто сопутствует контроль над государством одним или другим классом. Ссылки на этот закон в Святом писании многочисленны. Например Прит. 22:22,23 объявляет:

Не будь грабителем бедного, потому что он беден; и не притесняй несчастного у ворот; Потому что Господь вступится в дело их, и исхитит душу у грабителей их.

В Прит. 28:24 снова речь идет о притеснении родителей детьми, которые изворачивают закон или суды в свою выгоду: “Кто обкрадывает отца своего и мать свою и говорит ‘это не грех,’ тот – сообщник грабителям. Вина удваивается формальной законностью, которая позволяет вору сказать “это не грех.” Приговор Бога против лицемерно набожных вымогателей есть смерть: “Такова участь грабителей наших, жребий разорителей наших” (Ис. 17:14). Вымогатели и угнетители создают социальный порядок, который в конечном счете уничтожит их тоже; “... таков приобретающий богатство неправдою; он оставит его на половине дней своих, и глупцом останется при конце своем” (Иер. 17:11).

Эти последние выступления дают нам взгляд на измерения библейского закона. Современное гражданское право предвидит только гражданское применение. Библейское право требует гражданское применение и объявляет уверенность в верховном божественном осуждении в истории, за неприменение Его законов. Библейское уголовное право есть таким образом религиозное право, и оно имеет в виду два суда: распорядительный Богом суд социального порядка и Верховный суд Всемогущего Бога.

Ерлих комментирует очень точно:

Трудно сравнивать библейские грехи с юридическими преступлениями, так как первые основываются на моральных и духовных ценностях, пока у последних преступление только это, которое совпадает со структурой закона, ищущего применение.^[76]

Точно. Библейский закон есть слово Бога; следовательно он представляет высший порядок, который вписывается в структуре всего творения, и в сердце человека. Отсюда система присяжных заседателей действительная в смысле библейского закона, так как решение принимается по условиям фундаментального закона, который все люди знают, независимо признают ли они его или нет. Гражданские законы представляют только волю государства, а не объективный и абсолютный моральный порядок. Установленное этими законами право создает беззаконие, потому что тогда общество больше не управляется абсолютным стандартом правосудия, а декретной волей государства. Как у декретных денег, так и у декретного права не хватает сущности, и оно быстро уничтожает себя, и всех, кто рассчитывает на нем. Оно форма обмана, и главная форма.

12. Высочайшее владение

Высочайшее владение есть претензия государства на суверенитет над всей собственностью в нем, и оно утверждение права присваивать всю или часть ее для любого общественного или государственного использования, которое государство сочтет необходимым. Обычно дается компенсация за присвоенную собственность, но это не рассматривается как обязывающее ограничение для государства.^[77]

Высочайшее владение есть утверждение суверенитета, и в Святом писании оно приписывается одному Богу. Из-за Своего права на высочайшее владение Бог выдал приговор над Египтом (Исх. 9:29). Из-за Своего права на высочайшее владение Бог кроме того дал закон о владении Израилю, и объявил что он будет для всей земли и для всего народа, “ибо Моя вся земля” (Исх. 19:5). Это утверждение снова дается во Втор. 10:12-14:

Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его, и служил Господу, Богу твоему, от всего сердца твоего и от всей души твоей. Чтобы соблюдал заповеди Господа и постановления Его, которые сегодня заповедаю тебе, дабы тебе было хорошо. Вот у Господа, Бога твоего, небо и небеса небес, земля и все, что на ней.

Этот факт высочайшего владения Бога славится в Святом писании как основание для уверенности Его народа (Пс. 23:1; 49:12; I Кор. 10:26,28 и т.д.). Высочайшее владение государство не признавалось в Израиле, как показывает инцидент с виноградником Навуфея (III Цар. 21), хотя это предсказывалось как одно из последствий вероотступничества от Бога Царя (I Цар. 8:14). Оно специально запрещается в Иез. 46:18.

Происхождение высочайшего владения коренится в языческом богослужении. Термин высочайшее владение ввел может быть Гропиус в 1625 году. С того времени у него было замечательное развитие. Более важное,

что *концепция* не происходит от Гроциуса, а стала существенной в христианском мире только когда развилась мысль о *природном законе*. Философия природного закона находит место верховного права в природе, и поэтому ставит суверенную власть тоже в природу, в результате чего суверенитет приписывается временным могуществам. “Суверенитет (величество, верховенство и т.д.) в теории Природного закона не только означает особую форму или качество политической власти; оно также означает самую политическую власть в ее собственной неотъемлемой сущности.”^[78]

Кохран и Эндрю писали: “Власть высочайшего владения есть суверенная, присущая власть, которую невозможно договорить с государством или отделить ее от государства.”^[79] Первоначальные колонии и штаты не претендовали на такую власть, но такие претензии возникли как следствие философии природного закона и под влиянием английского права. Что касается теории высочайшего владения в американском праве, один параграф из книги *Текущая практика прецедентов* (1915), авторы ее Вильям М. МакКинну и Бурдет А. Рич, дает отличное обобщение концепции, как она развивалась в 19-ом веке в Соединенных штатах:

10. Высочайшее владение как упражнение суверенитета. – Теория Гроциуса была, что власть высочайшего владения основывалась на принципе, что государство имеет первоначальную и абсолютную собственность на все имущество, которое владеют его индивидуальные члены, предшествующая их владение, и что их владение и пользование им соответственно происходит от привилегии, данной им сувереном; оно считалось подчиненным молчаливому согласию или подразумеваемой оговорке, что оно могло быть взятым обратно и все индивидуальные права на нем быть уничтоженными через основательное упражнение той верховной собственности государством. Это объяснение основы власти высочайшего владения принималось некоторыми из штатских судов в их ранние решения. Теория Гроциуса однако не принималась всеми другими политическими философами; Хейнециус цитировал Сенека насчет того, что королям принадлежит контроль над вещами, а индивидам владение ими. Некоторые из судей в этой стране, вдохновленные духом индивидуальной свободы, возражали, что такая доктрина возвращает принципы социальной системы назад к рабской теории Хобса, которая, сколько ни правдоподобной могла быть в отношении земли, когда-то бывшей в абсолютном владении суверена и прямо дарилась им индивидам, несовместимая с фактом, что сохранение существовавших раньше прав на их собственность есть главный мотив и цель индивидов, чтобы сотрудничать с правительствами. Кроме того, ее нельзя применить вообще к личной собственности, которая в большинстве случаев всецело творение индивидуальных собственников; а ведь принцип о присвоении частной собственности для общественного использования полностью распространяется в отношении к личной, как и к недвижимой собственности. Согласно этому теперь в общем считается, что власть высочайшего владения не право собственности, или упражнение верховного владения землей государством, а что она основывается на суверенитете государства. Поскольку этот суверенитет включает права постановлять и проводить в жизнь как закон все, что не невозможно физически и не запрещается некоторой клаузулой конституции, а в юрисдикции штата взятые собственности для общественного использования с оплатой компенсации ни невозможно, ни запрещается конституцией, то закон, разрешающий упражнение высочайшего владения, не нуждается в дальнейшем оправдании. Вопрос широко академический, но с некоторым практическим значением о решении могут ли Соединенные штаты упражнять право на высочайшее владение в Округе Колумбия, не противопоставляясь при этом оговорке в акте о передачи прав, что права собственности обитателей должны оставаться нетронутыми. Утверждалось, что поскольку высочайшее владение было правом суверенитета, а не собственности, то оговорка неприменима.^[80]

Есть множество интересных предпосылок в этом параграфе, но мы ограничимся двумя. *Первая*, естественное право государства на высочайшее владение предполагалось, и Десятая поправка к Конституции США проведена в смысле его. Нет специального делегирования высочайшего владения федеральному правительству в Конституции, которое означает, что оно запрещено ему, если Десятая поправка имеет какое-нибудь значение. Однако первичное право, закон природы, принимается по Гроциусу, которое дает каждому штату предполагаемое право, неподлежащее изменению ни законом, ни конституцией. Итак, хотя Конституция США не дает высочайшее владение федеральному правительству, и хотя акт о передачи прав Округа Колумбия федеральному правительству специально требует, “что права собственности обитателей должны оставаться нетронутыми,” утверждалось, что у этой оговорки нет приложения, по причине абсолютного права со стороны государства. *Вторая*, это абсолютное право на высочайшее владение происходит от “права на суверенитет.” Это опять забавное допущение, поскольку Конституция США ни в какой момент не использует слово “суверенитет,” и на самом деле избегает его. Пуританская традиция резервирует это слово специально для Бога, а отделение Соединенных штатов от короля Джорджа III сделало их особенно враждебными к всякому политическому оживлению концепции о суверенитете. Поэтому и Конституция США от 1787-1791 года не предвидит никакого “права суверенитета.”

В смысле этой претензии на суверенитет и на высочайшее владение, никакая конституция и никакая закон не действительные, потому что каждое законодательство может быть обессиленное посредством утверждения более высшей суверенной власти в государстве. Никакое законодательство не может дать гражданам никакой иммунитет против государства, в котором суды поддерживают доктрину о высочайшем владении, посредством которой каждый закон подлежит отмене, когда суверенная власть в государстве решит так.

Совсем логично федеральное законодательство о подоходном налоге называет то, что налогоплательщику позволяется задержать, “освобождением” государством, т.е. актом милости. *Все* имущество человека и его доход, его артистические и коммерциальные произведения, по смыслу этой претензии на суверенитет и на высочайшее владение является собственностью государства, или по меньшей мере находится под контролем и использованием государства.

Эти претензии государства быть источником суверенитета и милости можно прервать и уничтожить только если будет принято и утверждено, что суверенная власть и спасающая милость принадлежат только трединому Богу.

В Соединенных штатах Джордж Мейсон, автор Вирджинской декларации о правах, специально выключил высочайшее владение из этого документа. Вирджинская декларация постановляет: “Что никакая часть собственности человека не может отниматься от него, или использоваться для общественного употребления без согласия его самого, или его законных представителей.” Этот принцип привидно снова постановленный в Пятой поправке Американской конституции, была плохо сформулированной, и оставила основания для повторного введения высочайшего владения.

Не удивительно, что утверждение суверенитета государства, которое гуманистская концепция, привело в 18-ом и 19-ом веках к контра-утверждению суверенитета индивида, что опять гуманистский принцип.

Для Бакунина государство было подделным богом, которого надо было разрушить. Бакунин верил в природном законе, и он твердил, что природный закон не знает никакого государства, или никакой теории о государстве, а знает только человека. “Человек никогда не может быть полностью свободным в отношении к природным и социальным законам.” Свобода не состоит в бунте против всех законов; “поскольку законы: природные, экономические и социальные, не наложенные авторитарно, а присущие вещам,” им надо повиноваться, говорит Бакунин. “Если они политические и юридические законы, наложенные людьми людям,” независимо силой, обманом, или всеобщим голосованием, им нельзя повиноваться.

Человек не может бунтовать против Природы, ни избегать от Природы. Против законов Природы никакой бунт со стороны человека невозможен, по простой причине, что он сам продукт Природы и что он существует только благодаря этим законам. Бунт с его стороны был бы... смешной попыткой, это было бы бунт против себя, настоящее самоубийство. И когда человек решил уничтожить себя, или даже когда он замышляет такой проект, он действует в согласии с теми самыми природными законами, от которых ничто не может освободить его: ни мысль, ни воля, ни отчаяние, ни никакая другая страсть, ни жизнь, ни смерть.

Человек сам ничего другое, чем Природа. Его самые возвышенные, или самые чудовищные чувства, самые извращенные, самые эгоистичные, или самые героические решения или манифестации его воли, его самые абстрактные, самые теологические, или самые безумные мысли – все это ничего другое, чем Природа. Природа окружает, проникает, составляет его целостное существование. Как может он вообще избежать от Природы?^[81]

Если человек “ничего другое, чем Природа,” тогда каждый импульс человека имеет статус суверенной воли. Как против суверенитета государства и его права на высочайшее владение, анархизм поддерживает суверенитет индивида и право индивида на высочайшее владение.

Соответственно с этим, Бакунин призывал к “Отречению Бога и принципа власти, божественной и человеческой, а тоже и всякой опеки человека над человеком,” и к “Отречению свободной воли и права общества наказывать – так как каждый человеческий индивид, без никакого исключения, есть только недобровольный продукт природной и социальной среды.”^[82] Из-за того, что “человек – социальное животное,” человек есть настоящий человек только в обществе; поэтому “Социальная солидарность есть первый человеческий закон; свобода есть второй закон.”^[83] Как может человек жить в обществе, когда каждый человек сам себе закон? Для Бакунина, поскольку природа абсолютная, природный порядок по необходимости есть хороший и правильный порядок. Тогда следует, что:

VIII. Примитивный, природный человек становится свободным человеком, становится очеловеченным, свободным и моральным агентом; другими словами, он осознает свою человечность и понимает в себя и про себя свой человеческий аспект и права своих себеподобных. Следовательно человек должен желать свободу, моральность и гуманность всех людей, в интересе своей собственной гуманности, своей собственной моральности, и своей личной свободы.

IX. Это уважение к свободе других есть высший долг человека. Любить эту свободу и служить ей – такая единственная добродетель. Это основа всей моральности; и не может быть никакой другой.^[84]

Если природа есть верховный порядок, тогда Природа должна быть тоже источником настоящего порядка. Логика Бакунина здравая, однако ее предпосылки ложные. Если государство есть настоящая манифестация природного закона, тогда государство есть эта область, где человек осуществит настоящую жизнь и настоящую моральность. Если индивид есть это настоящее выражение Природы и природного закона, тогда анархизм индивида, и общество анархизма, представляют настоящий порядок. Анархия и государство таким образом представляют два соперничающих гуманистских претендента на право представлять природный закон и провозгласить высочайшее владение. Надо добавить, что анархия не дает землю индивиду, а “обществу,” природному человеку как социальная группа, так что высочайшее владение в анархии обычно упражняется социальной группой, а не индивидом.

Обратно философиям природного закона, библейское право объявляет суверенитет триединого Бога и Его единственное право на высочайшее владение. Вся собственность держится в аренде под управлением Бога Царя. Никакая институция не может упражнять никакой прерогативы Бога, если она специально не уполномочена делать это в специфичной области Божьего закона. Таким образом государство есть слуга справедливости, а не первичный владелец собственности или суверенный владелец над землей. Соответственно у государства нет права на высочайшее владение.

Хроническая гуманистская ссора между государством и анархией не может решиться, кроме через отбрасывание обоих альтернатив в пользу триединого Бога и Его сверхестественного закона.

Конечный пункт: многие, которые допускают угрозу государственного и анархистского высочайшего владения, все еще воздерживаются от отвергания государственной доктрины из-за технологических соображений. Как иначе, говорят они, можно строить дороги и контролировать волнами электронных средств информации? Ответ технологической проблемы должен быть технологическим, а не теологической капитуляцией. Технология может, если она свободная от государственного контроля, сделать возможным одновременное использование различных волновых охватов и каналов радио и телевидения. Возникнет различный вид общества без высочайшего владения. Его развитие есть технологический вопрос.

13. Трудовые законы

Вот несколько законов о труде, как следует:

Не обижай ближнего своего и не грабительствуй. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра (Лев. 19:13). Не обижай наемника, бедного и нищего, из братьев твоих или из пришельцев твоих, которые в земле твоей, в жилищах твоих. В тот же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо он беден, и ждет ее душа его; чтоб он не возопил на тебя к Господу, и не было на тебя греха (Втор. 24:14,15).

Первые два из этих законов запрещают обман и притеснение рабочих. Требуется немедленная оплата заработка. Интерпретация равинов во время Второго храма гласит: “Тот, кто обращается с наемником с грубостью, грешит так тяжко, как если бы он отнял жизнь, и нарушает пять правил.”^[85] Таким образом этот закон ясно требует, *первое*, что все кто работодатель, все кто в превосходящем положении, использовал эту власть с добротой, разумом и милосердием. Преступления против труда превращаются в уголовные преступления. Вместо административного права, уголовное право управляет трудовыми отношениями. Неоплата должного заработка — обман или кража, и должна преследоваться как такой.

Второе, Бог декларирует, что Его собственный высший суд есть настоящий апелляционный суд о труде. Это ясное обещание об осуждении воров среди работодателей и воровского государство, которое не преследует кражу.

В библейских декларациях выражается сильное чувство отвращения от злоупотребления властью работодателями, а то же самое выражает и Сын Сираха, который писал: “тот, кто обманывает рабочего в его заработке, он проливает кровь” (Есclus. 34:22). Слово Господа через Иеремию было одним из осуждений касательно таких людей: “Горе тому, кто строит дом свой неправдою и горницы свои — беззаконием, кто заставляет ближнего своего работать даром, и не отдает ему платы его” (Иер. 22:13). Слово через Малахию подобное:

И приду к вам для суда и буду скорым обличителем чародеев и прелободеев, и тех, которые клянутся ложно и удерживают плату у наемника, притесняют вдову и сироту и отталкивают пришельца, и Меня не боятся, говорит Господь Саваоф (Мал. 3:5).

То же самое появляется снова в Новом завете:

Вот, плата, удержанная вами у работников, пожалвших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа (Иак. 5:4).

В этих текстах речь идет о неоплате, об удерживании от заработка или о задержки оплачивания жалования. Задержка оплаты, тогда и теперь, была и есть средство обмана. Например небольшая компания, которая поставила материал и услуги большой корпорации, радуясь своему самому большому отдельному договору на миллион долларов, не получила свои деньги почти целый год. Лихва на взятые займы деньги, чтобы платить текущие обязанности почти вывели небольшую компанию; большая компания использовала эту стратегию неоплачивания с несколькими компаниями одновременно, с целью накопить капитал без лихвы; они правильно подсчитали, что далеко до того, как обвинения против них дойдут до трибунала, они заплатят, и это положит конец делу против них без дальнейших хлопот.

Третье, поскольку намерение закона есть обеспечить набожное использование власти, то честное обращение с рабочими не благоденствие к ним, а обязанность. Святой Павел обобщил принцип закона сжато: “Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу” (Рим. 4:4). Работа, сделанная для нас или через нас, есть долг, который надо платить немедленно как по договору, или это кража, и ее надо преследовать как такой.

Четвертое, владетель собственности есть единственный управитель своей собственности, и при условии что он поступает честно с рабочими, он может делать все, что ему угодно, с ней. Например в притче о хозяине, который нанял людей в различные часы дня, некоторые поутру, другие в третьем, шестом и девятом, даже в одиннадцатом часу, и еще платил им ту же самую плату, Господь объявляет: “Разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр?” (Мат. 20:15). Хозяин сказал каждому “... что следовать будет, получите” (Мат. 20:7), и если некоторые работали только один час, а получили плату за полный день, этим не сделалась неправда к тем, кто работал весь день, и получил плату за полный день. Собственник должен за размер выполненной работы; контроль над его деньгами и имуществом, однако, не переходит к рабочему из-за этого.

Пятое, другой принцип в связи с оплатой устанавливается во Втор. 25:4: “Не заграждай рта волу, когда он молотит.” Это конечно классический пример практики прецедентов, когда общий принцип права иллюстрируется минимальным случаем. Если вол заслуживает свою плату, свою корм, что остается для человека? Следовательно, “трудящийся достоин пропитания” (Мат. 10:10), или “трудящийся достоин награды за труды свои” (Лук. 10:7). Святой Павел обобщает это, говоря об оплачивании пасторам:

Достоин начальствующим презвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении. Ибо Писание говорит: “не заграждай рта у вола молотящего”; и “трудящийся достоин награды своей” (1 Тим. 5:17,18).

Это исключительно важный закон и его понимание имеет центральное значение. С его экономической стороны утверждается соответствие между сделанной работой и полученную плату. Поскольку работа есть долг, договоренный работодателем, размер этого долга зависит от природы и размера услуг. Вол получает свой корм и заботу; трудящийся достоин своего жалования; природа услуг определяет размер долга.

Например, копающий канаву не получает плату инженера; долг, договоренный за его услуги очевидно более низкий на виртуально каждом рынке общества. Равенство оплачивания не может существовать, потому что нет равенства долга. Не может существовать “справедливая цена” за определенный вид услуги, потому что стоимость этой услуги меняется в зависимости от природы долга в договорах об условиях, определяющиеся от необходимости в этой услуге.

С неэкономической стороны ясное, что хотя и экономикс не остается в стороне, отношения работодателя и рабочего не сводятся только к экономиксу. Волу не надевается намордник, но вол тоже обучается хозяином и заботятся о нем. У апостолов и министров связь с теми, кому они служат, более чем экономическая; это взаимоотношение определено не благотворительность, но оно не и простая экономика. Закон называет рабочего “твоим ближним,” указывая социальное взаимоотношение, как и экономическое. Взаимоотношение рабочего и работодателя нельзя сводит к голому скелету экономики, но нельзя и отвергать экономику. Между обоим есть просторный мир личных взаимоотношений. Связь японского капитала с трудом называют патриархальной и феодальной, но она экономически здравая связь и при этом личная. Западный гуманизм обезличает и раздробляет

отношения, и результаты неудачные. Различные институты и организации вторгаются сейчас в эти взаимоотношения: государственные административные агентства, трудовые гильдии и союзы, и организации производителей. Сверх того бизнес систематически обезличается и расширяет брешь.

Соответствие между природой работы и оплачиванием этой работы снова утверждается святым Павлом в I Кор. 3:8, “но каждый получит свою награду по своему труду”. Это утверждается в связи с служителями, которые служат коринфянской церкви, неэкономическая служба, но все-таки по экономическому принципу, провозглашенному святым Павлом. Этот экономический принцип не нарушается ни по одному пункту, следовательно ни по одному пункту не обходятся личные взаимоотношения.

Спорный вопрос в связи с трудовыми отношениями есть “право на забастовку.” Существует ли моральное право на забастовку? Хазли поднял вопрос в связи с этим.^[86] Рийд отрицает, что такое моральное право существует: “Никакая личность, ни никакая комбинация личностей, не имеет права налагать себя – по своей цене – никакому работодателю, или принудительно препятствовать ему нанимать других.”^[87] Дальше Рийд заявляет:

Говорить, что кто-то верит в право на забастовку сравнимое с тем чтобы говорить что кто-то верит в право монополии исключать бизнес конкурентов; действительно поговаривают, что государственный контроль предпочтительнее добровольному размену между покупателями и продавцами, каждый из которых свободный принимать или отвергать лучшее предложение другого. Другими словами, одобрять право на забастовку значит декларировать, что сила делает право – все равно отвергать единственную основу, на которой можно строить цивилизацию.

Глубоко в корне забастовки лежит упорное мнение, что наемный рабочий имеет право продолжать свое назначение на работу, раз он его начал, и как будто это назначение есть его частный удел собственности. Но назначение на работу не ничего другое, чем разменная сделка, существующая только пока существует размен. Оно перестает существовать с момента, когда или одна из сторон прекратит его, или когда кончится договор. Право на удержание назначения, которое прекратилось, действительное не более чем право на назначение, которое не начиналось.^[88]

Вмешательство государства в экономику привело к возникновению монополий, монополий в бизнесе и в труде. Области монополий – исключительно области государственного вмешательства.

Многие возразят, что без этого государственного вмешательства, у работодателей будет свобода грабить рабочего. Это значит принять что мир не под Божьим законом; но поскольку он под Божьим законом в конечном счете кража ведет к осуждению.

Вот один пример: после Второй мировой войны, производитель одежды построил завод в общине отставных людей, живущие на пенсию. Инфляция принудила многих жен и вдов искать работу в общине с небольшими возможностями о нанимании. Производитель использовал политические связи, чтобы обеспечить себе иммунитет против различных кодексов и инспекций; он платил минимальную ставку, потому что была очередь женщин, ждавших назначения; он обеспечил себе защиту против вмешательства профсоюзов, так что не было и попытки создать профсоюз в его предприятии. Профсоюзные деятели цитировали это как классический случай потогонной системы, исключая других производителей из конкуренции; для них это “доказывало” необходимость в тред-юнионизме. Производитель однако обанкротился и вошел из бизнеса через совсем немного лет. Плативши очень низкие жалования, он мог нанимать только тех, которые не могли найти себе работу в другом месте. Мораль была низкой, а умения очень плохими. Когда он обучал хорошую работницу, та уходила на лучше оплачиваемую работу. Вопреки использования качественных материалов, его продукция была низкого качества и очень скоро ее отвергли все лучшие торговцы. Так попытка использовать политику и несчастье рабочих, чтобы извлечь выгоду, закончилась большим финансовым провалом.

Но давайте исследуем ту же самую проблему морально. Попытка использовать насилие, чтобы принудить работодателя платить искомое неэкономическое жалование есть чистое ограбление. Это требование, чтоб работодатель грабил или самого себя, или своих покупателей, которое значит определять цены не по законам рынка. Правда, многие работодатели – злые люди, но многие рабочие тоже злые люди. Никто не имеет права грабить других. Если никто не нарушил уголовный закон, нет основания со стороны никого требовать вмешательство государства. Никакой индивид не имеет права силою обращать в веру или приводить к новому рождению другого человека.

Ложная предпосылка современной политики состоит в том, что посредством действий государства можно превратить утопию в реальность за короткое время. Более того, большинство людей дефинируют утопию как им хочется. Например около 1900 года большие американские корпорации не были в состоянии удержать конкуренции более мелких соперников и намечалась децентрализация рынка. Законодательство в национальном масштабе против “монополий” на самом деле сделало монополии возможными, и это спасло дни “большого бизнеса.”^[89] Концентрация экономической мощи продолжилась через союз монополий. Предполагалось, что эти сдвиги к стабилизации экономической сцены, утопия и процветание обеспеченные. В действительности, после усиления стабилизации наступили застой и упадок. Экономический прогресс не стабилизация, а процесс развития и разрушения, конкуренции и продвижения вперед. Морально никакого человека нельзя обратить силой, а “обращение насилием” ведет только к более глубокому разделению в обществе, к большему числу неразрушенных конфликтов. Сила разрешит проблемы человека и обратит людей в святых не больше, чем глазур для торта из грязи превратит его в пирожное.

Закон требует силу как свой инструмент, и силу можно использовать законно, когда люди нарушают уголовный закон, когда они воруют, убивают и т.п. Закон может управлять поведением людей, когда нарушается справедливость, но он не может изменить сердце человека. Даже больше, закон нельзя использовать, чтобы собственника имущества лишить его права собственности. Мы можем согласиться, что человек злой, и это неприятно иметь дело с ним, но если этот человек не нарушает закон, мы не можем его потрогать. Закон должен позволить нам огородить собственность от вора, но он не может законно позволить нам воровать у вора. Когда

бизнес и труд используют закон, чтобы воровать у покупателя, или друг у друга, они отвергают правило закона за счет правила силы, насилия, потому что сила вне права есть насилие. Кража есть кража, все равно у кого воруют: у богатого, у бедного, или у среднего класса. Предпосылка законодательства в пользу бизнеса такая: Правильно воровать ради бизнеса, потому что бизнес хорош для страны. Предпосылка законодательства в пользу труда такая: Правильно воровать ради труда, потому что рабочий класс бедный, и еще у него много голосов на выборах. Слово Божие совсем ясное: “Не кради!”

Трудовая организация может называть себя христианской, но если она принимает основные предпосылки тред-юнионизма, она становится морально компромиссной. Например “Принципы и практики христианской трудовой организации Канады” равняет свои принципы равенства с Святым писанием. Их второй принцип гласит:

Дискриминация при назначении по причине цвета, веры, расы, или национального происхождения, противоречит библейскому принципу равенства всех человеческих существ перед Богом и закону о любви к всем людям.

Все люди не равные перед Богом; наличие небес и преисподни, избрание и порицание, показывает что они не равные. Более того, работодатель имеет собственное право выбрать того, который ему нравится в смысле “цвета, веры, расы, или национального происхождения.” Японская христианская церковь в Лос Анджелесе имеет право позвать японский христианский пастор. Шведский или негритянский работодатель имеет право нанять кого он хочет, в смысле быть самым подходящим для его намерений.

Пятый их принцип гласит:

Творческие возможности нельзя использовать для личной выгоды или для обогащения группы или общности, а должны развиваться для использования в услуге всего человечества.

Это просто социализм, кража как принцип действия. Ни слова в Святом писании не дает никакого основания для такой постановки.

Факт, что рабочий бедный, не дает ему больше права воровать, чем власть работодателя дает ему право обманывать. Кража не право или привилегия, принадлежащие некоторому классу людей.

14. Ограбление Бога

Каждое преступление есть нарушение Божьего правового порядка, но некоторые действия специально выделяются как особые нарушения. Одно из них это неоплачивание десятины, которое описывается как ограбление Бога (Мал. 3:8-12).

Прежде чем анализировать значение этого факта, пусть рассмотрим основные законы в этой области. *Первое*, основной гражданский налог в Святом писании, т.е. единственный налог, есть поголовный налог или “за душу”, который платил каждый мужчина в возрасте двадцати лет и старше (Исх. 30:11-16). Один и тот же налог собирался от всех мужчин: “Богатый не больше и бедный не меньше полсикля должны давать в приношении Господу, для выкупа душ ваших” (Исх. 30:15). У всех одинаковая ставка на правосудии и поэтому они платят одинаковый налог.

Второе, никакому человеку не позволяется облагать налогом свое будущее посредством долга. Продолжительность долга ограничивается на шесть лет (Втор. 15:1-4). Никакой человек не имеет права складывать свое будущее, потому что его жизнь принадлежит Богу.

Третье, десятина взыскивалась от всех мужчин (Лев. 27:30-32; I Кор. 9:12-14; Числ. 18:21-28; Мал. 3:8-12; Прит. 3:9-10; 11:24; Мат. 23:23; Евр. 7:1-8). Из регулярной десятины, которая была десять процентов дохода каждого (Втор. 14:22), заделывалась десятина для священников, т.е. они получали десять процентов из десятины (Числ. 18-21-28). Итак, церковная десятина была часть общей десятины. Десятина бедных, которая платилась каждый год по разному (Втор. 14:28; Ам. 4:4) менялась вместе с десятиной веселья (Втор. 14:22-26) в каждом цикле из шести лет на седьмой. Таким образом комбинированная десятина бедных и религиозная десятина составляла в среднем около 15 процентов, некоторые говорят 18 процентов в год. Часть регулярной десятины уходила к левитам за их богослужение и за музыку; большая часть уходила на финансирование социальных расходов, т.е. набожного образования и других соответствующих деятельностей.

Если это верно, то почему тогда твердится, что неоплачивание десятины представляет ограбление Бога? Ответ совсем ясный: без десятины тоталитарное государство прогрессивно усиливало свою роль бога над обществом. С десятиной управление обществом возвращалось к Богу через распорядительный Им налог. Через десятину создавались разные агентства, которые обслуживали нужды набожного общества и обеспечивалось необходимое социальное финансирование. Десятина не принадлежала ни церкви, ни государства: она принадлежала Богом и давалась Божьим народом тем, которые будут управлять им под Богом. Юинг умело описал социальные последствия десятины:

Если бы мы жили при теократии, с Божественной конституцией, десятина хватилась бы на все, но сейчас мы живем под сотворенным человеком управлением, и сотворенное человеком управление собирает свои налоги. Однако десятина все-таки принадлежит Богу. “Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу” (Мат. 22:21; Мар. 12:17; Лук. 20:25; Рим. 13:1-8). Сверхналог, взыскиваемый правительствами наших дней, есть наказание, которые мы платим зато, что не приняли Божие правило во всей нации. Израиллю говорили о том же самом, когда они требовали царя, чтобы стать как все другие нации, что царь будет злоупотреблять десятиной (I Кор. 8:11-18).^[90]

Имея ввиду радикальное значение десятины для общества, неуспех церкви научить людей ценить важность и значение десятины составляет форму ограбления Бога в равной степени, как и неоплачивание десятины.

Другая форма ограбления Бога – это неуспех обеспечить собирания колосьев. Согласно Лев. 19:9-11 полная жатва запрещается; “бедный и пришелец” должен воспользоваться некоторой уборкой урожая от “уголков”

поля или деревьев. Здесь опять Бог дает средство для обеспечения некоторой социальной благотворительности, которую государство обходило мимо.

Современное городское собрание по мелочам включает работу Социальной службы. Даже больше, когда-то оно включало всякое собрание отходов и хлама частными способами. Бумага отправлялась на переработку для нового использования; тряпкам находилось разнообразное применение; отбросы использовались на корм свиней или на компост, металлы на скрап; стеклянные бутылки использовались многократно и т.д. Частные предприятия находили выгодное использование хлама, пока сегодня большинство городов, сделавшие собрание хлама социалистической монополией, нагромождают горы хлама, чье собрание стоит дорого, а еще создает большие проблемы и в последствии. Не так давно собрание отходов было бизнесом, в который многие иммигранты входили бедными людьми, а выходили иногда из него как преуспевающие граждане.

Несоблюдение субботных годов в отношении к земле значит не только ограблять у земли ее отдых, но тоже ограблять Бога. Нот отмечает правильно, что “У субботного и у юбилейного года и та же тема, хотя и способы разные – это *restitutio in integrum*, т.е. восстановление первоначального состояния.”^[91] Восстановление есть Божие намерение и человек призывается исполнить его, а не препятствовать ему. Всякое восстановление смотрит вперед к временам ликования юбилея. Времена ликования когда-то были основой надежды для Западного человека и звучали в его песнях. Хотя и в грешном направлении, многие солдатские песни Гражданской войны выражали веру в ликование, в том что их борьба приближает их к нему. О ликовании идет речь в “Шагая по Джорджии,” “Царство приходит” и в других песнях того периода.^[92]

Обращаясь опять к десятина, посмотрим как раняя церковь понимала значение десятины. Она ясно видела его как обвязывающий закон с более широкими намерениями, касающиеся не только церковь. Так, *Конституция апостолов* говорит о священнике:

Пусть он использует эти десятины и первые плоды, которые ему даются по приказу Бога как Божьему человеку; и пусть он тоже распределяет правильным образом добровольные приношения, которые получились в пользу бедных, сирот, вдов, страдавших и пришельцов в нужде, и пусть Бог будет проверителем его счетов, что поставлены в его распоряжении. Пусть распределяет всем, которые в нужде, с праведностью, и сам пусть воспользуется вещами, которые принадлежат Господу, но не злоупотреблять ими...^[93]

Конституция апостолов делает епископа и священника распределителями десятины.^[94] С этим мы не можем согласиться полностью. Однако функции, охватывающие десятину и даров, во времена угнетения и преследования, остаются фактом, а тоже факт и то, что десятина рассматривалась как основной, постоянный закон.^[95]

Псевдо-августинская проповедь постановляла, что отказ платить десятину просто кража:

Тот, кто не дает десятину, присваивает имущество, которое не принадлежит ему. Если бедные умирают с голода, он виновный в их убийстве, и он должен отвечать перед осуждающим престолом Бога как убийца; он взял то, что Бог заделил для бедного, и задержал его для себя.^[96]

Другая проповедь гласит:

Наши предки имели больше, чем они нуждались, потому что они давали десятину Богу и платили налоги Императору. Однако, если мы не хотим разделять десятину с Богом, скоро у нас отнимается все. Собиратель налогов забирает все, что Христос не получает.^[97]

При Шарлемане десятина сделалась обязательной для всех граждан. Совет Севильи в 590 году нашей эры выдал канон, гласящий что “Если кто-нибудь не заделает десятину, пусть проклятие Бога над Каином за неверное заделение десятины, упадет на него.”^[98]

Государство, однако, еще не признавало социальное значение десятины. Существование десятины сделало возможным организацию религиозных орденов и фондов, которые занимались больницами и медицинском обслуживанием, образованием, благотворительностью, покровительством религиозного искусства и музыки, и множеством других обслуживаний.

Десятина действовала, когда и церковь и государство осознавали принцип десятины.^[99] Поскольку это десятина Господа, ее нельзя ограничить только к церкви или ставить под контролем государства, хотя у обоих есть право сделать ее обязательной. Она десятина Господа. Например в дни Елисея, человек из Ваалшалгии принес свою десятину Елисею и его школы, а не священникам (IV Цар. 4:42). Поступая так, он упражнял свое право давать тому, кто служил Господу лучше, вместо официальному, но вероотступническому духовенству.

Упадок десятины в 19-ом и 20-ом веке привело к разным способам добывания средств для церквей, протестантской и католической, и к упадку христианского социального финансирования. В результате получилось смещение власти к государству, а тоже и рост налогов, чтобы заполнить пробелы в социальном финансировании. Без восстановления десятины невозможно восстановление христианского социального порядка, ни возможно вернуть власть христианского человека под Богом.

“Оживляя” десятину, современная церковь персонализирует критерий. Это относится к обещаниям Малахия 3:8-12: они относились явно к национальному благословию. Десятина создает радикально различный социальный порядок, и поэтому говорится о благословении нации как последствие десятины, и как результат Божьего благоволения. Кроме того, современная церковь призывает к десятине для церкви, погрешный взгляд, который исключает из десятины образование, здравоохранение, благотворительность и многое другое. “Средневековая” культура видела все эти вещи как функцию десятины, а когда существующие порядки не могли обслуживать Божие дары как положено, возникли новые порядки, чтобы получать их и управлять ими. В результате появилось, конечно, негодование приходских священников, но и более здоровый социальный порядок тоже.^[100] Пирней комментирует заботу о бедных в те же времена поразительно: “когда прихожане, которые приготовились поднять всякого вида обвинения против своих священников, очень редко ставили вопрос о пренебрежении бедных, самый очевидный вывод есть, что это не было обычным недостатком местных священников и викариев.”^[101]

Современный социальный порядок ограбляет Бога, отнимая виртуально каждую область от Его юрисдикции, от распоряженного Им управления и заботы. В одном только поколении после отмены законно обязательной десятины в Соединенных штатах, появились государственная поддержка и контроль школ. Поскольку ревивализм и антиномия привели к упадку десятины (объявленной как “легализм” и рабство закону), в начале 20-ого века благотворительность стала государственной функцией. С оставлением десятины пришел новый социальный порядок, и последовало быстрое увеличение налогов, или государственная двукратная или трехкратная десятина, если не более, чтобы поддерживать этот новый порядок. Фондации, когда-то инструмент христианской десятины, стали гуманистскими социальными агентствами с государственными идеалами. Город Бога постепенно заменялся Городом Человека. Эффективный владетель данного порядка по существу всегда есть определяющая и собирающая налогов власть. Если церковь собирает налоги, церковь управляет обществом; если государство собирает налоги, оно управляет обществом. Если однако Божие люди занимают десятиной в набожных агентствах, тогда в этом социальном порядке преобладают Божие правила. В современном мире действующий бог есть государство.

Финальное замечание: даже в течении периода Макавеев, вопреки социальной суматохи, десятина бедных обеспечивалась для вдов и сирот на регулярной основе. “Тогда главный священник сказал ему, что есть... деньги, оставленные на подмогу вдов и детей без отцов” (Макавей3:10); общее количество состояло 400 талантов серебра и 200 талантов золота.

Время, которое сегодня отвергает как Божий порядок, так и Сына Божьего, конечно проклятое проклятием и подлежащее осуждению.

15. Тюрьма

Сопоставление быстро откроет, что в библии появляются множество упоминаний о тюрьме, но не в самом законе. Тюрьмы – часть египетской жизни и права (Быт. 39:20-23; 40:3,5; 42:16,19), но не и часть жизни Израиля под законом. В течении похода через пустыню было две упоминания “посаждения под стражу” (Лев. 24:12; Числ. 15:34) на время расследования, но не говорится о тюремном заключении как наказание. По Унгеру “тюремное заключение не указывалось законом,” и “мы не слышали ничего о нем до времени Царей, когда тюрьма появляется как пристройка дворца или специальная часть его (III Цар. 22:27).”^[102] Согласно Кеннеди и Барклаю, “Тюремное заключение в современном смысле строгого заключения под стражей, не знало место как наказание преступников по старому древнееврейскому законодательству. Первое упоминание о таком, с очевидной законной санкцией, появляется в отрывке Езд. 7:26^[103], относящийся к периоду после изгнания. Упоминание в Езд. 7:26 есть часть прокламации Артансеркса и поэтому относится к персидскому, а не к библейскому праву.

Тюрьма появляется в библейском праве только как место ареста на время суда. Нет прямых упоминаний о темницах. Методы отношения к преступникам были в основном три вида: *Первое*, смертная казнь требовалась за капитальные преступления, и для неисправимых преступников. *Второе*, за другие преступления закон требовал возмещение; когда нарушался правовой порядок, возмещение было основной функцией судов. Подчеркнем, что в библейском праве цель *не наказание, а возмещение*, не наложение определенных наказаний на преступников, а восстановление набожного порядка. Поэтому центр внимания не преступник, а праведный человек и весь набожный порядок. *Третье*, когда преступники не могли дать возмещение, требовалось обязательное рабское служение, чтобы заработать необходимое возмещение.

В Лев. 18:24-30 есть сильный призыв к праведности, комбинированный с предупреждением. Грех есть осквернение человека и земли: он разрушает или заменяет Божий порядок, и последствие его есть Божие осуждение. Поэтому человек должен “соблюдать” закон, иначе земля “свергнет” его с себя за его “мерзости” и “беззакония.” Справедливость возводит и возвышает землю; она восстановление и построение, пока беззаконие разрушает землю, и создает моральный вакуум, который вопит об осуждении.

Западная цивилизация началась как несчастный компромисс между библейским стандартом о *возмещении*, и греко-римской и языческой криминологии, которая хотя и содержала элементы возмещения, склонялась сильно к *наказанию*. Таким образом в христианстве тюрьма имеет место как безобразный, незаконно рожденный компромисс. Она была не только местом ареста, но тоже и место пытки и наказания, место чтобы держать людей за выкуп, или для элиминирования их от угрожающей позиции в государстве. Тюрьма была допустимой, но незаконной частью социального порядка. Например, можно сказать, что в 18-ом веке:

Должно было прийти на ум, что все это время темницы были в основном место содержания, не наказания. Большинство из заключенных держались ради их собственной безопасности, и ожидали трибунала с законным судебным процессом, или были должниками; а из последних опять самым многочисленным классом были беднежные и несчастные, которых погрешная система заключала и лишала их всеми средствами платить свои задолженности. Время от времени некоторый преступник осуждался к заключению из-за неоплачивания штрафа, или чтобы провести интервалы между определенными периодами безмилостных изложений на позорном столбе. Тюремное заключение еще не имело регулярное место в наказательном кодексе, и темница была только местом временного пребывания обвиняемых, надлежно судимых и приговоренных по закону. Самое предпочитанное наказание в эти безжалостные времена было смерть.^[104]

Возникновение гуманизма привело к множеству радикальных изменений. Гуманизм был интеллектуальным движением среди самоутверждающейся элиты, и эта элита была отъявленно презрительной к более бедным членам общества. Как результат, одна уже суровая правовая структура, доминированная аристократией, уступила дорогу более суровой таковой, в которой ответ почти каждому преступлению была смертная казнь.

Колониальные нужды позднее привели в Англии к другому решению – высылку. Преступники высылались большими партиями, особенно в Австралию, что служило одновременно и как средство колонизации, и как наказание.

Следующая альтернатива была тюремная система, и главное движение выразилось в требовании с одной стороны сделать наказание тюремным заключением основным решением проблемы с преступностью, а с другой стороны в требовании о более гуманном обращении с заключенными в темницах. Дошло до того, чтобы верить, что тюремное заключение могло бы иметь спасающее воздействие на человека, что наказание в форме утраты свободы привело бы к реформации.

В гуманистской идеологии наказание впоследствии открыло дорогу реабилитации, и тюрьмы начали превращаться в восстановительные центры. Например в Калифорнии часть тюрем известная как “исправительные заведения.” “Старая доктрина... что цель уголовного права есть взыскивать от преступника возмещающее страдание, пропорциональное отвратительности преступления,” уступила дорогу “усилии... комбинировать убеждение и общественную защиту с восстановлением нарушителя для более самоутверждающейся роли в обществе.”^[105] Это мнение раскрывает нескольких основных ошибок. *Первая*, уголовному праву приписывается религиозная и мессианская роль, долг спасти преступников. Это значит требовать от закона больше, чем он может обеспечить. *Вторая*, оно неправильно интерпретирует историю. Возмездие рассматривается как взыскивающее страдания; это правда о гуманистском праве, но не и о библейском, в котором возмездие или месть – прерогативы Бога, и Его инструменты, и оно включает отдавание справедливости, там где должна справедливость (Лук. 18:1-8). *Третья*, это мнение индивидуалистское, не общественное, и оно концентрируется на личности преступника, а не жертвы. Например, Бенет отмечает: “Настоящая тенденция в обращении с преступниками безошибочно направленная к индивидуальному наказательному обращению, управляемое в рамках гибкого уголовного кодекса.”^[106] Спасение личное, а закон теперь занимается спасением личности преступника.

Этот личностный критерий привел к более новому настаиванию на политическое здоровье, на психиатрическое лечение как ответ преступности.

Таким образом гуманизм совершает полный круг. Он начал с восстановлением возмещения, требуя чтоб общество возмещало преступника за предполагаемое пренебрежение к нему. Из-за своего энвайронментализма, гуманизм обвиняет недостатки в окружающей среде за человеческие преступления. Это значит, что общество должно искупить эти недостатки возмещением. И криминология, и социальные заботы, основываются на этой гуманистской доктрине о возмещении. Таким образом надо давать возмещение всем, которые преступники, извращенные или ленивые, всем, которые не хотят работать, или которые провалились, всем, которые порождают незаконных детей, и всем, которые каким-нибудь образом нестандартные. Возмещение еще раз становится социальным стандартом, но это гуманистское возмещение, и оно работает в полном противопоставлении Божьему порядку.

Гуманистское возмещение противозаконное тем, что оно фундаментально враждебное каждой концепции об абсолютном законе. Абсолютный закон заменяется абсолютной личностью. Результат есть конец каждого правового порядка, и его замена правоведским порядком. Различие между этими двумя великое.

Пуритане из колонии в заливе Массачусетс боялись тенденций английского общества к правоведскому порядку, и они начали с ликвидацией профессионального, получающего плату адвокатского класса. Каждый человек был обязан знать закон посредством библии. Система присяжных заседателей развилась в Америке до далеко идущих полномочий на предпосылке библейского правового порядка, в котором каждый гражданин знает закон. Требование к членам жюри присяжных быть верующими не религиозное, а государственное требование: правовой порядок требовал людей, знающих библейский закон. Система присяжных была сильной пока, законом было обычное право Святого писания, а не непонятная доктрина, открытая только профессиональному классу. Было пространство для адвокатов в Америке, после недоверия ранних лет. На самом деле, Америка видела восход нескольких поколений великих юристов, которые доминировали национальную жизнь и политику, и дали могущественное выражение национальных вождельней. Эти юристы воспитывались этим самым библейским законом-словом, как и народ; хотя и юристы, и народ, намного отклонились от этой веры, они продолжают разделять некоторые основные предпосылки. Поэтому юристы могли найти почти универсальные ответы сформулированным ими проблемам, так как они обратились к обычной вере в обычном праве. Когда вместо этого юристы обратились к позитивному праву (государственному праву) и писаному закону (на месте библейского закона), они оторвались от народа и стали постоянным объектом презрения из-за обмана, потому что они остались вне понимания народа с их непонятным гуманистским законом. Общество правоведов заменило правовое общество.

Сравнение с Японией поучительное. Непосредственная юридическая среда Японии есть правовой порядок Шинто; Япония находится в процессе превращения в современный гуманистский порядок правоведов. Большая часть японского общества все еще однако управляется древними традициями, лояльностью, долгом и отношениями, которые обеспечивают широкий охват закона без адвокатов. В Японии “10 000 членов Японской ассоциации адвокатуры достаточные для нации, население которой равняется почти половины населения США. В Соединенных штатах есть 340 000 адвокатов.”^[107]

В порядке правоведов социальный цемент выветренный, и обычно принятые связи, которые объединяют людей и облегчают общение улетучиваются. Искусственное тело писаных законов, которым не хватает социальных корней и которые представляются целесообразными, заменяет старый порядок, а правовед становится толкователем этих непонятных законов. В христианском правовом порядке “незнание закона не

извинение,” потому что закон есть открытая книга для всех, поскольку он библейский по природе и представляет обычайную веру и порядок. В гуманистском порядке правоведов незнание закона неизбежное, из-за тысяч писанных законов, не имеющих основу в никаком высшем моральном порядке, и регулярно меняющихся. Незнание этих законов неизбежное не только для мирян, но тоже и для адвоката, который должен стать специалистом в отдельной области права, и поэтому заниматься бесконечными поисками с целью справиться с его темными путаницами.

Порядок правоведов, чужой закону, становится социальным порядком, который управляется социальными учеными. Поскольку окружающая среда, а не грех, обвиняется за преступность, обращение с преступниками и возмещение им выхоят на передний план. В 1966 году президентская комиссия обвинила бедность за преступность и постановила лечение, вместо тюремного заключения за всех, кроме твердого ядра рецидивистов.^[108] Гуманисты, которые дали нам тюремную систему, теперь осуждают ее и заклеивают ее как “консервативный инструмент.”^[109] Бездействие заключенных в окружных и городских тюрьмах ведет к множеству серьезных проблем. Гомосексуализм и гомосексуальное изнасилование важнейшая из проблемах. О гомосексуальном насилии в тюрьмах рассказывает один репортаж:

Филадельфия – Роберт, 20-и летний обвиняемый за кражу автомобилей и подделку чеков, должен быть в окружной тюрьме здесь. Однако даже хотя Роберт не успел заплатить свои 800 долларов на поручительство, судья Александр Ф. Барбиери-младший оставил его ждать суда свободным. Почему? “Этот парень просто не будет в безопасности в Филадельфийской тюрьме,” объяснил судья. “Даже если он виновен, держать его в тюрьме будет больше преступление, чем позволить ему повторить свои нарушения.”

Судья Барбиери поступил так, потому что Роберт, юноша слабаватого сложения, был жертвой гомосексуального изнасилования несколько раз, может быть около 10 раз, пока его держали арестованным здесь до суда.

Вызванное раскрытие подобных инцидентов – один включающий 17-и летнюю жертву, чье единственное “преступление” было бегство из дома – недавнее двухмесячное расследование показало, “что сексуальные нападения эпидемические в филадельфийской тюремной системе.” Расследующие консервативно оценивают, что за два года было около 2 000 сексуальных нападений в местных тюрьмах.

Такие нападения не происходят единственно в Филадельфии. Они обычайные в многих тюрьмах больших городов, говорят власти. Недавно раскрылись гомосексуальные изнасилования в окружных и городских тюрьмах в Вашингтоне, округ Колумбия, и в его пригородах, и в Чикаго в числе других местах. “Это результат нагромождения всякой всячины из заключенных в устаревших тюрьмах, где у них очень немного дел или им вообще нечего делать,” говорит Е. Престон Шарп секретарь Американской исправительной ассоциации.^[110]

Такие факты не сюрприз. Тюрьма содержать в принудительной общности большое число неисправимых преступников, которые заслуживают смерть, и множество нарушителей, которые должны быть отработаны возмещение. Охранить такую коллекцию людей от зла потребовало бы больше охранников, чем большинство тюрем может позволить себе. Вместо того, чтобы заняться корнем проблемы, отталкиваясь от библейского принципа о возмещении, гуманистские реформаторы удваивают зло. Как радикальные правовые позитивисты, они отрицают любую абсолютную концепцию о правосудии и вместо с индивидом занимаются с личностью преступника. Поэтому гуманистское возмещение функционирует, чтобы дать любое возможное преимущество преступнику. Отметим, например, случай одного обвиняемого убийцы:

Обвиняемый убийца полицейского офицера из Лонг Бич получил беспрецедентные 500 долларов счет на расходы, слуга и другие чрезвычайные привилегии, пока он подготавливается защищаться сам на своем пятом наказательном процессе.

Высший судья Джон Ф. МакКарти поступил так согласно формальному распоряжению суда от 29 октября, потому что он считал, что деньги и другие привилегии необходимые Дойлу А. Тери, 40 летнему, чтобы адекватно подготовить свою защиту.

Округ обеспечит Тери правоспособным частным расследователем, двумя законными посыльными (один из которых будет служить как камердинер Тери), дополнительной камерой, в которой складировать свои бумаги, всеми неконтролируемыми личными телефонными разговорами, которые он захочет провести, и использованием юридической библиотеки тюрьмы практически на волю.

Тери, который провел почти девять лет в смертной очереди в тюрьме Сан Куентин, был обвинен в 1960 году в убийстве офицера Вернона Дж. Оуингса.

До этого Тери был приговорен к смерти в 1960, 1962 и 1965 году. Другой наказательный процесс в 1965 году кончился тем, что жури присяжных не могло согласиться единодушно надо ли приговорить его к смерти или к пожизненному заключению.

Каждый из его приговоров к смертной казни отменялся Верховным судом штата, который с обратным действием применял решения Верховного суда США.

Тери выиграл свой второй процесс, потому что на его первом процессе обвинение комментировало, (как это позволялось в то время) удерживающие воздействия смертной казни. Он выиграл свой третий процесс, потому что на его втором процессе обвинение (как тогда позволялось поступать) сказала присяжным, что его возможно освободят под честное слово, если приговор будет пожизненным заключением.

Его последняя отмена приговора пришла, потому что возможные присяжные заседатели, противники смертной казни, автоматически (как тогда позволялось) исключались.

Все привилегии, данные судьей МакКарти в пользу Тери явно превосходили тех, позволенных другим заключенным, действующим как свои собственные адвокаты после отказа услуг общественного защитника. . .

. . . Судья МакКарти сказал . . . “Верховный суд как раз мог бы сказать нам, ‘Вот, вы лишили этого человека честного процесса, потому что вы не позволили ему разговаривать по телефону.’ И я не думаю, что они обратят слишком большое внимание, если мы скажем им, что в бюджете не предвидятся деньги на это.”

Офицер Оуингс, кому было 31 год в это время, получил пулю в голову 24 июня 1960 года, когда он и его партнер остановились чтобы помочь, потому что подумали, что двое мужчин, один из которых Тери, имели затруднения с автомобилем на острове Терминал.

Тери поймали преследующие его полицейские в милю от места выстрела.

На своем первом процессе он обвинялся в ограблениях на территории пяти округов и в одном заговоре о совершении ограбления...^[111]

Надо подчеркнуть опять, что это энвиронменталистское возмещение. Для энвиронментализма зло в окружающей среде, не в согрешившем; следовательно, надо наказать окружающую среду и дать возмещение согрешившему индивиду. Для энвиронменталиста чтобы доказать невиновность преступника, надо найти свидетельство о каком-нибудь несчастном взаимодействии с окружающей средой. Например, из-за того, что убийца была толстой девушкой, которая позже стала очень привлекательной, твердилось, что эта трансформация превратила ее в убийцу. Доклад о расследовании этой убийцы, по имени Кристина Кромвел, цитировал ее мать, сказавшей что “Когда она потеряла вес, и открыла, что была привлекательной для мужчин, она не смогла перенести это.”^[112] Доклад о расследовании “По меньшей мере... допускал, что преступление, за которое ее

приговорили к пожизненному заключению во вторник, коренилось в ее физическом превращении и в изменениях ее личности, которых оно вызвало.”[\[113\]](#) Такое мнение сегодня можно найти широко среди священников, учителей, социологов, и среди других.

Результат таких мнений есть нарастающая неспособность общества справиться с преступностью. Система поручительства, законная в набожном социальном порядке, становится источником больших злоупотреблений в современном обществе, из-за чего президент Никсон в 1969 году предложил отказывать поручительство обвиняемым личностям, освобождение которых вероятно угрожает обществу.[\[114\]](#) В одном случае в Калифорнии сообщалось, что мужчина из Ван Нью, освобожденный под поручительством в 15 000 долларов до судебного процесса за нападения над девятью женщинами и девушками в области Ван Нью, был арестован по обвинению в нападении над 13 летней девочкой. “Это преступление привело к его аресту 10 апреля 1969 года; в феврале 1969 года этот человек, Антони Дж. Ианалфло, был арестован и “потом обвинен в 12 преступлениях, включая четыре принудительных изнасилований, притеснение детей, три похищения и один грабеж. Обвинения вероятно были результатом нападений над женщинами и девушками в области Ван Нью после прошлого июня (1968 года).”[\[115\]](#)

Без Божьих моральных абсолютов человек становится окончательно неспособным справиться со злом. Вместо того, чтобы бороться с ним, он ищет компромиссы с ним. Согласно одному социологу, компромисс есть лучшая надежда общества.

Должны ли штатские и федеральные власти попытаться наладить переговоры с Кожа Ностра, таким же образом как наш Государственный департамент ведет переговоры в враждебными иностранными властями? Такая дипломатия могла бы хорошо послужить интересам неправоверников, предлагает доктор Доналд Р. Креси, профессор социологии в Калифорнийском университете в Санта Барбара.

“Немного хладнокровного умиротворения не обязательно плохая вещь, особенно когда наша сторона проигрывающая,” пишет он. Он считает, что некоторые формы переговоров (или приспособления, или общения) со стороны штатских и федеральных служащих – какие ведутся местными служащими, часто случайной и коррумпированной манерой – могли бы снизить опасность, что организованные преступники постигнут монополию над демократичными процессами в Соединенных штатах.[\[116\]](#)

Такое умиротворение уже существует нелегально точно как написал профессор. Например, согласно надеждным федеральным и другим источникам, твердится что “Ла Кожа Ностра пратит 2 миллиарда долларов в год, чтобы коррумпировать общественных служащих, все, выше окружных шерифов и судилищ, вплоть до Верховного суда.”[\[117\]](#)

Направление каждой безбожной системы правосудия только вниз; как сказал Ван Тиль, это объединение в пустоте.

Согласно Лев. 18:24-30, каждое уклонение от Божьего закона есть осквернение человека и осквернение земли: это основное загрязнение всех вещей. Современная тюремная система важный аспект осквернения нашего времени.

16. Законное богатство

Согласно Краткому катехизису Вестминстера, вопрос о приобретении богатства связывается прямо с восьмой заповедью:

В. 73. Какая есть восьмая заповедь?

О. Восьмая заповедь это “Не кради.”

В. 74. Что взыскивается в восьмой заповеди?

О. Восьмая заповедь взыскивает законное приобретение и поддержание богатства и видимых имуществ для нас и для других.

В. 75. Что запрещается восьмой заповедью?

О. Восьмая заповедь запрещает все, что действительно мешает или может незаконно помешать нашему собственному или нашего ближнего благосостоянию или материалному имуществу.

Ответ 75 имел ввиду любовь к удовольствиям, пьянству, обжорству, лени, и краже, и цитировал Прит. 21:17; 22:20; 28:19 и Еф. 4:28. Александр Уайт видел эту заповедь как охватывающей “все вопросы, связанные с зарабатыванием, сбережением, израсходованием, наследованием и завещанием денег и имущества.”[\[118\]](#) Уайт добавлял:

Если исследовать все владения человека, возвращаясь к их началу, и спускаясь до их самого дна, всегда обнаружится, что они представляют очень много себеотрицания, труда, умений. Сколько ни темными могли быть происхождение, история и развитие того или другого отдельного имени, все-таки в его начале должно быть некоторое повиновение человека закону Создателя о труде и вознаграждении. “Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею.” Это первоначальная хартия права собственности.[\[119\]](#)

Дальше Уайт добавил: “Родственная привычки к трудолюбию ее сестра, привычка к бережливости и предусмотрительности.”[\[120\]](#)

Капитализация есть накопление богатства, превращение труда, сбережений и предусмотрительности в оседаемые рабочие активы. Никакой прогресс невозможный без некоторой степени капитализации. Принимать, что социализм и коммунизм противоположные капитализацию или капитализму – серьезная ошибка; они противоположные *частному капитализму*, но их политика посвящается *государственному капитализму*. Для государства необходимо планировать некоторую программу о прогрессе, об общественных работах, или о завоеваниях, труде, сбережениях и предусмотрительности. Труд взыскивается от народа силой; народ принуждается тоже к бережливости и к сбережениям посредством контроля над зарплатой, и через программой принудительного сбережения и ограниченного предложения товаров; а рабский труд и предусмотрительность обеспечиваются государственными плановиками.

У государственного капитализма серьезные недостатки по множеству причин. Самое замечательное прежде всего то, что *первое*, он представляет *кражу*. Частный капитал народа экспроприруется, как и его труд и сбережения. Поэтому такая капитализация радикально нечестная.

Второе, предусмотрительность отделенная от труда и бережливости, т.е. плановики не те, которые обеспечивают труд и средства на расходы. Как результат у плановиков нет обратной информации о непосредственных последствиях, которая влияла бы на них. Они могут быть расточительными в их растратах человеческой силы и капитала без банкротства, тем что государство принуждает продолжение их неэкономического и расточительного планирования. Вывод из этого такой, что когда планирование отделенное от труда и сбережений, вместо капитализации происходит декапитализация. Поэтому социализм по природе империалистический, тем что он должен периодически захватывать или аннексировать новые территории, с целью иметь свежий капитал, которого поглощать экспроприацией. Таким образом государственный капитализм является агентством для декапитализации.

Частный капитал приобретает в основном тремя способами, исключая частную кражу как незаконное и неморальное средство. Эти три способа – труд, наследство и подарок. Потом частный капитал должен использоваться через планирование, и потеря есть потеря планирующего, так что у частного капитала есть стимул к эффективности, даже когда он получен как подарок или как наследство, который отсутствует у государственного капитализма. Непосредственность последствий, прямая обязанность частного капиталиста с потерями, делает частный капитал более ответственный, даже когда частный капиталист – вор. Когда преступные синдикаты вроде Мафии входят в бизнес, они поступают так с безжалостным глазом, устремленным к прибыли и эффективности, которое тоже отсутствует у государственного капитализма.

Законное богатство есть такое богатство, которое приходит к человеку, когда он соображается с Божьим законом и применяет труд, бережливость, и предусмотрительность в своих деятельности. Законное богатство есть заветное обещание; отсюда предупреждение через Моисея во Втор. 8:11-20, достигающее верхнюю точку в стихе 18 заявлением “Но чтобы помнил Господа, Бога твоего, ибо он дает тебе силу приобретать богатство, дабы исполнить, как ныне, завет Свой, который Он клятвою утвердил отцам твоим.” Человек не должен сказать в своем сердце “моя сила и крепость руки моей приобрели богатство сие” (ст. 17). Райт хорошо комментирует об этом:

Гордость самая ужасная и коварная, потому что она насмехается над самыми очевидными фактами, утверждая свое виртуальное обожествление: “Моя сила и крепость руки моей приобрели богатство сие” (ст. 17). Поэтому Израиль должен помнить, что богатство от Божьей силы, не от его собственной, и что оно дается в соответствии с его заветными обещаниями, а не как оплата того, чего заслужила нация (ст. 18). Это один из самых сильных и самых могущественных пассажей библии об этой характерной и терзающей проблеме человеческой жизни. Богатство здесь не по естественному праву: оно дар Бога. Поэтому человек должен остерегаться ужасного и саморазрушительного искушения обожествлять себя, которое приходит вместе с ним. [\[121\]](#)

Праведное богатство, набожное богатство, есть продукт заветного благословения труда, бережливости и предусмотрительности; оно неотделимо связанное с законом. Заповеди даются “дабы вы были живы и размножились, и пошли и завладели землей” (Втор. 8:1).

Святое писание повсюду отличает набожное богатство от безбожного богатства. Следовательно богатство само по себе не знак о Божьем благоволении; оно может свидетельствовать о краже и мошенничестве. Богатство может, однако, быть знаком о Божьем благоволении и свидетельствовать о заветных благословениях, когда сопутствуется законными средствами и набожной верой.

Вернемся к вопросу о капитализации; капитализация в обществе должна основываться на вере и характере. В каждой эры истории капитализация есть продукт пуританского характера, склонности к воздержанию от сегодняшних удовольствий, чтобы накопить некоторое богатство на будущие намерения. Там где нет характера, нет капитализации, а скорее есть декапитализация, сильное истощение богатства. Общество становится ориентированным на потребление, а не на производство, и оно начинает декапитализировать богатое наследство веков, которое окружает его.

Следовательно декапитализация всегда предшествуется потерей веры и характера. Когда люди считают, что цель и предназначение человека есть частное счастье, а не служить Богу и прославлять Его, и находить радость в нем; когда люди считают, что жизнь должна что-нибудь им, а не считают себя должниками Бога; и когда люди считают себя призванными реализовать себя вне Бога, а не в нем; тогда общество находится в быстром процессе декапитализации.

Вернемся теперь к Втор. 8:1-18; предназначение богатства есть осуществление Божьего завета; его *цель* есть чтобы человек преуспел в своей задаче завладеть землей, покорить ее и упражнять владычество над ней. *Средство* к законному богатству есть *заветный закон*, закон Божий. Поэтому капитализация – радикальная и всеобщая задача. Человек должен стремиться покорить землю и приобрести богатство как средство для возмещения и восстановления, как средство для установления Божьего владычества в каждой области. Когда набожные люди достигнут свою максимальную производительность и заработают богатство, этим они славят Бога. Богатство само собой хорошо, оно благословение Господне. Святое писание осуждает *веру* в богатство, вместов Бога (Пс. 48:6,7). Нам сказано, что “Когда царство Ровоама утвердилось, и он сделался силен, тогда он оставил закон Господень, и весь Израиль с ним” (II Пар. 12:1). “Имение богатого – крепкий город его, и как высокая ограда в его воображении” (Прит. 18:11, ср. 10:15).

Набожное богатство основное для Божьих намерений о земле. Оно жизненно важная связь в задаче о восстановлении.

Бенджамин Франклин в своих Мемуарах упоминает о торговце по имени Денхам, который обанкротился в своем бизнесе в Бристолле, договорился со своими кредиторами, и уехал в Америку. В нескольких лет он накопил целое состояние, вернулся в Англию на одном корабле

вместе с Франклином, созвал своих кредиторов вместе на увеселение и заплатил им полный остаток своего долга, с лихвой до момента расплачивания.^[122]

Личное возмещение набожное, но требуется куда больше. Человек должен восстановить землю, должен сделать ее действительно и полностью Божьим царством, область в которой Его закону-слову учат, повинуются и уважают его. Человек должен приобрести богатство и использовать его на славу Бога, но чтобы приобрести законное богатство, человек должен знать закон и повиноваться ему. Набожное богатство надо приобретать, держать и использовать с чистой совестью; оно счастливый результат Божьего завета.

17. Возмещение Богу

Другой аспект закона о возмещении появляется в двух интересных законах:

И сказал Господь Мойсею, говоря: Если кто сделает преступление и по ошибке согрешит против посвященного Господу, пусть за вину свою принесет Господу из стада овец овна без порока, по твоей оценке, серебрянными сиклями по сиклю священному, в жертву повинности; За ту святыню, против которой он согрешил, пусть воздаст и прибавит к тому пятую долю, и отдаст сие священнику, и священник очистит его овном жертвы повинности, и прощено будет ему (Лев. 5:14-16).

И сказал Господь Мойсею, говоря: Скажи сынам Израилевым: если мужчина или женщина сделает какой-либо грех против человека, и через это сделает преступление против Господа, и виновна будет душа та: То пусть исповедаются во грехе своем, который они сделали, и возвратят сполна то, в чем виновны, и прибавят к тому пятая часть и отдадут тому, против кого согрешили. Если же у него нет наследника, которому следовало бы возратить за вину: то посвятить это Господу; пусть будет это священнику, сверх овна очищения, которым он очистит его. И всякое возношение из всех святынь сынов Израилевых, которые они приносят к священнику, ему принадлежит. И посвященное кем-либо ему принадлежит. Все, что даст кто священнику, ему принадлежит (Числ. 5:5-10).

В пассаже из Левита, согласно Гинсбургу речь идет о “неумышленном задерживании вещей, которые принадлежат святилищу, и служат Господу, как например десятина, первые плоды, или о непосвящении или выкуплении своего перворожденного (Исх. 28:38; Числ. 5:6-8).”^[123] Речь идет о “святых дарах, приношениях, первых плодах, десятинах, и т.д., которые надо было принести Иегова, и предназначались Им священникам как их доход”; это значит “грешить в чем-то, отнимая у Иегова то, что принадлежало Ему.” Это не касается преднамеренного греха, а имеется ввиду нарушение, совершенное по забывчивости или по небрежности.”^[124] Требуемое возмещение было приношение повинности, что составляло компенсацию за должную десятину или должное приношение, плюс пятую долю больше того количества, как наказание.

В пассаже из Числах речь идет о подобном нарушении, но в этом случае против ближнего. Талмуд подчеркивает упоминание в 5:6 женщину (“Если мужчина или женщина сделают какой-либо грех”), заявляя, что “Женщины тоже подлежат преследованию по закону.”^[125] В какой-то степени естественный вывод, в связи с его отражением в Лев. 5:14-16, что здесь опять речь идет о минимальных непреднамеренных нарушениях. Серьезная вина, такая как поджигание пожара, рассматривается на другом месте в законе. Здесь нарушения реальные, но ни капитальные, ни большие. Слово *maal* (нарушение), использованное здесь вместе со сходным ему глаголом “подразумевает украдной, или скрытность действия.”^[126] Через невнимание или небрежность, мужчина или женщина, совершая грех против ближнего, потом виновно утаивает нарушение. Возмещение однако должно быть, и когда виновный найдется, он должен сделать приношение для искупления, дать возмещение, и добавить пятую долю его стоимости к своему возмещению. Возможно, во время суматохи, или при внезапной смерти, что преступнику некому отдать возмещение: семья вымерла или переселилась в другую страну, и нет живых родственников. В таких случаях возмещение дается священнику или пастору. Виновная страна, сначала исповедая свою вину добровольно, защищается в его исповеди. “Эти дары могут быть личными, так что не обязательно, чтобы они влились в сокровищницу Храма. Этим давалась возможность с такими случаями вины обращаться более конфиденциально, что тоже позволяло смелее исповедовать вину и давать возмещение.”^[127]

Многие комментаторы относят грехи по этому закону к Лев. 6:2,3, но ясно, что это отдельный закон, хотя и близко связанный. Мы увидим, что Числ. 5:5-10 относится к грехам по небрежности и невниманию, как и Лев. 5:14-16, пока Лев. 6:1-7 относится тоже к минимальным нарушениям, однако природа у них преднамеренная и они затрагивают собственность:

И сказал Господь Мойсею, говоря: Если кто согрешит и сделает преступление пред Господом, и запрется пред ближним своим в том, что ему поручено, или у него положено, или им похищено, или обманет ближнего своего, Или найдет потерянное, и запрется в том, и поклянется ложно в чем-нибудь, что люди делают и тем грешат: То, согрешив и сделавшись виновным, он должен возратить похищенное, что похитил, или отнятое, что отнял, или порученное, что ему поручено, или потерянное, что он нашел. Или, если он в чем поклялся ложно, то должен отдать сполна, и приложит к тому пятую долю и отдать тому, кому принадлежит, в день приношения жертвы повинности. И за вину свою пусть принесет Господу к священнику в жертву повинности из стада овец овна без порока, по оценке твоей; И очистит его священник пред Господом, и прощено будет ему, что бы он не сделал все, в чем он сделался виновным (Лев. 6:1-7).

Хотя такие преступления называются “насилиями,” Нот указывает, что в древнееврейском языке “контекст редко отличает насильственный грабёж или обыкновенную кражу, а скорее имеет ввиду некоторый обманчивый способ о присваивании собственности другого.”^[128]

Во всех этих трех законах проявляется определенный общий правовой принцип. *Первый*, это явно факт, что возмещение надо отдать Богу. В Исх. 22:1-14 даются основные законы о возмещении, но эти законы не относятся к жертве повинности Господу, какую мы находим в Лев. 5:14-16; 6:1-7, и в Числ. 5:5-10, ни к жертве за грех. Общие законы о жертвоприношении обобщают такие жертвы. Почему тогда оно специально цитируется в случае с этими законами? Сам факт о минимальном характере этих нарушений – неумышленность в двух случаях и мелкие нарушения в другом, дает нам ключ. Марш отмечает о Числ. 5:5-10, что “Хотя может существовать и грех только против Бога, каждый грех против человека считался тоже грехом против Бога, и надо было принести жертву повинности.”^[129] Гинсбург высказывает это даже более ясно, в связи с Лев. 6:1-7:

Будет видно, что нарушение против Бога, строго говоря, есть нарушение права ближнего на его собственность. Поскольку мошенничество и грабеж самые разрушительные для социальной жизни, то преступление этого вида описывается как оскорбление Бога, который основатель и суверенный управитель Своего народа.^[130]

Закон не позволяет никому забывать, что малейшее нарушение тоже есть нарушение против Бога; взыскивая в этих случаях возмещение Богу, как и восстановление увреждений или незаконно присвоенного имущества, утверждается тотальная юрисдикция Бога, а тоже и факт, что малейшее нарушение порядка есть нарушение Божьего порядка. Божий порядок должен восстановиться по всем пунктам.

Второй, при больших нарушениях возмещение требует двукратное или пятикратное возвращение, а здесь только 20 процентов. Во всяком случае, действует тот же принцип, который в частности подразумевает тоже возвращение всего выигриша от греха. “Закон Господа отнимает всю выгоду от воровства и налагает суровые наказания над теми, которые веруют.”^[131] Вне закона о возмещении, преступность в общем случае действительно выгодная. Когда спросили одного английского профессионального преступника о риске, заключенном в его кражах, об его приговорах к тюремному заключению, и о вероятности получить восьмилетний срок, когда его поймут в следующий раз, он ответил:

Я не хочу получить восемь лет, нет – но если я должен получить их, получу, и это все, что в нем есть. Если ты преступник, какая у тебя альтернатива риска угодить в тюрьму? Шахтеры-угольщики не проводят свое время, беспокоясь о риске, что их может убить проваление угольного фронта. Тюрьма – это профессиональный риск, это все – и такой, на какой я совсем подготовлен пойти. Я с желанием рискую провести одну треть моей жизни в тюрьме, если только я мог бы прожить другие две трети как я хочу. В конце концов, это моя жизнь, и я так распоряжаюсь ей. Альтернатива – перспектива вегетировать в течении остатка моей жизни в тяжелом труде, садясь в поезд в 8:13 утром на работу, и возвращаясь опять в 5:50 вечером, все это за 10 или 15 фунтов в неделю – сейчас это действительно ужасает меня, далеко больше чем мысль о несколько лет в голубятнике.^[132]

Эта позиция преступника была логически неморальным заключением. Выхода от кражи далеко превышает наказание за нее. Современный гуманистский закон действительно имеет тенденцию сделать преступность выгодной, и в то же самое время уменьшает ее значение в смысле морального закона. Саксонский закон обращался твердо с преступниками. Сэр Вильям Блекстоун писал:

Наши древние саксонские законы номинально наказывали кражу смертью, если украденное стоило больше двенадцати пенсов; но преступнику разрешалось выкупить свою жизнь денежным выкупом; у их предков, германцев, взыскивалось определенное число крупного рогатого скота. Но в девятом году Генри Первого это право выкупа отменили, и все виновные в воровстве отправляли на виселицу; который закон остается в силе до сего дня.^[133]

Смертная казнь за воровство оставалась в английском праве до царствования Джорджа IV, и в течении его закон изменили. С такой точки зрения закон ищет подавление преступности наложением тяжелых и непропорциональных наказаний. Это обратное библейскому праву, где первичное возмещение, а не подавление. В библейском законе и смертная казнь, и возмещение, требуются в смысле справедливости, а не подавления; профессионального преступника или убийцу экзекутировали с целью элиминировать несправедливость и восстановить порядок, а возмещение требовалось за другие преступления, чтобы установить заново тот набожный и действующий социальный порядок, который необходим для Божьего творческого мандата. Ни повешивание вора, ни наложение непропорционального выкупа или штрафа на нем, не составляют справедливость.

Третий фактор тоже очень важный. Требование возмещения мелких вещей есть данный Богом закон, который помогает улучшить отношения между соседями. Модная тенденция есть “пренебрегать” мелкие вещи, как будто это благородное поступать так. Например, если женщина упустит и сломает тарелку, принадлежащей ее соседки, современная тенденция рекомендует “простить и забыть.” Библейский принцип есть восстановить сумму, эквивалентную стоимости тарелки, или такую же тарелку, если это возможно, плюс пятую долю ее стоимости в виде компенсации. Такое возмещение устраняет помехи в соседской любви, потому что “любовь есть исполнение закона” (Рим. 13:10). Множество из мелких раздражений между приятелями и соседями элиминировались бы соблюдением этого закона. Посредством этого закона Бог ясно предупреждает о необходимости улаживать мелкие проблемы, которые очень часто указываются главными факторами в нашей жизни.

Четвертый аспект этого закона – признание. Дать возмещение ближнего есть форма признания, конечно. Когда ближний умер или переселился, и не оставил родственников, которым дать возмещение, признание делается перед Богом через священника. Числа 5:5-10, “особо настаивает на признание, а в конце постановляет тоже, что если у индивида, против которого совершилось нарушение, нет родственника, компенсационные деньги, вместе с жертвенным бараном, надо передать Господу, т.е. платить священнику.”^[134]

Таким образом в законе есть место для признания. Настоящее признание не должно создавать посредническую институцию: оно просто придерживается к суверенитету Божьего закона и к необходимому факту возмещения.

Настоящее признание есть возмещение. Прощение – это юридический термин в библии, и означает, что обвинения снимаются, потому что получено удовлетворение. Следовательно прощение означает “удовлетворение” или возмещение. Признание не стоящее, а прощение недействительное, когда нет возмещения.

18. Права пришельцев, вдов и сирот

Закон многократно говорит о различных группах людей, чьи права более охотно и легко ставятся под угрозой. Два важных таких закона следующие:

Пришельца не притесняй, и не угнетай его; ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской. Ни вдовы, ни сироты не притесняйте. Если ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их. И воспламенится гнев Мой, и убью вас мечем, и будут жены ваши вдовами, и дети ваши сиротами (Исх. 22:21-24).

Когда поселится пришлец в земле вашей, не притесняйте его. Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской. Я Господь, Бог ваш (Лев. 19:33,34).

Эти законы говорят, *первое*, и прежде всего о пришельцах. Вопросные иностранцы – постоянные проживающие в общности. Здесь речь не идет о путешественников, проходящих через страну: о таких людей относятся законы гостеприимства. И еще эти законы не касаются чужестранных бизнесменов, временно пребывающих в стране по делам бизнеса: их сделки руководятся всеми требованиями о честности и запрещениями кражи. Термин “пришелец”, как он используется в Исх. 22:21, может относиться к иностранцу, проживающем в стране, или к другу израильтянину, который находится на территории другого колена, как беерофяне в Гиффаиме (II Цар. 4:3). “Классификация была по родам и обществам, а не прежде всего религиозной.”^[135] Например, она подходила бы для француза в Калифорнии, или для южанина или негра в Калифорнии. Закон повторяется в Исх. 23:9, с некоторым изменением: “Пришельца не обижай: вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами в земле Египетской.” Израилю напоминалось о дискриминации и преследовании, которые он испытывал в Египте, и поэтому требовалось остерегаться подвергать другие люди подобным страданиям.

В Лев. 19:33,34 рамка немножко более ограниченная, тем что это очевидно относится к иностранцу, который стал верующим. Согласно Гинсбургу, этот “пришелец” такой, который стал обрезанным, постил в День искупления (Лев. 16:29), повиновался законам о жертвоприношениях (Лев. 17:8,9; 22:18; 22:10,15), и практиковал законы о целомудрии (Лев. 18:26), как и повиновался другим моральным законам (24:16-22). “Раз его приняли в общность, израильтянам запрещалось укорять его за его национальность, или дразнить его фактом, что когда-то он был язычником.”^[136] Во время Соломона в Израиле находились 153,000 “пришельцов.”^[137] Сама близость, в которой жизнь ставила иностранца в отношении с израильтянином как с единоверцем, делала возможным возникновение более сильного напряжения, чем с неверующим иностранцем. Чем ближе взаимоотношение, тем более вероятные напряжения и проблемы. Легче возникают проблемы с мужем или с женой, чем с кем-нибудь на мило в сторону. В результате закон говорит более внимательно и точно, когда взаимоотношения самые близкие.

Второе, таких людей нельзя *обижать*, притеснять, или причинять им зло. Слово относится к особо агрессивным и дискриминационным действиям. Дискриминация – не позволенное Божьим словом деяние; например евнухи не могут стать членами собрания, но они могут быть верующими; внебрачные дети и некоторые хананеи исключались на несколько поколений от членства (но не от веры) по причине их природы или их низкого морального основания (Втор. 23:1-6). Дискриминационное запрещение одно из наших собственных творений.

Израилю припоминался его собственный опыт в Египте. Зло в этом переживании была не их сегрегация в Гесеме: это было благоволение и преимущество. Зло было в угнетении и порабощении, в юридической дискриминации против них.

Именно потому что это закон, он ограничен в охвате. Он требует справедливости для “пришельца.” Жизнь в эти дни была семейной или родовой жизнью. Союзы или взаимоотношения устанавливались через кровные связи и через брак. Гостеприимство охотно распространялось, до замечательной степени, в отношении к проходящим иностранцам, но нормально приятельские связи были в ограниченном круге, руководимом верой и семьей. Призывать к модному, гуманистскому обществу с открытыми отношениями с всеми людьми, показалось бы израильтянам как высшая степень тирании. Этот закон не требовал никакой такой реорганизации частной жизни человека: он просто требовал справедливости в обращении всеми людьми.

Закрытый внутренний круг библейской жизни сделал возможным открытый внешний круг. Авраам был готов, по библейской манере, приветствовать и принять подходящих иностранцев со своей возможной любезностью (Быт. 18:1-8). А также он был готов пойти спасать царей хананеев, как он спасал своего племянника Лота (Быт. 14); если Авраам заботился только о Лоте, он мог выкупить его легко и без никакого риска для себя. Дом человека был открытым в его гостеприимстве для проходивших иностранцев в нужде, и его ответственность к своему ближнего в общей обороне была великой. С другой стороны внутренний круг дома был строго ограниченным. Авраам не стал близким другом хананеям и послал в Месопотамию искать невесту для Исаака, с целью обеспечить набожный брак (Быт. 24). Надо отметить, следовательно, что личное приятельство и контакты были очень строго ограниченными в библейской жизни и законе, до степени, которая рассматривалась бы как незаконная гуманистами, пока гостеприимство, помощь ближнему, и общая законная оборона требовались до степени, которая редко призналась бы сегодня.

Третье, надо отметить, что нарушения этого закона серьезные в глазах Бога. Этот закон против притеснения поставлен в Исходе непосредственно после законов против соблазна, идолопоклонства и ворожейства (Исх. 22:16-20). Как отметил Роулинсон:

Сопоставление законов против притеснения, с тремя преступлениями с самой темной краской, кажется преднамеренным, чтобы показать, что притеснение стоит среди грехов, которые самые ненавистные в глазах Бога. Законодатель, однако, не говорит, что его наказывать смертью, ни даже не связывает его с определенным правовым наказанием. Вместо этого он объявляет, что Бог Сам будет наказывать его “мечем” (ст. 24). Три класса людей, которых особо угрожает притеснение, выбираются для упоминания – (1) пришельцы, т.е. иностранцы; (2) вдовы; и (3) сироты.^[138]

Такое притеснение серьезное, потому что оно показывает, что на самом деле *никакой закон не существует*. Настоящий закон дает обычайную защиту всем тем, которые подчиняются закону; когда слабые не могут получить такую защиту никакой закон не существует. Если закон дискриминирует слабых, потому что они слабые, и сильных, потому что они сильные, тогда он перестает быть законом, и становится инструментом угнетения. Настоящий закон дискриминирует тех, которые совершают зло, стремясь наложить возмещение и/или смерть против них, и благоприятствует уважающим закона, тем что он защищает их жизнь и собственность, и вынуждает возмещение за преступления против них. Если жизнь и собственность пришельцов, вдов и сирот не защищается гражданским порядком, тогда порядок становится незаконным.

Никакие наказания не связываются с этими законами, противопоставимся Роулинсону, не потому что нет таких, а потому что закон уже указал их: возмещение за кражу, смерть за изнасилование, и т.д. Отдельная форма угнетения вызывает свое отдельное наказание.

Четвертое, вдовы и сироты включаются в этом законе вместе с пришельцами как беспомощные классы людей. В самом настоящем смысле никто из них, ни никто другой в обществе, не имеет никаких прав как особые: то что у них есть, это обычайное право, которое защищает всех людей, подчиняющихся закону, и взыскивает наказания за всех, которые преступники. [139] Итак, мы используем заглавие “Права пришельцев, вдов и сирот” с целью показать факт, что единственное настоящее право каждого человека есть закон Божий. Задача конкретного законодательства есть заявить, что включает этот закон: он убежище для иностранцев и для беспомощных людей. Там, где нет никакого права, нет никаких прав; без Божьего закона не существует никакие права. Многоотомное законодательство не может обеспечить никакой справедливости, когда не существует чувство о правде.

Пятое, порядок без справедливости подлежит осуждению Богом. Рилаарсдам отмечает, сравнивая этот закон с кодексом Хамурапи: “То, что неодинаково подчеркивается здесь, это непосредственная и динамичная роль, которую играет Бог Израиля в этой заботе о правосудии и в осуществлении правосудия. Он прямо связывается с историческим процессом, и не доверяет как отсутствующий свою работу агенту, такому как Хамурапи, который может играть независимую роль.” [140] Этот пункт настойчиво указывается в библейском праве, и в многих случаях. Так, согласно Втор. 10:17-19:

Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, который не смотрит на лица и не берет даров. Который дает суд сироте и вдове, и любит пришельца, и дает ему хлеб и одежду. Любите и вы пришельца; ибо сами были пришельцами в земле Египетской.

Комментарий Раши о последнем предложении был совсем к месту: “Не приписывай свой недостаток своему ближнему.” [141]

Там где суды незаконные, надо обращаться к Верховному суду Бога: “Я услышу вопль их” (Исх. 22:23). Мы не должны путать страдания потерпевших с их отношением к правосудию; потерпевшие могли бы настолько не интересоваться правосудием, как и их угнетатели, и могли бы охотно преследовать и угнетать, если дать им такую возможность. Поэтому должно существовать влечение не только к освобождению, но и к справедливости. Там где нет влечения к справедливости, не может быть интереса к правосудию.

19. Несправедливость как ограбление

Несправедливость судов и судьей есть главная форма ограбления в большей части истории. Веры, с которыми людям приходится иметь дело, слишком часто сидят по обоим сторонам скамье. Закон заявляет:

Даров не принимай; ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых (Исх. 23:8).

Не делай неправды на суде; не будь лицеприятным к нищему, и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего (Лев. 19:15).

Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров; ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых. Правды, правды ищи, дабы ты был жив и овладел землею, которую Господь, Бог твой, дает тебе (Втор. 16:19,20).

Комментарий Калвина об этих законах очень точный:

Этот вид кражи самый худший из всех, когда судьи коррумпированные или подкупом, или воздействием, и таким образом разрушают судьбы, которых они должны бы защищать: потому что, поскольку их трибунал должен быть святым убежищем, в котором те, которые несправедливо угнетенные, могли бы найти спасение, ничего не может быть более непристойным, чем то, что они попадут среди грабителей. Судьи назначенные, чтобы подавлять всех злых и преступников; если следовательно они будут благосклонными к злым, значит что они укрыватели воров; нет более смертельное бедствие, чем это. И кроме того, поскольку их власть исключает любое другое средство, они сами подобные грабителям с оружием в руках. Поэтому, чем больше их власть может нанести вред, и чем больше ущерб, который может причинить их несправедливое решение, тем более старательно они должны остерегаться несправедливости; и поэтому было необходимо держать их на дороге долга специальными инструкциями, иначе они укрывали бы и поощряли бы воровство своим покровительством. Теперь, поскольку алчность есть корень всего зла, когда она оказывает влияние на сознание судьей, никакая честность не может продолжать существовать. [142]

Судья не должен благоприятствовать ни богатому, ни бедному. В Исх. 23:3,6 судье запрещается: “и бедному не потворствуй в тяжбе его,” или “не суди превратно тяжбы бедного твоего.” Лютер, в своем комментарии о Втор. 16:18-20, отмечал:

Кроме того, Он предписывает это правило судьям и служащим: они должны судить справедливо, т.е. согласно Божьему закону, а не согласно их собственному пониманию. Потом Он запрещает коррумпированные страсти; они не должны оставлять Закон в сторону, а руководиться и мотивировать себя соображениями о личностях и о взятках. Эти две вещи стремятся исказить и сбить с пути всего правосудия, и поэтому Он здесь добавляет такой афоризм: “дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело праведных” (ст. 19). Особое отношение к личностям включает такие вещи, как эти: страх от великих, могущественных или богатых; любовь к родственникам; внимание к друзьям; презрение к низкому положению; симпатия к пострадавшим от бедствия; и страх от потери собственной жизни, репутации и имущества. “Дары” однако включают прибыль, преимущество, амбицию, и ненасытную и безграничную бездну алчности. Поэтому в Исх. 18:21 Иофор советует Моисею выбрать людей, ненавидящих корысть, т.е. птицы, которые так редкие, как черный лебедь. [143]

В этих законах есть пункт со специальным значением; когда вмешивается взяточничество, это преступление судьи, а не дающего подкуп. Слово взятка или взяточничество в древнееврейском языке есть *kopher*, освобождение. Таким образом подразумевается, что это оплата за освобождение. Судья, который принимает взятку дает ложное или неза заслуженное освобождение или спасение человеку, которого должен был осудить.

Как мы видели, доклад от 1969 года показал, что в Соединенных штатах Коза Ностра тратила на подкуп служащих 2 миллиарда долларов в год. Преступления этого преступного синдиката действительные и многочисленные, и требуют осуждения, но что касается взяточничества, это преступление, в смысле библейского права, не ихнее, а судей. В каждом социальном порядке будут некоторые правонарушители; никакое совершенное общество невозможное по этой стороне небес. Ни в каком социальном порядке, следовательно, судьи

не будут свободными от искушений, если не к взяточничеству, то хотя бы к покровительству. Поэтому в Святом писании грех взяточничества цитируется как преступление не дающего, а получающего.

Принимая взятку, общественный служащий или судья превращает себя в вора, а свою службу в область воровства. Самые смертельные и опасные воры те, которые действуют в законе и особенно как служители закона. Как правильно сказал Калвин, “Этот вид кражи самый худший из всех.” Весь социальный порядок тогда превращается в инструмент зла.

Согласно Исх. 23:8 взятка ослепляет мудрого судью, но это односторонняя слепота, т.е. она ослепляет их для справедливости. Требование во Втор. 16:19, “не смотри на лица,” в древнееврейском тексте буквально гласит “не признавай лица.” Следовательно судья должен быть слепым для *личностей* в деле, а должен видеть существующие *проблемы*. Взятка обращает это как раз наоборот: судья *слеп* для *проблем*, а *видит* только *личности*.

Поскольку судья или гражданский служащий должен постоянно иметь дело со злом, и регулярно сталкивается с некоторым важным правонарушителем, которого переводят перед ним, действительность с попытками ослепить правосудие всегда перед ним: такое существующее положение в его службе. Взятничество следовательно есть его преступление; оно показывает факт, что он находится на неправильной стороне скамьи, сидя как судья, а не привлекается отвечать как правонарушитель.

Золотое правило цитируется часто, и так надо, как обобщение закона: “Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки” (Мат. 7:12). Соблюдать закон в отношении к нашему ближнему, признавать его право на жизнь, дом, собственность и репутацию, значит любить его, и поступать с ним так, как мы хотели бы, чтобы другие поступали с нами. Не только это фундаментальный принцип Святого писания, но и обратное одинаково фундаментальное. Как высказал его Авдий: “как ты поступал, так поступлено будет и с тобою: воздаяние твое обратится на голову твою” (Авд. 1:15; ср. Суд. 1:17; Пс. 136:8; Иез. 35:15; Иоил. 3:7,8).

Что сделали коррумпированные судьи, и какое их наказание? Джозефус сообщил о наказании: “Если судья берет взятки, его наказание смерть: тот, кто пренебрегает того, который принес ему свою жалобу, и это когда он мог помочь ему, он виновный человек.”^[144] Почему такое наказание? Если судья получит взятку в 50 долларов, почему должен он умереть за это, а дающий подкуп не понесет никакого наказания? Сущность проблемы больше чем 50 долларов: это жизнь общества. Посвящается ли общество поддержанию правосудия в смысле Божьего правового порядка, или это воровский порядок и суд? Каждый коррумпированный служащий государства, и особенно судья, виновный в использовании своей службы, чтобы разрушить основания социального порядка, чтобы убить набожное общество и заменить его обществом вежливых и законных воров и убийц. Следовательно принцип, присущий золотому правилу, “как ты поступал, так поступлено будет и с тобою,” требует его смерть.

Первое и последнее, главная форма измены какому-нибудь гражданскому порядку – это разрушить его как представителя правосудия. Несправедливость следовательно не только ограбление, но и убийство. Она грабит индивида и убивает социальный порядок.

В разных версиях Библии и в Торах есть несущественные различия в тексте, но смысл одинаков. Взятка ослепляет глаза судьи для проблемах справедливости и закрывает его уши для ее заявления. Сущность праведного порядка на суде в том, что зов о справедливости должен быть услышан. Вся процедурная забота суда имеет как свою функцию отсеять правду от ошибки и лжесвидетельства и слушать правду с ответственностью и с вниманием. Вот почему взятка расстраивает основную коммуникацию, необходимую чтобы поддерживать правовой порядок. Поэтому принимать взятку есть настолько серьезное, как лишить человека воздуха. Точно как человек задохнется без воздуха, так и социальный порядок умирает без правосудия. Калвин прав: “Этот вид кражи самый худший из всех.” Он может быть тоже самый преобладающий.

Важный пункт в связи с этим законом это что он *гражданский* закон. Безличность, требуемая от гражданских судов существенно отличается от персональности решений в других областях. В семье осуждения могут быть более снисходительными и более суровыми, в зависимости от ситуации. Семья должна жить с провинившимся членом; она может быть более суровой, если считает, что он безнадежный, или более мягкой, если она чувствует, что виновный усвоил свой урок. В церкви, поскольку верующие члены один другого, верно то же самое. Они не должны прибегать к безличности гражданских судов, если только член не отказывается принимать церковную дисциплину. В таком случае он язычник и митарь, и с ним надо обращаться безлично (Мат. 18:7). Правосудие семьи и церкви персональное, и в известном смысле пристрастное, уважающее личностей, хотя и все-таки справедливое. В государстве, где личности из различных прослойках противопоставляются один другому, безличность и беспристрастность должны быть правилом правосудия. Семейное и церковное правосудие, будучи личное, может заботиться о реабилитации; гражданское правосудие должно быть обвязано только с возмещением, с принципом справедливости. Там где государство принимает родительскую роль, или пасторскую роль, оно не только узурпирует юрисдикцию семьи и церкви, но также и отказывается от безличного правосудия, которое оно должно упражнять. Тогда государство превращается в агентство определенного класса, или в инструмент данной расы или некоторой доминирующей группы. Если оно заменит возмещение реабилитацией или наказанием, оно наказывает пострадавшую страну в пользу преступника.

В семье безличное правосудие фатальное. Для мужа и жены обращаться друг с другом безлично значит разрушить их связь, которая должна основываться на справедливости, конечно, но также и на взаимной терпимости. Каждая область личных взаимоотношений подобная. Но законы уличного движения не могут быть личными, и брачные законы не могут быть безличными. Когда церковная дисциплина становится безличной, это

практически означает отлучение от церкви. Совет христианам избежать судиться друг с другом (I Кор. 6:1-10) частично предполагает это требование правосудия, смягченное терпимостью личных отношений.

20. Кража и закон

Восьмая заповедь гласит очень просто, “Не кради” (Исх. 20:15); это бесспорно: кража запрещается, и ясно, что это так. Надо спросить однако, к кому применяется этот закон? Обычный ответ священников это, “Почему, ко всем людям, конечно,” и этот ответ неправильный. Заповедь применяется ко всем людям, *и еще* к их институциям, корпорациям, и формам управления. Неудача распространить закон в его полную юрисдикцию произведет больше чем незначительное зло.

В корне этой ошибки стоит несчастный факт, что большинство священников принимают заповеди просто как вопрос моральности, а не закона. Мойсеевский закон действительно есть моральный кодекс, но он неизбежно и закон тоже. Отрицать Мойсеевскому законодательству его силу закона значит передать мир дьяволу.

В одном из самых пронизательных исследований закона, Фредерик Нимайер, который поставил своему труду заглавие “Трактаты против организованного ханженства и узаконенного насилия,” написал критику идеям доктора Брюинса Слота, гласящая:

Все держится или пропадает на этом вопросе: имеет ли государство большую власть, чем его граждане? Если так, оно должно бы получить эту власть от какого-нибудь более великого источника, чем граждане. Единственные самые великие источники – Бог или Сатана. Сатана никогда не считался калвинистами источником управлений; (формы управления – манифестации “обычайной милости” Бога!). Следовательно Гитлер имел “специальную присущую власть” прямо *от Бога!* Теперь мы можем понять как *De Standaard*, решил следовать этот курс, который он следовал в течении Второй мировой войны.

Согласитесь с вышеупомянутыми Абрахамом Кюйпером, *De Standaard*, Антиреволюционной партией и Брюинсом Слотом, и где вы окажетесь в конце? Вот четыре предположения, которые следуют естественно от главной идеи Брюинса Слота:

1. Бог ограничил индивидуальных людей Десятью заповедями, и только до них.
2. Но Бог дал правительству большую власть или права, чем имеют индивидуальные люди.
3. Следовательно, правительства имеют прямую власть выходить вне Десяти заповедей, т.е. они могут нарушать эти Десять заповедей.
4. Это точно то право нарушать Десять заповедей, которое составляет цель прокламирования “специальной присущей власти” правительства.

Гитлер, как видите, действовал совсем в своих “правах”, проистекающие прямо от Бога. Концентрационные лагеря, зондеркоманды, ложь, насилие, войны, угнетение – все они продукты “специальной присущей власти” правительства. Люди обвязанные Декалогом; правительства нет![\[145\]](#)

Нимайер, который вместе с Инграмом остается почти одиноким, отдавая должное библейскому праву, выложил случай ясно. Любая власть или от Бога, или от Сатаны. Если власть от Бога, тогда она или под Божьим законом, или она агентство Божьего закона, или иначе она имеет некоторую специальную связь с Богом, которая дает ей возможность обходить Божий закон, а для этого Святое писание не дает никакие свидетельства.

В восхитительной заметке Нимайер добавляет:

Один человек, читавший этот рукопись с некоторым забавлением, сотворил очевидные силлогизмы:

1. Существующие власти распорядены Богом.
2. Сатана – одна из существующих властей.
3. Следовательно, Сатана распоряденный Богом.

Потом он набросал следующий силлогизм:

1. Всем властям, распоряденным Богом, надо повиноваться.
2. Сатана – власть распоряденная Богом.
3. Следовательно, надо повиноваться Сатане![\[146\]](#)

Такое абсурдное мышление далеко не отсутствует в евангелистских кругах. В июле 1967 года автор стал мишенью требования о расследовании, как такой, который учит ложным доктринам, из-за текста к диафильму под заглавием *Моральные основания денег*. В этом тексте необратимые бумажные деньги назывались формой подделки, а инфляция формой воровства. Одно из обвинений, отправленное преподобным Альбертом Дж. Эдвардсом из Ортодоксальной пресвитерианской церкви, было как следует:

Это значит обвинят государство в ограблении, которое кажется совсем обратно тому, что сказал Павел в Рим. 13, где нам говорят давать то, что требуется от нас в виде налогов, и признавать право государства на это. (Эдвардс говорил об инфляции бумажных денег как о “скрытом налоге,” а не о воровстве). Называть налоги воровством кажется актом открытого бунта против государства, и обратным Святому писанию, которое увещевает нас подчиняться распоряжениям людей ради Бога.[\[147\]](#)

Автор ответил 7 августа, 1967 года, частично как следует:

Вы говорите о бумажных деньгах как о форме скрытого налога, которое верное. Но Вашу точку зрения о Рим. 13 я не считаю правильной. Я слышал, что Вы сами критиковали некоторые действия гражданского правительства как морально плохие, или в различных способах плохие. Этим оспариваете ли Вы Святое писание? Илия назвал захват виноградника Навуфе кражей и убийством; оспаривал ли он закон Божий? У государства законная власть, но из этого не следует, что все, которое оно делает, законное. Как Ходж, в другом контексте, чем Рим. 13, говорит о любой власти, “Она распространяется над всеми департаментами (в своей области), но она ограниченная во всем; первое, через природу отношений; и второе, через высшую власть Бога.” Работа служащего должна быть пророческой, т.е. он должен говорить вместо Бога, и поэтому он должен отказывать государству то, что принадлежит Богу. Следовательно у государства нет права, например, узурпировать образование детей. Это ответственность завета, родителей, а не государства. У государства нет права нарушать Божьего закона “Не кради,” а бумажные денги – кража, и то что Вы называете “скрытым налогом,” на самом деле скрытая кража. Я не могу поддерживать иммунитет государства против морального осуждения.

У многих священников мы находим освобождение государства от закона, и от осуждения по условиям закона. Корни этой позиции уходят назад к языческому обожевлению государства. Практически, когда люди освобождают государство от Божьего закона, они превращают его в инструмент Сатаны.

Закон есть закон для всех. Если гражданин не имеет морального права воровать, тоже и государство не имеет такого права. Если гражданину нельзя экспроприировать собственность своего ближнего, государству тоже

нельзя. “Не кради” относится к корпорациям, правительствам, и людям, одинаково. Она запрещает социализм, коммунизм, инфляцию, подделанные чеки, и любую другую форму кражи. Она запрещает ложную рекламу, и нечестные судебные процессы, и фальсификацию пищевых продуктов. Она запрещает неосновательные требования профсоюзов, но запрещает и обманывание рабочих. Все люди, их институции, корпорации, и формы управления, стоят одинаково под Божьим законом. Сведение Десяти заповедей только к статусу морального кодекса есть уничтожение закона.

Если любая власть не под Богом, тогда вместо мира мы имеем мультимир; вместо одного Создателя и Законодателя, мы имеем много богов, действующих как создатели и законодатели в своих областях. Если каждая власть происходит от Бога, тогда каждая власть есть полностью под Божьим законом-словом и всецело подчиняется ему. “Не кради” не может поэтому ограничиваться до индивидуального человека, а должна применяться к каждой области жизни.

Концепция о мультимире стала выдающейся в 20-ом веке, а вместе с ней и последствия политеизма. Дохристианское язычество, будучи эволюционное, было тоже политеистское: мир имел многочисленные начала и отсюда имел множество богов.

В двадцатом веке ученые начали говорить о едином мире временами как о *множестве миров*, давая простор разнообразным идеям и верам. Преподавание колдовства, астрологии и связанных с ними концепций в некоторых школах, соответствует этой концепции о многообразии мира. Высшие школы в больших городах ввели йога и хиромантию. Если мир множественный, тогда все позволенное, исключая суверенного Бога и универсальный правовой порядок. Отсюда наш политеистичный мир проявляет терпимость к почти каждому виду верования, исключая ортодоксального христианства. Универсальный правовой порядок и суверенный Бог исключают возможность о политеистичном мультимире. Однако, поскольку суверенный и триединый Бог из Святого писания управляет, нет никакого мультимира, а есть только единый мир и единый правовой порядок.

Закон “Не кради” применяется не только к государству, но тоже и к церкви. Когда церковь неверно учит целому совету Бога, Его полному закону-слову, тогда она явно виновная в краже. Она ограбляет у народа и у социального порядка их жизненный нерв; когда она ограничивает закон, на котором основывается любая власть, это подрывает самую власть.

Как отметил Нимайер, “То, что золото для денег, то же закон Божий для свободы.”^[148] Без Божьего закона люди, союзы, корпорации, и государства, чувствуются свободными быть законом в себе, играть роль богов. Неудача учить Божьему закону означает устилать дорогу для тирании.

Джеймс Медисон сказал о Божьем законе:

Мы поставили все будущее американской цивилизации не на власть правительства, далеко от этого. Мы поставили будущее всех наших политических институций на способность у человечества к самоуправлению; на способность каждого из нас управлять собой, контролировать собой, поддерживать себя, согласно Десяти заповедям Бога.

IX ДЕВЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

1. Испытание Бога

Девятая заповедь “Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего” (Исх. 20:16), широко принимается неправильно в смысле “Все время и при всяких обстоятельствах говори правду всем людям, которые спрашивают тебя о чем-нибудь.”

Автору пришлось 15 и 16 октября 1959 года читать лекции на конференции преподавателей христианских школ, проводившейся в Линдене, штат Вашингтон. Суть лекций, вместе с дополнительным материалом, позднее опубликовались в виде книги *Интеллектуальная шизофрения*. Как во время лекций, так и после публикации книги, различные “реформированные” богословы остро атаковали автора за его замечания касательно Раав и ее ложь о израильских соглядатаях, которых она скрыла и спасла им жизнь. Было показано, что:

Раав должна была выбирать: 1) она могла бы сказать правду и предать соглядатаев, двух набожных человек, на смерть. 2) она могла бы соврать и спасти их жизни. Вот этот вид ситуации моралисты ненавидят и отказываются принять. Обе линии поведения включают некоторое зло, однако моралисты стремятся отрезать это. Вопрос в том, какое из двух зол меньше? Наши возможности выбора редко бывают черными или белыми; нам редко попадается люкс абсолютного выбора. Но у нас действительно есть постоянная возможность выбрать решение, исходя из абсолютной веры, сколько ни серой ни была непосредственная ситуация. У Раав была такая вера. Соврала ли она или нет, было относительно менее важное в сравнении с жизнями двух набожных человек. Она соврала и спасла их жизни. За это Иаков указал ее вместе с Авраамом, как пример живой веры, веры, которая не только убеждение, но и вопрос жизни и действия (Иак. 2:25). Также и Евр. 11:31 указывает этот акт как пример настоящей веры. Попытка извлечь что-нибудь заслуживающее похвалу из ее поступка, одновременно осуждая ее за ложь, будет бесполезным увертыванием и насилием над единством жизни. Ясное, что Раав соврала, но ее ложь была моральный выбор против отправления двух набожных человека на смерть и за это она стала одной из предков Иисуса Христа (Мат. 1:5). Для моралиста важно оставаться верным своим принципам, и альтернатива Раав его не устраивает, потому что она делает какой-нибудь вид греха неизбежным во всех случаях. Для набожного человека, который стоит не на своей собственной праведности, а на праведности Христа, сущность вопроса не в его собственной чистоте, а в том чтобы исполнилась воля Божия. А в этой ситуации Бог естественно желал бы, чтобы жизни соглядатаев спаслись а не чтобы индивид мог бы твердо сказать, “Я никогда не говорю ложь.”

Однако, говорит нам моралист, если Раав сказала бы правду, Бог был бы обязан уважить ее честность и спасти ее и соглядатаев, а Раав была обязана сказать правду не смотря на последствия. Здесь можно увидеть несколько заблуждений, характерные для морализма:

1. Моральный выбор, утверждает он, предлагает простой, незапутанный, рациональный выход.
2. Он всегда выбор между абсолютной правдой и ложью.
3. Центральным выход всегда есть сохранение моральной чистоты индивида, а не какой-нибудь

трансцендентный фактор.

4. Поэтическая справедливость всегда в действие; добродетель всегда спасается и вознаграждается, а правда всегда триумфирует.

Но это не библейское христианство, а деизм 18-ого века, сильно смешанный с *Королевой сказочного мира* Спенсэра! Павел мог сказать “Также и Дух подкрепляет (нас) в немощах наших” (Рим. 8:26), отзываясь Псаломщику, “Но за тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание” (Пс. 43:23). То, что Святое писание утверждает окончательный триумф *набожного* (как различное от *морального*), бесспорное, но оно не утверждает концепцию поэтической справедливости. Мы не можем позволить приписывать Святому Писанию такую радикальную фальшификацию веры.

Доктрина о поэтической справедливости требует на самом деле написать заново Святое писание, историю и литературу.^[1]

Эти критики настаивали, что Бог благословит и избавит человека, который всегда говорит правду. Надо добавить, что эти сторонники правдоговорения во всех случаях – отъявленные лжецы. Они считают, что имеют право отрицать все высказывание, которое они сделали, если не воспроизводятся их точные слова до последнего слога. Такое фарисейское рассуждение, характерное для их мышления.

Но в самом деле требует ли Бог, чтобы мы во всех случаях говорили правду? Это очень спорное предположение. Заповедь совсем ясная: мы не должны произносить ложное свидетельство против нашего ближнего, но это не означает что наш ближний, или наш враг, имеет право узнавать от нас только правду, в каждом нашем слове по вопросам, не касающихся его, или по вопросам частного естества для нас. Никакой враг или преступник не имеет права узнать от нас то, что он мог бы использовать, чтобы причинить нам зло. Святое писание не осуждает Авраама и Исаака за ложь с целью избежать убийство и изнасилование (Быт. 12:11-13; 20:2; 26:6,7); наоборот, оба богато благословляются Богом, а люди, поставившие их в таком несчастном положении обвиняются или осуждаются (Быт. 12:15-20; 20:3-18; 26:10-16). Подобные примеры изобилуют в Святом писании. Никто, который ищет причинить нам зло, нарушить закон в связи с нами или с другими, не имеет право знать правду.

Более того, если сказать правду злым людям, и тем способствовать им быстро завершить свое зло дело, такой поступок можно с духовным основанием назвать злом. Асаф заявляет: “Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодееми общаешься” (Пс. 49:18). Увидеть вора и сохранить молчание значит стать страной кражи. Увидеть людей, планирующих кражу или убийство, и потом отвечать правдиво относительно чем-нибудь о мужчине, женщине или имуществе, которые они намеряются убить, изнасилить или украсть, значит принять участие в их нарушении. Такое правдоговорение есть участие в преступлении. В смысле этого Раав, если сказала бы правду, была бы пособником смерти двух мужчин.

Факт, что девятая заповедь не взыскивает и не приказывает выдачу интимных тайн, давно признавался и вошел в правовую систему. Пятая поправка американской конституции от 1787 года заявляет, что никто “не может быть заставлен, ни в каком уголовном деле, быть свидетелем против себя.” Человек может признаться, может решить дать показания в свою пользу, в котором случае ему нельзя лжесвидетельствовать, но и нельзя заставить его быть свидетелем против себя. Если он свидетельствует в свою пользу, ему нельзя задавать вопросы, не связанные с вопросным делом. По этой причине христианин должен противопоставляться использованию детектора лжи ни с коим человеком, добровольно или иначе, потому что тогда возможно принудить субъекта свидетельствовать по внешним для дела вопросам, и тем самым будет нарушена его интимность.

Вернемся к вопросу надо ли всегда говорить правду; христианин находится под обязанностью пред Богом говорить правду во всех случаях, когда налицо нормальное общение. Говорить правду означает не выложение нашей интимности, а произносить истинное свидетельство в отношении нашего ближнего. Это не применяется к военным действиям. Шпионировать законное, как и обманные тактики в военных операциях. Защита от воров требует укрытие и стены.

Верить, что мы можем говорить правду в ситуации, подобной той, в какой находилась Раав, и что Бог чудом спасет нас и людей, чья жизнь поставлена на карту, это есть не только глупая, но и демоническая теология. Твердить, что Бог должен спасти нас в таких обстоятельствах, значит быть виновными в сатанинском искушении, испытывая Бога. Вторая попытка сатаны искушить Иисуса Христа, последнего или второго Адама, была чтобы Христос бросился от крыши Храма и призвать Бога спасти Его. Иисус сказал сатане, “написано также, ‘не искушай Бога, Господа твоего’” (Мат. 4:7). Иисус Христос выясняет, что никто не может ставить Бога на испытание, или предъявлять требования к Нему. Никто не может выложить двух человек на смерть под претекстом, что его долг есть говорить правду независимо от обстоятельств, надеясь что Бог спасет людей, которых он сам отказывает спасти. Это сатана твердит, что человек должен испытывать Бога: “подлинно ли сказал Бог?” (Быт. 3:1).

В связи с этим заслуживает внимание позиция, которую занимает Джон Мурей, выдающийся теолог. Отвечая на вопрос, “Что такое правда?” Мурей заявляет:

Ответ нашего Господа Фоме, “Я есмь путь и истина и жизнь” (Иоан. 14:6), указывает направление, в котором мы должны найти ответ. Мы должны держать в уме, что “истина” в употреблении Иоанна не столько верное в контрасте с ложным, или действительное в контрасте с воображаемым. Это абсолютное в контрасте с относительным, верховное в контрасте с производным, вечное в контрасте с временным, постоянное в контрасте с променливым, общее в контрасте с частным, реальное в контрасте с призрачным.^[2]

Иисус, заявляя что Он есть истина, “объявляет незыблемый факт, что он принадлежит верховному, вечному, абсолютному, непроезжаемому, общему.”^[3] Истина относится к “святости существования Бога как живой и истинный Бог. Он Бог истины и вся истина извлекает свою святость от Него.”^[4] Мурей признает действительность утаивания правды:

Совсем верно, что Святое писание оправдывает утаивание правды от тех, у которых нет никаких требований к ней. Мы непосредственно признаем справедливость этого. Как невыносимой была бы жизнь, если мы были бы обязаны открывать всю правду. А утаивание часто бывает обязанность, которую требует сама правда. “Кто ходит переносчиком, тот открывает тайну; но верный человек таит дело” (Прит. 11:13). Правда тоже, что люди часто лишаются своим правом знать правду, и мы не обязаны сообщать ее им.^[5]

Однако, занимаясь со случаем Раав и с другими подобными в Святом писании, Мурей увертывается:

Нельзя оставить неотмеченным, что Новозаветное писание, которое хвалит Раав за ее веру и дела, имеет ввиду только факт, что она принимает соглядатаев и провожает их другим путем. Нельзя оспаривать ни правильность этих действий, ни скрывание соглядатаев от пратеников Иерихонского царя. Но одобрение действий нелогичное, или в смысле аналогии, имеющейся в Святом писании, влечет с собой одобрение специфичной неправды, сказанной царю Иерихона. Это странная теология, которая будет настаивать, что одобрение ее веры и дел, принимая соглядатаев и помогая им сбежать, должно охватывать одобрение *всех* действий, связанных с ее похвальным поведением.^[6]

Противопоставляясь Мурей, мы должны настаивать, что это очень странная теология, которая допустит, что Бог одобряет веру и поступок Раав, но что ложь, на которой лежит все спасение, есть что-нибудь плохое. О позиции Мурей нет доказательств в Святом писании: она включает неправильное выделение слова, попытку отделить поступка от самого себя, и отрицание, что похвала Божия об этом поступке, была действительно похвалой.

Та же самая фарисейская бессмыслица предается в отношении повивальных бабок, которые спасли жизни израильтянским ребенкам, которых надо было убить при рождении. Согласно Мурей:

Очевидно уклончивый ответ повивальных бабок в Египте понравился как похвальный за неправду при данных обстоятельствах. “Повивальные бабки сказали фараону: Еврейские женщины не так, как Египетские; они здоровы, ибо прежде нежели придет к ним повивальная бабка, они уже рожают. За сие Бог делал добро повивальным бабкам” (Исх. 1:19,20). Может показаться, что сопоставление здесь содержит одобрение ответа фараону. . .

Допустим однако, что повивальные бабки действительно сказали неправду и что их ответ был действительно ложным. Все-таки нет гарантии, чтобы заключить, что одобряется неправда, и еще меньше, что неправда имеется ввиду, когда мы читаем “За сие Бог делал добро повивальным бабкам” (Исх. 1:20). Повивальные бабки боялись Бога, неповинуясь царю, и потому что они боялись Бога, Господь благословил их (ср. стихи 17,21). Никак не странно, что их страх от Бога должен сосуществовать с моральной слабостью. Просто в этом случае нельзя извлечь больше похвалы за неправду из этого примера, чем в случаях Иакова и Раав.^[7]

Это удивительная логика. Мурей называет ответ повивальных бабок “уклончивым” и “неправдой”; пусть мы назовем его более честно ложью. Даже если так, то как должны мы назвать отделение лжи повивальных бабок, которая спасла жизни осужденных на смерть ребенков, от Божьего благословения над ними, отделение, которое делает Мурей? Это ясно представленное как причина и следствие. Повивальные бабки соврали, *потому что* они боялись Бога больше, чем фараона. Их страх от Бога выразился именно во лжи, и вероятно в рисковании их собственных жизней, чтобы спасти жизни Божьих заветных детей. Их ложь не была, противно Мурей, “моральной слабостью,” а моральной смелостью, точно какой была и ложь Раав. Моральная слабость в случае всецело проявляется Муреем и его учениками. Фараон был в войне с Богом и с Израилем; Израиль был поработан, его народ оскорбленный, а его новорожденные дети осужденные на смерть. Это была именно война; даже больше, это было узаконенное убийство оптом. Повивальные бабки ввали фараону, чтобы спасти жизни грудным ребенкам. Это была ясная ложь; она была ясно оправданная. И она была ясно благословенная Богом.

Здесь есть давняя традиция преследовать комаров и глотать верблюдов. Святой Августин предавался странному рассуждению, чтобы принять заявление Святого писания относительно повивальных бабок, утверждая, “Потому что, если человек, который привык говорить ложь ради вреда, начал говорить ложь ради доброго дела, такой человек сделал большой прогрес.”^[8] Другими словами, повивальные бабки были скверными лгунями, а теперь они пошли на поправление: они соврали за доброе дело! Для Августина, “эти свидетельства Святого писания не имеют никакого другого смысла, чем тот, что мы никогда вообще не должны говорить ложь.”^[9] Если мы всегда говорим правду, твердит Августин, извращая текст, Бог всегда найдет путь к спасению (I Кор. 10:13).^[10]

Повивальные бабки страдали тоже в руках Калвина, вопреки Божьему благословиению. По Калвину:

В ответе повивальных бабок надо отметить два недостатка, поскольку они не только не признают свою набожность с присущей им наивностью, но и что лучше, спасаются ложью... Поэтому надо принять две вещи: что две женщины соврали, и поскольку ложь неудобная Богу, что они согрешили... Здесь нет никакого противоречия с тем фактом, что их дважды хвалят за их страх от Бога, и что говорится как Бог вознаграждал их; потому что в своей отцовской снисходительности к своим детям Он все-таки оценивает их добрые дела, как если бы они были чистыми, не смотря на то, что они могут быть запачканными некоторой примесью нечистоты. В самом деле, нет такого действия так совершенного, чтобы быть абсолютно чистым, без никакого пятна; хотя оно может проявляться более очевидно в некоторых, чем в других... Итак, хотя эти женщины были слишком малодушными и скромными в их ответах, все-таки потому что они действовали с сердцем и с отвагой, Бог вытерпел их грех, который иначе Он заслуженно осудил бы.^[11]

Калвин хотел бы, чтобы повивальные бабки не только сказали правду фараону, но и чтобы свидетельствовали перед ним, превращая аудиенцию в что-то подобное свидетельскому собранию. Такое свидетельство со стороны двух женщин было бы не только невозможным на аудиенции у царя, но было бы и неморальным в смысле слов Христа: “Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас” (Мат. 7:6).

Многое другое в Святом писании противопоставляется убеждению Калвина, что женщины должны были свидетельствовать перед фараоном. Согласно Соломону:

Поучающий кощунника наживет себе бесславию, а обличающий нечестивого – пятно себе. Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя; обличай мудрого, и он возлюбит тебя (Прит. 9:7, 8).

В одном отношении Калвин был прав: женщины соврали, но противно Калвину, Бог никоим образом не осудил их поступок.

Ходж однако цитирует случай с повивальными бабками как “намерение об обмане” который был “невинным.”^[12] Он однако не разработал этот пункт, и к несчастью, у него позиции было слишком немного последователей. Парк хвалит повивальных бабок, но он основывает их поступок на “человечности,” и называет его “настоящей религией,” которое придает тексту гуманистское искривление, какого на самом деле нет.^[13]

Южно претвитерианский теолог Дабней, анализируя девятую заповедь, заявляет что, “Человек может убивать, когда виновная жизнь пожертвована Богу, а Он вполне одобряет человека уничтожить ее, как Его агент. Итак, я считаю, что крайние цели агрессии, несправедливой и злобной, направленной против самого нашего существования, составляют лишение прав виновного атакующего.”^[14] Следовательно, незаконная агрессия

выражается в “лишении прав виновного атакующего,” а Раав, повивальные бабки и другие святые в старину, были невиновными в совершении зла.

Святое писание действительно широко говорит о том, что ложь ненавистна Богу (Прит. 6:16-19; 12:22; Лев. 19:11; Кол. 3:9, и т.д.). О сатане говорится как об отце лжи (Иоан. 8:44; Деян 5:3). Критики Раав и повивальных бабок (как и Авраама, Исаака и других) пропускают цитировать стихи как III Цар. 22:22,23, где заявляется, что Бог вложил ложный дух в уста ложных пророков, чтобы обмануть ложного царя. Причина тому, что этот стих противопоставляется их абсолютизму. И это сердцевина проблемы. Должны ли мы, по платонической моде, абсолютизировать высказывание правды как слово, идея, или общее понятие, над Богом, или только Бог абсолютный? Абсолютизировать высказывания правды значит превратить Святое писание в абсурд, потому что Бог в Своей суверенной власти есть единственный абсолют. Высказывание правды всегда в связи с абсолютом Бога и Его закона, и по Его условиям. Человек обязан говорить правду при всех нормальных обстоятельствах, но мы не можем позволить злым людям воровать, убивать, или изнасиловать, своим высказыванием правды, которое должно всегда иметь связь с абсолютным Богом, а не с абсолютной идеей.

Краткий катехизис Вестминстера, своими ответами на вопросах 77 и 78, приводит нас к сердцевине проблемы:

В. 77. Что взыскивается девятой заповедью?

О. Девятая заповедь взыскивает поддерживание и поощрение истины между человеком и человеком, и нашего собственного, и нашего ближнего доброго имени, особенно при свидетельствовании.

В. 88. Что запрещается девятой заповедью?

О. Девятая заповедь запрещает все, которое было бы в ущерб правды, или вредное для нашего собственного, или для нашего ближнего доброго имени.

Если нам не позволено этим законом вредить “доброму имени нашего ближнего,” насколько еще меньше нам позволено помогать злым людям воровать его имущество, насиловать женщин в его семье, и даже убить его? Высказывание правды при таких обстоятельствах не добродетель, а моральная трусость.

Концепция о правдоговорении, присущая критикам Раав, повивальных бабок, Авраама, Исаака и других, связана с языческой доктриной об очищении от грехов. В язычестве самосовершенствование индивида есть религиозный идеал и цель очищения от грехов. Совершенный индивид сам себе верховенство. Преследуемая цель, через Суфис или через Буда, не имеет отношение к Богу и к Его правовому порядку, а очень часто у нее тоже очень слабая связь с другими людьми. Собственное я есть мир языческой святости, а совершенствование собственного я есть ее цель. Результат есть концепция о святости, и высказывание правды, которое *абстрактное*, т.е. оно абстрагируется от действительности Бога и Его закона, и от действительности находящегося в войне мира. Таким образом абстрактный нехристианский морализм может объявить, что говорить правду врагам, и этим привести к убиванию друзей, соседей, и любимых, есть святое дело, потому что единственная цель есть абстрактная чистота души. Такая доктрина совсем не христианская.

2. Освещение и закон

Поскольку девятая заповедь имеет дело со сказанным словом, важно в этой связи припомнить и внимательно изучить это специальное слово в Божьем законе, “святой.” Закон многократно представляется как путь к святости или к достижению к святости, и требование “святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш” (Лев. 19:2) есть префикс к закону в каждом законе. В этом цитате Лев. 19:2 есть префикс к запрещению сплетней и ложного свидетельства на суде (Лев. 19:16).

Закон есть дорога к святости, к достижению святости. Одна часть Пятикнижия на самом деле называется “Кодексом святости” (Лев. 17-26) из-за своего специальном настаивании, что закон есть средство для достижения святости. С начала до конца Святое писание выясняет, что спасение, оправдание, происходит по милости Бога через веру, и что достижение святости происходит через закон, Божий закон.

Грех фарисейства состоялся в том, что оно превращало закон и законные дела в путь к спасению. В развитии оно тоже изменило закону и дало первенство своему новому толкованию закона. Таким образом смысл закона затуманился и ему приписывали функция, которая не свойственная ему. О грехах фарисейства написано многое и не зачем повторять его здесь. Слишком мало однако говорилось о подобных грехах и о частых вероотступничествах церкви в отношении к закону.

Просачивание эллинистской мысли в христианскую общность означает между прочим введение новой доктрины о достижении святости. Библейская доктрина до конца практическая: она призывает о прогрессивном подчинении человека и мира Божьему закону. Она программа для покорения и победы. Даже ее частичное соблюдение дает возвышенность народу или культуры. Величие средневековой культуры построенное на твердой скале повиновения закону, и то же самое верное о пуританизме. Сила евреев устоять враждебности является мерой их лояльности закону.

Но эллинистская мысль, как и все языческие философии ее времени, была дуалистической. Мир в основном был две отдельные субстанции или существования, которых объединяла диалектическая связь. С одной стороны был дух, свет, или добро, или добрый бог, а с другой стороны материя, мрак, или зло, или злой бог. Если разделение заходило слишком далеко, диалектическое единство пропадало, и оставалась некоторая форма радикального дуализма, форма в которой диалектические отношения расстраивались, а существовали два чужие, воюющие друг с другом мира.

Спасение, и с диалектической, и с дуалистической точки зрения, было перемещение от плохого порядка к хорошему порядку, от материи к духу, от воли к разуму, от заботы о материальном к заботе о духовном, или наоборот. Вместо целостного человека – разум и воля, материя и дух – впавшего в грех, считалось что только один его сегмент пропадал, а другой оставался по природе чистым.

С такой точки зрения и спасение, и достижение святости, подразумевало дезертирование от одной области к другой. Таким образом достижение святости означало отказ от мира; оно означало “духовность” и духовные упражнения. До того как церковь заразилась таким мышлением, еврейские верующие, которые были эллинистами по своему мышлению, уже выбрали дорогу аскетизма и отречения от земных вещей. Эллинистский мир выдвинул большое множество аскетов, которые отрекались от мира и плоти, чтобы приобрести святость. Симеон Столпник (390-459) показал более ясно влияние языческого сирийского культа Атаргатиса, чем некоторой библейской веры. Симеон жил на 66 футовом столпе, завершавшийся площадкой шириной в 3 фута; на нем он провел 37 лет во всех видах дикого аскетизма. После 40-го года своей жизни он проводил весь Великий пост не принимая никакой пищи. Практики Симеона Столпника не имеют ничего общего с библейской святостью. Они были неоплатоническое и языческое презрение к плоти и попытка пренебречь ее.

Можно цитировать длинную и мрачную хронику, чтобы иллюстрировать пути, которыми люди искали святость вне закона. Самоистязание, бичевание, посты, власяницы, и большое разнообразие средств, использовались, чтобы принести святость ищущим. Результатом был ни покой, ни святость. Люди бросались сами в колючие кусты, обращались со своими телами как с сатанинским врагом, и все-таки находили зло, остающееся в сущности их мыслей. Слабые тела не созданные для сильных душ.

Реформация ясно формулировала доктрину об оправдании, но не успела выяснить доктрину о достижении святости. Путаница проявляется в Вестминстерской Исповеди веры; глава XIII, “О достижении святости” чудесная в своем изложении, но она не определяет точно путь к достижению святости. В главе XIX, “О Божьем законе,” проявляется одна из ошибок Исповеди, в том что Адам ставится под законом “завет о труде.” И еще, в параграфе II устанавливается, что “Этот закон, после грехопадения продолжил быть совершенным правилом о праведности; и как такой, был сообщен Богом на горе Синай в десяти заповедях, и записан на двух таблицах.” Следовательно закон рассматривается как правило о праведности, т.е. как путь к достижению святости. Однако, в параграфе IV, без никакого подтверждения от Святого писания, твердится что “юридические законы” библии “выдохлись” вместе с Ветхим заветом. Мы раньше видели насколько невозможно отделить никакой закон от Святого писания, как предлагают это Вестминстерские богословы. В каком отношении “Не кради” действительная как моральный закон, а недействительная как гражданский или юридический закон? Если мы настаиваем на это разделение, мы говорим что государство свободное воровать, и оно вне закона, пока индивид под законом. По этому пункту Исповедь виновная в бессмыслии. В параграфе VI указывается, что закон есть “правило жизни, информирующее” верующих “о воли Бога и об их долге; оно направляет и обязывает их идти соответственно.” То, что есть правило жизни для человека, есть правило жизни и для его судов, гражданского управления, и институций, или иначе Бог есть Бог только индивидов, но не и институций.

Немного раньше Формула согласия (1576) заявила в Пункте V, II, “Мы верим, учим, и исповедуем, что Закон есть доктрина божественного откровения, которая учит то что справедливое и приемлемое для Бога, и которая указывает тоже то что грешное и противное божественной воли.” В Пункте VI объявляется, что третье намерение закона это “что рожденные заново люди, все они, вопреки этому, во многом все еще остаются верными плоти, и по этой причине могут иметь некоторые правила, согласно которым они могут и должны оформлять свои жизни.” Закон дает нам путь к достижению святости как против “импульса самовыдуманной набожности” (Пункт VI, Утверждение III).^[15]

Вопреки этому раннему и превосходному постановлению, протестантство вообще обходило закон как путь к достижению святости в пользу “импульса самовыдуманной набожности.” Более того, чем больше следовался этот курс, тем больше становилось самодовольство и фарисейство; и это естественный курс, когда люди уничтожили воздействие Божьего слова своими традициями (Мат. 15:6-9). Святой личностью в протестантстве часто считается лицемерно набожный закононарушитель, который посещает воскресную школу, ходит в церковь дважды каждое воскресенье, присутствует на еженедельных молитвенных собраниях, дает торжественные декларации когда его спрашивают, и изумляется, если ему скажут, что закон Божий составляет путь к достижению святости, а не выдуманные человеком духовные упражнения. Многие проповедники ставят ударение на долгие часы молитвы как знак святости, вопреки тому, что Христос осудил тех, которые думали, “что в многословии своем будут услышаны” (Мат. 6:7).

В арминианских церквях, и особенно в так называемых “святых” церквях (Пятидесятная и другие), достижение святости ассоциируется с различными эмоциональными пирами, которые далеко более близкие к методам богослужения Ваалу, которые в своей крайности доходили до того чтобы колоть и даже кастрировать себя (III Цар. 18:28). Святой Павел говорил об юдаистов, которые заменяли закон милосердием, а следовательно и закон Божий заменяли человеческими традициями, что он желал бы чтоб эти люди, которые вызвали закон и смущали церковь, доказали бы свою большую святость средствами своей собственной логики: “Я желаю чтобы те, которые возмущают вас, тоже сделались бы внухами” (Гал. 5:12, версия Бэркли). Ленски комментирует здесь очень точно:

С их обрезанием эти юдаисты хотят превзойти Павла и отделить галатов от него. Но если у них ничего больше предложить, чем предлагает Павел, если, как они объявляют, он тоже все еще проповедует обрезание, как будут они способны превзойти его? Ладно, есть способ – они могли бы пробовать его! Пусть они кастрируют себя! Тогда они действительно оставят Павла позади себя, потому что как они говорят, он все еще проповедует только обрезание.^[16]

Поскольку у этих людей нет закона, а только человеческие традиции, логический способ доказать свое превосходство над плотью, был отрезать ее в критическом месте! Больше чем однажды в истории церкви этому искушению поддавались как средству к святости, и Ориген есть самый известный пример.

Когда достижение святости есть предмет духовных упражнений под “импульсом самовыдуманной набожности,” тогда все виды ошибок изобилуют. Колдуэл цитирует высказывание одного члена “святой” церкви, который чувствовал себя выше других, которые доказывали свою святость, потому что он был большим грешником и мог бы дать большее доказательство за святость, а поэтому мог бы считаться более святым в собрании. Раньше он совершил прелюбодеяние с “сестрой-проповедницей” и с двумя замужними женщинами в одно и то же время, каждое из которых делало его более “святым,” потому что показно отказался от большего.^[17]

В течении 1950-их, а тоже и 1960-их годов Ортодоксальная пресвитерианская церковь была глубоко взволнованная и разделенная по вопросам учений Пениеля, которые заразили многих из ее самых ревностных служителей. Эти люди, глубоко обеспокоенные отсутствием духовного развития среди своих членов, начали искать ответ в руководстве Святого Духа. Из-за того, что достижение святости искалось через Святого Духа, но без связи с законом, результат был иррационализм и духовная гордость, т.е. основное беззаконие. Трагичное то, что это были именно те люди, которые чувствовали необходимость в развитии, неадекватность текущего проповедования и способа жизни, и которые считали, что ключ был каким-то образом в достижении святости. Их поиск пути к достижению святости вне закона был радикальным провалом. С другой стороны, те которые осуждали их, продолжали оставаться в своем духовно незрелом, или более просто сказано, стерильном состоянии, т.е. духовные евнухи по собственному выбору.

Модернисты отрицают обе библейские доктрины – и оправдание и достижение святости. Они возвращаются к модифицированному фарисейству и ищут спасение человека в его делах и традициях. Тогда любовь превращается в средство для достижения святости, недискриминированная любовь среди всех людей. Из-за своей радикальной антиномии, модернизм часто близкий по духу различным аспектам пятидесятничества, в частности говоря тем же языком. Во всех этих проявлениях верховным остается человеческий путь к спасению.

В нашем анализе высказывания правды мы обратили внимание на абстрактную концепцию о святости, присущую многим богословам, доктрину, которая по существу языческая. Совершенный индивид рассматривается как основной для себя самого. Его действия абстрагируются от действительности Бога и Его мира, и настаивается на каком-то абстрактном стандарте о действительности и о святости. Личное совершенство повивальных бабок в Египте (Исх. 1:17-21) более важное, чем что бы не было другое. Сторонники этой позиции в церкви спешат провозгласить, что это совершенство есть библейское совершенство и Божие желание, но они явно противоречат Святому писанию и не согласны с тем, которое Бог ясно утверждает. Для них более важное, чтобы Раав, повивальные бабки и они сами сохранили свою абстрактную чистоту, чем спасти набожные жизни в войне мира против Бога.

Имея это ввиду, пусть исследуем определение достижения святости, которое дают очень умелые калвинистские ученые. Согласно Берхофу, “Достижение святости можно дефинировать как *это милостивое и непрестанное действие Святого Духа, через которое Он освобождает и оправдывает грешника от загрязнению греха, обновляет его целую природу по подобию Божию и делает его способным совершать добрые дела.*”^[18] Сама по себе эта дефиниция хорошая, но как дефинировать добрые дела? Как нам знать специально и точно что такое добрые дела? Согласно Берхофу, “добрые дела” это те “дела, которые существенно различные по своему моральному качеству от действий нерожденного заново, которые являются выражением новой и святой природы, такой как принцип, от которого они берут свое начало.”^[19] Это все-таки еще очень неясное. Потом Берхоф добавляет: “Они не только в внешнем соответствии с Божьим законом, но и делаются в сознательном повиновении откровенной воли Божьей, т.е. потому что они взываются Богом.”^[20] Здесь наконец истина выходит наяву: достижение святости действительно требует повиновение Божьему закону, потому что Бог приказывает это. Поскольку закон основной для достижения святости, почему тогда упоминать его только неуклюжим образом в главе из 17 страниц, и это только мимоходом? Удивительно ли тогда, что многие люди упускают этот пункт и ищут достижение святости не в законе, а в духовных упражнениях?

Раньше и в учении, и в практике, закон был правилом для достижения святости. Закон был основным для достижения святости в средневековой церкви, хотя пришлось добавить и заповеди церкви к нему, и он был правилом тоже в многих протестантских кругах. Например Хейнс, писавши о достижении святости, описывает “Закон Божий как правило,” объявляя в частности:

Мы, однако, открыто признаем: “согласно закону,” которое означает что только Закон есть правило для достижения святости, потому что так учит Слово Божие (Ис. 8:20; Пс. 118:105). И наши отцы были настолько ревностные в придерживании к Божьим распоряжениям и только к ним, что они даже возражали против соблюдения христианских праздничных и недельных молитвенных служб. Они боялись, что желание сделать больше, чем то, которое Господь заповедал в Своем Слове, приведет к ослаблению в отношении к тому, что оно установило.

Ис. 8:20: Обращайтесь к закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в их света.

Пс. 118:105: Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей.^[21]

Теперь в многих странах протестантского евангелизма, достижение святости приравнивается к посещением церкви дважды в каждом воскресении, как и недельной молитвенной службы. Но эти практики не могут насытить духовный голод человека, и поэтому добавляются другие духовные упражнения. Например, один доктор из Лос-Анджелеса, пока пребывал в Бэркли в 1942 году, начал поставлять свой будильник на 5:30 утра с целью провести один час в молитве. Он рассказал свое переживание в первое утро:

Я нащупал свою дорогу в темный холл. Я зажег свет, стал на колени перед диваном и начал молиться.

Я молился о своей семье, о своих друзьях, о пациентах, о других докторов в больнице, о докторов в других больницах, о докторов, у которых нет больниц, о нашей стране, наших солдатах, о враге, о всех миссионерах, которых я знал. Наконец я посмотрел на мои часы. Прошло только 20 минут.

Я вернулся к целому списку более подробно и в конце концов 60 минут проползли прочь. Я был истощенным...

Неделя за неделей, Бог не только становился более реальным для меня, Он становился смыслом всей действительности, и час, который в начале казался таким длинным, теперь становился более и более точным. Вся моя жизнь на самом деле стала различной, и я понял что вложенное время оплатилось.^[22]

После войны этот доктор создал молитвенную группу в Бэркли. Я не знаю этого доктора лично, но много из членов его группы были знакомыми мне, как и несколько из их сессий. Все пылами сильным самодовольством, стали приверженцами длительным молитвам, и были убежденными, что их метод был ключом к настоящему духовному развитию и к достижению святости. Единственным видимым результатом этого “импульса самовыдуманной набожности” был рост фарисейства, и увеличивающаяся незаинтересованность в каком-нибудь реальном познании Святого писания. Молитва без соблюдении закона может привести к самодовольству, но только молитва с соблюдением закона уважает Бога. Правда, я получил несколько стоящих теологических и библейских исследований от одного члена группы, который теперь заинтересовался этой “более глубокой” жизнью. Осуждение нашим Господом тех, которые “думают, что в многословии своем будут услышаны” (Мат. 6:7), все еще в силе.

Призыв к достижению святости: “святые будьте, ибо свят Я Господ, Бог ваш” (Лев. 19:2), есть *призыв повиноваться закону: это правило для достижения святости*. Это не новое слово: оно старое как Святое писание. Так думали многие святые в Средних веках, и это было основным в точке зрения Лютера. В своем комментарии о Рим. 3:31, “Мы устанавливаем закон,” Лютер объявляет:

С другой стороны Закон устанавливается и утверждается, когда обращается внимание его требованиям и предписаниям. В этом смысле Апостол говорит: “но закон утверждаем”; т.е. Мы говорим, что он соблюдается и выполняется через веру. Но вы, которые учите, что дела по Закону оправдывают без веры, делаете закон пустым; потому что вы не повинуетесь ему; правда, вы учите, что его выполнение не необходимо: Закон устанавливается *в нас*, когда мы выполняем его добровольно и по настоящему. Но никто не сможет делать это без веры. Они уничтожают Божий завет (о Законе); у них нет той божественной милости, которая дается верующим в Христе.^[23]

Кроме того в своем Малом катехизисе Лютер учил: “Закон учит нас христианов какие дела должны мы выполнять, чтобы вести угодную Богу жизнь (Правило)”.^[24] К несчастью, в других местах Лютер заменял закон любовью.^[25] и Калвин, тоже в противоречии себе здесь, иногда требовал закон как правило жизни, превзойдя Лютера в его настаивании, что государство проводит в жизнь обе таблицы закона.^[26] Калвин действительно цитирует закон как “правило жизни.”^[27] Неудача людей во все времена выразить ясно эту материя, не освобождает Божьих людей от ответственности: у них есть закон.

3. Ложный пророк

Ложное свидетельство, которое запрещается девятой заповедью, включает ложное свидетельство в отношении Бога. Во Втор. 18:9-22 мы имеем не только пророчество о пришествии Христа, но тоже и испытание о ложных пророках.

Закон начинается запрещением некоторых форм идолопоклонства, которые “незаконные средства коммуникации с невидимым миром.”^[28] Никакие магические трюки, ни никакой вид ритуала, не может принудить Бога. Бог не раскрывает Себя в ответ на ритуал или обряд, ни облагодетельствует людей в ответ на подарки и подкупы. Вместо того, чтобы обращаться к этим “мерзостям,” которые только принесли осуждение над хананеями (Втор. 18:12,14), “Будь непорочен пред Господом, Богом твоим” (Втор. 18:13). Комментарий Раши заслуживает цитирование: “Ты должен идти искренно с Ним, и ждать Его. И не суй нос в будущее. Но что бы ни пришлось тебе, принимай простодушно, и тогда ты *будешь с Ним*, и будешь частью Его.”^[29]

Более важный однако факт, что цель этих незаконных ритуалов есть предсказание, желание знать будущее и предсказывать его. В самом центральном смысле верующий должен идти верой, а не зрением. Точное и личное предсказывание и предвидение будущего закрытое для него.

В другом смысле, однако, сам закон дается как распоряженное Богом средство о предсказывании для нации. Центральное намерение Втор. 27-31 есть обеспечить Божий народ надежным средством для предсказания, и это средство для предсказания есть закон. Если люди не повинуются закону, следуют некоторые проклятия; если они повинуются закону, следуют благословения. Поскольку закон занимается предсказанием, Божий народ избегнет все незаконные претензии на предсказывание. Единственный принцип предсказывания есть суверенная власть и постановление Бога; другой принцип предсказывания есть демоническая власть, которая стремится установить независимую и революционную концепцию о власти и контроле.

Закон был отдан через Мойсея, но средства, через которые он давался, были ужасающими для израильтян и привели их близко к осуждению. Поэтому Бог воздвигнет другого Пророка, другого Мойсея или законодателя, “и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему” (Втор. 18:18). Великий Пророк таким образом дается в смысле первоначального закона, и как законодатель. Ключ для взаимосвязи Пророка с Мойсеем есть закон.

Возникнут ложные пророки, представляющие другой бог и власть, и следовательно другой закон. Их ложность откроется через их ложные предсказания. Поскольку принцип верного предсказывания есть закон-слово Бога, все пророки, во главе с Иисусом Христом, говорили, вдохновленные Богом, в смысле этого закона. Иеремия, пророчествуя о плене, отразил предсказание закона во Втор. 27-31; из-за того, что он тоже говорил по Божьему вдохновению, он мог тоже объявить, что плен будет длиться 70 лет (Иер. 25:11).

Ключ к вопросу есть закон. Когда нет закона, тогда нет настоящего пророчества, ни настоящих слов о Боге, ни верного предсказывания. Когда и где христиане становятся небрежными к закону, они легко и с готовностью поддаются шарлатанам.

Классическим примером об этом был Перегрин Протий, цинический философ, который умер в 165 году нашей эры, но имел своих сторонников среди некоторых модных философов, как и среди этих своей эры, как Аул Геллий. Карьера Перегрин проходила в многих областях – в Риме (откуда его выгнали за обиду императора Антонина Пия), в Афинах как учитель, в Сирии, где его заключили в тюрьму, и т.д. В своей молодости он скитался в Армении, с несчастным результатом, согласно Лукиану:

Это творение и шедевр природы, это многоствольное орудие, сразу как достиг определенного возраста, его поймали в прелюбодеянии в Армении, и получил хорошую взбучку, но в конце спрыгнул с крыши и убежал. Потом он развратил красивого мальчика, и заплатив три тысячи драхм его родителям, которые были бедными, откупился от представления перед управителя провинции Азии.

Все это и тому подобное я предлагаю упустить; потому что он был еще неоформленной глиной, и наш “святой образ” был еще незаконченным для нас. То, что он сделал своему отцу, однако, здорово заслуживает быть услышанным; но вы все знаете это – вы слышали как он удушил пожилого человека, потому что он не мог терпеть, чтоб он жил больше шестидесяти лет. Потом, когда дело подняло шума, он осудил себя к ссылке, и скитался из одной страны в другую.^[30]

Перегрин направился в Палестину, быстро связался с различными христианскими антиномистами, и стал их “пророком, культовым лидером, главой синагоги, и все только он один.” Он стал для этих людей их новым господом: “они чтили его как бога, использовали его как законодателя, и считали защитником, следующим после того другого, которого они еще боготворили, человека, которого распяли в Палестине, потому что он ввел этот новый культ в мир.” Его начали называть “новым Сократом.”^[31]

Перегрин перехватил тоже индуистские идеи и в общем превратил себя в некоторый вид мирового пророка.

Заключенный в Сирии, ему либерально помогли те же самые псевдохристиане, и римский управитель провинции освободил Перегрин как несправедливо преследуемого философа.

Теперь у Перегрин было профессиональное одеяние: он носил длинные волосы, грязную мантию, “имел кожаную сумку, висящей на его боку, с посохом в руке, и в общем он был очень театральным в своем поведении.”^[32] Вернувшись дома, в небольшой греческий город, он нашел там враждебность из-за убийства своего отца ради имущества. Перегрин отдал большое имение городу и обвинение в убийстве сняли. Народ славил его как ‘Первый и единственный философ! Первый и единственный патриот! Первый и единственный соперник Диогена и Сократа!’ Его врагам надели намордник, и каждого, который пытался упомянуть об убийстве, забрасывали камнями.”^[33]

Позднее он стал неприемлемым для своих псевдохристианских последователей, и он начал искать новые миры, чтобы покорить их учением о знаменитом языческом аскетизме.

После этого он ушел в третий раз, в Египет, чтобы посетить Агатобулус, где он предпринял этот чудесный курс обучения в аскетизме, брея половину своей головы, пачкая свое лицо грязью, и демонстрируя то, что они называли “безразличием,” воздвигая свой двор среди толпящихся наблюдателей, помимо раздавая и получая удары по спине стебелями укропа и разыгрывая шарлатанство, даже более дерзкое, многими другими способами.^[34]

Потом он пошел в Рим, его выгнали, он ушел в Афины, и опять причинил неприятности. Наконец, с упавшей репутацией, он придумал вызывающий известность план: на следующих олимпийских играх, через год, он сожжет себя сам. Перегрин немедленно попал в центр внимания опять. Некоторые считали, что его план запретят, потому что выбранное место было святым, или близким к этому. Перегрин сам объявил, что он “станет сторожевой дух ночи; ясное тоже, что он жаждал алтарь, и надеялся, что его изобразят золотом.”^[35] В назначенный день, чтобы отслужить похоронную службу перед сгоранием на костре, Перегрин вышел, и после длинной речи, заявил: “Я хочу оказать услугу человечеству, показывая как надо презирать смерть.” Некоторые кричали, “Сохрани свою жизнь для греков!”, но большинство призывало “следуй свое намерение!”^[36] Когда игры кончились через несколько дней, Перегрин прыгнул в пламя; Лукиан описывает его как “человек, который (короче говоря) никогда не останавливал свой взгляд на достоверные факты, а всегда делал и говорил все, имея ввиду славу и восхвалу множеством, даже до степени чтобы прыгнуть в огонь, когда он был уверен, что не насладится похвалами, потому что не мог бы услышать их.”^[37]

Случай с Перегрином цитировался в некоторых подробностях точно, потому что теперь в обыкновенных кругах его не оспаривают, и поэтому этот случай легко иллюстрирует проблему антиномистских религиозных лидеров. *Первое*, они, как и Перегрин прежде всего незаконные антиномные люди. Может быть существуют степени различия в их моральности, но их основной характер тот же самый. *Второе*, вместо рвення к закону-слову Бога, есть рвение к саморекламе и к самопрославлению.

Есть много претендентов для специальных откровений и свежего слова пророчества. Например в 1970 году одна реклама рассказывала о постоянной “кампании” некоего “евангелиста,” чья тема по воскресным вечерам была “Иисус вошел в мою комнату и разговаривал со мной в Иерусалиме.”^[38] Может ли кто-нибудь вообразить себе святого Павла, проводившего такую “кампанию”?

Однако те, которые не учат целому слову Бога, виновные не меньше ложных пророков. У тех, которые пренебрегают закон, нет евангелия, потому что они отрицают праведность Бога, которая основная в евангелии.

Смертная казнь требуется для того, который “дерзнет говорить Моим именем то, что Я не повелел ему говорить, и который будет говорить именем богов иных” (Втор. 18:20). Этот закон частично ответственный за экзекуции еретиков в эрах Средневековия и Реформации, и эти экзекуции теперь строго осуждаются. Ясное, что в большинстве случаев у этих экзекуций были другие предпосылки. Более того, смысл этого закона переиначивался. Эти ереси часто были серьезными, а экзекуции иногда были несправедливыми, но закон здесь не занимается

ересями, или вопросами доктрины, сколько ни важными они были, а имеет дело с предсказывающим пророчеством в смысле чужого или ложного бога и закона. Такое предсказывающее пророчество, как и жертвоприношение детей, колдовство, магия, и подобные практики, описанные в начале этого закона (Втор. 18:9-14), основывались на анти-Божьей вере, представляли измену обществу, и чужой, революционный правовой порядок. Терпимость к ним самоубийственная.

Те, которые преднамеренно учат революционному правовому порядку, предатели существующего правового порядка. Те, которые проповедуют неправильный взгляд на Святое писание из-за алчности, жадности или следуя антиномных тенденций, тоже предатели, хотя и не в том же смысле, и не в той же степени.

Никакое общество не может избежать наказывание тех, которые отклоняются от его фундаментальной веры. Марксистские общества экзекутируют тех, которые отклоняются от фундаментальной догмы марксизма или бросают ей вызов. Социалистические и демократические государства менее строгие, но они все-таки тоже экзекутируют предателей, которые оказывают помощь и содействие врагу. Фундаментальная религиозная предпосылка каждого общества или защищается, или общество гибнет. В христианском социальном порядке нет церковных отклонений, которые представляли бы гражданский интерес, а скорее всего есть вызов к его правовой структуре. Позволить революции значит погибнуть. В правовой системе должна быть терпимость к различиям, но не и к тем, которые стремятся свергнуть самую правовую систему. Рим, преследуя раннюю церковь, пытался защитить свой правовой порядок; император ясно видел проблему: Христос или Цезарь. Их моральные и религиозные предпосылки были ложными, но их гражданский разум был здравым: или языческая империя, или церковь, должна была умереть. Они не могли видеть, что империя уже умирала, и что смерть христиан не спасла бы пропавшую жизнь Рима. То, что Константин осознал этот факт, привело к признанию христианства.

Связь различных видов ложных предсказаний, (колдовство, магия, спиритуализм и т.д.) с ниспровержением заслуживает обширное исследование. Не простое совпадение, что Первое мая, древний праздник культа плодородия, многократно был днем центральной важности для революционеров, как свидетельствуют марксисты. Антихристианские правоведы, которые чувствуют его как “день закона” имеют ввиду антихристианский закон.

4. Свидетельство ложного пророка

Анализируя работу ложного пророка (Втор. 18:9-22), мы увидели, что цель магии, жертвоприношения, обожествления и соответствующих обрядов ложного пророчества, есть *предсказывание*. Предсказывание, включенное в описанных обрядах (Втор. 18:9-14), имеет как свою основную предпосылку верование, что действительная и верховная власть находится в другом месте, а не в Боге. Практика ложного пророчества могла включать жертвоприношение детей, обожествление, астрологию, чародейство, колдовство, магию, спиритуализм, ворожейство, некромантию и т.п. Она могла тоже включать просто убеждение, что верховная власть у Сатаны.

Сатана искушал Иисуса стать ложным пророком. О верховном искушении нам рассказывают:

Опять берет его дьявол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от меня, сатана; ибо написано: “Господу, Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи” (Мат. 4:8-10).

Смысл этого искушения очень важный. Сатана, обращаясь к Иисусу в этой последней попытке сделать Его ложным пророком, имел между прочим в уме две основные идеи. *Первая*, сатана требовал от Иисуса признать праведность его бунта, подтвердить что творение имеет законное право на независимость от Творца. Если Иисус в малейшей степени предложил бы некоторое извинение за грех человека, допустил бы извинение из-за окружающей среды, или счел бы, что некоторая независимость человека от Бога оправданная, Он допустил бы моральное оправдание сатаны. Иисус отказал сделать это: “Господу, Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи.”

Вторая, сатана предложил власть над миром, которая не была его, чтобы провозглашать или давать ее. Фундаментальная предпосылка закона-слова это что “Господня земля” (Исх. 9:29; Втор. 10:14; Пс. 23:1; I Кор. 10:26). Сатана ни правит ее, ни имеет права над ней, ни может давать ее никому.

По этому пункту многие люди ошибаются. Бытие 3 дает нам библейский ответ: Адам и Ева были виновными перед Богом в бунте, в вероотступничестве. Они удвоили их грех тем, что каждый перебрасывал обвинение кому-нибудь другому: змею и женщине. Вина сатаны не отличается от факта, что Адам и Ева были первично и существенно виновными за их собственный грех.

Другие не согласные с Божьим словом. Марксистский ответ в смысле Быт. 3 ясно выразил Линколн Стефенс несколько десятилетий тому назад, на ужине клуба Джонатан в Лос-Анджелесе. На втором собрании клуба, в присутствии около ста выдающихся граждан, Стефенс резюмировал перед своими слушателями, среди которых были Джон Р. Хайнес, Вильям Малголланд, епископ Епископальной церкви, и другие:

Вы хотите фиксировать виновного в самом начале вещей. Может быть мы сможем, Епископ. Большинство людей, вам известно, говорят что это был Адам. Но Адам, помните, сказал, что это была Ева, женщина, она сделала это. А Ева сказала нет, нет, это не была она; это был змей. И вот вы, духовники, всегда застреваете здесь. Вы обвиняете змея, сатану. Теперь пришел я, и я попытаюсь показать вам, что это было, это есть, яблоко.^[39]

Ответ Стефенса – хороший марксизм; он утверждает экономический детерминизм: “это было, это есть, яблоко.” Эта доктрина есть отрицание личной ответственности, которая утверждается Святым писанием.

Одинаково смертельная, однако, совсем обычная доктрина о сатанинском детерминизме. По этому пункту Стефенс был прав, когда сказал присутствующим духовникам: “Вы обвиняете змея, сатану.” Слишком

много богословов в течении веков способствовали основанию доктрины о сатанинском детерминизме. Мы можем назвать ее тоже конспиративной теорией.

Теперь Святое писание очень ясно подтверждает наличие конспираций. Псалом 2 есть классическое определение об их действительности. Тот же самый псалом, однако, сильно подчеркивает их тщетность; Бог насмехается над конспирациями безбожных наций и призывает Свой народ присоединится к Его насмешке.

Конспирации успевают только когда моральный порядок в упадке. В каждом обществе есть преступники, воры и убийцы. Только когда в обществе наблюдается моральный упадок и срыв, эти элементы действительно приобретают некоторое могущественное влияние. Упадок Римской империи видел распространение культов, включающих революцию, коммунизм, свободную любовь, гомосексуализм и многие другие. Когда христианство впало в моральный упадок после 13-ого века, снова эти тайные преступные общества начали изобиливать. Некоторые утверждали коммунизм, другие организовали голые протесты и марши, а еще другие замыслили революцию. Как отметил Шмидт об эре Реформации, “*Вся Европа вокруг Калвина загрязнилась братствами, некоторые распространяли “просвещение,” а некоторые скептицизм.*”^[40] Реформация и Контрреформация привели к временному упадку этих групп, которые возникли снова, когда христианская вера, закон и порядок, пришли в упадок.

Но те, которые приносят ложные свидетельства, которые приписывают сатане власть, которая принадлежит только Богу, не удовлетворяются признанием, что конспирации существуют. Они идут очень далеко. *Первое*, они приписывают конспирациям моральный порядок и дисциплину, что невозможное. Сатана не может строить или творить; он только разрушитель, убийца, и он имеет власть только в такой степени, в какой мы отвергаем настоящую власть Бога. Советский союз, как управляющий международной конспирацией, был корумпированным, бюрократичным, и некомпетентным агентством. Ему была нужна многократная помощь других стран, плюс империалистическое грабительство, чтобы уцелеть. Помощь Гувера в 1920-ых годах, признание Рузвельта в 1930-ых годах, и непрерывное поддерживание сохранили его живым. Коммунистическая проблема не их злая сила и учение, а скорее сильный моральный срыв христианских церквей и наций, и их радикальное вероотступничество.

Второе, власть зла слабая и ограниченная; она под контролем Бога и она Его бич для наций. Слабость злых конспираций означает, что они нормально могут занять только вакуум. Корни советской власти состоят в моральном упадке России и ее некомпетентного христианства; победа советов в Балтийских странах есть результат позиции реального компромисса со стороны Западных союзников, которые продали эти страны.

Третье, ключ к преодолению злых конспираций не концентрация сил против зла, а набожная перестройка. Один из грехов некоторых членов церкви в Фиатире, которых Иисус Христос осудил, было их занятие изучением “глубин сатанинских” (Отк. 2:24), которое можно перевести как “изучение глубоких и скрытых вещей сатаны.” Нехристианские консервативные учения радикально отдаются изучением или исследованием глубоких вещей сатаны, как будто бы это ключ к будущему.

Четвертое, присущее всему этому, как мы уже отметили, есть верование в сатанинском детерминизме, которое делает из этих консерваторов стойкие сатанисты. Отрицать суверенную власть конспираций есть один из самых надежных способов, чтобы настроить против себя многих людей, которые тогда будут спорить с религиозной страстью о суверенной, предопределенной власти сатаны. Они будут настаивать, что каждое национальное и интернациональное действие есть внимательно планированная и манипулированная конспирация, что все управляется высшим планом или заговором, и тайным высшим советом. Что заговорщики и планы существуют, и что они многочисленные, можно согласиться, но христианин должен настаивать на их тщетность. Они гnevятся напрасно, они “замыслиют тщетное,” когда они “совещаются вместе” против Господа и против Помазанника Его (Пс. 2:1,2).

Обвинять мировое зло, и приписывать управление миром скрытым сатанинским конспирациям, значит быть виновным в ложном свидетельстве против Бога. Это сравнимое с обращением к магии, колдовству, или приношению человеческих жертв. Оно отрицает, что только Бог есть источник предсказывания, и вместо этого приписывает власть и предсказывание сатане.

Далеко лучше, чем множество теологов, Бэрл описывает законы о власти:

Можно отличить пять естественных законов о власти. Они применимы везде, и на каждом уровне власть проявляется; это может быть власть матери в детской комнате, или власть ответственного руководителя в бизнесе, мэра города, диктатора империи.

Они следующие:

Один: Власть неизменно заполняет каждый вакуум в человеческой организации. Между хаосом и властью, последняя всегда превалирует.

Два: Власть неизменно личная. Нет такого дива как “классовая власть,” “власть элиты,” или “групповая власть,” хотя классы, элита и группы могут помочь процессам в организации, через которых власть сосредоточивается в индивидах.

Три: Власть неизменно основывается на системе из идей или на философии. Отсутствует ли такая система или философия, существенные институции власти перестают быть надежными, власть перестает быть эффективной, и держатель власти эвентуально заменяется.

Четыре: Власть упражняется через институции и зависит от них. Своим существованием они ограничивают, контролируют, и эвентуально дают или отнимают власть.

Пять: Власть неизменно сталкивается с полем ответственности, и действует в его присутствии. Они постоянно взаимодействуют, враждебно или в сотрудничестве, в конфликте или через некоторую форму диалога, организованно или неорганизованно, составляя часть институций, от которых власть зависит, или вторгаясь в них.^[41]

Бэрл прав. Власть основывается на вере, т.е. на философию. Когда вера или философия данной культуры начинает умирать получается сдвиг власти. Сегодня, из-за того, что христианская вера в упадке, и стала антиномной, она не может поддерживать или создавать правовой порядок. Как результат, древние преступные импульсы и движения захватили власть. Ключ к устранению этих злых захватчиков власти не изучение глубоких

вещей сатаны, ни убеждение в их власти, а набожная перестройка в смысле библейской веры, моральности и закона. Для многих нехристианских консерваторов критерий о настоящем консерватизме просто это: Верят ли они в существовании, плане, и власти конспираторов, называйте их как хотите? Этот критерий сатанинский: он содержит почти такую опасность для общества, если и не большей, как убеждение, что надо обвинить яблоко, т.е. как экономический детерминизм. Он форма богослужения Молоху. Бог толкнул Адама и Еву в Эдеме с их ответственностью; Нафан заявил Давиду, “ты – тот человек” (II Цар. 12:7).

Библейская позиция включает не только утверждение существенной ответственности человека, но она тоже заявляет, что только Бог всемогущий, и Он единственный предопределяет всех вещей и управляет ими. Приписывать конспираторам власть, дисциплину и управление в прошлом, настоящем, и будущем, которые не принадлежат им, это есть другая форма утверждения колдовства и подобных “мерзостей.” Это значит стать ложным пророком, и приносить ложное свидетельство.

Это значит тоже навлечь себе Божие осуждение. Утверждать другую власть, значит отвергать Бога и Его закона. Не удивительно, что антиномное время с готовностью подписывается под таким убеждением. Но Бог не будет уважать антиномию членов церкви больше, чем беззаконие безбожных. По этому пункту люди сталкиваются с единственной эффективной конспирацией: Божья “конспирация” против всех, которые отрицают или отвергают Его.

Заповедь, “Не произноси ложного свидетельства,” означает что мы должны приносить верные свидетельства касательно всех вещей. Мы должны не произносить ложного свидетельства касательно Бога или человека, и мы должны не произносить ложного свидетельства касательно сатаны, приписывая ему власть, которая принадлежит только Богу. Верное свидетельство апостолов было не показание о власти сатаны, а о власти триумфирующего Христа. Мир, с которым они встретились, эта очень малая пригоршня людей, был далеко более укрепленный в своем зле, чем наш, но апостолы не проводили свое время, документируя испорченность, извращенность и власть Нерона. Вместо этого святой Павел, который сознавал приближение преследования, все-таки написал уверенно христианам в Риме: “Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре” (Рим. 16:20). Уверенность святого Иоанна подобная: “и сия есть победа, победившая мир, вера наша” (I Иоан. 5:4).

Сегодня однако, многие так называемые христианские консерваторы не только проводят свое время, изучая дела сатаны, но и гnevятся, если вы оспариваете всемогущество сатаны. Они настаивают, что каждый шаг истории нашего мира сейчас находится в руках сатанинских манипуляторов, которые используют людей как марионетки. Отрицать это значит быть классифицированным как некоторый вид еретика; практическое значение этой позиции есть боготворение сатаны. Но святой Иоанн говорит нам, что в верховном мгновении конспирации сатаны, когда смерть Христа была постановлена, тайное намерение Бога исполнилось в высшей степени (Иоан. 11:47-53). Всегда царствует Бог, и никогда сатана. Всякая другая вера есть ложное свидетельство, и при этом особенно злое.

5. Подтверждение

В заповеди “Не произноси ложного свидетельства” проявляется один из фундаментальных аспектов библейского права. Основной для этого закона является его связь с судами и с лжесвидетельствованием. Суды представляют Божие мщение как распорядженное и направленное через человеческие, но распорядженные Богом агентства. На судах необходимо иметь честное и верное свидетельство, чтобы правосудие превалировало. Однако, поскольку человек грешный, необходимые проверки и веса. Показание свидетеля надо подвергнуть перекрестному допросу и подтверждению. По этому пункту закон ясный:

Недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине и в каком-нибудь преступлении и в каком-нибудь грехе, которым он согрешил: при словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей, состоится дело (Втор. 19:15).

По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля (Втор. 17:6).

Если кто убьет человека, то убийцу должно убить по словам свидетелей; но одного свидетеля недостаточно, чтобы осудить на смерть (Числ. 35:30).

Этот закон отражается в Новом завете:

Если же согрешил против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним: если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово (Мат. 18:15,16).

При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово (II Кор. 13:1).

Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях (I Тим. 5:19).

Отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью (Евр. 10:28).

Как отмечалось раньше, мы не обязаны морально говорить правду неприятелю, который стремится повредить или уничтожить нас. Обязанность говорить правду резервируется для нормальных взаимоотношений, которые в рамках закона, и для процессов на судах по закону в церкви, государстве и в других институтах.

Даже здесь однако, есть ограничения власти суда или требованиям других лиц. Библейский закон о показаниях не позволяет мучения и принудительные признания. Добровольное признание возможное, однако для обвинения требуются два свидетеля или больше. Более точно, признание никогда не цитируется в законе; его место на суде было очевидно только в связи с подтверждающим доказательством. Например признание Ахана нуждалось в подтверждающем доказательстве, прежде чем его осудили и экзекутировали (Иис. Н. 7:19-26). Надо отметить добровольный аспект признания Ахана. Библейское право сохраняет неприкосновенность индивида против принужденного признания; право граждан быть защищенными от власти государства принуждать их к

самообличению не встречается вне библейской правовой традиции. Пятая поправка Американской конституции от 1787 года охватывает эту защиту: никакого лица нельзя подвергать двойной опасности, “ни нельзя принуждать его в уголовном процессе свидетельствовать против себя.”

Возражение против самообличения означает, что христианин должен противопоставляться использованию детектора лжи, как вопрос принципа. Детектор лжи обращает основной принцип правосудия. Когда человек обвиняется, обязанность закона есть заставить своих служителей доказать его вину: он невинный, пока не докажется обратное. Требованием, чтобы подозреваемый подвергся испытанию детектора лжи, этот правовой принцип нарушается: принимается, что подозреваемый виновен, и его вызывают доказать свою невинность этим испытанием.

Другой интересный пункт в связи с испытаниями на детекторе лжи цитировал христианин – служитель полиции. Невинный человек может пойти на такое испытание с надеждой очистить себя, но однажды под испытанием, его полная личная жизнь подвергается вторжению. Его могут спросить об его религиозных убеждениях (в антихристианском обществе), политических мнениях, есть ли у него оружие, и почти все, что захочется испытателям. Результат есть принужденное признание.

Подобно детектору лжи, подслушивание телефонов тоже есть форма незаконного вторжения в частную жизнь; оно включает форму принужденного признания, нарушение неприкосновенности, коммуникации, которое делает его очевидно неморальным и плохим.

Существуют еще и другие ограничения для показаний. Пасторам и врачам гарантируется право молчания на основе привилегированной коммуникации. В обоих случаях предпосылка одна и та же. Изъявление или признание, сделанное каким-либо лицом его пастору или доктору в курсе официальных или профессиональных отношений, представляют привилегированную коммуникацию, потому что вопросное лицо в самом деле доверяется Богу в лице служащего агента. Оба, врач и пастор, заботятся о здоровье, один о физическом, а другой о духовном здоровье. Спасение буквально означает здоровье. Религиозная природа обращения к врачу коренится глубоко. Раньше врачи были монахами, а больницы до не так давнего времени были исключительно христианскими институциями. Современный развод обоих, пастора и доктора, с библейской веры не изменил сущностную природу обращения к ним. Привилегированная коммуникация основывается на предпосылке о религиозной функции пастора и доктора как слуги Божьи на службе здоровья. Таким образом отношение личности к ним является собственностью не человеческого агента, а Бога. Это не отменяет долг пастора и доктора побуждать человека дать возмещение, когда должно возмещение, или сделать признание, когда должно признание. Их долг есть поддерживать закон Божий, побуждая к сотрудничеству с законом всех, кто обращается к ним, но они не могут перейти за границу совета.

В настоящее время есть широкое разнообразие в правовом статусе привилегированной коммуникации с пастором.^[42] Эти различия отражают в частности теологическую неуверенность и нестабильность различных церквей.

Есть и другие ограничения об охвате показаний. Например совещание с адвокатом есть привилегированная коммуникация, поскольку адвокат служит как агент подзащитного и его представитель на суде. Принуждать адвоката давать показания значит отрицать подзащитному его свободу и личную тайну. Подобно этому брачный партнер подзащитного тоже освобождается от свидетельствования, поскольку это навлекло бы самообличение. При определенных обстоятельствах допускается исключения из этих правил, но основной принцип остается верным. Такое исключение есть случай, когда муж или жена атакуют один другого. Нормальное намерение ограничения о свидетельствовании брачного партнера не только защита против самообличения, но и предотвращение разрушения брачных взаимоотношений. В коммунистических странах требование чтоб дети и брачные партнеры шпионили друг друга, разрушительное для брачной жизни.

По вопросам привилегированной коммуникации есть конфликтные области. Широко поддерживается, что у корпораций нет иммунитета, и их регистры и архивы можно открывать. Служба Внутреннего дохода регулярно принуждает индивидов открывать свои регистры. Считается, что иммунитет привилегированных коммуникаций применяется к обоим, и гражданским и уголовным делам, как на федеральных, так и на штатских судах, независимо от некоторых конфликтов в прошлом.

Если привилегированная коммуникация и иммунитет против самообличения не существовали, тогда подтверждение, как основная предпосылка библейского закона о свидетельствовании, не существовало бы, потому что рутинный метод “доказывания” был бы извлекать принудительные показания от самого подзащитного. Закон требует подтверждение, потому что он запрещает принудительное самообличение.

Итак, мы не только не обязаны говорить правду беззаконному врагу, который не прочь повредить нам или уничтожить нас, но и требование говорить правду на суде по закону строго управляется законом.

С другой стороны свидетели преступления строго обязаны давать показания. Как общее правило, люди обязаны давать свои показания на суде по закону при всех расследованиях, где их показания могли бы иметь значение, а суд оценивает насколько они имеют значение. Неудобство не оправдание. Судья и присяжные обязаны оценить стоимость показания свидетеля, а не он сам. Суд может тоже оценить надежность свидетеля. Например давно уже суды США не считают приемлемыми показания неверующего, потому что он не может положить присягу; такое лицо может свидетельствовать только в свою пользу, но и тогда его показание подлежит отвержению, поскольку страх от Бога не существенный аспект его характера.

Обязанность свидетельствовать есть часть полицейской власти гражданина, его участия в применении закона. “Общее правило закона и необходимое условие общественного правосудия есть то, что каждое лицо

подлежит принуждению давать показания при применении закона надлежно конституированными судами страны.”^[43] Долг проводить закон в жизнь есть ответственность не только полиции и суда, но и общественный долг. Сам гражданин не суд и не обвинитель, но как свидетель он должен служить как агент правосудия, обеспечивая такие существенные показания, какие нужны чтобы определить природу дела. Суд определяет их действительность. До недавнего времени суд мог тоже расследовать религиозные убеждения свидетеля, чтобы определить его компетентность, потому что “Очевидно свидетель должен осознать обязанности присяги, прежде чем позволить ему давать показания.”^[44] Тоже до недавнего времени преступный характер человека был фактором при оценке его показаний, хотя полное прощение могло восстановить его компетентность. Подробностей и вариаций много, но центральный факт остается ответственность всех непривлекенных свидетелей давать показания.

Согласно библейскому праву не дать должные показания значит быть соучастником преступления: “Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься” (Пс. 49:18).

Подтверждение не может существовать как инструмент закона, если гражданство не сознает свои ответственности при применении правового порядка.

6. Лжесвидетельство

В библейском праве лжесвидетельство рассматривается как очень серьезное преступление. Именно потому что процедуры библейского права основываются не на принужденном самообличении, а на честном свидетельствовании, всякое лжесвидетельство составляет разрушение процесса правосудия. Поэтому закон недвусмысленный и строгий в своем отношении к лжесвидетельству:

Не клянитесь именем Моим во лжи, и не бесчести имени Бога твоего. Я Господь (Лев. 19:12).

По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля. Рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтоб убить его, потом рука всего народа; и так истреби зло среди себя (Втор. 17:6,7).

Если выступит против кого свидетель несправедливый, обвиняя его в преступлении, То пусть предстанут оба сии человека, у которых тяжба, пред Господа, пред священников и пред судьей, которые будут в те дни. Судьи должны хорошо исследовать, и, если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего, то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и так истреби зло среди себя. И прочие услышат, и убоятся, и не станут впредь делать такое зло среди тебя. Да не пощадить его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу (Втор. 19:16-21).

Лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, не спасется (Прит. 19:5).

Лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, погибнет (Прит. 19:9).

Что молот и меч и острая стрела, то человек, произносящий ложное свидетельство против ближнего своего (Прит. 25:18).

Закон против ложного свидетеля многократно подтверждается в Новом завете (Мат. 19:18; Мар. 10:19; Лук. 18:20; Рим. 13:9 и т.д.).

Закон приравняет лжесвидетельство с богохульством, потому что оба нарушают Божью справедливость (Лев. 19:12). В процедуре суда участвуют священники, и поэтому присяга свидетеля полагается перед Богом, “пред священников и пред судьей” (Втор. 19:17). Суды неизбежно представляют религиозные институты. Закон, который они применяют, представляет религию и моральность, а процедуры суда основываются на честность присяги, под которой даются показания. Поэтому гуманистские суды по закону обреченные на упадок честности и на впадение в радикальную несправедливость, из-за того что каждый человек становится своим собственным законом, и судом по закону в самом себе. Присяга и закон религиозные; измени религию за ними, и общество уже в революции. Следовательно, *первое*, видно прежде всего, что лжесвидетельство есть религиозное, как и гражданское, и уголовное преступление. Хотя библия ставит строгие ограничения возможностям суда или некоего человека вторгаться в сознание индивида, тем не менее она ясно объявляет, что все законно требуемые показания должны быть честным и верным свидетельством, или иначе совершится уголовное преступление против Бога и человека. Языческие культуры в основном ожидали ложные показания, и поэтому рассчитывали на мучение, чтобы извлечь желаемые изъяснения, независимо верные или ложные. Поскольку библейское право не позволяет мучение, ни позволяет показания за определенными границами, оно требует самую строгую честность в этих пределах, иначе правосудие нарушается. Так как библия уважает личность, она взыскивает больше от личности, и поэтому наказывает эту личность, которая не следует распоряженный Богом стандарт.

Второе, предпосылка библейского права есть ответственность и вина индивида. Библия не энвайронменталист в своем объяснении греха. Второзаконие 17:7 заключает: “и так истреби зло из среди себя.” Валер комментирует это предложение очень поучительно:

Зло. – Греческая версия дает это как “злой человек,” и эта фраза берется в такой форме в I Кор. 5:13, “И так извергните *развращенного* из среди вас.” Эта фраза часто встречается во Второзаконии, и если мы должны понимать, что во всех местах, где она встречается, “зло” должно означать индивид, при этом мужского рода, то кажется что следует задуматься, рассматривая фразу, “но избавь нас от лукавого,” в Господней молитве. И вправду нет другое зло на свете, вне некоторого злого существа или личности.^[45]

Зло не существует абстрактно. Когда мы встречаемся с грехом, мы встречаемся с личностью или с личностями, и мы должны иметь дело с ними. Энвайронменталистский подход отделяет греха от личности, и поставляет его в окружающую среду, что и было точно тезис сатаны в Эдеме. Поскольку Бог есть наша высшая окружающая среда, это означает, что *каждый энвайронменталист находится по существу в войне против Бога*.

Это особенно важный пункт. Энвайронменталисты маскируют основную проблему своими сантиментальными призывами. Обычайное высказывание есть, что “мы должны любить грешника, а ненавидеть грех.” В смысле Святого писания это абсурд. Грех не существует вне человека; он не существует как абстракция. Нет убийства, кроме когда есть убийцы, нет прелюбодеяния, когда нет прелюбодеев. Убийство и прелюбодеяние

существуют как возможные нарушения закона *личностями*. Отделяя греха от грешника, осуждение отнимается от действительности, т.е. от личности, и перемещается на возможность, т.е. на грех. Так как грех возможный, потому что Бог сотворил человека таким, осуждение и вина за эту возможность перебрасываются следовательно к Богу. Как Адам сказал Богу: “жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел” (Быт. 3:12). Таким образом Адам обвинил Бога, создавшего эту возможность. Энвайронменталист всегда в войне против Бога.

Третье, наказание за лжесвидетельство следует принцип глаз за глаз. Здесь Райт удивительно точный:

Закон Израиля основывается на принципе глаз за глаз. Это один из самых неправильно понятых и неправильно интерпретированных принципов в Ветхом завете, а причина тому есть факт, что популярно это считается приказом о мести. Такое понимание полностью погрешное. Ни в Ветхом, ни в Новом завете, не дается человеку право мстить. Заботу об этом надо оставить Богу. Принцип глаз за глаз это правовой принцип, который ограничивает месть. Он служит, чтобы направлять судей при определении наказания, которое должно соответствовать совершенному преступлению. Поэтому он основной принцип всего правосудия, который применяется законно.^[46]

Этот принцип означает, что в случаях когда угрожается жизнь подзащитного, ложного свидетеля надо экзекутировать. Если подзащитного грозит возмещение в 1000 долларов, ложный свидетель должен заплатить 1000 долларов. Наказание по делу падает на лжесвидетеля.

Важное осознать, что этот библейский закон в прошлом был частью американского права. Он все еще фигурирует в некоторых случаях. Кларк отмечает, что “В законе штата Техас, когда лжесвидетельство совершается на процессе о капитальном уголовном преступлении, наказание за лжесвидетельство должно быть смерть.”^[47] На одном калифорнийском суде постановили:

Пора уже, чтоб граждане этого штата (Калифорния) поняли полностью, что библейское предписание, “Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего” внедренное в законе этого штата, и что каждая личность, перед любым компетентном суде, служителя, или личностью, в любом из случаев, в которых такая присяга может быть применена законом, преднамеренно и противно такой присяге, заявит как правду некоторый доказательственный материал, о котором он знает, что это ложно, виновен в лжесвидетельстве и наказывается заключением в штатской тюрьме сроком не меньше чем одного года и не больше чем четырнадцать лет. Народ против Розена (1937).^[48]

По меньшей мере хотя бы в нескольких штатах, если обвинитель преднамеренно введет ложное свидетельство, приговор отменяется, потому что обвиняемому не обеспечили права на честный суд.

Апокрифы дают нам известную историю о смертной казни, примененной против двух ложных свидетелей, которые давали показания против Сузаны. Заявляется, что “согласно закону Моисея с ними поступили так, как они предумышленно намеревались поступить со своим ближним: и они предали их смерти.”

Четвертое, закон запрещает сожаление к лжесвидетелю, и вообще к злодеям: “Да не пощадит его глаз твой” (Втор. 19:21). В самом деле, сожаление к тому, который приносит ложное свидетельство, есть радикально революционное чувство, тем что оно приравнивает нас с теми, которые разрушают социальный порядок. Христианский правовой порядок не может уцелеть после разрушения его судов, а каждая терпимость к лжесвидетельству, и к нарушению присяги вообще, разлагает правосудие и коммуникацию, и раздробляет общество. Факт, что нарушение присяги сегодня относительно не наказывается, и что ложное свидетельство в общем терпится, есть не малый аспект социального упадка.

Пятое, значение фразы, “и так истреби зло из среди себя,” уже цитировалось, а также и ее связь с Господней молитвой. Просьба “избавь нас от лукавого,” переводится лучше “избави нас от злого человека.” Опять, зло не абстрактное. Оно сатана, и оно каждый злой человек в мире. Непосредственно за этой просьбой следует славословие, “ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь” (Мат. 6:13). Царство, сила и слава принадлежат триединому Богу, не злому человеку. Те, которые приписывают тайным конспирациям радикальный постепенный контроль над людьми и событиями, приписывают царство сатане, и они сатанисты. Это самое большое из ложных свидетельств и нарушение присяги.

Зло серьезное, порочное и смертельное, потому что грешники такие. Мы нуждаемся в молитве об освобождении от злого человека. Нам дан закон, чтобы справиться с каждым злым человеком. Наказывать лжесвидетеля безжалостно. Делать ему то, что он стремился сделать другим. Действовать в каждом случае против того, кто приносит ложное свидетельство, ворует, убивает, или любым образом топчет закон Божий предумышленно. Жалеть праведного, жертву, пострадавшего, бедного и нуждающегося, вдов и сирот, но действовать против беззаконного. “Итак извергните развращенного из среди вас.”

7. Иисус Христос как Свидетель

В библейском праве свидетель не только должен дать верное и точное показание, но должен и участвовать в экзекуции преступника, если это капитальное преступление. Согласно Втор. 17:6,7:

По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля. Рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтоб убить его, потом рука всего народа; и так истреби зло из среди себя.

Тот же принцип утверждается в Лев. 24:14 и во Втор. 13:9. Полицейская власть всего народа является присущей этому закону. Каждый обязан проводить закон в жизнь, а при экзекуции свидетелям полагается ведущая роль. Проведение закона в жизнь требует участие всех уважающих закон граждан, а закон требует их содействие.

Значение слова “свидетель” однако запуталось из-за послебиблейского использования греческого слова за *свидетель*. Древнееврейское слово за свидетель, *ed, edah*, дается в греческом Новом завете как *martus, marturion*. Само греческое слово есть точный перевод Ветхозаветного слова, как выясняют Мат. 18:16; Мар. 14:63, и многие другие пассажи. Но греческое слово *martus* дало начало английскому слову “*martyr*” (мученик), и в результате произошла забавная путаница. Свидетели о Христе были экзекутированные Римской империей, и результат был странное обращение значения. В библии свидетель тот, который работает на применение закона и помогает его исполнению, даже до участия в смертной казни. “*Martyr*” (мученик) должно означать совсем обратное, т.е. тот,

кого экзекутируют, а не кто экзекутирует; тот, кого обвиняют, а не кто главный в обвинении. Результат есть серьезное непонимание Святого писания.

Этот пункт тем более важный, потому что Иисус Христос определяется как высший *Свидетель*:

И от Иисуса Христа, Который есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных. Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею, и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков! Аминь (Отк. 1:5, 6).

И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия (Отк. 3:14).

Свидетельство Иисуса Христа касается Его земной миссии; потом Его смерть и воскресение цитируются в Отк. 1:5, Его триумф над ложным свидетельством против Него, а потом в стихах 5,6, Его воцарение над временем и вечностью, и воцарение Его народа вместе с Ним.^[49] В письме к лаодикиянам Христос определяет Себя опять как “свидетель верный и истинный.” Значение очевидно состоит в этом: Иисус Христос свидетельствует против эту церковь и обещает выполнить приговор против них, если они не покаются (Отк. 3:15 и т.д.). Как более великий Мойсей, как Сам великий Пророк (Втор. 18:15-19), Иисус Христос одновременно законодатель и исполнитель закона. Израиль отверг Его, и назвал Его свидетельством ложным; поэтому Он осудил Израиля на смерть (Мат. 21:43; 23:23-24,28). Закон был применен к Израилю. Он принес ложное свидетельство против Иисуса Христа (Мат. 26:65; 27:22) и осудил Его на смерть. Библейское наказание за такое лжесвидетельство есть смерть (Втор. 19:16-19). Значение Иисуса Христа как “свидетель верный и истинный” состоит в том, что Он не только свидетельствует против тех, которые находятся в войне против Бога, но и экзекутирует их.

Связанное с этим званием “свидетель” есть другое – “Аминь” (Отк. 3:14). Божий Аминь означает, что Он верный, т.е. “Это так, и должно быть так,” пока человеческий “аминь” есть согласие с Божьим, и означает “пусть будет так.”^[50] Аминь был часто согласием с законом (Втор. 27:15, ср. Неем. 5:13). Иисус Христос есть Аминь Бога, потому что “все обетования Божии в Нем” (II Кор. 1:20).^[51] В Откровении 3:14 Иисус есть Аминь, потому что Он “свидетель верный и истинный.” Он, который объявляет закон, дает показание, касающее всех преступлений против него, и когда люди не примут свое смертное наказание в Христовом искуплении, Он выполняет приговор против преступника.

Следовательно Иисус Христос как свидетель есть Господь и Судья над историей. Он дает показания касательно людей и наций, выносит приговор против них, а потом приступает к их наказанию, или к исполнению приговора. Он есть Примиритель, который носит скипетр, который есть законодатель, и “Ему покорность народов” (Быт. 49:10). Как Господь истории и “свидетель верный и истинный,” Иисус Христос следовательно свидетельствует против каждого человека и нации, которые устанавливают свою жизнь на другой предпосылке, а не на суверенном и триедином Боге и на Его непогрешимом и абсолютном законе-слове. Крест Христа свидетельствует против человека; он объявляет, что человек не только нарушил закон Божий, а потом удвоил свою вину самооправдывающими извинениями, но он принес дальше ложное свидетельство против Господа славы и потребовал Его смерть. Человек попытался заgrabить наследство, Царство Бога (Мат. 21:38) по своим собственным условиям. Поэтому крест требует осуждение. Ложные свидетели против Иисуса Христа, с которыми все неверующие, все вероотступные духовники, и все нации и институты, отрицающие Его суверенитет и Его закон-слово, единодушно соглашались, согласно этому закону заслуживают смерть (Втор. 19:16-21). Так Христос извергает зло из Своего царства, во времени и во вечности.

Говорить о Христе как о *мученике* в современном смысле слова, это есть извращение Святого писания. Как свидетель на непрерывном судебном процессе, а тоже и при последнем осуждении, и как Царь и судья над людьми и нациями, Он не мученик, а экзекутор, не жертва, а великий победитель над злом.

Девятая заповедь, следовательно, имеет скрытое значение. Она необычайная среди заповедей тем, что ее ключевое слово “свидетель” становится мессианский титул. Таким образом этот особый закон-слово сам по себе есть свидетельство о Свидетеле, утверждение неизбежного триумфа Христа и Его царства. Несостоятельность церкви осознать скрытое значение этого закона относительно свидетельства и титула “свидетель верный и истинный,” не изменяет это значение и неизбежность суда и триумфа Христова. Несостоятельность церкви служит только, чтобы сделать их в лучшем случае недостойными, годящимися только чтобы сдать их в архив, или выбросить на свалку как бесполезные.

По своей дороге к кресту, Иисус обратился к женщинам, которые плакали о Нем, говоря: “Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо мне, но плачьте о себе и о детях ваших; Ибо приходят дни, в которые скажут: ‘блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!’ Тогда начнут говорить горам: ‘падите на нас!’ и холмам: ‘покройте нас!’” (Лук 23: 28-30). Так сказал Христос Свидетель, который уже вынес приговор к экзекуции над миром и церковь Его дней.

8. Ложное свидетельство

Дискутируя “ложное свидетельство,” мы имеем дело с различными лжесвидетельствами, и в известном смысле могли бы заявить, что вопрос заключается просто в искажении, что ложное свидетельство запрещается в любой его форме. Однако в законе цитируются тонкие, но важные различия, и мы должны осознать их. Изучая специфический контекст закона, в виде его значения иногда показывается многое. Например значение Исх. 23:1,2, становится ясным, если исследовать стихи 1-9:

Не внимай пустому слуху, не давай руки твоей нечестивому, чтоб быть свидетелем неправды. Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды. И бедному не потворствуй в тяжбе его. Если найдешь вола врага твоего, или осла его, заблудившегося – приведи его к нему. Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его: развьюсь вместе с ним.

Не суди превратно тяжбы бедного твоего. Удаляйся от неправды, и не умерщвляй невинного и правого; ибо Я не оправдаю беззаконника. Даров не принимай; ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых. Пришельца не обижай: вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами в земле Египетской.

Прежде чем исследовать этот пассаж, пусть отметим то, что Исаак Бароу давным давно сказал о девятой заповеди:

Это по древнееврейски: *Не отвечай* (а именно когда тебя спрашивают или заклиняют на суде) *против твоего ближнего как ложный свидетель*; так что прежде всего, видно, давать ложное показание против нашего ближнего (особенно по вопросам капитального или очень большого интереса для него) запрещается; и еще не только это великое преступление, но и все вредное (даже вне суда), повреждающее каким-либо образом репутацию нашего ближнего, и следовательно его безопасность или его благополучие, запрещается; все это мы можем извлечь из объяснения этого закона, или параллельного закона, который мы имеем в Левите: *“Не ходи переносчиком в народе твоём, сказано там, и не восставай на жизнь ближнего твоего”*; переносчиком значит разносить или распространять злые сообщения и рассказы касательно нашего ближнего; клеветить его, или унижать его, или выводить в сознании людей плохое мнение о нем; которая подлая и злонамеренная практика сообщается и осуждается в другом месте под разными именами...[\[52\]](#)

Итак, закон против ложного свидетельства в первую очередь касается суда по закону, а на втором месте касается жизни общности. Исход 23:1-9 устанавливает закон о ложном свидетельстве в обоих его значениях, в контексте более широкого требования о правосудии. Рилаардам называет стихи 1-9 “группой принципов и предостережений,” предназначенной дать “дух правосудию и позволить всякие законные решения.”[\[53\]](#) В этих законах выявляются несколько принципов. *Первое*, набожный человек должен действовать по условиям Божьего закона, а не по условиям толпы или “большинства,” потому что дух толпы, хотя и мощный в управляющем человеке, редко, если не и никогда, бывает закон Божий (ст. 2). Человек должен иметь отвагу и веру; не мощь человека, а мощь Бога, должна руководить им. *Второе*, как его не может направлять толпа, так ему нельзя руководиться личными соображениями, т.е. сожалением к бедному (ст. 3), ни приятельство с богатым (ст. 6). Взятки – даже еще большие примеры об искривлении закона, тем что они ослепляют человека о действительном состоянии вещей, так что он преднамеренно дает ложное свидетельство, как свидетель или судья (ст. 7,8). Пришелец или чужой должен получить то же правосудие, как приятель (ст. 9), а врагу мы должны такую же справедливость и помощь в действительной нужде, какую и другу (ст. 4,5). *Третье*, злонамеренное свидетельство осуждается, как и ложные вести, в первом стихе, и мы можем сделать вывод, что все следующие стихи дают примеры о таких ложных сведениях или злонамеренных свидетельствах. Вкратце, есть близкая и обязательная связь между словами и делами. Злонамеренность в словах означает и злонамеренность в делах. Человек, который дает ложное и злонамеренное сведение или свидетельство касательно своего ближнего, на суде или вне его, вероятно не пожелает помочь этому человеку, если его вол заблудится, или его осел упадет под перегрузкой. Нечестный свидетель по существу есть непочтенный ближний.

С современной точки зрения, со словами часто обращаемся как будто они ничто. Свобода слова интерпретируется как тотальное право высказывания без последствий, идеал, который никогда полностью не внедряется в практику.

Мечта об абсолютной свободе слова есть миф и иллюзия. Никакое общество никогда не позволит это. Мы не признаем право человека кричать “пожар!” в переполненном театре, ни призывать к экзекуции Президента, ни публиковать полностью ложные и злонамеренные выступления о каком-либо человеке. Слово должно быть ответственным, чтобы быть свободным, и есть социальная необходимость в свободе ответственного слова. Сторонники свободного слова логически должны требовать тоже свобода действия, свобода от всякой ответственности о словах и о действиях. Никакое общество не может существовать, если позволит такую полную свободу от ответственности. Не удивительно, что самыми громогласными сторонниками свободного слова сегодня оказываются те сторонники революции, которые завтра будут отрицать свободу слова для всех других. Они притесняют свободное слово из-за страха как от ответственного слова, так и от безответственного. Основанием для их опасений от противоречущих слов отчасти является политическая безопасность, а отчасти религиозный страх.

В древнем языческом веровании слово имело магическую силу. Слово и действие были связаны *творчески*. Поскольку человек есть бог всего гуманизма, а язычество было гуманистское, поэтому считалось, что у слова была созидательная сила. Следовательно древние искали магическое слово, которое управляло специально могущественными действиями: “Сезам, откройся!,” “абракадабра” и т.п. Владением этого слова человек владел специальными силами. Сегодня это верование отражается в окултизме, и в тайных масонских ложах с специальными паролями и тайными условиями.

Это не отсутствует однако и в светском и общественном гуманизме, где магическое определение слова и действия часто имеет существенное значение. Склонность к мастерам речи может быть видна в этом: американские либералы предпочитали немого Джона Ф. Кенеди, который говорил язык интеллигентов, совсем существенным социальным достижениям Линдона Б. Джонсона, которому не хватало та словесная мощь, так радующая либералов.

Более ясный пример есть вера гуманистов в силу рационально задуманных планов и идей. Поскольку принимается, что творческое слово человека имеет божественную силу, так что слово есть действие, *как у Бога*, так и гуманистские интеллигенты принимают, что раз их рациональные и научные планы придуманные, то хватит только чтоб государство объявило их, чтобы они превратились в реальность. Результат есть очень большая вера гуманистов в силу законодательства.

Ван дер Лию обобщает умело это:

Слово решает возможность. Потому что оно действие, позиция, трибуна кого-то, и упражнение власти, и в каждом слове есть что-то созидательное. Оно выразительное, и существует выше так называемой действительности.[\[54\]](#)

Для гуманиста слова негуманиста, неприравненного, непосвященного – пустые, праздные слова; слова элиты – творческие, божественные слова.

Библейская позиция состоит в том, что человек, созданный по подобию Божью, говорит не созидательное, а аналогичное слово, т.е. что он может думать и высказывать Божие мысли подобно Ему, и в этом есть сила человека. Человек упражняет власть и владычество под Богом в такой степени, в какой он говорит и действует в смысле Божьего созидательного слова.

Одно из искушений сатаны это что человек может высказать свое божественное и созидательное слово: “будете как боги, знающие добро и зло” (Быт. 3:5). Человек, согласно сатане, тогда установит свое божественное слово, будет говорить и объявлять сам, что такое добро и зло. В мире сатаны слово человека есть действие, а новый мир рождается, когда человек отделяет себя от Бога через слово.

Слово важное для человека, потому что он создан по подобию Божью. *Слова* – тема двух заповедей: третьей и девятой. Когда человек дает ложное свидетельство, когда он произносит имя Господа напрасно, или действует в нарушении его, тогда человек отвергает Божий образ в пользу утверждения сатаны, что человек сам сделал себя. Когда Сартр твердит, что человек сам создает свою сущность, т.е. что человек определяет себя и выводит себя в бытие из ничего, то он подтверждает позицию сатаны. Но когда человек дает верное свидетельство в полном смысле слова, тогда он выявляется в смысле восстановленного образа Бога.

Контекст Исх. 23:1-9 выясняет, что верное свидетельство есть часть дороги жизни, дух правосудия. Верное свидетельство переступает пределы личных отношений как приятельство или враждебность к человеку. Когда люди не имеют право на истину, это не потому что мы ненавидим их, а потому что они в войне с Божьим законом, пытаюсь извлечь правду из нас со злыми и незаконными намерениями.

Загвоздка в том, что закон Божий должен управлять нами. Как отметил Ван Тил касательно философской мысли: “Бог оригинальный... а человек производный.”^[55] Более того, “Если кто-нибудь не сделает человеческое знание полностью зависимым от оригинального самопознания и соответствующего откровения Бога человеку, тогда человек должен искать знание в себе как конечный ориентировочный пункт.”^[56]

Отнесенное к миру права, это означает, что критерий для оценки слова не человек. Закон Божий не позволяет нам использовать слова в зависимости от нашей любви и ненависти, от того что нравится или не нравится нам, или от нашей выгоды и ущерба. Аналогичное слово означает повинное слово. Слова Раав и повивальных бабок были повинными словами, а Давид говорит тоже, что Божий человек тот, “кто клянется, хотя бы злему, и не изменяет” (Пс. 14:4), т.е. человек, который дает честные показания на суде по закону, хотя и уреждающие ему. В самом деле весь псалом утверждает значение всецело истинного свидетельства:

Господи! Кто может пребывать в жилище Твоем? Кто может обитать на святой горе Твоей? Тот, кто ходит непорочно, и делает правду, и говорит истину в сердце своем; кто не клеветает языком своим, не делает искреннему своему зла, и не принимает поношения на ближнего своего; тот, в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Бога славит; кто клянется, хотя бы злему, и не изменяет. Кто серебра своего не отдает в рост и не принимает даров против невинного. Поступающий так не поколеблется во век. (Пс. 14).

Этот псалом представляет комментарий об Исх. 23:1-9. Аналогичное слово есть слово верного свидетельства в процессе повинования. Верное свидетельство сравнивается с начала до конца с Богом и с Его правосудием, а не с человеком и с его желаниями.

Когда абсолютный закон-слово Бога не соблюдается, истина и истинное свидетельство быстро исчезают. Книга *Танцующему богу*, которую написал Сам Кийн, начинается так:

Я, Сам Кийн, написал эту книгу. Голос, который говорит вам в этом трактате, мой. Это не голос Философии, или Теологии, или Современного человека. То, что я предлагаю, представляет серию личных рассуждений по вопросам, проблемам и кризисам, с которыми я боролся. Заключение, к которым я пришел, не неизбежные. Возможно, что и мои сомнения, и моя уверенность, слишком интимно связанные с некоторыми специфичными элементами моей автобиографии, чтобы быть типичными для этого туманного творения, называемого “современным человеком.” Когда я говорю с уверенностью, это потому что открыл некоторые элементы образа жизни, которые удовлетворительные для меня. Однако у моих утверждений нет никакого авторитета, если вы не решитесь присоединить свой голос к моему. Вот так с моей стороны. Я не могу сказать как это с вашей. Тем не менее я приглашаю вас заменить “я” в этом трактате на “мы,” когда вы найдете, что согласны со мной.^[57]

Без абсолютного слова Бога человек может предложить только “образ жизни,” а не истину: авторитет тоже отсутствует, когда отсутствует истина. Способность различать добро и зло, правда и ложь, тоже отсутствует, потому что в экзистенциалистском мире все относительно, и человек находится вне добра и зла. Били Грахам, постепенно приближаясь к некоторой концепцией о правде, основанной на опыте, мог сказать, что он отказывается дискутировать о коммунизме, хотя когда-то он был известным как большой враг этой системы. “Уже долгие годы я не говорю об этом,” сказал он, “я не могу ходить по миру и говорить что правда и что неправда.” Комментарий Грахама вышел в интервью, опубликованное немецким журналом *Der Spiegel*, и цитировался Робертом Дейвисом в его колонне “Короткие новости.”

Когда правда и высказывание правды отделяются от Бога и от Его абсолютного закона-слова, они исчезают.

9. Ложная свобода

Обобщение девятой заповеди, и ее обязательного проведения в жизнь, представленное в Прит. 19:5: “Лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, не спасется.” Слово “говорит” можно перевести может быть и как “выдыхает.” Вкратце, закон требует, *первое*, преследование ложного свидетеля, и *второе*, преследование лжецов и клеветников.

Следовательно библейский закон о слове не декларация о свободе слова, а запрещение ложного свидетельства на суде, и злонамеренных и ложных высказываний касательно людей и событий в ежедневных делах. Различение этого очень важное. Библейский закон дает свобода верному, а не ложному свидетельству в его самом широком смысле. Настоящая свобода слова основывается на запрещение ложного свидетельства.

По этому пункту превалирует очень серьезное непонимание американской конституции от 1787 года. В частности Первая поправка гласит: “Конгресс не может издавать законы, касающиеся устанавливания некоторой религии, и отсюда и запрещения свободного упражнения других; или ограничивающие свободу слова или прессы...” Теперь это означает преобладание федеральной интерпретации во всех областях Соединенных штатов; первоначально оно означало, что федеральному правительству запрещается любое право на законодательство касательно религии, слова или печати, потому что эти области резервировались для граждан и/или штатов. Различные штаты имели религиозные постановления и не хотели, чтобы федеральное постановление управляло ими. Комментарий Джона Генри Гопкинса, епископа Епископальной церкви епархии Вермонт, самый показательный, чтобы понять мышление американцев по этому вопросу семь лет после написания Конституции:

Религиозные права граждан Соединенных штатов состоят в упражнении своего собственного сознательного выбора среди всех форм нашего обычного христианства, которые существовали в то время, когда составлялась Конституция. Надо взять это как полное ограничение справедливой и правовой презумпцией, как первые две главы удовлетворительно утверждали. Поэтому я нахожу абсурдным предположить, что банда индусов может установиться каким-то образом на нашей территории, и претендовать о *праве*, по Конституции, организовать публичное богослужение Брама, Вишну, или их образам. Одинаково неконституционно было бы, если китайцы ввели бы богослужение Фо или Буды в Калифорнию. Ни что могла бы компания турок твердит о праве построить мечеть для религии Магомета. Однако есть один случай, а именно с евреями, который составляет явное исключение, хотя на самом деле подчиняется тому же принципу. Потому что значение Конституции может извлекаться только из *разумного намерения людей Соединенных штатов*. Их язык, религия, обычай, законы, и образ мышления, все переносятся из их материнских стран; и мы обязанные верить, что то, которое публично воспринималось в Англии, бесспорно подлежало бы защите здесь. На этом основании нет сомнения о конституционном праве наших еврейских сограждан, чьи синагоги давным-давно установились в Лондоне. Но с этим единственным исключением, я не могу найти *никакого права* о публичном упражнении некоторой религиозной веры, под нашей великой Федеральной хартией, которая не признавала бы божественный авторитет христианской библии.^[58]

Многие из сегодняшних американцев не согласились бы с Гопкинсом, но в 1857 году большинство были согласными, и обширная история права подтверждает их позицию. Бил о Правах (Bill of Rights) следовательно был закон об иммунитетах против федерального законодательства в некоторых областях, а не запрещение штатского или местного законодательства.

В двадцатом веке в Америке, как и в Европе, верилось что идеальный социальный порядок и гражданское управление были те, которые посвящались *свободе*, которые ставили как свою основную цель свободу религии, слова и прессы. Но общество, которое ставит как свою главную цель свободу, теряет ее, потому что на самом деле оно сделало свою цель свободу от ответственности, а не ответственность. Когда ударение падает главно на *свободу*, поощряется не ответственное слово, а безответственное. Если свобода прессы абсолютизируется, клевета защищается в конце концов как привилегия о свободе, и если свободное слово абсолютизируется, злословие в конце концов становится правом. Религиозная свобода становится триумфом атеизма. Тирания и анархия берут верх. Свобода слова, прессы и религии, все они открывают дорогу контролю, тоталитарному контролю.

Целью должен быть Божий правовой порядок, только в котором есть настоящая свобода. Закон против ложного свидетельства основной для настоящей свободы. Сегодня, во имя свободного слова и свободной прессы, поощряется ложное свидетельство, и законы против клеветы и злословия прогрессивно исчезают. Если ложная религия имеет права, почему бы не было таких и у ложного свидетельства? Возвратить свободу над всем другим, абсолютизировать свободу, значит отвергать различие между истинным и ложным свидетельством.

Когда свобода абсолютизируется и считается первичной и превосходящей добро и зло, правду и ложь, тогда Закон Грешама начинает действовать также и в этой области. Как плохие деньги вытесняют хорошие деньги, так и ложь вытесняет правду, порнография вытесняет хорошую литературу и чистые забавления и т.д.

Из-за удара на свободе слова и свободе прессы, Соединенные штаты и другие страны стали свидетелями быстрого триумфа нечестной рекламы и торговли.^[59] В этих областях преобладает самый скандальный вид зла, и каждая попытка уничтожить его писаным законом раскрывает новые перспективы для вторжения. Ни писанные законы, ни административные агентства гражданского управления не в состоянии справиться эффективно с этой проблемой. Но если уголовный закон основывался бы на библейском праве, тогда каждая форма ложного свидетельства была бы уголовным преступлением. Тогда и каждый случай обманной торговли, ложной рекламы, заблуждающего представления, был бы уголовным преступлением.

Когда ложное свидетельство защищается законом во имя свободы, тогда появляется прогрессивное снижение качества в каждой области. Если принимается, что свободное предпринимательство означает свободу для нечестного предпринимательства, для обманных товаров и обманной торговли, тогда свобода честного предпринимательства ограничивается. По принципу Грешама низкосортные товары, продаваемые обманно как качественные, вытесняют действительно лучших товаров, которые по необходимости продаются по более высокой цене.

Поскольку в нескольких поколениях почти все законы против ложного свидетельства перестали действовать, наблюдается прогрессивная замена честного предпринимательства радикально нечестным предпринимательством. Даже остатки законов против клеветы и злословия требуют гражданский иск от пострадавшей страны, потому что уголовный закон в общем не интересуется ложным свидетельством.

Уже почти два века пресса есть главная угроза свободы, вместо того чтобы быть ее опорой. Новоприобретенный иммунитет против вмешательства государства быстро сочли значущим анархию, и у прессы

появилась долгая история о злоупотреблении силой. Она постоянно порождает ложные свидетельства и защищает свое право поступать таким образом под видом “свободы прессы.” Доклад о новостях от 1970 года дал показательную оценку о природе проблемы:

Есть нарастающий интерес, сообщил недавно Лондонский *Sunday Telegraph*, к тайным расследованиям Подкомитета американской Палаты представителей Комитета по междуштатской и внешней торговле, которые раскрыли доказательства об “обманном репортаже Американской организации новостей, национальных журналов, и об их ‘искаженном, небрежном, и высокомерном’ обращении с новостями.”

Доклад сообщает, что экипаж телевидения, посланный отразить студенческую демонстрацию в Калифорнии, прибыл на место со своими собственными плакатами, которых раздали демонстрантам, чтобы फिल्мировать их с ними; что репортерские организации участвовали на судебных процессах, факт который Вашингтон определяет как “непростимое вторжение в администрацию правосудия”; что отдел новостей CBS попытался финансировать “вторжение командосов в Хаити” – настоящий план о “вмешательстве в иностранные дела.”

Экипаж расследования открыл тоже доказательство, что CBS сделала фильм по слухам о собрании курильщиков марихуаны среди студентов колледжа в пригороде Чикаго. Фильм об этом собрании появился позже как законный репортаж новостей, чтобы документировать широко распространенное употребление наркотиков “среди студентов колледжей высшего класса,” и чтобы подтолкнуть к радикальным изменениям в законах против наркотиков.

Комитет Конгресса рекомендовал в конце, согласно *Sunday Telegraph*, расширить “раздел Закона о федеральной коммуникации, запрещающий ‘обманную практику’ в представлениях телевидения, так чтобы сделать ‘фальсификацию’ новостей федеральным преступлением.”^[60]

О систематическом искажении новостей сообщали сами репортеры.^[61]

Когда свобода превращается в абсолютизм, результат не свобода, а анархия. Свобода должна быть под законом, или это не свобода. Отмена всех законов не производит свободу, а анархию и рай для убийц. Маркиз де Сад хотел такой мир; свобода, которую он требовал, превращала все набожные люди в потенциальные жертвы, и обеспечивала вольность для убийства, грабежа и сексуального насилия. Только правовой порядок, который поддерживает верховенство Божьего закона, может принести настоящую свободу, свободу правосудия, истины, и набожной жизни.

Свобода как абсолютизм есть просто утверждение “права” человека быть своим собственным богом; это означает радикальное отрицание Божьего правового порядка. В этом случае “свобода” есть другое название претензии человека о божественности и автономии. Это значит, что человек становится своим собственным абсолютизмом. Слово “свобода” таким образом есть претекст, использованный гуманистами всех видов – марксистами, фабианцами, экзистенциалистами, прагматиками, и другими – чтобы маскировать претензию быть своим собственным абсолютизмом.

Свобода сама по себе означает свободу для чего-нибудь определенного. Если все люди “свободные” убивать, тогда нет никакой свободы для живущих набожно; тогда невозможны никакой мир и порядок. Тогда люди больше не свободны ходить по улицам безопасно. Если люди “свободные” воровать без наказания, тогда нет свободы для частной собственности на имущество. Если у людей есть неограниченная свобода слова и свобода прессы, тогда нет свободы для правды, потому что не существует нормы, позволяющей судить и наказывать обнаружение или публикацию лжи. Тогда ложное свидетельство поощряется, а значение истины отрицается. Заповедь Иакова была такой: “Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы” (Иак. 2:12). Есть закон о свободе; без закона нет свободы.

Движение о “свободе слова” в Калифорнийском университете в Бэркли в начале 1960-ых годов, было логическим применением идеи о незаконной свободе. Студенты использовали систему публичных обращений, чтобы кричать непристойности во имя свободы слова, и чтобы требовать “право” совокупляться открыто на университетском дворе как собаки. Студенты были более логичными, чем их преподаватели; они настаивали на доведение свободы слова до ее логического заключения, и они сознавали лицемерие либералов, которые защищали свободу слова, но увивали при практиковании ее. Они были тоже логичными и в своих сексуальных требованиях: если свободное слово есть действительный стандарт, почему бы нет и свободное действие? Их выбор безответственной свободы был честным, хотя и злым таким: они толкали либеральный идеал к его логическому заключению.

Обычно либеральный интеллектual возражает любому ограничению его абсолютного стандарта о свободе, на двух основаниях. *Первое*, он утверждает, что свобода слова более важная чем любое другое соображение, и подобно этому свобода прессы важнее, чем ответственность. *Второе*, он может быть согласиться что порнография есть зло, но “как можно определить ее?” Некий студент сообщил, что университетский профессор и его класс заключили, что порнография не существует, потому что они оказались неспособными определить ее. В этом состоит заблуждение рационалистов – только то, что рациональное, оно действительное, а рациональное включает то, что можно точно и научно определить. Вместо того, чтобы жизнь была важнее дефиниции, дефиниция важнее жизни. Для интеллектuala вещь не существует, пока он не определил ее, пока его предположительно созидательное и определяющее слово не призвало ее к существованию. Легко признать порнографию; нелегко определить ее. Легко признать друга, но не так легко определить что такое друг. Большая часть действительности не поддается дефиниции. Отсюда и слабость писаного закона: поскольку он настаивает на точное определение каждой отдельной разновидности преступления, тем он создает проблему о своем проведении в жизнь. Для этого закона недостаточно, что убийство или кража совершились; надо найти в кодексе “подходящую” дефиницию преступления, и дефиниция должна подходить к преступлению, иначе закон не признает преступление! Библейское право постановляет просто: “Не убивай,” и “Не кради,” легко распознаваемое, и не нуждающееся в дефиниции. Поскольку реальность не всегда поддается полной дефиниции, точная дефиниция преступлений законом означает, что большая часть преступной деятельности отсутствует в каталоге преступлений.

10. Лживый язык

В Святом писании есть многое сказанное о лживом языке. Комментарий Соломона по этому вопросу особенно показательный:

Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его: Глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие кровь невинную. Сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, Лжесвидетель, наговаривающий ложь и посевающий раздор между братьями (Прит. 6:16-19).

Из семи грехов, цитированных здесь, три прямо связанные со словом, т.е. “лживый язык,” “ложный свидетель,” и “посевающий раздор между братьями.” Как комментировал Делич, верхний пункт Соломона то, “что никакой грех не составляет большей мерзости Богу, чем (на самом деле сатанинское) стремление посеять раздор между людьми, любящими друг друга.”^[62] Эти семь грехов тесно связанные. “Первые три характеристики связываются друг с другом как духовная, устная, действительная.”^[63] Четвертая имеет дело с сердцем; пятая – с ногами “быстро бегущие к злодейству”; шестая опять устная, как и седьмая. “Главное из всего, что ненавидит Бог, это тот, который испытывает дьявольское удовольствие от посеяния раздора между близко связанными людьми.”^[64]

Как древние евреи понимали этот вопрос, становится явным из комментариев Сына Сираха о законе. Сын Сираха осуждал всех, кто рассчитывал на сновидений и обожествлений, но ложном пророчестве всякого вида. Отражая Святого писания, он спрашивал: “У нечистой вещи что может быть чистым? А в чем-нибудь ложном что может быть правдой?”^[65] Он добавил, что “Закон надо соблюдать без никаких таких фальшивок, А мудрость находит совершенство на частных губах” (Ecclus. 34:8). Даже больше, Сын Сираха заявил, что “Вор лучше, чем привыкшего лжеца, Но оба они обреченные уничтожению” (Ecclus. 20:25). Этот пункт особо важный. Вор отнимает имущество человека, но этим он не вредит его репутацию, пока лжец действительно вредит репутацию человека и ограбляет у него покой, и не однажды, а постоянно, потому что ложь распространяется и остается. Отсюда и острое осуждение лживого языка Соломоном и всем Святым писанием.

Поэтому клевета и злословие являются очень серьезными преступлениями. Злословие есть ложное свидетельство о человеке, выраженное устным словом; это сплетня, которая действительно вредит характер или имущество человека, его службу или профессию. Клевета есть ложное свидетельство, выраженное письменным словом, изображением, или символами. Все они формы ложного свидетельства.

Во все времена ложное свидетельство широко существовало, потому что человек грешный, но в современной эре оно специально превратилось в утонченную науку. Гуманистский человек, от Макиавели, через Гегель, Маркс, Ницше, до настоящего, не веря в абсолютный закон, оживил платоническую доктрину о праве государства лгать. Особенно с рождением революционной эры, ложь стала главным инструментом гражданской политики. Порочные злословия и клеветы о Людовике XVI, Марии Антоанете, и Наполеоне, присутствуют в учебниках и по сей день. Из-за двух мировых войн ложь сильно распространилась и на международную политику.

Здесь надо разобраться в различиях. Ведение войны требует стратегического обмана, но никакого ложного свидетельства насчет характера врага нельзя оправдать. Подобно Раав мы не должны говорить правду кому-нибудь, который стремится убить набожного человека, но мы обязанные приносить верное свидетельство, касающееся нашего врага. Ложное свидетельство насчет Германии в Первой мировой войне было явным злом. Рассказы о немецких зверствах были сочиненными и были полностью порочно ложными.

Ложное свидетельство порожденное в течении Второй мировой войны касательно Германии специально замечательное и показательное. Многократно повторяется обвинение, что шесть миллионов невинных евреев убиты нацистами, и число – и даже большие числа – теперь закрепилось в исторических книгах. Понсин, обобщая исследование французского социалиста Поля Расиние, сам заключенный Бухенвальда, заявляет:

Расиние пришел к выводу, что число евреев, которые умерли после депортации, приблизительно 1,200,000, и это число, говорит он нам, окончательно принимается как действительное Мировым центром современной еврейской документации. Подобным образом он отмечает, что Поль Гилберг в своем исследовании той же проблемы, насчитал в общем 896,292 жертвы.^[66]

Очень много из этих людей умерли от эпидемий, многие были экзекутированные. Мы вернемся к этому вопросу дальше.

Между прочим, отметим что немного сказанно об очень интенсивных массовых убийств, совершенных коммунистами. Соединенные штаты помогли в этом, сдавая генерала Власова и его армию из русских антикоммунистов, чтобы коммунисты экзекутировали их! Коммунисты экзекутировали 12,000 офицеров польской армии в Катинском лесу; 400,000 поляков умерли по пути во время их депортирования. Из 100,000 немцев плененных под Сталинградом, только 5,000 вернулись живыми, 95,000 умерли в лагерях для военнопленных; 4,000,000 немцев, депортированные коммунистами из Силезии умерли, и т.д.^[67] Британцы и американцы 13 февраля 1945 года атаквали по воздуху Дрезден, госпитальный город, и убили 130,000 человек, почти дважды, чем жертвы в Хиросиме, без какого-либо военного основания.^[68] Таким образом, даже не рассматривая военный театр Пасифика, ясное что все участники занимались не только войной, но и убийствами, при этом коммунисты следовали это как обычная политика государства.

Обратимся теперь к другому аспекту той же проблемы. Популярный послевоенный роман описал события в Аушвице в течении войны, и представил свой материал не только как факт, а действительно использовал настоящие имена живых личностей. Например польский врач, который был военнопленным в лагере и служил в лагерной медицинской команде, получил задание провести 17,000 “экспериментов” над еврейскими заключенными, проводив хирургические операции без анестезией. Доктор немедленно подал в суд на писателя за клевету. Суд, состоявшийся в Лондоне, быстро свел 17,000 случаев на 130 признанных таких; основными в этих

“экспериментов” были стерилизация еврейских женщин и кастрация мужчин. Свидетели показали, что если бы доктор отказал, его самого убили бы. Число *установленных* случаев было небольшим; 17,000 было ложным числом. Судья, в своем обращении к присяжным, заявил что он не может дать им “никакие напутствия насчет морали.” Доктор выиграл процесс, его возмещение была малейшая монета в королевстве – пол пенни; его доля в судебных расходах была около 20,000 фунтов.[69] Присяжные согласились, что он был жертвой клеветы, но они сочли тоже, что вина была все-таки достаточно реальной, чтобы он не заслужил больше, чем символической победы.

Этот процесс поставил в фокус основную нечувствительность к правде, слишком сильно характеризующая эти годы. Факт, что доктор под каким-нибудь давлением выполнил такие операции, сам по себе есть безобразный факт. Если были выполнены только десять, или даже только одна, вместо 130 или 17,000, преступление реальное и очень серьезное. Почему тогда это огромное преувеличение? Почему эта слишком злобная интерпретация со стороны людей, которые противопоставлялись политике Союзников, такие люди как Лавал и Кислинг, по своему “патриоты,” не лучшие, чем некоторые из Союзных лидеров, худшие чем некоторые, и может быть лучшие, чем большинство?[70]

Пусть исследуем опять массовые убийства в течении Второй мировой войны, и задний план ложного свидетельства в течении Первой мировой войны и позже. Для этих государственных лидеров и для их последователей жизнь человека стала настолько дешевой и незначительной, что одно или две убийства не означали ничего. Подобным образом, нельзя было ожидать, что поколение, приученное к насилию из фильмах, радио, литературы и прессы, будет реагировать на убийство или две. Результатом была безнадежно искаженная душевность, которая могла бы оценить зло как зло только в массовом масштабе. Скажем, на самом деле нацисты экзекутировали много тысяч, десять, или сто тысяч евреев. Люди, для которых такие убийства были ничтожными, должны были надуть число до миллионов. Скажем, доктор совершил несколько экспериментов над живыми мужчинами и женщинами. Несколько стерилизованных женщин и несколько кастрированных мужчин, и их ужасающие слезы и мучения, недостаточные возбудить тошноту и раздражить пресыщенный вкус современного человека: сделай его виновным в совершении 17,000 операций. Зло было совсем достаточно реальным: приносить ложное свидетельство о нем есть даже большее зло, потому что это ложное свидетельство причинит еще более порочную реальность при следующем перевороте. Люди теперь “примирились” к миру, где убиваются миллионы, или говорят, что убиваются. Что будет необходимо как действие и пропаганда в следующий раз?

Во время Второй мировой войны одна краткая и популярная книга намекнула о новой душевности. Кауфман призвал в 1941 году к полной стерилизации всех немцев и таким образом к элиминированию германской нации.[71] Кауфман не был один. Писатель Эрнест Гемингуэй призывал к массовой стерилизации всех членов нацистских партийных организаций в предисловии своей книги *Люди на войне*. [72] Гарвардский антрополог Эрнест А. Хутон призывал к “выметании” немецких лидеров и к “последующему расселению остального немецкого народа по всему миру.” [73]

Ввиду этой массовой нечувствительности к убийству, которая привела к обращению к ложному свидетельству, к преувеличиванию зла чтобы выглядело злым, само зло разрастается с целью идти в темноту с воображением людей, а злое воображение основывается на ложном свидетельстве. В Первой мировой войне турки хотели истребить все армяне; тогда это потрясло мир. Сегодня некоторые негры свободно говорят о массовом убийстве всех белых, а некоторые белые страстно желают смерть всех негров, но шок от такого мышления уменьшается с каждым днем.

Основным для всех лживых языков является нежелание принять ответственность. Наш Господь называет сатану отцом лжи (Иоан. 8:44), а Адам и Ева, после того как приняли принцип сатаны, немедленно солгали о своей вине (Быт. 3:9-13). Когда люди уклоняются от своей ответственности, они становятся лжецами. Отрицая свою вину и свою ответственность, они должны утвердить вину своей окружающей среды, человеческой и другой. Итак, чтобы вернуться к Понсину, тезис его исследования был, что Римская церковь была преследованная евреями. Бедственное положение церкви не ответственность церкви; духовники, начиная с папой вниз, все были обеленные.[74] Для Понсина вина всегда лежит в другом месте, у евреев или у франкмасонов.[75] Сатана соблазнил Еву, а другие люди могут соблазнить нас, но в глазах Бога основная и первичная ответственность всегда наша. Мы не можем избежать от вины обвиняя других; тогда мы прибавляем лживый язык к нашим нарушениям, и значит мы становимся прогрессивно нечувствительными к реальности зла. Как пристрастные к наркотикам нуждаются в постепенно большей дозе, чтобы удовлетворить свою привычку, так и лжец нуждается в более чудовищной лжи, и в более извращенной реальности, с целью поддерживать свою устойчивость по условиям зла. Поэтому лжец более опасный, чем вор: он уничтожает далеко больше, и он позволяет распуститься большим злам.

Понсин, жесткий антиеврей, готов сообщить об ошибке в числе убитых нацистами евреев; он однако не готов огорчаться, что *некоторые* были убиты зверски. Понсин враждебный к лжи о числе убитых евреев, но не повторяет ли он ложь Адама и Евы, обвиняя за зло церкви кого-нибудь вне церкви? Вместе с Евой, Понсин говорит: змей дал мне, и я ела; следовательно это не моя вина. Понсин должен обвинить кого-нибудь другого, а не духовников, имеющих большую власть, потому что если обвинить их, значит допустить вину церкви, и ее членов, включая себя.

Каждое ложное свидетельство опасное тем, что позволяет распускание длинной цепи последствий, которых невозможно остановить; оно спускает с привязи пороки, который распространяется и в конце концов приводит к действию. Соломон был прав, описывая чередование последствий: сначала мысль, потом слово, а в конце действие.

Последнее замечание: у ложного свидетельства нет привилегированного статуса. Если кто-нибудь доверит нам некоторую сплетню, и просит нас не раскрывать его имя, это не значит, что мы должны уважить его желание. Поступить так, значит стать страной в его злословии о другом человеке, группе или расы. Вместо этого, мы должны отказываться, чтобы лжи признавали некоторого статуса привилегированной коммуникации, и должны поправлять и/или упрекать лжеца, а если понадобится, то и разоблачить его тактику.

11. Злословие в браке

Библейское право запрещает злословие в браке, т.е. клеветы со стороны мужа или жены в отношении к их брачному партнеру. Кларк указывает, что такая клевета со стороны мужа например делает его ответственным не только к своей жене, но и к ее семье.^[76] Этот закон есть важный пример судебной практики прецедентов:

Если кто возьмет жену, и войдет к ней, и возненавидит ее, и будет возводить на ней порочные дела, и пустит о ней худую молву, и скажет: “я взял сию жену, и вошел к ней, и не нашел у нее девства”: То отец отроковицы и мать ее пусть возьмут и вынесут признаки девства отроковицы к старейшинам города, к воротам; и отец отроковицы скажет старейшинам: дочь мою я отдал в жену сему человеку, и ныне он возненавидел ее, и вот, он возводит на нее порочные дела, говоря: “я не нашел о дочери твоей девства”; но вот признаки девства дочери моей. И расстелют одежду пред старейшинами города. Тогда старейшины того города пусть возьмут мужа и накажут его, и наложат на него 100 сиклей серебра цены, и отдадут отцу отроковицы за то, что он пустил худую молву о девице Израильской; она же пусть останется его женою, и он не может развестись с нею во всю жизнь свою. Если же сказанное будет истиною, и не найдется девства у отроковицы, то отроковицу пусть приведут к дверям дома отца ее, и жители города ее побьют камнями до смерти; ибо она сделала срамное дело среди Израиля, блудодействовала в доме отца своего; и так истреби зло из среды себя (Втор. 22:13-21).

Прежде чем анализировать смысл этого закона насчет произношения ложного свидетельства, надо отметить, что это самый необычайный закон с правовой точки зрения. *Первое*, на каждом судебном процессе по этому закону неизбежно следует осуждение. Или жена находится виновной, или муж виновный в том, что ложно обвинил ее. Когда брак достигнет до этой точки, внутреннее наказание неизбежно; общественное наказание тоже неизбежно, если дело дойдет до суда.

Второе, этот закон необычайный тоже тем, что он как будто перевертывает всю нормальную процедуру судебных дел. Во всех других видов судебных процессов обвиняемый считается невинным до доказывания его вины, и обеспечить доказательства для вины есть дело свидетелей обвинения. Как показывает Талмуд,^[77] свидетели обвинения составляют необходимую и нормальную часть процедуры в таких делах. Однако здесь все-таки жена должна ясно доказать свою невинность. Причина этому необычайному аспекту такого дела то, что в этом случае на самом деле налицо двойное обвинение. Муж обвиняет свою жену, что вошла в брак с нецеломудренным прошлым. Отец невесты возбуждает обратное обвинение; он обвиняет мужа с целью потушить молву о своей дочери, и как обвинитель, он должен привести доказательства и свидетельства – доказательства о девстве своей дочери и свидетельства о распространении сплетни. Муж должен доказать нецеломудрие жены или заплатить очень тяжелый штраф.

Штраф и наказание заслуживают более подробное рассмотрение. Штраф из 100 сиклей серебра (Втор. 22:19) был довольно значительная сумма. Четверть сикля считалось почетным даром для Божьего человека (1 Цар. 9:8). Годовой поголовный налог для всех мужчин в Израиле, двадцатилетние и старше, был полсикля (Исх. 30:15). Согласно Неемии, во время Персидской империи, обеспечивающей множество из гражданских функций, а тоже взимающей налоги, поголовный налог был “по трети сикля в год” (Неем. 10:32). Итак, 100 сиклей серебра было исключительно тяжелым штрафом, и таким, который наносил тяжелый удар многим мужам и делал их на самом деле слугами их жен, а даже и рабами. Штраф оплачивали отцу невесты, и таким образом держали его вне контроля мужа, который мог бы свести на нет эффект наказания, если деньги оставались у его жены. Тогда контроль над женой привел бы к контролю над деньгами. Подчинить тестя такому контролю было невозможно и он мог управлять деньгами для благополучия своей дочери и внуков. Таким образом муж не только наказывался, но у него отнимались и все возможности для развода. Это не значило, что теперь жене разрешалось грешить; ее все еще можно было подвергнуть смерти за некоторое прелюбодеяние в будущем. Такой поступок с ее стороны был бы уголовным преступлением. У мужа отнималась власть осуществить развод. Ему полагалось вытерпеть тоже и телесное наказание (Втор. 22:18). С другой стороны невеста платила за свое нецеломудрие жизнью. Ее побивали камнями до смерти, по древнему методу для экзекуции. Он имел место в библии, чтобы обеспечить возможность для участия свидетелей и общности в экзекуции, потому что полицейская власть людей требовала, чтоб они сознавали свой долг свидетельствовать и участвовать в экзекуции во всех случаях доказанного преступления. Принцип всеобщей полицейской власти все еще действительный и основной.

Надо отметить, что этот закон имел задерживающий эффект на законы о разводе, в том что до недавнего времени взаимное согласие не прекращало брак, а только действительная и доказанная вина. Несостоятельность доказать вину останавливала судебное дело.

Теперь, чтобы исследовать сам закон в связи с ложным свидетельством, надо отметить некоторые вещи. *Первое*, это судебная практика прецедентов. Если клевета со стороны мужа запрещается, и приводит к таким строгим наказаниям, тогда клевета со стороны жены тоже запрещенная. Если наказание за такой вид клеветы такое строгое, тогда по библейскому праву любая клевета между мужем и женой влечет за собой строгие наказания. Штрафы, налагаемые за меньшие нарушения, представляющие клевету, должны быть все-таки пропорционально высокими.

Ясное, следовательно, что библейское право требует высокую степень внимания и обдуманности речи между мужем и женой. Вместо того чтобы быть областью распущенности, где муж и жена могли бы выкладывать всякое без заботы о последствиях, брак есть область, где слова должны взвешиваться с особым вниманием, потому

что взаимоотношение это очень важное. Святое писание дает множество доказательств об этом требовании. Например святой Павел объявляет, что, “Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь” (Еф. 5:28-29). Святой Петр обращает внимание на поведение Сарры и ее уважительную речь и поведение к Аврааму (I Пет. 3:5-6).

Старая русская пословица выясняет этот вопрос точно: “Собака мудрее женщины: она не лает на своего хозяина.” Слишком много мужчин и женщин виновные в такой глупости: они лают и рычат на тех, которые самые близкие им, а последствие есть только отсутствие покоя для их самих. Каждый мужчина или каждая женщина, которые унижают своего брачного партнера, вредят себе в долгосрочном плане. Ложное свидетельство и развязный язык несут только бесчестье человеку.

Второе, случай с злословием в семье есть уголовное и общественное преступление, а не только личная проблема. Родителям невесты полагается возмещение, а наказание налагает государство, потому что нарушение покоя семейной жизни есть главное нарушение общественного покоя и порядка. Центральность семьи делает злословие в семье особо опасным для общества. Обвинение состоит в том, что муж “пустил худую молву о девице Израильской”: в этом обвинении жена идентифицируется не в проекции к ее семье, а к всей нации. Муж наносит позор больше чем на свою жену и на ее семью: он атакует моральные нормы, поддерживаемые и утвержденные самой нацией.

Третье, этот закон в частности штрафует и наказывает мужа. Штраф жены был бы тоже в какой-то степени наказанием супруга, и он был бы тоже доказательством об его неспособности управлять своим собственным домом. Обязанность супруга между прочим состоит в том, чтобы быть защитником своей жены и детей. Если вместо того он клеветит их, в частности клеветит свою жену, это показывает неспособность защищать их, а тоже и управлять ими, как и большую душевность, которая навлекает срам и бесчестье. Муж отрицает своей семье норму о набожном поведении, которая есть основная жизненная необходимость. Другая русская пословица указывает, что “Если отец рыбак, дети знают воду.” Ее значение ясное: жизнь отца исполняет главную образовательную функцию. Когда отец не в состоянии показать образец ответственной и разумной жизни и речи, дети лишаются главной стабилизирующей и обучающей силы.

Муж может оклеветать свою жену не только речью, но также и недоверием. Если он отказывает предоставить ей те обязанности и привилегии, которыми она компетентна управлять, он клеветит ее. Прочитаем один пример: муж регулярно преуменьшал финансовую компетентность своей жены, и часто цитировал в шутку одну глупую ошибку, сделанную ей в чековой книжке. Ошибка была действительно настоящей, но она не показывала верно ее характер. Ее небольшой магазин для подарков дважды спасал его от серьезных затруднений в его собственном бизнесе; в одном случае он быстро перевысил расходы, когда бизнес шел хорошо, и оказался перед банкротством; яйца из ее гнезда, извлеченное из ее магазинчика, спасло его, но он никогда не расплатился, ни признал это публично. При другом случае неудачная инвестиция пошатнула его финансовое состояние, и ее средства обеспечили ему необходимое оплачивание его задолженности. Этот супруг регулярно злословил свою более способную жену, формально никогда не говоря ложь: он просто цитировал несколько фактов, которые показывали ложный образ очень способной женщины. Истина сама по себе может быть клеветнической, если ее использовать, чтобы представить частичную или искаженную картину.

Четвертое, девятая заповедь требует, чтобы мы не произносили ложного свидетельства против нашего “ближнего,” а этот закон выясняет, что наш самый важный ближний это наша жена или наш муж. Шрьодер отметил, что “Человек свободный только когда соблюдает правдивость.”^[78] Человек находит свою самую большую свободу в семейной жизни под Богом; если эта свобода уничтожится, дом превращается в тюрьму, где мужчины и женщины произносят ложные свидетельства друг на друга.

Пятое, обращаясь опять к штрафу, который налагается супругу, мы получаем дальнейший проблеск о серьезности злословия в браке. Во Втор. 22:29 мы видим, что штраф, налагаемый за изнасилование или соблазнение, когда касается непомолвленной девицы и молодого мужчины без уголовного прошлого, был 50 сиклей серебра; если последовала свадьба, т.е. если виновного мужчину принимали за супруга, никакой развод не был возможным. Штраф об оклеветании жены ложным обвинением в добрачном целомудрии следовательно был дважды больше, чем штраф за изнасилование и/или соблазнение. Во всяком случае, штраф был очень тяжелым, но наказание за злословие больше, потому что оно атакует некоторую существовавшую брачную связь и разрывает ее жестоко. Соблазненная девушка имела приданое в 50 сиклей серебра, которых взять в другой брак, если ее отец отвергнет нарушителя как возможного супруга; она могла бы начать новую жизнь с другим мужчиной с преимуществом двойного приданого (Исх. 22:16,17). У оклеветанной жены нет такой возможности; ее дети могут быть все-таки обвязывают ее к ее мужу. (Он теряет право развода, но она нет). Поэтому и штраф был особо строгим, с целью предотвратить частое появление таких преступлений.

В модном гуманистском праве есть на самом деле открытый сезон для злословия в браке, и результаты предсказуемо плохие.

Последнее замечание: виртуально у каждого народа есть на задний план побои над женой (и иногда побои над мужем). Нет доказательств об этом в Святом писании. Строгость закона касательно клеветы показывает, по аналогии, что физическое оскорбление хуже, и поэтому немислимое. Между мужем и женой должны быть взаимоотношения, основанные на вере, а не на боязни.

12. Клевета

Левит 19:16, 17 обычно цитируется как такой пример, когда *сплетня* только осуждается законом, и часто читается как отрицание сплетни, а не как связанный с судом закон. Исследование текста выясняет, что когда осуждается сплетня, имеется ввиду судилище:

Не ходи переносчиком в народе твоём, и не вставляй на жизнь ближнего твоего. Я Господь. Не враждуй на брата твоего в сердце твоём; обличи ближнего твоего и не понесешь за его греха.

Первую часть стиха 16 можно передать так: “Не разноси сплетен...” Это слово переводится как *клевета* в Иер. 6:28; 9:4, и в Иез. 22:9. Истинное свидетельство надо произносить как на суде, так и вне его: распространение молвы повсюду запрещается. Согласно Гинсбургу:

Эта опасная привычка, которая разрушает репутацию и расстраивает жизнь многих невинных людей (Иез. 22:9 ит.д.), была объявленная духовными властями во время Христа как самый большой грех. Три вещи, объявили они, отделяют человека от этого мира, и лишают его счастья в грядущем мире – идолопоклонство, кровосмешение, и убийство, но клевета превосходит их всех. Она убивает три человека одним действием: человека, который клеветит, человека, который оклеветанный, и человека, который слушает клевету. Отсюда древняя галдейская версия Ионатана переводит эту клаузу так: “Не следуй трижды проклятый язык, потому что он более фатальный, чем двуострый истребляющий меч.”^[79]

Сын Сирах говорил строго против клеветы, заявляя:

Проклят сплетник и двойственные языки: потому что такие уничтожили много людей, которые жили в покое. Клеветящий язык обеспокоил многих и прогнал их из народа к народу: сильные города он разрушил, и низвергнул дома великих людей. Клеветящий язык выгнал добродетельные женщины и отнял у них их труды. Кто услышит его, никогда не найдет покой, и никогда не будет жить спокойно. Удар хлыста оставляет следы на плоти; но удар языка ломает кости. Многие пали под острием меча: но не так много, сколько было поваленных языком. Хорошо тому, кто защищен от него, и не прошел через его злобу; который не тянул его ярмо, ни был обвязан его паутинами. Потому что его ярмо есть ярмо из железа, а паутина его из меди. Смерть от него есть злая смерть, могила от него лучше, чем он. Он не может управлять теми, которые боятся Бога, ни могут они сгореть в его пламени. Такие, которые оставляют Господа, попадут в него, и они сгорят в нем, и он не потухнет; он набросится на них как лев, с когтями, и проглотит их как леопард. Смотри, чтоб ты загородил твое владение колючими кустами, и связал твое серебро и золото, и взвешивал твои слова на весах, и сделал дверь и засов на твои уста. Остерегайся, чтоб не проскользнул на нем, иначе ты упадешь пред ним, который жжет, ожидая в засаде (Мудр. 28:13-26).

Когда-то среди детей была популярная народная поговорка, что “пока палки и камни могут сломать наши кости, слова никогда не могут причинить нам вред.” Это просто хвастовство: слова действительно причиняют нам боль; только потому что мы так напуганные злобой клеветы, это и вызывает такой грустный и перекошенный юмор.

Но закон Божий *никогда* не рассматривает сплетню как *праздный* вопрос: отсюда и интерес закона ко всем клеветам. Стих 16 постановляет: “не вставляй на жизнь ближнего твоего.” Согласно Миклему, это означает “искать способ послать его на смерть” (ср. Исх. 23:7.^[80] Гинсбург комментирует разнообразие толкования этого постановления:

Эта часть стиха очевидно предназначенная, чтобы выразить линию поведения, которая может угрожать жизни нашего ближнего. В предыдущей клаузуле “Ходить переносчиком” угрожало жизнь оклеветанного человека, здесь “восставать” запрещается, когда оно подразумевает фатальные последствия. Применяющие закон во время Второго храма, переводя эту клаузулу буквально, “не вставляй на жизнь ближнего твоего,” интерпретировали его так, чтобы оно значило, что если мы увидим кого-нибудь в опасной для его жизни ситуации, т.е. тонущий, атакованный грабителями или дикими зверями, и т.д., мы должны не стоять в сторону, пока его кровь проливается, а должны оказать ему помощь, даже жертвуя нашу собственную жизнь. Или если мы знаем, что человек пролил кровь своего близкого существа, мы не должны стоять в молчании, пока случай рассматривается на суде. Отсюда и галдейская версия Джонатана дает это как, “не оставляй в молчании кровь твоего ближнего, когда ты знаешь правду при суждении.” Другие однако считают, что оно означает идти дальше и пытаться получить несправедливый смертный приговор против наших ближних, так что это фраза подобная по значению Исх. 23:1.^[81]

Все эти значения, конечно, подразумеваются, но лучше взглянуть на самый простой смысл текста. Есть очевидная параллель, проведенная между оклеветанием кого-нибудь и восставанием против его кровь, т.е. стремлением к его смерти. Клевета есть форма убийства: она ищет уничтожение репутации и честного имени человека, инсинуируя неправду. Причина тому, что равнины рассматривают ее как худшую, чем идолопоклонство, кровосмешение, и убийство, была что ее моральные последствия в равной степени так смертоносные, если не более, и что это преступление совершается легче, а не так легко раскрывается. Более того, клевета, поскольку она ходит из уст в уста быстро, замешивает далеко больше людей в очень короткое время, чем это делают идолопоклонство, кровосмешение, или убийство.

Поэтому клевета запрещается законом; это не только моральный совет; это уголовный закон. Поскольку пуритане смотрели на библейское право серьезно, они наказывали клевету судебным преследованием. Сегодня злословие и клевета остаются предметом гражданских процессов, а не нормального уголовного преследования, и результат есть широко распространенная свобода для злобной сплетни. Безответственность заняла привилегированную позицию.

В стихе 17 описывается само проведение действия. Если “брат” или “ближний” действительно виновный в злодеянии, мы должны пойти к нему и попытаться отговорить его от этого злого пути. Иначе мы “понесем за него греха,” или “не принимай грех за его счет,” т.е. мы становимся соучастниками в его злом своим молчанием. “Брат” здесь очевидно касается человека завета, не негодяя, который не отзовется на набожный совет. Мы должны говорить брату; мы можем, в зависимость от ситуации, говорить и безбожному, но мы не обязаны поступить так. Такое значение ясно подтверждается использованием этого закона в Мат. 18:15-17.

Итак, негативная формулировка этого закона запрещает клевету: мы должны не произносить ложного свидетельства. Позитивная формулировка однако очевидно требует больше, чем верное свидетельство. Наше свидетельство должно быть не только верным, но и ответственным. Через нашу речь мы должны не только избегать клевету, но и упрекать и наказывать ее, и в набожном обществе привлекать ее к судам церкви и государства. Закон положительно требует от нас поощрять анархистскую свободу слова, которая позволяет

клевету, а ответственное слово, которое работает чтобы сохранить и утвердить честность, прилежание, и правдивость. Заповедь связанная с социальным порядком; она не только совет о личной морали, как Калвин читает ее.^[82] Она моральный совет, но она с начала до конца Божий закон для его царства, которому все должны повиноваться. Калвин принимал как данное христианскую правовую структуру, которую Женева наследила от более ранних веков; его пуританские последователи были мудрее, когда они ставили ударение на важность этого закона.

Если абсолютный Божий закон заменяется анархистской свободой, тогда мир лишается смысла, и ответственное свидетельство исчезает, потому что нет никого, перед кем отвечать, нет Бога, который мог бы абсолютно обязать человека быть ответственным перед Ним Самим и перед Его человеческим миром. Колин Вилсон показал сущность этого анархизма: “Мне кажется, что я увидел окончательную истину, что *жизнь не ведет ни к чему; она бегство от чего-нибудь*, и это ‘что-нибудь’ есть ужас, который лежит по ту сторону сознания.”^[83]

Если жизнь становится “бегством от чего-нибудь,” тогда она бегство от истины, потому что истина связанная с действительностью, пока ложь связанная с фантазией. Действительность есть анатема для людей, интересующихся бегством, и в результате такие люди культивируют “необходимую” ложь, как показал это Ницше в своей жизни и философии.

Но свобода тоже связанная с действительностью, и таким образом искать бегство от действительности значит бежать тоже от свободы. Так, для сюрреалистов жить с действительностью – это компромисс. Для них свобода означает отрицание “существования мира и человеческой плоти и крови.”^[84] Сюрреалист предпочитает грезу реальности; он требует мир, сделанный всецело человеком; такую грезу невозможно реализовать в действительном мире. Поэтому сделанный всецело человеком мир ищется в грезах. Сюрреализм верит в “всемогущество грез,” потому что это область предполагаемой власти человека.^[85] Он восхваляет мир грез, где “верховно царствует сердце.”^[86] Это сравнимое с мистицизмом, потому что, “для мистика абсолютная свобода идет рука в руке с уничтожением условного мира.”^[87] Следовательно должна существовать непрерывная революция против реального мира с точки зрения мира грез. Сюрреалистская постановка вопроса объявляет, что “Надо остановить, не только эксплуатацию человека человеком, но тоже и эту человека так называемым ‘Богом,’ абсурдной и досадной памятью... Человек, вместе со своим оружием и экипировкой, должен присоединиться к армии Человека.”^[88]

Когда человек, институции, и общества отказываются от Бога, они отказываются от действительности. Они перестают произносить верные и ответственные свидетельства, и начинают жить во лжи, потому что в мире лжи они могут играть роль богов. Церковь, которая верит, что она может существовать в мире, и пренебрегать проблемы этого мира, живет в царстве грез. Не успевая связать закон-слово Бога с целостным миром, они живут во лжи, как бы ни корректировали официально свою религию. Они могут хвастаться, что они “евангелистские” и “ортодоксальные”, но в самом деле они не из этой действительности, и они ложные, потому что нет ничего, которое не из этой действительности в отношении к Богу. Поскольку Бог есть Господь и Создатель всех вещей, есть полное соответствие всех вещей с Богом, и полное подчинение всех вещей закону-слову Бога. Церковь, которая не в состоянии говорить о целостной жизни в смысле тотального слова Бога, быстро превращается в дикий лежец касательно каждого человека, который стремится встряхнуть ее из ее мира грез. У такой церкви или у таких людей нет истины, и мы не можем ждать правду от них.

Когда ответственное свидетельство отсутствует, тогда у человека нет ни способности встретиться с реальностью, ни способности быть свободным. Он становится окованным ложным свидетельством своего воображения. Крайняя цель каждого ложного свидетельства есть жить в мире своего собственного воображения. Поскольку человек не рожденный заново, живет во лжи, для него нет в конечном счете другого мира, чем его ложь. Это верно для всех не рожденных заново людей, когда эпистемологическое самосознание приведет их к их логическому заключению. Марксисты попали в ловушку мира грез своей лжи; они жили в аду, а называли его райскими воротами. Верующие в демократию тоже узники своей лжи; они сотворяют через закон глубокую и дику классовую враждебность, а называют это мир и равенство.

Равины имели право насчет ложного свидетельства: оно смерть человека, который произносит его и живет через него, смерть общества, которое терпит его, и оно вдохновляет убийство против своего ближнего. Чтобы избежать ложное свидетельство, общество должно прежде всего избежать всех ложных богов. Ложные боги порождают ложных людей и ложное свидетельство.

13. Клевета как кража

В Лев. 19:11 мы имеем другую ссылку на закон о клевете: “Не крадите, не лгите, и не обманывайте друг друга.” Гинсбург связывает это с предыдущим законом, Лев. 19:9,10, о сбирании колосьев, но эта связь не совсем действительная. Ланге комментирует историческую сторону этого изложения:

Это и следующие предписания принимают обычную негативную форму писаного закона. Восьмая заповедь там связывается с преступлениями, перечисленными в б:2-5, и касающимися лжи и обманывания других. Святой Августин здесь (Qu. 68) входит широко в казуистический вопрос об оправдании лжи при некоторых особых обстоятельствах, цитируя между прочим пример Раав. Он заключает, что не ее ложь как такой получает божественное одобрение, а ее желание служить Богу, которое на самом деле подбудило ее солгать. Хотя это возможно, явное, что закон здесь имеет ввиду не чрезвычайные и исключительные случаи, а обыкновенные дела человека с человеком. У такого закона всеобщая обязанность. Ср. Кол. 3:9.^[89]

Ланге прав, цитируя Кол. 3:9,10: “Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его, И облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его.” Девятый закон слово подстраивает истину и действительность под Богом, и отделяет мир от ложного свидетельства, от всякого бегства от действительности, и от всякого отвергания истины в царство сатаны.

Комментарий Мейрика тоже интересный:

Кража, обман, и ложь классифицируются вместе как родственные грехи (см. 6:2, где дается пример кражи, совершенной посредством лжи; Еф. 4:25; Кол. 3:9).^[90]

Цитирование Еф. 4:25 тоже интересное, тем что этот стих говорит о линии разделения: “Посему, отвергнувши ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг друга.”

Совсем очевидный факт в связи с этим законом – Лев. 19:11 – то, что две формы нарушения восьмой заповеди, кража и обман, даются вместе с ложью, которая нарушение девятой заповеди. Все законы тесно взаимосвязанные, потому что все они происходят от руки самого Бога, но связь между некоторыми более непосредственная, чем между другими. Форма закона устанавливает очевидную связь: кража и обман действительно включают ложное свидетельство, особенно обман. Кража есть форма ложного свидетельства, когда вор представляется владельцем украденных вещей, продает их как свои, и поступает как будто они его собственное богатство.

Другая важная связь между ложью и кражей есть что клеветник на самом деле ограбляет у человека его репутацию, его общественное положение и его душевное спокойствие. Хотя теперь клевета широко перешла из уголовного к гражданскому праву, и возмещение вреда все меньше и меньше взыскивается, исторически это было необходимой частью закона, благодаря влиянию библейского права.

Клевета сильно осуждается в Святом писании. Прочитаем несколько примеров: “Устами лицемер губит ближнего своего, но праведники прозорливостию спасаются” (Прит. 11:9). “Напоминай им... никого не злословить” (Тит. 3:1,2). “Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших” (Еф. 4:29). “Не злословьте друг друга” (Иак. 4:11). “Кто разглашает клевету, тот глуп” (Прит. 10:18). “Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню” (Пс. 100:5). Ясное, что клевета рассматривается не только как кража, но тоже и как форма убийства (Прит. 11:9). Поэтому необходимо взыскивать возмещение.

Основной закон гласит, что мы должны не произносить ложного свидетельства против нашего “ближнего” (Исх. 20:16). Слово “ближний” в древнееврейском есть *rea* или *rach*, означающее “корм или пища,” а *rach* появляется тоже в Святом писании как глагол “питать.” Ближний, все равно он близкий родственник или друг, враг, или просто человеческое существо, следовательно такой, которого мы должны питать, точно как и он должен питать нас. Мы питаем друг друга, мы добрые соседи и кормильцы друг друга, когда мы устанавливаем и поддерживаем правовой порядок, который кормит и усиливает нашу общую жизнь. Когда мы произносим верное свидетельство, мы кормим друг друга правдой. Нельзя никоим образом путать верное свидетельство с лестью или с утаиванием зла. Оно на самом деле означает работать вместе, чтобы поддерживать набожный правовой порядок. Клевета разрушает это взаимное питание; она разрывает жизненные связи общности, и представляет убийство и кражу, направленные как против индивида, так и против общности.

Слово *ближний* дает нам также внутренний взгляд на природу библейской благотворительности. Быть ближними друг другу означает организовать общество, которое кормит и питает своих членов средствами набожного правового порядка, и которое обслуживает нужды своих членов в смысле этого закона. Здесь, с уважением к Гинсбургу, мы можем признать связь между этим законом и предыдущем в Лев. 19:9,10. Законы о собирании колосьев вправду требуют от нас помогать нашему ближнему прокормиться.

Библейская благотворительность не означает наличие класса людей, получающих денежные субсидии, которые не работают, а живут как паразиты трудом других людей. Как мы раньше отметили, законы о собирании колосьев в самом деле требуют усиленную работу. Кроме того, слово *ближний* применяется к каждому человеку, одинаково к богатому и к бедному, т.е. не только бедного надо кормить в обществе ближних, а богатый и бедный должны кормить друг друга, работая вместе, чтобы установить набожный социальный порядок, в котором все добрые люди могут процветать.

Такое общество не может процветать, там где нет веры. Как отметил Паскаль:

Человек не ничего другое, кроме неискренности, лжи и лицемерия, как к себе самому, так и к другим. Он не желает, чтобы ему говорили правду; он избегает говорить ее другим; и все эти настроения, так противоречивые справедливости и разуму, имеют свои корни в его сердце.^[91]

Без веры люди просто начинают постепенно отражать свою павшую природу, которая живет ложью, верит в ложь, и предпочитает ложь.

Вот почему две “таблицы” закона неотделимые одна от другой. Моральный порядок покоится на теологическом порядке, поэтому человек не может долго поддерживать добрососедские отношения со своим ближним, если его связь с Богом сорванна. Как всегда правда есть порядок доброты; правда – основание и главный двигатель морального характера.

14. “Каждое праздное слово”

Если экзистенциалисты правы, тогда мы живем в мире без моральных абсолютов или без трансцендентального закона. В мире без абсолютных законов, какие бы боги ни существовали, они могли бы, вместе с людьми, давать только совет, и этот совет в лучшем случае мог бы быть только прагматическим. Тогда нет никакого закона, чтобы обратиться к нему. Следовательно о клевете такой совет со стороны богов мог бы

сказать только, что у клеветника могут быть неприятности, если другие обидятся на него. В себе и вне себя она не зло; она может быть выгодной, но также может быть и гибельной.

Слишком часто, вместо того, чтобы представить библейское учение о клевете как закон, церковь учит, что оно прагматический совет. Не удивительно, что время, обученное антиномными богословами, становится экзистенциалистским. Много осуждений сплетни и клеветы появляются в Библии мимоходом. Несколько из более интересных из них следующие, интересные своим разнообразием форм клеветы, которую они осуждают:

Лук. 6:41-45. Клевета выходит из злого сердца.

Пс. 108:3. Она возникает от ненависти.

I Тим. 5:13. Отсутствие веры плюс празднота порождают клевету.

Прит. 11:9. Лицемеры склонные к клевете против справедливости.

Пс. 49:19,20. Злые так склонные к клевете, что они клеветят даже свои семьи.

Отк. 12:10. Дьявол - "обвинитель" или клеветник.

Пс. 51:4. Злые любят губить людей своей клеветой.

Прит. 10:18. Кто разглашает клевету, тот глуп.

Тит. 2:3. Старицы предупреждаются, чтобы не разглашали клевету.

I Тим. 3:11. Жены служителей церкви предупреждаются о том же.

Мат. 26:60. Христос был мишенью лжесвидательства.

Суд. 8. Правителям грозит клевета со стороны "мерзких фантазеров" или ложных идеалистов.

Рим. 3:8; II Кор. 6:8. Святой Павел был мишенью клеветы.

Пс. 37:12; 107:2; I Пет. 2:12; 3:10, 3:16; Еф. 4:31; Тит. 3:1,2; I Кор. 4:13; Мат. 5:11. Святым даются инструкции об их поведении касательно ложного свидетельства.

Несколько практических эффектов клеветы цитируются как: разделение друзей (Прит. 16:28); смертельные ранения (Прит. 18:8; 26:22); препирательство (Прит. 26:20); раздор между братьями (Прит. 6:19); убийство (Ис. 30:13; Иез. 22:9).

Иак. 3:1-12. Неудержимый язык представляет злое желание властвовать над другими людьми, унижая их, и он получает "большее осуждение" или приговор, может быть по большому счету. Святой Иаков явно имеет в виду закон.

Самая убедительная ссылка на декларацию нашего Господа: "Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда" (Мат. 12:36). Слово "праздное" дается тоже как "бесполезное" (версия Бэркли), "беззаботное" (Мофат), и "недейственное, неработающее слово" (Расширенная версия). Олфорд комментирует это слово, выявляя одно существенное значение:

Праздное может быть лучше всего подходит здесь своим более мягким и негативным смыслом, как пока еще не определенное до суда; так что декларация нашего Господа есть дедукция, "вторая предпосылка," потому что если такое сказано о *праздном* слове, тогда насколько больше заслуживает *злое* слово?^[92]

Разберемся в этом; наш Господь объявляет, *первое*, что жизнь человека должна быть верное свидетельство; т.е. он должен приносить Богу хорошие плоды, потому что как существо он сотворен, чтобы производить результаты для Бога (Мат. 12:33-35). Ведь есть требование, чтобы каждый человек упражнял владычество под Богом, которое принесет свидетельство перед Богом. *Второе*, "праздные слова" те бесцельные такие, которые вне человеческого призвания под Богом. Их будут судить в конце, но пока человеку дается время вернуться к Богу, и обратиться от праздной жизни и от праздных слов к полезным таким под Богом. *Третье*, это явно подразумевает, что каждое злое высказывание, каждый пример лжесвидательства и клеветы, должны иметь дело с осуждением сейчас, независимо сказанное оно грешником или святым. Назначенные правные агентства должны заниматься *злым* словом; Бог в Свое время судит каждое *праздное* слово. *Четвертое*, "Ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься" (Мат. 12:37). Версия Бэркли гласит "Ибо за твои слова тебя оправдают и за твои слова тебя осудят," перевод, который выясняет в основном связь этого высказывания с правом. Суды этого мира должны требовать с человека счет за его слова, а Бог тоже взыскивает счет с ним. Ясно показывается, что слова должны быть основным аспектом "плодов" человека, его самораскрывающей продукции, и слова, как и действия, всецело подлежат осуждению.

На этом месте обязательно выяснить, что закон против ложного свидетельства не сладкий и светлый совет. Нас не советуют быть уклончивыми в нашей речи, или льстить, ни запрещается нам говорить правду о зле, или осуждать его. Наш Господь заповедует: "Не судите по наружности, но судите судом праведным (Иоан. 7:24). Нам нигде не говорят оставить моральные нормы и суждения; нам запрещают судить по условиям личных и гуманистских критерий (Мат. 7:1,2). Христос говорил резко и остро фарисеям, и так и отзывался о них; он называл Ирода "лисой," а Его язык был резким и сильным. Обычайный совет не говорить ничего неприятного о ком-нибудь, на самом деле есть призыв произносить ложное свидетельство; он дает поколению гуманистов плохое сознание о высказывании правды.

Итак, закон ясно представляет контекст всего библейского учения в связи с "невоздержанным языком." Критерий сравнения – всегда закон, а не только прагматический совет. Есть будущее осуждение за жизнь в праздных словах, а должно быть и настоящее осуждение за каждое злое слово.

Серьезность закона касательно клеветы выявляется в Отк. 22:15, где те, которым отказывается гражданство в Новом Иерусалиме, называются "псами," т.е. гомосексуалистами, "чародеями," т.е. такими, которые практикуют магию, которые стремятся контролировать естественное и сверхестественное и играть роль богов; "любодеями," или сексуально недобродетельными; "идолослужителями," боготворящими ложных богов; "и всякий любящий и делающий неправду." С другой стороны: "Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами" (Отк. 22:14).

Гуманистская эра дала однако разнузданному языку и праздному слову новую возвышенность. Злословие и клевета достаточно обычные во все времена, но гуманистское время проявило удивительный интерес к ложному свидетельству. Гуманизм возвеличивает человека, и в каждой гуманистской эре люди имели особо

ревностное желание поносить и унижать человека. Поскольку человек – бог гуманизма, грешные люди специально наслаждаются свержению этого нового бога, слушая мерзкие и порочные сплетни о выдающихся людях.

Колоны сплетен в газетах играют важную роль в гуманистском обществе. В каждое время существует любопытство насчет жизни великих мужчин и женщин, и выдающихся личностей. Но в двадцатом веке этот интерес постепенно все более связывался с новой сценой, с миром театра, с выскочками, с людьми с дурной славой, с преступниками, многие из которых считались знаменитостями, при этом наслаждение извлекалось из сообщений о скандалах, верных или придуманных, касающихся важных персон. Вильям Рандолф Хэрст, известный газетный издатель, выразил свою личную неприязнь к Уолтэру Винчелу, и приказал, чтобы его персонал “Держал его дальше от меня,” но он использовал его выгодно, чтобы увеличить интерес читателей.^[93] Молва сделала Винчела богатым и важным человеком. Согласно МакКилви, Винчел, человек с сомнительным значением, имел в прошлом любопытную протекцию:

Его ценная жизнь, когда-то ревностно охраняемая телохранителями, назначенными его друзьями Оуни Маден и Лаки Лучиано, в последнее время наблюдается агентами, оплачиваемыми Федеральным бюро для расследования, назначенными его другом Дж. Едгаром Гувером.^[94]

МакКилви цитирует забавный случай в 1934 году, когда агенты ФБР и стрелки Капоне составляли почетную стражу Винчела: детективы Чикаго тоже были частью специальной защиты, которую получал Винчел. Наверное, его охраняли от народа?^[95]

Видные американцы искали расположение Винчела, такие люди как Герберт Байард Суоп, М. Линколн Шустер, Бэртон Раско, Хейвуд Браун, Александр Уолкот, Алис Дуер Милер и другие.^[96] Винчела атаковал однако Мартин Пью, редактор журнала *Издатель и публицист*.^[97] Сегодня с значением Винчела покончено, но не и с гуманистском рвением к сплетням.

Гуманизм возвеличивает человека, и следовательно человеческие *мотивы*. Например, если существует конфликт между истиной и желаниями людей, жертвуется истина. Важный пример об этом есть случай с доктором Фредериком А. Куком, который 21 апреля 1908 года стал первым человеком, достигнув Северный полюс. Год позже гражданский инженер американского флота Роберт Е. Пири достиг полюс 6 апреля 1909 года. Пири начал кампанию чтобы дискредитировать Кука, к которой присоединились высокопоставленные люди.

Позднее Кука заключили в тюрьме за срок в четырнадцать лет и девять месяцев в Ливенворте, и оштрафовали 12,000 долларов за предполагаемое мошенничество с нефтью в компании, где он работал слежащим и геологом. В самом деле нефтяное поле было уже разработанное и стало “одной и самых продуктивных нефтяных и газовых областей Техаса и Арканзаса.” Кук, самый большой отдельный инвестор, не получал ни зарплаты, ни комиссионных, ни прибыли. Судья Джон М. Килитс из Толедо, Охайо, произнося приговор, обратился к доктору Куку словами, которые останутся как образец несправедливости:

Это один из случаев, когда Ваша особая и убедительная гипнотическая персональность подвела Вас, ведь так? Наконец Вы достигли место, где не сможете больше обманывать никого. Вы достигли до горы, и не смогли подняться на высоту; она Вам не под силу. Сначала был Анания, потом Макиавели; двадцатый век произвел Фредерика А. Кука. Бедный Анания, его забыли, и Макиавели тоже – у нас есть Фредерик А. Кук.

Кук, это Ваше дело, и эта Ваша концепция, и это Ваше исполнение, так чертовски уродливые, что я знаю, что люди, защищавшие Вас, делали это с платочками на носах, потому что Вы воняли до небесах. Я хотел бы иметь возможность поступить с Вами так, как я мог бы, как я считаю нужным поступить с Вами. Я хотел бы не быть ограниченным некоторыми конвенциями, которых я считаю ошибками... Я не думаю, что Вы должны выйти на свободу вообще; Вы опасный.

Бессомненно, Вы спрятали эти нечестные выигрыши подальше.

. . . Я не вижу как какой-нибудь живой человек, который хотя был немножко ценил нормы приличия и честности, мог бы предложить, чтобы Вы задержали один цент из них... потому что каждый цент ограблен от сирот и вдов, и от доверчивых старых людей; людей на дне бедности; людей, озабоченных о том как приобрести деньги, чтобы обеспечить себе приличные похороны. . .

Боже мой, Кук, есть ли у Вас чувство о приличии вообще, или Ваше тщеславие так непроницаемое, что Вы не отзываетесь тому, что должно вызвать у Вас приличие? Не посещают ли Вас призраки по ночам? Можете ли Вы спать...

Какая польза говорить Вам? Ваша наглость, суетность и нервы так изумительные, холодные как сталь, так глухие к доводам, твердые как алмаз к тому, что я должен сказать, что единственное удовлетворение, которое я получаю, говоря это, состоит в том, что я знаю, что даю гласность чувствам порядочных людей Техаса без никакого сомнения; тех из них, у которых хватило ума не поддаться тому, которое некоторые из этих глупых людей называют Вашей персональностью. Я не знаю где она. Они называют это “персональностью” независимо это лицо игрока в покер ли, или ложное лицо...

Странно... что служители обвинения посоветовали мне не быть так жестким к Вам. Это мое собственное расположение и мое отвращение к такому плуту, как Вы...^[98]

Любопытное в связи с этими замечаниями то, что их записали; может быть важность судебного процесса сделала полную запись обязательной. Однако каждый, который проводил время в судилищах, наблюдая процедуры, признает надменность, презрение, и вид непогрешимости, которые характеризуют всех слишком много гуманистских судей. Большинство людей не поверило бы настоящему представлению многих процедур.

Претензии доктора Кука признали действительными, но учебники все еще не отмечают его как открывателя Полюса, ни цитируют его многие великие достижения. Доктор Кук сделал ошибку обойти достижение Пири, служащего федеральному правительству.

Жизни братьев Райт были огорченными подобным образом нежеланием федеральных властей дать им приоритет о первом успешном самолетном полете. Братья Райт грешили в том, что были независимыми, а не частью федерального агентства или академического мира. Приоритет приписывался работе С. П. Ленгли, федеральный служащий из персонала Смитсоновского института, и чтобы поддержать эту претензию прибегли к обману. Некоторые справочники и сегодня дают приоритет Ленгли, а братьев Райт отсылают на вторую позицию.

Ничего из этого не должно удивлять нас. Когда государство отвергает Бога, оно отвергает принцип истины. Оно неизбежно возвеличивает себя на место Бога, а потом лжет, чтобы поддерживать свою власть и свой престиж.

Американцы часто забавляются, когда читают как Советский союз претендовал, что автомобиль, телефон, и другие изобретения появились впервые в России. Нет ничего не логичного насчет этих претензий, хотя они ложные. Если Соединенные штаты исказили историю чтобы облагодетельствовать федеральных служащих, почему не должен СССР исказить историю, чтобы предъявить претензии в пользу своих граждан? Цель не истина, а власть и престиж.

Гуманистское время не желает увидеть свои ошибки, или признать свое радикальное зло. Святой Алфонс де Лигуори очень любил музыку безнравственных музыкантов в Неаполе этих дней. Чтобы наслаждаться музыкой и не быть ответственным за наблюдение за сценой, он нашел такое средство: будучи рядом, он снимал свои очки сразу как садился в ложе, в сторону от сцены. Слабая струнка Лигуори – большое наваждение гуманизма: он притворяется, что не видит свои ошибки, которые раскрывают его радикальную вину и зло. Он склонен произносить ложное свидетельство насчет себя, поэтому он с готовностью будет произносить ложные свидетельства насчет других. Его праздные слова скоро надо осудить. Его надежды надо разрушить.

Гуманизм бредит об единстве, единстве человека, но вместо этого он приносит для разъединения человека. Святой Бернар из Клерву в своем труде *О рассуждении* (1152) противопоставляет коллективное единство органическому единству. Коллективное единство можно получить, нагромождая камни вместе; органическое единство существует, когда многие члены составляют одно тело, в котором вещи или личности – члены друг друга.

Единство, которое достигает гуманизм, коллективное, и оно нарушает настоящее единство, возможное только в Христе, который приносит свидетельство об единственном истинном единстве. Если Христос не питает нас, мы не можем питаться. Каждое слово гуманизма – “праздное слово.”

15. Суды испытанием и закон природы

У суда испытанием долгая и значительная история в правовых системах многих наций; он присутствовал в примитивных традициях, в арабских и исламских культурах, среди вавилонян, келтов, китайцев, греков, индусов, бирманцев, иранцев, малгашев, римлян, славян и тевтонцев. Он использовался тоже и в течении Средних веков.

Суд испытанием подвергал обвиняемого ужасному физическому испытанию, такое как окунуть руку в кипящую воду, выпить яд, держать раскаленное железо и т.п.; повреждение доказывало вину. В Западной Африке испытание было предпочтительным методом суда.

У испытания была и оппозиция. Коран запрещает его. Римское право избежало его в целом, хотя оно задержалось долгое время среди римлян. Оно было однако обычайным среди келтов, тевтонцев, и славян, которые ответственные за его использование в Средних веках. Церковь противопоставлялась ему; глава 18 четвертого Латеранского Собора в 1215 году исключила духовенства от участия в испытаниях. Норманские короли Англии строго противопоставлялись ему, и нет данных об его использовании после царствования Джона.^[99]

По существу испытание подразумевает веру в природу как норматив. Верилось, что испытание, или суд испытанием приведет к естественной реабилитации невинного и к разоблачению виновного. Такое судебное испытание иногда было психологически действительным. Например, некоторые африканские племена предпочитали испытание ядом; невинный, уверенный в оправдании, сразу получал рвоту от отвратительного яда, пока виновный был неспособным извергнуть его из-за напряжения и страха, и умирал. Таким образом сохранились данные об ограниченных успехах суда через испытание.

Его основная предпосылка однако нездравая, и его главный результат по необходимости тоже нездравый. История таких несправедливостей долгая, но это не наше дело. Вопрос скорее всего имел ли место суд испытанием в библейском праве?

Единственный пассаж в Святом писании, который как будто показывает некоторый вид суда испытанием – это суд о ревности, Числа 5:11-31. Келсен был строгим в своем отрицании этого закона как “сильно отталкивающий.”^[100] Селбие, с другой стороны, признавал, что здесь есть различие: “Очевидно, что эффективность описанного испытания рассматривается всецело как результат божественного вмешательства; использованные средства испытания были безвредными.”^[101]

В этом сердцевина проблемы. Суд испытанием требовал, чтобы *природа* освободила невинную страну чудесным вмешательством; природа – норматив, а природный закон совершенный, в этом основа суда испытанием. Как результат обвиняемый принимал яд, или опускал руку в кипящую воду, на основе предположения, что природа защитит невинного.

В библейском законе о ревности не природа, а Бог есть судья. Проглощались святая вода и зола, вероятно, чтобы они причинили какой-нибудь вред. Вода и земля с пола скинии представляют святость Бога. Наказанием за преступление жены (т.е. ее сексуальная вина) был серьезный недуг ее воспроизводительных органов; если была невинной, она была благословенной плодотворностью. Этот ритуал использовался, когда другие доказательства о супружеской измене полностью отсутствовали, но подозрение оставалось. Таким образом этот закон связан с Втор. 22:13-21 и наказание супруга было тем же. Можно найти некоторые доказательства в значении древнееврейского слова для “горькость,” что имеется ввиду “потенциально фатальный эффект воды.”^[102]

Интересное тоже открывание головы жены во время ритуала (Числ. 5:18), т.е. “не только снятие покрывала головы, но также и оставление волос свободными и взъерошенными (ср. I Кор. 11:5-10).”^[103] Во время суда символы подчинения ее супругу и надлежной власти отстранялись от нее, чтобы символизировать осуществление

суда. Если она была невинной, и ревность ее супруга неосновательно лишала ее должной власти и защиты, тогда она восстанавливала навсегда свой авторитет и поддержку, а ему не позволялось никакое право на развод (Втор. 22:19).

Прелюбодеяние включает больше, чем только взаимоотношение между мужчиной и женщиной, вот поэтому и суд не ограничивает свое решение только до мужа и жены. Муж должен сделать приношение в течении части судебного разбирательства (Числ. 5:25), чтобы символизировать факт, что обе преступления – прелюбодеяние и ревность, представляют нарушения Божьего порядка.

Вернемся к контрасту между испытанием и этим Божьим законом. При испытании природа есть норматив, непогрешимый, невинный, и поэтому злодей отвергается. При библейском законе человек и природа одинаково павшие, и поэтому они не норматив, а оба находятся под судом. Только прямое вмешательство Бога делает испытательный суд над ревностью эффективным.

Для испытания природа – источник закона, потому что закон – продукт природы и следовательно он неизбежный при каждом противопоставлении природе. (Доктрина о поэтической справедливости связывается с этой концепции об испытании и представляет уточненную версию его.)[\[104\]](#) С этой точки зрения осуждение происходит от природы и в конечном счете природа исправляет каждое зло.

Суд испытанием исчез в Европе в течении Средневековья, но не и вера в испытание. Концепция о природном законе наследила испытание как представитель веры в природу. В свою очередь концепция о природном законе открыла дорогу позитивизму в праве, который рассматривал государство как источник закона и следовательно норматив.

В смысле библейского права суд испытанием не имеет место и является всецело чужим его декларации о суверенитете Бога. В библии нет такого термина как “Природа.” Не Природа, а Бог есть источник всех природных явлений. “Природа” – просто коллективное название некоторой неподлежащей коллективизации реальности; миф о природе есть продукт эллинистской философии.[\[105\]](#)

Если природа есть норматив, тогда человек тоже, как часть мира природы, становится нормативом в такой степени, в какой он “природный.” Это основное для Руссо и для экзистенциализма, и для веры в демократию, в божественность обыкновенного человека. Сегодня есть широко распространенная вера со стороны многих людей, что они квалифицированные действовать как агентства правосудия, именно потому что они представляют нижние уровни общества. Например студенты, потому что они молодые, верят что они несут специальную и свежую мудрость, чтобы произноситься по проблемам. Негры, потому что они ниже по социальной шкале, все более вдохновляются мистикой естественности и примитивизма. Обыкновенные рабочие часто убежденные, что они единственные знают как надо управлять делами. В Аризоне 4 июня 1970 года водитель хлебозаводского грузовика похитил авиалайнер и потребовал 100 миллионов долларов, прежде чем ФБР успело арестовать его. Его поведение после ареста описывается как надменное и вызывающее. Этот безработный шофер, до его ареста, передал по радио такое послание президенту Никсону и Государственному департаменту: “Вы не знаете как считать деньги, и вы не знаете даже правила закона.”[\[106\]](#) Эта лекция “о правилах закона” происходила от человека, угрожающего убить пассажиров и персонала, и уже совершившего кражу и похищение. Тот самый 49-и летний мужчина потерял свою работу семь лет раньше.

Б. судил Профсоюза шоферов, когда он не поддержал его в споре с его работодателем. Верн Кейс, секретарь-казначей местной организации 274, сказал что неприятности Б. проистекли от его чувства, что “он единственный знает как руководить компанией.”[\[107\]](#)

Его жена защищала его, говоря: “Он человек, который верит в свою страну. Он верит в то, за что он воевал во время Второй мировой войны, а теперь посмотрите что они сделали с ним.”[\[108\]](#) Никакое чувство вины не выражается здесь, а только вера в “правду” обыкновенного человека и в его мнение. Основанием для такого мышления является принятие природы как норматив.

Библейская точка зрения и закон отрицают, что природа или человек могут быть нормативами. Ни обыкновенный человек, ни аристократия, ни интеллектуалы, не достойные доверия. Все без исключения грешили, и все одинаково находятся под Божьим осуждением, если не родились заново в Христе (Рим. 3:9-18). Не человек, а Бог и закон Божий составляют норматив, и Его закон должен быть критерием об осуждении. Суд о ревности есть закон, который говорит ясно против целостного принципа суда испытанием.

Одна из книг Талмуда, *Sotah*, широко посвященная суда о ревности. Суд эффективный только тогда, когда муж невинный, и этот суд отменили в первом веке нашей эры, потому что прелюбодеяние со стороны супругов стало слишком обычным.[\[109\]](#) Суд был недействительным, если муж сожительствовал со своей женой после отправления обвинения и до суда. Некоторые равинские комментаторы видели ссылку на этот закон в Пс. 108:18. *Sotah* выясняет, что необходимо что-то больше, чем ревность, чтобы начать судебное разбирательство. Должны быть данные о слишком близкой связи жены с другим мужчиной; муж должен был отправить предупреждение против этой связи. Тогда к данной ситуации ставился вопрос: была ли эта связь невинной или виновной? Был ли муж неосновательно ревнивым, или его подозрения имели основания? В таких случаях не существовали никакие свидетельства о злодеянии, но с другой стороны одни чувства со стороны супруга не были достаточными основаниями; только существующая связь, невинная или нет, была основанием для его жалобы.

Равины связывали и прелюбодеяние, и клевету, с надменным духом. Один равин заявил:

Каждый человек, у которого есть надменность духа, Святой Единственный, будь Он благословен, заявляет, Я и он, мы оба не можем жить вместе в мире; ибо сказано: “*Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню; гордого очами и надменность сердцем не потерплю*” (Пс. 100:5) – читай не “его” (Я не потерплю), а “с нем” Я не могу (жить). Есть некоторые, применяющие это учение и тем, которые говорят клевету; потому что сказано: “*Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню.*”[\[110\]](#)

Таким образом суд о ревности был радикально различным от суда испытанием и в контрасте с ним. Некоторые ученые произносят худший вид ложного свидетельства насчет закона о ревности в Числ. 5:11-31, заявляя, как например Банкс, что “Проистекающая практика суда испытанием на Западе основывалась на институции Ветхого завета.”^[111] Когда пренебрегается существование суда испытанием в языческой Европе, а библейское право обвиняется в применении враждебного ему испытания, то в таком случае мы в праве видим радикальную враждебность Богу и Его закону-слову.

Согласно Тейлору, испытание в некоторых случаях “связывается тесно с присягами, так что они взаимно проникаются.”^[112] В этом есть некоторая доля правды. И испытание, и присяга, призывают проклятие или благословение, в зависимости от праведности человека под присягой. Присяга, однако, оставляет верховное суждение Богу, или Его назначенным судам юстиции, когда откроется лжесвидетельство, пока испытание поддерживает, что природа немедленно подтвердит правду или ложь присяги в связи с требованием осуждения по данному обвинению. Таким образом наблюдается совсем реальное подобие, как и замечательное различие. Клятва в смысле библейского права предполагает верховный и непогрешимый суд Бога. Клятва и испытание в языческом праве предполагают непосредственный и непогрешимый суд природы. В таком смысле они взаимно исключаются и находятся в радикальном противоречии.

Последнее слово о законе о ревности. Один интересный комментарий *Sotah* выясняет, что суд не совершается, ни сверхестественное вмешательство Бога сбывается, когда мужчина не свободен от несправедливости. Тогда “вода не испытает его жену.” Основание об этом содержится в Святом писании, Ос. 4:14: “Я оставлю наказывать дочерей ваших, когда они блудодействуют, и невесток ваших, когда они прелюбодействуют, потому что вы сами – на стороне блудниц и с любодейцами приносите жертвы, а невежественный народ гибнет.”^[113] Тогда его судья – осуждение.

16. Судьи

В каждом гражданском порядке одна из самых важных позиций это позиция судьи. Суды по закону не могут представлять никакое реальное правосудие, если судья и его служба несовершенно по природе и им не хватает авторитета. Чтобы социальный порядок преуспевал и обеспечивал своего народа стабильностью и миром, необходимо *первое*, чтобы государство прежде всего требовало от всех людей, имеющих серьезные жалобы, относить их к суду. Людям нельзя позволять брать закон в свои руки. Хотя гражданство важное и основное для осуществления закона и правосудия, оно не может идентифицировать себя с законом, не уничтожая при этом закон. Закон превосходит людей, и он взыскивает агентство, отдельное от людей, и независимое от их частные и личные чувства.

Второе, суды по закону должны располагать властью государства, чтобы проводить в жизнь свои постановления, иначе превалирует анархия. Каждое решение суда не понравится хотя бы одной стране. Вопреки тому, что суд никогда не может быть непогрешимым, решения суда должны защищаться, а возражение против его решения надо делать в структуре судов, не вне их, ни против них, иначе превалирует анархия.

Третье, суд должен представлять трансцендентальную концепцию о законе и правосудии, о стандарте вне человека и над человеком, о правовой структуре, хотя иногда и ошибочной, но происходящей от Бога. Целостная идея о суде и о судье подразумевает превосходство: чтобы получить правосудие, необходимо что-то больше, чем победа более сильного судящегося или более сильной страны. Если судья и суд представляют политическую партию или идею, или класс, или касту, вместо обеспечения необходимого превосходства суда, они просто умножают первоначальное зло, удваивая его. Если власть имущий и злой человек, класс или группа могут лишиться невинного человека его собственностью, или каким-нибудь образом оскорбить его, зло удваивается, если они могут заповедать государству помочь им в их краже. Тогда правосудие становится более трудным. Подобно этому, если при демократии массы бедных могут использовать суды, чтобы обманым способом отнимать имущество преуспевающих, в таком обществе правосудие тоже слабое. Суд должен превосходить страсти дня. Он должен представлять правовой порядок, который судит весь социальный порядок, а это возможно только если судьи представляют Бога, а не народа или государства.

Это значит, *четвертое*, что не выбор или подбор судьей действительная проблема, а их характер и вера, и характер и вера гражданства вообще. В Соединенных штатах федеральные судьи обычно назначаются, а штатские судьи нормально избираются. Оба метода определяют свою квоту из верховных судей и из нижестоящих судей; метод выбора не ошибочен и в основном не существенный. Действительная проблема состоит в религиозных стандартах дня. Если социальный порядок характеризуется сильной верой, судьи обычно возвышенные люди; если преобладают релятивизм и прагматизм, суды и судьи отражают это. Качество судей и судов не продукт методологии.

Установление степенной системы судов в Израиле было прагматичным; это был мудрый совет Иофора, предназначенный освободить Моисея от тяжести судебных разбирательств (Исх. 18:13-16). Степенные суды должны были управлять десятью, ста и тысячами израильтян (Исх. 18:21). Многие принимают, что эта ссылка на десятичную структуру, и на основную единицу из десяти, относится к десяти человек.^[114] Поскольку основная управленческая структура Израиля была через семью (и отсюда через родов из семей), спокойно можно заключить, что десятки относятся к десяти семьям. На каждых десять семей назначался один судья, чтобы заниматься мелкими вопросами, и чтобы относить другие случаи к высшестоящей юрисдикции.

Мойсей выяснил цели судов по закону: “народ приходит ко мне просит суда у Бога: Когда случается у них такое дело, они приходят ко мне, и я сижу между тем и другим, и объявляю уставы Божии и законы Его” (Исх. 18:15,16). В этом он отражает намерение Божие (Втор. 16:18). Раньше мы ссылались на гражданскую пятьдесятницу, когда Бог исполнил гражданских служителей Израиля Своим Духом, чтобы показать, что они пророки Бога, призванные говорить от имени Бога в службе правосудия (Числ. 11:16).

Каждая реформация в Израиле включала отчасти возвращение к пророческой природе гражданской службы. Именно осознание этого факта руководило протестантскими реформаторами, как и средневековыми реформаторами в церкви, чтобы адресовать свои призывы о реформации и к церкви, и к государству. Реформа Иосафата включала именно такой шаг. После союzenia Иосафата с Ахавом, в стремлении через коалицию усилить себя против Сирии, пророк упрекнул его. Ииуй, сын Анания, прозорливец, заявил: “Следовало ли тебе помогать нечестивцу, и любить ненавидящих Господа? За это на тебя гнев от лица Господня” (II Пар. 19:2). В признании что единственная настоящая защита не безбожный союз, а вера и справедливость, Иосафат реформировал суды, инструктируя судей: “смотрите, что вы делаете; вы творите не суд человеческий, но суд Господа: и Он с вами в деле суда. Итак да будет страх Господен на вас: действуйте осмотрительно; ибо нет у Господа, Бога нашего, неправды, ни лицепрятия, ни мздоимства” (II Пар. 19:6,7).

Следовательно, ясно что служба судьи есть теократическая служба; служитель объявляет слово: судья применяет его к конфликтам жизни. Если судья представляет класс или партию, а не Бог и Его закон, в жизнь нации вторгается радикальное извращение. Поскольку человек – грешник, даже самый набожный из судей будет грешить и ошибаться, но благодаря его вере, он будет руководиться законом-словом Бога и Его Святым Духом. Безбожный судья, не имея такого стандарта, естественно будет чей-то сторонником: он поставлен там, чтобы представлять фракцию или класс. Поэтому для него логично принимать подкупы, хотя это зло: он там, чтобы представлять человеческую мощь, а не закон Божий и Его праведность. Итак, в смысле библейского права, хотя для судьи брать взятки есть преступление, для человека давать подкуп судье не преступление. Судья грешит против своей службы; человек, дающий ему подкуп, действует реалистично в данной ситуации. Если кусок мяса, брошенный рычащему и опасному псу позволит человеку пройти безопасно, он бросит мясо и избавит себя.

Набожный судья предупреждается против взяток, лжесвидетельства и неверного правосудия (Исх. 23:6-8; Лев. 19:15; 24:22; Втор. 1:12-18; 16:18-20; 25:1; 27:25). Он только вторично служащий государства; прежде всего он служитель Бога. Если судья не представляет Божьего правового порядка, он в конечном счете политический наемник и инструмент, чья работа есть защищать сильных дня, поддерживать статус-кво, и в ходе того постилать пухом свое гнездышко. Безбожных судей надо бояться и ненавидеть: они представляют особо опасную и безобразную форму зла, а их злоупотребление службой есть смертельный рак для каждого общества.

17. Ответственность судей и правителей

Одна из основных предпосылок библейского права появляется в законе центральной важности. Согласно Втор. 21:1-9, судьи и правители ответственные за исправление всякого зла, независимо нашли ли виновного или нет:

Если в земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе во владение, найден будет убитый, лежащий на поле, и неизвестно, кто убил его: То пусть выдут старейшины твои и судьи твои, и измерят расстояние до городов, которые вокруг убитого; и старейшины города того, который будет ближайший к убитому, пусть возьмут телицу, на которой не работали и которая не носила ярма, и пусть старейшины того города отведут сию телицу в дикую долину, которая не разработана и не засеяна, и заколот там телицу в долине; и придут священники, сыны Левиины; и все старейшины города того, ближайšie к убитому, пусть омоют руки свои над головою телицы, зарезанной в долине; и объявят и скажут: “руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видели; очисти народ Твой, Израиля, который Ты, Господи, освободил, и не вмени народу Твоему, Израилю, невинной крови.” И они очистятся от крови. Так должен ты смывать у себя кровь невинного, если хочешь делать доброе и справедливое пред очами Господа.

Заметки некоторых из комментаторов интересные в связи с подробностями этого закона:

Убийство животного не испуительное жертвоприношение, и следовательно нет никакого убивания и проливания крови; но как ясно показывает способ смерти, а именно закалание, оно было символическим исполнением наказания, которое должен понести убийца, над животном, замещающем его... Если убийца обнаруживался впоследствии, конечно смертельное наказание, понесенное животным вместо него, просто потому что самого преступника не нашли, все-таки упадет на него.^[115]

Согласно Манли:

Шестая заповедь учит, что жизнь человека священная, а теперь Мойсей говорит, что убийство можно выкупить... Раши комментирует: “Годовалая телка, которая не приносила плод, должна прийти и быть обезглавленной на месте, которое не приносило плоды, чтобы искупить убийство человека, кому они не позволили принести плод.” Идеи об искуплении и очищении сочетаются, и обе оказывают на Распятие (Евр. 9:13).^[116]

Анализируя смысл этого закона, выявляются несколько вещей, имеющие существенное значение. *Первое*, вся общность ответственная за исправления зла, совершенного в ее юрисдикции. Это один из аспектов полицейской власти гражданства. Как отметил Райт:

Преступление не только частное дело между индивидами. Вся общность несет ответственность, как и неизвестный убийца. Следовательно необходимо, чтобы общность признала этот факт, и действовала чтобы заслужить божественное прощение.^[117]

Второе, если общность не может найти виновную страну, тогда она должна принять меры, чтобы все-таки исправить зло, или иначе она становится виновной, вместе со своими судами и правителями. Смысл церемонии в том, чтобы “смывать у себя кровь невинного” (Втор. 21:9). Только в этом смысле есть коллективная вина. Однако, те которые не в состоянии работать, чтобы установить Божие требование о возмещении, *индивидуально* виновные, даже хотя они насчитывают миллионы, пока те, которые поддерживают принцип возмещения, освобождаются

от индивидуальной вины. Таким образом коллективная вина по существу индивидуальная. Есть однако коллективное осуждение нации или общности от руки Бога.

Третье, это практика прецедентов, и этот случай надо понимать в смысле его главного принципа – возмещения. Этот закон ясно подтверждает, что преступление надо искупить, и исправить зло. Если надо рассчитывать с Богом, тогда надо тоже рассчитывать с человеком: принцип возмещения тотальный и он требует возмещение в каждой области. Символическая смерть убийцы означает, что общность верит в обязательное восстановление праведного порядка.

Это приводит нас к принципу о возмещении за убийство. Мы уже исследовали возмещение с нескольких точек зрения; теперь надо извлечь дальнейшее применение его. Один из аспектов закона о возмещении за убийство, это смертная казнь. Другой аспект есть денежная компенсация, которая появляется в Исх. 21:30-32. Личная собственность убийцы подлежит конфискации (но не и эта его жены), чтобы продать ее и компенсировать родственников погибшего. История библейского права, как она использована в истории, показывает что у преступление может быть двойное наказание, в зависимости от его сущности. Например в средневековых судах несостоятельность заплатить договоренный долг означала не только обязанность выполнить оплачивание, но также и наказание за лжесвидетельство на суде, потому что нарушение договора об оплачивании представляло ложное свидетельство.[\[118\]](#)

Когда общество арестовывает преступника, его долг пред Богом есть взыскивать возмещение; когда оно не успевает арестовать преступника, долг сделать возмещение все-таки остается. Государство должно во всех этих случаях сделать возмещение из специально предназначенных для этого фондов, которые пополнялись бы средствами от налогов или штрафов.

Ясное, что Божие намерение есть исправить каждое зло. Когда преступника не могут арестовать, государство или общность должны сделать искупление и возмещение. Смысл искупления есть просто возмещение; искупление подразумевает возмещение в более общем смысле: в связи с Богом и со всей Божией действительности.

Этот принцип входил в Западном праве. Например Валлер писал, имея ввиду Британию:

Замечательно, что и в наше время самое эффективное средство против незаконных, виновников о которых невозможно раскрыть, есть штраф против района, в котором они происходят.[\[119\]](#)

Отсутствие такого закона сделало многих областей Соединенных штатов выгодными районами для преступности. Убийство, кража, и другие преступления процветают в этих областях на пользу коррумпированных чиновников и бизнесменов, и без никакого наказания со стороны какого-нибудь закона о возмещении. Такой закон привел бы скоро к прагматичной моральной виновности. Настоящий союз судов, общественных служителей, и бизнесменов, поддерживающей преступность, потому что она выгодная им, не мог бы больше существовать, когда возмещение взыскивается в любом случае.[\[120\]](#)

Четвертое, надо отметить присутствие священников на судах. Иосиф Флавий записал факт, что левиты регулярно назначались на всех судах как часть подразумевающихся требований Моисеевского закона:

Пусть будут семь мужчин, которые будут судить в каждом городе, и эти были среди самых ревностных в упражнении добродетельности и праведности. Пусть у каждого судьи будут двое служителей, определенных ему от колена Леви. Пусть те, которые избранные судить в нескольких городах будут в большом почете; и пусть никому не будет позволено бранить других, когда они присутствуют, ни обращаться наглой манерой к ним; должно быть естественным, что почтение к этим из высших служб среди людей, будет внушать у людей страх от Бога и почтение к Нему. Пусть тем, которые судят, будет позволено решать как они считают правильным, если бы никто не мог показать, что они берут взятки, извращая правосудие, или не мог выдвинуть другое обвинение против них, из которого было видно, что они вынесли несправедливое решение; потому что не подходит, если дела открыто решались, имея ввиду выгоду, или достоинство истца, а чтобы судьи должны были оценивать что правое прежде всего; иначе Бог будет унижен этим, и поставлен ниже тех, страх от чей власти причинил несправедливое решение; ибо правосудие есть власть Бога. Поэтому тот, который облагодетельствует имеющих великое достоинство, полагает их более сильными, чем сам Бог. Но если эти судьи неспособные выносить справедливое решение по делам, представленным им, (который случай не редкий в делах человеческих), пусть они отправят дело нерешенным в святой город, и там пусть главный священник, пророк, и синедрон, решат, как им покажется лучше.[\[121\]](#)

При решении и применении закона эти левиты были авторитетными; гражданские судьи занимались виновностью преступника и заслушиванием свидетельств, а левиты занимались специфичной природой и применением закона.

И через их слово должны были присуждаться все противоречия и побои; буквально, *И поступи по слову, которое они скажут тебе*, т.е. через их суждение должно решить дело, и как они решать, так и надо исполнить (ср. 10:8; 17:8-11). В настоящем случае присутствие священников на процессе придает ему санкцию как действительный.[\[122\]](#)

Пятое, мы видели в связи с судом о ревности, что согласно Ос. 4:14, когда вина становится преобладающей, *специфичное осуждение* Бога над виновными женами *заменяется всеобщим осуждением*. Церемония с зарезанием шеи телицы исчезает приблизительно в одно и то же время с судом о ревности, в первом веке нашей эры. Согласно Талмуду:

Наш Учитель учил: Когда убийцы умножились, церемония с зарезанием шеи телицы прекратилась, потому что она исполнялась только в сомнительных случаях; но когда убийцы умножились открыто, это церемония прекратилась.[\[123\]](#)

В каждой культуре, где *специфичное осуждение проваливается, там следует всеобщее осуждение*. Осуждение неизбежное там где есть преступления. Если преступника не приводят к суду, и не требуют возмещение с него, тогда гражданский порядок должен сделать возмещение. Справедливые требования Бога об искуплении, великого Господа и владетеля всех людей и всей земли, как и справедливые требования пострадавших людей, должны удовлетворяться. Если они не удовлетворяются, тогда следует верховное Божие осуждение над социальном порядке в целом.

Христовое искупление Богу есть Его акт возмещения за Его новое человечество; через Свое совершенное повиновение Божьему закону, и через Свою смерть вместо избранных, Христос отдал возмещение за Своих людей. Те, которые из расы Господа, новое человечество, будут давать возмещение между человеком и человеком, как их

ответ Божьему милосердию. Люди, у которых нет искупления перед Богом через Христа, не будут делать искупление к людям.

Церкви, которые христианские только по имени, не будут проповедовать возмещение, ни будут исправлять зло. Их ответ их собственным проблемам прагматический. Если светские чиновники морально злые, но важные люди, пастор переводится на новое место, чтобы избежать конфликт. Если пастор морально виновный или не подходит для служения, его все-таки слишком часто переводят, а слишком редко увольняют. Обычно цель не возмещение, а безопасность институции.

18. Суд

Закон об искуплении за все преступления (Втор. 21:1-9) выясняет участие левита, т.е. эксперта по Божьему закону, теолога, на гражданских судах. Йосиф Флавий подтверждает факт, что история Израиля замечательная этим фактом, т.е. что суд – *религиозное учреждение*. Присутствие священников или левитов не означало смешивание церкви с государством: оно значило скорее всего полное проникновение церкви в государство, как и во всякую другую институцию, через власть Божьего слова. Вопросные левиты были экспертами по Божьему закону, *юристами*. Частое упоминание об юристах в Новом завете было именно о тех экспертах, которые были членами суда. Закон требовал так:

Если по какому делу затруднительным будет для тебя рассудить между кровию и кровию, между судом и судом, между побоями и побоями, и будут несогласные мнения в воротах твоих: то встань и пойди на место, которое избрет Господь, Бог твой, И приди к священникам левитам и к судье, который будет в те дни, и спроси их, и они скажут тебе, как рассудить. И поступи по слову, какое они скажут тебе, на том месте, которое избрет Господь, и постарайся исполнить все, чему они научат тебя. По закону, которому научат они тебя, и по определению, какое они скажут тебе, поступи, и не уклоняйся ни направо, ни налево от того, что они скажут тебе (Втор. 17:8-11).

Исключительно важный комментарий по этому закону сделал Валлер:

Не достаточно отметить, что это определяет связь между Церковью и библией с того времени, когда Закон . . . был отдан Церкви, и что эта связь между Церковью и библией остается той же и по сей день. Единственная власть, посредством которой Церковь (Израиля или Христа) может “связывать” или “разрешать,” есть писанный Закон Божий. Связывание (или запрещение) и разрешение (или позволение) равнинов – власть, которую наш Господь возложил на Свою Церковь – было только применение Его писаного слова. Равины признают это с одного конца Талмуда до другого через обращение к Святому писанию, которое делается на каждой странице, иногда почти на каждой строке. Применение часто странное и причудливое; но это не меняет принцип. *Писаное слово есть та цепь, которая связывает*. Никакие меняющиеся отношения между исполнительной и законодательной властью не меняют принцип. [124]

Таким образом становится ясным, что наш Господь ссылался на этот закон, когда Он говорил о связывании и разрешении:

И Я говорю тебе: ты Петр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеет ее; и дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах (Мат. 16:18, 19).

Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе (Мат. 18:18).

Не наше дело дискутировать доктрину о церкви здесь, но хотя бы ясно, что “ключи царства” *неотделимые от закона, и от верного объявления закона*. Можно сказать действительно, что “ключи царства,” *которые связывают и разрешают – это закон*; церковь, созданная как Новый Израиль Бога, новый заветный народ, таким образом тоже получила Закон как средство управлять Новым Израилем, граждански и духовно. Следовательно ключи не епископская или папская власть сама по себе, ни частная интерпретация: они закон как единственный инструмент настоящей власти под Богом, власть осуждать и оправдывать, связывать или разрешать. Когда церковь пытается связывать или разрешать сознание и поведение людей вне закона-слова Бога, она связывает себя, т.е. она сама подлежит осуждению.

Подобно этому государство не может связывать или освобождать людей вне закона-слова Бога, и государство нуждается в верном изложении этого закона со стороны церкви и теологов на государственной службе. Вестминстерская Исповедь веры объявляет в главе XXXI, v:

Синоды и советы должны заниматься ни с чем другим, или решать ни о чем другом, кроме духовного: и они не должны вмешиваться в гражданские дела, которые касаются общности, кроме как по смиренной просьбе в исключительных случаях: или через совет, для удовлетворения совести, если такие потребуют гражданские магистраты.

Это верно для церкви; оно не относится к религиозным учителям, которые могут быть служителями или администраторами церкви, государства или школы, и обязанные разъяснять закон-слово Бога.

Каждый суд, поскольку он неизбежно занимается законом, есть религиозное учреждение. Религиозное учреждение требует религиозное образование. Образование в государстве или будет учить религии государства, или иначе государство революционизируется. Установление государственного контроля над школами в Соединенных штатах, под влиянием движения, которого руководили два унитариста, Горас Ман и Джеймс Дж. Картер, положило начало религиозной и правовой революции в США. [125] Суды, именно из-за их важности в жизни нации, должны быть особенно информированными о Божьем законе, как при их обучении, так и в процессе их действия.

Выражение во Втор. 17:8, “между кровию и кровию,” означает решение между убийством и убийцей. “Между судом и судом” значит между одним видом жалобы за правое и другим. “Между побоями и побоями” касается многообразных телесных повреждений; “несогласные мнения в воротах твоих,” означает несогласные мнения в общности. В этом совсем практических вопросах права и применении закона, верховная власть, которая связывает и разрешает, есть Божий закон-слово. Этот закон должен управлять судами, и суд должен по меньшей мере полностью основываться на законе.

Ни церковь, ни государство, не могут связывать или разрешать, если не придерживаются к Божьему закону, как к единственному источнику связывания и разрешения осуждения и оправдания. В каждой культуре

настоящий бог этой системы есть источник закона, и если церковь или государство, или некоторое другое агентство, функционирует как создатель закона, т.е. выпуская законы без никакой превосходящей базы, тогда они сделают из себя богов. Тогда их *право* заповедать исчезает. Для Божьего народа под их юрисдикцией остаются открытыми следующие дороги: первая, мирное сопротивление, используя инструменты закона; вторая, эмиграция к другой церкви или в другую страну; третья, повиновение, но с полным сознанием, что они повинуются как будто Богу, чтобы сохранить порядок, а не человеку, понимая что хотя власти не имеют права заповедать вне Божьего слова, иногда долг повиноваться остается как моральное поведение, и прагматичное поведение; четвертая, неповиновение как моральный долг против лидерства власти; такое неповиновение должно быть сознательным повиновением Богу, а не человеку.

Чем больше власть отклоняется от Божьего закона, тем более бессильной становится она, чтобы справиться с действительными преступлениями, и тем более строгой становится она к пустяковым преступлениям или к незначительным нарушениям пустых писанных законов, которые стремятся управлять без морального авторитета и без разумного основания.

Например, в многих больших городах, особенно в Восточных Соединенных штатах, в 1960-ых и в начале 1970-ых годов относились с терпением к широко распространенным бунтам и грабежам, а тем временем полиции было приказано задерживать нарушителей правил движения за самые незначительные и пустячные нарушения. Штрафы были богатым денежным источником для почти обанкротившихся городов. О подобном свидетельствует и содержание следующего сообщения из Вашингтона, округ Колумбия, сцена множества скандальных незаконных демонстраций:

“Дюжина лакеев, изображающих полицейских и офицеров на мотоскутерах, напали на группу и арестовали троих... После того как Донохю столкнулся с машиной на стоянке и упал, на него набросились четыре офицера, один из которых ударил его палкой, когда он был прикованным к земле другим парковым полицейским...” Что описывает этот апрельский номер газеты *Вашингтон пост*? Полиция противодействовала антивоенной демонстрации ли? Нет, он описывает как федеральная парковая полиция арестовала граждан Вашингтона за нарушение смешного распоряжения, которое запрещало... запускать бумажных змей. К 19-ому апреля было арестовано 15 человек за запускание бумажных змеев.^[126]

Когда закон, все равно в церкви, государстве, школе, или семье, перестает руководить людьми морально, тогда он нарушается, и возникают две возможности. *Первое* последствие есть анархия. Мы не должны удивляться анархии в семейной жизни, в мире бизнеса, или в государстве, ни отсутствию дисциплины в церквях. Люди не будут повиноваться закону, у которого отсутствует моральная структура. Много детей бунтуют против родительской власти, но слишком много родителей, как гуманисты, не имеют морального основания требовать повиновения, и только передают моральную анархию своим детям. Бунт молодых во второй половине двадцатого века был логичным; он основывался на моральных предпосылках, которых преподали им семья, церковь, государство, и школа. Христианские семьи, которые послали своих детей в общественные школы, лишили их веры и пожелали моральную анархию. Эта моральная анархия пропитывает каждую область, включая бизнес и рабочую силу.

Второе, альтернатива моральной анархии есть голое принуждение, использование террора. Карл Маркс логически не видел другую действительную философию, кроме анархии; прагматично он признавал необходимость в солидарности и поэтому он отдавал предпочтение коммунизму. Марксизм однако принес моральную анархию. В результате, как быстро понял Ленин, логическим курсом для действующего марксизма оказалось установление террора. Таким образом Красный террор стал необходимым и приемлемым заместителем моральной силы.

Нигде моральный авторитет не должен быть большим, чем в церкви. Поскольку церковь уполномоченная учить слову Бога, когда она учить ему верно, ее авторитет очень большой. Тогда дисциплина вписывается в сердца и в мускулатуру людей. Тогда ее требует что-то больше, чем церковный суд: жизни людей создают ее. Там где дисциплина слабая, или ей повинуются неохотно только под давлением, люди или непосвященные в веру, или церковь либо вероотступная, либо не к месту; а если не к месту, это форма вероотступничества.

Суд – религиозное учреждение. Чтобы суд функционировал, религия суда должна быть тоже религией народа. Если моральная дисциплина не в сердцах народа, никакая революция не может вложить ее туда, ни дать ее судам. Вместо моральной дисциплины, результат есть террор. *Если люди не будут повиноваться Богу, они не будут повиноваться людям*: тогда они будут требовать виселицу и винтовку как необходимые инструменты порядка. Их протесты против нового порядка, которого они создали своими беззакониями, так морально необоснованные, как и сам новый порядок, и они менее эффективные. Следовательно у нового порядка одна судьба – убивать и быть убитым.

19. Судебная процедура

Судебную процедуру мы дискутировали частично, исследуя законы о свидетельстве и доказательстве.

Другие аспекты судебной процедуры, имеющие практическое значение, следующие: *первое*, место суда – у городских ворот (Втор. 21:19; 22:15; 25:7; Ам. 5:12,15; Зах. 8:16), или в случаях апелляции перед самыми высшими судами – притвор для судилища в царском дворце (III Цар. 7:7). Символически правосудие было таким образом воротами города; символически тоже оно было полностью открытым, показывая что у него нечего скрывать, и что его публичность выгодна всем. Слушания дел на суде было доступное всем. Концепция о *публичном* судебном разбирательстве, как обратное тайному суду, так обычный в древности и у тирании, была основной в библейском праве. Публичная экзекуция была частью того самого принципа. Тайные или закрытые экзекуции, проводимые во имя достоинства, были в самом деле признаком нарастающего господства государства и

зараждающейся тирании. В конечном счете, в тираническом государстве смерть не только тайная, но о ней даже и не сообщается. В странах, где погода не позволяет публичные суды в открытом месте, внутренние судебные разбирательства становятся единственно логичными, но принцип публичного слушания должен сохраниться.

Второе, мы не должны принимать, как гуманистские ученые будут вести нас к этому, что судебные разбирательства в библейские времена были примитивными и не записывались. Давно до Моисея письменные протоколы были обязательными. Иов, чье время есть патриархальная эра, упоминает мимоходом судебную процедуру этих дней:

О, если бы кто выслушал меня! Вот мое желание, чтобы Вседержитель отвечал мне, и чтобы защитник мой составил запись (Иов. 31:35).

Итак письменные обвинения и записи были ранним аспектом судебной процедуры, с целью зафиксировать тонкие места в показаниях и свидетельствах.

Третье, презрение к суду запрещалось (Исх. 22:28), и когда оно включало радикальное отвержение власти суда, наказывалось смертью (Втор. 17:12,13).

Четвертое, свидетели должны были положить присягу до свидетельствования (Исх. 22:10,11). Присяга была условной клятвой, которая предвидела наказания за ее нарушение (Лев. 6:1-7).

Пятое, можно было апеллировать дела перед высшим судом страны, перед Моисеем, перед судьями нации, или перед царем (III Цар. 3:9). Действительно, самая важная функция главного магистрата или власти в нации была в библейском праве обязанность действовать как окончательный апелляционный суд. Мы не можем понять величие Соломона и его царствования, если не осознаем этот факт. Все значение III Цар. 3:5-15 состоит в том, что юный царь Соломон понравился Богу желанием прежде всего другого быть мудрым главным судьей Израиля. Он просил способность “чтоб умел судить” (III Цар. 3:11). То, что Соломон известен нам больше всего своим гаремом, это комментарии наших дней; в его время самая великая слава завоевала ему его способность судить как высший судья нации. Его просьба к Богу была именно такой:

Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим? (III Цар. 3:9).

Обученный пророком Нафаном, защитник права, Соломон в первую очередь заботился о законе, который был краеугольным камнем величия его царствования. Когда сегодня люди думают о “мудрости” Соломона, они модернизируют концепцию, превращая ее в что-нибудь абстрактное, академическое, и интеллектуальное. Библейская ссылка на Соломоновскую мудрость означает более центрально его мудрость как судья, мудрость о которой он молился, а вторично его мудрость в администрации. Притчи Соломоновы по существу представляют практический комментарий закона, и в этом их Мудрость.

Соломон, показывая набожную и практическую мудрость как судья во всех делах, представленных пред ним, обеспечил этим, чтобы окончательный апеллятивный суд в Израиле был судом справедливым. Результатом было большое доверие между людьми, как и процветание в условиях справедливости. Более позднее сумасшествие Соломона никак не обесценивает полностью основную справедливость его царствования.

Шестое, хотя по субботам можно было арестовывать (Числ. 15:32-36), судебные разбирательства проводились только в другие дни недели. В Американском законе “преступника нельзя судить и осуждать по воскресеньям,” хотя его можно было арестовать, заключать, или предъявлять ему обвинения магистратом. [127]

Седьмое, право на скорое судебное разбирательство, на правосудие без задержки, было не только характерной особенностью публичного слушания суда, но и инструментом здоровой администрации, как утверждал это Артаксеркс в своих заповедях к Ездру: “Кто же не будет исполнять закон Бога твоего и закон царя, над тем немедленно пусть производят суд, на смерть ли, или на изгнание, или на денежную пеню, или на заключение в темницу” (Ездр. 7:26). Эта заповедь объединяет персидскую власть и закон с древнееврейским законом и традицией. (Эта персидская заповедь, цитируемая тоже и в Апокрифах, I Ездра 8:24, представляет особый интерес тем, что она цитирует форму осуждения, чужую библейскому праву, т.е. заключение в темницу. Она оставалась чужой, хотя и использовалась династией Иродов. Заключение людей, как например Иоана Крестителя, было по существу незаконным актом.)

Восьмое, поскольку в библейском праве функция государства состоит в том, чтобы служить правосудию, высшая служба в государстве была неотделимой от правосудия и от судов. Администрация, теперь совсем близко связанная с высшей службой государства, была следовательно функцией, резервированной для служителей царя, членов гарема, евнухов и других. Основные функции главных служителей страны, независимо был ли он судьей в более ранней эре или царем позже, были двухсторонними: быть военным вождем, и быть верховным судьей страны. Военная служба не была постоянной; ее можно было делегировать другим, как например Давид Иоаву. Служба верховного судьи была постоянной и более основной для государства. Эта функция царя была обычной для средневековых монархов, и успех или провал данного английского короля например в общем случае зависел главно от его способностей как верховный судья нации. Само название окружения короля, и его приближенных в английском языке: court и courtiers (двор и придворные), отражает эту функцию, потому что суд по английски тоже court. Королевский двор первоначально был не местом показать себя, ни центром общественных функций, а местонахождением верховного суда. Когда королевский двор начал превращаться в место для прогулки дам, монархия начала терять своего значения.

При многих способах гражданского управления, где административные службы приобретают центральное место, усиление централизованной власти становится неизбежным, потому что не правосудие для народа, а управление народом, становится основным для нации и для государства. До Линкольна американские президенты не были в такой степени центральными для американской жизни, как они такие с того времени, а усиление

президентской власти было необходимым результатом увеличения важности администрации над правосудием. До Линколна тенденция была, чтобы президенты США считались разновидностью судей, и их вето основывалось на юридических соображениях, по вопросам конституционности, а президентская служба рассматривалась как агентство для юридического надзора над действиями Конгресса. Большая часть ранней неопределенности о роли американского Верховного суда причинялась фактом, что историческая традиция видела главного магистрата как окончательный апеллятивный суд над правосудием судов. Президентская власть помиловать – пережиток того факта. Вопросы о конституционности поднял впервые президент Вашингтон, только намного позже это начал делать суд. Апелляции к президенту исправить зло долгое время продолжались в американской истории как отражение этой неопределенной роли верховного судьи американской системы. В конце концов административная роль взяла верх и начал оформляться новый вид Америки.

В Ветхом завете Мойсей был верховным судьей Израиля, т.е. судья. Вожди колен были различными административными главами нации; их “федеральный союз” под Мойсеем и Иисусом Навином был в основном военным и юридическим. Они были под одним законом, и Мойсей был верховным судьей федерального союза, как и его главнокомандующим. Военные функции Мойсей делегировал Иисусу Навину; юридические ответственности выполнял сам Мойсей.

Самуил, как верховный судья, обхаживал всю землю каждый год (I Цар. 7:16,17), чтобы приблизить правосудие к людям, чтобы обеспечить право апелляции, делая апелляцию непосредственно доступной.

Девятое, и последнее, судья должен быть не только беспристрастным рефери, но и страстным защитником Божьего закона, активно работающим, чтобы принести Божие правосудие в каждую ситуацию, “воздавая виновному, возложив поступок его на голову его, и оправдывая правое, воздав ему по правде его” (II Пар. 6:23).

20. Приговор суда

Приговоры суда в библейском праве два вида: *первый*, приговоры в деньгах и имуществом, чтобы сделать возмещение, и *второй*, приговоры на личности, от телесного до смертного наказания. Природу этих приговоров мы уже дискутировали.

Важное осознать, что в библейском праве приговоры являются приговорами Бога:

Не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушайте: не бойтесь лица человеческого; ибо суд – дело Божие; а дело, которое для вас трудно, доводите до меня, и я выслушаю его (Втор. 1:17).

Здесь тот же самый тезис, какой у святого Павла в Рим. 13:1-4, но он более специфический: *приговор* суда есть приговор Бога, когда он вынесен правдиво. Поскольку суд идентифицируется так близко с деятельностью Бога, сами судьи упоминаются в Святом писании как “боги.” Псалом 81:1 гласит: “Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд.” Следовательно судьи – “сонм богов,” собрание Божьих людей, призванных представлять Его в правосудии; через них Бог выносит приговор или оправдание. Итак, фундаментальный аспект Божьего порядка, Его царства, должен быть и единственно может быть манифестирован на судах и через суды. Если суд не может вынести Божий приговор из-за своего отступничества от Бога, то он неизбежно вынесет приговор человеческий в смысле сатанинских принципов независимости и беззакония. Когда судьи не могут отдать справедливость слабым и сиротам, бедным и нуждающимся, великим и малым, не облагодетельствуя и не различая лиц, тогда они открывают свою слепоту и преднамеренное пренебрежение. Вероотступничество судей означает, что “Все основания земли колеблются” (Пс. 81:5).

Судьи своей службой сделались как боги, и сыны Божьи (Пс. 81:6). Из-за своей несостоятельности вынести Божий приговор они погибли (Пс. 81:7). Молитва Асафа, при виде ложных судей, такая: “Восстань, Боже, суди землю; ибо ты наследуешь все народы” (Пс. 81:8).

Иисус, цитируя этот псалом, заявил что судьи те, “к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание” (Иоан. 10:35). Другими словами, *слово Божие писаное главным образом для судей*; оно между прочим книга об организации гражданского общества в смысле Божьего слова. Отрицать это гражданское применение, или роль судей под Богом – это попытка “нарушить” Святое писание; а ограничивать его применение только к церкви и к чисто личной набожности – конечно ересь. Испытание для судей как сыны Божие состоит в том, чтобы делали работу Бога – отдавать справедливость в смысле Божьего закона-слова. Испытание Самого Иисуса подобное: Он делает работу Бога, определенная для Него: “Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; А если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем” (Иоан. 10:37-38). В обоих случаях, испытание одно и то же. Ложный мессия не будет делать работу, распорядившуюся Богом в Его слове, в Библии; поскольку Иисус пришел в совершенном исполнении пророческого слова, Он и никто другой есть Мессия Бога. Подобным образом ложный судья не будет функционировать как сын Бога, т.е. выносить правосудие строго в смысле Божьего закона-слова, пока набожный судья будет поступать именно так.

Следовательно Святое писание ясно объявляет, что судьи являются настоящими судьями, только если они верные Божьему закону. Как тогда обстоит дело со словами святого Павла в Рим. 13:1-4, который объявляет, что все гражданские власти – слуги Божии? Разница состоит между законностью и честностью: человек может быть законным сыном своего отца, и этого факта нельзя честно отрицать, но ему может не хватать честности и уважения к заповедям его отца; т.е. по своему характеру он может быть ложным сыном. Подобно этому, судья, служитель правосудия, или духовник, служитель милосердия, может быть законным служителем, имеющим полное право на свою службу в смысле всех человеческих требований, но в то же самое время он может не подходить этой службе

морально. Бог требует от нас признавать человеческую законность и чтить службу, если невозможно чтить человека, занимающего ее; за некоторым пунктом суждение в Божьих руках. Это не значит, что нельзя использовать законные средства для протеста и перемены; наоборот, их надо использовать.

Реформа однако означает больше, чем осознание зла и отвращение или ненависть к нему. Очень красноречивую и хорошо обоснованную атаку против коррупции в управлении предпринял в октябре 1931 года в журнале *Liberty* известный гангстер Ал Капоне. Он выступал сильно против коммунизма и подпольной деятельности; он атаковал стремление к легкой наживе и спекуляцию на бирже, и слияние слабых компаний с сильными, которое приводило к большему опустошению, чем их банкротство. Капоне, который претендовал, что он кормил около 350,000 нуждающихся ежедневно предыдущей зимой в Чикаго, осуждал тоже взяточничество:

“Взяточничество,” продолжал он, “есть притча во языцех в американской жизни сегодня. Оно подкапывает эту страну. Оно закон там, где никакому другому закону не повинуются. Честные служители закона в каждом городе можно подсчитать на пальцах. Я могу подсчитать этих в Чикаго на одной руке!”

“Добротельность, честь, правда, и закон, все они исчезли из нашей жизни. Мы жулики. Нам хочется чтобы мы могли жить как попало. И если мы не можем заработать на жизнь некоторой честной профессией, мы готовы заработать каким-либо путем...”

“Дом – наш самый важный союзник,” отметил Капоне. “После всего сумасшествия, мир проходит через упадок, мы поймем это, как нация, очень сильно. Чем крепче мы сможем сохранить наши домашние жизни, тем крепче мы сможем сохранить нашу нацию.”

“Когда враги приближаются к нашим берегам, мы защищаем их. Когда враги входят в наши дома, мы выгоняем их. Рушителей домов надо раздвигать, вымазывать дегтем и покрывать перьями, в пример остальным подобным им.”^[128]

В ходе того же самого интервью, Капоне предсказал, что демократы выиграют выборы 1932 года “с рекордным числом голосов” в пользу или Оуэна Юнга, или Рузвельта.

Основная позиция Капоне была эта о законе и порядке, только бы не беспокоили его. В этом состоит провал большинства реформистских движений. Зло признается и ему противопоставляются везде, кроме в нас самих. Отсюда, крик движений за политические реформы – выбросить всех негодяев, кроме их самих.

Во время администрации Кенеди у критики было меньше чем мало правды. Типичная критика отправлялась к общественным школам, куда ездили на внегородских автобусах по общественным дорогам; и т.п.

В смысле Божьего закона настоящая реформа начинается с новым рождением, и потом с подчинением верующего целостному закону-слову Бога. Дегенераты претенденты на реформы хотят реформировать мир, начиная с их оппонентов, с всякого и каждого, кроме с их самих. Настоящая реформа начинается с подчинением наших жизней, домов, и занятий, Божьему закону-слову. Потом мир овладевается шаг за шагом, когда люди проведут настоящую реформу в их областях. У каждого другого вида реформы будет честности и ценности не больше чем в словах Ала Капоне. Мы можем допустить, что слова Ала Капоне искренние; как все грешники он хотел жить в лучшем мире, но не ценою своего собственного подчинения Божьему правовому порядку.

Суждения Бога в Его слове должны стать суждениями Божьих людей. Только когда люди вспомнят о Боге и Его порядке, они могут надеяться воспользоваться этим порядком. Согласно Соломону: “Без откровения свыше народ необуздан, а соблюдающий закон блажен” (Прит. 29:18). *Откровение* здесь приравнивается с соблюдением закона.

Закон Божий есть тотальный закон: он не ограничивается к некоторому сегменту творения, как например к частной жизни человека, его церковной жизни, или к другой специфичной области. Никакая реформа не может произойти простой заменой политиков, без изменений в жизни людей, ни может реформа произойти просто потому что люди применяют ее к ограниченной области жизни. Когда люди, в смысле Божьего закона, выполняют приговоры Бога в свои дома, церкви, школы, профессии, и в государство, тогда суды тоже будут выносить приговоры по тотальному Божьему закону.

21. Совершенство

Одна из деклараций закона гласит: “Будь непорочен пред Господом, Богом твоим” (Втор. 18:13). Версия Бэркли и некоторые другие везде дают “совершен,” вместо “непорочен,” как это появляется и в Нагорной проповеди, где Христос объявляет: “Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Мат. 5:48).

Закон не заповедует нам делать то, что человек не может сделать. Как тогда должны мы понимать это требование, и как могли бы мы быть совершенными пред Господом, не произнося ложное свидетельство о нас самих?

Нам рассказывают, что Ной был “непорочным” (т.е. совершенным, Быт. 6:9), а Авраам призывался быть непорочным (Быт. 17:1). В Пс. 36:37 упоминается “непорочный человек” как факт из ежедневной жизни. В Пс. 100:2 Давид заявил: “Буду размышлять о пути непорочном... буду ходить в непорочности моего сердца посреди дома моего.”

Ветхозаветные слова, переведенные как “совершен,” означают прямой, имеющий честность, безупречный, а Новозаветные слова имеют смысл зрелого, законченного.^[129] Ясное, что это что-нибудь другое, чем безгрешность. Комментарий Ленского очень точный в связи со смешиванием библейского “совершенства” с безгрешностью.

Английский перевод “совершенный” в большой степени ответственный за идею об абсолютной безгрешности, который смысл принимается часто... и к несчастью у нас нет производное слово от “цель,” чтобы передать смысл греческих слов. Факт, что здесь не имеется ввиду абсолютная безгрешность, виден из стиха 6 (Мат. 5), где блаженные последователи Христа еще жаждут правду, и из стиха 7, где они еще нуждаются в милости и блаженны, когда постоянно получают ее.

... Перфекционизм может воображать себе, что возможно достигнуть безгрешность в этой жизни; эту цель мы не можем достигнуть, пока не уйдем на тот свет. Одинаково неправильная и идея, что в этих изложениях закона Иисус предлагает только “советы о совершенстве,”

которые недостижимы со стороны более низкопоставленных христиан. У Христа нет двойного стандарта. Его самые великие святые происходят из обыкновенных верующих, которые по милости стали “чистыми сердцем” (ст. 8).^[130]

Совершенство означает честность и зрелость в смысле цели или намерения, цели, поставленной Богом. Наша зрелость на небесах будет включать безгрешность, но наша зрелость здесь совсем другого вида.

В этой жизни мы можем быть совершенными в смысле быть безупречными в нашей вере Божьему намерению, но быть безупречными не значит быть безгрешными. Например, Дж. Кампбел Морган однажды написал о своем переживании со своим маленьким сыном. Морган был в Америке, и получил письмо от своего сына, который только что научился читать и писать. Письмо, полное ошибками, выражало любовь мальчика к его отцу, и его тоску по нем. Письмо, отмечал Морган, совсем не было безгрешным, но оно было безупречным.

То, что безупречно для подростка, не безупречно для взрослого; зрелость требует постоянное стремление к указанной Богом цели. Тогда тоже, чем больше ответственность, тем большая зрелость требуется, чтобы быть безупречным. То, что министр, доктор, судья, или гражданский чиновник делает, и в многих случаях то, что их жены делают, более важно чем то, что делают другие. Замечание, не вызывающее упрек у других, для вышеуказанных может представлять серьезное нарушение.

Приведем один пример: Марта Митчел, жена Главного прокурора США Джона Митчела, очевидно есть очаровательная, интеллигентная, и остроумная женщина; ее уста обычно откровенные. Ее замечания многократно попадали в национальные новости, и многие люди соглашались с ней. Эффект ее замечаний в Вашингтоне был чтобы расширять бреши, возбуждать беспокойство, и создавать множество несчастных проблем. Таким образом можно сказать, со всем должным уважением к Марте Митчел как к высокопоставленной женщине, что она заслуживала упреки, и что она стремилась быть на виду за счет политики администрации. Даже когда ее муж приказал ей молчать, она изловчилась попасть в новости:

Вот уже месяцы прошло, как искренние выступления этой леди заметно отсутствуют из прессы – без сомнения, в подчинении указаниям Главного прокурора США Джона Митчела. Отныне и в дальнейшем, постановил он, если его жене Марте придется говорить публично, это должно быть на языке суахили. Руководя принятию присяги нового президента Клуба американских журналисток на прошлой неделе в Вашингтоне, Марта сказала на почти безупречном суахили: “Йе унаабе куа куели куемба усацуинга...” По определению Главного прокурора, который присутствовал: “Присяга на суахили совершенно законная.”^[131]

Этот вид остроумия и неудержимое желание попасть в новости, забавное только со стороны; для тех внутри это проблема, и оно действительно означает не задумываться о последствиях, поскольку библейское совершенство не связывается с моментом, а с распоряженными Богом целями.

Влияние привидной набожности важное в современной истории, и оно произносит ложные свидетельства касательно требований Бога. Его ударение на безгрешном совершенстве на самом деле порождает грех. Когда люди надеются на безгрешном совершенстве у других людей, они легко поддаются грешной нетерпимости к человеческим недостаткам. Этот грешный перфекционизм особенно изобилует в конце некоторого периода, или некоторой эры, когда люди находят свои проблемы временно или постоянно непреодолимыми. Когда проблемы неразрешимые, тогда люди набрасываются друг на друга. Их основное несчастье из-за неразрешимых проблем выявляется в попытках “отделаться” от окружающих их людей, которые надоедают им. Когда падение Рима начало вырисовываться, люди давно до этого убежали из городов, сознавая их безнадежное будущее. Их реакция однако была далеко неразумной. Христиане и язычники одинаково ненавидели людей и отвергали их, становясь пустынными отшельниками. Но не решились этим ничего, а внутренние терзания этих пустынных изгнанников показали, что их бегство не принесло им ни покоя, ни ответа на проблемы мира. Сегодня опять, когда проблемы кажутся неразрешимыми, раздражение человека от человека увеличивается. Уровень терпимости к детям, соседям, мужам, женам, приятелям, и содружникам, очень низкий. Вместо решения проблем, этот вид перфекционизма только углубляет их. Ставить чересчур большое ударение на человеческие слабости, значит произносить ложные свидетельства против людей.

Закон здесь выражен четко: “Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов” (Гал. 6:2). Это относится совсем ясно, как Гал. 6:3-5 показывает, к нашим ошибкам и слабостям. Мы должны осознать, что каждый из нас несет бремя слабости, и “каждый понесет свое бремя” (Гал. 6:5). Иногда мы нуждаемся в коррекции, но в большей части времени нам приходится жить вместе, сознавая наши общие слабости, и работать вместе, чтобы приобрести эту зрелость, которая приходит, если искать “прежде Царства Божия и правды Его” (Мат. 6:33).

Наша величайшая сила состоит следовательно в том, что называется “совершенством,” и которое означает зрелость, честность в смысле Божьего намерения, которое получает Божие благословение даже среди серьезных затруднений. Зрелость означает способность учиться на нашем опыте, и использовать его, чтобы приблизиться к Божьему намерению о нас.

Проблема, с современной точки зрения, слишком часто рассматривается как *подрывная деятельность*, когда более обычное она скорее всего *моральная несостоятельность*, неспособность расти и стать зрелым. Общества, которые сосредоточиваются на проблемах подрывной деятельности, почти мертвые: они потеряли их способность справляться со своими проблемами. Это *не означает*, что подрывную деятельность надо пренебрегать или прощать, но единственный постоянный ответ ей, это есть развитие. Цель – восстановление Божьего порядка.

В ходе Войны за независимость подрывных действий, особенно против американской страны, было бесспорно много. Теперь твердят даже что Бенджамин Франклин был британским агентом через все время борьбы.^[132] По крайней мере в Войне 1812 года число британских и французских агентов в Америке было большим, но в основном здоровое лидерство, и достаточный элемент людей с характером, плюс Божья милость, позволили американскому делу преуспеть, сталкиваясь с радикальной подрывной деятельностью.

Без зрелости никакое дело не сможет уцелеть. Без способности к развитию в сторону цели, никакое дело не может утвердиться, только искореняя подрывающих его элементов. “Если же соль потеряет силу... Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям” (Мат. 5:13). Нет божественной защиты для людей и наций, которые теряют свое призвание и “соленость.” Действительно, тогда им не избежать осуждения: “То же, как если бы кто убежал от льва – и попался бы ему навстречу медведь, или если бы пришел домой и оперся рукою о стену – и змея ужалила бы его” (Ам. 5:19).

X ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

1. Алчность

Десятая заповедь – одно из более длинных постановлений принципа в Декалоге. В своих двух версиях она гласит:

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего (Исх. 20:17).

Не желай жены ближнего твоего, и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего (Втор. 5:21).

Многое сказано глупыми бездельниками насчет места жены в каждой из этих фраз, впереди или после дома, а тоже что она как-будто на одном уровне с волон и ослом. Дураки пусть останутся со своей глупостью; мудрые заполняют свое время другими вопросами.

Значение этого закона зависит от значения слова *желай*. Остальное в законе занимается *действиями* людей; в таком случае имеет ли закон дело с эмоциями человека, или мы неправильно понимаем значение слова *желай*? Нот указывает, что *желай* в самом деле означает намного больше, чем эмоцию желаяния:

Заповедь в стихе 17 сформулированная с глаголом, который дается как “желай.” Но он описывает не только эмоцию желаяния, а включает тоже и попытку приобрести что-нибудь, принадлежащее другому, незаконно. Следовательно заповедь имеет дело с возможными начинаниями, которые включают приобретение власти над вещами и владениями “ближнего,” независимо через кражу или через все виды нечестных махинаций. Первый указанный объект – это дом ближнего. Термин “дом” может в тесном и специальном смысле описывать жилище, главно построенный дом, но тоже во всяком случае и палатку – “дом” номадов; он может однако использоваться тоже в более или менее широком и переносном смысле, чтобы означать например семью, или чтобы суммировать все, которое содержится в доме.^[1]

Итак, когда Исход начинается запрещением пожелания дома ближнего, под домом подразумевается, как это уточняется дальше, жена, рабы, скот и другие владения нашего ближнего. В начале используется общий термин *дом*, а потом описываются специфические аспекты “дома.” Во Второзаконии очевидно перечисляются все подробности, включая и “дом.”

Фон Рад писал о слове “желай” в том же показательном смысле:

Если в последней заповеди перевод глагола как “желай” был правильным, это было бы единственный случай, в котором Декалог имел бы дело не с действием, а с внутренним импульсом, следовательно с грехом в намерении. Однако соответствующее древнееврейское слово (*hamad*) имеет две значения: желать и взять. Оно включает внешнее злодеяние, означающее заграбастать для себя (Иис. Н. 7:21; Мих. 2:2 и т.д.).^[2]

Когда Иисус цитирует десятую заповедь в Мар. 10:19, Он делает это очевидно в смысле греха в действии, а греческий текст использует слово *aposteresis*, т.е. обмануть в чем-то, и версия короля Джеймса переводит его “не обманывай.”

Замечания Нота и фон Рада не новость в интерпретации. Очевидно наш Господь придавал ему то же самое значение, и тоже очевидно, что это было известное христианским ученым в более ранних эрах. Например большой англиканский ученый 17-ого века, доктор Исаак Бароу, писавши о десятой заповеди, отметил:

Этот закон, так сказать, всесторонний и обобщительный, в остальном касающийся нашего ближнего, предписывает универсальную справедливость к ним (из-за чего святой Марко кажется решил выразить это одним словом, ... “не обижай, или не лишай твоего ближнего от ничего; Мар. 10:19), и это не только проявлять ее внешним делом и обращением, но и внутренней мыслью и желанием, которые источник откуда они действительно происходят...^[3]

Адам Кларк тоже сознавал значение слова желай, и заявил:

Не желай, ст. 17 . . . *lo tachmod* – слово . . . *chamad*, означает *горячее и сильное* желание о чем-нибудь, на чем сосредоточиваются и фиксируются все стремления, независимо *хорошо* ли оно или *плохо*. Это то, что мы обыкновенно называем *алчностью*, которое слово берется и в *хорошем* и в *плохом* смысле. Так когда Святое писание говорит, что *алчность* – *идолопоклонство*, оно тем временем говорит тоже: *ревностно желай лучше*; поэтому мы находим, что эта склонность грешная или святая, в зависимости от объекта, на который она направляется. В этой заповеди *алчность*, которая направленная на запрещенные объекты, сама запрещается и осуждается. Желать в таком смысле значит сильно стремиться завладеть желаным: *имуществом, личностью, вещью*, с целью насладиться им. Эту заповедь нарушает тот, который всеми средствами пытается лишить человека его дома, или поля, через некоторую *тайную и закулисную* сделку с первоначальным владельцем; которое в некоторых странах называется *забрать дом и поле человека за его спиной*. Нарушает ее тоже тот, который страстно желает жену своего ближнего и старается понравиться ей, унижая ее мужа в ее глаза: - и еще ее нарушает тот, который пытается завладеть рабами, скота и т.д. другого, некоторым тайным или несправедливым путем. Это самая превосходная моральная предпосылка, соблюдение которой предотвратит все общественные преступления: потому что тот, кто чувствует силу закона, который запрещает чрезмерное желание каждой вещи, принадлежащей другому, никогда не сможет нарушить покой общества *злым* поступком против некоторого из его более слабых членов.^[4]

Неправильное понимание этого закона началось с привидной набожностью, которая ограничивала Божьего закона до моральных предпосылок. Религия направилась внутри, и следовательно действия перестали быть так важными, как “сердце.” Сверх того, идея что каждого вида приобретение было как-то “недуховным,” тоже распространилась, так что у алчности осталось исключительно злое значение.

Аввакум 2:9 дает нам пример о факте, что Святое писание делает разницу между хорошей и плохой алчностью:

Горе тому, кто жаждет неправедных приобретений для дома своего, чтоб устроит гнездо свое на высоте и тем обезопасить себя от руки несчастья!

Алчность здесь приравнивается с приобретением; злое приобретение или злая алчность осуждается. Честное приобретение и набожная алчность очевидно не осуждаются.

Святой Павел в I Кор. 12:31 использовал слово “ревнуйте” (жаждайте) в его хорошем смысле: “Ревнуйте о дарах больших.”

Следовательно, то что ясно осуждается десятой заповедью, это каждая попытка приобрести через мошенничество, насилие, или обман, то которое принадлежит нашему ближнему. Согласно этому принципу, дела об отчуждении привязанности были когда-то частью закона страны. Злоупотребление ими в незаконные времена привели к их отмене, но принцип здравый. Лицо, которое работает систематически, чтобы отчуждить привязанность к мужу или к жене, с целью приобрести его или ее для себя, иногда вместе с соответствующими денежными активами, виновное в нарушение этого закона.

Итак, этот закон запрещает экспроприацию через мошенничество или обман того, что у нашего ближнего. Десятая заповедь следовательно суммирует шестую и девятую заповеди, и дает им дополнительную точку зрения. Другие заповеди имеют дело с очевидно незаконными действиями, т.е. очевидными нарушениями закона. Десятую заповедь можно нарушить внутри этих законов. Покажем библейский пример. Давид совершил прелюбодеяние с Вирсавией, что очевидно незаконный поступок. Его последующие действия были формально в законе: Урию послали на переднюю линию битвы, а приказы отдавались такие, чтобы обеспечить смерть Урии в бою. Формально это не было убийством, но это была ясная конспирация чтобы убить, а Давид и Иоав несомненно виновные в убийство.

Таким образом множество законов в Западной цивилизации основываются на этом принципе о мошенническом использовании закона, чтобы обмануть или причинить ущерб. Многие из этих законов содержат постановления против конспиративного аспекта обмана. Они постанавливают меры против алчного захвата имущества нашего ближнего злыми, хотя и иногда законными средствами. Закон против нечестного дохода таким образом является очень важным, и десятая заповедь, вместо того чтобы быть туманным придатком закона, есть основной для него.

Закон против нечестного дохода направлен Богом не только к индивиду, но и к государству и ко всем институтам. Государство может быть, и часто есть виновное как каждый индивид, и оно часто используется как законное средство, чтобы обманчивым образом завладеть собственностью других. Поэтому в 20-ом веке закон против злой алчности являлся особенно необходимым. Пиетизм, которому раньше этот закон препятствовал, теперь стал поведением развращенного общества.

Пиетизм ставит ударение на *сердце*, на показное отношение людей, и уменьшает важность человеческих действий. Его корни в язычестве, в греческом и стоическом противопоставлении, материи против духа. Цель в этих философиях должна была быть бесстрашной. Настоящий философ стоял над горем чувств о материальных вещей: его дом мог бы сгореть, его жена и дети умереть, а он стремился оставаться незатронутым. Только то, что в уме или в душе казалось важным ему.

Влияние этих философий на церковь сделало всякое желание злым. Предполагалось, что у человека не должно быть никакого желания, чтобы он был святым. Быть амбициозным было зло, потому что оно представляло желание материальных вещей. Шекспир и Флетчер отразили это в своей драме *Генрих VIII*, в которой кардинал Уолси говорит:

Смотри мое паденье, Кромвел,
и что меня сгубило. Отвергни
амбицию, тебя я заклинаю.
За этот грех пропали ангелы;
Как мог бы человек-подобье
Божье – надеяться с ним преуспеть?
Люби себя последним: цени те сердца,
Тебя кто ненавидит.
(Действие III, сц. II).

Такая философия означает, что у амбиции нет христианской законности, и что желание лучшего всегда грех. Как результат единственная законная амбиция и желание оставалось то, которое отвергало христианство в пользу гуманизма. Пиетизм повел христианство, как до так и после Реформации, по ложному пути противопоставления чувств против целостности жизни.

Пиетизм, по происхождению языческий и гуманистский, снова заразил гуманизм в современной эре. В результате либералы, у которых нет никакой настоящей любви к неграм, индейцам, и другим, перелетают от идеи к идее, стараясь потоком чувств разрешить действительные проблемы. Но результат такой пиетистской эмоциональности не реальный прогресс какого-нибудь дела, а только эмоциональный душ для гуманистских пиетистов.

2. Закон в действии

В Нагорной проповеди Иисус применил несколько законов к сердцу человека, т.е. заявил, что требования закона относятся не только к действиям человека, но также и к его сердцу. Бог, как тотальный суверен, издает тотальный закон.

Некоторые из значений закона, как они постановленные в Нагорной проповеди, остаются вне сферы гражданского права (Мат. 5:21,22,27,28). Ненавидеть нашего брата, или смотреть со страстным желанием на женщину, все это преступления, которые может судить Бог, но суды могут судить только если по причине этих чувств возбуждается дело.

Некоторые из значений закона, как они вытекают из судебных разбирательств, охватываются десятой заповедью. Мы уже цитировали дела об отчуждении привязанности.

Еще более обычные такие действия, которые формально по закону, но нарушают дух закона, действия через которые человек экспроприирует собственность других, злоупотребляя буквой закона. Закон должен быть “утвержден,” т.е. применен в действие во всех его значениях; не пустая законность, которая использует правовую систему, чтобы нарушать закон. Это ясно требуется во Втор. 27:26:

“Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним!” И весь народ скажет: “аминь.”

Мофат переводит это так:

“Проклятие человеку, который не приведет в действие слова этого закона!” И весь народ ответит, “Пусть сбудется.”

Вот такой пример об этом: закон требует оплачивать долг; неоплачивание есть форма кражи, как и лжесвидетельство. Заемодатель действительно нуждается в защите бизнес займов, потому что многие люди – “мошеники” и все готовы обмануть своих кредиторов. Однако договоры теперь обычно нечестные, по причине множества условий, которые хотя и предназначены чтобы защищать против обманщиков, становятся средством для обмана неблагодарных и незнающих. “Мелкий шрифт договоров сегодня может включать такие вещи как письменный отказ от защиты, условная задолженность, письменное уведомление, признание судебного решения, отказы от ответственности, и предварительные условия о здоровье, каждое из которых наказывает индивида, а не компанию. В мире ограниченной ответственности многие из этих договоров вводят заново некоторую незаконную форму неограниченной ответственности. Христианин должен отдавать предпочтение неограниченной ответственности, но не в такой односторонней форме. Обе стороны договора должны руководиться его условиями.

Анализируя такие договоры, Джейн Карпер написала:

Не желающие продать свой дом, в котором прожили 35 лет, супруги из одного западного штата подписали договор о ремонте стоимостью в 2,500 долларов. К несчастью, через три месяца исполнитель умер от сердечной атаки, и работа никогда не начиналась.

Скоро после этого супруги получили извещение от финансовой компании, требующее ежемесячные расплачивания, чтобы выполнить договор об этих 2,500 долларов. Они написали объяснение ситуации, не заплатили ничего, и перестали думать об этом. Два месяца позже шериф представил бумаги, оповещающие им, что финансовая компания лишает их права пользования дома и будет продавать его с аукциона – если они не заплатят наличными, чтобы погасить договор, плюс судебные расходы. Они искали помощь по всем направлениям, но не могли раздобыть денег. Итак, невероятно – чтобы заплатить за никогда не выполненную работу – их дом продали с аукциона. Его купил служитель финансовой компании за 20,000 долларов, а его действительная цена была наверно не меньше 30,000 долларов.

В другом штате 56 летняя вдова купила автомобильную страховку у компании, рекомендованной ей ее страховым агентом. Ее страховой полис был аннулирован через год без всяких объяснений. Потом, через около 3 месяца, она получила письмо от прокурора, приказывающее ей заплатить государству 291.49 долларов, потому что она была задолжена по претензиям против этой обанкротившейся компании, которая когда-то застраховала ее машину. Ей пришлось выделять из своих мизерных доходов по немножку каждый месяц, пока не выплатила всю сумму.

Как возможные такие вещи? Объяснение – “ясный текст.” Он появляется в договорах о покупке в рассрочку, в страховых полисах, в кредитных картах – в почти всех юридических документах, которые вы подписываете. И как многие убедились, его потенциал навлекать беду нельзя недооценивать.^[5]

В первом случае супружеская пара подписала договор с отказом от защиты, не осознавая его значение. Во втором случае, согласно мис Карпер, вдова подписала договор с компанией, у которой была условная ответственность, т.е. “на самом деле притежатель полиса становится частично владельцем компании и ответственным за ее долги.”^[6] Мис Карпер цитирует много других подобных примеров о договорах, которые обманывают неосторожных.

У этих договоров общая характеристика: юридическая терминология включает обязанности, которые незнакомые подписывающему. Среднему гражданину с кредитной картой, займом, или долгом, нужен юрист, чтобы объяснить ему капканы и ловушки в таких договорах. Как раз такие люди однако именно из тех, которые не могут позволить себе консультацию с юристом. Таким образом те же самые люди, которые нуждаются в услугах юридического советника, практически не имеют доступ к такому.

Другой аспект договоров выявляется из предыдущих иллюстраций. Государство явно замешанное в обоих, как и суды. Деятельность государственных судов все более становится деятельностью государства, т.е. могучих кредиторов против беспомощных и глупых людей. Когда государство под давлением устраняет некоторую форму искажения закона, оно оставляет лазейки для нескольких других. Правовые реформы, проводимые уже парой поколений, предназначались “защитить” малую Америку, “маленьких людей,” но оставили их еще более уязвимыми. Кроме того, федеральное правительство вымостило дорогу для более легких кредитов и следовательно для большей эксплуатации. Например, федеральное правительство хвастается, что сделало приобретение домов легко доступной посредством облегченных кредитных ограничений, однако 30-и и 35-и летние полисы привели к некачественному строительству, множеству обманов, и к глубоко укорененной эксплуатации народа. Реформам государства, которое отрицает Бога, нельзя доверять больше чем реформам человека с пистолетом в руке, ограбляющий наши деньги.

Это не значит отрицать, что некоторые ограниченные правовые шаги направленные к хорошему, ни что некоторые судьи выносят честные решения. Мы интересуемся основным направлением правовой системы. (Один водитель такси в Нью Йорке сообщил, что вор, который ограбил у него его машину и его деньги, вернул ему стоимость проезда на метро домой с видом благородства и великодушия.)

Один пример о реформе со стороны очевидно заинтересованного судьи, это есть работа судьи М. Питер Кацуфракис из небольшого искового суда Отделения 4 Муниципального суда Лос-Анджелеса.

Суд для небольших исков, предназначенный для убежища обыкновенных людей с небольшими исками и без средств для судебных расходов, стал в большой степени коллективным агентством для финансовых компаний, универсальных магазинов и коммунальных услуг. Большинство из своих делах они выигрывали из-за неявки ответника, потому что он не мог присутствовать. Они не могли присутствовать, потому что различные ответники могли бы жить повсюду в Калифорнии, от границы с Орегон до мексиканской границы, и не могли позволить себе поездку в Лос-Анджелес для судебного разбирательства. Заинтересованные компании установили рассматривание дел в Лос-Анджелесе, где были их собственные канторы, зная что смогут выигрывать из-за неявки. Судья Кацуфракис отправил все такие дела, чтоб их судили по юрисдикциям, в которых ответник жил или занимался бизнес делами. Шоу сообщил тоже об одном изменении в процессе слушания:

Представитель исполнителя заключил договор с парой молодоженов, и теперь исполнитель судил их.

“Исполнитель не сделал все, которое его представитель обещал, что он сделает,” рассказал суду супруг.

“Я не обязан тем, что говорили Вы,” возразил исполнитель, указывая на своего представителя. “Он не уполномочен заключать никакие споразумения. Он не мой агент. Он . . .”

“Минуточку, приятель,” вмешался Кацуфракис: “Не пытайтесь проигрывать эту рутинную белиберду со мной. Я видел этого человека представлять вас здесь много раз, и если вы намереваетесь теперь говорить мне, что он не ваш уполномоченный агент, я просмотрю записи, и аннулирую все решения по делам, в которых он участвовал.”^[7]

Большинство судов для небольших исков однако не руководятся с особой заботой о правосудии, и рассматриваются судьями как несчастные позиции, из которых они надеются выбраться.

Характер судов, судьей, и правовой системы невозможно долго поддерживать, если характер людей преступный и вырожденный. Суды и судьбы не существуют в вакууме: они часть веры, культуры, и моральных стандартов народа вообще, нации, часть которой они. То что существует глубокий моральный раскол, что учреждение по природе и по существу злое, а народ невинный и добрый, это принцип революционеров. Этот революционный принцип охватывает почти все радикализмы и консерватизмы, и ведет к душевности, которая приписывает все болезни конспирациям, и виртуально ничего павшей природе человека. Ортодоксальный христианин отрицает, что существует моральный раскол между учреждением и народам; вместо этого он считает, что моральный раскол существует между всеми нерожденными заново людьми, великими и маленькими, с одной стороны, и спасенными Богом, с другой. Через эту моральную пропасть невозможно построить мост революцией, или только новым рождением. Обращение к оружию не ответ. Когда христиане обращались в прошлом к оружию, это обычно было для самообороны, а не как инструмент нового рождения.

Десятая заповедь запрещает нечестное использование закона, чтобы обманывать нашего ближнего. Общество, которое основывается на нечестном принципе, на беззаконии, на анти Божьей основой, неизбежно сделает гражданскую алчность своим образом жизни, и его принципом о приобретении богатства постепенно станет экспроприация.

Второзаконие 27:26 требует от нас приводить закон в действие. Это запрещает нам “повиноваться” закону простым отрицанием. Мы не можем как бегуны на кроссе обходить ловкими прыжками все нарушения закона. В таком поведении нет никакой святости. Проклятие произносится над всеми, кто не приводит закон в действие, кто не может “утвердить” закон, повинувшись ему в самом полном смысле слова. Закону надо повиноваться сердцем.

3. Специальная привилегия

В Рим. 7:7 и 13:9 слово “пожелать” появляется как перевод греческого слова за желать, положить себе на сердце, стремиться завладеть. Слово “пожелать” в этих стихах касается стремления к запрещенным вещам, но смысл слова “пожелать” хороший или плохой в зависимости от контекста. Закон во Втор. 5:21 осуждает алчность, желание, или завладевание силой того, что по праву не наше.

Если каждое пожелание или приобретение силой или по закону того, что принадлежит нашему ближнему, строго против Божьего закона, то следует что организация такой алчности в систему, есть творение некоторого анти Божьего общества. Экономика с государственным распределением – социализм, коммунизм, и всякая форма социального порядка, который берет от одной группы, чтобы дать другой - это и есть беззаконие, организованное в систему.

В таком обществе этот незаконный захват может принести нам то, что принадлежит нашему ближнему, используя государство как наш инструмент захвата; желать через закон не меньший грех.

Одно из обычных оправданий такого алчного общества, это что предполагается существование моральной необходимости воевать против специальных привилегий.

Термин *специальная привилегия* один из тех, с которыми слишком часто злоупотребляется, как будто это очень опасное название. Оно создает представление от эксплуатации и злоупотребления, и там где оно используется возникает предубежденная ситуация. Термин такой, который не причиняет ни малейшего ущерба; обычное оскорбление слева, оно широко подхватывается и используется справа. Если что-нибудь называется “специальной привилегией,” в большинстве случаев это хватит, чтобы возникла враждебность к нему.

Верно то, что никакое общество никогда не существовало без специальных привилегий, ни вероятно что будет существовать. Специальные привилегии могут быть хорошими или плохими, в зависимости от ситуации. У президента специальные привилегии; у жены и у мужа специальные привилегии у одного к другому; специальные привилегии неизбежная часть жизни.

Давайте исследуем возможные социальные порядки и их связь со специальными привилегиями.

Первая возможная форма социального порядка это такая тотального равенства. Марксистские государства поддерживали формально принцип: с каждого по его способностям, каждому по его нуждам. В различных степенях все благотворительные и социалистические общества придерживались к этому принципу, хотя его стриктную интерпретацию на самом деле оставили даже коммунистические страны. Однако этот марксистский принцип в действительности не уничтожает ни специальных привилегий, ни неравенства. Даже если его применить самым строгим образом, марксистский принцип означает равенство богатства, но не и равенство труда. Богатство успевающего дается неуспевающему. Таким образом некомпетентному, неуспевающему, ленивому даются специальные привилегии. Чем сильнее стремилось марксистское общество осуществить равенство, тем более радикальное неравенство и специальные привилегии оно создавало. Нет “равенства” при порядке, при котором способным людям мешают, или ставят их в невыгодное положение. В России специальные привилегии не исчезли: слабое принуждение и часто несправедливый порядок специальных привилегий заменился социальным порядком, основанным на тотальном принуждении, радикальной несправедливости, и горьких специальных привилегиях.

Второй возможный социальный порядок, это то, что называется меритократией. Это в большой степени цель фабианских социалистических государств, в частности Великобритании. Принцип гражданской службы применяется к всему социальному порядку. Паркинсон указывает китайское происхождение конкурсных письменных экзаменов.^[8] Цель письменных экзаменов вначале была проверить классическое образование кандидатов; постепенно испытание модернизировалось и начало проверять способности, психологические факторы, и общую интеллигентность.

Таким образом меритократия настаивает на экзамены и относится враждебно к семье, потому что семья – главный инструмент во всей истории для утверждения специальных привилегий своих членов. Гете выразил этот вопрос так:

Чтоб владеть реально то что наследил,
Ты должен сначала его заслужить.

Это значит, что надо использовать налоги на наследство, чтобы уничтожить желание семьи даровать специальные привилегии своим членам. Майкел Юнг, в своей сатире против меритократии, поставил проблему ясно:

Влияние аристократии не задержалось бы так долго, даже в Англии, без поддержки семьи: феодализм и семья идут вместе. Семья всегда есть опора наследования. Заурядный родитель (такой неизвестный сегодня, мы должны отметить с сожалением) желал вручить свои деньги своим детям, а не внешним людям или государству; дитя было часть его самого, и завещая свою собственность ему, отец обеспечивал себе своего рода бессмертие: дающий наследство отец никогда не умирал. Если у родителей был семейный бизнес, который в известном смысле охватывал их самих, они даже более стремились передать его управление кому-нибудь из своей собственной крови. Родители, контролируя собственность, контролировали детей; угроза выключения из завещания была почти настолько эффективной для утверждения родительской власти в индустриальной Британии, насколько она была и в сельскохозяйственной. . . .

Сотни лет общество было полем битвы между двумя великими принципами – принцип выбора через семью, и принцип выбора по заслугам. . . .

Мы должны были примиряться с недостатками семьи. Мы должны были признать, что почти все родители пытаются приобрести нечестные преимущества для своих отпрысков. Функция общества, чья эффективность зависит от соблюдения принципов выбора по заслугам, состоит в том, чтобы предотвратить причинение серьезных ущербов по причине такого эгоизма. Семья есть страж индивидов, государство есть страж коллективной эффективности, и эту функцию государство способно исполнить, потому что сами граждане разъединяются своими интересами. Как члены данной семьи, они хотят чтоб их дети имели всякие привилегии. . . . Мы недооцениваем сопротивление семьи. Дом все еще остается самой плодородной почвой для реакции.^[9]

В обществе, ориентированном на семью, люди не только предпочитают своих близких родственников и друзей, но они усиливают фактор специальных привилегий, увеличивая выгоды для тех, которые преуспевают, или много работают и нравятся им. Самое дерзкое определение о специальной привилегии, высказанное вообще, вероятно есть декларация Иисуса Христа: “Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет (Мат. 25:29). Это очевидное вознаграждение инициативы и успеха оскорбительное для многих.

При меритократии жесткая система экзаменов определяет кто должен иметь большее образование и передовое обучение, и кто должен заняться профессией. Предложение незаурядной интеллигентности ограниченное, а все профессии нуждаются в незаурядных умах. Система испытаний предназначенная выявить и развить такие умы. Это значит, что поскольку у меритократии предполагается наличие научного испытательного метода для определения интеллигентности и способностей, тот кто не успевает, он в настоящем смысле неудачник. В обществе специальных привилегий, отмечает Юнг, неудачники могут обвинять систему, и жаловаться, что им никак не повезло; при меритократии они вынужденные признать, на научной основе, что они на более низком уровне. Так называемое равенство испытательного метода создает таким образом более глубокий разрыв.^[10]

Меритократия не только создает более глубокое чувство о неравенстве, но она и не выдвигает самых способных на верх. Испытательный метод происходит в значительной степени от низких слоев гражданской службы. На самом деле он выявляет и поощряет бюрократическое мышление, а не творчество и предпринимательство. Он связан с государственным складом ума, а не с христианским или свободным умом.

Таким образом меритократия создает новую элиту, специальный привилегированный класс интеллектуалов и бюрократов, который преуспевает под системой экзаменов. Она создает новый правящий класс, строго организованный по условиям этих новых стандартов. Британия заменяет своих старых лордов новой Палатой лордов, составленной интеллектуалами и трудовыми политиками. Специальная привилегия не исчезла: она только перешла от одной группы к другой. Более того, государственные служащие в каждом социалистическом обществе дают специальные привилегии своим детям; таким образом семья переутверждает себя, но теперь усиленная мощью самого государства.

Восход меритократии связывается со студентческими бунтами второй половины 20-ого века. Студенты, как продукт государственных школ, верили в авторитет науки и машины. Компьютер и его испытания имели тяжесть. По условиям меритократии многие видели себя как потенциальные неудачники. Их первый большой бунтовный лозунг был перенят у компьютера: “Не складывать, не классифицировать, не искажать.” Боясь неудачи в нечеловеческом мире меритократии, они “опускали руки.” Покажет ли компьютер и его испытание, что они “неряхи, плохие рабочие”? Они стали грязными, непричесанными неряхами во время протеста. Как напротив меритократии фабианских социалистов, им больше понравилась примитивная коммунистическая уравниловка.^[11]

Третья форма общества, библейская по характеру, ориентированная на семью. Государство ограничивается до служения правосудию, а свободному предпринимательству и индивидуальной инициативы предоставляется свобода для развития. При этом государству запрещается смотреть на лица при судебных процессах. Каждый канал государства таким образом интересуется правосудием, а не специальной привилегией. Тем временем семьи, организации и работодатели свободны давать специальные привилегии как им благорассудится.

В притче о работников на винограднике Иисус рассказывал о хозяине, который нанимал люди утром, по середине утра, на обед и послеобеда, а потом дал им одну и ту же плату. Может быть был какой-нибудь экономический базис для его действий? Часто из-за погоды надо собрать виноград за один день. В течении дня может быть становилось спешным нанять всех наличных еще работников, прежде чем другие наняли их. В такой ситуации была бы тенденция к увеличению цены труда. Притча однако как будто не дает основания для такой интерпретации. Пришедшие последними стояли без дела, ненятыми. Собиратели винограда протестовали против оплачивания одинаковых вознаграждений, но вознаграждения были не ниже стандарта. Их протест был атакой против специальной привилегии пришедшие поздно, которые получили ту же плату, как и они. Ответ Иисуса важный и как религиозный, и как экономический принцип, в самом деле принцип всей жизни: “разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр? (Мат. 20:15). Нанятым первыми было честно оплачено по договору. У хозяина была привилегия дарить что ему хочется какому-нибудь человеку. Право давать специальные привилегии – основной аспект *свободы и частной собственности*. Если отвергается индивидуальная свобода дарить специальные привилегии, тогда отвергается и свобода частной собственности.

Даже больше, мир сводится к безличному и механистичному миру. Специальные привилегии существуют, потому что существуют люди. Трудлюбивые вознаграждаются, давая им что-то больше, чем полагающееся им компенсация, как акт благодарности, или чтобы стимулировать их.

Факт что семья есть группа, ориентированная на специальные привилегии, был причиной враждебности к семье в социалистических государствах. Семья будет и более строгой, и более великодушной к своим членам, чем будет общество. В обществе, ориентированном на семью, церкви, организации, и общности стараются руководствоваться мотивированной семьей моралью, и они будут персоналистскими. Тогда специальные привилегии становятся рутинными. Конант объяснил свою враждебность к семье как к “аристократической” институции, т.е. к институции со специальными привилегиями. Для него она чужая демократии.^[12] Для Конанта и для других государственная школа – агентство утверждающее демократию и ограничивающее власть семьи.

Поведение собирателей винограда в притче было алчным; оно включало желание помешать другим получить то, что законно полагалось им. Это была атака против “специальной привилегии.” Каждая такая атака – попытка к принудительному беззаконию с целью распределить привилегии как нам угодно.

Каждый закон, который издается вне Божьего закона, есть случай незаконного принуждения. Примеры о таких законах много. Гарнер дает показательную иллюстрацию:

Два человека могли идти по американской улице в 1930 году – один с бутылкой виски в руках, а другой со слитком золота в кармане, и этот с бутылкой виски был бы преступником, пока другой со слитком золота рассматривался бы как добрый, уважающий закон гражданин. Если то же самое произошло в американском городе в 1970 году, тот с бутылкой виски был бы уважающим закона гражданином, а другой со слитком золота был бы преступником.^[13]

Такие законы поддерживают беззаконие, тем что они нарушают фундаментальный принцип библейского права, что все осуждения и все законодательства основываются на праведности Бога, а не на воли человека или на политике государства.

4. Преступления против нашего ближнего

Десятая заповедь, как и девятая, упоминает нашего ближнего, нашего друга человека. В десятой заповеди слово “ближний” появляется три раза (Исх. 20:17; Втор. 5:21). Ясное, что вся вторая половина Декалога имеет дело с преступлениями против нашего ближнего, но десятая заповедь особо показательная в этом отношении.

В Исх. 20:17 и во Втор. 5:21 используется слово “не желай.” Мы уже видели, что традиционные толкования принимают это как выражение алчности, страстного желания, стремления завладеть. Как мы отметили, фон Рад показал, что древнееврейское слово, использованное на этом месте, “означает и желать, и

взять.”^[14] Почему значение ограничивается до одного аспекта, до духовного отношения? Причина этому лежит в основном дуализме языческой мысли и эллинистских философий, которые сильно повлияли на Западную мысль, включительно на теологию. Разум и тело были разделены в двух отдельных сферах, и это разделение привело к серьезным последствиям. Намерение и действие стали отдельными, и последствия действий отделялись от последствий мысли. Иногда действиям не обращали внимания, потому что для дефиниции человека основным был разум. В другой раз разуму прощались всякие причуды, потому что только действиям приписывалась ответственность. Таким образом дуализм вел в основном к безответственности.

Эта заповедь, как закон, интересуется действиями людей, незаконными и неморальными захватами того, что принадлежит нашему ближнему. Она основывает эти многообразные незаконные действия на намерении человека, на его разуме. Неморальный поступок начинается с незаконной мысли, и они неразделимые. Доктор Деймон дает нам следующую иллюстрацию этого:

Парни – сплетники; поверьте мне, я знаю. Они хвастаются о своих сексуальных триумфах. Тайно они может быть чувствуют себя виновными, если они были первыми девушке; это извращенно подталкивает их рассказывать другому парню насколько она желала это, и как подгоняла его “попробовать с ней.” Он хочет разделить с кем-нибудь свою вину. Скоро девушка, которая позволяет интимность или интимности, даже если ей достаточно повезло, чтобы не забеременеть, открывает, что ей придется заплатить тяжелый штраф: она становится дешевой. Даже если она уйдет из одной школы, и пойдет далеко в другую, и попытается похоронить свои ошибки, кричащее прошлое находит дорогу, чтобы снова поймать ее.^[15]

Виновные мужчины (и виновные женщины) хотят принизить других к своему уровню. Это важный аспект их философии и поведения. Например один писатель, наблюдая сексуальные нравы среди содержателей контор в Вашингтоне, открыл что сексуальный грех недостаточно большой, чтобы преследовать его судебным путем. Его ответ мировым и национальным проблемам – побольше сексуальных грешений, потому что тогда в мире было бы меньше норм, которые разделяют нас. Он верил что без норм мы будем более спокойными. Таким образом для него общая вина означала общее спокойствие. То, что национальный журнал как будто крупного калибра опубликовал эту статью, само собой интересный комментарий о временах. Но давайте послушаем что сам Джон Кори говорит о себе:

Было бы импозантное зрелище для страны, если Президент, его Кабинет, и некоторые другие важные люди из Вашингтона, Дж. Едгар Гувер быстро приходят на ум, появлялись время от времени в публичном доме, не в таком изящном, как этот в Верхнем Восточном Нью Йорке, а в немножко постном и с большей фантазией, где кто-нибудь как Джин Дженет был бы идеальным мужчиной. Это не сделало бы важных людей немножко умнее, но могло бы сделать их более симпатичными нам остальным. Вашингтон не принимает слабости плоти за данное, а иногда даже и не признает их. Важные люди в Вашингтоне не привыкли чувствовать себя виновными, как все мы остальные, которые все время беспокоимся, что делаем что-то грешное, но если они могли бы совершить круг по стране, и важные люди могли бы узнать побольше о нас тоже. Вина делает вас более добрыми, и более толерантными к другим, и действительный случай с публичным домом мог бы сотворить чудеса, скажем, с Министерством правосудия. Стром Тармонд истекал бы кровью за черного человека, либералы отказались бы от профсоюзов, а каждый захотел бы, чтобы мы вышли из Вьетнама еще завтра.^[16]

Если вина делает людей “более добрыми и более толерантными к другим,” как верил Кори, очень странно что история не знает никаких доказательств об этом. Начиная с древних тиранов, через римские императоры и ренессансовые правители, до современных бюрократов, коммунистических вождей и диктаторов, вина производила только большую вину и радикальную жестокость.

Ошибка Кори состоит частично в его дуализме. Он не мог осознать, что виновный разум будет продолжать производить виновные действия, и что будут расти и зло, и вина.

Десять заповедей не позволяют такой дуализм, как у Кори. Закон Божий связывает разум и тело человека с правовой системой, и связывает соблюдение закона человеком с его соблюдением завета с Богом.

В Общем Молитвеннике, Краткая молитва, которая предшествует чтению закона, подчеркивает это единство мысли и действия:

Всемогущий Боже, которому открыты все сердца, которому известны все желания, и от которого нет тайны скрытые: Очисти мысли в наших сердцах вдохновением Твоего Святого Духа, чтобы мы могли совершенно любить Тебя и достойно величать Твое Святое имя; через Христа, нашего Господа. Аминь.

Ответ народа закону подобным образом основывается на этом единстве: “Господи, будь милостивым к нам, и направляй наши сердца, чтобы мы соблюдали этот закон.” (Вышеуказанная Краткая молитва – часть тоже Требника месс в римско-католической службе.)

Поскольку Иудея не была под сильным эллинистским влиянием в периоде между заветами, часть Нагорной проповеди посвященная отверганию дуализма во имя закона. Связь между разумом человека, и убийством и прелюбодеянием, цитировались Иисусом как иллюстрация этого факта (Мат. 5:21-28). В другом случае Он заявил, “то, что выходит из уст, оскверняет человека” (Мат. 15:11). Объясняя это непонимающим ученикам, Он добавил: “А исходящее из уст – из сердца исходит; сие оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления: это оскверняет человека (Мат. 15:18-20).

Следовательно, незаконные мысль не факт без последствий: это первый шаг в единой жизни человека, и этот первый шаг или завершается незаконным действием, или возвращается другим шагом к соблюдению завета. Наши мысли в конце концов оказывают воздействие на нашего ближнего.

Итак, десятая заповедь предполагает и охватывает важную философию о человеке и законе.

5. Система

Как мы уже видели, древнееврейское слово в десятой заповеди означает и *желать* и *взять*. Нам запрещается незаконное пожелание и захват жены нашего ближнего, его дома, поля, рабов, скота, или всего, что ему принадлежит. В Еф. 5:5 святой Павел называет такую алчность формой идолопоклонства. При злой алчности человек следует незаконное поведение и пытается представить его как оправданное. Люди всегда склонны оправдывать каждый свой поступок. Оправдание есть необходимое укрытие для человека, и как результат люди всегда будут стараться оправдать и самых вопиющих преступлений.

Абрахам Руф, описывая курс действия, который привел его к центральной позиции власти и коррупции в политике города Сан Франциско в начале 20-ого века, оправдывает свое положение, приписывая демократии глупость. Руф окончил Калифорнийский университет и его юридическую школу с блестящим успехом. “Его первый политический договор, рассказывает он нам в своей *Исповеди*, показал ему, что представительное управление было фарсом.” Из организатора клуба за гражданские реформы, он немедленно превратился в “мальчика на посылках” для могущественных и коррумпированных политических боссов.[\[17\]](#)

В основе таких действий лежал принцип, очень хорошо сформулированный кем-нибудь в беседе с автором несколько лет тому назад. Он защищал политическую коррупцию, заявляя: “Когда люди склонны к воровству, они заслуживают, чтобы их грабили, и кто-нибудь сделает это.” Мы однако не в праве грабить вора, потому что он вор. Лекарство от общественной коррупции не еще большая коррупция.

Карьера Руфа хорошо иллюстрировала действие древней политической структуры, известной еще от времени Авраама в документах Нузи, которую Хичборн называл “системой.” “Система есть организация коррупции и взяточничества в форме политического порядка. Рабочая сила, бизнес, и гражданское управление объединяются, чтобы формировать систему укрепленной кражи и алчности, которая эксплуатирует людей.” “Система” однако основывается на факте уже существующей коррупции. Когда существует “система,” много говорится о реформе, но никогда или редко желают ее, потому что каждый человек широко заинтересован в нестрогом применении закона, в существовании коррупции, и в увековечивании зла.[\[18\]](#)

Группа богатых людей, во главе которой были Рудольф Спрекелс и Джеймс Д. Фелан организовала расследование, которое привело к частичном разоблачении “системы.” “Реформа,” которую многие требовали раньше, стала непопулярной, когда ее отростки начали появляться, а Спрекелс и Фелан были мишенями враждебности. Враждебность к Фелану достигла даже до Вашингтона, чтобы помешать ему получить назначение в администрации президента Вилсона.[\[19\]](#) Мораль Руфа была плохой, но его рассуждения в этом отношении здравые: народ не хотел честного управления. Каждый честный человек представляет угрозу для вора, а почтенный человек есть оскорбление для лжеца, потому что честность и почтенность – символический обвинительный акт против злодеев.

Лжец, вор, прелюбодей и алчный человек, отказывают измениться, и самые лучшие побуждения не достаточные, чтобы реформировать их. Забавный эпизод из жизни художника Брегеля иллюстрирует этот факт. О Брегеде нам рассказывали, что:

Когда он жил в Антверпене, он держал дом с девушкой служанкой. Ему хотелось жениться на ней, но у нее было отвращение к правде, из-за чего она сильно привыкла лгать, а ему это никак не нравилось. Он заключил с ней споразумение или договор насчет эффекта того, что получилось бы если он возьмет палку и будет делать на ней зарубку в каждый раз, когда она скажет ложь, при этом он нарочно выбрал довольно длинную палку. Если палка покрылась бы зарубками за определенный срок, свадьба не состоялась бы и об этом больше не могло бы быть речи ни в коем случае. И действительно это произошло за совсем короткое время.[\[20\]](#)

Грешник, вместо того, чтобы измениться, стремится переделать мир под свой образ. Результат – насилие, алчность. Алчный человек набрасывается на честь или на счастье других. Иисус характеризировал это поведение словами: “или глаз твой завистлив, что я добр?” (Мат. 20:15). Мофат переводит это так: “Завидуешь ли ты, потому что я великодушный?” Делать и переделывать человека и весь мир есть привилегия Бога Создателя. Человеку Бог дает возможность участвовать в этой перестройке посредством труда и закона, Богом распоряженными средствами для установления владычества и приведения всех вещей в подчинении Христу. Злой алчный человек идет в сторону от этой законной дороги, и стремится незаконными средствами переделать свою жизнь и мир; отсюда его нападение на имущество его ближнего, на дом, на жену.

Итак, у алчного человека тоже своя “система”; он ищет такое состояние вещей, где незаконными средствами получают законные последствия. Он хочет, чтобы общество утвердило его беззакония, и еще чтобы оно защищало его. Как политическая “система” есть организация коррупции и взяточничества в форме политического порядка, так и личная “система” – использование алчности и беззакония как средства для установления новой формы личного и социального порядка. Вместо порядка, результат – моральная анархия и крушение общества.

Названия обществ, в которых люди могут желать все, что принадлежит их ближнему, могут меняться: социализм, коммунизм, социальная экономика, грубый индивидуализм, фашизм, и национал-социализм – несколько из названий, известные в истории. Их цель одна и та же: под фасадом моральности создается система для ограбления того, что принадлежит нашему ближнему. Не удивительно, что у такой системы наблюдается общий упадок моральности. Кража, убийство, прелюбодеяние, и ложное свидетельство, увеличиваются, потому что человек единый. Если он может узаконить и “оправдать” захват богатства или имущества своего ближнего, тогда он может узаконить и оправдать и отнятие жены ближнего.

Чем более самооправдательным становится его пропагандирование моральности, тем шире становится брешь между пропагандой и делами. Например 20-ый век стал свидетелем широко распространенной пропаганды

уважения к жизни, отмены смертной казни, и распространении движений борцов за мир. Тем временем он стал свидетелем тоже, как те же самые лидеры создают мир массового загрязнения природы и уничтожения жизни, большего числа убийств, чем в прошлом, жестоких мировых, локальных и гражданских войн, концентрационных и тюремных лагерей, массовых пыток, порабощения, и геноцида, и все это пока проповедовалась самая благородная моральность.

Добавим к этому движения об узаконении аборта. Конгрессмен Джон Дж. Шмитц рассказывал:

Здесь в Конгрессе началась законодательная процедура, как в Палате представителей, так и в Сенате, чтобы разрешить убийство нерожденных детей по всем Соединенным штатам, и чтобы отменить федеральный личный подоходный налог за всех детей после второго. Расследование Комитета по междуштатской и внешней торговле, раскрыло что во Флориде ждет решение законопроект штатского законодательства, который узаконил бы убивание старых людей (“эвтаназию”), и что на Гавайях предложили законопроект, который ввел бы принужденную стерилизацию всех женщин после рождения их второго ребенка. Такое законодательство провозглашает наступление неонацизма на нашу землю.^[21]

Словами святого Павла, “Называя себя мудрыми, обезумели” (Рим. 1:22). Называя себя любящими жизнь и человечество, они показали, что ненавидят и убивают людей.

XI ОБЕЩАНИЯ ЗАКОНА

1. Использование закона

Библейское право объявили неуместным в современной эре. Восход пиетизма в конце средневековой эры, и глубокое заражение пиетизмом обоих, протестантства и римско-католической церкви, привело в упадку утверждения библейских правовых норм. Пиетизм делал ударение на “духовной” религии; библейский закон делал ударение на совсем материальной религии в любом смысле этого слова, совсем уместной в этом мире, и практически занимающейся ежедневными делами.

Закон сильно пострадал в руках Мартина Лютера. Частично как реакция на крестьянские восстания, и на анабаптистов, Лютер круто повернулся против закона, которого он осудил невоздержанным образом на проповеди в 1525 году “Как христиане должны смотреть на Моисея.” Лютер твердил, что закон Моисея обвязывает только евреев, но не и неевреев. “Нам Моисей больше не руководитель и не законодатель.” Лютер находил в Моисее три вещи: “В первую очередь я отвергаю заповеди, данные народу Израиля. Они ни побуждают, ни обвязывают меня. Они мертвые и пропавшие,” кроме как пример или прецедент. “На втором месте я нахожу в Моисее что-нибудь, что я не могу получить от природы: это обещание и обязательство Бога насчет Христа. Это самое лучшее.” Никакое из этих использований Моисея не имеет ничего общего с законом, а третья даже еще меньше. “На третьем месте мы читаем Моисея из-за прекрасных примеров веры, любви, и креста, как они показанные в патриархах: Адам, Авел, Ной, Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, и все остальные.” Мы находим примеры тоже о безбожных людей и их судьбах. Но, “когда он дает заповедь, мы не должны следовать ему, кроме в том, в чем он соглашается с природным законом.”^[1]

Таким образом Лютер вымостил дорогу для вполне зрелого возвращения схоластики и природного закона, что сделал и Калвин своими иногда нездравыми взглядами на библейский закон. Первое оживление схоластики произошло в протестантских, а не в католических областях Европы.

Кеван, комментируя происхождение антиномии, отметил что:

Антиномия была теологически противоположной пуританству своей доктриной о Божьем законе в опыте христианства. Кроме своего раннего проявления в Новозаветные времена, и в валентинианской гностицизме, формальное возникновение антиномии обычно связывается с Иоганом Агриколой, иногда называемый Ислебием, активным лидером Лютеранской Реформации. В своем поиске некоторого эффективного принципа, которым борются с доктриной о спасении через труд, Агрикола отрицал, что верующий был каким-нибудь образом обязан выполнять моральный закон. На своем диспуте с Лютером в Витенберге (1537), Агрикола сказал, как это приписывают ему, что человек спасался только верой, независимо от его морального характера. Эти взгляды Агриколы отрицались Лютером, который называл их карикатурой Евангелия, но вопреки этому антиномисты многократно ссылались на труды Лютера и объявляли, что он поддерживает их мнение. Эти претензии однако основываются только на некоторых двусмысленностях в выражениях Лютера, и в общем неправильном понимании учения реформаторов.^[2]

Противоположно Кевану, очевидно что “некоторые двусмысленности в выражениях Лютера” происходят из очень серьезных двусмысленностей в мышлении Лютера.

В 1529 году в своем Малом Катехизисе Лютер выразил более здравый взгляд на закон, но его короткие высказывания в нем не могли бы поправить ущерб от его более обширных атак против закона. Слишком часто Лютер считал, что единственный способ утвердить доктрину об оправдании верой, был отрицать труд и достижение святости. В письме от 1 августа 1521 года Меланктону он писал: “Грех не может отделить нас от Бога, даже если мы совершали убийство и блуд тысячу раз в день.”^[3] С такими святыми мир мало нуждался бы в грешниках.

Если человек желает духовную или мистическую религию, тогда закон – его враг. Если он желает объективную религию, единственную полностью подходящую для мира и для человека, тогда библейский закон неизбежно необходимый ему. Левит 26:3-45 подчеркивает объективную уместность закона. Эта “Великая проповедь” выясняет, что невозможно существовать никакой успешной материальной жизни для человека вне закона.

Эту “Великую проповедь” можно разделить на три части. В стихах 3-13 объявляются материальные благословения для повиновения закону. Будет дождь, хорошие жатвы, отличный урожай винограда, мир, процветание, никаких диких зверей, победа над их неприятелями, и Божья благосклонность, как и Божье

присутствие среди них. Эта благосклонность, очень великая, так что “будете прогонять врагов ваших и падут они пред вами от меча. Пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму, и падут враги ваши пред вами от меча” (Лев. 26:7-8).

Во второй части, стихи 14-33, объявляются проклятия за неповиновение закону. Неповиновение приводит к нарастающему осуждению, к болезни, разгрому, недостатку, террору, засухе, бедствиям, и покорению. Национальная мораль будет настолько плохой, что “побежите, когда никто не гонится за вами” (Лев. 26:17). Осуждения достигнут верхнюю точку в оккупации, канибализме, и рассеивании среди наций. Сама земля будет разочарованной осужденным народом, как и небеса. Небо будет как железо (без дождя), а земля как медь (безводная и бесплодная), если гордое упорство неповиновения продолжается (Лев. 26:19).

Третья часть, стихи 34-45, объявляет, что осужденная земля получит субботный отдых. Народ познает террор в плену. Покаяние однако приведет к восстановлению.

Первое, “Великая проповедь” прежде всего адресованная явно к Израилю. Точно так явное, что Нагорная проповедь адресованная к ученикам, а Послания к отдельным церквям, но это не ограничивает их направление только к отдельным адресатам, лицам или церквям. Или Слово Божье единое и относится ко всем людям, или нет. Отрицать некоторую часть Святого писания значит в конце концов отрицать все.

Второе, мы не можем поверить, что Бог не осуждает людей и народов в христианской эре. Евр. 12:18-29 выясняет, что к церкви относится тот же Бог, и тот же закон, и то же осуждение, что и к Израилю, а человек и нации получают подобное потрясение, чтобы уничтожить тех, которых можно отстранить, и остается только “царство Божие, которое невозможно потрясти.” Калвин твердил, что в эре Ветхого завета “Бог показывал Себя более полно как Отец и Судья через временные благословения и наказания, чем после объявления Евангелия.”^[4] Как доказательство этого Калвин заявляет:

Земля теперь не раскалывается, чтобы поглотить бунтовников: Бог не метает громы и молнии с небесах как против Содома; Он теперь не посылает огонь на злые города, как Он поступил с израильским лагерем; не посылаются огненные змеи, чтобы причинять смертельные укусы: одним словом, такие показательные примеры наказания не появляются перед нашими глазами ежедневно, чтобы сделать Бога ужасным для нас; и по этой причине, потому что голос Евангелия звучит намного более ясно в наших ушах, как звук трубы, которой мы призываемся к небесному трибуналу Христа.^[5]

Это глупое и пустячное рассуждение. Чудесные осуждения *не* “появляются ежедневно” и в Ветхозаветной эре; таких было немного и редко. Короткий промежуток времени Нового завета увидел так много удивительных осуждений: Иуды, Иерусалима и Иудеи, Анании и Сапфиры, Ирода (Деян. 12:21-23), и многих других. Он видел тоже чудесные избавления: ангел освободил Петра (Деян. 12:7-10), Павла и Силу в Филиппах (Деян. 16:25-31); многих людей, исцеленных Христом и апостолами, спасение Павла при коработворении и т.д.

Калвин путает чудеса с законом. Кроме этих чудес, в Ветхозаветном мире появляются осуждения и благословения Израиля и других народов, а такие появляются и в христианской истории тоже.

Отрицать постоянство Божьего закона означает впасть в диспенционализм и в конце концов в манихейство. Вместо неизменного Бога предполагается по меньшей мере изменяющийся Бог, если не и двух различных Богов. Калвин был мудрее, заявляя:

Поскольку в Законе подчеркивается различие между добром и злом, он дается для регулирования жизни людей, так что его можно справедливо назвать правилом как жить хорошим и праведным образом.^[6]

Именно так “Если Бог сотворил все вещи, тогда все вещи можно использовать как следует и безопасно только по условиям Его закона, “правила жить хорошим и праведным образом.” Закон дает нам набор “производственных инструкций,” который можно не соблюдать только к нашей гибели.

Третье, поскольку жизнь человека материальная, нами должен управлять материальный закон, закон уместный для нашей жизни. Следовательно материализм закона есть необходимый аспект закона. “Великая проповедь” как результат так действительная сегодня, как и когда она получена через Моисея. Пока существует земля, существует и закон. Те, которые стремятся “освободить” человека от библейского закона, нарушают закон, постановленный и в Ветхом и в Новом завете (Втор. 25:4; I Кор. 9:9; I Тим. 5:18): нельзя заграждать рот у вола молотящего, потому что трудящийся достоин награды своей. Закон говорит и о наказании, и о награды человека. Ясное, что Божьи награды и наказания далеко предпочтительнее обещаниям народов или каких-нибудь мифических природных законов.

Раньше мы упоминали об антиномисте Агриколе (1492-1566). В 1537 году Агрикола писал, “Ты вступил в грех – прелюбодеяние или убийство? Если ты веришь, ты спасен. Каждый, кто следует Моисея, пусть идет к черту; пусть повесится с Моисеем.”^[7]

Антиномия, отрицая закон, впадает в мистицизм и пиетизм. Когда она сталкивается с миром проблем, у нее нет адекватного ответа. Чтобы заполнить это отсутствие, антиномия очень рано стала премилениальной; ее ответ проблемам мира был отложить решения до “возвращения Христа, ожидаемого в каждый момент.” Таким образом антиномия ведет к сильному интересу к возвращению Христа и к ожиданию его как единственное решение мировых проблем, а закону Христа отрицается статус ответа. Неудивительно, что один из результатов Джона Дерби и Плимутского братства, лидеров в этом движении, был печальный факт, записанный в 1877 году Стийлом:

Пригоршня американцев, части семьей, одержимые этой инфантильной интерпретацией Святого писания, прибавили свое существование в Иерусалиме, где их только ни хватало. Их приняли и назвали именем “Американская колония.” Они определились быть во главе очереди искателей службы, когда придет новая администрация.^[8]

2. Закон и объявление вне закона

Очень важная декларация, которая есть часть объявленного закона, это Втор. 7:9-15:

Итак, знай что Господь, Бог твой, есть Бог, Бог верный, Который хранит завет Свой и милость к любящим Его и сохраняющим заповеди Его до тысячи родов. И воздаст ненавидящим Его в лице их, погубляя их; Он не замедлит, ненавидящему Его самому лично воздаст. Итак соблюдай заповеди и постановления и законы, которые сегодня заповедаю тебе исполнять. И если вы будете слушать законы сии, и хранить и исполнять их, то Господь, Бог твой, будет хранить завет и милость к тебе, как он клялся отцам твоим. И возлюбит тебя, и благословит тебя, и размножит тебя, и благословит плод чрева твоего и плод земли твоей, и хлеб твой и вино твое, и елей твой, рождаемое от крупного скота твоего и от стада овец твоих, на той земле, которую Он клялся отцам твоим дать тебе. Благословен ты будешь больше всех народов; не будет ни бесплодного, ни бесплодной, ни у тебя, ни в скоте твоём. И отдалит Бог от тебя всякую немощь, и никаких лютых болезней Египетских, которые ты знаешь, не наведет на тебя, но наведет их на всех, ненавидящих тебя.

Первое, хотя это часть заветного закона, его применение не ограничивается до Израиля. Завет охватывает всех людей без исключения. Первоначальный завет был с Адамом; подновленный завет был с Ноем. Все люди – или соблюдающие завет, или нарушители завета; таким образом все люди неизбежно связанные с заветом и с его обещаниями о любви и ненависти, благословениях и проклятиях. Христос, подновляя завет, выяснил что все люди включаются в нем. Согласно Иоан. 12:32, 33:

И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе. Сие говорил Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет.

Становясь жертвой, священником, и божественным подновителем завета Бога с человеком, Иисус привлечет всех людей к Себе, т.е. Он становится принципом для осуждения и для спасения, для проклятия и для благословения. Завет и закон завета, как и Господь завета, таким образом судят каждого человека.

Второе, заветный Бог определяет Себя как “Бог верный,” что означает, словами Райта, что “только Он один суверенный Бог, надежный и достойный доверия; то что Он сказал, исполнит.”^[9] Один из аспектов надежности Бога это Его ревность, Его гнев, ненависть к тем, кто презирает Его завет и закон, и осуждение их. Бог обещает любовь и ненависть как один из аспектов Его абсолютной справедливости и верности.

Третье, это означает возмездие. Он обещает воздать “ненавидящим Его в лице их, погубляя их; Он не замедлит, ненавидящему Его самому лично воздаст (Втор. 7:10). Следовательно возмездие один из аспектов Божьего закона, который люди должны применять, потому что он Божий принцип действия, который Он применяет. Тех, которых Он любит, т.е. тех, кто повинуются Его заветному закону, Он благословляет “плодовитостью утробы, земли, стад и стай, и отдалением отъявленно злых болезней Египетских.”^[10]

Четвертое, Бог утверждает Свои суверенные права. В стихах 11,12 идет речь о заповедях законах, и постановлениях. Как указал Александр:

Заповеди, т.е. права, справедливые претензии. Бог, как Великий Царь, имеет Свои права, и их должны уважать Его поданные и слуги.^[11]

Кейл и Делич считают, что это значит, “права, все что обязательное для них, независимо в связи с Богом, или с их ближними людьми.”^[12] Однако Божий закон есть утверждение праведности Бога и Его прав над человечеством. Только вторично настоящие права человека существуют в Боге и под Богом, поскольку человек – Божие творение. Интересно отметить, что одно из греческих Новозаветных слов для “осуждение” есть *krisis*, которое означает отделение, а потом решение. Закон и осуждение закона – это декларация о претензиях Бога на права, Его права над всеми людьми. Отсюда Его право любить и ненавидеть их в зависимости от их реакции на Его права.

Пятое, как мы уже отметили, плодородие и изобилие обещаются всем, кто повинуются Божьему заветному закону. Даже ненабожный человек будет преуспевать в такой степени, в какой он соблюдает Закон Божий. Народы восходят и пропадают по тому же условию. С другой стороны неповиновение ведет к осуждению.

Это приводит нас к пункту особой важности. Раньше мы установили, что завет охватывает всех людей без исключения: соблюдающие завет благословляются, а нарушители завета проклинаются. Это видно из “объявлений вне закона,” которые предшествуют Втор. 7:9-15, стихи 1-8, и следуют за ними, стихи 16-26. Израиль призывался выгнать и уничтожить обитателей той страны, потому что теперь “мера их беззаконий” была полной (Быт. 15:16). Настоящая причина этому объявлению вне закона состоялась в том, что народы Ханаана были морально противными Богу (Втор. 20:18).

Такое объявление вне закона мог бы распорядить только Бог, но не и человек. Этим распоряжением Бог объявлял данный народ вне закона и под приговором к смерти. Вне закона обратное общению, и оно объявляет конец общения с Богом и с человеком; объявленный вне закона народ предается смерти, это его осуждение.

Общение и общность могут существовать, даже когда есть большие личные разногласия и враждебность. Ван дер Лию цитирует хороший пример об этом:

Сегодня лучший пример – это все-таки крестьянин, у которого нет никаких “страстей,” а он просто принадлежит к своей общности, в отличии от *жителя города*, изобретенного в восемнадцатом веке! Даже крестьяне, которые дерутся, или судятся, остаются соседями и братьями: крестьянин из Восточной Голландии, у которого есть смертельный враг в деревне, несмотря на это знает, что в день рынка он должен приветствовать своего врага и пройтись с ним туда-сюда однажды, когда крестьянская общность всего района собирается в районном центре, показывая этим на глазах “чужаков” приятельское единство деревни *ad oculos*.^[13]

Сущность такого обычая состоит в том: разногласие существует, дело на суде идет, но эти различия составляют часть жизни общности и форму общности. Подобным образом различия неизбежны и в каждом браке; при набожных людях различия служат, чтобы расширить область общения и согласия, вынося проблемы для улаживания на поверхность. Общность *нуждается* в спорах и в разногласиях с целью осуществлять прогресс. Вместо этого объявление вне закона означает конец общности; оно означает наложение проклятия.

Взаимоотношения в общности и разногласия иллюстрируются хорошо через инцидент в небольшой калифорнийской фермерской области в 1970 году. Женщина, пресловутая своим шумным и задиристым

поведением попыталась начать большую ссору с миссис Е. С., которую она встречала до этого только раз. Миссис С. с превосходной женской логикой и мудростью, удалилась от нее, отмечая: “Не начинайте борьбу со мной! Я Вас не знаю достаточно для этого!” Ее позиция была правильной; между ними никогда не было общности, и поэтому не было и никаких оснований для общения или разногласия.

Вне закона больше чем *отсутствие* общности; оно скорее всего *конец* всей общности, всех возможных согласий или несогласий. Еврейский обычай читать заупокойную службу над членом семьи, который перешагнул определенные границы, имеет очень здравый смысл: такая личность уже вне закона. Там где такое объявление действительно существует, налагается проклятие.

При проклинании человек призывает Бога судить человека или людей вне рамки общения, чьи грехи требуют тотальное осуждение. Бог не послушает незаслуженное проклятие, как в случае с Валаамом (Втор. 23:5), а обратит его в благословение. Беспочинное проклятие не причинит ничего (Прит. 26:2). Когда Бог произносит проклятия за неповиновение, которые являются в законе и в епиплоге закона, таким образом Он поставляет все такие люди *вне закона*.

Закон запрещает нам проклинать определенных людей. Нам запрещается в Исх. 22:28 правителей или “богов,” т.е. судей, или проклинать родителей (Исх. 21:17), или глухого (Лев. 19:14). Это не означает, что альтернатива этому – раболепное повиновение, но это в самом деле запрещает нам проклинать высшестоящих властей и беспомощных. Бог сам проклинает безбожных властей.

Факт объявления вне закона и проклятий выясняет таким образом, что охват закона есть и вне сферы Израиля или церкви. Намерение Бога как Создателя всех людей есть, чтоб Его закон управлял всеми людьми. Следовательно все люди подлежат осуждению и смерти за неповиновение Божьему закону. Талмуд, имея дело с законами о земле, утверждал Божью собственность на землю. Из-за Божьего тотального владения и суверенитета, земля даже в руках язычников, находится под Божьей юрисдикцией. Согласно Талмуду следовательно язычники были должны отвечать перед Богом за свою заботу о земле, и платить десятину.^[14] Сейчас фешенебельно среди многих “христиан” выражать свое презрение к Талмуду; вопреки многим своим причудам, по этому пункту, как и в других местах, Талмуд давал больше практического признания суверенитета Бога, чем это делали Лютер,, Калвин, и многие другие. Лютер, отрицая закон Божий, дошел в своей враждебности до точки, чтобы отрицать все связанное с ним, включительно евреев и Талмуд.

Отрицая закон Божий, тем самым лютеранство отрицало победу, обещанную этим законом. Согласно члену XVII Аугсбургской исповеди, в последнем параграфе заявляется о лютеранских церквях, что,

Они осуждают тоже других, которые разделяют мнение евреев, что до воскресения из смерти, набожный должен заняться царством мира, подавляя повсюду злых (одни святые, набожные, должны владеть царством мира, и должны уничтожить всех безбожных).^[15]

Движение церкви направляется таким образом от победы к поражению.

Сам Лютер начал с победы и закончил поражением, самоистерзавшимся мучимым виной, и испорченным человеком. Он, который был надеждой бедных христиан, был осужден ими как гер Людер (господин Лжец), приманка, негодяй или падаль. Лютера можно справедливо обвинять, что не создал теологию социальной революции, а возбудил только ложные надежды среди крестьян. Его стандартом была “Sola Scriptura”: одно Святое писание, т.е. только слово Божие. Для людей оно означало не только оправдание через веру, но тоже и суверенный закон Бога. К этому закону они обращались, но Лютер денонсировал Божий закон в пользу государственного закона.

Меланктон не изменил Лютеру, когда “создал новую доктрину о природном законе, основанной на Аристотеле и на библейской теологии, которая в многих отношениях идентичная с этой святого Фомы. Подобие фомизму не случайное.”^[16] Денонсируя Божий закон, единственной альтернативой оставался фомизм и природный закон. Таким образом Реформация оказалась мертворожденной.

Лютеранство поддерживало стандарт “Sola Scriptura,” но отрицало действительность Божьего закона. Больше чем другие церкви, оно обезкураживало интерес к книге Откровения, так как эта книга сильно подчеркивала тотальное соответствие Бога и Его закона этому миру. Если люди прочли бы слишком многое в Откровении, мог бы возникнуть кризис веры, и народ мог бы прозвать их церковь Людеранской (Лживой) вместо Лютеранской.

Калвин тоже сделал возможным оживление природного закона своими свободными взглядами на закон Божий. Пуританы на некоторое время спасали калвинизм от его самого своим ударением на библейском законе, пока сами не уступили перед интеллектуальным климатом неоплатонизма и тоже пред соблазном природного закона. Реформация в целом сдвинулась от победы и поражению, от соответствия к несоответствию, от вызова к миру к отступлению перед миром или к бессмысленному отказу от него. Рим, Женева, Витенберг и Кентрбери предали тоже бездействию пиетизму. Все они были теперь из этого мира, но не в мире!

Отказаться от закона, значит отказаться от благословения и от победы, которые закон дарит всем, повинующимся ему. Языческие народы, которые отвергают Бога, но все-таки повинуются некоторым из Его законов, поддерживают настоящий семейный порядок, соблюдают законы, касающие убийства, кражи, и ложного свидетельства, а также уважают законы об использовании земли, такие народы преуспевают и процветают в степени своего повиновения. Великие нации восходят в результат правовой дисциплины и проваливаются, когда отказываются от нее.

Если отказаться от закона значит отказаться от победы и благословения, а соблюдать закон значит преуспевать и процветать, и если это верно для языческих народов, насколько больше было бы верно для набожных? Если люди признают Иисуса Христа как Господь и Царь, и повинуются Его суверенному закону, их

благословение и победа будут еще более великими, также как и в беззаконии и в безверии их осуждение превысит всех других.

3. Проклятие и благословение

Второзаконие 27 и 28 дают нам дальнейший и важный взгляд на применения закона. Эти главы показывают нам проклятия и благословения, связанные с законом.

Проклятие, объявление вне закона, и анафема в основном представляют одну и ту же концепцию. Тот, который под проклятием, объявленный вне закона или предан анафеме, он *обреченный* или *посвященный*, т.е. предан уничтожению по требованию Бога. В церкви концепция о проклятии, вне закона, и анафеме, выражается как отлучение от церкви.^[17]

Согласно Харперу, цель библейского объявления вне закона всегда этическая, и эта цель была “сохранить религию, когда ее сильно угрожают.”^[18]

Вне закона, проклятие, или анафема, не исчезают из общества, когда оно оставляет библейскую веру. Вне закона просто переносится в новую область жизни. Так, писавши рано в начале 20-ого века, Харпер отметил:

Вопреки тому, что Церковь в Новом завете является носителем более высших интересов человечества, нас учат, что когда она наименьшим образом определенная в направлении своего поведения, когда она самая толерантная к практикам мира, тогда она самая верная своей первоначальной концепции. Нам говорят, что опрощающая Церковь то, что нужно; строгость и религия предполагаются теперь окончательно разделенными во всех просвещенных умах. Этот взгляд не часто выражается категорически, но он подчеркивается каждой фешенебельной религией, и имеет своих апостолов среди золотой молодежи, которая продвигает просвещение вперед, играя теннис по воскресеньям. Из-за него тоже пуританин стало презрительным названием, а самодовольство символом культурного христианства. Не только аскетизм, но и само *воздержание* дискредитировалось, а как следствие моральный тонус общества заметно упал. В широких кругах внутри и вне Церкви как будто поддерживается, что страдание есть единственное нетерпимое зло, и эта идея вписывается как в законодательство, так и в литературу.^[19]

Харпер прав. Раньше в 20-ом веке в гуманистском обществе *страдание* было вне закона. Теперь война, бедность, дискриминация в отношении расы, цвета, и веры, и ортодоксальное христианство, все они поставленные строго вне закона и стали мишенями законодательства.

Никакое общество не может избежать наличие поставления вне закона; важный вопрос состоит в том, что надо поставлять вне закона?

Согласно Втор. 27:15-26 нарушение Божьего закона (не закона государства или церкви) поставляет людей вне закона или под проклятием. Произносятся 12 проклятий, равные числу колен Израиля, чтобы показать их тотальность. Эти 12 проклятий следующие:

1. против тайного нарушения второй заповеди (Исх. 20:4), ст. 15;
2. против презрения или отсутствия должного уважения к родителям (Исх. 20:17), ст. 16;
3. против всех, кто перемещает межи своего ближнего (Втор. 19:14), ст. 17;
4. против людей, которые заблуждают слепого (Лев. 19:14), ст. 18;
5. против всех, кто извращает правосудие, должное пришельцам, или вдов и сирот (Втор. 24:17), ст. 19;
6. против кровосмешения с мачехой (Втор. 23:1; Лев. 18:8), ст. 20;
7. против скотоложства (Лев. 18:23), ст. 21;
8. против кровосмешения со сестрой или с полусестрой (Лев. 18:9), ст. 22;
9. против кровосмешения с тещей (Лев. 18:8), ст. 23;
10. против убийства (Исх. 20:13; Числ. 35:17), ст. 24;
11. против каждого, кто принимает взятку или чтобы убить человека открыто, или чтобы принести за его смерть через ложное свидетельство (Исх. 23:7,8), ст. 25;
12. против каждого человека, который не поставит закон в действие, который не сделает закон моделью и стандартом своей жизни и своего поведения (ст. 26).

Из этого последнего проклятия, которое подходит каждому разветвлению закона, очевидно следует, что различные грехи и преступления, которые уже упоминались, избранные только как примеры, и в большей частью такие, которых легко можно скрыть от юридических властей. В то же самое время, “А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому праведный верою будет жив. Христос искупил нас клятвой” (Гал. 3:10,13).^[20]

Принцип и основание для благословения и проклятия совершенно ясно есть *закон* (Втор. 28:1,15). Вышеуказанные проклятия перечисляют отдельные грехи развращенного характера, грехи, которые являются актами порочности. Двенадцатое проклятие однако включает каждый закон Бога и таким образом не позволяет никакой области избежать проклятия, кроме через повиновение.

Второзаконие 28, особенно стихи 1-26, дают нам блестящую декларацию о благословениях и проклятиях. Налицо два очевидные и очень важные факта. *Первый*, эти благословения и блаженства обещают жизнь, процветание и успех тем, кто повинуется Божьему закону. Клайн прав, говоря что,

Если Израиль верен заветной клятве, он возьмет верх в каждой военной или коммерциальной стычке с другими народами. В царстве будет изобилие земных благ. Ханаан будет настоящим раем, где будут литься молоко и мед. Дело первостепенной важности то, что Израиль преуспеет в отношениях со своим заветным Господом. Это секрет всех блаженств, потому что его польза есть жизнь.^[21]

Повиновение закону – это выражение веры, что Бог верный и даст Своему народу изобильную жизнь и благочестивую землю. Давид утверждает веру во все Святое писание, заявляя:

Ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю. Ещю немного, и не станет нечестивого, посмотришь на его место, и нет его. А кроткие наследуют землю, и наследят множеством мира (Пс. 36:9-11).

Невозможно понять слова Давида без Втор. 28, ни понять Христово блаженство: “Блажены кроткие, ибо они наследуют землю” (Мат. 5:5). Кроткие, прирученные Богом, которые повинуются Ему, получили буквальное обещание наследить землю за их повиновение. Они благословенные в городах и в полях, в плоде их тела и в плоде земли, в корзине и в амбаре, и во всем. Им обещано еще “Да едят бедные и насыщаются” (Пс. 21:26). “Направляет кротких к правде, и научает кротких путям Своим” (Пс. 24:9), т.е. Он будет направлять их в справедливость и показать им путь жизни. Таким образом закон совсем ясно указывается как путь к богатой жизни на земле. Нет обещания о преуспевании вне закона. Повиновение вере есть закон.

Второй, в связи с проклятиями, “Лишение обещанного наследства было крайнее из проклятий.”^[22] Как закон открывает жизнь и землю, так и беззаконие открывает проклятия, поражение, и в конце концов смерть. Большая часть главы выделяется на точную спецификацию последствий проклятия.

Когда Адам и Ева отвергли Бога как принцип жизни и закона, как их Суверен, проклятие над беззаконием привело к их изгнанию из рая. То же самое проклятие над беззаконием век за веком обрекало человека на крушение, поражение и смерть. Отрицать Бога значит отрицать Его закон и суверенитет, или наоборот, отрицать Божий закон и суверенитет значит отрицать Бога. Утверждать Божий закон значит принимать Его суверенитет и Его владычество. Вера и закон неразделимые, потому что “вера без дел мертва” (Иак. 2:20).

В самом деле, “Благословения представляются как реальные силы, которые следуют за шагами нации, и постигают ее.”^[23] Святое писание не только учит доктрине *осуверенной и неотразимой милости*, но оно учит тоже доктрине о *суверенных и неотразимых благословениях и проклятиях* за повиновение и неповиновение Божьему закону. В этом неизбежное значение Втор. 28.

Нам говорят во Втор. 28:2, что “придут на тебя все благословения сии, и исполнятся на тебе, если будешь слушать гласа Господа, Бога твоего.” В стихе 15 постанавливается что, “придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя.” В обоих случаях объявляются неотразимые последствия.

Человек не свободен однако выбирать последствия, т.е. он не может заявить, что поскольку ему полагается благословение, он выбирает быть благословен деньгами, новой женой, или четырьмя сыновьями. Подобно этому человек не может выбирать свое наказание. Мир проклятий и благословений не буфетное дело, где человек может упражнять свой свободный выбор и выбирать на свой вкус. Все время суверен-Бог, и “Избрал нам наследие наше” (Пс. 46:5).

История этого неотразимого проклятия началась с грехопадения и продолжается и в наши дни. Неотразимые благословения начались в Эдеме и проявлялись во всей истории, когда преобладало повиновение. Своими блаженствами Христос подтвердил Втор. 28 и показал Себя как Законодатель. Это почувствовали Его слушатели, потому что “народ дивился учению Его, Ибо Он учил их как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи” (Мат. 7:28,29). Книжники толковали закон; Иисус Христос объявил закон как его создатель. Как создатель закона, Его слова были откровение закона. Поэтому проклятия и благословения закона зависят от слушания и повиновения Его “словам” (Мат. 7:24-27).

Человек желает и нуждается в мире проклятий и благословений. Все в его природе, поскольку он творение Божие, требует мир причин и следствий. Однако, поскольку человек павший и находится в бунте против Бога, он желает чтобы эти проклятия и благословения были наложенные по его условиям, в зависимости от его требований и его оценки о справедливости. Не так много лет тому назад автор имел небольшое переживание с азартными игроками в Неваде. Хотя и в общем богохульные люди, они иногда молились, и они сердились Богу, что их молитвам не отвечалось согласно их сердечному желанию. Иногда, когда рисковали безнадежно, они молились о сенсационном успехе, обещая Богу, что большая часть выигрыша уйдет к священнику, служителю или церкви. Один даже обещал вернуть своей матери деньги, которыми он был должен ей давно. Предполагалось, что Бог, как их “партнер,” каким-нибудь образом благословит их из-за этих “благородных” деклараций, и то что Бог не благословлял их было доказательством об обманности религии. Во всех таких случаях люди определяли условия, правила или законы благословения и потом ждали, чтоб Бог исполнил их. Поскольку такой способ торговаться представляет богохульство, они могли заслужить только осуждение, а не благословение. Нездоровое предприятие не становится хорошим, если принять Бога в партнеры. Человек не может нарушать закон Божий, не навлекая на себя наказание.

Исследуем проклятия еще раз. Человек не освобождается от проклятий закона, потому что он не совершил ни одно из первых одиннадцати преступлений. Проклятие падает на всех, кто не привел весь закон Божий в действие. Когда Бог обвиняет нас в нарушении Его закона, мы следовательно не можем оправдываться, что мы не совершили ни кровосмешение, ни скотоложство. Нам дается тотальный закон, а декларация гласит: “Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним!” (Втор. 27:26). Есть многие аспекты закона, которые худшие из людей подтверждают. В тюремных обществах убийцы презирают насильников, воры презирают убийц и т.д. Каждый преступник желает весь мир закона и порядка, за исключением своей личной области. Некоторые преступники гордо самооправдываются областями своей порядочности. Никакой вор не освобождается из тюрьмы, потому что он не убийца, и никакой убийца не освобождается, потому что он не совершил изнасилование. Подобным образом, во взгляде Бога мы должны давать отчет о тотальном законе, и мы не можем требовать, чтобы нас освободили от проклятия, если мы соблюдаем 99 процентов его, а потом обращаться с остальным одним процентом с небрежностью или с презрением. Многократно Бог подставлял моралистских духовников под Свое проклятие за такой вид рассуждения. “Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем” (Иак. 2:10).

4. Мир неограниченной ответственности

Компания ограниченной ответственности такая, в которой ответственность каждого акционера ограничивается до размера его роли или акций, или до суммы, фиксированной гарантией, что называется “ограниченной гарантией.” Цель законов об ограниченной ответственности – ограничить задолженность. Хотя привидная цель есть защитить акционеров, практический эффект состоит в том, чтобы ограничить их ответственность и таким образом поощрять дерзость инвестирования. Экономика ограниченной ответственности социалистическая. Стремясь защитить народ, экономика ограниченной ответственности только переносит ответственность от народа к государству, где “планирование” по предположению избегает ответственности. Ограниченная ответственность поощряет людей пробовать свой шанс с ограниченным риском, и грешить экономически, не оплачивая цены ошибки. Законы об ограниченной ответственности покоятся на заблуждении, что за экономические грехи не нужно расплачиваться. В действительности расплачивание только переносится к другим. В ранней христианской эре законы об ограниченной ответственности были непопулярными, но процвели в мире дарвинизма. Они основываются на важных религиозных предпосылках.

До своего обращения в веру Люис предпочитал материалистский, атеистский мир. Преимущества такого мира состоят в очень ограниченных требованиях к человеку. Вот центральное высказывание его рассказа:

Для такого труса материалистский мир был исключительно привлекательным тем, что он предлагал вам ограниченную ответственность. Никакое совсем бесконечное бедствие не может постигнуть вас в нем. Конец всему смерть. И если когда-нибудь определенное бедствие окажется большим, чем кто-нибудь желал бы вытерпеть, всегда возможное самоубийство. Ужас христианского мира состоял в том, что у него не было двери с надписью “Выход”... Но конечно, то что имело значение больше всего, были моя глубоко стаенная ненависть к власти, мой чудовищный индивидуализм, мое беззаконие. Никакое слово в моем словаре не вызывало более глубокую ненависть, чем слово Вмешательство. Но христианство ставило в центр то, что тогда мне казалось трансцендентальным Вмешательством. Если его образ был настоящим, тогда никакой вид “договора с действительностью” не представлялся никогда возможным. Не было никакой области даже в сокровенной глубине, чей-нибудь души (да там меньше всего), которую он мог бы огородить колючей проволокой и охранять с надписями Нет доступа. А это было то, что я хотел: некоторую область, хотя и небольшой, о которой я мог бы сказать всем другим существам, “Это мой бизнес, и он только мой.”^[24]

Это прекрасное обобщение вопроса. Атеизм желает мир ограниченной ответственности, и он старается создать политический и экономический порядок ограниченной ответственности. Чем более социалистическим становится он, тем более он требует максимум преимущества и ограниченную ответственность от своего социального порядка, что невозможно.

В действительности, жить с фактом, что вселенная и наш мир содержат всегда неограниченную ответственность, есть лучший способ обеспечить безопасность и выгоду жить с действительностью, и стремиться преуспевать в ее рамке – лучшая безопасность для человека.

Проклятия и благословения закона делают ударение на неограниченной ответственности человека и к проклятиям, и к благословениям, как результат его неповиновения или повиновения закону. Во Втор. 28:2 и 15 нам говорят, что проклятия и благословения падают на нас и “постигают” нас. Человек не может ступить вне мира Божьего следствия. В каждый момент и в каждую точку человека достигает, окружает и тотально завладевает неограниченная ответственность Божьей вселенной.

Человек пытается избежать эту неограниченную ответственность или через отрицание настоящего Бога, или через псевдопринимание, которое отрицает значение Бога. В атеизме отношение человека хорошо обобщил Вильям Эрнест Хенли в своем стихотворении “Invictus.” Хенли хвастается своей “непокоримой душой” и заявляет:

Я хозяин своей судьбы:

Я капитан своей души.

Неудивительно, что стихотворение было очень популярное среди незрелых и революционных подростков.

Псевдопринимание, обычное для мистицизма, пиетизма, и для псевдоевангелистов, заявляет, что “принимает Христа,” хотя и отрицая Его закон. Один молодой колледжанин, сильно отдавшийся задаче евангелизировать каждого попавшегося ему, не только отрицал закон как пункт своей веры, но в разговоре с автором пошел дальше. На вопросе одобрил ли бы он если молодые женщины и мужчины, работающие в публичных домах проститутками и сводниками, обращали бы в веру обитателей, он не отверг это как действительная возможность. Он принялся утверждать, что многие из его приятелей обращали в веру девушек и содержателей оптом, вторгаясь в дома, чтобы евангелизировать одного и всех. Он претендовал тоже на обращение оптом гомосексуалистов, но не мог цитировать ни одного гомосексуалиста, который перестал практиковать после их обращения; ни никакую проститутку или их хозяина, которые покинули дома с их “евангелизаторами.” Такой незаконный “евангелизм” – только богохульство.

При так называемом “Великом пробуждении” в колониальной Новой Англии, антиномия, милениализм, и ложный перфекционизм шли рука об руку. Многие из этих “святых” оставили своих браков из-за прелюбодейных связей, отрицали закон, и объявляли немедленное совершенство и бессмертие.^[25]

То, что такой ревизиализм и пиетизм возпринимали во имя Бога, на самом деле есть мир ограниченной ответственности. Это атеизм под стягом Христа. Он объявляет свободу от Божьего суверенитета и отрицает предопределение. Он отрицает закон, и он отрицает действительность проклятий и благословений закона. Такая религия интересуется только тем, что она может взять от Бога: отсюда “милость” и “любовь” утверждаются, но не и закон, ни Божья суверенная власть и право постановлять. Но буфетная религия – только гуманизм, потому что она утверждает право человека брать и выбирать что ему хочется; как крайний арбитр своей судьбы, человек – капитан своей души, с небольшой помощи Бога. Таким образом пиетизм предлагает религию ограниченной ответственности, а не библейскую веру.

Как утверждает Геер, средневековый мистик Екхарт придавал души “суверенное величие вместе с Богом.” Следующий шаг предпринял его ученик, Йоган из Звездной алеи, который спрашивал “не так ли могучий мир души как мир Небесного Отца.”^[26] В такой вере новый суверен – это человек, а неограниченная ответственность находится в процессе перебрасывания Богу.

В смысле библейской доктрины о Боге, абсолютно никакой ответственности не несут личность и дела Божественного начала. Вечные декретные права и суверенитет Бога управляют всей действительностью и полностью охватывают ее, потому что она Его творение. Поскольку и человек – творение, он несет неограниченную ответственность; у него грехов временные и вечные последствия и мы не можем ни в какой точки избежать Бога. Ван Тил здорово обобщил этот вопрос:

Главная сущность состоит в том, что если человек мог бы повернуться в какую-нибудь сторону и не встретиться с Божьим откровением, тогда он не мог бы грешить в библейском смысле слова. Грех – нарушение Божьего закона. Человек встречается с Богом везде. Природа этого дела такая, что он не может встретит Его в одном месте, если не встречается с Ним везде. Бог один; закон – один. Если человек может нажать какую-нибудь кнопку радиоприемника своих переживаний и не услышать голос Бога, тогда он всегда будет нажимать эту кнопку, а не другие. Но человек не может нажать даже кнопку своего самосознания, не услышав требования Бога.^[27]

Но человек хочет перевернуть эту ситуацию. Пусть Бог будет ответственным, если не исполнит просьбу человека. Пусть человек объявит, что как показывает его собственный опыт, он спасен, и потом он может продолжать свои гомосексуальные связи или работать в публичном доме без никакой ответственности. Стоит произнести магическую формулу, “Я принимаю Иисуса Христа как мой личный господь и спаситель,” и тогда человек перебрасывает почти всю ответственность Христу, и может грешить без даже самой ограниченной ответственности. Невозможно принимать Христа, если отрицаются Его суверенитет, Его закон, и Его слово. Отрицать закон – это все равно воспринимать религию дел, потому что оно означает отрицание Божьего суверенитета Бога и принятие существование человека независимо от тотального Божьего закона и управления. В мире, где Бог функционирует только чтобы устранять ответственность ада, а никакой закон не управляет человеком, человек вырабатывает свой собственный путь через жизнь по своей собственной совести. В таком мире человек спасается через веру своей собственной разработки, через принятие Христа, а не через Христово суверенное принятие его. Христос сказал: “Не вы меня избрали, а Я вас избрал” (Иоан. 15:16). Пиетист утверждает, что *он* выбрал Христа; это *его* дело, а не Христа. В такой вере Христос служит страховым агентом, как гарантия против ответственностей, а не как суверенный владетель. Это язычество во имя Христа.

В язычестве не существует служение богам. Человек не боготворит языческие божества и само богослужение не происходит как такое. Храм открыт каждый день как место для бизнеса. Язычник входил в храм и покупал протекцию бога даром или жертвоприношением. Если бог не помогал ему, он потом искал услуги другого. Просьба язычника была о страховке, об ограниченной ответственности и о неограниченных благословений, а как суверенный верующий, язычник торговался и в сторону, чтобы найти бога, предлагавшего наибольшее. Таким образом языческая религия была сделкой, а как и при всех бизнес сделках, не было никакой уверенности. Боги может и не всегда выполняли, но человек надеялся, что его ответственность будет каким-нибудь способом ограничена.

“Свидетельство” пиетизма, с его “победной жизни,” принадлежит религии с ограниченной ответственности. Обычное “свидетельство” такое: “Слава Господу, с тех пор как я принял Христа, все мои затруднения прошли и кончились.” А свидетельство Иова в его страдании было, “Вот, Он убивает меня; но я буду надеяться” (Иов. 13:15). Святой Павел рассказывает длинную и ужасную перечень своих страданий *после* того как он принял Христа: заключение в тюрьме, побои, кораблекрушения, побивание камнями, предательство, “в голоде и жажде,... на стуже и в наготе” (II Кор. 11:23-27). Религия Павла не была религией ограниченной ответственности, ни освобождения от всех трудностей ради его веры.

Мир – поле битвы, и бывают убитые и раненные в битве, но это битва Господа и ее конец – победа. Пытаться избежать от битвы значит избежать от ответственностей войны против грешных людей, которые воюют с гневным Богом. Принять бой значит вытерпеть наказания человеческого гнева, но и благословения Божьей милости и закона.

Вне Иисуса Христа люди юридически мертвые, т.е. под смертным приговором пред Богом, не важно насколько моральные их дела. С новым рождением, с началом настоящей жизни человек не выходит из-под Божьей неограниченной ответственности. Скорее, с новым рождением человек перемещается из мира неограниченной ответственности под проклятием, в мир неограниченной ответственности под Божьими благословениями. Мир и человек были прокляты, когда Адам и Ева согрешили, но в Иисусе Христе человек благословен, и мир постепенно восстанавливается и спасается для Него. Во всяком случае, мир находится под Божьим законом. Поэтому благословения и проклятия неотделимые от Божьего закона и представляют просто различные взаимоотношения с ним. Мир рожденного заново человека – мир закона.

Люди неизбежно живут в мире неограниченной ответственности, но с одной разницей. Нарушитель завета, находящийся в войне с Господом и нерожденный заново, имеет неограниченную ответственность для проклятия. Ад – конечная станция такой неограниченной ответственности. Возражения против ада, и попытки свести его только к месту для испытания или для исправления, основываются на отвергании неограниченной ответственности. Но согласно Святому писанию, у нерожденного заново есть неограниченная ответственность к осуждению и проклятию. С другой стороны, рожденный заново человек, который идет в повиновении Иисусу Христу, его заветному вождю, имеет ограниченную ответственность к осуждению и проклятию. Неограниченную ответственность Божьего гнева принял на Себя за Своих избранных Иисус Христос на кресте. Рожденный заново человек осуждается за свои нарушения Божьего закона, но здесь его ответственность ограниченная, а тем

временем его ответственность для благословения в этой жизни и на небесах неограниченная. Нерожденный заново может испытать ограниченную меру благословения в этой жизни, но не и в грядущем мире; у него в лучшем случае ограниченная ответственность для благословения.

Следовательно человек не может избежать мира неограниченной ответственности. Важный вопрос состоит в том: с какой стороны он подвергается неограниченной ответственности. Со стороны неограниченной ответственности к проклятию из-за своего отделения от Бога, или со стороны неограниченной ответственности к благословию ради своей веры в Иисуса Христа, союза с Ним, и повиновения Ему?

XII ЗАКОН В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

1. Бог Царь

Древнееврейское слово для “закон” есть *torah*, которое означает “указание, направление или повелительное наставление” от Господа.^[1] С самого начала взаимоотношения Израиля с Богом, существовала необходимость в законе, т.е. в повелительном наставлении. До этого повелительные наставления отдавались Адаму, линии Сифа, Ною и его потомкам, Аврааму и его наследникам, как и другим людям (свидетельство тому Мелхиседек и Иов). Взаимоотношению с Богом невозможно существовать без закона.

Поскольку модернисту не хватает веры в суверенного Бога, он не может принять существование данного закона с самого начала. Вместо этого он должен полагать эволюцию в самосознании человека и развитие закона в смысле человеческого опыта с действительностью. В результате модернист видит закон как поздняя кодификация народного опыта Израиля. Драйвер в своей очень влиятельной работе *Введение в литературу о Ветхом завете* (1897), воспринимает эволюционную позицию, и не делает никакие попытки, чтобы доказать свой тезис; вера того дня была с ним. Важное новое изложение той же позиции сделал Роберт Пфайфер в своем труде *Введение к Ветхому завету* (1941). Основная предпосылка таких критик – эволюционный и философский гуманизм. Неудивительно, что с Дарвиным такая вера вошла как будто у себя дома. Комментарий Алиса по этому пункту говорит многое:

Даже беглое исследование более высокой критики выясняет, что ею все более завладевали три главные принципа эволюционной теории: (1) что развитие объясняет все явления, (2) что это развитие – результат сил, присущих человеку, без никакой сверхъестественной помощи, и (3) что “сравнительный метод, который использует натуралистский критерий, должен определить природу и степень того развития.”^[2]

В библейской истории все суждения пророков и писателей всегда основывались на предпосылках закона, потому что закон – общепринятая точка зрения во всех книгах Ветхого завета.

Книга Иисуса Навина например начинается с напоминания народу, что их привилегия и сила состоит в том, что они люди закона, потому что у них Божье повелительное наставление (Иис. Н. 1:7-9). Им многократно напоминалось, что закон - их источник силы и знак их заветной связи с Богом, как народ (Иис. Н. 22:5; 23:1-16; 24:1-27). В Иис. Н. 5 цитируется индивидуальный знак завета, обрезание, как и пасха. Объявление вне закона, и законы о завоеваниях появляются в 6:17; 9:23 и 11:20. Разделение земли по условиям закона описывается в 13:14-33; 14:1-15 и 17-19, а города убежища описываются в гл. 20.

Пропуская другое из книги Руфь, мы находим здесь практики собирания колосьев, освобождения земли, и левирата.

Книга Судей особенно острая в своих ссылках на закон. Она описывает отступничество Израиля от Бога и Его закона (Суд. 2:1-2,10,15,17; 3:7-8; 5:8; 6:1,10,25; 10:13,14).

Центральный пункт и тема книги Судей излагаются многократно (17:6; 18:1; 21:25): “В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым (21:25). Тот же самый пункт предшествует рассказ о безобразном развращении в главах 19 и 20 (19:1).

Мейр интерпретирует это высказывание так: “Поскольку не было царя у Израиля, не было никакого ограничения над семьями, кроме племенной власти и обычая.”^[3] Он принимает что смысл есть отсутствие человеческого монарха и институции монархии. Грустный комментарий Фарара подобный:

Это показывает, что эти повествования написанные, или более вероятно отредактированные, в дни монархии. . . .

Делал то, что ему казалось справедливым. Эта отметка добавлена, чтобы показать почему не было авторитетного вмешательства принца или правителя, чтобы предотвратить идолопоклонские и незаконные действия. (Втор. 12:8: “Там вы не должны делать всего, как мы здесь теперь делаем, каждый, что ему кажется правильным.”)^[4]

Удивительный факт относительно слепоты Фарара состоит в том, что он цитирует Втор. 12:8, которое является частью постановления о Божьем царстве и прокламацией Его суверенного закона. Сущность Судей в том, что Израиль многократно отказывался от Бога Царя, и оставлял Его закон, чтобы ходить “блудно вслед других богов,” не “повинуясь заповедям Господа” (Суд. 2:17). Бог был законодателем Израиля, и как суверенный Бог и универсальный Царь, и как заветный Царь Израиля. Человеческое царство не ответ. В самом деле, у языческих угнетателей Израиля были человеческие цари, и у самого Израиля на часть его территории был человеческий царь – Авимелех (гл. 9 и 10). Царство Авимелеха представлено как один из аспектов отрицания царства Бога.

Другой яркий контраст проведен между царством Иавина, царя Ханаанского, который царствовал в Асоре, военачальником у кого был Сисара (Суд. 4:2) и царством Божьим. Песнь Деворы дает нам бедную картину Израиля, пораженного, трусливого и плохо вооруженного. Битву выиграл Бог, Царь Израиля: “С неба сражались, звезды с путей своих сражались с Сисарою” (Суд. 5:20). Бог как вселенский Царь использовал стихии, чтобы

победить и уничтожить ханаанских армий. Как Царь потом он наложил проклятия и благословения в зависимости от верности к Его делу.

Прокляните Мероз, говорит Ангел Господень, прокляните, прокляните жителей его за то, что не пришли на помощь Господу, на помощь Господу с храбрими. Да будет благословенна между женами Иаиль, жена Хевера Кенеянина, между женами в шатрах да будет благословенна! (Суд. 5:23-24).

Здесь мы имеем проклятие и благословение закона, произнесенное создателем закона, Царем.

После описания того как Иаиль экзекутировала Сисару, Дебора объявила:

В окно выглядывает и вопит мать Сисарина сквозь решетку: что долго не идет конница его, что медлят колеса колесниц его? Умные из ее женщин отвечают ей, и сама она отвечает на слова свои: Верно, они нашли, делят добычу, по девиче, по две девичи на каждого воина; в добычу полученная разноцветная одежда Сисаре, полученная в добычу разноцветная одежда, вышитая с обеих сторон, снятая с плеч пленника. Так, да погибнут все враги Твои, Господи! Любящие же Его да будут как солнце, восходящее во всей силе своей! (Суд. 5:28-31).

Язык Деворы сильный и наглядный. “Девичи”, которыми люди Сисары мечтали завладеть, в тексте буквально “утробы” – “по утробе, по две утробы на каждого воина.”^[5] Кейл и Делич переводят вторую часть стиха 31 так: “Пусть те, кто любит Его, будут подобными восходу солнца в его силе,” и считают, что это “удивительный образ возвышения Израиля к более и более славному развертыванию его судьбы.”^[6] Даже больше, это образ благословения Бога Царя на тех, кто любит Его, и служит и повинуется Ему.

В псалме, славящем закон Божий (Пс. 18:7-14), цитируется тоже Божье управление над вселенной, и опять мы имеем образ солнца: “И оно выходит, как жених из брачного чертога своего, раздуется, как исполин, пробежать поприще” (Пс. 18:6). После описания закона и порядка, являющиеся на небесах, тверди, земле и солнце, Давид радостно восклицает: “Закон Господа совершен, укрепляет душу” (Пс. 18:8). Слава Бога открывается по всей вселенной через Его правовой порядок; та же самая слава проявляется в человеке и его мире, когда закону повинуются. Тот самый образ имеется ввиду в песне Деворы. Но из-за того, что закон и царство Бога отвергались Израилем, и “каждый делал то, что ему казалось справедливым,” то вместо того, чтобы быть сравнимым с солнцем в своей славе между народами, Израиль слишком часто был в плену у чужих силах.

Обращаясь к *torah*, или к направлению, к указанию, Иисус Христос определил Себя как *torah*, когда Он заявил: “Я есмь путь и истина и жизнь: никто не приходит к Отцу, как только через Меня” (Иоан. 14:6). Греческое слово для “путь” есть *hodos* (способ действия, линия поведения). Согласно Греческо-английскому лексикону Нового завета, в Деян. 13:10, Рим. 11:33 и Отк. 15:3, оно означает “намерения и распоряжения Бога, его способ обращения с людьми.” Использование выражения “Я есмь” отражает божественное имя (Исх. 3:14); ссылка на “путь” говорит о законе. Иисус Христос, как воплощенный Бог, был тоже декларацией этого закона и Божьей праведности. Через эту фразу Христос делает Себя неотделимым от божественного начала и от закона. Он *torah* или направление Господне; через Свою декларацию Христос делал Себя и закон легче определяемыми.

Следовательно альтернатива Христа и закона – анархия и беззаконие; это означает жизнь без смысла или направления. Христос есть декларация о Божьем наставлении или законе; закон указывает нам правильный путь. Грех *hamartia* есть отсутствие ориентира; он действительно включает движение в правильном направлении, но из-за отсутствия ориентира оно скоро кончается. Грех *anomia* есть беззаконие; он означает движение в грешном направлении и отрицание наставления. Он анархия. “Если говорим, что не имеем греха (*hamartia*), - обманываем самих себя, и истины нет в нас” (I Иоан.1:8). Беззаконные те, которые грешники в смысле противопоставления закону, враждебности Божьему наставлению. Здесь использовали слово *anomos*, т.е. без закона (Деян. 2:23; II Фес. 2:8; II Пет. 2:8). Однако все люди, которые совершают грех *hamartia* по привычке или по небрежности, а на самом деле не христиане, они виновные в беззаконии (*anomia*). “Всякий, делающий грех (*hamartia*, т.е. каждый, который практикует грех как свой образ жизни), делает и беззаконие (*anomia*); и грех есть беззаконие (I Иоан. 3:4).

Закон – обвинительный акт, смертный приговор, если мы идем в грешное направление. Если мы идем указанной Богом дорогой, закон есть детеводитель, направляющий нас в течении всех наших дней в Божий путь праведности и истины. Гал. 3:24,25 постановляет, что “по пришествию же веры, мы уже не под руководством детеводителя” (Гал. 3:25). Значит ли это конец закона? Наоборот, теперь мы учимся не от закона как обвинительный акт, а от Христа как Путь, от Бога, нашего Отца, как идти в указанное направление или по закону, “Ибо все вы сыны Божии по вере во Иисуса Христа” (Гал. 3:26). Контраст не между законом и законом, а между “незрелой жизнью в рабстве под опекуном (и) жизнью в сыновности, со всеми ее привилегиями и правами.”^[7] Лютер видел закон и грех как отмененные, и заявил что, “В степени, в которой я придерживаюсь к Христу через веру, в той же степени Закон отменен для меня.”^[8] Это антиномия, и она чужая святому Павлу. Святой Павел атаковал сотворенные человеком законы и человеческие интерпретации закона, как путь к оправданию; закон никогда не может оправдать; он действительно приводит к святости, но нет достижения святости через беззаконие.

2. Закон и пророки

Функция пророков в Израиле была чтобы говорить от имени Бога об условиях закона, и под вдохновением предсказывать тоже специальные проклятия и благословения закона, которые произошли бы в истории нации. Исаия обобщает тяжесть пророческого слова так: “Обращайтесь к закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в них света” (Ис. 8:20).

Не использовалось никаких других обращений – к монарху, армиям, колдунам, иностранным союзникам, или к другим богам. Верующий мог сказать всем враждебным народам: “Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог!” (Ис. 8:10).

Грустно отметить, что анализируя Ис. 8:20, иначе очень умелый Эдвард Дж. Юнг не связывает твердо “закон” с Моисеевским законом.^[9] Плумптр даже отрицал всякой, кроме дальней связи с законом Моисея: “Очевидно здесь присутствуют закон и откровение, как и в стихе 16, ‘слово Иегова,’ сказанное самому пророку, откровение, которое пришло к нему с такой силой власти.”^[10] Такое мнение разрушает единство Святого писания, и отрицает всю цель пророчества. Раньше них Александр установил смысл этого просто и ясно:

Вместо того, чтобы обращаться к этим бесполезным и запрещенным источникам, последователи Иегова учились обращаться к закону и откровению (т.е. к божественному откровению, которое рассматривалось как система верований и как правило дома) – если они говорят (т.е. если кто-нибудь говорит) не по этому слову (другое название откровенной воли Бога), *это тот, для кого нет рассвета* или утра (т.е. никакой помощи от мрачной ночи бедствия).^[11]

Александр должен был добавить, что пока все Святое писание есть слово Божьего закона, то сердцевина этого закона есть Моисеевский закон.

Когда Израиль отверг Бога как Царя и выбрал иметь царем человека, Бог заявил, что это отвергание Его Самого: “отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними” (I Цар. 8:7). В зависимости от их выбора потом Бог пророчествовал их судьбу (I Сам. 8:9-18; 12:6-25). Должны же были произойти некоторые последствия из-за их удаления от Бога Царя и от закона этого Царя! Пророчество Бога в эпилоге закона, в теле закона, и через Самуила, дает нам и формальное условие, и основное содержание всего последующего пророчества.

Новая монархия, не меньше чем старая республика, была должна повиноваться Богу и Его закону, и Саул был соответствующим образом осужден по условиям закона (I Цар. 15:22-35). Давид призывался быть верным, благословенным за свою верность, и был строго наказан за свое нарушение закона (II Цар. 12:9-14). Царствование Соломона подобным образом показывает благословения и наказания в зависимости от повиновения и неповиновения, а то же самое верно и для всех следующих правителей Иудеи и Израиля. Реформы напоминали людям о законе; вероотступничество означало презрение к закону и к Богу закона, и оставление Бога и закона. Вавилонский плен показывается как исполнение проклятий закона. Иеремия, по условиям закона, произнес свое проклятие над Иудеей, и Вавилонский плен произошел “во исполнение слова Господня, сказанного устами Иеремии, доколе земля не отпраздновала суббот своих. Во все дни запустения она субботствовала до исполнения семидесяти лет” (II Пар. 36:21).

Отделить пророчество от закона значит сделать обоих бессмысленными. И закон, и пророки, ссылаются на один основной факт, на Царство Божие, на Божье управление через закон над всей землей. В своих Варбургтонских лекциях в 1880-1884 годах Едерсхайм отметил:

Проникающая повсюду и движущая идея Ветхого завета есть царствование Бога над землей... Почти тысячу лет до Христа возвысился страстный зов о будущем Царстве Бога – царство, которое должно покорить и победить все народы, и посеять в Израиле праведность, знание, мир, и благословение – о том Царстве Бога, в котором Бог, или Его Представитель, Месия, должен быть Царем над всей землей, и все поколения должны прийти и служить Господу множества.^[12]

Сторонники премилениализма правы в одном отношении: цель библейской истории – Царство Божие. Они ошибаются, делая ее чисто эсхатологической, за пределами настоящей истории, и в самом деле отрицают царство, отрицая действительность его закона сегодня. Через их доктрину об интервале между царством Ветхого завета и призрачным будущим милениальном царством, они отрицают закон, пророков, и царствование Христа. Если мы отрицаем Царский закон, мы отрицаем Царя. Отделяя царство от христианской эры, отрицается управление Бога, и мир обращается к сатане. Неудивительно, что люди скофильдианской, диспенсационалистской школы заявляют, что настоящее время управляется сатаной.

Через весь Ветхий завет, когда пророки обвиняют народ, что он отказался от завета, а это тема виртуально всех пророчеств (III Цар. 19:10 и т.д.), они ясно обвиняли народ в оставлении Бога и Его заветного закона. Без завета нет закона; завет требует закон. Подновить завет, как это многократно делалось в Ветхом завете, и самое главное Христом на Тайной вечере, значит подновить закон завета. Следовательно каждое подновление завета было подновлением заветного закона. Это верно для реформы Иисуса Навина, и для всех других реформ в библейской истории:

И стал царь на месте своем, и заключил завет пред лицом Господа – последовать Господу и соблюдать заповеди Его, и откровения Его, и уставы Его, от всего сердца своего и от всей души своей, чтобы выполнить слова завета, написанные в книге сей. И велел царь подтвердить это всем, находящимся в Иерусалиме и в земле Вениаминовой; и стали поступать жители Иерусалима по завету Бога, Бога отцов своих (II Пар. 34:31, 32).

Заветный закон объявляет, что Бог есть суверенный Господь, который “долготерпелив и могуществен, и не оставляет без наказания; в вихре и в буре шестие Господа, облако – пыль от ног Его” (Наум. 1:3). Буря и чума – Его инструменты в обращении с бунтовными областями.

Это проявляется с особой силой в вызове, брошенной Богом жрецам Ваала через Илию. Бог послал в Израиль ужасную засуху. Елисон описывает поединок превосходно:

Как показывают нам раскопки в Угарите, Ваал был прежде всего богом зимних дождей. Но сколько бы Иезавель, ее жрецы и пророки не выли к Ваалу, не было бы дождя в Израиле, нет, даже ни росы, пока *Иегова* не дает его, а Он объявит это предварительно через Своего слугу Илию, иначе слава досталась бы другим. Нет никакого намека, что голод был наказанием, хотя одновременно таким оно и было; оно было прежде всего неопровержимое доказательство о могуществе Иегова и о бессилии Ваала как раз в этой области, которая считалась специальностью Ваала.

Он дал возможность, чтоб урок усвоился до конца. Три зимы прошли без дождя и три лета без жатвы (III Цар. 18:1). Мы можем легко представить себе до какого отчаяния достигли поклонники, пророки и жрецы Ваала. Только тогда Бог сказал ему выйти из укрытия и сказать Ахаву, что Иегова пошел милость на землю, которая была наверно близко до своего последнего вздоха.

Однако не было достаточно, чтобы пошел дождь во имя Иегова. Войну надо было вести в лагере врага. Илия сделал это, вызывая Ваала на его собственной земле. Приморский край горы Кармил, на который претендовала Финикия, считался специально посвященным Ваалу. Здесь на территории Ваала его вызвали послать свои блестящие молнии из небес, потому что его поклонники считали его владеющим грозой. Как успешно Илия постиг свое намерение можно судить из того, что люди говорили, “Господь есть Бог, Господь есть Бог!” (III Цар. 18:39). В оригинале это буквально, “Иегова, Он Единственный Могущий.”^[13]

Молитва Илии была в смысле Втор. 28:23, декларации Божьей, что небеса будут как медь (без дождя), а земля как железо (без урожая), если Божий народ не повинуется Его закону.

Следовательно Илия молился в смысле Божьего закона, о Божьем проклятии над незаконными людьми. Для настоящей молитвы обязательно, чтоб она была в рамке закона. Мы можем молиться, чтобы грешники обратились, но не и чтобы они были благословенными в их беззакониях. Мы можем молиться о Божьем благословении за наше повиновение, но не о благословении за неповиновение. Молитва не может быть противозаконной.

Молиться о милости для грешника значит молиться по закону, потому что основной факт о милости есть что она не противозаконная. Грешник принимает Божий закон-осуждение за свой грех, когда он принимает Божью милость, а милость неотделимая от этого осуждения.

Причиной тому, что молитва Илии была эффективной, было просто то, что это была молитва праведного человека в контексте Божьего закона.

Молитва Илии о засухе была молитвой об утверждении Божьего царства; в Иак. 5:16-18 она цитируется как образец настоящей молитвы. Цель этой эффективной молитвы была разрушить власть ложных авторитетов и установить царствование Бога среди Его врагов.

Цель закона и пророков было Царство Божие. Судьи были в известном смысле царями под Богом. Как отметил Елисон, “Слово, которое в Ветхом завете мы переводим судья (*shophet*), среди финикийцев было их титулом царя. Факт управления никогда не был против Божьей воли.”^[14] То что Бог осудил, было отвергание Божьего царствования, которое сопровождало установление монархии Саула. Вся сущность I Цар. 8 была, что их человеческие цари дали бы им человекотворный закон, вместе со всем его злом и с несправедливостью. Обвинения пророков представляют счеты за определенные преступления против Божьего закона, и осуждения в смысле этого закона. Закон невозможно отделить от пророков больше, чем влажность от воды, потому что это больше не вода, а что-нибудь другое.

Но это не все. *Закон невозможно отделить от Бога, не разрушая его.* Слишком часто в наше время закон абстрагируется от Бога и рассматривается в изоляции. Вот специфичный пример: совсем обычное в наши дни, что консерваторы сильно защищают частную собственность, но в то же самое время служат Богу только на словах, и не обращают никакого внимания закону о десятине. Однако Святое писание ясно показывает, что земля Господня, и поэтому подчиняется Его закону, и Его налогу, т.е. десятине. Частное владение вне Его закона проклинается. Каждый человек находится на одиноком острове своей собственности, окруженном незаконным, чужим миром грабительских людей. Альтернатива не лучше: коммунистическое общество, в котором люди владеют землей вместе, но живут в молчаливой враждебности и в подозрении. Очевидно, не распоряжение собственностью может заменить потерю Бога и Его возрождающую силу. С другой стороны, среди рожденных заново людей могут преобладать успешно различные экономические порядки. Хутериты, секта коммунально ориентированных христиан, которая владеет все вещи вместе, способные конкурировать своих соседей в Америке, которые живут на фермах частного владения. Причина этому, что движущая сила в случае не частная собственность, а вера. Ясное, что Библия действительно устанавливает частное владение как распоряденная Богом форма содержания земли, но так же ясно, что она не определяет распоряжение землей как источник благословения. Более того, поскольку общность хутеритов представляет добровольный порядок, покоящийся на вере, ясное что она не коммунистическая, и поэтому не нарушает концепцию о частной собственности больше, чем партнерство в бизнесе, членство в местном клубе, или акции в корпорации, нарушают частное владение, просто потому что есть множество владельцев. Множественное владение не государственный социализм.

Множественное владение однако успешное не больше чем одиночное владение, когда оставляется Бог. В наших городах, больших и поменьше, одиночный владелец собственности постоянно угрожается безбожными силами, но в том же положении находятся и люди при совместном владении. На самом деле, совместное владение может включать, и все более действительно включает, незаконных людей; сторож у двери не может защитить от внутренних врагов. Подобно этому, самая злая угроза для многих одиночных собственников представляют их собственные семьи – незаконные сыны и дочери.

Ясное, что закон невозможно отделить от Бога, не разрушая его. Тогда закон искореняется и скоро умирает. Пророки никогда не представляли закон без корней, а всегда живого Бога и Его суверенную волю – закон.

3. Природный и сверхестественный закон

Библия не признает никакой закон действительным, кроме Божьего закона, и этот закон дается через откровение патриархам и Моисею, и распространяется пророками, Иисусом Христом, и апостолами. Иметь два вида закона значит иметь два вида богов; неудивительно, что древний мир, как и современный, был политеистским; имея много законов, он имел и много богов.

Некоторые будут отрицать это. После воспринимания греческой и рационалистской концепции о природном законе, они пытаются привить ее в библейскую религию. Свидетельство этому например есть рассуждение Меланктона в *Loci Communes*:

Некоторые законы природные, другие божественные, а другие человеческие. Что касается природных законов, я не вижу ничего стоящее, написанное теологами или юристами. Потому что когда природные законы объявляются, правильно будет чтобы просто собрать их формулы методом человеческого рассуждения через естественные силогизмы. Я еще не видел никого делать этого, и не зная вообще можно ли его сделать, пока человеческий разум настолько поработанный и ослепленный – по крайней мере он был таким до сих пор. Более того, Павел учит в Рим. 2:15 замечательно тонким и ясным аргументом, что у неевреев есть совесть, которая то защищает, то обвиняет их действия, и

следовательно есть закон. На что нам совесть, если не для суждения о наших делах, которое извлекается из некоего закона или общего правила? Закон природы, следовательно, есть общее суждение, которому все люди дают один и тот же смысл. Этот закон, который Бог запечатлел в сознании каждого, подходящий для оформления морали.^[15]

Этим тезисом, с которым виртуально все лидеры Реформации соглашались, они отрицают Реформацию. Нерожденный заново, павший человек, неспособный спасти себя, и виновный в скрывании или подавлении Божьей истины неправдою (Рим. 1:18), кажется им способным каким-нибудь образом знать закон, присущий природе, и сделать его основой “для оформления морали”!

Пусть исследуем теперь те природные законы, которые Меланктон сообщает нам, и увидим насколько стоящие они заменить закон Моисея:

Я пропускаю эти вещи, которые у нас общие с животными: инстинкт о самосохранении, о продолжении жизни, и о порождении от себя. Юристы относят эти вещи к законам природы, но я называю их известными природными предрасположениями, присущими вообще живым существам. Из законов, присущих собственно человеку, однако, главные как будто следующие:

1. Богу надо служить.
2. Поскольку мы родились в жизни, которая социальная, нельзя вредить никому.
3. Человеческое общество требует, чтобы мы совместно пользовались всеми вещами.^[16]

С таким мышлением как это, реформаторы занялись кастрировать себя самих! Меланктон берет свой первый природный закон из Рим. 1, нежели от природы. Второй он основывает слегка на Быт. 2:8, хотя почему он нуждается в единственном стихе, чтобы подкрепить свою позицию, когда он располагает всеми книгами Моисея, он нам не говорит. “Природное” основание для второго природного закона Меланктона мажоритариянское:

Поэтому тех, которые нарушают общественный мир и вредят невинному, надо принуждать, ограничивать, и устранять. Большинство надо охранять через устранение этих, которые причиняют вред. Закон постановляет: “Не вреди никому!” Но если кому-нибудь повредят, того, кто ответственный, надо устранить, иначе будет вред еще другим. Более важное сохранить целую группу, нежели одного или двух индивидов. Поэтому человека, который угрожает целую группу некоторым действием, которым подает плохой пример, надо выгнать. Вот почему есть магистраты в государстве, вот почему есть наказания для виновных, вот почему есть войны, всех которых юристы относят к закону о нациях (*ius gentium*).^[17]

Этими словами Меланктон подает руку Каиафе, который сказал насчет Христа, “что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб” (Иоан. 11:50). Преследование ранних христиан, и всех разбросанных меньшенств, находило твердое основание в этом природном законе.

Третий природный закон Меланктона ведет к опасному анабаптистскому коммунизму, и поэтому он был необходим, с одной стороны чтобы утвердить эту мажоритариянскую концепцию о массовом человеке, а с другой стороны чтобы сохранить частную собственность, роскошные владения, университеты, профессоров, и лордов в их имениях. В результат он предложил “договоры” как средство для “распределения” вещей, так что через договоры правители могли бы поддерживать их необщее владение общих вещей, Меланктон в конце концов “конденсировал” три основных закона в четыре, и добавил гордый эпилог:

Вот и все об общих правилах законов природы, которое можно конденсировать следующим образом:

1. Служить Богу!
2. Поскольку мы родились в жизни, которая социальная, сопричастная жизнь, не вредить никому, а помогать каждому в доброте.
3. Если невозможно не повредить никому, смотреть чтобы число пострадавших сводилось к минимуму. Пусть те, которые нарушают общественный мир, устраняются. Для этой цели пусть установятся магистратуры и наказания.
4. Собственность должна быть разделенной ради общественного мира. Что касается остального, некоторые должны облегчать нужды других через договоры.

Тот кто захочет, может добавить к этому отдельные идеи поэтов, ораторов, и историков, которые в общем связанные с законом о нациях (*ius gentium*); то что можно прочесть там и тут касательно брака, прелюбодеяния, отплаты за услугу, неблагодарности, гостеприимства, обмена собственности, и других вопросов этого вида. Но я считаю адекватным упомянуть только самые обычные формы. И не считать опрометчиво, что всякие мысли нееврейских авторов были законами, потому что многие из их популярных идей выражают извращенные болезни нашей природы, а не законов. Того вида и эта мысль Гезиода: “Люби того, кто любит тебя, и ходи к тому, кто идет к тебе. Мы даем тому, кто дает нам, и не даем тому, кто не дает нам” (Гезиод, *Труды и Дни*, 353-354). Потому что в этих строках приятельство измеряется одной выгодой. Такая тоже и популярная поговорка: “Давай и бери.” Постановление, что “силу надо отражать силой” присущее здесь, подобно тому, которое появляется в *Ион* Еврипида: “Хорошо этим, которые преуспевают, чтить набожность, чтить набожность, но когда кто-нибудь захочет обращаться со своими врагами плохо, никакой закон не встает на его пути.”

Так называемое гражданское право тоже содержит много вещей, которые очевидно представляют человеческие склонности, а не природные законы. Потому что есть ли что-нибудь более чужое природе, чем рабство? А в некоторых договорах то что действительно имеет значение нечестно прикрытое. Но больше об этих вещах позже. Добрый человек будет умерять гражданские распоряжения правдой и справедливостью, т.е. и божественными, и природными законами. Все, что издается противоположно божественным и природным законам, не может быть справедливым. Хватит о законах природы. Дефинируйте их через более точное и тонкое рассуждение, если можете.^[18]

Выходит, что главное намерение Божьего закона через Моисея было осудить грешника, так что потом его можно было спасти по милости и передать с Божьего закона к природному закону. “Закон требует невозможные вещи, такие как любовь к Богу и к нашему ближнему.”^[19] Однако, “Эта часть закона, названная Декалогом или моральными заповедями, отменяется Новым заветом.”^[20] Некоторые из анабаптистов практиковали то, что проповедовал Меланктон, но были только проклятые за это. Святой Дух вел христиан “поступать по закону,” даже хотя “закон теперь отменен!”^[21] Таким образом Святой Дух очевидно более сознательный насчет закона, чем Меланктон.

Меланктон не был один в этом виде бессмыслицы. Бусер в *De Regno Christi* требовал тоталитарный режим как следствие своей веры в природный закон. Его совет английскому королю Эдварду VI раскрывает это, и надо отметить, что Бусер цитировал Платона, а не Библию:

И в этом надо распорядиться, первое, чтоб никому не разрешилось войти в торговлю, которого официальные власти не сочли подходящим для такого вида вещей, потому что нашли что он лицемерно набожный, любящий общность, а не частный интерес, и не стремящийся к трезвости и умеренности, не бдительный и не трудолюбивый. Второе, чтоб они не должны вносить и выносить другие товары, чем те которые Ваше Величество определил. А он должен определить чтобы выносились такие вещи, которых у народа королевства

действительно в избытке, так что их экспорт принесет не меньшей пользы народу этого королевства, которому эти вещи лишние, чем тем, которые выносят их в чужие страны и получают прибыль от них. Так же он должен не разрешать импорт товаров, кроме тех, которых он считает хорошими для набожного, трезвого, и благотворного употребления в общности. Наконец, надо установить определенную и справедливую цену индивидуальным предметам торговли, которое легко можно организовать, и оно очень необходимое (так пылкая человеческая жадность) для сохранения справедливости и приличия среди граждан.

Те же законы надо применить и к продавцам и торговцам в разницу, к которой работе, поскольку она низкая и презренная, нельзя допускать никого, кроме тех, у кого отсутствует способность, или у него физический недуг, который делает его неподходящим для более обильных умений, каким было тоже и мнение Платона (Платон, *Республика*, II, 371 c-d).^[22]

Они произносят богохульство и называют его реформацией. Они подвергают Закон Божий человеческой рационализации и объявляют его самым высшим законом для людей и народов.

Бусер, отбрасывая Закон Божий из-за Платона, все-таки говорит набожно о Божьем законе и переносит его моральные предпосылки к человеческому природному закону:

Поскольку мы освобожденные от учения Мойсея через Христа Господа, больше нам не нужно соблюдать гражданские декреты Мойсеевского закона, а именно в смысле способа и обстоятельств, в которых они описываются; вопреки этому, до степени в которой затрагиваются сущность и точная цель этих заповедей, и особенно тех, которые касаются дисциплины, необходимой для всей общности, то кто бы ни считал, что такие заповеди надо сознательно соблюдать, это конечно не приписывает Богу ни высшей мудрости, ни справедливой заботы о нашем спасении.^[23]

Главная функция у этого повторного введения к Мойсеевскому закону состоит в том, чтобы подкрепить власть государства при помощи смертной казни, долга о повиновении и т.п.^[24]

Мы видели, что Меланктон так гордился своей формулировкой природного закона, что гордо заявил: “Дефинируйте их через более точное и тонкое рассуждение, если можете.” Многие поступили точно так. У каждого человека своей собственноручный природный закон в его павшей природе. В 18-ом веке деизм, а в 20-ом Лени Брус и хиппи, твердили вместе с поэтом Поупом, “Все что существует, правильно!” Все в природе, каждое преступление и каждое извращение было, согласно маркизу де Саду, законом природы; единственным нарушением природного закона для него была христианская религия. Итак, там где природа считалась источником закона, закон заканчивался отражением греха человека или слиянием с ним.

Как библия связывает закон и природу? Псалом 1 есть такое ясное постановление, как ничто другое. Когда он говорит о законе, имеется в виду “закон Мойсея.”^[25] Джекман переводит стих 1 так: “Блажен человек, который не ходит на совет несправедливого, ни стоит на пути беззаконного, ни сидит в месте презренного.” В стихах 4-6 “нечестивые” тоже даются как “беззаконные.”^[26] Человек, чья радость в законе Господа, в библейском законе, “как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое” (ст. 3). Отметим легкую связь между повиновением библейскому закону и преуспеванием в природном мире. Это Божий сверхестественный, откровенный закон, которому человек посредничит, и которому повинуются, а это означает естественное процветание на земле. Иметь корни в откровенном законе Бога означает иметь корни в природном мире Бога, потому что Бог создал его, и этот мир полностью соответствует тому же намерению, как и Его слово.

Но это не все. Псалом выясняет тоже, что лучший, если не и *единственный*, путь, чтобы иметь корни в природном мире, есть иметь прочные корни в Божьем сверхестественном законе. “Его лист не вянет, и во всем, что он ни делает, успеет.” Нечестивые, или по Джекману беззаконные, которые отрицают закон Божий, “они – как прах, возметаемый ветром” (ст. 4). Быть без корней в Боге значит быть без корней в мире, и быть не лучше, чем прах, возметаемый первым неблагоприятным ветром.

Природный мир вокруг нас полностью управляется Богом и Его законом. Есть законы, действующие в природном мире и над ним, законы биологии, физики и т.п., но никогда как закрытые системы. Когда и где откровенный Божий закон отвергается, Божий абсолютный декрет и закон в природном мире тоже в конечном счете отвергается. Невозможно создать философию природного закона: она исчезает в ничто. То же самое верно и для этих модных заместителей природного закона, которые идут под именем общей милости. Если суверенный и триединый Бог отрицается, на самом деле все законы повсюду тоже отрицаются.

Итак библия, хотя она и не учебник физики или биологии, все-таки основная для физики и биологии. Без суверенного Бога Святого писания и Его закона-слова, никакая наука, никакой факт, и никакое учение не могут существовать. Никакой факт не существует в себе и сам по себе. Как выясняет Ван Тил, вся реальность есть откровение Божье и ее невозможно понять вне Его. “Если Бог существует, нет голых фактов; если Бог существует, наше исследование фактов должно быть усилием познать их так, как Бог желает, чтобы мы знали их. Следовательно мы должны стремиться вторить Божьи мысли вслед за Ним. Поэтому принимать, что есть голые факты, значит принимать, что Бог не существует.”^[27]

Следовательно, *из-за того* что Бог существует, нет голых фактов, ни никаких голых законов (невозможная концепция), в этом мире голого придерживания к фактам. Философия природного закона стремится найти голые законы в мире голых фактов, т.е. в конечном счете бессмысленные законы в окончательно и непосредственно бессмысленном мире фактов. Философы природного закона пытаются представить нам Божьего мира без Бога Святого писания и без закона Святого писания, но они успевают представить нам только образец себя самих.

Единственный здравый подход к законам, действующим в природном мире и над ним, есть следовательно через сверхестественный закон-слово Бога. Если у них не будет Мойсея, то не будет и этот мир, и никакой закон в нем. Таким образом выбор не между библейским законом и природным законом: он между законом и отсутствия закона. Отвергать Мойсея значит отвергать Бога Мойсея.

Сведенный даже к выбору между Мойсеем и Платоном, выбор Бусера был очень грустный. Имея Божий откровенный закон, почему должен любой человек желать формировать моральный и гражданский закон из павших и извращенных элементов человеческого разума?

Причина тому, почему люди выбирают искать основание в человеке, состоит в их поиске общей основы со всеми людьми и всей реальности вне Бога. Они хотят избежать то, что они называют “‘сектантской’ системой мысли.” Они объявляют, что есть необходимость в “*philosophia perennis*,” философия общая для всех людей как люди, вне теологических рассуждений. Такими средствами эти мыслители претендуют, что они могут установить все истины о библейской религии рациональным образом, удовлетворяющим всех людей. Таким образом поддерживается, что вместо исключительного или ограниченного откровения, можно установить общее основание. В такой философии государство, вместо распорядка Богом слуги правосудия, становится “природной институцией,” продуктом человеческого “социального существования.”^[28] Поскольку люди живут социально, возникают конфликты из-за различных желаний.

Очевидно там возникает необходимость в некотором компромиссе; надо разрешить индивидуальные различия; кто-нибудь, или некоторая группа, избранные чтобы обсуждать и говорить от имени всей общности, должны принимать решения. И так возникает, точно как естественная, и точно как данная Богом по началу, как сама человеческая социальная природа, институция власти.^[29]

Такая философия природного закона полагает власть не на абсолютного Бога, ни на абсолютный закон, а на *компромисс*. Основа власти таким образом есть релятивизм, компромисс, а не истина.

Эта натурфилософия сама лежит на верховенстве человеческого сознания и обращается к общей рациональности у всех людей. Но павший человек использует свой разум как инструмент в своей войне против Бога, и поэтому общий аспект рациональности вероотступных людей есть чтобы исключить суверенного Бога Святого писания.

Однако если природный человек, не сохранив веру, может идти своим путем к Божьему и универсальному закону, тогда он на самом деле не нуждается ни в Боге, ни в Божьем законе, ни в библии, ни в теологах, ни в никаком откровении Божьем; человек сам тогда принцип откровения и правды, шагающий источник закона. Где преобладают природный закон и природная теология, или их модные варианты всеобщей милости, там у церкви остаются очень ограниченные возможности. Она может стать изделием государства и работать за социальное дело, или может отказаться от мира посредством пиетизма и мистицизма. Во всяком случае у нее не останется другой Бог, кроме человека.

Источник закона есть тоже местоположение Бога в каждой системе, и если закон располагается в рациональности людей тогда человек – бог этой философии. Не сюрприз, что Западная мысль, принимая базу природного закона для своего социального порядка, вначале рассматривала закон как *логику*, как один из аспектов человеческой рациональности, а потом как *опыт*, т.е. как аспект человеческого бытия. А что означает опыт? “Настоящие рассуждения, которые судьи упоминают в самых редких случаях, и всегда с некоторым извинением, суть тайные корни, из которых закон извлекает все соки жизни. Я имею ввиду, конечно, рассуждения о том, что целесообразно для вопросной общности.”^[30] Природный закон начинается с *компромисса*, и заканчивается с *целесообразностью*, передвигаясь, после многих усилий, ни в куда вообще. В процессе становления он все-таки выполняет что-нибудь: он теряет истину и власть, и ему не остается никакой общей основы, потому что опыт и целесообразность каждого человека есть его частный мир компромиссов. Каждый человек становится своим собственным миром закона, своей собственной сферой опыта, и своим собственным критерием о целесообразности.

Натурфилософия начинается с “принимания, что нехристианский способ рассуждения есть единственно возможный способ рассуждения.”^[31] Как Ван Тил отмечает дальше, оспаривая ту же философию, которая называет себя доктриной об общей милости:

Доктрина об общей милости, которая построена так, чтобы еще раз обратиться к нейтральной территории между верующими и неверующими, находится, точно как ее старые Принстонские апологеты, рядом с романистским типом природной теологии. Почему тогда мы должны притворяться, что имеем что-нибудь уникальное? И почему должны мы тогда претендовать, что имеем солидную основу для науки? Только калвинистская доктрина о все контролирующем провидении Бога, и несмыслимый откровенный характер каждого факта сотворенной вселенной, могут дать нам настоящую основу для науки. И как можем мы претендовать, что мы способные хорошо использовать результаты научных усилий нехристианских ученых, если ступая на существенно романистскую основу, мы не можем даже хорошо использовать наши собственные усилия?

Зачем жить в мире грез, обманывая себя и предъявляя ложные претензии пред миром? Нехристианский взгляд на науку:
(а) предполагает автономия человека;
(б) предполагает несотворенный характер, т.е. случайный характер фактов;
(в) предполагает, что законы основываются не на Боге, а на чем-нибудь другом во вселенной.

Теперь если мы поставим доктрину о всеобщей милости рядом с учениями Хепа в связи с общим откровением Святого Духа, тогда мы внедряем в наше научное здание настоящие разрушительные силы, против которых это откровение должно противопоставляться.^[32]

Единственное настоящее общее основание находится в Боге, т.е. в факте, что Он сотворил и управляет всеми вещами, так что все вещи открытые для Него. Следовательно понимание всех вещей начинается в Нем, когда человек подчинится Божьему осуждению, спасению и закону-слову. Ван Тил, оспаривая мнение одного из лидеров Реформации, Маселинка, отметил:

Но я утверждал дальше, в частности против Барта, что образ Бога в человеке состоит в действительном содержании знания. Человек не впускается в курс истории только с возможностью узнать Бога. Наоборот, он начинает свой курс с *действительным* знанием о Боге. Более того, он даже не может искоренить это знание о Боге. Именно этот факт делает так, чтобы грех был грехом “против лучшего познания.”

. . . Римско-католическая теология думает, что творение начинается так сказать с границы небытия. Согласно римской теологии в человеке, как и вообще в сотворенной реальности, есть присущая тенденция к обратному погружению в небытие. Отсюда необходимость в сверхъестественной помощи с самого начала существования человека... Разрушительную тенденцию греха нельзя видеть в постепенном уменьшении человеческой рациональности и моральности. Человек остается не меньше творением, рациональным моральным творением Бога, когда он поворачивается спиной к Богу, и ненавидит своего Создателя, чем он был до этого. Следовательно, когда Бог дает человеку свою милость, свою спасающую милость, это не устанавливает снова его рациональность и моральность. Оно устанавливает снова его *истинное* знание, праведность и святость (Кол. 3:10, Еф. 4:29). Оно восстанавливает человека *этически*, не метафизически. Так же если мы принимаем, что всеобщая милость есть то, что должно ограничить грех, тогда мы соглашаемся, что она выполняет этическую, а не

метафизическую функцию. Она не поддерживает, как доктор Маселинк кажется утверждает, характеристики людей, которые у них от сотворения. Она не поддерживает образ Бога в “более широком смысле,” состоявшийся в его рациональности и моральности. Она сохраняет человека, который все равно будет рациональным на протяжении от выражения своей враждебности к Богу на поле знания, до того как сделает невозможным для себя уничтожить этого знания. И ограничивая его в его этической враждебности к Богу, Бог освобождает его творческие силы, так что он может сделать положительный вклад на поле знания и искусства. Подобным образом ограничивая его от выражения своей этической враждебности к Богу, есть у него освобождение его моральных сил, так что он может вершить то, что “моральное,” хотя и не хорошее по духу. Как составляющие рациональность и моральность человека, эти силы не уменьшаются через грех. Человек не может быть аморальным. Но через грех человек пропадает этически; он становится враждебным к Богу. И всеобщая милость есть средство, через которое Бог предохраняет человека от выражения принципа враждебности в его полном охвате, таким образом давая возможность человеку делать “относительное добро.” [33]

Ван Тил предлагал “милость сотворения” как лучший термин чем “всеобщая милость.” Очевидно термин “всеобщая милость,” который вошел в употребление как символ гуманизма и войны против Бога, надо оставить как незаконнорожденный термин, сочетающий незаконно вместе две чужие между собой концепции.

Вкратце, начинать с чем-нибудь меньшее чем Божий закон как единственное основание для социального порядка, значит закончить с никаким законом и только с правилами человеческой логики и опыта.

Итак, законы физики, экономики, биологии и любой другой науки или исследования, основываются твердо на вечном декрете Бога; потому что Божие предопределение и суверенная власть тотальные, то в каждой области есть законы. Эти законы происходят не от “природы,” а от Бога. Когда отрицается вечный декрет, на самом деле отрицаются законы, и они постепенно вянут.

Гуманизм Просвещения разработал натурфилософию как свою альтернативу суверенного, предопределенного Бога Святого писания. Позже ее наследники атаковали концепцию о природном законе, как такая, которая указывает на Бога; лучше элиминировать все законы и не оставить никакого указательного столба к Богу, никакого доказательства в виде некоторого образца во вселенной, который говорил бы об ее Создателе. Мир был готов принять Дарвина и слепую, незаконную, развивающуюся вселенную, чтобы избежать Бога, чей закон управляет всей реальностью.

Концепция о “присущем природном законе... вошла между природой и Богом и... считалась независимой от некоторого внешнего законодателя для ее действительности и оперирования.” [34] Принимая природный закон как заместитель Бога, Просвещение прогрессивно видело его в механистическом смысле. “Действительность больше не была в главном вопрос личной воли и намерения.” [35] Вселенная сравнивалась с часовым механизмом.

Ведь ничего не более безнадежное с христианской точки зрения, чем сравнение вселенной с часовым механизмом. Эта похлебка, за которую выторговали библейское первородство, была заместителем образца цели; концепцию о целенаочности заменили конгломератом механических целей, выраженных в философских терминах порядка, красоты, гармонии, и совершенства. Аргументы, показывают от образца назад к сотворению, а не вперед к совершенству...

Гротиус, архитип гуманизма, изобрел различие между Божьим законом и законом природы, где природа включала человека и его историю. Результат этого различия между Провидением и процессами жизни и истории, был что возникла возможность формировать жизнь и историю вне всякого Божьего закона. И это была желательная цель, поскольку закон Божий позволял войны и бедствия. Формование истории согласно природному закону указывало на идею о прогрессе, и таким образом наводило прямо вопрос об эсхатологии. Теперь человек мог сам заработать свое собственное спасение, но в радикально различном смысле, чем значение библейского слова, и конечно без страха и трепета (Фил. 2:12). [36]

Как результат этого изобретения, закон природы, который в языческой античности был законом наций, опять стал законом наций, человеческим законом. Поскольку ни Бог, ни природа, не элиминировали войн, человек, новый бог и законодатель формировал бы нации и все люди, чтобы элиминировать войны.

Общее и конкретное управление Бога заменилось бы общим и конкретным человеческим управлением. Общее управление Бога ставило человека в рамку тотального закона; конкретное Божье управление заботится о наших ежедневных нуждах, и ни волоса не упадет вне Его суверенного внимания и надзора. Новый суверен, государство, работает чтобы охватить нас во все более тотальной рамке закона, и наблюдать нас в своей сетке конкретного надзора. Главный редактор большого американского журнала дал свое одобрение этому радикальному вторжению в частную жизнь со стороны современного тотального государственного управления, в большой передовой статье:

Поскольку технология все более деперсонализирует и дегуманизирует наши жизни, это порождает у нас необходимость заново утвердить то, которое самое основное и жизненное для нас, наши инстинкты. Более того, технология сметает нас в эпоху, когда частная жизнь становится буквально невозможной. Она станет невозможной с одной стороны из-за крутого нарастания густоты населения, а с другой из-за быстрого развития технических средств для наблюдения, в цивилизации, чьи общества очевидно намеренные держать всех индивидов под постоянным надзором.

Следовательно восходит одна верховная необходимость: необходимость жить, более или менее как человеческие существа в обществе, в котором вопрос о частной жизни не ставится. Наш ответ очевидно собирается принять манеру жизни, в которой интимность больше не считается необходимой. Поэтому я подозреваю, что публичный секс надо рассматривать как волну будущего... [37]

Природный закон всегда кончается как закон государства, и при этом антихристианского государства.

5. Закон как направление жизни

Основное библейское слово за “закон” есть *tora* (или *torah*). *Tora* означает не только инструкция или учение, но в основном “направление.” Следовательно закон дает распоряженное Богом направление жизни; незаконная жизнь есть жизнь без направления, в смысле что не существует никакой истинный смысл вне Бога. Зло не отсутствие существования или пустое существование, а этическое (не метафизическое) удаление от Бога. Чем больше это удаление, тем больше потеря смысла. У ада нет общения или смысла. Он исчезновение всего общения, смысла, и жизни, в радикальном отрицании.

Книга Притчей – по существу книга о законе как направлении и руководство для жизни. *Tora* в Притчах:

Где это слово встречается неопределенное (28:9; 29:18), оно означает божественный закон (оно тоже еврейский термин для Пятикнижия); но *мой закон*, “завет матери твоей” (1:8) и т.д., относится к настоящим максимам, и к домашнему обучению, основанному действительно на законе, но не идентичному с ним.^[38]

Следовательно, каждое *направление* основывается и должно основываться на фундаментальном Божьем *tora*, законе, или направлении. Закон родителя, учителя, или работодателя, должен быть применение Божьего закона. Когда применяется так, Божий закон становится структурой жизни и направлением общества. Соломон высказал это так:

Кто пренебрегает словом, тот причиняет вред себе; а кто боится заповеди, тому воздается. Учение мудрого – источник жизни, удаляющий от сети смерти (Прит. 13:13-14).

Киднер отмечает:

Фраза “учение мудрого” (человека) (в некоторых версиях “закон мудрого”), показывает, что *закон (tora)* здесь используется в своем оригинальном смысле “направления” или “инструкции”; это голос духовного опыта, а не божественной заповеди, хотя оно будет в гармонии с *Torah* (Пятикнижием), как показывает его близость со стихом 13.^[39]

Божий закон дается всем людям. Набожное общество и набожные люди будут передавать этот закон каждому новому поколению, и таким образом обеспечат свое здоровье и благополучие. Как Делич обобщает это:

Притча предназначена установить, что жизнь, чей источник есть доктрина о мудром человеке, сама будет источником здоровья для последователя, который получит ее; она даст ему знание и силу, чтобы знать где лежат западни разрушения, и чтобы спешить энергичными шагами прочь, когда они угрожают задушить его.^[40]

Это подтверждает основное значение слова *tora*, направление, а направление, которое дает закон, есть путь к здоровью, знанию, и жизни. Более того,

Отступники от закона хвалят нечестивых, а соблюдающие закон негодуют на них. Злые люди не разумеют справедливости, а ищущие Господа разумеют все (Прит 28:4, 5).

Вернемся опять к Деличу:

Те, которые хвалят нечестивых, удаляются от откровенного слова Бога (Пс. 72:11-15); обратно, те, которые верные Божьему слову (Прит. 29:18) надвигаются против них, они глубоко возмущаются их поведением, они не могут стоять в молчании и оставить их злодеяния пройти ненаказанными... Тот, который делает злонамеренность своим моральным элементом, пропадает в путаницу моральной концепции; а тот, чья цель есть один живой Бог, приобретает из этого в каждой ситуации жизни, даже среди самых больших трудностей, знание о том, которое морально правое. Подобно апостолу Иоанну (I Иоан. 2:20): “Вы имеете помазание от Святого и знаете все,” т.е. вы должны искать это знание, которое нужно вам, и которое вы преследуете, не вне вас самих, а в новом божественном основании вашей личной жизни; от туда все, в чем вы нуждаетесь для развития вашей духовной жизни, и для удаления от вас враждебных влияний, придет в ваши разумы. Именно потенциальное знание, всеобхватное по своему характеру, и очевидно человеческое относительное знание, имеется здесь ввиду.^[41]

Отказ от закона означает отказ от направления жизни; общество и люди, которые отказываются от Божьего закона, теряют мудрость, а вместе с ней и всякое направление. Релятивизм командует обществом, а вместе с этим парализуется мораль. Киднер комментирует это очень ясно:

28:4. Божий закон – бастион человека. Без откровения скоро все становится относительным; а вместе с моральной относительности, ничего никак не заслуживает атаку. Так например тиран принимается, потому что он делает свое дело; и извращенный, потому что его состояние интересное. Полный перечень дается в Рим. 1:18-32.

28:5. Закон Божий – свет для человека. Рим. 1:21,28 бросает свет на строку 1, как Рим. 1:18-32 на предыдущую притчу. О строке 2 ср. Пс. 118:100; Иоан. 7:17; и др.^[42]

Одно из самых настойчивых желаний людей есть ходить зрящими, т.е. со знанием будущего, того что лежит вперед. Этот мотив привел Саула к волшебнице из Эндора. Через нее Саул хотел узнать выход своей войны с филистимлянами, и то что он должен был делать (I Цар. 28:15). В 19-ом и 20-ом веке было большое оживление различных форм окултизма, через который человек стремился зондировать будущее и приобрести свет, чтобы идти.

Святое писание запрещает любые попытки зондировать будущее вне Бога. Средство, через которое человек мог узнать будущее, есть закон-слово Бога. В смысле этого жаламщик объявил, в своем большом посредничестве о законе, Пс. 118:

Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей. Я клялся хранить правильные суды Твои, и исполню (Пс. 118: 105, 106).

Эта концепция о законе как путеводитель человека появляется опять и опять в Святом писании. Те же самые слова были тоже высказанные, может быть прежде всех, Соломоном:

Ибо заповедь есть светильник, и наставление – свет, и назидательные поучения – путь к жизни (Прит. 6:23).

В этом стихе, как отмечает Киднер, родительские правила, основанные на Божьем законе, “рассматриваются как выражение абсолютного, божественного закона.”^[43] Даже более основным является факт, что Божий закон, в своем библейском изложении, как и когда верно передается через семью, церковь, государство, или школу, есть распоряженное Богом средство для *освещения*, действительное средство для предсказания. Человек идущий верой в повиновении Божьему закону, идет в большой степени зрящим. Идти без закона, значит идти в мраке.

Посреднический закон не может занимать место основного закона, *tora* Бога. Посреднический закон должен в самом деле быть идентичным с божественным *tora*. Долг посредничающего человека или агентства есть применение закона, а не обновление или прибавление к нему. Поэтому Соломон связывает три вещи: первое, страх от Господа и Его инструкции, направления или закона; второе, тот же самый закон, или инструкцию, передаваемый через отца или матери сыну; третье, следствие повиновения этому направлению есть украшение или корона жизни сына.

Начало мудрости – страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление. Слушай, сын мой, наставление отца твоего, и не отвергай завета матери твоей: Потому что это – прекрасный венок для головы твоей и украшение для шеи твоей (Прит. 1:7-9).

Через термин “начало мудрости” имеется ввиду “первый и контролирующий принцип, а не этап, который кто-нибудь оставляет позади себя.”^[44] Делич передает ст. 9 так: “Потому что они – прекрасная корона головы твоей, и ожерелье на твоей шее.”^[45] Контролирующий принцип жизни, который венчает человека и обогащает его дни мудростью, есть страх от Господа, и этот страх неотделимый от закона, инструкции, или наставления Бога.

Центральное для жизни из закона сильно подчеркивается в двух следующих притчах:

Кто отклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва – мерзость (Прит. 28:9). Без откровения свыше народ необуздан, а соблюдающий закон блажен (Прит. 24:18).

Если человек отвергает закон Божий или наставление, он отрицает себе всякую связь с Богом, и “даже его молитва будет мерзостью” для Бога, моральное преступление, потому что молиться Богу, чье наставление мы презираем, значит добавить и оскорбление к нашим преступлениям. Более того, без откровения народ становится неуправляемым,” как Делич передает Прит. 29:18.^[46] Божье откровение есть тоже Его закон, который есть единственный путь человека к настоящему счастью, и единственное приемлемое средство, чтобы служить Богу.

Когда Иисус Христос сказал: “Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня” (Иоан. 14:6), слово, которое он использовал за “путь” было *hodos*, естественная тропинка, дорога, путь, маршрут путешественника, или метафизически, линия поведения, способ мышления, или праведность.^[47] Весткот цитирует использование слова “путь” в мистицизме Лао-тзе способом сравнения.^[48] Нет ничего мистического в использовании слова “путь” нашим Господом. Он есть единственное направление к Богу, и идентифицируя Себя как направление, Он объявил в самом деле, “Я есмь *Torah*.” Закон, как выражение Божьей праведности и правды, есть единственный действительный путь или направление человека. Христос соблюдал закон совершенно, потому что закон был выражением Его существа; Он был безгрешным и не мог грешить, потому что закон не был ничего другое, чем подчеркиванием Его праведности и правды. Он не мог оставить закон, потому что это значило бы отречься от Самого Себя и перестать существовать. Тиранические политики заявляли, “Я – закон,” и в конце концов погибали под Божьим законом, но Иисус мог заявить абсолютно, “Я есмь путь или закон, истина и жизнь.” Невозможно отделить закон от Христа, ни Христа от закона.

6. Закон и завет

Пророк Исаия обвинил Иудею во имя Бога, как нарушитель закона, и его пророчество начинается с обвинения, как и с призывов о возвращении к Господу. “Слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский! (Ис. 1:10). Проклятия закона из Втор. 28 должны упасть над Иудеей и Иерусалимом, “потому что они отвергли закон Господа Саваофа и презрели слово Святого Израилева” (Ис. 5:24).

Но это не все. Народы в античности были тоже обвиненные Богом (Ис. 13:1-23:18). Грех мира будет строго осужден Богом Царем (Ис. 24:1-27:13). Иудея и Иерусалим, из-за их своих нечестивых связей с Египтом и Ассирией, являются тоже еще раз мишенями будущих обвинений (Ис. 28:1-33:24). Объект обвинения есть тоже и Едом (Ис. 34).

Осуждение Иудеи должно быть так радикальным, что только десятая или одна десятая должна возвратиться, и эта одна десятая разорится, пока не останется только святое семя (Ис. 6:13). Осуждение других народов будет даже более радикальным: “Вот, Господь опустошает землю и делает ее бесплодной; изменяет вид ее и рассеивает живущих на ней (Ис. 24:1). Основание для этого высказывается ясно: “И земля осквернена под живущими на ней; ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет” (Ис. 24:5). Согласно Александру, “Три использованные термина (законы, устав, завет) по существу синонимические, поскольку *закон, постановление и завет* постоянно взаимозаменяемы.”^[49] Это пункт особой важности. Он еще раз подчеркивает позицию всего Святого писания, что все люди и нации неизбежно связанные с Божьим заветом, независимо как соблюдаватели завета или как нарушители завета. Божий завет есть “вечный завет” со всеми людьми. Человеческое отношение к этому завету может меняться от благословений до проклятий, но завет остается. Как отметил Копас:

Все грешные люди попадают под временным осуждением всемогущего Святого Бога, который может спасти, который знает, что без осуждения греха не может быть спасения.

Дальше, несправимые грешники познают крайнее отделение и вечное наказание.^[50]

Таким образом закон и завет используются синонимно, и все люди неизбежно вовлекаются в эту реальность. Поскольку Бог есть Бог, абсолютный суверен и единственный творец всех вещей, никакая независимость от Него невозможная вообще. Человек неизменно связан с Богом по Его условиям, Его завете и законе. Хотя один избранный народ есть свидетель завета, он может свидетельствовать об объявлении Бога и Его завета на всех людей без исключения. Из-за того, что они не обратили внимание на этот завет и его свидетельство, все древние народы были подвергнуты осуждению.

У Иеремии есть подобное осуждение Иудеи, а также и чужестранных сил (Иер. 46:1-51:64). Произносится приговор над Вавилоном “ибо он согрешил против Господа” (Иер. 50:14). Более того, принцип Божьего осуждения против Вавилона есть золотое правило наоборот: “отмщайте ему; как он поступал, так и вы поступайте с ним” (Иер. 50:15). Против Моава слово Иеремии от Бога есть, “Проклят, кто дело Господне делает небрежно, и проклят кто удерживает меч Его от крови!” (Иер. 48:10). Проклятия из Втор. 28 произносятся через Иеремию над Иудеей и над всеми народами за их неповиновение Богу, и это “есть отмщение за храм Его” (Иер. 51:11). Поскольку храм (а раньше скиния) был Божьим тронным залом и управленческим центром, это значит что Бог Царь упражняет мщение против всех, кто нарушает Его закон.

Осуждение над нациями появляется в Иез. 25:1-32:22 и в других местах. Даниил дает нам взгляд на большие империи и их осуждение. Все пророки делают ударение на законе и завете, и призывают людей и народов к покаянию, или произносят приговор.

Заключительная часть пророчества Малахии призывает людей так: “Помните закон Мойсея, раба Моего, который Я заповедал ему на Хориве для всего Израиля, равно как и правила и уставы. Вот, Я пошлю к вам Илию

пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я пришел не поразил землю проклятием” (Мал. 4:4-6).

Святой Павел обобщает этот аспект Святого писания в Евр. 12:18-29. Сильно подчеркивается превосходство подновленного завета. С “Иисусом, Ходатаем Нового завета” (Евр. 12:24), те которые в церкви, сталкиваются с чем-нибудь далеко более великом, чем ужасающие манифестации на горе Синай. Это тот самый Бог, “огонь поядающий” (Евр. 12:29; Исх. 20:18,19), и этот факт более ясно подчеркивается святым Павлом, чем Моисеем. Контраст между горой Синай и Моисеем с одной стороны, и Христом с другой, делает повиновение более великому еще более обязательным, а неповиновение еще более проклятым. Времена до прихода Христа представляли великое потрясение народов, которое должно было кончиться падением Иерусалима. Следующее великое потрясение должно было “изменить колеблемое, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое” (Евр. 12:27). “Как сотворенного” означает сделанные человеком изобретения, которые стремятся заменить Божий закон и царство городом человека. Но избранные Богом получают “царство непоколебимое”; поэтому они должны “служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом” (Евр. 12:28).

Следовательно, как эра Ветхого завета видела радикальные уничтожения целых народов, которые отвергли Бога, так и христианская эра увидит великие потрясения могуществ, которые наступят из-за их неверия, вероотступничества и беззакония.

Завет, который существует между Богом и Его народом с правом назывался *заветом милости*. Он именно это, завет милости или благословения, заключенный суверенным Богом с теми, которых Он спас в Христе. Обратный завету милости или благословения есть *завет смерти или проклятия*. Обещание Бога за неповиновение Его закону с начала Эдема было смерть (Быт. 2:17). Проклятие начало действовать непосредственно после падения человека (Быт. 3:16-19; 4:10-12). Каин был “проклят от земли” (Быт. 4:11) за убийство Авела, и его жизнь после этого манифестирует завет смерти.

Божий народ не может заключать соглашения с теми, кто нарушает Божий завет (Втор. 7:2). Те, кто заигрывается с другими богами и заключают союз с ними, навлекут на себя все проклятия закона (Втор. 29:18-26). Участь нарушителей завета – смерть (Рим. 1:31-32). Это заявляется с ударением в Ис. 28:14-18:

Итак слушайте слово Господне, хульники, правители народа сего, который в Иерусалиме. Так как вы говорите: “мы заключили союз со смертию, и с преисподнею сделали договор: когда всепоражающий бич будет проходить, он не дойдет до нас, - потому что ложь сделали мы убежищем для себя, и обманом прикроем себя.” Посему так говорит Господь Бог: вот, Я полагаю в основание на Сионе камень, камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится. И поставлю суд мерилом и правду весами; и градом истребится убежище лжи, и воды потопят место укрывательства. И союз со смертию рухнет, и договор ваш с преисподнею не устоит. Когда пойдет всепоражающий бич, вы будете попрыны.

Ключ к смыслу этого пророческого слова хорошо раскрывает Юнг в своем комментарии к ст. 15:

В этом стихе Исаия дает основание, из-за которое презренные люди должны слушать Слово Господа, и из-за чего необходимо Богу положить в Сион краеугольный камень. То, что дается, не настоящий язык презренных, а раскрытие их действий. Если бы эти действия перевелись на слова, они были бы слова как эти. Иначе говоря, здесь выражаются плотские мысли и намерения презренных; и поскольку такие мысли мотивируют их действия, Сам Бог вмешается и воздвигнет на Сионе камень.

Исаия обращается к правителям “народа сего.” *Так вы говорите* – Не так многими словами, но это то, что вознамеревают их сердца... Если кто-нибудь заключил “союз со смертию,” смерть не будет вредить ему, потому что между ним и смертью мир. “Вы действуете,” пророк кажется думает так, “как будто смерть и могила не придут к вам, ни позовут вас. Они приходят к другим, но вы освобожденные. Вы видите как вокруг вас другие падают, и даже видели десять племен идти в плен, но вы думаете, что смерть обойдет вас.”^[51]

Следовательно союз со смертию и преисподней есть допущение, что Божий заветный закон больше не действует, что Бог практически мертв. Это отвергание мира закона и причинности, и утверждение, что человек живет в нейтральном, необосновленном причинности миром грубой действительности. Таким образом союз со смертию и преисподней есть попытка привести к нулю смерть и преисподню; это отвержение Божьего правового порядка за счет созданного человеком порядка. Такой союз с бессмысленностью отвергается Богом, и те, которые заключают его затаптываются под ногами Божьего осуждения (Ис. 28:18). Этот союз со смертию характеризует каждого неверующего, и обещание Бога есть осуждение всех таких. Слово Исаии к безбожникам из Иерусалима такое: “Итак не конщунствуйте, чтобы узы ваши не стали крепче; ибо я слышал от Господа, Бога Саваофа, что истребление определено для всей земли (Ис. 28:22).

Человек и народы заключают союз со смертью, с бессмысленностью, чтобы избегнуть закон Бога, но ответ Бога есть дать им смерть, “определенное истребление” закона и смысла. Как показал Иезекииль, намерение Бога есть низложить все вещи, которые противопоставляются Христу и Его царству: “Низложу, низложу, низложу, - и его не будет, доколе не придет Тот, кому принадлежит он, и Я дам Ему (Иез. 21:27). Декларация Бога, повторенная много раз Иезекиилем, состоит в том, что Его осуждение падает на правонарушителей, так что в конце “узнаете, что Я – Господь Бог” (Иез. 23:49). Подобно этому закон дается, и Божья справедливость извещается, и субботы распоряжаются, “дабы вы знали, что Я – Господь Бог ваш” (Иез. 0:19-20 и т.д.). Цель и закона, и осуждения по закону – откровение Божие.

Итак, закон как откровение – основной аспект Божьего проявления Себя. В самом деле невозможно думать об откровении Бога без закона, потому что это означало бы, что в определенном и вполне осознанном намерении Бога не включаются ни природа, ни никто. Поскольку Бог полностью самоосознанный и у Него нет невыясненных возможностей, неразработанных аспектов, у Него полный и разработанный закон, и этот закон основной для Его откровения. Бог не может раскрыть Себя без закона, ни может закон утвердиться без раскрывающегося Бога.

Значение всего этого состоит в том, что никакое знание о Боге невозможно, если закон отвергается. Отвергать закон, значит отрицать природу Божью, и отрицать значение Бога Сына и Его искупления. Познание Бога не *через* закон, а через милость Божья и через веру, но это познание Бога неотделимое от закона. Приоритет у Бога, не у закона, но закон нельзя отделить от Бога больше, чем Его природу можно отчуждить от Него Самого.

Бартианизм, потому что он антиномный, логически предполагает бога, который непознаваемый и вне определения. Бартианский бог не дает закон, потому что у него самого нет закона, нет определенной природы. Через термин “свобода от Бога” бартианцы имеют ввиду свободу от любого природного закона. Неудивительно, что следующий шаг теологически был объявить смерть этого бога.

XIII ЗАКОН В НОВОМ ЗАВЕТЕ

1. Христос и закон

Одна из наиболее важных и наиболее неправильно понимаемых деклараций, касающихся закона, есть декларация нашего Господа в Нагорной проповеди:

Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна нота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все (Мат. 5:17, 18).

Для идеи об использовании употребляются две различные слова. Слово, переведенное как “исполнить” в ст. 17 есть *plerosai*, связанное с *pleroma*; оно означает сделать полным, до верха, наполнить, проникнуть, причинить изобилие, пропитывать собой. О христианах говорят, что они *plervusthai*, полные силой Святого духа (Кол. 2:10; Еф. 3:19). Христос наполняет вселенную Своей силой и деятельностью (Еф. 4:10, *pleroun*). Слово означает наполнить и сохранять полным, т.е. придать силу постоянной вещи. Так наш Господь объявляет, что он пришел привести закон в действие, и сохранить его в силе.

В стихе 18 употребляется слово *genetai*, от *ginomai*: стать, приходиться, произойти. Следовательно закон должен стать действительностью жизни мира до конца мира. Это дает нам очень различную точку зрения касательно значения выражения “пока не исполнится все,” чем те интерпретации, которые видят его значение как законченное, т.е. исполнение закона как конец закона. Нет никакого намека о таком значении в тексте.

Вместо этого, Христос как Месия или Царь, потому что Он пришел, объявляет снова действительность закона и Свое намерение привести его в силу. Это выразил с большой силой Стефен Маршал, в “Проповеди, произнесенной перед Палатой Общин в Парламенте во время их общественного поста, 17-ого ноября, 1640 года”:

Первое. . .

Это скипетр, которым управляет Христос: Жить в Его мире с людьми есть величайшее доказательство о том, что они должны своему *Принцу*, и что Он признает их своими *Поданными*. Можно ли считать некоторую Страну частью владения Принца, если она не управляется Его законом? И можно ли считать некоторую землю Царством Христовом, где не проповедуют Слово, которое есть *Жезл Его власти*? А Господь всегда считал, что те, которые препятствуют Его слову, не принимают власть Христа над собой.

Второе, если все хорошие законы в мире собрались бы без этого, это не привело бы ни к чему; прикажите что вы сможете, оставляя это несделанным, и вы никогда не сделаете то, что намеревались. Магистраты и министры правосудия не исполняют их, и народ не будет повиноваться им. *Ибо наполнились все мрачные места земли жилищами насилия. Но если Христос жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого, тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их.* Ничего не будет повреждено или разрушено, там где управляет скипетр Христа: Ваши Законы не могут дать людям новые сердца, ни новую силу; это привилегия Законам Христа.^[1]

Факт, что Царь приходил, чтобы провести в жизнь Свое царствование и Свой закон, очень резко выложил Иоанн Креститель. Он говорил о “будущем гневе” (Мат. 3:7; Лук. 3:7), т.е. о суде Царя. “Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь” (Мат. 3:10; Лук. 3:9). Царь намеревался судить и “очистить гумно Свое” (Мат. 3:12). Когда верующий народ спрашивал Иоанна “что же нам делать?” (Лук. 3:10), Иоанн отвечал им, что они должны делать две вещи: первое, повиноваться закону, и второе, показать милосердие к нуждающимся (Лук. 3:11-14).

Искушение Христа невозможно понять вне закона. Испытания, предложенные сатаной, требовали декларацию о независимости от Бога и Его закона, и выбор воли творения как верховный закон. Ответ Христа каждому искушению был цитатой из закона: Втор. 6:16; 8:3, и 10:20 (ср. Ис. Н. 24:14; I Цар. 7:3). Направление истории надо извлекать не от воли человека, а из Божьего закона. Как Царь Иисус объявил Божий путь или “*tora*h”, и как Царь он выгонял бесов (Лук. 4:31-37). Бесы признавали Его царствование (Лук. 4:3; ср. Ис. 49:7). Иисус объявил Себя “Сыном Человеческим и господином субботы” (Мат. 12:8; Лук. 6:5; Мар. 2:28).

Нагорная проповедь в частности определяет Христа как Царь и Законодатель. Он вызвал сравнение с Моисеем, объявляя закон с горы (Мат. 5:1); Он выяснил, что Он более великий, чем Моисей, что Он Бог Царь, заявляя не “Так сказал Господь,” а “Я говорю вам” (Мат. 5:18).^[2] Во Второзаконии Бог произносит проклятия и благословения; в Нагорной проповеди Иисус Сам произносит благословения и блаженства (Мат. 5:3-11). Как суверенный и универсальный Царь, Иисус тоже есть источник всего закона, и Сам закон или направление существования. Как такой принцип закона и источник всего благословения, Он объявил Себя новым лозунгом, которым надо испытывать и судить людей. Святой Петр определяет Иисуса как пароль Бога: “Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись” (Деян. 4:12).

Как Царь, Иисус с ударением подчеркивал Свой суверенный закон:

Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное (Мат. 5:19-20).

Поскольку Он законодатель, Иисус определяет тоже проклятия и благословения закона; здесь Он говорил о временных и вечных последствиях закона и объявил Себя определителем этих последствий. Это была одна из присущих идентификаций Бога и закона с Христом.

Потом Христос занялся разработкой полного применения законов, их личных, как и гражданских применений, их требований к сердцам, как и к рукам. Гневаться “напрасно” на своего заветного брата, значит иметь убийство в сердце своем (Мат. 5:21-24). Прелюбодеяние запрещается и в мысли, и в действии (Мат. 5:27-28). Библейский закон о разводе восстанавливается заново (Мат. 5:31-32). Делается ударение на третьей заповеди и ее проведения в жизнь, против небрежного использования клятвы (Мат. 5:33-37). Ограничения закона в обращении с чужой силой, которая контролирует закон, цитируются в Мат. 5:38-42; закон не может приводиться в действие врагами закона. Даже тогда наша обязанность – подчиняться закону, и любить наших врагов, потому что любовь есть исполнение закона (Мат. 5:43-48).

Законы о благотворительности анализируются тоже в смысле их внутреннего повиновения, какие бывают и требования к богослужению и молитве (Мат. 6:1-23).

Требуется доверие в управлении царя (Мат. 6:24-34). Бог Царь знает наши нужды; мы не смеем сомневаться в Его управлении, ни быть “маловеерами” (Мат. 6:30).

Личные стандарты не могут быть принципами суждения; единственный критерий есть Божий закон (Мат. 7:1-5). Даются предупреждения о нашем праве судить, и нам заповедается доверять Богу, который более верный нам, чем наши человеческие родители. Испытание о гражданстве в царстве Божьем есть повиновение: “кто слушает слова Мои” (Мат. 7:24). Уповать на Христа и Его закон-слово значит строить на “камне” (древний символ Бога), а уповать на человеческое слово значит строить на песке. Один курс ведет к надежности, другой к бедствию (Мат. 7:21-27).

Нам говорят об удивлении Его слушателей, “ибо он учил их как власть имеющий, а не как книжники и фарисей” (Мат. 7:29). Слово, переведенное как “власть” есть *exousia*, которое означает право выбора, авторитет, свободу делать что нравится, сила права. Иисус учил с авторитетом; Он объявил Себя принципом проклятий и благословений; люди стоят крепко или падают в зависимости от Него. В Его лице Второзаконие 28 получает новую силу, потому что Он воплощенный закон, воплощенный Бог, “путь” (Иоан. 14:6).

Фарисеи и правители понимали это лучше, чем ученики и народ. Как напротив этой свободной интерпретации закона, Иисус объявил Себя сторонником закона в его полной силе, и Себя Законодателем. Поэтому они пытались через дело женщины, взятой в прелюбодеянии, принудить Его выдать непопулярное решение (Иоан. 8:11). В связи с налогами они опять попытались притеснить Его сделать декларацию, которая повредила бы Его позицию сторонника закона (Мат. 21:15-22; Мар. 12:14; Лук. 20:22). Саддукеи пытались свести на нет доктрину о воскресении, как и закон о левирате, и опять Иисус сразил их при помощи Святого писания (Мат. 22:23-33).

Многочисленные вызовы к Иисусу со стороны лидеров народа были касательно закона. Делались определенные усилия, чтобы отвергнуть Его статуса сторонника закона, потому что претензии Христа были обвинением против установленного правового порядка, против правителей тех дней. Например, в паре с блаженствами Нагорной проповеди шло проклятие над лидерами народа, извратителями закона, которое Иисус произносил много раз, особенно в Мат. 23. На тех извратителей закона упадет “вся кровь праведная, пролитая на земле” (Мат. 23:35), требуя полное мщение закона. Невозможно было произнести более ужасное проклятие; отсюда и их приговор был строжайшим в истории. “Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доньше, и не будет” (Мат. 24:21). Это был приговор Царя, который объявил что “дана Мне всякая власть на небе и на земле” (Мат. 28:18). Эта власть несет тотальное проклятие тем, которые противопоставляются Ему, Его царству, и Его закону; но Он Сам блаженство для Своего заветного народа.

2. Женщина взятая в прелюбодеянии

В течении нашего анализа закона многократно делались ссылки на подтверждения закона в Евангелиях. Наша цель здесь не повторять этих подтверждений, ни пытаться составить обширный каталог всех ссылок на закон в Евангелиях. Одно событие, однако, хотя и цитированное несколько подробно раньше, заслуживает дальнейшего внимания: рассказ о женщине, взятой в прелюбодеянии, в Иоан. 8:1-11. Поскольку этот отдельный случай цитировался как пример об оставлении закона, как главный пример, он нуждается в дальнейшем внимании, потому что на самом деле он *подтверждение* закона.

Если инцидент был всецело противозаконный, он бы дал книжникам и фарисеям точное обвинение, которым они хотели осудить Иисуса. Иисус обвинял книжников и фарисеев именно в антиномии; Он строго разоблачал их публично за их пренебрежение к закону за счет традиции (Мат. 15:1-10). Против этого обвинения никакой ответ не был возможным: ясное что вожди народа выталкивали закон посредством их гуманистской правовой традиции. Вся сущность атаки этих вождей состоялась в попытке показать, что Иисус, столкнувшись с грубыми фактами конкретного случая, был бы не больше строгим сторонником закона, чем были они. Лучший пример о такой попытке затруднить Иисуса был этот инцидент с женщиной, взятой в прелюбодеянии. Требовать полное применение закона, смертную казнь, значило бы вызвать враждебность, потому что преобладало поведение моральной распушенности. Отречь смертную казнь дало бы возможность фарисеям обвинить Христа в лицемерии: тогда Он был бы из той же школы мысли, как фарисеи, которых Он осуждал. Совсем очевидно, что Иисус не занял антиномную позицию, поскольку фарисеи разошлись, сраженные, и этот эпизод очевидно утвердил Иисуса как сторонника закона.

Женщина была “взята в прелюбодеянии” (Иоан. 8:4). Женщину “привели к Нему.” Мы не можем допустить, что она пришла добровольно. Ее может быть тащили туда, но текст не указывает это. Видимо

“книжники и фарисеи” упражнили свою полицейскую власть, или при помощи властей использовали такую законную силу, какая была необходимая, чтобы принудить ее к сотрудничеству. Имея такую законную власть, они требовали тоже, чтобы Иисус председательствовал слушание дела. Мужчину, замешанного в действии, не привели; мы не знаем причину этому, хотя кажется что он утежил бы “нарушение” Иисуса, если бы потребовал смертное наказание для женщины, или если с другой стороны потребовал освободить прелюбодейку. Более эмоциональной реакции можно было добиться использованием неверной женщины, нежели неверного мужчины. “А Мойсей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его” (Иоан. 8:5-6). Причина инциденту показывается ясно: искались основания для обвинения против Иисуса. Продолжал ли бы Иисус настаивать, что он сторонник закона, или отделался бы Он использованием какого-нибудь аспекта фарисейской традиции?

“Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимание” (Иоан. 8:6). По этому пункту комментарий Бургона исключительно показательный и заслуживает полное цитирование:

Книжники и фарисеи привели женщину к нашему Спасителю с обвинением в прелюбодеянии. Этот грех превалировал среди евреев до такой степени, что Божественное законодательство касательно такого обвинения давно уже пало в практическое забвение. В настоящем случае наблюдается как наш Господь оживляет Свое древнее распоряжение неслыханной до сих пор манерой. Суд при помощи горькой воды или воды осуждения (См. Числ. 5:11-31), был один из видов суда испытанием, предназначенный для оправдания невинного или для осуждения виновного. Но согласно традиционному верованию испытание оказывалось неэффективным, если супруг сам был виновен в преступлении, в котором он обвинял свою жену.

Рассмотрим теперь положения закона, содержащегося в Числ. 5:16-24. Когда обвиняемую Женщину приводили пред Господа, священник брал “святой воды в глиняный сосуд” и полагал “земли с полу скинии в воду.” Тогда через горькую воду, что причиняла проклятие в его руке, он обвинял женщину через клятву. Потом он вписывал проклятия в книгу и пачкал их горькой водой; и принуждал женщину пить горькую воду, которая причиняла проклятие. Вследствие чего если она была виновной, она попадала под ужасным наказанием, - ее тело видимо свидетельствовало об ее грех. Если она была невинной, не последовало ничего.

А теперь кто не видит, что Святой Единственный обращался со Своими лицемерными искусителями как с обвиняемой стороной? Они стояли на самом деле перед лицом воплощенного Иегова: и может быть когда Он, наклонившись низко, писал перстом на земле, то, что Он писал был горький приговор против прелюбодецов и прелюбодечек. Мы можем допустить только некоторую связь между проклятием, которое Он так написал “в прахе на полу скинии,” и словами, которые Он произносил Своими устами, и можно с уверенностью заявить, что Он “взял земли с полу скинии и положил в воду” и “принудил их пить горькую воду, что причиняла проклятие.” Потому что когда Своим Святым Духом наш великий Главный Священник в Своей человеческой плоти обратился к этим прелюбодецам, - что Он сделал другое, чем то, что предложил им “святую воду в глиняном сосуде”? (Числ. 5:17, ср. II Кор. 4:7; 5:1). Не наложил ли Он на них потом клятву проклятия, говоря “Если вы не шли в сторону к нечистоте, вам ничего не будет от горькой воды: но если вы развращенные?” – Поставленные перед такой альтернативой, “и будучи обличаемы совестью,” не удалились ли они “один за другим”? И что это могло быть другое, кроме их собственное оправдание грешной женщины, о чьем осуждении они как-будто очень беспокоились? Очевидно это была “вода осуждения” как ее называли шесть раз, которую они были принужденные выпить; вследствие чего, “обличаемые совестью,” как сообщает святой Иоанн, они произнесли оправдание других. Наконец отметим, что Своей склонностью “осудить” обвиняемую женщину, наш Господь на самом деле тоже запачкал эти проклятия, которые Он уже написал против нее на полу, - когда Он сделал пол храма Своей “книгой.”^[3]

Из-за того, что этот инцидент имел место в храме, комментарий Бургона еще более уместный. В пыле храма Он писал, удовлетворяя требования закона. Его действие поставило каждого обвинителя на суд непосредственно; что они осознали это, выясняет сам текст, потому что нам рассказывают, что все разошлись “обличаемые совестью” (Иоан. 8:9).

Обвинение против женщины подняли “книжники и фарисеи.” Их обвинения представляли ясное дело против женщины, взятой в прелюбодеянии “с поличным.” Контробвинения Иисуса, через Его действия и через Его декларации, “Кто из вас без греха, первый брось на нее камень” (Иоан. 8:7), сломали их. Как сами виновные люди, они подозревали наличие тайного доказательства с Его стороны против них. Они занимались попытками собрать доказательства против Иисуса; поэтому для них было легче поверить, что Иисус делал тоже самое о них.

Эти книжники и фарисеи предпочли обвинить женщину они сами, на место ее супруга; Иисус поставил их в качестве супруга, взывая к Числ. 5 Своим писанием на земле. Если они были виновными, и Иисус знал их вину, тогда если Он потребовал бы смертную казнь, не мог ли Он обвинить и них тоже? Заклиная Числ. 5, Иисус на самом деле привел их тоже к суду: пришли ли они на суд чистыми руками?

Нельзя приписывать фарисеям “высокие моральные стандарты.” Эти люди планировали смерть Иисуса. Перед лицом их преднамеренных и рассчитанных планов против Божьего Мессии, грех прелюбодеяния был пустячным делом для таких людей. Они боялись обвинения против них, которое могло бы вызвать Божье требование смертной казни.

Когда Иисус говорил: “Кто из вас без греха, первый брось на нее камень” (Иоан. 8:7), он не имел ввиду грех вообще, а грех прелюбодеяния. Общая постановка могла бы означать, что никакой суд невозможен; специфичная ссылка означала, что люди, виновные в каком-либо преступлении, не имеют моральное право осуждать то же преступление у других, иначе они обвиняют самих себя. Нам рассказывают, что все эти книжники и фарисеи тогда были “обличаемы совестью” (ст. 9).

Более того, Иисус *подтвердил* смертное наказание; Он просто требовал честное свидетельство, чтобы идти дальше и экзекутировать ее, чтобы “первый брось на нее камень” (ст. 7). Оставаться свидетелями против нее значило вызвать свидетельство против них самих; чтобы подтвердить свидетельство и утвердить смертную казнь против женщины, значило навлечь смертное наказание и на себя. Они бросили это дело.

Иисус, восклонившись и не видя никого кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? Никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи! Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грешни (Иоан. 8:10-11).

В этот момент необходимо различать гражданское прощение от юридического прощения. Гражданские прощения бывают, когда осужденное лицо платило штраф за свое преступление, когда делалось возмещение и удовлетворялись моральные требования закона. Вор, который украл у человека вол, и восстановил его стоимость

пятикратно, этим прощен. Религиозное прощение требует как главное условие возмещение, или гражданское прощение. Вора нельзя простить религиозно, если он не исполнил возмещение.

Подобное различие существует между гражданским осуждением и религиозным осуждением. Гражданское осуждение полагается за преступления против гражданского закона; религиозное осуждение полагается одновременно за преступления против гражданского закона, и за неверие в Бога и в Его закон-слово. Оба вида прощения и осуждения различные, но связанные между собой.

Иисуса попросили произвестись по гражданскому закону в связи с прелюбодеянием; Он подтвердил смертное наказание. Свидетели однако взяли назад свое обвинение и разошлись. Таким образом юридический процесс против женщины не состоялся. Юридически Иисус не мог, следовательно, поддерживать обвинение: “И Я не осуждаю тебя.”

Но моральное дело существовало. Смирение женщины, признавая что Он “Господь,” показывает некоторую перемену в ней, и может быть новое рождение. Однако Иисус просто сказал: “иди, и впредь не греши,” что отражение Его слов в Иоан. 5:14, “не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже.”

Более чем возможно, что она была религиозно изменившейся личностью, и опрощенной Божьей милостью. Нам рассказывают просто, что в этот момент не существовало основание для юридического осуждения. Это не отменяет последующее юридическое обвинение; ее супруг, если у нее был таков, не появляется в этом эпизоде, но у него могли бы быть основания для некоторого вида судебного дела согласно существующему закону, если он решил так. Это не касается текста. Ей дали оправдание в зависимости от доказательств непосредственного “слушания дела.” Иисус признал действительность ее преступления Своим предупреждением: “Иди, и впредь не греши.” Факт этого предупреждения показывает некоторые свидетельства о перемене в ней, поскольку было против практики нашего Господа предупреждать тех, которых было невозможно предостеречь (Мат. 7:6). Потому что для Христа неосновательно говорить нерожденной заново личности “впредь не греши.” Отдельный грех, о котором шла речь, был прелюбодеяние. Ей возложилась ответственность за добродетельность как один из аспектов ее новой жизни в Христе.

Женщина обратилась к Иисусу, говоря “Господи” (Иоан. 8:11); книжники и фарисеи звали Его просто “Учитель” (ст. 4), и ученики сами часто говорили Ему просто “Равви” (Иоан. 1:49). Ее поведение здесь показывает изменившуюся личность.

Вкратце, вместо какое-нибудь доказательство об антиномии, этот эпизод подчеркнуто подтвердил позицию Иисуса как сторонника закона, и Он сокрушил попытки книжников и фарисеев доказать обратное.

Таким образом здесь показывается грех фарисейства. Фарисейство, *первое* и прежде всего отрицало необходимость в обращении в веру. Человек способен спасти себя через свою свободную волю и без посторонней помощи, выбрать между добром и злом, и сделать себя добрым. Следовательно утверждались свободная воля и самоспасение, а предопределение и обращение в веру отрицались.^[4] *Второе*, хотя и прокламировали, что придерживаются к Божьему закону, на самом деле фарисеи превратили его в человеческие традиции. Итак, они отрицали библейские доктрины об оправдании и достижении святости, и в соответствии с этим были специфичной мишенью для Христова разоблачения. Фарисеи, объявляясь защитниками Божьего слова, на самом деле были его врагами и извратителями.

2. Атака на антиномии

Несколько вопросов разделяли религиозных лидеров от Иисуса. Они отвергали Его точную и безоговорочную декларацию об Его призвании как Мессия; они отрицали Его уникальный статус Божьего Сына; они отвергали Его требование о религиозной реформации в смысле Его Самого; и они сильно возмущались его атакой на традицию. Как сторонники закона согласно их религиозной и гражданской традиции, лидеры народа возмущались обвинением Иисуса, что они на самом деле были незаконными. Для них традиция была жизненным и необходимым развитием закона; таким образом давался приоритет традиции над законом. Фарисеи однако видели свою традицию как неотделимую от закона. Иисус с другой стороны атаковал их традиции как извращение закона.

Вопрос поставился остро на третьей пасхе. Согласно Мар. 7:1-23 (ср. Мат. 15:1-20), книжники и фарисеи атаковали Иисуса за предполагаемое нарушение закона со стороны нескольких Его учеников. Эти ученики ели “хлеб нечистыми, то есть неумытыми руками” (Мар. 7:2). Это не значит, что эти ученики ели грязными руками, а просто неумытыми церемониально руками. Это было “предание старцев” (ст. 3). Это была ритуальная форма отделения от “нечистого” мира, и рассматривалось как один из аспектов закона и как форма святости.

Атака Иисуса на этот привидно безвредный обычай была в очень сильных словах:

Он сказал им в ответ: хорошо пророчествовал о вас лицемерам Исаия, как написано: “люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим”: Ибо вы, оставивши заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш, и делаете многое другое, сему подобное (Мар. 7:6-8).

Ученики Иисуса обвинялись в нарушении закона; ответ Иисуса должен был отречь действительность их сотворенного человеком религиозного закона, и назвать их закон “заповедями или преданиями человеческими.” Книжники и фарисеи назывались “лицемерами” и их богослужение описывалось как “тщетное” или пустое. Александр интересно комментирует стих 7:

Буквальный перевод древнееврейских слов гласит: *и их страх от Меня* (т.е. их богослужение) *есть* (или *станет*) *правило человеческого, вещь наученная*. . . . В применении этого пассажа нашим Спасителем к лицемерам того времени, Он имеет ввиду особенно религиозных учителей, портящих закон своими непозволенными добавлениями.^[5]

Воздвигание безвредной традиции до статуса, равным Божьему закону и одинаково обязательной для человека, полностью осуждается Иисусом. Закон означает закон Бога, не заповеди людей. Так, обвинение книжников и фарисеев против некоторых из учеников обратились против них: они оказались правонарушителями. “И делаете многое другое, сему подобное” (ст. 8).

Одна из этих вещей потом цитируется отдельно:

И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы собласти свое предание? Ибо Моисей сказал: “почитай отца своего и мать свою,” и: “злословящий отца или мать смертию да умрет.” А вы говорите: кто скажет отцу или матери: “корван, то есть, дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался,” – Тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей, Устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное (Мар. 7:9-13).

Закон Моисея (ст.10) идентифицируется как “заповедь Божия” (ст. 9) и “слово Божие (ст. 13). Закон Моисея не может сводиться к размерам национального закона только Израиля, ни к чему-нибудь переходному: он неизменная заповедь или слово неизменного Бога. Книжники и фарисеи обвиняются в изменении, отвергании, и аннулировании Божьего закона.

Закон Божий взыскивает уважение к родителям и поддержание их экономически в их нужде. Злословить родителей значит навлечь на себя смертное наказание. Неподдержание родителей, согласно Иисусу, есть форма злословия их.

Книжники и фарисеи, однако, освобождали людей от обязанности поддерживать своих родителей. Объявляя свои средства “Корван,” такие люди могли определить свой целый доход или часть его в дар храму, или священникам и левитам. “Что такие вещи позволялись и приветствовались можно доказать некоторыми изъяснениями из Талмуда, и особенно знаменитым диспутом между рави Елиезером и его братством, в котором сам акт, который здесь описывается, оправдывался этим братством.”^[6] Таким образом религия использовалась чтобы оправдать нарушение Божьего закона (ст. 12). Иисус еще раз заявил: “и делаете многое сему подобное” (ст. 13). Их нарушение Божьего закона не было случайным: оно было основным и радикальным. Своей традицией они уничтожили эффект Божьего слова.

Книжники и фарисеи гордились собой, как информирует нас святой Павел, тем что они были лидерами слепых, “путеводителями слепых” (Рим. 2:19). Они видели свои традиции как действительное и важное средство для направления слепых. Теперь, когда Ему сказали, что фарисеи оскорбились Его замечаниями, Иисус развил вопрос дальше:

Он же сказал в ответ: всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится; оставьте их: они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму (Мат. 15:13-14).

Фарисеи были “слепые вожди слепых,” и их судьба была яма. Но даже больше, Иисус подчеркнуто отверг *всякий закон*, исключая законов, данные Богом: “всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится.” Поскольку предмет спора был закон, Его ссылка на “растение” очевидно касается закона, хотя и намеревалось больше, потому что делается обобщение. Специальный пример, на основе которого делается обобщение, есть закон Божий, и главное значение обобщения есть закон. Следовательно, каждый правовой порядок, которого не насадил Бог, не основанный верно на Божьем законе, должен “искорениться.” Осуждается не только антиномия, но и легализм, который заменяет закон Божий человеческим законом.

То, что оскверняет человека, которое делает его нечистым пред Богом, идет изнутри. Беззаконие есть замена Божьего пути человеческим путем, Божьего закона человеческим законом. Беззаконие заявляет: “подлинно ли сказал Бог...?” (Быт. 3:1). Внешний акт беззакония есть продукт внутреннего осквернения, которое потом оскверняет внешний мир своими действиями:

Далее сказал: исходящее из человека оскверняет человека; ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Все это зло извнутри исходит, и оскверняет человека (Мар. 7:20-23).

Фарисеи были энвиронменталистами; то, что приходит извне, оскверняет человека. Обратно этому Иисус подчеркнуто делал ударение на сердца человека как источник осквернения. Энвиронментализм ведет к антиномии, потому что он отрицает ответственность за счет обусловленности окружающей средой. Закон Божий делает ударение на ответственности и не позволяет никакому человеку избежать ее. Чистота для фарисеев становилась постепенно церемониальным делом, вопрос изолирования себя от загрязняющего мира. Согласно Иисусу, однако, каждый человек есть свой собственный источник загрязнения; “извнутри,” заявляет Он, обратно фарисеям, а не извне приходит осквернение. Из-за этой антиномии фарисеи логически разработали новый закон, человеческую традицию, чтобы избежать антиэнвиронменталистскую силу Божьего закона. Их церемониальные омования таким образом не были безвредными: через такие омования они принимали, что мир был источником загрязнения, а не их собственная павшая природа. Поэтому было неизбежно, что они предпочитали свою традицию Божьему закону. Атакуя фарисеев, Иисус тем самым осуждал любую форму антиномии во все времена. Следовательно антиномия не может никогда законно назвать себя христианской.

Если мир – основной источник загрязнения, логика закона требует изменение условий окружающей среды; надо перестроить мир, чтобы спасти человека. Если основной источник осквернения есть, как заявляет Иисус, “извнутри, из сердца человеческого,” тогда спасение человека есть обращение в веру или новое рождение. Надо переделать человека, если надо спасти сам мир. Таким образом перед нами две противоположные доктрины о спасении и о законе.

3. Преображение

В евангелиях подчеркивается связь между Иисусом и Моисеем. Подобно Моисею, Иисус дает закон с горы. Моисей посредничал между Богом и Израилем, тем самым разъясняя функцию более великого Моисея. Пророчество касательно Мессии было, что Он будет подобным Моисею (Втор. 18:18-19). Как Моисей вел Божий народ из плена к свободе, так и более великий Моисей будет вести Божью заветную расу.

Сравнение между Моисеем и Христом особенно ясное в рассказе о преображении (Мат. 17:1-9; Мар. 9:2-10; Лук. 9:28-36). В некоторых пунктах это сравнение замечательное.

Первое, прежде всего событие произошло на горе. Большинство комментаторов занимаются определением горы, вместо анализа значения ухода в гору. В других местах тоже было возможно уединение. Ясное, что выбор горы вызывал сравнение с Моисеем, и Иисус сознательно исполнил пророчество, присущее для образности. Как Моисей пошел в гору после первого бедственного эпизода, чтобы вернуться с подновленными таблицами закона, и сам он преобразенный, так и Иисус взошел на гору. Он уже дал закон с горы, т.е. Свое подтверждение закона в Нагорной проповеди. Теперь, подобно Моисею, Он должен был преобразиться. Преобразенный Моисей дал наставления о постройке скинии; преобразенный Христос, как настоящее временное присутствие Бога, исполнил все, что характеризовало жертвоприношение в старой скинии. Факт, что ученики были склонными ожидать буквальное восстановление политической мощи Израиля, подтверждался через явление преобразования; в рамке их настоятельных ожиданий преобразование как будто подтверждало их надежду.

Второе, Иисус “преобразился пред ними.” Матфей рассказывает нам, что “просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет” (Мат. 17:2). Марко объясняет, что “одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может избелить” (Мар. 9:3), а Лука представляет, что “вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающую” (Лук. 9:29). Таким образом преобразование Моисея повторилось и при этом еще лучше.

Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами от того, что Бог говорил с ним. И увидел Моисей Аарон и все сыны Израилевы, и вот, лице его сияет, и боялись подойти к нему (Исх. 34:29-30).

И когда Моисей перестал разговаривать с ними, то положил на лице свое покрывало. Когда же выходил Моисей пред лицо Господа, чтобы говорить с Ним, тогда снимал покрывало, доколе не выходил. А вышедши пересказывал сынам Израилевым все, что заповедано было. И видели сыны Израилевы, что сияет лице Моисеево, и Моисей опять полагал покрывало на лице свое, доколе не входил говорить с Ним (Исх. 34:33-35).

Переживание Моисея повторяется на горе, чтобы показать Иисуса как более великий Моисей.

Третье, “И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом” (Мар. 9:4). В их лицах закон и пророки свидетельствовали о Великом Законодателе и Верховном Пророке.

Было очевидно особое соответствие в каждом случае. Один был великим представителем Закона, который был “детеводителем” или “домашним учителем,” ведущим людей к Христу, а другой был из немало братства пророков. Одному было сказано, что, “Пророк... такой как ты” (Втор. 18:18) должен прийти в будущие дни, кого люди должны слушать; о другом сказано, что он должен прийти опять, чтобы “обратить сердца отцов к детям” (Мал. 4:5). Окончание службы каждого было не после “общей смерти всех людей.” Никакой человек не знал гробницу Моисея (Втор. 34:6), а Илия понесся в “колеснице огненной с конями огненными” (IV Цар. 2:11). В человеческом сознании оба связывались с величием царства Христа. Иерусалимский комментарий Исх. 13 связывает пришествие Моисея с пришествием Мессии. Другое еврейское предание предсказывает его появление вместе с Илией. Теперь их присутствие было свидетельством, что их дело сделано, и что Христос пришел.^[7]

Вместо о том, что их дело сделано, о чем однако текст не дает никакого намека, присутствие Моисея и Илии с Иисусом свидетельствует об их единстве. Их дело и служба были одно слово и одна служба; невозможно сделать никакого разделения между Иисусом, и законом и пророками. Моисей и Илия “явились во славе” (Лук. 9:31), а и сам Иисус преобразился и прославился, так что трое они раскрывают вместе великолепие Бога.

Четвертое, “они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме” (Лук. 9:31), буквально “уход” или “отъезд,” а некоторые версии переводят греческое слово *exodon* даже и как “смерть.” Лука выбрал слово не случайно. Моисей вел Божий народ при его исходе из Египта; Илия свидетельствовал об его вероотступничестве, и следовательно о предстоящем исходе из обетованной земли. Теперь Иисус был должен исполнить настоящий исход в Иерусалиме. Своей искупительной смертью и воскресением Иисус вывел бы Божий народ из земли рабства в настоящую свободу. Тот же пункт разрабатывается и в Евр. 4, сравнивая Иисус Навин и Иисус Христос, как каждый вел Божий народ к его субботе или покою. Ударение здесь падает на предстоящий исход в Иерусалиме, а не на самое видение. Отсюда, когда Петр как будто сконцентрировался на факте видения, а не на его призыв к действию в истории, его заявление игнорировали (Лук. 9:33).

Никсон обратил внимание на интенсивное использование темы Исхода в Новом завете. Несколько из цитированных событий это крещение Иисуса Иоанном, “священное представление исторического Исхода Израиля, и в то же самое время введение к Новому Исходу спасения”; сорок дней искушения в пустыне “миниатюра сорока лет, которые Израиль провел в пустыне... Искушения Христа в основном те же, которым поддавался Израиль”:

Тому, что они были недовольными снабжением манной со стороны Иахве, соответствует Его искушение обратить камни в хлеб. Тому, что они поставили Бога на испытание в Массе, требуя доказательства об Его присутствии и силе, соответствует Его искушение прыгнуть с крыши Храма, чтобы принудить Бога сдержать Свои обещания. Тому, что они забыли Господа, который вывел их из Египта, и заменили Его литым золотым тельцом, соответствует Его искушение поклониться и служить сатане. Искушения Иисуса представлялись Ему не случайно, а нарочно подобранные из Моисеевского обобщения пустынной истории Израиля во Второзаконии. Если Иисус действительно был настоящим представителем Божьего народа, Он был должен тоже иметь Свое пустынное путешествие, и выдержать испытание, которое доказало бы Его самоличность, только без греха.^[8]

Посылание семидесяти учеников (Лук. 10:1 и т.д.) представляет тоже отражение переживаний Исхода (Числ. 11:16 и т.д.). “Будет тогда новое покорение Ханаана. Его города будут разрушены в день осуждения.”^[9]

Пятое, таким образом закон и пророки, и Сам Бог удостоверяли, что Иисус есть более великий Моисей. Голос Бога из облака (символ Бога на суде) заявил, “Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте” (Мат. 17:5). Святой Петр говорит нам что это точно значит:

Моисей сказал отцам: “Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня: слушайтесь Его во всем, что Он ни будет говорить вам; и будет, что вся душа, которая не послушает Пророка Того, истребится из народа” (Деян. 3:22-23).

Моисей дал закон; те, кто отказывал слушать его, отказывал подчиняться Божьему закону; этим они раскрывали свою природу нерожденных заново. Иисус подобен Моисею; Он – великий и верховный воплощенный Законодатель. Слушать Его значит слушать всех законов и пророков, и много больше. Отвергать Его значит отрицать закон и пророков, как и Его лично. Каждый человек, который не послушает Его, должен “истребиться из народа.” Во Втор. 18:19, которое цитирует Петр, текст гласит: “с того Я взыщу.” Угроза или обещание об истреблении появляется в Исх. 12:15,19; Лев. 17:4,9 и т.д. Крайнее значение “истребления” необходимое здесь и применяется Петром, потому что неповиноваться закону-слову Иисуса Христа значит быть радикально незаконной личностью.

Божье “слушайтесь Его” не призывает слушать Иисуса как напротив Моисея и Илии, потому что они появляются в великолепном единстве с Ним. Заповедь слушать Иисуса означает слушать Христа, чье слово тотальное в Святом писании, как напротив книжников и фарисеев, вождей народа. Они должны слушать Иисуса Христа, что означает слушать Моисея и Илию, как напротив сильных этого мира, и как напротив его философских и религиозных лидеров. Они должны слушать Иисуса, а не людей “рода неверного и развращенного” (Лук. 9:41).

Поэтому отделять закон от Иисуса Христа есть богохульство. Факт, что это делается, есть доказательство о религиозном упадке и крушении. Об этом факте свидетельствует письмо студента первокурсника известной семинарии, который гордится своей “ортодоксальностью”:

Доктор В. ставит всю дискуссию (об аборте) в чисто академическую сферу, когда он отделяет моральность от общества, говоря что поскольку у нас *демократия*, государство должно основывать свое решение касательно законов об аборте на воле мнозинства из народа. Если они считают, что аборт вредный для общества, они должны запретить его, если нет, тогда пусть режут!!! Его антиномия ужасная.

Я полагаю, что есть что-нибудь, которое я нахожу самым беспокоительным здесь (больше среди студентов, чем среди профессоров, но и среди последних до известной степени) – антиномия. Старая линия “Я не смешиваю религию с политикой.”... Очень плохо со стороны здешних людей, что когда я попытался дискутировать закон Божий в политике и обществе с одним из студентов здесь на первой неделе моего пребывания, он сказал что беда со мной в том, что я “упрямый как осел!”

Ну, знаете, я связывал многое с желанием соблюдать Божий закон, но никогда *этого!!!*

То, что беспокоило меня в связи с этим абортom, было что он более или менее принимался всеми; даже те, которые противопоставлялись аборту вообще, считали что “терапевтический аборт” морально оправданный. Если вы пытаетесь спасти матери, убийство оправдывается... Значит убийство “кого-нибудь” за правое дело есть О Кей. Трудно понять почему они не могут увидеть погрешность этого. Убийство есть убийство.^[10]

Эта позиция антибиблейская и антихристианская, как и вся антиномия неизбежно есть такая.

Спасение через Божью милость происходит через веру. Те которые вне милости чувствуют закон как обвинение; он смертный приговор против них. Те, которые в завете, они в завете милости, который тоже завет дел. Милость дает им возможность исполнить дела, которые взыскиваются от них. Война Иисуса была не против Моисея: она была против книжников и фарисеев, которые извращали Моисея. Отделять закона и пророков от Христа есть извращение Святого писания. Гора преображения свидетельствует об их единстве.

Фоулкс правильно указывал на единство завета и закона, на завет как принцип о предсказывании и еще как основание молитвы:

Замечательно тоже, что для Израиля Закон не точно постановление абстрактных принципов, внимательно выработанный кодекс поведения, формулированный как такой. Закон – выражение праведности и милости Бога. Он постановление принципов завета. Ветхозаветная постановка закона представляет завет при Исходе. Декалог начинается, “Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства.”

Закон, следовательно, содержит не точно кодекс, который должен соблюдать Израиль, а принципы Божьих действий в прошлом, которые остаются неизменными в настоящем и будущем.^[11]

Антиномия поощрила развитие гуманистского закона, а гуманистский закон стимулировал рост антиномии. Когда люди видят, что гуманистский закон принимает мессианский характер и в то же самое время разваливает основы общества, у них легко возникает теологическая враждебность к закону. В Святом писании однако закон направлен на пользу избранного народа, к завету милости; и как отметил Фоулкс, вводная фраза закона прославляет эту милость.

4. Царство Божье

Лука сообщает интересное высказывание нашего Господа о связи закона и пророков со Царством Божиим:

Слышали все это и фарисеи, которые были сребролюбивы, и они смеялись над Ним. Он сказал им: вы выказываете себя праведниками пред людьми, но Бог знает сердца ваши: ибо, что высоко у людей, то мерзость пред Богом. Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него. Но скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет (Лук. 16:14-17).

Силу этого последнего стиха невозможно уменьшить никоим образом. “Книжники и фарисеи подделывали ненарушимость законов, которые были не от сегодня или вчера – твердые как вечные горы – и им сказали, что их казуистика не может отменить положения этих законов ни в каком отдельном моменте, такой например как этот, который следует непосредственно.”^[12] Очевидно, стих 17 выясняет, что ни каком смысле закон не отменяется; он все еще в силе. Гелденгойс комментирует стихи 17 и 18 так:

17. Но вопреки тому, что с Его пришествием вводится новый порядок, новое распределение, это не значит что Божье откровение под Ветхим заветом отменяется или отвергается. Хотя у него подготавливающая природа, он остается (естественно в моральном и духовном смысле, и в полном свете божественного откровения, и через Иисуса) абсолютно авторитетным.

18. Возможные например нарушения моральных законов – прелюбодеяние продолжает быть прелюбодеянием, даже хотя время приготовления заменилось временем исполнения.^[13]

Проблема возникает в связи с первой части стиха 16, “Закон и пророки до Иоанна,” или как дает это версия Бэркли, “До Иоанна у нас были закон и пророки.” Невозможно, чтобы это значило, что закон и пророки больше недействительные, или не в силе, потому что это противоречило бы заключению стиха 17. Если “скорее небо и земля прейдут, нежели одна йота из закона отнимется” (версия Бэркли стиха 17), тогда у закона нельзя отнять и ничего другое – это имеет ввиду стих 16. Следующее положение стиха 16 подтверждает этот вывод: “С сего времени Царствие Божие благовестуется.” До Иоанна *благовествование* было от закона и пророков; теперь Бог Царь в лице Христа благовестует. Обе положения имеют дело с прокламацией: одно с предсказыванием, другое с пришествием. Христос Царь пришел: Царь есть Законодатель и великий применитель закона. Как Царь он приходит собрать Своих людей вместе, и владеть их наследством для них.

Следствие этого, что “всякий усилием входит в него” (ст. 16). Ленски переводит этот стих так: “Закон и пророки – до Иоанна, с тех пор благовестуется о Царством Божьем, и всякий энергично торопиться к нему.”^[14] Как отмечал Плумер, “у евреев больше не было исключительных прав.”^[15] В Новом завете теперь призывались все народы. “Есть такие еврейские пословицы, которые объявляют, что каждый, который виновный в размене этих подобных букв (йоты и различные от них буквы) в некоторых пассажах Ветхого завета, уничтожит весь мир.”^[16] Эти пословицы Христос отразил в ст. 17.

Те, которые “торопятся” к царству, не включают вождей народа, как выясняет Иисус в “притче” о Лазаре и богатым человеке (Лук. 16:19-31). Нигде в другом месте в притчах не даются имена личностей. Тертулиан в *De Anima* (VII) утверждает, что наличие имя показывает, что данное повествование не притча, а быль. Быль действительно учит нас тому, чему выдающиеся люди Иудеи не поверили бы: “если бы кто из мертвых воскрес, не поверят” (ст.31), как это скоро сделал Христос. С другой стороны, люди всего мира торопились к царству и подчинились его закону. Так с одной стороны книжники и фарисеи отвергали Иисуса Христа и подменяли закон человеческой традицией, а с другой стороны много людей торопились к царству, принимая Христа как свой Спаситель и Царь, и подчинились Его закону. Едерсхайм отметил что, “Сама притча ясно имеет ввиду фарисеев и их связь с мытарями и грешниками, которых они презирали, и ихнему служению противопоставляли свое владетельское положение.”^[17] О стихе 17 Едерсхайм отметил:

Да – правда, что Закон не может ошибаться в названии этого. Но, всеизвестно и в ежедневной жизни, что фарисеи, которые так много говорили о Законе и ссылались на него, были постоянными и явными нарушителями закона. Свидетельство этому здесь учение и практика касательно развода, которые действительно представляют нарушения седьмой заповеди.^[18]

Царь пришел и поэтому Царство Божие теперь показывалось так, как было невозможно, когда Бог управлял из скинии. Царь, объявляя Свое универсальное царствование и призывая всех народов земли торопиться к Нему, посредством этого был удален от царства Своими ложными заместителями (Мат. 21:43). О пассажах Нового завета, связанных с царством, Едерсхайм отметил:

В самом деле, анализ 119 пассажей Нового завета, в которых встречается слово “царство,” показывает нам, что оно означает *управление Бога*; которое *манифестировалось в Христе и через Христа; проявляется в церкви; развивается постепенно среди трудностей; триумфирует при втором пришествии Христа* (“конец”); и в конце концов *совершается в грядущем мире*. Имея ввиду это, объявление Иоанном нового Пришествия этого Царства имеет самый глубокий смысл, хотя как часто бывает в случае пророчества, этапы между Пришествием Христа и триумфом этого Царства как будто остаются скрытыми для пророка. Он пришел, чтобы призвать Израиля подчиниться Царствованию Бога, предстоящему осуществиться в Христе. Отсюда с одной стороны он призывал их к покаянию – “исправить путь” вместе со всем, что подразумевается этим; а с другой указывал им на Христа, прославляя Его Личность и Службу. Или скорее всего обоих можно суммировать в один призыв: “Исправьте путь” – покайтесь, что подразумевает не только отказ от прошлого, но и обращение к Христу в новом сознании. И поэтому символическое действие, которым сопровождается эта молитва, можно назвать “крещением покаяния.”^[19]

В Мат. 11:20-24 Иисус осуждает городов Израиля за то, что они отвергли Его. Содому и Тиру будет отраднее в день суда, нежели тем городам, где воцарилось фарисейство. Как напротив вождям Израиля, Иисус предлагает легкое “рабство” (Мат. 11:29-30). Это выражение связывается с обычным еврейским выражением тех дней, “принять рабство небесного царства,” в смысле “поклониться в повиновении закону.”^[20] Закон Израиля приходится невыносимым рабством для человеческой традиции, которая обессиливает закон Божий. На его месте Иисус предлагает легкое рабство Божьего закона. “В Его учении Царство еще раз становится царством милости и закона, и таким образом восстанавливается равновесие так прекрасно сохраненное в Ветхом завете.”^[21] Термин “царство небесное” означает то же самое, как “царство Божие”; привычка евреев избежать использование имя Бога вела к частому использованию первого термина.^[22]

В Господней молитве великая просьба в начале есть, “Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как и на небе” (Мат. 6:10). Молитва кончается так: “ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки.” Аминь” (Мат. 6:13).^[23] В царство входят через избирающую Божью милость; царством управляют заповеди Божьи, Его закон. Для этих в милости рабство благое, и время легкое, потому что милость соответствует закону.

5. Налоговые деньги

Один из наиболее известных рассказов Нового завета, это тот, который касается вопроса о налоговых деньгах: “позволительно ли давать подать кесарю, или нет?” Ответ Христа: “Отдавайте кесарею кесарю, а Божие Богу” (Мат. 22:15-22; Мар. 12:13-17; Лук. 20:20-26) – одна из самых известных сентенций Святого писания. Общее ее значение давно признается; о специфичном применении есть множество вариантов.

Намерение фарисеев снова – “уловить Его в словах” (Мат. 22:15). Лука более специфичный: “И наблюдая за Ним, подослали лукавых людей, которые, притворившись благочестивыми, уловили бы Его в каком-либо слове,

чтобы предать Его начальству и власти правителя” (Лук. 20:20). Имелся ввиду римский легат. Очевидно ожидания были что Иисус, выполняя закон, заявит, что в Израиле действительная только теократия, а не римские правила и законы. За этой стратегией стояли и фарисеи, и иродиане (Мат. 22:16; Мар. 12:13), небольшая политическая нерелигиозная партия тех дней. Иродиане поддерживали римский налог и династию Иродов, которую они предпочитали прямому римскому управлению. Нормально фарисеи были враждебными к иродианам, но они объединили свои силы в враждебности к Иисусу. Если бы Иисус противопоставился налогу, Его можно было разоблачить и передать римским властям для ареста и суда.

Вопрос предшествовался неискренним ласкательством; вопрос задавался как будто из-за встревоженной совести, а не для уловки. Они пытались подтолкнуть Иисуса к ответу, не заботясь о последствиях утверждая, что: “Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице, но истинно пути Божию учишь” (Мар. 12:14). Они надеялись, что такая почтенность принудит Его отречь законность римского налога. “Позволительно ли нам давать подать кесарю, или нет?” (Лук. 20:22).

Греческий текст выясняет, что налог был “поголовный налог,” а не косвенный налог.^[24] Лука использует *phoros*, более широкое слово, означающее ‘дань,’ как она платилась одной нацией другой; Матфей и Марко используют более специфичное *kenos*, или поголовный налог, который платили все индивиды для себя, и который раздражал их как знак о служении римском власти.^[25]

В Израиле уже был поголовный налог, который взыскивался Божьим законом в Исх. 30:11-16. Его цель была обеспечить гражданское искупление, т.е. покровительство или защита со стороны гражданского управления. Каждый мужчина в возрасте двадцати лет и старше должен был платить этот налог, чтобы Бог Царь защищал его при своем теократическом управлении Израилем. Таким образом этот налог был гражданской и религиозной обязанностью (но не и церковной такой).

Поэтому факт, что и Рим требовал тоже поголовный налог, был дополнительным обострением. Римская империя и император постепенно принимали божественную роль, требуя религиозные почести и прокламируя приоритет над религией. Таким образом поголовный налог был особенно оскорбительным, тем что он как будто требовал политеистскую веру, служение другим богам, а не настоящему Богу. Более того, иродианский налог был таким тяжелым, что имперское управление дважды принуждало Ирода уменьшать свои налоговые требования, чтобы избежать серьезных неприятностей. Иуда Галилейский раньше выдавал себя за мессию и призывал Израиля во имя Бога и Святого писания отказывать платить налоги. При подавлении восстания римляне были безмилостными (Деян. 5:37).

Положение обострилось еще в 29-ом году нашей эры, когда Пилат отчеканил монеты “носящие *lituus*, жреческий жезл, или *patera*, жертвенный шар – два символа имперской философии, которые были противными народу.”^[26] Позже этих монет изъяли из обращения, но они подчеркнули факт, что у римского рабства были религиозные оттенки.

Для Израиля эти религиозные оттенки происходили из права чеканить монеты, как показывает I Маккавей 15:6. “Израильяне рассматривали монеты и власть как синонимы, так что монеты являлись символом владычества правителей.”^[27] Во втором веке нашей эры Бар Кохба, ложный мессия, заменил римские монеты собственными, чтобы утвердить свою власть. Поэтому давать дань Цезарю означало признать власть Цезаря; одобрить дань Цезарю значило признать законность власти Цезаря. Вопрос, содержащийся в выступлении иродианов состоялся в том, было ли законным другое управление, чем Божье. Обвинители Христа считали, что Его роль Мессии означала отказ “давать подать кесарю” (Лук. 23:2), поскольку Мессия как Царь с их точки зрения должен был иметь исключительный суверенитет. Для Иисуса отказать право Цезаря облагать Израиль налогом означало мятеж, и дало бы основание для Его ареста. С другой стороны подтвердить право Цезаря на налог означало бы в глазах народа отрицание Его качества Мессии.

В ответ Иисус потребовал динарий; Он попросил его у Своих искусителей. Стауфер писал в очень важной главе под названием “История налоговых денег” следующее:

Иисус попросил монету, *динарий*. Почему? В обширной римской империи было много различных монет, которые ходили в законное обращение, старые и новые, большие и мелкие, имперские и местные, золотые, серебряные, медные, бронзовые, и латунные. Ни в какой другой стране не было так много различных видов монет в обращении, как в Палестине. Но монета, предписанная для налоговых целей во всей империи, был *динарий*, небольшая серебрянная монета. (То, что имелось ввиду в Мар. 12:16; Лук. 20:24 и Мат. 22:19 могло быть только серебрянный *динарий*, не золотая монета, как полагает Тициан в своем представлении налоговой обстановки, ни Иродовая монета, как часто принимается; потому что Иродовые монеты не назывались *динариями* и не были налоговыми деньгами, а они были местные медные монеты.) Иисус знал это, и поэтому он попросил серебрянную имперскую налоговую монету, используя латинское слово, римское официальное название, которое было в обращении в Палестине рядом с самой монетой. Принесите мне *динарий*, сказал Он. Он не достал один из собственного кармана. Почему нет? Сущность теперь не в том, имел ли Иисус у Себя в кармане такую монету, а была ли она у Его оппонентов. С иронией Сократа Он добавил: “чтобы Мне видеть его.” Почему? У Него было замысловатое намерение к Его искусителям, Он хотел по манере Сократа нанести им удар не *a priori* (как данное), но *a posteriori* (как следствие). Не их логика или моральное чувство, а их историческое положение и поведение вывели бы правду в свет. Надо было увидеть что-нибудь и сделать вывод из самого *динария*.^[28]

Когда вручили монету Иисусу, Он все еще не ответил на их вопрос “Позволительно ли давать подать кесарю или нет?” Вместо этого Он задал другой вопрос: “Чье это изображение и надпись?” (Мат. 22:20; Мар. 12:16; Лук. 20:24). Ответ конечно был “кесаревы.” Гелденхуис писал:

После их признания, что это кесарево, мастерское обращение Иисуса с ситуацией вывело на свет следующих два факта:

- (1) Монеты с изображением и надписью Цезаря использовались среди евреев.
- (2) Монеты очевидно собственность Цезаря, иначе они не носили бы его образ и надпись.

Из этих двух фактов следует, что евреи приняли имперское управление как практическую реальность, потому что обычный взгляд был, что власть правителя распространяется повсюду, где используются его монеты.^[29]

Вот так практическая реальность выяснилась. Эти люди использовали монеты Тиберия, которые носили “бюст Тиберия в олимпийской наготе, увенчанный лавровым венком, символом божественности.” Надпись гласила: “Император Тиберий Август сын Августа Бога” с одной стороны, и “Pontifex Maximus,” т.е. верховный жрец с другой. Символы включали тоже матери императора Юлию Августу (Ливию), сидящей на троне богов и держащей олимпийский скипетр в своей правой руке, а в левой оливковую ветку, чтобы показать, что “она была земным воплощением небесного Мира.”^[30] Следовательно монеты имели религиозное значение. Подчиняясь Риму и используя римскую валюту Израиль в известном смысле служил другим богам. Даже когда Иисус указал на их подчинению Цезарю, Он *почти* подтвердил сущность, которую имели в уме Его противники.

Потом пришел Его великий ответ: “Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу” (Мар. 12:17). Согласно Стауферу, здесь *отдавайте* означает “верните.” “Это первый великий сюрприз в этом стихе, и его значение состоит в том, что: платить дань Цезарю не только ваша бесспорная обязанность; это тоже ваш моральный долг.”^[31] Святой Павел использует тот же термин в Рим. 13:7: “Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк...” Иудея существовала внутри Римской империи, приобретая военные и экономические выгоды от империи, независимо желала ли она их или нет. Даже если задолженности к империи превышали выгоды от нее, народ был должен все-таки отдавать Цезарю свой долг.

И все-таки оба поголовные налога, один императору, а другой Богу, стояли в противоречии. Имперский налог служил “как ежедневную жертву за благоденствие римского императора”; он поддерживал империю как религиозную целость.^[32] Другой налог, который тогда называли храмовым, был Божьим налогом за поддержание Его святого порядка. Как было возможно платить обоих налогов? Согласно Стауферу, “Он подтвердил символизм власти, но отверг символизм богослужения. Но эта оговорка была сделана не как негативное высказывание, а скорее как положительное распоряжение – Божие Богу.”^[33] Стауфер прав, утверждая что согласно Числ. 8:13 и т.д. это означает, что “Все принадлежит Богу.”^[34] В те времена, когда говорил Иисус, библейский поголовный налог собирался весной, в месяце Адар. Более специфично, Иисус потребовал чтобы отдавали цезаревый налог Цезарю, а Божий налог Богу. Ранняя церковь очевидно признавала этот факт. Иером, комментируя Мат. 22:21, заявил: “Отдавайте кесарево кесарю, а именно монеты, дань, деньги; а Божие Богу, именно десятины, первые плоды, обеты, приношения.”^[35]

Отклонение Израиля от Божьего управления и закон поставило его под римским управлением и законом; он был обязан отдавать Риму дань, которой он был должен Риму. Рим не служил Богу, но Израиль тоже не служил Ему. Надо повиноваться любой власти, под которой мы находимся (Рим. 13:1-7). Теперь Рим был хозяином израильтян, и ему надо было повиноваться. Повиновение Богу требует повиновение всем, у которых мы находимся в подчинении. При искушении в пустыне сатана искушал Христа следовать путь империи: давать народу хлеб и чудеса; давать ему зрелища. Теперь другие искусители искушали Его отвергнуть все империи, все земные власти.

Христос победил опять это искушение своими словами о двойном долге повиновения пути и цели истории, царству мира и царству Бога. Христос сказал Мар. 12:17 *in conspectu mortis* (имея ввиду смерть), имея ввиду мессианскую смерть. Святая Неделя есть настоящее объяснение Его слов: подчинение владычеству Цезаря, подчинение владычеству Бога – объединенные в приемлении этого ужасного юридического убийства, через которое самый никудышный ставленник цезаря исполняет *sub contrario* (по принуждению) дело Божие (Мат. 26:52 и т.д.; Иоан. 19:11).^[36]

Вернемся к словам святого Иерома. Существуют два вида налогов, и Христос требует от нас повиновение обоим. Мир цезаря стремится создать новый мир без Бога, и без нового рождения; он взыскивает тяжелый налог и совершает мало или ничего. Мы обязанные своей грешной природой искать ответ цезаря. Поэтому мы платим дань цезарю своей верой и своими деньгами. Ответ миру цезаря не гражданское неподчинение, конечное осуществление которого есть революция. Это путь цезаря, вера что человеческое усилие через дела закона может переделать человека и мир.

Ответ вместо этого есть повиноваться должным властям и отдавать дань, обет и почтение тому, которому они должны. Это минимальный аспект нашего долга. Более важное мы должны отдавать, вернуть Богу то, что должно Ему, наши десятины, первые плоды, обеты и приношения. Рожденный заново человек начинает признанием Бога, автора и Спасителя его жизни, как его владетель и спаситель, его Царь. В *каждый* момент его жизни он отдает Богу должное Ему служение, благодарность, восхвалу и десятину. Его спасение – дар Божий; щедрость, которой радуется он, есть дар Божий и провидение; следовательно рожденный заново человек возвращает Богу предназначенную Богу долю из всех вещей.

Путь сопротивления Риму, выбранный Иудеей, вел к худшей войны в мире и к смерти нации. Ни ответ Римской империи, ни иудейский революционный ответ, не предлагали ничего другого, кроме смерти и бедствия. Сознательно христиане следовали своего Господа. Джастин Мартир писал:

И повсюду мы, с большей готовностью чем все люди, принимаем платить тем, кому вы укажете, налоги регулярные и нерегулярные, как Он учил нас; потому что во время оно некоторые пришли к Нему и спросили Его, надо ли платить дань Цезарю; и Он ответил, “Скажите Мне, чье изображение на монете?” И они сказали, “кесарево”; И опять Он ответил им: “Отдайте следовательно кесарево кесарю, а Божие Богу.” Потому что одному Богу мы отдаем богослужение, но в других вещах мы с удовольствием служим вам, признаем вас как цари и правители людей, и молимся чтобы вместе с вашей любезной властью вы хотели бы иметь и здравый разум. Но если бы вы не обращаете внимание нашим просьбам и искренним объяснениям, мы от этого не потеряем, потому что мы верим (или скорее действительно убежденные), что каждый человек будет терпеть наказание в вечном огне согласно заслугам его дела, и будет давать отчет по мере власти, которую он получил от Бога, что имел ввиду Христос, когда Он сказал: “Кому Бог дал больше, с того и больше взыщется.”^[37]

Ответ Христа не остановил Его врагов, которые обвинили Его, “что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю” (Лук. 23:2). Его ответ в действительности разрушил все основания для какого-либо обвинения против Него.

Иисус объявил, что их долг был “вернуть,” “платить что должно”^[38] кесарю и Богу. То, что должно кесарю, должно ему через провидение, намерение и указания Бога. То, что должно Богу, что все люди должны Ему, это все. Иисус подчеркивает, что “Абсолютное и специальное право Бога касательно каждого человека индивидуально и всех людей коллективно – исключительное и верховное право, которое принадлежит одному Богу.”^[39]

Те, которые сводят эту великую мысль Христа к декларации о церкви и государстве, не уловили сущность случившегося.

6. Культурный мандат

В 1970 году Тридцать четвертый Общий синод Библейской пресвитерианской церкви, состоявшийся в пятницу, 9 октября в Христианской адмиралской гостинице, Кейп Мей, Нью-Джерси, принял резолюцию. Это произведение под именем Резолюция № 13, которую, как говорят, написали доктор МакРае и доктор Карл МакИнтайр, было о “Культурном мандате” и гласило:

Резолюция № 13

КУЛЬТУРНЫЙ МАНДАТ

Мы, члены Тридцать четвертого Общего синода Библейской пресвитерианской церкви, состоявшийся в Кейп Мей, Нью-Джерси, в октябре 1970 года, желаем выразить наше противопоставление ложной доктрине, иногда называемой “культурным мандатом.” Мандат, под которым христиане повинуются своему Господу, есть Великое поручение в Мат. 28:19-20, которое требует, чтобы мы учили и соблюдали “все, что Я повелел Вам.” Этот так называемый “культурный мандат” ошибочно строит свое дело на Быт. 1:28 до Грехопадения, и на обещании о спасении в семени женщины. Условия из Быт. 1:28 никогда не будут опять доступны человеку, кроме после Возвращения Христа и исчезновения греха. Культурный мандат заявляет, что христиане должны искать эту действительность до Грехопадения, как они должны проповедовать Евангелие. Эта самая заповедь была подновлена к Ною (Быт. 9) после Потопа, без упоминания слов “и покорить ее.” Тем более, что стих не имеет ничего общего с культурой в сегодняшнем смысле слова. Так называемый культурный мандат основывается всецело на одно слово стиха, слово которое переводят “и обладайте ею” (в некоторых версиях “и покорите ее”). Как и все слова в Святом писании, это слово надо интерпретировать в контексте. Здесь контекст есть наполнить пустую землю людьми. Он говорит, что землю надо обрабатывать, дать возможность этим людям выжить и умножаться. Это и только это имелось ввиду. Калвин не видел в этом стихе ни мандат, ни чего-нибудь связанного с культурой, и то же самое верно и о других великих толкователях христианской истории. Мы противопоставляемся “культурному мандату” тоже и потому что он дает ложную идею о месте христианства в эти грешные времена, и пересекает дерзновение настоящего миссионерского дела и евангелизма.

Христиане имеют право наслаждаться плодами различных культурных развитий под общей милости, и участвовать во всех хороших вещах, которые Бог сотворил. Но высший долг христиан в периоде между Грехопадением и Возвращением Христа состоит в том, чтобы свидетельствовать о Божьей праведности во всем, чтобы жить набожно, и чтобы использовать все усилия и привести всех индивидов к знанию о Спасителе, о том что они могут спастись через Его драгоценную кровь и могут развиваться в милости, и в знании Его слова.

Принята единодушно в пятницу, 9 октября, 1970 года, Тридцать четвертым Общим синодом Библейской пресвитерианской церкви, состоявшимся в Христианской адмиралской гостинице, Кейп Мей, Нью-Джерси, 5-9 октября, 1970 года.

Прежде чем анализировать это постановление, пусть рассмотрим термин *культурный мандат*. *Культура* означает “Обучать или усовершенствовать; культивировать. 1. Культивирование растений или животных, особенно с целью улучшения. 2. Обучение, улучшение, и усовершенствование сознания, морали или вкуса; просвещение...” *Мандат* означает “Авторитетное требование; заповедь, приказ, поручение.” Следовательно культурный мандат есть обязанность заветного человека покорить землю и упражнять владычество над ней под Богом (Быт. 1:26-28). Закон – это программа для этой цели, и обеспечивает распоряженные Богом средства об улучшении и развитии растений, животных, людей и институций, в смысле их долга, чтобы исполнить Божье намерение. В любое время люди должны повиноваться Богу, учиться и совершенствовать себя, т.е. стремиться к святости по условиям Божьего закона. Надо покорить всех врагов Христа в этом павшем мире. Святой Павел, призывая верующих к их призванию, заявил:

Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы. И всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу, и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится (II Кор. 10:4-6).

Версия Бэркли дает стих 6 так: “Мы готовимся тоже применить правосудие против всякого неповиновения, когда ваше повиновение исполнится.” Мофат выявляет силу этого стиха даже еще яснее: “Я готовлюсь устроить военный суд над тем, кто остается неподчиненным, раз ваше подчинение исполнится.” Стих 5 Мофат передает так: “Я разрушаю теории и всякий оплот, направленные на сопротивление познанию Бога, я заключаю всякое новое начинание, чтобы принудить его повиноваться Христу.”

О культурном мандате говорил и святой Павел. До грехопадения задача не была слишком сложной. Теперь человек нуждается в новом рождении. Итак, *первый* шаг в мандате есть принести людям слово Божье и обеспечить им новое рождение в Боге. *Второй* шаг есть разрушить всякого вида теории, гуманистские, революционные, идолопоклонские или другие и всякого вида оплоты и сопротивления владычеству Бога в Христе. Мир и люди должны попасть в плен у Христа, под владычеством Божьего Царства и под законом этого царства. *Третье*, это требует чтобы мы, подобно Павлу, устроили военный суд или “применить правосудие против всякого неповиновения” в любой области жизни, где мы встретили его. Отрицать культурный мандат значит отрицать Христа и сдавать мир сатане.

Культурный мандат не может приравняться естественному человеческому взгляду на культуру и прогресс. Его нельзя обобщить под видом оперы, физических удобств, или ребяческого самоопрощения. Климент Александрийский дает нам несколько любопытных примеров о попытках упадочных римлян доказать их культуру и богатство абсурдной показностью:

Это абсурдно, и может вызвать только явный смех, когда люди используют серебряные сосуды для урины и кристальные ночные горшки, как они извещают своим собеседникам, или когда глупые богатые женщины имеют золотые вместилища для экскрементов; будучи богатыми, они даже не могут облегчаться, кроме как блестящим способом.[40]

Культура в Советском союзе, и все больше и в Западном мире, идентифицируется с балетом, оперными театрами, и художественными галереями, которое может быть немножко лучше, чем золотые горшки римских матрон, но все-таки ложное.

Культура – религия, она внешнее проявление религии, и развития человека в его мире по условиям и законам его религии. У римских законов не было крайнего и абсолютного основания; они были релятивистскими и прагматическими; они были продуктами событий, а не данным Богом оформителем событий. Говоря об этом римском энвайронментализме, о вере в Судьбу, Тациан, ассирийский христианин середины второго века, заявил:

Но мы выше Судьбы, и вместо блужающих демон, научились познавать одного Господа, который не блуждает; и поскольку мы не следуем указания Судьбы, мы отвергаем ее законодателей. И как это Кронос, которого оковали и выбросили из его царства, поставлен руководителем Судьбой? Как тоже может давать царства тот, кто больше сам не царствует?[41]

Тациан подчеркнул римскую дилемму своей ссылкой на Кроноса: как могут люди или боги, которые сами продукты Судьбы или управляются Судьбой или окружающей средой, управлять этой средой? Что они больше, чем марионетки рефлексивного действия? Психология марксизма извлекается из учении Павлова; она обусловленная; человек управляется рефлексивными действиями и обуславливается социально. Философия марксизма – диалектический материализм; люди и идеи – социо-экономические продукты. Таким образом советское право находится в радикальном противоречии самому себе: оно настаивает на практике на индивидуальной вине, пока на теории утверждает тотальную обусловленность. На практике людей привлекают к ответственности, хотя на теории они всецело жертвы. Один советский журналист говорил:

Только когда каждый осознает что значит быть советским гражданином, тогда больше не будет преступлений. . . .

Нет такого дива, как человеческая природа. Человек – продукт своего окружения, социальной и экономической системы, которая выливает его. Измените форму и вы измените человека. И мы делаем именно это. Знаете, церковь привыкла говорить громко и обширно о первородном грехе; это был хороший способ держать массы на их мизерном месте. Но мы давно уже выбросили эту идею на мусор.

Мы делаем что-нибудь, мы делаем великое дело, для устранения искусственных социальных условий, которые поощряют преступления – и я думаю, что именно здесь социализм показывает свое самое большое преимущество над капитализмом... Видите ли, человек по существу добрый; только частная собственность, и все что мы научаем от нее, коррумпирует его. Мы восстанавливаем его доброту, и в то же самое время делаем его бесконечно богаче во всяком отношении. Разве вы не видите величие этого?[42]

Западное гуманистское право в основном приняло ту же предпосылку, как советское право, и в некоторых случаях практиковало ее более жестко и систематически. Во всем этом раскрывается их религия; культура современного человека есть культура отступления перед окружающей средой, перед Судьбой. Гуманизм, все равно в своей либеральной или марксистской форме, не имеет культурный мандат, а скорее культурное отступление; это агрессивная философия отступления.

Становище библейских презвитерианцев не лучше; оно тоже призывает к сдаче мира дьяволу.

Результаты такого отступления однако – анархия и социальный хаос. Когда человек – нарушитель завета, главная проблема, и при этом ужасная, есть анархия. Перспектива у людей тогда есть война каждого против всех других. Его ответ – государство.

Империю есть необходимость, иначе человеческий мир падает в *bellum omnium contra omnes* (в войну каждого против всех). Это, так сказать, было политическим испытанием для империй восточного мира с времен Александра, испытанием, которое исполнялось новым и уникальным путем в мире Римской империи. Везде, где пришла *imperium romanum* (римская империя), пришел тоже *pax romana* (римский мир, т.е. порядок). Пока существовала *империя*, мир был защищен против хаоса. Вот почему *империя* должна стоять, пока существует сам мир, и вот почему Римская империя должна была быть вечной.[43]

Поскольку человек опять отверг культурный мандат, он ищет защиту против хаоса посредством империи – Советскую империю, Организация Объединенных наций, и различные другие союзы и блоки. Агрессия заменяет веру и закон как защита человека против анархии.

Ответ Бога этому кризису человека есть Его суверенный акт милости, воплощение. Стауфер комментирует здесь очень точно:

Есть две требования, которые дохристианская история концепции о предопределении поставила пред церковной сотериологией. Весь мир как охваченный грехом Адама, что ситуацию может спасти, если вообще надо, только сам Бог. Тогда судьба этого мира так радикально связывается с судьбой человека, что настоящее дело освобождения может осуществиться только в смысле человеческой жизни. Обе требования исполнились с пришествием Христа.[44]

Но эта честь Христа не самопрославляющее вторжение, ни демонический захват чести Бога, а наоборот, служба *gloria dei* (славы Божьей), которую сам Бог пожелал.

Матфей и Лука, в предисловиях к своим евангелиям пробуют другой способ выражения двухстороннего содержания новозаветной Христологии. Рождество есть день нового сотворения, а час рождения Христа есть долго ожидаемый критический час космической истории. Почему? Дух Божий, упомянутый в Быт. 1:1, приходит в действие в новом Бытии (Мат. 1:18), и божественное чудо (Лук. 1:37) сотворяет новый человек, который реализует обещания из Быт. 3:15, и исполняет неосуществленную надежду из Быт. 4:1. Как первый человек, Адам (Лук. 3:38), новый человек происходит прямо от Бога. Но он не только приематель божественного вдыхания жизни, каким был Адам. Он представился Святым духом Деве Марии (Лук. 1:35; Мат. 1:18). Поэтому Иисус есть одновременно сын Адама и сын Божий.[45]

Намерение нового Адама – поправить последствия грехопадения, восстановить человека как хранитель завета, сделать человека опять верным гражданином Божьего царства, и дать возможность человеку исполнить своего призвания покорить землю под Богом, и восстановить все вещи Божьему закону и владычеству. Те, которые подчинятся этому призванию и владычеству, наследуют землю (Мат. 5:5).

Радостная весть о рождении Христа есть это восстановление человека в его первоначальном призвании с уверенностью в победе. Это с давних времен чувствовалось в рождественских песнях. Исаак Ватс в 1719 году написал в песне “Радость мира”:

Пусть больше грех и горе не расли,
Колючки землю пусть не покрывают;
Приходит Он благословение излить
И льды проклятья пусть растают.

Йоганес Олеариус в 1671 году в песне “Утешите, утешите вы мой народ,” написал:

Геральда голос здесь кричит
В пустыне далеко и близко,
Покаяться он всех зовет
Ведь Его царство это взыщет.
Зовет он всех к повиновению,
Бога встречать к приготовлению.
Долины поднимутся в шествии,
Поклонятся горы в приветствии.
Исправьте что пока обман,
Пусть вспахнет плуг равнину,
Сердца смиренные, пусть вам
Явится царство Божье мирно.
И над землею слава Господа
Льется теперь, над ней проносится.
Пусть каждому тот знак покажется:
Слово Его не нарушается.

Культурный мандат и постмилениализм несомненно и безоговорочно присутствуют в христианских рождественских песнях. Эдмунд Х. Сэрс в 1850 году написал песню “Это случилось в ясную полночь,” которая кончается так:

Вот дни торопятся опять
Пророки предсказали с верой:
Кружатся годы впрямь и вспять;
Приходит золотая эра.
Наступит мир над всей землей,
Великолепный без предела.
Весь мир подтянет песню ту,
Какую ангелы запели.

Авторы гимнов, отражая славу Рождества и пророчества касательно его, иногда отражали теологию более содержательно, чем сами хотели этого.

В Своем Вознесении Иисус опять подтвердил культурный мандат, заявляя:

Дана Мне всякая власть на небе и на земле: Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, Уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь (Мат. 28:18-20).

Ленски дает “научите все народы” как “поведите за собой все народы.” Цитируются две области, где преобладает тотальная царская власть Христа – небо и землю. “Универсальность поручения выявляется через... ‘все народы’ земли. Здесь мы имеем исполнение всех мессианских обещаний, касательно грядущего царства.”^[46]

При вознесении “возвышенный Христос вззошел на свой престол.” Согласно Стауферу:

Мы читаем, что окончательное подчинение Божьих врагов будет иметь место в конце дней, хотя говоря это предполагается, что фундаментальное начало уже поставленное (Мар. 14:62; Отк. 3:21; 14:14). Мы читаем тоже, что подчинение уже имеет место, вопреки тому что празднование триумфа откладывается до времени конца (Еф. 1:20 и т.д.; Евр. 1:13; 10:12; 12:2). Но куда бы ни падало ударение, это очень ясно: у Господа уже вся власть на небесах и на земле, и он всегда со своей Церковью, даже в конце мира (Мат. 28:18 и т.д.).^[47]

Надо *подчинить* все народы крещением и учением, т.е. через новое рождение и через мир Бога. В начале первый Адам был должен покорить естественно добрый и непавший мир, а второй или последний Адам встретился с революционным и павшим миром, с пустошью и пустыней, которых надо было сделать плодородными и плодовитыми в Боге. Теперь надо было покорить больше, чем сад; надо было привести народы и империи под владычеством Христа и его служителей.

Этот павший мир мобилизуется против Христа и Его людей. Он отвергает Христа и проклинает Его, вначале при избииении младенцев в Вифлееме, потом через распятие, и с тех пор через нескончаемые осуждения. Вместо того, чтобы принять преображение Христа как откровение Бога и Его правового порядка через Его единственного родного Сына, мир старается преобразиться сам, иногда возвеличивая своих самых негодных людей. Например в Риме подпольная базилика культового эллинистского братства обожествляла лесбийку. “На своей апсиде она имела картину преображения Саффо.”^[48]

Но Христос обратил проклятие креста в победу, а осуждения мира в приговор против мира.

Церковь, преследуемая изгнанным драконом, и все-таки освобожденная от огромного бремени, поет свои гимны Христу: “Ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его, потому что неизвержен клеветник братий наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь; Они победили его кровию Агнца” (Отк. 12:10,11). Это новая ситуация для мира, которая датирует от вознесения.^[49]

Если люди не родятся заново через Христа, и если они не подчиняться Его призыву к культурному мандату, они будут сокрушены Его силой.

7. Закон в Деяниях и Посланиях

Немного вещей иллюстрируют то, что происходило в теологических кругах, лучше чем изучение книги Ричарда Ватсона *Библейский и теологический словарь*. Ватсон (1781-1833), был везлианским теологом; его словарь был опубликован в 1832 году. Для Ватсона закон не был отменен; наоборот, христианская эра призывала к более интенсивному и более широкому применению его. Ватсон показал, что Новый завет не только постановил заново весь Декалог, но и расширил его силу.

Итак следовательно мы обязаны по всему декалогу, поскольку он постановлен полностью Новым заветом, как и Ветхим, как будто он формально издан заново; и то, что не имело место никакое формальное новое издание, само собой по презумпции доказывает, что он никогда не рассматривался законодателем как временный, как можно было бы предположить при наличии повторной публикации. Важно однако отметить, что хотя и моральные законы Моисеевского распределения перешли в христианский кодекс, они стоят там на других и более высоких условиях; так что Новый завет представляет более совершенное распределение познания о моральной воли Бога, чем Ветхий. В частности: (1) Они более выразительно распространяются в сердце, как сказал наш Господь в своей Нагорной проповеди; который учит нас, что мысль и внутреннее намерение о каком-либо преступлении есть нарушение закона, запрещающего его внешнее и видимое совершение. (2) Принципы, на которых они основываются, содержатся в Новом завете в большем разнообразии обязанностей, которые, охватывая более совершенно социальные и гражданские отношения в жизни, имеют более универсальный характер. (3) Есть много более расширенных предписаний положительных и отдельных добродетелей, особенно те, которые составляют христианский характер. (4) Совсем открытыми действиями бытие связывается неотделимо с соответствующими принципами в сердце, с целью обеспечить приемлемое повиновение, которые принципы предполагают новое рождение души через Святого Духа. Следовательно, это моральное обновление считается необходимым для нашего спасения и обещается как часть милости нашего искупления через Христа. (5) Бытие связывается с обещаниями о божественной помощи, которые специально для закона связываются с евангельскими постановлениями. (6) Налицо живая иллюстрация совершенного и практического примера Христа. (7) Извлекаются более сильные санкции из более ясного откровения состояния будущего, и угрозы вечным наказанием. Из этого следует, что в Евангелии мы имеем более полное и более совершенное откровение морального закона, которое когда-либо давалось людям; и более точную манифестацию блеска, совершенства, и славы этого закона, под которой ангелы и наши прародители были поставлены в рае, и повиноваться которому одновременно и радость, и интерес для самых совершенных и счастливых существ. [50]

Сравним это выступление Ватсона, одного из действительно самых великих людей Везлианской истории, с работой современного британского ученого Ф. Бруса. “Пейтонские лекции” Бруса в 1968 году в Теологической Семинарии Фуллер в Пасадене, Калифорния, дискутировали *Разрабатывание Ветхозаветных тем в Новом завете*. Антиномный труд Бруса пренебрегал закон полностью; “Управление Богом” дискутировалось в Главе II без никакой ссылки на Божий закон. [51] Глава IV называется “Победа Бога,” и начинается важным изъяснением:

Спасение через Бога есть победа Бога: как в Исходе, так и в спасительном деле Христа, победа Бога есть спасение для Его народа. Древнееврейское слово для “спасение” легко переводится “победа” в наших обычных английских версиях, когда контекст делает это предпочтительным. [52]

Точно. Но поскольку Брус обходит закон, который есть центральный аспект Божьего плана и программы для победы, мы можем искать победу только в смерти или в мученичестве, и в конце света. “Главный победитель есть Давидовский Мессия,... который появляется, однако, когда жертвенный Агнец вернулся к жизни после завоевания своей победы через покорность смерти; его последователи разделяют его победу подобной покорностью.” [53] Это программа для поражения.

Один из центральных текстов, который используют антиномисты, это Деян. 15:5: “Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезать язычников и заповедывать соблюдать закон Моисеев.” Как надо понимать это? Нигде нет никаких доказательств, что Десять Заповедей перестали быть законом после Совета в Иерусалиме; послания многократно повторяют закон; например святой Павел в Еф. 6:2 не только подтверждает пятую заповедь, но и напоминает нам ее обещания, все еще действительные. Божьи законы против греха никогда не отменялись этим советом.

Проблема была в оправдании; иудаизм использовал закон неправильно. *Первое*, он заменял его человеческими традициями, которые он превращал в закон, и *второе*, закон, который есть путь к достижению святости, превращался в путь к оправданию. Это проблема существовала и с фарисеями и с иудаистами. В Антиохии Павел объявил об Иисусе Христе:

Итак, да будет известно вам, мужи братья, что ради Его возвещается вам прощение грехов. И во всем, что вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верущий (Деян. 13:38-39).

Проблема была в этом: *оправдание через закон*. Более того фарисеи называли интерпретации их равин “законом Моисея,” хотя Христос называл их “преданиями человеческими.” Плумитр с правом называл высказывание Павла в Антиохии об оправдывании, “зародыш всего, что было самое характерное в более позднем учении святого Павла.” [54] Павел никогда не атаковал закон как путь к достижению святости, а только как путь к оправданию. Проблема на совете была об обращении в веру некоторых неевреев; до того времени все обращенные были евреями, уже знакомыми с Ветхим заветом и законом. Теперь новые члены добавлялись прямо через обращение. Были протесты и возражения фарисеев, которые мы уже видели в Деян. 15:5, “говорили, что должно обрезать язычников и заповедывать соблюдать закон Моисеев.” Под законом однако они имели ввиду равинские традиции. Это было именно то “иго,” против которого протестовал Петр (Деян. 15:10). Он не осмелился бы призывать к повиновению Божьему закону, искушая Бога. Проблема, заявил святой Петр, состоит в том, что люди спасаются “благодатию Господа Иисуса Христа” (Деян. 15:11); проблема была в доктрине об оправдании. Тоже под вопросом был церемониальный закон и законы о разделении. Обращенные в веру евреи не нуждались ни в каких инструкциях; они уже соблюдали все необходимое, т.е. библейские законы (Деян. 15:21). Плумитр комментировал стих 21 так:

Евреи, которые слушали закон в своих синагогах каждую субботу, не нуждались в инструкциях. Можно было считать как данное, что они придерживались бы к определенным теперь правилам. Так в стихе 23 энциклика (циркулярное письмо) адресовалась исключительно “братьям из язычников.” [55]

Ясное, что стих 21 подчеркивает все еще обвязывающий характер закона и не беспокоит обращенных еврею которые повиновались закону. Использование слова “синагоги” может относиться и к еврейским синагогам, которые еще многие посещали, и к христианским собраниям.

Инструкция к нееврейским христианам обобщается в стихе 20: “А написать им, чтоб они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови.” Значит ли это, что неевреи были свободными иметь других богов, богохульствовать, злословить родителей, совершать убийства, воровать, приносить ложные свидетельства или быть алчными? Очевидно нет, и точно так очевидно проблема была не в том надо ли существовать закону, а *как* ему существовать: как средство для оправдания или как средство для достижения святости? Совсем ясное, что закон отвергался как путь к оправданию и оставался как путь к достижению святости. Инструкции в Деян. 15:20 и 29 ясно предполагают наличие закона и *подчеркивают в какой степени закон сохраняется*. Первое, нееврейским верующим заповедается воздерживаться от “оскверненного идолами.” В ст. 29 это определяется как “идоложертвенное,” т.е. “мясо, принесенное идолам.” Серьезная проблема существовала в городах, потому что там мясо приносилось в жертву идолам и есть его представляло религиозный ритуал. ”Йосиф Флавий говорит, что некоторые из евреев в Риме жили исключительно питаясь плодами, из-за страха что можно съест что-нибудь нечистое.”^[56] Позже, в Рим. 14 святой Павел ревизировал это правило; Калвин говорил о правилах Павла как о новом моделировании закона.^[57] Означает ли это изменение, что никакой закон не был в силе? Наоборот, и совет, и святой Павел твердили, что речь шла о Божьем законе; вопрос был в том как поддерживать повиновение этому закону. По условиям закона об отделении, оскверненное идолами нельзя было рассматривать как положение закона. Если человек мог бы смотреть на идолы как на пустое место, а на мясо просто как на пищу, его совесть могла не беспокоить его, ни использование мяса не компрометировало бы его; он был бы “здравым” человеком, неоскверненным использованием мяса. Слабые однако, были правы избежать мяса, потому что для них было невозможно внутреннее отделение. Во всяком случае закон соблюдался.

Второе, надо было воздерживаться от блуда, т.е. от сексуальных грехов вообще, и от похотливости. Для многих язычников такие поступки не были грехом и иногда были в самом деле религиозными актами. На этих преступлениях делалось особое ударение из-за склонности язычников к сексуальным грехам, особенно в ту эру. Язычники осуждали кражу и убийство, но моральность тех дней глядела на сексуальные преступления с нарастающим безразличием.

Третье, от “удушения” тоже надо воздерживаться, и *четвертое*, от крови. Эти две требования тесно связанные, потому что удушенные животные не истекают кровью. Для многих людей такие мяса предпочитанные. Закон однако специально запрещал есть кровь (Быт. 9:4, Лев. 3:17; 17:14; Втор. 12:16,23). Этот закон никогда и ни в какое время не исправлялся и не изменялся в посланиях. *Итак, из четырех заповедей к неевреям со стороны совета, три касались пищи*. Вместо того, чтобы объявить конец закона, Совет в Иерусалиме ясно установил или поддержал закон как путь к достижению святости, и *сохранил даже диетические аспекты закона*.

Однако есть и замечательное изменение. В Деян. 15:5 требование фарисеев в церкви касалось тоже обрезания. Неевреям говорилось в энциклике, что это требование, которое “поколебало ваши души, говоря что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали” (Деян. 15:24), явно не обязательно для них. Таким образом обрезание было оставлено, а поддержалось Петровое крещение неевреев, как символ подновленного завета; соблюдение закона в фарисейском смысле, чтобы оправдаться через закон (Деян. 13:39), было отвергнуто. Следовательно Брус ошибается, принимая что проблема была в “обязанности соблюдать Мойсеевский закон.”^[58] Ленски твердит, что “все эти левитские правила (касающих пищу) отменились.” Он объясняет решение совета как прагматическое:

Иаков упоминает эти два пункта, потому что еврейские христиане были особенно чувствительные к ним. Они тоже знали, что эти пункты закона были отменены, но они все еще чувствовали ужас от того, чтобы есть кровь, или какое-нибудь мясо, в котором оставалась кровь. Нееврейские христиане призывались уважать эти чувства и поэтому из-за мотивов братской любви, и только из-за этого, воздерживаться от конзумации крови или мяса, в котором все еще была его кровь.^[59]

Но сущность проблемы была не в чувствах еврейских христиан; в тексте нет никаких подобных рассуждений. Определяя, что проблема сводилась к “мотивам братской любви, и только из-за этого, воздерживаться от конзумации крови...,” Ленски читал в тексте того, что там не было. Проблема создавалась всецело фарисеями в церкви с их ложным взглядом на закон и на оправдание.

В Кол. 2:16 святой Павел постановливает, что нас не надо судить касательно мяса (употребление мяса, принесенное идолам), или субботы. Нет доказательств, что субботы отменились этим высказыванием. Если случай, который святой Павел описывает в Гал. 2:11-21, тот самый как в Деян. 13:39, или связан с ним, и таким образом предшествовал совет, ясное, что вопросная проблема состоялась в том, что святой Петр, боявшийся критики фарисеев в церкви, подтвердил их практикование. Принцип святого Павла был, что не надо было делать никаких барьеров из пищи перед приближением язычников и перед обращением их.

Обращаясь теперь к Посланию к римлянам, мы находим, что святой Павел, далеко от мысли чтобы отменить закон и его наказания, ссылается на смертную казнь против гомосексуалистов как на установленный и неизменный факт (Рим. 1:32). О выражении “суд (или указ) Божий,” Мурей комментирует: “Указ Божий в этом случае есть юридический декрет Бога,” который выразительно призывает к смерти, здесь больше чем временная смерть, хотя и включает ее.^[60]

В Рим. 6:14 однако святой Павел объявляет: “ибо вы не под законом, а под благодатию.” Мурей снова точный:

“Закон” в этом случае надо понимать в общем смысле закона как закон. Что это нельзя понимать в смысле Мойсеевского закона как экономика, видно очень ясно из факта, что многие, которые были под Мойсеевской экономики были получателями милости и в этом

отношении были под милостью, а тоже из факта, что освобождение от Моисеевского закона как экономика само собой не поставило людей в категорию находящихся под милостью. Поэтому закон надо понимать в более общих терминах закона как заповедь.^[61]

Чарлз Ходж тоже комментирует этот пункт очень показательно. Писавши об этом самом стихе, Ходж в частности сказал:

Под словом *закон* здесь не надо понимать Моисеевский закон. Смысл не такой, что “Грех не должен владеть над вами, потому что Моисеевский закон отменен.” Нельзя принимать слово в его самом широком смысле. Оно правило об обязанности, которое обвязывает совесть как выражение воли Бога. Это ясно: 1. Из использования слова в этом послании и в других местах Нового завета. 2. Из целостной доктрины о спасении, которая учит, что закон, от которого мы освободились через смерть Христа, не просто Моисеевский закон; мы освободились не только от иудаизма, но и от обязанности исполнять закон Божий как условие о спасении.^[62]

Закон в этом общем смысле есть путь к спасению; человек верит, что соблюдая общий закон Божий, как он знает его, он может спасти себя и заслужить небеса. Свобода от закона как путь к спасению *не* дает человеку право грешить (Рим. 6:15-16); люди должны повиноваться Богу, теперь как “рабы праведности,” а не как “рабы греха” (Рим. 6:17-23).

Согласно Мурей, Рим. 7:1-6 надо связать с этим, что апостол установил в 6:14: “Вы не под законом, а под благодатию.”^[63] В Рим. 7:4 Павел говорит о наступлении “смерти закона телом Христовым; как отметил Мурей, “эта смерть есть наша смерть для закона в смерти Христа.”^[64] Павел использует иллюстрацию через брак; точно как “женщина привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества” (ст. 2), так мы тоже, через смерть Христа вместо нас, мертвые для закона. Сущность этой иллюстрации *не* что закон мертвый, а что мы в Христе мертвые, т.е. смертный приговор закона против нас исполнен. Как отметил Ходж, “Не закон умирает.”^[65] Возвращаясь к иллюстрации, если муж умрет, *не* институция брака умирает, а отдельный человек, который мертвый для брака.

В чем тогда смысл этой иллюстрации и фразы? В стихе 5 нам ясно сказано, что пока мы были грешниками, эффект закона в нашей жизни был чтобы продолжать наш бунт против Бога; закон Божий делал нас более ревностными в утверждении нашей собственной воли бунтом. Результатом был “плод смерти.” Закон был смертным приговором для нас: он объявил, что из-за нашего вероотступничества, нашего нарушения Божьего завета, мы заслуживали умереть. Но поскольку смертный приговор против нас исполнился в лице Иисуса Христа, теперь мы юридически мертвые в глазах закона. Следовательно, те которые действительно спасенные, никогда не могут опять быть осужденными на смерть законом. Однако, будучи поднятыми из мертвых, т.е. из смерти греха, через дело Христа, теперь мы “принадлежим другому, Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу” (ст. 4). Грешник, делая себя богом в своих собственных глазах (Быт. 3:5), находится в войне с Богом; закон Божий только побуждает его к дальнейшим военным действиям. Таким образом закон вел нас к более тяжелому рабству греха. Однако через новое рождение наш союз больше не с грехом, а с Христом. Будучи живыми в Христе, мы теперь *не живые для закона*, который теперь не как смертный приговор против нас, а как “обновление духа” то, что представляет нашу новую жизнь (ст. 6), нашу жизнь во Христе, в которой закон теперь есть наш счастливый способ жизни. Закон не умирает; новый, рожденный заново человек теперь относится к жизни по новому, не больше “в движении греха,” а “в обновлении духа.” Как для грешника нарушение Божьего закона есть движущая сила и природа его существования, так для рожденного заново человека повиновение закону Христа есть радость его существования.

Павел подчеркивает, что “закон духовен” (7:14); “закон свят, и заповедь свята и праведна и добра” (ст. 12); закон, более того, “данный для жизни” (ст. 10); в своем грехе, поскольку он тогда в принципе нарушал закон, потому что закон добр, он “соглашается с законом, что он добр” (ст. 16). Как спасенный человек, заслуживший свое спасение, развивающийся к достижению святости, он может заявить: “Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим (ст. 22). “Закон греховный,” его павшая природа, умершая юридически в Христе, но не искорененная из его существа, воюет опять против его новой природы, так что один аспект его существа, новый человек, “служит закону Божию,” а другой “закону греха” (ст. 23-25). Ясное, что закон стандарт для нового человека. Действительно цель достижения святости есть, “Чтобы оправдание закона исполнилось в нас”(8:4). Комментарий Мурей здесь опять заслуживает внимания:

Это самое значительное в этом контексте, потому что он представил освобождение от силы греха в 6:14, как проистекающее из факта, что мы не “под законом,” а “под благодатию.” В главе 7 он вернулся к этой теме и показал, что мы не “под законом,” потому что мы “умерли для закона Телом Христовым,” и “освободились от него” (7:4,6). Он продемонстрировал тоже, что закон был в смерти, потому что грех воспользовался законом, чтобы выработать все манеры соблазна (7:8-13). И наконец, в этой главе он говорит именно о бессилии закона (8:3). Как тогда строит он святость христианского государства как исполнение требований закона? Этот факт, однако, нельзя обсуждать, и он представляет заключительное доказательство, что закон Божий имеет самое полное значение в этом государстве, которое есть продукт милости. Строить отношения между законом и милостью иначе, значит идти против ясного значения этого текста. Мы подготовились к этому однако более ранним замечанием этого самого эффекта (ср. 3:31; 6:15; 7:12, 14, 16, 22, 25). И в последующем развитии субъекта достижения святости есть обильное подтверждение (ср. 13:8-10).

Термин “исполнение” выражает полный характер действий по исполнению, которые закон получает, и он показывает, что преследуемая цель в процессе достижения святости не что иное, чем совершенствование, которое требует закон Божий.^[66]

Вкратце, обобщая вопрос, не закон умирает, а мы умираем в Христе, и поэтому мы мертвые для закона как обвинительный акт и смертный приговор. Как рожденные заново люди, словами Мурей, “закон Божий имеет самое полное значение в этом государстве, которое есть продукт милости. *Строить отношения между законом и милостью иначе, значит идти против ясного значения этого текста.*”

Надо читать Гал. 2:19 в том же смысле: “Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога.” И опять, мертвый не закон, а грешник. В Гал. 2:21 сравнивается оправдание через закон с оправданием милостью Божьей через Иисуса Христа; использованием закона как средство для оправдания, невозможно постигнуть никакой праведности. В Гал. 5:16-18 сравнивается путь “плоти,” павшей, беспомощной человеческой природы, с путем

“Духа,” оспасенного и подкрепленного человека. Закон связывается в этом контексте с “плотью,” так что речь ясно идет снова о неправильном использовании закона как путь к оправданию. В Еф. 2:15 упоминание закона совсем ясно касается закона как смертный приговор для неверующего.

Святой Павел таким образом не подкрепляет ни тех, которые заявляют, что закон есть смерть, ни тех, которые твердят, что спасенный человек умер для закона. На самом деле святой Павел не только утверждает закон, но в письме за письмом он обращается к закону, улаживая церковные конфликты, давая инструкции, и давая совет касательно достижения святости.

Мурей прав: “Закон Божий имеет самое полное значение в этом государстве, которое есть продукт милости.”

XIV ЦЕРКОВЬ

1. Значение старейшинства

Немного общественных служб были уничтожены более радикально, чем служба старейшин. Ее первоначальное намерение затуманилось, ее функция потерялась, ее цель изменилась.

Чтобы понять значение службы старейшин, необходимо вспомнить, что не церковь создала эту службу, а она позаимствовала ее из практики Израиля. Морис писал об этом так:

Все первые христиане были евреями, и с полным основанием можно заключить, что они взяли службу старейшин из иудаизма, которого они знали хорошо. Стоит обратить внимание на еврейских старейшин.

Эти люди были официально ответственные об управлении еврейской общественной жизнью. Они отвечали о том, что мы назвали бы гражданскими и церковными делами. Возможно что они не делали большое и глубокое различие между ними, потому что их закон был закон Мойсея, который нераздельно занимался обоими областями. Кроме того, их организационной единицей было собрание синагоги, а синагога была и место богослужения, и место для обучения, школа. Равины занимались всеми видами делами. Они не ограничивались тем, что мы назвали бы религиозными вопросами, а вели тоже контроль над проведением гражданских дел.

Старейшины избирались общностью и исполняли службу до конца своей жизни. Они вступали в должность торжественным ритуалом, который в Новозаветные времена напоминал акт воцарения. В это время возложение рук явно не практиковалось, и вероятно оно появилось после войны, которую вел Бар Кохба, или даже еще позже... Функция старейшин очевидно сосредотачивалась на закон. Они должны были изучать его, распространять его, и заниматься людьми, которые нарушали его.

Есть очевидные подобия между этой службой и функцией первых христианских старейшин. Важность этого подобия увеличивается, когда мы сообразим, что христианская церковь в начале вероятно рассматривалась как разветвление иудаизма. Ее собрания наверно проводились по образцу синагог. Каждые десять взрослых мужчин из евреев могли формировать синагогу. И вероятно первые христианские общины организовались как синагоги. На самом деле одна из них называется так в Иак. 2:2, и есть доказательство, что “Христианские собрания в Палестине долгое время продолжали обозначаться этим именем” (Дж. В. Лайтфут, *Послание святого Павла к Филиппийцам*, стр.142)... Они надзирали за делами нового общества таким же образом, как еврейские старейшины надзирали за синагогами.^[1]

Чтобы понять еврейскую основу этой службы, надо осознать ее происхождение из семейной и родовой структуры Израиля. *Первое*, как само имя показывает, старейшина был старшим мужчиной с авторитетным положением. Термин *старейшина* был сравнительным, так что он мог означать мужчину, который руководил своим хозяйством. Этот голова хозяйства, или группы семей, надзирал за дисциплиной и справедливостью в своей семье, за ее образованием, за богослужением и за экономическими издержками; он отвечал тоже за оборону против врагов. Совсем ясное, что *закон и порядок* были основными функциями старейшины, но далеко больше чем в полицейском смысле, тем что долг старейшины сочетался с другими обязанностями жизни. Деятельность старейшины была религиозной, гражданской, образовательной и профессиональной. Он обеспечивал тоже и благополучие своей собственной семьи.

Второе, старейшины формировали базис гражданского управления. Поскольку люди, которые руководили таким интенсивным способом собственными хозяйствами, были лучше всех подготовленные, чтобы управлять, Мойсей обратился к старейшинам по заповеди Бога и сформировал группу семидесяти, которые управляли Израилем (Числ. 11:16). Эти мужчины управляли под Мойсеем и помогали ему в обучении народа о применении закона (Втор. 27:1). Местное управление было в руках старейшин (Втор. 19:12; 21:2; 22:15; 25:7; Ис. Н. 25:4; Суд. 8:14; Руф. 4:2). Эти старейшины упоминаются и в Евангелиях (Мат. 16:21; 26:47; Лук. 7:3). В эре Нового завета некоторые старейшины участвовали в Синедрионе и были экспертами по закону, а другие правили по местам.^[2]

Третье, старейшины были управителями синагог, как это указал Морис. В синагоге старейшина был учителем, применителем и знатоком закона.

Факт, что в Ветхозаветной эре старейшины управляли в церкви, государстве и семье, не превращало эту службу в институцию. Факт единства происходит не из поглощения одной институции другой, а из их общего подчинения закону и из общего использования закона. Факт, что церковь заимствовала службу старейшин из Израиля, представляет один из аспектов ее претензии, что она новый и настоящий Израиль Бога. Церковь теперь была Божьей настоящей синагогой, а ее народ был новым Израилем. Намерение службы было создать новое общество, Царство Бога, установить новое сотворение посредством дисциплины его закона-слова. Печатью Божьего утверждения церкви как новый Израиль и старейшин как новые служители и хранители Божьего закона, было возложение рук и соответствующее помазание Святым Духом (I Тим. 4:14).

Среди квалификаций службы старейшин была способность обучать, и способность управлять (I Тим. 3:2-5). Замечательно, что связь с происхождением службы остается. Старейшина был по началу и всегда мужчиной,

который управлял хозяйством; следовательно в Израиле правитель (а все правители были в самом деле старейшинами) должен был быть женатым мужчиной, испытанным во власти и в управлении. Святой Павел установил заново эту квалификацию как неизбежный факт: “Ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?” (I Тим. 3:5). Служба старейшин требует общество, ориентированную на семью.

Управление обществом новых христиан усложнялось из-за наличия преследования. Службы дьяконов и вдов, созданные чтобы функционировать под старейшинами, занимались помощью нуждающимся, руководством молодежью, образованием, и т.д. Поэтому в ранней церкви старейшина функционировал как учитель в одной сфере за другой: в церкви, в семье, в сфере благотворительности делегированием и надзором, в образовании, и занимались гражданским управлением, избегая гражданских судов.

Именно потому что римские суды были “нечестивыми” (I Кор. 6:1), старейшины служили как суд, чтобы судить противоречия среди христиан (I Кор. 6:1-3). Если член церкви отказывал послушать исправление (Мат. 18:15-17), тогда с ним можно было обращаться как с “язычником и митарем,” и если нужно, приводить его к гражданскому суду. Нормально надо было избежать нечестивый суд, даже ценою жертвы (Мат. 5:40). В Ветхом завете нет никаких ограничений против использования суда, потому что суды были или в руках старейшин, или отражали их влияние. Американские суды, вопреки своей коррупции, не потеряли свой христианский характер или наследство библейского права.

В I Кор. 6:2 Павел заявляет: “Разве не знаете, что святые будут судить мир?” Из-за упоминания ангелов в ст. 3 некоторые относят это суждение к грядущему миру, но его истинное значение относится к времени и к вечности. Слово судить здесь имеет Ветхозаветный смысл *управлять*. Мофат переводит его как *руководить*, в смысле заведовать. В таком смысле слово действительно отражает значение, что святые продолжают управлять Царством Божиим во времени и в вечности.

Одно из последствий существования в враждебном мире было то, что церковь была должна принять функцию тотального общества для своих членов. Старейшины и презвитеры были центральными для этой функции. Служба старейшин начиналась с семьи. В новом обществе Христа сохранялась не только *служба*, но и концепция о *семье*. Все настоящие верующие были членами семьи Христа. Собрание и общность верующих следовательно заботились о самих себе, потому что “кто имеет недостаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, - как пребывает в этом любовь Божия?” (I Иоан. 3:17). Литература о ранней церкви подтверждает эту позицию. В то же самое время нет терпимости к лености: “Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь” (II Фес. 3:10). Кроме того: “Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного” (I Тим. 5:8). Цель старейшин и их обучения следовательно была создать общность из ответственных верующих, ответственных за себя и за свое хозяйство, как и за своих единоверцев.

Но это не все. Поскольку святые призывались *руководить* или *управлять* миром, очень быстро их цель стала занять позиции власти и силы. Письма святого Павла показывают ясно, что были обращения в веру выдающиеся римляне. Приветствия включали тех “наипаче из кесарева дома” (Фил. 4:22). В пуританской эре давление святых на каждый вид службы в церкви, государстве, школе, и торговле, было очень сильное.

Закон – эквивалент управления или царствования: он выражение управления или царствования и применение суверенитета в области юрисдикции. Поэтому старейшины, как служители закона, Божьего закона, были призванными применять Божий закон в каждой области жизни. Обязанность христианского дома, школы и церкви, есть обучать старейшин, которые будут применять закон Божий по всему миру. Церковь не управляет старейшиной как подчиненным служителем, который отправляется в мир как имперский агент. Вместо этого старейшина управляет в своей сфере, точно как церковь в своей области, каждый из них как имперский агент Христа Царя. По некоторым пунктам старейшина под власти церкви, а по другим пунктам он независим от нее.

Церковь призывает и дает распоряжения своим старейшинам, но основания, чтобы ограничить службу только к церкви, небольшие. Христиане в образовании, гражданском управлении, науке, праве, и в других профессиях могут организоваться в органах, чтобы исследовать их и руководить людьми, которые будут проводить закон и управление Бога в их сферах. Старейшинство призванное Богом, а церковь есть агентство, в котором это призвание исполняется. Это была форма службы в Израиле, и нет доказательств о никаких изменений в природе службы в Новом завете. Факт, что самое имя службы, *старейшинство*, сохранилось, подчеркивает эту непрерывность.

Кроме того в Откровении мы встречаемся с упоминанием “двадцати четырех старцев,” символизирующих целость церкви в Ветхом и Новом заветах. Еврейская практика выдвигать старейшин отражается тоже в том, что эти старцы “полагают венцы свои пред престолом” (Отк. 4:10), указывая верховное царствование Бога. Старейшины выдвигались как отражение первоначального призвания Адама быть священником, пророком, и *царем* над творением под Богом. Восстановление этого царского управления под Христом есть функция старейшин, и это есть призвание в каждой области жизни.

Концепция о старшинстве или служении оживилась сильно Лютером в связи с университетами и профессорами. Профессорская кафедра была наследницей кафедры старейшины в синагоге, и выдвижение их было подобным. До этого времени профессора назначались на облеченные властью “кафедры,” не сознавая значение этого термина. Розенцок-Хюси указал, что “Университеты представляли жизнь Святого духа в немецкой нации.”^[3] Работа Святого духа через службу и служение старейшин рассматривалась как представленная через профессоров.

Однако, невозможно вполне понять значение старейшинства, пока каждое законное призвание не рассматривается как область потенциального старейшинства, и не приводится под управлением Божьего закона-слова пресвитерами и старейшинами, служащих Богу.

2. Служба старейшин в Церкви

В церкви, государстве, семье, профессии, и в каждой другой сфере, Божьи люди обязанные реформировать себя в соответствии со словом Бога. Сегодня есть много областей церковной жизни, которые серьезно нуждаются в реформации. Дискутируя службу старейшин, наша цель не показать эту область как более ошибочной, чем другие, а просто привлечь внимание к некоторым проблемам этой области.

Уже несколько поколений служба старейшин находится в серьезном упадке ее важности и функции. В многих церквях он начался после 1900 года главным образом из-за почести, отдаваемой выдающимся членам. Кроме того, служба старейшины стала шире чем судьи, занимающимся ежемесячным надзором за служителями, и иногда имела дело с вопросами о зданиях и сооружениях. Поскольку ранняя церковь не имела церковные здания в течение может быть двух веков, а делала собрания по домам, ясное что администрация сооружений не была частью в первоначальной функции старейшины. Скажем еще раз, что ничего в Святом писании не показывает, что центральная функция заседаний или советов старейшин была суд над пастором или надзор за его работой. В самом деле, мы можем определить такую функцию как редкой, являющейся необходимой в спешных случаях на благо церкви. Подобно этому, поскольку у ранней церкви не было хора, не было воскресной школы, не было молодежных союзов или гильдий женщин, никакая из задач о надзоре за ними не была основной для службы старейшин, и мы можем добавить, тоже и для службы пастора.

Наша цель – исследовать свидетельства литературы отцов церкви, касающейся службы старейшин, с целью бросить этим свет на ее библейский смысл и практику. Принимается реформаторская интерпретация службы, и обобщенное становище Калвина, что “названия епископов, старейшин, пасторов и служителей, , все выражают одно и то же значение.”^[4] Современным языком, службы пастора и епископа идентичные.

Но положение епископов очевидно получает сильную поддержку в литературе церковных отцов. Совсем рано служба епископа рассматривалась как отдельной от службы старейшины или пресвитера. Это очевидное у Игнатия, который умер вероятно в 107 году нашей эры, и следовательно отразил очень раннюю практику и был современником некоторым апостольским лидерам. Например в Послании Игнатия тралианам, написанное в Смирне, мы читаем: “Приходится каждому из вас, и особенно пресвитерам, подкреплять епископа, за славу Отца, Иисуса Христа и апостолов” (гл. XII). Игнатий ясно разграничивал эти две службы. Например он заявил: “Как, следовательно, Господь не сделал ничего без Отца, будучи единым с Ним, ни через Себя, ни через апостолов, так и вы не делайте ничего без епископов и пресвитеров.”^[5] Эта власть епископа была духовной властью: “Подходит, следовательно, не только называть себя христианами, но и быть действительно такими: потому что некоторые дают некому титулу епископа, а на самом деле делают все без него.”^[6] Обязанности епископа описываются в послании Игнатия Поликарпу.^[7] Пастве Поликарпа говорится: “Отдавайте внимание епископу, чтобы Бог мог тоже обратить внимание вам. Моя душа будет с теми, которые подчиняются епископу, пресвитерам, и дьяконам, и пусть судьба моя будет с ними в Боге!”^[8] Ясное, что службы епископа, пресвитера и дьякона, у Игнатия соответствуют знакомым нам службам пастора, старейшины, и дьякона. Однако есть серьезное различие в функции, и поэтому современные епископские и пресвитерские функции могут показаться измененными. Здесь Игнатий снова раскрывает сущность:

Смотрите, чтобы все вы следовали за епископом, как Иисус Христос следовал за Отцом, и как пресвитеры за апостолами; и чтобы уважали дьяконов, как институция Божия. Пусть никто не делает ничего, связанное с церковью, без епископа. Пусть это считается чистым причастием, которое (руководится) или епископом, или кем-нибудь, кому он доверяет. Где бы епископ ни появился, пусть и множество (из людей) будет там; как где Иисус Христос, там есть католическая церковь. Незаконно без епископа ни крестить, ни чествовать праздник любви; но что он бы ни утвердил, оно нравится Богу, и все сделанное может быть надежным и действительным.^[9]

Из этого выясняются несколько вещей. *Первое*, церковь тогда была не институция и не здание; это было тело из верующих, встречавшихся в доме, и связанных вместе в этом враждебном мире своей общей верой в Иисуса Христа как их Спасителя. *Второе*, эти небольшие церкви в домах распространились по всей империи и за ее пределами. Церковь не могла, а и не пыталась обеспечить каждое небольшое собрание пастором или епископом. Поэтому как святой Павел продолжал во время своего путешествия держать управляющую руку над церквями в Коринфе, Фессалониках, и в других местах, так и наследники апостолов продолжали делать то же самое. Инспектируя пасторов, миссионеров и евангелистов, они находили необходимым управлять этими небольшими собраниями через послания, как и посещениями; отсюда послания Игнатия и других. Этих мужчин назвали епископами; мы могли бы назвать их тоже миссионерскими пасторами. *Третье*, эти епископы или пасторы назначали пресвитеров или старейшин в различных местных собраниях, и давали им распоряжения проводить богослужения и изучение Святого писания в этой церкви во время отсутствия путешествующего пастора. Поскольку пастор или епископ мог бы покрывать большую или меньшую площадь, часто местному пресвитеру или пресвитерам приходилось поддерживать церковь своим собственным руководством. Если пастор находился в ближайшем большом городе, а собрания проводились в разбросанных домах в городе и в окружающих его деревнях, контакт мог бы быть близким. В других случаях существовала необходимость в интенсивной корреспонденции. Итак, и в Новозаветной эре, и в эре отцов церкви, послания были основным пасторским инструментом. *Четвертое*, епископ или пастор мог сам проводить службы крещения и причастия, но он мог бы, как заявляет Игнатий, делегировать исполнение таинств пресвитерам. Следовательно, хотя пресвитеры или

старейшины могли исполнять таинства, это было действительно только тогда, когда они получали инструкции об этом от пастора или епископа, в зависимости от его удаления и от его доверия пресвитеру. Таким образом пресвитер или старейшина не только учил, но и имел тоже подчиненную ответственность в связи с таинствами. *Пятое*, служба епископа здесь является очень различной от концепции епископальной церкви об его таинственной власти духа. Мы можем добавить, что Джозеф Бингам в своем произведении *Древность Христианской церкви* заявляет, что епископы наследили апостолскую службу, и что титул *апостола* “считался многими как первоначальное название епископов, прежде чем название епископ было присвоенное их духовному сану.”^[10] В самом деле Игнатий редко сравнивает пресвитеров или старейшин с апостолами: “Смотрите, чтобы все вы следовали за епископом, как Иисус Христос следовал за Отцом, и как пресвитеры за апостолами.”^[11] Должны ли мы заключить, что епископы подобные Богу, а пресвитеры являются наследниками апостолов? Не означает ли это скорее всего принцип подчинения власти, где имеется ввиду что эта власть верная верховной власти?

В самом деле, Иринеи действительно утверждает наследование апостолов старейшинами или пресвитерами: “Из-за этого возлагается подчиняться пресвитерам, которые в церкви – тем, которые, как я показал, получили апостолское наследство от апостолов; тем, которые вместе с наследием епископата, получили некий дар истины, согласно доброму желанию Отца.”^[12] Это наследие Иринеи определяет как те, которые учат апостолской вере, не некоторой тайной и поверительной доктрине, которой наделенные “совершенные.” Иринеи воевал против тех, которые были “мудрее... даже чем апостолы,” и противопоставлял им пресвитеры и епископы, которые были наследниками апостолов, т.е. которые подчинялись библейской власти.^[13] Власть веры верховная, а не физическое наследство; апостолское наследство означает наследие веры апостолов, и это объясняет лояльность и подчинение этой веры.^[14]

Шестое, цель этого надзора за старейшинами со стороны епископа или пастора была “чтобы все сделанное могло быть надежным и действительным.”^[15] Чтобы защитить церковь от ереси и беспорядков, миссионерские пасторы или епископы имели еще с новозаветных времен, ответственность за каждую паству, находящейся под их юрисдикцией.

Седьмое, это означает, что епископальная традиция ошибочно возвеличивает одного пастора или епископа над другими, пока пресвитерианская традиция стремится деградировать службу пресвитера или старейшины к совсем неактивному и неэффективному органу. Вместо того, чтобы быть управляемым в своих действиях пастором, он заседает, чтобы управлять пастором. Вместо того, чтобы быть эффективной службой для развития церкви вне возможностей достижения пастора, или чтобы следовать его дело эффективной разработкой, он становится *голосующей*, а не *функционирующей* службой. Главная задача большинства старейшин сегодня - голосовать на заседаниях, консисториях, или енорийских собраниях, на церковных советах, на курсах, на синоде или на общей конференции.

Можно ли воскресить службу пресвитера в его первоначальной функции? Есть многие, которые твердят, что этого невозможно сделать, что современный человек слишком утонченный, чтобы терпеть что-нибудь другое, кроме наилучшего семинаристского лидерства, и самых привлекательных форм богослужения, с хором, красивым святилищем, и органом. Правда ли это?

В последние годы многочисленные организации демонстрировали огромную жизненность в показывании превосходства. Две иллюстрации будут достаточные. *Первая* из них Джон Берч и его общество. Эту иллюстрацию мы избрали нарочно. Не наше дело, и не подходит нам дискутировать здесь все за и против этой организации. Для нашей цели важное, что это общество критиковали, ненавидели и атаковали, как делали это и против ранней церкви в далеко большей степени, и что оно возглавлялось добровольцами мирянами. Группы мужчин, женщин, и молодых, нормально не превышающих двадцати личностей, встречались в домах регулярно, чтобы проводить курс обучения под руководством лидера. Эти лидеры обыкновенно были удивительно занятыми людьми: доктора, зубные врачи, бизнесмены, и другие, у которых было полное расписание дня, но все-таки находили время, чтобы подготовить урок, приглашать друзей и соседей, и набирать, с помощью других, новых членов. Этим руководящих лидеров можно назвать старейшинами, направляемые координаторами, которые функционируют как епископы или пасторы. Общая членская масса общества неизвестная, хотя она оценивается от 60,000 до 100,000. Однако есть текучесть членов, потому что некоторые, учась год или два, уходят из общества, не оставляя при этом его основную философию. Основываясь на путешествиях автора, общее число тех, которые попали под влиянием общества за короткое время достигло может быть пять миллионов. Время от времени возникают другие консервативные движения с большим числом последователей, но с меньшим влиянием. Ключ к эффективности общества Джона Берча был в плане действия, которое сильно напоминает раннюю церковь: собрания, местные “светские” лидеры, корпус наблюдающих или “епископов.”

Вторая иллюстрация личная: еженедельные библейские и теологические лекции автора записывались на кассетах и распространялись по Соединенным штатам, а иногда и за границей. Некоторые из них были тоже напечатанные как например *Основания социального порядка, исследования убеждений и церковных советов ранней церкви* (1968). Этот труд, считанный некоторыми пасторами слишком трудным или теологическим, все-таки сильно распространился среди мирян. Он слушался многими группами из различных штатов на домашних собраниях. Обычная ситуация была, что мужчина или женщина открывали свой дом для друзей, предлагали освежительные напитки, и проводили еженедельные заседания с нарастающей аудиторией.

Ясное, что библейский образец действительно работал, и уже время, чтобы церкви снова применяли его. Если мы живем в гуманистское время, где истинная церковь находится в небольшом меньшинстве, мы опять нуждаемся в активном и функционирующем старейшинстве.

Нужно отметить и второе размышление, кроме этого об основной функции. Церковь сегодня стала добычей ереси демократии. Для многих светских мужчин и женщин, и для многих старейшин, сущность их христианского долга состоит в высказывании их мнения. Пастор или епископ постоянно встречает препятствия со стороны демократического импульса, который делает из него мальчика на посылках у собрания. Здесь Конституция апостолов делает интересное высказывание: “Это несправедливо, о епископ, что ты, который голова, должен подчиняться хвосту, т.е. некоторым мятежным личностям среди мирян, для уничтожения другого, а только Богу. Потому что твоя привилегия – управлять теми, кто под тобой, а не быть управляемым ими.”^[16] Вкратце, *церковь есть монархия, а не демократия*. Христос есть Царь, и все службы извлекают свою власть от Него, а не от народа. Согласие и волю людей есть часть их согласия с Христом. Пастору или старейшине надо повиноваться и уважать его, кроме случаев, когда он не повинуетя Господу. Но мы не должны требовать совершенства от носителей службы. Например, литература отцов церкви постановляет: “Слушайте вашего епископа, и не утомляйтесь отдавать ему все почтение; зная это, показывая его к нему, оно относится к Христу, а от Христа оно относится к Богу; а тому, кто отдает его, отплатится многократно. Читайте, следовательно, престол Христа.”^[17] Очевидно, что преувеличение этого поведения привело к римскому католическому авторитаризму, но не извращение ли тоже, когда некоторые сторонники пресвитерианства объявляют свою церковь как колыбель демократии? Церковь Иисуса Христа есть монархия, и цель ее представительной формы управления есть усилить сохранение “Коронных прав Царя Иисуса.” Не права народа, а суверенные права Христа Господа должны защищаться членами, дьяконами, старейшинами, пасторами и епископами. Сесия, или консистория, или вестиярий, не демократический форум, а управляющий орган от имени Христа. Пасторы или епископы испытываются пресвитерством в смысле канона или правила Святого писания с целью сохранить владычество Христа. Подобное испытание для службы старейшин есть необходимость, если только церковь не ставит себе цель быть демократичной.

В Ортодоксальной пресвитерианской церкви *Стандарты* требуют, чтобы при воздвижении в сан или при организации управляющих старейшин, “служитель должен постановить следующей или подобной речью, полномочие и природа службы”:

Служба правящих старейшин основывается на царствовании нашего Господа Иисуса Христа, который дает своей Церкви служители, которые будут управлять в Его имени. . . .

Долг и привилегия правящих старейшин, во имя и через власть нашего восходящего Царя, есть управлять отдельными церквами, и как служители нашего великого пастуха, заботится об Его пастве.^[18]

Монархистская ориентация службы полностью утверждена, и необходимо снова поставить ударение на это в церквах. К несчастью слишком часто, как например в Ортодоксальной пресвитерианской церкви, эта служба формально признается, но в действительности она бесплодная.

Таким образом мы видим, *первое*, что служба старейшин пасторальная по природе, что старейшина в ранней церкви функционировал как рука пастора или епископа при утверждении и распространении евангелия. *Второе*, мы отметили, что эта служба не часть церковной демократии, а монархии. *Третье*, старейшина или старейшины составляют суд церкви. В этой области надо сделать многое, чтобы восстановить древнюю функцию старейшины, и надо сделать ударение на церковной дисциплине в тех кругах, которые придерживаются к доктринам Реформации. Поэтому достаточно просто добавить, что как бы ни была эта юридическая функция важная и необходимая, она становится извращением, если пренебрегается основная пасторальная функция, а старейшина становится и основным судьей, а сесия, консистория, и вестиярий становятся судом. Пасторальная функция должна быть первичной во все времена.

Итак, важно осознать, *четвертое*, что существенная задача старейшины не заседать, а действовать для продвижения вперед евангелия и господства Христа. Возвращаясь опять к Поликарпу, отметим его комментарий об обязанностях пресвитеров:

И пусть пресвитеры будут сострадательными и милостивыми к всем, возвращая на правый путь заблужденных, посещая всех больных, и не пренебрегая вдову, сироту или бедного, а всегда “стараясь о добром не только пред Господом, но и пред людьми” (II Кор. 8:21; ср. Рим. 12:17), воздерживаясь от всякого гнева, личных пристрастий и несправедливого суждения; пусть стоят далеко от всякой алчности, не верить быстро (злomu сведению) против кого-нибудь, ни быть строгими в осуждении, зная, что все мы под долгом греха. Если, следовательно, мы молимся Господу простить нас, мы должны тоже сами прощать (Мат. 6:12-14); потому что мы пред глазами нашего Господа и Бога, и “Все мы предстанем на суд Христов... итак каждый из нас за себя даст отчет Богу” (Мат. 14:10,12; II Кор. 5:10). Поэтому пусть мы служим Ему со страхом, и со всем почтением, как Он Сам заповедал нам, и как апостолы, которые проповедовали евангелие нам, и пророки, которые объявили заранее пришествие Господа (подобно поучали нас). Пусть мы будем ревностными в преследовании добра, остерегаться от случаев преступления, от ложного братства, и от тех, которые в лицемерии произносят имя Господа и вводят пустых людей в грех.^[19]

Обязанность государства есть быть слугой правосудия, обеспечивать закон и порядок, и быть судом справедливости. Призвание церкви есть быть слугой милосердия, прокламировать спасительное дело Христа, так что ее основная задача спасительная, а не юридическая. Это должно быть тоже основной ориентацией каждой службы в церкви. Пасторы и старейшины по началу не суд, а слуги милосердия, прокламирующие что спасение дается нам от нашего Бога через Иисуса Христа, и призывающие всех людей подчиниться Христу, своему Царю. Совсем реальная юридическая функция пасторов и старейшин состоит в том, чтобы сохранять целостность этого, их основного призвания, а также предостерегать поверенные им церкви от коррупции и отклонения от их призвания. *Управлять* как правящий старейшина, это означает больше, чем заседать на сессии как судья; оно означает еще больше распространять и утверждать управление Христа Царя. Например старейшина, который принимает лидерство в установлении христианских школ, действительно исполняет свою службу. То же самое

верно для старейшины, который использует свой дом как центр для учебной группы, как небольшая домашняя церковь, как ядро нового собрания. Правильным старейшиной может быть тоже тот, который превращает в свой долг посещать больных и нуждающихся из паствы Христовой, или проповедовать под надзором пастора новому собранию, полагающему усилия организовать, или начать новое дело. Он может тоже принять главные ответственности в своей церкви, с целью освободить своего пастора для других дел. Вкратце, *судья* имеет дело только с преступниками; *правитель* имеет дело с целостной жизнью людей. Старейшины призванные быть управляющими, а не судьями старейшинами. Это различие жизненно важное, и пренебрежение его парализующее для церкви.

Климент Александрийский, цитируя тристепенное деление службы как епископ, пресвитер или старейшина, и дьякон, заявляет что настоящим старейшиной есть

Настоящий слуга (дьякон) воли Божьей, если он учит тому, что Господне, и делает его; если он не назначен (или избран) людьми, и его не считали праведным, потому что он пресвитер, а выдвинули в пресвитеры из-за его праведности. И хотя здесь на земле большие шишки не будут чтить его, он будет сидеть на двадцати четырех престолах, и судить людей, как говорит Иоанн в Апокалипсисе.

Потому что на самом деле завет спасения, дошедший до нас от основания мира, через различные поколения и времена, есть один, хотя и считается различным в связи с дарами.^[20]

Ясное, что это духовная служба, и это правящая служба; она становится судебной службой, когда обстоятельства требуют это. Но как Аарон и Ор поддерживали руки Мойсея для победы над Амаликом (Исх. 17:10-12), так и пресвитеры и старейшины наших дней должны поддерживать руки их епископов или пасторов для победы над силами мрака, амаликитянами нашего времени, с целью, чтобы мы могли обрадоваться, что “царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков” (Отк. 11:15).

Последнее замечание: характерная слабость церкви и государства состоит в том, что они переусердствуют в управлении. Ответ государства всем проблемам ищется в создании новых законов, а ответ церкви ее проблемам – в “дисциплине.” Такие действия не могут заменить необходимость в христианском характере и развитии. У церкви не может быть лучшего источника дисциплины, чем здоровое и совершенное учение, но она находит более легким снизить ответственность и свободу членов, чем снабдить их средствами для зрелого развития. Лучшая дисциплина есть слово Божье и дела Святого Духа; церковная дисциплина должна быть крайним средством, необходимым, но подчиненным инструментом.

3. Христианская пасха

Один из самых очевидных фактов касательно Тайной вечери, это что на ней чествовался пасхальный ужин. Продолжение старого завета обновленным или новым заветом ознаменовалось совпадением двух ритуалов. Факт, что Иисус избрал двенадцать учеников, выясняет что Его общность была новым Израилем Бога. Невозможно понять Новый завет, если отрицается или недооценивается то, что он продолжение Ветхого.

Пока они ели пасху, Иисус обратил их внимание к планиранному предательству Иуды, и потом послал Иуду вон (Мат. 26:21; Иоан. 13:30). Потом, “когда они ели” (Мат. 26:26; Мар. 14:22), Иисус основал христианскую пасху в Своем теле и крови.

Чтобы понять христианскую пасху, обязательно надо анализировать древнееврейскую. Поэтому некоторые аспекты первоначальной пасхи заслуживают внимание.

Первое из всех, пасха праздновала освобождение от египетского рабства, и от десятого бедствия – от смерти первенцев. Следовательно это было ветхозаветное *спасение*, и оно отмечало начало субботы, дня отдыха Господа, напоминая о спасении (Втор. 5:15; Исх. 12:12,13). Первый день праздника был 15 Нисана (Марта-Апреля) и праздник продолжался 8 дней. Если пасхальный ритуал начинался в рабочий день, его начало было таким:

Благословен ты, О Вечный, наш Бог, Царь вселенной, Создатель плода виноградного.

Благословен ты, О Вечный, наш Бог, Царь вселенной, который избрал нас из среди всех народов, и возвисил нас среди наций, и освятил нас своими заповедями. И ты, О Вечный, наш Бог, дал нам (субботные дни для отдыха, и) праздничные дни для веселья, (эту Субботу и дни) этого праздника незаквашенного хлеба, время нашего освобождения, (в любви) вспоминая об уходе из Египта. Потому что нас избрал ты, и освятил из среди всех наций, что ты дал нам наследить твои святые (субботные и) праздничные дни (в любви и благосклонности). Благословен ты, О Вечный, который освятил (субботу и) Израиля, и праздничные дни.

Эти слова выявляют факт избрания, и факт, что достижение святости осуществляется через закон: Бог “освятил нас своими заповедями.” Таким образом ортодоксальная служба отражает здоровую доктрину – оправдание через избирательную милость и достижение святости через закон. Главы 12 и 13 Исхода свидетельствуют о факте милости и цитируют требования о повиновении закону (13:9).

Подобным образом христианская пасха чувствует христианский день спасения, победу Христа над грехом и смертью, и поэтому день воскресения отметил начало христианской субботы. При самых больших литургиях таинства чтение закона, Десяти заповедей, основное для службы. В Книге общей молитвы закон читается в начале службы, хотя его можно пропустить, если он читается по меньшей мере в одном воскресеньи каждый месяц. Если пропускается, то читается обобщение закона. При службе последнего причастия калвинистского ордена, и при первом причастии у Нокса в Шотландии, закон не читался, но он появлялся в их литургиях в форме анатем, произносимых специально против всех нарушителей закона.

Второе, еврейская пасха есть семейная служба, и Бог распорядил чтобы сын не только задавал ритуальный вопрос, но чтобы служба была адресованная ему (Исх. 13:14). Итак самый младший сын нормально задает вопрос о значении службы, а цель слов священника-отца есть разъяснить ему значение службы. Самый младший из присутствующих задает “Четыре вопроса,” которые связанные с значением ночного ритуала. Потом об освобождении из Египта и его значения рассказывают глава хозяйства и другие участники.

Христианская пасха тоже праздник Христовой семьи. В соответствии с этим дети принимали причастие. Ранняя церковь собиралась по домам, обычно ночью, потому что первый день недели был тогда рабочим. Таинство чествовалось как братская вечеря, как праздник любви, как трапеза с чем Бог дал для всех членов. Дети участвовали на трапезе. Совсем ясное, что в течении первых девяти или десяти веков христианской эры на этот день крестили детей, давали им первое причастие, и вообще принимали причастие.

Еврейский образец ветхозаветного закона был очень сильным в церкви. (Даже сегодня римско-католический требник отмечает в своем распорядке месс, что один пункт, “Чествования слова,” “взят из службы синагоги в Израиле.”)[21] Как результат это требовало вмешательство церковного совета, чтобы отклониться от практики крестить детей на восьмом дне. Фидий, африканский епископ, поднял вопрос “надо ли крестить детей, *если нужна требует это*, сразу после рождения, или это нельзя делать раньше восьмого дня, согласно правилу об обрезании?” Синодальный ответ святого Киприана и совета шестидесяти шести епископов был таким:

Что касается случая с грудными младенцами, о которых вы считаете, что их нельзя крестить на втором или третьем дне после рождения; и что надо соблюдать правило об обрезании, так что никого нельзя крестить и освящать раньше восьмого дня после рождения; все мы на нашем совете были на обратном мнении. Наше едидушное решение и суждение есть, что никому нельзя отказывать милость и благоволение Божье с момента его рождения.[22]

Очевидное намерение этого решения было позволить крещение новорожденных грудных ребят, которые могли бы умереть до восьмого дня и таким образом остаться некрещеными. Преобладал видимо этот ранний страх, что таким детям откажется заветное спасение, потому что с ним не исполнился заветный ритуал. По существу, требование о восьмом дне Ветхого завета признавалось, и его нарушали только в спешных случаях. Наша цель здесь не анализировать взгляд на крещение, поддерживаемый советом, а просто обратить внимание постоянству ветхозаветного образца. Если вернемся к службе причастия, есть ясное доказательство, “что само причастие давалось детям, и при том непосредственно с момента их крещения.” Как отметил Бингам, этот факт “часто упоминали Киприан, Остин, Иннокентий и Геннадий, авторы с третьего по пятое столетие. Малдонат признает, что это существовало в церкви уже шестьсот лет. А некоторые из авторитетов утверждают, что оно продолжалось два или три века больше, и что было обычной практикой после времени Карла Великого.”[23] Этот факт представлял постоянство ветхозаветного образца, это совсем ясное. Невозможно найти никакого библейского основания, чтобы элиминировать детей от таинства. Смысл заветной жизни уничтожается, если исключить их, и нарушается закон Божий. Основание об их исключении можно найти в I Кор. 11:28, и это есть требование об испытании себя, точно как и ограничение еды до символа основывается на стихах 22 и 34. Могут существовать основания для последнего факта, хотя не может быть ограничения таинства только к символической еде. Все-таки испытание себя было частью древнееврейской церемонии.

Это приводит нас к *третьему* важному пункту, аспекта о *приготовления* для пасхи. В древнееврейском доме на 13 Нисана вечером, глава хозяйства обыскивал весь дом с горячей свечей, чтобы элиминировать всякую закваску, включая всякий хлеб, сделанный из заквашенного теста из пшеницы, ячмени, овса и риса.[24] Потом в Седер, первые два дня праздника пасхи, произносилось “объявление участия детей.”[25] Как эти два факта согласуются с требованием о подготовке и об испытании себя? Как можно включить детей?

Ритуал обыскивания дома, чтобы элиминировать всякую закваску, был символом, введенным чтобы показать необходимость в элиминировании всякое разложение из жизни семьи и из индивида. Как такой, он был живым символом для всех детей, начиная с их ранних дней, о необходимости в испытании себя, о необходимости в элиминировании каждого разложительного влияния и привычки из их жизни. Таким образом ребенок, как член завета, научался вместе со своими самыми ранними воспоминаниями и значению членства в завете. Ранние христиане продвинули это применение дальше, чем это делали древние евреи, тем что дети на руках принимали причастие своими устами; в этой практике содержалось более чем небольшое суеверное верование. Она не элиминировала библейское требование чтоб служба включала всех детей, способных задавать вопрос о значении службы. Кроме того служба есть и чествование, и обучение, чтобы научить всех присутствующих факту о спасении и его значению.

Четвертое, пасха напоминала победу, и смотрела вперед к новым победам. Слово *спасение* можно перевести тоже как *победа*. Ортодоксальная еврейская служба в одном пункте гласит: “Может быть Он, который самый милостивый, сломает ярмо нашего рабства с наших шей, и приведет нас безопасно в нашу землю.” Это вера, направленная на будущее, которая надеется на победу, и поэтому ждет Илию, чтобы Он пришел как ее геральд.

Подобно этому, христианская пасха имеет свою цель, высказанную святым Павлом: “Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет” (I Кор. 11:26). Согласно Ходжу, значение этого стиха такое:

Как Пасха была постоянным напоминанием об освобождении из Египта, и предсказанием о пришествии и смерти Божьего Агнца, который должен вынести грехи мира; так и Вечеря Господня одновременно есть напоминание о смерти Христа, и обещание об его пришествии второй раз без греха в спасении.[26]

Это достаточно верное, но все ли это, которые это высказывание означает? Калвин комментировал:

Вечеря следовательно есть (так сказать) вид памятника, который должен всегда оставаться в Церкви, до последнего пришествия Христа; и для этой цели определенное, что Христос может быть имел нас ввиду, которые воспользуемся от его смерти, и чтобы могли признать это пред людьми. Отсюда и название Причастия (От *отдавания благодарности*).[27]

Это лучше, чем то что Калвин говорил “воспользуемся его (Христа) смерти.” Значение Господней смерти есть смерть греха и смерти: она означает спасение и победу. Христианская пасха должна объявить победу Бога и Божьих людей. “А кроткие наследуют землю, и наслаются множеством мира” (Пс. 36:11).

Измерение победы так основное для таинства, что отметить его без объявления этой победы значит отречь таинство. Ветхозаветная пасха, которая есть наследство всех христиан, видела избиение перворожденных в Египте

и освобождение Божьего народа из рабства. Новозаветная пасха видела людей Божьих, сами грешники, освобожденными через смерть первенца Бога, в ком они имеют победу.

Пятое, смерть перворожденного основная для пасхи. При ветхозаветной пасхе погибли первенцы Египта; требование к Израиллю было “Освяти Мне каждого первенца, разверзающего всякие ложесна между сынами Израилевыми, от человека до скота: Мои они” (Исх. 13:2). Перворожденные Божьих врагов были убиты; все перворожденные завета, представляющие всех в завете, отдаются или посвящаются Богу, или надо выкупить их (Исх. 13:13). Пасха есть жизнь и победа для тех, которые верные завету: она ведет к обетованной земле.

При христианской пасхе смертный приговор против первенцев завета, которые все грешники, принимается Божьим первенцем, Иисусом Христом, новым Адамом. Смертный приговор окончательно произносится против всех других. Для людей завета Христа пасха означает освобождение обетованной земли. Это победа во времени и во вечности. Долгие века евреи чествовали свою пасху, желая друг другу: На следующий год – в Иерусалиме! Такой дух отражает победу первоначальной пасхи. Победа христианской пасхи далеко более великая. Лишить выполнение ритуала Господней трапезы от этого отмечаия победы значит отречь таинство.

Следовательно, христианская пасха означает, что все люди вне завета находятся под десятой казни. Только те, которые в завете, охватываются кровью Агнца и им обеспечена победа и освобождение в обетованной земле, т.е. в новом творении Бога. Святой Павел отмечал и испытание себя (очищение дома от закваски), и победа над врагами, когда он писал: “Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так-как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать...” (I Кор. 5:7,8).

4. Обрезание и крещение

Связь между обрезанием и крещением, второе наследило первое как символ завета, была так близкой, что как мы видели, потребовала в дни Киприана вмешательство церковного совета, чтобы разрешить крещение раньше восьмого дня. Поскольку закон об обрезании требовал, чтобы ритуал исполнялся на восьмом дне (Быт. 17:12; Лев. 12:3), веровалось что крещение не должно предшествовать восьмого дня и чтобы изменить это было необходимо решение совета. Таким образом ранняя церковь признавала, что крещение не только наследило обрезание как символ завета, но тоже и то, что одни и те же законы управляли обоими. Именно из-за того, что этот факт признавался всегда, крещение ребенка было неизбежным фактом в ранней церкви.^[28]

Обрезание, как символ завета, свидетельствовало о павшей природе человека, и о необходимости в новой природе в Божьем завете. Как отметил Вос:

Обрезание имело что-нибудь общее с размножением. Не в смысле, что акт сам по себе грешный, потому что нет никакой следы об этом нигде в Ветхом завете. Не сам акт, а его продукт, т.е. *человеческая природа*, есть нечистая и негодная в самом своем источнике. Грех следовательно есть проблема всей расы, а не только самого индивида. В Ветхом завете специально подчеркивалась необходимость в этой оговорке. В это время обещания Бога непосредственно относились к временным, естественным вещам. Отсюда возникала опасность, что природное происхождение могло пониматься как дающее право на Божью милость. Обрезание учило, что физическое происхождение от Авраама недостаточно, чтобы быть настоящим израильтянином. Надо было отстранить нечистоту и негодность природы. Догматически говоря, обрезание следовательно символизировало оправдание и новое рождение, плюс достижение святости (Рим. 4:9-12; Кол. 2:11-13).^[29]

Через символическое отрезание органа размножения, обрезание показывало, что надежда не в размножении, а в новом рождении; человек может только воспроизводить свою павшую природу; он не может превзойти ее.

Таким образом обрезание символично представляло форму смерти, отрезание от жизни. Оно представляло тоже устранение препятствия; в Исх. 6:12,30 оно использовалось метафорически “для устранения несловесности.” Многократно о нерожденном заново сердце говорилось как о необрезанном (Лев. 26:41; Втор. 10:16; 30:6; Иер. 4:4; 6:10 говорит об ухе; 9:25,26; Иез. 44:7; Рим. 2:25-29; Фил. 3:3; Кол. 2:11-13).^[30]

Обрезание как символ смерти показывало смерть Христа как человеческий представитель. Трумбул отметил, что “в ритуале обрезания Авраам и его потомки предлагали кровь завету, пока в пасхальном жертвоприношении Господь заповедал заменить кровь как символ своего скрепленного кровью договора.”^[31]

Поскольку Христос пришел как самый настоящий человек и как самый настоящий Бог, Он предложил кровь завету, умирая как настоящий человек из-за человеческого нарушения завета, а как настоящий Бог, Он умер как наш безгрешный заместитель и совершенный блюститель закона, который Своей смертью уничтожил владычество греха и смерти. Кровь обрезания и кровь пасхального агнца символизируют дело Христа. После совершения Его дела на кресте кровь перестала быть аспектом заветных ритуалов, кроме как в мемориальном смысле. При христианской пасхе дарующее жизнь, освежающее вино стало символом Его пролитой крови. Старые ритуалы смотрели вперед к Христу; они смотрели назад к Адаму и Аврааму, и к пасхе в Египте. Новые ритуалы завета смотрели назад к Аврааму и Адаму, и к смерти, и к воскресению Христа; они смотрели вперед к Его победе и новому покорению земли, и к новому сотворению. Старый договор завета скрепился кровью после грехопадения и с Авраамом; он смотрел вперед к искупительной крови Христа, выражающейся типично в крови жертвенных животных. Обновленный завет в Христе начался в Его крови, но смотрел вперед к славному царствованию Царя в царстве мира, как предсказал Исаия. Как результат этого факта кровь перестала быть аспектом заветных ритуалов.

Крещение выражало нашу смерть и воскресение в Христе, наше новое рождение, принятие и включение в завет милости. Это свидетельство о милости, а не сама милость. Как отметил святой Августин, это “таинство милости, и таинство оправдания, а не сама милость и само оправдание.”^[32] Ранняя церковь видела освещение как один из аспектов крещения, как новое понимание спасенного сердца; крещение называлось тоже “царственный знак или характер, и характер Господа.”^[33] Сознывая его связь с Ветхозаветным ритуалом, некоторые отцы церкви

говорили о крещении как о “великим обрезанием.”^[34] В повиновении сказанному в Мат. 28:19, его с самого начала считали действительным только когда оно совершалось во имя Троицы.

Некоторые классы людей не допускались к крещению, если они не оставляли свою профессию: водители боевых колесниц, гладиаторы, участники в состязаниях на ипподроме и в Олимпийских играх, музыканты, производители вина, и другие; все эти занятия были частью языческих религиозных церемоний. При всяких обстоятельствах исключались астрологи, чародей, ворожеи, ведьмы и т.п. Театр и цирк считались особенно развращенными аспектами язычества и поэтому работающим в них и их посетителям отказывалось крещение. Отвергались тоже и полигамные.

Поскольку крещение означало отчасти смерть верующего и его новое рождение или воскресение в Христе, его очень рано связали с праздником Воскресения, хотя и не исключительно. Этот самый аспект, новое рождение, привел к интересному обычаю, который возобновился уже несколько веков тому назад, как основной для крещения, а именно крещение голым, обычно через погружение в воду. Обрызгивание и погружение одинаково использовались в церкви, которая признала обрызгивание как символ нового завета после Иез. 36:25. Обрызгивание тоже было очень ранняя обычная практика. Подчеркивание смерти и нового рождения привело к ударению на погружении, как на символическом представлении этого факта. Люди рождались голыми; отсюда они рождались заново голыми в крещении. Никакие дела нерожденного заново человека не могут отнести его на небесах; следовательно, кандидат символично раздевался от всей одежды, чтобы показать, что у него нет ничего, кроме Божьей милости. Поэтому в течении нескольких поколений в церквях существовало две помещения для крещения, и мужчины и женщины крещались отдельно. Рим. 6:4 и Кол. 2:12 подтверждают эту практику символических похорон и воскресения. Эта практика крещения наголо показывает насколько серьезно ранняя церковь принимала библейскую символику; ничего не пропускалось, и иногда получались слишком буквальные применения.

Один из аспектов символизма наготы было сравнение с Адамом:

Святой Христом, говоря о крещении, говорит: Люди были нагими как Адам в рае; но с этим различием: Адам был нагим, потому что он согрешил, а в крещении человек был нагим, чтобы он мог освободиться от греха; первый был раздет от славы, которую он имел когда-то, а другой оставлял бывшего человека, каким он был, и так легко, как он снимал свою одежду. Святой Амвросий говорит: Люди пришли совсем нагими, как они пришли на свет; и отсюда он извлекает аргумент об иллюзии богатых людей, говоря им как абсурдно, при положении что мать родила человека голым, и таким его приняла церковь, думать что можно отправиться на небеса богатым. Кирилл из Иерусалима описывает обстоятельства, вместе с основаниями о них, когда он обращается к новокрещенным так: Сразу как вы вошли в помещение для крещения, вы сняли свои одежды, что есть эмблема об оставлении бывшего человека с его делами; и раздетые, вы стояли нагими, имитируя Христа, который был нагим на кресте, который своей наготой унизил власть имущих и сильных дня, триумфируя над ним с креста. О, удивительно! Вы были нагими на глазах у людей, и не стыдились, этим действительно имитируя первого человека Адама, который был нагим в рае, и не стыдился. Так тоже и Амфилохий в *Жизнь святого Василия*, говоря об его крещении, сказал: Он встал со страхом, и снял свои одежды, а вместе с ними и бывшего человека... Афанасий в своей обличительной речи против ариан между прочим вменил им в вину и то, что со своими предрассудками евреи и неевреи проникли в помещения для крещения, и там причинили такие оскорбления новокрещенным, когда они стояли с нагими телами, что стыдно и противно рассказывать.^[35]

Крещение, как мы видели, цитируется святым Павлом как символизирующее между прочим нашу смерть и новое рождение во Христе (Рим. 6:4; Кол. 2:12). Это было тоже один из аспектов обрезания. Обрезание означало не только новую жизнь в заветном Господе, но для тех, которые нарушали или отвергали завет, оно означало смерть. Как указал Клайн:

Общие и специфичные рассуждения одинаково наводят на заключение, что обрезание было символом клятвы – присяги о принятии завета. Отрезание крайней плоти символизировало осуждение на исключение от заветных отношений.^[36]

Заветное жертвоприношение из Втор. 15:9 и т.д. как и символ обрезания свидетельствовали об отрезании, о проклинании нарушителя завета.

Клайн был прав, когда обратил внимание на том же аспекта осуждения в крещении.

Павел описывал испытание Израиля в Красном море как его крещение (С Кор. 10:2), а Петр в самом деле называет крещением испытание Ноя потопом (1 Пет. 3:21)... Но особо важным по этому вопросу является факт, что сам Иоанн Креститель использует глагол *baptizo* (крестить) для предстоящее испытание, в котором “Сильнейший от него” Своей “лопатой” для веяния хлеба отделил от заветного царства тех, у которых обрезание, из-за отсутствия Авраамовой веры сделалось необрезанием, и которых надо поэтому отрезать от собрания Израиля и посвятить вечному огню. В связи с этим юридически разделяющим испытанием, с его двойственным направлением к амбарам и к Геене, Иоанн заявляет: “Он будет крестить вас Духом Святым и огнем” (Мат. 3:11; Лук. 3:16; ср. Мар. 1:8).^[37]

Быть неверным завету означало быть отрезанным, быть выметенным потоком осуждения, быть уничтоженным огнем Божьего гнева. Следовательно, сами символы завета были тоже символами беспогрешного Божьего осуждения над нарушителями завета с самого начала истории. Все люди – нарушители завета, но обрезанные ветхозаветной церковью (а ее называли собранием, т.е. собором, церковью, Деян. 7:38), и крещением Новой, были такими вдвойне. Это знание может быть дано основание для отсроченных крещений в ранней церкви, когда многие откладывали крещение до момента смерти: такая практика была конечно грех против завета. В своем комментарии о крещении Иисуса Клайн выясняет аспект об осуждении так:

Принимание крещения от Иоанна со стороны Иисуса можно понять более легко следующим подходом. Как Раб завета, Иисус подвергся символу осуждения Богом завета в воде крещения. Но для Иисуса, как Божьего Агнца, подвергаться символу осуждения значило предложить себя проклятию завета. Своим крещением Иисус посвятил Себя Своей жертвенной смерти в юридическом суде испытанием на кресте. Такое понимание Его крещения отражается в собственной ссылке Иисуса на своем грядущем гневе как на крещении: “Крещением должен Я креститься” (Лук. 12:50; ср. Мар. 10:38). Символическое крещение Иисуса в осуждении соответственно приводит к божественному приговору, приговору об оправдании, выраженному небесным голосом и запечатанном помазанием Святым Духом, который был самое раннее царское наследство Мессии (Мат. 3:16; Мар. 1:10,11; Лук. 3:22; ср. Иоан. 1:32,33; Пс. 2:7). Это определение сыновности оспаривалось сатаной, и это привело к испытанию битвой между Иисусом и сатаной, начавшейся с искупления в пустыне непосредственно после крещения Иисуса, и достигшая свою кульминацию в распятии и оправдывающем воскресении победоносного Христа, что было прелюдией принятия Им всех царств мира (что предлагалось Ему при искуплении; ср. Мат. 4:8 и т.д.; Лук. 4:5 и т.д.).^[38]

Таким образом символ завета поставляет получающего его под Божьими специальными благословениями или проклятиями. Как спасенный человек, он уже под проклятием. Получая символ завета, человек находится уже под двойной угрозой осуждения, если он нарушает завет. Именно по этой причине Моисей был подвергнут опасности проклятия за отклонение от Божьего заветного призвания, тем что не обрезал своего сына (Исх. 4:24-26). По этой причине тоже “время начаться суду с дома Божия” (1. Пет. 4:17), как из-за двойной угрозой, так и чтобы очистить Божью заветную расу. Каждый, который получит символ завета должен обвязать тех, которые под ним, к Божьему закону, и приговор Христа над Его церковь есть упражнение Его власти как крещенный Богом, как Новый Адам.

Крещение Иисуса говорит нам больше о значении крещения: “И крестившись Иисус тотчас вышел из воды, - и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него” (Мат. 3:16). Вос рассматривает изнутри этот аспект крещения:

Ветхий завет нигде не сравнивает Святого Духа с голубем. Он действительно представляет Духа парящим, бродящим над водою хаоса, с целью извлечь жизнь из первичной материи. Это может навести на мысль, что дело Мессии составляло новое сотворение, связанное вместе с первым через эту функцию Духа касательно этого.^[39]

Таким образом крещение является вступлением в новом творении, чей царь есть новый Адам, Иисус Христос. Это заветный символ нового рая для Бога, а следовательно и для граждан.

В одном документе ранней церкви мы читаем: “Теперь новое рождение осуществляется через воду и духа, как было и все сотворение: ‘И Дух Божий носился над водою’ (Быт. 1:2). И по этой причине Спаситель крестился, хотя Сам не нуждался в этом, с целью чтобы Он мог освятить всю воду для тех, которые родились заново.”^[40] Поэтому крещение подчеркнуто рассматривалось как таинство нового сотворения, в котором старое очищается и исправляется. И Дух, и вода представляют средства очищения:

VIII. “Вода над небесами.” Поскольку крещение исполняется через воду и Духа как защита против двойного огня, - то, что поддерживает видимое и то, что поддерживает невидимое; и по необходимости имея нематериальный элемент воды, как и материальный, это защита против двойного огня. А земная вода очищает тело; но небесная вода, из-за того что она нематериальная и невидимая, есть эмблема Нового Духа, который очищает невидимое, как вода Духа, как различная от этой для тела.^[41]

Вопреки слегка подозрительным и странным намекам о дуализме в этом отрывке, ясное что крещение рассматривалось в его внутренних и внешних аспектах как новое сотворение мира, материально и духовно, через новое сотворение целостного человека.

Обещания заветному народу в Ветхом завете замечательные; они не только не берутся назад в Новом, но скорее расширяются. Мурей очень умело отметил:

Наконец, мы не можем поверить, что Новозаветная экономика менее выгодная, чем ветхозаветная. Это скорее наоборот, так как в этом случае Новый завет дает более широкий охват благословений Божьего завета. Поэтому мы не должны ожидать взятие их назад; мы должны ожидать расширение и продление. Не было бы в духе новой экономике предполагать, что есть отмена такого кардинального метода о раскрытии и применении милости, который лежит в сердцевине Божьего заветного управления.^[42]

Вода крещения отражает осуждение потопа и переход через Красное море; она обещает тоже новый мир, обетованная земля в Христе. Она указывает на полноту благословения, поскольку категорически отражает Божье осуждение старого человечества, павшего Адама в каждом из нас.

5. Священничество всех верующих

То, что “священничество всех верующих” есть “новозаветная доктрина,” которая вышла на белый свет после Реформации, есть протестантское заблуждение. Эта доктрина в самом деле есть ветхозаветный элемент веры, как показывают Исх. 19:5-6 и многие другие пассажи:

Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов: ибо Моя вся земля; а вы будете у Меня царством священников и народом святым. Вот слова, которые скажешь сынам Израилевым.

Первое, эти слова прежде всего предшествовали объявление закона, так что Божье требование (“если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой”) относится к заветному закону, к Десяти заповедям, и к подчиненным законам. Без повиновения Божьему закону не может существовать никакое действительное священничество. Таким образом священничество пред Богом условное, в зависимости от повиновения заветному Божьему закону.

Второе, Божий народ должен быть “царством священников.” Это царство есть Царство Божие, и поэтому священничество верующих относится к этому царству. Оно не священничество таинственных сил и жертвоприношений. Это видно не только из Ветхого завета, где работа по приношению жертв в скинии ограничивалась до линии Аарона, но тоже и из Нового завета, где слово *hierus*, священник, который приносит жертвы, никогда не применяется для верующих.^[43] Основное священничество, это всех верующих, всегда относилось к Царству Божию. Следовательно его цель была установление Божьего порядка, и закон был отдан с той же целью. “Жертвоприношение” этого священничества было “духовным,” т.е. послушная и верная служба Святому Духу; они призывались быть “царственное священничество, народ святой, люди взятые в удел” (1 Пет. 2:9). Цель этого священничества – “царствовать на земле” (Отк. 5:10; 20:6); инструмент этого царствования или управления есть Закон Божий. Работа по жертвоприношению, которая принадлежала священничеству Аарона, исполнилась и постигла свою цель жертвой Христа. Верующие священники Ветхого завета всегда были обязанные приносить жертвы о служении, восхвалении и благодарности (не искупления), и эта обязанность продолжается в верующих священниках церкви (Рим. 12:1; Евр. 13:15).

Третье, верующий священник в Ветхом завете служил как священник-правитель над своим хозяйством и в своей профессии. Та же самая ответственность остается у христианского священника-правителя. Его семья и его профессия – области, в которых надо применить закон-слово Бога и упражнять владычество Бога.

Верующий священник в Ветхом завете установил синагогу как средство дальнейшего умения закона и служения Богу. Надо подчеркнуть, что богослужение не может ограничиваться до синагоги или церкви; оно аспект ежедневной жизни человека. Благоговение перед пищей есть форма богослужения, как и другие формы семейного изучения Святого писания, и восхваления Бога. Богослужение в связи с трудом есть обычное и было таким. Церковь должна служить слову (хотя и не исключительно) и таинствам; хотя богослужение есть один из аспектов жизни церкви, оно не исключительный прерогатив церкви.

Библейский мандат для синагоги находился в Исх. 18:20: “Научай их уставам и законам Божиим, указывая им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать.” Корни синагоги были может быть в Вавилонском плену. Синагога была не только местом богослужения, но тоже и элементарной школой. Синагога рассматривалась тоже и как вид школы для взрослых; она была местом для лекций, а тоже и сценой для правовых решений.^[44]

В иудаизме стало требованием, что для организации синагоги нужно десять человек. Даже более важным этого был факт, что в старину синагогу организовал верующий священник, а не религиозная иерархия. Следовательно синагога создавалась верующими священниками как один из аспектов их священнической ответственности.

В Новом завете *церковь*, или “собрание” в греческом оригинале, называется тоже *синагогой* (Иак. 2:2). Церковь есть христианская синагога, имеющая те служители (старейшины) и ту же основную функцию, которая довелась до своей полноты в Христе. Церковь в Новом завете создавалась тем же способом как синагога. Апостольские миссионеры приводили обращенные в Христа.; потом обращенные организовали церковь, избирая старейшин или правителей, а апостолы давали инструкции касательно их квалификации (I Тим. 3). Избирание служителей было функцией местного собрания, не апостолов, которые могли однако объявлять закон-слово Бога, касающее не только служителей, но тоже и членов, и их дисциплину (I Кор. 5:4-5). Эта власть миссионерского надзирателя была подчиненная Божьему слову, так что святой Павел нашел необходимым объявлять библейские правовые основания для своих осуждений (I Кор. 5:1-13; 7:1-40; 8:1-13, и т.д.).

Таким образом местная церковь “насаждалась” миссионерами, но ее устанавливали местные верующие и они управляли ей. Их местное самоуправление не означало автономию, но и их подчинение большой церкви вообще, не имело никакой тяжести или обвязывающей силы вне Святого писания. Вся власть основывалась на Святом писании и поэтому ограничивалась Святым писанием.

Четвертое, священничество всех верующих означает то, что преподобный В. Роберт Нилсон в проповеди в Лонг Бич, Калифорния в 1970 году назвал “служением каждого верующего.” Святой Павел в Еф. 4:7 объявил: “Каждому из нас дана благодать по мере дара Христова.” Каждому верующему дана зрелая ответственность по условиям Царства Христова. В Еф. 4:11 святой Павел цитирует некоторых из служителей этой службы; не все призванные для этих особых и более высоких постов, но “каждый из нас” все-таки призван служить Богу в отдельном священническом призвании. Мы должны воспользоваться служением других и расти: “Дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству оболщения” (ст. 14), а как зрелые люди (ст. 13) принимать нашу ответственность, и упражнять владычество в назначенной нам области.

Обучение таких зрелых людей – функция церкви. Намерение церкви не должно быть привести людей в подчинении себе, а учить их царственному священничеству, способному привести мир в подчинении Христа Царя. Церковь есть набирающая станция, учебное поле, и оружейный завод для армии Христовых царственных священников. *Она функциональная, а не крайняя институция.*

Церковь повсюду отдавала должное священничеству всех верующих только на словах, потому что ее иерархия уничтожила доверие в применимости этой доктрины, и потому что она рассматривала церковь как цель сама по себе, а не как инструмент.

Пятое, поскольку священничество всех верующих имело практические намерения, такие были и у церкви. Ограничить верность церкви только до исповедания веры есть такое зло, как и ограничить верность мирян тоже только до исповедания веры. Такое исповедание необходимое, но недостаточное. “Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?” (Иак. 2:19,20). Долго до того, как ученики осознали полностью истинная природа и призвание нашего Господа, демоны признавали открыто, что Он Христос и Сын Божий (Мат. 8:29; Мар. 1:24; 3:11; 5:7; Лук. 4:34; ср. Деян. 19:15). Доброе дерево приносит добрые плоды: поэтому по плодам их узнаете их (Мат. 7:16-20). Настоящая вера раскрывается в делах.

Поэтому очень неправильно со стороны людей утверждать, что нельзя отделяться от церкви, потому что ее формальное исповедание веры все-таки ортодоксальное. Ортодоксальное кредо и исповедание веры сохраняют и многие модернистские церкви. Высказывание, что “Отделиться от вероисповедания, которое все еще по доктрине официально здоровое, будьте уверены, есть самое серьезное дело,”^[45] бессмысленное. Каждый профессиональный вор – формально честный человек; он не рекламирует себя как вор. Виртуально каждая вероотступническая и упадочная церковь отрицает, что она не что иное, как только истинная церковь, так что быть “по доктрине официально здоровым” бессмысленное. Здрава ли она по доктрине в делах и мысли, в своей практике, как в свое исповедание?

Шестое, священничество всех верующих, как мы видели, есть “царственное священничество” и связанное с Царством Бога. Как указал Ван Тил, “Царство Божие есть высшее благо человека.”

Под термином царство Божие мы подразумеваем *реализованную программу Бога для человека*. Мы склонны думать о человеке как (а) принимающим для себя эту программу Бога как свой собственный идеал и (б) применяя и сохраняя свои силы в движении, чтобы достичь ту цель, которая поставлена для него, и которую он сам ставит себе. Мы предлагаем рассмотреть вкратце эту программу, которую Бог составил для человека, и которую человек должен сам составить себе.

Самый важный аспект этой программы конечно то, что *человек должен осуществить себя как Божий заместитель в истории*. Человек создан Божьим заместителем и должен осуществиться как таким. Нет противоречия между этими двумя высказываниями. Человек создан с характером, и все-таки он должен тем не менее выработать себе характер. Так мы можем сказать, что человек создан царем, с целью чтоб он мог стать больше чем царь, каким он был.^[46]

Следовательно цель человеческого призвания как священник есть осуществить себя как Божий заместитель управляющего, и посвятить себя, свою область владычества, и свое призвание Богу, и службе Божьему царству. Человеческая *самореализация* возможна только когда человек исполняет свое священническое призвание.

Тенденция институций – церкви, государства, и школы – и профессий, есть абсолютизировать себя и играть роль богов в жизни людей. Ответ людей этой проблеме как будто была бы “демократия.” Однако демократия только усилила концентрация власти в руках институций, потому что у демократии нет никакого решения проблемы человеческой испорченности, и она часто даже не принимает существование этой проблемы.

Доктрина о священничестве всех верующих, когда она разработанная как следует, дает христианский ответ проблеме. Концентрация институциональной власти не может процветать там, где процветает такое священничество. Практическое применение концепции о священничестве привело иудаизм через века к созданию государства в государстве и общества в обществе. Доктрина о священничестве всех верующих, когда придерживаются к ней, есть программа не только для выживания, но и для победы. Современная концепция о демократии есть только жалкая пародия этой доктрины.

6. Дисциплина

Дисциплина есть важный и основной аспект церковного закона; она тоже очень неправильно понимаемый вопрос в церковной, школьной и семейной жизни. Чтобы иллюстрировать это неправильное понимание, можно показать случай набожной семейной пары с непутевой и серьезно преступной дочерью. Жалуясь от ее поведения, от того что она незамужем, а беременная, и от ее презрения к их власти, родители твердили, что они регулярно “дисциплинировали” ее. Ее лишали различных привилегий, и часто ей давали шлепки и пощечины. Все это было верно, но оставался факт, что дитя росло радикально недисциплинированным. Родители путали, как и слишком много других людей, телесное и другие наказания с дисциплиной, а они коренно различные. Дисциплина есть систематическое обучение и подчинение власти, и она результат такого обучения. Телесные и другие наказания применяются за отклонение от повиновения власти. Ясное, что *дисциплина и телесное наказание* связанные между собой, но так же ясное, что они различные.

То, чем церковь хвастается как “строгая дисциплина,” обыкновенно не дисциплина вообще, а строгое наказывание. Церковь, которая не применяет наказания, самое вероятное есть тоже недисциплинированная церковь. Однако церковь, которая постоянно занимается наказаниями, тоже самое вероятное есть недисциплинированная церковь. То же самое замечание верно и для школы, и для семей. В случае непутевой дочери, цитированном выше, это было определено так. Девушка, почти двадцатилетняя, была беременной и в плохой компании, наверно попробовавшая наркотики и многое еще, но она не знала шить или готовить, учиться или работать, или повиноваться простому порядку. Ее родители гневались на нее, и наказывали ее, и она тоже гневалась на них, но дисциплина радикально отсутствовала в их доме. Где нет дисциплины, телесное наказание неэффективное и является скорее оскорблением, чем исправлением.

Несостоятельность понять это различие между дисциплиной и наказанием, ответственная за большинство непорядков в церкви. В почти каждой церкви, где говорится *о дисциплине*, в самом деле имеется *ввиду наказание*. В путанице этих двух обычно проигрывает дисциплина. Например, “Книга о дисциплине” Ортодоксальной пресвитерианской церкви – типичная книга об юридических процедурах для удостоверения и наказания греха и дурного поведения. Ничего не говорится о настоящей дисциплине. То же самое верно в церкви за церковей.

Что такое дисциплина по существу? Мы использовали словарное определение, т.е. что дисциплина есть систематическое обучение и подчинение власти, и результат такого обучения. Надо добавить, что слово дисциплина происходит от слова ученик, которое латинское слово *discipulus*, происходящее в свою очередь от *disco* (научить). *Быть учеником и быть под дисциплиной, означает быть учащимся в учебном процессе. Если нет учения, и никакого развития в учении, нет никакой дисциплины.*

Первое, и самое главное при рассматривании церковной дисциплины, это факт, что учение или дисциплина есть от Божьего слова, от Святого писания. Недисциплинированная церковь есть такая церковь, которая не в состоянии проповедовать Святое писание и учить ему. Церковь, которая отвергает слово, не может быть дисциплинированной. У церкви, которая просто проповедует обращение в веру, но не и развитие, не может быть дисциплины. Антиномная церковь отрицает предпосылку о развитии, и поэтому у нее не может быть дисциплины. Святой Павел объявил, что “Вера от слышания, а слышание от слова Божия” (Рим. 10:17). Новое рождение нераздельное от Божьего слова. Живая церковь есть такая церковь, которая слышит слова, развивается по его условиям, и таким образом дисциплинируется через него.

Второе, церковное наказание, хотя и необходимое и духовное, не может заменить слово Бога как средство для дисциплины. Поскольку слово всегда идет вместе с силой Бога, оно способное дисциплинировать или учить, которое полностью отсутствует во всех действиях синодов или советов вне слова. Нас уверяют, что Божье слово исполняет свои намерения без промаха:

Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напоет землю, и делает ее способною рожать и произращать, чтоб она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест: Так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, - оно не возвращается ко мне тщетным, но исполняет то, для чего Я послал его (Ис. 55:10,11).

Александр идентифицирует “слово” здесь как “все, что Бог произносит или путем предсказания, или как заповедь.”^[47] Плумптр идентифицирует “слово” с “намерения Бога.”^[48] Калвин признавал идентичность этого слова со Святым писанием, и с “силой и эффективностью проповедования,” когда оно всецело верное Святому писанию. Оно осудит злого, а спасет и подкрепит избранного в смысле Божьего намерения.^[49]

Для церкви, оставить свое доверие в дисциплинирующую силу своего собственного слова и своей наказывающей мощи, и обходить обучающую силу Божьего слова, значит заменить настоящую дисциплину анархией. Есть сверхестественная обучающая и дисциплинирующая сила, присущая слову сверхестественного Бога, которая отсутствует в словах и действиях людей. Повсюду где церковь оставляет, пренебрегает, или ограничивает слово, там церковь заменяет тоже божественную силу Божьего слова за чисто гуманистское обучение. Не удивительно поэтому, что антиномные церкви производят бессильные и гуманистские христиане, а мир вокруг них постоянно впадает в гуманизм.

Третье, при настоящей дисциплине процесс обучения руководится и поддерживается Святым Духом, который дается избранным, чтобы они могли узнавать вещей, которые Божьи. Как постановил это святой Павел:

Но, как написано: “не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.” А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божье никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога (I Кор. 2:9-12).

Обращаясь теперь к церковной строгости, центральный пассаж здесь есть Мат. 18:15-20, который обычно принимается основной для дисциплины. В действительности описанная процедура определяет только поддается ли злодей наказанию, т.е. существует ли некоторая дисциплина слова в его или ее жизни. Принимается, что есть действительное нарушение со стороны члена или служителя церкви. *Первый шаг* (ст. 15) есть указать этому человеку его нарушение в смысле Божьего закона. Знают ли они закон Божий, и готовы ли они подчиняться ему? Если они действительно подчинятся этому Божьему закону, тогда они действительно “братья” в Господа.

Второе, если они пренебрегают слово и отказываются слушать его, их отказ должен подтвердиться устами хотя бы одного другого свидетеля, так что по крайней мере два свидетеля могли бы доказать их вероотступничество и/или неверие (ст. 16). Ссылка здесь опять на закон Божий, нарушение против него, упрек в смысле этого закона, и отказ принять этого закона.

Третий шаг – объявить нежелание виновной стороны: “а если и церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь” (ст. 17). Единственный возможный юридический процесс может иметь место на этом третьем этапе только если обвиняемая сторона отрицает, что обвинения верные. Тогда слушание дела может определить верное ли обвинение или ложное, т.е. нарушен ли закон Божий. Несостоятельность кого-нибудь принять Божий закон должно привести к прекращению связей с ним, т.е. к отлучению. На него надо смотреть как на язычника или на мытаря.

Предпосылка и основание для власти индивида, который противопоставляется виновной стороне, и для церкви в ее власти отлучать, есть закон-слово Бога. Когда люди “обязывают” на земле совесть людей в верности этому слову, их действия действительные на небесах. Когда в верности этому слову они прощают людям из-за их раскаяния и возмещения, то что они разрешают на земле, то будет разрешено на небе (ст. 18). Эта власть исполнительная, не законодательная, т.е. человек связан с Божьим словом, не Бог с человеческим словом. Когда человек действует в верности Божьему слову, тогда он может всецело надеяться на подкрепляющую верность Бога. “Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них” (ст. 20). Первичная связь здесь есть с юридическими действиями наказывания и прощения, но есть и общая связь, в том что как бы ни поступали верующие и церковь в верности закону-слову Бога, они могут рассчитывать на присутствие и поддержку управляющей над всем силы Самого Господа.

Мат. 18:15-20 ссылается и основывается на законах, данных в Ветхом завете: Лев. 19:17 требует упрек; Втор. 17:6 и 19:15 требуют как минимум двух свидетелей. Христос постановил заново этот закон, а апостольские послания многократно подтверждают его: Лук. 17:3; Иак. 5:20; I Пет. 3:1; Иоан. 8:17; II Кор. 13:1; Евр. 10:28; I Тим. 5:19-20; Рим. 16:17; I Кор. 5:9; II Фес. 3:6,14; II Иоан. 10; Мат. 16:19; Иоан. 20:23; I Кор. 5:4-5; Мат. 5:24; Иак. 5:16; I Иоан. 3:22; 5:14. Все эти стихи ясно подтверждают полную действительность ветхозаветных законов. В Иак. 5:16 и I Иоан. 3:22; 5:14 сильно подчеркивается связь между повиновением закону и эффективностью молитвы.

Итак, невозможно иметь настоящую дисциплину в церкви, в школе, или дома, если нет полного и верного проповедования закона-слова Бога. Антиномия не может породить дисциплину.

Надо добавить, однако, что как невозможно приравнять дисциплину с наказанием, также невозможно приравнять дисциплину с порядком. Подобный порядок может быть результатом тоже стагнации и смерти; обычно кладбище есть место с порядком, далеко лучше устроенное чем лучших из городов, но очень трудно рекомендовать такой порядок для жизни. Ложный порядок так чужой дисциплине, как и беспорядок. Обычайное выражение “закон и порядок” обобщает этот вопрос. Настоящий порядок – продукт настоящего закона. Дисциплина Божьего закона-слова единственная порождает настоящий порядок.

Надо добавить, что в некоторых случаях есть альтернатива строгому наказанию. Это разделение. В Деян. 15:36-41 мы читаем о серьезном несогласии между Павлом и Варнавой. Ответ этому конфликту был не Мат. 18:15-20, последованный церковными трибуналами и апелляциями. Если бы Павел и Варнава избрали этот курс, ничто из них не мог бы совершить много дел. Павел мог бы обвязываться с нескончаемыми делами и апелляциями, обвиняя в клевету Иоанна Марка, или он мог бы обвинить Варнаву за то, что он не наказал Марка за пренебрежение долга. Вместо Евангелия Марка и послания Павла мы имели бы нескончаемые юридические документы от обоих, если некоторые современные духовники были на их месте. Вместо этого Павел и Варнава разделились, и оба совершили многое в своих отдельных маршрутах.

7. Упреки и отлучение

В I Тим. 5:1-16 святой Павел дискутирует *упреки* членам церкви. Старца надо вначале увещавать “как отца, младших как братьев, стариц как матерей, молодых как сестер.” Вдовцы и вдовы, ленивые и вмешивающиеся в чужие дела, все упоминаются святым Павлом в его декларации об упреке. Упрек есть первый этап строгого наказания и относится к Мат. 18:15; он относится к известному и очевидному нарушению, к которому обращается внимание нарушителя в свете Святого писания, со стороны пастора или члена церкви; он может быть тоже и последним шагом по некоторым вопросам, которые заслуживают публичное обличение (I Тим. 5:20).

В этом послании святой Павел всецело занимается законом (I Тим. 1:3-11). Области, касающиеся упрека, наказания, и отлучения, цитируются в смысле церковных проблем: они по существу вопросы веры и морали, власти и закона. Цель таких действий не церковь, а Божье царство, не институция, а царствование Божье. Некоторые, хотя и никоим образом не все, области цитируются святым Павлом, и *первая* из них власть. Люди должны принимать лидерство по вопросам веры тоже и дома, и женщины не должны выходить за границы их положения (I Тим. 2:8-15). Святой Павел, выходя из этого высказывания о власти, продолжает дальше, чтобы заняться властью, в смысле квалификации, епископа или пресвитера. Власть дается только людям, которые могут упражнять власть, и чья способность дисциплинировать себя и своего дома доказана (I Тим. 3:1-13).

Второе, дискутируются области доктрины и ложное учение, касающееся доктрины и моральности (I Тим. 4:1-16). Аскетизм и безбрачие священников осуждаются. Здесь мы имеем не новый закон, а библейский закон в целом, и библейская вера в целом подтвержденные. Не дается никакого нового распоряжения, отменяющее ветхозаветный взгляд на мясо и на брак.

Третье, область моральности цитируется как область для упрека. Обязанность родителей есть учить своих детей набожности. Рассмотрим специально то, что говорит святой Павел. В I Тим. 5:3 он заповедует: “Вдовиц почитай, истинных вдовиц.” Мофат с правом перефразирует это как “Вдовам в реальной нужде надо помогать средствами.” Значение почтения отца и матери ясно включает поддержку. Вдовы, исключенные от поддержки церкви, как обобщает Ленски, “такие, у которых есть родственников, и такие, которые впустились в веселую жизнь.”^[50] Достойные вдовы, в отплату за поддержку, работают за церковь.

Потом цитируются вдовы с семьями. У них обучающая функция, какая и у церкви, касательно их детей и внуков:

Если же какая вдовица имеет детей или внуков, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям: ибо сие угодно Богу (С Тим. 5:4).

Таким образом несостоятельность заботиться о членах своей семьи представляет нарушение пятой заповеди; оно нарушение тоже и восьмой, потому что это форма кражи. Тот же самый пункт, забота о семье, постановляется заново в ст. 8:

Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного.

Ленски комментирует этот пункт очень удачно:

Это постановляется в самой строгой форме... В ст. 4 это гласит: “Пусть учатся!” Смысл здесь такой: “Если кто-то не учится, надо произносить приговор против него.” Но в ст. 4 мы имеем случай с одной вдовой; здесь вопрос о нескольких, и даже о всех завязанных. Кто этот “кто-то” совсем ясно: это личность, у которой дом и хозяйство, чья забота есть обеспечивать членов этого хозяйства всем необходимым. Глагол означает “думать вперед” и таким образом (усиленно) реализовать задуманное, т.е. “обеспечивать.” Павел постановляет это самым понятным образом: “о своих и особенно о домашних.” Это постановление имеет только один параграф, потому что Павел не имеет ввиду две различные группы... “Свои” все эти, которые принадлежат главе хозяйства, слуги и члены семьи... Здесь налицо сильный аргумент касательно поддержки вдов, которые матери или бабушки; если кто-то должен заботиться даже о слугах, то что говорить о собственной матери или бабушке. Но включаются все завязанные: отец и мать, если они завязанные, жена и дети, тоже и другие родственники, как например сироты племянники и племянницы.

Христианское учение такое. Теперь, кто не живет по этой вере, “тот отрекся” и т.д. . . .

С целью выяснить важность таких действий, Павел добавляет объяснение: “тот... хуже неверного,” такой который не верит, и никогда не признавал, что верит. Мысль не в том, что неверный всегда заботится о членах своей семьи и о слугах – многие не делают так; но когда неверник не делает так, сколько он ни плохой и сколько ни плохие его поступки, он не так плохой как тот, который имеет настоящее учение и потом вопиюще отвергает его. Что должно делать собрание с таким членом, не надо добавлять. Его осуждение написано здесь.^[51]

Тех, которые не поддерживают своих, сначала надо укорить, а потом и отлучить.

Когда появляется ложная доктрина, от нас требуется “уклоняться” от таких людей (Рим. 16:17), на самом деле “отвергать их после первого и второго упрека.” Мы не должны принимать таких людей в наш дом, ни приветствовать их, ибо делая это мы участвуем в злых делах их (II Иоан. 10,11).

Когда обнаружится неморальность, таких людей тоже надо отвергать. Это верно и о нераскающихся блудников, которые члены церкви; их надо отлучать (I Кор. 5:9-11).

Как “почтение” означает больше чем устное уважение и требует поддержку, так и “отплатиться” и “обеспечить” означают больше, чем простая финансовая поддержка. Обеспечить своих детей включает

христианское образование, потому что надо заботиться и о теле, и о духе ребенка. Отдавать детей в общественную школу или в атеистскую школу, еще не значит что мы обеспечили им адекватное образование.

Надо отметить, что апостолская церковь, и столетия уже христианская церковь, заботились о вдовах, сирот, и больных, о всех нуждающихся, как часть их долга. В I Тим. 5:10 речь идет о подслонении странников, а в других местах о гостеприимстве вообще (I Тим. 3:2). В те дни вне Палестины постоялые двора обычно были еще и домами проституции, поэтому не подходило христианам останавливаться в них. В результате долг о принятии путешествующих христиан был очень важным. Следовательно ранней церкви приходилось управлять очень широким полем деятельности, и это продолжалось почти до двадцатого века.

Здесь важно уточнить значение *управления* в его историческом библейском смысле. Основное управление для человека есть самоуправление христианина. Семья тоже важная область управления, и тоже основная. Церковь есть область управления, а школа еще другая. Человеческая профессия есть область управления, а общество вообще управляет людьми своими стандартами и мнениями. Таким образом государство есть одно управление среди многих, и ему не позволено узурпировать области, которые не принадлежат ему, или претендовать на них.

Согласно библейскому пониманию управления существуют много правовых сфер, и у каждой своя внутренняя власть, дисциплина и требования. Эти сферы отдельные, но взаимно связанные. Поэтому государство должно взыскивать от детей поддерживать своих родителей, а церковь, независимо действует ли государство или нет, должна учить и наказывать, или отлучать своих членов по тому же самому вопросу. Подобно этому, семья тоже должна учить такой поддержке (I Тим. 5:4) и справляться со своими грешными членами за их повиновение этому.

Другая область морали, которая цитируется святым Павлом, это касательно жалований. Принцип, рассмотренный раньше в связи со Втор. 25:4, “Не заграждай рта у вола молотящего,” состоит в том, что “трудящийся достоин награды своей” (I Тим. 5:18). Экономические соображения не отменяются этим требованием, а скорее усиливаются. Мудрый человек – хороший управляющий не только деньгами и материалами, но тоже и людьми. Человек, который платит своим наемникам как можно меньше, он в крайней степени проигрывающий пред Богом.

Ясное в таком случае, что наказание, применяемое церковью касается человеческого поведения перед Богом и человеком; сводить большинство церковных наказаний только к преступлениям против церкви, есть извращение Святого писания и ограничение церковной юрисдикции.

8. Власть и авторитет

Святой Павел, припоминая коринфянам христианам их назначение, говорил: “Разве не знаете, что святые будут судить мир?” (I Кор. 6:2). Мофат передает это так: “Не знаете ли, что святые должны управлять миром?,” смысл, который мы должны всегда напоминать себе. Церковное управление есть прелюдия управления миром не церковью, а “святыми.” Пытаясь подойти к необходимому церковному управлению с того конца, Павел постоянно призывал не к формам церковного управления или к членам церкви, а к Божьему закону и к развитию святых в таком смысле (I Кор. 6:15 – 9:27). Судить мир, управлять и руководить миром, надо только по условиям Божьего закона.

Когда святой Павел выразил возмущение от идеи, чтобы христиане обращались к римскому суду, он говорил как добрый еврей, в традиции закона (I Кор. 6:1). Обращаться к внешнему суду, при нормальных обстоятельствах, было запрещено в Израиле при проблемах между евреями. Подобно этому, святой Павел считал, что между верующими церковные власти представляют управляющий орган. Между евреем и неевреем, или между христианином и нехристианином, можно было законно обращаться к внешним или гражданским судам. Эти суды не руководились Божьим законом и поэтому были ненадежными агентствами правосудия.

Обратимся теперь к поэму Гомера *Одиссея*. Одисей вернулся домой после многих лет скитания. В течении этого времени ему не приходилось быть так целомудренным, как можно было взыскивать с него, и вопреки этому он ожидал такое от своей жены и от девушек рабынь. Ухажеры его жены – поскольку предполагалось, что Одисей умер – изнасиловали некоторые из этих девушек рабынь. Одисей сам признал это: “Вы, псы, вы сказали в сердцах своих, что я никогда не вернусь домой с земли троянцев, поэтому вы опустошили мой дом, легли насильственно со служанками, и предательски сватались с моей женой, пока я еще жив.” Его дойка Еврикля сказала, что двенадцать из его пятнадцати рабынь-девушек были замешанные в этом: “Из этих двенадцать пошли дорогой стыда и не чтут ни меня, ни свою хозяйку Пенелопу. После того как убили ухажеров, Одисей и его сын Телемах, и другие, обратились к девушкам, чтобы экзекутировать их. Телемах повесил всех двенадцать на одном канате. Основание для экзекуции высказал Телемах: “Эти... излили бесчестие на мою голову и на мою мать, и ложились с ухажерами.”^[52] Преступление девушек не было против Бога: оно было против Одисея и Телемаха. Отношение этих девушек с мужчинами, которые изнасиловали, или может быть соблазнили их, были не так важными, как “бесчестье,” которое чувствовали Одисей и Телемах. Для них закон не простирался дальше их самих. “Девушки были их собственностью. Как располагать своей собственностью тогда, как и сегодня, есть вопрос целесообразности, а не правды или неправды.”^[53]

Это было в силе и в раннем Риме. Отец имел власть над своими детьми: они были его собственностью. Закон не превосходил человека, и по существу он ограничивался семьей человека. Соответственно, государство изъяло семейную власть и сделалось отцом своего народа и источником закона.

Во всяком случае закон был по существу гуманистским, в центре его был человек. Поскольку человек как глава семьи, или как лидер государства, издавал закон, этот закон был тотальным. Это проявляется очень ясно в произведении Платона *Законы*:

Главное состоит в том, что никто, мужчина или женщина, не должен никогда существовать без хотя бы одного служителя над ним, и что никто не должен иметь сознательную привычку предпринимать какой-нибудь шаг, независимо серьезно или в шутку, на своей ответственности... одним словом мы должны приучить свой ум даже не рассматривать действие как индивидуальное, и не знать как сделать его. [54]

Если не существует закон Божий, человеческие гуманистские альтернативы, если довести их до их логического заключения, означает или анархию, или тоталитарное государство. Комментарий Брофи о процессе против Леопоolda и Леба раскрывает многое по этому вопросу:

Когда читаете репортаж об этом деле, сразу видно что это провал – или скорее беспорядок – со стороны общества, которое во всем своем отношении к Леопоoldу и Лебу, в их образовании и в том, что составляет их дальнейшее образование, т.е. в их судебном процессе, никогда не предложило им никакого основания почему они не должны убивать и почему они должны чувствовать угрызения совести.

То, что оно предлагало им, был Бог, и они видели через это. “Он отказался от идеи, что есть Бог,” констатирует один из медицинских докладов о Леопоoldе, “говоря что если существует Бог, то какой-нибудь пра-Бог должен был создать его.” В этом порядке мыслей он рассуждал по аналогии... Поскольку их учили, что моральные законы получили утверждение от Бога, молодые люди просто логично заключили, что выбросить Бога значит выбросить и моральные законы. В глазах общества их преступление на самом деле было это – или по крайней мере преступление Леопоolda, более интеллигентного из двух: он рассуждал. И выработав свою позицию через рассуждение, ему не могли повлиять изменить ее под эмоциональным давлением угрозы смерти. Как сообщает медицинский доклад, “он твердил, что постоянство всегда было своего рода Богом для него.”

Общество не могло сделать для Леопоolda ничего, кроме классифицировать его как ненормальный, чем оно имело ввиду, что он был неприспособившимся – в своих сексуальных вкусах, в самом своем представлении... [55]

Анархия или тоталитаризм – такие альтернативы. Или люди, которые согласно ожиданиям Платона должны “даже... не рассматривать действие как индивидуальное, и не знать как сделать его,” или индивиды, которые абсолютный закон для самих себя – это альтернативы, которые гуманизм предлагает человеку.

Но святые должны управлять миром по условиям Божьего закона, что означает, что они должны знать этот закон. Поэтому основное требование о здоровой церковной жизни есть постоянное изучение Божьего закона, его сущность и его применение.

Вопрос об *авторитете* неотделимый от закона ни в каком библейском смысле. Первичное значение авторитета есть “Право заповедовать и принуждать к повиновению; право действовать официально.” Слово авторитет происходит от латинского слова *augeo*, повышение. Авторитет содержит в себе естественное повышение. Настоящий авторитет преуспевает и изобилует. Власть и авторитет не идентичные слова. Власть есть могущество или сила. Власть может существовать и часто существует без авторитета. Власть Одисея и Телемаха, и власть Римской империи, были реальными властями, но в смысле Божьего закона им не хватало авторитета, вопреки тому что они имели формальный авторитет просто как законные правители своих обществ. Как указал Денис де Ружмонд, “Украдший ребенка не становится его отцом. Можно украсть ребенка, но не и отцовства. Можно украсть власть, но не и авторитета.” [56]

Церковь должна, через свою верность закону-слову Бога, установить, усилить и увеличить свой авторитет. Ее власть увеличится, как святой Павел указывал коринфянам, когда христиане повинуются Божьему закону, и когда церковь применяет его в своих внутренних делах, и когда она призывает своих членов-граждан применять его к миру вокруг них.

Основание для этого увеличения власти есть Иисус Христос, который объявил, “Дана Мне всякая власть на небе и на земле” (Мат. 28:18). Как абсолютный владетель всей власти, Он предопределенный источник всей непосредственной власти. Он тоже совершенное совпадение власти и авторитета. В школе истории церковь отбрасывали, упрекали, и унижали, когда она переставала основывать свою власть на авторитете Христова закона-слова, или когда искала поддержку своего авторитета от других господ, а не от Христа. От церкви требуется учить всех людей и народов “соблюдать все, что Я повелел вам: и се, Я с вами во все дни до скончания века” (Мат. 28:20). Его присутствие и его власть охватывают тех, которые учат соблюдению всего, что заповедует Христос.

Когда власть отделяется от набожного авторитета, она постепенно становится демонической. Авторитет может быть законным в человеческом смысле, основываясь на наследовании или на выборе, и все-таки быть неморальным и враждебным Божьему порядку. Например, авторитет Нерона был некоторым образом законным, и христиане были должны повиноваться ему, но его авторитет был безбожным, и несомненно и безоговорочно сатанинским в своем развитии. Настоящий порядок требует, чтобы и власть и авторитет оба были набожными по своей природе и приращению.

Некоторые из аспектов этой проблемы можно иллюстрировать лучше при помощи примера с некоторым умелым и умным христианином, который вдруг осознал, что его грезы наяву были может быть сатанинскими. Он мечтал иметь достаточную власть чтобы элиминировать через экзекуции всех предателей и коммунистов, и чтобы чудом обратить в веру всех американцев. В своей мысли он соглашался с Христом, а в своем воображении он требовал от Христа поддаться искушению сатаны. Он хотел наложить веру чудом (Мат. 4:5-7), и разрешить чудесным образом все проблемы (Мат. 4:1-4).

Потом он поставил совсем различный вопрос: в том ли только альтернатива, в пути обращения и любви, без никакого закона-порядка и принуждения, и без чудес, или на самом деле чудеса, законы и принуждение каким-нибудь образом имеют место?

Чтобы ответить на этот вопрос, пусть в начале посмотрим Мат. 13:58, который рассказывает нам, что “ в отечестве Своем” (Мат. 13:54), Иисус “не совершил там многих чудес по неверию их.” Говорить, что могущество Иисуса творить чудеса зависело от веры присутствующего лица или аудитории, есть серьезная ошибка. Его

могущество было всецело от Него, от Его божественности; оно ни в каком смысле не зависело от реакции людей. Должна быть, следовательно, другая причина, для ограниченного числа чудес, совершенных Им в Назарете. Некоторые все-таки совершились, хотя и не публично, потому что нам говорят, что Он “не совершил там много чудес,” откуда подразумевается, что *несколько* совершилось. Чудеса никогда не совершались, чтобы обратить в веру людей; Иисус отверг требование книжников и фарисеи дать им “знамение,” специально предназначенное чтобы принудить их поверить, или, скорее, сделать веру ненуждной из-за очевидности (Мат. 12:38,45; 16:1-5).

Намерение чудес было славить Бога, а реакция веры на чудеса была тоже чтобы славить Бога (Мар. 2:12). Поэтому в жизни обращенных в веру людей есть очень важное место для чудесной и предусмотрительной помощи Бога; она один из аспектов Его управляющей заботы.

Подобно этому, есть место и для принуждения. Справедливость и закон требуют его. Они тщетны однако без упования на верных людей, которые могут поддерживать и совершенствовать социальный порядок. Если завтра все внутренние и внешние враги Соединенных штатов были бы чудесным образом уничтоженные, главный результат был бы дальнейший упадок и разложение американской жизни; тогда существовала бы свобода для безнаказанного греха, что касается исторических последствий. Если все или почти все американцы чудесным образом обратились бы в веру, зло удвоилось бы. Сущность этих грез наяву была гуманистской; их цель были национальный мир и свобода. Если это были интернациональные мир и свобода, гуманизм был бы не меньше реальным. Главная цель этих грез есть гуманный порядок и человеческий мир. Следовательно это вариации социального евангелия.

Первичная цель обращения в веру – помирить человек с Богом; помирение с его другом человеком и с собой самим есть вторичный аспект этого факта, *необходимый* побочный продукт, но все-таки побочный продукт. Цель нового рождения в том, чтобы человек перестроил все в соответствии с Божьим порядком, а не по условиям человеческого желания о мире. Эта цель и мисия включают закон и принуждение.

Новое рождение есть Божий суверенный акт в смысле Его суверенного намерения. Оно принудительное тем, что оно Божий акт, и все-таки, поскольку человек – сам Божее творение, новое рождение не принудительное, потому что оно является кульминационным пунктом Божьей работы в человеческом сердце. Ни обращения в веру, ни чудеса, не дела человеческие. Для человека грешно искать принужденное обращение или чудеса в смысле его собственных ожиданий; человек может требовать повиновение Божьему закону, но он не может играть роль Бога.

Когда власть и настоящий авторитет идут вместе, тогда человек не играет роль Бога; он служит Богу по условиям Его закона и молится Богу. Власть и авторитет используются, чтобы утвердить набожный порядок, а не человеческие ожидания о порядке. Божий порядок требовал поведение Рима, а не его мира. Многие христиане молились о Риме, и с правом; но они грешили, когда ограничивали Божьи дела в рамках империи.

9. Мир

Центральное намерение Божьего плана о человеке и земле есть установить Его мир. Этот мир часто описывается символически как мир не с Богом, а между человеком и человеком, и между человеком и природой. Нам рассказывают например, что

Тогда волк будет жить вместе с ягннком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть салому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горы Моей: ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море (Ис. 11:6-9).

Другой тоже знакомый символ включает виноградную лозу и смоковницы, обе символы не только мира, но и плодородия и процветания. Мы встречаемся с ним многократно в Святом писании (IV Цар. 18:31; Ис. 36:16), но его самые известные изложения следующие:

И будет Он судить многие народы и обличит многие племена в отдаленных странах; и перекуют они мечи свои на орала и копыя свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут больше учиться воевать. Но каждый будет сидеть под своею виноградную лозою и под своею смоковницею, и никто не будет устрашать их, ибо уста Господа Саваофа изрekli это (Мих. 4:3,4).

И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона (III Цар. 4:25).

В тот день, говорит Господь Саваоф, будете друг друга приглашать под виноград и под смоковницу (Зах. 3:10).

Из этих Мих. 4:3,4 и Зах. 3:10 представляют мессианские пророчества, описывающие кульминацию царствования Мессии.

Иисус показывает Себя как источник этого мира, заявляя, “Я есть истинная виноградная Лоза” (Иоан. 15:1). Более прямо Он сказал, “Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается” (Иоан. 14:27). Когда Иисус проклял смоковницу (Мат. 21:19; Мар. 11:13,14), Он, который был настоящий мир, проклинал мир Израиля.

До грехопадения не только человек жил мирно в Эдеме, но и земля тоже, и животные. Их мир нарушился через грех человека, и теперь, как святой Павел объявляет, “вся тварь” ожидает серьезно освобождение и восстановление через Христа и через откровение детей Божьих (Рим. 8:19-23).

Восстановление мира начинается с восстановлением человека для жизни, через возрождающее дело Иисуса Христа. Поэтому человек есть новое творение. “Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое” (II Кор. 5:17).

Концепция о мире, который наследство каждого человека в Христе, есть часть доктрины о субботе, об отдыхе человека в Господе. Сама земля тоже нуждается в отдыхе и мире, потому что земля Господня.

Эта концепция о мире оказала большое влияние на закон. Кийтон комментирует средневековую доктрину о мире в Англии очень поучительно:

Другой важный фактор, который повлиял на развитие уголовного права в первом веке после Завоевания (Англии норманами), была концепция о Королевском мире. В саксонском праве каждый свободный человек имел мир. Такой имела и Церковь, и мир Бога управлял всеми святыми днями. За нарушение чьего-либо мира, например совершая преступление в нем, надо было платить возмещение, как и возмещение жертве или его родственнику. Над всеми другими мирами был этот Короля, и мы слышали, что даже в саксонские времена сильные короли делали усилия, чтобы сохранить его, особенно на “королевских дорогах.” В руках королевских администраторов после Завоевания это оказалось динамической концепцией, и как однажды выразил этого Мейтланд, в конце концов королевский мир проглотил мир каждого другого. Это произошло двумя способами. Постепенно денежные расплачивания в связи с нарушением мира других лиц перестали взиматься, пока концепция о королевском мире не распространилась по всему королевству. Каждое серьезное преступление стало таким образом нарушением королевского мира, и уголовным преступлением. Уже во время Брактона, в тринадцатом веке, стало обычной формой обвинять подозреваемого следующими выражениями: “Пока указанный В. был в мире Бога и нашего владельца короля, тогда пришел указанный N. преступно как уголовник...” и т.д. Даже сегодня подсудимый в уголовном преступлении обвиняется, что он совершил “уголовно и против мира нашей суверенной владетельницы, королевы...” и т.д.

Характерной чертой находящихся вне закона было то, что они поставляли себя вне королевского мира, так что рука каждого человека была против них. Кроме того, в начале считалось, что королевский мир существовал, пока был жив король. [57]

Выражение Мейтланда очень точное: “В конце концов королевский мир проглотил каждого другого.” *Мир рассматривался не как аспект Божьего порядка, а как продукт государственной жизни.* Различие между этими двумя точками зрения вряд ли можно преувеличить.

Значение слова *мир* в древнееврейском языке раскрывает его библейский смысл. Согласно Брауну:

Мир, перевод в Ветхом завете древнееврейского. . . . *shalom* (от корня . . . “быть целым” – “целостность,” “крепкость,” отсюда здоровье, благополучие, переуспевание; более практически, мир как обратное войны, согласие как противоположное спору. . . .

Фундаментальное значение слова *shalom* есть процветание, благополучие, добро всякого вида, значение, которое опять появляется в греческом слове *eirene*. . . .

В первичном смысле процветания, мир есть благословение, чьей автор есть сам Бог (Ис. 45:7)...

Среди благословений, к которым Израиль смотрел в Мессианские времена, никакого не имело большую важность, чем мир. . . .

Новый завет разделяет взгляд Ветхого на мир как на характерную черту мессианского времени (Лук. 1:79, 2:14; 19:38; Деян. 10:36). В этом смысле вероятно надо понимать величие учеников в их миссионерском путешествии (Мат. 10:12,13; Лук. 10:5,6). Евангелие Мессии выразительно называется евангелием мира (Еф. 6:15; Деян. 10:36)... Сам Иисус есть великий миротворец. . . .

Характерный для Нового завета есть взгляд на мир как на данное владение христиан. . . . [58]

В библейском смысле мир есть этот порядок и процветание, которые вытекают от помирения с Богом и от восстановления жизни под Богом. Жизнь в Эдеме отмеченная миром с Богом и поэтому миром с человеком, миром в человеке, с природой и в природе. Жизнь в Христе означает постепенное восстановление этого мира, когда человек вырастает в Христе, и когда мир приводится под Его владычеством. Источник мира есть новое рождение человека в Христе; это больше, чем прекращение враждебности: это развитие общения, но и личная реализация в Христе.

Государственный мир в лучшем случае есть отсутствие враждебности и подавление преступной деятельности. Поскольку государство не может дать человеку новое рождение, оно не может установить даже эту ограниченную форму мира. Власть государства есть по существу власть меча. Поэтому государство может приказывать людям любить друг друга и жить в мире, но ее репрессивные меры только добавляют другой элемент враждебности к ситуации.

Кроме того государство, в своих усилиях наложить гражданам репрессивный и вооруженный мир, разрушает мир этих граждан, узурпирая Божий мир и мир свободного человека. Государство может быть инструментом мира только тогда, когда оно инструмент Бога и слуга Христа. Его усилия следовательно ограничиваются к его собственной сфере – быть слугой правосудия.

Ясно, что *мир* как процветание и благополучие очень тесно связан со *спасением*, победой и здоровьем. Мирная картина, каждый человек под его виноградной лозой и под его смоковницей, есть картина процветания, безопасности, удовлетворения и радости. Таким образом мир и спасение – концепции, направленные к Богу, которые означают тоже реализацию человека. Поскольку Бог есть автор и творец всех вещей, невозможно существовать реализации человека вне Его. Следовательно, “нечестивые – как море взволнованное, которое не может успокоиться, и которого воды выбрасывают ил и грязь. Нет мира нечестивым, говорит Бог мой” (Ис. 57:20,21).

Этот мир однако, есть больше, чем отсутствие враждебности: это мир с Богом. Мир с Богом означает войну с врагами Бога. Христос выяснил, что верность к нему означает меч разделения (Мат. 10:34-36). В грешном мире война неизбежна. Поэтому человек должен выбрать своего врага: Бога или грешного человека? Если человек в мире с грешными людьми, он в войне с Богом. Мир в одном секторе означает война в другом. Бог один однако может дать внутренний мир сегодня, а в конце концов и миру мир, через свой суверенный закон (Мих. 4:2).

XV

ЗАМЕТКИ О ЗАКОНЕ В ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕ

В канонах ранней церкви важность библейского закона проявляется легко. Церкви ясно понимали, что библейский закон обязательный для верующих.

Ничего не заходило так далеко и не было так буквально, как Церковь Армении, в которой в эти дни и в течении многих веков потом “на духовные должности назначались только те, которые происходили из священнических семей (следуя в этом еврейские обычаи).” Эта практика была осужденная в каноне XXIII Пятьдесят шестого совета (или Совета в Труло) в 692 году. [1] Канон XCIX того же совета связан тоже с фактом, что “некоторые лица готовили совместно мясо в святилищем и предлагали часть священникам, распределяя его согласно древнееврейской манере.” Страбон рассказывает о подобном обычае на Западе в девятом веке. [2] Но это

не все. Армянская церковь совершала жертвоприношения животных согласно ветхозаветному закону, продолжая это долго после того как евреи оставили их, даже и в двадцатом веке. Это имело место у церковных дверей и было добровольное приношение Господу, напоминая ветхозаветные жертвоприношения, обычно как результат обета или как часть молитвы. Животное должно было отвечать левитским требованиям – годовалое и без недостатков – согласно закону. Молитва частично гласила как следует:

Потому что через твоего благословенного пророка Мойсея ты дал радость людям Израиля, чтобы они приносили тебе жертвы из своих стад и отар, и другие чистые животные, принося их к дверям, палатки собрания, священникам левитам, которые должны возложить руки на них и пролить их кровь на твоём алтаре, О Господи; и из-за этого прощались греха и исполнялись просьбы.

Ведь во всем этом ты предвидел, как в сумраке, вещи грядущие, что настоящее спасение, которое ты милостиво дал нам твоим пришествием в мир. Потому что ты сам, всемилостивый и благодетельный Господь, через твоего предвидящего Духа, заявил через пророка, говоря: Я не принимаю жир вашего бычка, а приношение жертвы на славу Бога, и с желанием предлагаемую Богу бескровную жертву. Ибо не сказано ли: жертва Богу есть страдающий дух, а смиренного духа Бог не презирает?^[3]

Так теперь мы грешные и недостойные, смирились в наших сердцах и падаем перед твоей бесконечной милости: и молимся за твою обильную любовь к человечеству, и за благоволение, и за твое ненарушимое обещание, которое ты дал твоим возлюбленным, нашим отцам.

Снизойди, О Господи, к этому нашему приношению, и прими его из наших рук; как ты делал со всеожожениями из баранов и тельцов, и как ты делал с бесчестными приношениями из толстых агнцов.

Милостиво удовлетвори нашу просьбу, чтобы мы не стали забавой наших врагов, а возрадовались твоему спасению. Потому что если ты охватываешь все горы и равнины твоим взглядом, и держишь небеса и землю в горсти твоей руки, и сидишь на самом высоком из высоких престолов херувимов, и пучины не скрытые для тебя, и все четвероногие животные, и все, что имеет дыхание жизни не достаточное для всеожожения тебе – как дерзнули мы осмелиться перед тобой и приносить жертву?^[3]

У греческой церкви тоже есть молитвы к жертвоприношениям животных.^[4]

Левитские правила касательно священничества применялись тоже к духовенству церкви, и Лев. 21:17-23 бережно соблюдался. Поскольку таким образом евнухи не допускались к служению, возникла проблема, когда Рим или варвары нарочно кастрировали священников, чтобы уничтожить их пригодность к служению и распоряжению. Совет в Никее в 318 году объявил, что “кастрированные варварами могут остаться среди духовников,” имея ввиду обстоятельства об их повреждении.^[5] Совет в Анкире, канон XI, в 314 году должен был рассмотреть случаи помолвленных девиц, которые были изнасилованы; в таких случаях никакой позор не падал на девушку. Каноническое послание святого Григория Тавматурга имеет тот же смысл в каноне I.^[6]

Анкира, в каноне XXI, строго относится к абарту (десять лет покаяния); трансвеститы отлучались; различные сексуальные нарушения многократно цитировались как причина для пожизненного отлучения (поскольку церковь не имела право применять смертную казнь); убийство, обожествление, богослужение ангелам, ересь, и другие вопросы решались в смысле библейского закона, по мере возможностей церкви.^[7]

Возмещение было основным для канонического права и для самонаказания. Апостолические конституции цитировали его в каноне LXXII, а также и святой Григорий Тавматург в своем каноническом послании, канон VIII.^[8]

Каноны и правила касательно субботы представляют особый интерес. Тимофей, епископ Александрийский, требовал чтоб муж и жена воздерживались от “супружеского акта . . . по субботам, и по Господным дням; потому что в эти дни приносится духовная жертва.”^[9] Это было по условиям Исх. 19:15, и имело ввиду отделить всякие элементы культа плодородия от богослужения. Христиане не всегда имели возможность отдыхать по воскресеньям, которые были христианские субботы, и в таких случаях необходимость была законным извинением; соблюдать еврейскую субботу однако запрещалось:

Христиане не должны следовать иудейству, отдыхая по субботам, а должны работать в этом дне, а вместо этого чтить воскресенье; и если могут, тогда отдыхать как христиане. Но если кто-нибудь найдет что следует иудейство, пусть будет предан он анафеме от Христа.^[10]

Поскольку Господные дни были время для отдыха и веселья, поститься по воскресеньям осуждалось и требовало отлучения.^[11] Тот же совет, Гангра, осуждал тех, которые осуждали брак (канон I); он осуждал вегетарианство (канон II); он осуждал тех, которые сторонились от женатых духовников (канон IV); и т.д.

Следовательно ранняя церковь явно повиновалась библейскому закону. Это никоим образом не значит, что ее повиновение было совершенным. Иногда обычаи превалировали над законом. Первое каноническое послание Василия, архиепископа Кесарии в Каппадокии, к Амфилохию, епископу Икония, отмечало это в каноне IX:

Наш Господь запрещает развод одинаково мужчине и женщине, исключая случаев блуда; но обычай требует от женщин чтоб они оставались со своими супругами, даже когда последние виновные в блуде...^[12]

Не отсутствовало однако и интеллигентное применение закона. Например каноны XXXIII и LII Василия объявляют, что пренебрежение к ребенку, которое приводит к смерти, есть убийство.^[13]

Следовательно церковь сознавала центральность библейского закона для христианской веры, и ее каноническое право было применением правил этого закона к проблемам жизни. Церковь однако была в рамках Римской империи и римского права. Необходимо цитировать вкратце некоторые аспекты интерпретации римского права в контексте христианской веры.

Рим достиг централизацию и сверх простоту контроля над людьми, которые начали мешать социальному порядку и разрушать его. Вильямс говорит о периоде Кодекса Феодосия:

Кодекс и Нововведения Феодосия охватывают период истории, во многом подобным нашего в множестве из своих проблем. Но в то время было невозможно больше пытаться разрешить проблемы дальнейшей централизацией и бюрократией. Во время самого раннего эдикта, включенного в Кодексе, централизация общества не могла усиливаться дальше, потому что была уже полной. Каждая область, которая для своих обитателей была весь мир, объединялась в единственную организацию. Социальные, экономические и религиозные деятельности руководились или жестко контролировались государством. Власть императора была неоспоримой. Эдикты, собранные в Кодексе и Нововведениях Феодосия представляли часто отчаянные усилия принудить систему действовать. Но в течении этих лет существовала неукротимая тенденция к разложению. Законодательство, предназначенное сохранить организацию, провалилось. В течении только нескольких лет после последнего эдикта Империя разбилась в тысячи кусочках. Итак, эта эра, в отличие от нашей, была эрой распада, хотя этот распад был совсем недобровольным.^[14]

Духовное и физическое истощение уничтожило империю. Централизация власти только отягчила основную безответственность, которая привела к истощению ресурсов. Вильямс снова комментирует очень точно:

Теперь проблема Империи была нехватка: нехватка зерна, материалов, и людей... Земледелие по всему бассейну Средиземного моря было организовано, чтобы снабжать дальних хозяев мира. Вознаграждение потребителей было слишком привлекательное; вознаграждение производителей недостаточное. Земля, особенно в Италии, больше не обрабатывалась. Области Африки, из которых Рим извлекал зерно и мясо в течении веков, превратились в пустыню. Испания и другие страны обезлесились, чтобы поставлять топливо для общественных бань Рима. "Упадок Римской империи есть рассказ об обезлесении, об истощении почвы и эрозии... От Испании до Палестины не осталось лесов по Средиземноморскому побережью, регион очевидно бесплодный, вместо того чтобы иметь мягкий, влажный характер лесных земель, а большинство из прежних богатых и щедрых почв лежало на дне моря" (Уайт и Джакс, *Исчезающие земли*, стр. 8). Сегодня в некоторых кругах модно насмехаться над редкими предупреждениями об исчерпывании природных ресурсов. Такое легкомыслие наверное существовало и при дворах последних императоров.^[15]

Императоры были беспомощными, чтобы повернуть тенденцию. Власть была централизованной, империя была теперь в руках у императора и его иерархии, которые не могли справиться с проблемами на крестьянском уровне, где было большинство из проблем. "Управление гигантской административной машины просто было вне их возможностей."^[16] После нескольких пунктов централизации бюрократия отрывается от реальности; нелегко руководить и управлять машиной власти. "Удивительное то, что территориальная целостность империи сохранилась так долго." После нескольких пунктов бюрократия становится тоже и людоедской.

Императоры рассчитывали на политическую поддержку со стороны городского пролетариата, особенно этого из города Рима, и на гражданскую и военную бюрократию. Чтобы обеспечить себе эту поддержку, надо было облагодетельствовать этих потребительских элементов населения, специально против сельскохозяйственных производителей. Эффект такой политики был обескураживание производства и искушение земледельцев переселиться в города. Кодекс и Нововведения показывают, что с целью обеспечить поставки для городских жителей и управляющего персонала, надо было предпринимать грубые меры, например как крепостное право в сельских районах и налоги, платимые натурой. Насильственное применение таких мер требовало увеличенный административный аппарат и репрессии, которые в свою очередь выводили новых и новых людей из производства. Беспокойные фермеры, постоянно под давлением чтобы исполнить свои квоты поставок, не обращали внимание на сохранение почвы и лесов. Последующие повреждения увеличивали трудности производства. В конце концов государственная машина так усложнилась, что стала неуправляемой.^[17]

В результате стало возможным, чтобы нападения кочующих племен варваров привели к падению Рима. Империя распалась по причине своего внутреннего упадка.

Разложение римского права было одинаково реальным. Кодекс Феодосия показывает влияние христиан, но это все еще римское право. Анализируя законы о браке мы отметили радикальную христианизацию римского права при Юстиниане I (482-565), в *Corpus Juris Civilis*. Римское право продолжало свое развитие, но постепенно оно становилось отражением библейского права. *Институты* Юстиниана (с Дайджестом, Кодексом и Нововведениями, часть *Corpus Juris Civilis*) отражает то, что называется "природным законом," но эта концепция теперь превращалась в что-то другое, чем известное в римском праве.^[18] Природный закон, все равно в руках юристов, схоластиков, или деистов, был по существу против Святой Троицы, но был уже более христианский, чем римский. Природный закон становился формой христианской ереси, и приписывал природе законодательную власть и абсолютные законы, которые были ясно заимствованные от библейского Бога. Так и римское право, и природный закон, с течением веков христианизировались до такой степени, что никакой римлянин не мог бы узнать их. Даже когда словесное изложение древних римских законов сохранялось, новое содержание и интерпретация делали древний смысл слабым и недопустимым.

То же самое верное и об языческих законах. Ясное, что многие языческие законы уцелели и приукрашали кодексов Западного права, но опять в многих случаях они подчинялись радикальным изменениям. Кроме того надо отметить, что совсем реальным недостатком ученых было их незнание библейского закона. В результате многое называлось языческим, хотя в самом деле оно было библейским. Например, в Справочнике по средневековой истории Гарвардских ученых, нам рассказывают об Алфреде Великом в Англии девятого века:

Вот несколько характерных законов, которые Алфред включил в своем кодексе, и которые он извлек на основе старых обычаев и из законов некоторых более ранних саксонских королей. . . .

Если кто-нибудь ударит своего ближнего камнем, или своим кулаком, и он вопреки этому может идти с посохом, пусть виновный приведет к нему врача, и делает его работу пока он сам не может. Если вол забодет мужчину или женщину, так что они умрут, пусть побьют его камнями, и пусть не едят его мяса. Его хозяин не должен отвечать, если вол привык бодать своими рогами два или три дня тому назад и он не знал этого; но если он знал этого, и не затворил его, и потом он убил мужчину или женщину, пусть его побьют камнями; и пусть хозяина тоже убьют, или пусть заплатит за убитого, если судья постановит, что это правое.

Не обижайте вдов и сводных детей, не нараняйте их никоим образом; потому что если вы поступите иначе, они вопиют ко Мне и Я услышу их, и Я убью вас Моим мечем; и Я сделаю так, чтоб ваши жены стали вдовами, а ваши дети были сводными детьми.

Если человек выбил глаз другого, пусть он заплатит шестдесят шиллингов, и шесть пенсов, и одна третья часть пени как "бот" (компенсация поврежденному лицу). Если глаз останется на голове, но он не может видеть им ничего, пусть одна треть "бота" уменьшится.

Если человек выбил другому зуб спереди, пусть он даст "бот" за него восемь шиллингов; если это был клык, пусть "бот" будет четыре шиллинга. Коренной зуб человека стоит пятнадцать шиллингов. Если сломан указательный палец, "бот" есть пятнадцать шиллингов; за его ноготь это четыре шиллинга.

Если человек увечит другому ладонь внешне, пусть платит двадцать шиллингов как "бот," если его можно вылечить; если она наполовину оторванная, тогда "бот" пусть будет сорок шиллингов.^[19]

Это конечно очевидно библейские законы, приспособленные к английской монетной системе и месте действия.

Библейское право играло центральную роль при оформлении Западной цивилизации, потому что оно входило в общество из еще другого источника – из европейских евреев. К несчастью история евреев, как нормально ее преподносят нам, стремится делать ударение на их страданиях, а не на их достижениях. Это несчастная рассеянность, которая характерная для многих других способных народов, но это нехорошая история, все равно делают ли ее евреи, армяне, поляки, французы, южане Соединенных штатов, или какие-либо другие.

Западная цивилизация должна очень многое культуре своих городов и больших центров. Города и мегаполисы были продуктами торговцев и их общностей, а они были в главном еврейскими. Коммерсиальное и городское право таким образом происходят из еврейских общностей с их сильной привязанностью к библейскому праву. Хотя некоторые сирийцы и финикийцы продолжали заниматься торговлей в Европе и в христианской эре, как и некоторые христианские торговцы тоже, все-таки главную роль играли евреи. Влияние евреев на их христианских имитаторов в сфере торговли было очень сильное. Их власть тоже была очень великая. В своем очень важном труде Агус писал:

Кроме того в веках, предшествующих крестоносных походов, эта замечательная группа играла самую героическую роль в северозападной Европе. Несколько тысяч евреев, которые составляли эту группу в периоде до крестоносных походов, были так могущественными, что они покоряли правителях Европы своей воле. Они принуждали этих правителей проводить радикальные изменения в основной политике Церкви касательно евреев. Последним позволялось практиковать свою религию беспрепятственно, использовать слуг христиан, а иногда даже и рабов христиан, держать позиции власти над христианами и руководить финансовыми деятельностями больших имений, и даже епархий. Эти немногие евреи принуждали прелатов церкви становиться их благодетелями. В обстановке почти универсального личного подчинения евреи единственные были политически свободными; в обстановке волнений и войн они одни могли путешествовать в сравнительной безопасности, и могли перевозить ценные товары на большие расстояния. Пока практически каждый человек был должен служить высшестоящему и за это он жертвовал от пятнадцати до пятидесяти процентов своего приносящего доходы времени, евреи платили как налоги только небольшую часть их дохода. Их организованные самоуправляющиеся общности разработали упомянутые выше коммунальные институции, издавали распоряжения в национальном масштабе, и использовали самую эффективную и самую замечательную форму групповой организации и группового управления, которая обеспечивала каждому индивиду эффективную помощь и защиту, даже когда он находился в сотни миль от дома. Они устанавливали практики и процедуры, которые давали им большую силу и упругость, позволявшие им обращаться с принципами Церкви и государства с позиции силы, и создававшие для них возможности для сильного экономического развития и для великой физической экспансии.^[20]

Это могущество основывалось на систематическом и верном повиновении библейскому закону, на системе правосудия, которая поддерживала общность в трудные времена, и давала ей инструмент, чтобы справиться с внешними и внутренними делами. Жизнь в общности означала жизнь в Божьем законе. В смысле этого современный супергород, продукт еврейских торговцев и их общностей, есть единица, объединенная законом, а не кровью, и поддерживанная в основном правосудием, а не грубой силой. Эти еврейские суды были кроме того *негосударственные суды*, предшественники средневековых Судов справедливости и современных арбитражей.

Влияние Меймонида (раввин Мойсей сын Меймона, 1135-1204) на европейскую мысль основывается на этой городской ориентации еврейской жизни и мысли. Когда средневековая Европа стала городской Европой, она посмотрела на отцов городской жизни. Меймонид кодифицировал еврейские применения библейского закона к городской и коммерсиальной жизни, и в результате его влияние было неизбежное.

Меймонид помнится прежде всего за его влияние на европейскую философию, за его помощь ввести учение Аристотеля в европейскую мысль, как и в иудействе. Евреи из Прованса предали его философские труды Инквизиции, которая сожгла их. Но его конспект библейского закона, очень пренебрегаемый учеными сегодня, был далеко более влиятельный в свое время, чем его философские писания. В Европе, усиленно занимающаяся правом, развитием городов и национальных государств, юридические исследования Меймонида были важными. Из-за их общей верности библейскому закону, с некоторыми различиями, христиане и евреи были очень близкими в своих отношениях тогда, как и очень много разрозненными иногда. Библейская природа юридических исследований Меймонида сделала их влиятельными.^[21]

Другой источник, благодаря которому библейское право упражнило большое влияние на Западную цивилизацию, было обычное право. Сколько ни могло быть в нем местных обычаев, или элементов римского права, обычное право по существу было библейским. “Обычное право было христианское право.”^[22] Как отметил Кийтон, “Судьи более ранних времен говорили с уверенностью, которую извлекали из своих убеждений, что Обычное право было выражением христианской доктрины, которая не оспаривалась.”^[23] Пытаясь элиминировать библейское право из Западной цивилизации, ученые старательно подгоняют целые стада верблюдов на преследование комаров.

Стоит исследовать важность десятины в развитии Западной цивилизации, но в данный момент оценить его невозможно. Есть указания однако, что десятинная была основной для социальных реформ, как и для церковных реформ, для образования и благотворительности, и что десятинная была главным фактором в социальных изменениях и в прогрессе. Некоторые из английских пуританов не находили совсем удачными установленные формы десятины как часть устойчивого хозяйства, но их собственные добровольно предоставляемые десятины и приношения были ответственные для интенсивной перестройки английского общества.^[24]

В Америке, и специально в Новой Англии, существовало сознательное принятие библейского закона, которое было часть христианского консерватизма, часть уважения к прошлому и к радикализму; для пилигримов и пуританов, как и для других колонистов, это было возвращение к корням проблемы. Джон Котон лучше всех обобщил это отношение в своем труде *Мойсей, его судейство*, где он отметил: “Чем больше некоторый Закон пахнет человеком, тем более он бесполезный.”^[25]

Замечательно, что когда Массачусетс в 1641 году оформил свои законы в смысле английского и пуританского понимания библейского закона, этому документу поставили название *Корпус свободы*. Бог призвал человека служить Ему через закон, и поэтому сделал этот закон хартией человеческой свободы. Пуритане взяли совсем буквально слова из Ис. 33:22, которые гласят: “Ибо Господь – судия наш, Господь – законодатель наш, Господь – царь наш: Он спасет нас.” Более раннее обобщение закона Котоном было теоретическим; по своей точки зрения *Корпус свободы* был библейским, но прямо применимым к проблемам колонии, и отсюда практическим

кодексом, занимающимся непосредственными вопросами. [26] Верность законов Массачусетса Святому писанию иногда как будто недооценивается учеными, и власти, которые дают редкие доказательства об этом, все-таки предоставляют обильное доказательство о библейском характере закона. Коммитет Высшего суда отменил в 1851 году “Еврейский кодекс,” однако ясное, что раньше он был в силе. [27]

Когда законодатели наступали в область, неохваченную библейским правом, они делали это “согласно более общим правилам праведности,” как показывают законы колонии Нью-Хейвн:

Этот суд таким образом определяет, что он должен в первую очередь со всем вниманием и прилежанием время от времени заботиться о поддержании чистоты Религии, и подавлять обратное, согласно своим наилучшим способностям, и руководясь словом Божиим.	1. Пс. 2:10, 11, 12 I Тим. 2:2.
На втором месте, хотя они смиренно признают, что Верховная власть делать Законы и отменять их принадлежит одному Богу, и что им эта власть дана Иисусу Христу как Посреднику, Мат. 28:19; Иоан. 5:22; И что законы о святости и о Праведности уже изготовленные и данные нам в Святом писании, которые по вопросам морали или моральной справедливости не могут изменяться силой и власти человека; Моисей один показал <i>Израилю</i> Законы и Постановления Бога, а <i>Синедрион</i> , самый высокий суд среди евреев, должен заниматься этими законами; Тем не менее Гражданские правители, и Суды, и этот Верховный суд в частности (уполномоченный свободными людьми как прежде), все они слуги Бога, для добра народа; И имеют власть объявлять, публиковать, и устанавливать, для плантации под их Юрисдикцией, Законы, которые он сделал; и делать и отменять Распоряжения по меньшим вопросам, не определенные специально в Святом писании, согласно более Общим правилам праведности, и пока они в силе, требовать их надлежащее исполнение. [28]	2. Ис. 33:22 Втор. 5:8 Втор. 17:11 Рим. 13:4.

Именно потому что сегодня юристы, суды и ученые – обычно радикальные гуманисты и антихристиане, есть общая враждебность к любому признанию библейской природы юридического наследства Западной цивилизации. Поэтому и есть усилия разобрать эту юридическую структуру, и заменить ее гуманистским законом.

Такой вызов не новый. Были многократные попытки в течении веков и одна такая попытка достигла кульминацию в тирании Ренесанса. Таким образом сила библейского закона была ослабленной и истощенной. Некоторые аспекты закона сохранили большую силу, чем другие. Уголовное право было в большой степени продуктом библейских требований. Соблюдения диеты сильно потеряли их силу в большинстве областей, что касается свинины, разнообразных и панцирных, как и конины во Франции, хотя и сохранили свою силу среди некоторых народов. Диета меньше всего влиялась от обращения в веру, потому что она обычно тесно связанная с экономическими ограничениями общества. Кроме того с течением веков и по мере возникновения антиеврейских чувств, усиливалась тенденция к осуждению диетических законов. Как обратно варварам, обращенных в христианство, еврейские общности сохраняли более высокий моральный и культурный уровень.

Надо отметить, что саксонцы например практиковали человеческие жертвоприношения, пока после двадцати лет войны Шарлеман победил их, и принудил их принять крещение в 782 году, чтобы прервать связь с преступными языческими практиками. Только поставляя саксонцев под знаком Бога Святого писания, чей гнев проявился бы против тех, которые практиковали такие ритуалы как человеческие жертвоприношения, стало возможным порвать с прошлым. Их принудительное обращение в веру открыло саксонцам и другим народам путь к цивилизации, но уровень их достижений оставался ниже этого у евреев еще несколько столетий. Люди ненавидят немного вещей у других больше чем превосходство. Поэтому враждебность была реальной. Не помогал и факт, что евреи, как торговцы, часто имели дело с христианами рабами. (Как робовладельцы евреи были уязвимыми, потому что по закону раб, собственность еврея, получал свободу, если принимал христианство).

Итак, враждебность к евреям во многих случаях становилась враждебностью к законам *Kosher*, и многие люди иногда находили удовольствие в попытках представить еврейские вина ритуально нечистыми. Отсутствие знания Святого писания из-за неграмотности усиливало разделение и отягчало незнание многих библейских распоряжений.

Кроме того с течением времени интерпретация некоторых законов становилась церковной, а не социальной. Например суббота, очень ясно определенная для отдыха, начала твердо означать богослужение и церковь; вторичное применение получило первичное ударение и значение. Требование отдыхать, и отдыхать в Господа, совсем основное в Святом писании. Оно означает отдых для человека, для его рабочих животных, и для земли; в этом отношении самые строгие субботные церкви явно изолированные в их соблюдении субботы. Субботные законы все-таки необходимые для человека, как и весь закон, и их соблюдение обязательное для здоровья общества. Церковь, оставляя закон Божий в одной области за другой, или сведя их к чисто духовному или моральному значению, сама вела общество к их оставлению. Джон Котон был прав: “Чем больше закон пахнет человеком, тем более он бесполезный.” Гуманистский закон ведет к социальному хаосу и кризису. Пора обратиться опять вместе с пуританами к словам из Ис. 33:22: “Ибо Господь – судия наш, Господь – законодатель наш, Господь – царь наш: Он спасет нас.”

Гуманистский человек ищет спасение от человека, иногда через политиков и государство, в другой раз посредством анархии. Но анархия ведет к социальному падению и войне, а государство, отражая человеческий грех, может только удвоить его. Отец Франсис Эдвард Нюгент упоминал коррупцию членов Конгресса, и добавил:

Государственное законодательство не менее открытое для закона и для коррупции: рассмотрим несчастный Нью-Хэмпшир, где Палата представителей, заседающая сегодня, включает один человек, который обвинялся в использовании почты для обмана, другой, который был арестован за кражу машины скорой помощи под действием алкоголя, и третий, который обвинялся в доказанном изнасиловании умственно отстающей пятнадцатилетней девушки. [29]

Ясное, что с нарастающим упадком общественной и личной моральности не может справиться никакое средство людей или политических институций. Зло по началу в человеке, и в его институциях и окружающей

среде, поскольку они отражают его природу. Рабсак был прав, касательно Египта: “Вот, ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломанную, которая, если кто опереться на нее, войдет ему в руку и проколет ее. Таков фараон, царь Египетский, для всех, уповающих на него” (IV Цар. 18:21). Будущее не уповаает на политиков с проколотыми руками, а на суверенного и триединого Бога и на Его абсолютный закон.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Новый завет как закон

Согласно Хеху, некоторое время церковь праздновала не современную Пасху, как свою ежегодную христианскую пасху (или причастие), а еврейскую пасху, и празднование воскресения было по условиям пасхального дня, несмотря на то, на какой день недели он приходился.^[1] Есть очень немногие доказательства, что ранняя церковь продолжала чествовать пасху и находит в Ветхозаветных ритуалах Новозаветные требования. Бингам дает доказательство, что ранняя церковь соблюдала “Пасху, или пасхальный праздник” в одно и то же время с еврейской пасхой.^[2] Почтенный Беде приводит упреки папы с седьмого века к шотландцам за то, что они продолжали соблюдать еврейскую пасху как единственный действительный повод для “празднования Воскресения.”^[3] Враждебность между христианами и евреями помогла чтобы разделить обе чествования, а вероотступничество некоторых христиан к иудейству^[4] углубило различие с законом. Анонимное “Послание к Диогнетию” дает прекрасный пример об этой враждебности, и о серьезности проблемы для некоторых духовников тех дней:

Глава IV. Но что касается их скрупулезности насчет мяса, и их предрассудков насчет субботы, и их хвастовства в связи с обрезанием, и их фантазий в связи с постом и с новолунием, которые крайне смешные и несостоящие внимания – я не думаю, что тебе нужно научить что-нибудь от меня. Потому что, чтобы принять некоторые из этих вещей, которые Бог создал для использования людьми, как прилично оформленные, и отвергнуть другие как бесполезные и излишние; - Как это может быть законным? И говорить ложно о Боге, что он запретил нам делать то, что хорошо, по субботам, - как это нечестиво? А славить обрезание плоти как доказательство об избирании, и о том, что за счет этого они специально любимы Богом, - как этому не быть предметом насмешки? А как насчет их соблюдения месяцев и дней как будто в служении звездам и луне; и их распределения согласно их собственным склонностям назначений Бога и превратностей сезонов, некоторых для веселья, а других для траура, - кто счел бы это частью божественного служения, а не, далеко более вероятное, проявлением глупости? Я полагаю поэтому, что ты достаточно убежден, что христиане как положено воздерживаются от суетности и от ошибки общей (для евреев и неевреев), и от сиплетнического духа и праздного хвастовства евреев; но ты не можешь надеяться узнать мистерию их странного способа служения Богу от некоторого смертного.^[5]

Есть много больше в этом стремлении – попытка через осмеивание отвергнуть христиан от соблюдения ветхозаветных практик, как и от посещения и церкви, и синагоги, о котором обычае упоминал Бингам. Совсем очевидно, что христиане не только соблюдали законы о диете, но и законы о субботе и об обрезании. Ясное, что заодно с некоторыми проблемами с антиномии, у церкви было тоже немало членов, склонные соблюдать весь закон Божий без никаких отклонений от еврейских практик.

Причина видна легко. На законе сильно делается ударение в апостольской литературе.^[6] Например в книге *Варнава* мы читаем:

Освободите всякую связь несправедливости, развяжите узлы насильно извлеченных согласий. Освободите угнетенного прощением и разорвите каждый несправедливый договор. Раздайте вашу пищу голодному, и если увидите кого-нибудь нагим, оденьте его. Приведите бездомного в ваш дом, и если увидите кого-нибудь с низким положением, не презирайте его ни (презирайте) кого-нибудь из вашего дома... Дайте вашу пищу голодному без лицемерия, и имейте милость к людям низкого происхождения.^[7]

Кроме того, *Варнава* делает ударение на факте, что “Христиане получили завет (не новый завет) через Иисуса,” как писал Крафт.^[8] Завет оставался тот же, но “новый народ” заменил старый.^[9] Дискутируя типологию обрезания, *Варнава* не отвергает обрезание как таковое; Крафт просто утверждает, что “обрезание есть вопрос понимания и повиновения.”^[10] Дискутируя диетические ограничения Ветхого завета, *Варнава* подобным образом занимается типологией. Он не осуждает Израиля за верование, что существенное значение диетических законов есть “действительная пища,” а не духовное значение, но он не может назвать добрым то, что типология называет злым, и обратное.^[11] По этому вопросу *Didache* говорит: “Что касается пищи, соблюдайте традицию насколько вы можете.”^[12] Это не оставление; оно следует требованию Павла, что диетических законов нельзя использовать, чтобы создавать барьер перед неверующих, которые евангелизируются, а соблюдать их скорее как набожный совет.

Типология, кроме того, делает ударение на важности первоначального закона, и поэтому, вопреки неодобрению, первоначальный закон никогда не исчезает совсем. Ясное, что обрезание заменилось крещением, но обрезание широко практиковалось “по медицинским причинам,” у которых полубиблейская важность. Попытки оживить еврейскую субботу стали банальными с течением веков, как и усилия перенести к христианской субботе древнееврейские строгости.

Следовательно, два импульса были постоянным фактором. *Первый*, враждебность к иудаизму вел к враждебности к закону и к отверганию некоторых или всех законов, т.е. к антиномии в различной степени; *второй*, уважение к Святому писанию как к слову Бога вело к нежеланию видеть некоторый аспект закона вытесненным пришествием Христа или измененным Его новой интерпретацией. Как результат иногда ставилось ударение на Ветхий завет, и некоторые практики сохранялись свою доновозаветную форму.

Отрицать, что древнееврейская суббота все еще управляет нами, не значит оставлять субботу. Отрицать обрезание как заветный ритуал не значит затуманивать его медицинскую стоимость. Признавать центральность и авторитет закона не означает, что надо понимать закон в смысле всего Святого писания. Сами евангелия в ранних

веках рассматривались как книги закона, поскольку они были словами Царя! Как указал Дерет, *Milindapanha*, буддистская книга от около 150 года нашей эры цитировала евангелия и слова Христа о налогах (Мат. 17:24-27), как юридический прецедент на Дальнем Востоке.^[13] Царское слово всегда закон-слово, и как таковое оно неизбежная часть тела закона. Через чудесную атестацию, которую получили апостолы, это царское слово и эта сила объявились в них тоже. Следовательно, целый Новый завет говорит в единстве с законом, данным в Ветхом завете.

Этот аспект царствования пренебрегался в последние годы, поскольку царствование в современном государстве в большей степени декоративное, а не действующее. Древняя власть царя однако была неотделимой от его законодательной власти. Его слово буквально было закон. Для Иисуса объявить, что Он Мессия – Царь над всем мире, значило что Сам Он рассматривал каждое Свое слово как неизбежный закон. В древнем мире для обращенных в веру слово Христа было законом, а презреть закон царя было серьезным преступлением. Даже вор на кресте имел доверие закону-слову Царя (Лук. 23:39-43), и его доверие было отмечено Христом и человеком. Факт, что этот Царь поставил Свою власть в защиту закона Мойсея (Мат. 5:17-19; Лук 16:17) сделало трудным для церкви пренебречь этот закон. Как результат, упорство о строгом соблюдении осталось в многих секторах церкви через века.

Упоминалась практика многих христиан посещать и синагогу, и церковь, и соблюдать и еврейскую, и христианскую субботу. Синод в Лаодикии в 348 – 381 годах нашей эры, в каноне ХХІХ осудил эту практику:

Христиане не должны примыкать к иудейству, отдыхая по субботам, но должны работать в этот день, а вместо этого чтить воскресенье; и если могут, отдыхать тогда как христиане. Но если кого-нибудь найдут, что примыкает к иудейству пусть будет он анафема от Христа.^[14]

Этот канон не только раскрывает продолжающую практику, но отражает тоже изменение в соблюдении субботы, отмеченное святым Павлом. “Если они могут, христиане должны отдыхать, но их жизнь в чужом государстве и в чужой экономике делало иногда, или обыкновенно, такое соблюдение невозможным. Сила закона однако была достаточно большой среди христиан, и многие грешили прекомерным повиновением, соблюдая и еврейскую, и христианскую субботу.

Представляет интерес тоже ответ Тимофея, епископа Александрии, на Первом совете в Константинополе в 381 году нашей эры, вопросу ХІІІ из серии вопросов, поставленных ему:

Когда муж и жена должны воздерживаться от супружеского акта?
Ответ: По субботам, и по воскресеньям; потому что в эти дни приносится духовная жертва.^[15]

Источник этого правила есть Исх. 19:5, заповедь, которая предназначалась чтобы предостеречь библейскую религию от всякого смешивания с практиками культа плодородия, когда давался закон. И опять мы имеем иллюстрацию верования, хотя и неправильно применимого иногда, что закон был сильно обязывающим для верующих.

2. Смысл I Царства 8

Глава I Цар. 8 стала популярной с тех пор, пока Западная цивилизация отвергла монархию как форму управления, и ее использовали как доказательство об антимонархистской точки зрения библии. Оппозиционеры этому мнению искали в Святом писании промонархистские точки зрения, или видели доказательства об обоих мнениях.

Но действительно ли главный смысл этой главы состоит в вопросе о монархии? Не ставится ли вопрос прежде всего об отвергании Божьего управления за счет человеческого управления? Господь сказал Самуилу: “Не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними” (I Цар. 8:7). Очень ясное следовательно, что Бог видел решение Израиля как по началу и по существу отвергание Его управления. Более того, отвергание было по существу религиозным, и это было отвергание, все равно какую форму гражданского управления Израиль ни выбрал. “Как они поступали с того дня, в который Я вывел их из Египта, и до сего дня оставляли Меня и служили другим богам: так поступают они и с тобою” (I Цар. 8:8). Ясное, что все равно выбрал ли Израиль монархию, республику, демократию, диктатуру, или некоторую другую форму гражданского управления, это было бы оставление Бога. Избирая царя, они совершили открыто то, что они делали в периоде Судьей. Набожный царь мог бы восстановить Божье управление, как сделали Давид и другие, но существенное намерение требования царя со стороны нации было, чтоб ими управляли как это было у прочих народов (I Цар. 8:5,20). Недовольство против сынов Самуила не было требование о реформы (стихи 1-5); коррупция сынов Самуила была только извинением за то, что они требовали централизованное управление профессионального воина с его армией (ст.20). Это было сдача Божьего правового порядка за счет гуманистского правового порядка.

По приказу Бога, Самуил сделал разбор сущности нового порядка (ст. 11-17). Ключ к этому разбору есть, *первое*, новая форма налогов, которая будет брат их сыновей и дочерей на военную службу, как и поля, продукцию, скот и рабов. *Второе*, он объяснил, что при новом порядке налогов у них без основания будут брать десятину и деньгами, и продукцией.

Здесь есть сердцевина различия между двумя порядками. Божье управление взыскивало только поголовный налог, и вероятно штрафы, для целей гражданского управления (Исх. 30:11-16); остальные функции управления обеспечивались десятиной, что гарантировало децентрализованное общество, которое управлялось набожными принципами и Божьим налогом.

Если мы не рассматриваем эту главу как формальное отвергание Божьего правового порядка за счет другого правового порядка, то мы не поймем значение этого центрального и революционного события. Народ явно отверг Божье управление (ст. 19-20), несмотря на ясное предупреждение Бога, что в таком случае Он оставит их

(ст. 18). Хотя они пытались поддерживать формальную верность Богу, на самом деле они отвергли Его. Для них было возможно иметь царя и сохранить Божий закон, как Самуил выяснил это (I Цар. 12:14-45); ключ был чтобы они не бунтовали “против заповеди Господа,” т.е. чтобы сохранили закон Божий как закон социального порядка.

Иеремия заявил, что плен пришел, потому что нация оставила Божий закон, и семьдесят лет плена были постановленными, чтобы дать земле субботы, которые отказывали ей (Иер. 25:9,10; 29:10). Бал писал о подобной декларации из II Пар. 36:21:

Мы не имеем никакого права никоим образом насильственно убеждать людей в словах святого писателя, в смысле принимать что он имел ввиду сказать, что когда Иерусалим был взят гальдеями, исполнилось точно семьдесят субботных лет, которые пренебрегались – т.е. что закон в этом отношении не соблюдался уже 490 лет (70x7), или именно с момента установления монархии в Израиле (490 + 588 = 1078).^[16]

Противно Балу, мы не имеем никакого права отрицать, что это именно то, что Иеремия и хроникер Паралипомена рассказывают нам, когда они явно говорят это. Следовательно, нам рассказывают, что с установлением монархии, субботы земли больше не соблюдались. Смысл I Цар. 8 есть, что десятина тоже была оставлена, поскольку их предупредили, что государственный налог составить другую десятину, при этом далеко больше прежней.

Ясное, следовательно, что хотя намерение Израиля было быть “моральным,” т.е. уменьшить прелюбодеяния, убийства, и кражи, он имел намерение тоже оставить Божий закон как абсолютное и руководящее правило для человека и общества. Хроникер рассказывает нам о цене, которую они заплатили за это.

3. Настоятельность, инвестиции, и ростовщичество: финансирование Божьего царства Гари Норт

Но я надеюсь, что никогда не будет возражения против того, Что Слуги Евангелия, через некоторое Грешное Безмолвие, стали пособниками Нарушений, *нашего Спасителя*, среди Народа, который специально обязан Украшать его. Не должно быть возражений против того, Что эти Слуги до такой степени ограничились проповедовать *Веру и Покаяние*, что Народ забыл *Моральную Честность*, через все наши Недостатки.

Котон Матер
*Честные дела между Должником
и Кредитором* (1716)

Вопрос о ростовщичестве ставит на испытание толковательские умения христианских комментаторов уже две тысячи лет. Значительная часть трудов, посвященных практическому применению христианских принципов – игра слов – была посвященная именно этой проблеме с 12-ого по 17-ого века. До христианской эры древнееврейские вожди и пророки боролись против постоянного нажима ростовщичества. Пророки до Исхода и после Исхода предупреждали своих современников против их постоянных нарушений Моисеевых распоряжений касательно займов. Иеремия, осуждая своих собратьев за то, что преследовали его, указывает на свою невинность в преступлении ростовщичества: “Никому не давал я в рост, и мне никто не давал в рост, а все проклинают меня” (Иер. 15:10). Неемия предупреждал правителей своих дней не взysкивать никакого возвращения в рост с Божьих людей, потому что они были угнетенными опустошениями голода и расходами для освобождения своих братьев из рабства (Неем. 5:1-13). Правители были достаточно мудрыми, чтобы обратить внимание этому предупреждению, и вернуть основную сумму и лихву должникам (5:11-12). Не очень вероятно, что этот пример был бы последован в наших современных, просвещенных христианских кругах.

Ростовщичество, лихва, и благотворительность

Запрещение против ростовщичества, как оно появляется в законе Моисея, касается специально брата, который беден: “Если дашь деньги займы бедному из народа Моего...” (Исх. 22:25); “Если брат твой обеднеет...” (Лев. 25:35). Законно было брать возвращение над сумму займа от иноземца из другой религии (Втор. 23:20). Десятую часть этого роста надо было отдавать Богу в виде десятины, таким образом извлекая из нерожденного заново хотя бы часть десятины, которой все люди должны Богу. Как раб греха, иноземец не был под защитой от рабства, в котором попадал бедный человек при каждом ростовщическом договоре. Но к бедному еврейскому брату его дающий займы брат должен был показать милость; никакой рост никакого вида над первоначальной суммой денег или над количеством товаров, кредитор не мог требовать законно (Лев. 25:37).

Исторически, эти ограничения не признавались обвzывающими в древнееврейской общности. Постоянные нарушения всех аспектов Моисеевского закона привели к осуждению нации. Бог не оставил их без предупреждения:

В рост не отдает и лихвы не берет, от неправды удерживает руку свою, суд человека с человеком производит правильный, Поступает по заповедям Моим и соблюдает постановления Мои искренно: то он – праведник, он непременно будет жив, говорит Господь Бог. В рост дает и берет лихву: то будет ли он жив? Нет, он не будет жив. Кто делает такие мерзости, тот непременно умрет, кровь его будет на нем (Иез. 18:8-9, 13).

Дефиниция ростовщичества точно библейская: *всякий рост, взятый от бедного при возвращении взятого займа*. Нет библейских доказательств, ни христианские игрословы обычно утверждают, что запрещение ограничивало лихву на бизнес займов, так что заимодавец разделял риск от банкротства с должником. Эта интерпретация запрещения ростовщичества была основной для изложений средневековых и ранних протестантских игрословов.^[17] Разделяя риск прибыльного бизнеса заимодавец имел право воспользоваться отчасти возвращениями. Проблема для казуистов возникла только тогда, когда заимодавцу гарантировалось возвращение его инвестиции независимо от успеха или провала предприятия.^[18]

Запрещение ростовщичества, как оно появляется в библии, связанное одновременно с требованием, чтобы набожный человек давал займы всем братьям в действительно ужасных обстоятельствах (Втор. 15:7 и т.д.). Это требование, если оно соблюдалось универсально, имело бы определенное влияние на незаконный, неморальный

ростовщический рынок. Бедствующие люди имели бы доступ к большему количеству денег и товаров, чем они имели бы, если Бог не поставил это требование к богатым давать займы. Христиане с сверх средствами вовлекались на рынок спешных займов без экономических стимулов. С большими наличными средствами, требование отчаянных искателей займов удовлетворялись бы легче. Таким образом преобладающая норма возвращения на ростовщическом рынке принудительно снижается: те, которые получили бы благотворительный заем, не должны выходить на ростовщический рынок, и поэтому их присутствие не поднимает проценты на этом незаконном рынке. Они не наддают о проценте роста, потому что их нужды удовлетворяется вне рынка.

Надо обратить внимание однако, что в этих пассажах речь идет о настоящей спешности. Она возникает, когда у бедного человека не осталось ничего, кроме его плащ, и даже его можно требовать как дополнительную гарантию только на дневное время (таким образом предотвращая возможность, чтобы должник использовал эту дополнительную гарантию на получении несколько займов). Спешность есть ситуация отчаяния; набожные мужчины и женщины не должны задолжать из-за чего-нибудь меньше, чем это. “Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви,” такое обвязывающее правило для неспешных обстоятельств (Рим. 13:8). От заможных верующих требуются *благотворительные* займы, не имеются ввиду *потребительские* займы без лихвы. Предполагается, что никто не потребовал бы таких, так что нет и требование давать их с нулевым возвращением. Принималось, что потребительские займы были продуктами рабской душевности. От этического раба – иноземца – было законно брать лихву. От тех, которые не считали себя рабами, ожидалось (и ожидается) внимать словам Соломона: “Богатый господствует над бедным, и должник делается рабом заимодавца” (Прит. 22:7).

Оперативно лихвенный процент, как и все цены, есть продукт предложения и спроса. При неденежной экономике он отражал бы предложение и спрос товаров и услуг. Наличие денег несколько усложняет картину, добавляя к уравнению другой фактор: предложение и спрос денег. Факт, что эти два аспекта присутствуют в единственном лихвенном проценте, может привести к большим конкретным практическим проблемам, а именно к разоряющим бумагам цикла инфляции – депрессии.^[19] Для целей этого трактата не необходимо проследивать этот дуалистичный аспект лихвенного процента. Проблема здесь более простая: Почему эти люди надеются приобрести возвращение над данным займы капиталом, и почему другие склонны платить его?

Эта сильно теоретическая проблема сбивала с толку экономистов столетия уже. Профессиональные экономисты пока еще не полностью согласны по этому вопросу, но в последние 100 лет появилось общее решение. Человек может требовать процент возвращения от своих денег и товаров, данных займы по трем причинам. *Первая*, потому что он лишается пользования этими денгами на данный период времени. Это так называемый *временного предпочтения*, называемый тоже первичным лихвенным процентом. Использование блага прямо сейчас более ценное для индивида, чем обещание об использовании этого блага в более позднее время (принимая конечно, что вкусы не изменятся). Каждый рациональный человек *дисконтирует* стоимость будущих экономических благ. Люди смертные; они подчиняются законам времени. Каждый человек делает расчет использования своего богатства во времени; он не лишается добровольно этого использования без компенсации. Его личное предпочитанное время ставит ему дисконтный процент для наслаждения будущими товарами и услугами, которые его деньги могут купить немедленно. Дисконтный процент определяет лихвенный процент, который он будет требовать от кого-нибудь, который желает взять займы его деньги. Поскольку деньги более ценные сейчас, чем та же сумма будущих денег стоит сейчас (принимая устойчивую покупательную способность денег), некоторые люди склонны платить, чтобы получить доступ к деньгам сейчас.

Общество, ориентированное на будущее, будет ставить более низкий лихвенный процент. Такие люди не ценят настоящее так сильно, как будущее; как результат ценовое распределение между настоящими и будущими деньгами стесняется. Вот возможный просpekt для исследования, открытый для каждого, который интересуется объяснением быстрых темпов развития показанных в прошлом веке Западом, и специально протестантским Западом. Ориентированная на будущее культура ставит более низкие лихвенные проценты, тем самым облегчая капиталистам доступ к средствам для экономического развития.^[20]

Вторая компонента лихвенного процента есть *рисковая премия*. Заимодавец знает, что он может и не получить свои деньги обратно. Должник может обанкротиться, или может сбежать с займом. Чтобы компенсировать заимодавца за его риск – фактор, который можно оценить с некоторой точности через современные статистические приемы – он требует оплачивание над и вне его возвращения за временное предпочтение. Естественно, при культуре, которая уважает претензии кредитора, рискованная премия будет более низкой. Моральность действительно оказывает влияние на лихвенный процент. Общество, которое принимает серьезно предупреждение псаломщика на счет взятия и отдавания денег займы, найдет набожной “политику легких денег,” а не кейнсианскую, инфляционную политику: “Нечестивый берет займы, и не отдает; а праведник милует и дает” (Пс. 36:21). Милостивый заимодавец, как мы уже видели, помогает сдерживать незаконный ростовщический процент низким, а честный должник в бизнесе помогает сдерживать рискованную премию более низкой. Христианские нации, которые не искусственные антиномией, должны иметь меньший черный рынок для займов (спешных, ростовщических займов), и более низкий лихвенный процент для коммерциальных займов.

Третий фактор есть *инфляционная премия*. Заимодавец желает получить обратно такие деньги, которыми он сможет купить по крайней мере одинаковые товары, как и деньгами, которые он дает займы. В инфляционном обществе он добавит новое требование: достаточные деньги, чтобы компенсировать ему ожидаемый спад стоимости национального средства обращения. И опять, если общество уважает осуждение Исаией обесцененных драгоценных металлов (использованных древними царствами как деньги), и если оно уважает тоже закон Моисея против множественной задолженности (душить таким образом инфляцию, производимую современными банками

с частичным резервом), оно не будет испытывать большую цену инфляции.^[21] В самом деле расширяющаяся экономика, при относительно устойчивом предложении денег, будет производить постепенно падающий уровень цен.^[22] Он может упасть достаточно, чтобы снизить *денежный* лихвенный процент (хотя и недействительного лихвенного процента, имея ввиду покупательную способность). Общество может вероятно производить отрицательный денежный лихвенный процент, если стоимость покупательной способности денег возрастала бы более быстрым темпом, чем определяемый рынком процент временных предпочтений плюс рисковую премию. Если вы можете купить *больше* деньгами, полученными в будущем, вы можете быть потребовали бы только *одинаковую* сумму бумажных денег или монет как возвращение.^[23]

Имея ввиду это как основы теории лихвенного процента, будет легче разобраться в смысле *милосердного займа*, который проистекает из запрещения ростовщичества. Заимодавец встречается с верным убытком от своего займа. Первое, он несет риск, связанный с займами лицам, доведенным до бедности, потому что он не может требовать дополнительное оплачивание рискованной премии, как при наличии лихвы. Второе, он получает обратно блага в будущее, но будущие блага менее ценные для человека, чем те же самые блага в настоящем. Следовательно он лишается использования своих благ во времени, без никакой, без никакой компенсации. Он получает обратно менее ценные блага, потому что он потерял нечто, которое никакое существо не может возместить: *время*. Третье, в инфляционные времена он оплачивается тоже потерянностью покупательной способностью, если его заем будет в бумажные деньги, как это бывает нормально. Он несет следовательно две, а может быть и три, издержки займа. Это размер его милостыни. Он терпит убытки ради своего нуждающегося брата. Бог требует от него этот убыток.

Настоятельство, инвестиции и благотворительность

Концепция о христианском настоятельстве есть основной догмат христианского социального порядка. Библия объявляет, что Бог есть суверенный владетель Своего творения.^[24] Он делегировал ответственность и заботу о земле Адаму, представительному главе человечества (Быт. 1:28). Через всю Библию человек предостерегается упражнять владычество над землей в смысле Божьих требований; Божий правовой порядок есть средство, через которое человек должен привести землю в подчинении. Всякое отклонение от этого правового порядка вовлекает человека в бунт против Бога и в разрушение Божьей собственности. Большой враг Бога, сатана, описывается в притче о плевелах как такой, который нарушает правила сеяния с целью вызвать Бога и расстроить Его план (Мат. 13:24 и т.д.). Притча о хозяине дома, который насадил виноградник, а потом отдал его слугам, которые оказались нечестивыми ворами, показывает враждебность Бога против тех, которые нарушили бы Его права на собственность (Мат. 21:33 и т.д.). Верный настоятель тот, который обращается с Божьим миром с уважением, делая так чтоб он процветал и развивался в плодородии. Он такой, который инвестирует деньги своего хозяина мудро, приобретая честную прибыль, увеличивая стоимость благ, поверенных ему (Мат. 25:14 и т.д.).^[25] И еще он тоже человек, который должен быть милостивым в своих делах с другими, как Бог был милостивым с ним (Мат. 18:23 и т.д.).

Верный настоятель следовательно означает как минимум следующее: (1) признание суверенитета Бога над Его творением; (2) повиновение правовому порядку, который Бог установил для управления Его творения; (3) производительное, плодотворное управление есть профессия или призвание; (4) признание законности десятины на теории и на практике; (5) добровольно давать милостыню на избирательном, набожном основании.^[26] Настоятельство можно обобщить двумя охватывающими принципами: *призвание* и *милосердие*. Первый из пяти аспектов настоятельства – признание суверенитета Бога – основание и для призвания, и для милосердия.

Милосердие и призвание связанные, и все-таки они отдельные. Принцип, провозглашенный Иисусом: “Кому много дано, много и потребуется” (Лук. 12:48), показывает связь. Бог дает обильно людям, Его заместителям в управлении над землей, но Он ждет честность и милосердие от них. Люди предупреждаются специально против великой опасности: воспользоваться от открытой руки Бога только чтобы забыть суверенные требования дающего; результатом будет уничтожение (Втор. 8:11 и т.д.). Но различие между инвестицией и ростовщичеством стоит как напоминающий знак против проникновения милосердия в сферу призвания. Нельзя зарабатывать на жизнь через займы нуждающимся братьям, такая жизнь есть мерзость в глазах Бога. Это не тот случай, как один сторонник тотально свободного рынка (*laissez-faire*) пытался утверждать, что лучшая форма благотворительности есть прибыльная инвестиция капитала, которая будет раскрывать рабочие места.^[27] Чтобы принять эту предпосылку, христианин должен затемнить данные Богом различия между бизнесом и добровольной благотворительностью. Бизнес имеет ввиду экономическое возвращение (или хотя бы потенциал для получения прибыли) для инвестора; благотворительность имеет ввиду перевод недостающих экономических ресурсов другому, без никакой надежды на возвращение (Мат. 10:8; Лук 6:35).

Человек трудно может назвать себя верным настоятелем если он отделяет благотворительность от бизнеса абсолютным образом. Предполагается, что бизнес получает прибыль, если он успешный, как показывают некоторые притчи Иисуса. Однако безжалостная конкуренция, чрезвычайно лишенная милости, тоже осуждается в притчах. Но факт, что одному молодому хозяину было сказано, чтоб он продал все свои богатства и раздал все бедным, не стоит как требование к каждому хозяйственному дельцу. Ни пример церкви в Иерусалиме в Деян. 4:32 превалирует как модель для всех церквей. Человек должен быть внимательным и не извлекать откровение Бога из Его слова, слушая только притчи о прибыли, или только примеры о тотальной бедности. Он ответственный перед Богом за свое следование Божьего Духа в разное время и по каждой извилине жизненного пути. Нас предостерегают расти духовно через земные притчи об экономическом управлении. Факт, что Бог может потребовать от человека дать все, что у него, не означает что Бог утверждает моральную действительность

постоянных экономических убытков. То, что Бог говорит, это что нельзя быть безжалостным во бизнесе, ни морально расточительным в благотворительности. “Раздели свое богатство” есть библейский принцип, и нормальное значение этого разделения есть десятая. Общий принцип не “уничтожь все богатство” через универсальное, неразборчивое раздаривание. Вкратце, бизнес не благотворительность, хотя он может и должен быть милосердным. Благотворительность надо заботливо управлять подобно бизнесу – с честным счетоводством, бюджетом, и т.д. – но она не бизнес, т.е. не прибыльное экономическое действие. Они отдельные, суверенные сферы. Их различия надо уважать.

Существенное различие состоит в очень бюрократической структуре, создаваемой каждой формой хозяйственного управления. Профессор Мизес отличил две основные модели управления. Первая есть *бизнес* форма, связанная с постановкой о *прибыли и убытке*. Она характеризуется через центральную предпринимательскую иерархию, которая принимает основные решения, как генеральные цели корпорации. Эти цели передаются к более низшим служащим профессиональными заведующими, которые получают зарплату, но не участвуют в распределении настоящей экономической прибыли. (Прибыль есть остаток после оплачивания всех расходов: налоги, зарплаты, лихвы, серых материалов. Это остаток, основанный на точном предвидении неизвестных заранее события; более точное предвидение будущего пожинает прибыли, пока менее эффективное терпит убытки.^[28]) Низшие разряды бюрократии остаются относительно свободными делать то, что приносит прибыль в каждом подразделении, в рамках генеральных целей компании. На более низких уровнях существует далеко большая гибкость, именно потому что величина прибыли и убытка не фиксируются твердо заранее. Противоположное этому гибкому, рисковому, свободно рыночному управлению, есть *управленческая бюрократия* или неприбыльная благотворительная бюрократическая структура. Они стоят *натвердом ассигновании*, определенное налогоплательщиками или дарителями. Бюджет этих бюрократий далеко менее гибкий, потому что они финансируются свыше. Они не получают прибыль и не терпят убытки, по крайней мере не в смысле прибыли и убытков фирм на конкурентном рынке. Единственный способ увеличить их доходы есть получить больше денег от налогоплательщиков или дарителей. Этот вид бюрократии позволяет далеко меньшую свободу более низким эшелонам бюрократов, чтобы расходовать как им нравится; они должны следовать *внимательно обрисованные бюджеты*, фиксированные заранее. Эти люди менее гибкие, чем их коллеги на свободном рынке, потому что их бюджеты направляются центрально, далеко менее гибким образом, и как результат эти люди не подвержены прямой конкуренции рынка.^[29]

В ограниченной степени, структура налогового закона Соединенных штатов признает действительность как анализа Мизеса, так и библейского разделения бизнеса и благотворительности. Предполагается, что неприбыльные корпорации по существу благотворительные – образовательные, помощные, ориентированные к услугам, культурные, и т.д. – а их служащие получают зарплату. Им платят в зависимости от услуг, оказанных на функционирование корпорации. Им не позволено получать остаток после удовлетворения всех расходов, и по этой причине гражданское управление дает этим корпорациям право избежать одного очень важного операционного расхода: налоги. Облагаемому бизнесу однако позволено сохранить прибыль для собственников, и распределить эту прибыль как решать собственники.^[30] Благотворительные организации платят за услуги, оказываемые им; корпорации прибыли и убытка стремятся приобрести для собственников как можно больше прибыли. Доходы первых ограниченные в конечном счете гражданским законом, доходы вторых нет, исключая случаи контролируемых монополий и полумонополий. Налоговые законы признают различие между *возвращением от услуг и возвращением от инвестиции*. Благотворительность не бизнес.

Божья институциональная монополия

По этому пункту обязательно осознать другое различие. Как хозяйственное управление охватывает обоих – призвание и благотворительность – так и концепция о Царстве Бога включает дело установленной церкви и набожную деятельность христианских людей во всех других законных человеческих учреждениях. Выяснил этот пункт великий голландский мыслитель Абрахам Кюйпер, когда он разработал свою концепцию о сфере суверенитета. Римская католическая церковь ошибается, когда приравняет Царство Божье с установленной церковью; царство есть что-нибудь далеко более обширное, чем простое распространение таинств. Оно включает дело христиан во всех разнообразных деятельности.^[31]

Теперь возникает критический вопрос. Находится ли церковь в основном под правилами, управляющими теми аспектами царства, связанными с прибыльным бизнесом, или она более специально под правилами, которые управляют благотворительными организациями? Официальный ответ церковью должен быть таким, чтоб действительно была вторая альтернатива. У церковного бизнеса нет постановки о прибыли и убытка; церковный бизнес состоит в распространении евангелия, коллективном богослужении под набожной дисциплиной, и управление таинствами. Интерес установленной церкви есть духовный доход и экономическая задача; ее интерес, в отличии от христианского бизнеса не духовный доход через экономический остаток.

В отличии от заявления американских фундаменталистов, что “круглосуточная христианская служба” ограничивается до дел установленной церкви и ее миссионерских придатков, калвинист признает действительность всех набожных призваний как круглосуточную христианскую службу. Однако принцип о сферах суверенитета требует, чтобы мы различали природу каждого призвания в отличии от всех других. То, что действительно для христианского бизнесмена, не всегда действительно для церковного старейшины или для администратора семинарии. Из-за того что просто все набожные призвания действительно, мы не имеем право заключать, что они идентичные. Они управляются различными правилами, и их успехи и провалы оцениваются различными стандартами.

Если какой-нибудь пример из Библии выдается как первый по рангу, это рассказ о Христе и меновщиках в храме. Меновщики, как само название показывает, были в бизнесе обмена иностранной валюты. Частью годового приношения, взыскиваемого по закону Моисея, было поголовное оплачивание пол сикля серебра (Исх. 30:12-15). Иерусалим во время Пасхи был залитым приходящими евреями с всего Средиземноморья, которые прибавлялись к уже разнообразному населению (Деян. 2:5 и т.д.). Различные монеты из многих земель должны были обратиться в подходящую для приношения единицу – пол сикля. Меновщики исполняли эту услугу, и как показывает враждебность Иисуса, они делали это с выгодой.

В чем было их преступление? Получать прибыль от сделок при обмене иностранной валюты есть старая и уважаемая профессия. Самые строгие из средневековых комментаторов признавали право банков получать прибыль от этой услуги; это считалось самой главной законной функцией банковского дела.^[32] Откуда такая сокрушительная враждебность Иисуса против них? Причина почти наверняка лежит в местоположение их столов. Они располагались во внутреннем дворе храма.^[33] Присутствие храма придавало очевидный безошибочный ореол святости людям, которые предлагали свои услуги там. Прибывшие евреи не хотели бы иметь дело с нееврейскими меновщиками вне храма. Они могли верить людям из храма, или хотя бы они так думали. Подразумевается, а по всей вероятности несомненно, что правители храма ставили требование: приношение Богу надо было получить от меновщиков (и продавцов голубей) внутри юрисдикции Господнего дома. Меновщики пожинали монопольное вознаграждение, благодаря своим тесным связям с установленной церковью. Они не подвергались конкурентному давлению свободного рынка в обменном бизнесе. Их заслоняло имя Бога. Используя таким образом Божье имя, они бесчестили Его. Нельзя получать монопольную прибыль таким способом.

Мы можем только подозревать, что курс обмена был неблагоприятным по сравнению с курсами вне двора храма. Мы можем только признать факт, что власть пожинать монопольное экономическое вознаграждение такая, которую невероятно пренебрегать в течении длительного периода времени. И опять мы можем только подозревать, что меновщики заделывали часть их прибыли храмовым властям. Кажется основательным, что храмовые власти требовали бы долю монопольного вознаграждения, чье происхождение было в самом ореоле храма. Возможно даже, что меновщики были служителями храма на зарплату. Но каким не было конкурентное экономическое устройство, слова Христа показывают их положение в глазах Бога совсем ясно: “Написано: дом Мой домом молитвой наречется, а вы сделали его вертепом разбойников” (Мат. 21:13). Продавцы голубей, меновщики, продающих, покупающих: и Иисус выгнал всех их вне двора. Такие экономические сделки были мерзостью. Дом Бога содержался на десятинах и на приношениях Его людей; Он не одобрял торговлю вразнос во имя Его как средство чтобы увеличить “святые” доходы.

Установленная церковь есть средство для проповедования евангелия, воспитания святых, и исполнения таинств. Она совсем явная духовная монополия. Она монополия в человеческих делах. Христос выясняет, что людям не позволено использовать это монопольное положение на свою пользу. Жалованье определенных Богом служителей на службе установленной церкви полагается за исполненные услуги. Экономическое вознаграждение церкви не должно быть в смысле принципа, ставшего знаменитым в книге Франка Норриса *Октопод*: “Каждая торговля приносит.” Установленная церковь не бизнес – не бизнес обмена валюты, ни бинго бизнес, и ни страховой бизнес. Она дом молитвы.

Люди, которые приходят во имя Господа, и которые претендуют на прерогативы, данные определенным Им, должны быть скрупулезно внимательные, чтобы отличать свою прибыльную профессию от их служебного призвания. Павел был производителем палаток. Он не использовал свое положение как апостол, чтобы пожинать монопольное вознаграждение от своих братьев. Он не торговал свой товар под покровительством местной церкви, поставляя цену выше рыночной, потому что он был из избранных. Он упражнял свое ремесло, потому что хотел освободить установленную церковь от экономического бремени поддерживать его, а не потому что намеревался основать “Апостольские палатки” Компани (можете найти их только при вашей местной церкви).

Установленной церкви и связанных с ней учреждений был законный, но ограниченный суверенитет. Когда этот суверенитет – монополия, данная Богом – превышался, происходило нарушение Божьего правового порядка. Тогда установленная церковь становилась разрушителем, вором. Установленная церковь не бизнес. Она дом молитвы.

Христианское ростовщичество

Имея это как основу, пора обратиться к этой практике, которая эвфемистически известна как “Христианская программа о настоятельстве.” У нее много граней, и много практикующих. Она включает виртуально каждое протестантское вероизповедание. Она включает миссионерские общества, институты христианского обучения, общества медицинской помощи и христианской благотворительности. Почти все журналы вероизповеданий содержат в каждом номере несколько призывов для займов различных видов. Есть один современный журнал, официальный орган вероизповедания с 25000 членами, по предположению реформаторского, который публикует почти дюжину таких объявлений в каждом номере.

Когда я начал собирать данные об этих программах “для настоятельства,” я послал запросы к различным протестантским организациям о брошюрах, картах или другой информации. Данные вылились, и всегда с почтой первого класса. Получал и личные письма, и каждое письмо предлагало доставить дальнейшую информацию по заявке. Потом пришли телефонные звонки и посещения деятелей “настоятельства.” Было около двух таких посещений ежемесячно, а я жил в изолированной части города, в многих милях от контор людей, которые приходили говорить со мной. В течении моих первых десяти лет как христианин, у меня было только одно посещение со стороны старейшин местной церкви. Оно было вызвано просьбой одного мультимиллионера из этого

вероизповедания, который настаивал, чтоб они посетили меня. Я не был дома в этот момент, и они больше не пришли и не телефонировали. Но какой интерес возник ко мне, когда я заинтересовался “настоятельством”? Я был человеком, чья христианская душа нуждалась испытать христианское приятие! И путешествие в около 80 миль было не очень затруднительное. Можно почти прийти к заключению, что Бог был неправ – что мы *можем* служить и Богу, и мамону. Это почти как будто Бог сказал, что он пришел, чтобы люди могли получать прибыль, и чтобы они могли получать ее как можно более изобильно. Действительно, вот какие люди, которые *на самом деле* посвящались “круглосуточной христианской службе”!

То, что удивило меня сначала, это было замечательное подобие этих программ. Очевидно, что налоговые законы создают такое единообразие. Некоторые из этих программ используют совсем одну и ту же брошюру, но с их именами, отпечатанными на обложке. Они предлагают возможным “настоятелям” многие способы “подавания.” Вот несколько из заглавий брошюр: *Верное настоятельство через христианскую инвестицию* (World Vision); *Христианский образ жизни – настоятельская благотворительность, неразрывно связанные* (Christian and Missionary Alliance); *Эффективная благотворительность через дарение годовой ренты* (Bible Study House). Гротескная связь между “инвестицией,” “настоятельством,” и “благотворительностью” так открытая, и так вопиющая что должна быть поразить чувствительность всех христиан. Отнюдь! Такую путаницу библейских категорий, такую полную, такую преднамеренную, и такую выгодную финансово (краткосрочно), трудно можно воспринять. Предполагаемо консервативные, ортодоксальные вероизповедания и службы, находятся как будто в мире бурных Двадцатых годов Бруса Бартона, когда могли бы серьезно считать Иисуса “Основателем современного бизнеса.”^[34]

Ростовщичество, в своей библейской дефиниции, включает предоставление денег займы нуждающемуся брату, а потом требование возвращения основной суммы плюс лихвы. В таком случае возникает вопрос о статусе установленной церкви; я принимаю уже установленным, что этого учреждения нельзя рассматривать как прибыльный бизнес. Следовательно требовать оплачивание лихвы со стороны церкви за какой бы ни был вид займа, предоставленный ей, есть ростовщическое требование. Иерархия церкви одинаково виновная, потому что библия выясняет насколько неморальное участвовать в такую сделку, все равно как кредитор или как должник (Иер. 15:10). *Установленную церковь* надо считать *благотворительной службой*, которая поддерживается десятиной и приношениями ее членов. Она несравнимая с корпорацией. Ее нельзя финансировать через продажу фирмам торговцам в разнос, которые предлагают ложные надежды взрослым парам (как я намереваюсь показать), и которые предлагают им ростовщические договоры “гарантирующие” пожизненное годовое возвращение, или некоторую другую из многочисленных схем, мечтанных страховыми компаниями и налоговыми комитетами Конгресса.

Лихву можно брать с бизнесменов, которые нуждаются в наличных деньгах, чтобы организовать некоторые вероятно прибыльное предприятие. Лихва становится (по библейскому) ростовщичеством, когда взимается с благотворительных законно неприбыльных фирм, которые не действуют на конкурентном рынке с целью *увеличить* свои доходы, а которые на самом деле *распределяют* доходы во имя Бога. Настоятельство несомненно вовлеченное в издержке церкви и ее придатков, но оно *настоятельство благотворительности*, а не настоятельство прибыльной профессии. Переносить концепцию о *хозяйственном управлении бизнеса* к настоятельству благотворительности, и этим оправдывать ростовщические договоры о займах, это не меньше чем богохульство. Тот, кто принимает такой заем в равной степени виновный как тот, кто предлагает его.

Искать займы для поддержки работы церкви законно в случаях спешности, как и для обедневшего индивида. В других случаях это незаконное. Однако просьба о займе с лихвой всегда ростовщическая, всегда неморальная, и всегда под проклятием Бога, если она делается в смысле нужды в благотворительности. Люди могут закрывать глаза и затыкать уши, но так утверждает библия. Невозможно сбежать от истины; Бог только откладывает осуждение.

Вопрос о так называемых “договорах о пожизненном доходе” воспринимается более трудно, по крайней мере для индивида без особых познаний в экономической теории. Рассмотрим брошюру, о опубликованную и распространяемую ведущей консервативной семинарией. Ее автор Роберт Шарп, а год издания 1967. Она представляет случай “дарения годовой ренты.” Эти договоры включают оплаты определенной суммой наличными; институт использует эти средства, и платит инвеститору определенную годовую ренту в долларах, пока он жив. При его смерти, остаточные деньги из суммы (если таких осталось) переходят к пережившему супругу, или остаются институту в зависимости от вида договора. Брошюра информирует нас, что:

Вы достигаете две главные цели с дарением годовой ренты. Первая . . . Вы делаете дарение благотворительной, образовательной, или другой милосердной организации. Такие организации должны удовлетворять определенные условия, чтобы ваше дарение могло предложить вам налоговые облекчения, рассмотренные дальше. Вторая . . . Вы обеспечиваете себе регулярный и надежный доход.

Обе постановки подводящие. Дарение есть настоящая жертва, которая дается благотворительной организации и некоторому индивиду без никакой мысли о возвращении. Это не одно и то же, морально или законно, как завещание после смерти (если какой-нибудь собиратель налогов удосужится объяснить). Дарение предполагает жертву живого дарителя, а не жертвы его переживших родственников. Такая по крайней мере библейская идея о дарении. Однако инвестиции не дарение. Например, годовую ренту можно получать от коммерсальной страховой компании, факт, который допускается в брошюре. Надо ли рассматривать это как “дарение” таким компаниям как Prudential или Джон Ханкок Компани? А может быть скорее это форма принятия риска, при котором страховая компания держит пари, что вы не будете жить больше, чем средняя статистическая жизнь, ожидаемая для группы вашего возраста и пола? Не ставит ли компания на то, что

накопленная лихва вашей денег плюс основная сумма будет при вашей смерти больше, чем то, что платила она вам в течение вашей жизни?

Если договоры те же самые, почему человек идет в церковь или в миссионерскую организацию, чтобы принять меры насчет своего “пожизненного дохода”? *Потому что церковь приходит к нему во имя Господа.* Церковь называет своих инвестиций дарением, называет свое принятие риска милосердным настоятельством, называет свое ростовщичество похвальным. Коммерсиальные страховые организации не называется именем Христа и они должны платить налоги за свои прибыли. Среди верующих действительно нет более конкурентно способных, чем церковная страховая схема. Подобно меновщиков, церковные продавцы страховок (или страховые агенты), находятся “внутри двора храма.” Церковь владеет критическую духовную монополию, и ее администраторы научились, что такую духовную монополию можно легко превратить в успешную (краткосрочно) экономическую монополию.

Преувеличение ли это? Послушаем слова мистера Стенли Л. Бжорнсона из Христианского и миссионерского союза, в официальной брошюре этой организации, рекламирующей программу “Завтрашние сокровища”:

Мы называем это “Завтрашние сокровища,” заимствовав из предписания Христа, “запаситесь сокровищами на небесах.” Конечно, многие финансовые планы, предложенные Союзом, дают возможности о дохода на близкое будущее, другие на грядущий год. *Все однако инвестиции в пользу Божьего дела, которое Он обещал благословить.*

Естественно, эти организации предпочитают прямое дарение, а не инвестиции, поскольку инвестиция требует от них вернуть что-нибудь инвесторам. Но дарители не всегда могут удовлетворить нужды различных организаций, поэтому потенциальных ростовщиков из аудитории надо поощрять, чтоб они пошли новым, более непосредственно прибыльным путем “благотворительного дарения.” В свое время Иезекииль несомненно был прав осуждать такие практики, но тогда он был “под законом, а под милостью.” Предполагается, что мы живем в новом расположений вещей, как указывает Бжорнсон:

Лучший возможный дар, конечно, есть прямое дарение, которое может использоваться непосредственно; однако, многие христиане “зарабатывают, чтобы давать, но нуждаются в доходах, чтобы жить.” Для них приносящие доходы дарения, как годовая рента или попечительство, предпочтительные и выгодные. Наши искреннее желание – служить всем, которые желают “запаситесь сокровищами на небесах”, через дарения и инвестиции в делах Господа сегодня.^[35]

Христиане, которые играют такие игры словами, запасаются чем-то на небесах, без сомнения, и может быть они будут достаточно умелые, чтоб убедить себя (на земле), что то, чем они запасаются, есть “сокровище,” но придет день отчета. Запаслись ли они сокровищами или нет, откроется огнем (I Кор. 3:12 и т.д.).

Итак пасторы стада превращают овечки в ростовщиков. С целью приобрести средства для своих “проектов царства,” пасторы превращают дом молитвы в берлогу воров – все из добрых намерений, конечно. Истинность или ложность библейского постановления против ростовщичество даже не предмет рассматривания. Люди, умелые в самый уклончивый вид толкования библии, люди, приученные оригинальному библейскому языку, люди, которые могут замарать изъяны в формулировке убеждений моментально, они не считают себя замешанными в практических проблемах ростовщичество. Это есть губительное влияние антиномного пиетизма: точность в тесно теологических вопросах, абсолютная слепота во всем, вне ученых заметок. Их продукция есть культурно бессильная. Годы преднамеренного несоответствия захватили церковь; пасторы больше не в состоянии применять библейские нормы даже в тесной сфере установленной церкви. Если налоговые власти (когда-то называемые *мытарями*) дают неприбыльным организациям некоторые налоговые преимущества из-за программ годовой ренты, это принимается как одобрение такой практики в глазах Бога. А от задолженности, как от наркотиков, трудно отказаться, когда это уже началось. Эти пожизненные годовые ренты надо платить частично через финансирование больше пожизненных годовых рент. Это модный способ. “Не будьте должны друг другу ничего, кроме взаимной любви” – это пренебрегается; оно было действительное для Рима в первом веке нашей эры, не для модных времен. Мы живем в новом расположении вещей.

Инфляция и годовая рента

Риск основной для всей жизни. Ничего на земле не “твердое.” Общество изобрело много институтов, чтобы предвидеть будущее и распределять риск, а страховые компании – самые замечательные из этих институтов. “Безрисковый договор” есть противоречие по условий: компании могут обанкротиться, наступают бедствия, люди воруют деньги и исчезают, правительства обесценивают валюту или замораживают счета в банках. Есть низкорисковые инвестиции, но никогда безрисковые такие.

Рассмотрим смысл высказывания Бернсона в ответ на вопрос “Что такое благотворительное дарение годовой ренты?”:

Это перевод денег, ценностей или имущества для благотворительности, в обмен на *гарантированный пожизненный доход*. Размер определенного дохода зависит от возраста донора в моменте дарения. В дополнении к некоторым налоговым выгодам, *донор получает обеспечение регулярного дохода, свободный от инвестиционных беспокойств и от экономических флюктуаций.*

Организация World Vision почти столько же шумная в своих обещаниях, касающих надежности так называемого “дарения донора”:

Годовая рента обеспечивает твердый пожизненный доход и освобождает вас от необходимости заботиться лично о переведенных средствах. Годовая рента предлагает финансовую надежность, и за счет сбережений от налогов дает вам дополнительные средства для делах Господа.^[36]

Ах, какое чудо безрисково жить, дарить и инвестировать! Массово распространяемый памфлет *Эффективная благотворительность через дарение годовой ренты (кем-нибудь и кому-нибудь)* излагает природу договора в пылающих словах:

1. У вас доход, который вы не можете пережить – он на всю вашу жизнь, плюс то, что вы даете поддержку этой организации.
2. У вас доход, который никогда не уменьшится – он определяется в моменте, когда вы делаете дарение, и не может измениться.

Вот ответ финансового мира о вечном двигателе: “Доход, который никогда не уменьшится!” Какое чудесное обещание для некоторой взрослой пары! Они жили в период депрессии, и подобно многим из их поколения, это переживание оставило на них постоянные рубцы. Они думают об экономической катастрофе как о разоряющих ценах и низком оплачивании. Европейцы из их поколения знают лучше. Более нормальная форма экономической катастрофы есть инфляция, когда пенсии и сбережения вымываются обесцениванием национальной валютой. Но в Америке обращаются к ужасу, который налицо, и этот ужас есть отсутствие денежного дохода. Итак, памфлет *Эффективное дарение* представляет читателю тотально бессмысленное экономическое высказывание: “Все более и более американская экономика основывается на доходе, а не на богатстве.” Уровень продаж в таком случае делается так, чтобы обеспечить гарантированный доход. Непосвященные поощряются подписывать неизменяемые договоры; их сбережения постоянно переводятся, по закону организации, в обмен на твердое денежное оплачивание (годовое, полугодовое, или квартальное).

Одна неписанная предпосылка определяет обещание о постоянном доходе: *доход в долларах есть экономический эквивалент дохода в товарах и услугах*. Покупатель договора – так называемый “донор” – допускает, что покупательная способность денежного дохода останется постоянной в течении остатка его жизни. Он вовлекается в форму авантюры, хотя не посвященный может и не осознавать риск. Он поставляет свои сбережения на огромный риск, что правительство остановить инфляцию, и следовательно цены останутся неизменными или даже снизятся. Такая авантюра, по крайней мере с 1965 года, слишком жалкая. Даже хуже, чем жалкая, она самоубийственная. С 1958 до 1968 года увеличение денежного предложения в США перевысило 90 процентов. Цены возрастали с годовым темпом свыше шести процентов, и еще более высоким темпом в 1970-ых и 1980-ых годов. Только контроль над ценами и зарплатами мог остановить это *видимое* возрастание цен, однако этот контроль разрушает много сегментов нашей свободной рыночной экономики.^[37] Инфляция стала способом жизни для американцев, как политически, так и экономически.

Ростовщичество есть преступление против Бога. Сегодняшние христиане становятся ростовщиками в ответ на призывы своих вождей. Они без сомнения грешат по незнанию. Однако остается факт, что они замешиваются в бунте против Божьего правового порядка, и что есть суд грядущий. Чудо Божьего мира состоит в его чудесной регулярности; его законность находится вне человеческого понимания.^[38] Те, которые заключают такие ростовщические договоры, принимают экономически неизменное решение. Их надежды поглощаются инфляцией. Их реальный доход сильно уменьшается вместе с падением стоимости денег. Ростовщики уничтожаются инфляцией. Бога нельзя обмануть.

Американский институт для экономических исследований, уважаемое исследовательское учреждение, замечательным своим консервативным отношением к сильно спекулятивным инвестициям. Институт опубликовал исследование различных форм годовой ренты, оценивая каждую в отдельности. Пенсионные годовые ренты, при которых люди заделывают большую сумму денег, переводят их в вопросной корпорации, и ждут скажем 25 лет до срока оплачивания, когда они получают твердый пожизненный доход, оцениваются как следует:

С точки зрения инвестиции, процент, приобретенный от годовых премий не особенно благоприятный, потому что гарантированное возвращение в течении длительных сроков меньше, чем то, которое платят большинство из сберегательных банков. . . . если есть некоторое существенное увеличение средней продолжительности жизни в будущем, предложение годовой ренты может быть стоящим. С другой стороны, вероятная инфляция и угроза от других обесцениваний доллара показывают, что отсроченные договоры такого естества могут быть невыгодными.^[39]

Недавние сообщения федерального правительства, ставшие доступными средствами массовой информации, объявили что наблюдается замечательное снижение средней продолжительности жизни для мужчин свыше пяти лет. Напряжение индустриальной жизни, комбинированное (как подозревается) с физическим вырождающим эффектом синтетической пищи, привели к этому снижению ожидаемой средней продолжительности жизни. Итак, покупатель отсроченной годовой ренты теряет двумя способами: он живет более короткую жизнь, и ему платят обесцененной валютой.

“Как и каждая инвестиция,” продолжает Институт, “большинство пенсионных годовых рент не особенно желательные. Процент, полученный по истечении срока полиса ниже, чем вероятно возможно получить при разумном выборе других инвестиций.” Исследование добавляет такое предостережение: “Находясь в периоде инфляции, надо инвестировать средства главно в такие виды ценностей, у которых существует тенденция к сохранению их покупательной способности. Последующие публикации Института показывают, что по мнени его исследователей галопирующая инфляция предлагает теперь более различные возможности. Чем выше темп инфляции, тем меньше инвестиции в годовые ренты всякого вида. Исследователи Института рекомендуют взрослым парам покупать только швейцарские годовые ренты (19 апреля 1971 года).

Поскольку экономический эффект инфляции на годовые ренты и на другие виды страховых договоров, как и на долгосрочные займы, разрушительный для инвеститорского капитала, должны ли церкви продолжать стимулировать такие договоры (даже если они не ростовщические, какие на самом деле они суть)? Могут ли лидеры церкви позволить себе не анализировать причины и воздействия инфляции, и не предупредить потом свою паству? Не попадает ли этот аспект проповедования под генеральное требование проповедовать все указания Бога? Ответ большинства наших пасторов сегодня просто: *нет*.

Когда Р. Дж. Рашдун говорил в церкви о природе инфляции на специальной срединедельной конференции, он получил письмо от одного пастора, который критиковал его за то, что вообще упоминал об этом в церковном доме.^[40] В другом подобном случае одному служителю угрожали публичным телесным наказанием со стороны его вероизповедания за то, что он показывал критический диафильм об инфляционной политике системы Федерального резерва. Антиномное духовенство может использовать несколько аргументов против такого вида

проповедования: “Отделение церкви от государства (то, что мы нарушаем налоговые законы, не имеет значения!)” “Библия ничего не говорит об инфляции!” “Библия не учебник по политэкономии!” “Мы под милости, а не под законом!” Таким образом они продолжают водить своих непосвященных, доверчивых собраний к ростовщичеству и экономическому самоуничтожению. Не предлагается никакое предостережение, не предпринимается никакая попытка отказаться от кредитных договоров. Есть всякие доказательства об юридической слепоте наших церковей сегодня – проклятие, наложенное Богом, сравнимое с предложенным Исаией и подтвержденным Христом: “слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите” (Мат. 13:14).

Неизменяемая годовая рента в контексте массовой инфляции есть неизменное экономическое самоубийство. Пастор, который не предупреждает свою паству об этом факте, таким образом излагая ее обманом памфлетов, напечатанных его собственным вероизповеданием, не ничего другое, чем уничтожитель – волк в овечьей шкуре, который стремится разорить членов своего собрания. Пасторы становятся проповедниками нищенства, стимуляторами ростовщичества. Они посредники экономической проституции. Делая действительным полностью незаконный перенос неморальных бизнес практик в сферу установленной церкви, они становятся финансовыми сводниками.

Иерархическая автономия

В свою мастерскую книгу *Дорога к крепостничеству*, Хайек включает главу “Почему наихудшее берет верх.” Он утверждает, что централизованная власть особенно экономическая власть, есть соблазн для самых бессовестных людей в обществе. Он верит, что сам факт концентрации экономической власти в сфере гражданского управления представляет сильный импульс к установлению тоталитаризма. То, что он говорит о гражданском управлении, можно легко применить к каждой нерыночной, по существу неконкурентной религиозной институции. Чем больше экономическая власть, которая располагается на высших уровнях бюрократической иерархии, тем меньше ответственность лидеров к требованиям членской массы. Если у такой организации есть большая степень финансовой автономии, она становится вероятной мишенью о захвате для бессовестных.

Двадцатый век стал свидетелем либерализации виртуально всех христианских церковей, включительно протестантской и католической. Теологический и политический либерализм сотрудничали как партнеры.^[41] Главный фактор для успешного обращения церковей к неортодоксальным кредам и действиям очевидно находится в сердцах членов собраний. Они слушают ложных пророков с кафедры, жалуясь только когда радикализм их лидеров нарушает некоторую культурную или экономическую запрещенную зону, дорогую сердцам определенных членов. Но критический фактор, ведущий к взятию контроля, был существование в церквях агентств, требующих дарений: миссии, образовательные учреждения, издательства вероизповеданий, и т.д. Финансовая автономия от еженедельных приношений членов была основным средством для ниспровержения.^[42] Часть этой автономии обеспечивается схемами о неизменяемых годовых рент, и о долгосрочных кредитных договорах. Они благоприятствуют существованию вопросного учреждения независимо от его теологической деятельности. Его будущее по предположению лежит больше на доходе от “благоразумных инвестиций,” чем на сохранении ее первоначальных теологических стандартов. Это, конечно, неизбежное, имея ввиду природу трестовых споразумений, как показывает следующий продажный модуль:

Долго после того, как вы уйдете домой на небеса, ваше влияние может жить... здесь на земле. Дар миссии – для продолжения дела мировой Церкви – может означать, что ваше христианское влияние будет жить через годы в преданных сердцах, руках и ногах служителей Христа в самых отдаленных уголках земли.^[43]

Какой неотразимый призыв к некоторый взрослой, непосвященной вдове, у которой несколько тысяч долларов сбережений! И какое проклятие для организации, которые предлагает ей этот призыв; она теологически подпечатывает свое собственное осуждение. Структура может сохраниться, но цели изменятся. Постоянные годовые ренты и попечительства превращают обратно обещание Соломона: “Богатство грешника сберегается для праведного” (Прит. 13:22). Вместо этого мы видим, что богатство праведного сберегается для грешного.

Надо показать лицемерие этого призыва к пожилому христианину разделить со своими деньгами. Донор (или в этом случае ростовщик) подводится верить, что учреждение в себя и само собой, может и желает поддержать его участие в установлении Божьего царства. То, в чем нуждается учреждение, говорят донору-ростовщику, это постоянный фонд. Не вклад в теологию важный, а фонд. Теология будет заботиться о себе; то, что необходимо, это *деньги*! Фонд должен расширяться, даже если это означает, что христиане превращаются в ростовщики, и при этом экономически неблагоприятные ростовщики (имея ввиду факт инфляции). Если можно организовать фонд, лидеры будут в состоянии действовать, независимо от враждебности членской массы; угроза отрезать фонды не может упражнять ту же силу. Боже, фонда храни!

Финансовая автономия и иерархия какой-либо институции есть похоронный звон для ее первоначальных целей. Есть много причин почему в Ветхом завете требуется опрощение всех долгов каждые семь лет. Наверняка одна из них была такая: гражданское управление, банки (какую бы форму они ни принимали), работодатели, должники, и всякие другие институции, не могли жить в условиях постоянной задолженности и “неизменяемых годовых рент,” все равно светских или ростовщических. Запрещение такой жизни должно было помочь, чтобы сохранить ответственность бюрократов всякого вида к желаниям народа, как требование о десятине предостерегало людей, чтобы не превратиться в тиранов. Множество суверенностей защищались различными постановлениями закона; каждая имела свои права, и свои обязанности. Никакая из них не должна оставаться постоянной, кроме постоянное обновление Бога, и постоянное признание его суверенитета как абсолютный.

Сущность *христианского настоятельства* просто такая: *круглосуточная, неизменная, личная ответственность перед Богом*. По самой своей природе неизменяемые попечительства и годовые ренты вовлекают обоих, и “дарителя,” и должника, в *неизменную теологическую ответственность*. Лихвенный процент может быть неизменяемым и крайне безличным, но он только часть существующего споразумения. Христиане не могут позволить себе люкс такого “настоятельства,” потому что такой вид неизменяемых финансов есть *отмена христианского настоятельства*.

Есть справедливость во всем этом. Церкви, которые слишком мягкие и “толерантные,” чтобы требовать от своих членов *десятину* (хотя конечно не самой церкви, что *было бы* незаконно по библейскому), делали ростовщиков из своих членов потому что средства так скудные. Слишком мягкосердечные, чтобы применять закон о десятине, они обвязывают свое безличное экономическое будущее – свою неизменную внешнюю “протекцию” – с выживанием инфляционной экономики. Когда вводится контроль над ценами и зарплатами, этот контроль уничтожает и акции, и облигации.^[44] В какой степени наши христианские институты участвуют в “экономическом демоне” современного мира, в такой степени они погибнут посредством этого демона. За свой ужас они узнают, что гарантированное преуспевание, как и гарантированный доход для вдов, никогда не такие простые, как кажется. Долги, взятые с верой в постоянное экономическое расширение, долгосрочно не могут не привести к провалу. Нет такого дива как линейный необратимый, неоспоримый рост – населения, денег в банке, новых членов, или лихвенного процента. По этому вопросу математические законы информируют нас, что экспоненциальная кривая выравнивается или резко падает.^[45] Осуждение приходит.

Капканы торгашества

Чем кончится все это? Некоторое указание о том, куда мы направляемся, пришло ко мне почтой, непрошенным, с печатью “Почтовые расходы уплаченные” одной неприбыльной организации – Pallotin Missionaries из Балтимора, Мэриленд. Я процитирую с самого конверта: “Содержание: Сообщения о лотерейном розыгрыше приложенных номеров. ЛОТЕРЕЙНЫЕ ВЫИГРЫШИ на 14000 долларов. Вы имеете 5 шансов выиграть 112 ПРИЗОВ.” На обратной стороне: “ДВЕ МАШИНЫ МАРКИ ОЛДСМОБИЛЬ, произведенные в 1970 году, ИЛИ 3500 ДОЛЛАРОВ НАЛИЧНЫМИ... 100 КИНОКАМЕР МАРКИ КОДАК ИЛИ 35 ДОЛЛАРОВ... ДЕСЯТ ЦВЕТНЫХ ТЕЛЕВИЗОРОВ ИЛИ 350 ДОЛЛАРОВ НАЛИЧНЫМИ.” Внутри было рекламное сообщение:

Может быть сегодня – ваш счастливый день. . . . Почему такой фантастический подарок??? Потому что группа поддерживающих Pallotin Missions собрались и пришли к блестящей идее подарить все эти призы (облагаемые налогами, конечно – Г. Н.)... Да благословит Бог их... и подумайте только, что вы можете быть выигрывающим. Почему лотерейные билеты???

Да просто потому, чтобы драматическим образом привлечь внимание к нуждам бедных, голодных и больных детей в Pallotin Missions... Пришлите почтой ваш вклад еще сегодня... Человек, чье сердце полное любовью, всегда найдет что подарить, особенно чтобы помочь детям... Как любовь никогда не опорожняет сердце, так и дарение никогда не опорожняет кошелек.

Когда Брус Бартон написал *Никакой человек не знает* больше полвека тому назад, он пытался привнести некоторую степень святости в мир бизнеса. Он пытался доказать, хотя и нелепо, что Христос был успевающим организатором, и что Ему стоит подражать, когда человек занимается бизнесом. Либеральная теология Бартона по крайней мере позволяла ему пытаться привнести этику в бизнес, хотя это приводило к перенаписыванию истории церкви. Сегодня все хорошие пасторы, либералы или консерваторы, официально осмеивают книгу Бартона (если они вообще слышали о ней). И все-таки они куда более развращенные, чем Бартон. Они не говорят бизнесменам подражать Иисусу; они пытаются убедить последователей Иисуса подражать бизнесменам, и при этом не этическим бизнесменам, а торгашам. Говори полуистину (неизменяемый доход, постоянный, пожизненный), но только чтобы подписать договор! Обещай эти цветные телевизоры, но обеспечь чтобы овечки опорожнили эти бумажники, которые никогда не пустые! “Делай то, что я говорю тебе... На этой неделе, и только на этой неделе... Выложи все свои деньги, чтобы всю жизнь получать их обратно...”

Церковь как институт не страховая компания. Она не лотерейная лавка. Она не место для бинго, пусть оно протестантское бинго. Она дом молитвы.

Газета *Press-Enterprise* из города Риверсайд, Калифорния, опубликовала 29 августа 1970 года в колонне “Религия сегодня” статья преподобного Лестера Кинсолвинга. Статья вышла под таким заглавием: “Стрижка овец.” Мистер Кинсолвинг показал целую плутовскую галерею из назначенных фундаменталистских служителей, которые рекламировали продажу облигаций, в этом случае баптистских облигаций. Оборот сегодняшнего церковного рынка облигаций достигает 500 000 000 долларов. Кинсолвинг пишет:

Потенциальным инвесторам обещали возможность “выполнить свой христианский долг” (при 7 процентов прибыли) инвестируя в облигации, выпускаемые ВВU (Баптистским университетом Вефиль), “крупнокалиберным, аккредитованным университетом, который не насмехается над Богом, не учит подражательстве. . . . и не сокрушает веру учащихся.”

Набожные инвесторы вылили свыше миллион долларов в это предприятие из штата Оклахома, только чтобы научить, после того как их агенты исчезли, что он никогда не был аккредитованным, и что окончательное число записавшихся в нем студентов было всего четыре студента.

Такая стрижка овец не редкое явление:

Какой-то делец выпустил облигации на 20000 долларов для небольшой церкви в штате Арканзас – но продал за 40000, убегая из города с разницей.

Евангельская федерация “Золотой круг” продала облигации на 44000 долларов, утверждая, что они церковные – а потом попыталась инвестировать деньги в нефтескательскую фирму из города Санта Барбара, и тогда комиссия по ценным бумагам и биржам (Securities and Exchange Commission – SEC) поймала их.

Клод М. Бонд из Строителей церкви Гедсона постоянно успешно продавал облигации, выпускаемые 30 церквами из области Далласи. SEC обвинила Бонда, что он обманывал инвесторов, говоря им, что “никогда не было неуплаченных церковных облигаций.”

Не только инвесторы, но и многие государственные и общинские руководства показали себя наивными касательно таких практик. Потому что церковное поручительство на эмиссии таких облигаций часто означает, что не существует требования о регистрации или о заверении с доказательством о состоянии выпускающей институции чтобы выплатить их.

Ужасающее? Исключительное? Что еще должны ожидать христиане, когда церкви поощряют нарушение наложенных Богом ограничений на членов, иерархию, и на тип финансирования, законный для каждого аспекта Божьего царства? Протестанты могут возразить, что такие примеры о неоплачивании или торгашества нетипичные. Не в этом суть, однако. То, что критичное, не что эти фундаменталистские “предприниматели” могут контролировать только небольшой процент церковных доверенных фондов; критичное то, что церкви ставят фонды на первое место. Дело не в том, что церкви просто не так эффективные в управлении своими внутренними и внешними долгами, как Джeneral Моторс; нетерпимое то, что они должны подражать тем видам кредитных договоров, которые Джeneral Моторс, как прибыльный бизнес, считает выгодными. Джeneral Моторс не церковь, и не попадает под те же ограничения касательно того, чтобы давать или получать лихвы. В отличии от установленной церкви, Джeneral Моторс не дом молитвы.

4. Экономика соблюдения субботы

Гари Норт

Шесть дней делайте дела, а день седьмой должен быть у вас святым, - суббота покоя Господу; всякий, кто будет делать в нее дело, предан будет смерти. Не зажигайте огня во всех жилищах ваших в день субботы (Исх. 35:2, 3).

Одно из очень немногих церемониальных постановлений Ветхого завета, которое современные христиане все еще соблюдают, это суббота. Обычно защита необходимого отдыха по субботам делается в смысле аргумента “распоряжение сотворения,” а не просто в смысле четвертой заповеди (Исх. 20:8-11). Утверждается, что Бог отдыхал на седьмом дне сотворения, и это служит примером для следования всеми народами и всеми культурами. От Божьего заветного народа специально требуется воздерживаться от всех светских занятий по воскресеньям. Всякие прибыли, полученные по воскресеньям, незаконные. Разрешается работать по воскресеньям только людям из профессии, которые предлагают помощь в спешных случаях, или поддерживают общественный порядок. Это включает врачей, полицейских, пожарников, солдат на службе, и операторов спешных телефонов. (Почему эти люди должны получать оплачивание этих услуг, редко объясняется. Христос защитил право человека вынуть нагруженного животного из ямы, но Он не сказал, что люди должны создавать “вынимающие животных” компании, чтобы получать прибыль по воскресеньям. Иногда пуританские проповедники видели это более ясно. Томас Гудж, современник Оуена и Бакстера в 17-ом веке, восхвалял как блестящий пример отказ некоторых христианских врачей получать деньги за свою работу по воскресеньям.)^[46]

Независимо от их официальной ссылки на аргумент “распоряжение сотворения,” современные субботяне неизменно ссылаются тоже на специфичные пассажи Ветхого завета, чтобы подкрепить свою интерпретацию требований о соблюдении субботы. Те же самые стихи, которые цитировались в Вестминстерской исповеди веры и в анотациях Большого катехизиса, используются и сегодня, более чем три века позже.^[47] Обычная ссылка делается на Ис. 58:13, как и на Иер. 17:21-27. Как будто никогда не беспокоит их то, что эти “древнееврейские” применения субботы пришли в Английскую Реформацию сравнительно поздно. Субботянство было меньшей частью средневекового католицизма, и тому, что резко утверждалось в теории католическими комментаторами, неистово противопоставлялись Лолард и Лютер. Они не хотели поддерживать ничего, которое увеличивало авторитет Римской церкви.^[48] Калвин следовал традиции, оставленную Иринеем и Августином, интерпретируя субботу как аллегорию отдыха в Христе от рабства греха для верующих, отдых, который должен стать совершенным в вечности.^[49] Это конечно было просто учение Евр. 4, и Калвину не хотелось порвать с этой точкой зрения. Он выходил на лужайку поиграть в кеглы после церкви по воскресеньям, факт, который субботяне впоследствии предпочли пренебречь. Английская церковь заняла среднюю позицию между лютеранской и католической: она отрицала суеверных празднований, но сохраняла воскресенье как день для отдыха, хотя много видов развлечений считались законными, к ужасу более поздних пуритан. Только в 1590-ых годах английская церковь, реагируя против строгих пуританских субботян, повернулась обратно в направлении Римской церкви, с ее праздничными отдыхами в дни некоторых святых.^[50] Профессор Кнапен, выдающийся авторитет пуританства в Англии в 16-ом веке, пришел к такому заключению:

По своему происхождению современное английское субботянство следовательно нереформаторское или калвинистское. Насколько у него было некоторое теоретическое основание, его надо искать в средневековой доктрине, которая уцелела в англиканском учении и законодательстве, что этот день надо посвятить всецело религиозным целям. Это напоминает официальную доктрину церкви при Елисавете, как ее представляли в проповеди, катехизисе, и в предписании. Однако поведение Королевы не соответствовало таким стандартам... Позволяя своим духовникам поддерживать высокую доктрину по этому вопросу, а потом насмеявшись над ней, Елисавета вызвала реакцию, которая окончательно приняла форму даже более высокой доктрины.^[51]

Реакция, согласно Кнапену, началась когда шахта в Парижском саду разрушилась в воскресенье, 13 января 1583 года и погибло восемь человек. Преподобный Джон Фийлд поднял рукавицу и приписал это событие нарушению субботы приравнивая христианскую субботу с древнееврейской субботой, вполне новая идея.^[52] Другие потом последовали его. Враждебность к всякой формы развлечения по воскресеньям показана в многих пуританских трудах последнего десятилетия шестнадцатого века, а именно *Доктрина о субботе* (1595), автор Николас Боунд, и *Трактат о субботе* (1592), автор Ричард Грийнхам.^[53] Пуританская позиция заповедала абсолютно работать в остальные шесть дней недели, и запрещала абсолютно всякий вид развлечений по воскресеньям. Уровень их враждебности к всему подобному “пятидневной рабочей недели” отражается в

постановлении от 11 мая 1659 года, в виде инструкций Верховного суда штата Массачусетс, одна из немногих политических юрисдикций, которыми пуритане контролировали всегда:

Чтобы предотвратить беспорядки, возникающие в некоторых местах этой юрисдикции, по причине что некоторые еще соблюдают такие празднества, какие суеверно сохраняются в других странах, к великому бесчестью Бога и к оскорблению других, распоряжается следовательно этим Судом и надлежащими властями, что кого бы ни поймали в соблюдении таких обычаев как Коледование или тому подобные, или воздержанием от работы, празднованием, или любым другим способом, таким как вышеупомянутые, каждый такой нарушитель должен заплатить за каждое нарушение по пяти шиллингов, как штраф в пользу округа.^[54]

Большой катехизис, разработанный между 1643 и 1647 годами Ассамблеей Вестминстера, достаточно откровенный. Он запрещает “всякое осквернение дня через леность, или совершая такое, что само по себе грешное; и через всякие бесполезные дела, слова и мысли, касающиеся наши светские занимания и развлечения” (Отв. 119). Защита такой воскресенской строгости основывается на многочисленных цитатах из Ветхого завета. В своей главе “Полезности от субботяинства” английский историк Кристофер Хил комментирует: “Некоторые из крайностей, к которым обратились более поздние субботяне, возникли из верования в буквальном вдохновении библии и из приравнивания воскресенья с еврейской субботой. Но эти крайние взгляды пришли позже, *после того* как иерархия порвала с виртуальным единодушием ранних Елисаветинских времен касательно соблюдения воскресенья...”^[55] Пришествие строгого субботяинства нельзя отделить от политических и церковных конфликтов в Англии с 1590 по 1660 года. Современный субботянин, который не знает происхождения своего странного наследия, не может увидеть величину своего отклонения от Августиноско-Калвинистской традиции.^[56]

То, о чем современные субботяне обычно спорят, это что так называемые “чисто церемониальные” аспекты субботы были временными. Это включает само основание древнееврейского субботного богослужения, а именно наказание за всякие нарушения, т.е. смертный приговор. Факт, что применение абсолютно неизменно связывалось с соблюдением субботы, несколько не беспокоит современных сторонников строгости. Более строгий, чем позволил бы Новый завет, современный субботянин тем не менее слишком гуманистский, чтобы позволить чему-нибудь, как твердый закон Ветхого завета, препятствовать его свободному взгляду на *применение* субботы. Не предлагаются никакие толковательские аргументы, чтобы объяснить почему можно нарушить единство ветхозаветного соблюдения и применения субботы; это просто принимается как данное. Субботяне просто принимают, что они как-нибудь чтят Бога своими неудобствами по воскресеньям, а тем временем нарушение Его распоряжений о специфическом применении субботы приносит Ему большую славу.

Распоряжения касательно долгов по субботным годам, по которым всех рабов надо было освободить, а всех долгов простить, одинаково “церемониальные.” Земля тоже должна была оставаться необработанной. Итак, мы находим субботян, которые объявляют себя слишком строгими, но они в долгу семь раз по семи лет, или обрабатывают землю безжалостно; тем не менее они гордятся своей строгостью. Их претензия лежит на факте, что они не работают для прибыли по воскресеньям, и не смотрят матч Упаковщиков из Зеленого залива против Коричневых из Кливланда по телевидению. Некоторые из них не слушают новости по радио или не читают воскресенские выпуски газет. А настоящие святые среди них не читают и утреннее издание по понедельникам, зная, что оно печатается по воскресеньям.

Естественно, что субботяне – защитники утра понедельника, которые хотя бы наслаждаются *чтением* об игре Упаковщиков с Коричневыми, даже находя неморальным смотреть или играть, возмущаются строгостью своих собратьев субботян, которые отказывают читать репортаж о ней в понедельник после обеда (утреннее издание, как я уже упомянул, не читается). Они думают о других как о “легалистах,” пока экстремисты, которые следуют свою позицию, естественно глядят на своих более слабых братьев как на “скрытых антиномистов.” Таков путь людей: тот, кто возмущается, когда ему наступают на пальцы ног, называет своего брата легалистом; тот, кто наслаждается наступать другим на пальцы ног, возмущается их очевидном противоречии. Вопрос очень часто состоит в том, чей вол забоданный (или для более полной аналогии, чей вол упал в какую яму).

В чем смысл соблюдения субботы? Оно без сомнения означало намного больше для древней еврейской культуры, чем кто-нибудь из нас может осознать, в современном мире мы сочли бы полное применение субботного отдыха, как его практиковали в древнем Израиле, крайне разрушительным для наших моделей жизни. Поэтому я выбрал ограничить мой поиск только к самым очевидным применениям в отдельной сфере экономической теории. Этот тесной фокус никоим образом не охватывает просторное влияние ветхозаветных распоряжений о субботе на другие сферы человеческого общества – семью, управление, военную сферу и т.д. Во всяком случае, значение соблюдения субботы для тесной области экономических дел, должно быть достаточно смущающим для тех, которым нравится считать себя строгими субботянами. Надеюсь, что они будут принужденными пересмотреть или свои *действия*, или свою *дефиницию* о субботе, которая она применяется к нашему времени.

Пассаж, который служит как введение к этому эссе, а именно Исх. 35:2,3, показывает главные условия для применения еврейской субботы. Ортодоксальные комментаторы принимают два основных взгляда на этот пассаж. Первый, что “зажигать” должно относиться к разгоранию огня, буквально и фигуративно, с нуля. Зажечь огонь, после того как он полностью погас, было нелегкой задачей, и это составляло дополнительную работу, которой можно было избежать просто обращая внимания домашнему огню, которого надо было развести с прежнего дня. Второй взгляд поддерживает, что “зажигать” относится к огням, использованным в бизнесе, как в случае с кузницей. Последний взгляд исключительно неубедительный. (Третья возможность, что по субботам никакой огонь не горел в Израиле, даже в холодную зиму, невероятная, особенно в свете либеральной интерпретации Христа о соблюдении субботы – Мат. 12:1 и т.д.). Итак, кажется основательным принять, что было незаконно зажигать огонь по субботам, но законно было поддерживать вчерашний огонь горящим.

В таком свете надо интерпретировать случай, представленный в Числ. 15. Запрещение о зажигании огня должно было бы применяться и к собиранию материалов, которые могли бы использоваться для зажигания такого пламени. Бог выяснил евреям, что такое расширение генерального принципа необходимое.

Когда сыны Израилевы были в пустыне, нашли человека, собиравшего дрова в день субботы. И привели его нашедшие его собирающим дрова к Моисею и Аарону и ко всему обществу. И посадили его под стражу, потому что не было еще определено, что должно с ним сделать. И сказал Господь Моисею: должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями все общество вне стана. И вывело его все общество вон из стана, и побили его камнями и он умер как повелел Бог Моисею (Числ. 15:32-36).

Этот пассаж критичный для понимания того, чего требовали от Божьего заветного народа распоряжения о субботе. Нарушение субботы по такому “мелкому” вопросу как собирания дров, вовлекло нарушителя в смертельное преступление. Юридически нет никакой разницы между этим преступлением и убийством. Оба требуют смертную казнь. Современный субботянин цитируя ссылки Ветхого завета о субботе на поддержку своей позиции, неизбежно связывает свою позицию с этим пассажем. От него требуется рассматривать малейшее нарушение субботы с тем же ужасом, с каким он смотрел бы на убийство члена его семьи. Все нарушения, от собирания дров до игры в профессиональный футбол, должны рассматриваться как смертельные преступления. Невозможно избегнуть этой ситуации: если стандарты еврейской практики стоят провозглашения, тогда требования еврейской юриспруденции должны применяться. Хотя наши современные гражданские кодексы не налагают смертную казнь на нарушителей субботы, совестные субботяне не должны отдыхать в другие дни недели, пока гражданское управление не убедится налагать такую санкцию против нарушителей. *Если закон завета обязывающий, то и применение законов завета одинаково обязывающее.* Человек, который отклоняется от этого принципа, по библейскому есть антиномист. [57] Всякая так называемая “гуманитарная” снисходительность в применении библейского закона, не меньшее нарушение Божьих абсолютных стандартов о праведности, чем открытое отрицание действительности вопросных правовых стандартов. *Самое минимальное*, основываясь на соответствии, пока наши гражданские кодексы могли бы измениться, всякое вероисповедание или собрание, которое объявляет субботний закон обязывающим, должно применять субботний закон для всех своих членов, через угрозу об отлучении. Если надо признать каким-нибудь образом, что надо соблюдать еврейские стандарты о субботе в новозаветные времена, тогда церкви должны смотреть на нарушителей субботы с тем же ужасом, с которым они смотрят (или должны смотреть) на убийц, похитителей, и содомитов.

Церкви, как знает каждый, ни теперь, ни когда-нибудь, не смотрели так на нарушителей субботы. Павел ушел так далеко, что объявил доктрину: “Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума” (Рим. 14:5). Он не говорит, надо отметить это, что вопросный день или дни когда-нибудь назывались “еврейскими днями новолуния и субботы,” как отчаянные субботянские ученые пытаются доказать. Он говорит просто *день*. [58] Такая возможность для христианской совести не существовала для собирателя дров из Числ. 15. Это должно привести нас к заключению, что применение принципа субботы в новозаветные времена радикально различное от того, что требовалось в ветхозаветные времена. Подобным образом Павел предоставляет индивидуальному христианину решать; церковная система, которая нарушает это право на совесть, есть открытое нарушение новозаветного стандарта. Церковь может налагать посещение службы по воскресеньям, но она не имеет права делать больше, чем это. Право на индивидуальную совесть в этом особенном случае не может нарушаться никакой церковной властью.

Если примется искривленное толкование субботян, а призыв Павла к совести не рассматривается как применимый к еженедельным субботам (с принудительным толкованием тоже касательно Кол. 2:16,17), тогда появляется главная дилемма: или церковные стандарты о соблюдении субботы находятся в вопиющем нарушении далеко более строгих стандартов Ветхого завета, или иначе гипотетически точные верские условия в настоящее время обессиленные, и это случилось по меньшей мере два века тому назад. Больше чем это: оказывается, что они вообще неприменимы. *Верования менее строгие, чем Ветхий завет; применения современной церкви менее строгие, чем верования.* Субботянин, который пытается избежать этой истины, самообманывается. Далее, то что случается в случае применения этих распоряжений – Ветхого завета или верований – гражданским управлением, гораздо хуже. И все-таки субботянин не может избегнуть этой проблемы. Если он считает легким пренебречь неуспехом гражданского управления применить законы о субботе, тогда он должен одинаково не интересоваться неуспехом государства применить библейские законы касательно брака, проституции, гомосексуализма, кражи, и почти всего другого, которое может относиться к десяти заповедям. Человек, который легко принимает небрежность государства при применении каждого из них есть просто антиномист. Если он верит, что субботные законы действительно применяются, и вообще не беспокоится от мысли, что в этой области государство не делает свою работу как полагается, тогда он пренебрегает библейский принцип закона: если закон стоит, чтобы объявили его, он стоит, чтобы его применяли.

Надо тоже отметить, что пятидневная рабочая неделя есть открытое нарушение субботных законов. Господь не предлагает никому возможность брать свободный день в течении недели. “Шесть дней работай” заповедает Он, не смотря на профсоюзы. Пусть мы увидим, что церковь применяет *это!* Пуритане его применяют; их угрожает тюрьма за проповедование и следование этого. [59] Они идут на этот риск.

Субботяне и горячее

Собирание дров есть отличный пример о древнееврейской практике прецедентов, как она применялась в свете генеральных требований Декалога. Он показывает вероятно больше, чем любой другой пример, значение четвертой заповеди для древнееврейской нации. Рассмотрим его экономический смысл. Что содержится в собирании дров? Дрова использовались по меньшей мере для четырех целей:

1. Отоплять дом

2. Освещать дом
3. Готовить еду
4. Продавать дрова для целей 1-3

Поскольку речь идет о действительном употреблении, случай из Числ. 15 более подходит к ежедневной жизни еврейских женщин, нежели для мужчин из семьи. В фокусе интересов современных субботян более часто находится мужчина и его работа, но это не обязательно в случае сельскохозяйственной доиндустриальной общности. Более вероятное, что собирание дров было задачей детей; женщины были должны использовать их для нужд дома, после того как их уже собрали. Мужчинам оставалось воспользоваться выгодами от собирания и действительного употребления дров, но в общем им не следовало иметь дело с дровами. Возможными были некоторые исключения, конечно, но одно исключение кажется далеко более вероятным, а именно это о профессиональном собирателе дров. Спрос на его работу должен был быть наибольшим по субботам, именно в тот день, когда запрещалось работать. Женщины, которые не успевали запастись дровами раньше в течение недели, могли бы купить некоторое количество от профессионала.

Нам не говорят, что мужчина из Числ. 15 был таким профессионалом, но суровость наказания ясно показывает, что оно далеко более угрожает постигнуть именно такого класса профессионалов. Была необходимость в грубых наказаниях, имея в виду что мужчины и женщины такие, какие они на самом деле. Для грешника всегда есть наслаждение нарушить Божьи заповеди; если это нарушение приносит тоже с собой и некоторые дополнительные выгоды над самым удовольствием от пренебрежения и вне его, тем лучше. Субботные запрещения вызывают тяжелые расходы для послушного; применение субботы требует жесткие наказания, таким образом нагружая и нарушителей высокими расходами в форме высокого риска.

Какие были расходы на субботу? Для мужчины это было потеря всех доходов – денежный (менее вероятно в сельскохозяйственном обществе), психологический, или в физическом имуществе – для этого дня. Но женщины тоже платили. Они должны были запастись дровами раньше в неделе. Это значило больше работы в течении недели, или более длинными рабочими днями, или увеличивая интенсивность рабочего дня - или обоими способами. Если рабочий день не удлинялся или неинтенсифицировался, тогда другие задачи, которые желательно было исполнить, оставались неисполненными, а это, как каждая жена знает, тоже имеет цену (особенно если супруг или свекровь заметит вопросное опущение). Всегда должна была быть соблазн пропустить собирания дров в течении недели, особенно если профессионал мог бы прийти с грузом топлива по субботам на разумной цене. Если его цена была ниже, чем женщина оценивала стоимость собирания дров раньше в неделе, можно было ожидать заключить сделку. Наложив суровую и постоянную форму наказания виновного, общность могла наложить цену на дрова: риск должен был быть настолько высоким, что немногие профессионалы могли бы уцелеть. Сколько женщин могли бы или желали бы заплатить цену? Было бы дешевле купить или собрать их в течении недели. Собирание дров превратилось в невероятный источник прибыли по субботам. Поскольку рынок на дрова по субботам был ограниченным из-за высокой цены (по причине высокого риска), возможности для соблазна сводилась к минимуму. Нарушение субботы не оплачивалось и было слишком дорого нанять кого-нибудь, чтобы нарушить ее.

В такой степени, в какой ослабились наказания в подобных случаях, стало *вопросом совести* нарушать или нет субботу, или платить кому-нибудь другому, чтобы нарушить ее. Совесть остается без защиты высокой экономической цены, которая заставила бы человека действовать святым образом. В середине двадцатого века отдых по воскресеньям основывался прежде всего на традиции и на профсоюзах; там где эти ограничения обессиливались, совесть остается единственный барьер против нарушения ветхозаветного применения субботного принципа. Люди, которые ценят досуг меньше, чем другие формы дохода, будут стремиться искать прибыльную работу по субботам, особенно когда рынок ограниченный, по одной или другой причине, против вступления в него конкурентной рабочей силы. “Сверхурочное” оплачивание добавляет стимул.

Если мы примем принцип, что для нас плохо нанимать другого человека, чтобы совершать преступление для нашей пользы и для его выгоды, тогда следуют некоторые выводы. Нарушение субботы было смертельным преступлением. Если строгие субботяне считают ветхозаветные распоряжения обвязывающими для христиан, тогда нанять человека, чтобы он нарушил субботу, есть такое зло, как нанять кого-нибудь из “Убийство Компани,” чтобы убить нашего ближнего. Совершение преступления, и вина нанимающей стороны в обоих случаях одинаковые. Смертельные преступления самые большие такие. *Если древнееврейская суббота морально обвязывающая сегодня, ее значение и применение в равной степени обвязывающие.*

Я слышал христианские люди, когда они обвиняли своих братьев христиан в нарушение субботы, потому что последние дерзнули пойти в ресторан поесть после конца церковной службы. То же самое наверно твердится и о тех, которые покупают пищу в универмаге по субботам. Почему это должно быть нарушением? Ясное, что только на том основании, что поощрять другого нарушать субботу, оплачивая ему чтобы он оставался открытым для бизнеса по субботам, тоже есть нарушение субботы. *Если стандарты древнееврейской субботы обвязывающие, тогда входить в место для бизнеса по субботам морально есть смертельное преступление, и мерзость в глазах Бога.* Следовательно пасторы и старейшины должны говорить своей пастве воздерживаться от совершения всякого вида торговли по субботам.^[60] Если человек желает взять даже нормы Вестминстерской исповеди веры (доиндустриальный документ, надо отметить) со всей ее доиндустриальной строгостью, тогда он должен поощрять своих старейшин внедрять эти требования. Конечно распоряжения исповеди даже и не приближаются к требованиям Числ. 15, т.е. к настоящим библейским нормам в глазах последовательного субботянина, но по крайней мере они все-таки не ничего. Если верования действительные в своей 1646-ой

интерпретации, то и 1646 стандартов о внедрении должны были применяться. Если такие стандарты не применялись, тогда совсем ясное допущение, что *церковь больше не признает действительной 1646-ую дефиницию о субботе*.

Проследим обвинение против “посетителей ресторанов” со строгостью. Те же самые люди, которые предъявляют обвинение, гордятся своим соблюдением субботы, потому что *они* не ходят в рестораны по субботам. *Они* не покупают в универсамах. *Они* запасаются продуктами, чтобы есть домой. Совсем ясное, что если кто-нибудь субботянин, то для соблюдения субботы существенно важно, чтоб он запасился провизиями заранее. Но Ветхий завет требует больше, чем простое запасание едой. Пассаж, который мы цитировали, Числ. 15, выясняет, что не только пищей, но и *горючем* надо запастись заранее; горючее для отопления дома, для приготовления еды и для освещения комнаты надо подготовить заранее. В глазах праведного и святого Бога было смертельным преступлением собирать дрова – горючее – в Его субботу. Современный субботянин думает, что он на правильном пути по Божьему завету, просто потому что он покупает свою пищу заранее; его брат во Христе предположительно гнусный грешник, потому что он пропустил сделать это. Но согласно распоряжениям Числ. 15, оба одинаково подлежат смерти, потому что оба платили специализированным производителям горючего, чтобы они работали по субботам. Есть такая разница, однако: человек, который входит в ресторан, не объявляет себя праведником из-за своего предполагаемого соблюдения субботы, и не обвиняет своих собратьев христиан. Он несомненно нарушает эти распоряжения о субботе из Числ. 15, но в этом вся его вина. Современные субботяне, которых я встречал, слишком часто нарушают и субботу, и заповедь против клеветы, или по крайней мере проявляют снисходительность “с осуждающим поднятием бровей и щелканьем языком.” Они пренебрегают предупреждением Христа: “Не судите, да не судимы будете: Ибо каким судом судите, таким будете судимы. . . .” (Мат. 7:1,2).

Сама архитектура наших церквей есть постоянное свидетельство о нежелании современных христиан воспринять значение субботы. Мы заполняем наших зданий всякими видами электрических приборов. Мы отопляем и охлаждаем комнаты до комфортабельных 20 градусов зимой и летом. Мы часто гордимся эффективностью современных технологий, забывая что многие мужчины и женщины должны ходить на работу и управлять машинами, которые производят энергию – топливо – для наших приборов. Эти рабочие нарушают субботные законы каждое воскресенье, совершая смертельные преступления, а каждый субботянин христианин, который пользуется этими приборами, вне некоторых законных спешных случаев, посылают людей в ад каждое воскресенье, утром и вечером, сидя комфортабельно в своих церквях с кондиционированием воздуха. Если верования субботян правильные, тогда субботяне еженедельно осуждают других на вечные мучения в пламени, просто сидя себе среди своего 20 градусowego комфорта.

Естественно, субботяне всегда могут защитить эту температуру, представляя ее как жизненно важную спешность. Некоторые могут рассматривать ее как эквивалент вола, упавшего в яму. Замерзшие церкви оттолкнули бы неверующих зимой, душевные церкви сделали бы то же самое летом. Возможно что этот аргумент и законный, если это *действительная* причина, по которой мы отопливаем наши церкви. Или может быть наши тела действительно не могут вынести то, что наши пуританские предки испытали, чтобы установить реформаторское богослужение в Америке; может быть мы не можем вынести то, чтобы церкви были настолько холодные, что хлеб для причастия замерзал. Возможно что мы умерли бы, если у нас отнимут настоящий технологический комфорт (как апокалиптические пессимисты утверждают, это вероятная перспектива близкого будущего). Но если только комфорт есть наша защита о наших потребляющих энергию системах центрального отопления, тогда мы не добавляем много мысли к верованиям наших субботян. Стало в целом слишком фешенебельно приспособлять интерпретацию субботы к каждому новому технологическому постижению. Субботяне цепляются религиозно к нормам, написанных веками тому назад, тем временем регулярно нарушая условия этих верований. Это шизофреническое. Высказывание верований должно измениться, или иначе субботяне должны изменить их легкое принятие радикально несубботянской технологии.

Нельзя рассматривать этот довод как что-нибудь новое. Его привел один из самых строгих и самых последовательных субботян в истории постреформистской протестантской церкви, Роберт Мурей МакЧейни. Он не смягчал слова в своем осуждении своих братьев христиан:

Не знаете ли вы, и вся софистика ада не может опровергнуть это, что тот самый Бог, который сказал “Не убивай,” сказал тоже, “Помни день субботный, чтобы святить его”? Убийца, которого тянут к виселице, и лоснящийся нарушитель субботы, одно и то же в глазах Бога.

Эндрю Бонар сохранил учение МакЧейни по вопросу о субботе в своих *Мемуарах МакЧейни*, и самопровозгласившийся строгий субботянин поступил бы хорошо, если поразмышляет над тем, что написал МакЧейни. Если нормы из Числ. 15 еще в силе, как может человек, который прокламирует субботу, избежать истины в словах МакЧейни? МакЧейни видел ясно, что означала бы индустриальная революция. Он оспаривал право железных дорог работать по воскресеньям, но его коллеги субботяне из Шотландии не последовали его. Они предпочли, как субботяне всегда предпочитали, повернуться спиной к значению их верований, тем временем впустую прокламируя действительность этих верований. МакЧейни упрекал тех, которые сегодня наслаждаются, принуждая других работать по воскресеньям, обеспечивая их горючем на разумные цены:

Виновные люди, которые под сатаной выстраиваетесь в темную, мрачную фалангу нарушителей субботы, тяжело ваше положение. Вы *грабители*. Вы ограбляете у Бога его святой день. Вы *убийцы*. Вы убиваете души ваших слуг. Бог сказал: “Не делай никакого дела ни ты, ни раб твой,” но ты принуждаешь твоих слуг нарушать закон Божий, и продавать свои души за прибыль.

Субботяне должны обратить внимание предупреждению МакЧейни. Те, которые гордятся своей субботянской позицией должны рассмотреть смысл этой позиции. Нельзя насмехаться над Богом!

Когда распоряжения Вестминстерской исповеди веры будут выполняться строго, тогда дебаты о субботе смогут получить некоторый смысл, различный от теологических игры. Тогда и только тогда вопрос решится ясно и честно. Когда старейшины церкви *начнут* следовать субботные нормы Ветхого завета *дома*, и когда они наложат эти нормы своим непокорным женам, которые любят свои духовки, свою горячую текущую воду, и свои системы кондиционирования воздуха, тогда это произведет впечатление на несубботян. Пусть они выключат свои электрические приборы, или пусть купят генератор, чтобы производить энергию. Пусть они выключат природный газ, или иначе пусть покупают бутан заранее. Пусть они перестанут звонить своим друзьям ради “христианского общения,” чтобы линии сохранились открытыми для действительно спешных звонков. Пусть они перестанут использовать общественную почту по пятницам, субботам и воскресеньям, чтобы почтальоны и сортировщики не пропустили свое соблюдение субботы. Вкратце, пусть они закроют свои глаза для нарушений других, пока церковь, как дисциплинирующая сила, не начнет применять более строгие требования к всей членской массе, *начиная с верха иерархии* и продолжая вниз. Пусть откажутся от всякого самооправдания, пока полное применение экономической теории соблюдения субботы не встретится честно. Пока придет это время, несубботяне продолжают забавляться и тем же временем пугаться от предвзятой мысли и самодовольной уверенности тех, которые лицемерно называют себя строгими субботянами, но на самом деле они неверные тем самим нормам, которые стремятся наложить другим. Они так много подобных лицемерным иудаистам из Гал. 6:12,13. Несубботяне не смогут принять субботян серьезно, пока последние не наложат себе значительные экономические расходы по соблюдению субботы. До тех пор дебат о субботе останется в лучшем случае фарсом, а в худшем случае затруднением для Христовой церкви.

Сделать переоценку вопроса о субботе значит сделать переоценку всей Западной индустриальной цивилизации. Конечно, надо рассмотреть последние два века быстрого экономического развития. Строгие субботяне должны по крайней мере осознать возможный эффект их предложений. Если мир должен соответствовать христианским стандартам библейского закона, и если стандарты практики древнееврейской субботы все еще действительные как правила для христианского вероисповедания, как было бы возможно наложить эти стандарты населению? Не сделает ли это невозможной наша современная версия об индустриальном, специализированном обществе. Другими словами, если такие стандарты применялись последние два века, могла ли появиться эта цивилизация, которую большинство современных христиан принимает, поскольку речь идет об ее технологических удобствах? Какая часть нашей экономически прибыльной эффективной воскресенской технологии принудились бы мы уничтожить?[\[61\]](#) Я подозреваю, что цена будет значительной. Уже время, чтоб строгие субботяне подсчитали эти расходы.

5. В защиту библейского взяточничества Гари Норт

Три ереси – гуманизма, морализма и легализма – часто проявляются одновременно, даже в предположительно христианских кругах. Все они фокусируются на человека. Главное допущение *гуманизма* есть, что человек – его цели, нужды, желания, нормы – стоит в фокусе жизни. Он доказывает, что человек не только Божий заместитель над творением, работающий с целью установить владычество над землей на славу Бога, но что землю должны покорить “люди для людей,” как будто если творение “принадлежало людям.” *Морализм* основывается на доктрине, что человек способен продемонстрировать свою стоимость перед Богом через действия милосердия и себеотрицания. Моралисты стремятся “быть добрыми” через действия с присущей добротой. *Легализм* обычно есть параллельное кредо морализма. Бог рассматривается как обвязанный теми же законами, которые обвязывают человечество; Бог, подобно Его творению, находится под законом, и должен следовательно соотноситься с желаниями и требованиями людей, которые поступают по условиям Его закона. Легализм есть кровный родственник магии, поскольку чародей тоже стремится манипулировать реальность средствами грубых заклинаний и самоотречения, принуждая тайные силы действовать в согласии с предписанными формулами. Легализм должен принять действительность морализма, а оба они по существу гуманистские: спасение человека достигается через дела человека.

По определению ортодоксальное христианство отрицает все три позиции. Обрато гуманизму, христианство утверждает суверенитет Бога. Все творение должно отдавать Богу всю славу, потому что в этом состоит его функция (Ис. 45:22,23; Рим. 14:11; Фил. 2:10,11). Обрато морализму, христианство говорит, что нет в человеке ничего, которое могло бы вообще заслужить благоволение в глазах Бога – человек тотально развращенный. Вся наша праведность есть как запачканная одежда (Ис. 64:6). Поэтому достижение святости есть в ровной степени дар Божий, как и оправдание. “Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его” (Прит.16:9). Вкратце, морализм, утверждая присущую стоимость человека, обманчивый. Наконец, христианство отвергает легализм, так же как оно отвергает и магию. Бог стоит над Своим творением; закон под Богом, а не над Ним. Бог договаривается с человеком, конечно, но развращенность и бунт человека неизменно ведут к ситуации, где заветные благословения Бога исполняются только ради бесконечной праведности Христа; человек получает благословение только из-за своего участия в завете через веру, или если он не успел сохранить веру, только из-за того, что живет во вселенной, временно заслоненной от Божьего гнева через уважение Бога к Христу, Христовых людей и делу Христа во времени (Калвин, *Институты*, II, 7,4). Бог никоим образом не принужден слабыми попытками легалистов к праведности, или манипуляциями чародеев, уважать вопли человека. Несостоятельность осознать этот основной факт привела Иова, как и три его утешителя, к грешному пониманию с

уверенного плана Бога (Иов. 32-41). Ортодоксальное христианство заявляет, что Бог есть тотальный суверен над Своим творением; Он может поступать с ним как Ему нравится, раздавая гнев или милость как Он считает подходящим. Он может делать свет и мрак, мир или бедствие (Ис. 45:7), и никто не может обвинить Его в грех или ошибку (Рим. 9:19 и т.д.). Намерение Божьих законов неизменно теоцентрическое, а не гуманистское.

Каждый христианин, который в принципе дает молчаливое одобрение тому, что было сказано, может дальше испытать себя в смысле некоторых библейских особенностей. Действительно ли закон теоцентрический? Должно ли наше повиновение быть по условиям заветной правовой структуры, которая целит *единственно* славу Бога? Если так, тогда каким образом должны мы рассматривать поступки Раав?

Надо указать, что Библия без колебаний восхваляет Раав. Оба автора Евр. 11:31 и Иак. 2:25 свидетельствуют об ее мудрости в том, что она решила заслонить еврейских соглядатаев, и не отправляется никакой критики к методам, которыми она сделала это. Нам специально рассказывают, что за свои действия она получила награду (Ис. Н. 6:25). Она заключила договор с двумя представителями еврейской нации (Ис. Н. 2:12 и т.д.), и по разумению, с Богом евреев. Она оправдалась через веру, показывая эту веру в своих делах: в том состоит послание Раав через века. Блудница, которая привилась к заветной линии Христа (Мат. 1:5), единственный уцеливший вместе со своей семьей после падения Иерихона, очевидно получила благоволение Бога. Нет ни малейшего намека нигде в Библии, что *некоторый* аспект ее защиты еврейских соглядатаев является каким-нибудь образом подозрительным. Калвинисты, включая Калвина, вторглись туда, куда ангелы боятся ступить; легализм проникает глубоко в бунтовные сердца людей.

Мы находим, что Раав была должна прибегнуть ко лжи, с целью защитить своих посетителей (Ис. Н. 2:3 и т.д.). В своем объяснении о стихе 4, Калвин пишет об ее *измене* к своему народу, что “не было преступления в оставлении их.” Однако ее *ложь* не отпускается так легко:

Что касается лжи, мы должны признать, что хотя она и высказана с добрым намерением, она не свободна от вины. Потому что те, которые поддерживают, что так называемая ложь по долгу всегда простима, недостаточно рассуждают насколько истина драгоценна в глазах Бога... И все-таки отдельная вина не лишает полностью это дело от заслуги его святой ревности; потому что по доброте Бога вина подавляется и не берется в счет. Раав была виновной, когда она ложно заявила, что соглядатаи ушли, и все-таки главное дело было приятное Богу, потому что плохое, смешанное с хорошим, не вменяется в вину.^[62]

Калвин установил прецедент, а калвинистские комментаторы стремились следовать его примеру. Преступлению Раав в измену посвящается очень мало места, но ложь, которую она использовала с целью совершить измену, подвергалась близкому критическому исследованию. Матю Пул, пуританский комментатор с 17-ого века, не церемонится: “*Не знаю, куда они пошли:* ее ответ, содержащийся в этих и в следующих словах, был осужден ложным, и поэтому неоспоримо грешным; тем не менее, ее намерение было хорошим: см. Рим. 3:8.”^[63] И все-таки калвинистский легализм приводит к его верхней точке, касательно Раав, современным комментатором, хотя он и не признался бы легалистом согласно прежнему определению. Он так отчаянно стремился избежать очевидный смысл примера Раав — что в некоторых случаях лгать законно, и что Бога можно славить и во лжи — что обратился к самому затруднительному виду толковательского увеливания:

Защита преднамеренного высказывания неправды при некоторых обстоятельствах, получает более вероятную поддержку из-за случая с блудницей Раав. Что Раав сказала явную ложь, это очевидно... Как можно так расхваливать ее поведение в связи с соглядатаями, можем спросить мы, если неправда, через которую она заслонила их, была сама собой злом?

Не должно пройти незамеченным, что Новозаветное Святое писание, которое восхваляет Раав за ее веру и дела, ссылается только на факт, что она приняла соглядатаев и отправила их вон другим путем. Никакой вопрос не может ставиться о правильности этих действий, или об укрытии соглядатаев от эмиссаров Иерихонского царя. А одобрение этих действий нелогичное, или в смысле аналогии, представленной Святым писанием, влечет за собой одобрение специфической неправды, сказанной царю Иерихона. Странная эта теология, которая будет настаивать, что одобрение ее веры и поступков, принимая соглядатаев и помогая им сбежать, должно охватывать одобрение *всех* поступков, связанных с ее похвальным поведением. И если отметить, что укрытие соглядатаев и результат их отправления вон другим путем, не могли бы быть достигнутыми без высказывания лжи, и что неправда есть неотделимая часть успешного результата ее действия, три вещи приходят на ум: (1) Мы слишком много злоупотребляем насчет провидения Бога, когда мы говорим, что неправда была неизбежной для успешного результата ее набожного действия. (2) Имея в виду, что действительно в провидении Бога неправда была одно из средств, через которые соглядатаи спаслись, из этого не следует, что Раав имела моральное оправдание использовать этот метод. Бог исполняет свою святую, законную волю через наши нечестивые поступки... (Пункт (3) сравнивает ложь Иакова к Исааку и последовавшее благословение: благословение оправдывалось, ложь была злом.) Мы видим, следовательно, что ни само Святое писание, ни теологические ссылки, извлеченные из Святого писания, не дают нам никакой гарантии об оправдании неправды Раав, и этот пример поэтому не поддерживает позицию, что при некоторых обстоятельствах мы можем оправдать высказывание неправды.^[64]

То что мы видим, наоборот, это трудность наложить на рассказ о Раав легалистские ограничения извращенного толкования. Великая вера и дела Раав рвут такие ограничения так всецело, как Самсон разорвал своих веревок. Это хиперосторожное толкование просто отказывает прийти к пониманию ясного учения Святого писания: Раав оправдывается в глазах Бога, и ни одно слово во всем Святом писании, касающее ее, не намекает на никакого злодеяния с ее стороны. Но давайте рассмотрим высказывание автора, что “Никакой вопрос не может ставиться о правильности этих действий, или об укрытии соглядатаев от эмиссаров Иерихонского царя.” Вкратце, при данных обстоятельствах государственная измена была совершенно нормальной, крайне разумной. Но грех говорить ложь — какой ужас! Легализм затрудняется этическим комаром, а поглощает этический верблюд. Чтобы вернуть автору его собственный укол, это действительно “странная теология.” Автор как будто не понимает до какой степени он приближается к самому легализму, которого его собственная теология милости отрицает.

“Если бы только она не солгала!,” как будто говорят наши комментаторы. Тогда она была бы по настоящему святой! Действительно святой; она была бы более святой, чем сам Бог взysкивал от нее, что является крайней целью каждого последовательно применяемого легализма. Ее ложь, согласно всем стандартам древнего мира, вовлекла ее в измену против богов ее города. Договариваться с Богом Израиля неизбежно означало богохульство и измена против богов установленной культуры, факт предельно ясный христианам в пределах

Римской империи. Даже самый совершенный легалист не может избежать этого факта, поэтому легалисты не критикуют Раав за измену (потому что это было необходимо по дефиницию), а только за ее ложь (которая “каким-то образом” не была необходимой). Смертельное преступление измены иногда законное, допускают легалисты; но грех высказывания лжи *всегда* несправедливый. Мир легализма есть вселенная вверх ногами. Мы должны ожидать это, потому что все формы гуманизма превращают порядок сотворения.

Можно возразить, что такое толкование о Раав, как цитированные примеры, не легалистское, имея ввиду дефиницию, предложенную в начале этого эссе. Нет ясное высказывание, что Бог обязан некоторыми законами и что человек может манипулировать Богом каким-нибудь образом. Совсем верно; нет *ясное* высказывание такого вида. Но ясно высказывается, что “Мы слишком много злоупотребляем насчет провидения Бога, когда мы говорим, что неправда была неизбежной для успешного результата ее набожного действия.” Критики лжи Раав очевидно думают, что ее случай аналогичный прелюбодеяния Давида с Вирсавией, союз, который в конечном счете породил Соломона. Конечно, мы не обязаны восхвалять действия Давида просто потому что управление Соломона имело много прекрасных результатов (такие как построение Божьего храма). Нам *специально говорят*, что прелюбодеяние Давида было отвратительным в глазах Бога; нас *не информируют* так точно о действиях Раав. Толковательски опасно читать в истории о Раав о грехе, о котором не показывается ясно, что он существует, особенно перед лицом такого подавляющего библейского восхваления ее действий. Например, мы находим критиков Раав, доказывающих что некоторым неуставленным образом она могла бы сказать правду или остаться молчаливой, одновременно с этим сохраняя жизни согладатаев. Сам Бог *должен был* иметь некоторый альтернативный план, который привести в действие! Если она не солгала царским людям, она все-таки уцелела бы каким-либо образом, и согладатаи сбежали бы, и Иерихон пал бы. Другими словами, *потому что люди делают добро, Бог должен посмотреть на это, что его план порождает добро.* Следовательно Бог обязан уважать хорошую реакцию человека, независимо от того какими могут быть очевидные последствия от этого доброго действия (например экзекуция всех тех, замешанных с царем). Это подразумевает некий вид манипуляции Бога и его плана человеком. Никогда не говорится, что она должна была сделать, но измена с ложью, в отличии от измены без лжи, есть зло. Легалисты не будут рассматривать это ни в каком другом свете.

Если наложенное толкование легализма было действительным, тогда мы должны ожидать найти самые большие библейские похвалы высыпаемые на молчаливых предателей в Святом писании: на предателя из Суд. 1:24-26, или на царевийцу из Суд. 3:12 и т.д. Кто может спорить, с точки зрения легалистов, с фактом, что в последнем примере “сыны Израилевы послали дары Еггону, царю Моавитскому” (3:15)? Дар мог бы быть меч в живот, но никто не жалуется, что Аод добился доступа до горницы царя, обещая доставить этот дар. “Все это точное название вещей. Раав сказала ложь, которое было плохим; Аод доставил острый подарок, который был совершенно честным.” Но библия не резервировала самые большие похвалы для этих мужчин; Раав есть многократный пример о набожном повиновении. Этот факт должен предостеречь нас против последствием толковательского подкупа с ясной истиной из Святого писания. То, что была Раав, по стандартам Иерихона, она была предательницей и блудницей. Библия рассматривает ее как повиновавшуюся святою. Легалисты видят ее как непослушную девушку: она сказала белую ложь. Легализм упускает основную проблему, независимо с точки зрения Иерихонских властей, или с точки зрения заветной истории Божьего народа. Легализм колеблется по периферии жизни, пока люди живут и умирают в условия кризиса. Когда легализм процветает, христианство становится этически сверхосторожным и культурно бессильным.

С этим как основу, мы приходим к сердцевину этого эссе. Взятничество есть грех, *если* оно грех, с далеко меньшим значением, чем измена, хотя как принято, оно кажется далеко более опасным, чем сказать “белую ложь.” Проповедовал ли когда-нибудь некоторый пастор с американской кафедры о законности предложения подкупа со стороны христиан государственному служащему при определенных обстоятельствах? Советовал ли он такие вещи частным порядком? Вероятно никакой пастор никогда и подумал предлагать такой совет, по крайней мере не и пока не наступит какой-нибудь кризис – и тогда без сомнения он будет чувствоваться виновным. Следовательно, принципы толковательского легализма должны фокусироваться на огромную задачу объяснить следующие стихи: “Подарок – драгоценный камень в глазах владеющего им; куда не обратится он, успеет” (Прит. 17:8), и “Подарок тайный потушает гнев, и дар в пазуху – сильную ярость” (Прит. 21:14). Автор этих притч предлагает нам свой совет, однако не много пасторов будут склонными последовать его примеру. Вот как глубоко вкоренился легализм в современное христианство. Лучше очевидно не преуспеть, чем платить подкуп; лучше не потушить гнев некоторому коррумпированному чиновнику, чем платить ему; это неизбежный комплект заключений к которым должно привести последовательное легалистское толкование. Оно заставляет человека удивляться почему Соломон дал себе труд вставить такие строки; как будто он сделал это, чтобы создавать кошмары легалистским комментаторам. Собрание, которое слушает проповедь легализма, может когда-нибудь оказаться под угрозой вероотступнического государства, изгибается под преследованием христиан, и собрание будет беспомощным. Оно погибнет так верно, как погибли бы и два согладата, если, имея ввиду обстоятельства, в которые Бог поставил их, Раав не была так “непослушной.” Соскоблите легализм, и внизу вы найдете ханжеский страус. Легализм затвердевает сердца и размягчает разум. Он ведет к культурному бессилию.

То, что библия осуждает, есть *брать* взятки, поскольку принимается, что набожные люди будут применять Божьи законы без подкупов. Нельзя принимать взятку ни для собственной личной выгоды, ни чтобы перевернуть правосудие, или чтобы управлять справедливо. Но библия нигде не осуждает *давать* подкуп с целью помешать прогрессу вероотступнического управления. “Взятничество” как таковое не осуждается больше, чем “измена” как таковая; все это зависит от тех законов, которые нарушаются, или от тех народов, чьи законы нарушаются. Не

может быть никакого нейтрального, универсального применения слова, подобного “взятничеству,” потому что чтобы создать такую универсальную дефиницию мы были бы должны принять существование некоторого универсального, нейтрального и полностью приемлемого правового кодекса. Это основная предпосылка гуманизма, но христианство отрицает такую нейтральность. Нейтральность не существует. Все должно интерпретироваться в смысле Божьего откровения. Гуманистская цель о нейтральном языке (и отсюда о нейтральном законе) была низвергнута при Вавилонской башне. Наши *дефиниции* должны быть в смысле *библейского откровения*. Сопrotивление против несправедливых законов не анархия; сопротивление против справедливых законов есть анархия. Раав была правой, хотя ее вероотступническое государство считало ее предательницей; Иуда Искаротский был неправ, хотя вероотступническое государство рассматривало его поступок как достойный подражания, и вознаградило его щедро. Нет универсальной дефиниции о такой концепции, как измена. Божий закон, и его специфичные указания, определяют что предательское и анархистское, и что нет. Раав была святой, а Иуда был предателем. Толкование легализма всегда принуждает его последователей заключать, что официальное неповиновение подпольной церкви во время Гитлера или в Красном Китае сегодня есть действительно в том же положении, как официальное поведение Партии Черных пантер или современный сатанинский культ; нет сомнения что Рим. 13 цитировалось бы, а Деян. 5:29 крайне пренебрегалось. “Что соус для гусыни, то соус и для гусака,” утверждают легализм и другие формы гуманизма. Христианство отрицает это, потому что христианство отрицает его предпосылку: не может существовать никакой универсальный, нейтральный принцип закона, языка или культуры.

Божье требование к людям есть, чтобы они покорили землю по условиям Его откровенной правовой структуры, и чтобы они сделали это на Его славу. Это означает, что когда христианские люди находятся в положении у власти в каком-либо управлении – семейном, гражданском, образовательном, финансовом, церковном – они должны судить по условиям Божьих стандартов. (Это вероятно поможет объяснить почему ранние христианские церкви часто запрещали своим членам служить в положении с большой ответственностью в гражданском управлении; только после восшествия Константина на императорский престол стало почетным служить как высокий гражданский чиновник.) Следовательно Бог объяснил еврейским правителям, что всякое принятие взятки было незаконным по условиям Его закона. В Божьем гражданском царстве люди должны были управлять праведной манерой и во Его славу. Личная выгода через взятки была незаконной. В святой общности принималось, что все случаи принятия взяток мотивировались желанием обратить Божье суждение ради личной пользы. Когда мы исследуем различные пассажи, занимающиеся взятничеством, которые мы встречаем в законе, мы открываем, что взятки связанные с неправедным суждением. Основная формула, касающаяся принятия взятки находится в Исх. 23:8: “Даров не принимай; ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых.” Параллельный и даже более ясный пассаж есть Втор. 16:18,19. Правители должны были избираться среди “людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть...” (Исх. 18:21). Превращать Божье суждение из-за личной выгоды осуждалось, и не удивительно, что только несколько стихов после Соломоновскую защиту подарков в виде подкупа (Прит. 17:8), мы находим предупреждение: “Нечестивый берет подарок из пазухи, чтобы извратить путь правосудия (Прит. 17:23). Это самое извращение правосудия было грех сынов Самуила (I Цар. 8:3). Оно было грех, описанный в Ис. 1:23, Ам. 5:12; Пс. 26:10 и I Цар. 12:3).

Божья критика прямая: люди грешные, когда они берут взятки, чтобы извратить путь правосудия. Наш единственный стандарт – Божьи законы; мы должны следовать Его примеру подходящим путем, путем, который Его творения должны следовать аналогично: “Итак, да будет страх Господень на вас: действуйте осмотрительно; ибо нет у Господа, Бога нашего неправды, ни лицепрятия, ни мздоимства” (II Пар. 19:7). Еще нам говорят, что Бог *действительно* принимает дары в той же самой книге, II Пар. 32:23. Поэтому, мы должны видеть зло в принятии даров как зло, связанное с неправедным суждением и с лицепрятием: принятие даров само собой не зло. В Святом писании принятие *взяток* есть синоним извращенному правосудию; оно запрещается в делах *гражданского* правосудия. Пример с отцом, который принимает дар от своего сына, аналогичный с Божьим принятием даров в II Пар. 32:23: он не должен благоприятствовать сыну суждением против Божьего закона, ради подарка.

Обстановка, в которой Бог проводил Свой закон, была такой, в которой должно было установиться земное гражданское царство. В новозаветные времена гражданская власть попала в руки языческого правителя. Изменение обстановки требовало различное ударение на ответственностях правителей. Притча Иисуса о неправедном судье типичная. Судья, прежде всего “Богом не боялся и людей не стыдился” (Лук. 18:2). Приходила к нему вдова, чтобы он защитил ее от ее соперника, и она изводила судью постоянно. Наконец он не мог больше терпеть. Он сказал в отчаянии: “Хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне.” (ст. 4,5). Этически правильно для вдовы с правым делом изводить неправедного судью, если она верила, что поступая так она добьется правильного суждения. Это ни в коем случае не дает право коррумпированной женщине беспокоить мир праведного судьи, который действительно слишком занят, чтобы обратить немедленное внимание ее дело. В самом действительном смысле женщина из притчи предложила судье подкуп: если он решит дело, она оставит его в покоя.

Легалист обычно ошеломлен значениями некоторых частей Нагорной проповеди. Иисус предлагает некоторые замечательные внушения – замечательные с точки зрения легалиста – о поведении в ежедневной жизни. То, что Иисус дал своим ученикам, было серией рекомендаций об этическом поведении *порабощенного* народа. Например: “Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу” (Мат. 5:25). Это правило было мудрым в Иудейской

земле во время Римской империи. Оно не должно подводить нас верить, что христианское поведение к некоторому врагу Бога должно быть таким постоянного прощения и бесконечной терпимости, когда христиане имеют силу и власть законно преследовать и осудить его. Если христиане, как Божьи люди, должны воспользоваться силой меча, тогда враги Бога должны взять на seriously предупреждение Мат. 5:25: пусть *они* помирятся с христианина, иначе из-за их очевидного беззакония в несогласии, христианин должен видеть в этом, что в гражданском деле должно примениться праведное суждение, и соперники получают суровое наказание.

С другой стороны, если некоторое положение христианина в данный период времени походило на бедственное положение христиан под римском управлении, тогда он должен быть осторожным. Под управлением Гитлера или Сталина правильный ответ христианина был бы видимое раболепие. Он должен подкупать лейтенантов диктатора, лгать если необходимо, присоединиться к христианскому подполью и добиться свободы действия через ложь и подкупы, чтобы продолжить проповедовать и публиковать. И если, как в случае с Аодом, христиане встретятся со злой, триумфирующей, захватывающей армией (какую христиане Нидерландов и других стран встретили во время Второй мировой войны), успешная экзекуция тирана захватчика должна бы быть правильным курсом действия. Дать ему его "подарок"; он заслуживает его.

Христос предупреждает Своих людей ясно: "И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся" (Мат. 5:41,42). Христос следовательно информирует Своих последователей, что они должны давать тем, которые у власти над ними (т.е. если кто-нибудь *принудит* тебя) *сверх количество товаров и услуг* над и сверх потребованном в начале. Если такой дар был добровольным, мы назвали бы такое действие чаевыми или милостыней. Как тогда должны мы назвать такое действие при условиях внешнего принуждения? Есть слово об этом конечно, но легалисты могут отступить от него. Иисус защищает право христиан подкупать преступных чиновников. Подкуп или дар над и сверх того, что требуется законно – дар, который поощрит преступную сторону оставить христианина и церковь в покое. Он позволяет христианину избежать полной силы гнева, который в принципе последовательный язычник мог бы свалить на христиан, если он поймет в каком чрезвычайном состоянии войны находятся Христос и Его царство против сатаны и его царства. Другими словами, подкуп успокаивает получателя, точно как сказал Соломон. Этика Нагорной проповеди основывается на принципе, что набожный подкуп (в товарах и услугах) иногда есть лучший способ для христианина, чтобы купить временный мир и свободу для себя и для церкви, принимая что враги Бога имеют временно сокрушительную власть. Такой подкуп должен даваться с чистой совестью с целью постигнуть праведный результат. Этим христианским гражданам и служащим не дается позволение предлагать правителям подкупы с целью постигнуть несправедливые результаты. Тем не менее такой факт должен быть ясным: обратив другую щеку есть подкуп. Это действительная форма действия только когда христианин бессильный политически или по военному. Обращая другую щеку, христианин предоставляет злому насильнику больше мира и меньше временной опасности, чем он заслуживает. Согласно всякому экономическому определению, такое действие подразумевает подарок: оно сверх премии для насильствующего индивида, которая дается только из уважения к его власти. Отнимите эту власть, и он заслуживает наказание: глаз за глаз, и зуб за зуб. Отнимите эту власть и битый христианин должен или разорвать его в котлеты, или привлечь его к магистрату, а если возможно совершить обе действия.

Только в период гражданского бессилия христиане находятся под правилом "о несопротивлении злему" (Мат. 5:39). Когда христианам дается власть в гражданских делах, ситуация различная и налагается другое правило: "Итак покоритесь Богу; противостаньте дьяволу, и убежит от вас" (Иак. 4:7). То же самое относится и к последователям дьявола. Мартин Лютер однажды видел дьявола, или что-нибудь что он принял за дьявола, и он швырнул чернильницу в него. У него были другие внушения, даже более земные, как он должен был справиться с дьяволом. Такое должно быть поведение всех христиан, которые располагают властью. Мы платим подкуп до того дня, когда враги Бога потеряют власть, но ни на день больше.

5. Разруха и десятина

В 11-ом веке манихейские идеи быстро распространились в Северной Италии и Южной Франции, проникнув туда из Северной Африки, Византии и Болгарии. Ставка этих движений в Европе была в Босне, откуда лидер или "папа," как говорили, руководил своими последователями. Большинство из этих последователей были известные как катары. Катары атаковали христианскую церковь как церковь сатаны, насмехались над крещением младенцев, над причастием, и над ортодоксальной доктриной. Они твердили, что материальный мир был сотворен сатаной, отступническим сыном Бога, а тем временем человеческие души принадлежат истинному небесному царству.

В частности катары ударили основания христианства, говоря против десятины и побуждая людей не оплачивать ее. Сам этот факт "привлекал последователей во многих местах."^[65]

Этот факт, кроме того чтобы изменилось поведение церкви к этим группам, и началось подавление всех этих движений. Рунберг видит связь между катарским движением, которому было подпольным, и восходом колдовства.^[66] Катары очевидно связывали себя с древними религиозными практиками и суевериями сельских людей, и давали им манихейское развитие. Таким образом древнее и умирающее язычество обратилось в агрессивную ересь, которая поражала основания христианства, атакуя десятину.

Следовательно существовало двойственное направление движения: первое, атака против христианства через атаку на его материальную опору, десятину, и второе, попытка связать десятину слишком тесно с церковью,

что тоже ослабляло жизненность христианского обновления. Пока десятина свободно течет к преобразующим агентствам, обновление постоянное. Когда она связывается с церковью, увеличивается власть церкви, а не жизненность христианства.

В Англии однако монастырские фондации присвоили десятину от енорийского духовенства, которое долгое время внимательно заботилось о десятине бедных. В начале 12-ого века это создало проблемы. Поскольку монастырские фондации потеряли интерес к бедным, в парламент поступили жалобы против этих присвоений. Вопреки этому, приходские церкви все еще делали многое, чтобы помогать бедным.^[67] Безжалостные присвоения монастырской собственности со стороны Генри VIII стало возможным отчасти на этой основе. Денежная инфляция во времена династии Тюдоров потом помогла, чтобы уничтожить способность приходских церквей помогать бедным с их существующими средствами, и само духовенство стало нуждающимся.^[68]

Итак, десятину можно разрушить больше чем одним способом. Ее можно разрушить через атаку на закон о десятине. Ее можно урезать присваиванием десятины церкви (или государству), а не Божиим делам прямо от людей Бога. Ее можно аннулировать через денежную инфляцию, когда дарительские фонды снижаются к ничтожным подачкам, а долгосрочное запасаение сводит эффект к нулю.

Без десятины, нужды в социальном финансировании остаются, и поэтому государственный налог берет верх, как и государственная коррупция и незаконное присвоение. Ограниченное государство без десятины невозможное, а политические консерваторы, которые грезят такой порядок, глупые и мечтатели, как и анархисты, которые грезят существование без никакого государства вообще. Сильное семейное общество и общество с десятиной может создать широкое разнообразие из институции, школ и агентств, которые могут взять на себя основные функции церкви, школы, здравоохранения и социальную помощь, и этим вытолкнуть государство в его собственные рамки. Социальное финансирование необходимое: с ним будут заниматься или Божьи люди, или государство.

6. Примечания

1. Важный вопрос в связи с гомосексуализмом ставится в I Кор. 6:9-11. Рим. 1:24-32 цитирует гомосексуализм как кульминация вероотступничества и сгорание человека, пока I Кор. 6:9-11 кажется открывает дверь для спасения “обидчиков своего мужества.” В этом пассаже Павел перечисляет десять представительных форм нечестивости, которые отделяют людей от Божьего царства, кроме случаев когда вмешивается Божья милость. Один из них, “женоподобие,” связывается с похотливостью.^[69] Каталог грехов охватывает “ложную религию и нерелигиозность, ... сексуальные пороки, грехи против собственности, и словесные грехи.”^[70] Святой Павел говорил Коринфянам о тех видов преступлений, которые отделяют людей от Бога. Он не обвинял коринфян в совершении всех этих преступлений. Все были спасенные грешники, но “некоторые из вас,” напоминает им святой Павел, были виновными в больших грехах до своего обращения в веру. Согласно Ходжу, о ст. 11, “И такими были некоторые из вас.” “Естественное объяснение есть, что апостол нарочно избегает обвинять больших нарушителей морали именно в связи с всеми коринфянскими христианами в их прежнем состоянии.”^[71] Таким образом этот стих не говорит нам, что среди спасенных коринфянской церковью были и бывшие гомосексуалисты. Можно отметить, однако, что в греческом образовании молодежь обычно искушалась в гомосексуальных практиках их преподавателями и учителями, в чем раньше с правом обвиняли Сократа. Сгорание мужчин, описанное в Рим. 1, нельзя смешивать с грехами некоторых из этих коринфян как молодые юноши в руках вырожденных учителей. Вероятно I Кор. 6:9-11 охватывает людей, соблазненных в этом грешном виде практики и переживания, и таким образом их спасение остается открытым вопросом, пока Рим. 1:26-32 представляет гомосексуалиста как разгоревшийся и негодяйский разум в действии, и как кульминация вероотступничества и беспутства.

2. В июле 1562 года Совет в Тренте рассмотрел вопрос о детях и причастии, и выдал постановление из четырех пунктах о таинстве с четырьмя анафемами. Этот четвертый пункт и все четыре анафемы гласят как следует:

IV. Дети ниже разумного возраста не обязаны получать таинства причастия, потому что в этом возрасте они не могут потерять милость. Однако противоположный обычай, который древний и соблюдается в некоторых местах, не подлежит осуждению, потому что несомненно можно верить, что его совершали не как необходимость для спасения, а по другим причинам.

В соответствии с этой доктриной четыре анафемы гласили:

I. Против того, который говорит, что все верующие обязаны получать Причастие под двум видам: или под божественной заповедью, или как необходимость об их спасения.

II. Против того, который говорит, что у Католической церкви нет хорошее основание, или что она ошибается, давая причастие мирянам и тем, которые не празднуют Мессу, под формой только хлеба.

III. Против того, который отрицает, что Христос, источник и автор всей милости, получается в форме только хлеба.

IV. Против того, который говорит, что таинство Причастия необходимое для детей ниже возраста разума.^[72]

Многочисленно то, что Трент признает причастие детей как практику, которая “древняя и соблюдается в некоторых местах,” и “не подлежит осуждению.” Калвин, который по одному пункту противопоставлялся этой практики, оставил место для нее в своей последней службе причастия, однако огорождая стол увещанием “от тех, которые бунтовались против отца и матери.”^[73]

3. Предъявление гражданского требования о возмещении жертвам преступлений, получило юридическое внимание и минимальное внедрение. Номер от мая/июня 1972 года журнала *Trial* (том 8, номер 3), юридическое издание Американской ассоции судебных юристов, обширно посвящается компенсации. Основная идея, однако, есть компенсация жертве от государства, а не возмещение жертве от преступника.

4. Самуел Вилард, пуританский богослов из Новой Англии, есть пример о пуританском взгляде на закон. Он твердил, что норма о достижении святости есть закон Божий, и противопоставлялся антиномному взгляду на закон. См. Seymour Van Dyken, *Samuel Willard, 1640-1707: Preacher of Orthodoxy in an Era of Change* (Grand Rapids: Eerdmans, 1972), p. 131.